

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

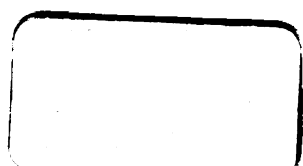
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 9-я.

СЕНТЯБРЬ, 1878.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 9-я. — СЕНТЯБРЬ, 1878.

	Стр.
I.—ЗАБЫТЫЕ ЭКОНОМИСТЫ. ТЮНЕНЪ И КУРНО.—Къ характеристикѣ по- вѣйшей политической экономіи.—I-IV.—Д. Слонимскаго	5
II.—ПОСЛѢДНІЯ ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ЖИЗНИ П.-Ж. ПРУДОНА.—XVIII.—Окон- чаніе.—Д-ева	28
III.—ДВА МѢСЯЦА ВЪ ГАБРОВѢ.—Изъ воспоминаній о войнѣ 1877—78 гг.—I.— П. Я. Писецкаго	83
IV.—ДЕРЕВЕНСКІЕ ДѢЛЬЦЫ.—Разсказъ—I-X.—А. П. Краснопольскаго	125
V.—ПОДОХОДНЫЙ НАЛОГЪ СЪ ФИНАНСОВОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.—IV-XII.— Л. В. Черняева	178
VI.—ИПОПОЛИТЬ ТѢНЬ КАКЪ ИСТОРИКЪ ФРАНЦІИ.—X-XII.—В. П. Герье . .	234
VII.—ДАВИДЪ-ФРИДРИХЪ ШТРАУСЪ.—Биографическій очеркъ.—I-III.— К. К. Арсеньева	278
VIII.—ПАНСЛАВИЗМЪ ВЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.—I-III.—А. П. Пыпина.	312
IX.—ХРОНИКА.—Литературный конгрессъ въ Парижѣ.—Письма въ редакцію.— VIII-XIV.—Л. А. Полонскаго	354
X.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Убійство ген. Мезенцова.—Отчетъ министер- ства народнаго просвѣщенія за 1876 годъ.—Отзывы попечителей.—Новый заемъ.—Кредитное обращеніе.—Разрядный налогъ и уравнительность.—Пре- образование податей.—Удержаніе золотой пошлины	392
XI.—ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—Положеніе дѣлъ въ Германіи	414
XII.—ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.—В. К.	423
XIII.—ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.—XL.—I-VII.—Эм. Зола	433
XIV.—ЗАМѢТКА.—Дѣтская больница св. Владиміра въ Москвѣ	461
XV.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Исслѣдованіе по римской исторіи, пре- имущественно въ области третьей декады Ливія. Владиміра Пирогова.—Би- блиографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова. Составилъ В. Кеневичъ.—Историческая хрестоматія по русской исторіи. Составлена Л. Г. Гуревичемъ и Б. А. Павловичемъ.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I—XII стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1878 г. см. ниже, на оберткѣ.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ГОДЪ XLII. — ТОМЪ CXXLVII. — 1/18 СЕНТЯБРЯ, 1878.

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

СЕМЬДЕСЯТЬ-ТРЕТІЙ ТОМЪ

Т Р И Н А Д Ц А Т Ы Й Г О Д Ъ

ТОМЪ V

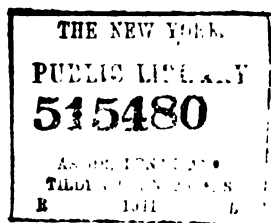
РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1878

ЗАБЫТЫЕ ЭКОНОМИСТЫ

ТЮНЕНЪ и КУРНО

БЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ НОВѢЙШЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

„Die Weisheit ist nur in der Wahrheit“.
Goethe.

I.

Распаденіе политической экономіи на нѣсколько различныхъ, отчасти противоположныхъ между собою, школъ и направленій составляетъ въ настоящее время неоспоримо-существующій фактъ, давно признанный экономистами и сдѣлавшійся даже какъ будто нормальнымъ.

Періодъ блестящаго процвѣтанія и господства экономической науки въ томъ видѣ, какой получила она въ трудахъ классической англійской школы, окончился еще въ сороковыхъ годахъ; съ того времени открывается продолжающійся понинѣ періодъ безысходнаго кризиса, въ которомъ главная роль принадлежитъ уже не абстрактно-научнымъ, а чисто-практическимъ интересамъ и вопросамъ.

Теоретическія построенія, на которыя потрачено было когда-то столько силъ и стараній, пошатнулись въ значительной мѣрѣ подъ напоромъ новыхъ ученій, болѣе отрицательныхъ, чѣмъ положительныхъ; основныя научныя начала, казавшіяся незыблемыми, подвергнуты сомнѣнію и отчасти совершенно утратили свой прежній кредитъ.

Старые авторитеты поколеблены, а новыхъ, равносильныхъ, еще пока не существуетъ. Появлялись, правда, смѣлые реформаторы, выступавшіе поочередно въ роли, такъ-сказать, «соціальныхъ Коперниковъ» (такъ называется нѣмецкій писатель Дюрингъ американскаго ученаго Кэри); но кто изъ нихъ настоящій «Коперникъ», а кто поддѣльный—рѣшить этотъ вопросъ тѣмъ труднѣе для непосвященнаго въ науку читателя, что претензіи ихъ оставляются обыкновенно безъ вниманія значительною массою серьезныхъ экономистовъ.

Видимое внутреннее разложенье политической экономіи не могло, конечно, не породить основательныхъ сомнѣній на счетъ научной состоятельности ея,—сомнѣній, высказываемыхъ весьма нерѣдко не только въ общей, но и въ специально-экономической литературѣ. Извѣстно рѣзкое сужденіе Огюста Конта о «мнимой экономической наукѣ», признаваемой имъ просто схоластикою. Специальные писатели, какъ Маклеодъ, Кэри, проф. Кэрсъ и другіе, признаются, съ своей стороны, что «экономисты занимаются только безплоднымъ опроверженіемъ другъ друга» и что «едва ли найдется въ политической экономіи хотя бы одно только научное начало, которое было бы единогласно признано всѣми ея представителями»¹⁾. Предметомъ спора служатъ въ политической экономіи не только извѣстныя теоріи, но и факты, лежащіе въ ихъ основаніи,—не только научные выводы, но и данныя, служащіе имъ посылаками, и приемы, которыми они добыты.

Въ политической экономіи находимъ столько же различныхъ «методовъ изслѣдованія», сколько существуетъ въ ней различныхъ школъ и ученій. Общія формы индукціи и дедукціи, простое наблюденіе и отвлеченная діалектика,—все это одинаково идетъ въ дѣло, смотря по личнымъ вкусамъ и понятіямъ писателей. Одни настаиваютъ главнымъ образомъ на «фактахъ», противопоставляя ихъ абстракціямъ умозрительныхъ теоретиковъ, которые, въ свою очередь, не придаютъ никакой цѣны внѣшнему наблюденію, невспомоществуемому теоріею. Другіе отводятъ мѣсто и фактамъ, и отвлеченнымъ умозрѣніямъ, и личнымъ своимъ чувствамъ, и философскимъ размышленіямъ, превращая такимъ образомъ науку въ какую-то хаотическую смѣсь всевозможныхъ точекъ зрѣнія. Третьи углубляются въ исторію, чтобы въ туманной дали вѣковъ отыскать какія-либо данныя для разрѣшенія

¹⁾ См. *H. D. Macleod*, Dictionary of Political Economy, I, 228; *H. Carey*, Principes de la Science Sociale, I, 81; *J. B. Cairnes*, The character and logical method of Political Economy, стр. 2—5. и мн. др.

экономическихъ проблемъ. Есть, наконецъ, и такіе, которые съ замѣчательною наивностью заявляютъ, что экономисты должны только высказывать, въ болѣе или менѣе глубокомысленной формѣ, различныя мнѣнія и идеи, избѣгая по возможности сухихъ разсужденій, могущихъ утомить читателя.

Литература разошлась такимъ образомъ съ абстрактною наукою, которая тѣмъ не менѣе сохраняетъ за собою свое особое значеніе. Классическая англійская школа, лучшимъ представителемъ которой считается знаменитый Давидъ Рикардо, достигла важныхъ научныхъ результатовъ, благодаря своимъ строгимъ аналитическимъ приемамъ. Ученія этой школы, впервые сообщившей наукѣ безукоризненную логическую стройность и гармоническое единство, не могли быть доселѣ ни опровергнуты, ни ослаблены всѣми усиліями ея многочисленныхъ критиковъ.

Система Рикардо отличается, какъ извѣстно, своимъ абстрактнымъ догматизмомъ; методъ ея—отвлеченный анализъ, а цѣль—установленіе общихъ началъ, управляющихъ промышленною жизнью народовъ, независимо отъ мѣстныхъ или историческихъ условій. Въ трактатѣ Рикардо, народное хозяйство представляется какъ-бы въ видѣ скелета, въ которомъ существенныя части организма движутся автоматически и всѣ основныя функціи сведены къ самымъ простѣйшимъ формамъ, съ устраненіемъ условій побочныхъ, временныхъ и случайныхъ. Суровый, отчасти математическій способъ изложенія Рикардо возбудилъ массу недоразумѣній въ средѣ экономистовъ, которые, по непониманію свойствъ научнаго метода, принимали форму за сущность, способъ доказательства—за самую теорію, а вспомогательныя гипотезы—за дѣйствительныя научныя положенія, нуждающіяся въ доказательствѣ. Система Рикардо основана на цѣломъ рядѣ абстракцій, столь же далекихъ, по видимому, отъ дѣйствительности, какъ фигуры и гипотезы геометра далеки отъ формъ, встрѣчающихся въ природѣ; но эта система имѣетъ, безъ сомнѣнія, не только внѣшній видъ, но и внутреннее достоинство истинной науки, если только разъ признать въ принципѣ правильность и законность ея метода относительно экономическихъ явленій.

Наиболѣе плодотворное примѣненіе и оправданіе получилъ этотъ аналитическій методъ въ трудахъ вѣрнаго ученика Рикардо, фонъ-Тюнена, одного изъ замѣчательнѣйшихъ вообще изслѣдователей народнаго хозяйства и вмѣстѣ съ тѣмъ одного изъ благороднѣйшихъ теоретиковъ рабочаго вопроса,—автора столь же выдающагося и симпатичнаго, какъ и мало извѣстнаго. Математическіе выводы и общія экономическія теоріи, заключающіяся

въ его обширномъ трактатѣ объ «Уединенномъ государствѣ», совершенно затерялись среди обычной экономической литературы и остались неизвѣстными даже ученымъ специалистамъ, какъ увидимъ ниже. Выводы и взгляды фонъ-Тюнена, чрезвычайно интересные сами по себѣ, не вошли въ общій научный оборотъ и остались въ сторонѣ отъ обычнаго литературно-теоретическаго движенія политической экономіи. Причины этого игнорированія теорій фонъ-Тюнена выяснятся для читателя въ дальнѣйшемъ изложеніи, посвященномъ характеристикѣ научныхъ приемовъ и работъ этого ученаго.

Въ концѣ мы упомянемъ также о математической попыткѣ другого, еще менѣе извѣстнаго теоретика, Курно, имя котораго мы поставили рядомъ съ именемъ фонъ-Тюнена только въ виду однородной судьбы научныхъ попытокъ обоихъ этихъ забытыхъ экономистовъ.

II.

Если труды Рикардо впервые внесли точный логическій анализъ во всю обширную область политической экономіи, то изслѣдованія фонъ-Тюнена возвели этотъ анализъ на степень истинно-научнаго и тщательно разработаннаго метода, вооруженнаго всѣми средствами положительнаго наблюденія и всею силою и глубиною отвлеченной мысли.

Генрихъ фонъ-Тюненъ не только примѣняетъ абстрактные приемы, но и объясняетъ ихъ. Главная ошибка Рикардо состояла именно въ томъ, что онъ довольствовался примѣненіемъ извѣстнаго рода приемовъ, не заботясь о теоретическомъ ихъ разъясненіи и оправданіи. Эту ошибку, поведшую къ самымъ страннымъ недоразумѣніямъ, старался поправить фонъ-Тюненъ.

Тюненъ прибѣгаетъ къ гипотезамъ, несравненно болѣе смѣлымъ и оригинальнымъ, чѣмъ Рикардо; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ извлекаетъ изъ своихъ гипотезъ гораздо больше научнаго матеріала, пользуясь въ обширной мѣрѣ содѣйствіемъ математики и статистики. То, что у Рикардо является еще какъ-бы въ сыромъ и неопредѣленномъ видѣ, получаетъ у Тюнена прочно установленную форму, безукоризненную не только съ внутренней, но и съ внѣшней своей стороны. Тюненъ идетъ гораздо дальше и глубже Рикардо, направляя свои утонченныя математическія орудія въ самыя темныя области экономическихъ отношеній; но онъ идетъ осторожно, систематично, озираясь по сторонамъ и

освѣщая каждый свой шагъ обстоятельнымъ логическимъ объясненіемъ. Онъ вноситъ порядокъ и научный свѣтъ въ тотъ методъ, которому какъ-бы безсознательно слѣдовалъ Рикардо.

Въ противоположность Рикардо, фонъ-Тюнень подробно разъясняетъ смыслъ и цѣль всѣхъ своихъ предположеній и старается доказать необходимость и законность каждаго изъ употребляемыхъ имъ научныхъ приѣмовъ, такъ что невозможно уже придавать его словамъ не то значеніе, какое они имѣютъ въ дѣйствительности. Поэтому, несмотря на смѣлость своего отвлеченнаго анализа, онъ не вызвалъ и сотой доли тѣхъ нареканій и возраженій, какимъ подверглось ученіе Рикардо. Литературная критика отступала предъ вооруженною съ головы до ногъ логикою фонъ-Тюнень и въ то же время рѣзко бросалась въ густыя дебри незащищенной ничѣмъ діалектики Рикардо, — не замѣчая, повидимому, что путь обоихъ этихъ ученыхъ въ сущности одинъ и тотъ же.

Поставивъ себѣ задачею изслѣдовать условія сельско-хозяйственнаго производства въ связи съ общими экономическими отношеніями, Тюнень останавливается на самой простѣйшей формѣ развитаго обществѣ: онъ ставитъ гипотезу «уединеннаго государства», имѣющаго одно средоточіе въ видѣ города, кругомъ котораго располагаются различные хозяйственные ступени, опредѣляемые разстояніемъ отъ центрального рынка. Почва предполагается вездѣ совершенно одинаковою и безразличною по плодородію, и единственною основою для выводовъ остается разстояніе, обуславливающее болѣе или менѣе значительныя издержки по доставкѣ продуктовъ въ городъ для сбыта. На этой чрезвычайно-простой и чисто-абстрактной гипотезѣ фонъ-Тюнень строитъ цѣлое научное зданіе, настолько же прочное въ теоріи, насколько кажется шаткимъ его фундаментъ въ смыслѣ практики.

Выдѣляя изслѣдуемые факторы изъ всей массы окружающихъ ихъ разнообразныхъ условій, фонъ-Тюнень достигаетъ замѣчательной точности и полноты въ своихъ изысканіяхъ; онъ беретъ основные элементы явленій въ ихъ простѣйшемъ, чистомъ видѣ, анализируетъ ихъ старательно со всѣхъ сторонъ, вычисляетъ ихъ силу и дѣйствіе, и приходитъ къ общимъ положеніямъ, не допускающимъ возраженій. Образцомъ въ этомъ отношеніи можетъ служить изслѣдованіе его объ естественной заработной платѣ, основанное на предположеніи матеріальной равноправности и обоюдной независимости ховина и рабочаго.

«Подобно тому, — говоритъ Тюнень, — какъ геометръ имѣетъ дѣло съ точками безъ протяженія, съ линіями безъ ширины, ко-

торыхъ въ дѣйствительности не существуетъ, такъ же точно и мы въ правѣ устранять отъ данной дѣйствующей силы всѣ постороннія и случайныя условія, и только такимъ способомъ можемъ мы узнать, какое участіе имѣетъ эта сила въ разсматриваемыхъ нами явленіяхъ... Гипотезы необходимы для того, чтобы имѣть возможность опредѣлить и выяснить въ отдѣльности вліянія одного даннаго элемента, о которомъ мы получаемъ только неясное представленіе, пока онъ остается соединеннымъ съ другими одновременно дѣйствующими элементами... Этотъ умственный процессъ вполнѣ равносильнъ тому способу, который примѣняется нами при всѣхъ физическихъ опытахъ, когда мы уединяемъ и усиливаемъ въ количественномъ отношеніи одинъ изслѣдуемый элементъ, оставляя всѣ другія условія безъ измѣненія. Этотъ методъ, если наблюденія формулированы правильно и точно и если построенныя на нихъ умозаключенія вполнѣ послѣдовательны, можетъ перенести математическую достовѣрность въ такую область, гдѣ при простомъ разсужденіи находятъ мѣсто самыя противорѣчивыя взгляды... «Неужели-же,—спрашиваетъ далѣе фонъ-Тюненъ,—способъ, признаваемый совершенно основательнымъ въ примѣненіи къ физическому міру, долженъ считаться непозволительнымъ въ мірѣ умственномъ; не можемъ-ли мы и здѣсь изъ двухъ совместно дѣйствующихъ силъ принять сначала одну за исключительно дѣйствующую, а потомъ подвергнуть такому же наблюденію и другую, предположивъ ея отдѣльное изолированное дѣйствіе?» Безусловная правильность такого способа изслѣдованія подтверждается, по мнѣнію Тюнена, примѣромъ «науки никогда не обманывающей» — именно математики: авторъ указываетъ на способъ, практикуемый въ дифференціальномъ исчисленіи для опредѣленія максимума функціи, заключающей въ себѣ нѣсколько переменныхъ величинъ. Фонъ-Тюненъ также ищетъ, напримѣръ, максимума чистаго дохода или издержекъ и затратъ, допускаемыхъ обстоятельствами; поэтому онъ долженъ былъ пользоваться тѣми же приемами, какіе примѣняются въ подобныхъ случаяхъ въ математикѣ.

«Мы не безызвѣстно,—замѣчаетъ Тюненъ,—какъ неудобны и непріятны алгебраическія формулы даже для многихъ ученыхъ. Но примѣненіе математики должно же имѣть мѣсто тамъ, гдѣ невозможно достигнуть истины безъ ея содѣйствія. Еслибъ въ другихъ отрасляхъ знаній существовало такое же отвращеніе къ математическимъ вычисленіямъ, какъ въ политической экономіи, то мы остались бы въ совершенномъ невѣдѣніи относительно важнѣйшихъ законовъ природы; мы ничего не знали бы о небес-

ныхъ пространствахъ, и мореплаваніе, соединяющее теперь всѣ части свѣта благодаря успѣхамъ астрономіи, находилось бы еще на степеняхъ прибрежнаго судоходства» ¹⁾).

Брать отдѣльные факторы народнаго хозяйства, изучать ихъ спеціальныя тенденціи и давать этимъ послѣднимъ самое полное логическое развитіе, для опредѣленія условій ихъ взаимодѣйствія и для отысканія нормальныхъ равнодѣйствующихъ силъ — таковъ методъ, усвоенный и значительно усовершенствованный фонъ-Тюненомъ, на основаніи опыта Рикардо и его предшественниковъ.

Тюненъ только упрочилъ и усилилъ средства анализа, имѣвшіяся дотошъ въ распоряженіи классической англійской школы; и отвергать это усиленіе или оспаривать примѣнимость математики къ экономическимъ изслѣдованіямъ — значило-бы отрицать вообще отвлеченный анализъ, лежащій въ основѣ всѣхъ системъ и теорій той науки, которая создана трудами физиократовъ и Смита, Мальтуса и Рикардо. Кто принимаетъ абстрактный анализъ, тотъ долженъ принимать и всѣ естественныя его логическія орудія.

Если разсматривать одинъ элементъ, какъ дѣйствующій, и предполагать всѣ остальные въ состояніи покоя или неподвижности, то полученный такимъ образомъ результатъ будетъ, какъ говоритъ фонъ-Тюненъ, «не невѣренъ, а только *неполонъ*, оставаясь такимъ лишь до тѣхъ поръ, пока всѣ другія содѣйствующія силы не будутъ подвергнуты подобному же отдѣльному изслѣдованію».

Слѣдуя этому правилу, Тюненъ всесторонне анализируетъ различныя условія, вліяющія на цѣнность продуктовъ, на порядокъ и мѣсто обработки тѣхъ или другихъ категорій произведеній, на размѣръ ренты, прибыли и заработной платы, и, наконецъ, на общее хозяйственное положеніе данной страны.

Обстоятельное, проникнутое глубокимъ философскимъ духомъ и основанное на тонкомъ логическомъ анализѣ, изслѣдованіе фонъ-Тюнена о рабочей платѣ составляетъ одно изъ лучшихъ приобрѣтеній и украшеній классической школы политической экономіи. Во всей экономической литературѣ, столь богатой сочиненіями о рабочемъ вопросѣ, мы не знаемъ ни одного писателя,

¹⁾ Joh. Heinr. v. *Thünen*, Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirthschaft und Nationaloekonomie, Rostock, 1842, Bd. I, стр. VI, 275; II Theil, 7—11, 170 и др.

который, сдѣлалъ-бы что-либо равносильное этому труду фонъ-Тюнена.

Независимо отъ точныхъ математическихъ положеній, выведенныхъ авторомъ относительно «естественнаго» размѣра заработной платы, самая точка зрѣнія и самый характеръ аргументаціи рѣзко выдвигаютъ работу фонъ-Тюнена изъ массы литературно-экономическихъ опытовъ, посвященныхъ великому вопросу о судьбѣ рабочаго сословія. Разсужденія Тюнена проникаютъ до основныхъ морей предмета, углубляясь вдоль и поперекъ съ истинно-философскою смѣлостью. Сохраняя научную твердость и безпристрастіе въ самыхъ жгучихъ завоулахъ вопроса, фонъ-Тюненъ не обходитъ ни одного изъ тѣхъ пунктовъ, которые обыкновенно стираются или покрываются туманомъ въ разсужденіяхъ другихъ экономистовъ. Онъ разыскиваетъ и разоблачаетъ истину во всей ея наготѣ, не заботясь о томъ, гдѣ и въ какомъ видѣ она окажется. Онъ одинаково далекъ и отъ сухого доктринерства и отъ напускной горячности; каждое слово его дышетъ искреннею человѣчностью и душевною теплотою, совершенно чуждою какихъ бы то ни было заднихъ мыслей. Грустный тонъ его размышленій тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на читателя, чѣмъ опредѣленнѣе и яснѣе они изложены и чѣмъ скромнѣе мѣсто, отведенное имъ въ ряду специальныхъ отдѣловъ «Уединеннаго государства».

Фонъ-Тюненъ рѣшительно отвергаетъ притязанія тѣхъ авторовъ, которые въ рабочемъ вопросѣ, какъ и въ другихъ, принимаютъ существующій фактъ за законъ.

Угнетеніе работниковъ «третьимъ сословіемъ» или буржуазіей служить какъ-бы слѣдствіемъ или продолженіемъ предшествовавшего угнетенія самой буржуазіи феодальнымъ рыцарствомъ. Среднее сословіе передаетъ внизъ удары, полученные имъ нѣбогда сверху; право меча смѣнилось правомъ капитала, и политическая власть остается такимъ же одностороннимъ оружіемъ въ рукахъ буржуазіи, какимъ была прежде въ рукахъ феодализма. Фонъ-Тюненъ справедливо указываетъ на этотъ элементъ власти, какъ на главную форму господства капитала надъ трудомъ. Представители буржуазіи принимаютъ почти исключительное участіе въ обсужденіи законодательныхъ вопросовъ, въ установленіи налоговъ и въ общемъ направленіи администраціи; они поэтому весьма естественнымъ образомъ пользуются своимъ вліяніемъ для возможно-большаго упроченія своихъ матеріальныхъ интересовъ, которые мало-по-малу отождествляются у нихъ съ интересами всего государства.

Фонтъ-Тюненъ мрачно смотритъ на будущее: это будущее рисуется ему въ видѣ роковой борьбы, первые симптомы которой кроются, по его мнѣнію, въ современныхъ ему теоріяхъ нѣкоторыхъ французскихъ писателей. Ссылаясь на всемірно-историческій ходъ жизни народовъ, Фонтъ-Тюненъ замѣчаетъ, что развитіе всякой новой общественной идеи связано неизбежно съ борьбою: такъ, среди жестокихъ войнъ развивались и достигали господства религіозныя идеи; потомъ такія же кровавыя жертвы сопровождали идею конституціонной свободы со времени французской революціи; далѣе предвидятся новыя политическія бури, и изъ-за неопредѣленныхъ очертаній ихъ видны уже зародыши другой борьбы, еще страшнѣйшей.

«Печальный опытъ исторіи показываетъ, — продолжаетъ Тюненъ, — что съ заблужденіемъ борется обыкновенно не истина, и несправедливости противопоставляются не разумъ и право, а другая несправедливость и другое заблужденіе, и что только послѣ безчисленныхъ уклоненій въ ту и другую сторону осуществляются требованія истины и права. Адамъ Смитъ говоритъ: «кто хочетъ сдѣлать кривую трость прямою, сгибаетъ ее не до прямой линіи, а далѣе, въ противоположную сторону». Въ познаніи истины и права, въ укрощеніи эгоизма, побуждающемъ добровольно отдавать то, чѣмъ владѣютъ безъ основанія, заключается, по мнѣнію Тюнена, средство мирнаго развитія человѣчества на пути къ высшему его назначенію; «но гдѣ господство принадлежитъ заблужденію и эгоизму, тамъ, какъ свидѣлствуетъ исторія, выступаетъ страшная мстительница Немезида. Высшая и возвышенная задача науки состоитъ въ томъ, чтобы не опытомъ, не ходомъ исторіи, а силою разума опредѣлять и уяснять истинную цѣль, къ которой мы должны стремиться».

Слишкомъ большое разстояніе отдѣляетъ среднее сословіе отъ простыхъ работниковъ, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ: это разстояніе должно быть уменьшено распространеніемъ образованія въ народѣ, причемъ уничтожилось бы нынѣшнее рѣзкое различіе между рабочимъ классомъ и мелкобуржуазіею. Вознагражденіе простого труда увеличилось бы соотвѣтственно уменьшенію платы за трудъ высшаго разряда, и экономическія условія сдѣлались бы болѣе равномерными вмѣстѣ съ уравниемъ условій умственныхъ и нравственныхъ. Народная школа должна, по Тюнену, приблизить работниковъ къ среднему сословію, возвысить ихъ нравственный уровень, улучшить и укрѣпить народный характеръ и содѣйствовать такимъ образомъ желанному рѣшенію всего рабочаго вопроса.

«Современное положеніе рабочаго сословія въ Европѣ вызываетъ у Тюнена весьма горькія мысли.

«Какъ трудъ раба,—замѣчаетъ онъ,—ничего не стоить его господину, кромѣ средствъ пропитанія и процентовъ покупной цѣны его; какъ работа машины ничего не стоить промышленнику, кромѣ издержекъ содержанія и процентовъ стоимости машины,—такъ же точно капиталисту ничего не стоить трудъ свободного человѣка, кромѣ лишь содержанія его и процентовъ съ капитала, затраченнаго на воспитаніе и обученіе работника. Кажется совершенно непонятнымъ, чтобы человѣкъ могъ подпасть подъ господство своего собственнаго продукта, капитала, и сдѣлаться ему подчиненнымъ; а такъ какъ это несомнѣнно существуетъ въ дѣйствительности, то невольно приходится ставить себѣ вопросъ: какимъ образомъ работникъ могъ изъ творца капитала превратиться въ его раба?... *Въ отдѣленіи продукта отъ произведеннаго имъ работника лежитъ источникъ социальнаго зла.*»

Фонъ-Тюненъ старается опредѣлить «естественный» размѣръ заработной платы, т.-е. тотъ размѣръ, который долженъ былъ бы установиться при обоюдной матеріальной независимости рабочихъ и хозяевъ и который выражалъ бы, слѣдовательно, дѣйствительную относительную цѣнность участія труда и капитала въ производствѣ.

Послѣ подробныхъ вычисленій и пространныхъ математическихъ выкладокъ, фонъ-Тюненъ приходитъ къ тому положенію, что *естественная заработная плата есть средняя пропорціональная между вѣстмъ полученнымъ продуктомъ и необходимыми средствами существованія.* Другими словами: чтобы получить естественный размѣръ заработной платы, нужно помножить цѣнность общаго продукта труда на стоимость содержанія работника въ данную единицу времени и затѣмъ извлечь квадратный корень изъ получившейся такимъ образомъ суммы. Подъ «общимъ продуктомъ» разумѣется здѣсь весь результатъ производства, за вычетомъ издержекъ. Отношенія рабочихъ къ капиталистамъ предполагаются вполне свободными въ тѣхъ отдаленныхъ отъ центра мѣстностяхъ, гдѣ обиліе незанятыхъ еще земель даетъ работнику возможность выбора между самостоятельнымъ трудомъ обработки какого-либо новаго участка или работою по найму въ предѣлахъ уже существующихъ хозяйствъ.

Для приведеннаго выше математическаго вывода авторъ доходитъ разными путями: норма заработной платы оказывается равною \sqrt{ap} , причемъ a означаетъ необходимыя средства существованія въ теченіи какой-либо единицы времени, а p —общій

продуктъ труда и капитала. Если работникъ-производитель, при помощи необходимой доли капитала, вырабатываетъ въ продолженіи года извѣстное количество продукта, то, помноживъ это количество на величину годовыхъ средствъ содержанія работника и взявъ квадратный корень изъ произведенія, получимъ нормальный размѣръ заработной платы; остальная же часть продукта составитъ естественную долю капитала, въ видѣ процента и прибыли.

Отыскивая самую выгодную для производителя величину заработной платы, т.-е. ту величину, которая должна существовать при наибольшемъ размѣрѣ капитальнаго дохода, Тюненъ находитъ указанную выше норму; съ другой стороны, эта же норма оказывается наиболѣе выгодною для работниковъ наемныхъ. Ни капиталисты, ни рабочіе не могли требовать измѣненія нормальной рабочей платы, безъ ущерба для всего производства и, слѣдовательно, для самихъ себя. Ниже этой средней нормы оказывается вознагражденіе труда въ тѣхъ странахъ, гдѣ не имѣется уже свободныхъ земель, гдѣ работники лишены уже возможности выбора между самостоятельнымъ трудомъ и наемнымъ и гдѣ, поэтому, рабочее сословіе должно по необходимости соглашаться на всѣ условія капиталистовъ: тогда заработная плата опредѣляется уже не долею участія труда въ производствѣ, а насущными потребностями работниковъ, эксплуатируемыхъ обладателями капитала.

Фонъ-Тюненъ посвящаетъ также нѣсколько краснорѣчивыхъ страницъ вопросу объ экономической цѣнности человѣка, столь часто забываемой по отношенію къ простымъ рабочимъ. «Какое-то непріятное чувство, — говоритъ онъ, — удерживаетъ, повидимому, писателей и всѣхъ вообще отъ оцѣнки того, что стоятъ человѣкъ и каковъ капиталъ въ немъ заключается. Человѣкъ кажется намъ стоящимъ слишкомъ высоко, и мы боимся унизить его значеніе, прилагая къ нему подобную экономическую мѣрку. Это не мѣшаетъ, однако, капиталисту смотрѣть на рабочаго какъ на простую машину». Такое отвращеніе ко взгляду на человѣка, какъ на капиталъ, особенно пагубно человѣчеству, по мнѣнію Тюнена, во время войны; «ибо тогда берегутъ капиталъ, а не человѣка, и не задумываются жертвовать сотнею человѣкъ въ цвѣтъ лѣтъ, ради спасенія одной пушки. Въ сотнѣ человѣкъ погибаетъ капиталъ, по крайней мѣрѣ въ двадцать разъ болѣе значительный, чѣмъ въ одной той пушкѣ; но приобрѣтеніе пушки причиняетъ казнѣ прямой расходъ; тогда какъ люди могутъ быть вновь доставлены простымъ указомъ о наборѣ. Молодые работ-

ники отбираются отъ ихъ семействъ безъ всякаго вознагражденія, тогда какъ лошадей и воловъ, подлежащихъ реквизиціи, никогда не берутъ безъ соотвѣтственной платы. Если бы человѣкъ разсматривался какъ капиталъ, то государству приходилось бы за каждаго убитаго солдата уплачивать семьѣ стоимость его воспитанія или цѣнность его рабочей силы; раненымъ и изувѣченными нужно было бы давать полное содержаніе до конца ихъ жизни, а здоровые получали бы вознагражденіе по общей нормѣ. Войны обходились бы тогда дороже, но за то онѣ были бы рѣже и велись бы съ болѣею экономіею въ людяхъ. «Что ничего не стѣдить, то не цѣнится совсѣмъ,—и это имѣетъ силу, въ сожалѣнію, не только относительно вещей, но и относительно людей». При надлежащемъ пониманіи экономической цѣнности человѣка, полководцы ограничивались бы рѣшительными сраженіями и не тратили бы людей на кровопролитные штурмы, не наполняли бы ровы трупамъ безъ крайней нужды, какъ это дѣлалъ Наполеонъ I, который на замѣчаніе о бесполезной тратѣ людей отвѣчалъ: «это ничего не значить,—женщины дѣлаютъ ихъ больше, чѣмъ сколько мнѣ нужно». Защита отечества, прибавляетъ фонъ-Тюненъ, составляетъ, безъ сомнѣнія, одну изъ первыхъ обязанностей гражданина; но государство, ни въ какомъ случаѣ, не имѣетъ права отнимать, вмѣстѣ съ жизнью члена семьи, и имущественныя средства всего семейства, такъ какъ все достояніе семьи состоитъ часто въ рабочей силѣ его членовъ. При реквизиціи лошадей платится стоимость ихъ людямъ богатымъ, помѣщикамъ, капиталистамъ; а бѣднымъ семьямъ не дается ничего за все достояніе ихъ, заключающееся въ работникахъ ¹⁾).

Среди спеціальныхъ изысканій, о которыхъ мы упомянемъ ниже, фонъ-Тюненъ дѣлаетъ, какъ-бы мимоходомъ, много мѣткихъ замѣчаній; имѣющихъ общій теоретическій интересъ.

«Капиталъ, — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, — есть накопленный продуктъ труда или овеществленный трудъ; онъ происходитъ изъ того же самаго источника, что и текущій трудъ — изъ человѣческой дѣятельности: такъ что капиталъ и трудъ составляютъ одно въ существѣ своемъ, различаясь только по времени, какъ прошедшее и настоящее».

Останавливаясь на законѣ спроса и предложенія, выведенномъ у Смита, Тюненъ замѣчаетъ, что это объясненіе, конечно,

¹⁾ Der isolirte Staat, Bd. II, Th. II, Abth. 2, 145—149; о положеніи рабочаго сословія Theil II, Abth. I, 36—50, а объ естественной рабочей платѣ стр. 115—208, тамъ же. Надо имѣть въ виду, что эта часть работъ ф.-Тюнена была издана имъ въ 1842 году.

взято изъ жизни; но — спрашиваетъ онъ — что выиграла отъ этого наука? «Конкуренція, отношеніе между предложеніемъ и спросомъ, такъ же непостоянна и переменчива, какъ погода; можетъ-ли такой неопредѣленный переменчивый факторъ служить основаніемъ для научныхъ выводовъ?» Болѣе прочнымъ регуляторомъ являются, повидимому, «издержки производства», какъ фундаментъ «естественной цѣны»: фонъ-Тюненъ припоминаетъ свою радость при чтеніи этихъ положеній, разъяснившихъ ему столь темный предметъ, — но радость продолжалась не долго. «Естественная цѣна товара опредѣляется естественною заработной платою, естественною прибылью съ капитала и естественною поземельною рентою, которыя входятъ въ составъ элементовъ производства этого товара; а если спросить, чѣмъ же опредѣляется естественная рабочая плата, то получится въ отвѣтъ: — конкуренцію. Отчего зависить естественная прибыль капитала? — Опять-таки отъ конкуренціи. Устраненіе конкуренціи изъ основныхъ факторовъ естественной цѣны есть, слѣдовательно, только кажущееся, есть иллюзія». У Смита, при опредѣленіи естественной цѣны хлѣба, принимается за извѣстную величину поземельная рента, а при опредѣленіи поземельной ренты предполагается, наоборотъ, извѣстною — естественная цѣна хлѣба, вслѣдствіе чего выходитъ какой-то *circulus vitiosus*.

Можно находить нѣкоторую долю философской наивности въ чистосердечныхъ признаніяхъ и размышленіяхъ фонъ-Тюнена по поводу нѣкоторыхъ общихъ экономическихъ вопросовъ; но въ этихъ размышленіяхъ звучитъ такая благородная правдивость, такое возвышенное свѣтлое чувство, такой искренній научный духъ, что читатель невольно преклоняется передъ внутреннею силою авторскихъ воззрѣній, не рѣшаясь раскрывать ихъ слабыя стороны.

Разсуждая о значеніи капитала, какъ одного изъ факторовъ производства, фонъ-Тюненъ задается вопросомъ: откуда возникъ первоначальный капиталъ, который непременно долженъ былъ предшествовать человѣку, чтобы сдѣлать возможнымъ его появленіе и существованіе на землѣ? Надъ этою «неразрѣшимою загадкою» фонъ-Тюненъ тщетно размышлялъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ, пока, наконецъ, не пришелъ къ разгадкѣ, столь же простой, какъ и односторонней. «Только тамъ, — говоритъ онъ, — гдѣ природа добровольно, безъ содѣйствія человѣка, производитъ кокосовыя пальмы и пизанговыя деревья, гдѣ теплота благодатнаго климата не ставитъ ни одежды, ни жилища на степень безусловныхъ потребностей человѣческихъ, только тамъ могла находиться колыбель

человѣческаго рода, и только тамъ могъ произойти капиталъ самъ собою изъ нѣдръ первобытной природной работы». Экономическая точка зрѣнія совпадаетъ такимъ образомъ съ сущностью старинныхъ религіозныхъ преданій, связывавшихъ появленіе человечества съ мыслью о земномъ раѣ, съ мыслью о лучшемъ и благословеннѣйшемъ уголкѣ земного шара. Въ Европѣ и въ другихъ частяхъ свѣта люди явились уже въ качествѣ пришельцевъ, послѣ переселенія народовъ изъ мѣстъ ихъ первой счастливой родины, ставшей для нихъ слишкомъ тѣсною. «Чѣмъ дешевле становится капиталъ, т.-е. чѣмъ меньшій процентъ платится за его пріобрѣтеніе, тѣмъ болѣе расширяется сфера населенности земли. И Европа принадлежитъ къ тѣмъ странамъ, которыя могли быть населены только пришлыми людьми, снабженными уже первоначальнымъ капиталомъ. Кажущаяся неразрѣшимость приведенной выше задачи объясняется только тѣмъ, что первобытный капиталъ возникъ не въ Европѣ, а произошелъ изъ странъ, гдѣ господствуютъ другіе законы образованія капиталовъ, чѣмъ здѣсь». Не слѣдуетъ-ли предположить, — прибавляетъ авторъ, — что, подобно этому случаю, и въ другихъ еще болѣе важныхъ вопросахъ «иная задача кажется намъ неразрѣшимою только потому, что мы стараемся понять и объяснить какимъ-либо единымъ закономъ то, что имѣетъ совсѣмъ другой источникъ, что только отчасти подлежить нашему круговору и отчасти относится не только къ другой части свѣта, но даже къ совершенно другому міру?»

При нѣкоторой склонности къ мистицизму, проявляющейся въ этомъ и подобныхъ имъ замѣчаніяхъ, фонъ-Тюнень остается однако экономистомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова: это видно уже изъ того, что онъ повидимому считалъ болѣе серьезно загадкою происхожденіе капитала, сопутствовавшего человечеству, чѣмъ происхожденіе самого человечества.

Фонъ-Тюнень находитъ, что въ Европѣ *всякій продуктъ есть общее дѣло труда и капитала*, такъ какъ безъ послѣдняго немислимо не только какое-бы то ни было производство, но даже самое существованіе человѣка. Но теоретическій вопросъ о необходимости роли капитала не долженъ быть смѣшиваемъ съ практическимъ вопросомъ о роли и положеніи капиталистовъ: такого рода смѣшеніе именно и служить главнымъ источникомъ заблужденій новѣйшихъ теоретиковъ, особенно Маркса.

III.

Исслѣдованія о вопросахъ сельскаго хозяйства занимаютъ наиболѣе мѣста въ трактатѣ объ «Уединенномъ государствѣ». Эти исслѣдованія имѣютъ характеръ вполне положительный и специальный, какъ нельзя лучше приспособленный къ практической провѣркѣ приведенныхъ выше общихъ замѣчаній фонъ-Тюнена о научномъ методѣ. Опираясь на статистическія данныя, собранныя имъ въ продолженіи многолѣтней земледѣльческой практики, Тюненъ имѣлъ возможность придать своимъ доводамъ и заключеніямъ полноту и законченность, не оставляющія мѣста критикѣ. Чтобы опредѣлить дѣйствіе одного хозяйственнаго фактора—разстоянія отъ рынка—и очистить его отъ всѣхъ другихъ, одновременно дѣйствующихъ элементовъ, онъ предполагаетъ «большой городъ, безъ судоходной рѣки, въ равнинѣ, почва которой совершенно однообразна и одинакова по плодородію». Это предположеніе послужило Тюнену исходною точкою для цѣлаго ряда замѣчательныхъ выводовъ относительно различныхъ хозяйственныхъ формъ въ связи съ условіями сбыта. Чѣмъ больше объемъ продуктовъ сравнительно съ ихъ рыночною цѣною, тѣмъ большее значеніе имѣютъ для нихъ издержки провоза и тѣмъ ближе къ городу должны быть они воздѣлываемы. Смотря по разстоянію отъ рынка, необходимо измѣняюща не только категорія продуктовъ, предназначенныхъ для сбыта, но и самыя системы земледѣлія. Даже степень производительности почвы зависитъ отъ цѣнности продуктовъ и отъ близости къ рынку, ибо чѣмъ ближе земля къ городу, тѣмъ болѣе дѣлается затрата на удобреніе ея и тѣмъ старательнѣе поддерживается и обогащается ея естественная производительная сила, такъ-что гипотеза равномѣрнаго плодородія сама собою устраняется подъ вліяніемъ «переменной величины»—мѣстоположенія относительно центрального рынка. На основаніи подробныхъ вычисленій, фонъ-Тюненъ точно формулируетъ законъ ограниченности земледѣльческаго производства, которое, какъ извѣстно, не можетъ усиливаться въ одинаковой пропорціи съ увеличеніемъ затратъ труда и капитала: производительность почвы имѣетъ предѣлъ, за которымъ начинается неподвижный уровень, не поддающійся уже никакимъ дальнѣйшимъ прибавочнымъ усиліямъ удобрения и обработки.

Въ вопросѣ о поземельной рентѣ фонъ-Тюненъ сходится съ теоріею Рикардо, хотя развиваетъ ее вполне самостоятельно, путемъ болѣе положительнымъ и болѣе сложнымъ. Въ основаніе

своего знаменитаго ученія Рикардо принималъ фактъ неравномѣрной естественной производительности воздѣлываемыхъ участковъ, причемъ мѣстоположеніе, близость къ рынку и другія условія сбыта, вліяющія на величину ренты, оставлены имъ совершенно безъ вниманія. Тюненъ, съ своей стороны, поступилъ какъ-разъ наоборотъ, принявъ за исходную точку одно лишь положеніе относительно рынка и оставивъ въ сторонѣ естественныя различія въ плодородіи, — и этимъ путемъ онъ пришелъ къ тѣмъ же самымъ выводамъ, что и Рикардо; ибо для вѣрности научныхъ выводовъ нужны только два условія: во-первыхъ, исходная точка должна быть безспорно вѣрна, — и, во-вторыхъ, опирающаяся на нее цѣпь умозаключеній должна строго согласоваться съ законами логики. Неравномѣрная производительность почвы — фактъ несомнѣнный и точно констатированный; поэтому онъ съ полнымъ правомъ можетъ служить твердою логическою основою для научной дедукціи. Равнымъ образомъ, зависимость производительности и доходности даннаго участка отъ положенія относительно рынка — фактъ также общезвѣстный и не подлежащій сомнѣнію; поэтому и этотъ общій фактъ можетъ быть съ одинаковымъ основаніемъ принятъ за исходный пунктъ теоретической аргументаціи. Рикардо игнорируетъ всѣ другія условія, кромѣ плодородія; а фонъ-Тюненъ устраняетъ всѣ другіе элементы, кромѣ мѣстоположенія, и оба они приходятъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ, несмотря на видимое различіе основныхъ логическихъ посылокъ. Нужно ли болѣе вѣское подтвержденіе научной вѣрности тѣхъ приѣмовъ, которыхъ придерживались оба изслѣдователя?

Когда теоретическіе выводы, достигнутые однимъ путемъ, получаются и другими способами, то это говоритъ не только въ пользу точности самихъ выводовъ, но и въ пользу основательности того метода, которымъ они добыты. Сущность ученія Рикардо и Тюнена сводится къ тому, что рента есть необходимый результатъ неравномѣрности условій сельско-хозяйственнаго производства; что она не входитъ въ составъ рыночной цѣны продуктовъ, опредѣляемой земледѣльческими капиталами, находящимися въ наименѣе выгодныхъ условіяхъ и дающими только обычный процентъ и прибыль, — и, наконецъ, что рента не находится ни въ какой исключительной зависимости отъ института поземельной собственности, имѣя свое особое естественное и социальное основаніе.

Поземельная рента происходитъ вообще изъ преимущества даннаго участка сравнительно съ самою худшею по плодородію

или положенію землею, воздѣлываемою однако по необходимости для удовлетворенія спроса на продукты; а цѣнность этого преимущества, выраженная въ деньгахъ или въ хлѣбѣ, опредѣляетъ величину ренты. «Но, — замѣчаетъ Тюненъ, — это объясненіе само-по-себѣ недостаточно, такъ какъ и при полномъ равенствѣ земель по плодородію, по положенію относительно сбыта и по всѣмъ вообще условіямъ, вліяющимъ на цѣнность, — можетъ, тѣмъ не менѣе, получаться рента, если не имѣется уже свободныхъ, невоздѣланныхъ участковъ». Поэтому происхожденіе поземельной ренты должно имѣть иную, болѣе глубокую причину, чѣмъ преимущество однихъ участковъ предъ другими; но этимъ однако не отвергается и не устраняется указанная здѣсь причина, которая должна только заключаться именно въ другомъ, болѣе общемъ законѣ. Этотъ общій законъ коренится именно въ упомянутой выше естественной ограниченности сельско-хозяйственной производительности. Въ частности фонъ-Тюненъ находитъ, кромѣ различія въ плодородіи и положеніи земель, еще двѣ причины возникновенія ренты: во-первыхъ, возвышеніе интенсивности культуры, т.-е. приложеніе къ землѣ добавочныхъ усилій труда, причемъ прежде употребленный трудъ, по своимъ результатамъ, даетъ излишекъ или ренту, — и, во-вторыхъ, искусственныя улучшенія почвы, дающія сначала прибыль, а потомъ болѣе или менѣе постоянную ренту.

Примѣняя общія начала теоріи ренты къ условіямъ прибыли и заработной платы, фонъ-Тюненъ, при обычномъ содѣйствіи математики, приходитъ между прочимъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) каждый прибавочный капиталъ, употребляемый въ какомъ-либо предпріятіи или промыслѣ, приноситъ меньше дохода, чѣмъ прежде приложенный къ дѣлу; 2) доходъ, доставляемый всѣмъ капиталомъ, опредѣляется выгодностью послѣдней употребленной въ дѣло частицы капитала; 3) вознагражденіе рабочаго труда опредѣляется цѣнностью работы послѣдняго приставленнаго къ дѣлу работника, — и 4) уменьшеніе прибыли при возрастаніи капитала увеличиваетъ размѣръ заработной платы.

Мы изложили въ общихъ чертахъ содержаніе замѣчательныхъ трудовъ фонъ-Тюнена, оставивъ по необходимости въ сторонѣ, облекающіе ихъ, тяжелые достѣхи математики; мы привели его важнѣйшіе теоретическіе выводы, его общіе взгляды и любопытныя частныя замѣчанія. Мы могли только вкратцѣ указать на его спеціальныя сельско-хозяйственныя изслѣдованія; мы

совсѣмъ почти не коснулись его разсужденій о составныхъ элементахъ цѣны, объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и вліяніяхъ, о свойствахъ прибыли и процента — и о нѣкоторыхъ другихъ вопросахъ, затронутыхъ или изслѣдованныхъ фонъ-Тюенемъ. Но все то, что нужно было для нашей цѣли и что могло дать правильное понятіе о работахъ этого ученаго, извлечено нами съ возможною полнотою изъ различныхъ, отчасти разбросанныхъ между собою отдѣловъ трактата объ «уединенномъ государствѣ».

Не слѣдуетъ забывать, что общія разсужденія и замѣчанія, приведенныя въ нашемъ изложеніи, составляютъ лишь побочную часть трудовъ фонъ-Тюенена и служатъ только объяснительными переходными звеньями среди болѣе точныхъ и положительныхъ научныхъ изысканій. Авторъ вообще не останавливается на общихъ взглядахъ и даже не придаетъ имъ, повидимому, серьезнаго научнаго значенія, что видно уже и изъ той отрывочной формы, въ какой они изложены. Тюенень не занимается литературною критикою, не собираетъ чужихъ «мнѣній» и не заботится объ нихъ, — не выдаетъ своихъ мимоходныхъ философскихъ замѣчаній за настоящую окончательную науку, а всегда ищетъ дѣйствительнаго рѣшенія и истинно-научныхъ положительныхъ формулъ. Онъ не только не думаетъ о литературномъ эффектѣ, а даже какъ-бы избѣгаетъ его: самыя лучшія вещи, самыя тонкія указанія и идеи запертаны у него, какъ-бы умышленно, въ массы сухихъ математическихъ выкладокъ, неспособныхъ, конечно, привлечь къ себѣ заурядныхъ читателей-экономистовъ.

Въ рабочемъ вопросѣ, какъ и въ другихъ, фонъ-Тюенень не довольствуется отрицательною, критическою стороною задачи, подобно многимъ современнымъ писателямъ. Какъ истинный ученый, онъ прямо углубляется внутрь предмета и отыскиваетъ общее теоретическое рѣшеніе, которое доселѣ не только не было еще никѣмъ разобрано и оцѣнено по достоинству, но даже не было почти замѣчено литературою.

Принадлежа къ феодальному дворянству Мекленбурга, Тюенень занимался вопросомъ объ улучшеніи быта рабочаго сословія не только въ теоріи, но и на дѣлѣ: между прочимъ, онъ первый примѣнилъ на практикѣ принципъ участія работниковъ въ прибыляхъ земледѣльческаго производства.

Фонъ-Тюенень, нисколько не уступавшій Рикардо по глубинѣ своего анализа и по плодотворности своихъ теорій, не имѣлъ той литературной удачи, которая выпала на долю его англійскаго учителя. Нѣтъ такого писателя-экономиста, который не зналъ бы подробностей ученія Рикардо о рентѣ; но замѣчательная теорія

фонъ-Тюнена относительно заработной платы совсѣмъ не существуетъ для большинства «ученыхъ» экономистовъ.

Множество авторовъ обсуждаетъ рабочій вопросъ съ теоретической его стороны, совершенно не подозревая, повидимому, о существованіи строго-научнаго изслѣдованія фонъ-Тюнена. Въ Англіи ничего почти не знаютъ о трудахъ этого скромнаго нѣмецкаго представителя классической англійской школы. Во Франціи одинъ только русско-французскій экономистъ, г. Матвѣй Волковъ, пытался серьезно популяризировать ученія фонъ-Тюнена; но, будучи самъ писателемъ довольно посредственнымъ и мало-извѣстнымъ, онъ не могъ, конечно, достигнуть своей цѣли ¹⁾. Притомъ, усвоивъ себѣ содержаніе работъ фонъ-Тюнена, г. Волковъ недостаточно проникся ихъ духомъ: слѣдуя общей схоластической слабости экономистовъ-литераторовъ, онъ сочинилъ свою собственную теорію «помѣщенія» производства (*emplacement*) путемъ замѣны нѣсколькихъ понятій однимъ общимъ неопредѣленнымъ словомъ, долженствующимъ обозначать собою чуть ли не всѣ основныя естественныя и социальныя условія производства, въ томъ числѣ даже самую землю, какъ «виѣстилице» земледѣлія и иныхъ промысловъ. Понятно, что такая курьезная прибавка къ изслѣдованіямъ фонъ-Тюнена не могла содѣйствовать правильной оцѣнкѣ того метода, котораго придерживался Тюненъ.

Наконецъ, въ самой Германіи имя Тюнена пользуется извѣстностью въ специальной сферѣ вопросовъ сельскаго хозяйства; но экономическія теоріи и положенія этого ученаго или совершенно игнорируются, какъ неудобныя для авторовъ по своей суровой математической формѣ, или упоминаются только вскользь для литературной полноты, на ряду съ изреченіями какого-нибудь Монтекукули или фонъ-Шмальца. Нѣмецкіе критики нерѣдко причисляютъ, правда, труды фонъ-Тюнена къ «драгоценнѣйшимъ перламъ политической экономіи», но, отзываясь такимъ образомъ, повидимому, считаютъ себя уже свободными отъ необходимости знакомиться лично съ сущностью этихъ трудовъ ²⁾.

Извѣстный Карлъ Марксъ написалъ обширный трактатъ о капиталѣ, не коснувшись выводовъ Тюнена ни единымъ даже намекомъ, какъ-будто теоретическіе вопросы могутъ быть рѣ-

¹⁾ См. „Lectures d'économie politique rationnelle“, par *Mathieu Wolkeff*, Paris, 1861, chap. X и слѣд.

²⁾ Въ „Journal des Économistes“ за 1871 г., Т. XXVI, стр. 388—9, покойный Волковъ горько жалуется на неизвѣстность трудовъ фонъ-Тюнена въ Германіи, — неизвѣстность, бросающую особенно въ глаза въ многочисленныхъ сочиненіяхъ по рабочему вопросу.

шаемы каждымъ писателемъ по-своему, безъ вниманія къ тому, что уже сдѣлано и разъяснено предшественниками ¹⁾. Трудно, разумѣется, предположить, чтобы такой знатокъ и любитель литературы, какъ Марксъ, не имѣлъ дѣйствительно никакихъ свѣдѣній объ изслѣдованіяхъ Тюнена: онъ самъ, должно быть, сознавалъ всю неловкость такого пробѣла, чѣмъ и объясняется, вѣроятно, его неожиданно-рѣзкая дополнительная выходка въ позднѣйшемъ изданіи «Капитала». Марксу было, конечно, не совсѣмъ удобно упоминать объ авторѣ, у котораго онъ, быть можетъ, кое-что позаимствовалъ, и котораго, съ другой стороны, пришлось бы серьезно разобрать и опровергнуть для надлежащаго подтвержденія нѣкоторыхъ существенныхъ положеній, развиваемыхъ въ «Капиталѣ». Труды фонъ-Тюнена принадлежать къ числу тѣхъ, которые не поддаются обыкновенной литературной полемикѣ, столь удачно примѣняемой Марксомъ къ другимъ сочиненіямъ и авторамъ. Марксъ, какъ извѣстно, горячій поборникъ литературнаго «капитализма»: онъ не только усердно ограждаетъ свое мнимое право собственности даже противъ покойнаго Лассалля, превосходившаго его по таланту и по искренности, но разыскиваетъ литературныя кражи и между посторонними писателями, въ томъ числѣ и такими, какъ Мальтусъ. Поэтому мы въ правѣ были бы съ такою же строгостью относиться и въ притязаніямъ Маркса, основаннымъ на предполагаемомъ незнаніи экономистовъ-литераторовъ съ дѣйствительно-научными трудами какого-нибудь Тюнена или Курно. Ученіе Маркса объ экономическихъ эквивалентахъ взято, напримѣръ, какъ-будто у Курно, имя котораго также умалчивается, конечно, въ книгѣ о «Капиталѣ», содержащей въ себѣ, однако, весьма значительную массу стараго и отчасти совершенно ненужнаго литературнаго хлама. Но для насъ безразлично, въ сущности, какіе приемы употребляетъ Марксъ для обезпеченія себѣ литературнаго успѣха. Мы указываемъ только тотъ характеристическій фактъ, что даже въ такомъ старательно составленномъ и претендующемъ на пол-

¹⁾ Имя Тюнена приводится только одинъ разъ, мимоходомъ, во второмъ изданіи «Капитала», въ особомъ добавочномъ примѣчаніи (гл. XXIII, доп. къ прим. 77, нѣм. изд. 1878),—но приводится такимъ тономъ, который заставляетъ предполагать, что Марксъ ничего не знаетъ о работахъ фонъ-Тюнена и что ему только случайно попалась на глаза посмертная, отрывочная часть его сочиненій, вышедшая въ 1863 году, изъ которой онъ и дѣлаетъ выдержку. Марксъ называетъ разсужденія Тюнена (какія—неизвѣстно) „просто ребяческими“, а во французскомъ изданіи даже „просто глупыми“ (trad. de M. J. Roy, подъ редакціей автора, chap. XXV). Такъ какъ Марксъ—писатель несомнѣнно умный, то мы предпочитаемъ не останавливаться на этомъ, ничѣмъ не мотивированномъ грубомъ промахѣ.

ную ученость трактатѣ игнорируются изслѣдованія и выводы одного изъ главнѣйшихъ двигателей той классической экономической науки, истолкователемъ которой считаетъ себя Марксъ.

Джонъ-Стюартъ Милль, для котораго изслѣдованія Тюнена остались также неизвѣстными, замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что «успѣхъ какого-либо сочиненія зависитъ гораздо больше отъ случая, чѣмъ отъ достоинства самой книги». Это замѣчаніе можетъ только отчасти считаться вѣрнымъ по отношенію къ трактату фонъ-Тюнена. Слабая извѣстность научныхъ результатовъ, достигнутыхъ Тюненомъ, объясняется не столько случаемъ, сколько сознательнымъ уклоненіемъ большинства экономистовъ отъ недоступныхъ имъ приемовъ и задачъ истинной науки. Писатели и компиляторы-полемисты, присвоившіе себѣ громкое названіе ученыхъ политико-экономовъ, не могутъ идти по пути фонъ-Тюнена, ибо этотъ путь обставленъ тяжелою артиллеріею математики; поэтому они поневолѣ обходятъ молчаніемъ или только для свѣдѣнія заносятъ въ свои книги такіе «факты», какъ попытка Тюнена открыть политической экономіи единственно-возможную научную дорогу, способную приблизить ее къ другимъ отраслямъ знанія.

IV.

Вопросъ о примѣнимости математики къ социальнымъ изслѣдованіямъ разрѣшается большинствомъ экономистовъ отрицательно, несмотря на авторитетные примѣры Рикардо и фонъ-Тюнена.

Въ пользу примѣненія математики высказывается, между прочимъ, Кэри, главный противникъ школы Рикардо; а противъ математическихъ приемовъ возражаютъ Милль, Кэрнсъ и подобные имъ «послѣдователи» Рикардо.

Проф. Кэрнсъ, напримѣръ, энергически возстаетъ противъ проф. Джевонса, допускающаго примѣненіе математики въ политической экономіи. Между тѣмъ, очевидно, что споръ основывается здѣсь на недоразумѣніи, ясно проглядывающемъ уже въ словахъ Милля о «невозможности примѣненія *точныхъ чиселъ* къ общественнымъ явленіямъ» (см. *Логика*, кн. VI, гл. VI, § 2). Это недоразумѣніе было отмѣчено и разъяснено фонъ-Тюненомъ, и еще ранѣе—Огюстеномъ Курно.

Въ 1838 году французскій ученый Курно издалъ свой замѣчательный опытъ *«Изслѣдованій о математическихъ началахъ теоріи богатства»*. Въ предисловіи авторъ высказалъ, между прочимъ, слѣдующія соображенія: «спеціальныя авторы составили

себѣ, кажется, ложную идею о характерѣ примѣненія математическаго анализа къ теоріи богатства. Они вообразили, что употребленіе знаковъ и формулъ не можетъ имѣть другой цѣли, кромѣ операцій численныхъ. Люди, свѣдущіе въ математикѣ, знаютъ, что математическій анализъ имѣетъ дѣло не съ одними лишь числами, — что онъ употребляется также для отысканія отношеній между величинами, которыхъ нельзя опредѣлять числами, между функціями, законъ которыхъ не можетъ быть выраженъ алгебраическими знаками. Употребленіе математическихъ знаковъ является естественнымъ всякій разъ, когда требуется выяснитъ отношенія между величинами; и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вычисленія не были бы строго необходимы, — если они могутъ облегчить изложеніе, сдѣлать его болѣе точнымъ, приводить къ болѣе обстоятельнымъ разъясненіямъ, предупредить отклоненія неопредѣленной аргументаціи, то было бы, очевидно, не научно отвергать ихъ только потому, что они не всѣмъ читателямъ одинаково доступны и что ими пользовались не всегда правильно¹⁾...

Смѣлая попытка Курно отнести къ «теоріи богатства», какъ къ серьезной наукѣ, прошла, конечно, совершенно незамѣченною въ литературѣ, о чемъ весьма трогательно заявляетъ самъ авторъ въ предисловіи къ сочиненію, изданному имъ двадцать пять лѣтъ спустя²⁾. Курно, какъ-бы съ чувствомъ раскаянія, отрекся отъ суровыхъ математическихъ формулъ и старался разработать свои выводы уже въ обыкновенномъ литературномъ изложеніи; но и этотъ послѣдній трудъ, заключающій въ себѣ много тонкаго и оригинальнаго, оказался, повидимому, слишкомъ сухимъ или мало интереснымъ для изящной, легкой литературы французскихъ экономистовъ.

Печальная участь научныхъ работъ фонъ-Тюнена и Курно служить лучшею характеристикой современной политической экономіи. Литература отдѣлилась отъ науки и движется въѣя, прерываясь ея авторитетомъ безъ всякаго къ тому основанія. Сочинители вытѣснили собою ученыхъ: эффектные писательскіе и полемическіе приемы заняли мѣсто «метода изслѣдованія», и подъ видомъ науки господствуетъ схоластическая разноголосица на эмпирической почвѣ.

Преобладающій между экономистами взглядъ на задачу ихъ своеобразной литературной «науки» выраженъ весьма откровенно

¹⁾ *Recherches sur les principes mathématiques de la théorie des richesses*, par *Augustin Cournot*, Paris, 1838. Préface, pp. VII—VIII.

²⁾ *Principes de la théorie des richesses*, par *M. Cournot*, Paris, 1863, préf.

въ наивныхъ критическихъ этюдахъ Гюстава дю-Пюйнода, автора нѣсколькихъ объемистыхъ книгъ по политической экономіи. Этотъ писатель, между прочимъ, рѣзко критикуетъ Рикардо, за его строгіе логическіе приемы, лишающіе его труды надлежащей занимательности и общедоступности. «При своемъ сжатомъ и точномъ изложеніи,—говоритъ онъ,—сочиненія Рикардо на каждомъ почти шагу напоминаютъ собою сухое изложеніе какой-либо алгебраической или геометрической теоремы съ ея неизбежными принадлежностями; никакого поэтического замѣчанія, никакого возвышеннаго порыва, никакихъ любопытныхъ указаній, никакихъ соображеній историческихъ, литературныхъ или политическихъ, которыя прерывали бы суровую цѣпь вытекающихъ одинъ изъ другого выводовъ». Однако — вопрошаетъ далѣе дю-Пюйнодъ — «имѣетъ ли наука дѣйствительно столь суровый видъ, что никакой цвѣтокъ не долженъ украшать ея чела и что на ея широкихъ складкахъ не могутъ появляться проблески остроумія или эрудиціи?» И авторъ не находитъ другого объясненія замѣченнымъ имъ недостаткамъ Рикардо, кромѣ лишь того, что послѣдній будто бы былъ человѣкъ безъ литературнаго образованія и не подходилъ, слѣдовательно, подъ общій типъ «ученаго» экономиста, въ современномъ смыслѣ этого слова.

Разгадка сомнѣній, упомянутыхъ нами въ началѣ статьи и выдвинутыхъ съ наибольшою силою Огюстомъ Контомъ, заключается именно въ томъ, что они касаются экономической литературы, а не науки.

Экономисты въ сущности злоупотребляютъ именемъ «науки», когда ссылаются на нее въ своихъ обычныхъ разногласіяхъ и спорахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ наукою въ истинномъ ея значеніи. Наука лежитъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ ищутъ и находятъ ее исхватели популярныхъ экономическихъ теорій. Наука существуетъ не среди собирателей литературнаго или фактическаго хлама, не среди краснорѣчивыхъ фразеровъ, любителей замысловатыхъ терминовъ и опредѣленій, ловкихъ критиковъ и полемистовъ, отдѣлывающихся мимоходомъ, двумя словами, отъ какого-нибудь «скупнаго» Тюнена, — а въ совершенно другой, болѣе высокой сферѣ, до которой лишь изрѣдка добираются одинокіе свѣтлые умы, получающіе за то въ награду — забвеніе.

Л. Слонимскій.

ПОСЛѢДНІЯ ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ЖИЗНИ П.-Ж. ПРУДОНА.

XVIII *).

Общій взглядъ на здоровье и семейное положеніе находимъ мы въ новогоднемъ письмѣ Прудона къ своему пріятелю и доктору-гомеопату Кретену. Тутъ есть сознаніе въ томъ, что тѣло дѣлается лѣнивѣе и утомленнѣе, между тѣмъ какъ дѣятельность мозга все еще поддерживается въ прежней силѣ: 52 года берутъ свое. Поэтому-то Прудону и хочется поскорѣе «покончить свое заглаваніе» (какъ онъ выражается въ этомъ письмѣ), т.-е. досказать все, что у него есть на душѣ,—тѣмъ болѣе, что онъ начинаетъ побаиваться апоплексическаго удара, такъ какъ нѣтъ-нѣтъ да приливъ къ головѣ туманитъ ему зрѣніе. Вообще же онъ не мѣняетъ той формулы, которой уже нѣсколько разъ опредѣлялъ характеръ своей дѣятельности. Вся предыдущая работа была критическая, а болѣе созидающая начиналась только теперь. На этотъ разъ онъ сравниваетъ себя съ ткачомъ, приготовившимъ «основу» передъ тѣмъ, чтобы дѣйствовать челнокомъ. Но въ тотъ же новый годъ Прудонъ описываетъ подробности (въ письмѣ къ г-ну Бюзону-младшему), показывающія въ какой невозможной обстановкѣ работалъ онъ. По поводу за-

*) См. выше: августъ, 484 стр.

теряннаго письма онъ говорить, что у него *нѣтъ ни письменнаго стола, ни ящика*, и что онъ убравъ массу бумагъ и старыхъ писемъ въ большой сундукъ, куда жена его навалила яблочки, а поверхъ сундука—кучу вымытаго наганунѣ бѣлья. По собственному его сознанію, оказывается, что, такъ-называемый, кабинетъ его—небольшая каморка, *идѣ развѣшивалось бѣлье*, и онъ долженъ былъ работать посреди наваленныхъ всюду книгъ, бумагъ, провизіи и корытъ. И тутъ же Прудонъ оправдываетъ всю эту обстановку, упрекая себя въ томъ, что непременно хотѣлъ имѣть дѣтей. «Теперь вино разлили,—шутить онъ,—надо его допить! Утѣшаю себя тѣмъ, что мудрый Сократъ былъ, въ свое время, въ такихъ же тискахъ, какъ и я. Только онъ ничего не писалъ,—поэтому и могъ съ-утра выходить изъ дома и отправляться проповѣдывать своимъ друзьямъ на Агорѣ или подъ колоннами Пареевона». А про помилованіе Прудонъ говоритъ, что онъ совсѣмъ его не ожидалъ, тѣмъ болѣе, что во второмъ изданіи своей книги «О Справедливости» вездѣ сильно нападаетъ на императорскую политику.

Извѣстіе объ его помилованіи разнеслось по Парижу, и Прудону начали дѣлать предложенія по журнальной работѣ. Онъ былъ не прочь сдѣлаться опять журналистомъ, но съ условіемъ, чтобъ ему поручено было главное редакторство и чтобъ онъ участвовалъ даже въ чистой прибыли; на простое сотрудничество онъ ни подъ какимъ видомъ не соглашался. На всякій же случай, предупреждаетъ онъ своего корреспондента, что нельзя теперь рассчитывать на такой успѣхъ, какой въ 1848 году имѣли журналы, руководимые Прудономъ, и онъ ничего не желаетъ предпринимать, не прислушавшись сначала хорошенъко къ общественному мнѣнію; не можетъ онъ также взяться за дѣло, не покончивъ всего того, что ему нужно доработать въ Брюсселѣ. А работы оставалось еще не мало. Только къ 11-му января получилъ онъ, наконецъ, свою рукопись изъ Парижа. И замѣчательно, что онъ поступаетъ съ такой выдержкой, не имѣя рѣшительно никакого прочнаго заработка, нуждаясь въ это время въ самыхъ маленькихъ деньгахъ, что мы увидимъ сейчасъ же изъ письма къ Шарлю Белю, посвященнаго разбору какой-то адвокатской рѣчи, написанной сыномъ этого Беля, гдѣ Прудонъ въ слѣдующей тирадѣ возстаетъ противъ общаго увлеченія блескомъ, фразой, болтовней, надѣлавшаго Франціи столько вреда: «Наши предки, немного грубые, хорошо дѣлали, что не довѣряли красноречію, пѣвцамъ и танцовщикамъ,—не довѣряли болтовнѣ и всякому вздору въ тѣхъ случаяхъ, когда нужны два

хорошо прочувствованныхъ слова, доступныхъ всякому человѣку съ сердцемъ и совершенно недоступныхъ риторы. Мнѣ нравится то аристократическое чувство, присущее стариннымъ буржуа и крестьянамъ въ одинаковой степени съ вельможами, которое заставляло ихъ пренебрежительно относиться къ цыганщинѣ литературнаго и художественнаго міра. Эта цыганщина кончила тѣмъ, что всплыла наверхъ, что несомнѣнно показываетъ паденіе націи, преклоняющейся передъ фривольными талантами и преслѣдующей насмѣшками вещи серьезныя». Шесть дней спустя, Прудонъ пишетъ тому же Шарлю Белэ, что заключилъ условіе съ парижскимъ книгопродавцемъ Гетцелемъ, и что книга его: «Война и миръ», будетъ печататься одновременно и въ Брюсселѣ и въ Парижѣ. Онъ надѣется, что первое изданіе этой книги, въ количествѣ 6,000 экземпляровъ, принесетъ ему до 4,000 франковъ. А около мѣсяца спустя, отъ 14-го февраля, извѣщаетъ о томъ, что книга уже находится въ печати. Этотъ новый трудъ свой хвалитъ онъ, какъ вещь *глубокую, новую, доступную всякому уму и неспособную возмутить ни церковь, ни правительство*. Но, въ ожиданіи тѣхъ тысячъ франковъ, какія должно было доставить первое изданіе, Прудонъ проситъ Белэ заплатить за него 300 франковъ, и мы увидимъ, что эта просьба будетъ не послѣдней; стало-быть, онъ продолжалъ сильно нуждаться. По своей натурѣ, онъ прибѣгалъ къ займамъ только въ крайнемъ случаѣ. Въ Парижѣ думалъ онъ перебраться не раньше конца года, а пока справлялся у пріятелей: что можетъ его тамъ ожидать? Эти справки, судя по письму въ Морису, отъ 15-го февраля, позволяютъ ему думать, что его имя не возбуждаетъ уже такого ужаса и отвращенія, какъ 10 лѣтъ тому назадъ, и что, при нѣкоторомъ тактѣ и выдержкѣ, онъ легко можетъ совершенно исправить свое положеніе. Вообще ближайшихъ своихъ пріятелей, особенно съ нѣкоторымъ образованіемъ, Прудонъ слушается даже въ чисто-писательскихъ вопросахъ. Такъ, мы видимъ, что онъ воспользовался совѣтомъ Шоде и переправилъ всю свою рукопись сочиненія «Война и миръ», о чемъ извѣщаетъ его въ письмѣ отъ 12-го марта. Сочиненіе же его, представленное на конкурсъ въ Лозаннѣ, все еще не получало преміи, чѣмъ онъ особенно не огорчается и проситъ своего швейцарскаго пріятеля, г-на Деларажазъ, отъ 16-го марта, выслать ему поскорѣй рукопись назадъ: онъ желаетъ ее передѣлать и въ скоромъ времени издать въ Брюсселѣ или Парижѣ. Нужда въ деньгахъ заставляетъ его 5-го апрѣля опять обратиться къ Шарлю Белэ съ просьбой заплатить за него по вѣселю 300

франковъ, поднявшихъ весь его долгъ до 1,550 франковъ. Ясно, что, работая надъ передѣлкой и печатаніемъ двухъ своихъ книгъ, Прудонъ не имѣлъ ни одного франка вѣрнаго дохода и жилъ исключительно въ долгъ. Работа эта шла такъ быстро, что уже 7-го апрѣля онъ пишетъ Шодэ о печатаніи послѣднихъ двухъ листовъ второго тома сочиненія «Война и миръ». И въ это время онъ успѣваетъ еще читать постоянно газету «Courrier du Dimanche», редакторомъ которой былъ Шодэ, и дѣлаетъ ему всякаго рода замѣчанія, болѣею частью сочувственныя. Одно изъ такихъ замѣчаній, въ письмѣ отъ 7-го апрѣля, показываетъ, какъ Прудонъ оставался вѣрнѣе привычкамъ честнаго журналиста. Онъ предостерегаетъ Шодэ на-счетъ манеры его сотрудниковъ величать другъ друга титуломъ: «Notre ami», говоря, что такимъ путемъ очень легко дойти до кумовства и превратить газету въ какую-то правовѣрную церковь. Думая о возвращеніи во Францію, онъ очень хорошо знаетъ, что ему никакъ нельзя рассчитывать на роль, какую онъ игралъ въ 1848 году. Онъ знаетъ, что въ жизнь вошла другая генерація; что измѣнились идеи и стремленія; что отнынѣ онъ долженъ ограничиться ролью совѣтника, а не претендовать на роль политическаго дѣятеля. Горькое чувство продолжаетъ жить въ немъ, какъ только онъ кинетъ взглядъ на тогдашнее состояніе французскаго общества. Въ письмѣ къ Матіеу отъ 10-го апрѣля это чувство проявляется вполне. «Я считаю, любезный другъ,—пишетъ онъ,—нашу бѣдную націю опасно больной. Но все-таки въ ея нѣдрахъ вырабатывается новый порядокъ вещей. Это—революція чисто интеллектуальная и нравственная, и не касается въ настоящую минуту политическаго строя; большинство въ ней равнодушно, и она заключается въ избранномъ кружкѣ гражданъ, которыхъ вліяніе, умъ и дѣятельность все возрастаютъ и кончатъ преобладаніемъ; но теперь все это еще совершенно нейтрализовано. При этомъ уничтоженіи коллективной мысли—жизнь всѣмъ интриганамъ, хвастунамъ, полиціи и правительственному произволу, и забавно то, что всѣ партіи, всѣ котеріи лѣзутъ изъ кожи, подражая императорскимъ замашкамъ». Побывать въ Парижѣ онъ собирается въ маѣ мѣсяцѣ и, оглядываясь на свою эмигрантскую жизнь, говоритъ, что авторитету писателя вредитъ изгнаніе, хотя онъ лично и не можетъ пожаловаться на свое житіе въ Бельгін.

Письмо Прудона къ Огюсту де-Фонтену какъ нельзя лучше заканчиваетъ періодъ его умственной дѣятельности въ изгнаніи. Онъ говоритъ о себѣ безъ всякаго фарисейскаго смиренномудрія, но съ

настоящей строгостью честнаго человѣка. Онъ сознаетъ, что въ теченіи писательской карьеры, какъ публицистъ, экономистъ, моралистъ, сдѣлалъ тысячи нечеловѣческихъ и ошибокъ, много разъ выдавалъ свою невѣжественность, неспособность, безвкусіе, грубую рьяность и т. д. Но онъ былъ тогда преданъ тому, что считалъ справедливымъ и серьезнымъ и думаетъ, что ему все простили, забыли заблужденія и ошибки, именно во имя этой искренности. «Вы никогда не распознаете, какъ слѣдуетъ (пишетъ онъ дальше), *какой я жалкій человекъ*. Все, что во мнѣ есть, это — нѣкоторая любовь къ правдѣ и справедливости съ прибавкою большой страстности. Я бы, по всей вѣроятности, никогда и не подумалъ что-либо писать безъ этихъ побужденій. Поэтому-то я и не способенъ ни на что порядочное, коль скоро я совершенно одинъ не продумалъ извѣстной вещи». А дальше есть замѣчательнѣйшее признаніе Прудона, поясняющее то, какъ онъ въ разные періоды своей жизни, несмотря на философское развитіе и большую объективность, проявлялъ взгляды крайняго пессимизма на текущую политику и на современное ему общество. «Внимательно вглядываясь въ ходъ событій, — пишетъ онъ, — я всегда готовъ прощать людямъ ихъ гадости и мириться съ ними. *Мой интеллектъ, мое презрѣніе никогда не делятся долѣе однихъ сутокъ*. Въ этомъ смыслѣ у меня не больше характера, чѣмъ у ребенка. Двадцать разъ въ жизни былъ я въ душѣ царевубійца, а въ настоящую минуту роль Наполеона III кажется мнѣ такой жалкой, такой унизительной, что я охотно бы, по примѣру Жюль Фавра, протянулъ ему спасительный шестъ, рискуя даже, что меня оттолкнутъ». А возвращаясь опять къ себѣ, какъ къ писателю, онъ такъ заканчиваетъ это характернѣйшее письмо:

«Душевно сожалѣю о томъ, что вы потрудились купить и прочесть *всѣ* мои сочиненія. Конечно, это книги, написанныя добросовѣстно и съ добрымъ желаніемъ, какъ я вамъ и говорилъ выше, но большая часть ихъ дурно изложена, дурно задумана, и я за нихъ краснѣю въ настоящую минуту. Напримѣръ, *какъ* я сожалѣю о первомъ изданіи моей книги «О Справедливости», быть можетъ, прочитанномъ вами. Я посвятилъ 15 мѣсяцевъ на передѣлку этого сочиненія, ввелъ множество поправокъ, прибавленій, перемѣнъ, присовокупивъ массу примѣчаній и т. д., — и все-таки я еще не совсѣмъ доволенъ.

«Тщеславіе подсказало и мнѣ желаніе быть, въ свою очередь, писателемъ, но теперь я себя узналъ: я вовсе не писатель и даже не мыслитель, — я просто: *крикъ честнаго человека, вопиющаго въ пустынь*. Правда, что эта пустыня — подобно той, гдѣ

проповѣдовалъ Іоаннъ-Креститель — начинаетъ уже быть очень многолюдной. Это и доказываетъ, что здравый смыслъ беретъ свое, но вовсе не доказываетъ того, что я *гений*».

Настроеніе Прудона по политическимъ вопросамъ продолжаетъ быть окрашено въ тотъ же колоритъ. Онъ называетъ «безтолковщиной» все то, что происходило тогда въ Европѣ, и находитъ въ письмѣ къ Шарлю Белю отъ 15 апрѣля, что всѣмъ истиннымъ демократамъ, защитникамъ здоровыхъ социальныхъ принциповъ, слѣдуетъ воздерживаться отъ всякой нетерпимости, отъ всякаго рьянаго преслѣдованія, хотя бы и въ печати, другихъ партій. По его мнѣнію, пускай всякій говоритъ, что хочетъ: онъ проситъ друзей не смущаться нисколько, когда про него толкуютъ, какъ о писателѣ, поддерживающемъ въ тайнѣ Бонапартовъ режимъ. Шарля Белю онъ даже умоляетъ не говорить о немъ ни въ хорошую, ни въ дурную сторону. А императорское правительство кажется ему до такой степени слабымъ и жалкимъ, что онъ и не желаетъ тратить на него своихъ умственныхъ силъ: «въ моей природѣ лежитъ, говоритъ онъ, бороться съ силой, а не придавливать слабость». Въ тотъ же самый день онъ спрашиваетъ другого пріятеля, Бургеса, поднимается ли Франція въ нравственномъ отношеніи, формируются ли въ ней характеры, преобразуется ли общественное мнѣніе? Самъ онъ думаетъ, что во Франціи складывается среднее либеральное мнѣніе, а въ старыя партіи онъ не вѣритъ, не исключая и своей собственной. Онъ могъ бы самъ провѣрить, въ какомъ положеніи находилось въ это время французское общество; но свою поѣздку въ Парижъ Прудонъ все откладываетъ и вовсе не торопится устроиваться тамъ; отъ журнальной же карьеры онъ отказывается, предпочитая ей составленіе и печатаніе цѣлаго ряда брошюръ, на которыя онъ возлагаетъ даже лучшія матеріальныя надежды. Объ эту самую пору былъ онъ порадованъ извѣстіемъ изъ Швейцаріи, что сочиненіе его, представленное на конкурсъ, открытый государственнымъ совѣтомъ кантона «Vaud», удостоено высшей преміи. Письмо его къ г. Деларажазъ на эту тему показываетъ какъ онъ пріятно возбужденъ. Съ добродушной ироніей восклицаетъ онъ: «Видите ли вы! какія изъ этого могутъ произойти послѣдствія? Г. Прудонъ — лавреатъ! Г. Прудонъ увѣнчанъ за сочиненіе по политической экономіи совѣтомъ самостоятельнаго государства! Моментъ этотъ будетъ отмѣченъ, со временемъ, въ исторіи революціи XIX вѣка». Въ такомъ пріятномъ возбужденіи пишетъ онъ длинное письмо и къ русскому пріятелю своему Г***, которое мы, къ сожалѣнію, не можемъ привести здѣсь ни въ пол-

номъ переводѣ, ни въ извлеченіи. Но личное, болѣе свѣтлое, настроеніе не измѣняетъ его скорбнаго взгляда на тогдашнее французское общество и внутреннюю политику, что мы опять видимъ въ письмѣ къ Шарлю Эдмону отъ 23-го апрѣля. Несмотря на это, онъ, все-таки, мечтаетъ о Франціи и Парижѣ и говорить товарищу своему по эмиграціи, Марку Дюфрессу, въ письмѣ отъ 25-го апрѣля: «Видя, какъ французская демократія руководима теперь, я повторяю себѣ, что надо сдѣлать что-нибудь, и, быть можетъ, сдѣлаю это я. Готовъ, любезный Маркъ, преклониться передъ вашимъ сужденіемъ; быть можетъ, я ошибаюсь, почему вовсе не желаю убѣждать васъ, а дѣлаю вамъ только простое признаніе. Рѣшеніе мое (т.-е. возвратъ во Францію) идетъ издалека. Прибавлю только, что худо-ли, хорошо-ли, но я все-таки имѣю нѣкоторую надежду на то, что мой возвратъ подвинетъ сколько-нибудь дѣло демократіи». Только онъ проситъ, нѣсколько дальше, не думать, что собирается вступить въ парламентскую жизнь, предъавлять свою кандидатуру, приносить присягу и служить, хотя и не прямо, политикѣ Наполеона III. Такое признаніе было вполне искренно, тѣмъ болѣе, что и на партію тогдашнихъ демократовъ-якобинцевъ, къ которой онъ долженъ былъ бы поневолѣ пристать, Прудонъ смотрѣлъ строго и трезво. Старому своему пріятелю, Пильсу, пишетъ онъ отъ 26-го апрѣля какъ разъ на эту тему: «Отличный симптомъ — что демократія, которую я называю *якобинской и шовинистской*, начинаетъ признаваться всѣми какъ язва эпохи, какъ настоящій врагъ, съ которымъ нужно схватиться. Будьте увѣрены въ томъ, что такая демократія представляетъ послѣднюю твердыню деспотизма». Высказывая такъ опредѣленно и рѣзко свои воззрѣнія, Прудонъ рисковалъ возстановить противъ себя и ближайшихъ пріятелей, что и случилось вскорѣ затѣмъ въ его отношеніяхъ къ Шарлю Эдмону. Послѣднее письмо къ Эдмону помѣчено 9-го мая; подъ нимъ стоитъ замѣтка издателя, гдѣ говорится, что взглядъ Прудона на польскій вопросъ заставилъ его пріятеля совершенно разойтись съ нимъ.

Сочиненіе «Война и миръ», уже отпечатанное и въ Брюсселѣ и въ Парижѣ, все еще не могло найти книгопродавца, который бы рѣшился выставить на оберткѣ свое имя. Вызвались было братья Леви, но отказались. Прудонъ и смущенъ и раздраженъ этимъ фактомъ: въ письмѣ къ г. Бюзону отъ 10-го мая онъ увѣряетъ, что въ книгѣ нѣтъ рѣшительно ничего, способнаго навлечь какія-нибудь непріятности на издателя, и что противъ него существуетъ всеобщій заговоръ. Онъ поручаетъ даже адво-

кату Шодэ, въ случаѣ надобности, начать процессъ съ братьями Леви за ихъ внезапный отказъ послѣ того, какъ они согласились продавать книгу. Такой сюрпризъ долженъ былъ опять задержать отъѣздъ Прудона въ Парижъ. Мы видимъ, по письму къ д-ру Кретену отъ 13-го мая, что онъ не рѣшается даже взять предлагаемую ему въ Парижѣ квартиру въ 800 франковъ, не рассчитывая ни на какой обезпеченный заработокъ. Въ этомъ же письмѣ находимъ мы обстоятельный отчетъ, сдѣланный Прудонъ своему врачу и пріятелю, всѣхъ болѣзненныхъ симптомовъ, подрывавшихъ его здоровье. Эта картина, набросанная чрезвычайно живо и характерно, показываетъ, что въ то время его уже никакъ нельзя было считать человѣкомъ здоровымъ. Онъ страдалъ постоянно разстройствомъ дыхательныхъ путей и томительнымъ ощущеніемъ озноба въ конечностяхъ. Пребываніе въ Брюсселѣ, въ сыростъ и довольно суровомъ климатѣ, развило въ немъ хроническое катарральное состояніе, которое могло быть облегчено только радикальной переменой мѣстности, рода жизни и домашнего комфорта. «Мнѣ нужна была бы, резюмируетъ Прудонъ, невозможная для меня жизнь, т.-е. быть постоянно на вольномъ воздухѣ или сидѣть въ банѣ». Если читатель вспомнить комнату, гдѣ работалъ Прудонъ и сообразить, въ какой нуждѣ пробивался онъ, просиживая дни и ночи надъ книгами и рукописями, то не трудно будетъ ему составить себѣ вѣрное представленіе о послѣднемъ періодѣ его жизни, который, впрочемъ, мало чѣмъ отличался отъ предыдущихъ. Силы стали измѣнять ему и тѣло протестовать противъ такого невозможнаго мозгового режима, противъ такой многолѣтней спартанской школы труда и лишеній. Премія, полученная имъ изъ Лозанны, была въ тысячу франковъ: двѣсти экономные швейцарцы не додали (назначено было первоначально 1200 франковъ) на томъ основаніи, что Прудонъ, въ своемъ сочиненіи о податяхъ, не привелъ фактовъ изъ экономической жизни кантона. Но эти небольшія деньги давно были уже имъ истрачены и перебирались заимобразно у Шарля Белэ, которому онъ и сообщаетъ, наконецъ, отъ 14-го мая, о полученіи преміи, прося его заплатить еще по векселю въ 300 франковъ. А книга «Война и миръ» должна была появиться у Гетцеля, т.-е. у настоящаго ея издателя, дѣла котораго въ то время были, кажется, неблистательны; по крайней мѣрѣ, онъ не могъ до продажи книги матеріально поддерживать Прудона. Въ это время въ Парижѣ издавалась одна только газета, сочувственная Прудону: «Courrier du Dimanche» съ главнымъ участіемъ его пріятеля Шодэ. Онъ и пишетъ Шодэ отъ 14 мая съ цѣлью

ознакомить черезъ него парижскую публику съ тѣмъ поразительнымъ фактомъ, что *анархистъ Прудонъ увѣнчанъ на правительственномъ конкурсѣ*. Замыселъ и подробности статьи обстоятельно сообщаются имъ въ этомъ письмѣ, причемъ онъ, конечно, не требуетъ никакой лъстивой рекламы, а желаетъ только, чтобы тонъ вполнѣ подходилъ къ серьезности его сочиненія. При этомъ, советуя Прудонъ, можно воспользоваться случаемъ и обратить вниманіе французской публики на то, какъ лучшія интеллигентныя силы Франціи, ушедшія въ эмиграцію, отвлекаются отъ родной страны и по необходимости дѣйствуютъ за-границей. Свое конкурсное сочиненіе желаетъ онъ, какъ только получить назадъ рукопись, передѣлать и тотчасъ напечатать до отъѣзда изъ Брюсселя. Тѣмъ временемъ книга «Война и миръ» пущена была, наконецъ, въ продажу черезъ книгопродавческій домъ Дантю. Сообщая объ этомъ Матею, отъ 21-го мая, Прудонъ говоритъ, что за книгу онъ не боится въ политическомъ смыслѣ, и что задержка, случившаяся вслѣдствіе трусости книгопродавцевъ, только больше возбудила общій интересъ, и что еслибъ издатель Гетцель напечаталъ и 10 тысячъ экземпляровъ, то всѣ бы ихъ продалъ. Но тутъ же онъ предчувствуетъ, что ближайшимъ результатомъ появленія въ свѣтъ его книги будутъ нападки на него всей яacobинской прессы. Онъ, однако, этимъ не смущается и считаетъ яacobинскую партію лишенною кредита, надѣясь на то, что все умѣренное и миролюбивое, всѣ друзья порядка, стануть на его сторону. Онъ предвидитъ даже, что черезъ нѣсколько лѣтъ изъ самаго революціоннаго ума своей эпохи онъ превратится, въ глазахъ массы, въ самаго консервативнаго человѣка и, какъ разъ, въ силу своихъ революціонныхъ идей. Другому пріятелю, Морису, онъ указываетъ на то, что одна изъ основныхъ идей его сочиненія, получившаго премію, заимствована изъ его же знаменитой рѣчи, произнесенной имъ 31-го іюля 1848 г. Поджидая рукопись изъ Лозанны и дальнѣйшихъ извѣстій изъ Парижа, Прудонъ нѣсколько успокоился, и даже говоритъ въ письмѣ къ Гуверну, отъ 26-го мая, что лѣнится и проводитъ время, *раскладывая франц-пасьянсъ*. Къ этому короткому періоду отдыха принадлежит и большое теоретическое письмо къ Ланглуа отъ 30-го мая, гдѣ Прудонъ отвѣчаетъ на отзывъ пріятеля объ его книгѣ. Отзывомъ этимъ онъ доволенъ, несмотря на множество критическихъ замѣчаній: Ланглуа сравниваетъ его даже съ Коперникомъ и Галилеемъ по силѣ творческой мысли. Такое сравненіе Прудонъ, конечно, не принимаетъ и, переходя къ болѣе трезвымъ отзывамъ пріятеля, обсуждаетъ ихъ съ обычной своей

серьёзностью и дѣльностью: въ одномъ только онъ абсолютно не согласенъ,—это съ тѣмъ, что, по мнѣнію Ланглуа, въ Прудонѣ гораздо больше способности къ анализу, чѣмъ къ синтезу.

«Я весьма легко призналъ бы это замѣчаніе,—пишетъ онъ,—если-бы оно мнѣ не казалось логической неточностью. Что мнѣ за дѣло, если-бы меня признали даровитѣе въ поэзіи, чѣмъ въ краснорѣчіи, въ гравюрѣ, чѣмъ въ скульптурѣ, въ механикѣ, чѣмъ въ метафизикѣ: надо, въ самомъ дѣлѣ, чтобъ я былъ въ чемъ-нибудь *по-сильнѣе*. Но чего я не допускаю, такъ это того различія, которое вы дѣлаете между двумя операціями,—различія, по моему мнѣнію, гораздо болѣе кажущагося, чѣмъ настоящаго. Всякій анализъ необходимѣйшимъ образомъ предполагаетъ синтезъ: доказательство тому представляетъ высшая математика. Въ каждомъ рѣшеніи задачи анализъ и синтезъ, очевидно, сливаются. Правда, послѣдній иногда не съ-разу дается; но, въ такомъ случаѣ, нѣтъ и рѣшенія. Точно также и анализъ можетъ быть неполный, и, въ такомъ случаѣ, работа только-что еще началась. Въ наукахъ нравственныхъ и политическихъ, даже въ наукахъ физическихъ, синтезъ запаздываетъ или, какъ вы говорите, *труденъ*. Но почему?—потому что не хватаетъ элементовъ, еще не подмѣченныхъ или недостаточно анализированныхъ; ихъ-то отсутствіе или невыясненность и не позволяютъ придти къ синтезу. Это есть не что иное, какъ задержка, рѣшительно ничего не доказывающая противъ аналитичности. Такъ какъ дѣло идетъ, въ настоящую минуту, обо мнѣ, то изслѣдуйте способъ моего мышленія, и вы увидите, что въ различныхъ частяхъ книги я дѣйствую группами, сравненіями, синтезами даже тогда, когда я разрушаю. Если случается, что я разсуждаю правильно, если я вообще добьюсь нѣкоторой репутаціи логическаго ума, то исключительно этимъ путемъ. Правда, разбирая вопросы чрезвычайно понятные, каковы, напр., *собственность, государство, справедливость* и т. д., я не всегда прихожу къ заключеніямъ, отвѣчающимъ строгимъ требованіямъ науки. Но что же это доказываетъ? Не то, что я не умѣю синтезировать,—вовсе нѣтъ: *критика* моя выступаетъ и тогда, когда *доктрина* находится лишь въ видѣ простого *desideratum*; стало-быть, мнѣ необходимо было придти къ настоящимъ синтезамъ. Доказываетъ это лишь то, что синтезъ, который долженъ быть послѣднимъ словомъ моей критики, еще не найденъ, потому что у меня нѣтъ въ рукахъ всей *совокупности элементовъ*, что, опять-таки повторяю вамъ, есть просто задержка. И что же я дѣлаю въ такомъ случаѣ? Замѣтите, что я вовсе не забавляюсь пережевываніемъ моихъ идей путемъ

метафизическихъ построений. Я перехожу къ новымъ фактамъ, къ новымъ разработкамъ, я углубляюсь сильнѣе, я расчлѣняю извѣстныя части моей критики, оставшіяся еще въ области общихъ понятій, однимъ словомъ, я произвожу анализъ, увѣренный въ томъ, что когда я соберу вмѣстѣ достаточное число элементовъ, я сейчасъ же добуду *ipso facto* и синтезъ!» Въ тотъ же день, пишетъ онъ Бергману, съ которымъ очень давно не переписывался, и сообщаетъ ему также о полученіи преміи въ Лозаннѣ, прибавляя, что это конкурсное сочиненіе было имъ написано не больше какъ въ пять-шесть недѣль, при сотрудничествѣ его пріятеля и соотечественника Дюшена, которому онъ и располагалъ предоставить часть гонорарія.

По всей вѣроятности, отзывъ Ланглуа объ его книгѣ «Война и миръ» былъ единственный, какой пришелся ему по душѣ, потому что уже отъ 5 іюня онъ пишетъ нѣкому Альтмейру, что книга его произвела въ Парижѣ общій взрывъ недовольства.

«*Un tolle général*», какъ онъ выражается въ началѣ письма. Ему сообщаютъ, что его друзья не понимаютъ книги и находятъ въ величайшемъ недоумѣніи, даже уныніи, между тѣмъ какъ его враги торжествуютъ. «Однимъ кажется, — пишетъ онъ дальше, — что я ужаснѣйшимъ образомъ согрѣшилъ, другимъ — что я совсѣмъ *провалился*! Вы думаете, быть-можетъ, что охуждаютъ мою мысль, опровергаютъ мои положенія, отталкиваютъ принципы? Нисколько. *Просто меня не понимаютъ* и упрекаютъ меня, вслѣдствіе подобнаго непониманія, въ томъ, что я проповѣдую преторіанство, что я поддерживаю цезаризмъ, наполеонизмъ, мистицизмъ, аскетизмъ и т. д. Мноѣ не прощаютъ того, что я показалъ послѣдствія войны между Франціей и Англіей, если захотѣтъ довести примѣненіе существующаго права (которое я отрицаю) до конца. Оказывается, что я совершилъ нѣкоторымъ образомъ патріотическое самозатѣваніе! Но никто не думаетъ поздравлять меня съ тѣмъ, что я далъ новое подтвержденіе принципу человѣческаго права, показывая даже на примѣрѣ войны, что человѣчество правосудно; никто не думаетъ признать того, что я поднялъ, такимъ образомъ, достоинство человѣческаго рода и положилъ прочное основаніе международному праву, показавши, кромѣ того, что, вопреки своему правовому характеру, война есть переходное явленіе, приближающееся къ концу. Вы услышите о моемъ сочиненіи самыя эксцентричныя, самыя глупыя отзывы, но вы не найдете никого, кто былъ бы въ состояніи разглядѣть, что я хотѣлъ положить въ мою книгу, если ужъ не то, что я дѣйствительно положилъ въ нее». И онъ кончаетъ горькой выходкой

противъ умственной и нравственной *холеры* тогдашняго поколѣнія, сообщая съ провіей о томъ, что книгопродавцы Гарнье предлагаютъ ему наживать деньги составленіемъ дѣтскихъ книгъ, альманаховъ и чуть не письмовниковъ!

Въ тотъ же день онъ пишетъ и другому корреспонденту, все на ту же тему. Видно, что его ошеломило впечатлѣніе, произведенное книгой въ Парижѣ. Онъ еще откровеннѣе и прямѣе объясняетъ: въ чемъ именно заключается общее недовольство. Ему пишутъ изъ Парижа, что не только онъ обвиняется въ патріотическомъ святотатствѣ и въ желаніи проповѣдывать цезаризмъ, преторіанство, военщину, но и въ томъ, что онъ вдается въ идеализацію, въ сосердательную жизнь и работаетъ въ руку патерамъ. Нѣкоторые находятъ даже, что въ иныхъ мѣстахъ своей книги онъ наклоненъ къ признанію безсмертія души. Всѣ ожидали, что книга его явится затѣмъ, чтобъ вывести на свѣжую воду всю тогдашнюю военщину, въ ней ожидали найти смертельные удары клерикаламъ, восторженные возгласы на тему *національностей и естественныхъ границъ*. И перечисливъ всѣ эти обвиненія, Прудонъ говорить, что еслибъ не мнѣніе нѣкоторыхъ серьезныхъ умовъ и статья, написанная его корреспондентомъ, онъ готовъ былъ бы признать своихъ соотечественниковъ совершенно безумными. Тѣмъ не менѣе, оправдывается онъ на двухъ большихъ страницахъ, сознаваясь однако, что внѣшняя форма книги, слогъ, языкъ могутъ дѣйствительно показаться странными, потому что онъ никогда не занимался стилистикой, — потому что у него каждая мысль требуетъ непременно спеціальнаго выраженія, и онъ принужденъ употреблять слова, заимствованныя изъ другихъ языковъ, «вовсе не ища ихъ, а подчиняясь, какъ онъ выражается, «нетерпѣнію ума». Но его все-таки глубоко огорчаетъ то, что не поняли внутреннего протеста противъ войны между человѣческими существами, — не поняли того, что самъ онъ съ величайшимъ сокрушеніемъ долженъ былъ признать цивилизующее вліяніе войны *въ прошедшемъ*. «И когда я призналъ, въ какой степени война своей нравственной стороной поднимаетъ человѣчество, развѣ я не долженъ былъ схватиться за такое свидѣтельство нравственнаго достоинства всего рода человѣческаго? Но я прибавлю, что *этотъ грандіозный фактъ только переходящій*; что цивилизація вступаетъ въ періодъ, гдѣ нѣтъ больше мѣста военному трибуналу; что вопросы, какіе въ настоящее время ставятся передъ человѣчествомъ, болѣе уже не разрѣшатся этимъ путемъ. А мнѣ кричатъ въ отвѣтъ: «долой преторіанцевъ! долой право сильного!» А возвращаясь къ недостаткамъ своего

изложенія, онъ повторяетъ, что слогъ есть для него только прямое выраженіе его идей, и что еслибъ даже онъ писалъ иначе, онъ все-таки былъ бы непонятенъ для слабыхъ, лѣнивыхъ, ограниченныхъ умовъ.

«Въ нашемъ французскомъ умѣ, — кончаетъ онъ, — есть самая дурная наклонность: подѣ предлогомъ *простоты*, желать всегда приниженія всего, чтó существуетъ прекраснаго въ природѣ и въ разумѣ, до степени вульгарныхъ и простоватыхъ формулъ. Никто не хочетъ подумать о томъ, что еслибъ этого дѣйствительно добивались, то уничтожили бы въ человѣческой душѣ идеалъ нравственности и правды. Конечно, всякая рѣчь, въ прозѣ или въ стихахъ, составлена изъ буквъ, но развѣ изъ этого слѣдуетъ, чтобъ мы должны были свести «Иліаду» или «Эмиля» къ вещамъ въ родѣ «*La croix de par Dieu?*»

Въ другомъ письмѣ онъ замѣчаетъ, что французскій умъ замѣтно слабѣетъ, — что въ большинствѣ статей, брошюръ, памфлетовъ авторы, начинавшіе хорошо, кончаютъ гораздо хуже, а большинство наклонно къ опошленію идей, плохо доступныхъ имъ. «Впрочемъ, — говоритъ онъ въ заключеніе, — это — болѣзнь эпохи. Повсюду я вижу одни и тѣ же симптомы. Промышленный, меркантильный, и буржуазный духъ все еще держится за старые нравы Журдена, Дандена, Горжибуса и Тюркарега; ничто ему не нравится, — онъ ничего не понимаетъ, кромѣ своихъ *écus*. Свѣтъ тогда только и двинется, когда эта послѣдняя изъ кастъ будетъ совершенно разоблачена и уничтожена. Но когда это случится?.. Это — тайна боговъ».

Ему приходится разъяснять смыслъ и содержаніе своей книги самымъ ближайшимъ пріятелямъ, въ родѣ Шарля Белэ, который тоже нашелъ, что онъ *желаетъ утѣшчить военищину*. Прудонъ принужденъ и ему повторять то же, чтó мы видѣли въ предыдущихъ письмахъ и оправдывать притомъ цѣну книги, показавшуюся Шарлю Белэ слишкомъ высокою. Книга стоила 7 франковъ. Это практическое замѣчаніе вызвало Прудона на довольно горячій отвѣтъ, гдѣ онъ жалуется на то, какъ писатель, послѣ двадцати лѣтъ труда — не добившись ничего, кромѣ изгнанія и долга — не можетъ назначить за свое сочиненіе семи франковъ, чтобъ всѣ не закричали: «караулъ! слишкомъ дорого!» Другому своему корреспонденту, Огюсту де-Фонтену, онъ въ тотъ же день уже самъ разъясняетъ идею книги, чтобъ предупредить негѣпное толкованіе.

«Нѣкоторые упрекаютъ меня въ томъ, — говоритъ онъ въ концѣ письма, — что я слишкомъ рѣзокъ по международнымъ во-

просамъ, которые обыкновенно разрѣшаются иначе, чѣмъ я обрабатывалъ ихъ; вопросы эти: Польша, Венгрія, Италия и т. д. Но, присмотрѣвшись ближе, вы увидите, что я оказываю этимъ самымъ огромную услугу свободѣ всѣхъ народовъ, отвлекая ихъ отъ лживой тактики, подталкиваю ихъ на пути къ общей солидарности народовъ, къ взаимному равновѣсію, къ либеральнымъ учрежденіямъ, характеризующимъ собою XIX вѣкъ; а еще дальше я указываю имъ на новый порядокъ вещей, основанный на экономическомъ правѣ, въ которомъ всѣ заботы расъ, языковъ, національностей, естественныхъ, политическихъ и стратегическихъ границъ переходятъ въ вопросы третьяго и четвертаго порядка, а то такъ и вовсе въ бессмыслицу.

«Всего этого, т.-е. такого громаднаго результата, нельзя было добиться иначе, какъ съ однимъ условіемъ: возстановленія права силы. По этому поводу одинъ изъ моихъ пріятелей очень вѣрно замѣчаетъ: отрицать право силы значитъ отрицать то, что сила что-нибудь стоить. А это, въ свою очередь, равняется отрицанію того, что сила есть сила.

«Но, какъ я уже сказалъ, всякое воскрешеніе, равно какъ и всякое новое созданіе чего-либо, въ первую минуту изумляетъ умъ, что и объясняетъ странное впечатлѣніе, произведенное моею книгой.

«Тѣмъ не менѣе я надѣюсь, что это впечатлѣніе долго не протянется и что скоро среди самыхъ серьезныхъ изъ моихъ читателей установится одно мнѣніе: да, существуетъ право силы, почему и есть у насъ международное право, почему человечество, истощивъ компетентность военнаго правосудія, не желаетъ больше войны».

II.

Возобновляя переписку съ г. Сюшэ, Прудонъ обзрѣваетъ весь періодъ своей брюссельской жизни, и передъ возвращеніемъ во Францію не скрываетъ тревожныхъ вопросовъ, поднимающихся въ немъ, какъ въ гражданинѣ и сынѣ своей родины. Онъ еще недоумѣваетъ, чего держаться, какимъ языкомъ заговорить. По его мнѣнію, демократы сдѣлали столько уступокъ имперіи, что ему въ высшей степени трудно будетъ говорить въ прежнемъ тонѣ о свободѣ и республикѣ. Вообще же онъ чувствуетъ, что сильно состарѣлся и боится, вернувшись въ Парижъ, показаться какимъ-то пришлецомъ съ того свѣта. Его поддерживаетъ лишь

то соображеніе, что и вокругъ него, въ Бельгіи, существуютъ же симптомы общественной порчи; стало быть, ничего особенно новаго не найдетъ онъ и въ Парижѣ, ничего такого, что бы онъ не предвидѣлъ и о чемъ бы не думалъ. А въ Бельгіи книга его была понята на самый нелѣпый фасонъ. При дворѣ и въ высшихъ административныхъ сферахъ начали толковать, что онъ проповѣдуетъ присоединеніе Бельгіи къ Франціи. Всѣ эти разнообразѣйшіе толки, вызванные сочиненіемъ, въ которомъ мысль совсѣмъ не замаскирована, служатъ ему матеріаломъ для составленія *отчета*, который онъ хотѣлъ составить, собравъ всѣ мнѣнія, высказанныя объ его книгѣ, чѣмъ онъ и занятъ былъ уже въ началѣ іюля. За этой работой получилъ онъ и критическую статью отъ Гюстава Шодэ, на которую отвѣчаетъ отъ 23-го іюля. Онъ хвалитъ Шодэ за то, что тотъ съ умѣлъ самостоятельно взглянуть на сочиненіе, не взирая на возбужденные имъ неблагоприятные возгласы во всѣхъ парижскихъ журналахъ, начиная отъ «Journal des Débats» и кончая клерикальнымъ «Ami de la religion» «Вотъ это, — говоритъ онъ, — хорошая критика: честная, простая и ясная. Теперь знаютъ, что я хотѣлъ сказать, благодаря вамъ; вы могли бы, сдѣлавши это, и не присоединяться вовсе къ моимъ взглядамъ; но вы не захотѣли ничего скрывать. Это прекрасный поступокъ съ вашей стороны, поступокъ героическій». И вслѣдъ затѣмъ Прудонъ спокойно разбираетъ замѣчанія Шодэ, и проситъ его разъяснить ему подробно нѣкоторые пункты, только задѣтые въ статьѣ. Онъ спрашиваетъ Шодэ, какіе вопросы требуютъ болѣе подробностей: вопросъ ли итальянскій или венгерскій, польскій или американскій. Онъ очень хорошо сознаетъ, что ему много еще нужно сказать о томъ правѣ силы, какое онъ поставилъ краеугольнымъ камнемъ международного права, о системѣ, какой нужно слѣдовать въ борьбѣ съ деспотическимъ государствомъ, о будущности европейскихъ національностей и т. д. Онъ и проситъ Шодэ указать ему спеціально, какимъ именно изъ этихъ вопросовъ нужно болѣе заниматься. Его осаждаютъ всякаго рода просьбами, критическими статьями, замѣчаніями, протестами, и посторонніе люди, и старые пріатели, въ особенности демократы, и ему нужны дѣльные указанія, чтобы успокоить всѣхъ ихъ. Въ концѣ письма онъ сообщаетъ, что за послѣднія шесть недѣль писалъ мало, но за то много читалъ, много дѣлалъ замѣтокъ, собиралъ матеріалы и занимался печатаніемъ своего сочиненія о *податяхъ*, удостоеннаго преміи въ Лозаннѣ. Другому парижскому пріателю, Гувернэ, отъ 25-го іюля, онъ пишетъ уже въ болѣе рѣзкомъ тонѣ: демократія

больна, но онъ вовсе ея не проклиняетъ, а только чувствуетъ къ ней жалость и состраданіе: «согласитесь сами, — добавляетъ онъ, — если половина моихъ друзей объявляетъ, что они, при всей своей охотѣ, не могутъ меня понять, такъ изъ-за чего же мнѣ такъ сердиться на враговъ?» А дру Кретену онъ восхваляетъ своихъ земляковъ безансонцевъ, которые «понимали его даже между строкъ». Свой отчетъ по поводу всѣхъ печатныхъ критикъ, онъ желаетъ выпустить только послѣ критическихъ статей «*Courrier du Dimanche*», парижскаго журнала, мнѣніемъ котораго онъ вообще дорожилъ, и въ это время онъ получилъ приглашеніе участвовать на конгрессѣ въ Антверпенѣ, гдѣ въ числѣ другихъ вопросовъ по искусствамъ долженъ былъ быть обработанъ вопросъ объ отношеніи новыхъ идей къ искусству. Прудонъ, сообщая программу конгресса Гюставу Шодэ, отъ 5-го августа, говоритъ, что на этомъ конгрессѣ желаютъ возстановить опять принципы литературной и артистической собственности, пострадавшей на томъ конгрессѣ въ Брюсселѣ, гдѣ онъ побилъ французскихъ экономистовъ и Ламартина. Онъ и въ эту минуту держится своего прежняго взгляда на литературно-художественную собственность, и прибавляетъ, что если согласится участвовать въ конгрессѣ, то, конечно, для того, чтобъ съ новой силой протестовать противъ литературнаго *меркантилизма*. Продолжая много читать и дѣлать всякаго рода замѣтки, онъ написалъ черновую брошюры о паденіи критическаго смысла во французской демократіи, что въ первый разъ сообщаетъ Делассу отъ 8-го августа. Онъ возвратился тогда изъ небольшой прогулки по Бельгіи: онъ былъ въ Намюрѣ, гдѣ его весьма радушно приняли масоны. Оказывается, что Прудонъ давно принадлежалъ къ этому ордену, хотя нигдѣ, въ предъидущей перепискѣ, не было объ этомъ никакого упоминанія. Его снова пригласили на конгрессъ въ Антверпенѣ и предложили ему даже тему для небольшой рѣчи. Главный же вопросъ, какимъ онъ, въ эту минуту, занимается — движеніе національностей и специально — польскій вопросъ. То, что дѣлается во Франціи, съ каждымъ днемъ все больше и больше огорчаетъ его, и въ письмѣ къ Делассу мы читаемъ такія строки: «на душѣ у меня не радостно, какъ вы сами видите, и то, что я узнаю, что я отмѣчаю каждый день, вовсе не такого сорта, чтобъ разсвѣять сумерки, обволакивающіе меня. Чувствую, все сильнѣе и сильнѣе, что надо ѣхать, но боюсь, разъ поселившись тамъ, т.-е. въ Парижѣ, умереть отъ чувства отвращенія. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, можно было сохранить какія-нибудь иллюзіи, и я здѣсь еще могъ вѣрить во Францію, откуда меня выгнали. А

кто мнѣ поручится, что я въ скоромъ времени не буду оплакивать ее какъ совершенно умершую?» Въ концѣ печальной картины движенія всей Европы Прудонъ восклицаетъ: «сдѣлайте изъ Франціи 12 федеральныхъ республикъ, — и вы увидите, что она будетъ такъ же молода, какъ въ — 93 году!»

На конгрессъ въ Антверпенъ онъ, однако, не можетъ ѣхать, заваленный работой по печатанію своего сочиненія о податяхъ; но еще разъ говорить о программѣ этого конгресса въ письмѣ къ Шодэ, отъ 11-го августа, предупреждая его, что пренія будутъ представлять собой ужасную безтолочь, что прійдетъ много католиковъ и орлеанистовъ. Надзоръ за печатаніемъ беретъ все его время, и только къ 1 сентября онъ надѣется выпустить книгу «О податяхъ», которую требуютъ у него изъ Лозанны. Въ 20-хъ числахъ августа Прудонъ собирается въ небольшую поѣздку въ Ахенъ, Бѣльнъ и на Рейнъ до Майнца, и потомъ уже перебраться въ Парижъ, что онъ надѣется сдѣлать во второй половинѣ октября.

Въ письмѣ отъ 22-го августа къ Шарлю Белэ онъ еще разъ выражаетъ свое негодованіе на то, какъ нелѣпо большинство демократовъ отвеслось къ его книгѣ. «Говорю вамъ, демократія совершенно упала; она ничего не знаетъ и даже не заботится о томъ, чтобы что-нибудь знать. У насъ хотятъ всегда съ-разу схватить идеи, и не подовѣрѣваютъ даже, что въ дѣлѣ мышленія происходитъ то же, что и въ дѣлѣ математическихъ знаній: каждый можетъ съ-разу понять, что дважды два — четыре, но надо поработать для того, чтобы усвоить себѣ теорію логарифмовъ. Точно также и въ дѣлѣ социальныхъ идей: всѣ на свѣтѣ скажутъ вамъ, что нужно поступать съ другими такъ, какъ желаешь, чтобы съ тобой поступали; но когда дѣло идетъ о правѣ войны и о международномъ правѣ, объ уравнищеніи налоговъ, о преступленіи и наказаніи, никто не хочетъ признать, что надобно много труда для познанія принциповъ и законовъ. Массы и ихъ трибуны ничего уже не могутъ сдѣлать для прогресса, любезный другъ, и если всеобщая подача голосовъ, которую я не отрицаю, претендуетъ на полноправіе посредствомъ *да и нѣтъ*, мы не двинемся впередъ ни на шагъ — и пропадемъ».

Въ сентябрѣ вышла его книга «О податяхъ» но только-что онъ ее выпустилъ, какъ уже принялся за собираніе новыхъ матеріаловъ для своего этюда о Польшѣ, къ которому онъ былъ вызванъ полемикой съ газетой «Presse». Эта газета напала на него по поводу нѣсколькихъ страницъ въ книгѣ «Война и миръ» и упрекала въ томъ, что онъ стоитъ за принципы священнаго

союза. Конечно, Прудонъ не могъ оставить этого безъ отвѣта, и послѣ полемическихъ возраженій задумалъ выпустить въ свѣтъ цѣлое изслѣдованіе. Въ письмѣ къ Феликсу Деляссу, отъ 17-го сентября, онъ въ первый разъ говоритъ объ этомъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, замѣчая, что поляки находятся на отвратительномъ пути, что французская демократія ослѣплена, не видитъ, что въ польскомъ вопросѣ, подъ внѣшнимъ либерализмомъ, кроется много дворянскихъ интригъ и происходитъ гораздо больше ложной агитаціи, чѣмъ проявляется настоящаго націонализма. Вступая въ эту новую кампанію, Прудонъ находитъ время прочитывать книги, посылаемыя ему авторами, и пишетъ даже довольно большое письмо къ нѣкому Жозефу Демулену, отъ 17-го сентября, приславшему ему сборникъ своихъ демократическихъ стихотвореній. Въ совѣтахъ Прудона слышится живая нота хорошаго реализма, суровой критики, обращенной на всю декламаторскую часть революціонной поэзіи:

«Воспѣвайте прогрессъ, справедливость, свободу, — пишетъ онъ молодому поэту, — все это прекрасно; храните вѣру въ будущность, — я васъ одобряю вполне, но не нужно, чтобъ эта вѣра усыпляла васъ, потому что вы можете легко проснуться не въ раю, а въ грязи. Будущность принадлежитъ намъ въ такомъ только случаѣ, если мы можемъ завоевать ее неустанной энергіей: — внѣ этого предстоить позоръ и нищета.

«Будьте строги къ демократіи, не щадите ударовъ бича на либераловъ; избѣгайте всякаго рода распущенности. Время стало мрачное, обстоятельства слишкомъ серьезны, чтобъ было умѣстно шутить. Дѣлайте выговоры не однімъ владѣтельнымъ особамъ, министрамъ, клерикаламъ, не на нихъ только изливайте свои сарказмы, а на выродившихся революціонеровъ, на подгнившую массу, на все это поколѣніе, которое подъ видомъ прогресса занимается только однимъ ажіотажемъ и проституціей. Вольтеръ, конечно, былъ великій агитаторъ XVIII столѣтія, но было бы неприлично подражать ему въ настоящую минуту: обязанные трудиться надъ воспитаніемъ массъ, мы не можемъ льстить ей, потому что она нуждается не въ похвалахъ, а въ хорошихъ головомойкахъ».

Своимъ взглядомъ на Польшу Прудонъ вызвалъ цѣлую бурю въ либеральномъ парижскомъ лагерѣ, о чемъ съ ироніей говорить въ письмѣ къ Бюзону, отъ 18-го сентября. Его уже прославили фальшивымъ демократомъ, писакой на жалованьи у священнаго союза. «Вся эта демократія, — восклицаетъ онъ, — опротивѣла мнѣ до гадости. Ее не проймешь ни разумомъ, ни прин-

ципами, ни фактами. Очень ей нужно, что она противорѣчитъ себѣ на каждомъ шагѣ... Она совсѣмъ не желаетъ, чтобъ ее причислили и вымыли». Онъ сообщаетъ даже такой слухъ: будто бы нѣсколько патріотовъ составили заговоръ съ цѣлью мѣшать распространенію его брошюръ, и выдаютъ его за тайнаго агента имперіи. Но все это сплетничество не можетъ его отвратить отъ выполнения разъ задуманнаго плана: высказать, на основаніи фактовъ и всѣхъ дорогихъ ему принциповъ, слово правды. Эти недостойныя нападки укрѣпляютъ его еще болѣе въ желаніи заняться польскимъ вопросомъ, чтó бы о немъ потомъ ни говорили. Тѣхъ рукописныхъ источниковъ, которые онъ собралъ съ разныхъ сторонъ для книги о Польшѣ, ему мало, и онъ проситъ ученаго Альтмейера, отъ 23-го сентября, указать ему на всѣ *печатныя сочиненія* по исторіи этого народа. Поглощенный новыми заботами и трудами, онъ не можетъ двинуться изъ Брюсселя, и пропускаетъ опять срокъ предполагавшейся поѣздки въ Парижъ. Г-ну Петі пишеть онъ въ тотъ же день: «эти поляки — просто язва для французской демократіи въ настоящую минуту. До сихъ поръ изъ жалости не хотѣлось говорить правду о нихъ; а они злоупотребляютъ сдержанностью порядочныхъ людей, чтобъ производить гвалтъ и затруднять либеральное движеніе, т.-е. самую серьезную вещь въ эту минуту. Необходимо дать имъ щелчокъ. *Обязанность эта чрезвычайно непріятна; но нечего дѣлать*». Внутренно же онъ боялся какъ патріотъ, что имперія, воспользовавшись польскимъ вопросомъ, опять впутаетъ Францію въ какое-нибудь серьезное столкновеніе, послѣ котораго она будетъ разгромлена. То, чего боялся Прудонъ, и случилось дѣйствительно десять лѣтъ спустя. Книгу свою о Польшѣ онъ думаетъ дописать къ концу октября, и послѣ того уже вернуться во Францію. Объ этомъ трудѣ онъ продолжаетъ писать, какъ о вещи, *навязанной* ему тѣми полемическими нападками, на которыя онъ не въ состояніи былъ не отвѣчать. А по натурѣ своей онъ не могъ ничего печатать, не проработавши надъ матеріалами, не сдѣлавъ изъ нихъ самостоятельнаго этюда, не добившись какого-нибудь радикальнаго мнѣнія. Живя въ одномъ городѣ съ нашимъ соотечественникомъ, Фирсомъ, извѣстнымъ въ русской и во французской публицистикѣ подъ именемъ *Шедо Феротти*, Прудонъ познакомился съ нимъ, и проситъ у него, отъ 2-го декабря, разъясненія по вопросу раздѣла Польши: «Мнѣ хочется знать,—пишетъ онъ,—чтó три державы, участвовавшія въ раздѣлѣ: Россія, Австрія и Пруссія, говорили тогда въ свое оправданіе, предполагая, что онѣ считали вообще нужнымъ вступать

въ какія-либо объясненія. Ихъ упрекають, напр., въ томъ, что онѣ помѣшали полякамъ преобразовать ихъ конституцію и запутали нарочно дѣла, поддерживали *liberum voto* и т. д. Въ прошедшемъ вѣкѣ, да и теперь еще, употребляютъ макиавелизмъ, вмѣсто разума и правды. Тогда любили прикрывать себя разными предлогами, хорошими или дурными изворотами. Вотъ мнѣ бы и желательно было добиться того: какъ три державы смотрѣли на свой поступокъ, и въ какомъ свѣтѣ желали его выставить. Этотъ пунктъ возбуждаетъ въ настоящую минуту сильнѣе всего мое любопытство, ибо, констатируя съ полной силой вину поляковъ, я долженъ также, чтобы быть справедливымъ, признать насиліе и безнравственность ихъ покорителей, если только и то и другое дѣйствительно были пущены въ ходъ; а читая апологію польской націи, я желаю только выслушать защиту ея повелителей». Самого же Фиркса онъ хвалитъ за то чувство патриотическаго либерализма, которымъ, по мнѣнію Прудона, проникнута его извѣстная книга о Россіи. Прудонъ еще разъ перечелъ ее съ интересомъ, собираясь писать о Польшѣ. И Фирксу говоритъ онъ, что вовлеченъ *противъ своей воли* въ полемику; а теперь нравственно обязанъ: совершенно ясно и смѣло выставить свои положенія, которыя сводятся къ тому, что Польша умерла какъ государство гораздо больше отъ собственнаго «ада», чѣмъ отъ меча русскихъ, и что средства излечить всѣ ея язвы, поднять ея народъ заключаются вовсе не въ томъ, что предлагаютъ націоналисты, т.-е. защитники принципа національности. Съ французами же ему приходится продолжать полемическую переписку. Одному изъ пріятелей, значущемуся подъ буквой Х*** (кажется, г. Клавелию), онъ пишетъ очень большое письмо, наполненное горькими нападками на нетерпимость, безыдейность, отсталость французской демократіи. Онъ стыдитъ своего пріятеля, испугавшагося за его писательскую популярность, говоря, что настала минута борьбы съ идеалами, что онъ рѣшился до конца выполнять свой долгъ, въ этомъ смыслѣ. Не смущается онъ также и тѣмъ, будто бы вокругъ него «образуется пустота». Это ему уже не въ новостъ: «Пьеръ Леру еще три года тому назадъ объявилъ, что мой принципъ *справедливости* не что иное, какъ деспотизмъ. Луи-Бланъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ томовъ повторилъ то же самое обвиненіе, а объ остальныхъ я умалчиваю. Все это въ высшей степени жалко, и показываетъ только мелкій политическій зудъ. Глупцы массы повторяютъ подобныя нелѣпости; тѣмъ хуже для глупцовъ, я дождусь ихъ посрамленія и буду наслаждаться ихъ позоромъ». Онъ очень хо-

рошо знаетъ, что произвести что-нибудь въ мірѣ политическомъ можно только массами, но необходимо, чтобъ эти массы имѣли какую-нибудь идею, а онѣ, по его мнѣнію, утратили всякую руководящую нить. Онъ же самъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ только то и дѣлалъ, что разрушалъ всевозможныя химеры. Но такъ какъ онъ вотъ уже десять лѣтъ пишетъ въ другомъ тонѣ, оставилъ полемику для того, чтобъ уйти въ идеи,—про него начали кричать, что онъ умѣренный консерваторъ, доктринеръ, исчадіе священнаго союза! «Когда я объ этомъ подумаю,—восклицаетъ онъ,—я впадаю въ бѣшенство, негодованіе и презрѣніе! А вы меня убѣждаете пристать къ такому народу!» И вслѣдъ затѣмъ онъ доказываетъ пріятелю, что онъ ничего не понималъ въ его книгѣ «Война и миръ», почему и въ состояніи повторять всѣ глупости и нелѣпости, расточаемыя теперь противъ него: «Что можетъ повергнуть душу писателя въ отчаяніе, сдѣлать его мизантропомъ, это—когда его друзья, самые дорогіе для него люди, совершенно не понимаютъ его мыслей, его намѣреній, стремленій и дѣлаются вокругъ него выраженіемъ нелѣпости общества». И все-таки Прудонъ возлагаетъ еще нѣкоторую надежду на возрожденіе французской націи. Посылая пріятелю экземпляръ своего сочиненія «О податяхъ»,—говоритъ, что эта вещь самая ясная, рѣшительная и синтетическая изъ всего того, что онъ писалъ; но и тутъ онъ встрѣчаетъ такое же непониманіе, потому что принципъ равенства, которымъ проникнутъ этотъ этюдъ, далеко не понравится лже-демократамъ, умѣющимъ только повторять избитыя фразы. Кончаетъ онъ письмо такимъ крупнымъ возраженіемъ на слова пріятеля: будто бы вокругъ него образуется теперь пустота, т.-е. будто бы публика не хочетъ знать его: «Вы мнѣ говорите, что меня стала обволакивать пустота, а между тѣмъ я вижу, что мои сочиненія раскупаются. Двѣ тысячи экземпляровъ «Теоріи налога» распроданы въ одинъ мѣсяцъ за границей, а въ Парижѣ еще продажа не начиналась. Я объявилъ о сочиненіи по польскому вопросу, и со всѣхъ сторонъ являются требованія книги. Мнѣ предлагаютъ даже запродавать за большую цѣну эту книгу, еще не написанную. Въ комъ же я могу видѣть настоящихъ демократовъ, какъ не въ тѣхъ, кто меня читаетъ и кто умѣетъ думать?»

Книгу свою «О теоріи налога» выпустилъ онъ въ 20-хъ числахъ октября и ожидаетъ новыхъ нападеовъ отъ экономистовъ, его старыхъ враговъ. А пріатели сильно боятся за то впечатлѣніе, какое произведетъ книга о Польшѣ, и даже Губернъ, повидимому,

человѣкъ смирный, предостерегаетъ его и говорить о необходимости поддержать свою популярность, на что Прудонъ отвѣчалъ ему, отъ 26-го октября, что «недостойно говорить ему о популярности въ такой моментъ, когда спасеніе общества можетъ произойти только отъ науки». И онъ до такой степени погруженъ опять въ горячую работу, что не можетъ и думать о переселеніи въ Парижъ раньше зимы, а съѣздить туда присмотрѣть квартиру ему не на что: расходъ въ 200 франковъ совершенно превышаетъ его средства. Въ такомъ же смыслѣ написано его письмо къ Шарлю Белю отъ 25-го октября, гдѣ онъ опять повторяетъ, что у него есть уже своя публика, и онъ можетъ идти прямымъ путемъ, не боясь криковъ. Вопреки всѣмъ демократамъ на свѣтѣ, ему слѣдуетъ защищать теперь сильнѣе, чѣмъ когда-либо, *справедливость* и *свободу* противъ всѣхъ на свѣтѣ. «Тупоумные демократы сами не знаютъ, что они дѣлаютъ и говорятъ, и способны будутъ въ скоромъ времени обожать то, что теперь сжигаютъ». Въ письмѣ къ д-ру Клавелю на ту же тему, Прудонъ протестуетъ противъ преклоненія передъ популярностью и общественнымъ мнѣніемъ и настаиваетъ еще сильнѣе на необходимости выступить съ данными и выводами *положительнаго знанія*. «Какъ я уже сказалъ въ предисловіи къ моей «Теоріи податей», — замѣчаетъ онъ, — въ наше время общества не могутъ уже двигаться путемъ наитій и непосредственныхъ влеченій, какъ въ тѣ эпохи, когда разумъ массы признавался верховнымъ, когда неуспѣхъ поражалъ каждого, кто уклонялся отъ движенія этихъ массъ. Теперь сила эта истощена; прогрессъ нашего вѣка привелъ, какъ въ политикѣ, такъ и во всемъ остальномъ, къ царству принциповъ. А это царство заключается въ мышленіи, внѣ котораго нѣтъ ничего, кромѣ ретроградства и паденія». И переходя къ насущнымъ политическимъ вопросамъ, онъ съ новой силой выступаетъ противъ ложнаго, по его мнѣнію, принципа національности, находя, что всѣ вожди, составившіе себѣ имя въ послѣднее время: Кошутъ, Гарибальди, Маццини, получившіе популярность вслѣдствіе увлеченія массъ, совершенно лишены высшаго пониманія событий, потому что не знаютъ и азбуки *соціальной науки*. То же самое повторяется и въ польскомъ вопросѣ. Для него же сдѣлалось ясно, что слѣдовать увлеченію массы ему нельзя, что ему нужно поддерживать противъ всѣхъ чистую истину или, по крайней мѣрѣ, то, что онъ въ душѣ своей признаетъ за истину. А кончаетъ онъ, замѣчая опять, что у него съ каждымъ днемъ растетъ своя специальная публика: «въ 48 г., — прибавляетъ онъ, — я только билъ въ набатъ, а теперь, еслибъ у меня былъ свой

собственный журналъ, я собралъ бы вокругъ него многочисленную и могучую шволу».

Свою филиппику противъ французскаго общества продолжаетъ онъ и въ письмѣ къ г. Невѣ, отъ 28-го октября, въ которомъ упрекаетъ своего корреспондента въ томъ, что тотъ слишкомъ предается личному горю:

«У насъ нѣтъ свободнаго времени, чтобы жаловаться! — восклицаетъ онъ. — Я вижу передъ собой нѣчто гораздо болѣе ужасное, чѣмъ физическая смерть, чѣмъ разможенное тѣло: это — общество, совершенно распадающееся, это — гаснущая цивилизація, это — въ конецъ погибающій міръ. 18 вѣковъ тому назадъ міръ также находился въ разложеніи; но тогда характеръ этого разложенія былъ иной: онъ представлялъ собой бурный развратъ. Теперь же предъ нами не что иное, какъ трусливая подлость. Все подло и трусливо, низко и плоско, начиная съ государя и кончая нищимъ... Каждый день я поднимаюсь съ мыслью не объ отсутствующей славѣ родины, не о блистательномъ вѣкѣ, достойномъ всякаго уваженія, хотя меня изъ него и выдѣлили; но съ мыслью о моей опозоренной націи, которая любитъ на свой позоръ, о гниломъ поколѣніи, любящемъ свою гниль, о нелѣпой публикѣ, приходящей въ изумленіе отъ собственной глупости; а зараза распространяется повсюду, и изъ высшей буржуазіи она переходитъ въ среднюю, изъ средней къ крестьянину и рабочему, изъ Парижа въ департаменты, изъ Франціи за границу. Вотъ, любезный другъ, каковы мои обычные размышленія; но я все-таки не поддаюсь ипохондріи, я неустанно работаю, я вѣрюсь въ борьбу съ неудачей, я готовлю себя къ новой миссии, и моя жена, въ предѣлахъ своего хозяйства, дѣлаетъ то же самое».

И какъ бы мраченъ ни былъ его взглядъ на тогдашнюю Францію, онъ все-таки возлагаетъ еще надежды на возрождающее вліяніе того меньшинства, къ которому самъ себя причисляетъ. Въ этомъ смыслѣ пишетъ онъ и Альфреду Даримону, отъ 1-го ноября: «намъ, *т.-е. социалистическому меньшинству*, надо взять въ руки оппозицію и направить ее. Я и стараюсь это дѣлать, придавая новый характеръ моимъ трудамъ, отнимая у нихъ исключительно полемическую форму и дѣлая ихъ все болѣе и болѣе положительными. Мы одинаково враждебны и государственному коммунизму, и мальтузіанской анархіи, и рано или поздно насъ должны признать, какъ буржуа, такъ и чернь. Мы одни можемъ удовлетворить потребностямъ Франціи, которая всегда

искала одного права и ничего больше, довольствуясь до сихъ поръ одной *благой серединой*».

Работая надъ трудомъ своимъ о Польшѣ, Прудонъ продолжаетъ переписываться съ г. Фирсомъ, жившимъ въ Брюсселѣ, потому что не всегда можетъ видѣться съ нимъ лично, заваленный работой. Два письма сряду, одно безъ числа, другое отъ 9-го ноября, исключительно посвящены Польшѣ и Россіи. Въ первомъ по порядку Прудонъ говоритъ, что можетъ удовлетвориться тѣми свѣдѣніями, какія онъ нашелъ въ книгахъ по вопросу раздѣла Польши въ 1772 г. «Что бы объ этомъ (т.-е. о раздѣлѣ) ни думали Екатерина и Фридрихъ,—пишетъ онъ,—я могу это совершенно игнорировать, не нанося вреда ни исторической стрности, ни моему тезису. Пожалуй, лучше будетъ даже, чтобы я ровно ничего не говорилъ объ ихъ мотивахъ, мнѣ вовсе и не хочется являться ихъ защитникомъ». И вслѣдъ затѣмъ, благодаря г-на Фиркса за указаніе на книгу Шмидта, о которой Прудонъ ничего не зналъ, продолжаетъ:

«Я и собственными своими размышленіями дошелъ до вывода, что починъ раздѣла долженъ былъ принадлежать Фридриху II, что это входило въ его политику, что Россія, что бы потомъ ни говорили, заинтересована была гораздо менѣе и что главнымъ виновникомъ во всемъ этомъ долженъ былъ явиться человекъ, создавшій Пруссію и укрѣпившій ее ужаснѣйшей семилѣтней войной, пожелавшій освободить ее отъ безпокойныхъ и непрочныхъ сосѣдей—поляковъ».

Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ, начало котораго мы не можемъ привести здѣсь, Прудонъ спрашиваетъ г-на Фиркса: что происходитъ въ эту минуту въ Польшѣ, спокойны ли *литовцы, волыны и рутены*, изъ-за чего они волнуются послѣ того, какъ въ теченіи 400 лѣтъ боролись противъ Польши и Ягеллоновъ до Понятовскаго, послѣ того, какъ они сами присоединились въ Россіи? «Неужели,—спрашиваетъ Прудонъ,—надо и остальныхъ славянъ считать такими легкомысленными, какъ и поляковъ, или происходитъ что-нибудь въ другомъ родѣ?» А кончаетъ онъ фразой, показывающей, какъ ему не нравится та агитація, которую поляки производили въ Парижѣ. «Я считаю, что для социальной демократіи эта интрига въ высшей степени вредна; продолжаю держаться моего взгляда и готовлюсь обнародовать свое мотивированное мнѣніе, какъ мы говорили въ —93 г.». Время подошло уже къ 15-му ноября, но Прудонъ и не думаетъ еще возвращаться въ Парижъ. Рассказывая въ письмѣ, отъ этого числа, о своихъ дѣлахъ земляку и пріятелю Морису, онъ находитъ, что

ему нужно остаться въ Брюсселѣ, пожалуй, и еще на цѣлый годъ, потому что иначе придется входить въ новые долги и прерывать начатыя работы. Въ послѣднее время доходы его были самые маленькіе. Книга «Война и миръ» провармливала его больше года; но онъ забиралъ деньги впередъ, занимая у Шарля Белэ, а продажа экземпляровъ сочиненія «О податяхъ», кромѣ преміи, принесла ему всего 1000 франковъ. «Теперь,—пишетъ онъ дальше,—я могу совершенно расчитывать на вѣрную публику въ Бельгіи, Швейцаріи, Германіи, Россіи и вездѣ за-границей, за исключеніемъ Англіи, гдѣ вовсе не читаютъ меня. Во Франціи хотя популярность моя и падаетъ въ средѣ соціальныхъ демократовъ, но образованная публика принимаетъ меня лучше, чѣмъ прежде, такъ что я могу среднимъ числомъ расчитывать на 3000 покупателей. Таково мое положеніе. Я думаю, что съ этимъ не только я могу жить и воспитывать моихъ дочерей, но и вполне расплатиться. Вы знаете, что въ ремеслѣ писателя встрѣчаются успѣхи, ведущіе за собой фортуны; если я схвачу хотя половину такого успѣха,—съ меня и этого довольно будетъ. Несомнѣнно лишь то пока, что съ одной стороны Гарнье, съ другой Гетцель пристають ко мнѣ взапуски, требуя манускриптовъ, а изъ Лозанны предлагаютъ мнѣ писать корреспонденцію, такъ что я, послѣ столькихъ мытарствъ и антипатій, стою теперь на хорошемъ счету. Надо только работать и производить. Для этого необходимы здоровье и силы, а и то и другое, признаюсь, начинаютъ пошаливать. Помните ли вы, какой мнѣ годъ? Мнѣ минетъ 53 года 15-го января 1862 г. Шутить тутъ нечего; надо воспользоваться остаткомъ: хорошо бы поработать еще десять лѣтъ, а тамъ, если Богу угодно, можно и на покой». Но какъ онъ ни нуждался, все-таки долженъ былъ отказаться отъ писанья корреспонденцій въ Швейцарію. Всякую газетную работу онъ думаетъ замѣнить выпускомъ цѣлаго ряда брошюръ. Проектъ этотъ сообщаетъ онъ другу своему Бергману въ письмѣ 15-го ноября.

«У меня цѣлая масса замѣтокъ, распределенныхъ по категоріямъ и отдѣльнымъ вопросамъ; цѣлый рядъ небольшихъ вещей, отъ 60 до 200 страницъ; надо ихъ издать: 1) затѣмъ, чтобы не лишиться потраченного труда, а 2) потому, что я чувствую потребность все больше и больше освоить читателей съ моей идеей, иначе они не могли бы хорошенько слѣдить за мной въ той «двухнедѣльной хроникѣ», которую я хотѣлъ выпускать. Не забывай, что лучшую долю моихъ трудовъ я потратилъ на критику, полемику; что безъ этихъ критикъ, интересныхъ гораздо

болѣе для меня, чѣмъ для публики, я не дошелъ бы до самосознанія; и теперь, когда я уже держу ключъ отъ моего лабиринта, надо мнѣ провести по нему и читателей, послѣ чего я могу уже приняться заново за ежедневную или ежемѣсячную критику современныхъ фактовъ. Знаю очень хорошо, что время не ждетъ, но мнѣ иначе нельзя. Что же дѣлать! Я началъ учиться поздно и одинъ; поэтому и долженъ былъ, какъ всякій одинокій пионеръ, потратить много времени на лишнюю работу, отъ которой, конечно, избавился бы, если бы былъ болѣе знающъ; въ настоящую же минуту событія, повидимому, насъ опередили, но все-таки я не могу не излагать тѣхъ законовъ, которые, по-моему, выясняютъ ихъ».

Въ новомъ письмѣ къ г-ну Фирксу, отъ 21-го ноября, Прудонъ ставитъ нѣсколько вопросовъ, показывающихъ, что, подобно большинству развитыхъ иностранцевъ, онъ зналъ очень мало о внутреннемъ устройствѣ Россіи. Онъ только-что передъ тѣмъ прочелъ четвертый по счету этюдъ г. Фиркса (Шедо-Феротти), и замѣчаетъ: «Вы думаете, что аристократія необходима монархіи, а я, независимо отъ моихъ республиканскихъ и демократическихъ симпатій, признаюсь вамъ, что этотъ пунктъ совершенно не доказанъ, и что я не поручусь за то, что экономическая и социальная революція, совершённая во Франціи, не можетъ быть закрѣплена, въ свою очередь, монархіей». Далѣе, онъ желаетъ получить отъ Фиркса указаніе на характеръ собственности въ Россіи и Польшѣ и спрашиваетъ: «аллодіальная она или феодальная?» Другими словами, онъ желаетъ знать: «земля дворянина, въ случаѣ его смерти, можетъ ли быть раздѣляема между всѣми его наслѣдниками и *отчуждаема*, или она предоставляется старшему въ родѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ подарковъ братьямъ и сестрамъ?» Изъ брошюры г-на Фиркса онъ видитъ, что эмансипація крѣпостныхъ дала *буржуазіи* право пріобрѣтать всякаго рода земельную собственность, что и представляетъ собой, по западному, характеръ аллодіальный. Но онъ вспомнилъ, что г. Фирксъ говорилъ ему о себѣ, какъ о сынѣ дворянина, имѣніе котораго должно было идти къ старшему сыну, а въ брошюрѣ тотъ же г. Фирксъ предлагаетъ, въ интересахъ дворянскаго класса, преобразовать майораты, что опять представляетъ собой феодальный характеръ. Прудонъ напоминаетъ, что феодальное владѣніе, гдѣ бы оно ни было, въ славянскихъ земляхъ, въ Германіи или Англіи — должно быть *непрерывно, по своей природѣ, нераздѣльно, неотчуждаемо и передаваемо по праву первородства*. Ему и хочется знать: такъ ли это было въ

Россіи до освобожденія крестьянъ и имѣлъ ли отецъ г-на Фиркса право раздѣлять свое имѣніе между дѣтьми или продать его? «Я слыхалъ также, — прибавляетъ Прудонъ, — о продажѣ крѣпостныхъ вмѣстѣ съ землей; въ этомъ случаѣ крѣпостное состояніе должно было соединяться съ принципомъ аллодіальной собственности, между тѣмъ какъ одно другому противорѣчить». Ему нужно также знать, какъ въ Польшѣ крѣпостное право было согласуемо съ французскимъ кодексомъ, который Наполеонъ I ввелъ тамъ послѣ того, какъ сдѣлалъ саксонскаго короля герцогомъ варшавскимъ, а между тѣмъ онъ видитъ, что польскіе дворяне пережили польскую республику и держатся своихъ феодальныхъ понятій, противятся духу французскаго кодекса, не менѣе чѣмъ русской власти. «Въ какомъ же положеніи теперь этотъ вопросъ, — спрашиваетъ Прудонъ, — что тамъ дѣлается? Вѣдь дворянинъ не можетъ существовать безъ феодальнаго владѣнія, безъ субститутовъ и майоратовъ? Скажите мнѣ, пожалуйста, подъ какимъ режимомъ живетъ это дворянство во всемъ, что касается собственности, таково ли его положеніе, какое было до 1772 г., или оно измѣнилось, и какимъ образомъ?»

Занимаясь польскимъ вопросомъ, Прудонъ выяснилъ себѣ разницу двухъ видовъ поземельной собственности: феодальной и аллодіальной, и намѣренъ былъ воспользоваться своими этюдами, чтобъ закончить теорію собственности, начатую имъ знаменитымъ выраженіемъ, надѣлавшимъ ему столько вреда. Польскій вопросъ гораздо больше увлекъ его, чѣмъ онъ въ началѣ предполагалъ, и онъ даже во второй половинѣ декабря не покончилъ еще съ книгой настолько, чтобъ приступить къ ея печатанію. Увѣренность въ томъ, что онъ дополнилъ теорію собственности, настолько жива въ немъ, что и въ письмѣ къ Шодэ, отъ 28-го декабря, онъ еще разъ возвращается къ этому предмету, и говорить, что, наконецъ-то, послѣ двадцати-двухлѣтнихъ изысканій найдено имъ разрѣшеніе задачи: «Я знаю самую суть этого дѣла, пишетъ онъ; напугавши всѣхъ критикой, я могу теперь успокоить доктриной, и мнѣ не нужно вовсе ни отказываться отъ своихъ словъ, ни опровергать самого себя, ни противорѣчить себѣ. Я шелъ по доброму пути и теперь достигъ цѣли; дѣло сдѣлано, отыскано, завоевано». Живя уже въ добровольномъ изгнаніи, не принимая участія въ ежедневной общественной и газетной борьбѣ, Прудонъ, все-таки, продолжалъ быть мишенью ѣдкихъ и ожесточенныхъ нападокъ, со стороны всей тогдашней либеральной прессы. Въ письмѣ къ Ланглуа, отъ 30-го декабря, онъ перечисляетъ журналы, не перестававшіе

нападать на него не только въ Парижѣ, но и въ Бельгiи. При этомъ онъ изумляется: почему именно на него устремлено столько непониманiя, злости, высокомерiя? «У меня нѣтъ журнала,—пишетъ онъ,—я не отвѣчаю нигдѣ, я сочиняю книги, нахожусь внѣ Францiи: что же мнѣ еще сдѣлать для того, чтобъ совершенно ступешаться? Давнымъ-давно я воздерживаюсь отъ нападокъ на какую-бы то ни было личность или партiю; я сказалъ даже нѣсколько добрыхъ словъ объ орлеанской фамилиі; къ массѣ я не подслуживаюсь. Она меня совсѣмъ и не знаетъ. Чего же отъ меня добиваются?» И онъ не скрываетъ отъ Ланглау, что приметъ оплачивать противникамъ своимъ, такъ какъ обстоятельства перемѣнились, и онъ не будетъ уже сдерживаться тѣмъ, что было въ 1852 и 1853 годахъ.

III.

Въ новому, 1862 г. Прудонъ рѣшилъ не принимать предложенiй на счетъ еженедѣльнаго журнала и сѣздить въ Парижъ до окончанiя своей книги о Польшѣ, принимавшей подъ его перомъ все большіе и большіе размѣры, такъ что уже отъ 2-го января онъ пишетъ Гуверну о необходимости отложить поѣздку до Пасхи. Окончательное же переселеніе во Францiю онъ все откладываетъ и не видитъ никакихъ побуждающихъ мотивовъ торопиться съ этимъ. Въ письмѣ къ Бутвиллю, отъ 6-го января, онъ увѣряетъ, что у него нѣтъ никакого политическаго честолюбiя, что онъ совсѣмъ не желалъ бы принимать кандидатуру въ законодательный корпусъ, что ему вовсе не хочется также дѣлаться журналистомъ; и такъ какъ онъ ни мало не вѣритъ сколько-нибудь радикальной перемѣнѣ политическихъ обстоятельствъ, то и признается, «что ему вездѣ хорошо въ качествѣ зрителя, присутствующаго при распаденiи своей страны и всей старой Европы». Ему достаточно и той небольшой публики, которая поддерживаетъ его своей симпатiей и позволяетъ жить перомъ. «Я желаю лишь,—заканчиваетъ онъ это признаніе,—обработать нѣсколько затѣянныхъ мною трудовъ, резюмировать мою идею, послѣ чего мнѣ останется: спокойно ожидать смерти». Матеріальными результатами истекшаго года Прудонъ былъ вообще доволенъ и говоритъ въ одномъ письмѣ, что у него припасено средствъ на цѣлый годъ, а къ 1863 г. онъ надѣется заплатить до 10 тысячъ франковъ старыхъ долговъ, уплачивая теперь новыхъ долговъ на 1,700 франковъ. Сло-

вомъ, денежные обстоятельства пошли бы, по его оцѣнкѣ, прекрасно, еслибъ онъ не чувствовалъ физическаго утомленія. Онъ жалуется въ особенности на то, что очень часто долженъ оставлять работу по предписаніямъ врача, какъ разъ въ такіе минуты, когда идея назрѣваетъ и является энергія умственнаго труда. Онъ даже считаетъ себя достойнымъ всякаго сожалѣнія, и говоритъ: «печально отдавать дань старости въ то время, когда чувствуешь себя какою-нибудь цѣну». И въ самомъ дѣлѣ, прочитывая его большое письмо, отъ 17-го января, въ Ланглюа, никто не подумаетъ, что этотъ человѣкъ былъ уже такъ значительно утомленъ жизненными испытаніями и физическими недугами. Въ этомъ письмѣ Прудонъ сначала оправдывается въ томъ:—будто бы, по увѣренію пріятеля его Ланглюа, онъ *перемѣнилъ свою тактику, какъ мыслитель и публицистъ*. Все свое поведение объясняетъ онъ крупными штрихами и показываетъ его послѣдовательность, убѣждая въ то же самое время своего единомышленника въ томъ, что никто въ данную минуту не поднялся надъ событіями такъ, какъ ихъ кружокъ. «Мы такъ же новы, пишетъ онъ,—въ настоящую минуту, какъ и въ 1848 году. Въ этомъ-то и заключается результатъ моей предполагаемой тактики». Далѣе онъ говоритъ, что съ лѣтами и обстоятельствами сдѣлался гораздо доступнѣе людямъ всякихъ отъѣнковъ, оставаясь все такъ же непреклоннымъ въ своихъ принципахъ. По его глубокому убѣжденію, надо до поры до времени ждать и ни въ какомъ случаѣ не представлять изъ себя секты. «Дѣло состоитъ теперь вовсе не въ республикѣ, и не въ конституціонной монархіи, и не въ имперіи, а кое въ чемъ иномъ, что намъ прежде всего и нужно показать и притомъ показать ни слишкомъ поздно, ни слишкомъ рано». Онъ находитъ также, что старый свѣтъ повертывается въ ихъ сторону и приводитъ нѣсколько фактовъ въ доказательство. «Мнѣ не извѣстно, — говоритъ онъ, — долго ли продержится императорское правительство и попытается ли оно поддерживать себя инициативой политическаго движенія. Но что бы ни случилось: будетъ ли оно низвергнуто или преобразовано, въ обоихъ случаяхъ я не вижу никого, кромѣ насъ, кто бы могъ съ нимъ ли или послѣ него дѣйствовать, или, по-крайней-мѣрѣ, говорить, совѣтовать, провозглашать право и науку. Когда явится такая альтернатива, — я не знаю, но я знаю, что она явится».

Медленность, съ какою Прудонъ работалъ надъ книгой о Польшѣ, объяснялась тѣмъ, что онъ не могъ писать больше двухъ часовъ въ день. Кромѣ того, онъ взялся, еще не докончивъ книги, за разработку вопроса о литературной собственности, и этотъ

этюдъ, опять-таки, затянулся болѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Онъ успокоиваетъ Шодэ, въ письмѣ отъ 15-го февраля, замѣтившаго ему: какъ бы теорія собственности не помѣшала его сочиненію о Польшѣ, и чтобъ эти два вопроса не стѣсняли другъ друга: «Я искалъ въ исторіи,—отвѣчаетъ Прудонъ,—цѣлаго ряда событій, которыя могли бы служить мнѣ рамкой для моей теоріи, какъ разъ въ то время, когда завязался споръ между Реньо и мною въ газетѣ «Presse»; и я тотчасъ же увидалъ, что Польша—именно то, что мнѣ нужно было. Судьба этой націи—простая подробность въ моей книгѣ, демонстративный фактъ; суть же сочиненія заключается въ идеѣ». Въ тотъ же день, въ письмѣ къ Гуверню, онъ прибавляетъ слѣдующія слова: «сочиненіе мое о Польшѣ идетъ впередъ. Это—трудъ по исторической критикѣ, который открываетъ много новыхъ горизонтовъ, заставитъ затрепетать отъ радости Пруссію, Австрію и Россію, произведетъ скрежетъ зубовъ у демократовъ и вызоветъ смертную блѣдность у поляковъ». А черезъ недѣлю онъ увѣряетъ Шодэ, что знаетъ польскій вопросъ лучше, чѣмъ вопросъ литературной собственности, и что его книга явится новымъ откровеніемъ, особенно во Франціи, гдѣ ничего хорошенько не знаютъ. «Наша бѣдная нація,—говоритъ онъ съ обычной своей горечью,—падаетъ съ каждымъ днемъ самымъ жалкимъ образомъ: буржуазія банкротится, чернь околѣваетъ съ голоду, самая раса дѣлается анемической, золотушной, склонной къ ипохондрии; красная демократія волнуется, орлеанизмъ запуганъ и не знаетъ что дѣлать; правительство организуетъ само заговоры социалистовъ для того, чтобъ поддерживать свои выборы. Никто не хочетъ думать, разсуждать; принципъ никѣмъ не признается. Словомъ сказать,—мы погибаемъ».

Вопросъ литературной собственности давно интересовалъ Прудона, и онъ не могъ не откликнуться на рѣчь Валуевскаго, назначеннаго въ это время президентомъ въ парижской комиссіи, гдѣ поддерживалась идея, противъ которой Прудонъ не переставалъ ратовать. Въ письмѣ къ д-ру Кретену, отъ 4-го марта, онъ извѣщаетъ его о скоромъ выходѣ въ свѣтъ особенной брошюры, подъ названіемъ: «Литературный майоратъ». Тутъ же онъ высказываетъ желаніе выступить съ новой, независимой критикой лже-демократическаго движенія и закончить свою критику собственности своеобразной защитой этого учрежденія въ книгѣ о Польшѣ. Онъ мечтаетъ вполне примирить среднюю буржуазію съ социализмомъ, къ чему онъ и прежде не разъ стремился. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ онъ въ письмѣ къ Шодэ, отъ 7-го марта. Вопросъ литературной собственности до такой степе-

ни волнуетъ его, что онъ считаетъ побѣду своихъ противниковъ, если она состоится, смертельнымъ ударомъ, окончательно нанесеннымъ идеямъ 89 г. Но его брошюра встрѣтила на первыхъ же порахъ затрудненіе въ Парижѣ. Братья Гарнье подвергли ее собственной цензурѣ и потребовали разныхъ измѣненій, вызвавшихъ объяснительное письмо Прудона отъ 11-го марта. Эта эпизодическая работа сильно задержала окончаніе книги о Польшѣ. Замѣчательно также, что Прудонъ проситъ у Альтмейера, бельгійскаго профессора, указать ему на какой-нибудь компендіи по исторіи Польши, признаваясь въ письмѣ къ нему отъ 29-го марта, что онъ еще *не прочелъ ни одного систематическаго изложенія польской исторіи*, хотя и приготовилъ уже почти къ печати цѣлыхъ два тома объ этой странѣ. Отказъ парижскаго типографа — напечатать его брошюру о литературной собственности, заставилъ его обратиться къ редактору брюссельскаго журнала «Office de publicité» съ цѣлой запиской или, лучше сказать, съ цѣлымъ памфлетомъ, гдѣ онъ доказываетъ, что деспотизмъ, овладѣвшій Франціей, заключается не въ одномъ произволѣ императора, а въ дѣйствіяхъ цѣлой арміи крупныхъ и мелкихъ чиновниковъ. Свой отчаянный взглядъ на разрѣшеніе вопроса о литературной собственности въ исключительномъ интересѣ писателей высказываетъ онъ и въ большомъ письмѣ къ Ланглуа, отъ 12-го апрѣля, гдѣ его мрачное отношеніе къ современной Франціи проявляется во всей силѣ. Все это не давало ему ни минуты покоя и заставляло терять множество времени, на что онъ и жалуется г. де-Фонтену, отъ того же числа, говоря, что сердце у него давно уже больное и весь онъ нравственно подавленъ, хотя голова и сохраняетъ еще свѣжесть. Кромѣ того, новое катарральное нездоровье заставило его недѣли на двѣ почти совсѣмъ отказаться отъ работы. Онъ уже не думаетъ съѣздить въ Парижъ раньше іюля, а состояніе его здоровья слишкомъ хорошо показало ему, что влиять въ Брюсселѣ можетъ окончательно убить его, съ чѣмъ онъ и соглашается въ письмѣ къ Шодэ, отъ 5-го мая. Въ тотъ же день извѣщаетъ онъ г. Боннона, что надѣется переселиться во Францію въ сентябрѣ. Въ этомъ письмѣ онъ въ первый разъ перечисляетъ все то, что наработалъ въ Брюсселѣ. Трудъ этотъ сводится къ новому передѣланному изданію книги «О Справедливости», мемуару въ свою защиту, сочиненію «Война и миръ», этуду о податяхъ и брошюру о литературной собственности, не считая, впрочемъ, множества заготовленнаго матеріала и начатыхъ изслѣдованій. Пессимизмъ Прудона идетъ все *crescendo*, въ чемъ нѣтъ,

конечно, ничего удивительнаго, если сообразить, какъ мало этотъ человѣкъ имѣлъ личныхъ удовольствованій; но односторонность этого пессимизма объясняется все-таки гораздо больше самой натурой Прудона, чѣмъ его обстоятельствами. Прочитывая его безпрестанныя сѣтованія о Франціи, нельзя не видѣть, что въ это время онъ утратилъ свой прежній, болѣе философскій взглядъ на развитіе человѣчества, что онъ вдался въ болѣе идеализмъ, въ менѣе терпимую систематику политическаго моралиста. Впрочемъ, самъ онъ сознается, что старость беретъ свое, и что онъ чувствуетъ ея захваты. Но, сознаваясь въ этомъ, въ письмѣ къ другу своему Бергману, отъ 14-го мая, онъ все-таки желаетъ еще сказать послѣднее слово— «выразить въ немногихъ страницахъ ясно и просто, чего онъ хочетъ, чему онъ вѣритъ и кто онъ такой». И тутъ же подвергаетъ онъ строгой нелицепріятной критикѣ всѣ свои недостатки, какъ мыслителя и писателя, пробѣлы своихъ знаній, несовершенство натуры и умственного развитія.

Брошюру о литературной собственности онъ напечаталъ въ Брюсселѣ и хотѣлъ ее ввести во Францію, но и это не удалось: посланные имъ для пробы экземпляры были задержаны цензурой. По этому поводу онъ долженъ былъ обращаться къ Даримону, бывшему тогда депутатомъ въ законодательномъ корпусѣ, съ которымъ онъ немного позднѣе имѣлъ непріятности. А парижскіе типографы продолжали отказываться отъ печатанія брошюры, даже вопреки издателямъ братьямъ Гарнье. Отвлекаясь хлопотами и непріятностями отъ книги о Польшѣ, Прудонъ все расширялъ ея рамки и еще болѣе къ ней пристрастился. Отъ 12-го іюня мы находимъ письмо къ г. Фирксу на тѣму Польши и Россіи, гдѣ стоитъ такое соображеніе: «какъ бы то ни было, скажу еще разъ, что если моя книга доставитъ какую-нибудь удачную идею славянскому міру, это чрезвычайно польститъ мнѣ. А пока я совершенно согласенъ съ вами: лучше въ дѣлѣ правительства имѣть какую-нибудь систему, чѣмъ ровно ничего; но искренно желаю все-таки, чтобъ Россія воздержалась отъ всякой системы, равно какъ и отъ всякаго рода безпорядка. Одно изъ самыхъ крупныхъ правилъ, какое, по моему мнѣнію, можно будетъ вывести изъ моей книги, это то, что нація или, лучше сказать, правительство, насколько оно служитъ подлинному выраженію національнаго духа, не имѣетъ системы; оно слѣдуетъ лишь требованіямъ права, которое допускаетъ и приводитъ въ порядокъ всякаго рода идеи, всѣ силы, всѣ обстоятельства, ничего не исключаетъ и умѣетъ выводить изъ простыхъ формулъ здраваго смысла рѣшенія, необходимыя благу націи и славы го-

сударства». И никакъ нельзя было бы ожидать, что среди этихъ заботъ и непріятностей, при нездоровьи и чувствѣ необеспеченности, пришло вдругъ желаніе Прудону—пуститься опять въ журнализмъ, а между тѣмъ онъ сообщаетъ объ этой мысли Шодэ, отъ 23-го іюня, и спрашиваетъ его совѣта. Ему кажется, что настала благопріятная минута, и онъ совсѣмъ собрался подать просьбу министру Персиныи. Хотя изъ этого желанія и не вышло ничего (какъ мы увидимъ дальше), но оно въ немъ живетъ нѣсколько недѣль, и, въ то же время, онъ отказывается двумъ книгопродавцамъ, предложившимъ ему изданіе полного собранія сочиненій, говоря, что многое изъ напечатаннаго имъ онъ желалъ бы совсѣмъ выкинуть, и что онъ не увѣренъ, пройдетъ ли то, что онъ оставитъ, во Францію. Къ 17-му іюля, судя по письму къ Гувернэ, онъ приступилъ уже къ повѣствовательной части своей книги о Польшѣ, и смѣло ожидаетъ цѣлаго гвалта, каковой вызоветъ все сочиненіе у поляковъ, венгерцевъ, итальянцевъ, яковинцевъ, сенъ-симонистовъ и т. д. Въ этотъ самый періодъ произошла его временная размолвка съ Даримономъ, съ которымъ онъ однакоже въ концѣ іюля опять возобновилъ сношенія. Размолвка вышла изъ того, что Даримонъ счелъ себя скомпрометтированнымъ статьей Прудона, напечатанной въ Бельгii, а въ сущности выказалъ при этомъ только свою щекотливость, мелкое самолюбіе и даже трусливость. Къ началу августа Прудонъ увлеченъ былъ опять въ сторону—вопросомъ объ итальянскомъ единствѣ и сталъ готовить статью для брюссельскаго журнала «Office de publicité». Въ письмѣ отъ 9-го августа, написанномъ изъ Спа, къ Шодэ, онъ говоритъ уже объ взаимныхъ этой статьи, направленной главнымъ образомъ на Маццини. Поѣздка въ Спа его, однако, не развлекала, и онъ вернулся отътуда еще болѣе утомленнымъ, чѣмъ былъ, отправляясь туда. Его статья о Маццини вызвала, однако же, въ Бельгii много протестовъ и ввязала его въ полемику, которая имѣла для него весьма непріятныя послѣдствія, какъ мы сейчасъ увидимъ. Но на этотъ разъ Прудонъ совершенно послѣдовательно доказалъ, что Маццини, приставъ къ итальянскому движенію 1859 г., впалъ въ явное противорѣчіе со всѣмъ своимъ предыдущимъ политическимъ поведеніемъ, а потому, побуждая къ единству, нарушилъ, по мнѣнію Прудона, республиканскіе принципы и соціалистическія стремленія, которые началъ якобы раздѣлять, тогда какъ прежде выказывалъ себя врагомъ ихъ. Мысль Прудона выясняется всего ярче въ письмѣ къ Огюсту де-Фонтену, отъ 22-го августа. Онъ видитъ въ принципѣ единства національностей величайшую опас-

ность для общественнаго обновленія. Образованіе большихъ государствъ поведетъ, по его мнѣнію, только къ цезаризму и отодвинетъ назадъ ту общественную задачу, которую онъ и его единомышленники поставили передъ Европой въ 1848 г. Но эти совершенно серьезныя соображенія были очень плохо поняты, и въ Бельгіи еще хуже, чѣмъ въ Парижѣ. Газета «ECHO du parlement» сильнѣе другихъ схватилась съ Прудонемъ, а остальные либеральныя органы высказались также противъ него. Въ двухъ письмахъ къ Феликсу Деляссу, отъ 12-го и 13-го сентября, написанныхъ изъ Спа, онъ вдается въ подробности этой полемики, затѣянной противъ него, главнымъ образомъ, журналистомъ Бонифасомъ; а черезъ день онъ пишетъ тому же Деляссу, что противъ него тридцать два журнала, пошедшихъ по стопамъ «ECHO du parlement». Только семь журналовъ осмѣлились защищать его, а два воздержались отъ полемики. Въ его статьѣ бельгійская журналистика увидѣла почему-то тайную пропаганду идеи о необходимости присоединенія Бельгіи къ Франціи. Разумѣется, Прудонъ протестовалъ энергически, но не имѣлъ времени окончательно разубѣдить всѣхъ. Тотчасъ по его возвращеніи въ Брюссель, 16-го сентября, въ 9 ч. вечера, у его дома собралась толпа и произвела враждебную демонстрацію, при крикахъ: *Vive la Belgique, à bas les annexionistes!* Объ этомъ онъ рассказываетъ въ письмѣ къ издателю газеты «Office de publicité», заявляя ему, что онъ не поспѣетъ своимъ отвѣтомъ въ теченіи недѣли; а на другой день онъ пишетъ тому же издателю уже изъ Парижа, куда онъ тотчасъ же уѣхалъ. Въ письмѣ къ Феликсу Деляссу, отъ 21-го сентября, рассказываетъ онъ не только о первой, но и о второй, уже болѣе серьезной демонстраціи, бывшей на другой же день. Всю эту непріятнѣйшую для него исторію онъ выясняетъ разными мотивами: и желаніемъ бельгійскаго правительства поддержать идею національности, и тѣмъ, что въ его статьяхъ о Маццини и Гарибальди разоблачена была англо-бельгійская интрига, клонившаяся къ тому, чтобъ заставить Наполеона III вывести войска изъ Рима, и агитаціей масоновъ, заинтересованныхъ въ вопросѣ паденія папской власти. Какъ бы то ни было, но онъ долженъ былъ окончательно вернуться во Францію скорѣе, чѣмъ ожидалъ, и выразить своему корреспонденту-бельгійцу искреннее сожалѣніе при видѣ того, какъ легко увлечь даже такой добрый и разсудительный народъ, какъ бельгійцы, первой попавшейся нелѣпостью или грубой клеветой. Кончаетъ онъ, однакоже, увѣренностью, что рано или поздно сама Бельгія воздастъ ему должное. И въ самомъ дѣлѣ, мотивъ

его бѣгства изъ Брюсселя является въ высшей степени курьезнымъ: публицистъ, который всегда возставалъ противъ идеи присоединенія Бельгій къ Франціи, и по политическимъ соображеніямъ и по чувству справедливости, за то только былъ обвиненъ *въ совершено противномъ* бельгійскимъ народомъ, что выражалъ мнѣнія по-своему. Такъ онъ и пишетъ Альфреду Мадье-Монжо, отъ 21-го сентября, сожалѣя, что не можетъ участвовать въ конгрессѣ социальной науки, который состоялся какъ разъ осенью 1862 г. въ Брюсселѣ. Онъ собирался даже произнести на немъ небольшую рѣчь, въ которой желалъ показать: какъ социализмъ, «пройдя черезъ разныя мытарства, отъ 1820 до 50 г., все-таки всплылъ наверхъ, вышелъ, такъ-сказать, изъ могилы и явился даже передъ Европой подъ покровительствомъ международного конгресса, задавагшагося идеей *соціальной науки*».

Сообщая о насильственномъ своемъ переселеніи изъ Брюсселя въ Парижъ, Прудонъ оговаривается, впрочемъ, что онъ уже давно собирался вернуться на родину и откладывалъ переездъ только по чисто дѣловымъ и хозяйственнымъ соображеніямъ. Нѣсколько поспѣшно обобщаетъ онъ свои впечатлѣнія, найдя, что Франція упала даже гораздо ниже, чѣмъ онъ этого ожидалъ. Правительство, по его мнѣнію, лишилось всякой руководящей нити. «Но дѣло состоитъ не въ томъ, чтобъ побѣдить его,—добавляетъ онъ:—надо возстановить разумъ французскаго народа, совѣсть нашего отечества, возжечь свѣточъ въ мірѣ іезуитства, доктринерства, банократіи и милитаризма. Въ этомъ — все мое честолюбіе. Другимъ же я предоставляю заботу объ очищеніи конюшень». Въ такомъ же духѣ написано къ Мадье-Монжо и письмо отъ 2-го октября, гдѣ Прудонъ еще разъ высказываетъ нравственную для себя необходимость: углубиться въ изысканія принциповъ, такъ какъ ничего другого не остается дѣлать. Переѣхавъ въ Парижъ, онъ тотчасъ принялся за печатаніе брошюры объ итальянскомъ единствѣ. По его увѣренію, въ письмѣ къ Делассу, отъ 30 октября, брошюра эта произвела такое же волненіе во Франціи, какъ и статья его о Гарибальди—въ Бельгій. Передъ тѣмъ онъ съѣзжалъ въ Брюссель, чтобъ перевезти семейство, такъ что только къ 1-му ноября онъ опять могъ приняться за работу—все на ту же тему національнаго единства, но съ прибавкой новаго элемента, который разросся въ цѣлый самостоятельный этюдъ о федераціи. Чтобъ показать ходъ своихъ публицистическихъ идей одному изъ старыхъ пріятелей, г. Милье, онъ пишетъ отъ 2-го ноября: «Вся тайна моихъ сочиненій заключается въ томъ, по моему мнѣнію, что если мы желаемъ идти впередъ

въ знаніи общественной жизни, мы не можемъ отступить ни передъ какимъ выводомъ критики, куда бы она насъ ни привела, потому что хотя одна половина истины насъ порой и смущаетъ, вся ея совокупность успокоиваетъ насъ и приводитъ въ восхищеніе. Чтобы привести вамъ примѣръ этой методы, замѣчу мимоходомъ, что, начавши въ 1840 г. *анархіей*, т.-е. выводомъ моей критики, направленной на правительственную идею, я долженъ былъ кончить *федерацией*, необходимымъ основаніемъ международного европейскаго права, а позднѣе и организаціей всѣхъ государствъ. Легко видишь, какъ надъ всѣмъ этимъ царствуютъ *логика, право и свобода*; и какъ только общественный порядокъ будетъ прямо держаться за свободу и совѣсть гражданина, *анархія*, т.-е. отсутствіе всякаго стѣсненія, всякой полиціи, власти, магистратуры, регламентаціи и т. д., сдѣлается равнозначущею самой высшей соціальной добродѣтели, а слѣдовательно — и идеаламъ чело-вѣческаго правительства. Конечно, намъ еще далеко до этого и пройдетъ много вѣковъ, прежде чѣмъ этотъ идеалъ будетъ достигнутъ; но нашъ законъ заключается въ томъ, чтобы идти въ этомъ направленіи и безпрестанно приближаться къ цѣли: въ такомъ-то смыслѣ я еще разъ и поддерживаю принципы федераціи. Меня упрекаютъ въ томъ, что моя мысль совпадаетъ съ имперіей и епископствомъ; но подобное совпаденіе чисто матеріальнаго характера, чисто случайное; да еслибъ оно и было такъ, я не только не стану жаловаться, а, напротивъ, поздравляю себя. Я лишенъ лицемѣрія, заставляющаго нападать на людей, случайно встрѣтившихся мнѣ на моемъ пути, хотя ими и руководятъ принципы, діаметрально противоположные моимъ. Я же, напротивъ, думаю, что хорошій вкусъ, разумное поведеніе, болѣе здоровая политика требуютъ протянуть имъ гостепріимную руку». А далѣе онъ возвѣщаетъ свой отвѣтъ на «лай» журналовъ, по выраженію его корреспондента. Французская либеральная и демократическая пресса напала на него за послѣднюю брошюру такъ же сильно, какъ и за все предыдущее. Дру Крелену онъ пишетъ отъ 4-го ноября, что дожидается только статьи газеты «Débats», чтобы приступить къ своему полемическому отвѣту и чувствуетъ все большую потребность работать. Книгопродавецъ Дантю, съ которымъ онъ вошелъ въ дѣла, торопитъ его выпускомъ въ свѣтъ новой брошюры на ту же тему, и Прудонъ пишетъ ему отъ 8-го ноября, что только на другой день принимается за работу, а до тѣхъ поръ хотѣлъ выждать полного впечатлѣнія на публику и прессу своей первой брошюры. До его свѣдѣнія дошло, что редакторы либерально-демократическихъ газетъ отправились къ

директору департамента прессы — предупредить правительство, что они въ полемикѣ съ Прудонѣмъ должны будутъ по необходимости говорить вещи, не совсѣмъ пріятныя высшимъ сферамъ. Прудонъ спрашиваетъ объ этомъ Даримона письмомъ отъ 13-го ноября, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, но, впрочемъ, не смущаясь возможностью подобнаго поступка. Черезъ шесть дней у него уже готова черновая брошюра, и онъ находится въ сильномъ раздраженіи противъ парижской прессы. «Я не удовольствуюсь тѣмъ, что раздавлю эту гнусную расу, — пишетъ онъ г. Бюзону отъ 19-го ноября: — я хочу на этотъ разъ смѣло поднять знамя отдѣленія (т.-е. своего собственнаго устраненія отъ всякой солидарности съ тогдашней демократіей), я хочу разорвать всякую связь съ этой кляпой интригановъ и начать *очистительное* дѣйствіе, какъ говорилъ Робеспьеръ, — авось оно приведетъ къ возрожденію разума и совѣсти демократовъ. Все это требовало размышленія, много ловкости, благоразумія, потому что я со всѣхъ сторонъ окруженъ опасностями. Надъ моей головой виситъ Дамокловъ мечъ духовенства; на мою грудь устремлены императорскіе штыки, а сзади съ праваго и съ лѣваго бока ядовитые стилеты якобинцевъ. И болѣе ловкіе, чѣмъ я, могутъ погибнуть; себя же я поручаю правдѣ и удачѣ революціонной идеи». И тутъ же онъ сообщаетъ, что его отвѣтъ разрастается на два листа. То же самое пишетъ онъ и Деляссу, съ которымъ сохраняетъ, по переѣздѣ изъ Бельгіи, пріятельскія сношенія. Изъ всѣхъ его печатныхъ противниковъ только одинъ Моренъ смутилъ его нѣсколько своей статьей въ Ліонской газетѣ «Progrès». Онъ проситъ Шодэ, письмомъ отъ 20-го ноября, доставить ему первую половину статьи, и надѣется, что Моренъ откажется отъ своихъ возраженій послѣ отвѣта Прудона. Но брошюра его разрослась болѣе чѣмъ на два листа. Записка отъ 22-го декабря книгопродавцу Дантю показываетъ, что и въ концѣ декабря Прудонъ все еще сидѣлъ надъ корректурами, и цѣлую недѣлю почти ничего не работалъ, страдая головными припадками. Печатаніе затянулось даже до 7-го января. Отъ этого числа Прудонъ проситъ у Дантю впередъ 1,200 франковъ, говоря, что онъ сидитъ совершенно безъ копѣйки. Здоровье его опять расклеивается, голова начинаетъ болѣть все больше и больше, и въ письмѣ къ де-Фонтену отъ 14-го января онъ сравниваетъ ее съ бочкой: такъ она тяжела, — прибавляя, что даже тихая прогулка производитъ въ немъ головокруженіе и тошноту. Раздраженный нападками прессы, онъ все увеличивалъ и увеличивалъ объемъ своего отвѣта, и къ 14-му января брошюра имѣла уже 300 страницъ. Ея идея: федеративные

принципы и состояніе современной демократіи — вполне выяснились и заняла главное мѣсто. «На этотъ разъ, — говоритъ онъ, — я дѣлаю призывъ всѣмъ мнѣ извѣстнымъ и неизвѣстнымъ друзьямъ; я во-дружила знамя федерализма, до сихъ поръ выброшенное за предѣлы Франціи. Не пугайтесь этого слова, и только бы мнѣ соединить вокругъ себя развитое и смѣлое меньшинство, я могу предсказать, что новый духъ охватитъ Францію и Европу». Въ этомъ же письмѣ находится такое описаніе его трудового дня: «я работаю съ утра до полудня: это самое священное для меня время; послѣ обѣда я немного прогуливаюсь, почти до 3-хъ часовъ, и возвращаюсь домой уже совсѣмъ, развѣ какое-нибудь дѣло вызоветъ меня въ Парижъ». И въ тотъ же день, т.-е. 14-го января, онъ обращается къ своему издателю Дантю съ просьбой, показывающей, какъ для него были всегда дороги принципы писательской честности, серьезности, умственного труда. Когда онъ прочелъ всю свою брошюру въ корректурныхъ листахъ, имъ овладѣло желаніе передѣлать ее и превратить изъ полемическаго памфлета въ серьезный этюдъ. Онъ былъ вызванъ рѣзкими и злыми нападками парижской прессы, и чувство личнаго раздраженія слишкомъ отразилось на тонѣ брошюры, повредило единству принципа и заставило его вдаться въ слишкомъ полемическіе приемы. Но какъ только онъ успокоился и въ состояніи былъ подвергнуть свою работу строгому контролю, онъ пришелъ въ рѣшенію измѣнить общій тонъ 2-ой и 3-ей части и сдѣлать вполне хорошую книгу, проникнутую серьезнымъ принципомъ, отвѣчающую на потребности минуты. Матеріальное же измѣненіе будетъ заключаться въ томъ, что онъ прибавитъ страницъ 20 новыхъ, столько же переставитъ и перемѣнитъ въ разныхъ мѣстахъ по нѣскольку строкъ. Онъ увѣряетъ издателя, что появленіе книги въ такомъ видѣ черезъ недѣлю будетъ выгодно и въ смыслѣ ея успѣха. Прудонъ ожидалъ появленія ея въ печати не позднѣе 10 февраля. Онъ жалуется, однако, г. Бюзону въ письмѣ отъ 31 января, на то, что ему понадобилось цѣлыхъ три мѣсяца, чтобъ выпустить въ свѣтъ одну какую-нибудь брошюру. Онъ очень хорошо сознаетъ всѣ недостатки этого этюда, — говоритъ, что книжка имѣетъ странную внѣшность, что идея, вложенная въ нее, «громадна», но что она по своему внутреннему составу нѣчто разншерстное, мѣстами очень сильная вещь, мѣстами же чрезвычайно скучная. Объясняя ея заглавіе: «О федеративномъ принципѣ и необходимости пересоздать революціонную партію», онъ смотритъ на нее какъ на попытку *рѣшенія политической задачи*. Лично ему вещь эта не нравится, какъ не вполне удавшаяся,

не смотря на глубину и плодотворность идеи, которую онъ считаетъ неопровержимой. «Во Франціи,—говорить онъ въ заключеніе письма къ г. Бюзону,—существуютъ, конечно, элементы федерализма; нужно ихъ сгруппировать. За насъ стоятъ право, достовѣрность, опытъ 80-ти-лѣтняго ретрограднаго движенія по системѣ, противной намъ. Мы увѣрены въ томъ, что возьмемъ верхъ, какъ только дѣло дойдетъ до преній; противъ насъ останутся лишь предразсудки воображенія и идеализма, привычка, а съ ними покончить время». Слова эти, казалось бы, дышать бодростью человѣка вполне здороваго, не утратившаго силы въ борьбѣ, а между тѣмъ въ тотъ же самый день Прудонъ жалуется въ письмѣ къ г. Пенэ на свою физическую слабость. Онъ не можетъ выносить ни ходьбы пѣшкомъ, ни омнибуса. Уже 10 лѣтъ какъ медики требуютъ, чтобъ онъ, по крайней мѣрѣ, три мѣсяца въ году пользовался абсолютнымъ спокойствіемъ, а онъ не только не могъ слѣдовать этому совѣту, но съ каждымъ годомъ все больше и больше отягчалъ себя работой. И, несмотря на все это, у него достаеъ энергіи не только на то, чтобъ вести борьбу въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ и книгъ, онъ задумываетъ основать еженедѣльный журналъ, подъ названіемъ «Федерация», и проситъ объ его разрѣшеніи въ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 5-го февраля. Отвѣтъ онъ получаетъ не скоро. Въ ожиданіи его подготавливаетъ книгъ о федеративномъ принципѣ пріемъ въ сочувственной ему прессѣ, и пишетъ Даримону отъ 6-го февраля въ этомъ смыслѣ. А потомъ и еще письмо отъ 11-го февраля, гдѣ онъ напоминаетъ Даримону, что тотъ представляетъ собой въ редакціи газеты «Presse» принципъ социализма. «Необходимо,—пишетъ онъ,—чтобъ демократія была: *мы* или *ничто*. Вотъ въ чемъ заключается дилемма. Если мы не сдѣлаемся революціей, всей революціей, мы не что иное, какъ мелкіе писавы, клика въ другой кликѣ; мы тогда будемъ недостойны оставаться на сценѣ. Намъ надо будетъ удалиться. Тогда дѣйствительно выйдетъ, что я просто забіяка, а вы мой подручный, въ чемъ и теперь насъ упрекаютъ. А я ни подъ какимъ видомъ не хочу этого признать, да увѣренъ, что и вы не признаете. Минута настала, я схватилъ ее на-лету, и постарался, какъ только могъ, нанести страшный ударъ. Вамъ теперь нужно говорить, положеніе ваше чрезвычайно выгодно».

Книгу о Польшѣ онъ собирается выпустить въ скоромъ времени, и замѣчаетъ въ письмѣ къ старому своему пріятелю Милье, отъ 11-го февраля, что ему, конечно, непріятно будетъ побить поляковъ какъ разъ въ то время, когда они и безъ того побиты,

почему онъ и хочетъ переждать событія, т.-е. происходившее тогда возстаніе. «Вы можете мнѣ повѣрить, — заканчиваетъ онъ: — этотъ польскій вопросъ вообще всего меньше извѣстенъ въ нашемъ вѣкѣ; это самая большая мистификація, какой когда-либо ублажала себя французская демократія. Я знаю это дѣло совершенно, потому что занимался имъ долго и разносторонне, и могу вамъ ручаться за одно, что послѣ моей обработки больше ужъ никто говорить о немъ не будетъ». Другу своему Бергману признается онъ въ письмѣ, написанномъ на другой же день, что его книга о федеративномъ принципѣ стоила ему Геркулесовыхъ усилій. Онъ говоритъ дальше, что, быть можетъ, Бергманъ осудитъ его за слабодушіе, и найдетъ, что не слѣдовало выпускать въ свѣтъ вещь, которой самъ авторъ не совсѣмъ доволенъ. «Но ты знаешь, — оправдывается онъ, — что беременная женщина не можетъ располагать ни часомъ, ни минутой: она родитъ тамъ, гдѣ ей случится быть и какъ придется, иногда безъ боли, въ другой же разъ съ ужасными страданіями, оставляющими неизгладимые слѣды. Я былъ въ точно такомъ же положеніи: какимъ бы ни вышелъ ребенокъ, дѣло въ томъ, что необходимо было идти впередъ». Отвѣта изъ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи ему журнала Прудонъ все еще не получалъ; но, судя по письму къ Шарлю Белэ отъ 16-го февраля, онъ группируетъ вокругъ себя кружокъ будущихъ сотрудниковъ, а самъ Шарль Белэ, какъ человѣкъ состоятельный, по всей вѣроятности обѣщавъ ему необходимый фондъ на изданіе. Къ 20-му февраля вышла книга Прудона о федеративномъ принципѣ. Посылая ее въ Брюссель къ Феликсу Деляссу, онъ еще разъ говоритъ, что не особенно доволенъ этой вещью, хотя ея суть и кажется ему не только новой, но и неоспоримой. Онъ находитъ даже, что *республика*, какъ онъ всегда разумѣлъ ее, существовавшая до того времени въ видѣ идеальнаго и нѣсколько туманнаго начала, нашла, наконецъ, свое *опредѣленіе*, по которому современная демократія можетъ направить свой путь и обсудить свою будущность. Онъ очень хорошо знаетъ, что тотчасъ же вызоветъ множество возраженій и противорѣчій, но надѣется при этомъ, что, мало-по-малу, въ передовой Франціи образуется совершенно новая партія, которая поглотитъ всѣ остальные. Книгу о Польшѣ рассчитываетъ онъ кончить къ іюлю. По текущей же внутренней политикѣ Прудонъ рекомендуетъ своимъ друзьямъ, начиная съ Шодэ, въ дѣлѣ предстоящихъ выборовъ, принципъ *устраненія отъ всякаго участія*, мотивируя его на этотъ разъ бесплодностью того перваго опыта, который демократія сдѣлала на предыду-

щихъ выборахъ. Тутъ же, въ письмѣ отъ 24-го февраля, онъ спрашиваетъ у Шодэ совѣта: не пустить ли ему протестъ противъ политики французскаго правительства въ польскомъ вопросѣ? Ему совѣтъ не нравятся студенческія манифестаціи, бывшія въ Парижѣ въ пользу поляковъ, и восклицаетъ: «Должно быть, никогда во Франціи не будетъ царствовать здравый смыслъ!» Продолжая переписываться на тѣму своихъ послѣднихъ изданій, Прудонъ говоритъ въ письмѣ къ г. Гранклеману, отъ 28-го февраля: «я всегда тороплюсь узнать извѣстную вещь, обнять извѣстное количество вѣрныхъ идей, и когда эрудиція недостаточно мнѣ помогаетъ, я не церемонюсь и прибѣгаю къ способности угадыванья». Это признаніе въ высшей степени характерно. Прудонъ самъ объясняетъ въ немъ причину многихъ своихъ парадоксовъ. При всей его добросовѣстности и любви къ труду онъ, какъ идеалистъ, чересчуръ часто довольствовался своей «способностью угадывать», замѣняя ею кропотливый анализъ. Такъ и въ польскомъ вопросѣ: какъ французъ, онъ изучилъ его болѣе чѣмъ современные ему парижскіе публицисты; но далеко не такъ, какъ бы можно было для полнаго и всесторонняго обсужденія историческихъ судебъ и современнаго положенія этой страны. Въ томъ же письмѣ къ Гранклеману онъ возвращается къ польскому вопросу, и характеризуетъ возстаніе въ крупныхъ чертахъ, находя, что узелъ всѣхъ внутреннихъ броженій заключается въ *собственности*, по его мнѣнію, нигдѣ, какъ слѣдуетъ, не удовлетворенной въ различныхъ частяхъ Польши. Положеніе польскаго крестьянства выставляетъ онъ бѣдственнымъ, а объ землевладѣніи русскаго крестьянина говорить, что земля перешла къ крестьянамъ (вѣроятно послѣ освобожденія) «только въ видѣ *пользованія*». Настоящимъ же очагомъ реакціи и крѣпостничества считаетъ онъ опять-таки Польшу, или, точнѣе выражаясь, тогдашнихъ противниковъ русскаго правительства. И вотъ это-то, по его мнѣнію, и повело польскую національность къ окончательной гибели.

Желаніе найти какую-нибудь поддержку въ журнализмѣ заставляетъ Прудона обратиться съ письмомъ къ редактору газеты «Presse» Эмилю Жирардену, настроивая въ этомъ смыслѣ и сотрудника той же газеты, Даримона. Впечатлѣніе книги о федерализмѣ вышло, однако же, благопріятнѣе, чѣмъ онъ рассчитывалъ. Уже въ письмѣ отъ 1-го марта къ Гюставу Шодэ онъ говоритъ о множествѣ сочувственныхъ писемъ, полученныхъ имъ изъ Парижа или провинцій. Идея книги вошла тотчасъ же въ сознаніе. Ему вѣжется даже, что въ мнѣніи мыслящихъ людей съ-разу рухнула и конституціонная монархія, и доктринаризмъ, и цезаризмъ,

и яеобинство, и клерикализмъ. «Всѣ удивляются, — продолжаетъ онъ, — какъ я могъ выбраться изъ каши, какую я заварилъ по поводу итальянской федераціи, какъ я стрихнулъ съ себя всякое обвиненіе въ желаніи поддержать папство, бурбоновъ и борясь, въдобавокъ, съ кѣмъ же? — со всей прессой и демократіей. Теперь пресса что-то такое бормочетъ, а демократы повѣсили носы». Онъ рѣшилъ тотчасъ-же выпустить свой этюдъ «О литературныхъ майоратахъ», а черезъ три недѣли взяться за избирательный вопросъ. По выходѣ книги о федеративномъ принципѣ Прудонъ уже совершенно отдѣлился отъ всей тогдашней, такъ-сказать, казенной демократіи, что и высказываетъ совершенно открыто и ясно въ письмѣ къ Шарлю Морару отъ 4-го марта. Онъ на этотъ разъ знаетъ, что его положеніе будетъ еще тяжелѣе и, бросая взглядъ на все свое прошлое, какъ мыслитель и гражданинъ, говоритъ: «вотъ уже болѣе 30-ти лѣтъ, какъ я привыкъ поддерживать вопросы, покинутые другими; я работаю вопреки надеждѣ, *in spe contra spem*, какъ выражался св. Павелъ. Вы понимаете, стало быть, что я рѣшился идти впередъ, во что-бы то ни стало. Съ меня довольно истины и права». Но онъ чувствуетъ нравственную потребность дать какую-нибудь временную поддержку людямъ, сочувствующимъ ему. Ему хотѣлось бы хотя въ зародышѣ образовать, сплотить, направить партію федераціи. Вотъ для этого-то онъ и началъ хлопотать о разрѣшеніи ему журнала. Пустивши въ сознаніе такую идею, какова идея федераціи, онъ не считаетъ уже возможнымъ ограничиваться одними теоретическими сочиненіями, выпускомъ въ свѣтъ книгъ, посредствомъ которыхъ онъ сообщается съ публикой разъ, много два въ годъ. Ему вовсе не хочется быть главой школы и партіи, но онъ не можетъ забросить идею, высказанную имъ самимъ. «Но какъ мы приступимъ къ нашей федераціи? — спрашиваетъ онъ своего корреспондента. — По-моему, надобно на нѣкоторое время оставить этотъ великій принципъ въ состояніи высиживания (*incubation*), разработать идею, приобрести уваженіе, довѣріе, симпатіи путемъ точныхъ, ясныхъ доказательствъ и обобщеній. Но кажется ли вамъ такой благоразумный путь самымъ лучшимъ средствомъ, чтобъ въ послѣдствіи идти скорымъ шагомъ? Я не говорю вамъ, чтобъ такое поведеніе соотвѣтствовало вполне моей натурѣ, но вы легко поймете, что дѣло тутъ не во мнѣ самомъ, а въ идеѣ, въ самой сути дѣла. Бѣдная наша нація падаетъ все больше и больше. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ во-очію совершается ея паденіе. Всѣ серьезные люди, всѣ сторонники французской чести, испытываютъ то же надсадное чувство, и каждый спрашиваетъ

себя: когда же покончатся эти дни тоски и пово­ра? Осталось ли въ массѣ настолько добродѣтели, чтобы съ помощью сильной и вѣрной мысли можно было добиться хотя какого-нибудь исправленія?» Что же касается до своей собственной роли, то Прудонъ прибавляетъ дальше: «Самъ по себѣ я ничего не могу сдѣлать. У меня есть перо и добрая воля; тѣло уже истощено, мозгъ ужасно утомленъ, домашняя нужда оставляетъ мнѣ мало времени и ресурсовъ. Поэтому я спрашиваю: можемъ ли мы составить извѣстную группу, начать извѣстныя дѣйствія, нравственное и умственное движеніе, раздѣлаться съ чистымъ умозрѣніемъ и положить основу новой Франціи».

IV.

Успѣхъ его послѣднихъ изданій въ нравственномъ смыслѣ обошелся ему довольно дорого вслѣдствіе окончательнаго разрыва съ демократіей, чего онъ и не скрываетъ въ письмѣ къ земляку своему Морису, отъ 5-го марта. Но тутъ же онъ мирится съ неизбѣжной долей постоянной борьбы и битвы. «Надо или истребить противника, или рѣшиться на то, чтобы васъ съѣли живого». Все его желаніе заключается въ томъ, чтобы дѣйствовать внѣ всякаго шарлатанства и душевнаго рабства. «Я хочу, чтобы со мной обращались сообразно моему достоинству. Я желаю говорить все, что я думаю, и подчинять себя принципу справедливости. А изъ-за этого, какъ вы видите, и выходитъ война. Невозможно освободиться изъ нея, поэтому-то я и продолжаю бодро воевать, и чѣмъ становлюсь старше, тѣмъ дѣлаюсь рѣшительнѣе. Я ничего не упускаю, чтобы привлечь разумъ на свою сторону, и тогда уже дѣлаюсь неумолимымъ и наношу удары точно какой духъ-истребитель». А нѣсколько далѣе онъ сравниваетъ себя съ человѣкомъ, попавшимъ въ темную пещеру, наполненную разбойниками. Онъ можетъ безъ разбора колоть cadaго изъ нихъ, въ то время, какъ враги его находятся въ нерѣшительности, опасаясь перерѣзать другъ друга. По вопросу выборовъ онъ собирается дѣйствовать какъ публицистъ и поддерживаетъ переписку съ Даримономъ, давая ему разныя указанія и совѣты, несмотря на то, что въ это время онъ чувствуетъ себя очень слабымъ и говорить даже, что «въ головѣ у него какой-то вомпотъ». Онъ пишетъ Феликсу Деляссу отъ 15-го марта, что часть демократіи высказалась въ его пользу, но офиціозная и оппозиціонная пресса напала на него до такой степени, что продажа отъ этого

пострадала. Въмѣсто 20 или 30 тысячъ продано всего 4, но онъ все-таки доволенъ. Его противники пустили въ ходъ и другое средство: игнорировать его дѣятельность; но онъ и этимъ не смущается. «Развѣ истина, — спрашиваетъ онъ въ письмѣ къ Огюсту де-Фонтену отъ того же 15-го марта, — не проигрываетъ отъ этой недобросовѣстной тактики? Пускай ихъ дѣлають, что хотятъ, пускай интриганы молчать и укрываются. Будьте увѣрены, что бить, карающій критиковъ, доберется до нихъ». Онъ, конечно, пустился бы въ дальнѣйшую полемику, еслибъ не состояніе его здоровья. Онъ дошелъ до такого нервнаго раздраженія, что не можетъ ни думать, ни писать. Доктора уже давнымъ-давно предписали ему, по-крайней-мѣрѣ, три мѣсяца въ году отдыхать, а онъ въ послѣдніе три-четыре года работалъ какъ каторжный, и даже теперь не хочетъ оставить своихъ занятій, прежде чѣмъ не выпустить брошюры о предстоящихъ выборахъ. Да, вдобавокъ, корреспонденція его поддерживается все съ тѣмъ же оживленіемъ, и даже чисто теоретическія тѣмы занимають въ ней большое мѣсто; такъ, напр., въ письмѣ къ г. Клеру отъ 16-го марта заключается подробное развитіе тѣхъ идей, которыя руководили имъ въ двухъ послѣднихъ большихъ сочиненіяхъ «О Справедливости» и «Война и миръ». Внутренно Прудонъ долженъ былъ жить, во весь этотъ періодъ, ожиданіемъ новой дѣятельности журнала, въ которой его все-таки, волей-неволей, влекло. Но, прождавши очень долго, онъ получилъ, наконецъ, отвѣтъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ съ отказомъ, на который пишетъ новое просительное письмо къ министру отъ 10-го апрѣля. Ему показалось, что по тексту отвѣта запрещеніе касается не вообще предположеннаго имъ журнала, а только *заглавія*, почему онъ и предлагаетъ на одобреніе министра другое заглавіе: «Всеобщая подача голосовъ», находя, что обстоятельства говорятъ въ его пользу, и что министр не откажетъ ему, наконецъ, передъ самими выборами въ законодательный корпусъ, зная, что его журналъ будетъ независимъ и проникнутъ искренностью, между тѣмъ какъ существующіе органы періодической прессы «злоупотребляють, болѣе чѣмъ когда-либо, своей привилегіей, чтобы вводить общественное мнѣніе въ заблужденіе по всѣмъ вопросамъ внутренней и иностранной политики». Эту послѣднюю тираду онъ могъ бы, конечно, и не вводить въ свое прошеніе. Въ тотъ же день обращается онъ съ очень добродушнымъ и блестящимъ письмомъ къ Эжену Ноэлю, автору «Записокъ дурака», предлагая ему въ видѣ шутки называть другъ друга «кузенами», на подобіе того, какъ это дѣлается между коронованными особами.

Эженъ Новль прислалъ ему свой этюдъ о Вольтерѣ, какъ видно заново имъ переделанный. Прудонъ сочувствуетъ его взгляду на публицистическую дѣятельность Вольтера, на то, что Вольтеръ писалъ по общественнымъ вопросамъ не въ блестящую эпоху своей чисто литературной дѣятельности, а уже подъ старость. Онъ пользуется этимъ случаемъ, чтобъ сообщить и Новлю о своемъ полномъ разрывѣ съ демократами, которыхъ называетъ «*citoyennes de peau*». «Но что мнѣ за дѣло до симпатій этихъ слѣпцовъ и до популярности? Надо спасти революцію, говорю я вамъ, хотя бы мнѣ это стоило жизни и свободы». Окончательное свое мнѣніе о необходимости абсолютнаго неучастія въ выборахъ для каждаго истиннаго демократа Прудонъ высказалъ въ брошюрѣ, озаглавленной «*Les démocrates assermentés et les réfractaires*». Она была кончена уже 10 апрѣля, и въ кружкѣ Прудона долженъ былъ образоваться комитетъ, съ цѣлью противодействовать участию демократовъ въ выборахъ.

Вся переписка съ Шодэ, съ Шарлемъ Белэ, съ Даримономъ, съ д-ромъ Дюпа, относящаяся къ апрѣлю мѣсяцу, вертится около политическаго интереса минуты. Видно, что Прудонъ, несмотря на утомленіе, способенъ былъ снова принять горячее участіе въ политической борьбѣ, хотя, на этотъ разъ, она и заключалась въ принципѣ совершеннаго устраненія, для его единомышленниковъ, отъ всякой публичной роли. Онъ посвящаетъ даже длинное письмо, отъ 2-го мая, Альфреду Даримону, желая сдѣлать послѣднюю попытку: убѣдить этого честолюбиваго пріятеля не ставить свою кандидатуру. Но видно уже, что ихъ пріятельскія отношенія висятъ на волоскѣ. Въ маѣ переписка вращается около того же мотива. Въ письмѣ къ Шарлю Белэ, отъ 9-го числа, Прудонъ даетъ даже, отъ себя, списокъ членовъ комитета подъ предсѣдательствомъ Бастида, куда вводитъ и свое имя. До половины мая онъ еще доволенъ, и надѣется на то, что въ Парижѣ массы демократовъ положатъ бѣлые бюллетени, показавъ этимъ свой безусловный протестъ. Съ Даримономъ же онъ долженъ былъ окончательно разойтись, что мы видимъ изъ письма отъ 14-го мая, по крайней мѣрѣ, по политическому поведенію. Но не только такіе честолюбивые люди, какъ Даримонъ, — и многіе изъ ближайшихъ пріятелей Прудона, вовсе не желавшіе играть роли, смутились идеей затѣяннаго имъ комитета, такъ что онъ черезъ нѣсколько дней махнулъ рукой на выборы.

Въ оппозицію все-таки попали и прежніе депутаты и нѣсколько новыхъ. Онъ и его друзья ограничились напечатаніемъ манифеста, про который тотчасъ же пустили слухъ, будто бы онъ

такъ пріятель полиціи, что она сама всячески распространяетъ его. Ему остается утѣшать себя тѣмъ, что и либеральная пресса, съ ожесточеніемъ напавшая на него, сама какъ-бы работаетъ надъ тѣмъ, чтобъ парализовать значеніе новыхъ оппозиціонныхъ выборовъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, пишетъ онъ г. де-Фонтену отъ 4-го іюня. Свое гражданское чувство вылилъ онъ въ новой брошюрѣ, которая должна была служить продолженіемъ «Присяжнымъ демократамъ». Но вообще онъ работаетъ гораздо меньше, страдая головными припадками, на что и начинаетъ жаловаться въ срединѣ лѣта. Въ это время вышла книга Ренана «Жизнь Иисуса». Прудонъ пишетъ, по поводу ея, нѣсколькимъ пріятелямъ, и въ первый разъ заявляетъ, что и онъ постоянно имѣлъ въ виду обработать ту же тему, но, конечно, на совершенно другой почвѣ. Онъ одобряетъ Ренана за то, что тотъ свелъ вопросъ на историческую почву и заставилъ публику прочесть свою книгу съ интересомъ романа, но вовсе не соглашается съ нимъ въ характеристикѣ Иисуса Христа, на котораго онъ посмотрѣлъ, слѣдуя своимъ собственнымъ мистическимъ идеямъ, извративъ, по мнѣнію Прудона, настоящую сущность той общественной и нравственной пропаганды, которую произвелъ Иисусъ. Это мнѣніе Прудона повторяется въ нѣсколькихъ письмахъ, скорѣе въ добродушномъ, чѣмъ въ раздраженномъ тонѣ, несмотря на то, что Ренанъ, такъ-сказать, предвосхитилъ у него, не зная того, идею книги. Къ августу его вторая брошюра о выборахъ еще не готова, и онъ чувствуетъ необходимость отдохнуть, жалуясь все больше и больше на состояніе своего мозга. Къ концу августа онъ ужъ занятъ совершенно другимъ вопросомъ. Въ письмѣ къ Бюшону, отъ 24-го августа, сообщаетъ онъ о своемъ новомъ этюдѣ по поводу картины живописца Курбэ. Первоначально хотѣлъ онъ написать о ней всего четыре страницы, но эти четыре страницы очень скоро превратились въ 160 и послужили ядромъ той книгѣ «О реализмѣ въ искусствѣ», которая издана была уже впоследствии и переведена на русскій языкъ.

И какъ ему ни необходима была поѣздка на родину, чтобъ сколько-нибудь возстановить свои силы, онъ долженъ былъ отъ нея отказаться, и прямо говорить въ письмѣ къ Шодэ, отъ 11-го сентября, что расходъ въ 200 франковъ совершенно превышалъ его средства. Въ томъ же письмѣ есть задушевное изліяніе, стоящее почти одиноко во весь этотъ періодъ парижской жизни Прудона: «охотно сознаюсь,—пишетъ онъ,—что моя печальная судьба сложилась немножко и по моей винѣ: я расточительно обошелся съ моимъ недурнымъ запасомъ таланта и интеллиген-

ціи. Я слишкомъ мало заботился о своихъ интересахъ, я работалъ порывисто и черезъ-чуръ горячечно и т. д. Но отъ этого мои современники вовсе не дѣлаются лучше. Та эпоха, когда ошибки въ родѣ моихъ такъ ужасно наказываются, между тѣмъ какъ масса мошенниковъ пользуется такимъ легкимъ успѣхомъ, — ужъ, конечно, не эпоха прогресса. Я думаю, что мы находимся въ полномъ разложеніи, и чѣмъ больше я признаю, что былъ всегда жертвой черезъ-чуръ большого великодушія, тѣмъ меньше сохраняю довѣрія въ жизненности моей націи. Я не вѣрю ни въ будущность, ни въ какую-либо человѣчную миссію французскаго народа; и чѣмъ скорѣе мы исчезнемъ со сцены, тѣмъ лучше это будетъ для цивилизаціи и рода человѣческаго. Въ своемъ мрачномъ настроеніи сознается онъ и въ письмѣ къ Огюсту де-Фонтену отъ 29-го сентября, жалуясь на то, что не можетъ уже по прежнему работать, — оставляетъ неоконченными нѣсколько вещей, которыя прежде были бы, конечно, давнымъ давно обработаны. Даримону (онъ съ нимъ продолжаетъ еще переписку) говоритъ онъ въ письмѣ, отъ 25-го октября, что цѣлыхъ четыре мѣсяца прошло у него въ прогулкахъ, въ чтеніи, въ дѣланіи замѣтокъ, въ собираніи новыхъ матеріаловъ, но онъ въ этотъ періодъ ничего окончательно не написалъ. И чѣмъ ближе подходилъ новый годъ, тѣмъ его годовые итоги дѣлаются грустнѣе. Онъ сознается даже въ письмѣ къ Бюзону, отъ 27-го октября, что, по крайней мѣрѣ, уже полгода, какъ пораженъ «какимъ-то литературнымъ, политическимъ и философскимъ отращеніемъ, дѣлающимъ его совершенно равнодушнымъ ко всему и не позволяющимъ вовсе писать». Одна внутренняя политика сколько-нибудь оживляетъ его, и на политическую тему пишетъ онъ новую брошюру — о трактатахъ 1815-го года, предлагая ее книгопродавцу Дантю въ письмѣ отъ 12 октября, но эта брошюра не была еще готова и въ двадцатыхъ числахъ этого мѣсяца, а появилась только къ декабрю. Въ ней онъ, какъ извѣстно, тоже задѣваетъ вопросъ о Польшѣ, но его большая книга по польскому вопросу все еще осталась неоконченной. О Польшѣ пришлось ему полемизировать съ новымъ корреспондентомъ, Люсьеномъ Жотранъ, католикомъ и защитникомъ польскаго дворянства. Въ доводахъ Прудона, находящихся въ этомъ письмѣ, есть въ особенности одинъ, весьма замѣчательный по своей правдѣ и проникательности. Говоря о польскомъ дворянствѣ, онъ отрицаетъ его историческую миссію на томъ основаніи, что славянская раса «не выносить кастъ». А въ концѣ письма онъ требуетъ, чтобъ вся прогрессивная Европа помогла Россіи: «въ

эмансипаціи народа, въ созданіи его собственности, въ образованіи буржуазіи (?), въ уничтоженіи дворянства, въ реформѣ ея правительства, въ ея подчиненіи европейскому праву и всемірной федераціи». Брошюра Прудона вызвала сочувственный отголосокъ русскаго публициста Фиркса (Шедо-Феротти), о чемъ Прудонъ упоминаетъ въ письмѣ къ Шодэ, отъ 14-го декабря. Вообще же онъ, на этотъ разъ, усилилъ только неприязнь къ себѣ всѣхъ старыхъ партій, а демократовъ съ якобинскимъ отъѣнкомъ болѣе чѣмъ всѣхъ другихъ, и принужденъ былъ вступить въ полемику съ газетой «Siècle». Поведеніе журналистовъ, въ родѣ Эмиля Жиардена, возмущаетъ его во всемъ этомъ дѣлѣ, и въ письмѣ къ Даримону, отъ 31-го декабря, онъ въ первый разъ характеризуетъ редактора газеты «Presse» по его заслугамъ: «г. де-Жиарденъ, говорю вамъ прямо, въ моихъ глазахъ—скверное вліяніе, которое нужно уничтожить. Съ этой нездоровой совѣстью слѣдуетъ бороться, чтобъ я и сдѣлаю, какъ только въ состояніи буду писать въ какомъ-нибудь періодическомъ изданіи». Брошюру Шедо-Феротти, изданную въ Брюсселѣ, рекомендуетъ онъ въ тотъ же самый день редактору газеты «Courrier français». Годъ заканчивается большимъ дружескимъ письмомъ къ г. Пенэ, гдѣ Прудонъ уговариваетъ его не вдаваться въ бесплодную ипохондрію по тому только поводу, что онъ пораженъ глухотой. Все это письмо пронизуто необычайной силой убѣжденія, идеальной чистотой помысла, и такимъ стоицизмомъ, котораго, конечно, нельзя было встрѣтить ни въ одномъ изъ современниковъ Прудона, игравшемъ какую-нибудь роль въ тогдашнемъ Парижѣ.

V.

Вплоть до двадцатыхъ чиселъ января 1864 года переписка Прудона не двигается: онъ опять сильнѣйшимъ образомъ заболѣлъ катарромъ, какой мучилъ его въ Брюсселѣ. Только въ первыхъ числахъ февраля почувствовалъ онъ себя лучше, хотя и восклицаетъ въ письмѣ къ Матею, отъ 8-го числа, что онъ «никогда еще не былъ болѣе несчастливъ и унылъ». Немного оправившись къ 15-му февраля, онъ сообщаетъ Бергману, что диктуетъ небольшую вещь въ сто страницъ «О конституціонномъ движеніи въ XIX вѣкѣ», а отвѣчая на вопросъ друга: какъ ему вообще живется, резюмируетъ слѣдующимъ образомъ свое положеніе въ прессѣ: «помимо заблужденій и недостатковъ, прису-

щихъ всякой человѣческой мысли, я ухитрился сдѣлать такъ, что вся пресса во враждѣ со мной—официальная и неофициальная, демократическая, орлеанистская и легитимистская, пресса классическая и романтическая. За всякій случай отдѣлать меня хватаются, точно мнѣ не все равно, какія вещи обо мнѣ говорятъ; всего же чаще нарочно воздерживаются». Къ марту мѣсяцу въ Парижѣ вышелъ манифестъ рабочихъ, поддерживающій выборы въ законодательный корпусъ депутата изъ рабочей же среды. Комитетъ, выпустивши этотъ манифестъ, обращается къ Прудону, прося высказать его мнѣніе, такъ какъ онъ дѣйствовалъ въ смыслѣ полного воздержанія отъ какова бы то ни было участія въ выборахъ. Другой, на мѣстѣ Прудона, почувствовалъ бы необходимость какъ-нибудь извернуться въ такой щекотливой дилеммѣ, но онъ вышелъ изъ нея побѣдоносно, оставшись послѣдовательнымъ и честнымъ до конца. Отвѣтъ его представляетъ собой небольшую брошюру; онъ помѣченъ 8-мъ марта 1864 года. Вначалѣ Прудонъ разбираетъ вопросъ о специальномъ представительствѣ рабочаго класса, и находитъ, что французскіе рабочіе имѣютъ несомнѣнное право посылать своими представителями людей своей же среды, такъ какъ Франція и послѣ революціи 1789 года раздѣлена, несомнѣнно, на два класса людей: на представителей капитала и всякаго рода прерогативъ и на трудовую массу. Но послѣ государственнаго переворота 2-го декабря представительство потеряло всякую соціально-демократическую почву. Оно связало себя съ тогдашнимъ реакціоннымъ и буржуазно-консервативнымъ порядкомъ цѣлымъ рядомъ вотированій, которыя наложить на всякаго представителя народной массы нравственное обязательство быть солидарнымъ съ прошедшимъ этой палаты, чего никакъ допустить нельзя. По смыслу и духу конституціи, каждый избиратель можетъ подать или не подать голосъ за кандидата, имѣетъ даже право протестовать противъ всякаго избранія посредствомъ бѣлыхъ бюллетеней, или выбирая человѣка, который не можетъ попасть въ палату потому, что не захочетъ принять присягу и по другимъ какимъ-либо причинамъ. Онъ указываетъ на депутатовъ оппозиціи, въ родѣ Жюля Фавра, Мари и другихъ, и изобличаетъ ихъ въ томъ, что они торжественно отреклись отъ всякой солидарности съ социалистами. Стало быть, эта оппозиція только предастъ дѣло трудовой массы, и всякій новый представитель, присоединившійся къ нимъ, будетъ служить доказательствомъ, что рабочіе сами согласятся на продленіе императорскаго режима, по крайней мѣрѣ, на тотъ срокъ, на который выбираются депутаты, т.-е. на шесть лѣтъ.

«Демократы!»—воскликаетъ онъ въ концѣ своего обращенія:—ваше поведеніе строго намѣчено. Вотъ уже 15 лѣтъ, какъ слѣпая реакція добивается того, чтобы поставить васъ внѣ права, внѣ правительства, внѣ политики. Но вы сами себѣ создали свое теперешнее положеніе, оно есть результатъ заговора *старыхъ партій*. Ими руководить одна мысль, и эта мысль несогласна съ осуществленіемъ той политической, экономической и соціальной справедливости, которую вы призываете всей вашей душой. Ихъ соединяетъ одна присяга; она есть символъ ихъ союза, западня, поставленная тщеславію легкомысленныхъ демократовъ». И онъ предлагаетъ имъ поднести цивическій вѣнокъ тому, кого они хотятъ почтить своимъ выборомъ, но не проституировать его, превращая въ депутата такой палаты, которая пренеполнена отъявленныхъ враговъ трудовой массы».

«Я сдѣлался школьнымъ учителемъ нашей жалкой черни», пишетъ Прудонъ г-ну Бюзону, отъ 11-го марта, и называетъ своимъ настоящимъ врагомъ тогдашнюю парламентскую оппозицію; а она всячески старалась сдѣлать его подозрительнымъ въ глазахъ демократіи. Статья газеты «*Presse*», направленная на него, заставила его обратиться съ отвѣтомъ къ редактору, отъ 31-го марта. Въ этомъ письмѣ Прудонъ спрашиваетъ: почему же именно сдѣлался онъ подозрительной личностью въ глазахъ тѣхъ, кто управляетъ демократической партіей? Вся его вина заключается лишь въ томъ, что онъ посмотрѣлъ иначе на вопросъ участія демократовъ въ законодательномъ корпусѣ и осмѣлился высказать это прямо и рѣзко. Такъ прошли у Прудона послѣдніе мѣсяцы зимы 63 и 64 годовъ, и къ апрѣлю онъ еще ничего не могъ предпринять серьезнаго и даже докончить нѣсколько брошюръ по разнымъ вопросамъ, лежавшихъ у него на столѣ. «Этотъ годъ (т.-е. 1864),—пишетъ онъ Огюсту де-Фонтену, отъ 15-го апрѣля,—будетъ для меня роковымъ». И онъ на этотъ разъ не ошибался, потому что весь 1864 годъ прошелъ для него въ физическихъ страданіяхъ, и только восемнадцатію днями пережилъ онъ его. Тотъ катарръ, который онъ схватилъ въ Брюсселѣ, настолько развился, что перешелъ въ одышку. Даже съ наступленіемъ настоящей весны не чувствовалъ онъ большого облегченія и жалуется на нездоровье въ другомъ письмѣ къ тому же де-Фонтену, отъ 1-го мая; вдобавокъ, бонса, какъ бы брошюра, приготовляемая имъ къ печати, не вышла очень слабой. Въ это же время онъ продолжалъ свой этюдъ объ искусствѣ. Его пріятель, живописецъ Курбѣ (написавшій лучший портретъ Прудона), побуждалъ его поскорѣе

явиться передъ публикой съ защитой реального искусства. Въ письмѣ къ Шодэ, отъ 1-го іюня, Прудонъ собирается засѣсть окончательно за эту книгу, какъ только прочтетъ послѣднюю корректуру политической брошюры; но тутъ случилась новая бѣда. Прудонъ схватилъ рожу и пролежалъ между жизнью и смертью цѣлый мѣсяцъ. Братъ Гарнье прислалъ ему въ концѣ этой болѣзни 500 франковъ, за которые онъ горячо благодаритъ ихъ въ письмѣ отъ 1-го іюля, указывая на тяжелую болѣзнь, необходимость спойовствія и предупреждая ихъ, что въ скоромъ времени онъ не можетъ имъ доставить никакой рукописи. Матеріальныя его дѣла были такъ плохи въ эту минуту, что онъ принужденъ былъ попросить взаймы у своего брюссельскаго пріятеля Делясса двѣ тысячи франковъ, чтобы просуществовать до конца года, т.-е. на этотъ разъ до конца своего земного поприща. Новая болѣзнь, случившаяся съ нимъ въ іюнѣ, на нѣкоторое время какъ-бы прервала припадки катарра и удушья, но вскорѣ они опять появились, осложнившись нервными страданіями. Пріятелямъ и друзьямъ продолжаетъ онъ писать довольно большія письма, но въ каждомъ изъ нихъ есть сознаніе упадка силъ, не позволяющаго ему и думать о большихъ работахъ. Получивъ отъ Делясса пріятельскую ссуду въ двѣ тысячи франковъ, онъ пишетъ ему письмо, преисполненное не одной признательности, но и новыхъ надеждъ на то, что послѣдній періодъ его литературной карьеры будетъ самый серьезный и рѣшительный. «Помимо болѣзни,—добавляетъ онъ,—я могу надѣяться еще на 10 или 12 лѣтъ добраго труда; мнѣ больше и не нужно. У меня столько еще разныхъ вещей и въ головѣ и въ сердцѣ!» Но ему не суждено было прожить и семи мѣсяцевъ. Удивляется онъ также, въ этомъ письмѣ, собственной смѣлости—писать объ искусствѣ; но предупреждаетъ, что въ его книгѣ будутъ опять совершенно новыя идеи. Только въ половинѣ іюля считалъ онъ себя вполне выздоровѣвшимъ; а доктора и въ особенности его пріятель гомеопатъ, д-ръ Кретенъ, увѣряли его въ это время, что, устоявъ противъ натиска такой болѣзни, какъ рожа, онъ совершенно обновится, чему онъ, скрѣпя сердце, вѣрилъ. «Увы!—воскликаетъ онъ съ неподдѣльной грустью, какъ-бы протестуя не-хотя противъ такихъ завѣреній:—я, какъ устарѣлый атлетъ, иду теперь вспять, я плачу, глядя на мои исхудалые члены, размыгченныя мышцы, истощенные нервы. У меня остается только сердце съ неизсаяемымъ огнемъ. Вотъ это-то и дѣлаетъ меня больнымъ. Но я хочу биться до конца, и такъ какъ я не могу уже замѣнить вѣрность ударовъ ихъ быстротой и силой, я те-

перь дѣйствую съ оглядкой, а это заставляетъ меня медлить, даетъ моей мысли больше обдуманности, а слогу больше благо-разумія и сосредоточенности. Я не хочу умирать, не развивши моей *идеи* до самаго конца; въ особенности же не хочу умирать не насладившись нѣсколькими пораженіями враговъ. Я поклялся сдѣлать это, и теперь изливаю мою кровавую клятву въ вашу уязвленную душу». Слова эти обращены къ г. Бюзону, въ письмѣ отъ 15-го іюля. Но, какъ мы сказали, катарръ началъ опять овладѣвать имъ. Чтобы поддерѣпить свои силы, онъ задумалъ поѣздку на родину, живя въ это время въ долгъ и рассчитывая къ новому 1865 г. встать опять на ноги. Книгопродавцы Гарнье общали ему вѣрный доходъ въ 10 тысячъ франковъ, если онъ возьмется писать по литературнымъ вопросамъ и бросить политику. Кромѣ того, журналъ «Nain Jaune» предложилъ ему 7200 франковъ въ годъ за доставленіе четырехъ статей въ мѣсяцъ. Но онъ отказался отъ этого сотрудничества, зная, что редакторъ журнала — лицо не совсѣмъ чистое въ политическомъ отношеніи. Замѣчательно, что въ это время переписка Прудона съ Эженомъ Ноэлемъ (авторомъ «Записокъ дурака») коснулась вопроса, стоящаго совершенно въ сторонѣ отъ обычныхъ умственныхъ интересовъ Прудона: вопроса о *самопроизвольномъ зарожденіи*, по поводу сочиненія француза Пушэ, защитника этой гипотезы. Прудонъ, не признавая за собой права быть компетентнымъ судьей, высказываетъ однако свои симпатіи защитникамъ самопроизвольнаго зарожденія. Онъ познакомился также и съ теоріей Дарвина. Въ одномъ изъ писемъ на эту тему онъ высказываетъ такой взглядъ, что обособленіе видовъ въ настоящій періодъ животной жизни можетъ быть очень легко согласуемо съ происхожденіемъ ихъ путемъ постепенныхъ метаморфозъ; онъ считаетъ даже *твореніе* и *преобразование* синонимами. Эти мысли, показывающія, какъ въ Прудонѣ чутки были всѣ научно-философскіе инстинкты, изложены въ письмѣ къ Эжену Ноэлю, отъ 16-го августа. Черезъ пять дней онъ отправился на родину, гдѣ и пробылъ около мѣсяца. Его прогулка не особенно хорошо повлияла на здоровье, хотя онъ много гулялъ, отдыхалъ, ничего не писалъ и даже не читалъ журналовъ. По возвращеніи, онъ пишетъ Феликсу Делассу, отъ 9-го октября, довольно грустное и большое письмо съ такимъ взглядомъ на свою судьбу: «вотъ я опять запряженъ въ мой тяжелый плугъ. Ахъ, я теперь чувствую больше, чѣмъ когда-либо: какъ бы я ни старался и ни утомлялся, у меня никогда не будетъ ни покоя, ни отставки. Надо умереть на брешіи». Говоря о современномъ состояніи об-

щества и рисуя его самыми мрачными красками, онъ надѣется прожить настолько, чтобы видѣть начало конца. Къ 10-му октября онъ уже извѣщаетъ д-ра Кретена, что его «простуда гнѣтъ»; а черезъ пять дней чувствуетъ себя еще хуже. По ночамъ онъ не можетъ спать и свободно дышать, ему кажется даже, что воздухъ лишентъ совсѣмъ кислорода. Голова продолжаетъ быть свѣтлой и въ перепискѣ заявляетъ себя проблесками умственныхъ интересовъ. Но бороться съ разрушающимся тѣломъ дѣлается ему уже совсѣмъ не подъ-силу. Въ письмѣ, отъ 30-го октября, къ Бюзону, онъ говоритъ: «какъ только я вернулся, тотчасъ же захватилъ меня кашель и катарръ; д-ръ Кретенъ объявляетъ, что нужно заняться этой новой болѣзнью, прежде чѣмъ хлопотать о старой, т.-е. объ одышкѣ, а это еще пока не кончено. Вы знаете поговорку: «когда запускаютъ насморкъ, онъ длится 40 дней, когда лечатъ его, онъ беретъ 6 недѣль», а я навѣрно провожусь и три мѣсяца, а тамъ придетъ Рождество, я опять снова схвачу простуду до Пасхи.

«Нужды нѣтъ, я, все-таки, захотѣлъ засѣсть за работу. Каждый день отъ 7 до полудня я выполняю свою обязанность, обязанность отвратительную, внушаемую мнѣ печалью, гнѣвомъ, желаніемъ смерти, но я еще не кончилъ. Въ настоящую минуту мнѣ слѣдуетъ написать еще около 60 страницъ, и вотъ сегодня удущье такъ усилилось, что я не могу ничего работать». Этотъ бюллетень, написанный самимъ больнымъ, краснорѣчиво можетъ показать, въ какихъ условіяхъ добивалъ Прудонъ свою чернорабочую жизнь. Но онъ все-таки такъ крѣпится, что продолжаетъ и писать и читать новыя книги. Такъ, въ письмѣ къ Шодэ, отъ 4-го ноября, есть сужденіе объ извѣстной книгѣ Кинглека. Читаетъ онъ и журналы, раздражаясь ихъ общимъ недоброжелательствомъ и постоянными нападками, обращенными на его взгляды и личность. Къ концу ноября болѣзнь усилилась, а работать все-таки *нужно было*, на что онъ безъ лишнихъ жалобъ, но очень горько указываетъ Феликсу Деляссу въ письмѣ отъ 23-го ноября. Это весьма большое письмо—въ концѣ переписки Прудона. Въ немъ онъ настолько еще интересуется политическимъ движеніемъ, что подводитъ итоги всѣмъ вопросамъ, поднятымъ такъ-называемой либеральной политикой, находя, конечно, что ни одинъ изъ этихъ вопросовъ, начиная съ итальянскаго и кончая свободнымъ обмѣномъ въ торговыхъ сношеніяхъ, ничего не далъ Франціи и не привелъ ни къ какимъ здоровымъ результатамъ. Отъ 30-го ноября значитъ первое небольшое письмо, которое Прудонъ *не могъ уже самъ писать*, а продик-

товалъ своей дочери, Катеринѣ. Оно адресовано земляку и пріятелю его Морису. Послѣ того идутъ въ перемежку письма, написанныя имъ самимъ, или же продиктованныя дочерью. Большинство ихъ къ д-ру Кретену съ описаніемъ все усиливающихся припадковъ одышки, къ которой вскорѣ присоединились отеки ногъ и все большая и большая потеря силъ, такъ что онъ уже не могъ почти, въ концѣ декабря, встать съ постели. Кромѣ д-ра Кретена приглашенъ былъ другой врачъ, Кюри; но Прудонъ былъ такъ деликатенъ передъ своимъ пріятелемъ-гомеопатомъ, что сдѣлалъ это приглашеніе съ его согласія, о чемъ и говорится въ письмѣ отъ 29-го декабря, написанномъ также его дочерью. Благодарственная записка написана Катериной Прудонъ, отъ 31-го декабря, къ Феликсу Деляссу за то, что этотъ бельгійскій другъ помогъ ему еще—высылкой тысячи франковъ. На эти деньги лечился и похороненъ былъ Прудонъ. За двѣ недѣли до смерти, отъ 4-го января, послѣдняя вспышка нравственныхъ силъ сказала въ довольно большомъ письмѣ къ д-ру Магэ, продиктованномъ дочерью. Въ немъ онъ говоритъ пространно о своей болѣзни, а мѣстами рассказываетъ уже отъ себя дочь, выражая гораздо больше роковой тревоги, чѣмъ надежды на выздоровленіе отца. На консилиумъ было призвано нѣсколько врачей, всѣ его стукали, слушали, находили, что нѣтъ никакого органическаго поврежденія въ легкихъ; перепробовано было множество средствъ вплоть до распайлевской методы леченія камфорой, и все тщетно. Послѣднія маленькія записки, написанныя скорѣе самой дочерью, чѣмъ продиктованныя Прудономъ, помѣчены 9-мъ и 12-мъ января. Первая, благодарственная—Деляссу, за присылку тысячи франковъ, а вторая—Бюзону. Онѣ были, однакожъ, подписаны самимъ Прудономъ. Вотъ его подлинныя послѣднія слова: «Въ настоящую минуту я болѣе подавленъ, чѣмъ когда-либо; болѣе чѣмъ когда-либо, я сомнѣваюсь въ моемъ воскрешеніи и мнѣ стоить неимоверныхъ усилій, чтобъ поставить мою подпись на этомъ посланіи, которое, пожалуй, будетъ послѣднимъ. Вашъ всегда П. Ж. Прудонъ». Въ сноскѣ дочь отмѣчаетъ: «оно дѣйствительно было послѣднимъ! Продиктовано было 12-го января, а 19-го скончался нашъ бѣдный отецъ».

Мы увѣрены, что читатель испытаетъ глубокое нравственное впечатлѣніе, обозрѣвъ картину жизни этого могучаго характера, прочувствовавъ неустанную борьбу, какую онъ велъ съ человѣческой несправедливостью, а, главнымъ образомъ, съ непонима-

ніемъ, умственной мелкотой, реакціоннымъ духомъ французскаго правительства и нетерпимостью партій разнаго оттѣнка. Жизнь Прудона служить также прискорбнымъ доказательствомъ того, что человѣкъ, принужденный существовать перомъ, даже въ одной изъ самыхъ образованныхъ странъ Европы, роковымъ образомъ обреченъ на невзгоды, лишенія, тяжелую нужду, если онъ захочетъ постоянно идти своей дорогой, ни въ комъ не заискивая, никому не уступая ни одной пяди изъ своихъ убѣжденій и принциповъ. При такой могучей натурѣ, какою обладалъ Прудонъ, онъ не дошелъ и до средняго возраста французскаго писателя, умеръ почти въ цѣлѣ лѣтъ; не могъ не только выбиться въ матеріальномъ отношеніи, но и послѣдніе полгода своей жизни продышалъ въ долгъ да и умеръ, такъ сказать, въ долгъ.

Здѣсь не мѣсто разбирать всѣ его парадоксы и противорѣчія; вдобавокъ, этимъ уже достаточно занимались его современники; Неизгладимая заслуга Прудона передъ мыслящимъ человѣчествомъ XIX вѣка заключается въ принципѣ безпощадной критики, руководимой неумирающимъ чувствомъ общественной правды и справедливости.

Д — К ВЪ.

ДВА МѢСЯЦА

ВЪ

ГАБРОВЪ

Изъ воспоминаній о войнѣ 1877—78 гг.

I.

Вмѣсто предисловія.—Пріѣздъ въ Габрово.—Отношеніе къ намъ болгаръ.—Лазаретъ.—Монастырь.—Нѣсколько словъ о болгаряхъ вообще.—Общія понятія о военно-временныхъ медицинскихъ учрежденіяхъ, перевязкѣ и транспортировкѣ раненныхъ.—Занятія въ лазаретѣ.—Раненые турки.—Разказы нашихъ раненныхъ.—Турецкіе плѣнные.—Первыя тревоги въ Габровѣ.—Ночной переполохъ.—Поѣздка въ Сельви.

Когда же придетъ «Дядя Иванъ»? Придетъ ли «Дядя Иванъ»?

Такими и подобными имъ вопросами втихомолку обмѣнивались между собою болгары, подразумѣвая подъ этимъ, Богъ-вѣсть кѣмъ и когда придуманнымъ, именемъ «Дяди Ивана» русскую армію, ибо не осмѣливались называть русскихъ настоящимъ именемъ—изъ боязни быть услышанными какимъ-нибудь шпиономъ и переданными въ желѣзныя руки турецкой власти. Наконецъ, дошла до нихъ вѣсть, что тронулся съ мѣста «Дядя Иванъ» и пошелъ къ Дунаю. Заволновался тихо дремавшій океанъ и покатилъ свои волны одну за другою къ Балканскому полуострову, залилъ почти всю Румынію и, остановившись у ея южной границы, готовился громко объявить встревоженному турку и тайнѣ радовавшемуся болгарину, что вотъ пришелъ онъ, — для однихъ

непрощенный и страшный «гаурь-московъ», для другихъ — желанный «Дядя Иванъ», который, по старому и твердому вѣрованію болгаръ, долженъ былъ придти рано или поздно и освободить ихъ отъ рабства и турецкаго гнета.

Увлеченный волнами того же океана, двинувшаго массы русскихъ людей на берега «прекраснаго голубого Дуная», чтобы окрасить воды его кровью своею и своего врага и потомъ перешагнуть на турецкій берегъ, я тоже отправился къ этимъ берегамъ въ началѣ мая прошлаго года, въ качествѣ врача общества Краснаго Креста. Пробродивъ въ Румыніи мѣсяцъ, въ томительномъ ожиданіи начала военныхъ дѣйствій и въ избираніи пункта, на которомъ можно было бы принести всего болѣе пользы нашимъ будущимъ страдальцамъ, я, наконецъ, уѣхалъ въ Бухарестъ, куда былъ неожиданно вызванъ, и вмѣстѣ съ отрядомъ, составившимъ подвижной перевязочный пунктъ Краснаго Креста, достигъ Зимницы въ тотъ самый день, когда тамъ совершилась переправа черезъ Дунай. Но, увы! нашъ отрядъ хотя и располагалъ достаточнымъ временемъ, все-таки не поспѣлъ къ началу дѣла, опоздавъ часовъ на шесть. На это были свои причины, — причины, о которыхъ мнѣ грустно говорить... Можетъ быть, и даже навѣрно, онѣ узнаются со временемъ, но теперь мы не станемъ касаться ихъ.

Мы прѣехали, когда почти всѣ раненные были уже перенесены съ поля сраженія въ лазареты и имъ оказана первая помощь... Слава-Богу, конечно, что оказана; но каждый страстно желалъ быть самъ полезнымъ, приложить свой трудъ и заботы для облегченія страданій несчастныхъ братьевъ; но каждый изъ нихъ при большемъ числѣ лицъ медицинскаго персонала, конечно, получилъ бы менѣе спѣшную и лучшую помощь... По тѣмъ же самымъ причинамъ намъ удалось весьма мало послужить дѣлу «попеченія о раненыхъ и больныхъ войнахъ» и въ теченіи слѣдующихъ двухъ недѣль, проведенныхъ въ Зимницѣ, и я предпочитаю пройти молчаніемъ это время, тяжкое для всѣхъ насъ, членовъ общества Краснаго Креста, тяжкое по тому душевному состоянію, въ которое мы были повергнуты. Гордый и совершенно равнодушный къ своему дѣлу, князь Черкасскій, на каждомъ шагу всѣхъ оскорбляющій одинъ изъ его ближайшихъ секретарей, множество уполномоченныхъ болѣею частью слѣпкомъ юныхъ и вовсе не приготовленныхъ къ дѣлу, тѣмъ не менѣе дѣйствительно «уполномоченныхъ», — все это настолько не сулило успѣха нашей дѣятельности, что заставляло каждого про себя думать: а не убѣжать ли лучше изъ такъ-называемаго «обще-

ства попеченія»... не о больныхъ и раненыхъ войнахъ?.. Съ этою цѣлю я просилъ о присоединеніи меня къ корпусу генерала Радецкаго, направлявшемуся тогда къ Тёрнову, и, получивъ на это разрѣшеніе, выѣхалъ изъ Зимницы перваго іюля съ вѣренными мнѣ небольшимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ двухъ студентовъ медико-хирургической академіи, шести сестеръ милосердія и четырехъ санитаровъ. Со мною имѣлся запасъ различныхъ вещей, необходимыхъ для открытія передового перевязочнаго пункта, а именно: два шатра, походная аптека, запасъ носилокъ, инструменты и перевязочный матеріалъ, а также запасъ продовольствія для раненыхъ на первое время до поступленія ихъ въ лазаретъ или госпиталь. Подъ этими вещами были двѣ фуры, кромѣ аптеки; а двѣ линейки, назначенныя для перевозки раненыхъ съ поля сраженія, занимались нами во время переѣздовъ до мѣста назначенія. Кажется, не успѣли мы перейти Дунай, не успѣли ступить ногой на непріятельскій берегъ, какъ слышимъ, что уже Тёрново занято нашими войсками и почти безъ сопротивленія, по крайней мѣрѣ безъ потерь. Мы пріѣзжаемъ въ этотъ живописный и интересный городъ, какъ въ свой русскій, и какъ будто не во время войны, а въ какой-нибудь праздничный день, потому что болгарское населеніе весело, нарядно: почти всѣ дома украшены цвѣтами, зеленью, вензелями и портретами нашего царя и главнокомандующаго, и разноцвѣтными флагами. Насъ привѣтствуютъ не только какъ друзей, пріѣхавшихъ на праздникъ, а какъ виновниковъ торжества... А настоящіе виновники его, — наши герои-воины, — идутъ съ своей тяжелой ношей, подъ знойными лучами солнца — все впередъ, да впередъ, на новыя ратныя дѣла, на новыя жертвы. Тяжело бѣднымъ солдатамъ; болгары смотрятъ на нихъ съ любовью, состраданіемъ и благоговѣніемъ; для нихъ нѣтъ другого названія кромѣ «братушко», и сколько родственнаго, трогательнаго участія выражали они, особенно женщины, къ тѣмъ, которые, истомленные походомъ и обезсилѣвшіе отъ зноя, отставали или просто падали на дорогѣ: тутъ всѣми и все дѣлалось, чтобъ помочь уставшему или больному «братушкѣ»; ему обливали голову холодной водой, растирали грудь, обмахивали платками, приносили пища, отдавали все, что, по ихъ мнѣнію, могло пригодиться солдатику въ походѣ... Да! то было хорошее время; тогда дѣйствительно жилось, жилось усиленно, съ полной душой, съ добрыми чувствами къ народу, ради котораго мы пришли изъ своей родины, съ твердыми надеждами на новыя быстрые успѣхи и близкое освобожденіе болгаръ, которые, казалось, уже чувствовали себя освобожденными.

Только-что мы прїѣхали въ Тѣрново и остановились въ одномъ изъ шатровъ лазарета 14-й дивизіи, съ которой должны были двигаться далѣе, какъ меня посѣтили одинъ за другимъ четыре уполномоченныхъ. Первый передалъ мнѣ распоряженіе немедленно отправляться въ армію Наслѣдника Цесаревича, къ Русцу; второй принесъ отмѣну перваго распоряженія и приказаніе—сейчасъ ѣхать въ Никополь; пришелъ третій и сказалъ, что все невѣрно: ему было приказано передать мнѣ, чтобъ я собирался ѣхать къ Плевнѣ; наконецъ, четвертый попросилъ забыть всѣ предшествовавшія распоряженія и сейчасъ отправляться въ Габрово. Я ожидалъ назначенія еще новаго пункта, но его не послѣдовало, а чуть-было не измѣнилось и это четвертое распоряженіе: хотѣли, нежизненно для чего, назначить къ моему отряду, вмѣсто меня, другого врача и послать въ Габрово, а меня оставить пока въ Тѣрновѣ. Мнѣ удалось, однако, отстоять свое отправленіе въ передовую линію нашей арміи, и я уѣхалъ,—только не съ полнымъ отрядомъ, а лишь съ половиною, какъ его личнаго состава, такъ и запасовъ. Въ Габровѣ мы провели іюль (выѣзжая на короткое время въ Сельви) и августъ до послѣднихъ чиселъ, когда уѣхали подъ Плевну; оттуда вернулись въ Габрово въ половинѣ сентября, а въ концѣ этого мѣсяца я заболѣлъ тифомъ, и могъ снова обратиться къ госпитальному дѣлу только въ декабрѣ. 25-го числа, т.е. въ первый день Рождества, я выѣхалъ въ горы на перевязочный пунктъ, устроенный въ селѣ Топлиштѣ, находящемся на томъ пути, по которому совершилъ переходъ черезъ Балканы отрядъ генерала Скобелева 2-го.

Вернувшись въ Габрово, куда были перевезены раненные съ Шипки изъ отряда генерала Радецкаго, послѣ дѣла 28-го декабря, я проработалъ въ тамошнемъ госпиталѣ до конца января, и, вызванный оттуда въ Адрианополь, оставался въ этомъ городѣ до конца марта и, наконецъ, получилъ отпускъ въ Россію для поправленія порядочно пострадавшаго здоровья. На досугѣ я просмотрѣлъ свои замѣтки, написанныя въ тотъ періодъ моего выздоровленія, когда физическія силы были еще слабы, а голова уже просила работы. Эти-то приведенныя въ порядокъ замѣтки и составляютъ содержаніе настоящаго разсказа, которому я далъ заглавіе «Два мѣсяца въ Габровѣ», потому что успѣлъ написать только объ этой порѣ своего пребыванія въ дѣйствующей арміи, и безъ новой болѣзни мнѣ едва ли удастся привести въ порядокъ наброски о видѣнномъ, слышанномъ и пережитомъ въ остальное время моего пребыванія на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Болгарія; сѣверные отроги Балканъ; городъ Габрово; на дворѣ ужъ половина ноября; въ Россіи вѣроятно зима, и на Балканахъ тоже лежатъ снѣгъ, но тутъ, въ долинахъ, еще держится ясная и довольно теплая погода и только по временамъ мы чувствуемъ доносящееся сюда холодное дыханіе нашей родины въ видѣ рѣзкаго сѣверо-восточнаго вѣтра, приносящаго то легкій, скоро ставяющій снѣжокъ, то ненастье, которое иногда стоитъ недѣлю и двѣ крыду. Въ такихъ случаяхъ болгары говорятъ, что «время-то ся развадило», т.-е. погода испортилась, развалилась. И въ эту ночь, когда мнѣ вздумалось начать писаніе своего разсказа, «время-то очень ся развалило»: на дворѣ стоитъ одна изъ тѣхъ черныхъ, ненастныхъ ночей глубокой осени, въ которыя такъ жутко и непріятно находится подъ открытымъ небомъ, напримѣръ, въ дорогѣ, и въ которыя, наоборотъ, такъ хорошо чувствуешь себя дома, когда свѣтло, сухо и тепло вокругъ васъ и когда на душѣ покойно. Нѣтъ вамъ тогда дѣла до этой непроглядной темноты, въ которой носится холодный вѣтеръ,—до дождя, падающаго съ шумомъ и плескомъ на черную землю съ такого же, какъ и она, чернаго неба.... По сердцу мнѣ такія ночи; страстно люблю я ихъ въ Россіи, особенно въ деревнѣ; люблю и люблю ихъ вездѣ, потому что онѣ напоминаютъ мнѣ родныя осеннія ночи, а съ ними и милую родину. Много думъ и разнообразныхъ чувствъ, вызванныхъ любовью къ ней, наполняютъ мою душу въ эту ненастную ночь: Россія въ настоящее время приноситъ великую жертву во имя высокой идеи—освобожденія родственнаго болгарскаго народа изъ-подъ тяжелаго турецкаго ига. Только молодой народъ способенъ на подобныя жертвы и только умудренный опытомъ Западъ не можетъ понять ее, не можетъ повѣрить ей. Въ Болгарію пришли русскіе люди, и сколько изъ нихъ уже отдали жизнь за ея будущую свободу, а остальные несутъ пока всѣ тягости походной жизни, ожидая, можетъ-быть, той же участи.... И какою мѣрою, какими сравненіями можно опредѣлить ту степень всевозможныхъ лишений и страданій, какія терпятъ въ настоящую холодную пору года бойцы за идею, терпятъ всѣ, находящіеся здѣсь; особенно же тяжело теперь живущимъ на горахъ, и мысли о находящихся въ подобныя нынѣшней ночи тамъ, среди снѣговъ и мятелей, на позиціяхъ, въ постоянномъ ожиданіи возможнаго нападения непріятеля, — эти мысли совсѣмъ отравляютъ мнѣ чувство довольства и наслажденія, доставляемыхъ свѣтомъ и тепломъ моей маленькой комнаты. Теперь я бы желалъ, чтобъ прекратился дождь, чтобъ затихъ вѣтеръ и пересталъ мучить бѣдныхъ людей, которымъ судьба послала и безъ того тяжкую долю;—теперь мнѣ

словно совѣстно было находиться въ свѣтлой и теплой комнатѣ, лежать на сухой и мягкой постелѣ.... Но какъ измѣнить положеніе дѣла! Невозможно! Будемъ лежать и ждать съ нетерпѣніемъ, пока вернутся прежнія силы, чтобъ опять приняться за дѣло помощи больнымъ, раненымъ и обмороженнымъ, которыхъ, увы, такъ много присылаютъ намъ Балканы. Итакъ, лежу я въ постелѣ, и на досугъ перебираю въ памяти, какъ въ давно заменutomъ и вновь открыtomъ чемоданѣ старыя позабытыя вещи, вспоминаю разныя событія давно и недавно минувшія — и живѣе всѣхъ между ними, конечно, впечатлѣнія прошлаго лѣта. Живо встаютъ они предо мною. Вотъ онѣ, торжественныя и печальныя картины дунайскихъ береговъ у Зимницы и Систова въ достопамятный день 15-го іюня; какъ сейчасъ вижу свѣрое утро этого дня, когда мы, прислушиваясь къ отдаленной канонадѣ, ѣхали изъ Пятры въ Зимницу; оживаютъ пережитыя въ тотъ день впечатлѣнія происходящаго неподалеку сраженія; слышатся стоны раненыхъ и стукотня ружейной перестрѣлки; чудятся тяжелыя сцены ужасныхъ страданій и преждевременной смерти, видѣнныя мною на первомъ перевязочномъ пунктѣ.... Тутъ носилки, съ лежащими въ нихъ ранеными и умирающими; тамъ рядомъ положены на землѣ и прикрыты холстомъ съ палатки или зелеными вѣтками уже успокоившіеся братья, — солдаты, офицеры, полковники.... Какія лица у нихъ... никогда не забуду этихъ лицъ.... Пальцы правой руки у многихъ умершихъ сложены крестомъ.... Между ранеными и убитыми ходятъ, дѣлая свое дѣло, докторъ, фельдшера, санитары; подѣлываютъ и уѣзжаютъ линейки и подводы.... Воскресаютъ въ душѣ со всею ихъ силою впечатлѣнія чуднаго вечера того же дня, когда уже кончился бой, и я, справляясь, нѣтъ ли гдѣ еще раненыхъ, кому нужно оказать помощь, бродилъ по правому берегу Дуная, переѣхавъ туда на одномъ изъ желѣзныхъ баркасовъ. Еще вчера здѣсь, въ этотъ часъ, сидѣлъ и ходилъ турокъ, зорко слѣдя за тѣмъ, что происходитъ на противоположномъ берегу; еще вчера эта земля была для насъ совершенно недоступна; а сегодня на ней не осталось ни одного турка, кромѣ уснувшихъ вѣчнымъ сномъ.... За Зимницей и Систовымъ встаютъ передо мной картины терновской дороги съ разоренными или покинутыми болгарскими и турецкими деревнями, въ которыхъ остались только голодныя собаки, жалобно воющія по своимъ хозяевамъ, да кошки, прячущіяся въ кустахъ или въ разломанныхъ печахъ домовъ. Какое было вездѣ довольство; какая богатая растительность; сколько тѣни вокругъ cadaго дома и ни одной живой души, кромѣ нашихъ проходящихъ сол-

дать и казаковъ, останавливающихся на ночлегъ! Грезится мнѣ живописный городъ Тѣрновъ и дорога въ Габрово, идущая по прекрасной гористой мѣстности, гдѣ насъ застала одна ненастная ночь у деревни Царева-Ливада,—ночь, проведенная въ линейкѣ подъ страшнымъ проливнымъ дождемъ и подъ страхомъ нападенія башни-бузуковъ, мысли о которыхъ такъ пугали моихъ спутницъ-сестеръ. Башни-бузуки дѣйствительно могли остаться въ тѣхъ мѣстахъ и, сдѣлавъ нападеніе, всѣхъ насъ отправить къ праотцамъ, тѣмъ легче, что мы были совсѣмъ безоружны. За Царевой-Ливадою городокъ Дрѣново, гдѣ при насъ болгары провожали Брянскій полкъ съ цвѣтами, колокольнымъ звономъ и слезами благодарности и грусти, ибо они знали, что не всѣ эти братушки вернутся назадъ. Наконецъ, вотъ и прїѣздъ въ Габрово,—городъ, въ которомъ мнѣ суждено было прожить большую часть военнаго времени, и пролежать больнымъ такъ долго. Сохранимъ о немъ воспоминаніе болѣе подробное и познакоимъ съ нимъ ближе читателя.

Этотъ маленький городокъ, который сами болгары называютъ даже «село», а не «градъ», находится верстахъ въ сорока отъ Тѣрнова, и стоитъ на той же рѣкѣ Янтрѣ, въ одномъ изъ изгибовъ ея неширокой долины. Расположился онъ по обѣимъ сторонамъ рѣки, прислонившись къ ея возвышеннымъ берегамъ, покрытымъ пастбищами, полями или лѣсомъ. Общій видъ его очень симпатиченъ, благодаря живописнымъ окрестностямъ, богатству зелени въ самомъ городѣ, оригинальной постройкѣ домовъ, надъ которыми возвышаются четыре православныхъ церкви и между которыми рѣзко выдается одинъ большой двухъ-этажный домъ европейской архитектуры — домъ мѣстной гимназіи. Габрово, какъ и другіе болгарскіе города, носить во многомъ характеръ Востока: кривыя узкія улицы; отсутствіе правильности въ постройкѣ; крыши съ большими навѣсами; небольшіе закрытые балкончики, лавки, харчевни и мастерскія, устроенныя почти въ каждомъ домѣ, богатство проведенной воды, льющейся изъ крановъ, вдѣланныхъ въ стѣны или особня, отдѣльно-стоящія каменные постройки, наконецъ, сильно-развитая уличная жизнь, все напоминаетъ Востокъ; а многія слова болгарской рѣчи и церкви, съ которыхъ раздается звонъ «кампановъ», т. е. колоколовъ, живо напоминаютъ Россію; да и на улицахъ вездѣ снуютъ русскій военный людъ, и такъ его много, что по временамъ забываешь, что находишься не дома, не въ Россіи. Проѣзжая по улицамъ Габрова, нельзя не замѣтить очень большого числа слесарей и кузницъ, а также лавокъ съ грубой глиняной посудой. Габровскіе

жители дѣйствительно по преимуществу занимаются приготовленіемъ въ большомъ количествѣ этой посуды и желѣзныхъ издѣлій, по преимуществу ножей, которые они, подобно нашимъ владимірцамъ, разносятъ по разнымъ городамъ не только Болгаріи, но даже и Молдавіи. Съ перваго же взгляда бросаются въ глаза трудолюбивыя болгарки, которыя сидятъ на улицѣ или ходятъ съ шерстяной пряжей и веретенами въ рукахъ и сучатъ нитки. Онѣ выдѣлываютъ изъ нихъ прекрасныя шерстяныя ткани, не уступающія по отдѣлкѣ фабричнымъ, а по прочности далеко превосходящія ихъ. Габровцы еще занимаются выдѣлкою мѣховъ и кожъ; нѣкоторые разводятъ шелковичныхъ червей; но они говорятъ, что вообще промышленность у нихъ въ плохомъ состояніи, вслѣдствіе постоянного страха турецкаго погрома и неувѣренности въ прочности даже собственной жизни, не только состоянія. — Я, однако, вынесъ впечатлѣніе, что жители Габрова очень дѣятельный и промышленный народъ. Въѣхавъ въ городъ, мы спросили перваго встрѣтившагося болгарина: — гдѣ находится военная больница?

— Военная болница? — переспросилъ онъ: — тѹка, тѹка (здѣсь), — указавъ онъ по дорогѣ влѣво: — самый гуламый (большой) домъ, училиште, — тамъ и есть болница.

Мы поѣхали улицей, встрѣчаемые всюду выраженіями неподдѣльной радости и любопытства, возбуждаемаго нашей щегольской линейкой, запряженной четверкой большихъ лошадей. Габрово, навѣрно, никогда не видало на своихъ улицахъ ни такого экипажа, ни такихъ лошадей; но самый живой интересъ, привѣтствія и восторги вызывали «русскія жѣны», т.е. ѣхавшія со мною сестры. Мужчины только кланялись и, произнося: «здравствуй, братушко», съ любопытствомъ смотрѣли на нихъ, а женщины подбѣгали къ намъ, здоровались словами: «добре дошли», и, не спуская съ сестеръ словно влюбленныхъ глазъ, лепетали имъ всѣ вдругъ свои привѣтствія, удивленія — по поводу того, что онѣ заѣхали такъ далеко — и сожалѣнія, что онѣ устали, предлагая вопросы, кто онѣ: «дѣвки или булки», т.е. замужнія или нѣтъ, — дѣлали замѣчанія на-счетъ «червена креста», т.е. Краснаго Креста, съ значеніемъ втораго онѣ не были знакомы. Такъ какъ мы ѣхали шагомъ, то нѣкоторыя болгарки успѣвали сбѣгать въ свой садъ, нарвать цвѣтовъ и, догнавъ, одѣлать ими «русскихъ жѣнъ». Отрадно было видѣть проявленіе этого искренняго удовольствія и радости, въ которыхъ было что-то дѣтское, чистое; это не было поклоненіе побѣдителю или сильному и богатому въ ожиданіи отъ него милостей.

Сестры даже устали отвѣчать на поклоны, подавать на-право и на-лѣво руки, чтобъ пожать протягивавшіяся къ нимъ руки болгарокъ, отвѣчать на привѣтствія и разные вопросы, — тѣмъ болѣе, что не всѣ слова ихъ были понятны. Посреди такой обстановки ѣхали мы по узенькимъ улицамъ Габрова, мѣстами занимая почти всю ихъ ширину; миновали каменный мостъ о двухъ несимметричныхъ аркахъ, перекинутый черезъ Янтру, образующую здѣсь живописный каскадъ; переѣхали въ бродъ другую маленькую рѣчонку — тутъ же вблизи впадающую въ Янтру — и вскорѣ очутились прямо противъ самаго «гулямаго дома училища», въ которомъ расположился, пришедшій сюда вчера, лазаретъ девятой пѣхотной дивизіи.

Я тотчасъ розыскалъ главнаго врача, спросилъ его, какъ и гдѣ здѣсь можно пріютиться, — и получилъ въ отвѣтъ, что за отведеніемъ квартиры нужно будетъ обратиться къ здѣшнему окружному начальнику, капитану Маслову.

— Какъ! здѣсь уже учреждены наши власти? — удивился я.

— Да, — и окружной начальникъ, и комендантъ... Такъ мы сейчасъ пошлемъ къ нему съ просьбою объ отведеніи квартиры, а пока не хотите ли обойти лазаретъ? — у насъ ужъ 108 человекъ раненыхъ.

Всѣ жаждали скорѣе начать свое служеніе нашимъ страдавшимъ братьямъ, и съ удовольствіемъ приняли приглашеніе. Мы подошли къ огромному, даже и не для Габрова бы, каменному дому въ два этажа, европейской архитектуры. Это — габровская гимназія!.. «У насъ въ небольшихъ городахъ самымъ представительнымъ зданіемъ бываетъ обыкновенно тюремный замокъ или губернаторскій домъ, а здѣсь — гимназія», невольно подумалось мнѣ.

Вошли въ большую комнату, изъ которой отходили вправо и лѣво длинныя корридоры, а также вели двери въ другія комнаты, надъ входомъ въ которыя прибиты дощечки съ надписями: «приготовительный классъ», «четвертый классъ», «библіотека», «физическій кабинетъ» и проч.; но теперь всѣ классы превратились въ больничныя палаты для русскихъ и болгарскихъ воиновъ. Уступивъ домъ подъ лазаретъ, габровцы доставили также кровати, тюфяки, подушки и одеяла; многія простыя женщины явились добровольными сидѣлками, въ количествѣ даже гораздо болѣе, чѣмъ требовалось; дамы и барышни часто заходили въ лазаретъ, принося съ собою фруктовъ, вина или табаку, и одеяли ими раненыхъ, — или цвѣты, которые онѣ разставляли въ ставанахъ съ водою на столахъ, между ватой, бинтами, гип-

сомъ, стеклянками и проч., или клали больнымъ на подушки; другія приносили и раздавали имъ зеленныя вѣтви орѣховыхъ и шелковичныхъ деревьевъ, чтобъ отгонять докучливыхъ мухъ; приносили лишнія подушки, когда замѣчали въ нихъ недостатокъ; дѣти ходили по палатамъ, разнося въ кувшинахъ холодную воду изъ фонтановъ и подавали каждому, кто обращался къ нимъ съ просьбою. «Братушко! подай водицы испить», попросить раненый, и нѣсколько ребятишекъ наперерывъ несутся къ нему, чтобъ поспѣть раньше другихъ: такъ каждому хотѣлось угодить и услужить больному братушкѣ. Самые болгарскіе кувшины, казалось, нарочно были приспособлены для того, чтобъ поить больныхъ, которые не могли вставать: они или имѣютъ носикъ, или въ ихъ ручкѣ продѣлывается каналъ, оканчивающійся отверстіемъ на небольшомъ возвышеніи на ея выпуклой сторонѣ, и этимъ-то отверстіемъ или носикомъ кувшинъ подносится ко рту больного, причемъ онъ никогда не обливается.

Женщинъ и дѣтей было много; они встрѣчались на каждомъ шагу; кромѣ ихъ, по лазарету ходила группа мужчинъ, съ которыми насъ тотчасъ познакомили; тутъ наиболѣе замѣтными и дѣятельными лицами, по преимуществу въ качествѣ переводчиковъ, были: мѣстный городской врачъ — Алексій Христовъ, оказавшій первую помощь нашимъ раненымъ, когда здѣсь еще не было ни одного русскаго врача; Маноловъ, избранный потомъ въ предсѣдатели судебного совѣта; нѣкоторые изъ мѣстныхъ учителей; попъ Стефанъ — и другіе обыватели Габрова. Первые два были воспитанники московскаго университета. Всѣ старались быть полезными для дѣла, которое считали не только близкимъ, но прямо своимъ. Покончивъ дневныя заботы о раненыхъ братушкахъ, теперь это общество, можно сказать, прогуливалось по лазарету, какъ по какому-нибудь общественному гуляню, въ которомъ наиболѣе интереснымъ отдѣленіемъ были палаты, гдѣ помѣщались раненые турки, принесенные съ Шипки санитарями вмѣстѣ съ нашими ранеными, въ числѣ двадцати-пяти человекъ. Болгары, входя въ эти палаты, ничѣмъ не проявляли своихъ враждебныхъ чувствъ, но что такія чувства таились въ ихъ сердцахъ — въ этомъ я убѣдился очень скоро. «Зачѣмъ же вы лечите турокъ и ухаживаете за ними, какъ за своими? Не стоятъ они этого: съ нихъ бы слѣдовало тоже головы долой, какъ они рубили головы нашимъ раненымъ». Мы пробовали говорить о завѣщанной намъ Христомъ любви даже къ врагу и прощеніи ему обидъ, о гуманномъ обращеніи съ больными, не дѣлая разницы по національности, но непримиримая вражда и озлобленіе

были еще въ слишкомъ остромъ періодѣ, чтобъ они могли внимать нашимъ словамъ, и продолжали говорить свое, вспоминая недавнія угнетенія, оскорбленія и убійства невинныхъ болгаръ.

Чтобъ читатель могъ яснѣе представить себѣ общественный строй болгарскаго народа, уровень ихъ развитія и внѣшній видъ, я позволю себѣ сдѣлать отступленіе и сказать о нихъ нѣсколько словъ вообще. Въ болгарскомъ народѣ нѣтъ рѣзкихъ подраздѣленій на классы; они всѣ были рабами турокъ — и только. Родовой аристократіи или аристократіи таланта не существуетъ; образованные люди если есть, то число ихъ слишкомъ ничтожно, чтобъ составить особый классъ; чиновниковъ-болгаръ до сихъ поръ не было. У нихъ существуетъ только случайное подраздѣленіе по состоянію, занятію или мѣсту жительства: есть горожане и деревенскіе жители; есть богатые, достаточные и бѣдные; есть купцы и ремесленники. Большія богатства приобрѣтались болгарами болѣею частью кривыми путями и, главнымъ образомъ, при помощи дружбы и подъ покровительствомъ турецкихъ чиновниковъ, которые за свои дружбу и покровительство взыскивали съ богатыхъ незаконныя пени, за что позволяли имъ, въ свою очередь, тянуть съ своей же темной братіи, что имъ было угодно, а темные люди еще кланялись этимъ, такъ-называемымъ, «чорбаджи», благодарили за разныя будто бы услуги, оказываемыя ими; считали ихъ своими покровителями и заступниками передъ турецкими чиновниками, — не догадываясь вовсе о томъ, что эти покровители были только ножницами, которыми турки ихъ стригли. Немногіе изъ болгаръ, получившіе образованіе за границей — по преимуществу въ Россіи — и возвратившіеся потомъ на родину, ненавидѣли этихъ «пауковъ» своего народа, но ничего не могли съ ними сдѣлать, такъ какъ сила была на сторонѣ послѣднихъ, вслѣдствіе помянутой дружбы съ чиновниками; и такъ какъ они, въ свою очередь, были ненавидимы этими толстыми мѣшеками, то имъ нерѣдко приходилось плохо, потому что тѣ клеветали на нихъ, обвиняя болѣею частью въ замыслахъ произвести въ народѣ возстаніе противъ турецкой власти. Темный народъ всегда находился подъ ихъ вліяніемъ, находится и теперь, когда русскіе пришли и бьются за его независимость. Народъ знаетъ цѣль войны, но до сихъ поръ ничего не видитъ отъ прихода своихъ освободителей, кромѣ тягостей военного времени. Лучшіе люди стараются внушить ему, что во время войны иначе быть не можетъ, а «пауки», которымъ при туркахъ хорошо жилось, чувствуютъ, что при русскихъ, или послѣ освобожденія, имъ, пожалуй, будетъ хуже — и потому стараются при

всякомъ случаѣ втолковать народу, что не будетъ добра при новыхъ порядкахъ, — что теперь ужъ хуже стало. Трудно сказать — много или мало успѣваютъ они въ своей подпольной работѣ; едва ли, впрочемъ, много, потому что они сами немногочисленны; большинство составляетъ классъ средняго состоянія. Уровень достатковъ этихъ послѣднихъ весьма скромный, хотя онъ и кажется многимъ довольно высокою степенью благосостоянія. Не разъ, вѣроятно, читателямъ, какъ и мнѣ, приходилось слышать, что благосостояніе болгарскаго народа вообще таково, что ни въ чемъ не замѣтно того турецкаго гнета и разоренія, о которомъ говорили и писали. Правда, такое впечатлѣніе можно вывести при бѣгломъ и поверхностномъ обзорѣ Болгаріи — и если за единицу сравненія взять людей, разоренныхъ пьянствомъ и налогами и живущихъ по-нищенски. Между болгарами, правда, не часты примѣры крайней бѣдности; домики у большинства чисты, у каждаго есть постель, каждый одѣтъ, но не нужно забывать, что они весьма экономны, — что у нихъ не существуетъ роскоши и пьянства; нужно взять въ расчетъ то, въ какой благодатной странѣ они живутъ... Развѣ такого благосостоянія достигли бы болгары при иныхъ порядкахъ? — а теперь они питаются положительно плохо и между дѣтьми золотушное худосочіе не рѣдкость; большинство взрослыхъ худы и нездоровы на видъ. Но допустимъ, что они живутъ не только въ довольствѣ, но даже въ роскоши, — такъ развѣ въ одномъ матеріальномъ избыткѣ заключается благосостояніе народа? Нужно помнить, что въ Болгаріи ни одинъ человѣкъ не прожилъ спокойно ни одного дня въ своей жизни съ твердой увѣренностью въ прочности своего состоянія; каждый болгаринъ, кто бы онъ ни былъ, могъ ежедневно ожидать, что придутъ и возьмутъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ все или что понадобится, а его еще посадятъ въ тюрьму; ни одинъ не могъ быть увѣренъ въ безопасности своей жизни, не могъ думать о гражданской чести — своей и своей семьи, — не могъ надѣяться найти правду въ судѣ; онъ всю свою жизнь чувствовалъ себя рабомъ, надъ которымъ могъ безнаказанно издѣваться каждый турокъ, и ничто не спасало его — ни честный трудъ, ни высое образованіе, никакія личныя достоинства, — словомъ, не было пути для выхода изъ рабства. Вотъ въ чемъ по преимуществу выражался турецкій гнетъ надъ болгарскимъ народомъ. Странно одно, — что турки не мѣшали учрежденію школъ и обученію грамотѣ, и только въ послѣднее время, такъ-называемый, «либеральный прогрессистъ» Митхадъ-паша отъкрылъ противъ нихъ гоненіе. Школъ въ Болгаріи замѣчательно

много; онѣ есть почти въ каждой деревнѣ... Но спросите: есть ли у болгаръ общественная жизнь? возможны ли собранія и бесѣды? есть ли гулянья? пользуются ли они обыкновенными человѣческими радостями? — Нѣтъ! ничего у нихъ нѣтъ; музыки и пѣсни почти нигдѣ не услышите... Это у славянскаго-то племени нѣтъ музыки и пѣсень!.. «Умрало!» говорятъ вамъ болгары, «сичео умрало!» (все умерло). Я ужъ не касаюсь всегда возможныхъ нападеній турецкихъ разбойниковъ и производимой ими рѣзни: объ этомъ слышимъ хорошо всѣмъ извѣстно. Если нѣкоторые города и не видали на своихъ улицахъ страшныхъ кровавыхъ драмъ, разыгрываемыхъ баши-бузуками, то каково жить подъ вѣчнымъ страхомъ ожиданія подобныхъ гостей.

Что касается до внѣшняго вида болгаръ, то мужчины носятъ или обыкновенное европейское платье, или же народный полутурецкій костюмъ. Женщины одѣваются всѣ однообразно, по-болгарски, и разница существуетъ только въ качествѣ матеріала, изъ какого сдѣлана одежда: на головѣ повязка изъ платка; волосы расчесаны и заплетены въ двѣ косы, висящія за спиной; платье обыкновенное, на плечахъ кацавейка. Иногда простыя женщины подвязываютъ свою юбку особеннымъ образомъ, превращая ее въ широкіе шаровары въ родѣ тѣхъ, какія носятъ турчанки. На ногахъ башмаки, въ родѣ туфель, обыкновенно снимаемые при входѣ въ комнаты, гдѣ мужчины и женщины сидятъ въ однихъ чулкахъ ради чистоты, и этотъ заимствованный у турокъ обычай исполняется даже и зимою, когда полы въ комнатахъ покрываются ковриками. За то чистота въ болгарскихъ домахъ идеальная. Габровскія дамы или «куконы», какъ называются жены зажиточныхъ людей, напоминали мнѣ русскихъ толстыхъ купчихъ, какъ своимъ видомъ, такъ манерами, застѣнчивостью и степенью развитія. Барышни похожи на нашихъ деревенскихъ или провинціальныхъ барышень; между ними, болѣе развитыми являются «учительки», т.-е. учительницы женскихъ школъ.

Мы кончили осмотръ лазарета, который еще не получилъ типа казенной больницы и воздухъ въ немъ былъ превосходный, какъ потому, что всѣ окна въ домѣ оставались постоянно открытыми, такъ главнымъ образомъ потому, что тутъ лежали лишь въ теченіи нѣсколькихъ дней только первые раненые.

День уже влился къ вечеру, когда мы выходили изъ лазарета и намѣревались отправиться выбирать себѣ квартиру въ одномъ изъ сосѣднихъ домиковъ, какъ монахини габровскаго монастыря, услышавшія, что сюда «дошли первыя русскія жѣны»,

пришли ихъ привѣтствовать и не хотѣли никуда отпустить ихъ, прося непременно помѣститься у нихъ въ монастырѣ. Имъ объяснили, что вмѣстѣ съ сестрами находятся два доктора, т.-е. я и студентъ...

— Ничего, ничего, можно и докторамъ помѣститься у насъ, отвѣтили онѣ.

Уступивъ просьбамъ, мы пошли въ монастырь, находившійся, какъ оказалось, очень близко отъ лазарета, что для насъ было весьма удобно. Входимъ черезъ дверь въ ограду; за ней монастырскій дворъ и огородъ съ высокой кукурузой, градами капусты и огурцовъ и между ними вымощенная камнемъ дорожка, ведущая въ двери, продѣланной во второй оградѣ, за которой находится садикъ съ маленькой бѣлой церковью въ лѣвой сторонѣ и низенькими длинными строеніями по двумъ другимъ сторонамъ,—это кельи монахинь. За ними скрывается еще садикъ и маленький дворъ съ другими кельями и незатѣйливыми службами монастыря. Вотъ главные черты его внутреннего устройства. Вездѣ зелень, цвѣты, обвитыя виноградомъ веранды, тихо журчащій ключъ чистѣйшей воды, каменная ограда, мѣстами густо обросшая плющомъ и доносящійся изъ-за нея шумъ бурливой рѣчки Янтры,—все это показалось намъ такъ мило, такъ поэтично, а отведенныя комнаты—такими чистенькими и уютными... Да и дѣйствительно все было очень симпатично, и мы, отнесшіеся сначала съ нѣкоторой робостью къ застѣнной монастырской жизни, теперь рѣшили сообщать остаться здѣсь и были чрезвычайно довольны своею новою обителью, которая словно нарочно для насъ была приготовлена и только ждала нашего прибытія. Хорошо помня Зимницу, мы и помышлять не смѣли о подобномъ благополучіи.

Походные люди устраиваются быстро на новыхъ квартирахъ, а мы уже стали походными людьми; и въ тотъ же вечеръ у насъ все было приведено въ порядокъ; все необходимое вынуто изъ чемодановъ и ящичковъ, такъ что на другой день мы уже могли начать наши занятія въ лазаретѣ. Такъ какъ мнѣ не разъ придется говорить о лазаретахъ, перевязочныхъ пунктахъ, шатрахъ, о перевязкѣ и транспортировкѣ раненныхъ,—предметахъ совершенно обыкновенныхъ для насъ, врачей, но мало знакомыхъ, или незнакомыхъ вовсе для большинства читателей, то я предпочитаю теперь же дать о нихъ хотя поверхностное, но правильное понятіе;—тогда рассказываемые эпизоды и сцены будутъ нагляднѣе, живѣе, и воображеніе не создастъ невѣрныхъ представлений, какъ это часто случается, когда пишущій не взглянетъ на свое про-

изведеніе съ точни зрѣнія человѣка, который никогда не вступалъ въ сферу его дѣятельности,—когда авторъ не станетъ на уровень знакомства читателя съ дѣломъ, о которомъ идетъ рѣчь, отчего много страдаетъ какъ ясность, такъ и самый интересъ написаннаго.

Итакъ, отправимся вслѣдъ за дѣйствующей арміей. За нею, ближе или дальше, тянутся обозы съ провіантомъ, боевыми припасами, ѣдутъ кухни, кузницы, обозы съ лазаретными принадлежностями и тянется разный не-строевой людъ—санитары, кашевары, мастеровые, и проч. и проч. Предположимъ, что эта армія ожидаетъ встрѣчи съ непріателемъ или сама ищетъ ее. Тогда обозы съ находящимися при нихъ людьми останавливаются на такомъ разстояніи, чтобъ быть внѣ выстрѣловъ, а войска занимаютъ боевую позицію. Положимъ, что сраженіе началось; съ обѣихъ сторонъ завязалась перестрѣлка и обыкновенно, вскорѣ послѣ первыхъ выстрѣловъ въ рядахъ армій, то тутъ, то тамъ, начинаютъ падать люди, убитые на-повалъ или только раненные. Солдаты, получившіе незначительныя поврежденія, сами уходятъ съ поля сраженія; тѣ же, которые не въ состояніи идти, подбираются болѣе или менѣе скоро солдатами особой роты, такъ-называемой—роты носильщиковъ или санитаровъ. Эти санитары, или какъ солдаты обыкновенно называютъ ихъ «сена-торы», носятъ на лѣвой рукѣ бѣлую повязку съ краснымъ крестомъ, какъ знакъ ихъ специальности и гарантію отъ враждебныхъ дѣйствій непріателя въ случаѣ плѣна. «Носилки! Санитаровъ сюда!» раздаются голоса то тутъ, то тамъ, гдѣ упалъ раненный. Обыкновенно два или четыре человѣка являются съ носилками, имѣющими вообще видъ простой легкой кровати на низенькихъ ножкахъ; они укладываютъ на нихъ раненаго и относятъ на *первый перевязочный пунктъ*, т.-е. въ то мѣсто, гдѣ находятся врачи и фельдшера съ перевязочными и другими средствами, необходимыми для немедленной и безотлагательной помощи. Этотъ пунктъ располагается въ какомъ-нибудь защищенномъ отъ выстрѣловъ мѣстѣ или на такомъ разстояніи отъ поля сраженія, чтобъ пули не долетали до него. Въ случаѣ отступленія войскъ онъ можетъ быстро сняться и перейти на другое мѣсто. Перевязочный пунктъ обыкновенно устраивается подъ открытымъ небомъ, если вблизи не найдется случайно какого-нибудь строенія... На Шипкѣ, напримѣръ, онъ помѣщался одно время въ бывшихъ турецкихъ казармахъ. Перевязанные раненные или идутъ дальше, или, если они не въ силахъ двигаться, оставляются на носилкахъ тутъ же въ ожиданіи экипажей, для пере-

возки ихъ дальше. Это—такъ-называемыя лазаретныя линейки, могущія поднять обыкновенно шесть человѣкъ каждая; если же ихъ оказывается недостаточно, что бываетъ почти всегда, то у мѣстныхъ жителей ближайшихъ деревень и городовъ нанимаютъ подводы, обыкновенно простые грубыя телѣги, назначенныя для возки клади, сѣна, соломы и т. п. Уложенные въ нихъ раненые отвозятся въ другое мѣсто, на такъ-называемый *массный перевязочный пунктъ* или подвижной лазаретъ, принадлежащій той дивизіи, которая находится въ дѣйствиіи ¹⁾.

Этотъ второй пунктъ устроивается на такомъ разстояніи отъ поля битвы, чтобы, въ случаѣ отступленія войскъ, онъ имѣлъ достаточно времени сняться со всѣми своими принадлежностями и увести раненыхъ, для чего требуется по самой малой мѣрѣ нѣсколько часовъ, такъ какъ онъ помѣщается въ разставляемыхъ большихъ палаткахъ, называемыхъ иначе шатрами. Послѣдніе шьются изъ крѣпкаго холста и держатся на двухъ вертикальных шестахъ, врытыхъ въ землю и положенной на нихъ перекладной, а также при помощи веревокъ, натягивающихъ крышу палатки и привѣрженныхъ къ кольямъ, вбитымъ въ землю. Поставленный шатеръ имѣетъ видъ небольшого сарая съ высокой крышей, безъ пола, потолка, и безъ оконъ, а сѣтъ проходить въ него черезъ открытыя полы входа и выхода; отчасти также сквозить и черезъ самый холстъ. Въ хорошую погоду переднія и заднія полы отерываются; иногда поднимаются и боковыя полы. Крыша шатра дѣлается двойною; но и два слоя холста плохо защищаютъ отъ солнечныхъ лучей; теплота проникаетъ черезъ нихъ и, если не продуваетъ вѣтерокъ, жара въ немъ дѣлается невыносимою, напоминающею атмосферу бани. Величина шатра такова, что въ немъ устанавливается поперекъ по двѣнадцати носилокъ съ каждой стороны, причемъ между каждыми изъ нихъ остается около аршина пустого пространства, чтобы можно было свободно подойти къ лежащему на нихъ больному. По срединѣ между двухъ рядовъ носилокъ остается довольно широкій промежутокъ, въ которомъ обыкновенно ставится столъ для перевязочнаго матеріала, разной посуды и нѣкоторыхъ необходимыхъ для перевязки приборовъ. Подъ названіемъ перевязочнаго матеріала должно разумѣть бинты, косынки, вату разныхъ сортовъ, корпію, непромокающую бумагу, марли, а также нѣкоторыя лекарства, прикладываемыя къ ранамъ. Всѣ эти предметы, равно какъ

¹⁾ Четыре полка составляютъ дивизію: двѣ дивизіи—корпусъ, въ которомъ заключается до 40.000 человѣкъ.

бѣлье, шатры—въ числѣ пяти, кухню, аптеку, хирургическіе инструменты и операціонный столъ, дивизионный лазаретъ возить съ собою въ количествѣ, необходимомъ для 83 человѣкъ. Это составляетъ его обозъ, а кромѣ того онъ имѣетъ пятнадцать линеекъ для транспортировки раненыхъ съ перевязочнаго пункта къ себѣ и отъ себя въ госпиталь. Расположившись на открытомъ полѣ въ своихъ шатрахъ или въ домѣ, какъ въ Габровѣ на-примѣръ, лазаретъ, получивъ извѣстіе о бывшемъ или происходящемъ сраженіи, отправляетъ свои линейки на передовой перевязочный пунктъ и ожидаетъ транспорта раненыхъ. Иногда тихо, а болѣею частію со стонами, криками, проклятіями и мольбами о ниспосланіи скорѣйшей смерти приближается эта печальная процессія. Встрѣчные останавливаются и смотрятъ на нее со страхомъ, или съ глубокимъ состраданіемъ, и непременно съ молчаливымъ почтеніемъ, какъ къ чему-то священному. «Раненыхъ везутъ!» Этихъ двухъ словъ достаточно, чтобы всѣ дали дорогу, чтобы поѣздъ вездѣ пропустили. Кто шапку сниметъ, кто перекрестится, другой подойдетъ заглянуть—нѣтъ ли знакомыхъ. Вотъ транспортъ останавливается у шатровъ или у главныхъ дверей дома, служащаго лазаретомъ, и тотчасъ приступаютъ къ выниманію «лома» или «брава», какъ иногда называютъ раненыхъ тѣ, кому нужны только здоровые и сильные люди. Снимаютъ съ возель легко раненыхъ; потомъ осторожно вытаскиваютъ носилки съ лежащими на нихъ болѣе или менѣе тяжело ранеными,—въ голову, грудь, животъ или ноги съ переломами костей.

Присутствіе при этой выгрузкѣ транспорта можетъ истерзать сердце человѣка, если частый видъ страданій не притупилъ его нервовъ; даже наши очерствѣлыя докторскія сердца содрогнулись при видѣ первыхъ жертвъ войны и ихъ жестокихъ страданій... Но не нужно думать, что всѣ раненые постоянно стонутъ и кричатъ отъ боли; очень многіе, напротивъ, остаются совершенно покойными; они только молчаливы и серьезны; а нѣкоторые даже весело болтаютъ, рассказывая подобжающимъ здоровымъ солдатамъ, идущимъ «туда», о томъ, что и какъ было «тамъ», что теперь происходитъ, какъ они дѣйствовали и т. п. Наконецъ, всѣ раненые сняты, вошли сами или внесены въ лазаретъ, гдѣ они поступаютъ на попеченіе врачей, а пустыя линейки отправляются назадъ за новыми жертвами пуль и гранатъ. Когда врачей бываетъ достаточно и нѣтъ надобности спѣшить, то одинъ изъ нихъ обыкновенно присутствуетъ при снятіи раненыхъ съ транспорта и раздѣляетъ послѣднихъ на три разряда, изъ кото-

рыхъ каждый помѣщается въ особые шатры или палаты, — а именно, на легко раненыхъ, тяжело раненыхъ и умирающихъ. Послѣднимъ стараются доставить возможный покой, чтобъ не тревожить ихъ понапрасну въ послѣднія минуты жизни, а приступаютъ къ осмотру и перевязкѣ сначала людей второй категоріи, потомъ первой.

Перевязка состоитъ въ слѣдующемъ. Сначала снимается, а во многихъ случаяхъ разрѣзывается платье, чтобъ открыть раненую часть тѣла; потомъ снимается или тоже разрѣзывается прежде наложенная повязка; рана обмывается водой или обтирается кусочкомъ смоченной гигроскопической ваты, осматривается и, судя по представляемымъ ею особенностямъ, подвергается тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ врача, — зондируется, изслѣдуется пальцемъ, расширяется посредствомъ разрѣза ножомъ и, если въ тѣлѣ осталась пуля, послѣднюю, если возможно, извлекаютъ вонъ. Затѣмъ рану покрываютъ новой повязкой; больной относится на мѣсто и оставляется до слѣдующей вивитаціи. Этотъ родъ дѣятельности врачей на главномъ перевязочномъ пунктѣ — самый обширный. Несравненно меньшему числу раненыхъ приходится дѣлать большія операціи, какъ: отнятія сильно поврежденныхъ или уже омертвѣвшихъ (гангрена, антоновъ огонь) рукъ или ногъ (ампутаціи); выниманіе кусковъ или выпиливаніе концовъ раздробленныхъ костей (резекціи); вскрытіе дыхательнаго горла (трахеотомія), когда раненый задыхается; выпиливаніе или приподниманіе вдавленныхъ костей черепа (трепанация) и т. п. Затѣмъ идетъ послѣдовательное леченіе ранъ, что требуетъ ежедневнаго обмыванія ихъ, въ большинствѣ случаевъ два раза въ день, перемѣны *повязокъ* и наложенія такъ-называемыхъ неподвижныхъ повязокъ, для того, чтобы доставить поврежденной части тѣла возможно большій покой; эта послѣдняя работа — довольно тяжелая, требующая много времени, силъ и помощниковъ.

Вотъ въ чемъ состоятъ занятія въ военно-временномъ лазаретѣ. Кромѣ того, приходится лечить многихъ, страдающихъ внутренними болѣзнями — неизбежными спутницами войны, особенно въ холодное время года и уносящими на тотъ свѣтъ гораздо большее число людей, чѣмъ ихъ убиваютъ пули, картечь и осколки бомбъ и гранатъ. Но такого рода больные достаются по преимуществу на долю госпиталей, которые устроятся еще дальше отъ мѣста военныхъ дѣйствій и, подобно почтовымъ станціямъ, располагаются по дорогѣ къ родинѣ, куда увозятся больные и раненые войны, если они уже не годятся болѣе для строевой службы. Итакъ, каждый раненый проходитъ черезъ много рукъ

и мѣсть, что, разумѣется, имъ не можетъ быть пріятно, такъ какъ они всего болѣе нуждаются въ покоѣ, и солдаты называютъ передвиженіе ихъ съ перевязочнаго пункта въ лазаретъ, изъ лазарета въ госпиталь, изъ него въ другой, третій и т. д. «хожденіемъ по мытарствамъ». Вотъ гдѣ можетъ быть оказана раненымъ огромная помощь, во время этихъ-то мытарствъ: тутъ каждый лишній клочъ сѣна или соломы, каждая лишняя подушка, положенныя въ телѣгу, принесутъ гораздо болѣешую пользу, чѣмъ разные консервы, заграничныя вина, изящная посуда и т. п. Каждый лишній пунктъ, въ которомъ раненные могутъ отдохнуть, является истиннымъ благодѣяніемъ: а въ этихъ-то средствахъ и чувствовался недостатокъ.

Возвратимся теперь къ нашему житію-бытію въ Габровѣ. Ежедневно утромъ и вечеромъ мы являлись въ лазаретъ для перевязки раненныхъ—нашихъ и турокъ. Эти послѣдніе въ первые дни своего пребыванія видимо находились въ страхѣ, можетъ быть, подѣ влияніемъ вопроса: что-то съ нами сдѣлаетъ «гяуръ московъ»? Не станеть ли мучить и добивать? Они недоувѣрчиво и боязливо слѣдили за нашими руками, особенно, когда видѣли въ нихъ скальпель или ножницы; у иныхъ на лицахъ выражались испугъ и покорность судьбѣ, какъ бы передъ неизбежной смертью. Разъ понадобилось сдѣлать одному изъ нихъ подкожное впрыскиваніе морфія противъ жестокихъ болей, какія мучили его. Предупредить его я никакъ не могъ и приступилъ прямо къ этой моментальной операціи, но турокъ увидалъ въ моей рукѣ инструментъ съ иглой, которую я хотѣлъ воткнуть подѣ кожу, и такъ заметался, такъ жалобно и быстро заговорилъ, какъ будто я собирался воткнуть ему ножъ въ сердце. И до тѣхъ поръ онъ не согласился на эту маленькую операцію, пока я передъ его глазами не вкололъ иглы въ свою руку; тогда онъ понялъ, что у меня нѣтъ намѣренія ни мучить, ни отравлять его. На другой день онъ уже самъ просилъ знаками повторить ему впрыскиваніе морфія, что продолжалось, пока боли его не стихли. Вскорѣ они привыкли къ намъ и стали по окончаніи перевязки благодарить насъ извѣстнымъ жестомъ селамъ. Сначала они съ удивленіемъ смотрѣли на сестеръ, потомъ скоро привыкли и привязались къ нимъ, и сестры полюбили ихъ наравнѣ съ своими ранеными. Да и что другое, кромѣ жалости, можно чувствовать къ врагу, когда онъ безсиленъ, изувѣченъ и весь въ нашей власти. Наши добрые солдаты удивительно тонко и вѣрно понимали наши добрыя отношенія къ раненымъ туркамъ, и ни одинъ изъ нихъ ни однимъ словомъ не выразилъ

неудовольствія по поводу нашего вниманія къ больному турку; напротивъ, я не разъ слышалъ такіа разсужденія между ними:

— Мы-то дома, насъ къ своимъ принесли, а онъ на чужой сторонѣ; его потому пожалѣть надо, онъ тоскуетъ, небось, по своимъ, по своей землѣ. Да и боится же опять, потому онъ нашихъ обычаевъ не знаетъ, говорить по нашему не понимаетъ. Ему хуже, чѣмъ намъ.

Это слова русскихъ солдатъ; а вотъ и дѣла, доказывающія, что они не были только фразами. Лежитъ раненый въ обѣ руки турокъ; руки въ повязкахъ; самъ онъ ѣсть не можетъ. Кто его кормить? Сосѣдъ — русскій солдатъ, тоже раненый, но который можетъ ходить и владѣть руками. Раненый турокъ не можетъ встать или повернуться. Опять тотъ же врагъ — русскій солдатъ, подойдетъ и поможетъ сдѣлать, что тому нужно. И это отнюдь не единственные примѣры; это дѣлалось постоянно и совершенно обыкновенно; за то не разъ я былъ свидѣтелемъ трогательныхъ прощаній раненыхъ турокъ съ сосѣдомъ-солдатикомъ, съ докторами и сестрами, когда ихъ отправляли съ транспортомъ въ другой городъ. Одинъ турецкій офицеръ, уже не молодой, лѣтъ сорока-пяти, тяжело раненый и доставлявшій мнѣ много хлопотъ, заплакалъ, когда я пришелъ проститься съ нимъ, и взявъ мою руку, долго не выпускалъ ее и, продолжая плакать, передавалъ черезъ переводчика выраженіе благодарности за мои заботы о немъ и сожалѣніе, что я его покидаю. Разсказы о другихъ подобныхъ сценахъ мнѣ приходилось не разъ слышать отъ товарищей и сестеръ. Впрочемъ, говорятъ, сердце турокъ — загадка.

Въ первое время нашего пребыванія въ Габровѣ и раненыхъ было немного и врачей достаточно. Уходъ за больными былъ такой, лучше котораго и желать нельзя было. Болгары помогали намъ и кормить больныхъ и ухаживать за ними. Во время визитаціи насъ постоянно сопровождала, можно сказать, цѣлая толпа болгаръ, которые слѣдовали за нами изъ палаты въ палату, съ любопытствомъ смотрѣли на раны, сожалѣли бѣдныхъ братушекъ и въ чемъ могли — помогали намъ. Въ лазаретъ поэтому было оченьлюдно, шумно, оживленно, что, повидимому, не тяготило раненыхъ, а скорѣе развлекало ихъ; живое же дружеское участіе болгаръ не могло не дѣйствовать на нихъ пріятно и облегчать до нѣкоторой степени ихъ страданія: они видѣли, какъ высоко цѣнились эти страданія, какою любовью горѣли сердца тѣхъ, для кого переносились онѣ.

Итакъ, досуга у насъ было довольно и мы, окончивъ занятія, оставались въ лазаретъ тоже въ видѣ посѣтителей, разспра-

живали раненныхъ о битвахъ на Шипекъ 5-го и 7-го іюля и слушали ихъ разговоры между собою.

Всѣ солдаты рассказывали про то, какой турки здоровый, крупный народъ, передъ которымъ «наши словно дѣти омазываются», что «они бьются хорошо и смѣло идутъ впередъ, молодцами идти, а на пули вотъ такъ и лѣзутъ; но что штыка—смерть боятся; противъ штыка стоять не могутъ—бѣгутъ. Развѣ ужъ бѣжать некуда,—говорили солдатики,—такъ еще отбиваются, но потомъ сейчасъ ружья nobросаютъ; сами на колѣнки, руки вверхъ и давай кричать: «аллахъ, аллахъ!» Тутъ бери его живого, какъ курицу. Мы сначала и брали въ плѣнь живыхъ, а потомъ, какъ увидали, что они съ нашими ранеными дѣлають, если ихъ не успѣють подобрать, какъ истязаютъ ихъ, такъ ужъ послѣ того никакой пощады ни одному турку не было. Онъ кричитъ «аллахъ», а ты его аллахнешь штыкомъ куда попалю; обозлится, ухватится за штыкъ руками и не пускаетъ, а самъ еще, собака, пашкой норовитъ достать, ну, да ружья у насъ длинныя, такъ онъ достать не можетъ... И живучи же они, проклятые! Пока штыкъ въ немъ сидитъ, все живетъ, окаанный, ужъ только какъ выдержишь его, тутъ онъ и готовъ. Стукнешь его еще, для вѣрности, раза два по головѣ, и спѣшишь къ другому; другого покончишь — къ третьему. Достается, вонечно, и нашимъ, потому они все стрѣляютъ и штыкомъ тоже дѣйствуютъ... Иной разъ увидишь, что на землякѣ двое напали или одинъ здоровый его одолеваетъ; сейчасъ спѣшишь къ нему на помощь... Вотъ, ваше в—дѣе, землячокъ лежитъ съ побитой головой, — указалъ одинъ изъ рассказчиковъ на лежавшаго недалекъ раненаго. — Связался онъ съ однимъ здоровеннымъ туркой; боролись они, боролись, все хотѣли другъ дружку внизъ съ горы сбросить. Землякъ впился въ него, какъ клещъ, такъ что турка оторвать его отъ себя не можетъ, тогда онъ схватилъ съ земли камень и давай имъ того по головѣ мозжить; землякъ какъ-то изловчился и спихнулъ его внизъ, да не удержался и самъ за нимъ туда же. Я подбѣгъ къ обрыву, хотѣлъ къ нему бѣжать на помощь, анъ ужъ, смотрю, двое нашихъ кончаютъ съ туркой, — закололи. Послѣ этого, только-что я обернулся, смотрю, одинъ турокъ въ меня стрѣлить хочетъ; я приложился—бацъ! вижу—повалилъ его и не пикнулъ, прямо въ лобъ ему угодилъ, а у самого у меня ружье выпало и рука повисла, не могу поднять. Что за оказія? Смотрю, кровь на плечѣ показалась... Тутъ я понялъ, въ чемъ дѣло: это, значить, мы съ нимъ, какъ по командѣ, въ одинъ разъ выналяли, а въ него, а онъ въ меня. Ну, да ужъ я очень былъ радъ,

что ему башку разбилъ, такъ радъ, что, кажись, тогда и рука у меня ничего не болѣла.

— Разъ случилось намъ, — рассказывалъ другой раненый, — захватили мы на деревѣ семь человѣкъ турокъ; сидятъ, проклятые, и стрѣляютъ оттуда въ нашихъ; никому и невдомѣкъ сначала, что они на деревьяхъ засѣдаты придумали, потому, стрѣльба идетъ со всѣхъ сторонъ, не разберешь; выстрѣлы стучать, словно горохъ кто въ мѣдный котелъ сыплеть, а пули только мимо ушей — живъ, живъ! Кто-то изъ нашихъ ребятъ и закричалъ ихъ, показалъ, значить, другимъ. Сейчасъ около дерева собралась кучка солдатъ; глядимъ на нихъ, посмѣиваемся, — эти наши, молъ; ужъ эти не уйдутъ. Ребята! сбивай ихъ! — кричу. Они видятъ — плохо ихъ дѣло, руки вверхъ, давай кричать, помилованія просить; а сами ружей не бросаютъ, проклятые. «Бросай ружья, да слѣзай сами!» — кричимъ имъ, а они и ухомъ не ведутъ, только «аллахъ» кричатъ. Ну, мы ихъ посбивали всѣхъ оттуда, какъ груши...

Подобные рассказы слышались во всѣхъ углахъ, гдѣ только были, не-тяжело раненные, и они передавались самымъ хладнокровнымъ тономъ, какъ будто рѣчь шла вовсе не объ убійствахъ людей, а такъ, о потѣхѣ какой-то. Кто бесѣдуетъ съ сосѣдомъ, кто съ товарищемъ, пришедшимъ въ лазаретъ навѣстить его, и жалѣешь, что не можешь всего слышать. Около одного раненаго сидѣлъ пріятель его казакъ-краснобай, какихъ много между ними, и очень живо рассказывалъ о какой-то рекогносцировкѣ, вставляя въ свою рѣчь очень частыя и важныя «да!»

Раненый не спускалъ съ него глазъ; глаза его блестѣли, а все лицо выражало сожалѣніе, что онъ не могъ принять участія въ ночной развѣдкѣ, о которой рассказывалъ казакъ.

— Призываетъ къ себѣ нашъ сотенный начальникъ урядника Фадѣева... да! и говоритъ: «Фадѣевъ!» Тотъ говоритъ: «чего-съ?» «Ты, — говоритъ, поѣдешь, братъ, нонче къ турецкому лагерю... да!.. разнюхаешь тамъ, что у нихъ дѣлается, много ли войска, пушекъ тамъ — и все такое... Понимаешь? Да!.. Набери, — говоритъ, — съ собой охотниковъ и ступай»... Фадѣевъ говоритъ: «слушаю-съ»; приходитъ къ намъ и говоритъ: такъ и такъ, кто хочетъ со мной ѣхать? Набралось насъ этапъ человѣкъ съ десятковъ; сейчасъ засѣдали коней — и маршъ. Да! Ночью поѣхали, такъ чтобъ на самомъ разсвѣтѣ, чуть займется заря, тамъ быть; осмотрѣть все, пока непріятель будетъ еще въ располыхихъ чувствахъ находится и тѣмъ же часомъ назадъ. Да! Подѣхали мы; видимъ, ужъ близко; только, какъ было еще рано, — темно еще

совсѣмъ, — мы и остановились подъ деревьями возлѣ дороги, на горѣ, а внизу, сейчасъ подъ горкой, сама (шоссе) проходить. Да! Стоимъ, ждемъ. Я такъ, примѣрно вотъ тутъ; а товарищи порастянулись вдоль отъ дороги. Ну, вотъ... да! Оно какъ дѣло-то происходитъ... что... Чувствую я, что сонъ это меня обманываетъ. Нѣтъ, врешь, думаю себѣ: семь-на я трубочку раскурю: сонъ табуку не любить. Да! Закурилъ. Тамъ еще кто-то изъ товарищей выскресалъ огоньку, тоже запалилъ трубку; стоимъ, по-пыхиваемъ... И у непріятеля часовые, должно, не спали, потому онъ сейчасъ тревогу и забилъ, и забилъ. Забилъ тревогу, мы говоримъ другъ другу: стой, не трогайся! Пока что и какъ, мы всегда успѣемъ отъ нихъ убѣчь наиблагополучно. Тутъ онъ началъ изъ пушекъ въ нашу сторону стрѣлять. Сердца у насъ проснулись; стоимъ, думаемъ, что будетъ дальше, потому пушки намъ вреда никакой не сдѣлаютъ; бомбы все черезъ насъ перелетаютъ. Да! Только я, какъ былъ у дороги крайній, то и слышу вдругъ, какъ отъ турецкой стороны кто-то на рѣзвой лошади въ насъ бѣжитъ. На дворѣ еще темно совсѣмъ; только ухомъ слышно, что все ближе, ближе, такъ и слышать, какъ подковки по дорогѣ побрякиваютъ... Стрѣлить, спрашиваю себя въ мысляхъ, ай не надо? Только я это подумалъ, а онъ ужъ, слышу, мимо меня внизу проскакалъ, да такъ рѣзвѣ, что камушками-то изъ-подъ копытъ словно дробью по листочкамъ разсыпалъ... Кто такой это могъ проскакать? Куда онъ поѣхалъ? Я такъ думаю себѣ... да!.. что турокъ, увидавши насъ, подумалъ, что русское войско привалию, перепугался и, можетъ, послалъ гонца за подкрѣпленіемъ. Вотъ этотъ гонецъ думаетъ, авось проскачу, не зарубить; затаялъ духи и проскакалъ. Проскакалъ этотъ гонецъ; мы стоимъ; надо ожидать чего-нибудь новаго. Тутъ турокъ сталъ стрѣлять изъ орудій залпами, но опять намъ вреда никакой не сдѣлалъ. Да! Тамъ и свѣтать стало; стали мы смотрѣть; съ горы-то намъ все видно, а насъ, какъ десять человѣкъ всего, и опять же — въ кустахъ, насъ и не видать. Видимъ мы, что у него въ лагерь пушекъ до десятка; палатокъ пропасть поставлено, а войска почти-что ничего нѣту...

Въ это время меня отозвали въ одному раненому и я не слышалъ окончанія разсказа. Но на слѣдующій день мы узнали, что турки ушли съ Шипки; увидавъ себя окруженными съ одной стороны отрядомъ генерала Гурко, а съ другой — орловцами, они ночью оставили лагерь и бѣжали всѣ, бросивъ укрѣпленія и все, что въ нихъ было: палатки, пушки, запасы патроновъ и продовольствія, постели, много платья, ружей, котлы съ готовившеюся

нищей и даже, говорятъ, знамена. Мнѣ рассказывалъ начальникъ одной болгарской дружины, какъ въ отрядѣ Гурко узнали объ этомъ бѣствѣ турокъ. Наканунѣ вечеромъ была атака, которая была отбита турками. Раненныхъ не успѣли подобрать, и генералъ отдалъ приказаніе, чтобъ завтра одинъ изъ офицеровъ взялъ всѣхъ санитаровъ и подъ бѣлымъ флагомъ отправился на мѣсто вчерашняго боя, поднималъ раненныхъ, потомъ пришелъ бы въ лагерь непріятеля и предложилъ имъ сдаться. Порученіе это было почти смертнымъ приговоромъ, потому что турки ни бѣлому флагу, ни красному кресту не оказываютъ присвоеннаго имъ условнаго почтенія. Выборъ палъ на субалтернъ-офицера 5-й дружины А. М. Максютеню, а съ нимъ, по собственному желанію, отправился его братъ ¹⁾ и офицеръ Яковлевъ. Раннимъ утромъ отправились они, неся бѣлый флагъ и идя впереди роты санитаровъ. Глаза ихъ были обращены на непріятельскія укрѣпленія, съ которыхъ, они ожидали, ихъ встрѣтять градомъ пуль и гранатами; но турки на этотъ разъ оказались европейцами и ни откуда не раздавалось ни одного выстрѣла. Наши идутъ дальше, доходятъ до мѣста бывшаго боя, но раненныхъ въ живыхъ ни одного, всѣ добыты и почти всѣ обезглавлены. Они двигаются впередъ, поднимаясь въ гору; они ужъ на полъ-горѣ—тишина и полное уваженіе къ бѣлому флагу. Но было ли это дѣйствительно уваженіе, или только намѣреніе подпустить ихъ ближе, чтобъ вѣрнѣе можно было разстрѣлать всѣхъ одного — они не знали. Сердца колотили тревогу. Санитары просили позволенія остаться здѣсь, т.-е. не идти дальше, говори, что живыхъ раненныхъ нѣтъ, за что же они пропадутъ даромъ. Три офицера согласились съ ихъ доводомъ и продолжаютъ путь одинъ. Вотъ уже ясно видны ложементы, укрѣпленія, черныя жерла непріятельскихъ пушекъ; турки все продолжаютъ оказывать уваженіе парламентерскому флагу. Герои доходятъ до самыхъ укрѣпленій, непріятели молчатъ, какъ мертвые; вступаютъ въ одинъ лагерь — никого нѣтъ, только палатки стоятъ; заглядываютъ въ одну, въ другую — нигдѣ ни души. Они не понимаютъ, что это значитъ, и продолжаютъ со страхомъ поглядывать на выше лежащія укрѣпленія, на горѣ св. Николая; но и тамъ все тихо и ни души не видно. Они даютъ знакъ санитарамъ, чтобъ взопли на гору. Тѣ приходятъ и, узнавъ пріятную новостъ, что турокъ нѣтъ, начинаютъ хозяйничать въ лагерѣ, забирая кому что приглянулось — ковры, одѣла, ружья и проч., и когда они стояли съ руками, наполненными

1) Раненный потомъ подъ Зеленымъ Дремомъ и умершій отъ раны.

разнымъ добромъ, вдругъ замѣчаютъ, что на горѣ св. Николая появились люди, конечно, турки, и всѣ много остановились, словно въ столбнякъ, кто въ какой позѣ былъ. Стоять, ждутъ залпа и смерти... Но выстрѣловъ нѣтъ. Показавшіеся на горѣ люди тоже стоятъ и какъ будто разсматриваютъ ихъ. Наконецъ, одинъ изъ нихъ снимаетъ шапку и поднимаетъ вверхъ; наши офицеры машинально отвѣчаютъ на привѣтствіе, дѣлая то же самое, и вслѣдъ за этимъ со стороны мнимаго непріятеля доносится крикъ: «ура!» Наши поняли въ чемъ дѣло, сами кричатъ въ восторгъ «ура!» и идутъ на встрѣчу не къ туркамъ, какъ они считали прежде, а къ нашимъ офицерамъ и солдатамъ орловскаго полка и болгарскимъ дружинамъ съ генераломъ Скобелевымъ во главѣ. Тутъ происходитъ взрывъ общей радости, горячіе поцѣлуи, восторгъ и новые крики «ура!» Фамилии трехъ храбрецовъ, братьевъ Максютенко и Яковлева, генералъ призываетъ записать, и они возвращаются назадъ въ свой лагерь съ радостной вѣстью, что Шипка взята.

Итакъ, непріятель скрылся. Наши войска заняли высоты и укрѣпленія на Шипкинскомъ перевалѣ, который стали называть общимъ названіемъ Шипки: ѣздили «на Шипку», пріѣзжали въ Габрово «съ Шипки», говорили о «шипкинскихъ» дѣлахъ 5-го и 7-го іюля. Такъ и мы будемъ называть известное мѣсто Балканскихъ горъ Шипкой. Куда ушелъ съ нея непріятель — не знали; думали, что онъ остался вблизи и скоро начнетъ тревожить нашихъ, но прошло нѣсколько дней и онъ не показывался; его нигдѣ не видали, о немъ не приходило никакихъ извѣстій. На Шипкѣ совсѣмъ затихло и наши войска отдыхали; офицеры часто пріѣзжали оттуда въ Габрово, и въ первые дни только и разговоровъ было, что о занятыхъ позиціяхъ и по преимуществу о горѣ св. Николая, объ ея превосходно устроенныхъ укрѣпленіяхъ и ихъ неприступности. Многие изъ молодыхъ офицеровъ увлекались до того, что говорили: «эту позицію мы можемъ съ нѣсколькими ротами отстоять противъ цѣлой арміи»; другіе же, постарше, слушая ихъ, покачивали головами...

Такъ или иначе, Габрово теперь казалось довольно надежно прикрытымъ отъ непріятеля, если бы онъ вздумалъ направиться на него изъ-за Балканъ; но это только — казалось: въ Балканахъ существуетъ множество другихъ проходовъ, кромѣ шипкинскаго; съ другихъ же сторонъ городъ оставался открытымъ для непріятеля, тѣмъ болѣе, что въ немъ находился тогда всего одинъ батальонъ орловскаго полка.

— Вы знаете, куда вы ѣдете? — говорилъ намъ генералъ

Драгомировъ, когда мы отправлялись въ Габрово:—вы ѣдете, такъ сказать на аванпосты.

Дѣйствительно, положеніе Габрова, только 1-го іюля занятаго нашими войсками, было весьма и весьма непрочно; пребываніе въ немъ довольно рисковано, но намъ какъ-то не думалось тогда объ опасности; особенно въ первые дни, вѣроятно потому, что на всемъ пути отъ Систова до Габрова мы нигдѣ не видали другихъ признаковъ войны, кромѣ движенія нашихъ войскъ; ѣхали вездѣ спокойно, какъ по русской землѣ; наконецъ, мы находились подъ обаяніемъ блестящей переправы, и сознанія могущества нашего оружія, передъ которымъ турки бѣжали изъ Систова, изъ Тѣрнова и съ Шипки. Черезъ Габрово въ то время часто проводили партіи плѣнныхъ, болгары ликовали;—все это внушало намъ храбрость; на душѣ было легко, потому что успѣхи нашей арміи заставляли забывать о кровавыхъ жертвахъ, приносимыхъ ею; онѣ приносились не даромъ и сравнительно въ весьма малыхъ размѣрахъ.

Я сказалъ, что занятій у насъ въ лазаретѣ было не много и мы—въ промежуткѣ времени отъ утренней до вечерней визитаціи—отправлялись иногда въ городъ, отчасти за закуской разныхъ мѣстныхъ припасовъ, иногда обѣдать въ «страннопріимницу», (гостиницу), въ которой за одинъ, за полтора франка наѣдались до сыта; иногда же просто ради прогулки и ознакомленія съ городомъ.

Разъ въ одну изъ такихъ прогулокъ, я замѣтилъ на главной улицѣ особенное оживленіе, и отъ встрѣтившагося знакомаго изъ мѣстныхъ жителей узналъ, что сейчасъ проведутъ партію плѣнныхъ турокъ въ 800 человекъ. Онъ предложилъ обождать на одномъ углу улицы, возлѣ лавки, откуда тотчасъ хозяинъ вынесъ для меня стулъ и, какъ я ни отказывался, упротилъ сѣсть. Народъ толпился на небольшой площади въ ожиданіи веселаго зрѣлища, и вотъ черезъ нѣсколько минутъ послышались звуки такъ-называемаго болгарскаго марша, который здѣсь распѣваютъ цѣлые дни, какъ взрослые, такъ особенно дѣти, и поютъ съ замѣчательною вѣрностью. Въ этотъ разъ его пѣли болгары-солдаты одной дружины, показавшейся изъ-за противоположнаго угла. Впереди ихъ ѣхалъ на лошади русскій офицеръ, а за нимъ тянулася колонна плѣнныхъ турокъ, и ихъ темно-красныя фески наполнили всю улицу. Въ первомъ ряду шли нѣсколько турецкихъ офицеровъ. Меня интересовало особенно то, какъ отнесутся болгары къ своимъ исконнымъ врагамъ, теперь безонаснѣмъ и сконфуженнымъ. Я ожидалъ насмѣшекъ, выраженія злобы,

но ошибся: толпа смотрѣла на нихъ съ любопытствомъ, была весела, правда, но ни одной деревкой выходаи, ни брани, не только удара я нигдѣ не замѣтилъ. Толпа быстро прошла мимо меня, и я послѣдовалъ за нею, разсматривая плѣнныхъ. Лица ихъ были серьёзны и грустны и особенно лицо одного офицера остановило на себѣ мое вниманіе. Онъ былъ среднихъ лѣтъ, довольно красивый, съ умнымъ выраженіемъ черныхъ впалыхъ глазъ; мысли его, какъ казалось, были сосредоточены и ушли куда-то вдаль; онъ какъ будто не сознавалъ дѣйствительности и машинально двигался впередъ за всѣми, утомленный солнечнымъ зноемъ и ходьбой; феска его была сдвинута на затылокъ; куртку разстегнуть... Чтѣ у него было на душѣ, подумалось мнѣ, чѣмъ заняты его мысли: о прошломъ и о судьбѣ родины задумался онъ, или тревожилъ его вопросъ о собственной участи... Вообще, офицеры старались не смотрѣть по сторонамъ, можетъ быть, чтобы не встрѣчать враждебныхъ взглядовъ своихъ недавнихъ рабовъ, а теперь господъ и повелителей—болгаръ; солдаты же, особенно же негры, которыхъ было довольно много, глазѣли по сторонамъ и просили то воды, то табаку. Плѣнные эти принадлежали, какъ мнѣ объяснили, къ султанской гвардіи. Народъ все былъ, очевидно, отборный, весьма здоровый на видъ и очень хорошо одѣтый—въ однообразное форменное платье. Плѣнныхъ вывели за городъ и помѣстили во дворѣ бывшихъ казармъ, обнесенномъ каменной оградой. Ихъ впускали въ дверь по одному или по два, причеиъ стоявшій у дверей офицеръ пересчиталъ ихъ. Кругомъ дома и двора поставили часовыхъ и тотчасъ сдѣлали распоряженіе, чтобы имъ была доставлена вода и приготовлена пища. Многіе офицеры стоявшаго напротивъ батальона орловскаго полка вошли во дворъ; за ними и я, чтобы поближе посмотреть на своихъ враговъ и въ надеждѣ поговорить съ турецкими офицерами на какомъ-нибудь изъ европейскихъ языковъ. Оказалось же, что ни одинъ не говорилъ ни на какомъ языкѣ, кромѣ своего; но тутъ нашелся одинъ болгаринъ, знавшій по-турецки и по-французски; онъ и былъ переводчикомъ. Я спросилъ у офицеровъ, какъ они поступаютъ съ нашими плѣнными и ранеными.

— Такъ же хорошо, какъ русскіе съ нами,—отвѣчали они, и всѣ варварскіе поступки сваливали на баши-бузуковъ, но болгары недовѣрчиво покачивали головами, улыбались двусмысленно и рассказывали о многихъ истязаніяхъ, убійствахъ женъ и дѣтей, совершавшихся также турецкими солдатами, а не одними баши-бузуками. Между плѣнными былъ одинъ мулла, мужчина замѣ-

чательной красоты. Я набросалъ его портретъ, подъ которымъ онъ подписалъ свое имя и званіе. Портретъ обошелъ всѣхъ офицеровъ и всѣмъ очень понравился. Они, повидимому, успокоились на счетъ того, что имъ вовсе не намѣрены рубить головы, и повеселѣли. Солдаты тотчасъ ушли на землѣ, поджавъ подъ себя ноги, и многіе, увидавъ, что мы давали табакъ, осаждали насъ съ тѣми же просьбами. Но мы уже весь роздали.

День кончился и я вернулся домой при лунномъ освѣщеніи и, утомившись порядочно, заснулъ крѣпкимъ сномъ. Но, явившись на слѣдующее утро въ лазаретъ, узналъ, что другіе врачи, находившіеся тогда въ Габровѣ, провели очень безпкойную и тревожную ночь, вслѣдствіе полученнаго какого-то извѣстія. Сообщилъ мнѣ эту новость нѣкто N., молодой профессоръ одного изъ провинціальныхъ университетовъ.

— Я долженъ вамъ сказать, товарищъ, — обратился онъ ко мнѣ, — что мы въ большой опасности; мы, т.-е. всѣ русскіе, находящіеся здѣсь, въ Габровѣ, брошены чисто на произволъ судьбы. Сзади у насъ прикрытія никакого, а отъ Балканъ, какъ сегодня получено извѣстіе, идутъ на Габрово сорокъ тысячъ турокъ.

— Ну, батюшка, если въ военное время всякому слуху вѣрить, такъ на одномъ мѣстѣ недѣли не проживемъ, — отвѣтилъ я, и хотѣлъ пройти въ свои палаты; но онъ удержалъ меня и продолжалъ:

— Въ томъ-то и дѣло, что это не слухъ, а лазарету дано знать объ этомъ официально начальствомъ и приказано немедленно уложить больныхъ и раненыхъ, всѣхъ безъ исключенія, на подводы и отправить въ Тѣрново. Хорошо еще, если они успѣютъ проскользнуть, потому что турки идутъ также изъ Травны на тѣрновскую дорогу, чтобы прекратить намъ всякое сообщеніе съ Габровомъ... Да-съ, положеніе наше самое критическое!

Хотя я и не вѣрилъ всему, что онъ наговорилъ, но, не скрою, слова его произвели на меня нерадостное впечатлѣніе и заставили призадуматься: на войнѣ все можетъ быть; мы же дѣйствительно зашли далеко впередъ.

Произведя этотъ эффектъ, N. какъ бы въ утѣшеніе мнѣ прибавилъ:

— Наступленіе, впрочемъ, ожидалось прошлой ночью или сегодня раннимъ утромъ, и то обстоятельство, что турокъ нѣтъ до сихъ поръ, подаетъ нѣкоторыя надежды: — можно думать, что планъ ихъ измѣнился и тогда, можетъ быть, мы имѣемъ еще ~~нѣсколько~~ нѣсколько дней, чтобы успѣть унести цѣлыми наши головы.

ушелъ отъ меня къ одной изъ сестеръ, передалъ ей сте-

реотипомъ ту же новость, словно одну изъ пріятѣйшихъ; наступалъ ее и отправился во второй, потомъ въ третей; ей рассказывалъ и всѣмъ совѣтовалъ поскорѣе бросать Габрово и уѣзжать въ Тѣрново и дальше, потому что и этотъ-то городъ, — убѣждалъ онъ, — защищенъ весьма плохо.

Подожли другіе врачи, говорятъ тоже, что прошлую ночь не ложились въ постель и не раздѣвались. Надо было вѣрять. А тутъ, смотрю, является, дивизионный врачъ и начинаетъ давать болѣе громкія и болѣе поспѣшныя, чѣмъ обыкновенно, распоряженія, чтобы скорѣе перевязывали больныхъ и укладывали на подводы. Выхожу на задній дворъ, гдѣ стоялъ лазаретный обозъ, и вижу, что лошади во всѣхъ фургонахъ заложены, линейки и другіе экипажи тоже готовы и солдаты такъ-называемой нестроевой роты поспѣшно укладываютъ вещи... Дѣло, вижу, не на шутку идетъ. Я задумался. Неужели же надо готовиться къ немедленному отъѣзду? Неужели нужно бѣжать.... Это послѣднее слово, съ его синонимами — удирать, улепетывать, и выражаемое ими дѣйствіе показались мнѣ въ ту минуту до того постыдными и гаденькими поступкомъ; одна мысль о немъ возбуждала такое скверное чувство гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ нравственнаго существа, что я сразу понялъ, что бѣжать буду не въ состояніи, и не я одинъ почувствовать это. Другіе же, наоборотъ, почувствовали, что они бѣжать могутъ и очень шибко. Раздумывая самъ съ собою и, такъ-сказать, справляясь со степенью своей храбрости, я приходилъ къ заключенію, что предпочелъ бы умереть въ неравной борьбѣ или отдаться въ плѣнъ, но не бѣжать. Можетъ быть, это была глупая рыцарская гордость, невѣрность мышленія, непрактичность взрослого ребенка — не знаю. Не знаю также, что бы я сдѣлалъ на самомъ дѣлѣ, если бы увидалъ отъ себя въ нѣсколькихъ шагахъ смерть, на примѣръ, въ видѣ несущихся турецкихъ войскъ, сопровождаемыхъ страшными ничего не щащими и не уважающими баши-бузунами...

Наши теоретическія размышленія и рѣшенія, къ сожалѣнію, часто не сходятся съ нашими поступками, когда мы встрѣчаемся съ жизненной правдой и когда суровая дѣйствительность становится передъ нами лицомъ къ лицу. Можетъ быть, и я спасался бы бѣгствомъ, допустилъ я такую мысль, но когда сталъ представлять себя поспѣшно уѣзжающимъ съ своими сотрудниками и вещами изъ монастыря, гдѣ оставалось столько беззащитныхъ жертвъ, въ видѣ едва таскающихъ ноги старухъ, беззащитныхъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, которыя всѣ должны были оставаться тутъ только потому, что имъ не на чемъ было уѣхать,

тогда мнѣ снова показалось, что нѣтъ, никогда не убѣжалъ бы я; по крайней мѣрѣ, не убѣжалъ бы заранѣе, когда непріятель былъ еще не близко, когда только шли разговоры, что онъ идетъ...

Можетъ быть, долго еще предавался бы я подобнымъ размышлениямъ, сидя на скамьѣ въ приемномъ покоѣ, если бы дивизионный врачъ не вывелъ меня изъ задумчивости, обратившись ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Докторъ, докторъ, пожалуйста, вѣдь я же просилъ скорѣе оканчивать перевязку и отправлять раненныхъ.

Я тотчасъ пошелъ въ свое отдѣленіе и принялся съ своими помощниками за работу; а въ головѣ все сидѣла мысль объ идущей на Габрово сорокатысячной арміи. Кругомъ, между ранеными происходили все тѣ же разговоры, передавались тѣ же рассказы, съ глаголами: отрубилъ, зарѣзалъ, разнесъ, воткнулъ, раздробилъ, стонетъ, кричитъ и т. п., и отъ этихъ рассказовъ становился какъ-то нечувствительнымъ къ ужасамъ войны и равнодушнымъ даже къ собственной участи. Ну, разнесутъ, думаешь себя, — и я разнесу. Ну, убьютъ въ общей суматохѣ, — что за особенная важность, — словомъ, начинаешь осязательно вѣрить, что въ самомъ дѣлѣ на міру и смерть красна...

Навонецъ, транспортъ готовъ. Раненыхъ разлѣстили по лазаретнымъ ливейкамъ и простымъ подводамъ, принадлежащимъ мирнымъ туркамъ, которые и сами тутъ на лицо. Они привезли въ Габрово пшеницу, продали и собирались вернуться домой, какъ ихъ взяли, не спрашивая, разумѣется, ихъ желанія и согласія — какъ поступали и съ болгарами, — привели къ лазарету и приказали тутъ ждать. Потомъ приказали везти раненыхъ въ Терново. Каждый турокъ получалъ за свою подводу по полтора франка въ сутки.

Отправлено было 170 человекъ, т.-е. всѣ, сколько находилось въ лазаретѣ. Прикрытіемъ или охранной стражей транспорту служила рота болгарскаго ополченія. Съ транспортомъ поѣхалъ докторъ и двадцать человекъ санитаровъ для ухода за ранеными въ дорогѣ.

Въ этотъ же день, вслѣдъ за транспортомъ, уѣхали изъ Габрова нѣкоторые доктора; одни потому, что обязанности призывали ихъ въ другое мѣсто, другіе же, располагавшіе свободою дѣйствій, просто спасались отъ подступавшей въ Габрову турецкой арміи или, какъ болгары говорятъ, «бѣгали». Третьи остались въ Габровѣ, ожидать подтвержденій или новыхъ извѣстій о сорокатысячной арміи, или же ея появленія вблизи города.

Но она не явилась ни въ этотъ, ни на слѣдующій день, и мы скоро забыли тревогу и перестали о ней думать. Однако, хотя мы не думали именно о ней, но нельзя сказать, чтобъ были совсѣмъ покойны, потому что до насъ, габровцевъ, безпрестанно доходили новые и новые тревожные слухи: сначала разнеслась молва о нашей большой неудачѣ, понесенной при атакѣ Плевны; говорили, что однихъ раненыхъ 1800 человѣкъ. Сначала мы утѣшали себя надеждой, что, можетъ быть, это — ложное извѣстіе; но послѣ должны были повѣрить. Потомъ пришла вѣсть, будто турецкая армія, отступившая отъ Никополя, двинулась на Терново, а можетъ быть, — догадывались нѣкоторые, — она направится прямо на Габрово; во всякомъ случаѣ, послѣднему грозить бѣда неминуемая.

Слушаешь эти рассказы, и отъ нихъ грустно и страшно дѣлается; спокойствія духа нѣтъ, а потому нѣтъ и охоты предпринять что-нибудь въ ожиданіи непрошенныхъ гостей, заняться чѣмъ-либо. Живется какъ-то вяло и тупо; хандра нападаетъ въ дни досуга и даже музыка не излечиваетъ отъ нея: изъ лагеря доносятся звуки вальса и польки, но они не только не радуютъ, а кажутся даже неумѣстными и, какъ диссонансъ, раздражаютъ нервы. Въ одномъ я находилъ средство разгонять тяжелое настроеніе, — брать бумагу и краски, заставлялъ себя насильно идти въ городъ, садился противъ красиваго вида и начиналъ срисовывать его. Это отличное средство давать вниманію и мыслямъ иное направленіе и я не разъ благодарилъ судьбу за этотъ «даръ напрасный, даръ случайный», какъ одинъ пріятель называлъ мой рисовальный талантъ. Не таковъ другой «даръ напрасный», посылаемый судьбою: это — пріятель, принадлежащій, какъ говорится, къ робкому десятку. Они всего боятся сами и для нихъ, кажется, самое большое удовольствіе придумывать всякія напасти, пугаться ихъ и другихъ пугать. Только-что настроишь себя и успокоишься, придетъ этакой пріятель и опять все испортитъ. Впрочемъ, и противъ нихъ было средство — это частые рассказы нашихъ солдатъ о непріятеляхъ, рассказы, приходящіе всегда къ одному знаменателю, — что хотя турки и «очень, весьма здоровый народъ, а только все же противъ нашихъ стоять не могутъ — бѣгутъ». И слова эти, какъ показывали факты, не были хвастовствомъ.... Намъ ли бояться! говорилъ я падавшимъ духомъ: развѣ не русскіе солдаты защищаютъ насъ, развѣ турки потеряли къ нимъ страхъ.... Нѣтъ, онъ живетъ до-сихъ-поръ. Уже знакомый читателю, докторъ Христовъ рассказывалъ мнѣ объ одномъ повѣрѣ, существующемъ въ турецкомъ народѣ.

Когда турки пришли въ Европу, они послали ко всѣмъ дворамъ по экземпляру корана. Всѣ государи, кромѣ русскаго, насмѣялись надъ нимъ и приказали выбросить въ самое непочтенное мѣсто. Русскій же царь взялъ его, ничего не сказавъ, положилъ у себя на столъ и велѣлъ сдѣлать золотой ящикъ. Потомъ положилъ въ него коранъ, заперъ и, опять ничего сказавъ, оставилъ ящикъ у себя на столѣ, а ключъ спряталъ. Турки придаютъ особенное, таинственное значеніе тому, что русскій царь не произнесъ ни одного слова, и до-сихъ-поръ убѣждены, что Пророкъ за такое почтительное обращеніе съ кораномъ не будетъ вредить русскимъ въ войнѣ съ турками. «Никто не можетъ побѣдить насъ, кромѣ русскихъ», иногда выбалтывали турки подъ веселую руку, въ бесѣдѣ съ болгарами. Слово «московь» (русскій) у турокъ—страшное слово, способное легко произвести панику. Имъ они пугаютъ дѣтей, когда тѣ капризничаютъ; имъ называютъ непріятельскія войска, когда они храбро дерутся. Когда молодые турки хвастаютъ, общая побѣдить русскихъ, старики недовѣрчиво качаютъ головами и говорятъ: нѣтъ, москова побѣдить нельзя. Сколько разъ онъ ни воевалъ съ нами, онъ всегда отбиралъ у насъ провинцію за провинціей. Однако, хотя и успокоительно дѣйствовали подобные рассказы, мы проводили въ Габровѣ непокойные дни и ночи, потому что отрицать опасность нашего положенія въ этомъ пунктѣ, совершенно забыть о непріятелѣ, было невозможно. О немъ говорилось постоянно; воображеніе напрягалось и рисовало разные ужасы. Впрочемъ, мы были убѣждены, что опасность не могла наступить неожиданно и моментально, а потому ложились въ постель, раздѣваясь, и разъ заснувъ, просыпались на слѣдующій день утромъ, благодаря небо, что ночь миновала благополучно. А непріятель, повидимому, только хотѣлъ приучить насъ спать покойно и крѣпко, чтобъ потомъ удобнѣе застать «въ распλοхихъ чувствахъ», какъ говорилъ казакъ.

Я жилъ въ одной комнатѣ съ студентомъ Губаревымъ. Однажды мы улеглись въ свои постели и скоро заснули.... Вдругъ, ночью, дверь нашей комнаты порывисто распаивается; въ нее вбѣгаетъ страшно испуганная сестра Энгельгардтъ и взволнованнымъ голосомъ кричитъ: господа! турки, турки! Вставайте скорѣе. Потомъ подбѣжала къ другой двери, которая вела въ комнату слуги, и туда крикнула два раза: турки! турки! Потомъ остановилась въ дверяхъ, торопя насъ скорѣе одѣваться и выходить. Мы поспѣшно одѣваемся, что въ потьмахъ дѣлается не такъ скоро.

— Турки ужъ здѣсь, въ Габровѣ,—говорила сестра-Энгель-

гардтъ, — въ городѣ тревога; народъ кричить.... Что мы будемъ дѣлать?—дрожащимъ и прерывающимся голосомъ, но безъ слезъ и отчаянія, восклицала сестра. — Да скорѣй, господа! Какъ вы поспаетесь!

— Чего же скорѣе! Если турки ужъ въ городѣ, такъ нечего спать, — увидимся во всякомъ случаѣ, не проѣзжаемъ другъ друга, — отвѣтилъ я ей.

Черезъ минуту является другая сестра, Теплякова, тоже испуганная, но старающаяся скрыть свое волненіе. Мы были уже почти готовы.

— Что же мы будемъ дѣлать?—спрашиваетъ она.

— Не могу знать, ваше вскаблародье! — отвѣтилъ я, передразнивая солдату, чтобъ ободрить ихъ и отчасти себя; но она, замѣтивъ строго, что теперь вовсе не до шутокъ, непременно требовала, чтобъ я сейчасъ отвѣтилъ на вопросъ: что мы будемъ дѣлать?

— Да подождите; тамъ увидимъ. Что-жъ тутъ дѣлать, — или умирать геройски, или сдаваться въ плѣнъ. Уйти некуда и некогда, если правда, что турки ужъ въ городѣ, хотя я этому не вполнѣ вѣрю. Я дѣйствительно сомнѣвался, но внезапное пробужденіе съ словами: «турки! турки ужъ здѣсь!» произвело очень непріятное впечатлѣніе, и я чувствовалъ, какъ мои руки дрожали.

— Надѣюсь, докторъ, — продолжала сестра-Теплякова: — вы меня живою не отдадите....

— Да, постойте, дайте одѣться и узнать что-нибудь. Я еще ровно ничего не слышу, вѣдь не успѣли же перебить всѣхъ жителей Габрова и потому только такъ тихо. Что-нибудь да не такъ....

— Это за стѣной не слышно и далеко до улицы, а мы сейчасъ сами слышали страшный крикъ людей, и монахини узнали, что турки ужъ вступили въ городъ.... Пожалуйста, докторъ, меня живой не отдавайте!...—неотступно требовала сестра.

— Чего же вы требуете отъ меня? Что прикажете съ вами дѣлать? Не зарѣзать же васъ сейчасъ, чтобъ предупредить врага, котораго мы еще не видимъ.... Да, вообще я отъ убійства васъ отказываюсь.

— Нѣтъ, ради Бога, убейте, какъ хотите, ну, отравите чѣмъ-нибудь, только не отдавайте туркамъ живою.

— Ну, тамъ посмотримъ.... Хорошо, если нужно будетъ, я васъ убью; я отравлю васъ—только успокойтесь!

— Нѣтъ, вотъ что!—придумала она, — дайте-ка намъ скорѣе мужское платье, чтобъ мы могли переодѣться. Мысль была дѣйствительно довольно практическая, и такъ какъ терять времени

было нельзя, я тотчасъ сталъ выбирать изъ своего платья костюмы для трехъ сестеръ. А въ то же время мозгъ работалъ усиленно, независимо отъ моей воли; думалось какъ-будто двумя головами или разными частями мозга. Одна говорила: все вздоръ, не можетъ быть, чтобъ непріятель могъ придти такъ неожиданно; все фальшивая тревога, надъ которой нужно смѣяться;—а другая спрашивала: а почему ты знаешь, что турки не пришли въ самомъ дѣлѣ? Хотя это и трудно, но вѣдь возможно... Я какъ-будто стоялъ между двухъ человѣкъ, убѣждавшихъ меня въ двухъ противоположныхъ мнѣніяхъ, и не зналъ, кого слушать, кому вѣрить. Особенно заботилъ меня вопросъ: что дѣлать съ сестрами, какъ спасти ихъ, гдѣ спрятать?—и не находилъ отвѣта.

Въ эту минуту передъ дверью раздались рыданія многихъ голосовъ; это были монахини, которыя, услышавъ звуки тревоги въ городѣ, сбѣжали къ моей двери какъ къ единственному источнику спасенія, какъ крѣпости и ждали отъ меня защиты, помощи.... Но какую помощь я могъ оказать имъ, когда мнѣ нечѣмъ было защитить даже самого себя, такъ какъ членамъ общества Краснаго Креста не полагается имѣть при себѣ какое-бы-то-ни-было оружіе и у меня дѣйствительно не было ничего, даже револьвера.

— Не пустить ли въ дѣло ампутаціонныхъ ножей, — сказалъ я товарищу полушутливо, полусерьезно, — но тотчасъ подумалъ про себя: много ли ими сдѣлаешь, когда васъ осыпая пулями. Ничего не оставалось, какъ сдаться въ плѣнъ, если бы насъ не перебили тутъ же, на мѣстѣ, гдѣ встрѣтили бы въ первую минуту.

— О, Боже! Боже! — стонали монахини, ломая руки и обливаясь слезами, — турци, червезы пришли въ Габрово; сейчасъ придутъ сюда и посѣкутъ наши главы. Докторъ Павелъ! Докторъ Николай! спасите насъ! защитите насъ! — зывали онѣ ко мнѣ и товарищу, какъ единственнымъ мужчинамъ, находившимся тогда въ оградѣ монастырскаго сада; а за ней, на первомъ дворѣ, находились возлѣ экипажей наши кучера и санитары.

— Да гдѣ, гдѣ турки? Никакихъ турокъ и червезовъ нѣтъ, — говорилъ я монахинямъ, чтобъ успокоить ихъ и унять ихъ рыданія, — вамъ представилось что-нибудь... Я ничего не слышу.... Развѣ вы что-нибудь слышите?

— Нѣтъ! нѣтъ! — возражали онѣ съ рыданіями: — на улицѣ шумъ; всѣ бѣгутъ; мы сами видѣли и слышали; ваши люди на томъ дворѣ тоже кричали «калавуръ» (караулъ) и стучали сюда въ садовую дверь, чтобъ насъ разбудить. Только мы не отперли

ея; можетъ-быть, сейчасъ и турки придутъ!—говорили онѣ сквозь слезы—и опять начинали кричать и метаться въ неизобразимомъ отчаяніи; безъ цѣли и смысла вбѣгали онѣ въ комнаты, опять выбѣгали въ садъ, повидимому, обезумѣвъ совершенно. Однѣ рвали свои волосы, разрывали и платье, какъ-будто оно душило ихъ. Съ нѣкоторыми сдѣлалась рвота, а у моего слуги, заболѣваго перемежающейся лихорадкой, паревизмъ мгновенно прекратился. Меня осыпало морозомъ при видѣ этой ужасной картины человѣческаго отчаянія. Я старался прислушаться къ тому, что происходило на улицахъ, но голоса и рыданія монахинь оглушали мой слухъ.

— Да, помолчите минуту, дайте мнѣ послушать, что происходитъ въ городѣ!—обратился я къ нимъ, выйдя изъ своей комнаты въ садъ. Ночь была, словно день, свѣтлая. Монахини и сестры тѣснились къ намъ съ Г. Первые утихли, продолжая сдержанно рыдать и молиться. Я прислушиваюсь и ничего не слышу,—ни барабана, ни криковъ, ни выстрѣловъ; не видно нигдѣ зарева пожара; словомъ, не было ничего похожего на грозный шумъ тревоги, сопровождающей смятеніе толпы, торжественная тишина ночи стояла надъ спящей землей, и только съ рѣки, изъ-за ограды, доносилось отчаянное кваканье лягушекъ, наслаждавшихся прекрасной лунной ночью да кой-гдѣ слышался злобный лай собакъ, боровшихся за существованіе какъ лично свое, такъ и вообще собачьяго рода.

— Странно!—подумалъ я:—должно быть все вздоръ; кому-нибудь приснились турки и черкесы; онѣ вскочили съ просонокъ и всполошили всѣхъ.

— Вы слышите что-нибудь? — спросилъ я, обратившись къ сестрамъ и монахинямъ.

— Теперь ничего не слышимъ, но сейчасъ мы всѣ слышали, какъ люди кричали на улицѣ, бѣжали изъ домовъ; слышали, какъ валя люди стучали вотъ въ эту дверь и кричали «калавуръ».

Я направился-было къ выходной двери изъ сада, чтобъ пройти на огородъ и потомъ на улицу, узнать, что тамъ дѣлается, хотя, судя по тишинѣ, я едва ли бы нашелъ кого-нибудь бодрствующимъ; вдругъ ко мнѣ на встрѣчу идетъ скорымъ шагомъ одинъ изъ нашихъ санитаровъ, останавливается передо мною, хочетъ что-то сказать, но не можетъ выговорить ни слова; дыханіе у него прерывается; нижняя челюсть дрожить....

«Нѣтъ, что-то дѣйствительно есть», мелькнула въ головѣ тревожная мысль.

— Что ты?—спрашиваю санитаря. —Что случилось?

Задыхаясь и дрожащимъ голосомъ онъ едва изловчился объяснить мнѣ, что «вучера Василій и Константинъ напились пьяными, напали на него и хотѣли ограбить и зарубить пашкой....

«А, вотъ оно что!» подумалъ я, и мнѣ все стало ясно.

— Ну, потому что?—спрашиваю его.

— Когда же я сталъ кричать караулъ, они испугались, отстали отъ меня, а пашку бросили въ капусту. Я пришелъ объяснить вашему в—дѣю объ этомъ ихъ самовольномъ поступкѣ и чтобы вы взяли меня подъ свое покровительство.

Теперь объяснились и «калавуръ», и ломленіе въ садовую балитку; тревога въ ближайшей улицѣ, произведенная учиненнымъ крикомъ на монастырскомъ дворѣ—и оттуда выводъ напуганныхъ монахинь о пришествіи въ городъ турокъ и черкесовъ. Я могъ бы ничего больше не спрашивать у санитары, который, какъ я послѣ замѣтилъ, тоже былъ «готовъ», и уйти къ себѣ лечь спать; но мнѣ нужно было разобрать дѣло, найти виноватыхъ и положить резолюцію въ предупрежденіе повторенія подобныхъ сценъ въ городѣ, гдѣ всѣ такъ напуганы, всѣ ждутъ бѣды и оттого поднимаютъ тревогу при малѣйшемъ поводѣ.

— Такъ это ты кричалъ караулъ?—началъ я судебное слѣдствіе при такой поэтической обстановкѣ, среди которой, если уже разбудили, гораздо пріятнѣе было бы покойно посидѣть у окна, выходящаго въ садъ, пометать, наслаждаясь свѣжимъ воздухомъ, налитаннымъ ароматомъ цвѣтовъ и душистыхъ травъ; полюбоваться на очаровательную картину южной лунной ночи; просто задуматься, наконецъ, собравъ свои растрепанные мысли... а тутъ слѣдствіе, разборъ...

Вмѣсто прелестной дѣвы въ легкомъ воздушномъ одѣяніи—этого непремѣннаго аксессуара поэтическихъ лунныхъ ночей,— предо мною стояла противная фигура пьянаго санитары или «брата милосердія», какъ они было пробовали себя называть, да, къ счастью, названіе это не пошло въ ходъ. Я говорю—къ счастью, потому что за немногими исключеніями набранные санитары были изъ руэкъ вонъ плохи. Все ихъ милосердіе обращалось къ самимъ себѣ; а вниманіемъ ихъ пользовались только бабаки.

— Такъ это ты кричалъ караулъ?—переспросилъ я.

— Точно такъ, ваше в—дѣе!—отвѣчалъ онъ, приложивъ руку къ козырьку неизвестно почему носимой имъ военной бепи.

Онъ произнесъ свое: «точно такъ, ваше в—дѣе!» съ видомъ полнѣйшаго удовольствія, происходившаго, нужно думать, отъ сознанія, что это онъ кричалъ караулъ отъ другихъ, а не другіе отъ него.

— Только ты одинъ и кричалъ,—больше никто?

— Точно такъ, ваше вѣдѣе, только я одинъ,—теперь даже съ нѣкоторою гордостью и сознаниемъ собственной чистоты и невинности отчеканилъ онъ, насколько можетъ отчеканить человекъ, находящійся, какъ говорится, «на второмъ взводѣ», т.-е. въ несовсѣмъ трезвомъ видѣ. Онъ видимо все болѣе и болѣе приходилъ къ заключенію, что я принимаю сторону его, какъ кричавшаго караулъ, и сейчасъ строго накажу его обидчиковъ.

— А въ городѣ не кричалъ ли кто-нибудь? Не было ли сейчасъ шуму какого на улицахъ?

— Никакъ нѣтъ, въ городѣ все было тихо; это только я сталъ кричать караулъ, когда меня Василій съ Константиномъ хотѣли зарубить пашкой, которую они...

— Ну, ладно, ладно!

Сестры и монахини во время этого разспроса стояли возлѣ меня.

— Ну, вотъ вамъ турки и черкесы,—сказалъ я, поворачивая санитару къ нимъ лицомъ. Этихъ турокъ и черкесовъ мы сами привезли сюда... Повернись, посмотри вотъ на нихъ,—приказалъ я ему. Онъ повернулся тоже по военному, на каблучкахъ и опять сдѣлалъ подъ козырекъ. Попросивъ сестеръ и монахинь успокоиться и идти спать, я самъ отправился взглянуть на наступателей, на обидчиковъ бѣднаго, добраго санитару. Обиженный шелъ замногу и все старался придать себѣ видъ угнетенной невинности. Я напелъ всѣхъ пьяными, и рѣшить—кто былъ правъ, кто виноватъ въ происшедшей ссорѣ, я думаю, былъ бы не въ состояніи и самый опытный изъ слѣдователей. Сказавъ каждому изъ нихъ по нѣсколькимъ словъ, не особенно лестныхъ для ихъ самолюбія, я рѣшилъ посадить невиннаго санитару подъ арестъ при лазаретѣ, для того, чтобъ онъ въ другой разъ не кричалъ караулъ и штрафовалъ всѣхъ лишеніемъ суточныхъ денегъ на одну недѣлю.

Произведенный ими крикъ и шумъ разбудили и поднали жителей сосѣднихъ домовъ; они тоже не знали, что такое происходитъ, и выскочили на улицу—мужчины съ оружіемъ, а женщины съ дѣтьми на рукахъ. Выйдя на улицу, я еще напелъ тамъ нѣсколько десятковъ человекъ и объяснилъ имъ, какъ сумѣлъ, что ничего важнаго нѣтъ, что это наши люди выпили черезъ-чуръ много вина, подрались и поднали между собою шумъ. Но они уже знали причину фальшивой тревоги и только продолжали ходить по улицѣ около своихъ домовъ, толкуя о военныхъ событіяхъ. Сонъ у меня прешелъ, ночь была такъ хороша, но какъ ни хотѣлось мнѣ пойти побродить по городу, я ушелъ въ себѣ: надо было спать, чтобы завтра имѣть бодрія силы для

новой работы, такъ какъ намъ было дано знать, что завтра придеть транспортъ раненныхъ изъ-подъ Казанлыка.

Прошла эта потревоженная ночь; прошли слѣдующіе два дня, а транспортъ не приходилъ; не приходило также ни откуда страшныхъ вѣстей и мы отдохнули физически и нравственно; но не на долго: уже на второй день вечеромъ пришло новое извѣстіе, что турки идутъ на Сельви, гдѣ завтра (16 іюля) ожидается сраженіе, и въ случаѣ, если побѣда останется на сторонѣ непріятеля, онъ, по всей вѣроятности, направится оттуда на Габрово, до котораго отъ Сельви всего тридцать верстъ; войска же здѣсь было тогда, какъ и прежде, всего одинъ батальонъ орловскаго полка; тѣмъ не менѣе имъ было приказано защищать городъ; въ случаѣ же неудачи—отступить въ горы, къ Николаевскимъ укрѣпленіямъ. На слѣдующій день намъ было дано знать, чтобы мы всякую минуту были готовы къ отъѣзду, и потому намъ пришлось заняться приготовленіями къ дорогѣ,—укладкой своихъ разбросанныхъ по комнатѣ вещей въ чемоданы и ящики.

Нужно было брать съ собой всё экипажи и всё вещи, потому что мы должны были открыть перевязочный пунктъ вблизи мѣста сраженія, гдѣ послѣдному суждено было произойти, и потому еще, что не могли знать, куда броситъ насъ судьба послѣ. Только-что мы приготовились къ отъѣзду, какъ привезли 66 человѣкъ раненныхъ изъ-подъ Казанлыка.

Они прибыли уже поздно, такъ что переноска ихъ изъ повозокъ въ лазаретъ, пріемъ и размѣщеніе по палатамъ совершались при фонаряхъ и свѣчахъ, и тусклое вечернее освѣщеніе дѣлало эти печальныя сцены еще болѣе тяжелыми; стоны и вскрикиванія слышались еще рѣзче. У насъ было все приготовлено для пріема ихъ, а именно: посреди большой комнаты, въ которую вели двѣ двери, одна съ улицы, другая со двора, и которая служила намъ пріемнымъ покоемъ, стоялъ столъ, заложенный разнаго рода перевязочнымъ матеріаломъ, необходимыми лекарствами и сосудами съ водой; около стола находились въ полномъ сборѣ — докторъ, сестры и фельдшера. Когда внесли всѣхъ раненныхъ, ихъ напоили сначала чаемъ съ хлѣбомъ, потомъ приступили къ перевязкѣ, которая окончилась только около второго часа ночи, такъ какъ мы не могли отложить ея до завтра: завтра нужно было отправить всѣхъ раненныхъ изъ Габрова дальше, въ виду угрожавшей городу опасности. Но, слава Богу, необходимости увозить ихъ непременно завтра и непременно всѣхъ уже не было, такъ какъ пришло новое распоряженіе—не выѣзжать изъ Габрова, потому что ожидавшееся наканунѣ прибли-

женіе непріятеля со стороны Сельви не было приведено имъ въ исполненіе.

Раненыхъ было приказано оставить здѣсь, а намъ дано знать, что мы можемъ спокойно продолжать свои занятія, впредь до новыхъ распоряженій. Въ ожиданіи ихъ мы прожили покойно слѣдующіе пять дней, забывъ о всякихъ опасностяхъ и переставъ думать объ отъѣздѣ изъ Габрова; снова разложили вещи и если говорили иногда объ отъѣздѣ, то не иначе, какъ о движеніи впередъ за нашей арміей, которая, какъ мы были убѣждены, пойдетъ быстрыми шагами за Балканы, въ Казанлыкъ, въ Адриано-поль и т. д.

Но вотъ возвращается разъ сестра Т. съ дежурства изъ лазарета, возвращается раньше обыкновеннаго, будить всѣхъ и сообщать слѣдующія новости: что штабъ 9-й дивизіи, при лазаретѣ которой мы тогда состояли, будто бы выѣхалъ въ два часа этой ночью въ Сельви. Подвижному лазарету, находившемуся въ то время въ горахъ, приказано вернуться назадъ, и какъ можно скорѣе отправляться туда же. Мы привыкли уже вѣрить всякимъ новостямъ лишь на половину; но вскорѣ ко мнѣ пришелъ главный докторъ этого лазарета, Анучинъ, находившійся тогда въ Габровѣ, и подтвердилъ все, сказанное сестрой. Мы стали немедленно готовиться къ отъѣзду и черезъ два часа наши вещи уже выносили въ экипажи; лошадей закладывали; все дѣлалось поспѣшно и монахини со страхомъ посматривали на наши торопливые сборы и съ трудомъ вѣрили, что мы ѣдемъ по дѣлу, а не «бѣгаемъ» изъ Габрова, вслѣдствіе новой бѣды. Онѣ съ видимой грустью и сожалѣніемъ провожали насъ; нѣкоторыя даже плакали... Онѣ успѣли привыкнуть къ намъ; съ нами имъ было смѣлѣе и жилось покойнѣе потому, что одно слово—русскій—представлялось имъ силой, за которую можно укрыться отъ грозящей опасности. Въ полдень мы оставили Габрово и ѣхали по сельвійскому шоссе. Впереди растянулся длинный обозъ съ лазаретными принадлежностями; около него шли разсыпавшіеся санитары въ числѣ полтораста человѣкъ; они были вооружены на случай встрѣчи съ башибузуками, частью ружьями или револьверами, частью холоднымъ оружіемъ. За обозомъ двигались грузныя лазаретныя линейки въ числѣ пятнадцати; дальше ѣхали врачи верхами или въ телѣжкахъ и, наконецъ, нашъ «красно-крестовскій» отрядъ съ своими тремя экипажами. День былъ знойный. Прекрасная шоссеиная дорога изъ Габрова на Сельви идетъ по живописнымъ отрогамъ Балканъ, покрытымъ богатыми полями золотистой пшеницы или еще зеленой кукурузы,

между которыми разбросаны группы великолѣпныхъ деревьевъ бука, орѣха, граба и другихъ породъ. Верстахъ въ десяти за городомъ мы встрѣтили сотню донскихъ казаковъ, впереди которой ѣхалъ знакомый мнѣ полковникъ. Откуда вы или куда? — спрашиваю. — А мы конвоировали начальника девятой дивизіи, кн. Святополкъ-Мирскаго, до Сельви. Князь оттуда отправился прямо въ Ловчу, гдѣ завтра, какъ полагаютъ, будетъ сраженіе, а также, говорятъ, ожидается большое дѣло подъ Плевной. Эти вѣсти невольно заставляли насъ прибавлять шагу, сокращать отдыхи, которые дѣлались для нашей пѣшей команды, и слѣпить къ мѣсту своего назначенія, но мы не могли ускорить движенія и ѣхали шагомъ, такъ какъ поневолѣ должны были быть «товарищами пѣшихъ». Продолжая нашъ путь и безпрестанно спускаясь и поднимаясь съ холма на холмъ, мы все время могли любоваться картинами живописной страны, богатой по своей природѣ, но населенной, какъ казалось, очень скудно, — по крайней мѣрѣ, у дороги лишь изрѣдка встрѣчались отдѣльные домики, — трактиры съ постоянными дворами, — да стояли двѣ турецкихъ деревни съ своими бѣлыми минаретами. Въ сторонѣ отъ дороги, между полями выглядывали изъ-за густой листвы деревьевъ сельскіе домики, но тоже не часто; — болгары боятся большихъ дорогъ и селятся подальше отъ нихъ, во избѣжаніе разныхъ непрошенныхъ гостей. Кое-гдѣ бродили небольшія стада рогатаго скота и барановъ; показывались люди — болгары, которыхъ мы встрѣчали также на дорогѣ, медленно двигавшихся съ возами, запряженными парой буйволовъ, или расположившихся на отдыхъ. Эти отдыхи опредѣляются тѣми мѣстами, гдѣ они могутъ доставить своимъ черномазымъ сотрудникамъ наслажденіе сдѣлать себѣ грязную ванну, и у дороги, повидимому, нарочно вырыты не глубокія, но довольно объемистыя ямы, которыя наполняются водою, текущею изъ сосѣдняго болотца или родника, или набирающеюся во время дождей. Мягкая почва легко раскисаетъ, какъ говорятъ, и превращается въ жидкую грязь... Она-то и составляетъ источникъ блаженства могущественныхъ, кроткихъ и терпѣливыхъ тварей — буйволовъ, очень чувствительныхъ къ лѣтней жарѣ, а потому нуждающихся въ охлажденіи своего тѣла. Гдѣ есть вода и если они свободны отъ работы, они забираются въ нее компаніями и сидятъ въ ней всѣ жаркіе часы дня; гдѣ нѣтъ воды, буйволы лѣзутъ въ грязь съ такимъ же наслажденіемъ, какъ въ воду. Выкупаться въ грязи для нихъ даже практичнѣе, потому что она не такъ скоро высыхаетъ и, слѣдовательно, дольше прохлаждаетъ; — поэтому болгары, хозяева буйволовъ, стараются

обмывать каждаго изъ нихъ грязью всего, кромѣ головы. Какъ неохотно расстаются буйволы съ грязной лужей, съ такимъ нетерпѣніемъ они бросаются въ ней, увидавъ ее, и хозяева стараются какъ можно скорѣе выпрячь ихъ изъ телѣги, чтобы весь вожъ не побывалъ въ буйволовои ваннѣ.

Мы подвигались впередъ покойно и въ разговорахъ о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ, совсѣмъ забывали, что ѣхали по чужой землѣ, въ военное время; о войнѣ намъ ничто не говорило, кромѣ насъ самихъ, да цѣли нашего путешествія; вокругъ же насъ, куда бы ни упалъ взглядъ, мы вездѣ встрѣчали картины тихой и, какъ казалось издали, довольной жизни. Мысли объ ужасахъ войны покидали голову, однако, не надолго; — нѣтъ-нѣтъ да и вспомнишь о возможности нападенія, если не войскъ, то разбойничьей шайки, которая могла бы надѣлать намъ много бѣдъ, особенно во время привала, когда утомленные ходьбой и зноемъ люди разбредались въ лѣсочекъ близъ дороги и, разлегшись на роскошной мягкой травѣ, въ прохладной тѣни деревьевъ, засыпали мертвымъ сномъ... Не добудиться бы ихъ скоро; точно также не собрать бы въ случаѣ тревоги лошадей, выпряженныхъ и пущенныхъ на подножный кормъ.

Налети, думалось мнѣ, десятка два баши-бузукоевъ съ разныхъ сторонъ на нашъ лагерь, сдѣлай нѣсколько выстрѣловъ, — и они произвели бы такую сумятицу, что, пожалуй, наша охранная стража была бы истреблена прежде, чѣмъ успѣла бы отыскать свое оружіе. У насъ же, какъ я говорилъ, его не имѣлось; мы, какъ члены общества Краснаго Креста, не нуждались въ немъ, такъ какъ считали себя гарантированными своимъ знакомъ на повязкѣ. Но вѣдь мы были въ Турціи и имѣли бы дѣло съ турками, не признающими никакихъ международныхъ соглашеній, и потому въ настоящей кампаніи слѣдовало бы, мнѣ кажется, всѣмъ быть вооруженными, не исключая даже сестеръ милосердія. Послѣднимъ оружіемъ было бы, пожалуй, еще нужнѣе, если не для обороны, то для самоубійства въ какую-нибудь крайнюю минуту.

Но въ мѣстности, по которой мы ѣхали, турокъ и баши-бузукоевъ, какъ намъ говорили, совершенно не осталось; они были частью истреблены, частью отѣснены въ Балканы и за нихъ; остались здѣсь только такъ-называемые мирные турки, изъ деревенскихъ жителей, и на второй половинѣ пути мы проѣхали мимо прелестнаго турецкаго села, окутаннаго богатѣйшею растительностью.

Всѣ жители его остались на своихъ мѣстахъ и жили въ соб-

ственныхъ домахъ покойно, занимаясь своими дѣлами. Когда мы остановились въ этомъ селѣ, чтобъ напоить у колодца лошадей, нѣсколько стариковъ-турокъ подошли къ нашему экипажу, держа кувшины съ водою и отдавая намъ селямъ, — почтеніе, выражаемое прикладываніемъ руки ко лбу, потомъ къ сердцу и опять ко лбу. Они принесли воду, предлагая намъ пить... Вотъ какая любезность! Но не любезны были лица этихъ важныхъ, молчаливыхъ стариковъ; они выражали не то злобу, не то чувство гнѣвнаго стыда, испытываемое побѣжденнымъ передъ побѣдителемъ, во всякомъ случаѣ не симпатію къ намъ или дружбу.

Я смотрѣлъ на нихъ безъ злобы, безъ предубѣжденія, но не могъ отдѣлаться отъ мысли, что если бы какимъ-нибудь случаемъ сила очутилась на ихъ сторонѣ, наши головы навѣрно были бы немедленно снесены этими сѣдыми бородачами и въ видѣ трофеевъ насажены на песты. Напоили лошадей; ѣдемъ дальше. Сельви, говорятъ, уже близко... Что-то тамъ происходитъ, что мы найдемъ?—думается намъ при этомъ названіи. Ждемъ, заглядываемъ впередъ, но города все еще не видно. Солнце сѣло; погасъ послѣдній розовый свѣтъ на вершинахъ отдаленныхъ Балканъ, темно-голубой силуэтъ которыхъ ясно обрисовался на юго-восточной части горизонта, а Сельви все не видать и мы все продолжаемъ то спускаться въ долины, то взбираться на верхушки новыхъ и новыхъ высокихъ холмовъ. Хоть и хорошая, а трудная дорога... Наконецъ, около десяти часовъ вечера, мы доплелись до города, но въ него не въѣхали, а остановились, вслѣдствіе полученнаго распоряженія, въ полуверстѣ отъ него, гдѣ также стояли разные военные обозы, войска, расположенныя лагеремъ и только-что прибывшій лазаретъ 14 дивизіи... Два лазарета вызваны, — вѣроятно, ожидается серьезное дѣло. Надо было скорѣе поужинать и ложиться спать, чтобъ завтра чѣмъ свѣтъ быть на ногахъ. Мигомъ явились походный столъ, стулья, разная холодная ѣда, горячій чай и, утоливъ голодь и жажду, мы расположились на ночлегъ подъ безпредѣльнымъ шатромъ звѣзднаго неба, потому что разбивать палатки сегодня было уже поздно. Равнину, на которой мы стояли, оживляли множество востровъ и тысячи солдатскихъ голосовъ. Воздухъ посвѣжѣлъ и сталъ до такой степени влаженъ, что скоро всѣ наши вещи были словно смочены дождемъ. Мы прозябли ночью, но наступившее теплое утро 21-го іюля скоро согрѣло насъ и высушило наши платье и вещи. Начался новый день... Что-то онъ принесетъ намъ?—спрашивали мы себя...

II. Пясцевскій.

ДЕРЕВЕНСКІЕ ДѢЛЫЦЫ

РАЗСКАЗЪ

I.

Замѣчательный нашъ вѣкъ. Присмотришься хорошенько къ обществу какому-нибудь, компаніи, фабрикѣ, заводу, складу, кабаку—даже къ шинку захолустному—оказывается, что всюду, съ замѣчательнымъ искусствомъ, совершается операція незамѣтнаго изъятія копѣйки изъ кошелька ближняго.

Тамъ обольщаютъ православный и не-православный людъ дивидендами и взаи́мъ червонецъ опускаютъ въ карманъ какую-нибудь акцію, облигацію, съ красивой виньеткой и математическимъ вычисленіемъ на оборотѣ, обещающимъ владѣльцу красивой бумаги миллионы. Оно и заманчиво, и легче носить, и безопасно. Тамъ печатаютъ всевозможные преісъ-куранты и рекламы: о необычайной рѣдкости, о небываломъ еще въ природѣ чаѣ, о какомъ-нибудь всецѣлительномъ напиткѣ, о только-что вышедшей въ свѣтъ книгѣ необычайно-свѣжаго аромата по содержанію и изумительнаго переплету. Тамъ рекомендуютъ за пять рублей чудодѣйственное зеркало, съ помощію котораго можно, не учась ничему, снимать пейзажи, портреты и вообще быть художникомъ. Тамъ подпускаютъ бумажную ниточку въ шелковую матерію, такъ что не различишь прачку въ плісь съ барыней въ бархатѣ. Кулакъ подсыплетъ песочку въ мыло, куколку ¹⁾ въ рожь, смететь—и мучицу на винокуренный заводъ. Мука бѣлѣй обыкновенной, а выходъ спирта малъ. Заводчикъ охаетъ, кричитъ;

¹⁾ Никуда негодное зерно, но бѣлое въ мукѣ.

выписываетъ экспертовъ; вооружась съ ними разными инструментами, садится на заторный чанъ, смотритъ, изслѣдуетъ движеніе пѣны и думаетъ: что за причина такая?.. «Ты думай тамъ, а копѣечка-то за куводемъ невидимкой вылетѣла изъ кармана у тебя», — думаетъ про себя кулакъ, проходя мимо мудрецовъ, съ пачкою кредитныхъ за мучицу. Мудрецы находятъ, что нужно перемѣнить чаны—выписать ихъ изъ Берлина, изъ Лондона.

Ну, а какъ это бываетъ въ деревнѣ?

Въ деревнѣ идетъ то же, по-своему. Особенно въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики, по неопытности въ хозяйствѣ, сдали свои земли въ аренду, продали кулакамъ, или наняли управляющихъ — лихихъ операторовъ. Приходить къ такому мужичокъ. Въ передней, по случаю эмансипаціи лакеевъ, встрѣчаетъ его собака. На лай, кошачьимъ шагомъ, слегка пригорбившись, выходитъ землеобладатель.

— Чтѣ скажешь, голубчикъ, хорошенькаго? — искусно подкрадывается онъ къ пациенту.

— Къ вашей милости, Екимъ Микитичъ. Не отдадите-ли земельки въ наймы подъ рожь?

— Можно, другъ мой, можно.

— А какъ цѣна?

— Ну, чтѣ намъ съ тобою толковать о цѣнѣ, народъ въ бѣдный, денегъ у васъ нѣтъ, мы лучше какъ-нибудь *такъ* сойдемся съ тобою.

— А это всего лучше.

— Еще бы. Намъ нельзя васъ не жалѣть, мы сосѣди, другъ другомъ должны жить. Мы вотъ какъ съ тобой сойдемся: я тебѣ дамъ десятинку подъ рожь, такъ, безъ денегъ, безъ всякаго задатка даже; а ты мнѣ обработаешь сполна двѣ десятины и уберешь съ нихъ въ гумно хлѣбъ, вывезешь въ поле сорокъ возовъ удобренія, не съ твоего, а съ моего двора, понимаешь?

— Съ чего-жъ не понять, понимаю.

— Ну вотъ. Потому въ сѣнокосъ ты три денька покосишься у меня въ лугахъ, а водочкой васъ попою, понимаешь?

— Знаю дѣло, понимаю.

— Бабенки твои, онѣ вѣдь такъ болтаются, барщины нынѣ нѣтъ, — весной пополятъ мнѣ просца денечка три, въ сѣнокосѣ погребутся, поворошатся денекъ-другой, а ихъ угощу, — въ рабочую пору поваяжутся денька три; а зимою у васъ лошади такъ болтаются, извоза нѣтъ, чугунокъ прошла, — ты свезешь мнѣ возовъ десятокъ хлѣба въ городъ. За мою добродѣтель, если ты возчувствуешь, случится у тебя поросеночекъ, принеси, или ку-

реночка христовнаго—это на твоей волѣ. Стало-быть, ты безъ гроша можешь владѣть моею десятиною и не увидишь, какъ отработаетъ. Чтò весной сработаетъ, къ рабочей порѣ забудешь...

— А я было трюшницу (3 руб.) въ задатокъ вашей чести принесъ.

— Ну, отдашь ты въ задатокъ трюшницу, засѣешь мою десятину, остальныхъ не додашь, поди—судись тогда съ тобою. Вмѣсто того, чтобы въ рабочую пору поскорѣй съ поля хлѣбъ убирать, мы и будемъ съ тобою ѣздить къ мировому — день-то въ ту пору кормить годъ, самъ небось знаешь пословицу. А тамъ, глядишь, къ мировому гости пріѣхали, разбирать нѣкогда, отложить до пятницы и въ пятницу поѣзжай. Это все дѣло пустое. Трюшница къ тому-жъ годится тебѣ на нуждишку... Правду я говорю?

— Какъ же не правду, другую недѣлю семья безъ соли сидитъ, все деньжонки на задатокъ собираютъ.

— Стало-быть, такъ?

— Что-жъ, пожалуй, хошь и такъ. Только вотъ что, Ехимъ Микитичъ, накинъ возокъ соломы на всю эту матерію—лошадѣмъ на рѣзку.

— Можно, отчего-жъ. На-ка выпей, при рѣшеніи дѣла.

Ефимъ Никитичъ достаетъ изъ кармана жилетки ключъ отъ крана, отвинчиваетъ кранъ, наливаетъ стаканъ воды и подносить мужичку.

Нужно замѣтить, что у Ефима Никитича въ передней на столѣ былъ прикованъ винтами къ стѣнѣ громадный самоваръ изъ бѣлаго желѣза, гдѣ подъ краномъ съ ключомъ хранилась необходимая при операціяхъ влага—на случай, какъ у доктора морфій.

Мужичокъ расчищаетъ усы, крестится, беретъ стаканъ и по ниточкѣ съ наслажденіемъ тянетъ воду.

— Стало-быть, писать условіе, какъ говорили?

— Пиши.

— Только за возокъ соломы ты вывези съ своего двора возовъ пятнадцать удобренійца на мое поле. У васъ земли мало, небось давно ужъ удобрена.

— Пятнадцать многоенько, Ехимъ Микитичъ, десятокъ, пожалуй, вывезу за твое угощеніе.

— Экій ты гудокъ, я бы и на пяти помирился, да какіе воза-то вы возите — пригоршни, веретенкомъ встряхнуть — слово одно, что возъ. Ну ладно, десять, такъ десять.

Такимъ образомъ, посредствомъ такой операціи, изъ кармана

мужичка изъе́млетсѣ за десятину самой плохой земли около двадцати рублей. Да кромѣ того, соблюдается оборотный капиталъ, который операторъ выдаѣлъ бы мужикамъ за разные работы, — обезпечивается работа на все лѣто въ поляхъ и лугахъ и вывозка удобренія, съ добавленіемъ удобренія съ крестьянскихъ дворовъ. А еслибъ Ефимъ Никитичъ вздумалъ отдать эту десятинку за деньги, то напросился бы семь-восемь рублей, да еще съ подожданьемъ. И къ мировому все-таки ѣздилъ бы.

Подъ-часъ бываетъ и такъ, что сами операторы, Ефимы Никитичи, подвергаются операціямъ со стороны мужичковъ.

Еще съ осени землевладѣлецъ приглядывается въ окно, не подѣхалъ ли мужичокъ подрѣжаться на обработку земли и уборку хлѣба въ будущемъ году. Онъ крѣпко убѣжденъ, что земля безъ лошади и работника — прахъ. Вотъ подѣзжаетъ мухортый мужичонка верхомъ на усадистомъ конѣ. Привязываетъ лошадь, входитъ.

— Чтѣ, голубчикъ, скажешь?

— Попросить заработочковъ пріѣхалъ къ вашей чести.

— Оно бы раненько еще. До весны-то, когда нужно пахать — насъ съ тобою, быть можетъ, похоронять и вѣчную память отпокутъ.

— Такъ-таки и померѣ всѣ — у меня три сына пахаря, четыре мерина и кобыла съ сосунькомъ.

— Пожалуй, возьми. Сколько-жъ тебѣ?

— Десятиноку восемь.

— Много, не отработаешь.

— Вона! чтобъ на экихъ лошадяхъ, да не отработать — ты глянь-ко вонъ, привязанъ — какое дитѣ.

Хозяинъ посмотреть въ окно на лошадь, полюбуется, — соглашаются, пишутъ условіе, мужикъ получаетъ полсотни цѣлковыхъ и уѣзжаетъ.

На этой же лошади ѣдетъ къ другому, третьему и четвертому землевладѣльцамъ и вездѣ совершаетъ ту же операцію надъ ихъ кошелями. Послѣ оказывается, что подрядчикъ у сосѣда взялъ лошадь, даже тайкомъ поймалъ на выгонѣ, чтобы собрать на ней деньжонокъ, а своихъ лошадей у него и не бывало.

Судится, къ мировому тащить мужика не изъ чего, у него только и имущества, что похилившаяся избѣнка, да разбитые по кабакамъ лапти.

Но все-таки землевладѣльцы сдѣлають визитъ весной къ

шуту-мужику. Посмотрать на его хибару, потужать и съ гора зайдутъ въ лавочку къ кабачнику, который на ихъ денежки кроетъ желѣзомъ дворъ и совидаетъ каменную стѣну вокругъ себя.

— На наши ты денежки, Алтуфій Степановичъ, обгораживаешься,—шутить съ дрожекъ арендаторъ.

— Тутъ всякія есть,—хриплымъ голосомъ отвѣчаетъ кабачникъ.— Отъ евтихъ разбойниковъ надо чугунную стѣну завести. За шканикъ готовъ весь домъ спалить, только не поднеси въ долгъ. Вотъ третій разъ горю. Анамесь, по осени, не далъ одному, онъ вышелъ на улицу и чирикаетъ спичку объ стѣнку двора, спалю, кричить, а бѣлмы-то залилъ—не видитъ, что крыша-то желѣзная. Чирикай, думаю себѣ, чирикай.

Подходить масляница, не на что мужичку погулять, онъ и тащится къ арендатору.

— Что ты?

— Деньжонокъ пожалуйста.

— Да вѣдь ты за два года впередъ забралъ.

— Какъ же теперь быть, лошадь пала, чемеръ схватилъ, и твою землю не на комъ пахать. Давай денегъ, куплю лошадь, все отработаю, а то какъ хошь...

Арендаторъ подумаетъ-подумаетъ—надо дать, чтобы не пропали прежнія деньги.

— Ну, хоть лошадку дай, положи въ цѣну, — просить мужикъ.

Арендаторъ дастъ деньги, мужикъ ихъ прогуляетъ; дастъ лошадь, мужикъ сведетъ ее на торгъ, продастъ и деньги прогуляетъ. А работать не на чемъ—и взять съ него нечего.

Иной добродѣтельный землевладѣлецъ вздумаетъ справить мужичка, чтобы онъ былъ хорошій работникъ: дастъ ему и лошадь, и денегъ, и корову, подѣ заработки. Мужикъ видитъ податливость землевладѣльца, начинаетъ лѣзть къ нему за всякой всячиной.

— Что-жъ ты дѣлаешь со мной?.. — раздосадуется добрый человѣкъ,—забралъ и то-то и то-то, половины не отработалъ и просишь, давай тебѣ и овса на сѣмена, и муки на посыпку, и денегъ на деготь?..

— А не дашь, какъ хошь, мнѣ не на чемъ тебѣ работать, безъ подмазки колесъ не станешь возить снопы.

— Да ты скоро придешь, скажешь:—дай мнѣ жену.

— Жену ненадѣть, а ты дай рублевку на деготь.

Чтобы не оставались въ полѣ снопы, землевладѣлецъ дастъ рублевку на деготь.

Одинъ арендаторъ, нуждаясь въ рабочихъ рукахъ, придумалъ открыть лавку съ крестьянскимъ товаромъ, съ тѣмъ, чтобы торговать не на деньги, а подъ заработки. Бабы, мужики раде-хоньки, гурьбами идутъ въ лавку.

— Поштенный! что стоитъ этотъ платочекъ?—обращается баба къ приказчику, развертывая на солнышкѣ красный линючій платокъ.

— Десятину связать.

— А вотъ этотъ?

— Три дня сѣно грестъ.

— Ишь ты какой, это много.

— Дура, да ты разбери: берешь платокъ безъ копѣйки, а еще торгуешься.

— Какъ думаешь, тѣтка, ай взять?—совѣтуется покупательница.

— Бери, вишь безъ денегъ.

И беретъ.

— Милый человѣкъ, что положишь за этотъ хвостикъ сомовники?—поворачивая и обнюхивая рыбій хвостъ, спрашиваетъ мужикъ.

— Десятину пару взметать,—бойко отвѣчаетъ лавочникъ.

— Почти (уступи).

— Чего-жъ тутъ почитать, борозды чтоль три, четыре не допахать? Ты, вишь, на хвосту ярлыкъ виситъ и клеймо: десятина пару, непонятливый народъ.

— А соль по чемъ за пудъ?

— Любое выбирай: хочешь десятину сноси, хочешь двадцать возовъ удобренія вывези въ поле.

— Дорогонько, она въ городѣ семь гривенъ.

— Ну, и вышелъ ты сиволдай: въ городъ-то нужно съѣздить, стоить полтинникъ, да еще напѣешься — солдатъ вдоволь тебя наколотится, на пикетъ отволочетъ, пьяный оттуда подъ телѣгу попадешь, рыло расколотишь, лошадь украдутъ, а тутъ ты дома, покоенъ, и безъ денегъ берешь. Вы добродѣтели не понимаете.

Мужикъ соглашается.

— А рукавицы какъ?

— Три дня на поденщину къ молотилкѣ.

— А трубочка?

— Дѣвчѣнку полоть свеклу на одинъ день.

Все это пишется, записывается, составляются груды условій и товаръ ходко разволакивается.

Рыбу поѣли, платки слиняли, рукавицы истрепались, а на

работу никакъ не загонить арендаторъ народъ. Къ мировому. Самъ мировой запутался въ этихъ рукавицахъ и рыбьихъ хвостахъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что арендаторъ, предварительно спустивши свои укладочки, коверчичи, сундучки, въ одну прекрасную ночь исчезаетъ изъ имѣнія, не заплативши аренды.

Деревенская интеллигенція и захоластные коммерсанты, собравшись у кого-нибудь на крестинкахъ - именинкахъ, ведутъ оживленный разговоръ о хозяйствѣ, о политикѣ, напирая больше на турку и на чугунку, которая плохо возитъ товаръ, подъ конецъ проникаются сожалѣніемъ къ бѣдствующему человечеству и придумываютъ открыть у себя ссудо-сберегательную кассу. Время реформъ тащить за собою всякую щепку. Одни отъ души торжествуютъ, видя въ этомъ учрежденіи благую цѣль помощи ближнему бѣдняку въ его безысходной нуждѣ: купить лошадедку, чтобы обработать землишку. — коровку, чтобы не поморить съ голоду младенцевъ въ семьѣ. Другіе тоже отъ души торжествуютъ, соображая, что ни одно хозяйство, при всѣхъ хлопотахъ, не дастъ двѣнадцати процентовъ съ рубля въ годъ, какіе обѣщаетъ ссудо-сберегательная касса и безъ всякихъ заботъ. У сихъ послѣднихъ по воображенію пробѣжали: и еловый амбарчикъ, описанный подъ залогъ, въ половину цѣны — и корова утробистая, и овца и усадистый пѣгій меренокъ. Всѣ торжествуютъ и пьютъ тостъ за выдумку.

Открывается ссудо-сберегательная касса. Бѣдняки-мужички, какъ бабочки въ огонь, ночью порою, лѣзутъ въ кассу за деньгами, ни мало не соображая, что ихъ крылушки, помаленьку, опаливаются на финансовомъ огнѣ. А члены-вкладчики для сбереженія, тоже помаленьку, то вздумаютъ пристроечку къ дому, то рысачка, то пролеточку приобрѣтутъ и преспокойно выѣзжаютъ новенькихъ лошадей по деревнямъ, съ провалившимися крышами.

— Какову, гг., мы операцію придумали! просто роскошь! — хвалится кабачникъ у арендатора, очищая снѣгъ съ бороды: — буланый попалъ мнѣ съ торговъ за шаль, можно сказать, но посмотрите, какъ онъ несетъ — просто рысакъ, шельма. Вотъ видите, всю бороду забросалъ снѣгомъ отъ заднихъ ногъ.

— Нѣтъ, ты погляди, какого я борова отхватилъ на торгахъ — вотъ такъ за шаль, — въ свою очередь хвалился арендаторъ. Просто туша, насилу догнали отъ волостной.

— Одно слово: всякій товаръ сталъ подрученъ и подъ рукою, не ѣздитъ въ городъ на торги.

II.

Подъ обрывомъ горы, на которой рисуется красивый уѣздный городокъ, плавно протекаетъ мутная рѣка. Черезъ нее, въ видѣ паука, опрокинутъ горбатый, растопыренный мостъ. Кромѣ гусей и утокъ, по берегамъ рѣки у моста и на самомъ мосту блуждало съ удочками человекъ двадцать бурластныхъ мѣщанъ. Всѣ они были одѣты въ чуйкахъ и камзолахъ выше колѣнъ, съ предлинными рукавами и круто подпоясаны ниже живота, такъ что камзолъ мѣшками опускался вокругъ атлетической талии рослаго славянина, на ногахъ широченныя шаровары и кишечнообразныя сапоги. Слѣдя за движеніемъ поплавковъ на водѣ, всѣ они то и дѣло оглядываются на широкую дорогу, круто упадающую съ горы на мостъ. Завидя, что съ горы спускается обозъ съ хлѣбомъ, они притенутъ свои удочки въ мостъ и выходятъ на встрѣчу обоза, огорнуть переднюю подводу и спрашиваютъ.

— Что везете?

— Пшеницу.

— Продай.

— Барская—продана.

— Ну, хоть дай поглядѣть.

— Что ее глядѣть, коли продана.

— Авось не съѣдимъ, намъ для прищѣпки нужно. Эво олухъ народъ—тпрру!..

Обозъ останавливается, мужики въ растопыренныхъ свитахъ, съ кнутами въ рукахъ, наблюдаютъ, какъ бы не стащили кошеля съ сѣномъ, а мѣщане разбѣгаются по возамъ и по локоть запускаютъ въ нихъ свои руки съ предлинными рукавами. Достанетъ горстку, перекинетъ въ лѣвую руку, понюхаетъ, пожуетъ: сыровата, маленько, замѣчаетъ опара,—почесывая за ухомъ правою рукой, по рукаву которой опускается пшеница въ просторную пазуху,—а пшеничка ничего.

Лошади принатажатся, тронуть и везутъ обозъ дальше. Мѣщане, пожовывая и поплеывая пшеничку, возвращаются къ удочкамъ. На другомъ концѣ моста совершается та же операція съ обозомъ.

А если обозу случится ѣхать зимою въ сумеркахъ, или запоздать вечеркомъ, то на него, подъ видомъ присѣсть, прокатиться, нападаетъ какъ саранча самое мелкое поколѣніе крупныхъ мостовыхъ операторовъ. Мальчишки и дѣвчонки съ пяти лѣтъ, по примѣру родителей, начинаютъ упражняться доставаніемъ пше-

нѣтки, ржицы, овсеца изъ воевъ, лишь бы только подотенуть свою рученку въ возъ. Мужики, не подосерѣвая въ городскомъ младенцѣ такого развитія, нисколько не мѣшаютъ имъ прозаватиться на воеву по улицѣ.

Прибѣгая домой, эти младенцы съ восторгомъ высыпаютъ изъ своихъ пазухъ зерно, къ величайшему утѣшенію родителей. А родитель, приходя домой, становится въ широкую кадуюшку, распоясывается и изъ него начинается падать и сыпаться: зерна разнаго хлѣба, картофель, вишни, крыжовникъ, яблоки, рыба, мерзлый поросенокъ, а иногда даже живой цыпленокъ, смотря по времени года.

Снимаетъ сапоги и изъ шароваръ, которыя не что иное какъ большой двухъ-ствольный карманъ, съ отверстіями по бокамъ, выползаютъ разные сельскіе продукты.

Счастье, если эти операторы попадутъ на большой обозъ — по-маленьку съ воза не видно. Но если огорнуть мужичка съ однимъ воемъ, свертятъ совсѣмъ: торгуются, дергаютъ его за шиворотъ, бьютъ по рукамъ, обернуть его къ возу спиной, заставить снять шапку и божиться, крестясь на соборъ, что ниже двухъ съ полтиной не отдастъ.

— Не отдашь, ну, чортъ съ тобой — напугтвуютъ его операторы, пожевывая и поплеывая на пути къ своимъ удочкамъ.

Ни одного базарнаго дня не пройдетъ, чтобы къ мировому судѣ не явилось человѣкъ десять съ жалобами:

— Ваше благородіе! обвѣсили, обмѣряли, обочли, поросать, цыплятъ, яблоки растаскали.

— Гдѣ, кто, при комъ? — налѣзаетъ судья на назойливыхъ просителей.

— Да какъ же, ваше благородіе, самъ видѣлъ, рыжій такой жердяина, стриженная борода, схватилъ поросенка за заднія ножки и ударился по мостовой.

— По какой мостовой?

— А что прямо къ Миколѣ пошла.

— Ну вотъ, улицы даже не знаешь, а лѣзешь беспокоить меня. А ты бѣги смотри, цѣла ли лошадь-то.

Нерѣдко случается, что мужичокъ, возвращаясь отъ мирового судьи, не находитъ ни лошади, ни саней, и съ вкнутомъ однимъ возвращается домой.

Отъ скуки, въ видѣ разнообразія занятій, а главное, сознавая, что шупотней воевъ и пискарями изъ рѣки съ семьей не проживешь, наши операторы отправляются въ захолустныя селенія и тамъ оперируютъ на всѣ лады.

Домишки такихъ операторовъ лѣнятся коралловымъ рифомъ по склону горы надъ рѣкою и, какъ птичьи гнѣзда, примазываются къ горѣ, угрюмо хмурясь перекосившимися окнами на зрителей.

Мы знавали одного такого: звали его Никита Власъичъ Говоровъ. Большая семья сокрушила его и заставила глубоко думать надъ жизнію.

Въ понедѣльникъ на Троицынъ день, когда всѣ деревенскіе жители развиваютъ вѣнки и ликуютъ за яичницей среди роскошной природы въ лѣсахъ и когда, слѣдовательно, мость и рынокъ пустъ—Никита Власъичъ, одергивая вокругъ себя концы заштопанной, но къ празднику чисто вымытой ситцевой рубашки, сѣлъ на завалинку своей хибарки, закурилъ носогрѣйку и, всматриваясь въ груды темныхъ облаковъ, высоко валившихъ надъ рѣкой къ востоку, о чемъ-то думалъ. Его думу перебилъ престарѣлый соборный пономарь, доводившійся Никитѣ Власъичу троюроднымъ дѣдомъ по женѣ. Питаясь, съ трясущеюся рукою, подаваніемъ по торгу, въ праздникъ,—за отсутствіемъ сельскихъ обывателей съ продуктами, онъ тоже не зналъ куда дѣваться отъ скуки—вотъ и пришелъ къ внучку, почесать балы.

Повидались, усѣлись, начался разговоръ:

— Плохо, дѣдушка, стало нашему брату жить,—жаловался Никита Власъевичъ:—народъ сталъ умнѣть, самъ норовить тебя обмануть, а не то что ты его, какъ бывало прежде. Веретья побросали, стали въ мѣшкахъ хлѣбъ возить. Поди-ко, засунь руку въ мѣшокъ. Купишь мерзлую тушу, а въ ней полна грудь льду. Привезешь на торгъ сѣно, бона взъерошить, а середка пустая—плуты стали мужики.

— Они прежде приучены были къ воровству, а изъ воровства, стало быть, пошли на плутовство,—объяснялъ внучку старый пономарь.

— Именно,—такъ что нашему брату нечего остается дѣлать.

— Бывало, посмотришь, когда я былъ причетникомъ въ селѣ, бурмистръ завидитъ у мужика оглоблю плохую, или сани развалились, плетью лудить-лудить его вдоль спины, мужикъ отговаривается—негдѣ взять;—ай мало тебѣ барскихъ-то лѣсовъ,—приговариваетъ бурмистръ;—попадешься, кричитъ мужикъ;—воруй да не попадайся,—плетью вѣкъ учили воровству мужика, а теперь...

— А теперь на-дняхъ такая штука случилась: повдо вечеромъ приводить мужикъ лошадь къ моему сосѣду Антипѣ Лоскутову, сбываетъ за краденую; взялъ три цѣлковыхъ и пропалъ. Не успѣлъ еще Антипка лошадь сбыть, какъ является мужикъ

съ полицейскимъ солдатомъ и лошадь опознаетъ своею—украли, говорить. Антипку за шиворотъ въ полицію волокутъ—свертѣли малаго. Антипка поставилъ штофъ водки—не тѣмъ пахнетъ. Да ужъ кое-какъ сбилъ на патерикъ отступного. Оказывается, что же? мужикъ свою лошадь сбилъ и выкупилъ. Пьянъ напелся и восемь цѣлковыхъ за одну ночь нажилъ. Самихъ лошаководовъ мужики стали учить,—какое-жъ стало мѣщанское житье!

— Ну, за это братъ достанется и мужику. Должно, еще законъ не добрался до такихъ плутней. А какъ внесутъ статью въ законъ: Аще мужикъ свою лошадь...—забудутъ,—это вѣдь Сибирю пахнетъ.

— Тамъ пока внесутъ, да забудутъ, а вормиться-то нечѣмъ стало. Семья-то повадилась чай пить.

— Что, братъ, вездѣ иное пошло: бывало встарину, когда я былъ въ селѣ, батюшка былъ отецъ Дій, что раздѣливали! Отслужимъ это молебень, мужикъ и даетъ мѣдный пятакъ. Какъ! служили-служили—да пятакъ, полтинникъ доставай!—скажетъ батюшка. Мужикъ пожмется. А не хощь—Петровичъ, давай разслуживать молебень, пой не-Господи помилуй. Что-жъ ты думаешь, не успѣетъ о. Дій ризу навыворотъ надѣть, хозяинъ кладетъ полтинникъ на столъ—серебряный. Онъ ужъ готовъ у него, а у мужика натура такая, нельзя ли проѣхать на пятакъ. А нынѣ, посмотришь, какіе стали батюшки, что ни дай имъ и не смотреть—опускаютъ въ кармакъ.

— Про что-жъ я-то говорю, совсѣмъ не тѣ времена пошли. Запасливый народъ эти мужики: съѣжится, горюетъ, бѣднякомъ прикидывается, а какъ заберется къ нему въ пуньку воръ, самъ кричить: пять оворокъ ветчины украли, — полпуда масла коровьяго, семь овчинъ, пять холстовъ,—полсотни денегъ.

— Такъ, такъ, сплюнь и рядомъ, я-то ихъ знаю, тридцать годовъ въ селѣ пропонамарилъ, бывало тавлинки табаку не разживешься.

— А смотри, какіе грубіяны стали: а намесь были мы у мирового, по дѣлу тамъ... Взятывается мужикъ въ тулупѣ, на лавкахъ пуда два сѣбгу—и садится въ кресло противъ мирового. Мировой, въ цѣпи, разбираетъ насъ,—спрашиваетъ мужика: вамъ что угодно? а онъ въ отвѣтъ: а табѣ что надѣть? послушать пришелъ. Что-жъ съ храпоидалами подѣлаешь. Такъ мировой и замолчалъ, а изъ подъ-ногъ у мужика ручьи потекли. Еще принимали величать ихъ. Онъ: въ ночь подъ девятое ноября вы изволи разломать въ пунькѣ повѣть и утащить оттуда шлею и ошпокъ масла?—спрашиваютъ на судѣ:—потѣха!... А онъ себѣ

почесываетъ локтями бока и ухомъ не ведетъ. Да и такъ сказать: о чемъ ему горевать? въ острогѣ ему жилось вѣднѣе лучше домашняго, ѣда хорошая, работы нѣтъ.

— И по сану-то своему онъ мужикъ, не куда ниже, онъ и спокойно спитъ себѣ въ острогѣ, — подтвердилъ пономарь. — Острогъ — не мужицкое наказаніе.

— Такъ-то, дѣдушка, плохо наше пришло житье, плоха стала нажива. Дивнись якую пору, какъ еще вертимся. Насъ вѣдь въ городѣ до трехъ тысячъ мѣщанъ и всѣ живемъ можно сказать на вѣтру, перешибериваемъ кое-чѣмъ. До чего дожили: запоздала лошадь на выгонѣ, поймалъ и — въ лѣсъ, раздѣлъ, кожу въ лавку — и недѣлю сытъ. Антипка тѣмъ и живетъ. На-дняхъ заводскую кобылу раздѣлъ шельма, рублей двѣсти стоила, живо жаль. Почестъ всякую ночь аперацию дѣлаетъ.

— Въ деревню, что-ль, вамъ переселиться...

— Въ деревню — да тамъ своихъ плутовъ развелось вволю. Бывало, эти дворовые жили при баринѣ, дѣла не дѣлали, а все-таки вокругъ его вертѣлись, а теперь ихъ распустили, они и настроили кабаковъ, шинковъ, лавокъ и всякихъ притоновъ. Нѣтъ деревни, нѣтъ села, гдѣ бы этихъ приростковъ пять-шесть не было. Бѣзъ нимъ и валится комаръ и муха, а намъ ужъ нечего дѣлать въ деревнѣ.

— Хорошо бы выселить васъ на вольныя земли.

— Не годится дѣдушка, я ужъ думалъ такъ-то. На землѣ нужно работать, а мы привыкли съ утра до вечера шататься по городу, потрепывать кулаками съ малолѣтства привыкли, у насъ кровь не та. Вонъ Спиридоновъ богатъ мужикъ взялъ за сына мѣщанку — для благородства значить. Семейскіе до свѣта соломаты найдутся и на гумно молотить, а она лежитъ, соломату-то ѣсть не можетъ, не то что молотить, на счетъ чайку смеваешь. И мужикъ-то склялся съ нею.

— Это она попала въ рабочую семью, гдѣ-жъ ей равняться, а переселитесь вы семьями цѣлыми, — полежишь, полежишь, по неволѣ примешься за дѣло.

— Поди-ю, заставь цыгана землю пахать — привычка такая. Торговля — привлекательная штука. Богачъ купецъ и тотъ съ утра до вечера снуетъ въ лавкѣ. Его ничѣмъ не корми, а приди хоть на семерочку въ день у него купи. На морозѣ весь день просидитъ, въ томъ и жизнь свою положить. Знать ужъ нашъ заводъ таковъ. Лабазники на кулачки примутся драться отъ нечего дѣлать, ребята рядовичи веревочку тянуть примутся, гурь-

бой на морозѣ ноги подставлять другъ другу, а все сидятъ въ лавкахъ.

— Никита Власичъ, дѣдушка, идите чай пить,—послышалось изъ окна.

— Акинья Васильевна, да вы бы на улицѣ пристроили самоварчикъ, вышъ какое благораствореніе воздуху, — предложилъ супругъ Никита Власичъ, — да пошлите-ко восушечку водочки, мы съ дѣдушкой пропустимъ для праздника Христова.

Никита Власичъ сунулъ синишнѣй желѣзный шкворень изъ телѣги и моргнулъ.

Мальчишка со шкворнемъ и съ зельтерской бутылочкой ударился въ кабакъ. На улицѣ появились скамейки, самоваръ и чашки.

— Нѣтъ, дѣдушка, такъ жить намъ нельзя. Я придумалъ штучку, какъ Господь Миколой угодникъ облагословить, — проговорилъ съ разстановкой Никита Власичъ, улаживая табуретку на неровной землѣ.

Усѣлись за чай. Отъ сосѣдей послышался камаринскій на гармоникѣ. Полдюжины босыхъ дѣтишекъ Никиты Власича заплясали вокругъ стола.

— Веселитесь, дѣти, пока вы — дѣтки. Какова-то жизнь васъ ждетъ впереди, — замѣтилъ дѣдушка-пономарь, — а мы ужъ отжили.

III.

Въ городѣ, гдѣ жилъ Никита Власичъ, былъ богатый купецъ Пармень Потапычъ Выжидаевъ — человѣкъ былъ добродѣтельный, особенно для бѣднаго торговаго люда. Онъ былъ уже старикъ и нажилъ богатство торговлею съ кофѣями. Чего-чего не вытерпѣлъ онъ съ молодости: и билъ-то его, и въ острогъ-то попадалъ, разъ чуть-было въ Сибирь не угодилъ за подозрѣніе въ ограбленіи. Прощедши огонь и воду и мѣдныя трубы кулацкаго быта, безъ особенныхъ напастей и разбогатѣвши, онъ охотно помогалъ себѣ подобнымъ страдальцамъ, мелкимъ торгашамъ: даетъ товарцу въ долгъ, на выручку, даетъ деньжонокъ — де поѣзжайте въ уѣздъ, обьегоривайте и обьерихонивайте, какъ я въ былыя времена, и товаръ ко мнѣ — волну, щетину, корову, пеньку — барышокъ на-хлѣбъ на-соль вашу дамъ. Обмануть его трудно было. Прежде чѣмъ прасолъ разинетъ ротъ чего-нибудь попросить, онъ, исподлобья, какъ молнія, прохватитъ глазами прасола и съ-разу взвѣситъ всѣ его намѣренія и сердечныя помышле-

нiя. Отъ его проникающаго взгляда не ускользалъ даже и хорошо прошлифованный въ столицахъ и за границей баринъ: онъ съ-разу понималъ, кто показывается ему образчикъ хлѣба, онъ не на образчикъ смотритъ, а на колѣнки барина, какъ это онъ ихъ разставляетъ въ его лабазѣ, показывая образчикъ, ширеаетъ, или ровно держать. Тайкомъ заглянетъ и въ глаза, что онъ такъ себѣ смотритъ, или, поправляя галстухъ, оглядывается на улицу. Если въ лабазѣ какъ слѣдуетъ барина не разберетъ, онъ приглашаетъ его въ конторку, а ежели и тутъ баринъ покажется неясенъ, то и въ комнату — къ чаю, къ закускѣ. И тогда только начнетъ разговоръ о цѣнѣ хлѣба по образчику, когда вполне исчерпаетъ нужду продавца-незнакомца. А съ знакомыми натурами онъ за-просто обходился.

— Ну, что пріѣхалъ, небось, скажешь, дай деньженокъ? Зима подошла, въ Росен жить нельзя, на теплыя воды надо кости везть. Что мнѣ съ вами дѣлать, обобрали вы меня всего: тому дай тысячу, тому три, а иной заломить десять дай. А подо что дай? подъ будущій урожай. Подъ траву, подъ зеленыя, подъ порожнюю землю денежки отсыпаетъ. Ну что, говори?

— Разумѣется, тысячку... къ вамъ больше не зачѣмъ ѣздить, какъ за деньгами, вы нашъ благодѣтельный Крезъ.

— То-то Крезъ, не слушаете вы меня, потужите, жили бы потише, лучше-бъ ваше дѣло было. Я вонъ сколько вашихъ имѣньевъ купилъ, и жалъ мнѣ васъ, плачешь, а отдаешь по двадцать рублей за десятину со всѣми со дворами, лѣсами и скотами. Потому вижу малый долженъ погибнуть, зачѣмъ же его добро упускать.

— Обо мнѣ не беспокойтесь, Парменъ Потаповичъ, — я теперь придумалъ сдѣлать надъ своимъ имѣніемъ такую операцію, что...

— Слыхали мы, небось въ банкъ забутить?

— Не въ банкъ, а заводъ и всевозможные жиры производить; такъ, чтобы ни одно зерно не выходило изъ имѣнія, а лишь одни продукты высшаго сорта, какъ-то: спиртъ, масло, сало, мята, персидская ромашка въ аптеки и прочее. Купилъ кубъ — розовое масло гнать.

— Слыхали мы, а ты говори, подо что тебѣ тысячку-то дать?

— Разумѣется, подъ хлѣбъ. У меня посѣяно сто двадцать десятинъ озимой пшеницы, весвой посѣю сто десятинъ яровой, ржи посѣяно пятьсотъ десятинъ, ну, тамъ овса, гречи, проса и всякой гадости...

— Какъ думаешь, Митрошъ, дать, что-ль, ему? — обращается старикъ къ сыну.

— Дѣло ваше, батенька, а по насъ какъ угодно, вамъ вѣрнѣй знать,—покачивая головой и свертывая въ три погибели какую-то бумагу,—отвѣчаетъ Митроша:—они завсегда были баринѣ настоящій.

— Стало быть, дать. А на счетъ цѣны?

— Уже извѣстно, не въ первый разъ: съ наличной четверти хлѣба двугривенный складки противъ цѣнъ, а съ той, что съ осѣни посѣяно и весной буду сѣять—полтинникъ.

— Пожалуй, что-жъ съ вами подѣлаешь, обобрали вы меня кругомъ. Видно дѣлать нечего—дай.

При этихъ словахъ Пармень Потаповичъ поднимаетъ полу длиннаго, на крымскомъ мѣху, сюртука, отвязываетъ отъ ременнаго пояса на ремешикѣ ключъ и отдаетъ его сыну. Митроша, въ дутыхъ сапогахъ, крупно шагаетъ изъ комнаты и исчезаетъ. Пармень Потаповичъ диктуетъ барину росписочку. Колокольчикъ несгораемаго сундука зазвенѣлъ на весь домъ, баринъ подписался къ роспискѣ и тысяча въ пачкахъ является на столѣ. Старикъ взялъ пачки и прижимая ихъ ладонями,—сказалъ:

— Эхъ, вы, господа, не знаете вы цѣны деньгамъ,—на моей ладони, быть можетъ, лежатъ тысячу смертей, пять-сотъ побоевъ, сотни безсонныхъ ночей, а сколько слезъ—еще рѣчки такой нѣтъ. Нате, держите и знайте имъ цѣну.

Пармень Потаповичъ не скупъ былъ на деньги—охотно ссужалъ ими людей еще не прогорѣвшихъ. А какъ замѣтить, что баринъ, должникъ, проматывается—онъ во взысканію и потихонечку вытаскивать изъ-подъ молотка имѣніе съ публичныхъ торговъ.

Что же касается до какого-нибудь дворника, мѣщанина и вообще мелкаго торговца, забираваго у него товаръ въ кредитъ на разживу и прогоравшаго, Пармень Потаповичъ никогда не взыскивалъ и не приступалъ къ описи имущества, а скажетъ только:

— Ну что, братъ, не пошла въ прокъ тебѣ моя добродѣтель?

— Не пошла, занялся садочками, пошла засуха, хватилъ морозъ, цвѣтъ облетѣлъ, остались одни листочки, ужъ обождите.

— Богъ съ тобою, будутъ деньги, хватить совѣсти, когда-нибудь отдашь, а нѣтъ—на здоровье.

Но за то онъ и на дворѣ не станетъ держать таковаго приказчика-молодца, который бы при ссыпкѣ хлѣба не привѣсилъ и не примѣрилъ десяти четвертей на сто.

Это ужъ по старой привычкѣ.

У Пармена Потаповича было три сына. Всѣ они образованіе получили у приходскаго пономаря, набѣгомъ изъ лавки, когда

имъ захочется учиться, — за что пономарь пользовался изъ лавки товарцемъ въ празднику. Даже въ уѣздное или приходское училище Пармень Потаповичъ не хотѣлъ отдавать своихъ дѣтей. «Они, — говорить, только съ ребятами набалуются да нанюхаются всякой всячины, говаривалъ онъ, — а тутъ хочешь учись, не хочешь — отвѣшивай товаръ, всматривайся въ свое дѣло, мы не господа, а купцы». Сыновья съ трудомъ разбирали письмо и кое-какъ могли подписать свою фамилію, но на счетахъ выкладывали бойко, а самъ Пармень Потаповичъ вовсе не учился грамотѣ.

Роскоши семейство его не знало. Обращиваясь въ двухъ трехъ милліонахъ, ѣздилъ онъ безъ кучера. Самъ и приважетъ и подмажетъ, а въ случаѣ и ночуетъ подъ телѣгой, покрывшись рогожкой. Его примѣру слѣдовали и сыновья.

Отъ всякихъ общественныхъ должностей онъ былъ застрахованъ безграмотностью, а дѣтей не допускалъ онъ до должностей, отговариваясь ихъ малограмотностью и множествомъ дѣлъ по торговой части.

«Возьмите лучше съ меня контрибуцію, — только не трожьте моихъ ребятъ», скажетъ онъ, когда станутъ упрашивать, чтобы сынъ его принялъ какую-нибудь должность.

Какъ-то случилось, что въ городѣ не оказалось головы, — нѣтъ такого купца, котораго можно бы посадить въ головы.

Несмотря на безграмотность Пармена Потаповича, пристали въ нему, — обольщали мундиромъ, шпагой.

— Ни за какія коврижки, — отказывался онъ: — я и такъ, ребятушки, промежъ васъ голова, — безъ шпажки вашей.

И дѣйствительно, Пармень Потаповичъ былъ голова не только города, но и всего уѣзда, — давалъ тонъ коммерціи и вообще финансовому дѣлу, за что и прозвали его «дѣдушкой». — «Дѣдушка будетъ на торгахъ?» — «Нѣтъ». — «Ну, слава-Богу, а то прирѣжетъ», говаривали про него. «Одна надежда на дѣдушку, а то хонь въ кутузку полѣзай». И всякій зналъ, кто этотъ дѣдушка.

Сыновей онъ поженилъ на богатыхъ купеческихъ дочкахъ, но за приданнымъ не гнался. «Выбирай, чтобы дѣвка въ кости была поразгонистѣй, да собой дородна», говаривалъ, бывало, онъ сыновьямъ-женихамъ за обѣдомъ, «да чтобы енижной дури поменьше въ ней было набито. Баба нужна для заводу, а не для чего другого».

Старуха-жена давно оставила Пармена Потаповича, — по-дому хозяйничали неvěстки. На кухнѣ всегда готовилось два обѣда: одинъ — скромный, а другой — роскошный. Невѣстки и, набѣгомъ

изъ лавки, сынки пообѣдаютъ прежде форменнаго обѣда, — или послѣ, смотря по удобству.

Форменный обѣдъ всегда бывалъ въ часть дня. Никакія занятія, никакія дѣла не могли нарушить этого порядка, — развѣ только одинъ пожаръ въ домѣ. Въ столовой, неподалеку отъ кухни, накрывается столъ, разставляются пустыя тарелки, подкладывается въ каждой тарелкѣ деревянная ложка и одна вилка — единственное прибавленіе къ столовому сервизу, сдѣланное Парменомъ Потаповичемъ послѣ женитьбы старшаго сына: прежде и вилокъ не было. Тарелки накрываются предлинными полотенцами. Въ выпивкахъ, подъ образами, всегда стояло неподвижное дубовое стуло для хозяина. Передъ хозяиномъ становилось огромное блюдо съ такимъ же огромнымъ кускомъ мяса, или рыбы; двѣ стопы хлѣба — рѣшотнаго и ситнаго — съ-торгу, изъ рукавной муки; бутылка распущеннаго въ квасъ сушеннаго хлѣба — и груды огурцовъ. Пармень Потаповичъ долго молится въ уголъ столовой передъ обѣдомъ, обернется къ столу, покреститъ руками трапезу — и усядется. За нимъ усядутся и всѣ семейскіе. Хозяинъ беретъ горбатенькій, до спинки источившійся *хозяйскій* ножикъ, вилку — и приступаетъ къ разрѣзанію куска на мелкія части. Отсыпаетъ на особую тарелку, взболтаетъ хрѣнъ, польетъ и отодвигаетъ на средину стола, откуда дѣти должны доставать пищу по кусочку. Дѣти — или уже сытые, или въ ожиданіи своего обѣда — нехотя берутъ съ тарелки кусочки и, растягивая между собою длинныя полотенца, стараются ими прикрыть разныя движенія души, возникавшія вслѣдствіе форменнаго обѣда съ тятенькою.

Старикъ начинаетъ ѣсть и ворчать:

— Для чего вы кухаркѣ даете такую хорошую севрюжину? она бы по лавкѣ прошла, тамъ вонъ есть завалилась, — не выметывать же ее.

— Ту молодцы поѣдятъ. Вотъ Благовѣщеніе, Вербное будетъ, безъ рыбы нельзя, — на кухнѣ работники поѣдятъ, — скажетъ сынъ.

— Работники все поѣдятъ. Ты спроси, что онъ дома ѣсть. Ты бы вотъ своихъ миноговъ-то варилъ да ѣлъ. Валяются съ самаго Михайлова дня, никто не беретъ, — пугаются покупатели. Дурака послать въ Питеръ съ барина деньги получить, а онъ оттуда змѣевъ привезъ для торговли. На нихъ и взглянуть-то страшно, а онъ, дурень этакій, вздумалъ ими торговлю открыть. Змѣями торговать въ нашемъ христіанскомъ городѣ!.. — диковина!

Дѣти молча пережевывали, старикъ ворчалъ. Ворчалъ и при

супѣ, и при кашѣ, — наконецъ, ухотился, помолился и отправился въ свой кабинетъ, гдѣ ждала его постель, у изголовья которой стоялъ нестеряемый сундукъ. Сонъ послѣ обѣда, на полтора часа, такъ же былъ безапелляціонно-неопровержимый, какъ и обѣдъ въ часъ дня. Винъ онъ не пилъ никакихъ, а только по стаканчику воды передъ обѣдомъ и ужиномъ, — и больше никогда и нигдѣ не заставите вы его уст намочить въ рюмкѣ.

Свершивши таинственную трапезу съ старикомъ и уложивши его у сундука, семья или снова обѣдаетъ, наслаждаясь осетрами, стерлядами и всевозможными икрами, или — если уже пообедала — расходится по своимъ дѣламъ.

Младшій сынъ, недавно женившійся на богатой купеческой дочкѣ, красавицѣ, привыкшей у родителей кушать серебряной ложкой, во время львиного ворчанія родителя за обѣдомъ вздумалъ-было заявить:

— Батинья, давайте купимъ серебряныя ложки для стола, онѣ много прочнѣй будутъ; ефтихъ не накупишься никакъ: рѣнешь зубами невзначай — она и щепка.

— Чего? серебряную ложку? да развѣ ты баринъ, или архирей какой? Ей цѣна самая махонькая: три цѣлковыхъ, такъ я позволю, чтобы вы всѣ грызли безъ всякаго дѣла серебро!.. съ чего-жъ ефто ты выдумалъ?! Она, ложка, что ни пять лѣтъ, сама себя окупаетъ: пусти три цѣлковыхъ въ торговлю, — въ пять лѣтъ шесть рублей у тебя въ карманѣ. А ложку только изгрызешь — и болѣ ничего. Не ложка дорогá, а въ ложкѣ-то что. Брюхо не обидится, изъ какой ты посуды хлѣбаешь, а что хлѣбаешь. Захочу я бесѣду состроить, прїѣзжай сейчасъ архирей, губернаторъ, такъ я тебѣ пятьсотъ серебряныхъ ложекъ по городу соберу — на-провать, заморскаго вина добуду, живого осетра съ Волги привезу. А запросто на-что себя баловать? Не узнаешь, какъ вѣкъ проживешь: бываетъ, и деревянной-то ложкой будетъ нѣчего хлѣбнуть. На-что лучше деревянной — особливо, если съ Аэона, или изъ Оптиной.

Какъ человѣкъ, Пармень Потаповичъ не избѣжалъ въ жизни страстей. Кромѣ коренной — коммерческой, съ молодыхъ дней обуяла его страсть къ часамъ. Лѣтъ семьдесятъ тому назадъ вышли серебряныя часы — луковочкой. Такую луковочку купилъ себѣ и Пармень Потаповичъ. Ночей онъ не спалъ, прислушиваясь: тикаетъ ли его луковочка, и не пропускалъ случая щегольнуть ею, гдѣ было нужно. Но скоро эту мелкую страстенку поглотила его главная страсть: разъ, наваливая на телѣгу кадку съ медомъ, Пармень Потаповичъ проломилъ стекло у луковочки.

Это обстоятельство его напугало, разочаровало и онъ тутъ же сбѣлъ ихъ щеголю-приказчику за пять ульевъ пчелъ. Съ тѣхъ поръ онъ возненавидѣлъ всѣ благородные металлы и драгоценные камни, какъ непроеводительные, смотрѣлъ на нихъ хуже, чѣмъ на булыжники, который ничего не стоить, а приносить пользу—сухо ходить по городу.

Два его старшихъ сына были бездѣтны, — у младшаго было два сына. Послѣ долгой борьбы и многихъ непріятностей съ отцомъ, младшему сыну удалось помѣстить своихъ дѣтей сначала въ уѣздное училище, а потомъ и въ гимназію. Оба эти заведенія были чуть не подъ окномъ у Выжидаевыхъ, что нѣкоторымъ образомъ и дѣйствительно соблазнительно. Дѣти учатся какъ нельзя лучше, — идутъ первыми въ классѣ. Дошли до третьяго класса гимназіи, обзавелись нарукавничками, воротничками, привыкли оглядываться на свой костюмъ, не виситъ ли гдѣ пушинка, паутинка, не пристала ли мушкетеръ мимоходомъ черезъ лавку.

Дѣдушка все присматривается на нихъ. Ребята ему были не понутру. Однажды онъ подслушалъ разговоръ внучатъ: гимназисты мечтали объ университетѣ, объ окружномъ судѣ и о пштыхъ золотомъ, широкихъ воротникахъ. Такого сорта мечты были диаметрально противоположны мечтамъ старика о сомовикѣ, о куляхъ, о шкурѣ и проч. Старикъ взбѣсился. Призываетъ сына.

— Да ты что же дѣлаешь съ своими ребятами?!.. накинута старикъ на сына. — Въ прохвосты, что-ль, готовишь ихъ? погляди-ко, они ужъ на отдѣлку развратились, объ лавкѣ, объ дому и не думаютъ. Завтра-же бѣги въ дилектору, чтобы вонъ робятъ изъ гимназіи. Пошей имъ изъ сѣраго сукна чуйки, подъ цвѣтъ муки и сажай въ лавку, — небось забудетъ звѣзды считать. А то разстелютъ карту небесную, какихъ-то Меркуловъ да Венеровъ разглядываютъ... ты думаешь тамъ добру ихъ учать? — они болѣзнію тамъ заразятся. Остриглись, разбойники, и оттаскать не за что ухватиться. Пускай-ко въ скобку отпустить вихры-то, я ихъ вычу...

Послѣ такой распежанціи отецъ гимназистовъ самъ ничего не могъ сказать въ защиту науки. А главное — самъ еще не былъ крѣпко убѣжденъ въ пользѣ образованія: кто ее знаетъ, и въ самомъ дѣлѣ? — ребятъ недолго погубить.

Разсуждая въ такомъ родѣ, онъ ударился за совѣтомъ къ своимъ священникамъ, изъ коихъ одинъ былъ законоучитель въ гимназіи. Священники ахнули, узнавши о намѣреніи Выжидаевыхъ — исключить изъ гимназіи дѣтей, красу учебнаго заведенія. При-

нѣлись увѣщевать отца. Отецъ, взявши себѣ нейтральную роль, отклонилъ увѣщаніе пастырей церкви къ батенькѣ. Священники надѣвають ряски, кресты, камилавки, какъ миссіонеры къ алеутамъ, сѣдѣть къ Пармену Потаповичу. Начинають доказывать ему отъ всѣхъ писаній пользу образованія и развитія человѣка и вредъ невѣжества. Старикъ долго слушалъ духовныхъ отцовъ, приподнялся съ кресла и, потирая бока ладонями, обратился къ нимъ:

— Да вы что же, отцы, или чѣмъ недовольны мною,—пришли разорять мой домъ, или чѣмъ обижены мною? Я ли вамъ не жертвую? и мучицы и рыбы къ масляницѣ, и убойны къ празднику и мыльца, работница прибѣжить—пихнешь безъ расчета кусокъ, и угощеніе вамъ за всякій разъ... А объ церкви и толковать нечего: паперть развалилась, я лебастрицу дамъ, херувимы обилиаи, я новые херувимы купилъ, люстра моя, колоколь мой, свѣча моя—а вы задумали, съ дуракомъ-то моимъ, внучать у меня обобратъ!.. На кого-жъ я домо-ть повину и всѣ торговля операциі брошу? Они вонъ о сю пору,—возгрѣмъ пришибить, и то отъ лавки лятають—пыльно говорятъ, да до полуночи читають разныя книжки, а утромъ коломъ не подынешь; поучи-ва ихъ побольше, ихъ кнотомъ не загонишь въ лавку. Я старъ, тѣ сыновья бездѣтны, только и надежды, что внучата. Развѣ я для того вѣвъ свой хрипъ-то гнуль, добывалъ, чтобы все по вѣтру разметать?!.. безъ хозяина товаръ—сирота.

— Позвольте, Пармень Потаповичъ, у васъ много земель накуплено, внучки ваши будутъ помѣщики, не все-то въ сомовинѣ возиться,—началь-было законоучитель.

— Помѣщики! да Боже сохрани, чтобы мои внуки попали въ помѣщики. Много-ль ихъ настоящихъ-то хозяевъ у насъ? Спросите, иной не укажетъ земли своей. Развѣ это хозяйство? Евто одна насмѣшка надъ землей. Авось я знаю ихъ очень хорошо: прѣдетъ, склянчитъ, перебираетъ ногами, словно лошадь опоеная—дай тыщенку подъ зелена—дашь, и завертѣлся, съ борзыми не найдешь. Намъ нужно, чтобы степенство въ человѣкѣ было. У меня ни одинъ сынъ глупостями не занимался, а ефтихъ поросать вы учили писать, а намесь любовную записку обыскали у Ванюшки въ карманѣ,—на ушко шепнулъ дѣдушка законоучителю.—А вы лучше не ссорьтесь со мною—пригожусь.

Горничная пронесла по залу огромный подносъ съ чаемъ, поставила на столъ, утерла фартукомъ губы и стала подходить подъ благословеніе. Гимназисты, стоя на цыпочкахъ у отворенной двери, слушали разговоръ миссіонеровъ съ дѣдушкой.

— И по книжкамъ тоже имъ путному не научиться,—продолжалъ дѣдушка, угощая миссіонеровъ чаемъ: — таперича, къ примѣру, будемъ говорить—въ писаніи сказано: не воруй.

— Не укради,—подговорилъ не-законоучитель.

— Все едино: чтó въ лобъ, чтó по лбу. А по-моему, какъ вашей чести угодно, неправильно сказано. У настоящаго хозяина и украсть никакъ нельзя, а если къ примѣру вещь пропала — украли, то не воръ виноватъ, а сама вещь себя настоящаго хозяина нашла. Удалось—бери, но смотри, владай, какъ должно. У меня таперича, будемъ говорить, и лѣса, и заводы, и земли, и въ украинѣ есть дѣлишки и на пристаняхъ—самъ знаю, что вездѣ моимъ пользуются и называю ихъ ворами. Самъ вездѣ не растопыришься, мы придовѣраемъ человѣку—далъ приличный барышокъ, и спасибо, бери себѣ, разживайся, будь хозяинъ той вещи, какою мнѣ не совладать. Отъ меня, быть можетъ, не одна сотня человѣкъ разжилась, дома повыстроила, торговли завели,—что-жъ, и всѣ воры? Нѣтъ, не воры, а настоящіе хозяева—не валяйся даромъ, не пропадай добро. Само собою—украсть да пропилъ, или у нищаго суму стануль—эвто не подойдетъ,—эвто воры.

Миссіонеры взились было доказывать противное, но оказалось, что философія Пармена Потаповича въ душѣ его окрѣпла тверже гранита. Не слушая священниковъ, онъ свое долбилъ.

— Я дурака послалъ къ дилектору, ребятъ ослобонить отъ ученья, а онъ побѣгъ къ вамъ—потѣха!

Къ Пармену Потаповичу, какъ въ магию мѣстной коммерціи, рѣшился обратиться, въ своей безвыходной нуждѣ, просолъ Никита Власычъ Говоровъ.

IV.

Въ лугахъ и лѣсахъ созрѣли-поспѣли сѣна. Деревенскій народъ, съ косами и граблями, ударился въ сѣнокосъ. Сстрыжутъ, какъ коростели, мужики густую траву косами, прикрывшись красными платками отъ солнышка, въ чистыхъ, ярыхъ, повументомъ испитыхъ нарядахъ, спѣсиво ворошатъ душистое сѣно молодыя бабы — городъ опустѣлъ. Слегка притворивши лавки, чтобы не было жарко и отъ жгучаго солнца товаръ не линялъ, торговцы въ тѣни, съ сигарками и папиросами въ зубахъ, глубокомысленно присматривались въ кѣтки шахмата, розыскивая

дорожку своей шапкѣ—во вдовѣди. Прасолы на торгу прикрыли рогожей непродавшуюся съ утра рыбу и падалицу-яблоки, забились подъ полей, и тоже въ тѣни—бились въ карты по носамъ. И мостъ былъ пустъ. Мостовые кулаки разочли, что не на кого оглядываться, подергивая лѣсу съ пискаремъ, тоже искали убѣжища въ тѣни: они просто валялись подъ заборами и плетнями своихъ дворикѣхъ на землѣ и, потягивая тютюнъ, разсуждали о суетѣ человѣческой жизни вообще и о мужествѣ деревенскаго народа въ особенности:

— Да, стану я экую жару носить, когда мнѣ солнце всю спину проѣло на мосту, среди воды,—а они косятъ, ворошатъ, да еще пѣсни поютъ, идола. Это не люди, а черти какіе-то, день работаютъ, ночь закуратъ свои котелки въ лугахъ, а они пѣсни орутъ—дьяволина! Ты себѣ отъ жары подъ плетнемъ мѣста не найдешь, вездѣ муха, блоха, а они?!...

Лежалъ подъ плетнемъ, спасаясь отъ жары, и нашъ Никита Власычъ Говоровъ. Стой, пришла ему блестящая мысль, теперь самое время идти къ Выжидаеву, онъ теперь свободенъ! Встаетъ, беретъ чистое бѣлье, бѣжитъ къ рѣкѣ, купается, искупался, причесался, одернулся, поплевалъ на сапоги, потеръ—и маршъ вдоль пустынной улицы. Ему навстрѣчу протопотъ въ камилавкѣ, съ кулечкомъ живо-трепещущихся карасей. «Ну, пропагъ!—проговорилъ въ душѣ Никита Власычъ—не быть добру. Дай подойду подъ благословеніе, авось—Богъ». Робко подкрался онъ подъ благословеніе, полюбовался, какъ караси топырили изъ кульва свои красные хвосты и пошелъ дальше. «А вѣдь въ сонникѣ сказано: живую рыбу видѣть—къ добру. Протопотъ навстрѣчу замѣшался и къ тому-жъ не во снѣ, а все это на яву. Ну, да сгидай ей голова, вали на-проломъ». Выходить на подъясекую улицу, гдѣ красовались дома Выжидаева и упирались въ мостовую его лабазы, о семи растворахъ. Было два часа дня. Передъ лабазами не было ни одной подводы, лишь чесалась о дверь сорвавшаяся со двора свинья. Подходить къ лабазамъ. У одного раствора спитъ приказчикъ на полу, уткнувши носъ въ кулъ муки и ничѣмъ не отличающійся отъ батарей кулей, лежавшихъ до самаго потолка. У другого раствора голуби клевали по порогамъ зерна. У третьяго почивалъ, въ желѣзныхъ креслахъ, самъ Пармень Потаповичъ. Съ груди кулей у него за спиною, на показъ, съ обѣихъ сторонъ, спускались хвосты сѣдыхъ осетровъ и засольныхъ сомовъ. Его сѣдая борода, выбѣгая изъ-подъ захватаннаго козырька и мучнисто-склеившагося картуза,

вполнѣ гармонировала висящимъ рядомъ сомовымъ сѣдымъ хвостамъ. Онъ послѣ обѣда спалъ, а семья обѣдала.

Вспорхнувшіе на второмъ растворѣ лабаза голуби разбудили старика. Онъ приподнялъ козырекъ, протеръ глаза и инстинктивно заговорилъ:

— Извольте пожаловать, товаръ первый сортъ-съ — и безъ обману.

— Я не на счетъ товару-съ, Пармень Потаповичъ, пришелъ, а насчетъ своихъ дѣловъ-съ, — трепетно проговорилъ Никита Власичъ, не зная, куда дѣвать свои руки и ноги.

Минута дѣйствительно была счастливая для Говорова, не смотря на то, что онъ встрѣлся съ протоіереемъ. Пармень Потаповичъ, за отсутствіемъ обывателей и покупателей, радъ былъ хоть съ кѣмъ-нибудь зубы почесать. Онъ снова протеръ глаза, на всю улицу зѣвнулъ и приподнялся.

— Ну, что тебѣ надѣтъ? говори.

— Снабдите деньженокъ, — избоченивъ мокрую, еще не просохшую послѣ купанья голову, просилъ Говоровъ.

— На что?

— Въ уѣздъ хочу — здѣсь торговли плохія стали.

— Семья у тебя есть?

— Какъ-же-съ, семеро ребятишекъ.

— И домишка?

— И домишка, все какъ слѣдуетъ, и сарай, и колода и сбура всякая.

— Хозяйка жива?

— Жива, на торгу лепешки продаетъ.

— Чья она за тобой?

— Не знавали ли причетника въ Пусторнаковѣ, его дочка.

— Какъ не знаватъ, у его отца, Пафнуть Егоровымъ звали, мы латывали меда. Вѣдь они жили исправно, пчела кипѣла, ай того?..

— Обмерли всѣ.

— Что-жъ ты будешь дѣлать въ уѣздѣ съ деньгами?

— Чтѣ подъ руку попадетъ; коровенку, свинченку, щетинки....

— А знаешь ли ты толкъ во всѣхъ еutihъ документахъ?

— Сколько знаю, съ меня будетъ.

— А что такое значить зеркало у коровы?

— Зеркало, зеркало значить... — прасолъ замаялся.

— Ну, что такое колодезь — не скажешь-ли?

— Колодезь промежь ногъ, откуда молоко...

— Ну, врешь, промежь реберъ, а не ногъ. Что называется подсѣдъ, носось, солуща, мокрець, рѣпка, порточки у разной скотины, говори, и почемъ узнать хорошую животину?

— Подсѣдъ, подсѣдъ... да какъ это вашей чести сказать, подсѣдъ разный бываетъ, бываетъ медъ подсѣдъ.

— Вотъ и врешь, подсѣдъ въ ногахъ бываетъ: если примѣрно видишь, что животное перебираетъ ногами, вотъ хоть бы какъ ты таперича, ну и глади, нѣтъ ли у ней подсѣда. Куда-жь ты годишься съ деньгами въ уѣздъ, когда не понимаешь ни рожна. Тамъ вѣдь не то, что запустить по локоть руку въ возъ, тамъ, братъ, сноровка нужна и разговорецъ особенный. Ты долженъ помнить, что у торговаго человѣка языкъ то же что и цѣпъ у мужика, онъ вымолачиваетъ хлѣбъ изъ снопа, а ты мели-вымолачивай копѣйку изъ мужика. Да такъ взумѣй, чтобы не провратиться, а то отвѣдаешь и дубиночки.

Пармень Потаповичъ еще показывалъ Никиту Власыча по разнымъ частямъ прасольства въ деревняхъ и убѣдившись, что Говоровъ не годится, отказалъ ему въ деньгахъ. Говоровъ пригорюнился.

— Какъ же таперича мнѣ быть, семья дня по два не ѣвши иную пору сидить, заварить цикорійцу, попарить животъ тепленькимъ и ждать, пока принесешь имъ съ торга по черепенику—какой-нибудь пятакъ спибешь.

Изъ-за угла лабазовъ показался низенькій, рыженькій, курносый мѣщанинишка, въ желтой поддѣвкѣ на распашку, съ индѣйкою подъ мышкой. Онъ спѣшилъ къ Пармену Потаповичу, запыхался весь, потъ градомъ валить по его рябому лицу.

— Пармень Потаповичъ, купите индѣйку, задешево пришла, а добро—первый сортъ, жировая. Нарочно къ вашей чести несъ, у васъ имѣньевъ много, на заводъ годится, къ тому-жь вы охотники до живности, а не на заводъ, сами скушаете, вѣсистая, словно боровъ какой.

Продавецъ встряхнулъ индѣйку на воздухъ.

— Ну-ка, покажи.

Мѣщанинъ отдалъ индѣйку Пармену Потаповичу, и озирался туда и сюда своими блѣсоватыми глазами. Пармень Потаповичъ индѣйку встряхнулъ, раздулъ пухъ подъ хвостомъ и подъ крыломъ и одобрилъ:

— Да, хороша. Что-жь тебѣ за нее?

— Рубль съ гривенникомъ.

— Ладно, и рублевка сойдетъ.

— Самъ далъ рублевку, гривенникъ барыша, вотъ вамъ... Мѣщанинъ снимаетъ съ головы подобіе картуза и крестится.

— По многу будешь брать, въ десять минутъ обороту десять процентовъ на рубль, пятачокъ дамъ.

— Ну, возьмите, ваше счастье, къ богатому такъ и валится богатство. — Куда прикажете?

— Пихни подъ ворота на дворъ.

Не успѣвъ желтый мѣщанинъ получить деньги и скрыться, какъ въ лавку пришла кухарка Выжидаева.

— Гдѣ же это у васъ индюшка-то была? а я бѣгала, бѣгала, всё пустоши обѣжала, вопрошала вся, искавши ее, — обратилась она къ старику-хозяину.

— Вотъ тутъ клевала все, — проговорилъ онъ кухаркѣ въ отвѣтъ, пережимая губами.

— Ну, слава Богу — нашла.

Кухарка ушла.

— Вотъ ефто настоящій прасолъ, молодецъ! не знаю кто еще — на полуштофъ бы далъ ему за ухватку. Продать мнѣ же и мою же индѣйку!.. Вотъ ефтому можно придовѣрить деньжонки, ефтотъ подсобить, а гдѣ-жъ тебѣ, когда ты не знаешь, что такое морець какой-нибудь.

— Господь поможетъ и мы какъ-нибудь научимся, Парменъ Потаповичъ, подняться-то не съ чего.

— Не съ того конца рыло затесано.

Парменъ Потаповичъ, съ досады, что купилъ свою индѣйку, сердился, двигалъ счеты по столу, швырялъ бумажки, морщился, и, сдвинувъ на глаза картузъ, чесалъ въ затылкѣ. Говоровъ молчалъ.

— Нешто вотъ что съ тобою сдѣлать, — задумчиво проговорилъ старикъ: — пустить тебя по уѣзду съ церковными свѣчами?

— Съ чѣмъ хотите пустите, только изъ города выпустите, — умолялъ Никита Власичъ, — Сибирь пришла.

— Тутъ по крайности тебѣ будетъ одна забота: не растерять пучки свѣчей...

Парменъ Потаповичъ еще разъ обмѣрилъ глазами изъ-подъ жозырька просителя — и, замѣтивъ въ чертахъ его лица и въ клинообразной бородѣ нѣкоторое благочестіе, порѣшилъ:

— Хорошо, на первый разъ придовѣрю тебѣ съ завода десять пудовъ свѣчей. Пріѣзжай, наваливай и развози по церковнымъ старостамъ. Только помни, что ефта вещь не щетинѣ

какой-нибудь чета, вещь церковная. Обронишь, или что-нибудь такое—отвѣтъ за нее и въ сей и въ будущей жизни.

Говоровъ ударилъ Пармену Потаповичу въ ноги и едва не расцѣлювалъ его обширныхъ козловыхъ сапоговъ, какъ молодая грѣшница—туфли папѣ. Пармень Потаповичъ, какъ кардиналъ, отправляющій молодого іезуита на миссію, съ порога своего лабаза читалъ Никитѣ Власычу разныя наставленія: какъ обходиться со старостою мужикомъ, какъ съ купцомъ, какъ съ ба-ринонъ—и прочее.

Никита Власычъ, отъ радости, не видя земли подъ собой, казалось по воздуху летѣлъ къ своей семьѣ. Старикъ завалился въ кресла между сомовъ и осетровъ и рассуждалъ: а ну-ка ефтогъ опара облапошить меня свѣчами, какъ сію минуту обегорилъ ефтогъ прохвость—индѣйкой? Попробуемъ, рыскъ—благородное дѣло, говорятъ господа. Хорошо: свѣчи себѣ стоятъ двѣнадцать рублей, пудъ ему дураку сдамъ за двадцать, онъ, если не совсѣмъ дуракъ, спуститъ ихъ отъ двадцати двухъ до тридцати четырехъ, смотря по старостѣ. Штука хорошая. И мнѣ сбыть, и ему халтура (нажива). Малый-то слюнявъ... Обучится Богъ дастъ. Ну, положимъ, обдуеъ, ни тринки не привезетъ за десять пудовъ. У меня вѣдь ихъ дураковъ двадцать шлындають по уѣзду,—провалится одинъ, тѣ окупятъ: сколько ни торгуй, а умирать надѣтъ, не зымъ добромъ поминають старина.

V.

Вѣсторгъ Нивиты Власыча отъ довѣрья къ нему миллионера Выжидаева такъ былъ великъ, что, прибѣжавши домой, онъ объ этомъ и женѣ своей не сказалъ, хранилъ эту тайну въ душѣ, какъ драгоценность, его почернѣвшая отъ горя и нужды грудь питалась этою тайною. Онъ только приказываетъ женѣ пересмотрѣть: крѣпко ли сидятъ пуговицы на синей жилеткѣ, починить плисовые, вѣнчалныя шаровары, поаккуратнѣй приштопать задній карманъ у длиннополаго сюртука и хорошенько простирать сорочку, какая пожрѣпче, а самъ, смазывая рыбьимъ жиромъ на солнышкѣ сапоги, обдумывалъ: на чемъ развозить товаръ по уѣзду?

— Или къ Петрову дню собираетесь въ Пусторнаково?—спросила супруга Аксиныя Васильевна. И я бы съ ребятами проѣхалась, съ родными повидалась, и хоть пообѣдала бы разочекъ, какъ слѣдуетъ.

— Молчите, Акулина Васильевна, не то подошло дѣло, не празднику чета.

Телѣжка, въ которой Никита Власычъ торговалъ по уѣзду грушами и проторговался, у него была. Она давно стоитъ у него передъ хибарой, размокая и разсыхаясь подъ открытымъ небомъ, съ поднятыми вверхъ оглоблями. Хомутъ, сѣделка и возжи висѣли у него на чердакѣ, была и дуга, но лошади не было, а желѣзный шворень былъ въ закладѣ. О шворень Никита Власычъ не тушилъ — дубовый, говоритъ, затешу, но какъ извернуться, чтобы купить лошадь? Раскинулъ умомъ туда и сюда — вездѣ пусто: нѣтъ ни денегъ, ни кредита. Обратиться къ Выхидаеву за деньгами, значило бы погубить всю операцію, онъ уже слышалъ отказъ въ деньгахъ, — экзамена не выдержалъ.

Единственный источникъ, къ которому, въ подобныхъ обстоятельствахъ, прибѣгаетъ прасоль, опара, кулакъ и вообще мелкій мѣщанинъ — это женино приданое.

— Послушайте-ка, Акулина Васильевна, — ласково обращается Никита Власычъ къ супругѣ, достаньте вы мнѣ свое вѣнчальное платье на перевертъ?

— Съ чего же это вы задумали, Никитъ Власычъ, чтобы я, можно сказать, вѣнецъ свой отдала, — накинулась супруга на Никиту Власыча. — Итакъ, слава-те Господи, по глупости своей, съ молодыхъ дѣнь не мало проводила: матилюю вы на грушахъ проторговали, серьги — на подсолнухахъ, бурнусъ — на луку, а толку нѣтъ никакого; только и барыша отъ васъ, что ни-годь — то робенокъ.

— Позвольте-ка, Акулина Васильевна, я вамъ доложу: вы самихъ себя для меня пожертвовали, не тою что тряпку — платье, вы не понимаете ничего — тутъ подошла операція не грушамъ, не луку чета.

— Знаю, знаю я ваши операціи, вы за всякій разъ такъ-то говорите, заложите, на цѣльный мѣсяцъ закатитесь въ уѣздъ и везете домой ягненка, собаку, а мы щелкай здѣсь зубами и съ голоду и съ холоду. Я и такъ облиняла вся — нѣ въ чемъ къ обѣднѣ носа показать. Лучше и не говорите.

— Акулина Васильевна, примите въ расчетъ: у васъ свое дѣло — сидите съ лоткомъ на торгу — кормитесь, а я заведу свое.

— Покорѣйше васъ благодарю, видали мы ваши дѣла, за что ни возьметесь, какъ черти въ вершу, а мнѣ, лоткомъ на торгу, — не прокормить экой аравы. Нонѣ все вздорожало, на что горохъ — и тотъ поднялся, сталъ рубль съ гривной за мѣру.

— Слушайте-ка, не хотите вѣнчальное платье дать, давайте перину подъ закладъ сволюку? вотъ истинный Богъ на одну недѣлю, выкуплю.

— Вотъ еще придумали — перину! да на неѣ вся надежда осталась — умрешь, похорониться нечѣмъ будетъ. Да что-жъ вы въ самомъ дѣлѣ! развѣ татенька для того приданое справлялъ?

— Ну, чортъ съ тобой, коли такое дѣло, — порѣшилъ Никита Власовичъ, видя, что супруга не на шутку расходилась.

— Что вздумали, перину, а! безъ ней мы давно-бы померзли всѣ: зимній бытъ, иную пору дня три безъ топки сидишь, накладешь робять на нее, привинешь ихъ хламомъ всякимъ, они и дышать себѣ по щелкамъ кругомъ — живехоньки хоть. Вы закатитесь въ уѣздъ — не видите.

— Замолчи, ну-те къ омероку.

— Вы ругаться начинаете?

— Да какъ же васъ не ругать: сказано: мужъ и жена — одна сатана.

— Сатана-то вы, а не я. Я не просила васъ пріѣзжать свататься за меня. Пріѣхали, бубенцовъ нацѣпляли, голову смаслили, и домъ у васъ есть, и лавка, и рыбная ловля — наврала, а вышло: гольца принесете съ мосту и жаръ его жена на всю семью, давай приданое поѣдать...

Аксинья Васильевна не на шутку разсердилась. Въ порывахъ своего волненія она стращала своего супруга, что сбѣжить со двора долой, если будетъ продолжаться такая жизнь!

Никита Власычъ понялъ, что съ женщинами подобныя дѣла, въ родѣ изыятія вѣнчальнаго платья изъ сундука, нужно совершать осторожно. Ему пришла благая мысль: подобрать ключъ къ укладкѣ, гдѣ лежали остатки женина приданого, унести что окажется подручно, на-глухо забить укладку двухтеснымъ гвоздемъ, и пустить дѣло въ ходъ. Онъ такъ и сдѣлалъ.

VI.

Дня черезъ два Никита Власычъ уже тащилъ съ торга огромную клячу, лѣтъ двадцати. Ребятишки обрадовались животику, пихаютъ ей въ ротъ крапивы, бѣлены. Кляча, сложа по-заячью уши, дремала ввалившимися въ лобъ глазами и лѣниво певелила крапивою отвисшими губами.

Никита Власычъ, держа въ зубахъ поводъ, доставалъ изъ

разныхъ кармановъ покупу: чай, сахаръ, селедку и прочее, передавалъ все это въ отворенное окно супругѣ и приказалъ ставить самоваръ. Повалилъ самоварный дымокъ, на лежанкѣ послышался стукъ—Аксинья Васильевна колола сахаръ косаремъ. А Никита Власычъ обмундировалъ клячу въ хомутъ, завелъ ее въ оглобли и прилаживалъ упряжь. Дѣти, по приказанію родителя, ударились въ рѣкѣ и тамъ, разсыпавшись по полу-горѣ, рвали для лошади траву въ свои подолишки.

Самоваръ вскипѣлъ, Аксинья Васильевна звала супруга къ чаю. Никита Власычъ вывелъ клячу изъ оглобелъ, круто повернулъ, для пробы оборотливости коня, толкнулъ ей носкомъ сапога въ бокъ, привязалъ къ травѣ и, потрепавши, въ видѣ любезности, кострецы, полѣлъ въ низкую дверь сѣней.

Въ хибарѣ, на покрытомъ скатертью столѣ все было готово: и самоваръ, и чашки, и селедка, и котелки, бутылочка воды и даже лимончикъ.

Мѣщане не любятъ жить съ запасцемъ: случились деньжонки—вали на всѣ, нѣтъ—и сидятъ сытыми голодные. Усѣлись за чай. Набѣжали въ избу и ребятишки, ихъ одѣлили по котелкѣ и приказали ждать—де-маленькимъ не прилично вмѣстѣ съ большими чай пить. Въ сущности же просто въ домѣ было только двѣ чашки. Ребята, засунувши въ ротъ по котелкѣ, прятались въ углахъ хибары и, чуя запахъ селедки, зорко присматривались къ ней. Супруги благодумствовали за чаемъ.

— Вотъ давно-бы такъ-то, Микитъ Власычъ, полакомилъ свою семью, — говорила Аксинья Васильевна, — а то иную пору душа пересохнетъ отъ пыли на торгу, а попарить нечѣмъ.

— Эхъ, Аксинья Васильевна, сами небось знаете наши достатки и нашу добычу: везетъ мужикъ изъ деревни, къ примѣру, поросенка, набѣжитъ нашего брата ошары человѣкъ двадцать, не разорвать же его на двадцать частей—уступишь одному, возьмишь тринку (1 к.) отступного и думаешь, что съ ней дѣлать? на тринку не разгуляешься.

— Ну, и несли-бы тринку домой, нынѣ тринеа, завтра тринка,—нѣтъ, вы норовите нырнуть въ кабакъ.

Стало вечерѣть. Съ луговъ изъ-за рѣки пахло сѣномъ. Никита Власычъ, пропустивши рюмочку-другую, вышелъ на завалинку подъ окно. Закурилъ свою носогрѣйку и поплеывая съ присвистомъ въ сторону, радужно рисовалъ свои надежды на лучшую жизнь, въ силу новаго предпріятія: «Ефто я вижу—не ягненку чета, изъ-за котораго торгуешься въ деревнѣ съ бабой

до-поту, вымолачиваешь языкомъ грошъ; много прибылѣй, а главное благородно; потому—свѣча», разсуждалъ онъ, присматриваясь въ осунувшіеся кострецы своего аргамака-коня.—«Старъ-дьяволъ—ну-ка грохнетъ серѣдъ поля? Оконфузить идола,—бранилъ онъ коня.—Ну, да чортъ съ нимъ, только-бъ до перваго церковнаго старосты довезъ, а тамъ ложись себѣ, авось и далъ-то за него всего триюшницу (3 р.), въ убытокъ не буду:—на немъ гривы одной будетъ на полтинникъ, костей пудовъ пять,—шесть гривенъ, салца понаберется гдѣ-нибудь подъ мышками фунтика три; четыре копыта распарить—дюжину гребешковъ можно выгнать—женѣ на торгъ, почесывайся себѣ, еще подкова есть одна—гривенникъ, стерта, ну—пятачокъ. Туда сюда, глядишь кожа-то и въ барышахъ. Насъ тоже не обманешь, умѣемъ купить.

«Пойдетъ мое дѣло въ ходъ, я тутъ жить не буду. Куплю себѣ мѣсто внутри города, устрою свѣчной заводикъ, сначала маленькій такой, буду подпускать въ воскъ смолы, бѣлаго вару, онъ вѣдъ семь-гривенъ пудъ, фитиль пушу въ мизинецъ толщины, на пучки бумаги, шкуру наверху — да мало-ли какъ можно. Семь-гривенъ, или двадцать семь рублей пудъ, какъ продаются восковыя свѣчи, тутъ махонькая разница есть. На барышъ отъ одного пуда такихъ-то восемъ съ половиною оморковъ-влячь куплю. Если учинить съ ними операцію, восемъ съ половиною шкуръ въ барышахъ—и пошло и пошло. Просто палаты застрою. Не покуда дрожать съ удочкой на мосту, изъ-за какого-нибудь огольца. Авось миллионщикамъ-то не съ неба свалились миллионы въ карманъ. Пупковъ, батинька разсказывалъ, такіе-жъ прасолы были, а нынче жена на рысаку къ заутрени ѣдитъ, а ты къ нему и на возѣ не подъѣдешь: на воротникъ боберъ, подъ полой соболю, медаль на шею пріобрѣлъ, а вѣдъ письма приказчики читаютъ, перо не умѣетъ въ рукахъ держать».

Между тѣмъ Алевтина Васильевна, довольная тѣмъ, что душу промочила и слегка закусила, и главное что супругъ взялся за дѣло, хлопотала объ ужинѣ. Ужинать было нечего: вромъ личины ничего нельзя было устроить. Она ударилась въ сарай по куриннымъ гнѣздамъ, нашла три яйца. Изъ трехъ яицъ ничего не подѣлаешь, она равослала ребятшекъ по сосѣдямъ, просить въ займы по одному яичку на ребенка — какъ-де куры занудохтаютъ — отдадимъ.

VII.

На утро, лишь только забрезжилась зорька, Никита Власычъ ужъ былъ на ногахъ. Крупная карпія хлещетъ своимъ краснымъ хвостомъ на рѣкѣ, а онъ давно ужъ бѣгаетъ вокругъ своей телѣги—что-то подвязываетъ, прикручиваетъ, завинчиваетъ. Не дремала и супруга его. Ребятишки храпятъ по угламъ избѣнки—въ разбросъ, а она раздуваетъ въ сѣняхъ самоваръ, голенищемъ стараго сапога. Напоивши коня и поправивши на немъ шлею, Никита Власычъ усѣлся за маленькое зеркальце и тщательно обстригивалъ себѣ бороду калачикомъ. Онъ сознавалъ свою роль въ уѣздѣ съ новымъ предпріятіемъ, ему не хотѣлось тамъ показаться какимъ-нибудь тряпичникомъ или алахаремъ. Попивши чайку, онъ запрегъ коня, обтряхнулъ руки, умылся, одѣлся, одернулся, закурилъ носогрѣйку и присѣлъ.

— Ну, Аксюша, молись Богу, чтобы добрый часъ послалъ. Пойдетъ дѣло въ ходъ—образа подыму и всѣмъ по рублевой свѣчѣ поставлю,—благодетельно давалъ онъ обѣтъ.

Аксинья Васильевна и радовалась, что мужъ нашелъ какое-то себѣ важное дѣло, и плохо надѣялась на успѣхъ. Опытъ жизни обрывалъ у ней въ душѣ надежды на лучшую жизнь—она глубоко вздыхала, провожая мужа.

Никита Власычъ прищолкнулъ мѣдную крышку носогрѣйки, сплюнулъ къ двери, помолился, заводя очи въ потолокъ и на притаившуюся въ углѣ хибары старинную икону, простился съ супругой, покрестилъ слегка валявшихся по полу дѣтей, захватилъ въ сѣняхъ на пути внѣтъ съ мохрами, сѣлъ—телѣга перекосилась и заскрипѣла отъ двора на свѣчной заводъ.

На заводѣ уже приказано было отпустить ему свѣчей. Бережно уложивши въ возъ подъ рогожу свѣчи, Никита Власычъ, оглядываясь по-волчьи, отправился съ возомъ по разнымъ лавкамъ, складамъ и кабакамъ. Забралъ съ собою въ путь юты, чеботы, куски мыла, шапки двѣ съ заломомъ, писаныхъ пряниковъ, красныхъ платковъ, рукавицъ, водки, наливки, цигорію для чайнаго колера, сахару, балалайку и три комплекта красныхъ бараньихъ струнъ. Такъ какъ у Никиты Власыча денегъ не было ни гроша, то онъ за всѣ эти товары оставлялъ подѣлъ—гдѣ пучокъ (5 ф.), гдѣ два свѣчей. Выжидаеву и въ ротъ не влетало, что его свѣчи рассованы по городу и тамъ и сямъ. Старушка-лошадка не быстрыми, но крупными шагами,

поташила изъ города возъ. Никита Власычъ, свѣсивъ надъ колесомъ ноги, долго крестился на соборъ.

Вотъ и старая, широкая, муравчатая дорога, съ прогнившими и растопыренными лозинами, по которой Никита Власычъ уже проѣхалъ верстъ двадцать, вотъ и свертокъ направо— въ лѣсъ, изъ-за вершинъ котораго на яркомъ солнышѣ выглядывалъ блестящій золотомъ крестъ колокольни. Гора, обрывъ, водомоины, котловина, пчелы ревутъ во весь оврагъ, порхая по развѣсистому липняку и по цвѣтамъ. Миновалъ лѣсъ, блеснула атласной полосой кривая рѣка, развернулись двѣ предлинныхъ слободы, съ пуньями, задворками и водовозками по улицамъ. На крутомъ мысѣ горы красовался изящный Божій храмъ. Солнце играло и ласкалось вокругъ его и тамъ, и сямъ. Въ лугу у рѣки, перевѣшиваясь съ боку на бокъ, важно шагали гуси, своими красными лапами. По рѣкѣ плавали стада утокъ. У моста, на Мели, бѣгали нагіе ребятишки обоюго пола, догоняя другъ друга, съ веселымъ хохотомъ во всю груденку, и плескаясь водою. Это было село Шалаши.

— Гдѣ живетъ церковный староста? — обратился Никита Власычъ къ ребятишкамъ, остановившись у моста.

Ребятишки, не отвѣчая ни слова, захихикали, захохотали и убѣжали въ рѣку. Спрятавшись въ водѣ по самыя уши, они дразнили проѣзжающаго языками и пальченками изъ воды.

— Ахъ вы, плуты этакіе, — проговорилъ Никита Власычъ и сталъ доставать изъ кулечка писанный пряникъ.

— Кто скажетъ, тому пряникъ, — вертѣлъ онъ въ воздухѣ расписанное лакомство.

— Я скажу, дяденька, я скажу, я, я! — закричали дѣти и, одинъ по одному, вылѣзали изъ воды.

Цѣлая фаланга нагихъ дѣтей стояла у воза, съ своими услугами.

— Вонъ туда поѣзжай, гдѣ желтая собака бѣжитъ, — указывала дѣвочка.

— Вонъ лозина-то стоитъ, изба писаная, — перебивали ее другіе ребятишки.

Никита Власычъ бросилъ имъ два пряника и тронулся по мосту.

Ребятишки подняли крикъ, драку за пряники. Одинъ мальчишка забылъ даже рубашонку на берегу рѣки и, протирая слезы, на пути домой, гудѣлъ самымъ обиженнымъ тономъ.

Домъ церковнаго старосты села Шалаши можно было узнать

и безъ спроса: его связь и разныя постройки выглядывали ометами среди сосѣднихъ избъ, походившихъ на вочки. А главное, его кирпичныя избы и вычурное крыльцо были расписаны всевозможными вавилонами, въ византійскомъ вкусѣ. На воротахъ кругъ со звѣздами, а на фронтонѣ крыльца что-то въ родѣ башни и на верху рѣзной раскрашенный пѣтухъ. Видно было, что провинціальный живописецъ, работавшій въ церкви, не пожалѣлъ для старосты ни красокъ, ни искусства, за хлѣбъ-соль.

За просторнымъ дворомъ, вдоль по широкой усадьбѣ, тянулись задворки, амбары, сараи и навѣсы. Дальше садъ, изгородь котораго и сучья деревъ были увѣшаны холстами, златошвейными сарафанами, полотенцами съ шитьемъ орлами, коньками, городками и разнымъ платьемъ, которое сушилось на солнцѣ. Красивыя, грудистыя молодыя, бережно ступая босыми, красными, какъ гусинныя, ногами по зеленой травѣ, перевортывали и встряхивали свое дѣвичье шитье и тихонько, про-себя, напѣвали свои дѣвичьи пѣсни. Въ садъ забѣгалъ своимъ хвостомъ прудъ, на берегу котораго, прислонившись къ корню лозины, въ тѣни, сидѣла блѣдная старуха, съ клюкою въ рукахъ. Она шукала воронъ и ястребовъ, чтобы не унесли нырявшихъ и плававшихъ по пруду утятъ, ея выхоженныхъ на лакомство красавицъ-невѣстокъ, сынковъ и внучатъ. За прудомъ роскошно мѣлѣлъ подъ солнцемъ своею разнообразною зеленью густой кустарникъ, надъ которымъ, широкими вѣтвями, висались липы, дубы, ясени, клены. Въ ложбинѣ, среди кустарника, стоналъ глухимъ гуломъ пчельникъ изъ полтысячи угрюмыхъ, обширныхъ колодъ, подъ соломенными крышками колпачкомъ. Вправо было гумно, гдѣ стояли цѣлыя батареи пяти-годовалыхъ скирдовъ хлѣба.

Самъ хозяинъ-староста, плечистый, бородатый, сѣдой старикъ сидѣлъ на дубу. Въ сѣтѣхъ (маска изъ проволоки) на головѣ, въ рукавицахъ на рукахъ и въ длинныхъ, завязанныхъ у колѣнъ пенечкой, сапогахъ, онъ огребалъ рои, черпая чумичкой (ложка съ длинной ручкой) гирлянду пчелъ, повисшихъ на сучьѣ, на подобіе громадной виноградной кисти. Рой за роємъ вылетаютъ изъ ульевъ и міриадами летучихъ точекъ осаждаютъ старика на дубу, прививая уже къ привившему рою, откуда слышны тоны матокъ, приглашающихъ рабочихъ пчелъ. Вокругъ дуба колятъ, вертятся мальчишки—внучата старика, съ курушками въ рукахъ и кричатъ:

— Дѣдушка! липовый заройлся! ситовый (мягкій; дубовый улей) пошелъ, крестовикъ заигрываетъ!

У старика по лицу потъ градомъ льетъ и сѣвозъ сѣтку каплетъ на дубовые листы, но онъ, какъ ребенокъ, радъ, что пчелы роются и съ дуба кричить:

— Вы, пострѣлята, смотрите широкопузаго, какъ бы не содралъ, въ него мы завалили вчера цѣлыхъ полпуда пчелы, тамъ небось цѣлый фунтъ матокъ однѣхъ. (Матка должна быть одна. Пока остальныхъ срѣжутъ, молодой улей бушуетъ).

— Еще заройлся, еще заройлся бабушкинъ, подь липкой!— кричать ребята.

— Давайте роевни—эти полны. Да подоприте шестомъ сукъ: гнется, того и гляди—рухнетъ,—кричить съ дуба, какъ юноша, старикъ.—Таньку, что-ль, позвали бы, гдѣ вамъ угладѣть: вонъ сосновый бушуетъ, брызгайте его водой.

Въ этотъ-то развертъ страстнаго занятія пчеловода прибѣжала на пчельникъ босая, отъ пчелъ съ головой накрытая кафтанишкомъ, внучка старика.

— Дѣдушка, свяшникъ пріѣхалъ, слѣзай,—кричала она дѣду на дубъ, въ щелку кафтанишка у рта.

— Какой тамъ свяшникъ? что ихъ оморокъ водить экую пору, когда божья муха со всѣхъ твятовъ благодать готовить для храма Божья. Скажи: неколи, незымъ вокругъ Покрова толкается.

Дѣвчонка прыснула по тропинкѣ со пчельника, съ приговоромъ старика. Злые пчелы липли къ ея босымъ пяткамъ, дѣвчонка вспрыгивала и ужъ болѣе не рѣшалась идти на пчельникъ, съ докладомъ къ дѣдушкѣ.

Никита Власичъ, заѣхавши въ усадьбу старосты, былъ непреборимъ. Сколько ни толковали ему, что теперь не время толковать о свѣчахъ, онъ и слушать не хотѣлъ. Толкуетъ бабамъ, что теперь пошло такое дѣло, котораго еще ихъ старый дѣдъ не знаетъ, можетъ попасть подъ судъ и всѣ его пчелы ни къ чему.

Бабы задумались, сбѣгали на прудъ къ старухѣ—посоветоваться. Старуха присудила сказать объ этой оказіи старику. Съ общаго согласія къ докладу нарядили старшую невѣстку, бабу умную и такую, которую любилъ дѣдушка старикъ.

Невѣстка накрылась зипуномъ и, обдумывая, какъ доложить, тихонько шла по тропинкѣ на пчельникъ.

Дѣдъ, окруженный мальчишками-внучатами, сидѣлъ возлѣ улья. Черпая изъ роевни пчелъ, онъ сажалъ въ улей рои и приговаривалъ:

— Вы, ребята, смотрите матку, желтопузую, съ ясными колечками, ловите на заводъ, а мохнатую, куржупую, — прямо давите пальцемъ.

— Бачка, мѣщанинъ ни съ короткимъ привязался на счетъ свѣчей, — кричала изъ-подъ навѣса омшаника баба, причась отъ пчелъ, — говорить, — какой-то новый законъ вышелъ, скажи что-нибудь ему.

— Вотъ оморозъ навязался!.. — ворчалъ староста, вокругъ котораго вертѣлись мириады пчелъ: — пусто его будь, незимъ почуветь, ужокъ потолкуемъ. Только скажи Степешѣ, чтобы жеребцовъ на замокъ приперъ, да не пускайте его разгуливаться по задворкамъ-то. Охъ, ужъ эти мнѣ алахари — надоѣли они мнѣ, какъ горькая рѣдька: лѣзутъ, липнутъ, какъ банный листъ къ...

Недождавшись отвѣта отъ старосты, Никита Власычъ продвинулъ свой возъ по переулку до половины усадьбы, гдѣ были амбары — и уже развязалъ поводъ у лошади. Долго онъ, одергивая вокругъ себя красную рубашку, любовался хмурою вытяжкою своихъ сапогъ, взятыхъ въ городѣ съ молоточка, подъ закладъ свѣчей. На него ревели отъ амбаровъ огромныя цѣпныя собаки. Старикъ все возился на пчельникѣ — сажалъ роетъ. Наконецъ, старшая невѣстка объявила, что дѣдушка приказалъ Никитѣ Власычу почевать, что ему и нужно было.

Возъ со свѣчами убрали на задворокъ, подъ навѣсъ, старому коню дали изъ сада сочной травы.

Стало вечерѣть. Изъ садовъ пахнуло прохладой, со пчельника — ароматомъ. Съ поля прѣхалъ обозъ старостинныхъ лошадей, тащившихъ по пыльной дорогѣ сохи и бороны. Сидя бокомъ на спинахъ коренастыхъ пѣгихъ, саврасыхъ и вороныхъ коней, покачивались бородатые старостины сыновья и внуки — кровнистые молодцы. Зачуя своихъ лошадей, ржали и били копытомъ жеребцы на стойлахъ. Ласково взвизгивали цѣпныя собаки.

Мимо гостя спѣсиво прокрадались босыя красавицы-бабы, перекачиваясь съ бока на бокъ, съ охабками своихъ вышитыхъ нарядовъ и красивыхъ полотенецъ. Старуха гнала клюкой съ пруда нырявшее въ травѣ стадо утятъ.

Никита Власычъ только успѣвалъ откидывать съ головы картузъ, встряхивать волосами и накрываться, обращаясь къ проходящимъ:

— Наше вамъ почтеніе-съ.

Въ отвѣтъ ему молодежи слегка кивали головами и крас-

нѣли во всѣ щоки, а запыленные мужики, поднимая съ головы свои шляпы, сурово и недовѣрчиво смотрѣли на щеголя-гостя, съ подоткнутымъ за поясъ кнutomъ. Старуха, завидя мѣщанина, кропоталась про себя:

— Охъ, ужъ этотъ дѣдъ-дѣдъ, все у него разные гости-прихвостни; надоѣлъ мнѣ чужой народъ.

VIII.

Ужъ солнышко сѣло за лѣсами. На тропинкѣ, со пчельника, изъ шелостливыхъ осиноекъ, показался самъ хозяинъ староста — старикъ, Михай Савельевичъ Лапушкинъ. Онъ былъ въ толстомъ суровомъ бѣльѣ; на ногахъ кожаные чеботы, крестъ-на-крестъ ремешками привязанные къ худощавымъ икрамъ; на головѣ — перевязанная лыкомъ и отъ времени пожелтѣвшая шляпа. Косой воротъ его рубахи, съ мѣдной пуговицей, былъ отстегнутъ и обнажалъ костлявую, когда-то мощную грудь, по которой волнами ложилась, поматавъ сѣткой, бѣлая, какъ лунь, борода, и висѣлъ на шнурѣ большой мѣдный крестъ. На тесемчатомъ красномъ поясѣ болталось на ремешкахъ нѣсколько ключей. Ему мѣшало идти мальчишка, со щенкомъ на веревочкѣ.

— Наше вамъ почтеніе, Михай Савельевичъ, — привѣтствовалъ старца Никита Власычъ.

— Здорово, поштенный, — высокимъ баритономъ отвѣтилъ старикъ. — Ты чей такой? Ко мнѣ не тотъ свяшникъ приталкивался.

— Мы знаемъ, кто къ вашей чести приталкивался — эфто нашъ молодецъ, Стѣпка Косичкинъ. Ну, что, онъ такъ, на рыскалѣ, можно сказать, хлыщеть по уѣзду — выкланчить на заводѣ свѣчей пудъ-другой, ну, и ширкаеть; а мы свой заводъ....

— Такъ у тебя свой заводъ?

— Свой заводъ.

— Ну, ладно, обожди маненько.

Неподалеку отъ амбаровъ старикъ усѣлся на широкій пенъ. Сыновья и внуки раздѣвали лошадей и развѣшивали хомуты.

— Дометали, что-ль, парь-то? — спрашивалъ старикъ, принимая отчетъ по полевому хозяйству.

— Дометали, только одна десятина не двоѣна, — отвѣчали ему дѣти, не оглядываясь и занимаясь уборкой сбруи.

— Надо додвигать, пора за сѣновозъ приниматься. Три

косы завтра же отправляйтесь въ лугъ. Гришка набуромъ додвоить десятину, а Мишутка пусть дождетъ къ Сидору Ивановичу, — улейковъ пятакъ привезетъ; ульи подобрались. Да, что вы не проѣзжаете жеребцовъ? Зорькой славно бы сѣли, прокатились. Застоятся, на нихъ аркана не накинешь.

Долго Михай Савельевичъ дѣлалъ разныя распоряженія по хозяйству, щунялъ и кропотался за разныя неисправности. Наконецъ, обратился къ Никитѣ Власичу, который, во время разговора старика съ семейскими, стоялъ, прислонясь къ плетню, и жевалъ черемуховую палочку.

— Такъ у тебя свой заводъ-отъ?

— Точно такъ-съ.

— Вотъ это хорошо. Меня Господь облагодарилъ пчельниками, до страсти хочется, чтобы въ Божьемъ храмѣ горѣла моя свѣча, воску на весь годъ хватить, только-бы свѣчи навертѣть, никакъ не соберешься.

— Ефто мы можемъ вашей чести предоставить въ лучшемъ видѣ.

— Ну, вотъ. Потому тутъ, въ лѣсу, пчела, святымъ духомъ работаетъ вошину, невидимо, со всякаго тѣту. Городская, вонъ, свѣча какимъ-то скапидаромъ воняетъ, въ рукахъ рассыпается, ровно горохъ, горитъ—трещитъ, и Божьей службы не слышать.

— Оно хоша къ примѣру и такъ, но безъ ефтаго невозможно-съ, Михай Савельевичъ.

— Съ чего такъ?

— А съ того, что нынѣ въ заводахъ пошли разныя трубы, сквозь которыя прогоняется товаръ, а ефти самыя трубы подмазываются все скапидаромъ и керосиномъ, чтобы воскъ отлипалъ.

— Что за пропасть, ужли-жъ трубы на то состроены, чтобы гадить Божій даръ. Муха, она, говорится, работала на Св. Духа, а вы гадите ея работу?...

— Нѣтъ, мы только лосекъ, глянecъ придаемъ товару.

— На кой мнѣ лѣшій твой глянecъ, прости Богъ,—Бога глянцемъ не проведешь. Бери прямо воскъ, разогрѣй и верти свѣчу, какъ, бывало, въ старину,—сердилcя старикъ.

— Можно и такъ, для вашей чести, какъ прикажете, такъ и сдѣлаемъ.

— То-то можно. Вы, знать, гороховой муки въ свѣчу подбавляете, да глянecъ наводите. Съ чего купецъ ростетъ, ростетъ и ухнетъ съ-разу? все отъ глянца ефтаго самаго, отъ трубъ евшихъ разныхъ самъ попадаетъ въ трубу, а живи-ка онъ по-божескому, вѣкъ свой не сгинетъ.

У задворка распахнулись ворота и показались два босыхъ парня, въ однихъ сорочкахъ, верхами на рьяныхъ красивыхъ заводскихъ коняхъ. Кони храпѣли, присѣдали назадъ въ галопъ; ребята крѣпко притягивали къ груди поводья; ихъ рубахи трепыхались за поясами на спинѣ. Кони рванулись на просторъ и затанцовали по переулку—на улицу.

— Это отъ казенныхъ у меня,—замѣтилъ старикъ, любясь конями: — отъ арапа.

«Ну, надъ ефими ничего въ лѣсу не учинишь»... думалъ про себя мѣщанинъ, забившись отъ страха подъ сарай: «они сами тебѣ починаютъ зубы и губы, кони—страсть!»

— Михай Савельевичъ, нельзя ли взогрѣть самоварчикъ? Чайку я привезъ,—обратился къ старику Никита Власычъ.

— Можно. Только самоваръ-то, небось, заржавилъ. Мы его грѣемъ только, когда батюшка священникъ лучится—праздничное дѣло, да медоломщики. Бабы! Матрюща! Ганя! гдѣ вы тамъ?

Одна изъ молодыхъ, проходя мимо съ ведрами воды на коромыслѣ и заслыша голосъ дѣдушки-патріарха, бросила ведра, оттолкнула поневу и подбѣжала къ старику.

— Вотъ тебѣ ключъ отъ выхода,—началъ старикъ, отыскивая опущенъ ключъ на поясѣ,—возьми тамъ самоваръ и заведи. Вотъ тебѣ ключъ отъ свѣтели, сними тамъ окорокъ ветчины, отдай сварить. Да яичницу, что-ль, состряпайте—яйца у васъ на рукахъ, гостя-то надоть угостить. За медомъ я самъ схожу. Да прикажи все это Лушкѣ сдѣлать и сама-то у ней поучись, а то ваше дѣло, пока молоды, только хихикать, да пѣсни играть,—шутилъ старикъ, любезно окидывая глазами молодую невѣстку.

Распорядившись самоваромъ и закуской, староста повелъ гостя на пчельникъ, въ омики, показать воскъ и кстати захватить меду къ чаю. Пока старикъ брелъ по тропинкѣ, и ворчалъ противъ разныхъ неправдъ и злоупотребленій, Никита Власычъ отвернулся къ своему возу, кое-что захватилъ изъ него въ карманы и догналъ старика уже въ чащѣ деревь, у самого пчельника. Въ дверяхъ старикъ, держа за цѣпъ огромную косматую собаку, пропустилъ гостя на пчельникъ. Собака, стоя на заднихъ ногахъ вровень со старикомъ, задыхалась отъ злобнаго лая. Шагахъ въ десяти отъ двери, подъ стройнымъ кленомъ, стояла часовенка съ иконами, на четырехъ точеныхъ столбикахъ, съ рѣзной отдѣлкой и тремя крестами на верху. Никита Власычъ откинулъ влѣво картузь, сдвинулъ колѣнки и усердно сталъ молиться на часовенку. При поклонахъ у него болтались чѣмъ-то нагруженные карманы коротенькой поддѣвки. Помолитъ-

пнись, онъ поклонился на всѣ четыре стороны и, съ поклономъ хозяину, проговорилъ:

— Съ охотой васъ проздравляемъ, дай Богъ, на сто на тысячу.* Надобно осеребрить, — и при этихъ словахъ полѣзъ въ карманъ, досталъ ситцевый кисетъ, розыскалъ въ немъ, среди табачныхъ корешковъ, завѣтный неразмѣнный пятачокъ прошлаго столѣтія, который онъ держалъ для завода денегъ, и положилъ на часовню.

— На этомъ благодаримъ, — проговорилъ старикъ, крестясь за спиною мѣщанина.

Никитѣ Власичу тяжело было совершить этотъ обрядъ: онъ зналъ, что медолющики, въ подобныхъ случаяхъ, не жалѣютъ червонцевъ для часовни, но у него не было ни гроша, кромѣ этого завѣтнаго и бесполезнаго пятачка. Онъ такъ и чувствовалъ, разставаясь съ пятачкомъ: «нну, колько лѣтъ ты меня не выручалъ, не выручишь ли теперь».

Старикъ не показывалъ гостю пчельника. Никита Власичъ изъ-за гущи деревъ только могъ слышать гулъ и стонъ ульевъ, снаружи одѣтыхъ пчелой, какъ пшубой. Онъ повелъ его по землянымъ ступенькамъ въ подземелье — омшаникъ. Было темно. Староста досталъ съ полки восковой огарокъ и спички, чиркнулъ и зажегъ. Огарокъ освѣтилъ просторный, зарытый въ землю, дубовый омшаникъ. Въ немъ стояло нѣсколько приземистыхъ липовокъ съ медомъ, и жерновами были привалены къ стѣнѣ круги желтаго, какъ янтарь, воска.

— Вотъ гляди воскъ — это воскъ, — рекомендовалъ староста гостю, — не вашему чета. Я на солнцѣ его спускаю. Тутъ одно слово: Божья муха, да Божье солнышко работали. Вотъ чѣмъ надѣтъ угождать, а не скапидаромъ вахненскимъ. Онъ, небось, безъ всякихъ трубъ посылаетъ росу съ небесъ на наши нивы, чище слѣзки покаянной.

Никита Власичъ расчувствовался, охватывая жернова воска и сознавая ихъ цѣну.

— Вотъ что я вашей чести, къ примѣру доложу, Михай Савельевичъ, — началъ, поднимая козырекъ и крестясь: — евдокаго благочестія я отродясь не видалъ, что у васъ, — даромъ-что въ горѣхъ, среди церквей, родился и выросъ. Давайте-ка выпьемъ.

Никита Власичъ ловко выхватилъ изъ кармана бутылку, изъ другого — калачъ и стаканъ, — и забуркалъ въ стаканъ напитокъ. Утопившійся съ роями, старикъ, держа въ рукахъ самодѣльный восковой огарокъ, расправлялъ бороду, растищалъ усы и не безъ сочувствія смотрѣлъ на стаканъ своими умными глазами. Выпили

по одной, по другой. Голодный мѣщанинъ схватилъ изъ кадки осотъ меда и уплеталъ его совсѣмъ съ вощиной; старикъ жевалъ калачъ.

Въ избѣ давно уже кипѣлъ самоваръ. Яичница неистово свистѣла на загнѣтѣ, въ огромной сковородѣ. Столъ былъ накрытъ узорчатою скатертью. На немъ, вокругъ самовара, лежали, накрытые красивыми полотенцами, огромные, во всю ковригу, ломти хлѣба. Посрединѣ стоялъ окорокъ выѣсной, трехъ-годовалой ветчины. Старуха поделадала щепки подъ яичницу; молодки юлили вокругъ стола, поправляя полотенцы, подкладая ножи и вытирая зелень съ боковъ самовара, долго стоявшаго въ сыромъ подвалѣ. Мужики, развѣсивъ шляпы по гвоздямъ на мантицѣ, почесывали головы, въ ожиданіи хозяина и гостя.

Углекислота изъ самовара, запахъ отъ жирной яичницы и еще не выдохшаяся зимняя сырость толстѣйшей кирпичной избы, не мѣшали семейству церковнаго старосты хохотать во всю грудь и красить лицомъ, какъ солнышко. Ихъ работа—въ полѣ, среди зелени, ихъ ночное спанье, въ пуняхъ, даже зимой на морозѣ, ихъ ежедневный хохотъ отъ счастья и довольства жизни, лучше всякихъ косметическихъ притираній, румянили ихъ пухленькія щоки.

А быть можетъ оттого наши крестьяне застрахованы отъ вреднаго вліянія атмосферы и разныхъ вредныхъ газовъ, что нашъ крестьянинъ есть ни болѣе, ни менѣе, какъ ружье, вытерпѣвшее тройной зарядъ скупой и безпощадной жизни, въ чемъ не трудно убѣдиться, видя во-очію, что изъ сотни ребятишекъ, воспитанныхъ на тюрѣ, и бѣгающихъ зимою босикомъ, остается въ живыхъ только десять. Это докажетъ статистика. Родится въ годъ въ иномъ приходѣ пятьдесятъ мальчиковъ, а заглянешь въ выписъ изъ метрикъ, для воинской повинности, въ живыхъ остается четыре—пять.

Такъ-ли, съѣлъ-ли, только семья старосты была здорова и весела. Пришли въ избу и хозяинъ съ гостемъ. Хозяинъ принесъ миску меду, гость—баттарею бутыловъ, связку кренделей и стопку пряниковъ. Все это нагружалось на просторный столъ. Староста помолился и засѣлъ въ вышки подъ образа. Его примѣру послѣдовали сыновья и внуки, разсаживаясь за столомъ. Нивита Власычъ засучилъ рукава и сталъ заваривать свой чай. Ему было оставлено мѣсто около хозяина. Началось взаимное угощеніе. Пили водку, наливку, чай, ѣли ветчину, крендели, яичницу, медъ—все это вмѣстѣ. Красивыя бабы лишь порхали, какъ ласточки, вокругъ стола. Ихъ было дѣло—подать, принять, подста-

вить, стереть. Но Никита Власычъ не забывалъ ихъ рюмочкой. Ребятишки юлили между большими и по полу и по лавкамъ, забывая за спины пирующихъ. Имъ подавали кусочки со стола. Долго сидѣли за столомъ, пируя и разговаривая про хозяйство, про торговлю, про честность и воровство. Разговоръ перестылался анекдотами. Наконецъ, стали расходиться одинъ за другимъ, закурили трубки и разсѣлись въ разныхъ мѣстахъ по просторной избѣ. Старикъ сидѣлъ за столомъ. Яствъ и питья было много. Къ столу присыпали бабы и ребята. Никита Власычъ принесъ базалайку, наладилъ струны и началъ отавякивать плясовую. Не стерпѣли парни и молодки — началась пляска. Старикъ любовался.

— А Грушка важно вытанцовываетъ, — одобрялъ онъ пляску, держа въ рукахъ стаканъ наливки.

Старикъ совсѣмъ загулялъ, его отвели спать, а сами допивали, доѣдали и веселились до пѣтуховъ. Въ заключеніе Никита Власычъ одѣлилъ всѣхъ бабъ по кусочку мыла, старухѣ подарилъ сафьяновые чеботы, а старшему сыну старосты подарилъ рукавицы.

— Напрасно хлопочете, Микита Власычъ, ѣ... ѣ, на что это, отговаривались бабы, принимая подарки.

— Это за угощеніе и для знакомства, лучше будемъ знаться, — уговаривалъ прасолъ, подавая подарки.

Мужики по уши насыпали въ хрептухъ влячѣ торговца на ночь овса и на дорогу еще взвалили мѣшокъ. А сѣномъ Никита Власычъ распорядился, какъ хозяинъ, набивая въ телѣгу и въ кошель.

IX.

На утро не старикъ, а уже Никита Власычъ распорядился становить самоваръ, а бабы, безъ всякаго приказанія, готовили вкусный завтракъ. Никита Власычъ, захвативши бутылочку, отправился на сѣноваль къ старику.

— Живъ ли дѣдушка? — подбегая съ бутылкой подъ сарай, обратился онъ къ старостѣ.

— Что паря, живъ-то живъ, да наврядъ сѣменный, кряхтѣлъ старикъ, — вѣчоръ чѣмъ ты меня ошеломилъ...

— Все пустякъ, а давай-ко опохмѣлимся, да о дѣлѣ потолкуемъ.

— Ай мы нѣхристи какіе, дай перва умыться, да лобъ

перекрестить.—Старикъ поднялся. Хотѣлъ идти къ пруду умываться, но увидалъ, что на высокой густой травѣ висѣла крупная роса, потрепалъ ее ладонями, помазалъ лицо, утерся рукавомъ и сталъ молиться на востокъ. Мѣщанинъ уже стоялъ у него за спиной, со стаканомъ водки. Старикъ обернулся.

— Пей самъ,—сказалъ онъ и поилелся на пенъ, гдѣ вчера сидѣлъ.

Никита Власычъ вручилъ ему стаканъ, поставилъ въ траву бутылку, пригнулся къ плетню, швырнулъ съ головы старика худую шляпенку и надѣлъ на него шапку съ заломомъ.

— Вотъ въ чемъ церковный староста долженъ щеголять,—бойко проговорилъ мѣщанинъ.—Семейскихъ я всѣхъ отблагодарилъ.

— Напрасно,—протянулъ старикъ,—дѣловъ еще мы не дѣлали.

— Познакомимся—будемъ дѣлать.

— Ну, спасибо. Къ зимѣ пригодится.

— Такъ какъ же, на чемъ мы покончимся на счетъ воспечку-то?—обратился Никита Власычъ къ патриарху на пнѣ.

— Какъ говорили: бери круги и наверти изъ нихъ свѣчу.

— А то давай смѣняемъ, у меня есть свѣча?

— Ни за Боже мой, изъ моего воска верти. Воскъ мы положимъ въ цѣну и, когда привезешь свѣчу, съ храмомъ Божиимъ сочтемся; только ты сверни мнѣ двѣнадцать свѣчей пальца въ три толщиною—это я буду жертвовать по праздникамъ.

— За сколько же положите вѣсомъ ваши кружочки?..

— Надо бы прикинуть, да вѣсовъ-то нѣтъ, ихъ на безмѣнѣ не прикинешь. Развѣ на мельницу свозимъ?

— Что тамъ по мельницамъ развѣзжать, въ Божьемъ дѣлѣ душа всякому нужна, не такъ-ли?

— Да евто положимъ.

— Ну вотъ. Кладите, сколько, по-вашему, въ вашихъ кружочкахъ.

— Пудовъ шесть надо быть.

— Оковалочки-то обмалеоваты—не потянутъ.

— Ну за пять клади, за твое угощеніе.

— Пяти не потянетъ, но для перваго случаю—согласенъ. Приважите наложить, а свѣча въ недѣлю будетъ готова. Пропустимте-ка еще по одной, дѣло рѣшено.

Никита Власычъ, у котораго руки вѣрнѣй любого безмѣна, показавши жернова воска въ омшаникѣ, быстро сообразилъ, что пудика два лишнихъ въ нихъ есть сверхъ пяти, а имъ цѣна пятьдесятъ цѣлковыхъ, значить, не только мыло, цикорій, бала-

лайка, а даже сама шапка въ цѣлковый — окуплены — и слава Богу! А вмѣсто того, чтобы изъ этихъ круговъ вертѣть свѣчи, всего удобнѣй: отвезти круги на заводъ къ Выжидаеву, — взять подъ нихъ еще свѣчей, повертѣться вокругъ села Шалашей, по подобнымъ старостамъ, и завернуть къ Михею Савельевичу со сверчонными свѣчами.

— Дѣдушка, идите чай пить, самоваръ готовъ, — дoloжила патриарху маленькая дѣвчонка.

Мужики давно ужъ наѣлись соломаты и собираются съ косами въ луга.

— Такъ что же, прикажите наваливать ваши оковалочки?

— Наваливать, такъ наваливать.

— Эй, ребятушки, старичокъ приказываетъ наваливать воскъ изъ омшаника — наваливайте.

— Наваливать? — спросилъ бородатый сынъ старика.

— Наваливайте.

Мужики побросали косы, отправились по тропинкѣ въ омшаникъ и носили оттуда восковыя жернова въ телѣгу прасола. Кляча, пережевывая овесъ и вздергивая отъ объеденія животомъ, оглядывалась на жернова воска и думала: доведу ли?..

Мужики, не обращая вниманія на думу лошади, кричѣли и заваливали въ телѣгу воскъ. А староста Михей Савельевичъ, выпивши третью, размечтался на пнѣ:

— Ты думаешь, изъ чего мы вашего брата припускаемъ въ домъ? Изъ одного разгулу. Сгидай ё голова, какой-нибудь окорокъ уйдѣтъ, по крайности мы, середь своей работы, разгуляемся. Сколько хрипъ-то не гни, захошь и разогнуться. Кабы у насъ какое веселье было, а то скрипятъ одни качели немазанныя середь села — и вся не долга. А тамъ одно баловство. Я своихъ не пускаю. Ко мнѣ съ коньхъ поръ, — съ самой Ильинской пятницы приталиваются купцы, золотые кладутъ въ часовенку — золотать, а не серебрать пчелу. — Отдай, говорятъ, десятокъ, или два ульевъ на убой; а я говорю: не хопъ ли парочку. Онъ и на парочку согласенъ, и за парочку попойтъ виномъ, бабъ попойтъ и все такое. Глядишь, подѣхалъ другой — и этому парочку. Да такъ-то почестъ до Покрова гуляемъ, — тебѣ небось не стать сказывать. Вотъ что значить пчела, она сердце веселить.

— А скажу вамъ: претолчѣйшая ваша жизнь, — замѣтилъ Никита Власичъ, наливая еще стаканъ: — пожили бы въ городѣ, такъ тамъ одна топка васъ сокрушила бы: видишь — хворостина валяется, или пьяный мужикъ съ торга обронилъ кнутъ — подымай все это, на топку годится. А опосля ярмарки — кто плю-

нуль-то гдѣ кто,—все, можно сказать, гусинымъ перомъ подметешь до чиста—и все на топку.

— А мы тутъ думаемъ о другомъ: таперича она баба, съ утрева до вечера у всякой есть своя работа—носить, гребуть, нянчаютъ ребятъ, ночей иную пору не спать. Погляжу иной разъ, мои бабы повѣсили головы, засопѣли носами. А ужъ и бабы — добро! Самъ небось видѣлъ — одна къ одной, изъ всей округи выбиралъ, что ни хлестчее, то моя — ладно. Выпадетъ просторный вечерокъ, я и скажу: ну-ка, ребята—въ жилейки! а самъ красеньякаго подготавлию. Какъ трахнуть въ жилейки, бабы въ плясъ. Передернешь плечами, маханешь рукой — трогай, бабы! все припащемъ, все прижнемъ, вали! работай и живи!> Что-жъ ты думаешь: мои бабы, какъ тронуть трепака:—ахъ, ихъ, переви-хъ!.. а у тебя сердце радуется, на старости лѣтъ, что семья не грустуетъ, въ работѣ одной.

Х.

На горахъ, по сторонамъ быстрой рѣки, видѣлись, сквозь туманъ, силуэты нѣсколькихъ церквей. Было утро. Солнышко, лишь украдкой, изъ-за лѣса, забѣгало на золоченные кресты высокихъ колоколенъ. Вдоль береговъ рѣки тянулись сплошные поселки обывателей. Они такъ густо были покрыты туманомъ, что лишь по реву и блянію выгоняемой со дворовъ скотины, по скрипу воротъ, да по столбамъ тянувшагося изъ трубъ до небесъ дыма было можно догадаться, что эта рѣка обитаема. Дымъ изъ черныхъ, безъ трубъ, избъ, пробиваясь облаками сквозь соломенную крышу и сливаясь съ туманомъ, дѣлалъ воздухъ удушливымъ и совсѣмъ непроницаемымъ для глаза. Деревенскій скрипъ, крикъ и ревъ сливался съ звуками унылыхъ деревенскихъ колоколовъ, къ заутрени на Ильинъ-день. Изъ-за густыхъ аллей угрюмо выглядывалъ замкомъ старинный домъ давнымъ-давно въ деревнѣ не жившаго аристократа. Тамъ-и-сямъ, по буграмъ топырились затѣйливые домочки мелкихъ помѣщиковъ, здѣсь родившихся, отлучавшихся лишь для полученія перваго чина и здѣсь доживающихъ свой вѣкъ. Ихъ домочки, своими подгулявшими колоннами на балконахъ и похилившимися мезонинами съ перебитыми радужныхъ цвѣтомъ стеклами, казалось, улыбались восходящему солнцу и дѣлали ему кинесентъ, слегка завалившись, слегка избоченившись, слегка обрушившись въ землю угломъ. Звуки колоколовъ, лѣниво перебиваясь съ горы

на гору, поднимали со дна души просвѣщеннаго путника цѣлые томы исторіи человѣчества на землѣ и охватывали его душу, какъ туманомъ, думая о будущемъ. Спѣсивое солнце, выглядывая съ востока, ласкало своими лучами въ душѣ надежды на тихій ясный день и на лучшія времена. Путнику становилось грустно при мысли, что онъ умретъ, не доживетъ до этого разсвѣта: такъ ему казалась привлекательна жизнь впереди, что онъ готовъ былъ цѣлыя столѣтія носить бремя старческой жизни, — цѣлыя столѣтія пролежать живымъ, не поворачиваясь въ постелѣ, лишь бы взглянуть на этотъ разсвѣтъ — и тогда ужъ помереть...

Совсѣмъ другое думалъ Никита Власычъ, вѣхавшій въ туманѣ вдоль берега рѣки, съ возомъ свѣчей. Заслыша благовѣстъ къ заутрени, онъ снялъ картузь и, крестясь, проговорилъ:

— Эко туманъ-то добро!.. Любую тройку, укравши, можно угнать задъ Сызрани, словно въ облакахъ по небесамъ! — никому и въ ротъ не влетитъ...

При одной изъ церквей былъ зажиточный почтенный батюшка, отецъ Илья. Онъ былъ иманинникъ. Отецъ Илья, подъ звуки колокола, дочитывалъ правило къ богослуженію, въ своемъ крошечномъ кабинетикѣ, а въ кухнѣ его шла возня — готовился пиръ для гостей. Былъ призванъ старинный барскій поваръ-старичокъ. За продажею его бариномъ имѣнія мельнику, не любившему поварского, плѣшивый поваръ-старичокъ остался въ штатѣ. Пригородивши мазанку къ обрыву горы, онъ питался съ своею старухой крестинами, имянинами, свадьбами и проч. Приготовить обѣдъ, — ему дадутъ пудикъ муки, осмумешку крупы, ветчинныхъ обрѣзочковъ съ окороковъ — онъ и сытъ, попятъ водочкой — онъ и веселъ; идетъ съ пира къ старухѣ съ мѣшочкомъ черезъ плечо, куда ужъ непременно уложить кусочекъ кулебяки, котлетку или паштетцу въ гостинецъ своей беззубой подругѣ жизни. Его всѣ любили за услужливость, особенно — за скромность въ требованіяхъ провизіи.

— Какъ же быть-то: для жилию надо бы рыбаго клейку? — спрашиваетъ онъ матушку, супругу иманинника.

— Нѣтути, батюшка Силантьевичъ, — онъ вѣдь дѣрогъ.

— Ну, мы врахмалцу припустимъ покрѣпче, — все равно свяжется. А не то въ саду на вишняхъ клейку поищу. Да вотъ миндаліку надо бы для пирожнаго?

— И миндалю нѣту, нельзя ли какъ-нибудь?..

— Все можно — отчего же? — мы бобочковъ порубимъ. Эхъ, надо бы селдерейцу, петрушечки, пусторначку... ну, да мы кар-

тошечекъ потремъ, сытнчой, зеленымъ лучкомъ присыпемъ, — за шпинать сойдемъ.

— Ты ужъ, пожалуйста, Силантьевичъ, постарайся.

— Будьте спокойны, — графскій обѣдъ устрою.

— Тебѣ чаборцу, богородицкой травы не надо ли, калу-ферцу?

— Ничего, для духу хорошо, — пучочекъ одолжите.

Силантьевичъ любилъ дѣлать обѣды на барскій манеръ и старался замаскировать блюда. У него всѣ блюда были залиты просто-на-просто бараными студнями, замазаны соусами изъ картофеля, поддушены, присыпаны колуферцемъ и прикрашены клюковкой. Даже горячему блюду онъ умѣлъ придавать какой-то неестественный колоритъ. Словомъ, онъ былъ поварь-аристократъ.

Обѣдъ былъ готовъ. Обѣдня отслужена. Стали сѣзжаться гости. Въ гостиной уже шелъ веселый разговоръ объ урожаѣ, о сѣнокосахъ, о пчеловодствѣ. Нѣсколько сосѣднихъ матушекъ, въ шелковыхъ повязкахъ и чепцахъ, уже сидѣло рядышкомъ на диванахъ и софахъ, смиренно придерживая въ горстяхъ еще не развернутые носовые платочки и благоговѣнно слушая говоръ своихъ супруговъ, въ расшитыхъ шелкомъ и бисеромъ поясахъ на животахъ и съ цѣпочками во всю грудь. Одна лишь изъ матушекъ — молодая, въ платьицѣ съ подборцомъ и въ мелкихъ козловыхъ башмачкахъ — съ поль-рюмкою лиссабонскаго въ рукахъ завела съ отцами философскій споръ. Наплывъ новыхъ гостей — въ бабенбардахъ, бородахъ и безъ нихъ — своими здорваньемъ и поздравленіемъ со днемъ ангела прервалъ бесѣду.

Новые гости поздоровались, поздравили, раскланялись и усѣлись: старшина въ поддѣвѣхъ, съ ярвыми пуговицами на перекосяхъ; арендаторъ въ дутыхъ сапогахъ и такою же физиономіею, отъ сознанія, что онъ не хуже помѣщика; управляющій имѣніемъ, не знавшаго деревни барина, съ кошачьей походкой и верадрчивыми глазами; староста церковный — мельникъ, купившій барское имѣніице, — и молодой помѣщикъ, Юрій Селиверстовичъ Фистуловъ. Всѣ усѣлись и оглядывались на батарею бутыловъ, окружавшихъ кислотовато-вкусную закуску, а франтъ Фистуловъ молча ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ и, пощипывая усы, казалось, обдумывалъ: «нельзя ли какъ-нибудь, по новому положенію, попасть въ попы?.. Сколько гостей — и всѣхъ здѣсь упитаютъ, а ты одинъ — и то сидишь какъ сытъ голодный въ родительскомъ домишкѣ»...

Подъ конецъ пришли мѣстные причетники съ женами и дочерьми. Привстали, пожались, сдвинулись, — дали мѣсто и этимъ.

Небольшой домик отца Ильи набился полнѣхонекъ. Столы для обѣда раздвигались и разставлялись во всѣхъ комнатахъ. Заштатный пономарь даже прижался въ дѣтской на лежанкѣ и, въ ожиданіи поварского обѣда, про себя бормоталъ: «теченіе совершихъ, пообѣдаемъ и на лежанкѣ». Услужливыя пономарики, бѣгая по дому съ жевомъ за скулами, разостлали старцу салфетку на лежанкѣ и, по приказанію хозяевъ, не забывать выпивкой захоластныхъ гостей, подтуча старца на лежанкѣ изъ графинчика, не забывали и себя.

За обѣдомъ шелъ оживленный разговоръ о временахъ вѣка сего. Толковали о томъ, что, съ уничтоженіемъ крѣпостного права и вотчинныхъ конторъ съ розгами, не стало въ деревнѣ хозяина, который бы давалъ острастку молодому поколѣнію крестьянъ и сдерживалъ отъ пороковъ. Духовные скорбѣли, что у нихъ нѣтъ мировыхъ судей, — мельникъ жаловался, что годъ отъ года плошаецъ на мельницѣ помолъ и что мужики стали плуты.

— Какая оказія на-дняхъ случилась, — рассказывалъ мельникъ: — знаете вы Гришку-косолапаго? — малый плутъ, продѣлистый! Обмолотили это они копны три ржи; Ванюха, братъ его, и говорить: «Григорій, съѣзди съ Филькой въ поле за копнами, а я новелева извѣю рожь». Гришка говоритъ: «ты побѣжай, а я извѣю». Ванюха побѣжалъ. Гришка навѣялъ мѣры четыре на-плечи, да въ кабакъ. Напился и свалился въ канаву за гумномъ. Тамъ стащили съ него шапку и новенькіе сапоги. Гришка проснулся и приходитъ босикомъ. Нѣтъ ни ржи, ни шапки, ни сапогъ. Старшій братъ, Ванюха, ударился въ волостную. Старшина и говорить ему: «дураки вы, дураки: лѣзете съ жалобой къ намъ, — что мы сдѣлаемъ? Ну, посадимъ въ чижовку, — эво важное жушанье! Васъ два брата, да еще отецъ въ силѣ: перешибли бы ему ребра два, — небойсь, забылъ бы». Что-жъ вы думаете? — такъ и сдѣлали: перешибли Гришкѣ ровно два ребра, — перешибли бы три, да старшина приказалъ только два. А на воровъ-лошеводовъ перестали ужъ и жаловаться: какъ попался, — катать до полу-смерти, щипи волоса, пали бороду.

— А что-жъ вы думаете, преотличная штука! — одобрялъ арендаторъ въ дутыхъ сапогахъ: — я вотъ какой годъ арендую у графа имѣніе, ни разу не былъ у мирового, а какъ вижу, что дѣло не такъ, заберу виновнаго въ ригу, дамъ ему выволочку хорошую — и шабашъ. Нашему мужику выволочка и розги — первая острастка.

— Нѣтъ, я вамъ лучше расскажу, — началъ батюшка: — у меня на родинѣ былъ діаконъ одинъ, писалъ хорошо, занимался письмоводствомъ по деревни, а священникъ былъ старъ — мышей

не топталъ, — но лѣнтяй былъ діаконъ и крайне нерадивый. Благочинный бился-бился съ нимъ, ничего не подѣлаетъ. Донесетъ вышему начальству, черезъ годъ прійдетъ слѣдователь, допросъ, осмотръ, — діаконъ вывернулся изъ-подъ суда. Года черезъ два поступаетъ рѣшеніе: внушить діакону съ строгимъ выговоромъ, чтобы онъ исправно велъ книги. Діаконъ, разумѣется, смѣется надъ донесеніемъ благочиннаго. Погоди-же, говоритъ благочинный, я съ тобою справлюсь: забралъ его въ кабинетъ, ухватилъ за бороду — и ну щелкать его зубы объ зубы — клянись, говоритъ, что будешь исправно писать, — не выпущу, до смерти защелкаю. Съ тѣхъ поръ, съ діакона какъ рукой сняло.

Отъ разговора о самоуправствѣ наши гости перешли къ разговору о самоуправленіи. Всѣ пришли къ тому убѣжденію, что слѣдовало бы въ каждомъ селѣ сдѣлать приходское попечительство хозяиномъ въ деревнѣ. Расширить его права — коллективно рѣшать разные дѣла на мѣстѣ, безъ происковъ и волокитъ по мировымъ судьямъ и волостнымъ правленіямъ, гдѣ судьи — сбродъ, и базись ихъ суда — полштофъ.

Духовенство желало, чтобы у него были учреждены мировые судьи, хоть для мелкихъ дѣлъ, чтобы судебныя дѣла не производились по старой накладной, а судъ былъ бы скорый и правый.

— Грубіянить причетникъ, пьянствуетъ; подумаешь: или донести на него? да какъ вспомнишь всю эту процедуру нашего длиннаго суда, прійдетъ слѣдователь, депутаты, пой ихъ, корми цѣлую недѣлю, завертятся у тебя въ головѣ судаки, котлеты, огурцы... провались ты пропадомъ, пьянствуй, груби, только не подожги, — съ грустію рассказывалъ практичный въ жизни батюшка старичокъ. — У насъ судиться не дай Богъ. Ухватилъ кто тебя за полу, возьми ножичекъ и обрѣжь полу поближе къ рукѣ ухватившаго. Удобнѣе вѣкъ безъ полы ходить, чѣмъ судиться объ полы въ цѣлости имуще.

По поводу того, что послѣ обѣда многіе увидали въ зеркалѣ свои усы и бороды подкрашенными фуксинной наливкой, начался разговоръ о поддѣлкахъ, разныхъ операціяхъ и вообще о стремленіи современныхъ людей выжимать изъ кармана ближняго копейку. Много было рассказано смѣшныхъ и печальныхъ анекдотовъ по этому поводу.

— Нонѣ и съ мужикомъ ничего не подѣлаешь, — вполголоса рассказывалъ мельникъ арендатору: — извѣстно, при всякой мельницѣ есть желѣзный гарнецъ, онъ ростомъ не величекъ, а влѣзаетъ почестъ мѣра, запомолъ четверти хлѣба. Я вонъ двѣнадцать цѣлковыхъ отвалилъ за него, кубастый такой, стѣнки въ ниточку

толщины, ну просто арбузникъ. Что-жъ, вы думаете, шельмы: чуть отвернись, насыпетъ хлѣба на донушко и несеть кряхтитъ—вотъ те лапоть. Ты подъ него подкрадаешься, а онъ подъ тебя—оказія!

— Хорошъ сидитъ тоже и Синеуховъ, питерець,—разсказывалъ мельнику арендаторъ про молодого, пропитаннаго новыми идеями мужиколюбія, барина:—пріѣхалъ въ имѣніе, давай народъ поить водкой, со всѣми на *сы*, въ гостиную сажаетъ закорюзглый полушубокъ, одно слово панибратство. Чтѣ денегъ роздалъ, чтѣ хлѣба подъ заработки, чтобы сманить отъ работы у меня. Не хошъ-ли вонъ чего: мужики забрались къ нему въ садъ, облупили яблоки,—на пчельникъ, выломали медъ, а паръ у него до сихъ поръ не метанъ (не пахана земля). Гдѣ-жъ ему, молокососу, знать, какъ съ мужикомъ обращаться. По-нашему, ты его толкони въ ухо, но не дай упасть. Какъ видишь—падаетъ, съ другого бока толкони—уважъ чѣмъ-нибудь, онъ и будетъ стоять и работать. Это вѣдь чучело съ машиной въ животъ,—съ ней тоже надо обходиться хитро. Особливо въ теперешнее время, когда этотъ чучело свободно махаетъ руками и думаетъ, что онъ тоже что-нибудь такое... во всякомъ дѣлѣ сноровка нужна, Молофей Михѣвичъ.

— Само собою. Безъ сноровки, въ нонѣшнее время, жить нельзя. Самъ сноровляй, но оглядывайся, не засѣла ли рука сосѣда въ твой карманъ.

Чай пить придумали въ саду. Либеральный баренокъ, инкогнито, скомандовалъ принесть изъ своего дома въ садъ органъ-шарманку. Шарманка неожиданно для всѣхъ загудѣла, гости были довольны и апплодировали владѣльцу ея, но почтенный именинникъ, о. Илья, для отвлеченія соблазна въ прихожанахъ, попросилъ шарманку внести въ горницу—пустъ-де тамъ гудеть.

Такъ же неожиданно, какъ и шарманка, въ саду появился нашъ Никита Власычъ. Получая въ пригоршни съ картузомъ отъ батюшекъ благословенія, онъ дошелъ и до хозяина.

— Вамъ что угодно?—спросилъ его о. Илья, занося персты на потный лобъ Никиты Власыча.

— Мы въ примѣру ѣхали къ Молофѣю Михѣвичу, но такъ какъ они изволютъ быть у вашей чести, стало быть мы...

— Въ чемъ дѣло-то, говорите?

— Такъ какъ его степенство, Молофей Михѣвичъ, изволятъ состоятъ въ церковной старостѣ—значитъ—то мы примѣрно, къ нему на счетъ свѣчей. Потому, надо говорить, мы открыли новую операцію и въ лучшемъ видѣ.

— О, другъ мой, это дѣло не подойдетъ. Теперь устроена спархіяльная свѣчная операція, устроивается заводъ, подѣланы

склады, открыта лавка на всю епархію, ваши свѣчи намъ не нужны.

— Почему-жъ по обаятельности вашей чести я почестъ цѣлый возъ развезъ? тамъ не слышать ничего.

— Какъ, я въ Ключикахъ былъ?—спросилъ ключиковскій батюшка.

— Прямо оттуда, пять пучковъ свѣчи старостѣ продалъ.

— Не можетъ-быть, я ему говорилъ, чтобы прекратить покупку свѣчей въ лавкахъ и у васъ.

— Точно такъ-съ. Я даже собачку у него вымѣнялъ, настоящая лисица, подъ любой лисій мѣхъ подгоняй, вонъ у повозки привязана, хотъ посмотрите.

— И въ Воротиловѣ былъ?—спросилъ еще батюшка.

— Былъ и тамъ-съ, полъ-пуда оставилъ.

Батюшки остались очень недовольны, что, вопреки распоряженія епархіальнаго съѣзда—брать свѣчи, настоящія восковыя, въ епархіальномъ складѣ,—ихъ берутъ на сторонѣ.

— Вотъ что, другъ мой,—порѣшилъ иманинникъ о. Илья,—выпей вотъ водочки, и съ Богомъ, никогда не являйся къ намъ съ товаромъ своимъ, у насъ свой складъ, своя операція. Иначе подъ судъ попадешь.

Никита Власычъ повѣсилъ голову. Онъ выпилъ рюмочку и поѣхалъ съ своею собачкою по дорогѣ, куда лошадь повезла.

— А маненько не хорошо, что устроили эту епархіальную операцію,—замѣтилъ мельникъ, староста Молофей Михѣевичъ,—много хлѣба отняли у торгашей. Тутъ заводъ, тамъ оптовая торговля въ мѣшкахъ, прямо на чугунку, вездѣ лавки, прасолу совсѣмъ некуда стало рукъ запустить.

— Придумывай себѣ операцію иную. Что-жъ дѣлать, когда человѣческій общественный организмъ не разноситъ правильно своихъ питательныхъ соковъ по разнымъ частямъ тѣла, поневолѣ приходится прибѣгать къ разнымъ операціямъ и прасолу и намъ,—соболезновалъ воротиловскій батюшка. Духовенство обществу служить, а въ возмездіе за службу пользуется правомъ побирашничества: пирогами, мучицей, сметанкой. Поневолѣ займешься какою-нибудь операціею по хозяйству. Дѣтей духовенства нужно воспитывать, а не на что, поневолѣ прибѣгнешь къ свѣчному заводу. У насъ по рублику съ пуда остается барышка—вотъ и средства на воспитаніе учителей и учительницъ народа. Ни одно сословіе не приготовляетъ столько народныхъ дѣятелей и труженниковъ: у насъ девяносто-три училища въ уѣздѣ, кто учителя и учительницы?—все духовные. У насъ семь докторовъ, четыре аку-

шерки, и все это наши. И всѣ они вывелись и воспитались первоначально на наши церковные огарочки. Церковь, какъ фокусъ-зеркало, принимая въ себя лепты отъ народа, на него же льетъ и свои плодотворные лучи.

— Затѣмъ же операцію-то заводить, когда вывелись и выводятся?—возразилъ Молофей Михѣевичъ.

— А затѣмъ, во-первыхъ, чтобы въ даръ Богу не приносилась какая-нибудь смола грошова и, во-вторыхъ, чтобы получить рубликъ *незамѣтно*, посредствомъ труда и искусства. Спроси-ка у васъ этотъ рубликъ просто безо всего, вы, небось, запоете: онъ мнѣ нуженъ на колоколъ въ сто пудовъ. А что полезнѣй: гудливый колоколъ, или умная рѣчь пастыря церкви, учителя и проч.?

— Ефто что-то непонятно, проговорилъ Молофей Михѣевичъ, протирая ладонью потный лобъ. — А все-таки поповское житіе хорошее: и почетъ, и икорку мы вотъ вкушаемъ у васъ.

— Это икорка трудовая; а почету хочешь, подавай прошеніе въ попы.

— Боже сохрани!.. да я съ обвону обвалюсь.

— Ну вы, Юрій Селиверстовичъ, желаете въ священники?—обратился о. Ілья къ либеральному баренку.

— Я ужъ думалъ, но избави Боже, помилуйте: соборовать старуху умирающую, видѣть ея предсмертную агонію, угѣшать, потомъ хоронить какую-нибудь красавицу, быть свидѣтелемъ раздирающаго душу плача. Потомъ: замерзать въ полѣ, на пути къ больному, въ ночь и за полночь. Да я лучше въ пастухи подь скотину наймусь, тѣмъ...

— Нѣтъ, вы еще не знаете, что священникъ есть безсмѣнный часовой во всѣ триста-шестьдесятъ-пять дней года,—дѣла нѣтъ, воръ не подходитъ къ цейхгаузу, а ты ходи съ ружьемъ на плечо. Ни тебѣ развернуться въ разговорѣ веселомъ, ни тебѣ поохотать на просторѣ, каждую минуту, днемъ и ночью, въ грозу и непогоду, даже среди службы церковной жди кого-нибудь. Ты только раздвинешь руки во время херувимской и весь отдаешься Богу, хватъ пономарь докладываетъ: — Ванька въ машину попалъ, дыхнетъ и нѣтъ. Опускай руки, опускай въ преисподнюю душу, отпускай изъ церкви народъ, спѣши къ Ванькѣ для исповѣди и причастія. А не пойдешь, такъ тебѣ косу отрѣжутъ, или въ монастырь сошлютъ, воду носить монахамъ на самоваръ. Эхъ, вы, не знаете, чего стоить священствовать, чего стоить свобода, хоть въ сутки часъ. Я не говорю уже о страданіяхъ совѣсти отвѣтомъ за приходъ, предъ судомъ Божиимъ.

— Хоть бы что придумали бы, чтобы трудъ-то, по крайней мѣрѣ, прилично оплачивался, — замѣтилъ Юрій Селиверстовичъ. А знаете, что бы я на вашемъ мѣстѣ устроилъ: нарядилъ бы кого-нибудь чортомъ и послалъ бы ночью по загуменьямъ вокругъ деревни — гуди, реви, стращай народъ. Сейчасъ молебствіе со двора на дворъ. Наполюхалъ одну деревню, отмолилъ, чорта наладилъ въ другую — отлично!

Всѣ расхохотались.

— Нонѣ, батюшка мой, мужики и въ чертей-то плохо стали вѣрить, — рассказывалъ староста-мельникъ: бывалыча, идетъ мужикъ обополь бучила на мельницѣ, шапку снимаетъ, крестится, какъ бы не вылѣзъ изъ бучила чортъ и не сграбасталъ его, а нонѣ, анамесъ, Сысойка Повитушкинъ оперся на перила, курить трубку, смотреть, плюетъ въ бучило и толкуетъ: кто это придумалъ, что въ бучилѣ черти водятся? ай ужъ онъ дуракъ, чтобы въ экой мокрединѣ водиться... Не то время пришло. Не запугать вамъ чертями мужиковъ, Юрій Селиверстовичъ. И прасолу плохо пришло, а отчего? — оттого, что народъ поумнѣлъ, не больно развѣсвить уши на базарѣ. Въ базарный день еще что-нибудь сорвуть, а въ будни плохо имъ.

— Дѣйствительно, жалкіе у насъ люди — это уѣздное мѣщанство, — замѣтилъ Юрій Селиверстовичъ: собрался я палить свинью, приходитъ мѣщанинъ, спрашиваетъ, нѣтъ ли продажнаго чего? Говорю: нѣтъ, отвяжись, некогда, надобно свинью палить. Давайте, говорить, я опалю и убегу первый сортъ, по-московскому, ваши работники ей бокъ прожгутъ, а вы, за работу — хоть пообѣдать дайте мнѣ, не ѣвши патаюсь другой день, а дома и не знаю, жива-ли семья. — Ну, говорю, пали. А самъ боюсь, не осмотрѣлъ бы онъ у меня запоры въ конюшнѣ.

— И все это невѣжество деревенское создало у насъ такихъ людей, позволяя имъ себя обирать, — замѣтилъ одинъ изъ гостей. — Почему они жмутся въ городъ, не ищутъ работы, мало-ли: въ имѣніяхъ, на чугунокъ, на фабрикахъ, на заводахъ, они вѣдь сильные, быками высматриваютъ.

— Въ томъ-то и штука, что они вѣкъ свой привыкли только свои руки запускать, куда слѣдуетъ, — порѣшилъ мельникъ. — Я ужъ пробовалъ, наймалъ ихъ подъ кули-то — не модель.

— Въ работу не годятся, — подтвердилъ арендаторъ, — я тоже пробовалъ. Имъ такъ, стащить что-нибудь — это ихъ дѣло.

— Главное, — ихъ много; помиуйте, въ нашемъ городишкѣ до трехъ тысячъ одного мужеска пола, женска навѣрно больше;

дѣйствительно, достойные сожалѣнія люди,—соболебновалъ одинъ батюшка. — Если ихъ послать въ Ташкентъ, въ Болгарію, въ Карсъ, въ Анатолю, что мы завоевали? Тамъ мѣста теплыя, онъ безъ заботы о топливѣ пролежитъ на солнышѣ свой вѣкъ.

— Не безпокойтесь, батюшка, нужда укажетъ дорогу всѣмъ: нужда заставитъ калачики печь, порѣшилъ имянинникъ о. Илья.

Разочарованный въ успѣхахъ предпринятой операціи развоза по уѣзду свѣчей, Никита Власичъ на обратномъ пути обдумывалъ предпріятіе новаго свойства, поближе къ натурѣ: «Или мнѣ удариться въ лошеводство?—соображалъ онъ,—или какъ кормится Антипка Ключковъ (кожами съ живыхъ коней), или купить ножичекъ повострѣй, для вырѣзки спинъ изъ енотовыхъ шубъ и изъ салоновъ по всенощнымъ въ церквахъ и разныхъ сумокъ по вокзаламъ?»...

А. И. Краснопольскій.

ПОДОХОДНЫЙ НАЛОГЪ

съ

ФИНАНСОВОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ

L'homme est de glace aux vérités,
Il est de feu pour le mensonge.
La Fontaine.

IV.

Историческое развитіе идеи подоходнаго налога, и опытъ примѣненія ея въ Англіи во время Наполеоновскихъ войнъ, 1797—1815 гг.

Подоходный налогъ въ различныхъ странахъ, хотя и представляетъ различные виды и формы, на самомъ же дѣлѣ основанъ на одномъ и томъ же принципѣ и первообразомъ его послужилъ подоходный налогъ Англіи, которая и есть отечество этого источника дохода. Но и здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ существуетъ теперь, онъ явился не вдругъ, а постепенно, съ перерывами, которые всякій разъ вызывали новыя измѣненія въ томъ или другомъ направленіи. Къ тому же, тамъ подоходный налогъ никогда не узаконялся въ видѣ постояннаго, а всегда въ смыслѣ временнаго, чрезвычайнаго—до минованія надобности. Интересно то обстоятельство, что, какъ указываетъ Джонъ Синклеръ, ссылающійся на другихъ, всѣ акты, касающіеся этого налога, всегда тщательно уничтожались и сжигались, чтобы по возможности затруднить въ будущемъ всякую возможность возникновенія его. Извѣстный мыслитель XVI столѣтія, Бэконъ Верулемскій, высказываетъ въ одномъ мѣстѣ слѣдующее: «Это—уродливое порожденіе, выставленное на показъ

свѣту, чтобы извѣстно было, какое дѣяніе бываетъ возможно, и сокрытое затѣмъ историками, дабы міръ не могъ даже узнать того, что не можетъ или не должно быть совершаемо» ¹⁾. По объясненію Синклера, это «ненавистное чудовище» Бэкона, этотъ «безпримѣрный налогъ» былъ не что иное, «какъ подать (subsidy) на недвижимую и личную собственность, составлявшая 20 шиллинговъ съ каждаго рыцарскаго помѣстья, 20 пенсовъ съ каждаго фунта стерлинговъ земельного дохода, и 1 ш. съ каждаго фунта ст. отъ торговли и денежныхъ капиталовъ».

Первая попытка къ введенію подоходнаго налога въ Англіи можетъ быть отнесена къ началу XV столѣтія, къ собранію того парламента, который получилъ извѣстное въ исторіи названіе Парламента неучей (*Parlamentum indoctum*)—въ 1405 году, въ который допускались только тѣ изъ членовъ, которые считались несвѣдущими въ законахъ.

Указавъ, что подоходный налогъ въ Англіи, хотя такое названіе придано ему только послѣ 1803 года, имѣлъ всегда характеръ чрезвычайныхъ, обязательныхъ или добровольныхъ, субсидій, замѣтимъ, что такой же характеръ временнаго былъ приданъ и сбору, установленному В. Питтомъ въ 1798 г., въ виду войнъ, возникшихъ противъ Франціи съ 1793 г., но также отмѣненному вслѣдъ за Амьенскимъ миромъ въ 1802 году. Такъ какъ этотъ миръ былъ весьма непродолжителенъ и война возгорѣлась въ слѣдующемъ же году, то эта чрезвычайная субсидія была востановлена уже въ видѣ налога на собственность и доходъ (*property and income tax*) и явилась въ той формѣ, въ какой она существуетъ и теперь. Что подоходный налогъ возникалъ и имѣлъ всегда характеръ временности, вслѣдствіе чрезвычайной нужды, слѣдуетъ также изъ того, что непосредственно за Ватерлоо, вслѣдъ за ссылкой Наполеона на островъ Елены, онъ былъ отмѣненъ. Какъ указываютъ историки, залы парламента никогда еще не оглашались такимъ громомъ рукоплесканій, какъ тѣ, которые привѣтствовали отмѣну его. По предложенію лорда Брума, принятому парламентомъ, чтобы навсегда отвратить возможность востановленія его, были преданы соженію всѣ документы, относящіеся къ этому дѣлу.

За отмѣною въ 1815 г. слѣдуетъ періодъ времени до 1842 года безъ подоходнаго налога. Въ этомъ году, по предложенію Роберта Пила, несмотря на оппозицію, подоходный на-

¹⁾ John Sincler, History of the public revenue of the British Empire, London, 1790.

логъ былъ возстановленъ. Этотъ же самый Р. Пиль въ 1833 г., когда онъ былъ членомъ парламента и оппозиціи, при обсужденіи предложенія о сбавкѣ акциза съ солода, предупреждалъ, что канцлеръ казначейства, предлагая избавить теперь отъ легкаго бремени солодового акциза, въ непродолжительномъ времени, угоститъ «кнутомъ подоходнаго налога». Благодаря краснорѣчію, съ которымъ онъ развивалъ неизбежность «кнута», благодаря искусству, съ которымъ онъ развивалъ тему облегченія, путемъ сложенія и уменьшенія разныхъ налоговъ и таможенныхъ пошлинъ на предметы потребления, предложеніе его было принято и явился цѣлый уставъ съ 194 статьями. Доводы и рѣчь его произвели такое впечатлѣніе, что и королева Викторія поспѣшила представить заявленіе, что она съ готовностію присоединяется къ тому, чтобы этотъ налогъ былъ распространенъ и на ея личные доходы ¹⁾. Въ виду предложенія Р. Пила въ 1842 г. нельзя не задаться вопросомъ: въ какомъ же случаѣ было больше искренности съ его стороны, въ 1833 или 1842 г.?

Возстановленіе налога въ 1842 г. обусловливалось срокомъ трехъ лѣтъ, за истеченіемъ которыхъ однако срокъ снова продолжень, затѣмъ еще на три года, и сохраняется до сихъ поръ.

Въ 1851 и 1860 гг. были въ Англіи назначены парламентскія коммиссіи для изслѣдованія положенія дѣла, и оба раза эти изслѣдованія приводили къ заключенію относительно множества неудобствъ и неравенства въ смыслѣ справедливости, соединенныхъ съ обстановкою и ходомъ дѣла. Къ участию въ одной изъ такихъ коммиссій былъ приглашенъ и Д. С. Милль. Нельзя оставить безъ вниманія двухъ мнѣній одного и того же человѣка, двухъ мнѣній, совершенно противоположныхъ одно другому. Я говорю о Гладстонѣ. Вотъ что высказывалъ послѣдній. «Это (income tax)—тотъ самый исполинъ, который охранялъ Великобританію въ эпоху войны съ Франціею, который былъ призванъ въ 1842 г. на помощь для совершенія экономическихъ преобразованій и развитія мирнаго промышленнаго труда». Но это не остановило Гладстона сказать также слѣдующее: «однако между мѣрами приложенія этого налога возникаютъ такія, которыя настолько тягостны, даже можетъ быть невозможны, что во всякомъ случаѣ нужно желать, чтобы этотъ налогъ не былъ сохраненъ, какъ постоянный и обыкновенный источникъ дохода. Ощущеніе неравенства, связаннаго съ нимъ, — обстоятельство само-по-себѣ чрезвычайно важное. Разысканія, имѣющія мѣсто для опредѣ-

¹⁾ Vocke, W. Geschichte der Steuern des britischen Reichs. Leipzig, 1862.

ленія размѣра обложенія, вызываютъ самыя невыносимыя неудобства; подлоги же, отъ того происходящія—такое зло по преимуществу, которое можно осуждать только самыми энергическими выраженіями. Несмотря на это, предпринять устраненіе этихъ недостатковъ значило бы отдаться уже не геркулесовой работѣ, потому что такая была по плечу Геркулесу и онъ ее оканчивалъ съ успѣхомъ, но *работу, послѣдствія которой, въ виду несообразностей и нелѣпостей, не могущихъ не обнаружиться при этомъ, вызвать отмѣну источника, который нужно сберечь про черный день*¹⁾.

Сопоставляя мнѣніе Гладстона съ тѣмъ, которое высказывалъ другой государственный мужъ — Тьеръ, притомъ также въ минуты безпримѣрно чрезвычайныхъ обстоятельствъ, безпримѣрно мрачныхъ дней, нельзя не видѣть двухъ мнѣній, совершенно противоположныхъ. Ниже мы увидимъ, на какой сторонѣ истина.

Теперь, когда мы ознакомились съ тѣми разнорѣчивыми сужденіями, которыя соединяетъ съ собою подоходная подать, можно перейти къ изложенію, насколько практика и опытъ осуществленія идеи этого налога оправдываютъ мнѣнія тѣхъ поборниковъ, которые отстаивали и отстаиваютъ этотъ источникъ государственнаго сбора. Такъ какъ мы имѣемъ почти полный запасъ данныхъ, притомъ официальныхъ, по отношенію какъ питтовскаго, такъ и пилевскаго налога, то мы и остановимся на изученіи опыта примѣненія въ Англіи, имѣя въ виду два начала, характеризующія условность введенія его.

Расходы по случаю затянувшейся войны съ Франціею, превзошедшіе всякія ожиданія, неминуемо должны были повлечь за собою изысканіе новыхъ мѣръ для покрытія этихъ расходовъ. Такъ какъ чрезвычайныя возвышенія всѣхъ размѣровъ военныхъ и прямыхъ налоговъ не удовлетворяли увеличивающихся потребностей казначейства, то В. Питтъ, бывшій тогда во главѣ управленія, предложилъ въ 1797 г. дополнительный сборъ, съ распределеніемъ его сообразно съ суммою прежде платимою, предполагая, что это будетъ налогъ на доходы, хотя взносы совершались тѣмъ же порядкомъ, какъ и прямые налоги «assessed taxes». Предложеніе было принято, не безъ жаркихъ возраженій со стороны оппозиціи, и явился актъ, подъ названіемъ «An Act for granting to His Majesty an aid and contribution for the prosecution of the war», т.-е. «Актъ дарованія его величеству пособія и субсидіи на продолженіе войны». На основаніи этого

¹⁾ E. Parieu, Traité der impots, Paris, 1863.

акта установленъ добавочный къ прежнимъ прямымъ налогъ на лицъ, получающихъ доходъ свыше 60 ф. стерл. Но такъ какъ этотъ источникъ въ 1798 г. доставилъ всего 1.670,968 ф. стерл., то въ декабрѣ того же года Питтъ внесъ предложеніе замѣнить этотъ сборъ настоящимъ подоходнымъ налогомъ. Онъ предлагалъ установить постепенное увеличеніе размѣра оклада съ доходовъ отъ 60 до 200 ф. ст.—такимъ образомъ, чтобы доходъ

въ 60—65 ф.	облагался	$\frac{1}{120}$.
" 65—70 "	" "	$\frac{1}{95}$.
" 70—75 "	" "	$\frac{1}{70}$.
" 80—85 "	" "	$\frac{1}{55}$.
и т. д.		
" 150—155 "	" "	$\frac{1}{20}$.
" 200 и выше не болѣе	" "	$\frac{1}{10}$.

При такихъ основаніяхъ, прогрессивность налога въ первомъ ея опытѣ простиралась только на низшіе размѣры доходовъ.

По вычисленіямъ В. Питта, такъ какъ общій ежегодный доходъ англичанъ составлялъ 102.000,000 ф. стерл., то онъ надѣялся на цифру сбора въ 10 мил. ф. ст. Сборъ этотъ назначался для той же цѣли, какъ и установленный въ предыдущемъ году, и въ силу вступалъ съ 5 апрѣля 1798 г. Но ожиданія его не сбылись: при разсмотрѣніи бюджета въ іюнѣ 1799 г. онъ заявилъ, что можно рассчитывать только на 7.500,000 ф. ст., а въ февралѣ 1800 г. и эту цифру уменьшилъ до 6.200,000 ф. стерл., и только, въ случаѣ новыхъ измѣненій, предполагалъ рассчитывать на 7.000,000 ф. ст. Но въ засѣданіи 18 февраля 1801 г. объявилъ, что онъ ошибся въ расчетѣ и едва ли можно ожидать болѣе 6.000,000 ф. ст. Эти недополученія вызывали возвышенія размѣровъ акцизовъ, актовыхъ налоговъ, почтовой таксы. Эти возвышенія составили: на 3 милл. ф. ст. въ 1802 г., на 8 милл. ф. ст. въ 1803 г. и на 1 милл. ф. стер. въ 1804 г.

Чтобы показать, насколько не оправдывались предположенія Питта относительно возможныхъ величинъ полученій отъ подоходнаго налога, я приведу цифры поступленій послѣдняго въ слѣдующіе годы:

въ 1798 г.	1.670,968 ф. ст. (съ 5 апр. 1798 г.)
" 1799 "	1.020,298 " "
" 1800 "	4.513,088 " "
" 1801 "	5.804,515 " "
" 1802 "	8.327,435 " " (отмѣненъ съ 5 апр. 1802 г.).

Поступленія въ государственное казначейство, очевидно, далеко не соответствуютъ ожидавшимся величинамъ въ 10, 7 и 6

милл. фун. стерл.! Выручали, по прежнему, возвышенія другихъ налоговъ, составившія за три года сумму около 12 милл. ф. ст. Интересно, что въ парламентѣ при обсужденіи питтовскаго предложенія, глава оппозиціи Фоксъ указывалъ на «эту подать, какъ на послѣдствія гнуснѣйшаго деспотизма и какъ на переходъ къ крайнему произволу и грозилъ всевозможными бѣдствіями, которыя не замедлятъ произойти отъ того» ¹⁾. Нужно при этомъ также упомянуть, что, не задолго передъ Амьенскимъ миромъ 1802 г., представители лондонскихъ промышленниковъ и собственниковъ подавали петицію въ парламентъ, въ которой указывали, что «подходная подать вызвала дороговизну на всѣ предметы потребленія, что имѣло слѣдствіемъ увеличеніе налога въ пользу бѣдныхъ, что она явно несправедлива, такъ какъ не дѣлаетъ различія между доходами постоянными, т.-е. съ недвижимостей, и временными, случайными—съ промысловъ и занятій; что она противорѣчитъ свободѣ и общественной нравственности, такъ какъ обуславливается приемами инвизитціи, едва ли не худшей, чѣмъ бывшая испанская, и ведетъ къ подлогу и ложной присягѣ».

Отсутствіе питтовскаго подоходнаго налога было, впрочемъ, непродолжительно. Въ слѣдующемъ же году война съ Франціею возгорѣлась снова, и бывший во главѣ управленія Аддингтонъ предложилъ возстановить подоходную подать съ 5-го апрѣля 1803 г. подъ названіемъ property tax, на нѣсколько иныхъ основаніяхъ, какъ относительно размѣра, такъ и процесса взиманія. Величина дохода, подлежащаго обложенію, начиналась также 60 ф., но въ размѣрѣ не 2, а 3 пенсовъ съ фунта, постепенно возраставшемъ до 12 пенсовъ при величинѣ дохода въ 150 ф. вмѣсто 200, какъ въ 1798 г. Начиная же съ цифры дохода въ 150 ф., взималось по 1 шилл. съ каждаго фунта безразлично. Слѣдовательно, налогъ составлялъ отъ $\frac{1}{80}$ для низшихъ доходовъ, до 5% для высшихъ, тогда какъ въ 1798 г. отъ $\frac{1}{120}$ для низшихъ, до 10% для высшихъ—свыше 200 ф. стер.

Что касается процесса взиманія,—всѣ источники доходовъ были подведены подъ одинъ изъ слѣдующихъ 5 классовъ (Shedules A. B. C. D и E).

1-й классъ (Sh. A.). Доходы отъ всякихъ земельныхъ угодій, построекъ, рудниковъ, каналовъ, рыбныхъ промысловъ, получаемые на основаніи правъ собственности.

¹⁾ Vocke, Geschichte etc.

2-й классъ (Sh. B.). Доходы, получаемые съ земельныхъ угодій на основаніи права пользованія или аренды.

3-й классъ (Sh. C.). Доходы отъ купоновъ, дивидендовъ и вообще процентовъ съ капиталовъ, находящихся въ предпріятіяхъ, какъ частныхъ лицъ, такъ и компаній и обществъ.

4-й классъ (Sh. D.). Доходы отъ промысловъ и занятій, избѣжавшихъ обложенія по одному изъ предыдущихъ классовъ.

5-й классъ (Sh. E.). Жалованья, пенсіи и всякое текущее вознагражденіе за службу, какъ частную, такъ и общественную или государственную.

Установленіе этихъ подраздѣленій послужило къ тому, что сборщикъ обращаетъ свои разысканія не на лицо, а на предметъ, такъ сказать, на источникъ дохода при самомъ его возникновеніи. По системѣ Питта, доходъ опредѣлялся посредствомъ огульныхъ показаній самого лица, безъ объясненій источниковъ дохода. По Аддингтону, не спрашивается объ общемъ доходѣ лица, а ислѣдуется и разыскивается самый источникъ дохода. Питтовскій подоходный налогъ есть, такъ сказать, личный, субъективный; аддингтоновскій — предметный или объективный. Сборщикъ не имѣетъ дѣла съ каждымъ акціонеромъ, съ каждымъ участникомъ въ предпріятіи, а разыскиваетъ размѣръ обложенія съ управленія дѣлами предпріятія. Если имущество находится въ пользованіи у другого, то послѣдній вноситъ, по окладу, какъ часть, причитающуюся на его долю, какъ арендатора, такъ и ту часть, которая приходится на долю собственника, и которую арендаторъ уже удерживаетъ изъ причитающейся послѣднему арендной платы. Если при этомъ собственность или имущество находится въ залогѣ у третьяго лица, то собственникъ удерживаетъ изъ суммы процентовъ, слѣдующихъ кредиту, ту долю, которая упадетъ на налогъ. Послѣдній же, если докажетъ, что доходъ его не превышаетъ установленной нормы обложенія (60 ф.), можетъ получить ихъ обратно изъ казначейства, какъ излишне взятые. Слѣдовательно, сборщикъ, получивъ налогъ съ одного арендатора, удовлетворяетъ казну какъ по отношенію къ доходамъ арендатора (Sh. B.), и собственника (Sh. A.), такъ и по отношенію къ получающему дивидендъ съ капитала (Sh. C.) — по тремъ категоріямъ одновременно. Организовавши такимъ образомъ подоходный налогъ, Аддингтонъ надѣялся получить 4.500.000 ф. стерл. Но и новый увеличенный размѣръ оклада оказался недостаточнымъ. Съ 5-го апрѣля 1805 г. Питтъ, снова вступившій въ управленіе, возвысилъ размѣръ обложенія на $1\frac{1}{4}\%$. А съ 5-го апрѣля 1801 г., когда во главѣ управленія былъ бывшій

яримъ ненавистникомъ налога Фоксъ, размѣръ обложенія возвышенъ до 10⁰/₀, и норма облагаемаго дохода понижена до 50 ф. стер., вмѣсто прежнихъ 60 ф., и къ предметамъ обложенія отнесены также и дивиденды отъ государственныхъ бумагъ, которые до сихъ поръ не были трогаемы и неприкосновенность которыхъ, во имя государственнаго кредита, особенно горячо всегда отстаивалъ Фоксъ. Возвысивши до 10⁰/₀, онъ обѣщалъ парламенту, что это будетъ крайній предѣлъ, за который онъ не позволитъ себѣ переступить. Этотъ же самый Фоксъ въ 1805 году, возражая Питту по поводу увеличенія размѣра обложенія на 1¹/₄⁰/₀, развивалъ, «что если утвердить 1¹/₄⁰/₀, то министерство не много спустя будетъ требовать 50⁰/₀, затѣмъ 75⁰/₀ и, наконецъ, сдѣлается владѣльцемъ всѣхъ имуществъ и состояній» (Voske).

Слѣдующія цифровыя данныя показываютъ, насколько развивалась съ 1803 года финансовая сторона подоходнаго налога.

Въ 1803 г.	384,613 ф. ст.	Въ 1810 г.	13.492,337 ф. ст.	Въ 1817 г.	2.311,530 ф. ст.
„ 1804 „	3.687,581 „ „	„ 1811 „	13.210,928 „ „	„ 1818 „	580,771 „ „
„ 1805 „	4.592,314 „ „	„ 1812 „	13.065,195 „ „	„ 1819 „	171,188 „ „
„ 1806 „	6.159,087 „ „	„ 1813 „	14.273,587 „ „	„ 1820 „	46,176 „ „
„ 1807 „	10.155,042 „ „	„ 1814 „	14.515,218 „ „	„ 1821 „	44 3/6 „ „
„ 1808 „	11.403,301 „ „	„ 1815 „	14.617,968 „ „	—	—
„ 1809 „	12.410,385 „ „	„ 1816 „	11.797,378 „ „	—	—

Налогъ, основанный Питтомъ и послужившій образцомъ и основаніемъ для введенія его въ другихъ странахъ, просуществовалъ 18 лѣтъ, доставивъ сумму сбора въ 150.359,771 ф. стер. и оставилъ послѣ себя недоимку въ 15.000.000 ф. стерл., или около 10⁰/₀ всего сбора, притомъ за періодъ времени весьма непродолжительный, если вспомнимъ, что передъ 1803 г. въ 6 лѣтъ недоимка составляла около 1¹/₂ милл. фун. стерл., т.-е. менѣе годового оклада, тогда какъ теперь, по отношенію къ годовому окладу, почти равна ей. Такой результатъ краснорѣчивѣе всякихъ доводовъ противниковъ подоходнаго налога подтверждаетъ его тягость и несостоятельность. Мы остановимся на разсмотрѣніи этой недоимки.

Едва ли какой другой источникъ дохода оставлялъ послѣ себя такую, относительно, значительную долю недоимки. У насъ, на примѣръ, за 20 лѣтъ послѣ 1856 г., когда прощены недоимки, ихъ накопилось, несмотря на строгость взысканія, около 40 мил. рублей, т.-е. не болѣе 20⁰/₀ годового оклада. При томъ же, у насъ не существуетъ основного начала соразмѣрности подати съ достаткомъ.

Чѣмъ же объяснить, какъ не тягостью самой подати, если за 12 лѣтъ существованія—недоимки составили полный годовой окладъ? И при какихъ условіяхъ? При существованіи соразмѣрности съ доходомъ, опредѣляемымъ самимъ плательщикомъ, при увольненіи отъ права взноса подати въ случаѣ если доходъ не достигаетъ величины 50 ф. стерл., что по металлической валютѣ составляетъ около 315 р. сер., а по курсу настоящей минуты около 500 рубл.! Притомъ, въ Англіи существуетъ драконовъ законъ объ отвѣтственности приходской общины за ея членовъ. Въ виду огромной недоимки нужно полагать, что послѣдній законъ существуетъ только на бумагѣ, что подтвердило бы замѣчаніе Фокса относительно крайняго деспотизма, соединяемаго съ регламентаціею подоходнаго налога, или, что послѣдній въ дѣйствительности тягостенъ и невыносимъ. Притомъ же, оцѣнки доходовъ крайне низки и значительная часть налога вносится помимо прямого участія плательщика.

Возможно, что недоимки явились также и оттого, что временно возвышались и размѣры налоговъ на другіе предметы обложенія, увеличеніе которыхъ составило по соразмѣрности до 30 милліоновъ фунт. стерл., причемъ большинство акцизовъ и пошлей чрезмѣрно возвышены—едва ли не вдвое. А это повлекло за собою неминуемое возвышеніе цѣны многихъ предметовъ потребленія, что не могло не отразиться на трудности взноса и самой подоходной подати. Съ другой стороны, отнятіе у членовъ общества извѣстной части ихъ дохода или выручки, очевидно, уменьшало у нихъ возможность расходовать различные предметы потребленія. Значитъ, нужно допустить, что если не на всю цифру, то на нѣкоторую часть подоходной подати уменьшались сборы казначейства съ другихъ источниковъ, которыхъ тогда было очень много и которые невозможно было обойти. Слѣдовательно, подоходный налогъ какъ тягостенъ для общества, такъ нерационаленъ съ финансовой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія государственнаго казначейства. И если Фоксъ и другіе ораторы такъ нещадно громили этотъ источникъ дохода, называя его проявленіемъ деспотизма, то не безъ основанія, если взять въ соображеніе данныя, уже приведенныя. Нельзя упустить изъ вида также того обстоятельства, что едва-ли какой либо другой источникъ вызывалъ столько заявленій протеста, осужденій проекта введенія и вмѣстѣ съ тѣмъ столько выраженій радости при отменѣ, какъ этотъ налогъ.

Характерную оцѣнку подоходнаго налога мы можемъ сдѣлать также, сопоставивъ слѣдующія данныя: по правительственнымъ

отчетахъ, расходы по случаю войны съ Франціею съ 1793 по 1815 г. составили сумму въ 831 милл. ф. ст.; однихъ субсидій въ пользу государствъ, союзныхъ Англіи, выдано до 58 милл. ф. ст., изъ которыхъ около 10 милл. выпали на долю Россіи. Цифра 831 милл. ф. не маловажна ¹⁾; на американскую войну (1776—1785 г.) израсходовано только 97 милл., на крымскую (1855—1856 г.) 70 милл. ф. ст. на основаніи официальныхъ отчетовъ. Къ началу 1793 г. долгъ Великобританіи составлялъ 240 милл. ф. ст., — увеличился, слѣдовательно, на сумму 621 милл. ф. ст. Избытокъ расхода на войну—въ 210 милл. ф. покрывался, очевидно, изъ бюджетныхъ поступлений. Мы видѣли выше, что общая сумма подоходнаго сбора за все время войны составила 150 милл. ф. ст. Слѣдовательно, этимъ источникомъ не покрывался избытокъ расхода.

Чтобы составить сравнительную оцѣнку, въ финансовомъ отношеніи, различныхъ категорій налоговъ, я приведу среднія величины поступленія ихъ съ 1786 г. по пятилѣтіямъ:

ГОДЫ	Таможенныя пошлыны и акц. сборы.	Прямые налоги и почта.	ВСЕГО.	Увеличеніе каждаго пятилѣтія сравнит. съ 1786—1790
	ф у н т о в ъ с т е р л и н г о в ъ .			
Съ 1786—1790	11.988,000	4.559,000	16.542,000	—
„ 1791—1795	14.085,000	4.825,000	18.860,000	2.318,000
„ 1796—1800	16.649,000	7.090,000	23.740,000	17.198,000
„ 1801—1805	28.187,000	10.279,000	38.466,000	21.924,000
„ 1806—1810	38.187,000	14.757,000	52.688,000	36.146,000
„ 1811—1815	41.740,000	16.945,000	58.688,000	42.146,000

Я останавлиюсь на этихъ цифрахъ, чтобы объяснить всю ихъ поучительность. Предполагая, что періодъ съ 1793 по 1815 былъ періодомъ застоя и даже упадка развитія народнаго благосостоянія, что весьма естественно вслѣдствіе войны, вызывавшей всевозможныя жертвы и тяжкіе налоги. Допуская послѣднее, нужно ожидать скорѣе уменьшенія, чѣмъ возрастанія, какъ окладныхъ, такъ и неогладныхъ сборовъ. Но это ли мы видимъ въ только что приведенныхъ цифрахъ? Напротивъ, мы замѣчаемъ возрастаніе ихъ на 10⁰/₀, 100⁰/₀, 130⁰/₀, 225⁰/₀ и 360⁰/₀. Такъ какъ въ этотъ же періодъ времени размѣры всѣхъ акцизовъ и пошлынъ возвышены, по соразмѣрности ожиданія, на 30 милл. ф. ст.

¹⁾ Считаю 1 ф. стерл. въ 25 франковъ, или въ 10 руб. (по курсу) получается сумма въ 20,775.000,000 фр. или 8.810.000.000 кред. рублей.

(около), то станетъ понятнымъ и причина возрастанія. Допуская, что средняя величина сбора въ 16 милл. ф. за 1786—1790 г. есть нормальная для сравненія, мы увидимъ, что весь излишекъ суммы сборовъ, вслѣдствіе возвышенія, составлялъ за все время до 1815 г. 590 милл. ф. ст. Эти 590 милл. со 150 милл., полученными отъ подоходнаго сбора, составляютъ 740 милл. ф. ст. Прибавляя къ послѣднимъ 620 милл., приобретенныхъ посредствомъ займа, мы имѣемъ 1,360 милл. ф. ст.—такова, по-моему, должна быть истинная финансовая стоимость войны 1793—1815 годъ ¹⁾).

По отношенію къ этой общей цифрѣ расхода на войну, сумма подоходнаго сбора за время съ 1798 г. по 1815 г. составляетъ всего 11⁰/₀; по отношенію къ суммѣ однихъ займовъ за тотъ же періодъ въ 620 милл. ф. — 25⁰/₀, а съ суммы увеличенія по остальнымъ окладнымъ и неокладнымъ сборамъ (590 милл.) — нѣсколько менѣе 25⁰/₀. Въ виду всего этого не правильнѣ ли было вовсе не прибѣгать къ подоходному налогу, не правильнѣ ли было ограничиться только займами и возвышеніями существующихъ акцизныхъ сборовъ, или только одними займами и умѣренными возвышеніями налоговъ на другіе источники? На основаніи этихъ и совокупности многихъ другихъ соображеній, можно склониться къ выводу, что введеніе подоходнаго сбора въ Англіи В. Питтомъ и его продолжателями было ошибкою, было плодомъ недоразумѣнія.

V.

Экономическій прогрессъ Англіи въ періодъ отсутствія подоходнаго налога, съ 1816—1841 г.

Ознакомившись съ экономическимъ и финансовымъ значеніемъ Питтовскаго подоходнаго налога, отмѣненнаго въ 1815 г., узнавши, насколько установленіе этого источника, ради увеличенія государственнаго дохода, имѣло отрицательный характеръ, намъ остается разсмотрѣть, насколько этотъ налогъ имѣетъ значеніе въ смыслѣ реформы податной системы. При этомъ, разумѣется, предполагается, что съ нимъ соединяется условіе болѣе равномернаго распредѣленія тягостей, вызываемыхъ нуждами государственной казны. Примѣненіе его на этомъ основаніи, какъ соответствующемъ вто-

¹⁾ По курсу послѣднихъ дней это составляетъ на наши деньги 13.600.000.000 руб. а по металлической валютѣ 8.568.000.000 руб. или 84.000.000.000 франковъ

рому изъ принятыхъ нами началъ для оцѣнки умѣстности введенія его, мы находимъ въ Англіи въ 1842 г., когда во главѣ управленія былъ Р. Пилъ.

Но что совершалось тамъ въ періодѣ съ 1815 по 1842 г.—эти 27 лѣтъ отсутствія подоходнаго налога? какъ шло развитіе народныхъ хозяйства и богатства за эту четверть столѣтія?—вотъ вопросъ, котораго нельзя обойти, какъ для уясненія будущаго новаго положенія подоходнаго налога, такъ и въ дополненіе къ уясненію и утвержденію въ тѣхъ выводахъ, къ которымъ привело насъ ознакомленіе съ налогомъ въ первый періодъ его существованія до 1815 года.

Если принимать, вмѣстѣ съ А. Смитомъ, одно изъ слѣдующихъ состояній народнаго развитія: преуспѣянія, застоя или неподвижности и упадка, то, на основаніи имѣющихся статистическихъ данныхъ относительно Великобританіи, мы должны сказать, что въ періодъ съ 1816 по 1841 г. развитіе народной жизни въ Великобританіи имѣло характеръ состоянія преуспѣянія, тогда какъ въ періодъ 1793—1815 г.—состоянія застоя и даже упадка. Но этотъ выводъ не долженъ давать права къ заключенію, что такое различіе состояній вызывалось однимъ подоходнымъ налогомъ. Далеко нѣтъ; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ или третьемъ проявленіи принимаетъ всегда участіе совокупность условій, а между послѣдними присутствію или отсутствію подоходнаго налога принадлежитъ не маловажная доля, о величинѣ которой можно себѣ составить представленіе на основаніи уже сказаннаго прежде. Слѣдующія данныя послужатъ къ уясненію этой величины.

Мы видѣли выше, что возвышеніе всѣхъ разнообразныхъ акцизовъ и пошлинъ, по размѣру ожиданій, не считая подоходнаго налога, на 30 милл. ф. ст. около, въ періодъ 1796—1815 г. вызвало увеличеніе суммы сборовъ съ этихъ источниковъ съ 16 до 59 милл. ф. ст. около; слѣдовательно, гораздо больше, чѣмъ норма возвышенія. Мы должны признать потому, что развитіе народное можетъ быть отнесено не къ состоянію упадка, а скорѣе къ состоянію только застоя, если не слабаго преуспѣянія. Въ самомъ дѣлѣ, не могло же быть увеличенія сбора выше нормы возвышенія, безъ того, чтобы не увеличивалось потребленіе различныхъ предметовъ, а послѣднее увеличеніе соотвѣтствуетъ общей цифрѣ 29 милл. ф. ст. въ послѣдніе годы, изъ чего выводится, что средства населенія и въ годы періода «состоянія застоя» увеличивались. И это при существованіи подоходнаго налога, искалѣчивавшаго средства населенія на 15 милл. ф. ст.

ежегодно! Что же могло произойти какъ не быстрое развитіе благосостоянія, какъ не быстрое возрастаніе всѣхъ остальныхъ источниковъ государственнаго сбора, вслѣдствіе отмѣны подоходнаго налога, т.-е. оставленія части дохода въ распоряженіи гражданъ? Насколько быстро было это развитіе, насколько народное хозяйство перешло въ состояніе преуспѣянія, мы увидимъ изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ годы съ 1816—1830 г., т.-е. за 15 лѣтъ, различныхъ пошлинъ и акцизовъ уменьшено на сумму въ 20 милл. ф. ст., на каковую сумму и нужно было бы ожидать уменьшенія поступленій въ государственную казну. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, поступило мевьше только на 3—4 милл. ф. ст., какъ въ 1830 г., такъ и передъ этимъ годомъ. Можно было бы на основаніи этого подумать, что, значить, отмѣна 15 милл. подоходнаго налога вызвала увеличеніе на всѣхъ другихъ источникахъ на эти 15 миллионѡвъ. И если вспомнить всѣ мои доводы, приведенные прежде, то эти цифры служатъ только подтвержденіемъ сказаннаго прежде. Но состояніе преуспѣянія еще лучше обнаружилось въ слѣдующія 5 лѣтъ. Съ 1830—1835 г. уменьшеніе акцизовъ и пошлинъ составило сумму всѣхъ пониженій еще на 8 милл. ф. ст.; доходы же въ совокупности уменьшились только на 4 милл. ф. ст. противъ предыдущаго. Въ слѣдующемъ 1836—1840 г. уменьшены еще на 2 милл., но поступления остались въ нормѣ предыдущихъ годовъ. Въ годъ, предшествующій 1842-му, когда возстановленъ Робертомъ Пилемъ подоходный налогъ, сумма всѣхъ поступленій составляла 51 милл. ф. ст., т.-е. на 7 милл. ниже maximum'a поступленій во время наивысшихъ размѣровъ акцизовъ и всѣхъ обложеній. За весь этотъ періодъ т.-е. съ 1816—1841 г. сумма всѣхъ пониженій составляетъ около 34 милл. ф. ст. Такъ какъ такое явленіе можно объяснить только возрастаніемъ потребленія, вслѣдствіе развитія благосостоянія, то мы должны сказать, что это развитіе почти безпримѣрно и едва-ли можно указать на другой подобный примѣръ въ какой-либо странѣ. Въ самомъ дѣлѣ, къ 1842 г. вслѣдствіе уменьшенія размѣровъ различныхъ налоговъ, въ томъ числѣ и подоходнаго, вся сумма сбавленій акцизовъ и пошлинъ составляла около 45 милл. ф. ст. Эту величину и можно принять, какъ ежегодную сумму тѣхъ сбереженій, которыя остались въ пользу развитія благосостоянія, и такъ какъ едва-ли одинъ изъ шиллинговъ или совереновъ былъ проглоченъ или утаенъ, то всѣ они и выразились въ возвышеніи и возрастаніи доходовъ казны, и въ развитіи всевозможныхъ промысловъ и торговли, какъ внутренней, такъ и виѣшней. Эти 45 милл. ф. ст. ежегоднаго сбереженія можно разсматривать какъ

сумму, употребляемую правительствомъ для поощренія развитія страны, которое не выражается тамъ ни въ министерствахъ земледѣлія или путей сообщенія, ни въ управленіи коннозаводства, какъ въ Пруссіи или Австріи, гдѣ ради этихъ учреждений приходится не добирать, а перебирать на всевозможныхъ акцизахъ и податахъ, такъ что различныя отрасли производства не только не могутъ развиваться и совершенствоваться, а скорѣе упадаютъ или неподвижны. Оттого же тамъ — дефициты и правильное возрастаніе займовъ, тогда какъ въ Англіи государственный долгъ съ 861 ф. ст. въ 1815 году уменьшился до 791 милл. ф. ст., въ 1841 году, слѣдовательно, на 70 милл. ф. ст.! Къ послѣдней цифрѣ нужно присоединить еще ту, которая въ размѣрѣ 17 милл. ф. ст. въ 1836 г. употреблена на вознагражденія рабовладѣльцевъ за освобожденіе невольниковъ на островахъ Вестъ-Индіи и Барбадосскомъ, а въ 1837 г. на М. Доброй Надежды, островахъ Мавриція и Виргинскихъ. Едва-ли такіе результаты были возможны безъ отсутствія подоходнаго налога!

Указаніе, что подоходный налогъ скорѣе не служитъ въ пользу бѣдныхъ, не подлежащихъ ему, можно подтвердить въ фактъ возрастанія привоза пшеницы, который за этотъ періодъ времени почти учетверился. Потребленіе ея могло увеличиваться только вслѣдствіе улучшенія благосостоянія менѣе имущихъ: зажиточные классы едва ли могли сокращать потребленіе ея даже и въ годы неурожаевъ и дороговизны. Важно также то обстоятельство, что суммы, затрачиваемыя на бѣдныхъ, возрастали изъ года въ годъ до 1815 и 1818 годовъ; затѣмъ постепенно упали до 1842 года, когда снова начинаютъ возрастать. Такъ какъ мысль о подоходномъ налогѣ въ Англіи сначала возникла изъ идеи вспоможенія бѣднымъ, то нельзя также не придти къ заключенію, что налогъ на богатыхъ, хотя и въ пользу бѣдныхъ, способствовалъ также увеличенію числа неимущихъ.

Подоходный сборъ никогда не распространялся на Ирландію и только въ 1853 году, по предложенію Гладстона, его ввели и въ этой части королевства. Парнэлъ, бывший короткое время канцлеромъ казначейства (1828 г.), авторъ извѣстнаго сочиненія «О реформѣ финансовъ», высказывалъ въ немъ мнѣніе о неумѣстности отмены подоходнаго налога въ Англіи и необходимости восстановленія его, взаменъ нѣкоторыхъ существующихъ акцизовъ и пошлинъ. Въ этомъ же сочиненіи онъ приводитъ, между прочимъ, статистическія данныя объ Ирландіи съ 1790 по 1830 годъ, изъ которыхъ оказывается, что Ирландія въ этотъ періодъ замѣчательно преуспѣвала. Возвышеніе всѣхъ пред-

метовъ потребления, отпуска и привозы по внѣшней торговлѣ шли въ возрастающей прогрессіи; собственно въ Англіи данныя обнаруживали застой и даже упадокъ — здѣсь наоборотъ. Причину этого явленія нельзя не объяснять частью отсутствіемъ подоходнаго налога; иное объясненіе противорѣчило бы всему, мною уже высказанному о значеніи подоходнаго налога. Такое же явленіе мы видимъ и въ Англіи собственно послѣ 1815 года. Всѣ доходы, подлежащіе оцѣнѣ, съ 1816—1841 годъ возрасли отъ 180 до 250 милл. фунтовъ стерлинговъ; внѣшняя торговля по привозу — отъ 30 до 62 милл. фунтовъ стерлинговъ, по отпуску — отъ 55 до 115 милл. фунтовъ стерлинговъ. Сводя всѣ данныя къ одному итогу, мы заключаемъ, что въ Англіи этотъ періодъ (1816—1841 годъ) представляетъ состояніе исполнскаго преуспѣянія — какъ въ экономическомъ, такъ и въ финансовомъ отношеніяхъ.

VI.

Періодъ возстановленія подоходнаго налога въ Англіи, ради экономическихъ и финансовыхъ реформъ.

Но и солнце не безъ пятенъ: чрезмѣрные уменьшенія пошлинъ и налоговъ не могли не вызвать и сокращенія въ бюджетныхъ доходахъ, такъ какъ уменьшеніе, не соотвѣтственно неизбѣжному возрастанію расходовъ, вызвало дефицитъ въ бюджетѣ, выразившійся на 1842 годъ въ цифрѣ $2\frac{1}{2}$ милл. фунтовъ стерлинговъ. Во главѣ управленія сталъ Робертъ Пиль, который ничего другого не могъ придумать, какъ предложить возстановить подоходный налогъ и, не надѣясь на успѣхъ проведенія проекта, запасася данными, настолько ласкающими воображеніе и идею общаго блага, что проектъ его былъ встрѣченъ при весьма слабой оппозиціи. Я не буду приводить его 4-часовую рѣчь, произнесенную имъ 11 марта 1842 года, во всей подробности, такъ какъ не могъ ея воспользоваться въ подлинникѣ, но позволю себѣ передать сущность ея въ томъ видѣ, въ какомъ она, по моему мнѣнію, соотвѣтствуетъ истинѣ. Предположимъ, что онъ говорилъ такъ:

Къ прискорбію моему, я долженъ начать мою рѣчь съ указанія, что вступаю въ дѣло далеко не при счастливыхъ обстоятельствахъ. Отъ моихъ предшественниковъ я получаю въ наслѣдіе недочетъ по государственному бюджету въ $2\frac{1}{2}$ милл. фунтовъ стерлинговъ. Горе это не было бы еще такъ велико, если бы съ этимъ не соединялось

то обстоятельство, что тактика моихъ предшественниковъ развила и подготовила общественное мнѣніе къ убѣжденію, что акцизы и пошлыны разныхъ наименованій, возвышая цѣну предметовъ потребления бѣдныхъ классовъ населенія, не могутъ и не должны составлять источника государственныхъ доходовъ. Къ тому же, на нашихъ глазахъ открыто проповѣдуется о несообразности для благосостоянія народа хлѣбныхъ таможенныхъ пошлынъ. Все это вмѣстѣ увеличиваетъ трудность моего положенія, цѣль котораго — восстановить равновѣсіе въ бюджетѣ. Трудность эта тѣмъ болѣе увеличивается, что мнѣ и вамъ хорошо извѣстно, насколько не всѣ источники дохода пользуются одинаковою степенью расположенія въ обществѣ. Трудность эта, прибавлю я, усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, которое вамъ тоже не безызвѣстно, что я всегда былъ противникомъ подоходнаго налога. Вы, вѣроятно, не успѣли еще забыть, что 9 лѣтъ тому назадъ, когда въ этой же залѣ предлагали сбавку акциза съ солоду, я протестовалъ, предсказывая, въ виду этой сбавки, неизбежность въ недалекомъ будущемъ возврата подоходнаго налога — этого кнута, какъ я тогда выражился. Но времена измѣняются, а съ ними и люди; умъ человѣческій шагаетъ впередъ великаномъ: то, что еще 10—15 лѣтъ тому назадъ казалось неопровержимой истиною, — теперь пошатнуто въ самомъ корнѣ. Этимъ однако я не хочу сказать, чтобы я измѣнилъ мое мнѣніе о подоходномъ налогѣ. Планъ реформы, который я представляю вашему благосклонному вниманію, укажетъ, что въ моихъ словахъ тогда и теперь нѣтъ противорѣчій, а развѣ метафора. Думаю даже, что планъ, который я буду имѣть честь развить предъ вами, скорѣе встрѣтитъ сочувствіе между вами, чѣмъ поводъ къ опроверженію.

Начну съ того, что вамъ не безызвѣстно, что, напримѣръ, французскія шелковыя ткани, ліонскіе бархаты, брюссельскія кружева, равно какъ и валансьенъ, которые такъ высоко уважаются вашими лѣди, — всѣ эти предметы изящныхъ вкуса и чувства, вслѣдствіе высокой таможенной пошлыны, оплачиваются дорого, и безъ преувеличенія можно сказать, что лѣди, которыхъ вы же снабжаете средствами изъ вашихъ доходовъ, переплачиваютъ, по крайней мѣрѣ, 30—50% ихъ дѣйствительной стоимости, что несомнѣнно, въ свою очередь, можно разсматривать какъ косвенный налогъ на ваши доходы. Но это не все: корица, гвоздика, ваниль, кардамонъ, составляютъ также нѣкоторую долю расходной части вашего бюджета, — притомъ неизбежную и немаловажную, такъ какъ лѣди ваши очень хорошо знаютъ вкусъ и значеніе гастрономіи, а будучи распорядителями дѣйствій вашего повара, ско-

рѣе прибѣгаютъ къ избытку расхода, этихъ произведеній тропиковъ, чѣмъ къ сокращенію ихъ, несмотря на высокій тарифъ. Я полагаю, что если таможенные пошлины на предметы указанной категоріи вовсе вычеркнуть изъ тарифа, то пониженіе цѣнъ на нихъ составитъ немаловажную для васъ долю сбереженія, что равносильно увеличенію вашихъ доходовъ. Но далеко не въ однихъ сдѣлкахъ таможенныхъ пошлинъ вы можете ожидать увеличенія вашихъ доходовъ и вашего въ семействѣ значенія. Вслѣдствіе удешевленія указанныхъ предметовъ, потребление ихъ увеличится: сосѣдка наша — Франція, отпускающая намъ больше своихъ шелковъ и кружевъ, потребуешь и отъ насъ въ обмѣнъ больше произведеній нашего труда, требованіе которыхъ увеличится и со стороны производителей острововъ Корицы и Ванили, такъ какъ неминуемо увеличеніе щедрости со стороны вашихъ люди, — щедрости, за которую вы не будете ихъ охуждать, а въ конечномъ результатѣ — эти увеличенія спроса, въ обмѣнъ на ваши, расширятъ рынки сбыта вашихъ произведеній, — другими словами, увеличатъ ваши доходы и значеніе и съ этой точки зрѣнія. Слѣдовательно, при новыхъ условіяхъ, въ которыя я поставлю подоходный налогъ, послѣдній теряетъ сходство съ кнутомъ, имѣющимъ право гражданства, несмотря на общество покровительства животнымъ, въ странахъ варварства и деспотизма. Уже и теперь вы можете согласиться, что это даже не бичъ, который только хлопаетъ, не трогая живого мяса. Но пойдемъ далѣе.

Вы, разумѣется, знаете, что $\frac{3}{4}$ вашихъ доходовъ складывается отъ произведеній земледѣлія, мануфактуръ и торговли; прибавимъ къ этому, что, можетъ быть, $\frac{3}{4}$ послѣднихъ упадаютъ на произведенія собственно земледѣлія, которыя, какъ извѣстно, нужны для всѣхъ и cadaго, помимо различія въ размѣрахъ обладанія достатками. А такъ какъ продажныя цѣны различныхъ произведеній зависятъ, съ одной стороны, отъ степени настоячивости спроса, ради удовлетворенія неизбѣжной потребности всѣхъ и cadaго, съ другой — отъ степени возможности придержаться со сбытомъ, что возможно при условіи обладанія избыткомъ достатковъ, то, на основаніи этого экономическаго начала, вамъ самимъ придется быть законодателями цѣнъ на ваши же произведенія, — другими словами, вы сами будете распорядителями средствъ возвысить ваши доходы и вознаграждать всякое возможное уменьшеніе его. Эта возможность будетъ, такъ сказать, прямо пропорціональна величинѣ вашего избытка, который только и входитъ въ расчетъ при установленіи предполагаемаго нами подоходнаго налога. И если вы, какъ и слѣдуетъ ожидать, по джентль-

менскимъ свойствамъ, вамъ присущимъ, удовольствуетесь самою незначительною долею возвышенія цѣны произведеній, источника вашихъ доходовъ, — произведеній, нужныхъ для всѣхъ и каждаго, то вы и этою долею вознаградите потерю въ вашихъ доходахъ, — потерю, какъ сами видите, скорѣе воображаемую, чѣмъ дѣйствительную, потерю, упдающую на вычетъ изъ вашихъ доходовъ, т.-е. подоходный налогъ.

Но, достопочтенные лорды и джентльмены, скажу также, что я отступилъ бы отъ преданій моей родины, которыя всѣ мы такъ глубоко чтимъ, если бы не удовлетворилъ общественнаго мнѣнія, громко взывающаго объ отмѣнѣ хлѣбныхъ пошлинъ. Программа, которую я начерталъ передъ вами, противорѣчила бы той плодотворной дѣятельности моихъ предшественниковъ, которую ознаменовалось послѣднее двадцатилѣтiе; она не соответствовала бы духу нашего законодательства, всегда пекущагося о немущихъ и во имя послѣднихъ установившаго налогъ на бѣдныхъ; скажу также, я былъ бы недостойнъ высокаго довѣрія, мнѣ оказаннаго, если бы оставилъ хлѣбные законы въ прежней ихъ силѣ, а потому и смягченіе послѣднихъ должно составить также одно изъ первыхъ моихъ дѣяній. Думаю, что едва ли кто-либо подниметь голосъ противъ этой мѣры. Но перейду къ нашему главному предмету.

Послѣ всего, выслушаннаго вами, я смѣло ставлю вопросъ: будете ли вы еще поддерживать, что подоходный налогъ — кнутъ? не согласитесь ли вы, напротивъ, что это даже не бичъ, только хлопающій, — не придете ли вы къ убѣжденію, что это даже не хлыстикъ? Съ моей же стороны, достопочтенные лорды и джентльмены, я смѣло подношу вамъ этотъ хлыстикъ, такъ какъ преподношу его вамъ не тѣмъ концомъ, который можетъ коснуться вашихъ джентльменскихъ плечъ или спинъ — нѣтъ — вамъ въ руки тотъ конецъ его, который принесетъ вамъ лавры стяжанія доходовъ на поприщѣ промышленныхъ предприятий, подобно тому, какъ такой же хлыстикъ вызываетъ граціозныя эволюціи коня, управляемаго рукою вашихъ лэди, гарцующихъ по нашему историческому Гайдъ-парку, — подобно тому, какъ этотъ же хлыстикъ въ искусныхъ рукахъ вашихъ грумовъ — прибавлю, несмотря на общество покровительства животнымъ — приноситъ вамъ лавры, стяжаемыя нашими «чистокровными» скакунами, записанными въ студъ-буки и составляющими нашу національную гордость, а предметъ зависти остальной Европы.

Робертъ Пиль, возстановляя подоходный сборъ въ 1842 году,

руководствовался двумя основаніями: 1) путемъ увеличенія суммы сбора вообще покрыть обнаружившійся дефицитъ; 2) не останавливаться на пути экономическихъ и финансовыхъ реформъ, начавшихся съ 1816 г. и выказывавшихся доселѣ въ уменьшеніи размѣровъ всевозможныхъ пошлей и акцизовъ. Насколько ниттовскій налогъ имѣлъ характеръ исключительно финансовый, настолько роберто-пилевскій могъ казаться реформаторскимъ. Последнее значеніе придавали ему въ разное время какъ экономисты, такъ и государственные люди; въ числѣ послѣднихъ я указывалъ выше на отзывъ Гладстона. На эту сторону его ссылались какъ на примѣръ, достойный подражанія, какъ на причину экономического прогресса Великобританіи, который обнаружился будто бы только со времени 1842 г. Очевидно, при этомъ забывали, насколько реформы въ періодъ времени съ 1816 по 1841 имѣли вліяніе и значеніе. Указавши выше на значеніе и вліяніе этихъ реформъ, я противорѣчилъ бы всему, до-сихъ-поръ мною сказанному, если бы не выразился такъ по отношенію къ реформѣ Р. Пила: то поступательное движеніе благосостоянія, то паденіе цѣнъ на всѣ предметы потребленія, которыми знаменуются 27 лѣтъ реформъ, предшествовавшихъ году возстановленія Робертомъ Пилемъ подоходнаго налога, какъ-бы задержалось съ наступленіемъ 1842 года и снова пошло быстрымъ, исполнскимъ шагомъ послѣ 1856 года, вслѣдъ за окончаніемъ Крымской войны, когда подоходный налогъ если не отмѣненъ, то измѣненъ въ отношеніи размѣровъ обложенія. Причину какъ возрожденія, такъ и замедленія нужно искать опять-таки въ совокупности многихъ условій, и между послѣдними наиболѣе значительная доля принадлежитъ подоходному налогу. Мой взглядъ на подоходный налогъ 1842 года я выражаю такимъ образомъ: возстановленіе его въ 1842 году замедлило прогрессирующее движеніе благосостоянія. Это замедленіе, если не выразилось въ такихъ рѣзкихъ чертахъ, какъ во времена 1798 — 1815 гг., то потому, что введенъ онъ, во-первыхъ, въ мирное время; во-вторыхъ, съ такими измѣненіями, въ смыслѣ облегченія и умѣренности, что уплата его совершалась незамѣтнымъ образомъ. Но эти новыя условія постановки нисколько не ослабляютъ истинныхъ выводовъ, которые примѣнялись къ налогу съ болѣе тяжелой обстановкою.

Не бесполезно привести суммы доходовъ Великобританіи (до 1853 года, безъ Ирландіи), подлежащихъ обложенію, и все количество поступленія подоходнаго сбора:

	Сумма облагаемаго дохода.	Сумма подоходнаго сбора.
	Фунтовъ	стерлинговъ.
1814 года . . .	178.589,000	14.515,000
1843 „ . . .	251.913,000	5.840,000
1855 „ . . .	286.920,000	10.642,000
1856 „ . . .	—	15.070,000
1865 „ . . .	371.370,000	7.958,000
1873 „ . . .	486.130,000	7.500,000
1874 „ . . .	514.474,000	5.691,000
1875 „ . . .	535.708,000	4.806,000

Эти данныя показываютъ, насколько новый подоходный налогъ былъ облегченъ, сравнительно съ прежнимъ: несмотря на постоянное возрастаніе общей суммы облагаемыхъ доходовъ, цифра поступленій, за исключеніемъ годовъ войны, не только не возрастаетъ, а напротивъ, уменьшается. А такъ какъ это могло быть связано только съ измѣненіями размѣровъ обложенія, то очевидно, что и въ отечествѣ подоходнаго налога далеко не признается безусловная спасительность и возможность этого налога, какъ постояннаго и неизбежнаго источника дохода. Приведа выше слова Гладстона какъ въ пользу, такъ и противъ этого источника, мы теперь видимъ, что Гладстонъ, будучи министромъ, примѣняя къ дѣлу ту часть своей рѣчи, которая относилась къ осужденію, а не къ оправданію этого источника.

Если, съ одной стороны, отмѣна и сбавленіе акцизовъ и пошлинъ съ различныхъ предметовъ потребления вызвали, вслѣдствіе удешевленія ихъ, возрастаніе потребления вообще, что мы видимъ въ особенности до 1842 года и послѣ 1856 года, то съ другой — это возрастаніе шло бы еще быстрѣе, шло безъ перерыва вслѣдъ за 1842 г., если бы эти реформы не сопровождались возстановленіемъ подоходнаго налога, который хотя и претворился изъ жнута въ хлыстикъ, но въ хлыстикъ не безъ стеганія бѣдняковъ и потребителей вообще. Въ виду одного сбавленія таможенной пошлины на хлѣбные продукты въ 1842 году, тягость которой можно уподобить развѣ подоходной подати, можно бы ожидать еще большаго возрастанія благосостоянія и государственнаго дохода, удержавшагося на извѣстной нормѣ, несмотря на всѣ уменьшенія и отмѣны акцизовъ и пошлинъ, осуществившіяся съ 1816 года по 1841 г., на самомъ дѣлѣ въ годы, слѣдующіе за 1842 г. по 1856 г. мы видимъ скорѣе неподвижность, чѣмъ увеличеніе бюджетныхъ поступленій. Къ тому же, и самыя уменьшенія и сбавленія были гораздо ограниченнѣе и скромнѣе, чѣмъ въ періодъ 1816—1841 года.

Если Р. Пилъ возстановилъ подоходный налогъ изъ-за дефицита въ $2\frac{1}{2}$ милл. ф. ст., то не правильнѣ ли было, не отказываясь отъ реформъ акцизныхъ и таможенныхъ, путемъ займа, покрыть этотъ дефицитъ, а остальные $2\frac{1}{2}$ милл. ф. ст. съ избыткомъ оказались бы въ увеличеніи поступленій отъ другихъ источниковъ, такъ какъ невозможно допустить, чтобы 5 милл. ф. ст. отъ подоходнаго налога, въ теченіи 12 лѣтъ не измѣнявшіеся, не имѣли вліянія на уменьшеніе поступленій отъ другихъ слагаемыхъ бюджетовъ и, à priori, на сумму, можетъ-быть, вдвое большую; чѣмъ цифра самого подоходнаго сбора.

Послѣднее положеніе можно пояснить слѣдующимъ разсужденіемъ. Въ Великобританіи добывается (1875 г.) около 8 миллиардовъ пудовъ каменнаго угля; изъ этого количества вывозится въ другія страны около 900 милл. пудовъ,—значить, на внутреннее потребленіе остается свыше 7 миллиардовъ пудовъ, или (округливши) около 200 пуд. поголовно.

Чтобы сдѣлать болѣе яснымъ и усвояемымъ то, что мною будетъ высказано ниже, я выражаю въ нашихъ вѣсахъ и монетахъ.

Допустимъ предположеніе, что, «какъ снѣгъ на голову», является прожекторъ, предлагающій обложить каменный уголь акцизомъ, для осуществленія извѣстной цифры государственнаго дохода; допустимъ, что онъ предлагаетъ акцизъ въ размѣрѣ $\frac{1}{100}$ коп. съ пуда для полученія въ доходъ бюджета—700,000 руб. Если предположить, что каменно-угольщикъ, вслѣдствіе такого размѣра, возвыситъ продажную цѣну на уголь на $\frac{1}{50}$ коп., т.-е. увеличить вдвое, то такое возвышеніе цѣны составитъ для каждаго потребителя увеличеніе угольнаго расхода только на 4 коп. въ годъ. Допуская акцизъ на уголь въ $\frac{1}{10}$ коп. съ пуда—увеличеніе угольнаго расхода, при тѣхъ же основаніяхъ, составляетъ уже 40 к. поголовно, а въ государственное казначейство поступило бы 7 милл. руб.; причемъ, кромѣ того, 7 милл. руб. оказались бы переплаченными потребителями, и распредѣлившимися по карманамъ угледобывателей и торговцевъ. При акцизѣ въ 1 коп. съ пуда, расходъ потребителя увеличится на 4 руб. въ годъ, а въ казначейство поступило бы 70 милл. руб., — цифра, очевидно, выразительная, несмотря на незначительный, повидимому, акцизъ въ 1 коп. съ пуда! (У насъ, въ Землѣ Войска Донскаго мѣстное управленіе собираетъ по $\frac{1}{2}$ коп. съ пуда грушевскаго антрацита). Но въ виду всѣхъ этихъ допущеній и предположеній, взявши въ соображеніе обширное и разнообразное примѣненіе каменнаго угля какъ топлива, допуская, что каменно-угольщикъ еще менѣе возвышаетъ цѣну, чѣмъ въ нашихъ предположеніяхъ,

спрашивается, не возвысятся ли также въ цѣнѣ и всѣ тѣ произведенія, добыча и полученіе которыхъ связаны съ потребленіемъ каменнаго угля, какъ топлива? Не должны ли возвыситься также соотвѣтственно 2, $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{50}$ коп. — не болѣе — и многообразные предметы потребленія? Эти возвышенія цѣнъ не уменьшаютъ ли средствъ потребителей вообще, не уменьшаютъ ли, слѣдовательно, и поступленій въ государственный доходъ отъ сбора съ другихъ предметовъ потребленія, обложенныхъ также акцизомъ или налогомъ? Не потрясается ли, такимъ образомъ, все народное хозяйство, все народное благосостояніе изъ-за 1, $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{100}$ к. съ пуда каменнаго угля? На основаніи неизбѣжнаго и понятнаго отвѣта на эти вопросы можно сказать, что какъ бы ни былъ ничтоженъ размѣръ акциза или налога на уголь, вліяніе его имѣетъ въ высшей степени отрицательныя свойства, а по отношенію къ государственному казначейству, можетъ быть, тѣмъ больше, чѣмъ меньше размѣръ обложенія акцизомъ.

Если послѣдній выводъ представляется неоспоримымъ, то и выводъ по отношенію къ акцизу на доходъ отъ угля долженъ казаться понятнымъ и также неоспоримымъ. Въ 1875 году въ Великобританіи каменно-угольные производители, въ числѣ около 4,000, внесли подоходнаго налога около 100,000 ф. ст., что при томъ количествѣ потребленія, которое мы выше привели, упадаетъ въ размѣрѣ акциза около $\frac{1}{100}$ к. съ пуда (считая 1 ф. ст. въ 7 руб. сер.). Но возвыситъ ли добыватель цѣну пуда только на $\frac{1}{50}$ коп. или на $\frac{1}{25}$ коп.? Не видимъ ли мы, что цѣны на этотъ предметъ возвышались несравненно больше, чѣмъ соотвѣтственно причитающійся подоходный налогъ?

Итакъ, подоходный налогъ слѣдуетъ отнести къ категоріи налоговъ, потрясающихъ въ самомъ основаніи какъ народное хозяйство, такъ и общее благосостояніе; слѣдовательно, имѣющій отрицательное свойство по отношенію къ общей суммѣ государственнаго дохода. Этотъ налогъ, на этомъ же основаніи, нельзя отнести къ категоріи налоговъ, имѣющихъ свойство преобразованій и улучшенія экономическихъ и финансовыхъ условій общественнаго развитія вообще и системы податей и сборовъ въ частности.

Къ этому, однако, можно прибавить, что въ дѣлѣ реформы экономическихъ и финансовыхъ условій тамъ, гдѣ имѣетъ мѣсто такой отрицательный источникъ податей, какъ подоходный налогъ, реформа должна начаться съ увеличенія нормы дохода, подлежащаго обложенію сборѣ, чѣмъ уменьшенію размѣра обложенія. Въ Великобританіи такая норма должна быть возвышена до цифры

въ 1,000 ф. ст., выѣсто 150, какъ тамъ въ настоящее время. Но и такая уступка съ моей стороны въ пользу подоходнаго налога не подтверждается тѣми данными, которыя выясняются при теоретическомъ обсужденіи идеи подоходнаго налога, къ чему мы теперь и перейдемъ.

VII.

Вліяніе подоходнаго сбора на бюджетныя поступления.

Каждый гражданинъ, какъ бы ни былъ великъ или малъ его доходъ или выручка, потребляетъ различные предметы своего обихода, соотвѣтственно своимъ достаткамъ. Чѣмъ больше у него послѣднихъ, тѣмъ больше онъ можетъ расходовать, тѣмъ, стало быть, больше обнаруживается въ общемъ итогѣ потребленіе извѣстныхъ предметовъ; а такъ какъ нѣкоторые изъ послѣднихъ приобрѣтаются имъ совмѣстно со взносомъ налога, которымъ предметъ обложенъ, то и государственное казначейство получаетъ соразмѣрно этому больше. Другими словами: *количество поступленія акцизовъ и налоговъ съ разнообразныхъ предметовъ потребленія прямо пропорціонально количеству дохода, находящагося въ распоряженіи какъ каждая изъ отдѣльности, такъ и всѣхъ гражданъ въ совокупности.* Какъ же поступаетъ гражданинъ въ томъ случаѣ, когда доходъ его уменьшается? Очень просто. Онъ сокращаетъ расходы вообще, онъ уменьшаетъ количество потребленія предметовъ въ частности, а въ числѣ послѣднихъ и такихъ, которые обложены акцизомъ или налогомъ. На основаніи этого, подоходный сборъ, уменьшая доходъ гражданина на цифру размѣра обложенія его дохода, тѣмъ самымъ способствуетъ уменьшенію бюджетнаго сбора, долженствующаго поступить въ государственное казначейство отъ акцизовъ и налоговъ на различные предметы потребленія. А изъ этого неоспоримымъ и неопровержимымъ выводомъ будетъ слѣдующій: *подоходный сборъ есть парализаторъ естественной способности гражданина къ увеличенію средствъ государственнаго казначейства.* Въ подоходномъ налогѣ какъ-бы выражается стремленіе канцлера казначейства въ уменьшенію цифры сборовъ съ разнообразныхъ предметовъ потребленія. А какихъ только не бываетъ предметовъ обложенія? Скажемъ еще, что въ идеѣ подоходнаго налога скрывается какъ-бы опасеніе со стороны «канцлера казначейства», чтобы нѣкоторые граждане, получающіе большіе доходы, не вздумали глотать серебряныхъ шиллинговъ или золотыхъ sovereignовъ. Но

нужно сказать, что актомъ величайшей мудрости въ дѣлѣ организаціи подоходнаго налога въ Англіи является то, что граждане, получающіе доходъ ниже известной нормы, какъ мы видѣли—въ 50—60 ф., освобождались отъ платежа и носѣщенія ихъ сборщиками. И разумѣется, тѣмъ выше эта норма освобожденія, тѣмъ рациональнѣе, тѣмъ мудрѣе. При востановленіи, въ 1842 году, подоходнаго налога, эта норма возвышена до 150 ф. ст. Въ Пруссіи 140 талеровъ (21 ф. ст.)—низшая норма для гражданъ изъ разряда *Classensteuer'a*, и 1000 талеровъ (около 150 ф. ст.)—для низшихъ разрядовъ гражданъ, внесенныхъ въ списки *Classificirte Einkommensteuer*.

Останавливаясь на бѣднякахъ, не получающихъ 50—60 ф. ст. дохода и освобожденныхъ отъ подоходнаго сбора, спрашивается: дѣйствительно ли послѣдніе не несутъ тягости этого налога, на нихъ, повидимому, не простирающагося? Далекое нѣтъ. Обладатель дохода въ 50—60 ф. ст. въ Англіи или 140 талеровъ—низшая норма въ Пруссіи—если и есть производитель, то развѣ настолько, чтобы удовлетворить себя первыми неизбежными и самыми неприхотливыми потребностями. А если у него семейство, даже и немногочисленное, то при этихъ величинахъ дохода, едва ли онъ въ состояніи быть сытымъ и довольнымъ. Вѣрноподанные этой категоріи, этого разряда—не производители, а только удовлетворители неприхотливыхъ потребностей своего собственного организма.

Другое дѣло—производители, получающіе болѣе значительные доходы, и плательщики подоходнаго налога. Само собою разумѣется, что эта категорія производителей получаетъ доходы отъ продажи предметовъ своего производства, и тѣмъ больше производится послѣднихъ, тѣмъ больше получается и доходовъ, тѣмъ больше можетъ вноситься производителемъ и подоходнаго налога. Вносомъ послѣдняго у него, стало-быть, увеличивается расходная часть его производства, а такъ какъ всенный расходъ на производство входитъ въ продажную цѣну произведеннаго, то, очевидно, и подоходный налогъ можетъ быть внесенъ только вслѣдствіе возвышенія цѣны продуктовъ производства, составляющихъ для производителя источникъ его дохода. Думать, что подоходный налогъ не возвышаетъ цѣны предметовъ производства, какъ источникъ дохода для вносчика, думать, что все бремя его падаетъ на непосредственно вносящаго его, будетъ поэтому то же самое, если воображать, что винокуренный или сахарный заводчикъ, равно какъ табачный или чайный торговецъ, несетъ тягость акциза на спиртъ, сахаръ, табакъ или чай. Сморгъ можно

допустить, что эти акцизы и пошлины могутъ служить даже источникомъ увеличенія дохода заводчиковъ и торговцевъ, такъ какъ не всегда одинаково зорокъ глазъ акцизнаго надзирателя. А такъ называемые перекуры и всякія возможности обойти и утаить суть источники чистаго, а не валоваго дохода, который тѣмъ больше, чѣмъ выше размѣръ акциза. Эти недостатки организаціи акцизнаго дѣла, вызывая недочетъ въ акцизныхъ сборахъ, возможно отклонить только путемъ устраненія заводчика отъ всякаго участія въ дѣлѣ оплаты акциза, что достижимо, безъ ущерба дѣлу. Но возможно ли послѣднее по отношенію къ акцизу на доходъ? Возможно ли также, чтобы вносящій подоходный налогъ записалъ его въ счетъ служенія идеѣ подоходности, въ счетъ удовольствія быть внесеннымъ въ списки отбывающихъ тягости? При допущеніи такой возможности, карманы его скоро опустѣли бы, а производство остановилось бы. Остается, стало быть, вознаградить себя и возвратить расходъ на налогъ посредствомъ возвышенія цѣны предметовъ производства.

Какъ бы ни былъ великъ налогъ на домъ, едва ли какая-либо частица его упадетъ на домовладѣльца, въ смыслѣ взноса и несенія имъ тягости налога, соразмѣрно съ доходомъ отъ дома. Напротивъ, для него въ этомъ налогѣ — сверхсмысленный источникъ дохода, такъ какъ онъ распределяетъ его между жильцами, сообразно не цифрѣ налога, но цифрѣ съ плюсомъ такой величины, которая въ его воображеніи представляется обезпечивающею какъ рискъ, такъ и вознагражденіе за капиталъ налога. Поощреніемъ этой величины является, съ одной стороны, неизбежность и настойчивость спроса на кровь и жилье, съ другой стороны — конкуренція собратьевъ-домовладѣльцевъ въ общемъ стремленіи вознаградить и возвратить расходъ на налогъ. Такъ какъ, на основаніи примѣра англійскаго устройства подоходнаго налога, три категоріи — А, В и Д — суть такія, которыя относятся къ предметамъ производства, земледѣлія, техническимъ и вообще всякимъ промысламъ и торговлѣ и, такъ какъ отъ 70 до 85% всего подоходнаго налога упадетъ на эти три категоріи, то и возвышеніе цѣнъ отражается на всѣхъ предметахъ земледѣлія, промышленности и торговли. Исторія отчасти подтверждаетъ это: періодъ 1798—1815 гг. знаменуется возрастаніемъ цѣнъ не только на предметы, непосредственно обложенные акцизомъ, или пошлиною, но и свободные отъ послѣднихъ. Да и невозможно допустить, чтобы кто-либо могъ вынести тягость какого-либо налога, не возративъ внесеннаго посредствомъ возвышенія цѣны продаваемого, притомъ съ надбавкою, выра-

жающагося въ стремленіи къ увеличенію дохода и поддержанію его въ извѣстной нормѣ. Изъ всего этого очевидно, что подоходный налогъ, который нѣмецкая школа экономистовъ разсматриваетъ какъ налогъ на богатыхъ, на достаточныхъ, вовсе не имѣетъ такого характера, а, напротивъ, это есть налогъ на бѣдныхъ въ пользу богатыхъ болѣе чѣмъ всякой другой погребительскій акцизъ. По отношенію же къ государственной казнѣ, этотъ источникъ дохода имѣетъ характеръ отрицательныхъ свойствъ, т.-е. уменьшаетъ поступления отъ другихъ источниковъ бюджета.

Итакъ, общій выводъ будетъ тотъ, что подоходный налогъ въ Англіи перваго періода, т.-е. 1798—1815, былъ ошибкою; что производительнѣе было бы замѣнить его или займомъ, или возвышеніемъ существующихъ размѣровъ обложенія; что подоходный сборъ уменьшалъ поступления отъ всѣхъ остальныхъ источниковъ государственнаго дохода, затруднялъ осуществленіе займовъ, и все это на большую цифру, чѣмъ какая вступаетъ въ государственное казначейство отъ самого подоходнаго сбора.

VIII.

Вліяніе на монетное обращеніе, какъ производительную силу бюджета.

Предыдущими разсужденіями далеко не исчерпывается вся нерациональность лишенія производителя избытка его выручки, могущей потребиться или на расходъ продуктовъ, обложенныхъ акцизами и пошлинами, или на улучшеніе и усовершенствованіе способовъ производства, равно какъ и увеличеніе послѣдняго. Слѣдующая данная дополнитъ характеристику этой нерациональности.

По мнѣнію нѣкоторыхъ экономистовъ, число прохожденій одной и той же монеты черезъ руки гражданъ для Англіи, на примѣръ, выражается 120. Допуская преувеличеніе въ этомъ расчетѣ, уменьшая на половину, т.-е. на 60, мы должны сказать, что отобраніе излишка дохода непосредственно отъ самого производителя, при самомъ началѣ возникновенія права его имѣть денежный знакъ, ограничиваетъ число обращеній и перемѣщеній, уменьшаетъ, слѣдовательно, плодотворную способность монеты. Эта способность — назовемъ ее одною изъ производительныхъ силъ общественнаго благосостоянія, какъ экономическаго, такъ и финансоваго, — знаменуется и выражается въ томъ, что денежный знакъ или монета, при каждомъ переходѣ, при каждомъ

перемѣщеніи изъ однихъ рукъ въ другія, оставляетъ послѣ себя отпечатокъ или слѣдъ, выражающійся въ созданіи того или другого имущества, того или другого предмета потребленія. А это свойство монеты указываетъ, въ свою очередь, что степень экономического и финансоваго благосостоянія развивается и зависитъ не столько отъ количества, сколько отъ качества обращенія, чему въ значительной степени должна способствовать та или другая система налоговъ.

Допуская предположеніе, что монета въ теченіи года переходитъ изъ однихъ рукъ въ другія только 10 разъ, мы должны сказать, что подоходный сборъ лишаетъ общество оборотнаго капитала въ 10 разъ большаго, чѣмъ цифра самаго сбора. А изъ этого выводъ тотъ, что цифра дохода, поступающаго въ государственную казну, есть прямой результатъ степени проявленія производительной силы монеты. Подоходный налогъ есть, потому, прямой парализаторъ этой силы.

Въ последнемъ условіи едва ли не самое полное доказательство несообразности подоходнаго налога и отрицательности его значенія по отношенію къ слагаемымъ государственнаго бюджета. Это же доказательство можетъ скорѣе всего быть примѣнено къ объясненію причины общаго застоя и неподвижности въ Англіи, ознаменовавшихся въ періодъ 1798—1815 г.,—когда подоходный налогъ достигъ, въ смыслѣ тягости, наивысшаго своего развитія.

IX.

Налогъ на имущество по оценкѣ, какъ могущее выражать собою текущій доходъ или выручку.

Многіе философы и экономисты задавались замѣнить подоходный налогъ, какъ не всегда соответствующій ожиданіямъ, другимъ, болѣе раціональнымъ, напр., налогомъ на имущество по оценкѣ, на основаніи того предположенія, что имущество можетъ быть иѣрителемъ текущаго дохода. Обсужденію этого налога, совмѣстно съ подоходнымъ, даетъ, между прочимъ, поводъ статья профессора новороссійскаго университета г-на Патлаевскаго, въ «Сборникѣ Государственныхъ Знаній», т. IV, 1877 г., «О подоходныхъ налогахъ», въ которой, между прочимъ, высказывается слѣдующее: *«Мы требуемъ строгаго разграниченія личности отъ имущества, и только въ последнемъ мы видимъ справедливый объектъ податнаго обложенія»* (стр. 122); или *«лучшаго*

объекта обложения, какъ простое количество имущества, т.-е. сумма цѣнностей его, не существуетъ. Еще Монтескье сказалъ, что половинная подать прилична рабству, а подать на имущество — свободѣ; для финансоваго управленія важна только величина имущества, т.-е. цѣна его, и то — кому оно принадлежитъ». Таковы существенныя основанія, скажемъ, новой теоріи, преподаваемой въ «Сборникѣ Государственныхъ Знаній». Мы рассмотримъ, насколько авторъ ея выдержалъ въ изложеніи ея истину, почерпнутую отъ Монтескье, — истину, которая легла, по мнѣнію профессора, въ основаніе перечисленныхъ имъ реформъ.

«Общая воинская повинность — продолжаетъ г. Платеевскій — принадлежитъ къ числу такъ-называемыхъ личныхъ повинностей, гдѣ государство требуетъ отъ своихъ гражданъ непосредственнаго личнаго содѣйствія». «Здѣсь никакая замѣна и никакая оцѣнка немислимы. Такія личные повинности существовали (?) и должны (??) существовать; онѣ лучше всего поддерживаютъ солидарность личной жизни отдѣльнаго подданнаго съ жизнью всего государства». Или: «казна можетъ занимать у своего подданнаго деньги, торговаться на счетъ процентовъ и уплачивать эти проценты аккуратно; но государство никогда не теряетъ права *забрать у этого самаго подданнаго и эти проценты, и имущество и потребовать самой жизни*, если то окажется нужнымъ» (стр. 42). Хорошо, что такія истины исходятъ только отъ г. Платеевского и находятъ себѣ мѣсто не во всякомъ произведеніи печати. И какъ же согласить все то, что тотъ же профессоръ говоритъ и о Монтескье, и о реформахъ. У него же мы находимъ слѣдующее мѣсто изъ Ж. Б. Сэ: «Имущество принадлежитъ ему, т.-е. подданному, и, только *украшии*. можно не дать *въ обмѣнъ равной цѣнности*» (стр. 36); «государство будетъ поступать справедливо, если оно за необходимыя для его цѣлей жертвы не будетъ давать никакого вознагражденія, но оно будетъ несправедливо, если тягость этихъ средствъ будетъ падать неодинаковымъ бременемъ на его подданныхъ» (стр. 39). И всѣ эти глубокія и прочувствованныя истины профессоръ высказываетъ, во имя Монтескье, утвердившаго его въ мысли о проектѣ налога на имущество по оцѣнкѣ, взамѣнъ рабской поголовной подати, равно какъ и взамѣнъ налога на доходъ, т.-е. подоходнаго, который также представляется ему отсталымъ. Весьма не трудно, однако, доказать несообразность идеи акциза на цѣну имущества, проектируемаго профессоромъ новороссійскаго университета.

Начнемъ съ вопроса: возможно ли при извѣстныхъ условіяхъ отдѣлять личность отъ ея имущества, чего профессоръ безусловно требуетъ для осуществленія своего проекта? Возможно ли гражданина лишать сапогъ его, которые неизбѣжно нужны въ холодную и ненастную погоду? Возможно ли послѣднаго лишать той части имущества, которая заключается или въ запасахъ хлѣба въ размѣрахъ, нужныхъ только для пропитанія, или въ коровѣ, доставляющей только средство удовлетворенія потребности собственнаго желудка, а не избытка, или лошади, которая даетъ ему возможность бороздить и обрабатывать ниву и тѣмъ добывать пищу, или, наконецъ, въ той величинѣ земельного участка, которая соотвѣтствуетъ только условію удовлетворенія потребности поддержать существованіе? При этихъ условіяхъ такіе имущественные признаки, очевидно, составляютъ какъ-бы дополненіе къ органическимъ признакамъ человѣка, неотдѣляемымъ отъ существа его безъ ущерба для его прозябанія, какъ неотдѣляемы рука или нога. Слѣдовательно, посяганіе на такіа части имущества есть посяганіе на личность, есть посяганіе на ея свободу, и такое посяганіе прямо противорѣчитъ идеѣ Монтескье, прямо противорѣчитъ тѣмъ основаніямъ, которыя легли, по мнѣнію профессора, въ основу великихъ общественныхъ реформъ, т.-е. освобожденію личности. Но г. Патлаевскій на этомъ не останавливается: увлекшись идеєю своего проекта, онъ старается провести ее до конца, несмотря на то, что самъ же цитируетъ слова Л. Штейна, что *«всякій доходъ, который покрываетъ только необходимыя потребности, долженъ быть, во имя свободы, освобожденъ отъ подати»* (стр. 118); профессоръ, забывъ и Монтескье и духъ реформъ, высказываетъ: *«мы возстаемъ противъ всякаго вычетовъ минимума существованія, а также противъ и прогрессивнаго налога. Мы считаемъ требованіе ихъ результатомъ ложной теоріи, идущей въ разрѣзъ съ основными законами гражданской жизни»* (стр. 119). *«Мы желаемъ также, какъ и Шмоллеръ, не состраданія, а справедливости»* (стр. 114). Оставляя профессора при его желаніи, противорѣчащемъ, впрочемъ, другимъ его желаніямъ, хотя и выраженнымъ въ той же статьѣ и въ томъ же «Сборникѣ», рассмотримъ сначала условія имущества, непревышающаго размѣрами крайней величины, соотвѣтствующей возможности удовлетворять только насущной потребности. Принимая, что такое имущество есть какъ-бы дополненіе человѣческаго существа, очевидно, налогъ на цѣну имущества такой категоріи есть та же подушная или поголовная подать. А такъ какъ такой налогъ не соотвѣтствуетъ современнымъ поня-

нѣмъ о податяхъ, то едва-ли переименованіемъ послѣдней въ налогъ на цѣну имущества измѣнится сущность значенія его.

Измѣняется ли сущность подушной подати, если перенести ее на имущество болѣе цѣнности, на имущество, признаки котораго соединяютъ съ собою возможность удовлетворенія болѣе чѣмъ только первыхъ насущныхъ и неизбежныхъ потребностей? Выражается ли податоспособность гражданина съ увеличеніемъ имущества, съ возвышеніемъ цѣнности его? Увеличеніе это не соединяетъ ли съ собою вмѣстѣ съ тѣмъ и увеличеніе расхода на поддержаніе самаго имущества? И есть ли возможность опредѣлить тотъ остатокъ, который могъ бы, безъ ущерба для гражданина и его имущества, быть выдѣленъ въ налогъ на цѣнность имущества? Есть-ли возможность, да и кто тотъ судья, который опредѣлитъ, какіе расходы относятся къ категоріи неизбежныхъ, какъ по отношенію къ личнымъ расходамъ, такъ и имущественнымъ, земельнымъ, какіе къ категоріи избыточныхъ, для обезпеченія извѣстнаго *statu quo* имущества?

Для того, чтобы уяснить всѣ эти вопросы, разберемъ для этой цѣли тѣ условія, которыя сопровождаютъ одну изъ категорій имущества — жилище или домъ. Допустимъ, что послѣдній построенъ и вмѣщаетъ въ себя только семейство домостроителя, что онъ служитъ единственно для удовлетворенія потребности имѣть кровъ и пристанище, а никакъ не для дохода отъ отдачи его въ пользованіе въ цѣлости или по частямъ, другими словами, не составляетъ источника дохода для домовладѣльца. Въ этомъ случаѣ средства на постройку, равно какъ и средства для поддержанія, должны пріобрѣтаться извнѣ — изъ источниковъ, ничего общаго не имѣющихъ съ этимъ имуществомъ. Спрашивается: не есть ли такой домъ, для построившаго его, бездоходный, а слѣдовательно, не имѣющій никакой цѣны, кромѣ той безконечно великой, невыражающейся въ цифрѣ и связанной съ понятіемъ удовлетворенія потребности одного изъ жизненныхъ условий. А изъ этого выводъ тотъ, что всякій налогъ на домъ такой категоріи есть налогъ не на избытокъ дохода, а на право имѣть кровъ и жилище, налогъ на право существованія, налогъ на воздухъ занимаемаго имъ помѣщенія. Такой налогъ можетъ быть потому внесенъ, что у домовладѣльца есть посторонній источникъ — доходъ, на который и упадетъ налогъ на тотъ домъ, который служитъ только средствомъ удовлетворенія потребности крова и пристанища.

Допустимъ другой случай, когда домъ возникъ или увеличился въ размѣрѣ, вслѣдствіе случайнаго и счастливаго сте-

ченія обстоятельствъ, наприимѣръ, облегченія кредита, возникшаго вслѣдствіе выпуска бумажныхъ денегъ или вслѣдствіе необыкновенно благопріятнаго урожая или, наконецъ, вслѣдствіе удачной и счастливой продажи предметовъ торговли и промысла. Спрашивается: причина такого возникновенія и приращенія имущества, даетъ-ли право сказать, что доходы домопотребителя увеличились и сдѣлались постоянными, отчего и возможность внести возвышеніе налога, сообразно съ увеличеніемъ имущества, т.-е. цѣнности его, сдѣлалась также возможною?

Рассмотримъ третій случай, когда домъ воздвигается съ промышленною цѣлю полученія дохода, посредствомъ отдачи его въ наемъ. Едва-ли можно допустить, чтобы кто-либо избытокъ своего дохода или случайное пріобрѣтеніе средствъ употребилъ на постройку или пріобрѣтеніе дома, ради удовольствія быть домовладѣльцемъ и имѣть жильцовъ со всѣми хлопотами, соединенными съ послѣднимъ. Если и возникаетъ мысль домопріобрѣтенія, то только въ виду того, что эта затрата, этотъ расходъ можетъ быть возвращенъ посредствомъ отдачи дома въ право пользованія другимъ. *И доходъ, который возникаетъ при этомъ условіи, есть прежде всего возвратъ, въ видѣ долей болѣе или менѣе величины расхода, употребленнаго на воздвигеніе дома.* И цѣнность такого дома прежде всего опредѣляется количествомъ капитала, употребленнаго на постройку его. Цѣнность эта можетъ также выражаться нѣсколько выше и нѣсколько ниже этой нормы, смотря по тому, какъ увеличиваются или уменьшаются средства потребленія наемщиковъ жилья. Слѣдовательно, цѣнность дома есть величина колеблющаяся, измѣняющаяся. Размѣръ налога на цѣнность потому также долженъ быть измѣняющимся или колеблющимся. Такой налогъ, уменьшая доходъ домовладѣльца, т.-е. увеличивая его расходъ, уменьшаетъ, слѣдовательно, чистый доходъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и цѣнность его. Предотвратить послѣднее, вознаградить уменьшеніе дохода возможно только надбавкою къ цѣнѣ на квартиры, занимаемыя жильцами. Изъ чего выводъ, что налогъ на цѣнность дома, налогъ на доходъ домовладѣльца въ сущности есть та же подушная подать съ потребителя-домовладѣльца, которую онъ можетъ обратить, въ случаѣ отдачи въ наемъ, въ косвенный налогъ, перемѣстивши его на жильцовъ, для которыхъ прибавка къ цѣнѣ за квартиру дѣлается прямымъ налогомъ или, что то же, подушною податью за право существованія, связанною съ потребностію имѣть жилье; для послѣднихъ — это налогъ на воздухъ нанятаго ими жилья. Такъ какъ невозможно допустить, чтобы средства имѣть квартиру или

жилье падали съ неба или являлись постоянно и вѣчно изъ выпуска бумагъ «на поддержаніе конторъ и отдѣленій», то очевидно, что при осуществленіи идеи подоходнаго налога, является необходимость разыскать источникъ дохода нанимателя — его непосредственное имущество. Когда оцѣнено послѣднее, потребитель жилья является плательщикомъ налога во имя потребности домовладѣльца возратить расходъ, упдающій на домовый налогъ, а также во имя того дохода, который хотя и оплатилъ уже одну категорію налоговъ, во который, какъ обнаруживаетъ величина наемной платы, долженъ бы еще имѣть остатокъ, обеспечивающій существованіе нанимателя, помимо потребности въ жильѣ. Итакъ, потребитель воздуха нанятаго имъ жилья, оплачивая за право пользованія имъ, оплачиваетъ не только всѣ доли расхода, употребленнаго строителемъ дома, слѣдовательно, и налогъ на кирпичника, каменщика, архитектора, но и ту долю расхода, которая упадаетъ на домовый налогъ, а сверхъ всего этого и налогъ на источникъ, обеспечивающіе его собственное существованіе. На несчастіе приписывающаго жилью и пристанище, наука твердитъ ему, что количество потребнаго воздуха должно измѣряться не футами кубическими, а саженими, притомъ безъ примѣси водяныхъ паровъ, углекислоты, сѣрнистаго и другихъ водородовъ и всякихъ «міазмовъ», плѣсней и чужеродныхъ — и приходится ему, во имя удовлетворенія требованіямъ гигиены и нормальныхъ условий существованія, нести, помимо всѣхъ расходовъ, связанныхъ съ этими условіями, еще и расходъ, въ видѣ штрафа, за право воспользоваться указаніями науки! А для того, чтобы данныя науки больше распространялись и лучше усвоились, заведены: и золотыя медали, и похвальные листы, и кааедрны отдѣльныхъ отраслей человѣческихъ знаній, и университеты, и академіи, и цѣлыя министерства разнообразныхъ отдѣловъ человѣческихъ потребностей и даже участіе въ международныхъ выставкахъ ума и производительности! Подъ плодотворнымъ вліяніемъ такихъ мѣропріятій развился, наконецъ, гражданинъ, познавшій цѣль и значеніе, для общаго блага, навязываемыхъ ему свѣдѣній; во имя признанія значенія послѣднихъ, цѣлые ряды годовъ онъ отказываетъ себѣ въ потребленіи предметовъ роскоши, предметовъ прихоти, въ результатъ чего накопляются у него сбереженія, слагаются средства. Онъ расширяетъ объемъ занимаемаго имъ помѣщенія, отчего увеличивается и цѣнность имущества — жилья. Но вотъ, какъ стѣбъ на голову, ниспадаетъ идея подоходнаго или имущественнаго, сообразно цѣнѣ жилья, налога — и штрафуется онъ за то, что сберегалъ, за то, что не

потреблялъ, и наказывается онъ за горячность въ дѣлѣ воспринятія и усвоенія распространяемой государствомъ науки!

Гдѣ же сообразность, гдѣ же разумность идеи имущественнаго или подоходнаго налога, соответственно оцѣнѣ какъ имущества вообще, такъ и дохода въ частности?

Взглянемъ еще на нѣкоторые имущественные признаки, на первый взглядъ, опредѣляющіе доходность имущества, и на этотъ разъ обратимся въ земледѣльческому промыслу.

Едва ли можно представить себѣ занятіе съ болѣе разнообразными и разнородными предметами, входящими въ составъ его совокупности; едва ли можно указать на большее разнообразіе и разнородность условий, какъ тѣ, подъ влияніемъ которыхъ ведется и развивается этотъ промыселъ. Едва ли есть занятіе, которое для усиленности своей требовало бы больше ума, находчивости и знанія — притомъ не спеціальнаго. Невозможно также вообразить себѣ болѣе сильной зависимости отъ самыхъ разнообразныхъ и почти неумовимыхъ условий, какъ та зависимость и то рабство, въ которыхъ поставленъ земледѣлецъ. И невозможно даже приблизительно вѣрно опредѣлить ту цѣнность, какую имѣетъ совокупность всего того, что входитъ въ составъ имущества земледѣльца, какъ промышленника. Съ этимъ разнообразіемъ, съ этою разнородностію предметовъ и условий связывается еще то обстоятельство, что предметы, повидимому, одного и того же названія, одной и той же категоріи, имѣютъ совершенно различную стоимость, вслѣдствіе различія въ ихъ значеніи для земледѣльца, какъ промышленника. Такимъ образомъ, есть предметы имущества извѣстной категоріи, которые составляютъ для него, такъ сказать, неотчуждаемую часть имущества, ту часть, которая служитъ для обеспечения какъ средствъ его существованія, такъ и для обеспечения извѣстной нормы дохода, которымъ онъ удовлетворяетъ свои разнообразные расходы на поддержаніе и развитіе какъ своего промысла, такъ и собственнаго существованія. Въ глазахъ торговца, промышленника или полицейскаго, описывающаго имущество за долгъ или недоимку, предметы одной и той же категоріи, одного и того же названія, однихъ и тѣхъ же признаковъ, имѣютъ одну и ту же цѣну, рыночную — для перваго, полицейскую или недоимочную — для описывающаго имущество. Совсѣмъ не такъ въ глазахъ земледѣльца-промышленника. Поясню это слѣдующимъ примѣромъ: допустимъ, что при извѣстной величинѣ земельного участка, при извѣстныхъ имущественныхъ средствахъ вообще, земледѣлецъ, для обеспечения извѣстной нормы дохода, можетъ держать 20 штукъ овецъ съ приплодомъ, и это количество ихъ

составляетъ норму части дохода, упадающей на эту отрасль его имущественныхъ признаковъ. Очевидно, что для него продажную или доходную часть послѣднихъ, т.-е. овецъ, составляетъ только то количество ихъ, которое превышаетъ установившуюся для него норму обезпеченія дохода. На основаніи осннанія необходимости самоохраненія и самообезпеченія, необходимости удержаться въ установившейся нормѣ дохода, изъ числа 20 штукъ овецъ съ приплодомъ отчуждается имъ для продажи только то количество, которое не уменьшаетъ принятой имъ нормы дохода въ послѣдующіе годы. Отчужденіе же свыше этого неизбежно должно повлечь за собою уменьшеніе дохода въ будущемъ и не только въ недалекомъ, а даже въ слѣдующемъ же году. И какъ несчастнъ тотъ земледѣлецъ, который ведетъ или везетъ на рынокъ ту часть имущества, которая неотчуждаема, какъ отъ совокупности частей, составляющихъ цѣнность его въ настоящемъ, такъ и отъ совокупности частей, обезпечивающихъ извѣстную норму дохода въ будущемъ! Слѣдовательно, рыночную цѣнность въ глазахъ земледѣльца имѣетъ только то, что отчуждаемо безъ ущерба для его дохода въ будущемъ, т.-е. то, что онъ самъ, по своимъ соображеніямъ, можетъ и долженъ продать. Отчужденіе же какъ овецъ, такъ и всякаго имущественнаго признака, сверхъ законно-отчуждаемаго, влечетъ за собою уменьшеніе дохода въ будущемъ и цѣнности всего имущества въ совокупности въ настоящемъ. Спрашивается теперь: предполагая налогъ на имущество по оцѣнкѣ, или, что то же, по стоимости его, всё ли имущественные признаки поступаютъ въ оцѣнку безразлично, или только нѣкоторые, на основаніи оцѣнки самого имущественнаго? Но можетъ ли устанавливать цѣну самъ продавецъ? Не есть ли это дѣло рынка? Налогъ на имущество по оцѣнкѣ, налогъ на доходъ можетъ потому оказаться совершенно произвольнымъ, совершенно невѣрнымъ и несправедливымъ, а главное можетъ непосредственно вызвать уменьшеніе дохода въ слѣдующемъ же году, а затѣмъ еще болѣе въ послѣдующіе. Опыты же всѣхъ странъ показали, что, несмотря на огромныя затраты на оцѣнку имущества, падастръ и люстрація, всё эти затраты были безплодными, такъ какъ оказались только приблизительными, а въ большинствѣ невѣрными, преувеличенными, а потому и тѣжными, что очевидно также изъ слѣдующаго: при оцѣнкѣ всей совокупности частей имущества—безразлично, возвратъ расхода, упадающаго на налогъ по оцѣнкѣ, такъ организованный, едва ли можетъ быть достигнуть выручкою отъ продажи только законно-отчуждаемыхъ. Едва ли не представится необходимость вести или вести на рынокъ, ради

налога, и такія части, которыя обезпечиваютъ будущность какъ производства, такъ и дохода.

Мы затрогивали до сихъ поръ такіе имущественные признаки, которые относятся къ доходнымъ. Разсмотримъ теперь тотъ случай, при которомъ имущественный признакъ является показателемъ расходной, если такъ можно выразиться, способности гражданина.

Для того, чтобы ввести читателя въ эту сторону дѣла, я сдѣлаю небольшое отступленіе.

Осенью 1876 года случай привелъ меня посѣтить одинъ изъ самыхъ благословенныхъ уголковъ нашего обширнаго отечества, благословенныхъ не только по климату, плодороднѣйшей почвѣ, — той почвѣ, для которой установилось даже суевѣріе, наперекоръ тысячелѣтнимъ опытамъ вездѣ, что удобреніе вредно, въ уголѣхъ счастливомъ еще и потому, что его перерѣзываетъ желѣзная дорога, связующая его съ портами остальнаго міра, съ центрами всего континента Европы. Гостилъ я въ селѣ съ величественнымъ храмомъ, посвященнымъ Константину и Еленѣ, выстроеннымъ въ «доброе» старое время, съ обширною, ровною какъ столъ, площадью, настолько покрытою растительностію, что она служила едва ли не единственнымъ пастбищемъ для телятъ и гусей всего населенія въ 300 съ небольшимъ «ревизскихъ душъ».

Въ этомъ селѣ, скажемъ Новоселовѣхъ, мнѣ пришлось пребывать въ то самое время, когда шли сборы для предстоящей войны съ Турціею за «освобожденіе изъ-подъ ея ига болгаръ». Нѣкоторые публицисты тогда указывали на то, что не слѣдуетъ ограничиваться денежнымъ рынкомъ столицъ и центровъ дѣятельности, а обратиться также въ уѣзды, въ деревни, — въ эти владовыя всевозможныхъ непочатыхъ еще богатствъ, которыя мы только по невѣдѣнію будто бы обходимъ! Это меня заняло тогда настолько, что я предложилъ вопросъ одному изъ мѣстныхъ обывателей-авторитетовъ: возможно ли собрать въ ихъ деревнѣ изъ 300 душъ около 100 руб., напримѣръ, по добровольной подпискѣ, — цифра, повидимому, весьма скромная. Но вотъ что мнѣ отвѣчали на мою любознательность: «можете судить сами, насколько это возможно, изъ слѣдующаго факта. Вотъ уже цѣлый почти годъ становой понуждаетъ здѣшнее общество крестьянъ къ уплатѣ 60 руб. недоимки и только когда пригрозилъ описью имущества, общество, наконецъ, внесло ихъ, но не изъ своихъ средствъ, а войдя въ сдѣлку съ здѣшнимъ евреемъ-торговцемъ, — который облагодѣтельствовалъ ихъ, ссудивъ этими 60 рублями, взявши съ нихъ приговоръ на право торговли питіями, право, за которое онъ,

также какъ и всякій другой, охотно дали бы 150 и даже 200 руб.». Не ясно ли, какъ плохъ расчетъ на деревенскія кладовыя въ дѣлѣ подписокъ, въ дѣлѣ займовъ. Этотъ фактъ натолкнулъ меня на мысль собрать свѣдѣнія, есть ли въ деревнѣ чаепійцы и много ли самоваровъ, какъ выразителей нѣкоторой степени довольства и благосостоянія. Оказалось однако, что въ деревнѣ Новоселовкѣ съ 300 душъ всего 4 самовара, изъ которыхъ три оказались у бывшихъ дворовыхъ и прикащиковъ «добраго» стараго времени. Но и для послѣднихъ эти самовары служатъ больше для украшенія угла комнаты, чѣмъ для употребленія, такъ какъ чай допускается развѣ въ праздничные дни, а время кануло въ вѣчность. На основаніи подобныхъ фактовъ можно ли принимать извѣстный имущественный признакъ безусловнымъ выразителемъ расходной способности гражданина, а слѣдовательно и его дохода? Въ случаѣ, только-что приведенномъ, если бы самоваръ во имя свободы, проповѣдуемой нѣкоторыми, былъ отнесенъ къ имуществу для оцѣнки его, то очевидно, что новоселовцу-владѣльцу чайнаго прибора выигрѣе было бы истребить его, не говоря о томъ, что немного бы времени прошло и онъ поступилъ бы въ оцѣнку недомочной стоимости. Доля налога на самоваръ, случайно приобретенный, была бы очевидно штрафомъ за его присутствіе въ избѣ селянина. Для оплаты этой доли налога ему пришлось бы продать всегда нелишнюю курицу!

Можно привести слѣдующій аналогическій послѣднему примѣръ, какъ-бы поощрявшій идею объ имущественномъ и подоходномъ налогахъ. Разсказываютъ, что герцогъ Веллингтонъ велѣлъ вставить въ рамку и повѣсить на стѣнѣ своей залы билетъ англійскаго банка въ 100,000 ф. ст., не приносявшихъ дивиденда. Такъ поступая, герцогъ очевидно подшутилъ надъ тѣми, которые трактовали объ имущественныхъ и подоходныхъ налогахъ. Этою шуткою онъ ясно доказывалъ нелѣпость этой идеи, такъ какъ 100,000 ф. ст., хранящіяся въ банкѣ и не приносящія процентовъ, не составляютъ части имущества, возвышающей текущіе доходы.

То же самое можно сказать и по отношенію къ случаямъ, когда эти 100,000 употребляются или на канделябры литого золота, или на брилліантовые фермуары, равно какъ и всякій другой предметъ безумной роскоши, которые хотя и увеличиваютъ цѣнность имущества, но ничего не прибавляютъ къ доходу и выручкѣ, а напротивъ—даже уменьшаютъ послѣдніе, такъ какъ вызываютъ нѣкоторый расходъ на храненіе и сбереженіе ихъ. На основаніи всего этого нужно сказать, что аналогическіе только-

что указаннымъ предметъ не должны входить въ оцѣнку имущества для опредѣленія размѣра обложенія.

Шутеа Веллингтона должна отчасти служить подтвержденіемъ того, что онъ обладалъ не однимъ талантомъ воина, какъ извѣстно, всегда отличающагося крайнею односторонностію, но и талантами государственнаго дѣятеля, что явствуетъ изъ того, что короткий періодъ управленія имъ министерствомъ не пренегль бесслѣдно для гражданскаго преуспѣванія его родины.

Х.

Вліяніе на дороговизну и ученіе физиократовъ.

Разсмотримъ теперь, насколько подходящий сборъ вліяетъ на дороговизну жизни вообще.

Чтобы лучше уяснить выводы, относящіеся къ этой сторонѣ вопроса, мы возвратимся къ разсмотрѣнію технической, такъ-сказать, постановки дѣла. Я уже и прежде указывалъ, что въ Англіи подходящий сборъ складывается изъ источниковъ одной изъ слѣдующихъ 5-ти категорій: земельной ренты (А), права пользования землею (аренды) (В), дивидендовъ отъ капиталовъ (С), другихъ промысловъ и торговли (D) и жалованья за службу (Е).

Мы видѣли выше, что размѣръ обложенія составлялъ отъ 2-хъ до 6-ти и даже 10⁰/₀ съ оцѣнки чистаго дохода. Общая сумма сбора въ послѣдніе годы передъ отмѣною въ 1815 году составляла между 14 и 15 милл. фунтовъ стерлинговъ.

По категоріямъ, вся сумма подоходнаго сбора, взявъ для примѣра 1814 и 1844 годы — въ 15 милл. фунтовъ стерлинговъ въ 1814 году и 5¹/₂ милл. въ 1844 году — распределялась такимъ образомъ:

По категоріи А —	{	5.265,000	фунт. стерл.	или 32 ⁰ / ₀	{	земельн. рента.
		2.471,000	"	"	40 ⁰ / ₀	
" " В —	{	2.015,000	"	"	14 ⁰ / ₀	{ земледѣльч. пром.
		328,000	"	"	8 ⁰ / ₀	
" " С —	{	2.902,000	"	"	20 ⁰ / ₀	{ капиталы денег.
		785,000	"	"	14 ⁰ / ₀	
" " D —	{	3.893,000	"	"	25 ⁰ / ₀	{ торговля и др. пром.
		1.581,000	"	"	30 ⁰ / ₀	
" " E —	{	1.100,000	"	"	7 ⁰ / ₀	{ жалованье служ.
		326,000	"	"	7 ⁰ / ₀	

Эти отношенія между различными категоріями, оставаясь изъ года въ годъ довольно постоянными, указываютъ на то, что по-

что $\frac{3}{4}$ всего сбора упадетъ на такіе источники, доходы которыхъ слагаются отъ продажи разнообразныхъ и всевозможныхъ предметовъ потребления. Видимъ также, что на разряды А, В и D въ 1814 г. упадетъ 11,100,000 фунтовъ стерлинговъ, отчего необходимо принять, что именно на такую сумму должны возвыситься цѣны на предметы потребления, причемъ въ большей степени на предметы первой потребности, чѣмъ на предметы роскоши, такъ какъ количество потребления послѣднихъ обыкновенно незначительно, и такъ какъ спросъ на первые, по свойству ихъ, имѣетъ характеръ настоячивости. Не допуская возможности, чтобы означенные 11 милл. въ 1814 г. и $4\frac{1}{6}$ милл. фунтовъ стерлинговъ въ 1844 году были приняты на-счетъ кармана производителей, нужно принять возвышеніе цѣны предметовъ производства не только на сумму означенныхъ 11 и $4\frac{1}{6}$ милл., но и на излишекъ, упавшій на $\frac{1}{10}$ на капиталъ налога, на рискъ и т. п.

Загнать вопросъ съ точки зрѣнія вліянія подоходнаго налога на цѣны продуктовъ производства, составляющихъ предметы потребления, нельзя не видѣть въ этомъ аналогію подоходнаго налога съ косвенными. Какъ послѣдніе разнѣромъ акциза и посылки разныхъ наименованій увеличиваютъ цѣну предметовъ обложения, такъ же точно подоходный акцизъ, падающій на доходъ отъ продажи продуктовъ производства, какъ источниковъ дохода, въ концѣ-концовъ упадетъ не на производителя, а на потребителя.

Когда мы знаемъ, что подоходный налогъ не обходитъ какъ дохода отъ земли по праву собственности, такъ и дохода отъ занятія земледѣліемъ, равно какъ и торговли предметами (D); то мы должны придти къ выводу, что цѣна хлѣба должна возвышаться въ виду вознагражденія вычетовъ изъ дохода, упавшихъ на каждый изъ этихъ промысловъ. Не только производитель, но и торговецъ хлѣбомъ или мясомъ стремится къ возврату того, что они выдѣлили въ счетъ налога. Но это стремленіе въ возвышенію цѣны продаваемого имѣетъ свое начало не только въ непосредственномъ правѣ вознаградить себя за взносъ, сдѣланный въ видѣ налога, — это же стремленіе имѣетъ мѣсто и отъ слѣдующей причины. Производитель, будетъ ли это земледѣлецъ, или кто другой, внося известную часть излишка своего дохода, лишается въ этой части того капитала, который долженъ назваться основнымъ, такъ какъ могъ бы быть употребленъ на расширеніе и усовершенствованіе своего производства. Какъ разнообразны эти средства расширенія и усовершенствованія, на примѣръ, по земледѣлію — достаточно известно каждому,

чтобы на нихъ останавливаться. Достаточно указать на то значеніе, какое имѣетъ приобритеніе улучшеннаго орудія, лучшихъ сѣмянъ, улучшеніе содержанія животныхъ и проч. Всякая такая затрата непременно вызоветъ возвышеніе производительности какъ человѣческаго труда, такъ и производительной силы почвы и животныхъ. Это увеличеніе должно вызвать и стремленіе скорѣе къ пониженію цѣнъ, чѣмъ къ возвышенію, вслѣдствіе увеличивающагося предложенія продуктовъ. Возможностью такихъ расходовъ на улучшеніе земледѣлія вызывается развитіе и усиленіе, напри- мѣръ, желѣзнаго производства, которое, въ свою очередь, въ избытокъ дохода, остающагося въ его свободномъ распоряженіи, употребляется имъ на дальнѣйшее развитіе и усовершенствованіе своей отрасли и т. д. То же самое и въ отношеніи къ торговлѣ. Избытокъ своего дохода онъ прежде всего употребляетъ на увеличеніе и расширеніе своей отрасли, которое прежде всего выражается въ увеличеніи количества товаровъ. Увеличивши послѣдніе, у него является стремленіе къ пониженію цѣны, чтобы способствовать сбыту ихъ, такъ какъ увеличеніе дохода и помимо возвышенія цѣны возможно вслѣдствіе увеличенія предметовъ сбыта въ количественномъ отношеніи. Подоходный налогъ, уменьшая доходы производителей всевозможныхъ категорій, если бы даже и не имѣлъ непосредственнаго вліянія на стремленіе возвышать цѣну, ради вознагражденія вычета изъ дохода, лишая производителя части выручки и возврата капитала, тѣмъ самымъ лишаетъ его возможности улучшенія, усовершенствованія и увеличенія производства.

Теперь будетъ понятно, что подоходный налогъ вліяетъ на возвышеніе цѣнъ, т. е. на дороговизну, вслѣдствіе двухъ основаній: 1) вслѣдствіе стремленія къ вознагражденію производителемъ той доли расхода, которая упадетъ на налогъ, и 2) вслѣдствіе лишенія его, путемъ вычета, части средствъ къ улучшенію и увеличенію производства.

Обратимся теперь къ тѣмъ статистическимъ даннымъ, которыя могутъ подтвердить вліяніе подоходнаго налога на возвышеніе цѣнъ вообще. Для этой цѣли намъ достаточно будетъ воспользоваться цѣнами на шпенаду, существовавшими какъ въ періодъ 1798—1815 гг. и вслѣдъ за нимъ, въ періодъ отсутствія подоходнаго налога, и послѣ того по настоящее время. Эти данныя чрезвычайно краснорѣчивы и подтверждаютъ многія изъ тѣхъ положеній, которыя я развивалъ прежде. Но повторю оговорку: въ дѣлѣ экономическихъ вопросовъ, какъ и въ дѣлѣ уясненія всякаго другого явленія, нельзя ограничиваться одною ка-

кою-либо причиною, однимъ какою-либо условіемъ, а всегда слѣдуетъ принимать во вниманіе совокупность многихъ причинъ; возможно, что нѣкоторыя изъ послѣднихъ могутъ быть и неуловимы для того или другого наблюдателя. Такъ, напримѣръ, война періода, о которомъ я говорю, безспорно всѣми признается какъ первая видимая причина явленій, рѣзко обнаруживавшихся въ то время. На нее обыкновенно взывали всѣ даже и такія явленія, которыя, можетъ быть, никакого отношенія къ ней не имѣютъ.

Такъ, во время войны, когда неизбежно потрясается нормальное теченіе дѣлъ, если замѣчается вздорожаніе, то это возвышеніе цѣнъ находитъ себѣ объясненіе въ явленіи, рѣзко высказывающемся. Но вздорожаніе должно идти еще въ большей прогрессіи, если въ это же время устанавливаются условія, не могущія не вызвать возвышенія цѣны и въ мирное время. Очевидно, эти условія въ большей прогрессіи способствуютъ тому же, т.-е. вздорожанію. Однимъ изъ такихъ условій является система налоговъ. И если мы видимъ, что въ Англіи въ періодъ 1798—1815 г. вздорожаніе всѣхъ предметовъ производства достигло такихъ баснословныхъ размѣровъ, съ которыми едва ли можно встрѣтиться гдѣ-нибудь и когда-нибудь, то нельзя не отыскивать причины этого въ какомъ-либо другомъ явленіи, тѣмъ болѣе, что войны никогда не составляли такого рѣдкаго явленія; наконецъ, если бы войны вызывали вездѣ и всегда такія же явленія вздорожанія, какъ въ эпоху французскихъ челоуѣкобоенъ, то едва ли бы онѣ такъ скоро и легко возгорались. Еще такъ недавно мы были очевидцами, что война, повидимому, играетъ скорѣе роль и значеніе прогулки, чѣмъ народнаго бѣдствія,—мы свидѣтели того, что начало войны было привѣтствуемо всевозможными знаками одобренія, радости, тогда какъ конецъ ея, несмотря на блистательнѣйшій результатъ,—съ точки зрѣнія солдатскаго героизма—обойденъ молчаніемъ, даже холодностью. Все это какъ-бы подтверждаетъ, что война, или на самомъ дѣлѣ не вызываетъ тѣхъ потрясеній благосостоянія, или мы не постигаемъ еще всѣхъ бѣдствій ея, такъ какъ отнеслись бы въ ней далеко не такъ, какъ къ прогулкѣ. Что война противъ Франціи и Наполеона, какъ и всякая другая война, не имѣла характера прогулки—видно изъ того ряда колебаній цѣнъ на пшеницу, изъ того возвышенія ихъ, которымъ ознаменовался этотъ влосчастный и вмѣстѣ позорнѣйшій періодъ исторіи Англіи. Но одна ли война играла тутъ роль? За 10 лѣтъ передъ нею Англія вела американскую войну, продолжавшуюся 9 лѣтъ. Но въ эти 9 лѣтъ войны цѣны на пшеницу не

только не возвысились, а напротивъ — значительно понизились. Далѣе, во время французской войны возвышеніе цѣны знаменуется не съ начала войны: въ первое ея трехлѣтіе было даже пониженіе цѣны, а только съ годомъ введенія подоходнаго налога, если исключить годы неурожая 1795 и 1796 гг. Нужно также принять въ соображеніе то обстоятельство, что тогда привозъ иностранной пшеницы былъ ничтоженъ и покровительство земледѣлію выражалось болѣе путемъ выдачи привилегій за вывозъ, чѣмъ ограниченіемъ привоза посредствомъ таможенной пошлины, что, слѣдовательно, цѣны мало зависѣли отъ состоянія внѣшняго мира и скорѣе должны были падать въслѣдствіе войны. А все это въ совокупности должно привести къ убѣжденію, что въ колебаніи цѣнъ и возвышеніи играло роль какое-либо другое обстоятельство болѣе, чѣмъ война. Вотъ таблица среднихъ цѣнъ на пшеницу, по трехлѣтіямъ — равно какъ высшія и низшія — для показанія степени колебанія ихъ.

	Средняя цѣна за 3 года.		Высшая.		Низшая.	
	шлл.	пенс.	шлл.	пенс.	шлл.	пенс.
1786—1788	42	11	46	4	40	—
1789—1791	51	11	54	9	48	7
1792—1794	48	2	52	3	43	—
1795—1797	69	2	78	7	53	9
1798—1800	91	6	113	6	51	10
1801—1803	82	8	119	6	51	10
1804—1806	77	—	89	9	62	3
1807—1809	84	3	97	4	75	4
1810—1812	109	4	126	6	95	3
1813—1815	83	2	109	9	65	7
1816—1818	87	2	96	11	78	6
1819—1821	66	1	74	6	56	1
1822—1824	53	11	68	11	44	7
1825—1827	61	10	66	6	58	6

Приведа эти цифры колебаній и возвышеній, нельзя не сознаться, что это едва ли не единственный примѣръ въ своемъ родѣ, такъ какъ и подоходный налогъ въ Англіи, по размѣрамъ поступленій, также едва ли не единственный въ своемъ родѣ. Уже эти одиѣ цифры подтверждаютъ, насколько примѣръ Англіи не заслуживаетъ подражанія. Эти колебанія и возвышенія цѣнъ тѣмъ болѣе поразительны, что ничего подобнаго никогда прежде и никогда послѣ не повторялось. Такъ, за оба столѣтія, предшествующія нынѣшнему, цѣны пшеницы не только не возвышались, а, напротивъ, клонились правильно къ пониженію до 1767 г., когда

замѣтно возвышеніе; но такихъ рѣзкихъ колебаній все-таки не было. Разсматривая измѣненія цѣнъ въ періодъ перваго подоходнаго налога, мы видимъ, что среднія цѣны, по 3-хъ-лѣтнимъ срокамъ, возвышались больше чѣмъ вдвое сравнительно съ цѣнами предшествовавшихъ годовъ; высшія цѣны нѣкоторыхъ годовъ въ два съ половиною и болѣе разъ, низшія цѣны также. Несколько въ дѣлѣ измѣненія цѣнъ играла роль таможенная пошлина, нужно сказать, что ее едва ли можно принимать во вниманіе, такъ какъ привозъ иностраннаго хлѣба замѣтно возрасталъ только въ годы неурожая, какъ 1796, 1800, 1801, 1805, 1814, 1817, 1818, 1820 и 1826 гг. На эти же годы выпадаютъ и наиболѣе возвышенія цѣнъ. Но ни въ годы предшествующіе, ни въ годы послѣдующіе за отмѣною подоходнаго налога, какъ показываетъ таблица, цѣны далеко такъ не колебались и не возвышались. Но и эти высокія цѣны, повидимому, не удовлетворяли земледѣльцевъ, потому что петиціи въ парламентъ о возвышеніи таможенной пошлины на хлѣбъ возрастали съ каждымъ годомъ. Такъ, до 1787 г. привозъ пшеницы запрещался, при цѣнѣ въ 44 шилл. за четверть, а ввозная пошлина была 6 пенсовъ съ четверта, если рыночная цѣна доходила до 48 шилл. Въ 1787 году этотъ минимумъ возвышенъ до 54 шилл., въ 1804 г. — до 66 шилл., а въ 1814 году привозъ иностранной пшеницы запрещался, если мѣстная цѣна не доходила до 80 шилл. Въ 1822 году таможенные пошлины еще болѣе возвысились, а привозъ иностранной пшеницы ограниченъ нормою цѣны мѣстной въ 70 шилл. Но, какъ мы видимъ изъ таблицы, послѣ 1815 г., вслѣдъ за отмѣною подоходнаго налога, цѣны стали быстро падать и, повидимому, нисколько не зависѣли отъ таможенныхъ пошлинъ, которыя возвышались во имя требованій земледѣльцевъ, и держались на запретительной величинѣ до 1828 года, когда Гускинсонъ ввелъ подвижную пошлину на иностранный хлѣбъ отъ 1 до 32 шилл. за четверть, смотря по уровню мѣстныхъ цѣнъ въ предѣлѣ отъ 52 до 72 шилл. за четверть.

Если принять во вниманіе, что, соответственно такому же возрастанію цѣнъ на пшеницу, возвышались цѣны на всѣ другіе предметы потребленія: мясо, каменный уголь, желѣзо, всякія мануфактурныя издѣлія, то понятно, что былъ на самомъ дѣлѣ всностикомъ подоходнаго налога, понятно, что число бѣдныхъ и суммы, на нихъ затрачиваемыя, какъ показываетъ статистика, также возвышались вплоть до 1818 года, когда благосостояніе начало измѣняться къ лучшему, вслѣдствіе паденія цѣнъ. Понятно теперь, что Р. Пилъ правильно высказывалъ до 1842 г.,

что подоходный налогъ—внудъ, но конецъ котораго стегаетъ не плательщика его, а бѣдняковъ, не производителей и получающихъ доходы, а потребителей, что идея подоходнаго налога, въ виду всего сказаннаго, до сихъ-поръ есть скорѣе плодъ недоразумѣя и фантазіи, чѣмъ основанія, выработаннаго путемъ всеобщаго опыта, или разумнаго мышленія, что по условіямъ, тогда обнаружившимся, примѣненіе его носило на себѣ отпечатокъ скорѣе злоторнаго, чѣмъ благотворнаго вліянія.

Насколько вліяніе подоходнаго налога на дороговизну должно было высказаться по возстановленіи, можно вывести изъ того, что онъ возродился съ болѣе низкими величинами обложенія. Достаточно сказать, что въ то время, когда до 1815 земледѣльцы по категоріи (B) вносили свыше 2 милл. ф. ст., послѣ 1842 года на ихъ долю упало только 300—800,000 ф. ст. Новыя условія потому и не вызывали того возвышенія цѣнъ на первые предметы потребности, какое мы тамъ видѣли. Но въ виду того, что поступленія подоходнаго сбора, причитающіяся на долю земледѣльцевъ, колебались и измѣнялись, сообразно размѣрамъ обложенія, то слѣдуетъ ожидать и колебаній въ цѣнѣ, соотвѣтственно этимъ же измѣненіямъ. Предоставимъ отвѣтить на это статистическимъ даннымъ:

		Средняя цѣна за 3 года.		Высшая цѣна за 3 года.		Низшая цѣна за 3 года.		Размѣръ обложенія съ 1 ф. дохода. Пенс.
		Шилл.	Пенс.	Шилл.	Пенс.	Шилл.	Пенс.	
1828—1830	г. . .	63	7	66	3	60	5	—
1831—1833	" . .	59	3	66	4	52	11	—
1834—1836	" . .	44	8	48	6	39	4	—
1837—1839	" . .	63	8	70	8	55	10	—
1840—1842	" . .	62	8	66	4	54	4	—
1843—1845	" . .	50	—	51	3	50	1	7
1846—1848	" . .	58	3	69	9	50	6	—
1849—1851	" . .	41	—	44	3	38	6	—
1852—1854	" . .	55	7	72	5	40	9	12—14
1855—1857	" . .	66	9	74	8	56	4	16
1858—1860	" . .	47	—	53	3	43	9	5—9
1861—1863	" . .	51	4	55	5	44	9	6—9
1864—1866	" . .	43	—	49	11	40	2	4—6
1867—1869	" . .	58	9	64	5	48	2	5—6
1870—1872	" . .	53	5	57	—	46	10	4—6
1873—1875	" . .	53	2	58	5	45	2	2—3
Въ 1874	" . .	55	8	—	—	—	—	2
" 1875	" . .	45	2	—	—	—	—	2
" 1876	" . .	46	2	—	—	—	—	2

Разсматривая эту поучительную таблицу, видя поразительное соотвѣтствіе между величинами обложенія и цѣнами на пшеницу,

можно ли еще сомнѣваться о той связи, какая между ними существуетъ. И если я напомнимъ, что до 1815 г. размѣръ обжогенія доходилъ до 24 пенсовъ вмѣсто 2—16 пенсовъ послѣ 1842 года, какъ показываетъ таблица, если прибавлю къ этому, что земледѣльцы по shed. В пользовались льготой, внося только половину и, несмотря на это, цѣны на пшеницу, а слѣдовательно и всѣ произведенія земледѣлія, т.-е. первые необходимыя предметы потребленія возвышались, то спрашивается, насколько бы возвышались цѣны этихъ же продуктовъ, если бы продолжалось существованіе налога въ тѣхъ размѣрахъ, какъ при Питтѣ или Р. Пилѣ?

Но эти же данныя могутъ подать сомнѣніе: одинъ ли подоходный налогъ играетъ роль въ смыслѣ возвышенія цѣнъ на пшеницу—предметъ потребленія? Совершенно вѣрно. Не одинъ: неурожай, война, таможенная пошлина на хлѣбъ, денежный курсъ. Но ко всѣмъ этимъ бѣдствіямъ подоходный налогъ пристегиваетъ немаловажную долю, даже болѣе значительную, чѣмъ можно себѣ представить. Для подтвержденія этого я приведу слѣдующій фактъ. До 1814 года таможенная пошлина на иностранную пшеницу была обусловлена такимъ образомъ, если хотите, вслѣдствіе не досмотра со стороны землевладѣльцевъ, всегда жаждущихъ протекціонизма, что цѣны на привозную пшеницу должны были быть ниже мѣстной англійской. Между тѣмъ послѣднія не только не понижались, а напротивъ возвышались и притомъ непомерно. Въ 1814 году, протекціонисты спохватились: таможенную пошлину возвысили на 5 шилл. на квартеръ. Но цѣны на туземную пшеницу не возвысились, а рѣзко упали въ первое же трехлѣтіе вслѣдъ за отмѣною подоходнаго налога. Эти цѣны упали бы еще ниже, если бы въ годы 1817 — 1818 не случились неурожай, потребовавшіе значительнаго въ сравненіи съ предшествовавшими годами привоза извнѣ. Въ 1818 году протекціонисты опять взбодражились: ввозную пошлину еще болѣе возвысили, но склонность къ пониженію цѣнъ со стороны неплатящихъ подоходнаго налога, слѣдовательно, нестремящихся вознаградить его, была такъ велика, что паденіе цѣнъ было на 30, 40 и болѣе процентовъ противъ періода съ подоходнымъ налогомъ. Это паденіе, несмотря на установленіе подвижной таможенной пошлины, шло неуклонно и какъ-бы въ явное противорѣчіе съ таможенною пошлиною. Однимъ словомъ, на основаніи условій таможеннаго тарифа цѣны должны были возвышаться, а не понижаться, какъ мы видимъ за весь періодъ послѣ 1815 до 1843 года.

Въ 1842 году подоходный налогъ возобновленъ. Но да не почитается за противорѣчiе то обстоятельство, что въ первое трехлѣтiе, несмотря на возобновленiе подоходнаго налога, цѣны пшеницы рѣзко понизились и почти приблизились къ нормѣ за 50 лѣтъ тому назадъ. Это пониженiе нужно объяснить, во-первыхъ, обильнымъ урожаемъ въ эти три года, такъ-что количество привоза извнѣ уменьшилось почти вдвое, несмотря на облегченiе его; во-вторыхъ, уменьшенiемъ тарифа на пшеницу почти вдвое; въ-третьихъ, крайне низкой нормою обложенiя земледѣльцевъ-производителей (по *sh. B*), сравнительно, не говоря уже съ нормою прежняго опыта, но и сравнительно съ производителями другихъ категорiй (*A* и *D*). А въ виду того, насколько колебались цѣны, насколько была тѣсна связь этихъ колебанiй съ измѣненiями въ размѣрахъ обложенiя, нельзя также не высказать, что и возобновленiе его въ 1842 году было не менѣею ошибкою.

Оба опыта примѣненiя идеи подоходнаго налога въ Англiи, имѣя въ виду два основныхъ начала умѣренности введенiя его, совершенно ясно для меня, подтверждаютъ неосновательность той части ученiя физиократовъ, которая высказывалась въ пользу перенесенiя всѣхъ налоговъ, всѣхъ податей, всѣхъ тягостей непосредственно на произведенiя земли, какъ главный и первый источникъ всѣхъ благосостоянiй, всѣхъ богатствъ. Это ученiе, во безъ исключенiя другихъ налоговъ и пошлинъ, нашло у насъ примѣненiе по отношенiю къ крестьянамъ-земледѣльцамъ, въ видѣ подушной и оброчной податей. За то что же мы видимъ? Не смотря на то, что сборы эти составляли ни болѣе, ни менѣе какъ 30% всего государственнаго дохода, направленные на произведенiя почвы — главный источникъ благосостоянiя для всѣхъ, у подушника и оброчника, за продажей этихъ произведенiй, главныхъ и первыхъ неизбѣжныхъ, очень мало и даже ничего не остается для усовершенствованiя и увеличенiя производства, ничего не остается въ запасъ про черный день и весьма мало, а иногда совершенно недостаточно для собственной годовой потребности. Да и можетъ ли быть иначе? Въ плохой неурожайный годъ земля даетъ, хотя и возвышающiйся въ цѣнѣ продуктъ, но мало и недостаточно; въ хорошiй, урожайный, хотя много и съ избыткомъ, но дешевый продуктъ. Въ первомъ случаѣ онъ распродаютъ все не многое, во второмъ такъ же точно сбываетъ все, чтобы покрыть старые недоимки и долги, самъ же изъ года въ годъ голодаетъ и не добываетъ. Въ конечномъ результатѣ всего этого: общая непроизводительность, общiй застой, общая бѣдность.

XI.

Распределение тяжести подоходнаго сбора между населеніемъ.

Въ развитіи идеи подоходнаго налога нельзя не указать на то высоко-гуманное начало, во имя котораго она осуществлялась и которымъ руководствовались — въ виду случая, надъ которымъ подумывалъ герцогъ Веллингтонъ, а также тѣхъ фактовъ, что у нѣкоторыхъ гражданъ обнаруживаются или литого золота канделябры, или брилліантовые фермуары и разныя другія проявленія утонченной, а иногда и безумной роскоши, въ родѣ подкованія любимой лошади подковами и гвоздями изъ чистаго золота. Такіе факты должны были а priori привести въ убѣжденію и сознанію, что въ идеѣ подоходнаго налога, такъ же, какъ и осуществленіи ея кроется начало уравненія тягостей налоговъ и перенесенія ихъ съ мало имущихъ на болѣе достаточныхъ. Достигается ли эта цѣль путемъ подоходнаго налога въ тѣхъ формахъ, въ какихъ осуществлялся послѣдній въ нѣкоторыхъ странахъ, мы сейчасъ увидимъ.

Для того, чтобы нагляднѣе оцѣнить подоходный налогъ съ этой точки зрѣнія, мы приведемъ слѣдующія апіористическія цифры доходовъ отъ 100 до 200,000 рублей и, соотвѣтственно различнымъ величинамъ послѣднихъ, причитающійся налогъ, какъ пропорціональный, такъ и прогрессивный, а также величины соотвѣствующихъ остатковъ дохода, за вычетомъ размѣра обложенія, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ:

При величинѣ дохода въ рубл.	Остается у платель- щика при налогѣ въ 5% рубл.	При прогрессив- номъ налогѣ въ % %	Остается у плательщика: рубл.
100	95	5	95
200	190	6	183
500	475	7	465
1,000	950	10	900
10,000	9,500	12	8,800
50,000	47,500	20	40,000
100,000	95,000	40	60,000
200,000	190,000	80	40,000

Изъ этихъ данныхъ, совершенно апіористическихъ и несбыточныхъ въ дѣйствительности, особенно по отношенію къ прогрессивному налогу, нельзя, однако, не вывести, что далеко не одинаково тяжело или легко для различныхъ величинъ доходовъ

отдѣлить извѣстный размѣръ вычета, какъ просто, такъ и прогрессивно пропорціонально. Невозможно сказать, что для располагающаго 200 р. дохода уплатить въ налогъ 10 руб. будетъ легче, чѣмъ 5,000 руб. для обладателя выручки въ 100,000 р. У перваго остается 190 р., у втораго 95,000 руб. Чтѣ послѣднее далеко не одинаково, слѣдуетъ изъ того, что при 200 руб. нѣтъ возможности удовлетворить самыхъ обыденныхъ, самыхъ неприхотливыхъ потребностей, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда выручающій такой доходъ имѣетъ болѣе или менѣе многочисленное семейство, не говоря о тѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, которыя всегда и чаще могутъ разразиться надъ участіемъ самаго дохода. Слѣдовательно, какъ бы ни былъ организованъ подоходный налогъ, какъ показываютъ данныя только-что приведенныя, едва ли можно сказать, что онъ влечетъ за собою свойство приравниванія или справедливости. А сравнивая этотъ налогъ со многими другими, едва ли послѣдніе, за исключеніемъ развѣ подушной подати, не будутъ раціональнѣе. Такъ-называемые косвенные налоги имѣютъ даже характеръ прогрессивности, чтѣ несомнѣнно имѣетъ свою хорошую сторону. Если мы согласимся, что подоходный налогъ всею своею тягостію ложится на малые доходы, чтѣ мы слышали и прежде въ рѣчи министра ф.-д.-Гейдта; если мы согласимся на основаніи этого, что отъ подоходнаго налога должны быть освобождены низшія величины доходовъ, то мы должны согласиться также, что подоходный налогъ долженъ быть прогрессивнымъ. Но это заключеніе не выйдетъ со всѣмъ тѣмъ, что составило предметъ этой статьи, со всѣми тѣми выводами, которые проводятъ почти единогласно всѣ экономисты, наконецъ, съ тѣми результатами, къ которымъ приводитъ прогрессивность обложенія и которые указаны выше, что едва-ли и можно на нихъ останавливаться, слѣдовательно, едва-ли и можно согласиться съ раціональностью идеи подоходнаго налога.

Но если выводъ о нераціональности, на основаніи степени тягости подати для различныхъ величинъ доходовъ, можетъ показаться только теоретическимъ, то этого нельзя сказать по отношенію къ тѣмъ даннымъ, которыя можетъ представить практика осуществленія и которыя потому должны быть неоспоримыми. Для подтвержденія того же вывода я воспользуюсь трудами директора берлинскаго статистическаго бюро Энгеля ¹⁾, который, къ

¹⁾ Dr. Ernst Engel. Zeitschrift des K. Preussischen Statist. Bureau. Berlin 1868 и 1876.

тому, несомнѣнно, безусловной поборникъ идеи подоходнаго налога. Въ этихъ матеріалахъ мы имѣемъ ясную картину распредѣленія налога по населенію.

Прежде я указывалъ, что въ Пруссіи подоходная подать распадается на двѣ главные категоріи: 1) классная или разрядная подать (Classensteuer), куда причисляются граждане, получающіе доходъ ниже 1,000 талл. Въ этой категоріи принято 12 степеней или разрядовъ, съ обложеніемъ cadaго отъ $\frac{1}{2}$ до 24 талер. (1 разрядъ — изъ 2 подраздѣленій въ $\frac{1}{2}$ и 1 тал.). Прогрессивность въ этой категоріи выражается отъ $\frac{1}{2}\%$ для низшихъ до 2% — для высшихъ нормъ. До указа 25 мая 1873 г., за исключеніемъ нѣкоторыхъ привилегій, связанныхъ съ военными службою и заслугами, также съ возрастомъ ниже 16 лѣтъ, а также съ мѣстностями, въ которыхъ существовали налоги на помолъ муки и убой скота, освобождались одни нищіе и немогущіе существовать безъ пособія благотворительности. По майскому закону 1873 г. налоги на помолъ и убой отменены, а имѣющіе ниже 140 талеровъ дохода освобождены отъ сбора.

Далѣе, 2-я категорія — классифицированная подоходная подать (classificirte Einkommensteuer), которой подлежали всѣ граждане, за исключеніемъ членовъ королевскаго и гогенцоллернскаго домовъ, получающіе доходъ выше 1,000 тал. Въ этой категоріи принято 30 разрядовъ или ступеней (Stufe) и съ размѣромъ годового обложенія каждой отъ 30 до 7,200 тал., а по величинамъ ежегоднаго дохода отъ 1,000 до 240,000 тал. По майскому закону 1873 года число «ступеней», при сохраненіи прежнихъ нормъ, съ 30 увеличено до 40, отчего величины cadaго класса нѣсколько измѣнились и распредѣленіе сдѣлалось соотвѣтственнѣе измѣненію величины дохода.

Для того, чтобы наглядно показать, какъ распредѣляются въ населеніи обѣ эти категоріи доходовъ, затѣмъ какъ измѣнились они по годамъ, я приведу слѣдующую таблицу, составленную мною на основаніи данныхъ, приведенныхъ Энгелемъ въ указанномъ выше источникѣ. Эти данныя относятся къ старымъ провинціямъ Пруссіи:

А. Классная подать.

Нормы доходовъ, подлежащихъ обложенію.	Размѣры обложенія.	1 8 5 5	
		Число плательщиковъ.	Сумма сбора.
ниже 400 т.	$\frac{1}{2}$ — 8 тал.	5.096,308	6.337,285
400—1000	10—24	142,587	2.015,766
Всего А.		5.238,895	8.353,051

1 8 6 5		1 8 7 3	
Число плательщиковъ.	Сумма сбора.	Число плательщиковъ.	Сумма сбора.
5.729,145	7.063,704	6.016,710	7.655,070
186,904	2.697,992	207,502	3.009,748
Всего А. 5.916,049	9.761,696	6.224,212	10.664,818

В. Классифицированная подоходная подать.

Нормы доходовъ, подлежащихъ об- ложению.	Размѣры обложениа. талл.	1 8 5 5 Число плательщиковъ.	Сумма сбора.
1,000— 1,600	30— 42	19,376	1.012,404
1,600— 3,200	48— 84	14,121	843,924
3,200— 6,000	96— 140	4,121	475,488
6,000— 12,000	180— 288	1,342	289,764
12,000— 24,000	360— 600	401	173,280
24,000— 52,000	720— 1,200	107	93,940
52,000— 100,000	1,560— 2,400	20	36,600
100,000— 200,000	3,000— 5,400	5	19,200
200,000 и выше	6,000— 7,200	4	27,800
Всего В.		49,997	2.972,200
Вообще А. и В.		5.288,892	11.325,151

1 8 6 5		1 8 7 3	
Число плательщиковъ.	Сумма сбора.	Число плательщиковъ.	Сумма сбора.
40,510	1.331,512	55,065	1.888,842
19,881	1.198,428	28,573	1.719,300
6,021	693,264	8,751	1.008,840
2,237	482,796	3,712	607,552
706	308,520	1,426	640,680
165	145,200	461	414,720
32	61,420	108	199,560
9	35,400	32	123,000
4	27,600	22	156,000
Всего В.	69,565	4,834,160	93,150
Вообще А. и В.	5.985,614	14,095,856	6.322,362
			17.623,312

Разсмотрѣніе этихъ данныхъ представляется весьма поучительнымъ. Я уже прежде доказывалъ, что подоходная подать или налогъ на богатыхъ есть косвенный налогъ на бѣдныхъ; на основаніи же этой таблицы, мы должны придти къ выводу, что подоходный сборъ есть прямой налогъ на бѣдныхъ, такъ какъ въ болѣе значительной своей части онъ собирается съ бѣдняковъ. Да и можно-ли охарактеризовать иначе тѣхъ гражданъ, которые получаютъ менѣе 400 талеровъ, такъ какъ эта сумма обезпечиваетъ удовлетвореніе только самыхъ скромныхъ и непритязательныхъ потребностей? Что-же мы видимъ изъ этой таблицы? Не видимъ-ли мы, что на 100 плательщиковъ этого налога 96 та-

нихъ бѣдняковъ и болѣе половины, почти $\frac{2}{3}$ всей суммы сбора вносится этими бѣдняками. Изъ этой же таблицы видимъ, какъ ничтожно количество плательщиковъ и сумма сбора въ категоріи богачей, видимъ, въ какой геометрической прогрессіи уменьшаются, какъ количество взносов, такъ и сумма сбора. И если оправдывать чувствомъ справедливости, что 500—2000 гражданъ, имѣющихъ доходъ отъ 12,000 до 200,000 тал. и выше привлечено ко взносу налога отъ 350,000—1.300,000 т., то едва-ли можно сказать, что такое же чувство справедливости имѣетъ мѣсто и по отношенію къ 5.000,000 гражданъ-бѣдняковъ, вносящихъ свыше 6.000,000 талер. и имѣющихъ менѣе 400 тал. годового дохода. Изъ этой же таблицы мы должны также вывести, что подоходный налогъ тяжелѣе для бѣдняковъ чѣмъ для богачей: рассматривая по годамъ, мы видимъ, что какъ количество взносов, такъ и сумма сбора увеличиваются болѣе въ категоріи большихъ доходовъ, чѣмъ малыхъ. Въ то время, когда увеличеніе въ первыхъ выражается вдвое, втрое и болѣе и тѣмъ болѣе, чѣмъ высшая норма дохода, т.-е. чѣмъ богаче, у бѣдняковъ это увеличеніе простирается только на $\frac{1}{10}$. А изъ этого нужно вывести, что для большихъ доходовъ налогъ является какъ-бы поощряющимъ, какъ-бы источникомъ дохода. А въ этомъ подтверждается тотъ выводъ, къ которому я пришелъ раньше разсмотрѣнія этихъ данныхъ.

Чтобы еще яснѣе представить, насколько подоходный налогъ ложится непосредственно на бѣдняковъ, я возьму распределеніе числа плательщиковъ и суммы сбора по 12 разрядамъ классной подати, напр., за 1865 годъ. Я довольствуюсь только однимъ годомъ, такъ какъ подоходный налогъ имѣетъ также свой отличительный характеръ—неподвижность, чего нельзя сказать относительно большинства другихъ источниковъ государственнаго дохода; хотя послѣднее не безусловно вѣрно, и въ особенности относительно доходовъ въ Пруссіи, которые всѣ вообще носятъ печать устойчивости и неподвижности.

Вотъ какъ распредѣлялись плательщики и сборъ съ нихъ по 12-ти разрядамъ классной подати въ 1865 году:

Разрядъ.	Норма дохода.	Разрядъ годового взноса.	Число плательщиковъ.	Сумма сбора.	Разрядъ.	Норма дохода.	Разрядъ налога.	Число плательщиковъ.	Сумма сбора.
1. до 100 т.	{	15 злбгр.	4,000,148	2,000,071	7	350—400	8	78,965	681,640
		1 тал.	268,028	268,028	8	400—500	10	51,836	518,860
2. 100—150	2	"	694,651	1,389,302	9	500—650	12	55,322	663,864

3. 150—200	3 „	290,985	872,955	10	650—800	16	39,357	629,712
4. 200—250	4 „	190,979	763,916	11	800—900	20	20,820	416,400
5. 250—300	5 „	94,632	473,160	12	900—1000	24	19,569	469,656
6. 300—350	6 „	110,772	664,632				Всего	5.916,049 9.761,696

Если, на основаніи предыдущей таблицы, мы пришли къ выводу, что подоходный сборъ слагается изъ взносовъ бѣдняковъ, то изъ этой таблицы мы должны вывести, что взносчиками классной подати являются бѣднѣйшіе изъ бѣдняковъ. А такъ какъ норма дохода въ 100—200 талеровъ—есть норма скорѣе нищаго, то, стало быть, большая половина этой подати и $\frac{1}{3}$ всего разряднаго сбора доставляется нищими. Не въ этомъ ли заключается причина того, что въ Пруссіи такъ медленно растутъ всѣ источники государственныхъ доходовъ,носящихъ на себѣ печать застоя и неподвижности? Не въ этомъ ли причина тѣхъ хроническихъ дефицитовъ, которые едва ли покроются возвышеніями табачнаго или какого-либо другого косвеннаго сбора? А между тѣмъ, сколько способствовало бы улучшенію благосостоянія этихъ нищихъ, если бы эти 4.500,000 тал. остались въ ихъ распоряженіи? Сколько бы увеличились также другіе источники государственнаго дохода, если бы эти 4 $\frac{1}{2}$ милл. тал. сдѣлали бы хоть 10 оборотовъ? насколько бы увеличилась производительная сила монетнаго обращенія, не могущая не высказаться прежде всего въ бюджетѣ?

Для дополненія характера распредѣленія подоходнаго сбора въ категоріи классной подати, воспользуемся еще одною данною того же Энгеля, данною, относящеюся къ 1873 году и обнимающею всю Пруссію въ новомъ ея видѣ, съ присоединенными послѣ 1871 года территоріями.

Число плательщиковъ, обложенныхъ налогомъ въ размѣрѣ:

	15 злбгр.	1 тал.	2 тал.	3 тал.	Всего.
Рабочіе-поденщики.	1.390,464				1.390,464
Обыкновенные годовые работники.	1.198,193				1.198,193
Годовые работники мастера.		93,161			93,161
Мелкіе земледѣльцы	202,591	33,544	463,568	223,743	923,441
Мелкіе промышленники	243,902	31,945	247,369	98,815	622,031
Приказчики		226,094			226,094
Несамостоятельныя лица	127,094				127,094
Другія лица	300,673	59,694	258,276	75,880	694,023
Всего.	8.462,917	444,438	969,208	397,938	5.274,501

Эти данныя не нуждаются въ комментаріяхъ. То, что 2-х-талерный разрядъ представляется какимъ-то особенно заманчивымъ, объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что этотъ размѣръ взноса

служить цѣнзомъ для выборнаго права. А это, если хотите,—взятка за право участія въ выборахъ, право, которымъ весьма естественно дорожить каждый, право, котораго ищеть и домогается всякій: понятно, что едва ли кто захочеть изъ-за двухъ талеровъ отказаться отъ участія въ выборахъ, съ которыми связывается его же благосостояніе.

На основаніи послѣдней таблицы, равно какъ и двухъ предъидущихъ, слѣдуетъ предполагать, что заработная плата въ Пруссіи должна быть ниже, чѣмъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ не существуетъ налога на рабочихъ, годовыхъ или поденныхъ, что улучшение быта гражданъ этой категоріи задерживается въ Пруссіи болѣе чѣмъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ не существуетъ подобныхъ налоговъ.

Вотъ какъ пророчествовалъ, сто лѣтъ тому назадъ, великій филантропъ Адамъ Смитъ: «Упадокъ промышленности, уменьшеніе средствъ существованія бѣдныхъ классовъ и пониженіе годового дохода земель и труда страны были обыкновенными слѣдствіями подобныхъ налоговъ. Какъ ни нелѣпы и ни разорительны такого рода налоги, тѣмъ не менѣе, они существуютъ во многихъ странахъ. Во Франціи часть подати, которою обложены промыслы сельскихъ работниковъ и поденщиковъ, представляетъ собственно налогъ подобнаго рода» ¹⁾.

А если припомнить, что, на основаніи данныхъ статистики, всѣ невзгоды, всѣ отрицательныя стороны общественнаго и индивидуальнаго развитія выражаются наибольшими величинами въ разрядахъ категоріи бѣдняковъ, то очевидно, что подоходный или разрядный налогъ, на прусскихъ основаніяхъ, имѣетъ характеръ крайней тягости какъ для цѣлаго общества, такъ и для бѣдняковъ въ особенности.

ХІІ.

Трудность опредѣленія чистаго дохода; вліяніе этого условія на гармонію гражданскаго строя. Заключение.

Разсмотримъ еще одну сторону нашего вопроса. Я уже указывалъ, что предметомъ обложенія, при подоходномъ налогѣ, является избытокъ выручки, т.-е. та часть ея, которая называется чистымъ доходомъ. Какъ ни представляется, на первый взглядъ, простымъ такое основаніе осуществленія налога, но на самомъ

¹⁾ А. Смитъ. „О богатствѣ“, кн. V, глава II, стр. 258 (въ переводѣ Библикова).

дѣлѣ едва ли это такъ легко достижимо на опытѣ примѣненія. Въ большинствѣ случаевъ, можно сказать, самъ получатель дохода не можетъ выразить вѣрно и опредѣлительно ту долю его, которая или предвидится или обнаружилась уже, и которая можетъ быть отнесена къ части избытка—къ чистому доходу. Еще труднѣе и почти невозможно опредѣлить эту часть постороннему лицу, какъ бы послѣдній ни былъ хорошо знакомъ съ обстоятельствами своего сосѣда. Наконецъ, въ очень многихъ случаяхъ, увеличеніе дохода является настолько же неожиданнымъ, какъ и тотъ владѣ, который нечаянно выкапывается или выплываетъ въ полѣ или огородѣ владѣлецъ послѣдняго.

А въ виду многообразія и множества условий,—которые вовсе не во власти получающаго доходъ и которые тысячами путей могутъ вліять на уменьшеніе ожидаемаго къ полученію—гораздо разнообразнѣе, гораздо многочисленнѣе случаи, вызывающіе уменьшеніе дохода. И если задаться опредѣленіемъ и изысканіемъ всѣхъ разнообразныхъ источниковъ денежной выручки гражданъ, то предвидѣть и предусмотрѣть можно скорѣе хаосъ, чѣмъ гармонію гражданственности, и хаоса тѣмъ больше, чѣмъ больше задаваться опредѣленностью и вѣрностью выводовъ и достиженіи цѣли. Очевидно, во избѣжаніе такого хаоса, такого нарушенія гармоніи теченія гражданского строя, придется довольствоваться данными, скорѣе приближительными, скорѣе произвольными, чѣмъ вѣрными, основанными на изслѣдованіи и изысканіи. Такъ было съ опытами подоходнаго налога всѣхъ странъ и всѣхъ временъ, и послѣдній всегда являлся не соразмѣрно доходу, а какъ дополненіе къ тѣмъ налогамъ, которыя уже охватывали тотъ или другой источникъ дохода. Достаточно припомнить тѣ огромныя затраты времени, труда и капитала, которыя были предприняты въ разныхъ государствахъ для опредѣленія одного земельного дохода, чтобы судить, насколько трудно и почти невозможно измѣрить *чистые доходы* по разнообразнымъ проявленіямъ человеческой дѣятельности.

Но помимо недостижимости цѣли съ этой точки зрѣнія, не слѣдуетъ упускать изъ виду еще одной стороны дѣла. Я воспользуюсь корреспонденціею «Голоса», передавъ ее дословно, чтобы ознакомить съ новою стороною вопроса.

«Одинъ изъ вѣстѣянъ села Закутинiecъ, бердичевскаго уѣзда, осенью прошлаго года, распахивая свое поле, нашелъ *кладъ*, состоящій, какъ говорить, изъ трехсотъ штукъ старинныхъ серебряныхъ монетъ большого размѣра. Монеты находились въ гли-

няномъ горшкѣ, который при ударѣ сохою разбился. Крестьянинъ подобралъ монеты и унесъ ихъ домой, гдѣ и спряталъ до поры до времени, никому не говоря о своей находкѣ. Спустя нѣсколько времени, какимъ-то способомъ провѣдалъ объ этомъ мѣстный арендаторъ корчмы, еврей, и сталъ употреблять всевозможныя ухищренія и подходы, чтобъ выманить у крестьянина найденный кладъ. Но когда всѣ употребленные къ этому способы не увѣнчались успѣхомъ, еврей прибѣгъ къ другимъ уловкамъ: онъ *донесъ* объ этомъ мѣстному волостному писарю. Волостной писарь началъ *стращать* крестьянина *доносомъ* начальству, доказывая, что о всякомъ найденномъ кладѣ *надо немедленно доносить*. Напуганный *угрозами* волостного писаря, крестьянинъ отдалъ писарю *кладъ*, а писарь положилъ его *въ собственный карманъ*. Но, къ несчастью писаря, такъ ловко воспользовавшагося кладомъ, узналъ о кладѣ писарь сосѣдней волости, который, въ свою очередь, сталъ *стращать своего собрата доносомъ* на него куда слѣдуетъ, если онъ не подѣлится съ нимъ поровну. Нечего дѣлать, надо дѣлиться: и одинъ и другой получили по 140 монетъ, а еврею *корчмарю за суфлерство* дали двадцать монетъ. Кажется, и конецъ. Но какъ на грѣхъ, *провѣдалъ* объ этомъ еще и мѣстный *становой приставъ*, которому, какъ говорятъ, любителямъ старинныхъ монетъ (волостнымъ писарямъ) пришлось дать каждому по тридцати монетъ. Но любители старинныхъ монетъ, *производя дѣлежъ*, совершенно забыли о лицѣ нашедшемъ *кладъ*; а это лицо, возмущившись уже очень своеобычнымъ дѣлежомъ, подало, какъ говорятъ, жалобу судебному слѣдователю» («Голосъ», № 96, 1878).

Не узнаемъ ли мы изъ этого факта, что одна попытка крестьянина-счастливицы, можетъ быть, и не скрыть, а только приберечь кладъ отъ могущихъ быть случайностей, породила цѣлую группу людей, различныхъ инстанцій, подлежащихъ приглашенію пожаловать на сѣанъ подсудимыхъ! Сколько же поводовъ и событій, аналогичныхъ этому, можетъ явиться при условіи требованія обнаружить выручку отъ промысла или занятія? Не будетъ ли послѣднее условіемъ порожденія такого хаоса взаимныхъ отношеній, какового мы еще и не испытывали въ нашей исторіи? И все это въ дополненіе къ тѣмъ отрицательнымъ сторонамъ, на которыя я указывалъ въ моемъ изложеніи!

Странно, но я долженъ присовокупить во всему уже сказанному и слѣдующее: только устраненіемъ условія вѣрности, справедливости и равномѣрности или соразмѣрности можно объяснить,

что подоходный налогъ сохранился и сохраняется еще въ нѣкоторыхъ странахъ. Безъ устраненія этихъ условий, пришлось бы прибѣгать къ такимъ драконовымъ законодательнымъ мѣрамъ, какія примѣнялись въ Афинахъ во времена Солона и которыя, разумѣется, невозможны теперь. На основаніи послѣдняго, можно ли сказать еще, что идея подоходнаго налога имѣетъ за собою хоть какую-либо долю оправданія? — Ни малѣйшей — остается только мнѣ добавить.

Но этимъ еще нельзя кончить. Нужно коснуться еще того, въ какой величинѣ можетъ у насъ выразиться цифра подоходнаго сбора.

Что касается категорій доходовъ отъ жалованій и вознагражденій за казенную или общественную службу, а также отъ дивидендовъ и выручекъ отъ акціонерныхъ предпріятій всевозможныхъ названій, то величина ожидаемаго сбора отъ этихъ источниковъ можетъ быть предопредѣлена математически вѣрно. Совсѣмъ не такъ по отношенію къ доходамъ отъ промысловъ и занятій. На основаніи данныхъ статистики, уже имѣющихся и совершенно удовлетворяющихъ цѣли, также на основаніи данныхъ сравнительной статистики, — принявши вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ, которыя уже высказаны въ моемъ изложеніи, мы должны придти къ заключенію, что у насъ цифра подоходнаго сбора должна быть наименьшею, если остановиться на размѣрахъ обложенія, примѣнявшихся въ другихъ странахъ. Можно даже допустить, что цифра эта окажется настолько ничтожною, что послѣдняя будетъ совершенно не соответствовать той отрицательной сторонѣ, которая должна обнаружиться при установленіи этого налога.

Нужно еще сказать, что въ бюджетѣ всякаго государства, всякой страны, возможно, путемъ реформы существующей системы податей и сборовъ, помимо подоходнаго налога, осуществить такую цифру увеличенія дохода, которая должна соответствовать и всегда превзойти цифру ожиданія отъ подоходнаго.

Далѣе, во всякомъ государствѣ, гдѣ уже введенъ и существуетъ этотъ сборъ, послѣдній можетъ быть, безъ страха дефицита, исключенъ изъ бюджета, или преобразованъ въ томъ направленіи, на которое я указывалъ, какъ на уступку въ пользу этого сбора. Отрицательныя стороны послѣдняго такъ велики, что исключеніе его не можетъ повлечь за собою уменьшенія общей суммы бюджетнаго дохода.

Я высказываю все это потому, что немного налоговъ менѣе рациональныхъ, чѣмъ подоходный и окончательный выводъ изъ всего изложеннаго мною долженъ быть слѣдующій:

Никакой налогъ не имѣетъ столько антисоціального характера; никакой налогъ не задерживаетъ настолько улучшенія состоянія бѣдныхъ; никакой налогъ не обогащаетъ настолько имущаго на счетъ неимущихъ; никакой налогъ не нарушаетъ настолько гармоніи гражданскаго благоустройства; никакой налогъ не соединяетъ съ собою столько отрицательныхъ сторонъ всевозможныхъ оттѣнковъ, видовъ и формъ—сколько тотъ налогъ, который сборщикомъ податей взимается соразмѣрно съ доходомъ, т.-е. подоходный или разрядный.

ЛЕОНИДЪ ЧЕРНЯВЪ.

ИПОЛИТЪ ТЭНЪ

КАКЪ

ИСТОРИКЪ ФРАНЦІИ

X *).

Нашъ разборъ первой части обширнаго сочиненія Тэна, въ которой онъ намѣревался описаніемъ политическаго строя и культуры Франціи въ «эпоху стараго порядка» объяснить революцію 1789 г.,—привелъ насъ въ заключенію, что, съ занятой имъ точки зрѣнія, Тэнъ вѣрно изобразить только увлеченія и заблужденія революціи, но не ея заслуги въ исторіи цивилизаціи. Мы признаемся, что не безъ нѣкотораго колебанія рѣшились на такое предположеніе.

Историческій смыслъ революціи 1789 г. настолько выясненъ наукой, всемірное значеніе ея настолько признано всѣми образованными французами, что трудно было ожидать иного отношенія къ дѣлу отъ такого трезваго и реалистическаго писателя, какъ Тэнъ, въ-добавокъ заявившаго, что онъ не принадлежитъ ни къ какой политической партіи. Но одностороннее отношеніе Тэна къ умственному движенію XVIII в., и его заимствованное у позитивистовъ пренебреженіе къ философамъ, которая одна можетъ дать ключъ къ эпохѣ раціонализма—заставили насъ усомниться въ правильности и безпристрастіи при оцѣнкѣ революціи со стороны Тэна и предостеречь читателей передъ выходомъ

*) См. выше: май, 117 стр.

2-го тома, чтобы они не относились слишкомъ доверчиво къ сужденіямъ новаго историка объ этомъ событіи. Мы ожидали, что утилитаризмъ Тона и его скептическое отношеніе къ идеямъ и «идеологіи» заставятъ его забыть о теоретическомъ значеніи описываемаго имъ переворота, а его недоверіе къ движеніямъ и къ политической дѣятельности народныхъ массъ вовлекутъ его въ другого рода односторонность. Все это дѣйствительно сбылось и даже въ болѣе мѣрѣ, чѣмъ мы предполагали; но мы не ожидали, что, защищая противъ Тона историческое значеніе французской революціи, намъ придется въ то же время отстаивать научную точку зрѣнія на самое сочиненіе Тона, и указывать на то, какую пользу могутъ извлечь историографія и современное общество изъ новой книги, несмотря на ея крайности и пробѣлы. Дѣло въ томъ, что всякій, прочитавъ 2-й томъ Тона, прежде всего готовъ судить о немъ съ точки зрѣнія современныхъ политическихъ интересовъ. Французская революція оставила послѣ себя такіе глубокіе слѣды въ политической жизни не только Франціи, но и всей остальной Европы, такъ непосредственно отражается еще во множествѣ вопросовъ, переживаемыхъ современнымъ обществомъ, что каждое новое и оригинальное изложженіе событій 1789 г. прямо затрѣхиваетъ убѣжденія и интересы современнаго поколѣнія и вызываетъ къ себѣ сочувствіе или недоверіе, смотря по точкѣ зрѣнія автора на первую французскую революцію. Такъ случилось и съ сочиненіемъ Тона. Люди 16-го мая во Франціи и «противники либеральныхъ принциповъ» въ другихъ странахъ привѣтствуютъ книгу Тона, какъ политическое орудіе, которымъ они считаютъ возможнымъ воспользоваться. По ихъ мнѣнію, Тонъ *разомчалъ* французскую революцію, которую столь многіе ошибочно считали до сихъ поръ «величайшимъ и благодѣтельнымъ событіемъ въ исторіи человѣчества». По ихъ мнѣнію, Тонъ нанесъ смертельный ударъ «французскимъ либераламъ, для которыхъ идеи и политическая дѣятельность учредительнаго собранія были предметомъ національной гордости». По ихъ мнѣнію, Тонъ доказалъ несостоятельность «такъ-называемыхъ принциповъ 1789 г.» и изобличилъ вредныя послѣдствія, какія они имѣли для Франціи и для остальной Европы. По мнѣнію такихъ критиковъ, Тонъ совершилъ великое дѣло тѣмъ, что вступилъ въ открытую борьбу съ «установившимися ложными понятіями, достигнутыми безграничнаго господства». Мы не можемъ согласиться съ похвалами, расточаемыми Тону съ такой точки зрѣнія и признаемъ за нимъ совершенно иного рода заслугу. «Такъ-называемые принципы 89 г.» и послѣ книги Тона

останутся основными политическими догматами для Франціи, и не только французскіе либералы по прежнему будутъ гордиться этими принципами, но 1789 г. всегда будетъ считаться однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятникѡвъ на пути челоувѣчества къ гражданскому прогрессу, и тогда, когда будутъ забыты споры, раздѣляющіе въ наше время приверженцевъ либеральныхъ и антилиберальныхъ принциповъ.

Но точно также мы не можемъ согласиться съ упреками, какіе дѣлаются Тѣну съ противоположной стороны. За послѣдніе 70 лѣтъ Тѣнъ представляетъ собой во Франціи единственный примѣръ замѣчательнаго по таланту и популярности писателя, заявившаго себя рѣшительнымъ противникомъ революціи. До сихъ поръ слышались во французской печати со стороны либеральныхъ писателей и историковъ только условные протесты противъ французской революціи. Одни высказывались противъ людей террора и превозносили вождей 1789 г.; другіе, какъ, наприм., Мишле, осуждали всѣхъ вождей вообще и превозносили народъ; но такого безусловнаго, полнаго осужденія людей и принциповъ революціи, какое мы находимъ у Тѣна, до сихъ поръ еще не встрѣчалось; онъ не только строго осуждаетъ отдѣльныхъ дѣателей, министровъ, депутатовъ, журналистовъ, демагоговъ, но и цѣлкомъ все національное собраніе; онъ не только обличаетъ несостоятельность всего высшаго общества, но рисуетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ образъ дѣйствія всего народа въ обширномъ смыслѣ — массы сельскихъ и городскихъ жителей Франціи. Съ другой стороны, предосудительное поведеніе вождей и народной массы представлено у Тѣна не только результатомъ челоувѣческой слабости и неопытности, но прямымъ послѣдствіемъ ложныхъ идей и принциповъ, господствовавшихъ въ обществѣ. Понятно, что такое неожиданное отношеніе любимаго писателя къ любимымъ событіямъ и идеямъ озадачило французское общество и вездѣ послышался упрекъ, что Тѣнъ написалъ не исторію революціи, а политическій памфлетъ. «Il a osé outrager, il a salomnié la révolution» — онъ дерзнулъ оскорбить и оклеветать французскую революцію, таковъ былъ приговоръ значительной части французской печати. Для многихъ такого приговора было достаточно, чтобъ подорвать авторитетъ новаго сочиненія. Но болѣе осмотрительные критики не могли довольствоваться такимъ осужденіемъ. Сочиненіе Тѣна вовсе не имѣетъ характера политическаго памфлета. Въ немъ меньше риторики, чѣмъ вообще во французскихъ книгахъ, въ немъ даже мало общихъ разсужденій, но за то оно наполнено фактами и цитатами изъ источ-

никовъ изданныхъ и неизданныхъ — въ такомъ изобиліи, какъ никогда до Тэна не позволялъ себѣ предлагать французской публикѣ ни одинъ изъ ея любимыхъ писателей; факты и цитаты нагромождены въ такомъ количествѣ, что они затрудняютъ чтеніе и подрываютъ интересъ книги. При такомъ положеніи дѣла оставался одинъ выходъ: усомниться въ достовѣрности фактовъ или, по крайней мѣрѣ, въ безпристрастіи или даже добросовѣстности автора, котораго упрекали въ томъ, что онъ самъ вдался въ обманъ, увлекся приводимыми имъ документами, преувеличивалъ значеніе найденныхъ имъ въ архивахъ свидѣтельствъ, произвольно подбиралъ факты, оставляя въ сторонѣ тѣ, которые противорѣчили его выводамъ. Такія обвиненія дѣлались, конечно, болѣею частью голословно; впрочемъ, были даже попытки обвинить Тэна съ документами въ рукахъ. Такъ, наприм., въ одномъ изъ ученыхъ французскихъ журналовъ были напечатаны отрывки изъ неизданныхъ бумагъ одного изъ главныхъ дѣятелей французской революціи, аббата Грегуара, съ цѣлью доказать, что рядомъ съ извлеченными Тэномъ изъ архивовъ жалобами — интендантовъ, дворянъ и всякаго рода привилегированныхъ, непосредственно пострадавшихъ отъ революціи — на насилія, грабежи, мятежи и вообще на образъ дѣйствія народа, — рядомъ съ этимъ можно поставить тысячу фактовъ и свидѣтельствъ изъ мѣстной и провинціальной жизни, которые могутъ произвести противоположное впечатлѣніе ¹⁾).

Но лучшей защитой Тэна противъ обвиненія въ пристрастномъ подборѣ свидѣтельствъ и искаженіи исторической правды можетъ служить то обстоятельство, что приведенные *противъ него* факты подтверждаютъ взглядъ, который онъ приводитъ въ своемъ изложеніи. А именно: депутатъ Грегуаръ, желая познакомиться съ состояніемъ провинцій и настроеніемъ ихъ жителей, разослалъ въ 1790 г. во всѣ области Франціи списокъ печатныхъ вопросовъ и получилъ почти отовсюду подробные отвѣты. Между этими вопросами особенно близко касаются задачи, которую поставилъ себѣ Тэнь въ 1-й книгѣ II тома, слѣдующіе три: 40) какое нравственное вліяніе имѣла на сельскихъ жителей совершившаяся революція; 41) можно ли среди ихъ найти патріотизмъ или только страсти, внушаемыя личнымъ интересомъ; 42) не становятся ли духовенство и бывшіе дворяне жертвой грубыхъ оскорбленій и насилій со стороны крестьянъ, и деспотизма со стороны мэровъ

¹⁾ Revue politique et littéraire, № 39. L'anarchie spontanée en 1789. Réponse à M. Taine par M. A. Gozier.

и муниципалитетовъ? — И что же? — нѣтъ ни одного изъ приведенныхъ для обвиненія Тэна отзывовъ, въ которыхъ мы не нашли бы *утвердительнаго* отвѣта на одинъ или даже на всѣ изъ упомянутыхъ выше вопросовъ. Изъ этого можно заключить, что если историческая наука и выиграетъ отъ подобныхъ попытокъ противопоставить матеріаламъ и аргументамъ Тэна другіе, противоположнаго характера, то значеніе и авторитетъ Тэна едва ли отъ этого проиграютъ и обвиненіе Тэна въ неправильномъ обращеніи съ источниками нужно считать несостоятельнымъ.

Мы не можемъ согласиться и съ другимъ увереньемъ, который дѣлаютъ Тэну и которымъ думаютъ въ то же время объяснить его враждебное отношеніе къ революціи, будто бы онъ во второмъ томѣ измѣнилъ своему натуралистическому методу подѣ влияніемъ личныхъ чувствъ и страха, пережитаго имъ во время парижской коммуны 1871 г. Что деспотизмъ и варварство парижскихъ анархистовъ произвели сильное впечатлѣніе на Тэна, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, и мы сами указывали на это при разборѣ I-го тома ¹⁾. Но мы не согласны, что это впечатлѣніе отразилось во II т. *иначе*, чѣмъ въ I-мъ, и что II т. поэтому находится будто бы въ «логическомъ противорѣчій» съ первымъ. Говорятъ, что Тэнъ, дойдя до революціи, вдругъ возненавидѣлъ ее и вышелъ изъ роли равнодушнаго анатома, что «скальпель задрожалъ въ его рукѣ и что онъ помимо воли сталъ выказывать глухую враждебность къ болѣзни»; что историкъ-натуралистъ, который обѣщалъ относиться къ различнымъ фазамъ исторіи Франціи, какъ къ метаморфозамъ насѣкомаго, вдругъ оказался «пристрастнымъ и отерты высказался противъ одной изъ метаморфозъ насѣкомаго, котораго онъ держалъ подъ микроскопомъ» ²⁾. Намъ кажется, напротивъ, что стоитъ только вспомнить то, что говоритъ Тэнъ въ I т. о степени развитія французскаго народа при старомъ порядкѣ и его описаніе психологическаго состоянія народныхъ массъ вообще, чтобы признать II т. «логическимъ послѣдствіемъ перваго». Если тѣмъ не менѣе изображеніе переворота 1789 г. у Тэна неудовлетворительно и крайне односторонне, то это не есть слѣдствіе отступленія отъ натуралистическаго метода, а прямой и естественный результатъ его. Тэнъ, по нашему мнѣнію, сдѣлалъ все, чего можетъ достигнуть талантливый писатель посредствомъ этого метода; онъ,

¹⁾ См. „Вѣстн. Евр.“, май, стр. 167.

²⁾ Этотъ взглядъ, будто Тэнъ во II т. отступилъ отъ натуралистическаго метода, остроумно проведенъ у Золя въ его рецензіи II т., напечатанной въ „Вѣстн. Евр.“ май, 1878 г.

можно сказать, извлечь изъ своего микроскопа всю пальму, науку можно было изъ него извлечь; но дѣло въ томъ, что это былъ микроскопъ, который годится не для всякаго рода наблюдений. Наша критика сводится къ тому, что Тэнь, вооружившись своимъ методомъ, сталъ изучать французскую революцію съ такой стороны, на которую прежде обращали недостаточное вниманіе; но при этомъ онъ самъ упустилъ изъ виду главныя стороны дѣла. Мы уговоримъ Тэна не за то, что онъ видѣлъ, а за то, чего онъ не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть.

Такимъ образомъ, мы поставлены въ необходимость въ началѣ нашей критики формулировать то, что мы считаемъ существеннымъ для правильнаго объясненія историческаго значенія французской революціи. Это тѣмъ болѣе необходимо, что потомъ, при анализѣ частностей и отдѣльныхъ взглядовъ Тэна, намъ придется постоянно ссылаться на нашу общую точку зрѣнія и указывать то на одну, то на другую изъ сторонъ, оставленныхъ Тэномъ безъ вниманія.

Во всеобщей исторіи нѣтъ другого событія, которое было бы такъ сложно и касалось одновременно такихъ различныхъ интересовъ, какъ французская революція. Этотъ переворотъ представляетъ собою прежде всего попытку осуществить и провести въ жизни идеи и доктрины, развитія рационалистической философіи въ области религіи, этики, политики и вообще человѣческой культуры. Отсюда теоретическое и универсальное значеніе французской революціи, которое составляетъ отличительную черту этого событія. Многія изъ идей XVIII в. уже до 1789 г. проникли въ жизнь и нашли себѣ примѣненіе въ законодательствахъ Англіи, Германіи, Италіи, отчасти и Франціи; но въ 1789 г. представилась во Франціи возможность приступить къ непосредственному и абсолютному примѣненію въ жизни религіозныхъ и политическихъ теорій рационализма, и потому переворотъ 1789 г. былъ встрѣченъ съ такимъ сочувствіемъ всей Европой и представлялъ для нея такой интересъ. Но именно вслѣдствіе этой теоретической и обще-европейской стороны событій 89 года для правильнаго пониманія ихъ требуется близкое знакомство съ культурой XVIII вѣка и правильная оцѣнка ея, а это невозможно безъ изученія исторіи философіи, ибо исторія рационализма составляетъ только извѣстную эпоху въ исторіи человѣческой мысли вообще. Такимъ образомъ, знакомство съ философіей и пониманіе ея—первое условіе для правильнаго изученія исторіи французской революціи.

Исторію паденія римской республики и ея перехода въ импе-

рію можно изучать, оставляя совершенно въ сторонѣ философскія системы классическаго міра; въ исторіи революціи Англіи многое останется непонятнымъ для того, кто не знакомъ съ сочиненіемъ Гуго Гроціи и политическими трактатами Гоббса; однако сфера чистой философіи, сочиненія Бэкона и Декарта не находятся въ связи съ вопросами, раздѣлявшими приверженцевъ Лода и пуританъ, защитниковъ королевской прерогативы и правъ парламента; но мировоззрѣніе людей, написавшихъ декларацію о правахъ человѣка и конституцію 1791 года, нельзя понять тому, кто не усвоилъ себѣ вѣрнаго взгляда на вліяніе Декарта и Локка.

Эта непосредственная связь французской революціи съ философіей и съ исторіей идей составляетъ, впрочемъ, только одну существенную сторону событій 1789 г. Будучи переворотомъ въ области умственной жизни, эти событія были также переломомъ въ исторіи европейскихъ учреждений, т.-е. катастрофой феодализма. Въ этомъ заключается другая причина европейскаго значенія переворота 1789 г. Феодализмъ, систематически организованный во Франціи, охватилъ постепенно всю западную Европу и послужилъ основаніемъ для ея политическихъ учреждений; всадѣ возникшее на этомъ основаніи, государство вступило съ нимъ въ борьбу; но ходъ этой борьбы былъ весьма различенъ. Тогда какъ въ Англіи феодализмъ утратилъ свои самыя существенныя черты еще въ средніе вѣка, въ Германіи его остатки сохранились до нашихъ дней; во Франціи онъ былъ вырванъ съ корнемъ вдругъ и безъ всякой подготовки въ 1789 г. — и это составляетъ вторую существенную черту тогдашняго переворота.

Но французская революція, кромѣ обще-европейскаго, имѣла еще чисто-національное значеніе; она была не только насильственной отмѣной средневѣковыхъ учреждений и отношеній, — она была также послѣдовательнымъ довершеніемъ вѣкового политическаго процесса, торжествомъ вѣками подготовлявшейся административной централизаціи, вѣнцомъ зданія, сложеннаго подъ скипетромъ почти тысячелѣтней династіи, она была политическимъ и національнымъ объединеніемъ Франціи.

Благодаря своему географическому разнообразію, выразившемуся въ индивидуальномъ характерѣ и самостоятельности провинцій; благодаря многочисленности своихъ этнографическихъ элементовъ и различному ихъ смѣшенію (вслѣдствіе чего въ концѣ прошлаго вѣка во Франціи существовало до 30 отдѣльныхъ патуа), и, наконецъ, благодаря глубоко-укоренившемуся въ странѣ феодализму, — ни одно государство не представляло такихъ препятствій для административной централизаціи, какъ

Франція, и нигдѣ поэтому не было потрачено столько усилий на политическое и національное объединеніе, какъ во Франціи; нигдѣ это объединеніе не было въ такой степени исключительной задачей правительства. Но старое королевское правительство, именно потому, что оно не могло вполне оторваться отъ феодальныхъ преданій, было не въ силахъ довести до конца своей задачи и для осуществленія ея потребовался новый, болѣе сильный политическій мотивъ, чѣмъ *le bon plaisir du roi*, во имя котораго управлялась старая Франція. Этотъ новый, болѣе интенсивный мотивъ для политическаго и національнаго объединенія Франціи былъ выработанъ революціей 1789 г. и этотъ переворотъ устранилъ, поэтому, въ одинъ мигъ всѣ мѣстныя, провинціальныя и сословныя преграды, предъ которыми должна была остановиться королевская власть. Такимъ образомъ, французская революція имѣла также и значеніе чисто-государственнаго переворота, т. е. переворота, совершеннаго въ интересахъ абсолютной государственной власти, и въ этомъ отношеніи французская революція была не разрывомъ съ прошедшимъ, а продолженіемъ, послѣдовательнымъ исполненіемъ задачи, завѣщанной всей предшествовавшей исторіей ¹⁾.

Наконецъ, послѣдній и въ извѣстномъ смыслѣ главный пунктъ, который нужно имѣть въ виду при объясненіи и исторической оцѣнкѣ упомянутаго переворота, опять-таки представляетъ всеобщій, космополитическій интересъ. Окончательная побѣда централистическаго принципа была одержана съ помощью новой политической идеи, — представленія о *народной волѣ* или принципа народовластія. Торжество этого принципа указываетъ на начало новой эры въ исторіи цивилизаціи — эры демократіи. Катастрофа 1789 г. не что иное, какъ воцареніе демократіи во Франціи и попытка съ ея стороны преобразовать въ своихъ интересахъ общественный и государственный строй этой страны. Но это неожиданное торжество французской демократіи, которое бурнымъ потокомъ снесло вмѣстѣ съ привилегіями и сословіями самую монархію, не было только мѣстной или временной побѣдой, подобно освобожденію швейцарскихъ кантоновъ изъ-подъ власти сосѣднихъ феодальныхъ сеньоровъ, или подобно торжеству независиментовъ надъ кавалерами Карла I-го, или подобно отторженію сѣверо-американскихъ колоній отъ аристократической и королевской метрополіи; борьба, которую завязала французская демо-

¹⁾ Эту сторону французской революціи мы старались выяснить въ статьѣ, напечатанной въ III томѣ „Сборника Государственныхъ Знаній“.

кратія въ 1789 г., велась подъ знаменемъ и въ интересахъ всемирной демократіи и побѣда, одержанная ею, была только первымъ генеральнымъ сраженіемъ демократіи въ ея стремленіи къ повсемѣстному и абсолютному господству. Это ближайшая связь французской демократіи съ судьбою демократіи вообще и разрѣшеніе вопроса, почему переживаемая нами эра европейской демократіи была открыта французской, а не швейцарской, англійской или американской—имѣютъ важное значеніе для правильного пониманія французской революціи. Демократія лѣсныхъ кантоновъ была фактомъ, а не принципомъ; то была первобытная демократія сельской общины, а не государства; естественное равенство пастуховъ и земледѣльцевъ, жившихъ въ теченіи вѣковъ среди одинаковыхъ условий; швейцарская демократія не имѣла, поэтому, силы растяжимости и прозелитизма; она даже не достигла господства въ швейцарской конфедераціи и до конца не была въ состояніи преодолѣть аристократіи въ союзномъ Бернѣ. Англійская демократія XVII в. уже опирается на идею, вооружена принципомъ; но этотъ принципъ *религіозный* и потому не всѣмъ понятный и враждебно сталкивавшійся съ другими религіозными принципами. Однако, онъ придалъ большую нравственную энергію своимъ приверженцамъ и, можетъ быть, былъ бы въ состояніи помѣряться съ аристократическимъ принципомъ, на которомъ было основано до того времени общественное и политическое устройство Англіи, если бы не нашелъ себѣ естественнаго выхода. Какъ нѣкогда, въ эпоху патриарховъ, колену Авраамово уклонилось отъ ссоры съ коленомъ Лота тѣмъ, что одно взяло путь направо, а другое налево,—такъ англійская демократія избавила свое отечество отъ глубокихъ политическихъ потрясеній тѣмъ, что предоставила аристократіи господство на родинѣ, а сама выселилась въ Новый Свѣтъ. Переселеніе отцовъ пилигримовъ (Pilgrim fathers) или пуританъ въ Сѣв. Америку, было не простой колонизаціей, а настоящей эмиграціей или сепарацией демократіи. Въмѣстѣ съ удаленіемъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ религіозной демократіи, въ Англіи какъ-бы надолго исчезъ самый духъ демократіи и наступилъ періодъ самаго полного политическаго могущества англійской аристократіи. А за океаномъ, напротивъ, въ это время свободно и безмятежно развивался въ новыхъ прилаженныхъ къ нему политическихъ формахъ демократическій принципъ, и когда пришло время, англійская народность распалась безъ внутренняго переворота и почти механически на двѣ половины—аристократическую монархію Великобританіи и демократическую федерацію Американскихъ

Штаговъ. Возникновеніе новой и цвѣтущей республики, прославившейся столько же своими учрежденіями, сколько мудростью своихъ вождей, — не могло, конечно, остаться безъ вліянія на судьбу демократіи въ Европѣ и прежде всего это вліяніе отразилось на той странѣ, которая своей исторіей была подготовлена болѣе другихъ къ демократическому перевороту. Давно уже и многими каналами просачивались демократическія идеи и тенденціи во французскомъ обществѣ. Средневѣковая коммуна, возмущившаяся противъ феодальныхъ сеньоровъ, представляетъ собой первый очагъ демократическаго пыла. Въ то же время римское право вносило демократическія идеи въ многочисленный классъ клериковъ, изъ которыхъ набирались королевскіе чиновники и легисты; различные монашескіе ордена, подъ вліяніемъ борьбы между церковью и государствомъ, возвели въ религіозный догматъ идею о народовластіи, какъ основу гражданскаго и государственнаго устройства и упорно поддерживали ее въ своихъ духовныхъ школахъ. Въ смутныя эпохи французской исторіи, во время столкновенія между монархіей и генеральными штатами, демократическія тенденціи съ неожиданной силой пробивались наружу. Уже въ XIV в. вожди парижскаго населенія пытались не безъ успѣха захватить въ свои руки государственную власть и преобразовать Францію посредствомъ демократическихъ принциповъ. Въ XVI вѣкѣ, во время религіозныхъ войнъ, не только гугеноты, находившіеся подъ вліяніемъ Женевы и устроившіе свою религіозную общину на демократическихъ основахъ, мечтали о перенесеніи этихъ началъ въ область политики, — но и противники ихъ, парижскіе лигёры, побуждаемые католическимъ фанатизмомъ, принялись на самомъ дѣлѣ осуществлять демократическую революцію. Всѣмъ этимъ попыткамъ былъ на время положенъ конецъ усилившимся монархическимъ абсолютизмомъ; но его централизующее и нивелирующее значеніе еще болѣе подготавливало почву для торжества демократіи. А между тѣмъ на этой благопріятной почвѣ злоупотребленія стараго порядка, сохраненіе утратившихъ всякій смыслъ и вредныхъ для государства феодальныхъ привилегій и ослѣпленіе придворной аристократіи развивали пышный цвѣтъ демократическихъ страстей. Одинъ изъ лучшихъ по чистотѣ характера и политической зрѣлости людей 1789 г., неуклонный противникъ демократической революціи, Малуэ, признался, что демократія и вся ея ярость (*toutes ses fureurs*) возникли изъ раздраженныхъ притязаній аристократіи. Это замѣчаніе совершенно справедливо въ томъ смыслѣ, что не происхожденіе демократической партіи, а ея сила и не-

ожиданный успѣхъ въ концѣ XVIII в. объясняются недостатками и ошибками французской аристократіи. Какъ въ крѣпко-закрытомъ сосудѣ паръ сгущается быстрѣе и грозитъ болѣе сильнымъ взрывомъ, такъ и въ старомъ французскомъ обществѣ, разгорюженномъ во всѣхъ направленіяхъ корпораціями и привилегіями, естественное чувство равенства и потребность свободы, на каждомъ шагѣ наталкиваясь на препятствія, достигло крайняго напряженія и страсти. Но не для отраженія только несправедливыхъ притязаній аристократіи возсталъ французская демократія. Эта демократія росла и воспитывалась подъ влияніемъ общихъ и отвлеченныхъ теорій. Она требовала отміны сеньориальныхъ привилегій не потому, что и крестьяне, и сеньоры одинаково сдѣлались подданными французскаго короля и гражданами французскаго государства, но на основаніи теоріи, что *люди* рождаются на свѣтъ *съ одинаковыми правами*; французская демократія требовала отміны привилегій двухъ первыхъ штатовъ не потому, что эти привилегіи не соотвѣтствовали болѣе общественной и политической роли духовенства и дворянства въ тогдашней Франціи, а потому, что они находились въ противорѣчій съ гипотезой о происхожденіи государства изъ добровольнаго договора гражданъ. Радикализмъ французской демократіи столько же обуславливался ея союзомъ съ раціоналистическими теоріями, взлелѣянными культурой XVIII вѣка, сколько, съ другой стороны, и самый этотъ союзъ, и происшедшая отсюда догматичность и притязательность французской демократіи, — объясняются тѣмъ, что французская исторія ни разу не представляла ей никакой возможности практической сдѣлки съ аристократическими и монархическими тенденціями. Но какъ бы то ни было, заявляя свои притязанія на исключительное господство и основывая ихъ на принципахъ, выведенныхъ изъ абсолютнаго разума, французская демократія сдѣлала революцію 1789 г. исходнымъ пунктомъ для повсемѣстнаго пробужденія демократическаго принципа. Можно радоваться этому явленію или сожалѣть о немъ, смотря по тому, ожидаешь ли отъ демократіи, т. е. отъ непосредственнаго вліянія народной массы на общественную жизнь и управленіе страны, — успѣха для цивилизаціи человѣчества и дальнѣйшаго развитія высшихъ его интересовъ, или же, наоборотъ, усматриваешь въ немъ преграду на пути къ прогрессу, — но, во всякомъ случаѣ, проявленіе такихъ притязаній со стороны массы должно быть признано неизбежнымъ, такъ какъ является естественнымъ послѣдствіемъ главныхъ плодовъ цивилизаціи — распространенія образованія и политической свободы. Европейскому міру, поэтому, точно такъ же,

какъ нѣкогда классическому, предстоитъ пережить періодъ стремленія демократіи къ исключительному господству; и главная, существенная задача нашего вѣка заключается, конечно, въ томъ, чтобы согласовать стремленія демократіи съ интересами цивилизаціи.

Такимъ образомъ, французская революція имѣетъ для историка важное значеніе съ четырехъ существенныхъ сторонъ. Во-первыхъ—она является ему мѣстнымъ результатомъ европейской культуры XVIII в.; далѣе, революція была катастрофой феодальнаго порядка; въ то же время она была довершеніемъ централизаціи и объединенія Франціи, и, наконецъ, ея декларация правъ сдѣлалась великой хартіей европейской демократіи. Отсюда слѣдуетъ, что писатель, который захотѣлъ бы вѣрно изобразить французскую революцію, долженъ имѣть очень разносторонній запасъ свѣдѣній и удовлетворять болѣе разнообразнымъ требованіямъ, чѣмъ если бы онъ вздумалъ описать какое-либо другое историческое событіе. Онъ прежде всего долженъ понимать философію и знать ея исторію, чтобы правильно опредѣлять ея вліяніе на революцію; онъ долженъ быть знакомъ съ государственнымъ правомъ и исторіей государственныхъ учреждений, чтобы не упустить изъ вида значенія революціи въ исторіи развитія французскаго государства; онъ долженъ быть политикомъ, т.-е. понимать общественныя и политическія проблемы нашего времени и интересоваться средствами, предлагаемыми для ихъ разрѣшенія; наконецъ, онъ долженъ быть историкомъ не со вчерашняго дня, а историкомъ-спеціалистомъ, научнымъ образомъ изучившимъ свой предметъ. Спеціалистомъ же можно назвать только такого историка, который при своемъ изслѣдованіи не упускаетъ изъ виду основныхъ положеній своей науки: что всякое крупное историческое событіе есть результатъ цѣлаго ряда предшествовавшихъ фактовъ, длиннаго историческаго процесса, и что, поѣтому, первое условіе для правильнаго пониманія его—это генетическое объясненіе; затѣмъ, что несмотря на то, что всякое событіе имѣетъ индивидуальный характеръ, оно, однако, представляетъ собой и *видовое* явленіе, т.-е. принадлежитъ къ цѣлому ряду аналогическихъ явленій, совершившихся въ другія эпохи и у другихъ народовъ и что, поѣтому, для правильнаго объясненія его, нужно его классифицировать и прибѣгнуть къ сравнительному методу; наконецъ, что исторія человѣческой цивилизаціи представляетъ единый органическій процессъ, совершающійся по извѣстнымъ законамъ и фазисамъ и что, поѣтому, для вѣрнаго пониманія таковаго универсальнаго по своему вліянію факта, какъ французская

революціи 1789 г., необходимо привести ее въ связь съ всеобщей исторіей и указать ея мѣсто въ общемъ процессѣ человѣческой цивилизаціи.

Но какимъ же изъ поставленныхъ нами условій для историка французской революціи удовлетворяетъ Тэнъ? Онъ не философъ, ибо отрицаетъ смыслъ и значеніе философіи; онъ относится не серьезно къ вопросамъ государственнаго права, ибо высказываетъ убѣжденіе, что государство держится только жандармомъ; онъ не историкъ: Тэнъ — талантливый писатель и умный, хотя односторонній литературный критикъ, который вздумалъ примѣнить къ одному изъ самыхъ сложныхъ явленій въ исторіи позитивный методъ. Въ этомъ методѣ его сила и его слабость; въ примѣненіи его къ объясненію французской революціи заключается оригинальность новаго произведенія Тэна и его недостатки. Сочиненіе Тэна представляетъ, правда, не первый опытъ примѣненія позитивизма къ объясненію французской революціи, и самъ основатель позитивизма Ог. Контъ высказалъ совершенно иного рода взглядъ на это событіе. Но Тэнъ — послѣдователь англійской школы позитивизма, въ которой догматическое ученіе Конта, слившись съ утилитаризмомъ и эмпиризмомъ, приняло характеръ *натурализма*. Кромѣ пренебреженія къ философіи, которое обязательно для позитивиста всѣхъ отѣнковъ, это направленіе выражается главнымъ образомъ въ стремленіи держаться при объясненіи духовныхъ явленій какъ можно дольше, если не исключительно, въ области конкретныхъ фактовъ, или физическаго міра. Человѣкъ разсматривается какъ животный организмъ; его нравственныя дѣйствія объясняются прежде всего физическими потребностями; его мысли, убѣжденія, привычки сводятся, по возможности, на происходящіе въ немъ фізіологическіе процессы. Оттого добро и зло въ индивидуальной и общественной жизни представляются наблюдателю въ томъ же самомъ свѣтѣ, какъ продукты различныхъ естественныхъ процессовъ: «добро и зло — такіе же продукты, какъ сахаръ и вупорось». Когда это направленіе примѣняется къ исторіи, оно старается объяснить религіозныя системы и государственныя формы вліяніемъ мѣстнаго климата, свойствами почвы и фізіологическимъ вліяніемъ пищи на жителей страны; при объясненіи литературныхъ и эстетическихъ произведеній на первомъ планѣ стоитъ вызвавшая ихъ *среда*, физическій характеръ расы, темпераментъ, образъ жизни или даже пища писателя (пиво и биштексъ объясняютъ для Тэна многое въ англійской литературѣ). Когда приходится разсмотрѣть какой-нибудь историческій фактъ, наблюдатель прежде всего разлагаетъ его на элементы и на днѣ

своей реторти находить человека, какъ физическій организмъ съ извѣстными животными инстинктами и потребностями, съ унаслѣдованными привычками и убѣжденіями. Задача историка такимъ образомъ очень упрощается; она заключается главнымъ образомъ въ фیزیологическомъ и психологическомъ *описаніи среднѣго человека*, выхваченнаго изъ толпы или того общества, которое онъ выводитъ на сцену; историкъ-натуралистъ старается по возможности установить непосредственную связь между инстинктами этой толпы или идеями этого общества и ихъ дѣйствіями, а гдѣ это ему не вполне удастся, онъ прибѣгаетъ къ сравненіямъ и метафорамъ, заимствованнымъ болѣею частью изъ анатомическаго кабинета или изъ лабораторіи фیزیолога.

Вооружившись описаннымъ нами методомъ, Тэнь приступилъ къ изученію состоянія Франціи въ XVIII в., чтобъ этимъ путемъ объяснить происхожденіе революціи. Мы видѣли въ предшествовавшей статьѣ, какіе уроки вывелъ Тэнь изъ своихъ историческихъ наблюденій. Во-первыхъ, что всѣми классами французскаго общества овладѣли извѣстнаго рода идеи, проникшія туда путемъ литературы. Эти идеи были результатомъ взаимодѣйствія научныхъ открытій XVIII в., и склонности французскаго ума къ риторическимъ отвлеченнымъ разсужденіямъ,—склонности, вызванной салонной жизнью. Съ другой стороны, Тэнь пришелъ къ выводу, что большинство французскаго народа, придавленное гнетомъ привилегій и несообразнымъ устройствомъ тогдашняго государства, находилось на степеніи развитія чуть не дикарей. Если у французскихъ крестьянъ XVIII в. была религія, то потому только, что они слушались ксенза; если они не нарушали общественнаго порядка, то потому, что боялись жандарма. Этими выводами опредѣляется совершенно ясно задача и планъ II тома, который въ первой своей части, нынѣ выпущенной, имѣетъ предметомъ описаніе состоянія Франціи въ 1789—91 г., или во время дѣятельности національнаго собранія. Переворотъ 1789 г. съ точки зрѣнія Тэна состоялъ въ томъ, что государственная власть перешла дѣлнвомъ къ людямъ, одержимымъ идеями, порожденными салонной культурой XVIII в.; вслѣдствіе этого жандармъ былъ удаленъ и козенъ утратилъ свой прежній авторитетъ. Естественно, что при такомъ взглядѣ весь интересъ историка сосредоточивается на двухъ вопросахъ: поведеніи народной массы, которая избавилась отъ прежнихъ сдержекъ, и образѣ дѣйствія людей, къ которымъ перешла законодательная власть; а уже отсюда вытекалъ третій вопросъ—о практическомъ вліяніи новаго законодательства,

или о поведеніи народной массы подъ дѣйствиємъ новыхъ законовъ и властей.

Сообразно съ этимъ плану, разсматриваемый нами томъ Тэна распадается на три книги: *l'Anarchie spontanée, l'Assemblée constituante et son Oeuvre, и la Constitution appliquée*. Уже изъ этого видно, что новый томъ Тэна не представляетъ собою собственно исторіи французской революціи; Тэнь не разсматриваетъ событій въ хронологическомъ порядкѣ, указывая на вліяніе и взаимодѣйствіе ихъ; онъ не характеризуетъ главныхъ дѣятелей той эпохи и не выясняетъ ихъ роли, ихъ побужденій и отношеній. Тэнь, какъ мы знаемъ, историкъ литературы; отъ литературной критики онъ перешелъ къ историографіи. И какъ въ исторіи литературы онъ интересуется преимущественно описаніемъ среды и общества, такъ и въ историографіи главной задачей его — *описание* жизни народа, такъ сказать, въ поперечномъ разрѣзѣ, т.-е. изученіе его состоянія или быта въ извѣстную эпоху. Но разбираемый нами II томъ уступаетъ первому своимъ значеніемъ вслѣдствіе того, что чисто описательный, натуралистическій методъ Тэна, его манера жанроваго живописца, имѣла здѣсь дѣло не съ столь удобнымъ сюжетомъ. Въ I т. Тэнь находился вполнѣ въ своей стихіи. Онъ имѣлъ возможность нарисовать не только яркую и блестящую, но и художественную картину, описывая салоны французской аристократіи или характеризуя оригинальныя литературныя произведенія XVIII в. Во II же т. Тэнь имѣлъ дѣло не съ вѣтшною обстановкой, не съ нравами и разговорами образованнаго общества, а съ государственными учрежденіями и законодательными текстами. Въ I т., обращаясь къ массѣ французскаго народа, онъ имѣлъ возможность описать его въ спокойномъ состояніи, хладнокровно анатомировать его ежедневный бытъ, изобразить труды и лишенія французскаго крестьянина, его нравы, понятія и предрассудки. Во II т. онъ имѣетъ дѣло съ тѣмъ же народомъ, но въ возбужденномъ состояніи; ему приходится характеризовать его какъ политическаго дѣятеля, подъ вліяніемъ извѣстныхъ историческихъ и бытовыхъ условій. Но для этого оказалось недостаточнымъ быть искуснымъ жанровымъ живописцемъ, не достаточно быть эмпирическимъ психологомъ; здѣсь нельзя было терять изъ виду юридическаго и политическаго быта, который долженъ составлять фонъ картины, а Тэнь не юристъ и не политикъ. Оттого и во II т. читатель встрѣчаетъ захватывающія его реализмомъ и жизненной правдой изображенія, жѣткія наблюденія анатома и психолога, но онъ выходитъ утомленный и неудовлетворенный съ

этой выставки жанровых картинъ, изъ которыхъ одна смѣле и пестре и ужасне другой. Тэнъ, какъ историкъ французской революціи, поступилъ подобно человѣку, который, идя вечеромъ по улицѣ и увидавши освѣщенный домъ, гдѣ празднуется свадьба и играетъ музыка, не можетъ туда войти, а смотритъ черезъ окно на то, что тамъ дѣлается. Съ улицы, гдѣ онъ стоитъ, онъ видитъ только толпу празднично одѣтыхъ людей съ веселыми или возбужденными лицами, врывающихся и быстро двигающихся, то въ безпорядкѣ, то какъ будто повинувась одному общему влеченію. Если стоящій у окна владѣетъ карандашомъ и начнетъ изображать странныя позы и фizioноміи, мелькающія у него на глазахъ—въ его эскизѣ будетъ много правды и рисунки его могутъ быть очень интересны, но никто, глядя на нихъ, не догадается, что имѣетъ передъ собой описаніе праздника.

Намъ могутъ возразить, что французская революція превзошла дикостью и ужасомъ своихъ сценъ самый разгульный народный жермесъ, и что страсти, руководившія ея дѣятелями, имѣютъ мало общаго съ ритмической гармоніей музыки. Но нашимъ сравненіемъ мы имѣли въ виду опредѣлить не столько французскую революцію, сколько отношеніе къ ней со стороны ея новаго историка. Французская революція имѣетъ свое духовное содержаніе подобно другимъ великимъ историческимъ событіямъ, напр., реформации, которая, несмотря на свой высокій религіозный смыслъ и свое плодотворное вліяніе въ исторіи цивилизаціи, также сопровождалась и анархическимъ броженіемъ толпы, и проявленіями кроваваго фанатизма. Это-то духовное содержаніе, заключающееся въ революціи, Тэнъ не могъ усмотрѣть по винѣ усвоеннаго имъ историческаго метода. Конечно, духовное содержаніе революціи проявлялось далеко не одинаково въ разныя эпохи и у различныхъ дѣятелей ея—точно также какъ не одинаковы и мотивы, порождающіе веселость и разгулъ на народномъ празднествѣ; на однихъ дѣйствуетъ музыка, на другихъ общее праздничное настроеніе и увлеченіе; иные же прибѣгаютъ къ болѣе грубому способу возбужденія; но человѣку, который не слышитъ музыки и чуждъ общему праздничному настроенію, а наблюдаетъ только за внѣшними проявленіями чувствъ и страстей, всѣ одинаково должны казаться странными и помѣшанными. Именно такими представляются Тэну французы въ 1789 году. Онъ видитъ въ тогдашней Франціи только двѣ категоріи людей: жертвы революціи и людей, пришедшихъ отъ революціи въ ненормальное нравственное состояніе, а послѣдніе распадаются на людей изступленныхъ и людей одержимыхъ тихимъ помѣшательствомъ. Вотъ къ

накому результату привело примѣненіе натуралистическаго метода къ объясненію французской революціи. Но при всемъ этомъ новое сочиненіе Тэна имѣетъ значеніе для науки не только количествомъ собранныхъ въ ней фактовъ и реалистическимъ осмысленіемъ ихъ, но и потому, что представляетъ собой, правда, неудавшуюся попытку критически отнестись къ одной изъ важнѣйшихъ проблемъ современной политической жизни — къ демократіи. Это значеніе книги Тэна мы постараемся подробнѣе выяснитъ въ концѣ нашей статьи, а теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію отдѣльных частей въ сочиненіи Тэна.

XI.

Съ первыхъ словъ новаго сочиненія обнаруживается ложный методъ его, заключающійся въ эмпирическомъ отношеніи къ фактамъ, безъ вниманія къ исторической связи и значенію ихъ. Тэнъ начинаетъ свой II томъ съ извѣстнаго разговора между Людовикомъ XVI и герцогомъ Ларошфуко-Ліанкуротъ, который велѣлъ разбудить короля, чтобы сообщить ему о взятіи Бастиліи. Этотъ разговоръ дѣйствительно такъ знаменателенъ, что можетъ служить эпиграфомъ къ исторіи катастрофы 1789 года: «Такъ это бунтъ!» — сказалъ король (*c'est donc une révolte*). «Нѣтъ, сирѣ, — возразилъ герцогъ, — это революція» (*c'est une révolution*). Въ этомъ все и дѣло, что правъ былъ не король, а герцогъ, и вся ошибка не только Людовика XVI, но и всего его правительства заключалась именно въ томъ, что они до конца не сознавали, что имѣютъ дѣло не съ простымъ бунтомъ, а съ кореннымъ государственнымъ переворотомъ. Переворотъ заключался въ томъ, что феодальное устройство государства было замѣнено чисто демократическимъ и власть вслѣдствіе этого перешла отъ легитимной династіи въ руки исполнителей воли численнаго большинства или массы. Король же и министры, думая, что предъ ними разыгрался одинъ изъ частныхъ въ исторіи Франціи бунтовъ, не хотѣли усвоить себѣ политики, соотвѣтствовавшей событіямъ. Въ замѣчаніи Людовика XVI неволью выразился взглядъ «старога порядка» на новое, неонятное ему движеніе, тогда какъ герцогъ инстинктивно позналъ истинный смыслъ его. Но Тэнъ не согласенъ ни съ королемъ, ни съ герцогомъ, а прибавляетъ отъ себя: «событіе было еще серьезнѣе. Власть не только усвоилъ изъ рукъ короля, но и не попала въ руки собранія; она валялась на землѣ, была въ рукахъ народа; спущеннаго съ цѣпи, въ рукахъ насильствен-

ной и возбужденной толпы, въ рукахъ оброчныхъ сборищъ, которыя подбирали ее, какъ оружіе, брошенное на улицѣ. На дѣлѣ не существовало болѣе правительства; искусственное зданіе чело-вѣческаго общества рушилось цѣльнымъ — все возвратилось къ первобытному состоянію. То была не революція, а *разложенье*. (Ce n'était pas une révolution, mais une dissolution).

Но выраженіе, выбранное Тэномъ для характеристики политическаго состоянія Франціи лѣтомъ 1789 г., лишаетъ разсматриваемыя имъ явленія общаго смысла, который они имѣютъ въ исторіи Франціи. Французскій народъ вовсе не вернулся къ первобытному состоянію, но старинное правительство, основанное на феодальномъ правѣ, утратило авторитетъ, а новая государственная власть, построенная на демократическомъ принципѣ, еще не успѣла упрочиться и обставить себя всѣми многочисленными центральными и мѣстными органами, необходимыми въ сложномъ государственномъ механизмѣ. Вслѣдствіе этой совершавшейся смѣны властей общество было пока предоставлено самому себѣ и большинство имѣло возможность свободно проводить въ жизнь свои новые идеалы или при этомъ предаваться своимъ эгоистическимъ инстинктамъ.

Тэнь, впрочемъ, самъ тотчасъ отступаетъ отъ формулы, подъ которую онъ хотѣлъ подвести факты, собранные имъ въ *первое* *жизни*. Начиная описаніе «самопроизвольной анархіи», онъ уже не говоритъ о разложеніи общества, а о всеобщемъ восстаніи — *émeute universelle*. Это выраженіе болѣе соответствуетъ положенію дѣла. Дѣйствительно, въ тогдашней Франціи происходило повсемѣстное восстаніе народныхъ массъ, но Тэнь не разъясняетъ своимъ читателямъ, противъ чего оно было направлено. Въ этомъ движеніи массъ было, конечно, много безтолковаго и хаотическаго, но, несмотря на это, «анархія 1789 г.» представляетъ и общій смыслъ, и общій планъ. Это было не разложеніе общества, а попытка сейчасъ же, непосредственно, не дожидаясь ни эдиктовъ короля, ни декретовъ національнаго собранія, покончить съ феодальнымъ строемъ. Въ этомъ, какъ мы говорили, и заключается одна изъ важнѣйшихъ сторонъ французской революціи, что она была отміной феодальныхъ правъ и учреждений. То, что въ другихъ европейскихъ странахъ совершалось постепенно, въ силу строгой регламентаціи просвѣтительнаго абсолютизма, то во Франціи совершилось въ одинъ мигъ и насильственно — общимъ народнымъ движеніемъ. Исторія Франціи рѣзко отличается отъ исторій другихъ странъ именно тѣмъ, что общее явленіе — отміна феодализма — было произведено въ ней не монархіей, а демократіей,

не путемъ законодательныхъ реформъ, а посредствомъ революціи, и потому имѣло характеръ не сдѣлѣи, а насильственной экспроприаціи. Такъ какъ Тэнъ оставляетъ совершенно безъ вниманія эту сторону дѣла и смотритъ на движеніе народныхъ массъ въ 1789 г. какъ на обыкновенное возстаніе, породившее анархію,—онъ ограничивается отыскиваніемъ ближайшихъ, непосредственныхъ поводовъ къ нему. Результаты такого приѣма оказались, впрочемъ, очень полезными для исторической науки. Тэну удалось собрать множество новыхъ или малозвѣстныхъ фактовъ, или представить въ новомъ свѣтѣ факты прежде извѣстные. Въ его изложеніи повсемѣстные мятежи 1789 г. объясняются, во-первыхъ,—неурожаемъ послѣднихъ лѣтъ, имѣвшими послѣдствіемъ не только дороговизну, но мѣстами и положительный голодъ.

Что *голодъ* игралъ роль въ революціи 1789 г., было и прежде извѣстно, но никогда еще вліяніе этого стимула на тогдашнія событія не было изображено съ такою *осязательностью*, какъ у Тэна. Описаніе бѣдствій, порожденныхъ неурожаемъ въ различныхъ мѣстахъ Франціи, дало Тэну, кромѣ того, возможность привести различные факты, доказывавшіе попеченіе правительственныхъ органовъ и великодушіе многихъ лицъ изъ привилегированныхъ классовъ, спѣшившихъ оказать помощь страждущимъ;—съ другой же стороны, Тэнъ пользуется этимъ случаемъ, чтобы высказать свой взглядъ на основы общественнаго устройства и характеръ простого народа. Мы узнаемъ, что «всеобщее повиновеніе, на которомъ зиждется общественный порядокъ, зависитъ отъ одного градуса температуры, увеличивающаго лѣтній зной или зимній холодъ». По крайней мѣрѣ это было такъ, по мнѣнію Тэна, во Франціи, гдѣ въ XVIII в. общее благосостояніе было столь мало обезпечено, «что простой народъ едва могъ жить, когда хлѣбъ былъ дешевъ и чуть не умиралъ (*se sentait mourir*), когда онъ становился дорогъ», такъ что подъ вліяніемъ этого страха легко пробуждался «животный инстинктъ». Тэнъ, впрочемъ, признается, что при Людовикахъ XIV и XV народу приходилось еще болѣе поститься и страдать, а между тѣмъ въ то время мятежи, круто и быстро усмиряемые, были только мѣстными и непродолжительными смутами. Это возраженіе, которое онъ самъ себѣ дѣлаетъ, служитъ Тэну переходомъ во второй причинѣ, вызвавшей всеобщую анархію 1789 г. «Стѣна,—говоритъ онъ,—служившая оградой для общества, была прежде слишкомъ высока. Но вотъ въ ней оказалась трещина. Вся стража ея—духовенство, дворянство, третье сословіе, литераторы, политики, самое правительство начинаютъ пробивать въ ней широкую

бреши. Въ первый разъ бѣдники усматриваютъ выходъ и они бросаются туда сначала кучками, потомъ толпами, и мятежъ становится столь же общимъ, какъ прежде было общимъ смиреніе».

Устройство бреши началось, съ точки зрѣнія Тэна, съ введенія провинціальныхъ собраний, которымъ было поручено распредѣленіе и сборъ податей и заведываніе общественными работами. Вслѣдствіе этого прежніе органы администраціи, интенданты и ихъ подчиненные, утратили три четверти своего авторитета. Граница между старымъ и новымъ начальствомъ была опредѣлена не точно и вслѣдствіе этого «повелѣвающая власть становится шаткой». «Подданные не чувствуютъ болѣе на своихъ плечахъ тяжести той руки, которая одна, безъ посторонняго вмѣшательства, ихъ сгибала, толкала и заставляла идти впередъ». Мало того, по распоряженію провинціальныхъ собраний созываются народныя сходы для приведенія въ извѣстность того, какую часть крестьянскаго дохода поглощаютъ налоги, сколько въ каждомъ приходѣ привилегированныхъ, какъ велико ихъ состояніе и какую сумму доставила бы казнѣ уплата налоговъ, отъ которыхъ они избавлены... Крестьяне послѣ этихъ сходовъ начинаютъ задумываться о своемъ бѣдственномъ положеніи и понимать его причины. Вѣрный своему натуралистическому методу, Тэнъ слѣдующимъ образомъ изображаетъ вліяніе мѣстнаго самоуправленія на настроеніе сельскихъ обитателей: «Представьте себѣ почтовую лошадь, въ головѣ которой вдругъ бы блеснулъ лучъ разума и оварилъ ей породу лошадей, а съ другой стороны—породу людей, и затѣмъ вообразите, если вы въ состояніи, какія новыя мысли представились бы этой лошади сначала насчетъ ямщиковъ, которые ею правятъ и ее подгоняютъ, а потомъ на счетъ доброжелательныхъ путешественниковъ и дамъ, сожалѣющихъ о ней, но прибавляющихъ къ тяжести повозки собственный грузъ и багажъ».

Все это случилось наканунѣ 1789 г.; но вотъ созываются генеральныя штаты и назначаются въ селахъ и городахъ избирательныя собранія, которымъ поручается составить письменное изложеніе всѣхъ мѣстныхъ жалобъ и бѣдствій и снабдить ими депутатовъ. Правительство выпускаетъ изъ рукъ возжи и предоставляетъ народную массу себѣ самой. Среди всѣхъ этихъ не вполне понятныхъ народу правительственныхъ заявленій и приглашеній для него выясняется одна мысль: надежда на внезапное облегченіе, убѣжденіе, что онъ имѣетъ на то право, рѣшимость содѣйствовать этому всѣми средствами, и отсюда напряженіе воли, которая ждетъ только случая, чтобы перейти въ дѣйствіе, и, какъ спущенная стрѣла, неудержимо стремится къ неизвѣстной

цѣли. Цѣль же вдругъ указываетъ голодомъ—нужно, чтобы на рынкѣ было вдоволь хлѣба; нужно, чтобы фермеры и землевладельцы его туда доставляли, чтобы оптовые покупатели—хлѣбные торговцы и правительство—не увозили его въ другія мѣста; нужно, чтобы на хлѣбъ была установлена дешевая такса; чтобы хлѣбъ, соль, вино, вообще съѣстные припасы не были обложены акцизомъ; чтобы не было сеньориальныхъ оброковъ, не было церковной десятины, не было ни городскихъ, ни королевскихъ податей. И вотъ въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ начинаются мятежи; вначалѣ это мѣстные пожары, которые легко тушатся или сами тухнутъ. Но они тотчасъ вновь возникаютъ, и ихъ множество указываетъ на количество горючаго матеріала. Въ четыре мѣсяца, предшествовавшіе взятію Бастиліи, Тэнъ насчитываетъ болѣе 300 мятежей во Франціи. Еще въ I томѣ Тэнъ обращалъ вниманіе читателей на то, какое въ старой Франціи было множество людей, находившихся «въ разрывѣ съ государствомъ и обществомъ»—контрабандистовъ, бравоньеровъ, бродягъ и преступниковъ, ускользавшихъ отъ правосудія—и на ту роль, какую они способны были играть въ смутное время, какъ подстрелатели и руководители толпы. Въ новомъ томѣ онъ описываетъ, какъ люди этого рода появляются на сцену при всякомъ безпорядкѣ, подобно волкамъ, чующимъ добычу, и какъ вслѣдствіе этого къ слѣпой ярости, вызванной голодомъ, примѣшиваются злые инстинкты, и какъ толпа, поднимавшаяся, чтобы промыслить себѣ хлѣба, кончаетъ убійствами и поджогами. Вотъ какимъ образомъ объясняетъ Тэнъ «самопроизвольную анархію» и подготавливаетъ читателя къ необозримой картинѣ грабежей и насилій, которую онъ предъ нимъ развертываетъ. Кто захочетъ наглядно представить себѣ, какимъ образомъ великій переворотъ 1789 г. отражался въ головахъ значительной части простого народа во Франціи и какія чувства руководили толпой, грабившей хлѣбные магазины и разбивавшей городскія заставы, тотъ можетъ быть доволенъ изложеніемъ Тэна; но кто, кромѣ этого, пожелалъ бы правильнаго историческаго освѣщенія народныхъ смутъ при началѣ революціи, тотъ долженъ признать это изложеніе одностороннимъ, какъ относительно причинъ, вызвавшихъ движеніе массъ, такъ и относительно его общаго характера.

Что касается до перваго пункта, то возстаніе 1789 г. представлено у Тэна слишкомъ случайнымъ и искусственно вызваннымъ. Помимо случайностей голода, Тэнъ объясняетъ его, главнымъ образомъ, слабостью и ослѣпленіемъ мѣстныхъ властей и ошибками правительства, которое своими мѣрами содѣйствовало

распространенію новыхъ разрушительныхъ идей,—не только не приходило въ негодованіе отъ всеобщаго неповиновенія, но оставляло его безнаказаннымъ и всегда готово было миловать. «Добродушіе короля и военныхъ начальниковъ, — говоритъ Тэнь, — было удивительно; всѣ согласны, что народъ ребенокъ, который грѣшить только по невѣдѣнію, что нужно довѣрять его раскаянію, и какъ только онъ возвратится къ порядку, встрѣтить его съ отцовскою нѣжностью». — Подъ вліяніемъ подобнаго взгляда у Тэна даже такая благотѣльная и необходимая реформа, какъ введеніе провинціальныхъ собраній, получаетъ видъ правительственной ошибки. Конечно, реформы, на которыя, наконецъ, согласилось правительство, созваніе генеральныхъ штатовъ и самыя формы, предписанныя для избранія депутатовъ и составленія инструкцій, внесли политическое возбужденіе въ нѣдра французскаго народа и дали возможность агитаторамъ овладѣть вниманіемъ массы. Шассень, относившійся съ сочувствіемъ къ революціи, описалъ съ еще болѣею обстоятельностью, чѣмъ Тэнь, вліяніе брошюръ на настроеніе общества и вредный авторитетъ, который приобрѣли среди народной массы стряпчіе, нотаріусы и мелкіе чиновники, пропитавшіеся радикализмомъ. Но нужно помнить, что ни голодъ, ни агитація, ни ошибки правительства не произвели революціи, и не эти причины придали движенію 1789 г. тотъ насильственный характеръ, который представляется Тэну разложеніемъ общества и возвращеніемъ къ днвному состоянію. Все дѣло въ томъ, что французскій абсолютизмъ былъ не въ состояніи далѣе управлять страной; затрудненія, которыя онъ же отчасти самъ создалъ, выросли до такой степени, и оппозиція, которую онъ встрѣтилъ во всѣхъ слояхъ общества, такъ усилилась, что онъ долженъ былъ самъ отказаться отъ прежней системы и пригласить общество къ участію въ реорганизаціи государства. Но какое же это было общество?—это было общество, глубоко раздвоенное феодальнымъ строемъ. Разладъ долженъ былъ обнаружиться тотчасъ, какъ скоро это общество было призвано къ самодѣтельности. Въ то время, когда правительство ждало въ Версалѣ представителей народа, чтобы вступить съ ними въ переговоры относительно переустройства страны—въ самой странѣ началась насильственная отмѣна феодализма; общество раскололось на два враждебныхъ лагеря, и первое мѣсто занялъ вопросъ, кто будетъ играть главную роль при переустройствѣ государства: аристократія или демократія. Именно потому, что абсолютизмъ не отмѣнилъ въ свое время феодализма, не смягчилъ контраста между демократіей и аристократіей, ему пришлось быть безсиль-

нымъ зрителемъ междоусобной борьбы, въ которой онъ вскорѣ самъ сдѣлался партіей и жертвой.

Что же касается до второго пункта, до самой картины насилій и мятежей, происходившихъ во Франціи весною и лѣтомъ 1789 г., то Тэнъ, нанизывая одинъ разсказъ за другимъ, проводитъ черезъ нихъ мысль, что народное движеніе имѣло социалистическій характеръ, что оно было нападеніемъ на собственность и покушеніемъ противъ всѣхъ, кто извлекалъ пользу изъ существовавшаго порядка или кто господствовалъ при немъ. Съ такимъ выводомъ нельзя согласиться, потому что онъ основанъ на неправильномъ обобщеніи. Тэна можно упрекнуть за то, что онъ для описанія «анархій» собиралъ *безразлично* факты далеко не одинаковаго значенія. Тутъ есть факты, не имѣющіе никакой внутренней связи съ происходившимъ въ то время общественнымъ и политическимъ переворотомъ и указывающіе только, что дороговизна хлѣба вызвала въ 1789 г. смуты точно такъ, какъ это случалось и въ прежнее время. Когда на рынкѣ цѣна хлѣба вдругъ поднимается на 3, на 4 и, наконецъ, на 7 су, то совершенно понятно возбужденіе толпы около возовъ съ мукою и у дверей хлѣбниковъ, перебранка съ продавцами и разграбленіе товара. Когда при такомъ положеніи дѣла крестьяне забираютъ хлѣбъ изъ амбаровъ землевладѣльцевъ по удешевленной цѣнѣ, съ обѣщаніемъ заплатить за него послѣ слѣдующей жатвы, или когда жители одной деревни избиваютъ и прогоняютъ жителей сосѣдней общины, пришедшихъ на ихъ рынокъ за покупкой хлѣба, то это еще не симптомы социалистическаго движенія, а насилія, которыя могутъ случиться во время голода всегда и вездѣ.

Мало общаго съ социализмомъ и въ буйствахъ черни, происходившихъ въ различныхъ городахъ, гдѣ толпа разрушала заставы для взиманія акциза съ съѣстныхъ припасовъ или принуждала городскія власти понижать таксу на хлѣбъ. Иногда такіе беспорядки производились съ очевидной цѣлью грабежа и къ нимъ примѣшивался расчетъ людей, надѣявшихся при этомъ безпошлинно сбыть свои товары, какъ, напримѣръ, въ Ліонѣ, куда изъ окрестныхъ деревень потянулись безконечные обозы съ виномъ, которое крестьяне насильно ввели въ городъ, не оплативъ пошлиной. Тэнъ самъ замѣчаетъ, что подобныя насилія происходили преимущественно на югѣ Франціи, гдѣ «*un grand acte d'injustice énorme et une imprudence inconcevable*» — всѣ городскіе доходы заключались въ пошлинѣ на муку, такъ-называемый — *piquet*.

Совершенно опять иной характеръ представляютъ факты, от-

носящіеся къ отмѣнѣ феодальныхъ повинностей, когда, наприм., крестьяне въ плѣрмельскомъ округѣ отказываются платить десятину—на томъ основаніи, что въ инструкціи ихъ провинці требуется отмѣна ея. Конечно, далеко не вездѣ сопротивление противъ феодальнаго порядка принимаетъ такой пассивный или quasi-легальный характеръ; въ очень многихъ мѣстностяхъ крестьяне слѣшаютъ заручиться вынужденнымъ силою отреченіемъ сеньора отъ его правъ, какъ, напр., въ Пенъе, гдѣ толпа крестьянъ и рабочихъ приводитъ съ собою консула и нотариуса и заставляетъ 80-ти-лѣтняго сеньора этого мѣстечка подписать формальный актъ отреченія. Нерѣдко такое насиліе сопровождается истребленіемъ письменныхъ актовъ и сеньоріальнаго архива, грабежомъ, сожиганіемъ замка и убійствами. Наконецъ, несомнѣнно, что даже и тамъ, гдѣ дѣло не доходитъ до преступленій и варварскаго истребленія чужой собственности—насильственная отмѣна феодальныхъ правъ представляетъ экспроприацію въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Но историку не слѣдовало бы забывать, что эта экспроприація не имѣетъ ничего общаго съ коммунистическимъ покушеніемъ на собственность вообще; что отмѣна крѣпостнаго права и феодальныхъ отношеній нигдѣ не обходилась безъ экспроприаціи, и что если во Франціи экспроприація при этомъ была не только значительнѣе и насильственнѣе чѣмъ гдѣ либо, но абсолютно несправедлива и безразсудна,—то это случилось по винѣ королевскаго правительства, которое такъ долго откладывало необходимую реформу, что, наконецъ, пришлось приступить къ ней въ самую неудобную для того минуту и предоставить главную роль при этомъ сторонѣ, наименѣе способной обдуманно и справедливо провести ее.

Особенно ясно обнаруживается, какъ непосредственно вызывалось самоволіе и дикое ожесточеніе толпы злоупотребленіями феодальнаго строя—въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне не могли избавиться отъ того, что ихъ стѣсняло, не истребивши самой собственности сеньоровъ, а именно въ возстаніяхъ противъ «привилегированной дичи». Тэнь приводитъ донесеніе одного чиновника, что жители цѣлой общины — Конфлана — взбунтовались противъ *кроликовъ*, и на стр. 31 перечисляетъ цѣлый рядъ деревень, жители которыхъ въ теченіи 2 мѣсяцевъ избивали дичь на землѣ сосѣднихъ сеньоровъ, потому что, по отзыву одного современнаго свидѣтельства, зайцы уничтожили около пятой части всей жатвы. Въ другихъ случаяхъ, которые Тэнь приводитъ въ доказательство неблагодарности крестьянъ, обнаруживается болѣе всего твердая рѣшимость сельскаго населенія покончить

навсегда съ стѣснительными для нихъ феодальными привилегіями: такъ, напримѣръ, на землѣ одного помѣщика, кормившаго въ теченіи зимы на свой счетъ бѣдныхъ, крестьяне тѣмъ не менѣе разрушили плотину, которая гнала воду на феодальную мельницу (*moulin banal*), и когда парламентъ присудилъ ихъ возстановить плотину, они заявили, что не только не исполнять этого, но если собственникъ самъ возстановить ее, то они опять ее пророкуютъ».

Правда, не всегда крестьяне ограничивались истребленіемъ такой феодальной собственности, которая ихъ стѣсняла или была имъ ненавистна; бывали случаи, что они прямо присвоивали себѣ чужую собственность. Особенно часто поступали они такъ по отношенію къ лѣсамъ; но Тэнъ приводитъ и другого рода примѣры. Въ Бриньоль крестьяне заставили владѣльцевъ тамошнихъ мельницъ продать ихъ общинѣ по произвольно установленной крестьянами дешевой цѣнѣ, и когда гербовый актъ о продажѣ былъ подписанъ владѣльцами, крестьяне пришли въ такой восторгъ, что отслужили молебень въ сосѣднемъ монастырѣ. Но и подобныя насилія противъ собственности, если то былъ не простой грабёжъ, болѣею частью находились въ связи съ феодальными порядками и объясняются реакціей противъ нихъ. Тэнъ говоритъ, что возстаніе противъ собственности не имѣетъ предѣловъ: отъ аббатствъ и замковъ оно распространилось на буржуазные дома—«сначала движеніе было направлено противъ владѣльцевъ феодальныхъ партій, теперь оно направлено противъ всѣхъ, кто чѣмъ либо владѣлъ». Но Тэнъ, однако, самъ на той же страницѣ замѣтилъ, что феодальныя права очень часто находились въ обладаніи людей не-дворянскаго происхожденія. Понятно, что самоуправство толпы, возставшей противъ феодальнаго права, направлено противъ всѣхъ, кто находился въ соприкосновеніи съ нимъ, былъ его орудіемъ и агентомъ.

Изъ многочисленныхъ фактовъ, приведенныхъ Тэномъ, только не многіе представляютъ примѣръ проявленія въ толпѣ чисто социалистическихъ тенденцій. Когда толпа преслѣдовала систеронскаго епископа, обвиняя его въ томъ, что онъ оказалъ покровительство одному скупщику хлѣба, самые разгоряченные кричали ему: «мы бѣдны, вы богаты, и мы хотимъ всего вашего имущества». Но Тэнъ самъ прибавляетъ, что въ этой толпѣ къ крестьянамъ и рабочимъ примѣшивались пришлые люди—итальянцы и бандиты.

Въ своемъ обзорѣ «самопроизвольной анархіи» Тэнъ упустилъ изъ вида, и въ этомъ его главная ошибка, что 1789 г. былъ

для Франціи годомъ отмѣны феодализма, — эманципациі крестьянъ отъ барщины и освобожденія поземельной собственности вообще отъ ленныхъ поборовъ и отъ оковъ феодальнаго права. Тэнъ исходитъ изъ мысли, что во Франціи установилась полнѣйшая анархія, а это повело къ возстанію противъ собственности. Мы полагаемъ, что было бы правильнѣе представить событія 1789 г. въ такомъ свѣтѣ: феодальный строй, громко осужденный правительствомъ и значительною частью самихъ привилегированныхъ классовъ, былъ разрушенъ народными возстаніями прежде, чѣмъ успѣли въ Версаль его легально отмѣнить или преобразовать. Это самоуправство массъ не только сопровождалось расхищеніемъ собственности привилегированныхъ классовъ и насиліемъ противъ лицъ, но и имѣло своимъ послѣдствіемъ вообще разнузданіе страстей и грубыхъ элементовъ общества.

При всей, однако, своей односторонности разсказъ Тэна очень интересенъ тѣмъ, что служить хорошею характеристикой не только тогдашняго французскаго крестьянина въ минуту, когда въ его рукахъ оказалась власть, но и народной расправы вообще, съ ея увлеченіями и насиліями. Чѣмъ дольше продолжалась во Франціи эта народная расправа съ феодализмомъ, чѣмъ полнѣе народная масса была предоставлена самой себѣ и могла разыгрывать роль законодателя и государя, тѣмъ чаще проявлялось въ ней убѣжденіе, которое можно назвать подводнымъ камнемъ крайней демократіи: что равенство гражданское должно имѣть своимъ послѣдствіемъ равенство имущественное и что государственная власть должна быть направлена къ перенесенію собственности отъ имущихъ къ неимущимъ — и тѣмъ болѣе жакери 1789 г. грозила принять характеръ «войны бѣдныхъ противъ богатыхъ».

Въ матеріалахъ, собранныхъ Тэномъ, можно найти не мало интересныхъ чертъ, рисующихъ намъ народную толпу, получившую возможность непосредственно проводить въ жизни свои понятія о гражданственности и справедливости. Въ Баржолѣ возставшіе крестьяне произвольно облагаютъ поборами всѣхъ жителей: монастырь урсулинокъ долженъ внести 1,800 ливровъ, капитулъ присужденъ доставить 50 возовъ съ хлѣбомъ; одинъ небогатый ремесленникъ — 18 возовъ, другой 40; каноники принуждаются выдать своимъ арендаторамъ квитанціи въ полученіи съ нихъ платы. Затѣмъ, народный судъ съ фляжею въ рукахъ идетъ изъ дома въ домъ и заставляетъ однихъ платить деньги, другихъ отказываться отъ своихъ долговъ, того отказаться отъ уголовнаго иска, другого — отъ приговора, постановленнаго въ

его пользу, третьяго—возвратить издержки за процессъ, выигранный нѣсколько лѣтъ тому назадъ; одного отца — дать согласіе на бракъ сына. Такія картины можно, впрочемъ, назвать сельской идилліей сравнительно съ тѣми сценами, въ которыхъ разыгрывались въ ужасныхъ размѣрахъ самыя звѣрскія чувства и которыя проявившеюся въ нихъ кровожадностью и жестокостью нисколько не уступаютъ средневѣковымъ *жакери*. Такими сценами изобилуетъ разсказъ Тэна. Но не одними только фактами старается онъ дѣйствовать на читателя и характеризовать состояніе провинцій подъ властью оклократіи; по своему обычаю, онъ прибѣгаетъ для этого къ постояннымъ сравненіямъ. Картина то представляетъ зданіе, главная балка котораго подалась, то невольничій корабль, на которомъ негры, освободившись отъ цѣпей, пытаются плыть, каждый толкая и натягивая въ свою сторону. Особеннаго же вниманія заслуживаютъ тѣ страницы, гдѣ Тэнъ предается своему любимому сюжету—*психологическимъ этюдамъ* надъ толпой и указываетъ на заразительную силу примѣра и взаимнаго возбужденія. Еще въ 40-хъ годахъ Дуданъ, этотъ старинный другъ *hôtel de Broglie*, письма котораго, недавно изданныя, представляютъ классическій образчикъ любимаго французами эпистолярнаго жанра — замѣтилъ, говоря о людскомъ обществѣ вообще, «что всѣ мелкіе недостатки каждаго изъ насъ въ свѣтѣ становятся пороками вслѣдствіе какой-то заразы, возникающей въ каждомъ значительномъ сборищѣ людей по той же причинѣ, по какой образуется тифъ въ госпиталяхъ, куда каждый занесъ только маленькую, безвредную лихорадку». Исходя изъ той же мысли, Тэнъ говоритъ о самодержавномъ народѣ 1789 г.: «толпа, собравшаяся съ цѣлью произвести какое-нибудь насиліе, состоитъ изъ людей наиболѣе негодныхъ и отчаянныхъ, наиболѣе склонныхъ къ разрушенію и своеволію; но мало того, въ то время, когда она въ суматохѣ совершаетъ свое насиліе, каждый человѣкъ изъ этой толпы, самый глупый или самый грубый, самый безразсудный или самый развращенный, спускается еще ниже собственнаго уровня до самаго дна своего помраченія и свирѣпости... Онъ не боится болѣе закона, потому что самъ отмѣняетъ его. Начавшееся безчинство увлекаетъ его далѣе, чѣмъ онъ хотѣлъ. Его ярость ожесточается отъ опасности и сопротивленія. Отъ соприкосновенія съ горячечными онъ заражается горячкою и идетъ вслѣдъ за злодѣемъ, который сталъ его товарищемъ. Прибавьте къ этому крики, пьянство, вѣдущее разрушенія, физическое содроганіе нервной системы, напряженной сверхъ силъ, и вы поймете, какимъ образомъ въ крестьянинѣ, въ рабочемъ, буржуа,

смягченныхъ и прирученныхъ старинной цивилизаціей, въ одинъ мигъ обнаруживается дикарь, еще хуже—первобытное животное, кровожадная и чувственная обезьяна, которая убиваетъ съ зубо-скальствомъ и кувирается среди разоренія, которое она произвела».

Болѣе откровеннаго, можно сказать, беззащитнаго, проявленія современнаго натурализма нельзя себѣ представить, и это, конечно, составляетъ оригинальность сочиненія Тэна, что онъ примѣнилъ такой крайній натурализмъ къ характеристикѣ народной толпы 1789 г.,—такъ долго идеализированной демократическими писателями.

Съ другой стороны, рассказъ Тэна *противъ его воли* поучителенъ въ томъ отношеніи, что масса собранныхъ имъ фактовъ, утомляющихъ читателя, именно своимъ количествомъ доказываетъ ему самымъ убѣдительнымъ образомъ, въ какой степени еще до открытія генеральныхъ штатовъ безвозвратно и радикально былъ осужденъ на гибель феодальный строй, какъ мало зависѣло на-правленіе революціи отъ королевскаго правительства и даже отъ депутатовъ, сѣзжавшихся въ Версаль, и какую широкую и прочную основу нашло для себя въ цѣлой Франціи демократическое движеніе, сосредоточивавшееся въ Парижѣ.

Тэнь, какъ мы замѣтили, смотритъ не съ этой точки зрѣнія на описанную имъ смуту. Онъ видитъ во всемъ этомъ движеніи только анархію. Въ его глазахъ народъ не что иное, какъ «слабый колоссъ, ожесточенный лишеніями, который ломаетъ все, за что ни ухватится—и не только въ провинціи мѣстныя колеса государственной машины, которыя могутъ быть починены, но еще и въ центрѣ главную пружину, дающую движеніе всему механизму, разрушеніе которой повлечетъ за собою порчу цѣлой машины». Но, несмотря на этотъ односторонній взглядъ, самый приѣмъ, котораго держался Тэнь въ изложеніи событій, бросаетъ новый свѣтъ на дѣло и по всей вѣроятности будетъ перенятъ послѣдующими историками. До-сихъ-поръ вниманіе историковъ было слишкомъ занято преніями въ Версалѣ и волненіями среди парижскаго населенія. О томъ, что происходило въ провинціи, упоминалось вскользь. Тэнь начинаетъ съ провинціи и отъ нея переходитъ къ Парижу. Отъ этого картина парижскихъ событій получаетъ соответствующій фонъ, и то демократическое движеніе, которое унесло старый феодальный порядокъ, а потомъ и новую конституцію, вполне раскрывается со всѣми корнями, которые оно успѣло пустить въ странѣ.

XII.

При описаніи парижскихъ смуть, Тэнъ держится, конечно, совершенно тѣхъ же приѣмовъ, какіе онъ примѣнялъ къ изображенію анархіи въ провинціи. Если мы позволимъ себѣ одно изъ тѣхъ реалистическихъ сравненій, которыя такъ любитъ Тэнъ, то можемъ сказать, что онъ пишетъ свою исторію, подобно тому, какъ аптекарь смѣшиваетъ въ определенной указанной рутинной пропорціи извѣстныя вещества, чтобы достигнуть извѣстнаго дѣйствія. Рецептъ, по которому Тэнъ составляетъ свой рассказъ, уже извѣстенъ читателямъ. Прежде всего имъ берется значительная доля «животныхъ инстинктовъ», этотъ суррогатъ состоитъ изъ двухъ элементовъ—вліяніе голода и вліяніе злодѣевъ (brigands). Ко всему этому подливается другой эликсиръ—«опьяняющее вліяніе интеллигенціи, увлекающейся ложными идеями и доктринами». Сообразно съ такимъ приѣмомъ, Тэнъ знакомитъ насъ въ началѣ II главы съ *голодомъ* въ окрестностяхъ Парижа и буйствами крестьянъ подъ вліяніемъ этого стимула. И здѣсь, однако, опять приводятся факты, которые доказываютъ, что мы имѣемъ дѣло не съ обыкновеннымъ голоднымъ бунтомъ, а съ всеобщимъ возстаніемъ противъ феодальнаго порядка. Бѣдняки, ищущіе пропитанія, идутъ въ Парижъ; туда же спѣшать со всѣхъ сторонъ бродяги и негодяи. Въ концѣ апрѣля смотрители заставъ замѣчаютъ «ужасающее число людей, плохо одѣтыхъ и съ мрачными лицами»; а въ началѣ мая другіе наблюдатели поражены «множествомъ чужаковъ среди парижскаго населенія, болѣею частью въ лохмотьяхъ и вооруженныхъ дубинами». Однако, еще до этого прилива опасныхъ элементовъ Парижъ, по замѣчанію Тэна, былъ полонъ «подонками общества — *la sentine publique était pleine et regorgeait*». Между тѣмъ въ 1789 году въ Парижѣ было 120,000 бѣдныхъ, и, чтобы имъ дать заработокъ, были устроены національныя мастерскія; 12,000 человѣкъ получали отъ города по 20 су въ день за то, что прорывали безполезныя канавы на Монмартрѣ. Подъ вліяніемъ новыхъ идей, которыя постепенно профильтрировались изъ самаго верхняго общественнаго слоя въ самый низшій—«глухое неудовольствіе толпы превратилось въ политическую страсть». Ей указывали на министерство, на дворъ, вообще на старый порядокъ какъ на препятствіе къ ея благоденствію—и «она съ яростію выдается на это препятствіе».

Переходъ парижской черни къ политической дѣятельности

Тэнь, по своему обычаю, характеризуетъ множествомъ сравненій, въ которыхъ главную роль играетъ метафора о разнузданномъ звѣрѣ, о ручномъ слонѣ, который вдругъ одичалъ, сбросилъ съ шеи своего жока и топчетъ его ногами. Тэну такъ нравится этотъ образъ, что даже предположеніе объ искусственномъ возбужденіи толпы агентами герцога Орлеанскаго онъ облачаетъ въ вопросъ: не объяснить ли ярость животного укусами снизу, произведенными подкупленной рукой, успѣвшею скрыться?

Тэнь показываетъ намъ въ дѣйствіи эту дивную силу при разграбленіи дома фабриканта Ревельона, случившемся еще до открытія генеральныхъ штатовъ. До какой степени Тэнь ни на минуту не забываетъ своего приѣма—механическимъ сопоставленіемъ выставляя на видъ различные элементы, взаимодействіемъ которыхъ онъ объясняетъ какъ общій ходъ революціи, такъ и детали ея,—явствуетъ также изъ этого разсказа. вмѣсто общихъ разсужденій или обвиненій двора и партіи герцога Орлеанскаго, которыя мы находимъ у другихъ историковъ, Тэнь лаконически говоритъ: «тутъ были голодные», и приводитъ разсказъ о разграбленіи булочной въ сосѣдней улицѣ,—«тутъ были разбойники»—и сообщаетъ донесенія полицейскихъ шпіоновъ о сборищѣ «жуликовъ» за заставой, на которомъ было рѣшено «уйти изъ Парижа, гдѣ полиція слишкомъ сильна, въ Ліонъ». «Тутъ были и патріоты», заключаетъ Тэнь свой разсказъ—и приводитъ фактъ, свидѣтельствующій, что въ волненіи толпы обнаруживались и политическія тенденціи.

Чтобы познакомить читателя съ этимъ *патріотизмомъ*,—какъ называлась тогда политическая эвзальтація, — Тэнь ведетъ его въ Пале-Рояль, «огражденный привилегіями орлеанскаго дома, куда полиція не смѣетъ войти и гдѣ рѣчь свободна». Никогда еще эта трибуна самаго крайняго радикализма, «куда слетались со всего Парижа политическіе и литературные трутни», не была характеризована такими мѣткими выраженіями, и ни одинъ еще историкъ не анализировалъ съ такимъ реализмомъ и, можно сказать, съ такою безцеремонностью *публику* Пале-Рояля, которой принадлежитъ такая видная роль во французской революціи. «Центръ проституціи, игры, праздности и торговли брошюрами, Пале-Рояль привлекаетъ къ себѣ все это населеніе, не пустившее корней, которое бродитъ въ большомъ городѣ и, не имѣя ни промысла, ни ховайства, живетъ только ради любопытства или ради удовольствія,—засѣдателей кофейенъ, посѣтителей игорныхъ домовъ, авантюристовъ и людей, не понававшихъ ни въ какую колею, неудавшихся или сверхштатныхъ литераторовъ, художниковъ и адво-

каторъ, канцеляристовъ, студентовъ, ротозѣевъ и праздношатающихся иностранцевъ и обитателей мебелированныхъ комнатъ, — послѣднихъ въ Парижѣ насчитывали до 40,000. Съ такимъ же реализмомъ и съ обычнымъ своимъ мастерствомъ Тэнъ описываетъ настроеніе и психологическое состояніе толпы, состоящей изъ подобныхъ элементовъ, которая, подъ вліяніемъ импровизованныхъ ораторовъ, радикальной печати и всеобщаго увлеченія, доходитъ до горячечнаго возбужденія. «Въ этомъ случайномъ сбродѣ политиковъ со вчерашняго дня, никто не знаетъ того, кто говоритъ; никто не считаетъ себя отвѣтственнымъ за свои слова. Каждый изъ нихъ стоитъ тамъ какъ въ театрѣ, неизвѣстный среди неизвѣстныхъ, съ потребностью растрогаться и придти въ восторгъ, поддаваясь заразительной силѣ окружающихъ его страстей, увлекаемый вихремъ громкихъ словъ, сочиненныхъ новостей, слуховъ, быстро растущихъ, преувеличеній, которыми одинъ старается перещеголять другого — кругомъ вопли, слезы, рукоплесканія, судорожныя движенія, какъ во время трагедіи». На такой сценѣ съ восторгомъ принимаются самыя дикія, самыя чудовищныя предложенія; здѣсь не терпятъ противорѣчій; чей видъ или чьи рѣчи не нравятся толпѣ, тотъ подвергается немедленнымъ оскорбленіямъ или истязаніямъ. Толпа присвоиваетъ себѣ всѣ функціи верховной власти, къ законодательной власти присоединяетъ судебную и изъ судьи тутъ же дѣлается палачомъ.

Описаніе Пале-Рояля оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе на всякаго непредубѣжденнаго читателя; но не меньшимъ мастерствомъ отличается характеристика корифеевъ той экзальтаціи, которая овладѣла Парижемъ. «Члены окружныхъ собраній, ораторы казармъ, кофейнъ, клубовъ и городскихъ площадей, сочинители брошюръ и сотрудники газетъ, — они роятся и шумятъ какъ наѣздомъ, появившіяся послѣ дождливой ночи. Съ 14 іюля, тысячи новыхъ должностей открылись для разнузданнаго честолюбія; страпчіе, писцы нотаріусовъ, художники, купцы, приказчики, актеры и преимущественно адвокаты, каждый изъ нихъ хочетъ быть офицеромъ національной гвардіи, администраторомъ, совѣтникомъ или министромъ новаго царствованія, и газеты, основываемыя десятками, представляютъ постоянную трибуну, съ которой риторы льстятъ народу въ своемъ интересѣ.... Во всѣхъ 60 окружныхъ собраніяхъ адвокаты пережевываютъ на всѣ лады высокпарные догматы революціоннаго катехизиса. Любой изъ нихъ отъ вчерашняго процесса о какомъ-нибудь брандмауерѣ прямо переходитъ къ вопросу объ организаціи государствъ и становится импровизованнымъ законодателемъ, — тѣмъ болѣе неисчер-

паемымъ и ободряемымъ рукоплесканіями, чѣмъ напыщеннѣе онъ доказываетъ присутствующимъ, что они отъ природы обладаютъ всѣми способностями и могутъ законно претендовать на всѣ права». Ораторы, впрочемъ, не ограничиваются общими мѣстами; нерѣдко они прямо вызываютъ къ открытому грабежу и истребленію враговъ, которыхъ, не обвинуясь, называютъ по именамъ — подобно Камиллу Демулену, восклицающему: «врагъ попался теперь въ западню и нужно покончить съ нимъ; никогда еще такая обильная добыча не ожидала побѣдителей; сорокъ тысячъ дворцовъ и замковъ, двѣ пятны всего движимаго и недвижимаго имущества страны будутъ плодомъ вашей побѣды».

Съ трезвою объективностью — доходящей, впрочемъ, до несправедливости, потому что подводитъ всѣхъ подъ одинъ уровень безъ вниманія къ различію таланта и другимъ искупающимъ свойствамъ — старается Тѣнь выставить на видъ особую характеристическую черту парижской демократіи — *незрѣлость* ея главныхъ вождей, — незрѣлость, безъ которой немислимо подобное увлеченіе; а способность, увлекаясь, увлекать другихъ, была тогда важнѣйшимъ условіемъ успѣха. «Взгляните на главныхъ, на самыхъ популярныхъ; это — незрѣвшіе или засохшіе плоды литературы и адвокатуры; газеты, какъ на лоткѣ, выставляютъ ихъ каждое утро на показъ для покупателей, и если они нравятся пресыщенной публикѣ, такъ это именно за ихъ кислоту и горечь. Въ ихъ неопытной или пустой головѣ нѣтъ ни одной политической идеи. Демулену — 29 лѣтъ, Лустало — 27 лѣтъ, и весь багажъ ихъ познаній заключается въ гимназическихъ воспоминаніяхъ, въ обрывкахъ изъ курса юридической школы, въ общихъ мѣстахъ, набранныхъ у Рейналя и подобныхъ писателей. Что же касается до Бриссо и Марата, этихъ напыщенныхъ филантроповъ, то они видѣли Францію только черезъ окно своего чердака, съвозъ очки своей утопіи».

Не менѣе, однако, дурныя послѣдствія, чѣмъ незрѣлость вождей, имѣли присоединившіяся къ этому эгоистическія побужденія ихъ и страсти — честолюбіе и зависть. Тѣнь подробно описываетъ стѣсненное положеніе парижскихъ демагоговъ, ихъ неудавшіяся попытки добиться успѣха или извѣстности, ихъ сентиментальскій образъ жизни, ихъ зависимость отъ другихъ, которая шла до такой степени въ разрѣзъ съ ихъ надеждами и притязаніями. Никто не высказалъ такъ наивно и цинично, какое громадное вліяніе имѣлъ *эгоизмъ* на убѣжденія демагоговъ, какъ одинъ изъ нихъ, юный *прокуроръ фонаря* — Камиллъ Демуленъ, слова котораго приводитъ Тѣнь: «Къ моимъ принципамъ присоединилось удовольствіе занять

надлежащее мнѣ мѣсто, доказать мою силу тѣмъ, кто меня превиралъ, унижить до моего уровня тѣхъ, кого судьба поставила выше меня. Мой девизъ — девизъ всѣхъ порядочныхъ людей — никто не долженъ стоять выше меня (*point de supérieur*)».

Такія признанія многозначительны и историкъ революціи не можетъ не принимать ихъ въ соображеніе. Но въ этой *трезвой правдѣ* о психическомъ состояніи парижскаго населенія и личныхъ побужденіяхъ демагоговъ не достаточно выставлена одна существенная черта тогдашняго общества — страсть къ славѣ. Никогда со времени Петрарки и Возрожденія, когда послѣ монашескаго самоуничтоженія личности, впервые пробудилась страсть къ славѣ и сдѣлалась могущественнымъ историческимъ факторомъ, — *жажда обезсмертить себя* не проявлялась съ такой силой и не охватывала такіа массы людей, какъ въ годину зарожденія французской демократіи. Читая тогдашнія газеты и мемуары, на каждомъ шагѣ удивляешься, какимъ страннымъ образомъ страсть къ славѣ забиралась въ сердце самыхъ темныхъ людей, и съ какой тщательностью, съ другой стороны, тогдашніе публицисты старались увѣковѣчивать всякій подвигъ, всякое имя, чтобы они не *пропали для человечества*. Почти во всѣмъ *патріотамъ* революціи примѣнимо слово, которое сказалъ о себѣ одинъ изъ «побѣдителей Бастиліи»: *Hulin affamé de gloire* ¹⁾. Какъ это ни странно, что страсть къ славѣ и жажда отличиться и *обезсмертить* себя во что бы то ни стало преимущественно развились въ эпоху демократическихъ тенденцій, но вся дальнѣйшая исторія демократіи подтверждаетъ это замѣчаніе.

Этихъ указаній будетъ достаточно, чтобы выяснить, какимъ способомъ Тэнъ подготавливаетъ своихъ читателей къ главному выводу, который онъ извлекаетъ изъ описанія парижской черни и демагоговъ 1789 года. «Такимъ образомъ, посредствомъ невольнаго *просѣванія* (*triage involontaire*) партія, захватывающая власть, набирается изъ людей яростныхъ убѣжденій и свирѣпыхъ дѣйствій (*ne se compose que des esprit violents et des mains violentes*). Самопроизвольно и безъ предварительнаго соглашенія, опасные сумасшедшіе оказываются въ союзъ съ опасными зѣбрами и при возрастающемъ несогласіи законныхъ властей, этотъ незаконный союзъ все разрушаетъ передъ собой».

Этотъ послѣдній выводъ составляетъ раму, въ которую Тэнъ вставляетъ свой рассказъ о самыхъ важныхъ по своимъ послѣдствіямъ событіяхъ въ исторіи Парижа — взятіи Бастиліи и походѣ

¹⁾ Duvalix. Prise de la Bastille — въ концѣ 3-й части.

парижанъ на Версаль. Тэнь не тратитъ времени на разсужденія о значеніи, которое имѣла Бастилія въ глазахъ французскаго народа, не упоминаетъ о томъ, что требованіе о разрушеніи ея было вставлено въ инструкціи, данныя депутатамъ; не взвѣшиваетъ, насколько насильственное взятіе ея было вызвано признаками подготовлявшагося феодальной партіей удара—стягиваніемъ войска въ Парижу и отставкой Некера. Тэнь поступаетъ въ данномъ случаѣ не какъ историкъ, а какъ человѣкъ, который случайно попалъ въ толпу и наблюдаетъ за тѣмъ, чтó въ ней происходитъ. Поэтому внѣшняя сторона событій описана у него превосходно. Изложеніе начинается съ подробнаго описанія грабежей и убійствъ, происходившихъ въ ночь съ 12-го на 13-е и продолжавшихся на слѣдующій день. Городъ былъ спасенъ отъ разбойниковъ только тѣмъ, что 14-го іюля начала формироваться національная гвардія. Матезъ получилъ снова политическій характеръ,—замѣчаетъ Тэнь,—но остается сумасброднымъ, потому что производится толпой (*elle reste toujours folle, parcequ'elle est populaire*). У этой толпы нѣтъ вождей; человѣческій потокъ рвется впередъ или самъ загромождаетъ себѣ путь, повинуюсь только естественному наклону мѣстности или случайнымъ развѣтвленіямъ пути. Вся стратегія толпы заключается только въ томъ, чтобы нанирать и поддаваться напору. Она съ 10 часовъ до 5 палитъ изъ ружей въ каменные стѣны вышиною въ 40 и толщиною въ 30 футовъ. Если ей удастся захватить Бастилію, то это вслѣдствіе малодушія ея защитниковъ, которые потеряли голову и капитулируютъ.

Съ такимъ же реализмомъ изображена физиологія разсвирѣпѣвшей толпы, ворвавшейся въ Бастилію. Особенность народнаго матеза заключается въ томъ, что при всеобщемъ неповиновеніи дурныя страсти такъ же свободны, какъ и благородныя побужденія, и что герои не въ состояніи сдержатъ убійцъ. Толпа щадитъ швейцарцевъ, стрѣлявшихъ въ нее, ибо по костюму принимаетъ ихъ за арестантовъ; а тому инвалиду, который помѣшалъ коменданту взорвать пороховой погребъ и который этимъ спасъ цѣлый кварталъ Парижа, отрубаетъ руку и, повѣсивши несчастнаго, носитъ его руку по улицамъ въ триумфальномъ шествіи. Еще хуже участь коменданта. Описаніе его истязаній и казни у Тэна напоминаетъ своимъ ужасающимъ реализмомъ самыя смѣлыя сюжеты изъ исторіи мучениковъ въ картинахъ Караваджо и Рибейры, гдѣ участіе въ жертвѣ совершенно поглощается отвращеніемъ, которое возбуждаютъ фізіономіи убійцъ и видъ ихъ окровавленныхъ орудій.

Подобнымъ же образомъ описана послѣдовавшая за нимъ народная казнь Фулона и Бертъе. Какъ и относительно прочихъ жертвъ народнаго террора, Тэнъ старается выставить на видъ ихъ заслуги и ихъ великодушное участіе къ бѣднымъ и очищаетъ ихъ память отъ обвиненій возникшей на ихъ счетъ народной молвы, къ которой слишкомъ довѣрчиво относились демократическіе историки. Впечатлѣніе, которое производитъ на читателей описаніе этого дикаго разгула парижской черни, еще усиливается элегическимъ контрастомъ, которымъ Тэнъ заключаетъ свою мрачную картину. Въ вечеръ послѣ убійствъ толпа опять тѣснится въ Пале-Рояль; въ одномъ изъ его маленькихъ ресторановъ сидятъ за ужиномъ убійца коменданта Де-Лоне, поваръ, отрѣзавшій ему голову, и солдатъ, вырвавшій сердце у Бертъе — съ своимъ трофеемъ. Но народъ, толпящійся подъ окнами, требуетъ себѣ трофеевъ — убійцы выбрасываютъ его изъ окна и спокойно продолжаютъ свой ужинъ, въ то время, какъ внизу съ торжествомъ носятъ по саду сердце, воткнувши его въ букетъ изъ бѣлыхъ гвоздикъ. «Вотъ зрѣлище, которое представляетъ этотъ садъ, гдѣ годъ тому назадъ свѣтское общество въ нарядныхъ туалетахъ собиралось побесѣдовать по окончаніи оперы, и нерѣдко, до двухъ часовъ ночи подъ мягкимъ сіяніемъ луны прислушивалось то къ скрипѣ Сень-Жоржа, то къ прелестному голосу Гарата». Въ такихъ эффектахъ вполне обнаруживается литературный талантъ Тэна, и они сильнѣе дѣйствуютъ, чѣмъ напыщенные аллегоріи, заимствованныя изъ Мильтона, которыми Тэнъ характеризуетъ въ той же главѣ «народную революцію» и ея мать, «лающую свободу».

Исторія всякой политической и церковной формы любитъ окружать себя легендами; исторія французской демократіи имѣетъ также свои легенды, и самая популярная изъ нихъ — легенда о взятіи Бастиліи. Никому изъ предшествовавшихъ историковъ не удалось до такой степени лишить это событіе не только легендарнаго блеска, но и всякаго идеализма, какъ Тэну; но онъ забылъ при этомъ, что всякая легенда послѣ того, какъ трезвая историческая критика отдѣлитъ правду отъ ея фантастической оболочки, сохраняетъ по-прежнему историческій смыслъ; ея права на существованіе заключаются въ томъ чувствѣ, подъ влияніемъ котораго она сложилась. Разрушеніе Бастиліи было не только для парижанъ или для французовъ, но и для большинства образованныхъ европейцевъ символическимъ событіемъ. Когда вѣсть о взятіи ея облетѣла Европу, радость была такъ велика, такъ всеобща, что охватила всѣхъ, безъ различія національности, возраста и положенія. Въ Кембриджѣ университетъ взялъ событіе

14-го іюля тѣмою для поэтическихъ упражненій своихъ студентовъ, Альфіери привѣтствовалъ его пламенною одою, а въ Петербургѣ 7-лѣтняя дочь придворнаго генерала, сдѣлавшаяся впоследствии извѣстной своей страстной религіозностью, приведшей ее къ мистицизму и къ дружбѣ съ іезуитами, устроила вечеромъ въ своей комнатѣ иллюминацію. Историкъ, который ни слова не говоритъ объ этой радости и о тѣхъ идеяхъ, какія Европа соединяла со взятіемъ Бастиліи, и который при разрушеніи ея видитъ только чернь, толпившуюся около ея стѣнъ, конечно, усмотрѣлъ только одну сторону дѣла.

Но Тэнъ не только не хотѣлъ понять общаго значенія описаннаго имъ событія, онъ даже недостаточно отчетливо изобразилъ вліяніе его на ходъ революціи. Разсужденія Тэна въ этомъ случаѣ только представляютъ комментарий къ словамъ Малуэ, что *терроръ* начался съ 14-го іюля. Тэнъ видитъ только, что «громное животное закусило удила», что съ этой минуты никто не можетъ считать себя безопаснымъ, что «личность и имущество, великіе и малые, частные люди и служащіе, наконецъ, само правительство — въ рукахъ толпы». Онъ обращается съ упреками къ національному собранію, которое отнеслось снисходительно къ совершившимся въ Парижѣ преступленіямъ, ко всѣмъ, кто, несмотря на кровавыя сцены, восхвалялъ великій смыслъ народа, его великодушіе и справедливость; кто поклонялся новому государю и увѣрялъ его, что онъ обладаетъ всѣми добродѣтелями, всѣми правами и всею властью. Тэнъ относится по этому случаю также съ укоромъ ко всѣмъ тѣмъ, «кто предпочитаетъ теорію своихъ книгъ опыту своихъ глазъ и пребываетъ съ упорствомъ въ идилліи, имъ сочиненной».

Всѣ эти упреки совершенно справедливы и урокъ, который Тэнъ извлекаетъ изъ исторіи 1789 г., не лишній въ наше время. Но взятіе Бастиліи поучительно не только въ этомъ отношеніи. Въ этомъ фактѣ нельзя только видѣть случайный взрывъ охлократіи, онъ имѣетъ болѣе существенное значеніе въ исторіи революціи и былъ необходимъ для торжества демократіи. Революція 1789 г. была ниспроверженіемъ монархическаго строя Франціи демократическимъ. Депутаты третьяго сословія подчинили монархическій принципъ демократическому, когда провозгласили себя 17-го іюня національнымъ собраніемъ. Съ этой минуты центръ государственной власти долженъ былъ перейти изъ версальскаго дворца въ залу des Menus Plaisirs. Естественнымъ отвѣтомъ на эту узурпацію была реакція со стороны двора. Новый государь, опиравшійся на принципъ народовластія, націо-

нальное собраніе было безпомощно въ борьбѣ съ прежнимъ легальнымъ государемъ. Но его выручило возстаніе парижанъ и только съ этой минуты можно было считать обезпеченнымъ торжество принципа народовластія. Въ этомъ заключается значеніе, которое имѣло взятіе Бастиліи для успѣха революціи.

Но побѣда національнаго собранія, купленная союзомъ съ парижскимъ населеніемъ, была куплена дорогой цѣною. Принципъ народовластія съ самаго начала раздробился. Онъ велъ практически къ двумъ совершенно различнымъ формамъ демократіи — къ представительной демократіи и къ непосредственному господству массы. Во имя перваго принципа государственная власть должна была принадлежать національному собранію; въ силу послѣдняго каждая община могла претендовать на непосредственное обладаніе верховной властью, на господство не только въ своихъ предѣлахъ, но и внѣ ихъ. Конечно, нигдѣ такіа притязанія не могли обнаружиться въ такихъ размѣрахъ и нигдѣ не было для нихъ столько условій успѣха, какъ въ самомъ большомъ изъ городовъ Франціи, въ ея столицѣ, въ центрѣ демократическихъ страстей. Такимъ образомъ, рядомъ съ новымъ государемъ Франціи, призваннымъ къ власти движеніемъ 1789 г., рядомъ съ національнымъ собраніемъ сталъ еще другой претендентъ на власть — парижская коммуна. Соперничество между этими двумя органами демократіи, опиравшимися на два различныхъ толкованія ея принципа, было неминуемо и парижскій демосъ изъ защитника версальскаго собранія сдѣлался его соперникомъ, а наконецъ — и господиномъ. Въ этомъ именно заключается смыслъ событій, происходившихъ въ Парижѣ послѣ 14-го іюля и приведшихъ къ походу парижанъ на Версаль.

У Тэна разсказъ о парижскихъ событіяхъ прерванъ описаніемъ состоянія провинцій подъ вліяніемъ разрушенія Бастиліи. Новый утомительный перечень неистовствъ, совершѣнныхъ въ провинціяхъ, напоминаетъ отдѣлъ происшествій въ какой-нибудь судебной газетѣ, но за этимъ слѣдуетъ лучшая глава сочиненія — описаніе жизни въ Парижѣ послѣ 14-го іюля при полномъ господствѣ народовластія. Никогда еще теорія народовластія не проводилась такъ послѣдовательно и не прилагалась такъ непосредственно къ жизни, какъ въ тогдашнемъ Парижѣ, и никогда еще владычество крайней демократіи не было описано съ такимъ фотографическимъ реализмомъ, какъ у Тэна. Демократическій принципъ былъ доведенъ въ Парижѣ до абсурда, т.-е. до самоотреченія, до уничтоженія всякой власти. Во имя этого принципа не только городъ Парижъ получилъ право жить особой отъ

государства жизнью, или, вѣрнѣе, на счетъ государства, но каждый кварталъ французской столицы составлялъ особый организмъ, — независимую политическую кѣлочку; въ каждомъ изъ этихъ дистриктовъ случайно собравшаяся толпа считала себя облеченной всѣми атрибутами государственной власти. Дистрикты не только произвольно отменяли постановленія городского совѣта, не только въ силу полной автономіи сносились съ національнымъ собраніемъ, но даже самовластно отправляли комиссаровъ въ провинціи для исполненія своихъ распоряженій. При такой всеобщей дезорганизаціи настоящимъ властелиномъ оказывалась уличная толпа. Она осаждала монастыри, производила обыски даже въ городской ратушѣ, преслѣдуетъ и наказываетъ городскихъ чиновниковъ, освобождаетъ преступниковъ во время ихъ казни и казнитъ зрителей, осуждавшихъ ея поведеніе. Этотъ новый деспотъ имѣетъ, конечно, своихъ совѣтниковъ и своихъ льстецовъ, которые подстрекаютъ его подозрительность и ярость. Но непреодолимая сила новаго демократическаго догмата обнаруживается не столько въ выходкахъ его приверженцевъ, сколько въ словахъ и дѣйствіяхъ правительственныхъ лицъ и защитниковъ государственнаго порядка. Что можетъ быть характеристичнѣе для тогдашняго положенія вещей, какъ сцена въ С.-Жерменѣ, гдѣ депутаты національнаго собранія становятся на улицѣ на колѣни передъ толпой и съ протянутыми къ ней руками и слезами на глазахъ умоляютъ ее пощадить жертвы, которыя она собирается убить; причемъ, несмотря даже на это крайнее униженіе, депутатамъ удается спасти только одну изъ двухъ жертвъ. Но еще болѣе рисуется это настроеніе умовъ всеобщее рабѣйное поклоненіе передъ *новой аристократіей* — чернью — обращеніе перваго министра и въ то время народнаго любимца Некера къ избирателямъ Парижа и къ собравшейся около нихъ толпѣ, у которой онъ вымаливалъ прощеніе Безанвиля, командовавшаго войсками 14-го іюля: «Я преклоняюсь, я становлюсь на колѣни передъ самымъ неизвѣстнымъ, самымъ незначительнымъ изъ парижскихъ гражданъ»... Не слѣдуетъ думать, чтобы значеніе подобной фразы было преувеличено тѣмъ, что она приведена у Тэна отрывочно. Слова Некера еще болѣе изумляютъ, если имѣешь передъ глазами полный текстъ, приводимый источниками. Смыслъ фразы заключался именно въ томъ, что, говоря 30-го іюля въ собраніи парижскихъ избирателей, которые составляли временное правительство Парижа, Некеръ отъ нихъ обратился къ толпѣ и сказалъ: «Я преклоняюсь (je me prosterne) не предъ вами, господа, которымъ, вслѣдствіе отличающаго ихъ благороднаго воспитанія

(distingués par une éducation généreuse), остается только слѣдовать свѣту вашего разума и инстинктамъ вашего сердца, но я бросаюсь на колѣни передъ самымъ неизвѣстнымъ, самымъ незначительнымъ изъ парижскихъ гражданъ». Но за то, правда, такое поклоненіе передъ охлократіей производило тогда поразительные эффекты — «помиловать! помиловать!» возопили въ одинъ голосъ, громко рыдая, до 1,500 человекъ ¹⁾.

Между тѣмъ *царь* Парижа бѣдствовалъ, несмотря на свою власть, — несмотря на громадныя жертвы, которыя приносили и городское управленіе, и правительство, чтобы удешевить хлѣбъ. Застой въ работахъ, особенно вслѣдствіе начавшейся эмиграціи, парализовалъ всѣ усилія и дѣлалъ удешевленный хлѣбъ недоступнымъ для многихъ. И, наконецъ, нужда — въ сочетаніи съ политическими идеями, которыя овладѣли воображеніемъ народа — производить новый взрывъ страстей, новую катастрофу — походъ парижанъ на Версаль.

Описаніе этого событія у Тэна можно назвать классическимъ эпизодомъ въ его новомъ сочиненіи. Здѣсь оригинальная сторона его таланта — умѣнье изображать внѣшнюю реальную сторону жизни, фізіологію человека и людской толпы — могла проявиться *безъ ущерба* отъ его неумѣнья понять и оцѣнить значеніе и вліяніе идей, составляющаго обратную сторону его таланта. Описаніе взятія Бастиліи вышло у Тэна крайне одностороннимъ, потому что онъ не далъ въ немъ мѣста безпримѣрному увлеченію потребностью свободы и демократической страстью, которыя характеризуютъ іюльское возстаніе. Въ событіяхъ же 5-го и 6-го октября идеалистическая сторона народнаго движенія 1789 года отступаетъ на второй планъ; это не единодушное возстаніе жителей большого города, которые опасаются, что реформы будутъ пріостановлены, что надежды на новый лучший порядокъ будутъ обмануты, — это, прежде всего, взрывъ неудовольствія со стороны голодающей толпы и затѣмъ проявленіе властолюбія парижской демократіи, первая изъ тѣхъ попытокъ подчинить Парижу Францію и ея правительство, которыя затѣмъ не-разъ повторялись. 14-е іюля дѣйствительно спасло французскую революцію, т.-е. обезпечило національное собраніе отъ преобладанія феодальной партіи; 5 и 6 октября были порабощеніемъ какъ короля, такъ и національнаго собранія и побѣдой охлократіи надъ демократіей. Значеніе новой характеристики событій 5—6 октября, которую мы находимъ у Тэна, яснѣе обнаружится, если мы сравнимъ его

¹⁾ Mein de Dusanlx, p. 424.

описаніе съ изложеніемъ у прежнихъ историковъ. Демократическіе историки всего болѣе настаиваютъ на томъ, что походъ на Версаль былъ вызванъ новымъ заговоромъ двора противъ національнаго собранія и дѣла свободы. Новая дислокація войскъ, банкетъ, данный офицерамъ фландрскаго полка въ Версальскомъ дворцѣ, и предпочтеніе, оказанное тамъ бѣлой кокардѣ передъ трехцвѣтной, служатъ для нихъ явными признаками заговора и потому, напримѣръ, версальскій банкетъ описанъ такъ подробно и съ такимъ пафосомъ у Мишле. Несмотря однако на это, Мишле признаетъ преобладающимъ мотивомъ движенія — голодъ въ Парижѣ, и согласно съ этими двумя мотивами — политическимъ и физическимъ — онъ распредѣляетъ роли между дѣйствующими лицами. «Настоящей, несомнѣнной причиной, — говоритъ онъ, — для женщинъ и для самой несчастной толпы былъ голодъ, — для большинства же мужчинъ, какъ изъ простого народа, такъ и національной гвардіи, причиной движенія была *честь*, — оскорбленіе, нанесенное дворомъ парижской кокардѣ, принятой цѣлою Франціей, какъ символъ революціи». — «Женщины однако, — замѣчаетъ Мишле, — были истинными виновницами движенія, — безъ нихъ едва ли бы мужчины собрались идти на Версаль». Хотя, такимъ образомъ, Мишле признаетъ чисто-физическій стимулъ — голодъ — главнымъ мотивомъ, онъ умѣетъ однако идеализировать его. Женщины, руководящія движеніемъ, въ его глазахъ — *героини*. Онъ сопоставляетъ ихъ съ Жанной д'Аркъ и съ Жанной Монфорской. Женщины были въ авангардѣ революціи, потому что онѣ больше страдали, — *страдали за другихъ*. На первомъ планѣ въ толпѣ женщинъ, пошедшихъ въ Версаль, въ картинѣ Мишле стоитъ *мать*, бѣдная мать, которая, въ то время, какъ мужъ проводитъ время на работѣ или на народной сходкѣ, остается одна въ холодной и пустой квартирѣ среди дѣтей плачущихъ, больныхъ или умирающихъ отъ голода, или — что еще тяжелѣе — среди дѣтей, укоряющихъ мать за то, что она не даетъ имъ кусочка хлѣба. За матерью идетъ бѣдная работница, которая также страдаетъ не за себя, а глядя на другихъ; идетъ женщина изъ достаточныхъ классовъ общества, потому что не въ состояніи стерпѣть общаго бѣдствія.

Правда, Мишле упоминаетъ, что въ толпѣ женщинъ, отправившихся въ Версаль, были и *des filles publiques*, «но, — слѣшить онъ прибавить, — *compatissantes et charitables, comme elles le sont souvent*»; были и торговки съ рынка, — но онѣ, по его мнѣнію, роялистки и руководятся, главнымъ образомъ, желаніемъ видѣть короля въ Парижѣ. Проводя всю жизнь на

рынкѣ, онѣ лучше другихъ знаютъ страданія населенія, и онѣ двинулись въ Версаль — pour ramener le boulanger et la boulangère.

Съ совершенно иной точки зрѣнія взглянулъ на дѣло первый историкъ, который отнесся критически къ исторіи революціи. Зибель обратилъ вниманіе преимущественно на политическій характеръ движенія на Версаль и владеть въ его основаніе обдуманнѣйшій планъ перевести короля въ Парижъ, чтобы усилить вліяніе городского управленія. Онѣ отвергаетъ мнѣніе, что волненіе въ Парижѣ было вызвано враждебными планами со стороны двора; онѣ отрицаетъ, чтобы Людовикъ XVI имѣлъ въ то время намѣреніе тайно уйти изъ Версаля, чтобы стать во главѣ контрреволюціи, — и указываетъ на недостаточность собранныхъ въ Версаль войскъ; съ другой стороны, онѣ отрицаетъ, чтобы голодъ былъ главной причиной движенія на Версаль, и указываетъ, что хлѣбъ въ октябрѣ былъ въ Парижѣ дешевле, чѣмъ лѣтомъ. Все это, по мнѣнію Зибеля, служило только поводомъ для демагоговъ, чтобы возбудить народъ. Но прежде эта агитація была сдерживаема до извѣстной степени городскими властями, — теперь же члены городского управленія были сами недовольны королемъ: они сердились на него за то, что онѣ не утверждалъ декрета національнаго собранія касательно обнародованія «декларации правъ». Эту декларацию Лафайетъ, стоявшій, какъ начальникъ національной гвардіи, во главѣ Парижа, считалъ своимъ личнымъ дѣломъ, и потому онѣ не противодействовалъ агитаторамъ, увлекавшимъ народъ въ Версаль. Фактическія доказательства Зибель видитъ въ томъ, что толпа не думала о перенесеніи столицы въ Парижъ и что этотъ лозунгъ былъ данъ ей свыше; затѣмъ въ томъ, что національная гвардія хотѣла разогнать толпу, но что городскіе чиновники и офицеры изъ штаба Лафайета воздерживали ее отъ этого; наконецъ, въ томъ, что 5 октября уже въ 10 часовъ утра вице-президентъ городского совѣта, Вовилье, отправился въ Версаль, когда національная гвардія еще и не помышляла о походѣ туда, и увѣдомилъ министровъ, что національная гвардія выступаетъ въ Версаль съ тѣмъ, чтобы принудить дворъ переселиться въ Парижъ.

Съ точки зрѣнія Тэна, въ революціи преобладаютъ грубые инстинкты и безсознательное броженіе толпы подъ вліяніемъ физическихъ стимуловъ и увлеченія пущенными въ ходъ доктринами. Поэтому онѣ не склоненъ видѣть въ движеніи на Версаль обдуманнаго политическаго плана и придавать значеніе вождямъ. Для него это движеніе — физиологическій процессъ, «нарывъ, вскрыв-

пійся на воспаленномъ и больномъ тѣлѣ». Роль, которую при этомъ играли физическіе и нравственные стимулы, распределяется имъ по-ровну. «Съ одной стороны, — говоритъ онъ, — тутъ дѣйствовали страсти желудка и женщины, возмущившіяся вслѣдствіе дороговизны; съ другой стороны, — страсти мозга и мужчины, увлекавшіеся потребностью власти. «Такъ какъ наши начальники, — разсуждаютъ мужчины — намъ не повинуются, то пойдемте и заставимъ ихъ слушаться». — Тэнь считаетъ разсказъ объ оскорбленіи національной кокарды и объ измѣнѣ двора легендой, сфабрикованной послѣ для оправданія мятежа, но признаетъ, что эта легенда содѣйствовала рѣшимости перевести короля въ Парижъ. Въ противоположность Мишле, который говоритъ: «не нужно искать здѣсь вліянія партій, — онѣ дѣйствовали, но сдѣлали мало», Тэнь указываетъ, что подкупъ игралъ большую роль и что роздано было много денегъ особенно для того, чтобы сманить на сторону парижской демократіи солдатъ фландрскаго полка; но Лафайета и членовъ городского совѣта Тэнь считаетъ непричастными движенію — и признаетъ, что національная гвардія насилowała своихъ начальниковъ.

Таковъ общій взглядъ Тэна на причины и характеръ похода парижанъ на Версаль. Взглядъ этотъ въ общихъ чертахъ ближе къ истинѣ, чѣмъ другіе, хотя въ немъ и обнаруживается съ излишней аффектаціей натуралистическая манера автора при объясненіи историческихъ событій. Но полное мастерство Тэна проявляется въ самомъ описаніи шествія на Версаль и того, что тамъ происходило, т.-е. когда Тэнь рисуетъ картину, когда ему приходится быть не историкомъ или политикомъ, а живописцемъ. Здѣсь его реалистическая манера, его способъ рисовать съ натуры, его умѣнье накоплять для эффекта яркія черты, совершенно на мѣстѣ; здѣсь даже нѣкоторый цинизмъ его въ образахъ и выраженіяхъ болѣе уместенъ, чѣмъ гдѣ-либо, — ибо выхваченъ изъ жизни и содѣйствуетъ правдивости картины. Сравнимъ, напримеръ, у Мишле и у Тэна сцену, когда на площади пришедшія изъ Парижа женщины стараются поколебать вѣрность выстроеннаго тамъ фландрскаго полка. У Мишле эти женщины являются ангелами мира: онѣ бросаются къ солдатамъ, умоляя ихъ не стрѣлять въ національную гвардію и не дѣлать зла народу. Какія это были женщины — Мишле не говоритъ; но онъ посвящаетъ цѣлую прочувствованную страницу одной изъ нихъ, расточая ей патетическіе эпитеты: «*Impétueuse, charmante, terrible, Théroigne de Méricourt ne sentait nul obstacle... Elle avait en des amours*». Но въ то время у ней была только одна страсть, жестокая, смер-

тельная, за которую она поплатилась дороже чѣмъ жизнью — любовь къ революціи». Тѣмъ же, напротивъ, даетъ намъ маленькую жанровую картинку, которая не уступаетъ картинкамъ Брейгеля—беззащитнымъ реализмомъ, но и жизненной правдой.

Наконецъ, значеніе и послѣдствія версальскихъ событій Тѣмъ выставляетъ болѣе трезво и правдиво, чѣмъ апологеты демократіи 1789 года. Мишле совершенно доволенъ результатами похода на Версаль: ему не приходится на умъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно вредныхъ послѣдствій, которыя могло имѣть это событіе на самый исходъ революціи. Въ его глазахъ, «народъ завоевалъ своего короля», и онъ объясняетъ это мистическимъ сравненіемъ отношеній государя къ націи съ узами новобрачныхъ, которые должны жить по средневѣковой поговоркѣ: «à un pain et à un pat».

Тѣмъ же, руководясь политическимъ смысломъ самыхъ разсудительныхъ изъ свидѣтелей тѣхъ событій—тѣхъ, кого онъ называетъ «les trois meilleurs esprits de la révolution» — Малле-Дюпана, Мирабо и Малуэ, старается характеризовать положеніе дѣлъ ихъ отзывами и резюмируетъ свое мнѣніе образнымъ сравненіемъ съ отвѣснымъ склономъ, по которому катилась революція и на которомъ отнынѣ ни король, ни національное собраніе не имѣли средствъ затормозить ее, — король по своей нерѣшительности, а собраніе потому, «что, ослѣпляемое, насилуемое, увлекаемое впередъ какъ своими теоріями, такъ и партіей, служившей ему опорой, оно каждымъ изъ своихъ великихъ декретовъ только ускоряло паденіе». Это заключеніе служить вмѣстѣ съ тѣмъ Тѣну, по принятой имъ манерѣ, эпиграфомъ для второй части его книги, въ которой онъ разсматриваетъ законодательную дѣятельность національнаго собранія.

И опять-таки можно по этому поводу замѣтить, что Тѣмъ слишкомъ вышнимъ образомъ разсматриваетъ событія и слишкомъ мало вникаетъ въ ихъ политическій смыслъ. А между тѣмъ онъ могъ бы найти для этого въ изученныхъ имъ источникахъ не мало точекъ опоры. Движеніе 5 октября и установленное имъ преобладаніе Парижа было естественнымъ результатомъ господствовавшего въ то время представленія о демократіи и тогдашняго политическаго положенія дѣлъ. Съ болѣею ясностью указалъ Малуэ въ своемъ «письмѣ къ избирателямъ» на то, что увлеченіе крайнимъ развитіемъ демократическаго принципа и безусловное примѣненіе идеи о непосредственномъ народовластіи должны были въ большемъ (слѣдовало бы прибавить: и сильно централизованномъ) государствѣ непременно привести къ деспо-

тизму столицы, такъ какъ только тамъ дѣйствительно можетъ образоваться всенародное правительство, заправляемое господствующей факціей ¹⁾. Дѣйствительно, всякій разъ воззваніе къ принципу абсолютнаго народовластія имѣло во Франціи послѣдствіемъ стремленіе Парижа пріобрѣсти гегемонію. Замѣчательно, что однимъ изъ первыхъ постановленій парижскихъ избирателей было требованіе, чтобы столица была переведена изъ Версаля въ Парижъ. Осуществленіе этого требованія и вмѣстѣ съ тѣмъ тираннія Парижа надъ правительствомъ Франціи были неизбежны въ 1789 году потому, что это правительство было глубоко раздвоено и между двумя органами его, національнымъ собраніемъ и королемъ, существовало, при коренномъ антагонизмѣ въ принципахъ, — непреодолимое недоверіе.

В. ГЕРЬЕ.

¹⁾ „Car c'est un rêve de notre âge que celui d'une démocratie royale ou absolue de 25 millions d'hommes; les républiques d'une telle étendue n'eurent jamais que dans leur métropole un gouvernement populaire, soumis à une faction dominante, dont les délégués furent toujours despotes dans les provinces“. Эти слова написаны еще весной 1790 г. (Mém. de Malquet, II, p. 82).

ДАВИДЪ ФРИДРИХЪ ШТРАУСЪ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

- A. *Hausrath*, David Friedrich Strauss und die Theologie seiner Zeit. Erster Theil. Heidelberg, 1876. Zweiter Theil. Heidelberg, 1878.
D. F. *Strauss*, Gesammelte Schriften. Erster Band. Bonn, 1876. Zwölfter Band. Bonn, 1877.

Давидъ - Фридрихъ Штраусъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые оставляютъ яркій слѣдъ въ умственной жизни своего народа и своей эпохи. Первое сочиненіе его—двадцатисемилѣтняго, неизвѣстнаго до тѣхъ поръ юноши—становится поворотнымъ пунктомъ въ исторіи нѣмецкой богословской науки, распространяя вліяніе свое далеко за ея предѣлы. Буря, вызванная имъ, долго не утихаетъ и возобновляется, хотя и съ меньшей силой, когда оно, почти тридцать лѣтъ спустя, появляется въ свѣтъ въ новой обработкѣ, предназначенной для нѣмецкаго народа. Оттиснутый съ дороги, на которой былъ совершёнъ имъ этотъ первый, поразительный шагъ, Штраусъ долго и напрасно ищетъ новой почвы, столь же благопріятной для его таланта. Многое изъ сдѣланнаго имъ во время этихъ поисковъ было бы достаточно, чтобы доставить другому писателю почетную извѣстность, но для того, чтобы поддержать славу Штрауса на достигнутой имъ сразу высотѣ, историко-біографическіе его труды оказываются безсильными. Только подъ конецъ жизни Штраусъ опять выдвигается на первый планъ, сначала приобрьтая громкую, но эфемерную популярность письмами къ Ренану по поводу франко-германской войны, потомъ возбуждая противъ себя всѣ партіи, всѣ мнѣнія предсмертной своей *profession de foi*: «Der alte und der neue Glaube». Дѣятельность его заканчивается, какъ

и началась, среди шума полемики и ожесточенныхъ нападеній. Злѣйшихъ враговъ его — тѣхъ, противъ которыхъ онъ въ продолженіи сорока лѣтъ неустанно боролся, — не примиряетъ съ нимъ, конечно, и смерть; но большинство нѣмецкаго образованнаго общества сознаетъ, что оно въ немъ потеряло, и личность умершаго писателя становится предметомъ такого сочувственнаго вниманія, какимъ онъ никогда, кромѣ короткой минуты въ 1870 г., не пользовался при жизни. Вслѣдъ за цѣлымъ рядомъ некрологовъ и краткихъ біографическихъ очерковъ, среди которыхъ особенно выдается брошюра стараго друга и единомышленника Штрауса, извѣстнаго богослова и философа Целлера ¹⁾, появляется полная біографія Штрауса, написанная однимъ изъ лучшихъ современныхъ нѣмецкихъ писателей, Гаусратомъ ²⁾. Одновременно съ этимъ предпринимается новое изданіе всѣхъ главныхъ сочиненій Штрауса, въ двѣнадцати томахъ, и въ составъ его входитъ нигдѣ до тѣхъ поръ не напечатанная, крайне интересная автобіографія или, лучше сказать, исторія литературной дѣятельности Штрауса — подъ названіемъ «Literarische Denkwürdigkeiten». У насъ въ Россіи извѣстность Штрауса столь же ограничена, какъ и свобода сужденія о немъ; но въ названныхъ нами книгахъ все-таки найдется не мало такого, съ чѣмъ и возможно, и желательно познакомить русскую публику. Въ особенности сочиненіе Гаусрата представляется весьма замѣчательнымъ, такъ какъ, кромѣ біографіи Штрауса, оно содержитъ въ себѣ полную и оживленную картину движенія нѣмецкой богословской мысли за послѣдніе полъ-вѣка. Мы постараемся дать понятіе объ обѣихъ сторонахъ книги Гаусрата, пользуясь вмѣстѣ съ тѣмъ и другими доступными намъ матеріалами.

I.

Воспитаніе и первая молодость.

Давидъ-Фридрихъ Штраусъ родился въ 1808 г., въ виртембергскомъ городкѣ Людвигсбургѣ. Отецъ его былъ небогатый торговецъ, почти разорившійся во время войны за освобожденіе Германіи. Человѣкъ даровитый, не лишенный образованія, онъ

¹⁾ D. F. Strauss in seinem Leben und seinen Schriften, Bonn, 1874.

²⁾ О главномъ сочиненіи Гаусрата: „Neutestamentliche Zeitgeschichte“, были напечатаны статьи въ „Вѣстн. Евр.“, 1878 г., № 11, и 1875 г., № 12.

тяготился узкимъ кругомъ своей дѣятельности, но не находилъ въ себѣ достаточно силы, чтобы изъ него выйти. Онъ могъ бы быть, по замѣчанію одного изъ біографовъ Штрауса, хорошимъ и счастливымъ учителемъ или пасторомъ; въ той средѣ, въ которую его поставили обстоятельства, онъ бился какъ рыба объ ледъ, все болѣе и болѣе склоняясь къ мрачному мистицизму. Къ счастью для Штрауса, мать его, — памяти которой онъ посвятилъ нѣсколько трогательныхъ страницъ, вошедшихъ въ составъ новаго изданія его сочиненій ¹⁾, — была совсѣмъ другого закала. Дѣятельная, бодрая женщина, съ практическимъ умомъ, съ свѣтлымъ взглядомъ на жизнь, съ глубокимъ, но простымъ, чуждымъ нетерпимости и формализма, религіознымъ чувствомъ, она была поддержкой для своего мужа, другомъ для своихъ дѣтей ²⁾; ей они были обязаны спокойнымъ, беззаботнымъ дѣтствомъ, во время котораго они даже не замѣчали опасностей, угрожавшихъ благосостоянію семейства; отъ нея Давидъ-Фридрихъ наследовалъ трезвость мысли, энергію характера, честность стремленій. Когда надъ его головой разразилась первая гроза, отецъ его, въ то время вполне отдавшійся пѣтязму, ужасался, стыдился своего сына, и сдѣлалъ для него невозможнымъ пребываніе въ Людвигсбургѣ; мать Штрауса, какъ ни далеко было ея міросозерцаніе отъ образа мыслей сына, ни на минуту не отвернулась отъ него, страдала за него и вмѣстѣ съ нимъ, поддерживала его въ самыя трудныя эпохи его жизни; смерть ея, совпавшая съ одною изъ такихъ эпохъ (1839), была для него невознаградимой потерей. Первой учительницей Штрауса была его мать. Дочь деревенскаго пастора, но рано потерявшая отца и воспитанная въ мѣщанской семьѣ, она не получила большого образованія, даже не владѣла литературнымъ нѣмецкимъ языкомъ,

¹⁾ Т. I, стр. 83.

²⁾ Кромѣ Давида-Фридриха, у нея былъ еще одинъ, младшій сынъ, Вильгельмъ. Между братьями, несмотря на все различіе дѣятельности (Вильгельмъ занимался торговлей), постоянно существовала тѣсная дружба, памятникомъ которой служить какъ надгробная рѣчь, произнесенная Давидомъ-Фридрихомъ по смерти Вильгельма (Собрание соч. т. I, стр. 112), такъ и въ особенности посвященіе, стоящее во главѣ „*Leben Jesu, für das deutsche Volk bearbeitet*“. „Ты былъ для меня, — говорить Д.-Ф. Штраусъ въ этомъ посвященіи, обращаясь къ брату, — всѣмъ тѣмъ, чѣмъ для другихъ писателей бывають учителя, друзья, покровители. Ты ободрялъ, я—что еще важнѣе—ты понималъ меня... Посвящая тебѣ мою книгу, я вижу въ тебѣ чело-вѣка изъ народа; предназначая ее для народа, я предполагаю, что въ немъ много людей, тебѣ подобныхъ, какъ ты—не довольствующихся одной заботой о матеріальныхъ интересахъ, какъ ты, ищущихъ послѣ работы отдыха въ серьезномъ чтеніи, какъ ты, достаточно мужественныхъ для самостоятельнаго мышленія“.

а говорила и писала на швабскомъ нарѣчїи; но знакомство ея съ Библіей, изъ которой она множество мѣстъ знала наизусть, съ лучшими молитвенными пѣснями и гимнами протестантской церкви, рано перешло къ сыну, поэтическая натура котораго нашла здѣсь обильную пищу. Всего важнѣе было то, что мать съумѣла внушить ему охоту и любовь къ труду. Необходимыя свѣдѣнія въ языкахъ и наукахъ ему дала такъ-называемая «латинская», т.-е. приготовительная школа, которая въ это время въ Людвигсбургѣ была обставлена довольно хорошо. Тринадцати лѣтъ отъ роду онъ поступилъ въ евангелическую семинарію, въ Блаубейренѣ (городѣ въ восточной части виртембергскаго королевства, недалеко отъ Ульма). Въ XVI-мъ вѣкѣ, послѣ паденія католицизма въ Виртембергѣ, нѣсколько монастырей, въ томъ числѣ и блаубейренскій, были обращены въ училища для приготовления проповѣдниковъ, а также учителей, такъ какъ управление церковью и школой въ то время было нераздѣльно. Дисциплина въ этихъ училищахъ немногимъ отличалась отъ монастырской. Весь четырехлѣтній періодъ ученія воспитанники проводили въ строгомъ отрѣшеніи отъ міра, приучаясь къ грубой одеждѣ, къ скудной пищѣ, къ усиленному умственному труду. Къ началу нынѣшняго столѣтія школьные порядки нѣсколько смягчились, но все еще носили на себѣ ясный слѣдъ своего монастырскаго происхожденія. Суровый, тяжеловѣсный, мало-подвижный складъ швабскаго ума и характера способствовалъ ихъ долговѣчности. Для виртембергскихъ пасторовъ, чиновниковъ, купцовъ опредѣленіе сына въ одну изъ четырехъ евангелическихъ семинарій было любимую мечтою, какъ потому, что воспитанники семинарій принимались на полное казенное содержаніе (только одежду они должны были заводить на собственные средства), такъ и потому, что успѣшное окончаніе курса въ семинаріи открывало доступъ въ институтъ (Stift), учрежденный при тюрингенскомъ университетѣ для приготовления богослововъ — а богословская карьера считалась въ Виртембергѣ чуть ли не самой почетной. Понятно, что желающихъ поступить въ семинарію всегда было много; принимались только избранные, выдержавшіе съ отличіемъ три экзамена, которые слѣдовали одинъ за другимъ на разстояніи года. Въ число такихъ избранныхъ попалъ и Штраусъ, хотя былъ моложе большинства своихъ товарищей. Нелегко было ему перейти изъ-подъ крылышка матери въ непривѣтную обстановку школы. Постоянный, строгій надзоръ, запрещеніе отлучаться изъ школы по вечерамъ, даже въ свободное время, раннее вставанье (въ 5¹/₂ ч. зимой, въ 5 ч. лѣтомъ),

масса классныхъ и внѣ-классныхъ занятій — все это иногда съ трудомъ переносилось быстро развивающимся, бойкимъ мальчикомъ, охотно трудившимся, но желавшимъ, вмѣстѣ съ ученикомъ въ «Фаустѣ», «ein wenig Freiheit und Zeitvertreib an schönen Sommertagen». Тѣмъ не менѣе школьная жизнь была счастливымъ временемъ для Штрауса; онъ всегда вспоминалъ о ней съ удовольствіемъ и признавалъ, что многимъ былъ ей обязанъ. Едва ли можно согласиться съ Гаусратомъ, что радикализмъ перваго сочиненія Штрауса стоитъ въ такой же связи съ виртембергскими школьными порядками, какъ и радикализмъ «Разбойниковъ», первой драмы Шиллера, что избытокъ дисциплины, умственного гнета въ обоихъ случаяхъ привелъ къ одинаковому взрыву долго подавленной силы. Между «Karlschule», въ которой провелъ свои юношескіе годы Шиллеръ, и блаубейренской семинаріей нѣтъ ничего общаго; тамъ мелочная тиранія полоумнаго деспота, господство внѣшней дрессировки, безъ всякаго истинно-образовательнаго элемента, постоянное униженіе и оскорбленіе складывающейся личности — здѣсь высокоразвитые, гуманные учителя, превосходное преподаваніе, стѣсненія чисто-внѣшнія, сравнительно легко переносимыя. Да и радикализмъ «Разбойниковъ» имѣетъ очень мало общаго съ радикализмомъ перваго сочиненія Штрауса; у Шиллера — радикализмъ чувства и страсти, отрицательно относящійся ко всему существующему; у Штрауса — радикализмъ ума и мысли, не переходящій въ область практической жизни. Картина семинарскаго воспитанія, съ любовью набросанная Штраусомъ въ его біографіи Мерклина ¹⁾, производитъ не подавляющее, а отрадное, успокоивающее впечатлѣніе. Подъ тонкой, легко-проницаемой корой старозавѣтной рутины, это воспитаніе содержало въ себѣ массу свѣжихъ, здоровыхъ элементовъ. Учились воспитанники сравнительно небольшому числу предметовъ, но за то усваивали ихъ себѣ основательно, всесторонне; Гомеръ дѣлался ихъ карманной книгой, Горация они и подъ старость съ наслажденіемъ читали въ подлинникѣ. Ихъ знакомили не только съ буквой, но и съ духомъ древнихъ писателей. Товарищескія отношенія ихъ ничѣмъ не были стѣснены, во внутреннюю ихъ жизнь никто не вторгался. Въ воспитаніи будущихъ богослововъ не было замѣтно пѣтистическаго элемента. Даже физическое воспитаніе не было въ совершенномъ пренебреженіи; гимнастика, купанье, прогулки въ

¹⁾ „Christian Märklin, ein Lebens- und Charakterbild aus der Gegenwart“. Mannheim, 1850.

прекрасныхъ окрестностяхъ города, иногда дальнія экскурсіи подъ руководствомъ одного изъ преподавателей—или параллельно съ усиленными классными занятіями. Это все черты болѣе или менѣе общія всѣмъ тогдашнимъ виртембергскимъ семинаріямъ ¹⁾—но условія школьной жизни Штрауса были особенно благоприятны. Главнымъ преподавателемъ блаубейренской семинаріи былъ при немъ Бауръ, столь извѣстный впоследствии какъ профессоръ богословія и основатель такъ-называемой тюбингенской школы. Исключительно живя для науки, аскетъ труда, Бауръ обладалъ рѣдкою способностью возбуждать въ своихъ ученикахъ интересъ къ любимымъ его предметамъ ²⁾. Слушать древнихъ историковъ, объясняемыхъ Бауромъ, было, по словамъ Штрауса, настоящимъ наслажденіемъ. Читая Геродота, онъ касался главныхъ вопросовъ мнѳологической науки; читая Тита Ливія—знакомилъ своихъ слушателей съ приемами нибуровской критики; читая Платона—вводилъ ихъ въ область философіи. Другой преподаватель семинаріи, Кернъ—одновременно съ Бауромъ переведенный профессоромъ богословія въ Тюбингенъ, но не оправдавшій тамъ возлагавшихся на него ожиданій—былъ любимъ и уважаемъ слушателями не менѣе, чѣмъ Бауръ; его лекціи о латинскихъ и греческихъ поэтахъ, о псалмахъ и пророкахъ, объ антропологіи и логикѣ остались въ памяти Штрауса, какъ произведенія, въ своемъ родѣ образцовыя. Упрекнуть Баура и Керна можно было только въ томъ, что они не всегда сообразовались съ развитіемъ своихъ слушателей и поднимались иногда на такія высоты, куда послѣдніе еще не могли слѣдовать за ними. Съ другой стороны, между товарищами Штрауса по семинаріи процентъ даровитыхъ, выходящихъ изъ ряда молодыхъ людей былъ гораздо больше обыкновеннаго. Всего болѣе выдавались изъ нихъ среды Циммерманнъ, будущій историкъ крестьянской войны въ Германіи (сочиненіе это переведено на русскій языкъ); Фишеръ, остроумный эстетикъ; Мерклинъ, честный, смѣлый мыслитель, памяти котораго Штраусъ посвятилъ цитированную нами уже книгу; еще нѣсколько другихъ, пріобрѣвшихъ почетную, хотя и скромную извѣстность, какъ поэты, педагоги, публицисты. Живое общеніе съ такими юношами довершало то, чему были основаніе лекціи Баура и

¹⁾ Интересную характеристику другой виртембергской семинаріи, шёнталской, составленную авторомъ хорошей монографіи о Лютерѣ, Лангомъ, и относящуюся почти къ тому же времени, см. въ „Gartenlaube“, 1875 г., № 23.

²⁾ Для ближайшаго знакомства съ симпатичною личностію Фр. Христіана Баура неслѣдуетъ служить біографія его, составленная ученикомъ его, Целлеромъ (Zeller, Vorträge und Abhandlungen, S. 354. Leipzig, 1865).

Керна. Замѣчательно, что изъ числа восьми ближайшихъ школьныхъ друзей Штрауса только *одинъ* остался вѣрять богословской карьерѣ; всѣ остальные, какъ и самъ Штраусъ, вынуждены были рано или поздно съ ней разстаться.

Товарищеская среда, которою былъ окруженъ Штраусъ въ Блаубейренѣ, перешла вмѣстѣ съ нимъ въ богословскій институтъ при тюбингенскомъ университетѣ, куда онъ поступилъ семнадцати лѣтъ отъ роду, въ 1825 г.; но въ другихъ отношеніяхъ положеніе его измѣнилось не къ лучшему. Правда, студенты института пользовались гораздо болѣею свободой, чѣмъ воспитанники семинаріи; они могли считать себя полноправными, съ немногими только ограниченіями, «академическими гражданами»; но времена были тяжелыя для университетовъ вообще, и для тюбингенскаго въ особенности. Постоянныя столкновенія между старыми студенческими корпораціями и новыми (буршеншафтами) вызвали посылку въ Тюбингенъ, вскорѣ послѣ прибытія туда Штрауса, правительственнаго комиссара, съ обширными полномочіями, которыми онъ безцеремонно пользовался и противъ профессоровъ, и противъ студентовъ. Лично Штраусъ отъ этого не пострадалъ, потому что мало принималъ участія въ корпоративной студенческой жизни; болѣе серьезнымъ источникомъ разочарованій сдѣлалось для него университетское преподаваніе, не только не затмившее лекцій любимыхъ блаубейренскихъ учителей, но даже не замѣнившее ихъ, оказавшееся гораздо низшаго сорта. Профессоры классической филологіи занимались буквѣдствомъ; изъ профессоровъ философіи одинъ былъ мистикъ, вѣрившій въ духовъ не меньше нынѣшнихъ спиритовъ; другой — отжившій старикъ; третій — флегматичный и апатичный эклектикъ, безъ всякой собственной мысли. Не лучше были замѣщены сначала и каведры богословскаго факультета; самымъ вліятельнымъ профессоромъ былъ здѣсь Штейдель, бездарный компиляторъ, лишенный даже самаго обыкновеннаго дара слова, и притомъ пѣтистъ, всѣми силами старавшійся не допускать къ преподаванію людей болѣе самостоятельнаго направленія. Если Бауръ, на второй годъ пребыванія Штрауса въ университетѣ, былъ призванъ къ занятію вакантной каведры церковной исторіи, то это счастливое для Штрауса назначеніе состоялось вопреки протесту Штейделя, съ прозорливостью фанатизма угадавшего въ молодомъ ученомъ будущаго нарушителя богословской тишины и глади въ Тюбингенѣ. Лекціи Баура, хотя еще и далеко не дошедшаго тогда до окончательнаго результата своихъ изслѣдованій, были

единственнымъ живымъ словомъ, которое слышалъ Штраусъ съ кафедръ во время пятилѣтняго пребыванія своего въ университетѣ.

Понятно, что группа молодыхъ, даровитыхъ людей, къ которой принадлежалъ Штраусъ, — людей, еще на школьной скамѣ привыкшихъ мыслить, — должна была живо чувствовать пробѣлы университетскаго преподаванія и заботиться о пополненіи ихъ другими средствами, преимущественно чтеніемъ; но это не всегда было легко, особенно въ области философіи. Семнадцати-восемнадцати-лѣтніе юноши пробовали читать Канта, но не могли понять его. Доступнѣе оказался Шеллингъ, родственникъ имъ уже вслѣдствіе близости своей къ романтикамъ, поэзіей которыхъ они въ то время восхищались. Отъ Шеллинга они перешли къ мистикамъ, къ Якову Бѣме, котораго именно Шеллингъ старался въ то время извлечь изъ забвенія. Штраусъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими товарищами, пошелъ еще дальше; онъ увлекся вѣрой въ пророческій даръ магнетизируемыхъ лицъ, въ постоянное общеніе между сферою духовъ и нашимъ міромъ, сблизился съ главными пропагандистами этого ученія — Эшенмайеромъ и Юстиномъ Кернеромъ ¹⁾, и самъ сдѣлался яркимъ до нетерпимости его защитникомъ. До тѣхъ поръ застѣнчивый, молчаливый, неувѣренный въ себѣ, Штраусъ, по свидѣтельству одного изъ товарищей его (Фишера), именно теперь становится упорнымъ спорщикомъ, преслѣдуетъ насмѣшками все, похожее на рационализмъ, усваиваетъ себѣ рѣзкій, не допускающій возраженій тонъ закоренѣлаго ортодоксально-лютеранскаго богослова. Этотъ переходный моментъ продолжается недолго; новый переломъ совершается подъ вліяніемъ Шлейермахера, къ которому скоро присоединяется еще болѣе сильное вліяніе Гегеля. О свойствахъ этихъ вліяній мы будемъ говорить ниже; теперь скажемъ только, что знакомство съ сочиненіями Гегеля, по словамъ Штрауса, пробудило въ немъ новыя способности и силы. Прежде онъ считалъ себя преимущественно человекомъ чувства, мечтателемъ, будущимъ поэтомъ; точно также смотрѣли на него и товарищи, читая и хваля первые его стихотворные опыты. Изучая Гегеля, онъ сталъ сознавать, что призваніе его совсѣмъ другое, что диалектическое мышленіе въ немъ сильнѣе поэтической жилки, что если послѣдней и суждено сослужить ему какую-нибудь службу, то лишь въ свѣтѣ у перваго, въ строгомъ повиновеніи ему. Только теперь, выйдя на настоящую свою дорогу, Штраусъ сталъ

¹⁾ Прелестную, полную юмора картину этихъ юношескихъ увлеченій Штрауса можно найти въ статьѣ его о Кернерѣ (Собр. сочин., т. I, стр. 121).

трудиться съ увлеченіемъ, со страстью, только теперь сталъ опережать своихъ товарищей и все больше и больше выдаваться надъ ними. До тѣхъ поръ умственная инициатива въ кружкѣ Штрауса принадлежала Циммерманну; онъ первый перешелъ отъ Шлейермахера къ Гегелю, первый возбудилъ въ своихъ друзьяхъ интересъ къ берлинскому философу; теперь роль Циммерманна всецѣло перешла къ Штраусу.

Не слѣдуетъ думать, однако, что разрывъ Штрауса съ общепринятымъ образомъ мыслей совершился внезапно. Оставляя университетъ (1830), онъ не былъ уже тѣмъ наивно-вѣрующимъ юношей, какимъ вступилъ туда, какимъ еще за два года передъ тѣмъ вѣдиль на поклоненіе къ Кернеру; но сомнѣнія, начинавшія вытѣснять привычное міросозерцаніе, не помѣшали ему ни принять безъ колебанія мѣсто викарія (т.-е. помощника проповѣдника) въ небольшомъ мѣстечкѣ Клейнъ-Ингерсгеймѣ, близъ Людвигсбурга, ни исполнять, охотно и бодро, обязанности своего званія. Аллегорическое пониманіе того, что его прихожане принимали буквально, казалось ему вполне совмѣстимымъ съ этими обязанностями; исходя изъ гегелевскаго взгляда, по которому философія возводитъ на степень понятія содержащееся въ религіи на степени представленія, онъ успокоивалъ себя тѣмъ, что различіе между его мнѣніями и вѣрою его паствы касается не столько существа, сколько формы. Прежде нежели положеніе молодого викарія успѣло сдѣлаться фальшивымъ, онъ былъ назначенъ преподавателемъ латинскаго и еврейскаго языковъ и исторіи въ одной изъ семинарій (лѣтомъ 1831 г.), и въ короткое пребываніе свое тамъ успѣлъ заслужить любовь и уваженіе учениковъ, между которыми былъ позднѣйшій другъ его — Целлеръ. Въ ноябрѣ 1831 г. онъ поѣхалъ довершать образованіе свое въ Берлинъ, привлекавшій тогда именами Гегеля и Шлейермахера всѣхъ молодыхъ философовъ и богослововъ. Большимъ разочарованіемъ для Штрауса была смерть Гегеля, какъ разъ совпавшая съ пріѣздомъ его въ Берлинъ; знакомство со вдовою Гегеля, съ его учениками не могло вознаградить эту потерю, а Шлейермахеръ давно уже утратилъ въ глазахъ Штрауса часть прежняго своего обаянія. Сближенію съ Шлейермахеромъ помѣшало и то, что Штраусъ слишкомъ откровенно высказалъ ему, постоянному антагонисту Гегеля, сожалѣніе свое о невозможности воспользоваться уроками великаго мыслителя. Лекціями Шлейермахера, въ то время уже состарѣвшагося и утомившагося, Штраусъ остался не вполне доволенъ; но часы, посвященные слушанію проповѣдей его, Штраусъ еще тридцать лѣтъ спустя называлъ

незабвенными ¹⁾. Уже въ это время созрѣвала въ немъ мысль о работѣ, отъ которой должна была зависѣть вся дальнѣйшая судьба его; въ приготовленіяхъ къ ней онъ провелъ въ Берлинѣ почти всю зиму. Онъ предполагалъ тогда дать ей форму лекцій, потому что ожидалъ назначенія репетиторомъ въ институтъ при юбингенскомъ университетѣ. Мѣсто репетитора онъ дѣйствительно получилъ (лѣтомъ 1832 г.), но ему поручены были чтенія не по богословію, а по философіи. Катастрофа, такимъ образомъ, была отсрочена, но оставалась неизбѣжной; Штраусъ твердо рѣшился не скрывать результата своихъ изслѣдованій и размышленій. «Мнѣ весьма грустно,—писалъ онъ еще въ 1832 году одному изъ друзей своихъ,—что все замышляемое мною въ области богословія сопряжено съ такой опасностью для меня (*dass alles, was ich in der Theologie thun möchte, solche halsbrechende Arbeit ist*); но что дѣлать, такъ или иначе я долженъ справиться съ своей задачей». Начальство университета, съ своей стороны, какъ-бы нарочно преграждало Штраусу доступъ къ занятіямъ, которыя могли бы отвлечь его отъ теологическихъ изысканій. Успѣхъ его лекцій по философіи. возбудилъ зависть официальныхъ преподавателей этого предмета, аудиторіи которыхъ опустѣли еще больше прежняго; они стали оспаривать право Штрауса, какъ репетитора, читать лекціи въ полномъ смыслѣ этого слова. Осенью 1833 года Штраусъ былъ вынужденъ прекратить свои бесѣды и обратился, пользуясь нежеланнымъ досугомъ, къ окончательной обработкѣ труда, первоначальный планъ котораго онъ привезъ съ собою изъ Берлина. Работа подвигалась впередъ съ удивительною быстротою; печатаніе перваго тома «*Leben Jesu*» продолжалось столько же времени, сколько понадобилось автору, чтобы написать его. Онъ вышелъ въ свѣтъ лѣтомъ 1835 года. Чтобы понять впечатлѣніе, имъ произведенное, необходимо бросить взглядъ на тогдашнее положеніе нѣмецкой богословской науки.

II.

ПЕРВАЯ КНИГА.

Въ средѣ протестантской церкви движеніе, возбужденное реформацией, часто замирало, но никогда вполне не прекращалось. Если для большинства ученыхъ и практическихъ богослововъ

¹⁾ Предисловіе къ переводу „Разговоровъ“ Ульриха фонъ-Гуттена, стр. LIII (Leipzig, 1860).

аугсбургское исповѣданіе или ученіе Кальвина было абсолютной истиной, которую они и охраняли съ ревностью, мало-отличною отъ католическаго фанатизма, то всегда находились самостоятельные умы, видѣвшіе въ реформациі только исходную точку движенія, а не послѣднее слово. Даже въ XVII-мъ столѣтіи, въ эпоху наибольшаго застоя, наибольшаго преобладанія узкаго, рутиннаго формализма, профессоръ богословія въ лютеранскомъ гельмштедтскомъ университетѣ, Каликстъ, проповѣдуетъ не только соединеніе церквей лютеранской и реформатской—въ это именно время всего упорнѣе враждовавшихъ между собою—но и возвращеніе къ первобытному единству всей христіанской церкви. Въ концѣ того же вѣка Шпенеръ кладетъ основаніе піетизму, который сначала былъ не чѣмъ инымъ, какъ живымъ протестомъ чувства, сердечной вѣры противъ холодной, схоластической мелочности господствующаго лютеранскаго правовѣрія. Выродившись въ замкнутую, одностороннюю доктрину, усвоивъ себѣ всѣ недостатки побѣжденнаго противника, піетизмъ весьма скоро переходитъ изъ роли гонимаго въ роль гонителя, но въ свою очередь встрѣчаетъ отпоръ, соотвѣтствующій духу новаго, XVIII-го вѣка. Сначала этотъ отпоръ идетъ изъ области философіи, первое мѣсто въ которой занималъ тогда ученикъ Лейбница, Вольфъ ¹⁾; дѣло, имъ предпринятое, продолжаютъ представители такъ называемой литературы *просвѣщенія* (Aufklärung) — Николаи, Базедовъ, Мендельсонъ, Реймарусъ, Лессингъ; но во второй половинѣ столѣтія новыя идеи проникаютъ и въ богословскую область. Желаніе примирить разумъ съ вѣрой, науку съ преданіемъ создаетъ такъ-называемый *раціонализмъ*, къ началу XIX-го вѣка представляющій уже вѣрно организованную, широко распространенную школу. Сущность его можетъ быть сведена къ слѣдующему положенію: все записанное въ священныя книги дѣйствительно совершилось, но совершилось по законамъ природы, безъ всякаго отъ нихъ отступленія. Гдѣ, повидимому, идетъ рѣчь о такомъ отступленіи, тамъ слѣдуетъ или понимать сказанное аллегорически, принимая въ соображеніе цѣлѣстныя, богатый метафорами языкъ восточныхъ литературъ, или относить къ дѣйствию естественныхъ причинъ то, чтó лишь вслѣдствіе ошибки или недоразумѣнія приписано дѣйствию причинъ сверхъ-естественныхъ,—или, наконецъ, предполагать

¹⁾ Интересный разсказъ о столкновеніи между Вольфомъ и піетистами, главнымъ центромъ дѣятельности которыхъ, какъ и дѣятельности Вольфа, былъ прусскій городъ Галле, объ изгнаніи Вольфа изъ Пруссіи Фридрихомъ-Вильгельмомъ I-мъ, о возвращеніи его на кафедру въ Галле Фридрихомъ II-мъ — см. у Целлера (Vorträge und Abhandlungen geschichtlichen Inhalts, S. 108).

пробѣлъ, недомолвку въ разсказѣ, неточность или неясность въ выраженіи. Понятно, что такіе критическіе приемы должны были привести къ величайшимъ натяжкамъ, къ невозможнымъ, иногда просто бессмысленнымъ, иногда грубо матеріалистическимъ объясненіямъ, въ сущности гораздо менѣе совмѣстнымъ съ уваженіемъ къ разбираемому предмету, чѣмъ было бы прямое отрицаніе ¹⁾; но нѣсколько десятилѣтій тому назадъ самыя явныя противорѣчія и несообразности раціонализма не мѣшали быстрому его распространенію, потому что онъ отвѣчалъ потребностямъ времени, служилъ удобнымъ компромиссомъ между старымъ и новымъ, допускалъ критику, не требуя открытаго разрыва съ общепринятыми взглядами. Само собою разумѣется, что далеко не всѣ протестантскіе богословы применили къ знамени раціоналистовъ; но совершенно свободнымъ отъ его вліянія не остался почти никто изъ нихъ. Противники раціонализма — такъ-называемые супра-натуралисты — сосредоточивали всѣ свои силы на главныхъ пунктахъ, уступая непріятелю форпосты, отдѣльныя укрѣпленія, и не замѣчая, что такимъ образомъ утрачивается яркое, рѣзкое различіе между спорящими сторонами. Успѣху раціонализма способствовалъ и нейтралитетъ, котораго держалась въ это время свѣтская власть по отношенію къ богословскимъ спорамъ. При Фридрихѣ-Вильгельмѣ II-мъ сдѣлана была попытка остановить развитіе новыхъ взглядовъ (Neologie) въ средѣ протестантской церкви; его Religionsedict 1788 г. угрожалъ отвѣтственностью всѣмъ профессорамъ и пасторамъ, которые въ лекціяхъ или проповѣдяхъ станутъ отступать отъ установленной церковной доктрины; но этотъ эдиктъ встрѣтилъ такое сильное, хотя и пассивное сопротивленіе со стороны заинтересованныхъ лицъ, поддерживаемыхъ магистратурой, что остался почти безъ примѣненія и скоро былъ отмѣненъ новымъ королемъ, Фридрихомъ-Вильгельмомъ III-мъ, долго не нарушавшимъ однажды принятаго принципа терпимости и невмѣшательства. Другія нѣмецкія правительства слѣдовали, въ большей или меньшей степени, примѣру прусскаго. При такихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ раціонализмъ могъ создать себѣ твердныя въ нѣкоторыхъ университетахъ, особенно галльскомъ и гейдельбергскомъ, и пріобрѣсти цѣ-

¹⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія о раціонализмѣ и любопытные примѣры его невольныхъ толкованій, которыхъ мы, къ сожалѣнію, здѣсь привести не можемъ, читатели найдутъ у Гаусрата („D. F. Strauss, т. I, стр. 115 — 138), у Целлера (Vorträge und Abhandlungen“, стр. 269—273), Баура („Kirchengeschichte des XIX-ten Jahrhunderts—V-ый томъ его „Geschichte der christlichen Kirche, стр. 99 — 104, 175—186).

люю армию приверженцевъ въ рядахъ духовенства. Въ это именно время сложился типъ свободномыслящаго, философски-образованнаго пастора, придающаго значеніе только нравственной сторонѣ религіи, относящагося съ добродушнымъ снисхожденіемъ ко всѣмъ чисто-догматическимъ разногласіямъ, уживающагося и съ католическимъ своимъ коллегой, и съ равнодушнымъ къ церкви міряниномъ—типъ, прямо противоположный современному, знакомому типамъ строго-лютеранскаго zelota или исполненнаго елейности и гордости пѣтиста. Глава рационалистовъ, гейдельбергскій профессоръ Паулусъ былъ чѣмъ-то въ родѣ патриарха, рекомендація котораго служила ступенью къ высшимъ духовнымъ почестямъ и званіямъ.

Самостоятельное, во многихъ отношеніяхъ, мѣсто между рационалистами и супра-натуралистами занималъ Шлейермахеръ, въ продолженіи слишкомъ тридцати лѣтъ (онъ умеръ въ 1834 г.) популярнѣйшій изъ берлинскихъ проповѣдниковъ и профессоровъ богословія. Самостоятельность его проявлялась, впрочемъ, не столько на почвѣ толкованія текстовъ — здѣсь онъ приходилъ, въ сущности, къ тѣмъ же результатамъ, какъ и рационалисты, — сколько на почвѣ философіи религіи. Основаніемъ и источникомъ религіи служило въ его глазахъ непосредственное, внутреннее чувство, сознаніе безусловной зависимости отъ высшей силы, прирожденное человѣку (*das schlechthinige Abhängigkeitsgefühl*). Точка зрѣнія его была чисто субъективная, одинаково далекая и отъ церковной, и отъ философской объективности. Естественно, что, дѣйствуя преимущественно на чувство, онъ скорѣе увлекалъ, чѣмъ убѣждалъ—увлекалъ въ особенности силою своего краснорѣчія, обаяніемъ своей мягкой, гуманной, поэтической натуры. При жизни вліяніе его казалось громаднымъ, да и дѣйствительно было очень велико, — послѣ смерти онъ не оставилъ прочной, вѣрно организованной школы; большинство тѣхъ, которые назывались и считали себя его учениками, скоро свернули на обычную дорогу и применили къ тому или другому отдѣлу церковной партіи. Контрастъ, въ этомъ отношеніи, между Шлейермахеромъ и Гегелемъ остроумно изображенъ Штраусомъ въ слѣдующихъ двухъ эпиграммахъ, написанныхъ въ 1844 г.:

1. *Hegel*. Sein System war klüger als er; drum haben die Schüler Besser den Meister erklärt, als er sich selber verstand.
2. *Schleiermacher*. Der war klüger als sein System; drum machen die Schüler, Denen sein Spiritus fehlt, eine so schlechte Figur 1).

1) „Poetisches Gedenkbuch. Gedichte aus dem Nachlasse von D. F. Strauss“, въ XII-мъ томѣ Собранія его сочиненій, стр. 25.

Ученіе Гегеля и въ другихъ отношеніяхъ было прямо противоположно ученію Шлейермахера. Какъ послѣдній все сводилъ къ чувству, такъ первый все сводилъ къ разуму. Религія, по опредѣленію Гегеля, есть самосознаніе духа или разума (*der sich seines Wesens bewusste Geist*), возвышеніе конечнаго сознанія къ своему абсолютному содержанію, въ которомъ оно, какъ конечное, и поглощается. Что коренится исключительно въ моемъ чувствѣ—говоритъ Гегель, опровергая именно Шлейермахера—то существуетъ лишь для меня, а не само по себѣ (*an sich*); чувство—только форма, которая можетъ быть наполнена самымъ различнымъ содержаніемъ, истиной точно такъ же, какъ и ложью, добромъ точно такъ же, какъ и зломъ. Въ мышленіи, а не въ чувствѣ слѣдуетъ искать абсолютное; это видно уже изъ того, что сознаніе абсолютнаго доступно только человѣку, т.-е. единственному мыслящему существу. Личность должна стремиться къ отрѣшенію отъ самой себя, къ сліянію съ всеобщимъ—а чувство, какъ нѣчто по преимуществу индивидуальное, идетъ прямо въ разрѣзъ съ этимъ стремленіемъ. Отсюда дальнѣйшее разногласіе между Шлейермахеромъ и Гегелемъ, по вопросу объ отношеніи философіи къ религіи. Шлейермахеръ совершенно отдѣляетъ одну отъ другой, считаетъ область послѣдней недоступною для первой; Гегель устанавливаетъ между ними самую тѣсную связь, признавая, какъ уже было сказано выше, что философія возводитъ на степень понятія содержащееся въ религіи на степени представленія. Не трудно замѣтить, что это положеніе обоюдоострое, что изъ него можно вывести заключенія, весьма мало похожія другъ на друга. Извѣстно, что школа Гегеля скоро послѣ его смерти распалась на два различные, даже враждебные лагери, что такъ-называемые гегельянцы лѣвой стороны и въ области практической, и въ области спекулятивной мысли пришли къ результатамъ, отъ которыхъ отплатнулся бы самъ Гегель; зародышъ этой двойственности заключался, между прочимъ, именно въ только-что указанномъ нами тезисѣ объ отношеніи философіи къ религіи. Нагляднымъ доказательствомъ тому служить примѣръ Бруно Бауера, который, оставаясь гегельянцемъ, сначала демонстрировалъ положеніе учителя въ крайнюю правую, потомъ, нѣсколько лѣтъ спустя—въ крайнюю лѣвую сторону. Какъ бы то ни было, но самъ Гегель былъ, если можно такъ выразиться, гегельянцемъ правой стороны; въ томъ же смыслѣ дѣйствовали, при его жизни, и ближайшіе ученики и сотрудники его, пытались установить внѣшнее согласіе между господствующей философскою системою и ученіемъ господствующей въ Пруссіи

церкви. Между учеными, работавшими надъ этой задачей, особенно выдавался Маргейнеке, послѣ смерти Гегеля считавшійся, весьма, впрочемъ, недолго, законнымъ преемникомъ его, главою не распавшейся еще школы. Сочиненія и лекціи Маргейнеке по догматикѣ, сначала написанныя въ духѣ Шеллинга, потомъ переработанныя въ духѣ Гегеля, для философствующихъ богослововъ играли ту же самую роль, какая для чистыхъ философовъ принадлежала сочиненіямъ и лекціямъ самого учителя.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ одной отрасли богословской науки, развивавшейся не въ прямой зависимости отъ споровъ между раціоналистами и супра-натуралистами, философами и богословами: это — критика источниковъ, разрѣшеніе вопросовъ о томъ, когда, кѣмъ, гдѣ, при какихъ обстоятельствахъ и на основаніи какихъ данныхъ составлена та или другая книга. Начало такой критикѣ было положено еще въ XVIII-мъ вѣкѣ, причемъ, какъ и слѣдовало ожидать, она обратилась прежде къ болѣе отдаленному времени, къ болѣе древнимъ книгамъ, и только постепенно, не безъ колебаній, рѣшилась коснуться самой важной части вопроса. Съ 1800 г. труды, относящіеся къ этому предмету, слѣдуютъ одинъ за другимъ съ довольно большою быстротою; Эйхгорнъ, Грисбахъ, Гизелеръ, де-Ветте, Бретшнейдеръ выставляютъ цѣлый рядъ гипотезъ, исключаящихъ одна другую. На русскомъ языкѣ намъ извѣстенъ одинъ источникъ, изъ котораго можно почерпнуть свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ этихъ гипотезъ: это статья: «Евангеліе» въ энциклопедическомъ словарѣ, выходившемъ въ свѣтъ съ 1861—63 г., но оставшемся неоконченнымъ (буква Е, выпускъ первый, стр. 5—12).

Незадолго до появленія книги Штрауса, въ положеніи дѣлъ, обрисованномъ нами въ общихъ чертахъ, начала происходить перемѣна. Раціонализмъ пережилъ самого себя; аудиторіи Паулуса въ Гейдельбергѣ стали пустѣть; въ Галле Геэніусъ по-прежнему первенствовалъ въ сферѣ богословско-исторической критики, но на каедахъ догматическихъ предметовъ появились новые люди — Ульманъ и Толуеъ — открыто водрузившіе знамя супра-натурализма и привлекшіе на свою сторону, силою свѣжаго таланта, большинство университетской молодежи. Въ Берлинѣ Гегель и Шлейермахеръ одинъ за другимъ сошли со сцены; Маргейнеке не пользовался прочнымъ вліяніемъ, и самымъ популярнымъ профессоромъ на богословскомъ факультетѣ сдѣлался Неандеръ, извѣстный своими трудами по церковной исторіи, написанными въ духѣ умѣренного, мягкаго, но все-таки явнаго супра-натурализма. Еще громче его возвышалъ свой голосъ Генг-

стенбергъ, глашатай ярой, беззащитной реакціи, прямо доказывавшій негодность всякихъ сдѣловъ съ наукой и необходимость открытаго съ ней разрыва. Въ правительственныхъ сферахъ усиливалось настроеніе, благоприятное для такихъ тенденцій; старѣющійся король (Фридрихъ-Вильгельмъ III) склонялся къ пѣтивму, наслѣдныи принцъ былъ рѣшительнымъ его приверженцемъ; между министрами одинъ только Альтенштейнъ оставался до известной степени вѣрнымъ преданіямъ Вильгельма Гумбольдта и Гарденберга. Время компромиссовъ прошло; наступала борьба между крайними направленіями. Одно изъ нихъ уже заявило себя въ лицѣ Генгстенберга; другое нашло представителя въ Штраусѣ.

«Нужно было самому пережить появленіе первой книги Штрауса,—говоритъ Бауръ,—чтобы составить себѣ представленіе о вызванномъ ею движеніи. Немного найдется литературныхъ произведеній, которыя такъ скоро обратили бы на себя такое общее вниманіе и возбудили бы такую страстную борьбу партій. Книга Штрауса была искрой, зажегшей давно накопившійся горючій матеріалъ и превратившей его въ одно громадное пламя». Теперь, по истеченіи сорока лѣтъ, можно находить, что сочиненіе Штрауса было естественнымъ продуктомъ всей предшествовавшей работы рационалистовъ, экзегетиковъ и спекулятивныхъ мыслителей, логическимъ выводомъ изъ готовыхъ уже, болѣею частью, посылокъ; но тогда это видѣли лишь немногіе,—неслышанная до тѣхъ поръ рѣзвость штраусовской критики давала жолорить неслышанной новизны и тому, что было въ ней несовсѣмъ новаго. Такъ, напримѣръ, теорія о мнѣѣ, составляющая главное основаніе изслѣдованія Штрауса, была высказываема и до него; но никто не проводилъ ея такъ послѣдовательно, не прилагалъ ея къ разрѣшенію наиболѣе важныхъ спорныхъ вопросовъ — и съ этой точки зрѣнія за Штраусомъ не безъ основанія могло быть признаваемо авторское на нее право. Разборъ книги Штрауса, даже изложеніе содержанія ея ¹⁾, не можетъ входить въ предѣлы нашей задачи. Замѣтимъ только, что, кромѣ ученія о мнѣѣ ²⁾,

¹⁾ Краткій обзоръ его можно найти въ той статьѣ „Энциклопедическаго Словаря“, на которую мы уже ссылались.

²⁾ Мнѣѣ, по опредѣленію Штрауса, есть народное преданіе, созданное не однимъ лицомъ, а массой, не намѣренно и не сознательно, а силою обстоятельствъ, подъ вліяніемъ известныхъ представленій, идей и интересовъ. Въ моментъ появленія книги Штрауса идея о безсознательномъ творчествѣ народа была вообще à l'ordre du jour; Вольфъ прикѣпчилъ ее къ Илиадѣ и Одиссеѣ, Лахманъ—къ Набелунгамъ, Нибуръ — къ древнѣйшей римской исторіи, Отфридъ Мюллеръ—къ Ликургу.

другая характеристическая особенность этой книги — стремление доказать, что существенно важны не событія, не факты, а идея, и что можно въ одно и то же время отвергать первые и удерживать послѣднюю. Здѣсь сказался въ Штраусѣ гегельянецъ — конечно, гегельянецъ лѣвой стороны. Современная научная критика указываетъ въ сочиненіи Штрауса слѣдующіе главные пробѣлы: критикѣ содержанія источниковъ не предпослана критика самихъ источниковъ; отрицательная сторона слишкомъ преобладаетъ надъ положительною, — не сдѣлана попытка показать, какое же историческое зерно скрывается подъ миеическою оболочкою; упущено, наконецъ, изъ виду, что на-ряду съ безсознательнымъ творчествомъ могло дѣйствовать и дѣйствовало творчество сознательное. Справедливость этихъ указаній призналъ и самъ Штраусъ; въ позднѣйшей переработкѣ своей книги старавшійся восполнить всѣ ея пробѣлы. Первый изъ нихъ объясняется тѣмъ, что не въ натурѣ Штрауса было останавливаться на подробностяхъ, посвящать много времени мелкимъ, кропотливымъ, хотя и весьма важнымъ изысканіямъ; а другими писателями вопросъ объ источникахъ въ 1835 г. не былъ еще разработанъ настолько, чтобы Штраусъ могъ просто воспользоваться результатомъ ихъ изслѣдованій, какъ онъ сдѣлалъ въ 1864 г. съ трудами тюбингенской школы. Второй пробѣлъ слѣдуетъ приписать именно влиянію гегельянства, не придающаго большого значенія реальнымъ фактамъ; третій, наконецъ, обуславливается неизбежною односторонностію всякой вновь выставленной теоріи. Чтобы раскрыть ошибку Штрауса въ этомъ отношеніи, понадобились многолѣтнія усилія Баура и его школы.

Возвращаемся къ впечатлѣнію, произведенному книгой Штрауса при самомъ ея появленіи. Первый томъ ея поступилъ въ продажу въ первыхъ числахъ іюня 1835 г., а 11-го іюня завѣдывавшій учебнымъ вѣдомствомъ въ Виртембергѣ, Флаттъ, потребовалъ уже отъ тюбингенскаго университета заключенія о томъ, не слѣдуетъ ли удалить автора отъ должности репетитора при университетскомъ институтѣ. Мнѣнія профессоровъ раздѣлялись: Штейдель настаивалъ на немедленномъ изгнаніи Штрауса, Бауръ не видѣлъ въ тому никакихъ основаній. Между крайними мнѣніями состоялся компромиссъ, результатомъ котораго явился исполненный противорѣчій отвѣтъ университета на сдѣланный ему вопросъ. Съ одной стороны, признавалось, что возрѣнія Штрауса ничуть не опаснѣе для будущихъ богослововъ, чѣмъ возрѣнія рационалистовъ, свободно преподающихъ почти во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ; съ другой стороны высказывалось, однако, пред-

положеніе, что дальнѣйшая дѣятельность Штрауса при институтѣ можетъ привести его слушателей къ образу мыслей, несовмѣстному съ убѣжденіями ихъ будущихъ прихожанъ. Въ заключеніе предлагалось обождать появленія второго тома и, во всякомъ случаѣ, отнестись къ автору, по возможности, снисходительно. Первое изъ предложеній университета было тѣмъ болѣе основательно, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ оканчивался срокъ, на который Штраусъ былъ опредѣленъ репетиторомъ въ Тюбингенъ, и вопросъ объ оставленіи имъ этой должности разрѣшился бы такимъ образомъ самъ собою. Но Флаггъ, какъ богословъ-супра-натуралистъ, считалъ себя лично задѣтымъ книгою Штрауса, и не былъ расположенъ къ отсрочкамъ и снисхожденію. Согласно его докладу, 23-го іюля 1835 г., Штраусъ былъ переведенъ преподавателемъ классическихъ языковъ въ низшихъ классахъ людовигсбургскаго лицея. Тяжело было Штраусу расставаться съ Тюбингеномъ и университетскою жизнью, но онъ покорился судьбѣ, и, окончивъ второй томъ своей книги (вышедшій въ свѣтъ въ октябрѣ 1835 г.), переѣхалъ въ Людовигсбургъ, къ своимъ родителямъ. Оставался онъ тамъ недолго; занятія съ мальчиками были ему въ тягость, пребываніе въ родительскомъ домѣ, какъ мы уже видѣли, было отравлено размолвкой его съ отцомъ. Въ сентябрѣ 1836 г. онъ обратился непосредственно къ королю съ просьбою—объявить ему, имѣетъ ли онъ какіе-нибудь шансы на полученіе въ Виртембергѣ мѣста, болѣе соотвѣтствующаго его призванію и силамъ. Просьба эта была передана на заключеніе консисторіи и учебнаго вѣдомства. Консисторія нашла, что о предоставленіи Штраусу духовнаго званія не можетъ быть и рѣчи; учебное вѣдомство дало отзывъ довольно благопріятный, признавая возможнымъ опредѣленіе Штрауса не только преподавателемъ въ высшихъ классахъ гимназій, но, по прошествіи нѣкотораго времени, и профессоромъ философіи въ университетѣ; даже о назначеніи его профессоромъ богословія говорилось какъ о чемъ-то мыслимомъ и не особенно опасномъ, но неудобномъ въ виду возбужденности общественнаго мнѣнія. Отвѣтъ, данный Штраусу по приказанію короля, не содержалъ въ себѣ ничего утѣшительнаго; ему было объявлено только, что онъ можетъ рассчитывать на мѣсто преподавателя въ гимназіи. Получивъ этотъ отвѣтъ, Штраусъ немедленно оставилъ государственную службу и переселился въ Штутгартъ, чтобы заняться тамъ исключительно литературнымъ трудомъ.

III.

ПЕРВАЯ ВОРЬБА.

Въ то самое время, когда виртембергскіе богословы спѣшили положить конецъ преподавательской дѣятельности Штрауса, въ Берлинѣ замыслился противъ него ударъ еще болѣе рѣшительный: возникъ вопросъ о запрещеніи его книги, по примѣру того, какъ только-что были изъяты изъ обращенія сочиненія Гейне и нѣкоторыхъ другихъ представителей такъ-называемой *молодой Германіи*. Къ счастью для Штрауса, заключеніе по этому вопросу было потребовано прусскимъ правительствомъ отъ Неандера и представлено Альтенштейну. «Сочиненіе Штрауса, — отзывался Неандеръ, — написано съ такою научною серьезностью, что запрещеніе его со стороны государства было бы неумѣстно, и опроверженіе его можетъ и должно быть исключительно задачей науки». Фанатики лютеранизма не могли простить Неандеру этого отзыва, но вліяніе Альтенштейна было еще настолько сильно, что онъ былъ уваженъ. Врагамъ Штрауса не оставалось другого пути, кромѣ полемическаго — и они устремились на него съ непримѣрнымъ ожесточеніемъ. Прежде всѣхъ, еще до выхода въ свѣтъ второго тома книги Штрауса, выступили на сцену бывшіе профессора его, Штейдель и Эшенмайеръ. О содержаніи и формѣ сочиненія Штейделя можно составить себѣ правильное понятіе по заглавію его: «Vorläufig zu beherzigendes bei der Würdigung der Frage über die historische oder mythische Grundlage des Lebens Jesu, wie die kanonischen Evangelien dieses darstellen, vorgehalten aus dem Bewusstsein eines Gläubigen, der den Supernaturalisten beigezählt wird, zur Beruhigung der Gemüther». Въ другомъ родѣ характеристично и заглавіе книги Эшенмайера: «Der Ischariotismus unserer Tage». За этими первыми выстрѣлами послѣдовали залпы изъ всѣхъ орудій, начиная съ самыхъ легкихъ до самыхъ тяжелыхъ; не было богослова, сколько-нибудь извѣстнаго или желавшаго сдѣлаться извѣстнымъ, который не выступилъ бы въ поле противъ Штрауса ¹⁾. Одно перечисленіе главныхъ оппонентовъ Штрауса (отчасти принадлежавшихъ и къ католическому лагерю) занимаетъ у Гаусрата почти цѣлую стра-

¹⁾ Какъ курьезъ, можно привести слѣдующую черту изъ этой полемики. Въ одной брошюрѣ доказывалось, что четыре буквы, изъ которыхъ на еврейскомъ языкѣ складывается слово *Штраусъ*, въ арифметическомъ значеніи своемъ даютъ цифру 666, и что, слѣдовательно, Штраусъ — антихристъ.

нцу. Мы видимъ здѣсь и раціоналистовъ (Паулусъ, де-Ветте) и супра-натуралистовъ (Штейдель, Толукъ), и умѣренно-либеральныхъ богослововъ (Неандеръ, Ульманнъ, бывший учитель Штрауса Кернъ), и философовъ-гегельянцевъ правой стороны (Розенкранцъ, Бруно Бауеръ), и историковъ, перескочившихъ изъ радикализма въ противоположную крайность (Лео), и журналистовъ въ родѣ Менцеля. Особеннаго вниманія заслуживаютъ борцы, которыхъ выставилъ противъ Штрауса, съ одной стороны, южно-германскій, швабскій, съ другой—сѣверо-германскій, прусскій пѣтизмъ.

Швабское племя всегда отличалось наклонностью къ углубленію въ тайны душевной жизни, къ мечтательному созерцанію вѣчныхъ загадокъ бытія. На швабской почвѣ мистицизмъ процвѣталъ еще въ XII вѣкѣ, на ней же выросъ Шпенеръ, основатель новѣйшаго пѣтизма. Когда въ концѣ XVIII вѣка богослужебныя и молитвенныя книги въ Виртембергѣ подверглись передѣлкѣ въ духѣ моднаго тогда *просвѣщенія*, значительная часть сельскаго населенія отказалась пользоваться ими и посѣщать церкви, въ которыхъ онѣ были введены въ употребленіе. Обрядъ крещенія, совершенный безъ произнесенія старинной формулы отреченія отъ дьявола, крестьяне часто признавали недействительнымъ, и повторяли его сами, по прежнему чину, рискуя подвергнуться за то тюремному заключенію. Убѣдясь въ бесплодности принудительныхъ мѣръ и желая пріостановить вызванную ими эмиграцію упорствующихъ, король Вильгельмъ въ 1818 г. далъ приверженцамъ старинны законную организацію, напоминающую наше единовѣріе: онъ позволилъ имъ образовать особую общину, проповѣдникъ которой былъ избранъ ею самою, но посвященъ духовенствомъ господствующей церкви. Этотъ проповѣдникъ былъ бывший нотаріусъ Гоффманъ, съ сильнымъ религіознымъ чувствомъ соединявшій и порядочный запасъ житейской мудрости. Подъ его руководствомъ община пѣтистовъ сильно разрослась, ученіе ихъ проникло и въ среду духовенства, и въ среду высшихъ классовъ общества; но такое распространеніе пѣтизма повело, какъ это всегда бываетъ, къ вырожденію его. Въ небольшомъ кружкѣ простодушныхъ, смиренныхъ сердецъ и умовъ людей, пѣтистическое настроеніе можетъ быть естественнымъ, искреннимъ, незлобивымъ; въ сферахъ болѣе обширныхъ и менѣе патріархальныхъ, оно извращается, ведетъ къ притворству, къ фарисейской гордости и нетерпимости, стремится къ тому, чтобы какъ можно чаще искусственными средствами возбуждать чувства, по самому своему свойству не поддающіяся регламентаціи. Различіе между пѣтизмомъ того и другого рода выказалось

весьма ярко и въ движеніи, вызванномъ книгою Штрауса. Представителемъ піетистовъ стараго зачала можетъ служить деревенскій пасторъ, пишущій Штраусу, что онъ не читалъ его книги, но, зная ея содержаніе, усердно молится Богу объ обращеніи заблудшаго на путь истинный, причемъ приводится цѣликомъ и самая молитва; представителемъ піетистовъ новѣйшей формаціи — товарищъ Штрауса по университету, долго шедшій съ нимъ рука объ руку, Вильгельмъ Гоффманъ (сынъ только-что упомянутого нами старовѣра), осыпавшій теперь своего бывшаго друга самыми ненаучными нападеніями и пролагающій себѣ этимъ путемъ дорогу къ вліятельному мѣсту, которое, какъ мы увидимъ, онъ занялъ въ Пруссіи при Фридрихъ-Вильгельмъ IV-мъ. На вызовъ Гоффмана отвѣчалъ не одинъ только Штраусъ; другіе друзья Штрауса, болѣе Гоффмана вѣрные своему прошедшему, направили противъ піетизма вѣскіе удары: Мерклинъ — въ болѣе научной, философской, Фишеръ — въ болѣе исторической формѣ. «Піетистъ, — восклицаетъ Фишеръ, — это человѣкъ, у котораго религія обратилась въ профессію, въ ремесло. Религіозное въ немъ не проникаетъ собою свѣтское, а стоитъ рядомъ, какъ нѣчто отдѣльное, почему постоянно встрѣчается надобность въ особыхъ на него ссылакахъ. Я говорю піетисту: дождь идетъ, нужно взять зонтикъ; онъ отвѣчаетъ мнѣ — хорошо, но настоящую охрану ты можешь найти только въ провидѣніи ¹⁾. Я говорю: этотъ свѣтъ слишкомъ силенъ или слишкомъ слабъ; онъ отвѣчаетъ: хорошо, но истинный свѣтъ — это религія. Піетисту мало помнить о божественномъ, ему нужно непремѣнно при каждомъ удобномъ или неудобномъ случаѣ называть его по имени. Піетистъ предпринимаетъ только то, по поводу чего можно обращаться, осуждать, умиляться. Чтб бы онъ ни дѣлалъ, сущность его дѣйствій терзаетъ всякую цѣну вслѣдствіе ихъ формы. Онъ помогаетъ ближнимъ, но заставляетъ ихъ при этомъ такъ долго томиться, что у нихъ не остается силы радоваться полученной помощи; онъ заботится о посылкѣ миссіонеровъ, но думаетъ при этомъ не столько объ обращеніи язычниковъ, сколько о демонстраціи противъ своихъ домашнихъ еретиковъ». Не трудно замѣтить, что это описаніе примѣнимо не къ однимъ только виртембергскимъ піетистамъ тридцатыхъ годовъ. Несмотря на все остроуміе Фишера, всю силу негодованія Мерклина (который именно въ это время, вслѣдствіе вызванныхъ его книгою нападеній, сложилъ съ себя духовное званіе и сдѣлался учителемъ исторіи въ гимназій), піетизмъ продолжалъ укрѣпляться

¹⁾ По-нѣмецки, *Schirm* означаетъ и зонтикъ, и — охрану, или защиту.

въ юго-западной Германіи, на своей природной почвѣ, но пустилъ корни и на сѣверѣ, въ Пруссіи, гдѣ онъ, по выраженію Гаусрата, могъ быть только комнатнымъ растеніемъ. И тамъ, конечно, піетисты изъ среды мелкой буржуазіи выгодно отличались отъ салонныхъ піетистовъ; но тонъ задавали именно послѣдніе, говорившіе все громче и громче по мѣрѣ того, какъ слабѣлъ рачіоналистическій (въ обширномъ смыслѣ этого слова) элементъ въ правительственныхъ сферахъ. Журнальнымъ органомъ партіи была въ тридцатыхъ годахъ издававшаяся въ Берлинѣ «*Evangelische Kirchenzeitung*»; во главѣ партіи стоялъ редакторъ этой газеты и профессоръ богословія въ берлинскомъ университетѣ Генгстенбергъ. Достойный сотрудникъ Гоффмана на попріищъ церковной реакціи сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, онъ отличался отъ него, однако, нѣкоторыми существенными чертами. Геффманъ, воспитанный въ мірѣ восторговъ, экстаза, надеждъ на скорый конецъ вселенной, сохранилъ, несмотря на всю свою практичность, извѣстную долю того горячаго чувства, которыми преисполнены настоящіе представители швабскаго народнаго мистицизма; Генгстенбергъ былъ холодный, апатичный, разсудительный сѣверанинъ, свѣтскій челоувѣкъ (*ein feiner Mann*, какъ говорятъ нѣмцы), только въ газетѣ и на кзосдрѣ разыгрывавшій роль пророка, пламеннаго до самозабвенія ревнителя вѣры,—защищалъ онъ, въ сущности, вовсе не вѣру, а только лютеранскую церковь, ея вліяніе и власть, которыя онъ надѣялся—и не безъ основанія—рано или поздно сосредоточить въ своихъ рукахъ. Его отецъ былъ однимъ изъ тѣхъ пасторовъ умѣренно-раціоналистическаго пошиба, которыхъ было такъ много въ Германіи въ началѣ нынѣшняго вѣка. Оканчивая курсъ въ боннскомъ университетѣ, Генгстенбергъ стоялъ еще на одной почвѣ съ отцомъ; тезисы его докторской диссертациі были чисто-критическаго характера; онъ даже вовсе не предполагалъ сдѣлаться богословомъ и занимался преимущественно восточными литературами. Полтора года спустя онъ является уже во всеоружіи лютеранскаго правовѣрія; защищаетъ, при экзаменѣ на богословскую степень, тезисы, прямо противоположные тѣмъ, которые онъ подерживалъ въ Боннѣ, и предлагаетъ министерству свои услуги для нападенія на рачіоналистовъ. Слѣдовъ внутренней борьбы, предшествовавшей такому повороту, его корреспонденція не представляетъ; за то она наполнена разсужденіями о средствахъ достигнуть возможно скорѣе выдающагося положенія. Сдѣлавшись доцентомъ, а скоро послѣ того и профессоромъ богословія въ берлинскомъ университетѣ, онъ облизается съ піетистическими

сферами, становится ихъ ораторомъ въ печати, основываетъ названную нами газету и окончательно забываетъ науку для журнальной полемики низшаго сорта, исполненной личностей, клеветъ, доносовъ. Главнымъ предметомъ этой полемики служилъ до 1835 г. рационализмъ; старая тема успѣла, подъ конецъ, наскучить и писателямъ, и читателямъ, и съ этой стороны появленіе книги Штрауса было настоящей находкой для Генгстенберга. Опровергать ее научными доводами было не по его части, да онъ объ этомъ и не заботился; онъ воспользовался ею только для того, чтобы нападать на науку вообще и требовать безусловнаго ея изгнанія изъ области богословія. Въ одномъ отношеніи болѣе прозорливый, чѣмъ большинство критиковъ Штрауса, онъ выставлялъ его сочиненіе послѣднимъ словомъ всего движенія критической богословской мысли, съ конца XVIII вѣка, и выводилъ отсюда абсолютную негодность и опасность этого движенія, необходимость рѣшительныхъ мѣръ въ совершенному его пресѣченію. Если съ конца тридцатыхъ годовъ въ церковныхъ сферахъ протестантской Германіи начинается усиленная реакція, прекращается или до крайности затрудняется назначеніе самостоятельно мыслящихъ людей на профессорскія кафедры не только въ богословскихъ, но даже въ философскихъ факультетахъ, и соотвѣтственно съ этимъ измѣняется мало по-малу духъ и характеръ всего духовенства, то этому много способствовалъ Генгстенбергъ, сначала какъ публицистъ, потомъ какъ руководящій членъ главной консисторіи. Это человѣкъ, которому слѣдовало родиться въ католической странѣ и сдѣлаться сановникомъ римской курии; не даромъ же онъ предлагалъ ввести въ протестантской Германіи нѣчто въ родѣ *index librorum prohibitorum*, наставляя на изытаніи книги Штрауса изъ всеобщаго обращенія, съ разрѣшеніемъ чтенія ея только тѣмъ богословамъ, которые изъявляютъ желаніе опровергать ее и по надлежащей повѣркѣ будутъ найдены достаточно для того благонадежными.

Въ продолженіи цѣлаго года Штраусъ, связанный своею учительскою дѣятельностью въ Людвигсбургѣ, вынужденъ былъ оставлять безъ отвѣта всѣ сдѣланныя ему возраженія; только о нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ могъ упомянуть мимоходомъ въ предисловіи ко второму изданію, понадобившемуся весьма скоро, въ 1836 г. Покончивъ съ службой и поселившись въ Штутгартѣ, онъ принялся за полемику и обнародовалъ въ теченіи 1837 г. нѣсколько «*Streitschriften*», направленныхъ противъ главныхъ его оппонентовъ. Здѣсь Штраусъ выказалъ новую, блестящую сторону своего таланта: по отзыву компетентныхъ судей—Баура, Гаусрата, Рю-

мелина—полемиическія сочиненія Штрауса, по изяществу формы и по силѣ мысли, могутъ быть поставлены наравнѣ съ знаменитыми письмами Лессинга къ пастору Гёце. Отъ Гентстена, Гоффмана, Менцеля отскакивали, правда, всѣ удары, они были одѣты въ непроницаемую броню, потому что стояли съ Штраусомъ не на одной почвѣ; но гдѣ борьба велась сколько-нибудь схожими оружіями, тамъ сами противники чувствовали превосходство Штрауса и изнемогали подъ его тяжестью ¹⁾. Школа супра-натуралистовъ, напримѣръ, послѣ его нападокъ не могла подняться вовсе; она распалась на части, отъ имени супра-натуралиста стали отрешаться даже тѣ, въ которыхъ оно безспорно подходило. Къ началу 1838 г. полемиическое рвеніе Штрауса начинается, однако, ослабѣвать; въ его образѣ мыслей замѣчается нѣкоторое колебаніе, въ его тонѣ нѣтъ прежней побѣдоносной твердости. Онъ печатаетъ нѣсколько статей примитивнаго содержанія, которыя потомъ издаетъ отдѣльной книгой подъ общимъ именемъ «Friedliche Blätter»; въ третьемъ изданіи своего большого сочиненія, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1838 г., онъ дѣлаетъ довольно важныя уступки, признавая реальность содержанія нѣкоторыхъ разсказовъ, въ которыхъ прежде видѣлъ только мифъ, допуская, по крайней мѣрѣ отчасти, возможность олицетворенія идеи, относясь съ меньшимъ скептицизмомъ къ достовѣрности одного изъ источниковъ—именно того, котораго всего крѣпче держались его противники. Чѣмъ объяснить эту переменъ? Самъ Штраусъ приписываетъ ее тому невольному смущенію, которое овладѣло имъ въ виду столь единодушнаго осужденія его мнѣній, той путаницѣ мыслей, которая проявилась въ немъ отъ постоянного изученія написанныхъ противъ него сочиненій, тѣмъ вѣскамъ, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, аргументамъ, которые онъ встрѣтилъ въ возраженіяхъ наиболѣе уважаемыхъ имъ, наиболѣе ученыхъ и добросовѣстныхъ оппонентовъ. Правильно судить о предметѣ Штраусъ, по собственнымъ словамъ его, могъ только тогда, когда онъ весь былъ имъ поглощенъ и пропитанъ, когда онъ не только обнималъ его умомъ, но усваивалъ его себѣ всей душою. Поэтическая струна въ натурѣ Штрауса отзывалась и на ученыхъ трудахъ его, становясь для него въ этомъ отношеніи источникомъ то силы, то слабости; она просвѣтляла, углубляла его умъ, пока онъ воспринималъ и перерабатывалъ новыя впечатлѣнія—и затемняла его, какъ только впечат-

¹⁾ См., напримѣръ, у Гаусрата (I, 208—217) траги-комическую, по справедливому выраженію его, исторію полемики между Штраусомъ и Штейнделемъ.

лѣнія эти теряли свою первоначальную яркость и свѣжесть. Въ свою первую книгу Штраусъ вложилъ цѣлое душевное настроеніе; когда нарушилась гармонія этого настроенія, исчезла и способность автора отстаивать неприкосновенность своей системы. Нисколько не отвергая этого объясненія, мы признаемъ, вмѣстѣ съ Гаусратомъ, что оно не исчерпываетъ вопроса. Дѣло въ томъ, что въ примирительныхъ попыткахъ Штрауса несомнѣнно—хотя можетъ быть и незамѣтно для него самого—играло роль пламенное желаніе создать себѣ правильную сферу дѣйствій въ богословской области, найти себѣ мѣсто въ ученomъ богословскомъ мірѣ. Мы увидимъ ниже, что радикализмъ Штрауса въ одномъ направленіи не мѣшалъ ему быть консерваторомъ по привычкамъ, по натурѣ. Литературная дѣятельность, какъ профессія, была ему не по душѣ; онъ хотѣлъ соединить съ нею болѣе прочныя занятія, болѣе опредѣленное положеніе. По свидѣтельству одного изъ друзей его (Фишера), относящемуся именно къ 1838 г., онъ чувствовалъ себя лишеннымъ почвы, какъ-бы отлученнымъ отъ общества, зачумленнымъ—и глубоко страдалъ подъ бременемъ этого чувства. Съ свидѣтельствомъ Фишера совпадаетъ свидѣтельство самого Штрауса. «Искать каеэдръ,—пишетъ онъ въ 1838 г. Гитцигу,—меня побуждаетъ обязанность нравственнаго самосохраненія; я не могу перенести жизни безъ непосредственной научной дѣятельности, она парализуетъ меня». Слишкомъ двадцать лѣтъ спустя (въ предисловіи въ переводу «Разговоровъ» Ульриха фонъ-Гуттена) онъ говоритъ о своей первой книгѣ, что она исторгла его изъ естественной обстановки и поставила въ неестественную, обрекла его на одинокую жизнь. Въ этихъ словахъ слышится грустная покорность судьбѣ, измѣнить которую уже невозможно; но пока была малѣйшая надежда на такое измѣненіе, Штраусъ жадно хватался за нее и съ страстнымъ нетерпѣніемъ ждалъ ея исполненія. Уже въ отвѣтъ на запросъ, сдѣланный ему виртембергскимъ учебнымъ вѣдомствомъ вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ перваго тома его книги, запросъ о томъ, считаетъ ли онъ возможнымъ, при выраженномъ имъ образѣ мыслей, оставаться репетиторомъ въ богословскомъ учебномъ заведеніи—Штраусъ высказалъ убѣжденіе, что направленіе его имѣетъ такое же право на голосъ въ аудиторіяхъ богословскаго факультета, какъ и направленіе раціоналистовъ. Подъ вліяніемъ гнѣвнаго чувства, вызваннаго въ немъ увольненіемъ отъ должности репетитора, т.-е. изгнаніемъ изъ богословскаго міра, онъ отступилъ на время отъ этого взгляда и заявилъ во второмъ томѣ своей книги, что лица его образа мыслей не могутъ и не должны

имѣть ничего общаго съ евангелическою церковью; но скоро онъ возвратился въ прежней точкѣ зрѣнія, и уже въ 1836 г., какъ мы видѣли, стучался въ дверь, закрытую передъ нимъ виртембергскимъ правительствомъ. Къ тому же году относятся и первыя попытки его получить катедру богословія въ цюрихскомъ университетѣ; онѣ не имѣли успѣха, какъ не привели ни къ чему и сношенія, завязанныя имъ съ нѣкоторыми профессорами гейдельбергскаго университета. Всѣ эти неудачи должны были привести Штрауса къ убѣжденію, что доступъ въ обѣтованный край прегражденъ ему до тѣхъ поръ, пока отношеніе его къ поднятому имъ вопросу остается чисто отрицательнымъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, если это убѣжденіе способствовало тѣмъ уступкамъ, которыя онъ сдѣлалъ въ названныхъ нами статьяхъ и въ третьемъ изданіи своей книги; по крайней мѣрѣ, мы видимъ, что онъ именно ихъ выставляетъ главнымъ доказательствомъ своего права на богословскую катедру, и что ими же друзья его мотивируютъ новую его кандидатуру. Заявлена была эта кандидатура (въ концѣ 1838 г.) въ томъ же цюрихскомъ университетѣ, куда Штраусъ уже два раза имѣлъ надежду вступить. Исторія ея и ея послѣдствія составляютъ одну изъ самыхъ интересныхъ страницъ біографіи Штрауса.

Цюрихскій университетъ былъ основанъ въ 1832 г., во время и подъ вліяніемъ движенія, вызваннаго въ Швейцаріи июльской революціею, и въ цюрихскомъ кантонѣ, какъ и во многихъ другихъ, одержавшаго побѣду. Благодаря реакціи, господствовавшей въ Германіи и закрывавшей многимъ ученымъ доступъ въ нѣмецкимъ профессорскимъ катедрамъ, новому университету удалось приобрести въ короткое время нѣсколько крупныхъ силъ и занять видное мѣсто между старшими собратами. Между профессорами богословскаго факультета первую роль игралъ Гитцигъ, человѣкъ свободномыслящій, сторонникъ критическаго направленія. Уже въ 1836 г., въ самый разгаръ бури, возбужденной книгою Штрауса, онъ предлагалъ его сначала на катедру церковной исторіи и догматики, потомъ на катедру практическаго богословія и экзегетики. Оба раза предложеніе это встрѣтило сопротивленіе не только со стороны консервативныхъ, но и со стороны умѣренно либеральныхъ людей, какъ между профессорами, такъ и между членами воспитательнаго совѣта, завѣдывавшаго народнымъ просвѣщеніемъ въ цюрихскомъ кантонѣ. Въ концѣ 1838 г. катедра церковной исторіи и догматики опять сдѣлалась вакантною; кандидатура Штрауса была поставлена вновь, и на этотъ разъ именно вслѣдствіе происшедшей, между тѣмъ, перемѣны въ на-

строеніи Штрауса, съ гораздо большими шансами успѣха. Въ фактъ, правда, за Штрауса подавъ голосъ одинъ только Гитцигъ; но въ воспитательномъ совѣтѣ за него оказалось большинство голосовъ. Теперь назначеніе его зависѣло отъ правительственнаго совѣта, т.-е. высшей исполнительной власти. Съ этой минуты вопросъ допущенія или недопущенія Штрауса на кафедру сдѣлался вопросомъ политическимъ, на почвѣ котораго должно было произойти рѣшительное столкновение между партіями, оспаривавшими другъ у друга господство въ дѣлахъ кантона.

До 1830 года цюрихскимъ кантономъ управляла консервативная партія, имѣвшая главную опору въ духовенствѣ и въ высшей буржуазіи или городской аристократіи Цюриха. Переворотъ, низвергнувшій эту партію въ 1830 году, былъ столько же дѣломъ сельскаго населенія, сколько и городской демократіи. Коалиція, достигнувъ своей цѣли, скоро распалась, и съ 1832 года власть перешла въ руки радикаловъ. Прежніе союзники ихъ стали мало-по-малу сближаться съ побѣжденными аристократами, и въ концѣ тридцатыхъ годовъ составили съ послѣдними новую коалицію, ожидавшую только удобнаго случая для рѣшительнаго натиска. Никто не могъ отвергать, что демократическое правительство многое сдѣлало для кантона. Кромѣ университета была основана учительская семинарія, образовавшая, подъ руководствомъ своего директора Шерра, много хорошихъ народныхъ учителей; вездѣ были построены новыя школы, улучшены методы преподаванія. Параллельно съ этимъ шло преобразование администраціи и магистратуры, передѣлка податной системы, устройство путей сообщенія и т. п. Но, какъ это въ такихъ случаяхъ часто бываетъ, вполне доволенъ положеніемъ дѣлъ не былъ никто; масса интересовъ была задѣта реформами; одни находили, что перемѣнъ произведено слишкомъ много; другіе — что ихъ слѣдуетъ произвести еще гораздо больше. Въ особенности недовольно было духовенство, изъ рукъ котораго было изъято завѣдываніе школой, вліяніе котораго вообще крайне ослабѣло. Оно опасалось, притомъ, дальнѣйшихъ посягательствъ со стороны правительства — и опасенія его не вовсе были лишены основанія; радикалы имѣли въ виду приступить къ составленію новаго катихизиса, и желаніе заручиться участіемъ Штрауса въ этой работѣ было однимъ изъ мотивовъ, заставлявшихъ ихъ настаивать на призывѣ его въ Цюрихъ. Понятно, что духовенство, съ своей стороны, употребляло всѣ усилія, чтобы предотвратить этотъ призывъ. Уже въ 1836 году, когда въ первый разъ зашла рѣчь о назначеніи Штрауса, оно наводнило кантонъ брошюрами и летучими листками, на-

правленіями и противъ ученія, и противъ личности его. Теперь, въ 1838—1839 гг., агитация приняла гораздо болѣе обширные размѣры. Когда не удалась попытка склонить большой совѣтъ (законодательное собраніе кантона) къ косвенному осужденію образа дѣйствій воспитательнаго совѣта, и правительственный совѣтъ, 2 февраля 1839 г., утвердилъ, большинствомъ 15 голосовъ противъ 3, назначеніе Штрауса профессоромъ богословія, духовенство, поддержанное всею консервативною партіею, всѣми недовольными въ кантонѣ, рѣшилось помѣшать во-что бы-то ни-стало исполненію этого рѣшенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ воспользоваться случаемъ для полнаго пораженія радикаловъ. Именно этимъ послѣднимъ соображеніемъ объясняется единодушіе и упорство оппозиціоннаго движенія, не остановившагося, какъ мы увидимъ, и тогда, когда оно достигло своей ближайшей цѣли. Во всѣхъ городахъ и селеніяхъ кантона были образованы комитеты для организаціи борьбы; руководилъ ими центральный «комитетъ вѣры» (Glaubenscomité), сдѣлавшійся мало-по-малу тѣмъ-то въ родѣ втораго правительства, враждебнаго первому, настоящему. Сначала пущено было въ ходъ печатное слово, обращенное въ оружіе самой беззащитнѣйшей клеветы; не говоря уже объ извращеніи мнѣній Штрауса, его личность рисовалась черными или, лучше сказать, грязными красками; его называли воплощеннымъ сатиромъ, эмансипаторомъ плоти; призваніе его въ Цюрихъ объяснялось самыми низкими побужденіями со стороны членовъ воспитательнаго совѣта. На словахъ, конечно, распространялись еще худшія небывальщизны; большинство сельскаго населенія кантона было убѣждено, что Штраусъ—завлеченный преступникъ, бѣжавшій изъ рабочаго дома въ Виртембергѣ; нѣкоторые буквально понимали фразу преповѣдниковъ: «Штраусъ придетъ отнимать то, что у васъ есть самаго дорогаго», и запасались большими дворовыми собаками, чтобы отстоять свое имущество противъ опаснаго пришельца. Друзья Штрауса старались противопоставить этимъ клеветамъ и вѣдорнымъ слухамъ вѣрную картину жизни и ученія Штрауса; но опровергнуть ложь, какъ извѣстно, гораздо труднѣе, чѣмъ распространить ее, и къ-добавокъ защитники Штрауса часто были богаче доброй волей, чѣмъ умѣньемъ. Когда возбужденіе умовъ достигло высшей степени, когда начались уже насильственныя дѣйствія противъ приверженцевъ Штрауса, центральный комитетъ разослалъ во всѣ общины проектъ петиціи на имя большого совѣта, съ просьбою или требованіемъ не только взять назадъ назначеніе Штрауса и опредѣлить на его мѣсто вѣрующаго богослова, но и преобразовать учительскую семинарію, усилить пре-

подаваніе закона Вожія въ народныхъ училищахъ, предоставить церковному совѣту участіе въ назначеніи профессоровъ богословія и учредить для управленія церковью синоды; изъ выборныхъ отъ духовенства и мірянъ, отъ котораго зависѣло бы избраніе одной трети членовъ воспитательнаго совѣта. Въ общинныхъ собраніяхъ этотъ проектъ былъ принятъ большинствомъ 39,000 голосовъ противъ 1,000, что можетъ быть объяснено только страхомъ, наведеннымъ анти-штраусіанцами на своихъ противниковъ. Послѣдствіемъ этого голосованія была уступка со стороны правительственнаго совѣта; вопреки мнѣнію воспитательнаго совѣта, который полагалъ ограничиться учрежденіемъ второй богословской наедры, и предоставленіемъ ея лицу другого, сравнительно съ Штраусомъ, направленія, правительственный совѣтъ предложилъ уволить Штрауса съ пенсіей, въ виду обстоятельствъ, устраняющихъ возможность полезной дѣятельности его въ университетѣ. Большой совѣтъ, также запуганный агитаціей центрального комитета, принялъ это предложеніе (18 марта 1889 г.), и Штраусъ оказался въ странномъ положеніи человека, уволеннаго отъ должности, прежде чѣмъ онъ успѣлъ занять ее ¹⁾. Жертвуя Штраусомъ, либеральные члены правительственнаго и большого совѣтовъ надѣялись, что этимъ и покончится все дѣло, что власть по-прежнему останется за ними; только этимъ и можно объяснить, что они сами отиѣнили свое рѣшеніе, вмѣсто того, чтобы пасть, поддерживая его. Надежды ихъ не оправдались; центральный комитетъ продолжалъ свою дѣятельность, направляя ее по формѣ къ достиженію остальныхъ цѣлей, намѣченныхъ въ мартовской петиціи, а въ сущности—къ низверженію правительства. Къ концу августа дѣло дошло до того, что правительство, несмотря на всю свою боязливую осторожность, вынуждено было прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ; оно запретило центральному комитету созывать общинныя собранія, такъ какъ это право принадлежитъ только правительству, и когда комитетъ открыто нарушилъ запрещеніе, возбудило противъ него уголовное преслѣ-

¹⁾ Отъ пенсіи въ 1,000 франковъ, назначенной Штраусу, цюрихскіе друзья его совѣтовали ему отказаться въ пользу какаго-нибудь цюрихскаго учрежденія; но, раздраженный противъ Цюриха, онъ не послѣдовалъ этому совѣту и предпочелъ распорядиться слѣдующими ему деньгами въ пользу учебныхъ заведеній своего родного города, Людвигсбурга. Впослѣдствіи, впрочемъ, онъ часто пересылалъ въ Цюрихъ, для раздачи тамошнимъ бѣднымъ болѣе или менѣе значительныя суммы, не называя своего имени. Замѣтимъ мимоходомъ, что профессорское содержаніе Штрауса должно было составлять всего 2,000 франковъ, а въ 1886 году ему предполагалось назначить даже только 800 франковъ!

дованіе. Комитетъ отвѣтилъ созывомъ новаго собранія, на которомъ рѣшено было потребовать отъ правительства взятія назадъ упомянутой нами мѣры и прекращенія начатаго процесса. На своихъ солдатахъ правительство не могло разсчитывать, такъ какъ между ними также начиналъ проявляться мятежный духъ; но оно имѣло право просить вооруженной помощи какъ у швейцарскаго союза, такъ и у спеціального, заключеннаго въ 1832 году, союза семи радикальныхъ кантоновъ. Оно не сдѣлало ни того, ни другого, и было застигнуто въ-расплохъ, когда 5 сентября на улицахъ Цюриха появились вооруженныя толпы народа, подъ предводительствомъ пастора Гирцеля. И теперь еще сопротивленіе было возможно; при первыхъ выстрѣлахъ войска, значительная часть напавшихъ разбѣжалась; но въ одно время съ ними разбѣжалось и большинство членовъ правительственнаго совѣта, а остальные перешли на сторону движенія. Образовано было временное правительство и назначены новыя выборы въ большой совѣтъ, давшіе рѣшительное большинство консервативной партіи. Торжество ея было, однако, непродолжительно и не послужило ей въ пользу. Уже въ 1842 году радикалы опять приобрѣли половину мѣстъ въ большомъ совѣтѣ, а въ 1846 году на голову разбили консерваторовъ. Выѣшавшись въ борьбу партій и разнуждавъ народныя страсти, цюрихское духовенство достигло мимолетнаго успѣха, но совершенно подорвало свой нравственный авторитетъ, возбудило противъ себя вражду громаднаго большинства народныхъ учителей, и все-таки не оградило университетъ отъ вторженія новой доктрины, къ которой все болѣе и болѣе склонялся Гитцингъ. Если теперь цюрихскій кантонъ принадлежитъ къ числу тѣхъ мѣстностей, гдѣ наиболѣе слабо вліяніе духовенства и наиболѣе распространяемы ученія въ родѣ штраусоваго, то причину этого слѣдуетъ отчасти искать въ описанныхъ нами событіяхъ 1839 года.

На самомъ Штраусѣ эти событія отразились чрезвычайно тяжело. Достигнуть, послѣ долгихъ, напрасныхъ стремленій, желанной цѣли и, вслѣдъ затѣмъ, опять потерять достигнутое—это само-по-себѣ уже большое несчастье; для Штрауса оно увеличилось еще, съ одной стороны, потерей всякой надежды на богословскую катедру, съ другой стороны—горькимъ сознаніемъ бесплодности совершеннаго имъ отступленія. Въ открытомъ письмѣ, написанномъ имъ къ швейцарскимъ друзьямъ въ самый разгаръ борьбы, съ цѣлью успокоенія общественнаго мнѣнія, онъ высказалъ нѣсколько положеній, въ эту минуту, подъ вліяніемъ примирительнаго настроенія, казавшихся ему вѣрными, но въ сущ-

ности несовмѣстимыхъ съ его образомъ мыслей. Враги его жестоко воспользовались какъ этимъ письмомъ, такъ и предшествовавшими ему уступкамъ Штрауса; они стали обвинять его въ неискренности, въ готовности промѣнять свои убѣжденія на содержаніе и почетъ, связанные съ званіемъ профессора. Самая поспѣшность, съ которою теперь Штраусъ взялъ назадъ свои уступки — четвертое изданіе его книги, вышедшее въ свѣтъ въ 1839 году, представляется полнымъ возвращеніемъ къ первоначальному ея содержанію — была истолкована противъ него съ торжествующимъ злорадствомъ. Клеветы, которыми онъ былъ осыпанъ въ Швейцаріи, переносились и на нѣмецкую почву; въ цюрихскомъ матежѣ Генгстенбергъ и компанія на этотъ разъ усматривали во-истину гласъ народа и гласъ Божій. Запуганные взрывомъ народной страсти и отголосками его въ Германіи, умѣренные защитники Штрауса одинъ за другимъ стали отъ него отрѣкаться; газеты, его поддерживавшія, помѣщавшія его статьи и имъ обязанныя своимъ успѣхомъ, открыли свои столбцы для нападеній его противникамъ. Другіе, остававшіеся ему вѣрными, подвергались опалѣ, нигдѣ не могли найти назначенія, соотвѣтствовавшаго ихъ дарованіямъ. Въ довершеніе горя, Штраусъ именно въ это время лишился матери, значеніе которой для него намъ уже извѣстно. Противники Штрауса могли праздновать побѣду; но — какъ и цюрихскимъ консерваторамъ — побѣда эта стоила имъ очень дорого. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ богословское званіе въ протестантской Германіи считалось однимъ изъ самыхъ почетныхъ, привлекало даровитыхъ людей, пользовалось сочувствіемъ общества. Стоило только назвать «векфильдсваго священника», упомянуть о пасторскомъ домѣ въ Зезенгеймѣ (гдѣ жила возлюбленная молодого Гёте, Фредерика), привести извѣстныя мѣста изъ «Германа и Доротен» Гёте, изъ «Луизы» Фосса, чтобы затронуть симпатичную струну въ сердцѣ читателя или слушателя. Два десятилѣтія спустя, мы видимъ совершенно противоположное: когда авторъ романа хочетъ вывести на сцену лицемерна, ханжу, втайнѣ безнравственнаго человѣка, — онъ беретъ кандидата богословія, пастора или консисторскаго совѣтника (припомнимъ, напримѣръ, доктора Урбана въ «In Reih' und Glied» Шпильгагена), и заранѣе увѣренъ въ успѣхъ. Пасторскій домъ пересталъ быть олицетвореніемъ тихихъ, семейныхъ добродѣтелей; протестантскіе богословы перестали быть общепочитаемымъ сословіемъ. Само-собою разумѣется, что эта перемѣна вызвана цѣлымъ рядомъ сложныхъ причинъ; но Гаусратъ едва ли они-

баются, относя къ ихъ числу образъ дѣйствій нѣмецкихъ богословскихъ властей во время бури, поднятой книтою Штрауса.

То короткое, счастливое для Штрауса время, когда онъ твердо рассчитывалъ на богословскую катедру въ цюрихскомъ университетѣ, было посвящено имъ приготовительнымъ трудамъ по курсу догматики, съ котораго онъ предполагалъ начать свои лекціи. Мы знаемъ изъ открытаго письма, написаннаго Штраусомъ къ цюрихскимъ друзьямъ своимъ, что первоначальные выводы его изъ этихъ трудовъ не были безусловно отрицательные, что онъ считалъ возможнымъ остаться въ области богословія, хотя и весьма близко къ крайней ея границѣ. Теперь, подъ вліяніемъ раздраженія противъ богослововъ, Штраусъ идетъ быстрыми шагами къ рѣшительному разрыву съ богословіемъ. Сочиненіе о догматикѣ, напечатанное имъ въ 1840—1841 г. подъ названіемъ: «die christliche Glaubenslehre in ihrer geschichtlichen Entwicklung und im Kampfe mit der modernen Wissenschaft», отличается чисто-полемическимъ характеромъ, чуждымъ всякой примирительной мысли ¹⁾. По мнѣнію Гаусерата, оно приноситъ въ жертву даже послѣдовательность, единство основной мысли, лишь бы только найти болѣе удобныхъ пунктовъ для всесторонняго нападенія на противника. Это былъ послѣдній выстрѣлъ, такъ-называемый «Absagebrief» человѣка, не желающаго больше имѣть ничего общаго съ теологіей. Большого успѣха «Glaubenslehre» не имѣла, какъ вслѣдствіе отвлеченности ея содержанія, такъ и въ особенности вслѣдствіе одновременнаго появленія известной книги Фейербаха («Wesen des Christenthums»), еще болѣе радикальной, болѣе отвѣчавшей стремленіямъ крайней партіи, органомъ которой были тогда «Hallische Jahrbücher» Арнольда Руге. Поддержка, которую они до тѣхъ поръ оказывали Штраусу, перешла на сторону Фейербаха и Бруно Бауера, именно въ это время совершившаго скачокъ изъ одной крайности въ другую; Штраусъ сдѣлался въ ихъ глазахъ отсталымъ мыслителемъ. Оцѣнили «Glaubenslehre» только немногіе знатоки тонкой діалектики, въ родѣ А. Гумбольдта. Возраженія противъ нея со стороны церковной партіи не были особенно энергичны; господство этой партіи упрочилось тогда такъ прочно, что она считала возможнымъ не выступать на почву науки и литературы, а бороться съ своими противниками только на житейскомъ по-

¹⁾ Въ составъ новаго изданія сочиненій Штрауса „Glaubenslehre“ не входитъ, хотя самъ Штраусъ еще въ 1867 году относилъ ее къ числу тѣхъ своихъ сочиненій, которыя не утратили интереса, и думалъ о такой же ея переработкѣ, какой подвергъ онъ въ 1864 году первую свою книгу.

прищѣ, гдѣ она, благодаря могущественнымъ свѣтскимъ союзникамъ, была неуязвима. Неудача «Glaubenslehre» окончательно охладила интересъ Штрауса въ богословію, которое онъ теперь надолго оставляетъ — не въ добру для себя, какъ мы увидимъ.

Разсказанный нами эпизодъ изъ исторіи умственной жизни Германіи представляетъ нѣкоторыя черты, на которыхъ невольно останавливается наше вниманіе. Тридцатые годы были для Германіи эпохой реакціи, менѣе сильной, чѣмъ та, которая свирѣпствовала около 1820-го и послѣ 1850-го гг., но, во всякомъ случаѣ, весьма рѣзко выраженной. Въ Пруссіи старый порядокъ вещей сохранялся безъ измѣненій, надежды на дарованіе конституціи, возбужденныя войною 1813—1815 гг., не оправдались; въ высшихъ сферахъ вліяніе піетистовъ постоянно возрастало, — люди въ родѣ Альтенштейна, т.-е. просвѣщенные бюрократы во вкусѣ Фридриха II-го, становились все болѣе и болѣе рѣдкими. Въ южно-германскихъ государствахъ — въ томъ числѣ и Виртембергѣ — представительныя учрежденія существовали, но владѣли жалкою жизнью, безъ реальной власти, безъ вліянія на ходъ событій. При такихъ условіяхъ появляется книга Штрауса, т.-е. небывало-смѣлое отрицаніе идей, признаваемыхъ одною изъ важнѣйшихъ основъ существующаго порядка, — и что же? — никакихъ административныхъ мѣръ противъ нея не принимается; свободному обращенію ея не противопоставляется никакихъ преградъ, и она въ пять лѣтъ расходится въ четырехъ изданіяхъ; объ уголовномъ или полицейскомъ преслѣдованіи автора нѣтъ ни рѣчи, ни мысли; его удаляютъ, правда, отъ званія репетитора при *богословскомъ* институтѣ, но назначаютъ преподавателемъ въ среднее-учебное заведеніе, причемъ никому не приходитъ въ голову, что онъ будетъ имѣть вредное вліяніе на своихъ учениковъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если бы въ 1835 или 1836 гг. Штраусъ захотѣлъ поступить приват-доцентомъ философіи въ тюбингенскій университетъ, то никто этому не воспрепятствовалъ бы; весьма вѣроятно, что черезъ нѣсколько времени ему была бы предоставлена и профессорская катедра по тому же предмету. Еще болѣе замѣчательно то, что Штраусъ долго сохраняетъ надежду получить мѣсто профессора *богословія* въ одномъ изъ нѣмецкихъ университетовъ и что надежду эту раздѣляютъ его друзья, нисколько не ослѣпленные насчетъ общаго политическаго положенія Германіи. Дѣло въ томъ, что въ Германіи, особенно въ Пруссіи, со временъ Фридриха Великаго никогда не исчезало уваженіе къ наукѣ, что не было таковой сферы, куда не проникло бы это уваженіе, и что въ

минуты наибольшаго торжества своего реакціи останавливалась передъ небольшимъ кругомъ, въ которомъ работала теоретическая, отвлеченная мысль,—эта высшая сила нѣмецкаго народа, утѣшеніе и гордость его среди политическаго униженія. Подобно тому, какъ «Разбойники» Шиллера, его «Заговоръ Фіеско», «Коварство и любовь», «Донъ-Карлосъ» могли появиться въ печати и даже на сценѣ въ эпоху ничѣмъ не сдержаннаго деспотизма, сочиненіе Штрауса могло безпрепятственно прогремѣть среди искусственной тишины, царившей въ Германіи до 1848 г. Даже тотъ усугубленный, гнетъ, которымъ отвѣчали на нападеніе Штрауса затронутыя имъ силы, — гнетъ, не имѣющій себѣ подобнаго въ новѣйшей исторіи Германіи, не могъ вполне искоренить традиціонной терпимости къ произведеніямъ мысли; мы видимъ, напримѣръ, что въ томъ самомъ Тюбингенѣ, откуда былъ изгнанъ Штраусъ, при томъ самомъ королѣ Вильгельмѣ, который одобрилъ это изгнаніе, во все время господства Гоффмановъ и Генгстенберговъ, глава тюбингенской историко-критической школы, Бауръ, сохраняетъ за собой богословскую кафедру и сходитъ съ нея только въ могилу (въ 1860 г.). Счастливы народъ, умственному движенію котораго золотыя слова Неандера: «противъ научныхъ доводовъ можетъ быть употребляемо только научное же оружіе»,—служатъ охраной даже въ самыя печальныя эпохи государственной его жизни.

К. АРСЕНЬЕВЪ.

ПАНСЛАВИЗМЪ

ВЪ ПРОШЛОМЪ и НАСТОЯЩЕМЪ

Было время, когда въ европейской литературѣ много говорили о панславизмѣ; о немъ опять много говорилось по поводу послѣднихъ событій въ славянскомъ мірѣ, и болѣею частью толки были самыя неблагопріятныя. Всего чаще говорятъ о панславизмѣ, какъ объ опасномъ и вредномъ политическомъ движеніи: англійскій первый министръ, по словамъ газетъ, заботился объ уничтоженіи «панславистскаго заговора» на Балканскомъ полуостровѣ; рассказываютъ, что Бисмаркъ «ненавидитъ» панславизмъ; венгерскіе депутаты, а также, конечно, и первый министръ, считаютъ необходимымъ положить конецъ «панславистскимъ проискамъ»; даже французскія газеты (напр. недавно *Débats*) находятъ, что противъ панславизма должно принять мѣры (теперь и приняты, съ разныхъ сторонъ, довольно сильныя мѣры, въ родѣ австрійской «оккупации» Босніи и Герцеговины), и т. д. Что именно разумѣется здѣсь подъ панславизмомъ, рѣдко кто съ точностью объясняетъ; но обыкновенно подъ этимъ именемъ понимается ожидаемое политическое объединеніе и возвышеніе славянскаго міра подъ вліяніемъ Россіи, или, ближе, распространеніе надъ славянскимъ міромъ прямого (или въ крайнемъ случаѣ косвеннаго) господства Россіи, которая такимъ образомъ получитъ приращеніе къ своимъ и безъ того опаснымъ силамъ и наконецъ захватитъ себѣ Балканскій полуостровъ. Въ Европѣ, почти единогласно, желаютъ предотвратить или уничтожить этотъ ожидаемый фактъ. Что нѣмцеко-венгерское общество въ Австро-Венгріи нимало не расположено къ «панславизму»,—это слишкомъ извѣстно; не

менѣе извѣстно, что къ нему не расположены въ Германіи, въ томъ числѣ, какъ говорятъ, кромѣ нерасположенъ такой могущественный политическій человѣкъ, какъ Бисмаркъ. Но если въ европейскихъ государствахъ мнѣнія страны имѣютъ въ концѣ-концовъ большое вліяніе на ходъ политики—какое значеніе имѣлъ тройственный союзъ? Если онъ, тѣмъ не менѣе, существовалъ, не слѣдуетъ ли заключать, что Россія вовсе не повинна въ «панславизмѣ»? Но тогда откуда эти не перестающія требованія о необходимости его уничтоженія? Все же, наконецъ, представляетъ собой панславизмъ: существуетъ ли онъ дѣйствительно,—можно ли и въ какомъ смыслѣ прилагать это названіе къ современному движенію славянства,—какова была и есть роль Россіи въ этомъ движеніи? На этихъ вопросахъ мы хотѣли остановиться въ настоящемъ трудѣ.

Событія, происходившія въ послѣдніе годы и относящіяся въ область «панславизма», были самаго потрясающаго свойства: они способны были возбудить и дѣйствительно возбуждали самыя живыя сочувствія и надежды, потомъ разочарованіе, негодованіе... Теперь, одинъ періодъ событій можно считать завершеннымъ, и не бесполезно было бы обратиться въ историческому разъясненію предмета, которому до сихъ поръ давалось слишкомъ мало вниманія. На Балканскомъ полуостровѣ продолжаются потрясенія, которыя даютъ странный комментарий и дополненіе къ прошедшему.

Въ своемъ изложеніи мы будемъ держаться фактовъ, хотя бы строгіе критики, какъ не разъ бывало, обвинили насъ за недостатокъ «чувства», доктринерство и т. п. Относительно нашего «чувства» скажемъ только одно: оно никогда не было то, какое выставляли на показъ хвастливые шовинисты и нѣкоторые новообращенные любители славянства—поддѣлки подъ чувство были намъ всегда ненавистны; мы не считали возможнымъ и не брали на себя—говорить отъ имени русскаго народа, или даже общества; а то, что говорили три года тому назадъ, сказали бы и теперь. Наши взгляды на славянское дѣло мы, кажется, высказывали довольно вразумительно.

I.

ЕВРОПЕЙСКІЯ МНѢНІЯ О ПАНСЛАВИЗМѢ ВЪ ПРЕЖНЕЕ ВРЕМЯ.

Слово «панславизмъ» впервые появилось, кажется, съ тридцатыхъ годовъ, когда внутреннее движеніе славянскаго міра обратило на себя вниманіе европейскихъ политиковъ и публицистовъ. Первые десятилѣтія нынѣшняго вѣка были особенно исполнены національнаго броженія, порожденнаго источникомъ котораго были умственное движеніе и политическіе перевороты конца прошлаго столѣтія. Во внѣшнемъ политическомъ быту, въ средней Европѣ послѣ вѣнскаго конгресса наступило время полнѣйшаго господства такъ-называемаго «полицейскаго государства», которое имѣло международный фундаментъ въ «Священномъ Союзѣ»; но жизнь переросла эту политическую форму, и подъ реакціоннымъ гнетомъ, подъ усиленнымъ стараніемъ подавить «либерализмъ», въ европейскихъ обществахъ все сильнѣе сказывалась потребность въ иномъ устройствѣ и національно-политическихъ, и внутреннихъ отношеній. Идеи политической свободы пріобрѣтали все большую силу; рядомъ съ ними шло стремленіе къ національному освобожденію и объединенію: еще было много остатковъ средне-вѣковаго феодализма, который держалъ развитыми на клочки народы, чувствовавшіе свое тожество, и единственнымъ путемъ для общественнаго развитія казалось національно-политическое объединеніе, которое одно обѣщало дать удовлетвореніе національному чувству и политическую свободу. Такое движеніе шло въ Германіи и въ Италіи—у нѣмцевъ путемъ теоретической политики, у итальянцевъ путемъ практической революціи, карбонаренскихъ заговоровъ и маццинизма; возбужденіе умовъ было, наконецъ, столь сильно, что французская революція 1848 г. тотчасъ отозвалась и въ Германіи, въ Италіи и въ самой Австріи. Насколько, съ національной стороны, въ этомъ движеніи обнаруживались самыя глубокіе инстинкты народной жизни, показали результатъ, свидѣтелями котораго мы были—объединеніе Италіи и объединеніе Германіи.

Национальное движеніе происходило и въ славянскомъ мірѣ: оно замѣчено было съ начала столѣтія, со времени сербскаго возстанія; его видѣли потомъ въ ряду другихъ фактовъ, и оно-то названо было «панславизмомъ». По идеямъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, оно не могло имѣть иного смысла, кромѣ стремленія славянскаго міра къ объединенію, какъ стремились къ по-

добному объединенію Германія, Италія, какъ даже на сѣверѣ Европы возникала идея скандинавскаго единства.

Слово составлено было теоретически, по предположенію; оно было неопредѣленно, какъ еще были неопредѣленны понятія объ элементахъ и дѣйствительныхъ силахъ этого движенія—не только у его постороннихъ наблюдателей (писателей нѣмецкихъ, французскихъ и пр.), но и у самихъ тѣхъ, въ чьей средѣ оно происходило. Въ самомъ дѣлѣ, движеніе въ славянскихъ народахъ было несомнѣнно: оно обнаруживалось многими фактами—политическими, какъ освобожденіе (хотя еще не полное) Сербіи, возстаніе Польши; общественными, какъ оживленіе славянскаго элемента въ нѣмецко-славянскихъ земляхъ; и образовательными, какъ возникновеніе цѣлаго ряда славянскихъ литературъ, заявленіе стремленій къ между-славянской солидарности и т. п.; но въ чемъ состояла истинная сущность и цѣль движенія, какой связи и объединенія искали славянскіе народы—этого еще не знали они сами; еще менѣе знали ихъ наблюдатели.

Эта неопредѣленность, собственно говоря, продолжается и до сихъ поръ. Правда, съ тѣхъ поръ, съ тридцатыхъ годовъ и донынѣ, было высказано не мало теорій, объяснявшихъ, какъ и въ какой формѣ должно совершиться объединеніе, не разъ дѣлались идеальныя истолкованія славянскаго національнаго существа и того, чѣмъ долженъ стать славянскій міръ для себя самого и для всей европейской цивилизаціи; но теоріи были противорѣчивы, строились на очень несходныхъ основаніяхъ, еще ни кѣмъ не были примирены, и славянское единство доселѣ остается мудренымъ вопросомъ—какъ въ теоріи, такъ въ самой общественно-политической борьбѣ. Понятно, что тридцать-сорокъ лѣтъ тому назадъ вопросъ былъ еще темнѣе, и практическое положеніе вещей еще менѣе давало указаній на возможное рѣшеніе.

У европейскихъ публицистовъ преобладало мнѣніе, что «панславизмъ» есть стремленіе славянскаго міра къ объединенію подъ предводительствомъ Россіи, и именно такъ, что, быть можетъ, не столько сами славянскія племена ищутъ этого объединенія, сколько идетъ къ нему сама Россія, которой вообще приписывался тогда характеръ завоевательнаго государства, порядочно диваго, но могущественнаго и грозящаго свободѣ чуть не всей Европы. Другіе, не сомнѣваясь въ тенденціяхъ панславизма, находили болѣе естественнымъ и желательнымъ иной видъ панславизма, гдѣ центромъ могла стать Польша, которая, вмѣстѣ съ западнымъ славянствомъ, составила бы напротивъ оплотъ Европы отъ русскаго нашествія. Польша еще не погибла подъ русскимъ владычествомъ, союзъ съ

славянствомъ увеличить ея силы, а историческая вражда съ Россіей не можетъ дать ей иной роли, кромѣ борьбы противъ русскаго напора: на этомъ основаніи для Европы была бы выгода въ этой формѣ славянскаго объединенія. Третьи, особенно между самими славянами, думали, что наилучшей формой славянскаго единства было бы ни то, ни другое, а свободная славянская федерація. Таковы были главные тѣмы, которыя развивались въ многоразличныхъ расчетахъ и фантазіяхъ о будущей судьбѣ славянскаго міра.

Дальше увидимъ, насколько эти планы отвѣчали дѣйствительности; но для европейскихъ публицистовъ, какъ вообще ни мало они знали о славянскихъ народахъ и ихъ отношеніяхъ, были видныя основанія какъ задать себѣ вопросъ, такъ и предполагать его рѣшеніе. Съ начала столѣтія славянство—не говоря о Россіи—различнымъ образомъ обращало на себя вниманіе политическими проявленіями своей жизни.

Во-первыхъ, *Россія*. До Петра Великаго извѣстная въ Европѣ немногимъ больше, чѣмъ имперія Великаго Могола, Россія вступила съ тѣхъ поръ дѣятельнымъ образомъ въ кругъ европейской политики и стала надвигаться къ югу и къ западу. Возвращеніе русскихъ земель отъ Польши, занятіе Прибалтійскаго края, утвержденіе на Черномъ морѣ съ покореніемъ Крыма, — наконецъ, послѣдовательные раздѣлы самой Польши поставили Россію въ непосредственное сосѣдство съ «Европой». Времена Елизаветы окончательно ввели Россію въ кругъ европейскихъ политическихъ интересовъ; это была сила, съ которой нужно было считаться; она обнаружила и блескъ, и могущество, которое могло быть очень серьезно страшно. Берлинъ уже бывалъ въ русскихъ рукахъ. Политическое возростаніе Россіи шло быстрее, чѣмъ внутреннее развитіе и образованность: Европа видѣла военную и политическую силу, но еще не видѣла самостоятельной образованности, общественной жизни; видѣла поверхностное вліяніе европейскихъ обычаевъ наряду съ первобытной дикостью, и не только при Елизаветѣ, но и при Александрѣ, когда Россія была одно время центромъ европейскихъ событій, когда ея борьба съ Наполеономъ была рѣшающимъ моментомъ европейской исторіи, — даже въ это время въ Европѣ не отвыкли отъ старыхъ представленій о «варварской», «полу-азиатской» Россіи. При всей политической силѣ, Россія оставалась несимпатична Европѣ чертами своего быта и нравовъ, съ предполагаемой или дѣйствительной азиатской грубостью и суровостью. Этого впечатлѣнія не могли устранить ни ухаживанье Елизаветы за философами и

энциклопедистами, ни льстивые комплименты Вольтера, ни «Наказъ», переведенный на европейскіе языки; всё эти блески европейской образованности оставались въ глазахъ Европы анекдотомъ, исключеніемъ, личнымъ капризомъ (и дѣйствительно, «Наказъ» остался лишь литературнымъ пронаведеніемъ, а затѣмъ вкусы самой Екатерины измѣнились, и вромѣ періода филантропическихъ мечтаній у императора Александра, исторія не представляетъ потомъ ни малѣйшихъ примѣровъ чего-либо похожаго на дружбу Екатерины съ Вольтеромъ и Дидро). Напротивъ, довольно было нѣсколькихъ рассказовъ иностранцевъ, бывавшихъ въ Россіи, нѣсколькихъ «Relations intimes», «Histoires Secrètes», «Voyages» — которыхъ, съ одной стороны, никто не опровергалъ, а съ другой и нельзя было иногда опровергнуть — чтобы это старое впечатлѣніе поддерживалось и даже усиливалось по мѣрѣ того, какъ въ то же время приходилось чувствовать дипломатическій и военный гнетъ «полу-азиатскаго» государства на собственныхъ дѣлахъ. А это стало чувствоваться нерѣдко. Та Россія, которую едва признавали принадлежащею къ Европѣ, настойчиво выѣшивалась во внутренніи дѣла средней Европы, со временъ революціи была всегда на сторонѣ консервативныхъ и реакціонныхъ партій, и русскія войска еще тогда доходили до Италіи и до Голландіи. Раздѣлъ Польши, который, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, вышелъ гораздо больше изъ прусской инициативы, чѣмъ изъ русской, былъ весь поставленъ на-счетъ Россіи, какъ фактъ національнаго насилія. Въ борьбѣ съ Наполеономъ забыто было, что упорство Россіи принесло пользу европейскимъ народамъ и самой Франціи — пораженіемъ военной диктатуры; но очень помнилось (естественно, впрочемъ, потому что это былъ не случайный, а преднамѣренный результатъ войны), что Священный Союзъ, въ основаніи котораго императоръ Александръ былъ первымъ дѣйствующимъ лицомъ, сталъ на десятки лѣтъ опорой реакціи, источникомъ политическаго и общественнаго гнета: русскія арміи готовы были для подавленія либеральныхъ движеній; русскій авторитетъ осуждалъ итальянскія возстанія противъ себялюбивыхъ мелкихъ тиранній, осуждалъ греческое возстаніе противъ турокъ, которыхъ онъ признавалъ законными властителями. Теперь извѣстно, что русская политика въ этихъ дѣлахъ не была даже самостоятельна, и часто только исполняла планы, задуманные въ Вѣнѣ; — для Россіи это было, въ сущности, еще хуже и, во всякомъ случаѣ, не уменьшало раздраженія, какое производила въ либеральныхъ партіяхъ и въ лучшихъ умахъ реакціонная роль русской государственной силы... Слѣдующая четверть сто-

лѣтія измѣнила многое: Россія перестала отчасти смотрѣть на турецкія безобразія какъ на «законную» власть и подала помощь Греціи, — обратила больше вниманія на южно-славянскія отношенія; но въ европейской политикѣ хранила преданія Священнаго Союза. Восстаніе и усмиреніе Польши, съ уничтоженіемъ ея конституціонныхъ учрежденій; помощь, поданная Австріи противъ венгерскаго восстанія (причемъ однако замѣшанные здѣсь интересы австрійскаго славянства ничего не выиграли и, повидимому, даже совсѣмъ не имѣлись въ виду); продолжавшійся союзъ съ нѣмецкимъ консерватизмомъ, — все это окончательно укрѣпило въ европейскомъ либерализмѣ враждебное отношеніе къ Россіи... То, что узнавали въ Европѣ о внутреннемъ бытѣ Россіи, о полномъ господствѣ безусловной власти, объ отсутствіи какой-либо общественной самодѣтельности, о поверхностной образованности высшихъ классовъ, о рабствѣ миллионныхъ крѣпостныхъ людей, о суровости законодательства и администраціи, довершало убѣжденіе, что въ Россіи Европа не можетъ видѣть однородную страну, что имѣть въ ней опасное сосѣдство, страшную военную массу, враждебную и слѣдовательно угрожающую европейскому прогрессу.

Почти напрасно было бы подтверждать сказанное примѣрами изъ европейской литературы того времени; ихъ безчисленное множество: какъ общій выводъ, довольно указать страницы, посвященныя Россіи въ книгѣ знаменитаго нѣмецкаго историка и одного изъ самыхъ характерныхъ представителей нѣмецкаго либерализма, — Гервинуса ¹⁾.

При этихъ понятіяхъ о политической роли Россіи, при ея абсолютной монархіи и извѣстномъ милитарномъ характерѣ, при господствѣ надъ Польшей, которое ставилось Россіи (и обыкновенно одной Россіи) въ упоръ какъ коварный, насильственный захватъ, при нѣкоторомъ участіи Россіи въ судьбѣ южнаго, балканскаго славянства, — составилось предположеніе, что Россія только и помышляетъ, что о дальнѣйшемъ движеніи на югъ и западъ, о захватѣ и поглощеніи остальныхъ славянскихъ племенъ — которыя и сами идутъ къ ней на-встрѣчу для освобожденія своего отъ турокъ и нѣмцевъ — и что ватѣмъ Россія будетъ неминуемо грозить самой Европѣ.

Во-вторыхъ, *Польша*. Съ тѣхъ поръ, какъ южно-славянскія царства пали въ борьбѣ съ турками, и въ началѣ XVII-го вѣка

¹⁾ Geschichte des neunz. Jahrh. I. Einleitung. Сколько помнимъ, этихъ страницъ не находится въ русскомъ переводѣ Гервинуса.

Чехія поднала австрійскому игу, Польша и Россія оставались единственными независимыми государствами славянскаго племени. Въ 1772 году произошел первый раздѣлъ Польши, затѣмъ — другіе, потомъ, послѣ кратковременныхъ надеждъ на самостоятельность при Наполеонѣ, съ вѣнскаго конгресса — основаніе царства Польскаго съ конституціонными учрежденіями, и небольшой республики въ Краковѣ. Извѣстно, что взгляды самого императора Александра I были таковы, что поляки имѣли основаніе думать о возвращеніи прежняго политическаго значенія ихъ страны, и въ Европѣ поддержано было представленіе объ историческомъ правѣ Польши, когда его призналъ даже русскій императоръ, согласившійся ограничить для него свою власть въ царствѣ Польскомъ. Поэтому, когда вспыхнуло возстаніе 1830—31 года, и польская конституція окончила свое существованіе, этотъ фактъ понять былъ въ Европѣ не съ точки зрѣнія русской власти, а именно съ польской точки зрѣнія. Европейская дипломатія признавала этотъ фактъ, какъ желала этого Россія; но европейское общественное мнѣніе, подъ вліяніемъ давнихъ взглядовъ на Россію, усматривало въ немъ новое доказательство того, что Россія преслѣдуетъ народныя свободы и «поглощаетъ». Въ Европѣ тогда, да и теперь, не замѣчали, что Пруссія «поглощаетъ» поляковъ несравненно дѣйствительнѣе Россіи — сами поляки еще не замѣчали этого, — но по всей Европѣ разносились жалобы эмиграціи и вопли ненависти, которые находили себѣ подготовленную и благоприятную почву. Какъ извѣстно, польская эмиграція нашла покровительство во Франціи; здѣсь основался очагъ ея, гдѣ сильнымъ аристократическимъ центромъ былъ князь Адамъ Чарторыйскій, и центромъ литературнымъ — высшій представитель польской поэзіи, Мицкевичъ. Парижъ сталъ однимъ изъ главныхъ средоточій польской эмиграціонной литературы, которая, вмѣстѣ съ литературой польской Галиціи и Познани, имѣла обширное вліяніе какъ въ самой Польшѣ, на умы старыхъ и новыхъ поколѣній, такъ отчасти и въ европейской публицистикѣ. При неизвѣстности дѣйствительныхъ отношеній Польши и Россіи, бросался въ глаза внѣшній фактъ — возстанія и подавленія конституціонныхъ учреждений; симпатіи (хотя симпатіи къ самой Польшѣ — напримѣръ, въ Германіи — нажестя, всегда были очень умѣренны) были на сторонѣ Польши. Россія была всегда слишкомъ далека отъ Европы — и географически, и исторически; нѣкогда самая территория Россіи считалась въ Азіи; притомъ, это была страна «схизматическая» — обстоятельство чрезвычайной важности для общественнаго мнѣнія въ католическихъ странахъ, и не лишнее

важности даже въ глазахъ протестантовъ, которые осуждали въ «схизмѣ» преданія Византіи; наконецъ, Россія была страна полнѣйшей автократіи. Съ другой стороны, Польша была всегда ближе въ Европѣ; это была страна католическая, стоявшая въ давнихъ историческихъ связяхъ съ нѣмцами и ихъ имперіей, — знакомая съ латинской наукой; наконецъ, Польша была страна конституціонная, храбро бившаяся за свою свободу, побѣжденная и — несчастная. Это былъ взглядъ почти всеобщій въ Европѣ. Распространеніе его, быть можетъ, всего больше принадлежитъ польской эмиграціи, ея литературѣ и ея связямъ въ европейской публицистикѣ. Въ этой средѣ и образовалась та панславистическая теорія, что если Россія грозитъ Европѣ, то прочнѣйшимъ оплотомъ противъ нашествія можетъ служить восстановленная Польша, которая могла бы стать во главѣ федераціи славянскихъ племенъ. Было столько фактовъ, свидѣтельствовавшихъ объ исторической и современной враждѣ и противоположности Польши и Россіи, что представленіе о Польшѣ какъ оплотѣ противъ Россіи принято было не-разъ и европейскими публицистами, которые иногда, видимо, повторяли мнѣнія и рассказы эмиграціи. И въ этой теоріи Россія рассматривалась какъ полуазиатское царство, грозящее цивилизаціи; въ этомъ качествѣ она исключалась изъ славянскаго союза, который—подъ руководствомъ Польши—долженъ былъ вполне примкнуть въ европейской цивилизаціи.

Далѣе. Южнославянство въ началѣ столѣтія было вообще мало извѣстно не только европейскимъ публицистамъ, но и самимъ единоплеменникамъ; но со времени русско-турецкихъ войнъ временъ Екатерины, оно болѣе и болѣе выдвигается на политическую арену. Съ одной стороны, борьба Сербіи за независимость, и потомъ основаніе княжества; борьба черногорцевъ съ турками, ихъ сопротивленіе французамъ; кратковременное существованіе «Иллирія», основанной Наполеономъ, — все это открывало новый славянскій элементъ на югѣ, который потребовалъ себѣ мѣста и вниманія. Съ другой стороны, пронавелъ впечатлѣніе фактъ совершенно иного порядка, это — изданіе сербскихъ народныхъ пѣсенъ, знаменитаго Вука Стефановича Караджича. Это было невиданное явленіе богатаго народнаго поэтическаго творчества, изумившаго своей гомеровской оригинальностью и свѣжестью, и — что было опять замѣчательно — повторявшася въ самыхъ событіяхъ сербскаго освобожденія, въ подвигахъ Милоша и Чернаго Георгія, въ героическихъ битвахъ черногорцевъ. Поэзія, открытая Европѣ въ изданіяхъ Вука, давала нравственно-поэти-

ческую окраску подвигамъ народа, выступавшаго изъ четырехъ-сотъ-лѣтняго забвенія на историческое поприще. Войны Россіи съ Турціей съ прошлаго вѣка; замѣченныя уже тогда симпатіи балканскихъ православныхъ народовъ къ Россіи; участіе Россіи въ освобожденіи Сербіи—болѣе и болѣе наводили на мысль, что здѣсь можетъ открыться политическая связь, которая или усилитъ Россію сочувствіями христіанскихъ населеній Турціи, или даже возбудитъ въ Россіи (предполагаемую всегда) страсть къ завоеванію, и отдастъ въ ея руки Балканскій полуостровъ и Константинополь. Какъ ни были слабы прямые связи Россіи съ южно-славянскимъ міромъ, въ европейской публицистикѣ эти связи не только скоро были замѣчены, но имъ придана такая важность, о какой въ ту минуту не подозрѣвала (за двумя-тремя исключеніями) вся масса русскаго общества и къ которой само правительство относилось весьма хладновротно.

Въ тридцатыхъ годахъ началось новое движеніе, въ другой области того же племени, у хорватовъ. Вызванное властолюбивыми національными притязаніями мадьяръ къ такой же національной оппозиціи, это движеніе возрастало по мѣрѣ давленія съ другой стороны, и когда національныя стремленія мадьяръ разрѣшились, наконецъ, возстаніемъ противъ Австріи, отвѣтомъ на него было народное вооруженіе хорватовъ противъ Венгріи. Въ промежутокъ времени, съ начала этого броженія до войны, вопросъ дѣятельно разбирался съ обѣихъ сторонъ въ австрійской публицистикѣ, а затѣмъ перешелъ и ея предѣлы. Та часть австрійскаго славянства, которая политически зависѣла отъ венгровъ, именно австрійскіе сербы, хорваты, словаки, настойчиво защищали свои національныя права и достоинство, и въ разгарѣ полемики съ извѣстной племенной гордостью указывали на свое родство съ великой русскою имперіей и народомъ; для ихъ противниковъ это былъ достаточный поводъ говорить о подозрительной приверженности южнаго и западнаго славянства къ Россіи и о коварныхъ замыслахъ послѣдней. Позднѣе, вмѣшательство Россіи въ венгерскую войну подтверждало для публицистовъ какъ эту связь Россіи съ славянствомъ, такъ и то, что Россія всегда готова служить къ подавленію свободы,—венгры, конечно, думали, что защищаютъ дѣло свободы, забывая только свое отношеніе къ хорватамъ, сербамъ, словакамъ.

Къ концу тридцатыхъ и началу сороковыхъ годовъ относятся путешествія первыхъ русскихъ славистовъ по славянскимъ землямъ. Вся дальнѣйшая дѣятельность этихъ славистовъ достаточно показала, что это были дѣйствительно ученые, отчасти самые

настоящіе и кабинетные, не только не получавшіе политическихъ порученій, но и послѣ отгонявшіе отъ себя всю политическую сторону славянскаго вопроса. Между тѣмъ, не только въ нѣмецко-венгерскомъ мірѣ были увѣрены, что это были политическіе эмиссары, но и другимъ казалось мало вѣроятнымъ, чтобы Россія разсылала ученыхъ, а не политическихъ агентовъ; подобное мнѣніе существовало и между тѣми славянскими патріотами, которымъ тогдашняя политическая роль Россіи не была сочувственна. Такія предположенія мы слышали напр. (въ концѣ 50-хъ годовъ) отъ знаменитаго хорвато-итальянскаго писателя и патріота Томмасео (Томашича).

Чешское движеніе въ національномъ смыслѣ не имѣло до 1848 г. яснаго политическаго характера, но оно производило впечатлѣніе замѣчательною дѣятельностью своихъ ученыхъ. Знаменитый Шафарикъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи «панславизма» — и въ той исторіи, какая писалась съ излагаемой теперь точки зрѣнія, и въ той, которая говоритъ о дѣйствительномъ развитіи славянскаго самосознанія. Шафарикъ, — за исключеніемъ одного момента во время славянскаго съѣзда въ Прагѣ, въ 1848 — не высказывался какъ публицистъ, но его гигантскіе труды по славянской древности, литературѣ и этнографіи были національнымъ подвигомъ, дѣйствіе котораго шло далеко за предѣлы книжной учености. Это были первые ученые труды панславянскаго значенія, обнимавшіе древность и настоящее славянскихъ племенъ, ихъ старыя общія воспоминанія, сведеніе ихъ родственныхъ счетовъ, ихъ современную этнографію и статистику. Положивши прочное основаніе для дальнѣйшихъ изслѣдованій славянства, труды Шафарика имѣли сильное нравственное дѣйствіе: они дали славянству сосчитать свои силы, помогли взаимному ознакомленію племенъ, воскрешали давнее прошедшее и старые подвиги, обѣщали будущее. Съ ученой славой Шафарика еще не равнялась слава другого славянскаго ученаго: академикъ и университеты звали его въ Москву, въ Петербургъ, въ Берлинъ, Вѣну. Онъ сталъ всеобщимъ, безспорнымъ авторитетомъ, для своихъ и для чужихъ; его литературная заслуга стала и признакомъ развитія панславизма, и нравственнымъ доказательствомъ въ его пользу.

Такое же доказательство видѣли въ другомъ чешско-славянскомъ писателѣ — Колларѣ. Это не былъ ученый, — онъ писалъ, правда, и ученныя сочиненія о славянской древности, но въ нихъ такъ преобладаетъ фантазія, что ихъ и не считаютъ въ наукѣ, — это былъ поэтъ, восторженный защитникъ и проповѣдникъ сла-

вянского единения. Колларъ высказалъ тѣ первые порывы славянскаго сознанія, въ которыхъ именно было еще гораздо больше поэтического иснанія и надеждъ, чѣмъ реальной увѣренности въ своихъ средствахъ и своей цѣли. Въ Колларѣ было нѣчто общее съ Державиннымъ: у обоихъ поэзія настроена на высокій, торжественный тонъ оды и дионисамба; у того и у другого былъ свой предметъ поклоненія, наполнявшій ихъ поэтическимъ восторгомъ, у Державина — русское величіе, какъ онъ его понималъ; у Коллара — слава и величіе славянства, которыхъ онъ искалъ въ прошедшихъ его судьбахъ и въ идеалахъ будущаго. Поэма Коллара, «Дочь Славы», какъ ученые труды Шафарика, была произведеніемъ панславянскимъ по своему содержанію и по возбужденіямъ къ труду для національнаго блага. Тотъ же Колларъ первый сталъ говорить о «литературной взаимности», необходимой для поддержанія въ славянскомъ мірѣ сознанія его единства и для успѣха образованности и литературы частныхъ племенъ.

Имена Шафарика и Коллара опредѣляли стремленія чешскаго славянства, и вмѣстѣ обозначали литературный «панславизмъ». Эти имена бывали обыкновенно знакомы всѣмъ иноземнымъ публицистамъ, которые брались за объясненіе панславизма.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, тѣ внѣшнія основанія, на которыхъ въ европейской публицистикѣ строилось представленіе о панславизмѣ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Какъ мы замѣтили, оно было очень неопредѣленно, какъ были еще неопредѣленны самые факты движенія. Ближайшіе судьи, писатели славянскіе и не-славянскіе въ самой Австріи, видѣли вещи, разумѣется, ближе, хотя и они, по новости національнаго движенія, вѣроятно не могли составить себѣ яснаго понятія о его размѣрахъ и возможномъ дѣйствіи; у писателей иноземныхъ изложеніе дѣла не обходилось безъ ошибокъ, даже чрезвычайно грубыхъ (напр., одинъ изъ тогдашнихъ французскихъ «специалистовъ» по славянству, Киприанъ Робертъ, — въ началѣ сороковыхъ годовъ — причислялъ къ славянамъ венгерцевъ; Эдгаръ Кинэ не всегда различалъ чеховъ отъ цыганъ и т. п.), — но высказывалось (иногда угадывалось) не мало вѣрныхъ замѣчаній о междуславянскихъ отношеніяхъ, и въ большинствѣ мнѣній о «панславизмѣ» уже тогда обозначались черты, которыя остались до нашихъ дней въ толкахъ иностранной публицистики о славянскомъ вопросѣ и послѣдней войнѣ. Эти черты — присвоеніе (можетъ быть, иногда только расчитанное) Россіи завоевательныхъ видовъ на Балканскій полуостровъ и Константинополь, крайне

враждебное отношеніе и къ ней, и къ самому освобожденію южнаго славянства.

II.

ФАКТЫ СЛАВЯНСКАГО ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Въ чемъ же на самомъ дѣлѣ состояло то славянское движеніе, котораго такъ пугались въ Европѣ подѣ формой «панславизма»? Гдѣ его начало, какой былъ его объемъ, были ли въ немъ поводы къ опасеніямъ за европейскую цивилизацію?

Не имѣя въ виду цѣлой исторіи панславизма, мы ограничимся только самыми общими указаніями ¹⁾.

Основнымъ фактомъ, изъ котораго вышли предположенія о «панславизмѣ» у европейскихъ публицистовъ и мечты о національномъ единствѣ (форма оставалась будущему) у самихъ славянскихъ патріотовъ, было то всеобщее обновленіе славянскихъ народностей, которое возникаетъ съ конца прошлаго вѣка и означается обыкновенно именемъ славянскаго возрожденія. На всемъ пространствѣ славянскаго племени, отъ самыхъ крупныхъ его представителей, какъ русскій народъ, до самыхъ мелкихъ его единицъ, отъ политически сильныхъ и независимыхъ до самыхъ угнетенныхъ, возникаетъ одно общее стремленіе, которое тѣмъ дальше, тѣмъ больше усиливается и становится, наконецъ, господствующей идеей наиболѣе образованныхъ людей, а затѣмъ и болѣе или менѣе сознательнымъ стремленіемъ цѣлыхъ обществъ. Это была мысль о своемъ народѣ, объ его свободѣ, развитіи и просвѣщеніи. Эта мысль проявлялась различными способами, смотря по различію положенія племенъ, ихъ исторіи и современнаго характера. Главное различіе было въ положеніяхъ Россіи и всѣхъ остальныхъ племенъ. Въ то время, когда начиналось это движеніе (съ конца XVIII в.), одна Россія была національно-свободной, независимой страной. Польша уже дѣлилась; у всѣхъ прочихъ славянъ было только воспоминаніе о прошлой независимости, и тягостное сознаніе національнаго упадка, не-свободы, безсилія вернуть это прошлое. Чехія, нѣкогда въ лицѣ Гуса ставшая во главѣ европейской оппозиціи противъ папства, давшая начало реформѣ, послѣ своего паденія была въ рукахъ

¹⁾ Намъ случалось уже говорить (хотя и неполно) объ этомъ предметѣ, и объяснительныя подробности читатель можетъ найти въ „Обзорѣ исторіи слав. литер.“ Слб. 1865 г.

іезуитовъ, которые старательно истребляли всѣ воспоминанія объ этихъ славныхъ временахъ, составляли длинные списки запрещенныхъ чешскихъ книгъ — тѣхъ, которые были лучшимъ преданіемъ и славой старочешской литературы — и жгли ихъ тысячами. Во второй половинѣ прошлаго вѣка у чеховъ еще продолжалось это подавленное состояніе ихъ народности. У сербохорватовъ, имѣвшихъ нѣкогда свой блестящій періодъ дубровницкой литературы XV—XVII столѣтій, едва тянулись слабые, безжизненные отголоски ея. У словинцевъ, на крайнемъ славянскомъ западѣ, гдѣ въ XVI вѣкѣ реформація вызвала отпоръ католическому застою и создала замѣчательный, хотя кратковременный расцвѣтъ національной литературы, — іезуитская реакція временъ Фердинанда II задушила эти начатки, и славянская народность снова впала въ сонное полубытіе. Славянской югъ, за исключеніемъ маленькой Черногоріи, находился съ конца XIV вѣка въ полномъ рабствѣ: историки указываютъ, что вначалѣ, сравнительно съ позднѣйшими временами, турецкое господство было еще довольно сносно; но и это «сносное» иго было ужасно: правда, турки были тогда беззаботнѣе, меньше мѣшались въ народный бытъ, но «райя» была только терпима, меньшая степень гнета основывалась на томъ, что при покореніи, напр., болгарскомъ, были сразу уничтожены тѣ высшіе классы, въ которыхъ существовала нѣкогда образованность и которые могли быть какой-нибудь опорой для національности — они были истреблены при послѣдней борьбѣ, или приняли магометанство, и стали злѣйшими врагами своего собственнаго народа... Но въ XVIII вѣкѣ и это безпомощное состояніе народа сдѣлалось еще хуже: вмѣстѣ съ тѣмъ какъ стало упадать политическое могущество Турціи, угнетеніе славянства усиливалось, особенно при сотрудничествѣ греческихъ фанаріотовъ, которые сдѣлали откупъ изъ церковнаго управленія Болгаріи и бывали для болгаръ хуже турокъ. Почти такое же положеніе вещей было въ земляхъ сербскаго племени: магометанская аристократія нынѣшней Босніи идетъ отъ старыхъ славянскихъ родовъ, принявшихъ магометанство въ XV столѣтіи.

Но среди этого крайняго бѣдствія, забвенія національнаго достоинства, литературнаго паденія многихъ нарѣчій, среди политической разорванности и безсилія славянскаго міра, — когда нѣкоторые изъ племенъ, напр., болгары, забытые и безправные, должны были видѣть въ своей народности только тяжелую судьбу, приносящую одно несчастье и рабство; когда у другихъ, какъ у чеховъ, хорватовъ, словинцевъ, общественная жизнь, высшая образованность были возможны лишь съ переходомъ въ нѣмец-

кую среду, слѣдовательно, на условіи удаленія отъ своего народа и народнаго преданія, на условіи — примириться съ ихъ паденіемъ и даже содѣйствовать ему; когда народныя силы и средства должны были служить національно-чужой и враждебной государственной силѣ; когда, въ странную параллель съ этимъ положеніемъ вещей, въ Польшѣ, еще полу-независимой политически, и въ самой независимой Россіи народная масса, которая и есть, однако, настоящая сила «націи», находилась въ безвыходныхъ условіяхъ крѣпостного состоянія, и въ славныя времена Екатерины закрѣпощеніе шло все впередъ — среди такого неблагоприятнаго положенія «народности», съ разныхъ сторонъ возникаютъ отдѣльныя, разрозненныя стремленія, которымъ предстояло обновить и оживить глухое существованіе славянскаго міра. Онѣ исходили изъ разныхъ историческихъ мотивовъ, но въ своемъ дѣйствіи представляли много замѣчательныхъ параллелей, и къ тридцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія они собирались въ замѣчательное историческое явленіе, оказавшееся на пространствѣ цѣлаго племени.

Въ самомъ дѣлѣ явленіе было замѣчательное, и ему справедливо даютъ названіе «возрожденія».

Въ *Болгаріи* были подавлены всѣ стороны народной жизни; народъ былъ простой рабочей силой, отданной на произволъ всякому любому правовѣрному; у него не было школы, почти не было даже письменности, и никакой защиты; оставалось лишь одно, въ чемъ народъ сознавалъ себя — церковь. Въ этой области и явились первыя попытки возрожденія. Самая церковь была въ рукахъ греческой іерархіи, которая, счумѣвши давно обдѣлать свои дѣла въ Константинополѣ, не только угнетала, но и презирала болгарскій народъ, какъ низшее племя, которому должно отказаться отъ своей «варварской» національности, и стать греками. Но низшее и среднее духовенство оставалось болгарское, и въ его средѣ, во второй половинѣ XVIII вѣка, явилось, наконецъ, первое слово въ защиту болгарскаго народа: это была рукописная «Исторія» іеромонаха Паисія, писанная на полуцерковномъ языкѣ, въ стилѣ средневѣковой поучительной литературы. Въ самомъ упадкѣ болгарской письменности, на Аѳонѣ, какъ видно, оберегалась нить стараго болгарскаго преданія, и въ духѣ этого преданія Паисій обратилъ къ своимъ соотечественникамъ горячее воззваніе; оскорбляемый на самомъ Аѳонѣ пренебреженіемъ другихъ православныхъ, грековъ, сербовъ, русскихъ, говорившихъ, что у болгаръ не было церковныхъ и царскихъ преданій, Паисій сталъ разыскивать болгарскую исторію,

и изъ старыхъ вѣтъ, иностранныхъ лѣтописцевъ собрали свидѣтельства, что у болгаръ, теперь угнетенныхъ и обезславленныхъ, были свои великіе цари, которые бывали страхомъ для самой Византіи, были свои славные іерархи и святые, и призывали народъ вспомнить эту старую славу и быть достойнымъ своего прошеднаго. Къ этимъ возбужденіямъ присоединились новыя. Нѣсколько богатыхъ болгарскихъ купцовъ, въ Молдавіи и Валахіи, подъ вліяніемъ патріотизма, внушеннаго нѣвѣстной долей европейскаго образованія, стали основывать школы для своего народа. Наконецъ, въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія началась дѣятельность знаменитаго Венелина, родомъ карпатскаго русина, и одного изъ первыхъ энтузіастовъ славянства. Полу-историкъ, полу-поэтъ, онъ отдался изученію древнихъ временъ славянства; это привело его къ болгарской исторіи и онъ, увлеченный древностію, и въ то же время сочувствіемъ и состраданіемъ къ гибнущему народу, поставилъ себѣ цѣлью возбужденіе въ болгарскомъ народѣ національнаго сознанія. Венелинъ писалъ, дѣйствовалъ и—бѣдствовалъ въ Россіи, и болгары долго даже не знали о немъ, но когда узнали, его энтузіазмъ къ болгарскимъ преданіямъ и его призывы къ просвѣщенію имѣли очень сильное дѣйствіе: съ тѣхъ поръ болгарское «возрожденіе» было обезпечено. Обстоятельства все еще были невозможныя, но болгары показали здѣсь много характера: цѣной упорныхъ усилій они достигли обширнаго распространенія народной школы; многіе изъ ихъ юношества учились въ Россіи или въ европейскихъ университетахъ; въ послѣдніе годы началась довольно оживленная литературная дѣятельность; болгарскіе патріоты начали національную борьбу—прежде всего съ греками, по церковному вопросу, и добились національно-церковной автономіи; войны Россіи съ Турціей еще раньше дѣйствовали на умы; нетерпѣливое ожиданіе политической свободы производило возстанія, за которыми турки страшно мстили; наконецъ, въ наши дни болгарское освобожденіе вызвало русско-турецкую войну съ ея извѣстными результатами.

Такимъ образомъ, въ національномъ возрожденіи дѣйствовали здѣсь параллельно и самостоятельные проблески народнаго сознанія въ стремленіи напомнить и обновить историческія воспоминанія о временахъ старой славы, и вліянія новой образованности, вызывавшія филантропическую заботу о просвѣщеніи народа; наконецъ, отголоски цѣлаго славянскаго возрожденія. Политическія событія, особенно войны Россіи съ Турціей, способствовали движенію, когда съ одной стороны все виднѣе стано-

вилось ослабленіе стараго угнетателя, съ другой — встрѣча съ родственнымъ и единовѣрнымъ народомъ подтверждала темныя надежды, что отъ него придетъ помощь и освобожденіе. Обще-славянская наука оказала великую услугу болгарскому возрожденію. Для изученія болгарской исторіи всего меньше сдѣлано самими болгарамъ: болгарская древность реставрирована, главнымъ образомъ, учеными западно-славянскими (какъ Шафарикъ, Копитаръ, Иречекъ-младшій и др.) и особенно русскими (Восточковъ, Калайдовичъ, Григоровичъ, Бодянский, Срезневскій, Гильфердингъ, Ламанскій, Порфирій Успенскій и др.), и эти труды уже успѣли послужить, и послужать особенно теперь для болгарскаго образованія, которому они доставили одно изъ необходимыхъ средствъ — историческое изученіе. Подъ вліяніемъ обще-славянской науки начались у болгаръ собственные труды по изученію народности, которое всегда сопровождало пробужденіе народнаго сознанія у славянскихъ племенъ.

Въ послѣднія десятилѣтія, въ образованномъ кругѣ болгаръ національное стремленіе достигло уже полной опредѣленности. За невозможностью пока политическаго освобожденія, болгары подняли и съ замѣчательнымъ единодушіемъ провели вопросъ церковной автономіи. Политическая свобода была задушевною идеей всякаго, — не только въ образованномъ классѣ, но и въ народной массѣ, которая уже вела съ турками партизанскую гайдуцкую войну. Молодое поколѣніе, учившееся въ Россіи или въ западныхъ университетахъ, не могло безопасно жить на родинѣ; оно по-неволѣ становилось эмиграціей; въ своихъ патріотическихъ мечтаніяхъ, оно питалось уже европейскими идеями, когда на народной массѣ лежали еще страшныя и гнусныя путы...

У сербовъ національное возрожденіе совершалось иначе и успѣшнѣе. Положеніе ихъ никогда не было такъ тяжело, какъ положеніе болгаръ. Они были дальше отъ турецкаго центра, ихъ политическая полу-независимость сохранилась долѣе; племя было раскинуто шире, и между прочимъ на такія страны, куда турецкое господство почти не достигало, напримѣръ, въ Адриатическомъ Приморьѣ, въ австрійскихъ земляхъ, которыя только на время подпадали турецкой власти; издавна начались политическія отношенія въ Австрію, которыя оставляли надежду на какую-нибудь помощь съ этой стороны; выселенія сербовъ въ австрійскія земли еще съ первой половины XVII вѣка образовали здѣсь небольшой сербскій центръ, гдѣ народность — при всѣхъ внѣшнихъ невзгодахъ — была свободна и гдѣ впоследствии завязались дѣйствительно начатки возрожденія.

Первые опыты сербовъ стражиуть слѣды пережитаго ига и дать своей новой жизни опору благоустроеннаго просвѣщенія начались опять съ обновленія историческихъ преданій и связей. Какъ выходцы изъ Старой-Сербіи устроили себѣ новый народно-историческій наладіумъ на Фрушной-горѣ, гдѣ основали монастыри съ иконами древнихъ сербскихъ монастырей, куда перенесли останки князя Лазаря, такъ ихъ первая книжность въ прошломъ столѣтіи почерпнута была изъ стараго православнаго источника. Съ упадкомъ книжности подъ турецкимъ игомъ, къ сербамъ шли книги изъ Россіи; теперь первые учителя новыхъ сербскихъ школъ были вызваны изъ Кіева; первые сербскія книги, преимущественно церковнаго содержанія, были отчасти просто перепечатки славяно-русскихъ книгъ, или же были писаны полу-церковнымъ, «славено-сербскимъ» языкомъ, въ родѣ того славяно-русскаго, какимъ еще писали у насъ до Ломоносова. Этой первой школѣ сербскихъ писателей казалось, что ихъ «славено-сербскій» языкъ и долженъ быть настоящимъ языкомъ сербской книги. Это было пока прямое продолженіе средневѣковаго литературнаго стиля, когда церковно-славянскій былъ общимъ языкомъ церковной письменности у русскихъ, сербовъ и болгаръ; была при этомъ и неясная мысль, что народы, соединенные нѣкогда одной (тогда исключительно церковной) письменностью, могутъ и впредь сохранить свою образовательную связь. Нѣчто подобное произошло въ XVIII столѣтіи, когда сначала выѣхали къ австрійскимъ сербамъ кіевскіе ученые, а въ концѣ столѣтія перѣхало въ Россію нѣсколько славянскихъ ученыхъ — русины: Лодій, Орлай, Балутьянскій, а также и извѣстный сербъ Янковичъ изъ Миріева (у насъ, на тогдашній французско-нижегородскій ладъ называвшійся Янковичъ де-Миріево). Янковичъ оставилъ заслуженное имя въ исторіи русскаго школьнаго образованія, между прочимъ какъ авторъ школьной книги «о должностяхъ чловѣка и гражданина», изданной во времена либерализма имп. Екатерины, а потомъ отбираемой: теперь, почти черезъ сто лѣтъ, наша народная школа не имѣетъ ничего подобнаго этой книгѣ.

Между тѣмъ въ турецкой Сербіи начались волненія, изъ которыхъ выросло возстаніе. Тревога, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ, сильно возбуждала національное чувство, и съ основаніемъ сербскаго княжества, хотя еще не вполнѣ независимаго, національное возрожденіе укрѣпилось сознаніемъ выдержанной борьбы. Это и сказалось тѣмъ, что сербская литература уже вскорѣ приняла новое направленіе, которое характеризуется уже не однимъ повтореніемъ старины, не подчиненіемъ народнаго языка и образо-

ванія «славено-сербскому» направленію, а стремленіемъ раскрыть и возвысить именно чистую сербскую стихію, освободить ее отъ искусственнаго архаизма, заставить литературу говорить подлиннымъ языкомъ самаго народа, основать ее на изученіи его собственнаго содержанія и на понятіяхъ новой образованности.

Эту задачу исполнили два замѣчательные человѣка, Досиѣй Обрадовичъ и Вукъ Караджичъ, оба — полу-народные люди, вышедшіе изъ самыхъ нѣдръ народной массы, долго въ ней вращавшіеся, вполне знавшіе ее, но въ то же время стоявшіе на уровнѣ своего времени и высоко цѣнившіе просвѣщеніе и науку. Обрадовичъ, сначала полу-монахъ, священникъ, потомъ въ качествѣ учителя странствовавшій отъ Сербіи и Триеста до Малой Азіи, и оттуда до Лейпцига, Галле, гдѣ онъ слушалъ университетскія лекціи, бывавшій и въ западной Россіи, бѣднякъ, жившій своими уроками и въ зрѣлыхъ лѣтахъ ставшій писателемъ, практическій философъ и вмѣстѣ идеалистъ во вкусѣ XVIII вѣка, соединявшій жизненную опытность и здравый смыслъ съ ученіями современной философіи, — таковъ былъ писатель, начавшій сербскую литературу — книгами, доступными для грамотнаго человѣка и передававшими ученія гуманистической нравственности, внушавшими понятіе о человѣческомъ достоинствѣ, вѣротерпимость, любовь къ просвѣщенію. О дѣятельности Вука мы выше упоминали. Она была вообще великой его заслугой передъ сербскимъ народомъ: народная поэзія, раскрытая имъ въ такой красотѣ и богатствѣ, проявила въ славянствѣ и въ литературахъ Европы впечатлѣніе, которое отразилось на оцѣнѣ самого народа. Для самихъ сербовъ труды Вука были цѣлою энциклопедіей этнографическихъ свѣдѣній о своемъ народѣ; не только у сербовъ онъ былъ первымъ начинателемъ подобныхъ изысканій, но въ цѣлой европейской наукѣ онъ былъ однимъ изъ первыхъ писателей, которые требовали внимательнаго изслѣдованія народности и научали уваженію къ народной жизни, ея содержанію и обычаю. Наконецъ, Караджичъ произвелъ въ самыхъ литературныхъ идеяхъ переворотъ, завершившійся уже въ наше время. Любовь къ своему народу, инстинктъ и, вонечно, еще сильный умъ внушили Караджичу высокое представленіе о народности, и съ первыхъ своихъ трудовъ онъ высказалъ требованіе, что книги должны существовать для народа, и что поэтому ихъ надо писать на языкѣ народа. Словомъ, онъ вдругъ заявлялъ ту реформу литературнаго языка, какая у насъ произошла въ періодъ отъ Карамзина до Гоголя включительно. Съ этимъ вмѣстѣ вносилось и новое направленіе литературы. Старая, «славено-сербская» партія (нѣчто въ родѣ

нашего Шишкова и его послѣдователей) возстала противъ Караджича какъ противъ еретика; принципъ, имъ выставленный, не былъ ясенъ его современникамъ — на него напали защитники высокаго слога и реторики, называвшіе его народный языкъ языкомъ свинныхъ пастуховъ (въ Сербіи очень распространено свиноводство) и обвинявшіе его въ неуваженіи къ книжнымъ преданіямъ старины; его строго осудили и русскіе славянофилы (въ лицѣ Гильфердинга), утверждая — еще при жизни Вука — что требованіе народного языка выставлялось имъ съ цѣлью разорвать церковно-книжное преданіе, связывавшее сербовъ съ Россією, что это дѣлалось въ видахъ Австріи, орудіемъ которой въ этомъ случаѣ былъ будто бы ученый Копитаръ, преданный слуга Австріи, имѣвшій на Вука большое вліяніе... По внушеніямъ «славено-сербской» партіи, книги и правописаніе Вука были запрещены въ княжествѣ Сербіи (самъ онъ жилъ и работалъ болѣею частью въ Вѣнѣ), и, несмотря на всѣ усилія образованнѣйшихъ сербовъ, это запрещеніе снято было лишь къ концу жизни Вука, въ шестидесятыхъ годахъ, а окончательно уже послѣ его смерти.

Противники Вука, даже ученые славянофилы, какъ Гильфердингъ, не хотѣли видѣть, что реформа Вука была только однимъ изъ явленій, происходившихъ тогда во всѣхъ возрождавшихся славянскихъ литературахъ. Вся сущность славянскаго движенія заключалась въ поднятій національнаго чувства, въ пробужденіи безсознательнаго дотогѣ общества и народа, слѣдовательно, въ распространеніи книжности, образованія; она состояла далѣе въ томъ, чтобы внушить уваженіе къ народнымъ силамъ, къ живому обычаю, чтобы не смотрѣть свысока на народъ, а служить его благу и интересамъ: не естественно ли было придти къ заключенію, что книга, обращенная къ этому народу, должна говорить его языкомъ — придти не по какому-нибудь демократическому капризу или по какой-то политической интригѣ, а по совершенной необходимости, потому что народъ не понималъ бы иного языка? Таковъ смыслъ и имѣла дѣятельность Вука. Можетъ быть, что въ литературной системѣ Вука были свои преувеличенія, что, погнавшись за «народнымъ» такъ, какъ оно есть въ настоящую минуту, онъ забылъ, что въ сербскомъ языкѣ былъ извѣстный процентъ историческихъ элементовъ, которые также надо было взять въ соображеніе; но реформа давалась ему, какъ мы видѣли, только тяжелой борьбой, и этимъ преувеличенія объясняются. Въ основной мысли онъ остался правъ, и, какъ мы замѣтили, она имѣла важное значеніе и въ средѣ самого сербскаго развитія, и въ общеславянскомъ вопросѣ.

Дѣло въ томъ, что возвышеніе народныхъ языковъ на степень языковъ литературныхъ повторилось во всемъ славянскомъ мірѣ; въ общемъ счетѣ явилось десятка полтора славянскихъ литературъ, — къ старымъ, которыя шли издавна, прибавились новыя, только-что возникавшія; подлѣ литературъ обширныхъ были микроскопическія — и по числу тѣхъ, для кого онѣ предназначались, и по числу и даже качеству произведеній, ихъ составлявшихъ; каждое отдѣльное нарѣчіе, небольшой отгѣнокъ племени искали своего литературнаго выраженія. Явленіе было такое общее, что въ немъ, очевидно, дѣйствовала не прихоть писателей, а самая реальная общая причина. Въ самомъ дѣлѣ, это была естественная необходимость: пробужденіе національнаго чувства прежде всего сказалось потребностью говорить съ народомъ на его языкѣ; литература должна была спуститься до народа, и въ то же время возвышала доселѣ пренебрегаемый языкъ массы до книги, до выраженія высшихъ понятій образованности. У сербовъ повторялось то же. Старая «славено-сербская» школа не удовлетворяла именно потому, что языкъ ея не былъ живой; это была искусственная смѣсь, на которой писались книги, но никто не говорилъ (въ родѣ того, какъ галичане пишутъ донинѣ «поросійски»).

Но въ вопросѣ языка была и другая сторона. Старая сербская школа и русское славянофильство обвинили Вука за удаленіе (по ихъ мнѣнію, злонамѣренное) отъ церковно-славянской старины, сближавшей сербовъ съ русскими: предполагалось, что Вукъ измѣняетъ этимъ славянству, и служить противославянскимъ, австрійскимъ, западнымъ интересамъ, что онъ дѣлитъ славянство, вмѣсто того, чтобъ соединять его. Это обвиненіе ходитъ подлѣ дѣйствительнаго факта, но пристрастно толкуетъ или не понимаетъ его. Реформа Вука, какъ она разумѣлась имъ и особенно его послѣдователями, обозначала и нѣчто болѣе обширное, чѣмъ одно чисто литературное преобразованіе, именно, что, *прежде* какихъ-либо общеславянскихъ комбинацій, сербы въ своей литературѣ должны выразить свою національность, свои народныя особенности, свободно и независимо отъ какихъ-либо чужихъ притязаній, и сколько возможно самостоятельно искать образованія. Славянофилы чувствовали, что направленіе Вука отдаляло сербскую образованность отъ русскихъ вліяній, но могло ли быть иначе? могла ли, должна ли была сербская образованность оставаться на «славено-сербской» дорогѣ, довольствоваться тѣмъ, что могъ дать ей тотъ союзъ, какого славянофилы очевидно требовали? Что представляла русская литература того

времени, когда началась дѣятельность Вука, т.-е. въ десятихъ и двадцатыхъ годахъ? Она сама еще не выбилась изъ-подъ чужихъ западныхъ вліяній, и въ формахъ и въ содержаніи; она занята была своими собственными, отчасти еще элементарными вопросами, едва предчувствовала тѣ общеславянскія идеи, которыя однѣ — въ соединеніи съ общественной свободой и самодѣятельностью — могли быть посредствомъ между ней и другими славянскими литературами; наконецъ, и это существенно, — не въ состояніи была доставить тѣхъ образовательныхъ и научныхъ свѣдѣній, какія были сербамъ нужны и для которыхъ имъ, какъ и намъ, приходилось обращаться къ европейскимъ источникамъ. Внутреннее положеніе русской литературы и еще десяти лѣтъ позднѣе было таково, что въ ней невозможно было ожидать какой-либо свободной науки, свободной художественной литературы, свободного общественного сознанія, а только при этомъ она могла бы пріобрѣсти въ славянскомъ мірѣ тотъ авторитетъ, какой безъ сомнѣнія желателенъ, но какого славянофилы потребовали слишкомъ рано. И до послѣдняго времени не разъ высказывалось у насъ неблаговоленіе, даже негодованіе къ тѣмъ сербамъ, которые предпочитали искать образованія не въ Москвѣ, а въ Вѣнѣ, Берлинѣ, или Парижѣ. Дѣйствительно, чужое вліяніе не обходилось безъ своихъ неудобствъ: пребываніе подъ дѣйствіемъ иного міра и иныхъ понятій ослабляло связи съ народной жизнью, — но очевидно, что виноваты не Берлинъ или Парижъ, а недостатокъ собственной свободной науки и литературы. Умы безхарактерные увлекались поверхностнымъ перениманіемъ чужихъ нравовъ; но для умовъ серьезныхъ здѣсь находились могущественныя возбужденія, которыя шли только на пользу. Славянофилы сказали бы неправду, еслибъ утверждали, не только тогда, но и теперь, — что у насъ была такая самобытная и широкая наука и литература, которыя могли бы сдѣлать для сербовъ ненужнымъ обращеніе къ наукѣ западной, — хотя и по нашему мнѣнію литературныя связи особенно южнаго славянства съ нашей образованностью могли бы принести большую пользу обѣимъ сторонамъ; но для этого нужны самой русской литературѣ условія существованія (*modus vivendi*, какъ нынче любятъ говорить), какихъ она, къ сожалѣнію, еще далеко не имѣетъ...

Такимъ образомъ, сербская литература развивалась отдѣльно, безъ всякихъ особенныхъ связей съ русской, испытывая непосредственно вліянія чужой науки и чужой школы, и вмѣстѣ разрабатывая данныя своего быта и исторіи. Фактъ, быть можетъ, при скорбный, что солидарности не было; но онъ не подлежитъ сомнѣнію, и, какъ видѣли, имѣлъ свои достаточныя основанія.

Въ шестидесятымъ годамъ, въ сербской литературѣ стало обнаруживаться движеніе такъ-называемой «омладины»; оно было дѣломъ молодого сербскаго поколѣнія тѣхъ годовъ. Національно-политическіе интересы омладины шли въ томъ спеціально сербскомъ направленіи, которое было намѣчено дѣятельностью Вука. Мало-по-малу, въ старыхъ и молодыхъ кругахъ политическая цѣль сербскихъ національных стремленій выработалась въ видѣ «пан-сербизма», объединенія сербскаго племени, разбитаго между Сербіей, Черногоріей, Турціей и Австріей.

Самое новое сравнительно было возрожденіе *хорватское*. Нѣкогда это было одно изъ древнѣйшихъ славянскихъ королевствъ, но обступленное Византіей, франками, венграми, оно сохранилось потомъ лишь въ соединеніи съ «коронаю» венгерской, а потомъ и австрійской. Въ область королевства входили и собственные хорваты (особая отрасль цѣлаго сербо-хорватскаго племени) и отдѣльныя части сербскаго племени, на которыя вслѣдствіе того также распространялось имя хортатовъ. Нѣкогда и въ хорватскихъ земляхъ были начатки греко-восточнаго христіанства и славянской литургіи; но они держались недолго и уступили римскому католицизму. Въ сербо-хорватскихъ земляхъ Адриатическаго Приморья и особливо въ сосѣднемъ Дубровницѣ издавна возникла замѣчательная образованность и литература, блестящимъ періодомъ которыхъ было XV—XVII столѣтія. Въ XVIII вѣкѣ литература имѣла уже только немногихъ замѣчательныхъ представителей, и въ нынѣшнему столѣтію лишь вяло продолжалась старая традиція, не одушевляемая вопросами жизни или образованности. Новый и замѣчательный порывъ сербо-хорватскаго возрожденія начинается въ тридцатыхъ годахъ — опять въ особой формѣ. Здѣсь не было надобности размысливать «начала» своего народа: прошедшее было достаточно извѣстно; хорватское политическое устройство построено было на фактахъ этой прошедшей исторіи, которая была такимъ образомъ основаніемъ государственнаго хорватскаго права. Память о дубровницкомъ періодѣ никогда не прерывалась совсѣмъ; но національное чувство было вяло и недѣятельно. Оно пробудилось почти внезапно, когда ему данъ былъ толчокъ національными притязаніями венгровъ. Хорваты, по принадлежности къ венгерской «коронѣ», участвовали въ венгерской политической жизни; политическая связь не обходилась безъ того, что хорваты принимали венгерскую національность, или оставались на половину хорватами и мадьярами; но мадьярское національное вліяніе не распространялось на массы. Извѣстно, что политическимъ языкомъ венгровъ была латынь, оставшаяся

отъ среднихъ вѣковъ; та же латынь была языкомъ церкви, — двѣ народности венгерско-хорватской «короны» сходились на этомъ нейтральномъ полѣ. Но у венгровъ открылось, наконецъ, свое національное движеніе: латынь смѣнилась языкомъ венгерскимъ, который долженъ былъ стать въ венгерской «коронѣ» языкомъ управленія, школы и т. д. Это было нововведеніе, которое и всегда было бы неудобно и тяжело для не-венгровъ этой «короны», — но въ ту пору, когда національный инстинктъ вообще сталъ особенно воспримчивъ, и когда къ вопросу о языкѣ присоединились еще другія политическія притѣсненія, хорватская оппозиція стала высказываться съ невиданнымъ прежде упорствомъ. Съ обѣихъ сторонъ, раздраженіе все усиливалось и перешло въ открытую борьбу, сначала въ политической полемикѣ, въ уличныхъ демонстраціяхъ, а наконецъ съ оружіемъ въ рукахъ. Результатомъ, какъ мы упоминали, было два возстанія — венгровъ противъ Австріи и хорватовъ противъ венгровъ.

Эти частныя отношенія хорватовъ вскорѣ получили и ту окраску, которую называли «панславизмомъ». Что въ хорватскомъ движеніи выразилась давно созрѣвавшая потребность, для которой внѣшнія обстоятельства только дали толчокъ, видно было уже изъ того, что оно съ перваго появленія произвело цѣлый рядъ даровитыхъ поэтовъ, публицистовъ и ученыхъ, какъ главный основатель ново-хорватской литературы Людевитъ Гай, потомъ Мажураничъ, Боговичъ, Кукульевичъ, Станко Вразъ и другіе. Мысль о своемъ народѣ, его историческомъ правѣ, національномъ достоинствѣ, повела къ мысли о цѣломъ славянствѣ. Труды чешскихъ панславянскихъ ученыхъ и поэтовъ пришли встать: вмѣстѣ съ собственными сербо-хорватскими воспоминаніями изъ старой исторіи и литературы, они доставили то представленіе о цѣломъ славянствѣ, которое дало подкладку для патріотическихъ увлеченій и, правда, болѣе поэтическую, чѣмъ реальную надежду на политическую, или нравственную помощь единоплеменниковъ. Хорватскіе патріоты и популярныя писатели съ жаромъ говорили своимъ читателямъ о колоссѣ, занимающемъ пространство отъ Камчатки до Адриатическаго моря, о пробужденіи этого колосса, о братскомъ чувствѣ, которое должно соединять славянскія племена и т. д.

Въ самомъ началѣ хорватскаго движенія, въ половинѣ 30-хъ годовъ, его литературные предводители (они же были и предводители политическіе) приняли одно рѣшеніе, которое очень содѣйствовало расширенію національной пропаганды. Именно, они рѣшили оставить то мѣстное собственно-хорватское нарѣчіе, ка-

кимъ они начали было писать въ своихъ книгахъ и газетахъ, и замѣнили его болѣе распространеннымъ—сербскимъ языкомъ (хотя писали его латинскими буквами), который установленъ былъ въ литературѣ Вукомъ: этотъ языкъ, во-первыхъ, оближалъ новѣйшее мѣстное хорватство съ преданіями старой далматинской литературы (въ которой господствовалъ одинъ изъ отгѣнковъ сербскаго языка); во-вторыхъ, размножилъ ихъ публику сербскими читателями. Это пожертвованіе своей мѣстной народностью для болѣе широкой народности—сербской представляетъ въ славянской литературѣ очень рѣдкій примѣръ литературнаго самоотреченія: оно объясняется малочисленностью собственнаго хорватства и меньшимъ литературнымъ развитіемъ ихъ нарѣчія, но тѣмъ не менѣе замѣчательно, такъ какъ сербы и хорваты вообще не любятъ другъ друга по національному соперничеству. Между хорватами и сербами начиналось теперь сближеніе, которое, еслибъ развивалось сильнѣе, послужило-бы великимъ благомъ для обоихъ племенъ. Во время венгро-хорватской войны, не только австрійскіе сербы держали сторону своихъ хорватскихъ единоплеменниковъ, но изъ самаго княжества Сербіи явился вспомогательный отрядъ. Къ сожалѣнію, древнее зло славянскихъ обществъ, неспособность къ союзному дѣйствію и частное соперничество, оказалось и на отношеніяхъ сербовъ и хорватовъ; какъ ни очевидна была бы для нихъ польза политической солидарности, они не могутъ сойтись на среднемъ терминѣ, который могъ бы примирить ихъ. Напротивъ, между ними и ранѣе шель, и теперь далеко не заглохъ споръ объ историческомъ значеніи и современныхъ притязаніяхъ того и другого племени. Доходило даже до того, что древнее сербское царство, несомнѣнно сербское и по топографіи, и по православію, и по литературнымъ памятникамъ, присвоивалось хорватами, какъ изъ царство, изъ чего выводилось въ настоящемъ право на первенство въ сербо-хорватскомъ мірѣ. Противъ «пан-сербизма», ставящаго себя идеальной политической задачей объединеніе сербскаго племени, выступаетъ «пан-хорватство». Выигрываютъ, конечно, нѣмцы и венгры.

Можно изъ этого видѣть, на какой степени стоялъ въ дѣйствительности тотъ «панславизмъ», о которомъ въ то время разсказывали столько страшнаго публицисты нѣмецкіе, венгерскіе, французскіе, а также и польскіе (у которыхъ французскіе заимствовали). Эта степень обнаруживалась и участіемъ Россіи въ австро-венгерской войнѣ. Съ виду выходило, что Россія присоединялась къ славянскому интересу: противъ венгровъ защищали тогда свою національность славянскія племена—хорваты, сербы, сло-

ваки; Россія, укрощая венгровъ, повидимому помогала славянству, но на дѣлѣ, славянскій интересъ былъ адѣсь не при чемъ. Россія совсѣмъ не ставила и вопроса объ этомъ и помогала только австрійскому правительству по традиціямъ Священнаго Союза. Извѣстно, что хорватское возстаніе противъ венгровъ, которое было такъ полезно для Австріи, не привнесло самимъ хорватамъ никакой пользы. Австрія, постыдно переказавши венгерскихъ предводителей, взятыхъ въ плѣнъ русскими, впоследствии однако гораздо больше сдѣлала для венгровъ, показавшихъ ей очень чувствительно свою энергію, чѣмъ для хорватовъ, которые ей услужили; а Россія, въ отплату за спасеніе Габсбурговъ, получила извѣстную «неблагодарность», которая должна была «удивить міръ» — а въ наше время получила эту же неблагодарность вторично...

У чеховъ возрожденіе шло своими путями, опять отдѣльно, и происходило изъ ихъ собственныхъ данныхъ и условій. Чехи нѣкогда имѣли свое славянское королевство, нѣкогда къ нимъ проникло не надолго восточное христіанство съ славянской литургіей. Сосѣдство съ Германіей привело, во-первыхъ, вліяніе нѣмецкихъ политическихъ силъ, нѣмецкихъ нравовъ, образованности и языка; во-вторыхъ, открыло дорогу западному духовенству и церкви, слѣдовательно католицизму и латыни. Въ связи съ этимъ, и въ средневѣковомъ католическомъ духѣ, у чеховъ развилась замѣчательная образованность и литература на народномъ языкѣ. Основаніе пражскаго университета сдѣлало Прагу однимъ изъ важныхъ умственныхъ центровъ средней Европы. Съ образованностью развивалось и національное направленіе и въ концѣ XIV столѣтія возникло то многозначительное движеніе, представителемъ котораго сталъ знаменитый Гусъ. Утверждаютъ (главнымъ образомъ наши славянофильскіе писатели), что религіозная идея Гуса была прямымъ историческимъ развитіемъ давняго православнаго зерна, упавшаго въ Чехію въ IX-X вѣкѣ; но идеи Гуса ни мало не были сходны съ идеями тогдашняго славянскаго православія. Дѣятельность Гуса имѣла двѣ стороны: одной, — она заняла великое историческое мѣсто въ цѣломъ европейскомъ развитіи, какъ могущественная оппозиція папскому игу; другой, она представляла собой чисто-національную оппозицію нѣмецкимъ вліяніямъ, возбужденіе народныхъ силъ къ самобытному развитію. Усиленная національная жизнь, вызванная Гусомъ, охватила въ періодъ гуситства весь чешскій народъ; но принципы, одушевлявшіе его и переданные имъ своимъ преемникамъ, въ обоихъ направленіяхъ, и образовательно-религіозномъ и чисто-національномъ, встрѣтили такое сопротивленіе въ католической Европѣ, сжегшей

Гуса, что для народной жизни, поднятой его идеями, эти вѣка были временемъ страшной борьбы, религіозной и національно-политической: крайняя экзальтація тѣхъ вѣковъ, политическія опасности, окружавшія чеховъ, не дали національнымъ стремленіямъ спокойно утвердиться и стать основаніемъ политическаго развитія Чехіи. Послѣ многоразличныхъ перемѣнъ счастья, удачъ и бѣдствій, энергическихъ взрывовъ и утомленія, въ началѣ XVII столѣтія борьба, поднятая въ концѣ XIV вѣка, окончилась страшнымъ пораженіемъ, подорвавшимъ народную силу — и матеріально, и нравственно. Послѣ печально-знаменитой у чеховъ Бѣлогорской битвы, 1620, Чехія потеряла и внутреннюю политическую автономію, и всѣ результаты своей религіозной борьбы, и свою литературу. Господство іезуитовъ прошло надъ Чехіей какъ моровая язва; тѣ изъ чеховъ, которые не хотѣли принять католичества, должны были покинуть родину, и такимъ образомъ запасъ нравственной силы, образованія, который они съ собой уносили, или пропадалъ, или пошелъ на пользу инымъ народамъ; дома же истреблялись всѣ воспоминанія славнаго прошлаго, и въ ихъ числѣ вся старая литература гуситства. Чехія перестала считаться въ европейскомъ политическомъ мірѣ; это была безгласная провинція имперіи Габсбурговъ.

Состояніе чешскаго народа было таково, что трудно было ждать чего-нибудь, кромѣ все большаго упадка національности, и, наконецъ, обнѣмеченія. Но когда дѣло было, повидимому, безнадежно, именно являются первые признаки возрожденія. Это были времена Іосифа II. Его либеральное настроеніе открывало новую свободу для общественности и литературы, открывало притокъ освободительныхъ идей; съ другой стороны, относительно чеховъ онъ являлся германизаторомъ, и инстинктъ національнаго самосохраненія, поддержанный тогдашней гуманитарной образованностью, въ первый разъ съ XVII вѣка, обратилъ чешское общество къ своему народу, его прошедшему — и положилъ первыя основанія широко-развившемуся литературному возрожденію. Не такъ, какъ у сербовъ или болгаръ, здѣсь старина оказалась ближе, изученіе оказалось легче, потому что, хотя множество старыхъ памятниковъ погибло, а другіе надо было разыскивать, — у чеховъ нашлось не мало людей съ современной ученостью, особенно исторической, которые скоро оріентировались въ забытой старинѣ. Чешскіе ученые прошлаго вѣка, еще не думавшіе о возрожденіи, изслѣдовали старину по историческому интересу, писали по нѣмцамъ свои книги, но предметъ оказывался близокъ ихъ сердцу, и ихъ разсказъ о паденіи старой Чехіи принималъ элегическій

тонъ. Одинъ изъ первыхъ панславянскихъ ученыхъ, знаменитый Добровскій, былъ католическій аббатъ, считалъ исторію своего народа конченнымъ дѣломъ, писалъ свои сочиненія по-латыни и по-нѣмецки (онъ умеръ въ 1829), но тѣмъ не менѣе его собственная дѣятельность послужила одной изъ первыхъ научныхъ опоръ панславянскаго и специально чешскаго возрожденія. Его ученики, личные и не-личные, были уже энтузіастами возрожденія.

По самому положенію вещей, здѣсь, какъ у сербовъ и болгаръ, главные дѣятели возникавшаго народнаго сознанія выходили нерѣдко изъ самой народной массы; высшій слой былъ — обнѣмеченное дворянство, помнившее только по историческимъ свѣдѣніямъ и по своимъ помѣстьямъ и генеалогіямъ о своемъ чешскомъ происхожденіи. Біографія многихъ изъ первыхъ дѣятелей новой чешской литературы начинается рожденіемъ въ бѣдной деревенской семьѣ, продолжается ревностнымъ трудомъ и лишеніями, и завершается иногда по-истинѣ великими заслугами для образованія своего народа. Нѣмцы издавна и до сихъ поръ были опаснѣйшими врагами чешской народности; но нѣмецкая школа много помогла чешскому возрожденію. При первыхъ его проблескахъ, здѣсь, больше чѣмъ у какого-нибудь племени юго-западнаго славянства, нашлось замѣчательныхъ ученыхъ силъ, работавшихъ не только для своей народности, но и для самосознанія цѣлаго славянства. Таковы были Шафарикъ, уже не разъ названный; Палацкій, исторіографъ Чехіи; Юнгманнъ, поэтъ и ученый, составитель громаднаго словаря, каковыхъ въ другихъ мѣстахъ еще не умѣли составить цѣлыя академіи; Ганка; Челяковскій; Эрбенъ и проч. Чешскіе, да и другіе славянскіе патріоты въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, нѣкоторые даже и донинѣ, ради этихъ именъ считали чеховъ передовымъ народомъ славянства, лучшими представителями его національнаго сознанія. Чешское движеніе быстро разрасталось въ различныхъ направленіяхъ: рядомъ съ научными историческими и этнографическими изученіями, развивалась обширная литература беллетристики, популярныхъ и общепользныхъ книгъ; основывался театр; распространялась чешская школа; учреждается чешскій «музей», собраніе національных достопримѣчательностей, древностей, рукописей, книгъ и пр.; для удешевленія книгъ — вопросъ, очень важный для вообще небогатой, особенно народной публики — устроилось своеобразное учрежденіе «Матица» (общество, члены котораго вносятъ ежегодную скромную подписку и затѣмъ получаютъ по дешевой цѣнѣ его изданія), потомъ «Матица для народа»; устроивались разныя об-

щественныя собранія, чтенія, балы, гдѣ долженъ былъ господствовать чешскій языкъ, и т. д. Чешская публика въ состояніи была въ шестидесятыхъ годахъ поддержать изданіе «Научнаго Словника», обширнаго энциклопедическаго словаря, до-сихъ-поръ единственнаго въ своемъ родѣ во всей славянской литературѣ.... Мало-по-малу стала догадливо возвращаться къ народности и чешская аристократія.

Между тѣмъ событія шли. Европейскія волненія 1848 года отразились и на австрійскомъ славянствѣ. Въ Вѣнѣ вспыхнула революція; начиналась хорватско-венгерская борьба; правительство растерялось (хотя, впрочемъ, ему скоро помогли)—былъ моментъ, когда національно-общественные элементы были предоставлены самимъ себѣ, могли и даже были вынуждены высказаться и позаботиться о себѣ сами. Въ Прагѣ собрался славянскій съѣздъ — изъ представителей славянскихъ племенъ въ Австріи, съ однимъ случайнымъ русскимъ посѣтителемъ. Одной изъ главныхъ цѣлей съѣзда было противодѣйствовать нѣмецкимъ революціонерамъ Австріи, которые посылали своихъ депутатовъ во Франкфуртъ и настаивали на нѣмецкомъ единствѣ, причемъ славянамъ также приходилось бы считаться за нѣмцевъ. Чехи возстали противъ этого, и въ это время сказано было знаменитое изреченіе, что «если бы не было Австріи, ее нужно было бы создать». Славянскій съѣздъ высказалъ свою политическую программу въ особомъ манифестѣ къ европейскимъ народамъ, изложилъ свои желанія внутренней свободы и равноправности для народовъ славянскихъ въ Австріи, въ проектѣ адреса къ австрійскому императору. Австрійскіе славяне обнаружили самое мирное и вѣрнопопданное настроеніе, но это не помогло ихъ дѣлу. Какъ у хорватовъ, такъ и у чеховъ вѣрнопопданность не принесла результатовъ, какихъ они, повидимому, были въ правѣ ожидать. Славянскій съѣздъ былъ безъ церемоній закрытъ, а послѣ укрощенія Венгріи и полнаго возстановленія «порядка» — чехамъ пришлось расплачиваться за минутную свободу годами реакціи и оскорбительныхъ притѣсненій.

Съѣздъ только указалъ возможность соглашенія и союза между австрійскимъ славянствомъ, едва намекнувъ на связи съ славянствомъ не-австрійскимъ; но выраженныя имъ стремленія остались на бумагѣ, за ними не было никакой реальной силы, которая могла бы поддержать ихъ, и австрійское правительство приняло ихъ за нуль. Въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣлъ, австрійскіе славяне остались столько же раздѣленными, сколько были: чехи въ разладѣ съ вѣнскимъ рейхсратомъ; хорваты, сербы, словаки и венгерскіе русины въ разладѣ съ мадьярами; галицкіе русины съ поляками,

оставались всё одиноки и безпомощны, и не видно до-сихъ-поръ, чтобы между славянствомъ начиналась какая-нибудь солидарность противъ общихъ опасныхъ враговъ. Съ шестидесятихъ годовъ, при новомъ конституціонномъ устройствѣ Австріи, чехи направили свои усилія на защиту историческихъ правъ «чешской короны»; но до-сихъ-поръ ихъ усилія не имѣли большого успѣха; они устранились изъ имперскаго рейхстага, но дѣла только стали рѣшаться безъ нихъ. Наконецъ, въ нынѣшнемъ дуализмѣ, имперія подѣлена между нѣмцами и венграми. Славянство, гораздо болѣе многочисленное въ Австріи, чѣмъ нѣмцы или венгры, остается подчиненнымъ, — потому что не представляетъ ни компактной массы, ни политическаго единодушія и энергіи.

У поляковъ панславянскія идеи были всего слабѣе. Поляки не участвовали въ славянскомъ возрожденіи, — хотя въ ихъ образованности и литературѣ былъ бы очень желателенъ элементъ, ему соответствующій. Въ ихъ новѣйшей исторіи не было недостатка въ національномъ возбужденіи — напротивъ, господствовало постоянное лихорадочное возбужденіе, но оно направилось опять совсѣмъ иначе, своеобразно и исключительно.

Польская исторія шла особнякомъ и отъ южнаго, и отъ западнаго славянства: съ первымъ у поляковъ не было историческихъ встрѣчъ и не могло быть сочувствія и по религіознымъ отличіямъ; съ западнымъ, именно съ чехами, поляки имѣли историческія связи, но онѣ потомъ забылись; гуситское движеніе имѣло отголоски въ Польшѣ, гдѣ одно время значительно распространялась и реформа, но эти вліянія оказались поверхностными. Съ другой стороны, Польша имѣла особенныя роковыя отношенія къ славяно-русскому востоку — къ кievской Руси, къ Литовско-русскому князевству, къ Малороссіи. Въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ Западный и Южный Край, издавна русскіе по народности, были политически связаны съ Польшей, и хотя равноправность была первоначальнымъ условіемъ соединенія, она кончилась политическимъ господствомъ Польши и польскаго элемента. Здѣсь явился предметъ національнаго спора и потомъ страшной борьбы: Польша ассимилировала высшіе классы, распространяла католицизмъ или унию — но народъ не покорился: за нарушеніе равноправности онъ отплатилъ возстаніемъ и присоединеніемъ Малороссіи къ Москвѣ.

Исторія создала въ Польшѣ національное чувство очень сильное, но и одностороннее и исключительное: «народомъ» считалась въ ней собственно многочисленная шляхта и ея вельмож-

ные предводители. Въ національномъ представленіи поляковъ неизмѣнно присутствуетъ представленіе о «свободѣ» — но въ немъ были странныя преувеличенія и противорѣчія: въ старой Польшѣ свобода принадлежала въ сущности одному классу или даже только вельможной олигархіи, доходя до возможности *liberum veto*, т.-е. безконтрольнаго произвола каждаго, и никакъ не распространялась на народныя массы; съ другой стороны, свобода совмѣщалась съ преслѣдованіемъ диссидентовъ, т.-е. русскаго православнаго населенія. Давняя историческая антипатія Польши и Руси въ теченіи среднихъ вѣковъ ихъ исторіи возрастала больше и больше: первая никакъ не хотѣла признать притязаній Москвы на «Литву» и южную Русь, которыя, конечно, не принадлежали Москвѣ, но которыя тянуло къ ней по единству народности и религіи; средневѣковая Польша стояла выше Москвы по своей образованности, и съ пренебреженіемъ смотрѣла на ея дикость и невѣжество; католицизмъ внушалъ пренебреженіе и ненависть къ «схизмѣ»; наконецъ, все это завершалось разницей нравовъ. Все это падало въ усиленной степени на южный и западный край, русскій и православный; когда боярство этихъ земель ополячилось и приняло католицизмъ, поляки сочли (и обыкновенно до сихъ поръ считаютъ) эти земли — русскія по большинству населенія — польскими землями, составляющими неотъемлемую принадлежность Польши. Со времени перваго раздѣла, въ теченіи цѣлаго столѣтія польскіе патріоты мечтали о новомъ свободномъ бытіи польскаго королевства не иначе какъ въ границахъ 1772 года. Это — одинъ изъ существенныхъ предметовъ «домашняго спора» между Россіей и Польшей.

Съ XVIII вѣка, и еще ранѣе, въ польскомъ обществѣ не было недостатка въ серьезнѣйшихъ голосахъ, предупреждавшихъ объ опасностяхъ того порядка вещей, который казался «польской свободой». Но эти голоса оставались вопіющими въ пустынь. Болѣе справедливыя идеи начинали брать верхъ лишь тогда, когда Польша уже не распоряжалась своей судьбой. Національныя представленія большинства остановились на томъ, на чемъ застало ихъ паденіе государственной независимости. Обстоятельства помогали тому, что онѣ не принимали другого направленія, болѣе близкаго къ исторической, политической и національной истинѣ, и болѣе полезнаго для польскихъ интересовъ. Когда произошло первый раздѣлъ и къ Россіи присоединены были области, исторически русскія, съ кореннымъ населеніемъ — въ огромномъ большинствѣ русскимъ, правительство временъ Екатерины II не думало, однако, взглянуть на нихъ съ этой точки зрѣнія, и русское населеніе

западнаго края осталось, при русской государственной власти, подъ польскимъ господствомъ помѣщичьимъ, общественнымъ, религиознымъ и образовательнымъ. Край считался польскимъ и при императорѣ Александрѣ I. Основаніе царства Польскаго не удовлетворяло поляковъ, и одной изъ главнѣйшихъ причинъ недовольства было отдѣленіе отъ него западныхъ губерній, которыя они считали также Польшей: это обстоятельство постоянно волновало польскихъ патріотовъ и заявилося въ возстаніи 1830—31 года. Въ самомъ дѣлѣ, происходило странное явленіе: въ русскомъ государствѣ польскій элементъ западнаго края вполнѣ господствовалъ надъ массой мѣстнаго русскаго населенія. Власть не противорѣчила этому господству въ отношеніяхъ соціальныхъ, и подавляла только чисто политическія движенія. Само русское общество только съ возстанія 1863 года вспомнило, что это край русскій... Понятно поэтому, что полякамъ никогда не приходила мысль о дѣйствительномъ положеніи вещей въ этомъ край; говоря о западномъ край, они продолжали считать присоединеніе его къ Россіи споліаціей «польской» земли. Эта двоякая, странная и противорѣчивая постановка польскаго элемента въ русскому, сложившаяся исторически, не могла, разумѣется, способствовать примиренію русско-польскихъ отношеній. Дѣло могло разъясниться только подъемомъ самого русскаго элемента въ край, вмѣшательствомъ общественной дѣятельности изъ русскихъ центровъ, свободнымъ расчетомъ и размежеваніемъ двухъ обществъ и національностей; но въ тѣ годы ни то, ни другое не было возможно. Политическіе предметы были абсолютно недоступны для русскаго общества; оно не имѣло никакой возможности инициативы, — и вопросъ, чрезвычайно важный для всей цѣлости междуславянскихъ отношеній, оставался внѣ инициативы самого общества и рѣшался только административнымъ порядкомъ.

Отсутствіе русскаго общественнаго вмѣшательства въ отношенія западнаго и юго-западнаго края (тогда, правда, и въ русскомъ обществѣ поднять былъ вопросъ о народности, но касаться его можно было только въ мѣру), и въ то же время несомнѣнно польскія качества высшаго класса въ западномъ край; ревностныя заботы, принятія тогда поляками въ дѣлѣ школы и образованія (дѣятельность Оаддея Чадекаго и др.) и т. п., заставляли уже русскихъ смотрѣть на этотъ край какъ на польскій... Слѣдуетъ, здѣсь не было ни взаимнаго пониманія двухъ родственныхъ племенъ, ни равноправности (здѣсь въ особенности странно бушавшейся) и ничего «панславянскаго».

Другое обстоятельство еще усложняло это между-племенное

недоразумѣніе. Съ конца прошлаго вѣка, въ Польшѣ, уже падающей, умы заняты были комбинаціями ея возстановленія; трудно было достигнуть его открытой борьбой, собственными силами; помощи ни откуда не предвидѣлось, когда у поляковъ мелькнула надежда, что эту помощь принесетъ имъ Наполеонъ. Надежда разрослась потомъ въ увѣренность; поляки ревностно служили подъ знаменами Наполеона, ожидая отъ него возстановленія своей родины, и не перестали вѣрить въ него даже тогда, когда онъ видимо лишь эксплуатировалъ и обманывалъ, вѣрили и тогда, когда онъ палъ. Они привыкли соединять имя Польши съ именемъ Франціи; послѣ неудачи возстанія въ 1831, польская эмиграція направилась особенно во Францію; извѣстная поддержка, которую нашла здѣсь эмиграція, еще больше утверждала поляковъ въ надеждѣ, что изъ Франціи должно придти освобожденіе. Возстановленіе имперіи снова подняло эти мечты... Казалось бы, что общественныя идеи обѣихъ странъ были слишкомъ несходны, чтобы можно было представить между ними дѣйствительную солидарность: внутренний характеръ французскаго общества, свобода философской мысли, науки и литературы, смѣлая критика старыхъ идей и формъ не вазались съ упорнымъ шляхетскимъ консерватизмомъ и католичествомъ общества польскаго. Но вопросъ обыкновенно и не доходилъ до этихъ подробностей: одна сторона умалчивала о нихъ, другая—ничего не знала; католицизмъ поляковъ во Франціи былъ дѣйствительнымъ, или условнымъ правомъ на участіе; наполеоновская легенда была тогда (въ 30-хъ и 40-хъ годахъ) во Франціи очень популярна, и обѣ стороны сходились на лозунгъ свободы для угнетеннаго народа. Въ этомъ настроеніи поляки, естественно, не были расположены разискивать славянское родство; они предпочитали мнимое духовное родство съ Франціей, и на нее возлагали свои упованія. Отсюда возникали странныя теоріи, какъ теорія Духинскаго, имѣвшая успѣхъ только у французовъ и поляковъ, и та форма панславизма, о которой выше упоминалось—гдѣ Польша, во главѣ западнаго славянства, должна была стать оплотомъ для Европы противъ Россіи. Двѣ теоріи были параллельны, и дополняли одна другую. Ученій Духинскаго (какъ извѣстно, оно вовсе не было его первымъ изобрѣтеніемъ и высказывалось раньше) говорило, что русскіе—племя вовсе не славянское, а финно-монгольское, туранское, «славянскою примѣсью, что они злоупотребляютъ славянскимъ именемъ, присвоивая его себѣ и т. д.,—ученіе, происшедшее отъ сти изъ незнанія, а главное—изъ политическаго раздраженія.

Факты не подтверждали ни исторической теоріи, ни этой

формы панславизма. Научная филологія и этнографія не считаютъ даже нужнымъ упоминать о теоріи Духинскаго. Отношенія Польши стали разясняться, и польскія дѣла находили, наконецъ, строгихъ критиковъ между самими французами (назовемъ Прудона). Событія показывали, что Европа чувствуетъ себя достаточно сильной противъ Россіи и безъ того оплота, какой, предполагалось, могла доставить Польша, и дѣйствительно—во время послѣдняго восстанія Европа не сдѣлала шагу въ ея пользу.

Во всемъ этомъ, какъ видимъ, нѣтъ ничего «панславянскаго»: никакой славянской солидарности, дѣйствительно, и нельзя построить на такомъ странномъ основаніи, какъ доставленіе Европѣ оплота противъ Россіи—потому, что именно само западное славянство стоитъ беззащитнымъ передъ Европой, и — по всѣмъ вѣроятіямъ—рискуетъ гибелью, если не найдетъ дѣйствительной, серьезной поддержки Россіи. Есть довольно фактовъ, которые опредѣляютъ положеніе славянства именно въ этомъ свѣтѣ.

Отдѣльность польскихъ тенденцій отъ славянскаго міра обнаружилась и въ теченіи послѣдней знаменательной борьбы. Отдадимъ должную честь и славу тѣмъ польскимъ людямъ, которые въ рядахъ русскаго войска положили свой трудъ и жизнь на помощь балканскому славянству, но трудно не видѣть, что большинство польское, у насъ и за границей, осталось безучастнымъ или выжидающимъ зрителемъ этой борьбы.

Упрекать въ этомъ поляковъ очень мудрено; ихъ сдержанность имѣетъ свои историческія основанія. Можно сожалѣть объ этомъ положеніи вещей, надо желать, чтобъ оно измѣнилось, но, съ ихъ точки зрѣнія, настоящее пока еще не даетъ возможности другого взгляда. Мы не сомнѣваемся, что придетъ время, когда ходъ исторіи объяснитъ взаимныя отношенія, примиритъ вражду и положитъ основаніе иному порядку вещей. Могутъ, во-первыхъ, измѣниться общественныя отношенія польской народности въ русской Польшѣ. Система обрусѣнія, выставленная въ шестидесятихъ годахъ, какъ увидимъ далѣе, не внушала у насъ сочувствія даже писателямъ, самымъ требовательнымъ въ русскіхъ національныхъ вопросахъ (назовемъ Погодина, Самарина, Гильфердинга). Устраненіе этой системы, введеніе въ Польшу большаго простора для общественности, удовлетворяющаго потребностямъ національнаго чувства, расширеніе общественной свободы и самостоятельности въ самой русской жизни, создадутъ ту почву, на которой два общества могутъ вступить въ дѣйствительную солидарность, одинаково полезную для обѣихъ сторонъ. У насъ,

какъ мы сказали, такой взглядъ высказывался людьми самой крайней національной школы — славянофилами, и онъ же раздѣляется людьми совсѣмъ иныхъ понятій. Съ другой стороны, самими полякамъ вѣроятно больше, чѣмъ теперь, выяснится общее положеніе ихъ національнаго вопроса: для ихъ народности гораздо опаснѣе не обрусѣніе, а обнѣмеченіе, и это сознаніе можетъ вѣрнѣе направить ихъ національныя усилія. Безпристрастная оцѣнка фактовъ, вѣроятно, объяснить имъ также, что, защищая свое національное право, они должны уважать и чужое. Отношеніе польскаго элемента къ западно-русскому и южно-русскому въ Россіи, къ русинскому въ Галиціи есть именно пунктъ, гдѣ поляки грѣшатъ тѣмъ самымъ, въ чемъ винять русскихъ. На необходимость измѣнить это отношеніе можетъ указать даже расчетъ прагматической политики, если ужъ не теоретическое разсужденіе и историческая наука. Въ западно- и южно-русскомъ племени поляки видѣли почву, легко поддающуюся ихъ вліянію, и причислили его къ своему владѣнію, не желая признать, что это было, однако, племя совсѣмъ отличное, и считая за простой хлопскій бунтъ возстаніе народа, мстившаго за нарушеніе своего національнаго права. Историческая наука могла бы побудить взглянуть съ болѣе критикой и на свое прошедшее. Въ тяжелые періоды національныхъ испытаній исторіи, какъ и цѣлое общество, ведѣ и всегда склонны подъ вліяніемъ чувства переносить свои патріотическіе идеалы въ прошедшее, поэтизировать и прикрашивать его. Такъ говорилось въ польской литературѣ о добрыхъ старыхъ временахъ, о свободѣ, о блестящей веселой жизни старой Польши, причемъ забывалось, что эти блескъ и свобода принадлежали, собственно говоря, одному олигархическому магнатуству, что веселая жизнь шляхты покупалась угнетеніемъ и нищетою массъ, что общее положеніе вещей было — страшная безурядица, которая, наконецъ, открыла въ Польшу свободный путь иноземному господству.

Эти и подобныя ошибки и самообольщенія не могли не давать цѣлому національному сознанію ложнаго, и вреднаго для него самого, направленія, — которое, между прочимъ, не понятно у насъ, привыкшихъ, при всей общественной слабости нашей литературы, къ гораздо болѣе смѣлой критикѣ прошедшаго и настоящаго. Но есть данныя, указывающія въ польской литературѣ возможность поворота, который мы считали бы чрезвычайно благоприятнымъ и который, безъ сомнѣнія, встрѣтилъ бы большія сочувствія — поворота къ настоящей критикѣ и въ исторіи, и въ

современности: онъ былъ бы и задаткомъ общеславянской солидарности.

Итакъ, польская литература менѣе всѣхъ другихъ обнаружила интереса къ славянскому возрожденію, — отвлеченная своими заботами и тревогами въ иную сторону. Но въ то самое время, въ первой половинѣ столѣтія, въ ней явились, однако, замѣчательные ученые, стоявшіе на этой дорогѣ: таковы были, напр., Суровецкій, Доленга Ходаковский, Кухарскій, въ особенности Линде (знаменитое имя въ панславянской литературѣ), Мацѣевскій и др. Въ польской литературѣ относительно слабѣе и по объему, и по научности обработки отдѣлъ этнографіи, который въ другихъ славянскихъ литературахъ занималъ и занимает такое важное мѣсто. Въ послѣднее время въ этомъ отдѣлѣ появляются труды съ большими научными достоинствами. Изученія историческія издавна велись въ польской литературѣ въ обширномъ размѣрѣ; въ послѣдніе годы началась и здѣсь реакція противъ условныхъ историческихъ понятій и стремленіе поставить на ихъ мѣсто здравую историческую критику и устранить вредное вліяніе историческихъ заблужденій и фикцій (назовемъ сочиненія краковскаго профессора Шуйскаго). Въ новѣйшей польской литературѣ и публицистикѣ вообще начинается движеніе, совсѣмъ новое по своей тенденціи — внести начала новѣйшей европейской мысли въ общественное міровоззрѣніе, доселѣ, слажемъ прямо, подавленное фиктивными историческими понятіями и католической узкостью и нетерпимостью.

III.

Общій характеръ и источники славянскаго возрожденія.

Мы скажемъ далѣе о развитіи русскаго панславизма. Мы не упоминали и о томъ, какъ обнаруживалось возрожденіе у мелкихъ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, напр., словинцевъ или лужичанъ; какъ потребность заявить народную личность вызывала литературныя попытки, болѣе или менѣе обширныя, въ частныхъ племенныхъ отдѣлахъ, не хотѣвшихъ довольствоваться литературой большаго, имъ непосредственно близкаго племени — напр. у словаковъ, которые не довольствовались чешской литературой, у южно-русовъ, которые не довольствовались одной литературой великорусской. Общій характеръ явленія остается и здѣсь тотъ же — стремленіе выразить свою народную особность.

Разсматривая это явленіе въ цѣломъ, прежде всего нельзя не увидѣть, что національное возрожденіе хотя начиналось у славянскихъ племенъ почти въ одно время, именно со второй половины XVIII столѣтія, но у каждаго возникало отдѣльно, безъ какой-нибудь связи съ другимъ племенемъ, у каждаго по своимъ особымъ причинамъ, и съ особымъ характеромъ. Болгары не имѣли понятія о томъ, что дѣлается у чеховъ или словинцевъ; чехи не знали, что дѣлается у сербовъ и болгаръ. Мало того, инныя племена едва знали о существованіи другъ друга: о болгаряхъ даже величайшій въ свое время знатокъ славинства, Шафарикъ, думалъ, что ихъ не болѣе шести-сотъ тысячъ, тогда какъ ихъ считается до шести милліоновъ, или даже болѣе; первыя свѣдѣнія о ново-болгарскомъ языкѣ являются въ славянской наукѣ только въ двадцатыхъ годахъ; сербы въ прошломъ столѣтіи переселились въ Россію массою до ста тысячъ, но ихъ появленіе не возбудило въ тогдашнемъ обществѣ ни малѣйшаго интереса, такъ что даже прямая встрѣча племенъ не внушала мысли о племенномъ единствѣ и той нравственной связи, какую стали выводить изъ него впослѣдствіи, и т. д. Были отдѣльные случаи, гдѣ это единство замѣчалось и даже производило извѣстное впечатлѣніе; отдѣльные ученые люди знали о родственныхъ племенахъ, но это знаніе и интересъ не проникали въ массу общества. Знали, на западѣ и особенно на югѣ, довольно твердо одно — существованіе сильнаго русскаго государства, отъ котораго православное южное славянство издавна получало нѣвогую церковную помощь и отъ котораго, со временъ русско-турецкихъ войнъ, стало надѣяться своего освобожденія.

Итакъ, каждое изъ славянскихъ племенъ, отдѣльно отъ другихъ, собственными силами и на свой страхъ приходило къ національному сознанію, и работало для его укрѣпленія. Но главные источники движенія были сходны: униженіе народности, доходя до своего предѣла, наполняло лучшіе умы тяжелымъ чувствомъ, горячимъ желаніемъ помочь соотечественникамъ, вывести ихъ изъ рабскаго состоянія физическаго или нравственнаго. Для этого представлялось два главные пути: во-первыхъ, надо было ободрить ихъ, напомнить, что у ихъ народа бывали свои славныя времена, было могущество, просвѣщеніе, богатство, уваженіе сосѣдей, были великіе люди, цари, полководцы, писатели, святые. Обращеніе къ старинѣ вездѣ было обычной чертой и средствомъ національнаго возрожденія. Во-вторыхъ, надо было дать народу образованіе: когда выстѣ съ порваннымъ преданіемъ старой политической жизни, порывалось и преданіе литературное,

необходимо было начинать литературу вновь. Старая литература, еслибъ и не была забыта, не могла служить для потребностей новаго времени—она могла дать лишь историческія опоры: народный языкъ, развиваясь въ книги, такъ удалился отъ прежней книжной рѣчи, что послѣдняя становилась совсѣмъ устарѣвшей, новую литературу надо было основывать на живомъ народномъ языкѣ; иначе она была бы непонятна для народа. Отсюда то вновь возникшее множество крупныхъ и мелкихъ литературныхъ языковъ, которое привело, наконецъ, въ недоумѣніе друзей славянскаго единства.

Конецъ XVIII вѣка еще не стремился къ осуществленію національнаго принципа. Первые славянскіе патріоты, начинатели возрожденія, думали гораздо больше только о просвѣщеніи народа съ общечеловѣческой точки зрѣнія, какъ Досигеѣй Обрадовичъ; но мало-по-малу патріотическій интересъ перешелъ на національную точку зрѣнія. Историческія воспоминанія вызывали чувство національной гордости; событія, какъ сербское освобожденіе, ставили прямо вопросъ о національной цѣльности и независимости; наполеоновскія войны, перетравившія всю среднюю Европу, заставили думать о новыхъ національно-политическихъ комбинаціяхъ; шумная и блестящая роль Россіи въ событіяхъ 1812—1814 годовъ наполняла славянство гордостью за единоплеменный народъ, и мысль о томъ, что славянству еще предстоитъ широкая историческая судьба, все больше укрѣпляется съ тѣхъ поръ въ умахъ славянскихъ племенъ, соединяясь съ надеждами на Россію какъ на предводителя въ этомъ историческомъ будущемъ.

Съ первой четверти столѣтія въ процессъ развитія мысли о всеславянскомъ цѣломъ входитъ еще одинъ сильный элементъ—научное изслѣдованіе. Собственно говоря, оно впервые дало вопросу о всеславянствѣ нѣкоторую опредѣленность. Изслѣдованіе шло въ особенности на почвѣ исторіи, языкознанія и этнографіи. Исторія каждаго отдѣльнаго племени восходила къ одной и той же славянской древности, гдѣ славянство представлялось единымъ, еще не раздѣлившимся цѣлымъ; такимъ образомъ, всѣ нынѣшнія племена имѣли одну колыбель, были дѣтьми одной семьи. Филологія, занявшись впервые научнымъ образомъ славянскими нарѣчіями, открыла между ними тѣсное родство, указывавшее на тотъ же общій источникъ, открыла, что въ древнюю пору славянской письменности, въ IX—X столѣтія, нарѣчія были еще такъ близки одно къ другому, что, вѣроятно, были взаимно понятны. Когда къ славянской филологіи примѣнены были приемы

сравнительнаго языкознанія, родство нарѣчій и, слѣдовательно, племень обнаружилось еще ярче, и ученые пытались даже по даннымъ языка реставрировать общеславянскую бытовую старину — общее преданіе всѣхъ существующихъ теперь славянскихъ племень. Еще болѣе замѣчательныя параллели оказались въ изученіяхъ этнографическихъ, въ сравненіи мифическихъ преданій и повѣрій, народныхъ обычаевъ, пѣсенъ, сказокъ и вообще произведеній народной поэзіи: племена, раздѣленные далекими пространствами и долгими вѣками исторіи, при всѣхъ случайностяхъ чужихъ вліяній, при всѣхъ измѣненіяхъ своего политическаго быта, сохраняли въ своихъ преданіяхъ и народной поэзіи элементы старины, которые для современнаго славянства давали общую нить народнаго преданія и въ которыхъ, безъ сомнѣнія, заключается извѣстное основаніе для взаимнаго пониманія и сближенія въ настоящее время. Такова въ особенности общность племенныхъ преданій у народовъ восточнаго славянскаго отдѣла — русскаго, сербскаго и болгарскаго. (Извѣстно, съ какою пріятной неожиданностью русскіе простые люди и солдаты въ послѣднія войны встрѣчали въ сербахъ и болгаряхъ родственныя народныя черты, какъ въ южно-славянскомъ бытѣ и характерѣ оказалось много общаго съ русскимъ и особливо малорусскимъ). Начало изученій этой старины славянства (въ десятихъ, двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ) совпало съ общеевропейскимъ романтизмомъ, мечтавшимъ о среднихъ вѣкахъ, о поэтической прелести патріархальнаго быта, о героическомъ періодѣ народовъ, и совпало также съ первыми научными изслѣдованіями этого быта, съ дѣятельностью Якова Гримма и его школы. Ученый романтизмъ не меньше романтизма литературнаго восторгался всѣмъ простымъ, первобытнымъ, народнымъ, и такой же восторгъ возбуждала славянская поэтическая старина, въ которой притомъ нашлись столь поэтическія произведенія, какъ чешскій «Судъ Любуши» и Краледворская рукопись, какъ «Слово о Полку Игоревѣ», и въ особенности, какъ открытая Вукомъ ученому міру богатая, крайне оригинальная народная эпоса и лирика сербовъ.

Упомянутыя выше труды Шафарика имѣли поэтому обширное научное, и вмѣстѣ національно-нравственное значеніе. Они собрали факты славянскаго прошедшаго единства, высчитали современное славянство какъ одно племя, дали общее обзорѣніе всѣхъ славянскихъ литературъ. Это послужило фундаментомъ и исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Съ тѣхъ поръ славянскій филологъ, археологъ, этнографъ искалъ своего матеріала не въ однихъ границахъ своего племени, но у всѣхъ род-

ственныхъ племень — только этимъ способомъ онъ надѣялся достигнуть полноты изслѣдованія. Таковы филологическіе труды самого Шафарика, Востокова, Шлейхера, Миклошича; мнѳологическія и этнографическія изысканія Срезневскаго, Гануша, Эрбена, Штура, Котляревскаго, Аванасьева, Буслаева; таковы изученія древняго славянскаго права у Палацкаго, Мацѣевскаго, Богинича и т. д. и т. д. Прежде чѣмъ сознаніе единства могло выразиться въ образовательной и общественно-политической солидарности современнаго славянства, оно было приобрѣтено въ области изученія древности. Поэтому, справедливо можно было сказать, что паиславизмъ прежде всего былъ археологическимъ открытіемъ. Вопросъ долго былъ въ этомъ состояніи; у нѣкоторыхъ изъ нашихъ славистовъ онъ такъ и остался на этой ступени, — и политическое значеніе славянскаго вопроса до сихъ поръ есть предметъ порядочно темный, напр., и для большинства тѣхъ, кто у насъ въ послѣдніе годы проповѣдывалъ о немъ съ наибольшимъ азартомъ...

Но дѣло не остановилось на одной археологій. Какъ въ европейскомъ романтизмѣ то, что казалось литературной модой, произволомъ школы, было на дѣлѣ сложнымъ процессомъ общественной идеи, съ одной стороны — консервативнымъ, а съ другой — демократическимъ, такъ въ славянскихъ литературахъ увлеченіе народной стариной и народнымъ современнымъ бытомъ у однихъ осталось платонической фантазіей, политически индифферентной или консервативной, но у другихъ развивалось въ болѣе глубокое сочувствіе къ народному быту, и къ народу. Не говоря о внѣшнихъ политическихъ возбужденіяхъ, каковымъ былъ, напр., 1848 годъ, народная идея развивалась и сама собою, по логическому требованію. Чистый идеализмъ, или идеальничанье не могли удержаться долго; сочувствія къ народному, племенному, должны были, наконецъ, придти къ постановкѣ реальнаго вопроса: что же нужно для того, чтобы то содержаніе, каковымъ увлекались въ сферѣ народной мысли и поэзій, воплотилось въ самой жизни, чтобы славянскіе народы, къ которымъ питали столько сочувствій, приобрѣли въ общечеловѣческой жизни значеніе, какого заслуживали? И платоническое увлеченіе народностью становилось политическимъ стремленіемъ.

Оно обнаруживалось и въ желаніи достигнуть свободы внутренней и свободы отъ пріянго иноплеменнаго ига. Внутренней свободы, — кромѣ патриархальной Черногоріи, — не имѣло ни одно изъ славянскихъ обществъ; иноплеменное иго, въ варварской азіатской формѣ, тяготѣло надъ цѣлой большой областью серб-

скаго племени, надъ всѣмъ племенемъ болгарскимъ; въ другой формѣ доселѣ несутъ его и остальные австрійскіе и другіе славяне,—хотя, впрочемъ, въ Австріи славянство могло пользоваться иногда конституціонными правами, которыя приносили свою пользу его политическому развитію.

Политическая постановка славянскаго вопроса сильно подвинула славянское самосознаніе, но отсюда было и есть еще очень далеко до осуществленія «панславизма». Въ прежнее время и западнымъ публицистамъ, и нашимъ славянскимъ патріотамъ не представлялось черезъ-чуръ труднымъ слить въ русскомъ морѣ славянскіе ручьи; теперь, когда политическія отношенія выясняются или ставятся прямо, представить это «слияніе» труднѣе чѣмъ когда-нибудь. Для этого, прежде всего, слишкомъ мало физической возможности по общему положенію европейскихъ дѣлъ; къ этому не можетъ стремиться, и, кажется, не имѣть охоты, сама Россія, въ ея современномъ внутреннемъ состояніи; наконецъ, славянскія племена, при всемъ тяготѣніи нѣкоторыхъ изъ нихъ къ Россіи, повидимому, нисколько не расположены жертвовать своей особенностью,—что грозило бы имъ при слияніи, — и, напротивъ, всего болѣе проникнуты ближайшей заботой о развитіи и объединеніи своихъ частныхъ народностей, и въ этомъ видятъ ручательство за будущее... Однимъ словомъ, «панславизмъ» остается вопросомъ.

Такимъ образомъ, панславизмъ по своему происхожденію былъ естественнымъ слѣдствіемъ національнаго возрожденія славянскихъ племенъ съ конца прошлаго столѣтія. Его политическая будущность темна; настоящее неопредѣленно, какъ неустановившееся броженіе національной стихіи въ племенахъ, хотя и родственныхъ, но очень различныхъ по исторической судьбѣ и современному быту; но какъ стремленіе славянства создать себѣ политическое существованіе, скрѣпить между-племенные отношенія въ прочную нравственную и политическую солидарность,—панславизмъ имѣетъ за собой полное право. Это — то же право, какое имѣла за себя борьба за національное единство у нѣмцевъ или итальянцевъ. Его источникъ — тотъ же глубокой національный инстинктъ и стремленіе къ народно-общественной свободѣ. Его первыя средства лежатъ въ національномъ преданіи и въ освободительныхъ идеяхъ европейской образованности, которая непосредственно вдохновляла многихъ дѣятелей славянскаго возрожденія съ конца прошлаго вѣка. Цѣли истиннаго панславизма

— освобожденіе цѣлыхъ племенъ, влечившихъ полу-сознательное существованіе подъ всякаго рода физическимъ и нравственнымъ угнетеніемъ, и въ особенности освобожденіе племенъ южно-славянскихъ,—какъ бы затѣмъ ни установились формы ихъ политическаго существованія,—и прежде всего ихъ солидарность національно-образовательная, которая указывается племенными и историческими связями.

Наши сочувствія къ славянскому движенію могутъ, такимъ образомъ, оправдываться не только племенными инстинктами, первичными связями, но и сочувствіемъ къ человѣчному характеру цѣлаго движенія: съ этой стороны, при всей страшной политической враждѣ, какую возбуждаетъ славянское движеніе въ Европѣ по разнымъ причинамъ (главное, по враждѣ къ Россіи, которую, какъ предполагается, это движеніе должно усиливать), оно привлекаетъ къ себѣ и въ Европѣ самыя теплыя симпатіи между лучшими безпристрастными умами, которые взяли на себя трудъ познакомиться съ историческимъ явленіемъ, происходящимъ въ славянскомъ мірѣ.

Но чтобы наши симпатіи приносили всю свою практическую пользу, не довольно самоуслаждаться нашими хорошими чувствами,—надо понять положеніе вещей, меньше говорить о нашихъ «миссіяхъ» и составлять широкіе планы, а больше дѣлать. Какъ слабо поставлена наша славянская «миссія», видно уже изъ того, что со временъ Рюрика интересъ къ славянству обнаружился въ нашемъ обществѣ съ нѣкоторой силой только въ послѣдніе четыре года; и какъ неровно шелъ этотъ интересъ, какъ мало имѣетъ онъ существенной опоры въ общественной жизни, сколько обнаружилось незнанія нашихъ «братьевъ», сколько сдѣлано изъ-за этого частныхъ и общихъ ошибокъ,—это извѣстно. Скажутъ, что и славяне знаютъ насъ мало; да, но это плохое оправданіе для насъ, потому что мы и «старшіе» братья, и «болѣе сильныя руки».

Далѣе обратимся къ другимъ сторонамъ и къ современному положенію панславизма.

А. Пыпинъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНГРЕССЪ

ВЪ

ПАРИЖѢ

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Окончаніе.

VIII.

Описывая значеніе литературнаго конгресса и излагая подлежащія ему вопросы, въ первомъ письмѣ я отвелъ наиболѣе мѣста вопросу о международныхъ соглашеніяхъ относительно права перевода. Такъ точно и въ настоящей, послѣдней статьѣ о конгрессѣ, я займусь преимущественно однимъ вопросомъ, а именно вопросомъ о сущности литературной собственности. При этомъ я, впрочемъ, останусь въ рамкахъ сужденій конгресса, излагая и разбирая собственно тѣ мнѣнія, какія были на немъ заявлены. Иначе пришлось бы сдѣлать очеркъ законодательства по этому предмету въ разныхъ странахъ, привести наши конвенціи съ Франціей и Бельгіей, взгляды главнѣйшихъ писателей, однимъ словомъ—писать цѣлый трактатъ. Я же, по необходимости, долженъ предполагать все это извѣстнымъ и оставаться въ граняхъ работъ конгресса.

Первая коммиссія литературнаго конгресса, та, которой поручено было разсмотрѣніе существа литературной собственности, засѣдала гораздо усерднѣе второй, разсуждавшей о международныхъ конвенціяхъ. Въ то время, какъ вторая коммиссія только приступила къ преніямъ по предложенію Селлье (уравненіе иностранныхъ авторовъ

во всѣхъ правахъ съ авторами національными), первая коммиссія уже представила общему собранію свой докладъ. Это было въ шестомъ общемъ засѣданіи конгресса.

Докладъ ея былъ составленъ г. Донье (Dognée), бельгийцомъ, и прочтенъ докладчикомъ въ видѣ рѣчи. Отъ доклада г. Селлье рѣчь докладчика первой коммиссіи и отличалась именно тѣмъ, что была рѣчью съ литературной отдѣлкой, а не чисто-фактической запиской. Казалось бы, въ докладѣ краснорѣчіе должно было уступать мѣсто дѣловитости, хотя бы даже сухой. Но г. Донье увлекся ролью оратора. Напримѣръ, говоря о естественномъ правѣ на продукты умственной работы, онъ выражался такъ: „люди сознаютъ его, народы его понимаютъ, законодатели его допускаютъ“. Совершенно—*senatus hoc vidit, populus intelligit* и проч. Изложу докладъ г. Донье, какъ прежде изложилъ записку г. Селлье, то-есть представлю связь тѣхъ разсужденій, посредствомъ которыхъ докладчикъ первой коммиссіи объяснялъ и защищалъ постановленіе ея большинства, что право литературной собственности есть право естественное и что собственность эта должна быть вѣчная (*perpétuel*).

Въ разсужденіяхъ первой коммиссіи были противопоставлены одна другой двѣ тезы, различно опредѣляющія свойство авторскаго права: согласно одной, это право предоставляется автору обществомъ, закономъ, въ видѣ вознагражденія за его трудъ и услугу; согласно другой — право автора на его произведеніе есть право естественное, однородное съ общимъ имущественнымъ правомъ, право, предшествующее самому закону, который только его выражаетъ. И въ настоящее время, въ средѣ самой коммиссіи, нашлись еще защитники первой изъ этихъ тезъ. Правда, они уже не отрицали, что авторъ является творцомъ своихъ произведеній, не отрицали этого на такомъ основаніи, что онъ самъ воспользовался трудами своихъ предшественниковъ. Но мнѣніе, которое выражается этой тезой, предполагаетъ, что авторъ побуждается къ предпріятію своего труда единственно общимъ интересомъ; что свои личные интересы онъ приносить въ жертву общему дѣлу и что поэтому образованный міръ обязанъ дать ему вознагражденіе. Оно ему и предоставляется обществомъ въ видѣ привилегіи, на извѣстное время, на время его жизни и даже на нѣкоторый срокъ послѣ его смерти — его наслѣдникамъ, въ видѣ взиманія барыша съ права изданія, копій и т. д.

Но время ушло впередъ, идеи прогрессировали—такъ разсуждалось въ докладѣ—и та эпоха, когда писатели довольствовались униженнымъ ходатайствомъ о покровительственной помощи, осталась позади насъ. Теперь они уже не довольствуются даже требованіемъ при-

вилегіи со стороны закона, а прямо требуютъ признанія своей собственности. Въ наше время стало очевидно, что всякая собственность основана на признаніи правъ работника (?). „Это исключительное право единичнаго лица на частицу общаго достоянія человѣчества оправдывается, относительно предметовъ вещественныхъ, только тѣмъ, что человѣкъ этотъ, или его предокъ, превратилъ, въ потѣ лица, участокъ бесплодной почвы въ плодотворное поле, нестройныя матеріалы—въ полезную постройку. Въ видѣ награды за эту услугу, оказанную человѣчеству, общественныя соглашенія, съ самаго начала цивилизаціи, защищаютъ собственника“. Человѣкъ, будучи исключительнымъ собственникомъ, имѣетъ право обвинять свое владѣніе на всякій вещественный или нравственный эквивалентъ, который онъ желаетъ приобрѣсти. На этомъ устройствѣ основана жизнь народовъ и бытъ семейный. „Признаніе собственности, право распоряжаться ею по усмотрѣнію—это только виды признанія (consécration) того естественнаго права, которое беретъ свое начало въ трудѣ“. Наслѣдственность этого права благопріятствуетъ сбереженію и общему богатству; любовь къ дѣтямъ является при этомъ такимъ частнымъ стимуломъ, который дѣйствуетъ для общаго блага страны и всего человѣчества.

Но всѣ эти соображенія общественнаго интереса, ратующія въ пользу собственности вещественной, развѣ не говорятъ также въ пользу собственности литературной? Развѣ трудъ умственный долженъ считаться ниже работы рукъ?

Таковы были теоретическія основы доклада. Онѣ представляли очевидную натяжку. Съ цѣлю приравнять собственность литературную къ собственности недвижимой, авторъ ставилъ весьма спорное положеніе, что недвижимая собственность является результатомъ труда. Положеніе это хотя и старо, тѣмъ не менѣе представляется совершенно произвольнымъ. Право „перваго занявшаго“ вовсе не истекало изъ понятія о личномъ трудѣ перваго владѣльца. Во-первыхъ, теперь достаточно выяснено, что первой формой владѣнія землею у всѣхъ народовъ было владѣніе общинное, а не единичное. Въ періодъ кочевой, пастушеской жизни общинную собственность составлялъ выгонъ, въ періодъ первоначальной земледѣльческой культуры—поля, лѣсъ и выгонъ; даже въ періодъ дробленія земли на единичные потомственные участки—лѣсъ и выгонъ долго еще представляли владѣніе общее. Во-вторыхъ, „первое занятіе“, въ смыслѣ общинной или единичной разработки земли, если и представляло собой завладѣніе, основанное на трудѣ, то этотъ фактъ совершенно исчезаетъ передъ рядомъ послѣдовавшихъ затѣмъ насильственныхъ завладѣній. Во всякомъ случаѣ, во времена историческія земельное владѣніе является скорѣе

результатомъ силы, а не разработки земли, не труда. И самъ докладчикъ какъ-бы нечаянно призналъ это, когда ему понадобилось для дальнѣйшаго разсужденія. Основать сперва всякую собственность на трудѣ, для того, чтобы удобнѣе приравнять собственность литературную ко всякой иной, докладчикъ не удовольствовался, однако, такимъ приравненіемъ и на слѣдующей страницѣ пошелъ еще дальше: для бѣльшей силы аргументаціи, онъ вдругъ поставилъ литературную собственность какъ-бы выше всякой иной. Для этого, онъ самъ напомнилъ, что недвижимая собственность не всегда являлась результатомъ труда, но порою „устанавливалась и насильственнымъ захватомъ, злоупотребленіемъ силы“, между тѣмъ какъ собственность литературная истекаетъ исключительно изъ „естественнаго права труда творящаго мысль“. Стало быть, именно желая доказать тождественность начала литературной собственности и всякой иной, приходится признавать существенное между ними различіе. Чѣмъ законнѣе будетъ намъ представляться право автора на его творенія, какъ результатъ его *труда*, тѣмъ менѣе законной, въ силу этого опредѣленія, будетъ намъ представляться всякая иная собственность, не основанная на трудѣ, на творествѣ. Наоборотъ, чѣмъ бѣльшее значеніе мы будемъ придавать, въ опредѣленіи собственности *факту владѣнія* опредѣленнымъ капиталомъ, въ землѣ или бумагахъ, тѣмъ сомнѣтельнѣе намъ будемъ представляться собственность „мыслей“, именно потому, что она не имѣетъ опредѣленнаго объекта, а фактъ владѣнія чѣмъ-то неуловимымъ или растяжимымъ по необходимости представляетъ нѣчто условное.

Впрочемъ, въ указанную сейчасъ логическую ошибку впалъ не одинъ г. Донѣ; въ нее впадаютъ довольно естественно всѣ, кто старается отождествить литературную собственность со всякой иной, приводя понятіе о собственности вообще къ понятію о правѣ рабочаго на продуктъ труда. Въ этомъ порядкѣ разсужденія, собственность литературная первоначально является со скромнымъ притязаніемъ только сравниться съ иными видами собственности, какъ имѣющая то же основаніе—право на продуктъ труда; но вскорѣ затѣмъ собственность литературная является выше, священнѣе и неоспоримѣе всякой иной именно потому, что ей больше, чѣмъ какой либо иной, присущъ принципъ труда и притомъ труда исполнѣ творческаго. Землевладѣлецъ не создалъ собственности тѣмъ фактомъ, что сдѣлался собственникомъ; рабочій, давшій матеріалу ту или другую форму, только обдѣлалъ матеріалъ, а не создалъ его; между тѣмъ авторъ литературнаго произведенія самъ создаетъ то, что будетъ звать своей собственностью; онъ—творецъ своей собственности. Если бы онъ не сдѣлался собственникомъ, то не существовалъ бы

самый предмет его собственности. Если трудъ выше простого факта владѣнія, если творчество еще выше труда, то понятно, что литературная собственность представлялась бы самой неоспоримой, самой священной изъ всѣхъ. Въ этомъ смыслѣ и г. Э. Абѹ спрашивалъ въ своей вступительной рѣчи: „если я владѣю домомъ, который я не создалъ, то какъ же мнѣ не владѣть книгой, которую я создалъ?“ Но когда мы дойдемъ до этого пункта разсужденія, то здѣсь именно и обнаружится, что тождества между собственностью литературной и матеріальной вовсе нѣтъ. Вѣдь вопросъ Э. Абѹ можно поставить и такъ: если я владѣю своей книгой потому, что я ее создалъ, то на какомъ же основаніи я владѣю домомъ, который я не создалъ? Если бы за основаніе права матеріальной собственности принять въ самомъ дѣлѣ право работника на продуктъ труда, то это потребовало бы полного преобразованія въ распредѣленіи собственности.

Эти замѣчанія на докладъ г. Донье сдѣланы съ цѣлью коснуться однажды самаго существа вопроса о литературной собственности, и показать, что тождества между этимъ видомъ собственности и всѣми видами собственности вещественной допустить невозможно. Литературная собственность есть нѣчто совершенно отличное отъ другихъ видовъ собственности, и если она истекаетъ изъ естественнаго права, то въ такомъ случаѣ только она одна безусловно и истекаетъ изъ него; гдѣ не было творчества, а тѣмъ болѣе гдѣ не было труда, тамъ, стало быть, не должна быть признаваема собственность. Установленіе такого принципа повело бы къ раздѣлу земли исключительно между обрабатывающими землю и то лишь на то время и въ томъ размѣрѣ, насколько они дѣйствительно ее обрабатываютъ; къ отрицанію капитальной ренты и нынѣшней организаціи кредита, даже къ отрицанію права наслѣдства.

Въ дѣйствительности же право собственности вещественной основано просто на фактѣ владѣнія. Лучшимъ доказательствомъ тому служить юридическій принципъ давности, въ силу котораго даже незаконное владѣніе становится законнымъ по прошествіи такого срока, который окончательно утверждаетъ фактъ владѣнія. По отношенію къ имуществу движимому, фактъ владѣнія обыкновенно даже и не удостоверяется способомъ приобрѣтенія: наличность вещи у такого-то лица составляетъ фактъ владѣнія, развѣ будетъ доказано, что вещь приобрѣтена путемъ, закономъ запрещеннымъ.

Между тѣмъ, литературная собственность, представляя именно творчество, имѣетъ совершенно новый характеръ, не имѣетъ ничего общаго съ фактомъ владѣнія. Въ противность доводовъ всѣхъ защитниковъ литературной собственности, здѣсь на первомъ планѣ

стоитъ именно анти творчества, а вовсе не превращеніе мысли въ осязаемую вещь, въ нечто матеріальное. Такъ, совершенно неправъ былъ г. Селлъ, когда онъ считалъ началомъ литературной собственности—изданіе книги, и право автора на собственность мысли основывалъ на томъ, что онъ былъ способенъ „сообщать ее публикѣ или не сообщать“. Все это—такія разсужденія, которыя исходятъ изъ типичнаго желанія приравнять право авторовъ на продуктъ ихъ творчества къ праву фабриканта на его издѣлія, землевладѣльца на его землю и купца на купленный имъ товаръ. Авторъ есть собственникъ мысли, выраженной въ данной формѣ, не потому, что онъ сообщил ее публикѣ, но потому, что онъ ее создалъ. Если поделунать нежданное, даже незаписанное стихотвореніе или музыкальное произведеніе и издать ихъ мимо воли автора, то это будетъ очевиднымъ нарушеніемъ справедливости. Одинокъ авторъ имѣетъ право издать свое сочиненіе; а если это право принадлежитъ исключительно ему, то самый фактъ одѣланнаго имъ изданія не создастъ ему, стало быть, никакого новаго права. Онъ собственникъ потому, что онъ—творецъ.

IX.

Такимъ образомъ, литературная собственность въ самомъ своемъ принципѣ, дѣйствительно, выше всякой иной; она имѣетъ совершенно иную природу, чѣмъ собственность вещественная. Но за то въ смыслѣ практическомъ, юридическомъ—она гораздо менѣе уловима, а стало быть и менѣе опредѣлена, чѣмъ всякая иная. Дѣло въ томъ, что далеко не всякая цѣнность, принадлежащая въ сферѣ умственной и нравственной, можетъ создавать соответственное положительное право. Напримеръ, вы оказали человѣку значныя благодѣнія, спасли ему жизнь, даже пожертвовали ему собой. Но если вы неосторожно уронили его стаканъ, стоющій 25 коп., то онъ имѣетъ положительное право на вознагражденіе отъ васъ въ 25 коп., и можетъ получить его черезъ судъ; а вы никакого положительнаго права на вознагражденіе съ него за ваши благодѣнія не имѣете, хотя они составляли для него, да и для васъ самихъ, цѣнность несравненно большую, чѣмъ цѣнность какой-либо вещи. Ваше право на благодарность со стороны этого человѣка, въ смыслѣ абсолютномъ, безспорно выше и священнѣе всякаго иного права; какое можетъ имѣть человѣкъ по отношенію къ другому человѣку; но въ смыслѣ положительномъ, юридическомъ, оно гораздо менѣе уловимо и опредѣленно, чѣмъ мельчайшее право вещественное.

Г. Денъ разсуждалъ такъ въ своемъ докладѣ: „если признается,

что собственность узаконяется трудомъ, изъ котораго она произойшла, то нѣтъ собственности болѣе священной, чѣмъ та, которую человѣкъ создалъ усиліемъ своей мысли". Въ смыслѣ абсолютномъ это такъ; но въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ признать еще, что чѣмъ самобытіе и цѣннѣе было творчество, чѣмъ большее усиліе мысли требовалось для него, тѣмъ священнѣе абсолютное право автора. Но вотъ тутъ-то и является различіе творчества, умственного труда и факта вещественнаго владѣнія по отношенію къ закону положительному. Конерникъ написалъ сочиненіе, которое пересоздала наука; какой-нибудь школьный учитель оставилъ литературную хрестоматію; наконецъ, лавочникъ изъ экземпляра любой книги надѣлалъ себѣ „фунтиковъ“ для продажи въ нихъ врахмала (примѣръ А. Барра). Нѣтъ сомнѣнія, что въ смыслѣ творчества и даже труда, право Конерника, безъ всякаго сравненія, выше права автора хрестоматіи; последнее передъ первымъ совершенно ничтожно; что касается послѣдняго (бумажныхъ обертковъ), то оно, въ смыслѣ творчества и труда, вовсе не существуетъ, — оно основывается просто на фактѣ владѣнія. Между тѣмъ, каково же можетъ быть отношеніе закона положительнаго къ тремъ приведеннымъ правамъ? Законъ предоставить наибольшее признаніе и обезпеченіе именно праву собственности лавочника на свернутые имъ „копачки“; эти обложки составляютъ собственность вещественную и останутся собственностью безсрочною, основанною на фактѣ владѣнія. Затѣмъ, законъ, желая оградить права автора гениальнаго труда и простого сборника, можетъ предоставить имъ права исключительнаго пользованія изданіями на нѣкоторый срокъ; положимъ, онъ допуститъ и тутъ безсрочность. Но и въ такомъ случаѣ, равнѣе будетъ соблюдена справедливость, въ смыслѣ безусловномъ, по отношенію къ труду и творчеству?

Итакъ, собственность литературная имѣетъ совершенно нѣчныя свойства, нѣмъ собственность вещественная. Первая можетъ быть выше, священнѣе второй въ смыслѣ отвлеченномъ, какъ истекающая изъ труда и творчества; но въ смыслѣ юридическомъ она гораздо менѣе уловима и опредѣленна, чѣмъ вещественная собственность, которая основана просто на фактѣ владѣнія. Степень творчества, количество и качество умственного труда не могутъ быть опредѣляемы закономъ, а стало быть литературная собственность въ положительномъ законодательствѣ и не можетъ опредѣляться творчествомъ и трудомъ, и для опредѣленія ея надо найти иное основаніе. Такое основаніе и представляется въ тѣхъ соображеніяхъ общественной пользы, на которыя докладчикъ первой комиссіи конгресса ссылался, когда вопрошалъ: „равнѣ народы и вся цивилизація менѣе заинтересованы въ производствѣ книгъ, чѣмъ въ производствѣ хлѣба? Не удовлетво-

расть ли производительность литературная одной изъ важнейшихъ потребностей общества? Какая страна не сознаетъ ея необходимости и не обязана стараться о плодотворномъ развитіи этой производительности?”

Дѣйствительно, соображенія общественной пользы, сознаніе оказываемыхъ обществу услугъ и необходимость ихъ поощренія — вотъ тѣ основанія, которыя побуждаютъ законодательство, не вводя въ разборъ силы литературнаго творчества и цѣнности умственнаго труда, принимать на себя формальное удостовѣреніе права автора на его трудъ, а затѣмъ и на пользованіе имъ въ смыслѣ коммерческаго, въ смыслѣ монополіи изданія. Эта монополія и предоставляется автору закономъ. Такимъ образомъ, хотя коренное право автора на его мысль, право творца на продуктъ творчества, существуетъ въ абсолютномъ смыслѣ независимо отъ всякаго закона, выше всякаго юридическаго опредѣленія, не его право юридическое, его монополія создается закономъ, совершенно такъ, какъ привилегія изобрѣтателя на исключительную эксплуатацію его изобрѣтенія. Сдѣлайте величайшее открытіе въ области механики и опишите его въ газетахъ, не заручившись удостовѣреніемъ и привилегією закона. Ваше открытіе примѣнять другіе и наживуть на немъ милліоны, а вы не будете имѣть никакой собственности. Здѣсь, какъ и въ творчествѣ литературномъ, цѣнность созданія, творческая сила составляютъ такое право, которое выше всякаго законнаго вознагражденія, не право собственности въ смыслѣ юридическомъ здѣсь, какъ и тамъ, создается именно привилегією, законодательнымъ удостовѣреніемъ и предоставленіемъ права (*octroi légal*).

Предшествующія замѣчанія направлены противъ основнаго принципа, признаннаго первой комиссією конгресса и выраженнаго въ докладѣ г. Доньё слѣдующими словами: „первая комиссія (отвергнувъ теорію *octroi légal*) признала, что литературная собственность не можетъ быть создаваема закономъ, а существуетъ независимо и до всякаго закона (*préexiste à toute loi*), составляя естественное право“. Ссылаясь на замѣчанія, сдѣланныя выше, позволю себѣ теперь высказать мнѣніе, что въ формулѣ, принятой первой комиссією конгресса и затѣмъ усвоенною конгрессомъ, существуетъ слѣдующее смѣшеніе понятій: естественное право, на которомъ основана собственность вещественная, есть не принципъ употребленнаго труда, но право „перваго занятія“, перешедшее затѣмъ въ фактъ владѣнія; литературная собственность на немъ основываться не можетъ; она основывается въ отвлеченномъ смыслѣ — на правѣ творца на продуктъ творчества, правѣ изобрѣтателя на изобрѣтеніе. Но такъ какъ въ смыслѣ юридическомъ это право получаетъ бытіе только тогда,

когда оно удостовѣрено закономъ, и не можетъ быть формулируемо закономъ въ раамѣрахъ мѣнестн творчества, и только по соображеніямъ общественной пользы, то монополія авторской эксплуатаціи изданія, какъ и привилегія изобрѣтателя на эксплуатацію его изобрѣтенія, въ дѣйствительности создаются закономъ и не могутъ существовать, если не созданы закономъ. По отношенію къ собственности вещественной, законъ только охраняетъ фактъ владѣнія и регулируетъ его, но не создаетъ этого факта; по отношенію къ монополіи изданія или эксплуатаціи изобрѣтенія, законъ создаетъ самый фактъ владѣнія.

Изъ нашего опредѣленія естественно истекали бы такіа послѣдствія: 1) что право автора на изданіе его сочиненія, какъ и право изобрѣтателя на его изобрѣтеніе, не можетъ быть безсрочнымъ; привилегія, создаваемая закономъ, должна быть обусловлена срокомъ, какой признается законодателемъ за наиболѣе соотвѣтствующій тѣмъ же видамъ общественной пользы, изъ которыхъ истекло самое предоставленіе привилегій; 2) право автора или изобрѣтателя, переходя къ его наслѣдникамъ или къ лицамъ, приобрѣтающимъ его отъ автора, уже совершенно теряеть и то отвлеченное значеніе права творца на продуктъ творчества, какое оно первоначально имѣло; при такомъ переходѣ уже не существуетъ болѣе никакого отвлеченнаго права творчества или труда; но собственность, созданная закономъ, привилегія, продолжаетъ существовать совершенно независиме отъ того, къ кому она перешла. Созданная закономъ съ цѣлью поощренія и вознагражденія общественной услуги, эта привилегія представляетъ простое имущественное право, и потому нѣтъ никакого повода ослаблять права наслѣдниковъ или приобрѣтателей въ сравненіи съ правомъ автора. До истеченія срока, привилегія остается во всей силѣ, кто бы ея ни пользовался. Ослаблять право наслѣдниковъ или приобрѣтателей значило бы въ дѣйствительности уменьшать для самого автора цѣнность привилегій, однажды созданной.

При такой постановкѣ вопроса сами собой исчезли бы всѣ тѣ пренія о свойствахъ правъ наслѣдниковъ, которыя заняли у конгресса такъ много времени. Всѣ эти пренія истекли изъ ложнаго представленія, будто юридическое право автора основано на его творчествѣ. Естественно, что при этомъ тотчасъ возникаетъ вопросъ: какъ же опредѣлить право наслѣдниковъ, которое на творчествѣ не основано? И вотъ одни предлагаютъ установить для нихъ меньшее вознагражденіе; другіе, какъ В. Гюго, требуютъ для нихъ всего 5 или 10 процентовъ съ чистаго барыша изданій; третьи настаиваютъ на томъ, что собственность самого автора уменьшится, если пользованіе нѣтъ для наслѣдниковъ было бы ограничено. Объ этихъ вопросахъ едва

ли не дальше всего толковали на конгрессѣ. А между тѣмъ, они сами собою устранялись бы, какъ только было бы признано, что литературная собственность въ смыслѣ юридическомъ есть не что иное, какъ создаваемая закономъ, въ вознагражденіе за услугу обществу, привилегія. Тогда само собою разумѣлось бы, что привилегія должна быть дѣйствительна на весь свой срокъ, кому бы она ни принадлежала. Иначе же, если бы принять, напр., мысль В. Гюго, то вышло бы такъ: одинъ авторъ умеръ черезъ годъ послѣ перваго изданія своего сочиненія, а другой прожилъ еще болѣе нелѣтка (какъ самъ В. Гюго); итакъ, въ первомъ случаѣ творчество было бы вознаграждено безъ всякаго сравненія менѣе, чѣмъ во второмъ, такъ какъ уже со второго года перваго изданія всякъ могъ бы издавать книгу, уплачивая наследникамъ всего 5—10% съ чистаго барыша; во второмъ же случаѣ издатели платили бы въ теченіи 50 лѣтъ по 50 процентовъ съ барыша.

X.

Но, какъ я уже сказалъ, первая коммиссія, а за нею и конгрессъ положили въ основаніе юридическаго права автора—его творчество, и приравнивъ, посредствомъ натяжки, это право къ общему имущественному праву, будто бы основанному на трудѣ, провозгласили, что право литературной собственности существуетъ независимо отъ закона, что литературная собственность не есть привилегія, предоставленная закономъ, но тождественна съ владѣніемъ, съ собственностью вещественной. Вотъ предложенная первою коммиссіею формула: „право автора на его трудъ (oeuvre) представляетъ не концессию, предоставленную закономъ, но одинъ изъ видовъ собственности, который законодатель обязанъ обезпечить“.

При такомъ опредѣленіи авторскаго права, я уже ничего не могъ бы возразить противъ признанія его вѣчности или безсрочности (*perpétuité*). Если авторское право тождественно съ земельнымъ владѣніемъ, въ такомъ случаѣ логика требуетъ, чтобы оно было признано безсрочнымъ. Однажды принявъ эту точку зрѣнія, я бы рѣшительно оспаривалъ всѣ тѣ ограничительные пункты, которые затѣмъ коммиссія ввела въ свои предложенія, и которыми какъ-бы отрицала или ограничивала только-что провозглашенный ею принципъ, что авторское право есть не что иное, какъ одинъ изъ видовъ собственности имущественной, не создаваемой закономъ.

Итакъ, докладъ первой коммиссія предлагалъ провозгласить принципъ безсрочности или вѣчности (*perpétuité*) литературной собствен-

ности, прибавляя, что, „какъ и въ собственности вещественной, право здѣсь не исчезаетъ ни за смертью автора, ни въ какое-либо опредѣленное впередъ время“. Въ докладѣ пояснялось, что вѣчность литературной собственности доселѣ признана законодательствомъ только въ Мексикѣ, всѣ же прочія законодательства ограничиваютъ пользованіе авторскимъ правомъ разными сроками, отъ 10 до 80 лѣтъ (80 лѣтъ въ Испаніи). Докладъ же предлагалъ провозгласить, что „право автора, его наслѣдниковъ и другихъ лицъ, вступившихъ въ его право, есть безсрочно (*est perpétuel*)“. Но затѣмъ докладъ тотчасъ впалъ въ противорѣчіе съ этимъ принципомъ, предлагая слѣдующее дополненіе къ провозглашенію безсрочности: „тѣмъ не менѣе можетъ быть лишенъ своихъ правъ тотъ наслѣдникъ, который въ теченіи двадцати лѣтъ не издастъ перешедшаго къ нему въ собственность сочиненія“.

Это представляло уже явное нарушеніе права собственности. Развѣ законъ принуждаетъ домовладѣльца, чтобы онъ не оставлялъ пустымъ свой домъ, землевладѣльца, чтобы онъ воздѣлывалъ свою землю, и капиталиста, чтобы онъ пускалъ свой капиталъ въ оборотъ? Постановленіе это имѣло цѣлю воспрепятствовать сокрытію отъ публики наслѣдникомъ такого сочиненія, котораго мысли ему бы не нравились, воспрепятствовать тому, чтобы „сочиненія Вольтера, перейдя въ собственность къ Дюпанлү, могли быть имъ уничтожены“, какъ выразился одинъ ораторъ. Но замѣчу, что уже самое это соображеніе и показываетъ, до какой степени литературная собственность, по самой своей сущности, отличается отъ всякой иной. Право собственности вещественной въ римскомъ законѣ и во французскомъ кодексѣ опредѣляется какъ право свободного распоряженія имуществомъ (*droit d'user et d'abuser*), лишь бы при этомъ не наносилось вреда третьимъ лицамъ. Если собственность литературная не есть право, создаваемое закономъ, подъ извѣстными условіями, въ видахъ общественной пользы, если эта собственность однородна съ другими видами собственности, въ такомъ случаѣ наслѣднику безспорно должно принадлежать то самое право, которое перешло къ нему отъ автора, а именно право печатать или не печатать сочиненіе, разрѣшать новыя его изданія или не разрѣшать. Ссылка на общественный интересъ въ этомъ случаѣ не имѣетъ никакого значенія; вѣдь общественный интересъ точно также требуетъ, чтобы домъ не стоялъ пустымъ, чтобы земли не оставались пустыремъ, а капиталъ не лежалъ подлѣ спудомъ. Но никому не придетъ въ голову, что законъ можетъ принуждать собственниковъ къ эксплуатаціи ихъ имущества въ общественномъ интересѣ. Почему? Потому именно, что, по установившимся понятіямъ, право собственности вещественной не создается закономъ. Почему же сами защитники уравненія собственности литературной

съ вещественною признали возможнымъ ввести подобное ограниченіе правъ собственника? Потому что, несмотря на ту тезу, которую они защищали, они, вопреки этой тезѣ, хранили смутное сознаніе, что право собственности литературной есть именно *ostroi légal*, привилегія, даруемая закономъ въ видахъ общественной пользы, а потому вопросъ объ общественной пользѣ и стоитъ здѣсь на первомъ планѣ, господствуя даже надъ интересомъ собственника. Когда первая коммиссія разсуждала, что нельзя допустить, чтобы наслѣдникъ-клерикалъ имѣлъ право отнять у человечества сочиненія Вольтера, то она тѣмъ самымъ признавала, что интересъ общественный въ собственности литературной — выше права владѣльца, что, стало быть, право его не есть право свободного распоряженія, право „пользоваться и злоупотреблять“, какъ во всякой иной собственности, но только — право извлекать для себя выгоды изъ привилегіи, предоставленной ему обществомъ, съ соблюденіемъ условій общественной пользы.

Обратимся еще разъ къ сравненію автора съ изобрѣтателемъ въ области точныхъ знаній. Представимъ себѣ, что право изобрѣтателя на продуктъ его творчества, на его изобрѣтеніе, было бы признано еще во время Уатта однороднымъ съ собственностью вещественною и объявлено вѣчнымъ, и что наслѣдникъ Уатта, по какому-либо предразсудку или капризу, не хотѣлъ бы допускать примѣненія его изобрѣтенія и въ продолженіи цѣлаго полувѣка задерживалъ бы весь прогрессъ европейской промышленности, основанный на пользованіи паровой машиной. Очевидно, что этого никто бы не допустилъ и никто не скажетъ, что дозволить это было бы сообразно съ справедливостію и здравымъ смысломъ. А вѣдь никто — кромѣ людей, отрицающихъ право собственности земельной — не находитъ страннымъ существованіе громаднаго парка въ имѣніи, въ которомъ уже двадцать лѣтъ не живетъ самъ владѣлецъ, между тѣмъ какъ изъ прилегающей къ этому парку деревни за это время выселилось въ Америку, по недостатку земли, ровно столько же душъ, сколько въ ней теперь осталось. Почему это вообще не кажется страннымъ? Потому что собственность вещественная, реальная, считается не созданною закономъ и предполагаетъ право *user et abuser*, по усмотрѣнію владѣльца, между тѣмъ, какъ идеи (изобрѣтенія, сочиненія), хотя и суть продуктъ творчества отдѣльныхъ людей, представляютъ прежде всего достоинствѣ человечества. Онѣ не принадлежать даже одной странѣ, въ которой впервые вышли въ свѣтъ, но всему міру; между тѣмъ какъ на реальную собственность, сверхъ собственника, имѣетъ право только одно государство, которое одно и является наслѣдникомъ, въ случаѣ отсутствія представителей личнаго права.

Если бы первая коммиссія хотѣла логически осуществить провоз-

главнѣйшій ея основной принципъ, то она должна была бы допустить, что всякій, къ кому перешла рукопись или право изданія литературнаго сочиненія, имѣетъ безусловно право счесть эту рукопись или запретить навсегда новыя изданія; мало того — имѣетъ право переименовать рукопись, сдѣлать клерикальные пропуски и оговорки въ сочиненіяхъ Вольтера, вставить водевильные куплеты въ творенія Шекспира, и издавать ихъ не иначе, какъ въ такомъ видѣ, подобно тому, какъ владѣлецъ рыцарской развалины на Рейнѣ имѣетъ несомнѣнное право отштукатурить и выкрасить ее въ желтый цвѣтъ, устроить въ ней Weimlaube, и повѣсить на нее вывѣску. Но въ томъ-то и дѣло, что литературная собственность совершенно не однородна съ собственностью вещественною и, представляя право, созданное закономъ въ общественномъ интересѣ, для покровительства ученыхъ и писателей, полезныхъ обществу, обуславливается закономъ въ видахъ общественнаго интереса.

Большинство первой комиссіи совершило далѣе еще одно искаженіе принципа. Оно отвергло теорію права общества на умственные произведенія по истеченіи срока авторской привилегіи (*domaine public*). Но въ то же время оно признало это право, введя его въ свои постановленія въ видѣ временной, переходной мѣры. Оно приняло мысль В. Гюго о *domaine public payant*, мысль, что по смерти автора вступаетъ во владѣніе сочиненіемъ общество и наслѣдникамъ его платить извѣстный процентъ съ издательскаго барыша. Но и эту мысль комиссія искажила, сдѣлавъ изъ нея просто дополнительную премію въ пользу наслѣдниковъ. Комиссія постановила, что до тѣхъ поръ, пока въ законодательствахъ литературная собственность останется обусловленной срокомъ, по истеченіи котораго всякій можетъ свободно воспроизводить литературныя произведенія, это право ограничивается, однако, тѣмъ условіемъ, чтобы издатели въ то время, когда уже право изданія сдѣлалось свободнымъ, были обязаны уплачивать извѣстный процентъ (*une redevance*) въ пользу наслѣдниковъ автора. Такимъ образомъ, когда по дѣйствующимъ законамъ самая собственность перестанетъ уже существовать, наслѣдники тѣмъ не менѣе будутъ получать съ нея доходы! Между тѣмъ мысль В. Гюго была совсѣмъ иная: онъ предлагалъ, чтобы право распоряженія принадлежало только автору, а по его смерти наслѣдники не могли бы распоряжаться сочиненіемъ, а только сохраняли бы право пользоваться долей издательскаго барыша. Такимъ образомъ, въ мысли В. Гюго было существенное различіе между правомъ автора и правомъ наслѣдниковъ; въ постановленіи же комиссіи никакого подобнаго разграниченія нѣтъ; на 50-мъ году послѣ смерти автора, положимъ, право распоряженія принадлежало наслѣднику, на 51-мъ же

году законъ лишаетъ его уже собственности, а комиссия требуетъ предоставленія ему дохода. Итакъ, эта тедевансе является уже не въ силу различія правъ наследника отъ правъ автора (какъ у В. Гюго), но просто дополнительной преміей въ пользу наследниковъ.

XI.

Я уже сказалъ выше, что докладъ первой комиссіи обсуждался ранѣе, чѣмъ докладъ второй по предложенію Селлье, хотя это предложеніе и было внесено при самомъ началѣ конгресса; первая комиссія работала усерднѣе второй. Обсужденіе доклада г. Доніе, впрочемъ, прямо началось съ подробностей и почти не выходило изъ нихъ. Основной мысли доклада коснулся только г. Э. Абѹ, да и онъ говорилъ только о безсрочности литературной собственности. О природѣ же и свойствахъ ея, о томъ, должна ли она быть признана однородною съ собственностью вещественной, никто не говорилъ въ общихъ собраніяхъ. Ораторы занялись главнымъ образомъ вопросами о правѣ наследниковъ и о правѣ самого автора запрещать изданіе его сочиненій. Г. Мауро-Макки поставилъ вопросъ: должно-ли автору, именно въ качествѣ творца умственныхъ произведеній, принадлежать право запрещать изданіе такихъ его сочиненій, которыхъ онъ не пожелаетъ распространять, хотя самъ издалъ ихъ прежде. „Писатель можетъ въ теченіи своей жизни перемѣнить мнѣнія, прийти къ убѣжденію, что такое-то сочиненіе, написанное имъ въ прежнее время, — ошибочно и даже вредно. Такъ, наприимѣръ, знаменитый поэтъ Александръ Манзони въ молодости издалъ нѣсколько стихотвореній атеистическаго направленія; въ послѣдствіи онъ сдѣлался набожнымъ католикомъ и считалъ тѣ стихотворенія вредными, не желалъ ихъ распространенія. Должно-ли принадлежать автору подобное право? Казалось бы, изъ уваженія къ свободѣ и къ личной совѣсти человѣка, за авторомъ должно быть признано право запретить на нѣкоторое время послѣ его смерти изданіе такого произведенія, которое осуждается его послѣдними убѣжденіями, съ тѣмъ, что, по прошествіи какаго либо срока, общество вновь вступить въ свое право пользоваться сочиненіемъ, однажды изданнымъ“ ¹⁾.

Вопросъ, поставленный итальянскимъ делегатомъ, хотя не важный самъ по себѣ, еще разъ указывалъ на фактъ, что литературная собственность совершенно отличается отъ собственности веще-

¹⁾ При послѣдующихъ ссылкахъ на нѣкоторыя рѣчи, онѣ приводятся въ сокращеніи, но отмѣчаются внесенными знаками, для отличія отъ моихъ замѣтокъ.

ственной, такъ что сами защитники полного приравненія ея къ праву имущественному, рассуждая о различныхъ сторонахъ, безпрестанно бываютъ принуждены ссылаться на такія вещи, какъ мнѣнія, убѣжденія, нравственное право общества, вмѣсто того, чтобы твердо основываться на имущественномъ правѣ собственника. Если авторъ есть просто собственникъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова, то не можетъ быть и сомнѣнія, что онъ воленъ отсрочивать изданіе своихъ произведеній или хотя бы вовсе уничтожать ихъ, точно такъ какъ домовладѣлецъ воленъ разрушить свой домъ и развести на его мѣстѣ садъ. Между тѣмъ, г. Мауро-Макки ссылается не на право собственника, но на уваженіе къ измѣнившемуся убѣжденію, къ совѣсти писателя, а В. Гюгô, возражая ему, ссылается на нравственное право общества. Итакъ, мы находимся уже далеко отъ понятія о правѣ полного распоряженія, правѣ „пользоваться и злоупотреблять“.

Возраженіе В. Гюгô слѣдуетъ привести въ болѣе полномъ видѣ, такъ какъ поэтъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы высказать общій свой взглядъ на литературную собственность. „Въ этомъ вопросѣ,—сказалъ В. Гюгô,—стоятъ лицомъ къ лицу двѣ силы: авторъ и общество. Авторъ знаетъ, что онъ намѣренъ дѣлать съ своимъ произведеніемъ. Общество также знаетъ, чего хочетъ; сегодня оно принимаетъ извѣстное произведеніе, завтра оно, совершенно свободно, отталкиваетъ его. Автору принадлежитъ безусловное право на его произведеніе, но только до момента, когда оно издано. Если Данте или Мольеру приходитъ причуда уничтожить написанное имъ, онъ можетъ это сдѣлать; Эсхилъ имѣетъ право сжечь „Орестію“, Шекспиръ—„Гамлета“. Но какъ только произведеніе предоставлено всѣмъ, это право прекращается. Произведеніемъ начинаетъ владѣть другое лицо и это лицо говоритъ: — съ этимъ произведеніемъ я поступлю такъ, какъ съ нимъ слѣдуетъ поступить, по моему мнѣнію. Я владѣю имъ безъ всякаго условія“. Автору не принадлежитъ право разорвать хотя бы одну изъ написанныхъ имъ страницъ. Я самъ былъ нѣкогда монархистомъ и католикомъ¹⁾. Съ тѣхъ поръ я ушелъ впередъ, убѣжденіе мое возвысилось; неужели я имѣлъ бы право уничтожить произведенія моей юности, моего почти — дѣтства? Нѣтъ. Писатель не имѣетъ права вычеркнуть ни одной изъ мыслей, имъ изданныхъ, потому что есть другое лицо, чье право противится этому. Мною были написаны строгія слова объ одномъ человѣкѣ, г. Бароннѣ²⁾; но когда сынъ его погибъ смертью патріота, я не пожелалъ, чтобы имя его отца было произнесено, при чтеніи одного моего стихотво-

¹⁾ Odes et Ballades.

²⁾ Les Châtiments; стихъ..... et Baroche—un fripon.

ренія въ театрѣ. Не въ моей власти не было вычеркнуть это имя изъ книги; геройзмъ сына не изгладилъ позора отца. Право общества на изданное произведеніе безусловно, и если бы пришлось избирать одно изъ двухъ: право общества (*domaine public*) или право писателя, то я сталъ бы на сторону общества, такъ какъ писатель обязанъ трудиться на пользу всѣхъ болѣе, чѣмъ для своей собственной пользы.

„Но вотъ является третье лицо — наслѣдникъ. Онъ не имѣетъ права сдѣлать ни одной поправки въ произведеніи, лишить общество его права или отсрочить пользованіе этимъ правомъ. Право наслѣдника все заключается въ томъ, чтобы жить своей долей наслѣдства. Законы о наслѣдствѣ литературной собственности не хороши. Да, право наслѣдника священно; но право общества должно быть неограниченно и не подлѣжать ни малѣйшей отсрочкѣ. Въ 1838 году я предлагалъ порядокъ, который, по моему мнѣнію, согласуетъ права всѣхъ трехъ сторонъ. По смерти автора, книга его вступаетъ въ общее владѣніе (*domaine public*) и всякій получаетъ право издавать ее съ соблюденіемъ условій, о которыхъ сейчасъ упомяну. Наши законы обязываютъ издателя книги заявлять министерству внутреннихъ дѣлъ: что онъ намѣренъ издать, гдѣ онъ будетъ печатать, въ какомъ форматѣ и въ какомъ числѣ экземпляровъ. Къ этому слѣдовало бы прибавлять заявленіе о стоимости изданія на экземпляръ и о продажной цѣнѣ его. Изъ разности этихъ двухъ цифръ и отчисляется бы процентъ, который издатель былъ бы обязанъ уплачивать наслѣднику, послѣ того какъ все изданіе разошлось бы. Напр., если издатель получилъ барыши въ 1000 фр., онъ долженъ былъ бы уплатить 100 фр. наслѣднику. Но право издавать книгу имѣлъ бы каждый желающій. Я не вижу, какое серьезное возраженіе можно было бы сдѣлать противъ такой системы. Если описаются того, что издатель можетъ сдѣлать заявленія невѣрныя, то можно было бы установить въ законѣ кару, которую укажутъ юристы. За эту систему высказывался нѣкогда издатель, который былъ въ то же время писателемъ—г. Готцель, и я думаю, что въ будущности осуществится именно такое рѣшеніе“.

Юриконсулъ „общества литераторовъ“, г. Селлье, высказался благопріятно о проектѣ В. Гюгô, но замѣтилъ, что установленіе кары за невѣрное заявленіе издателя не нужно, такъ какъ наслѣдникъ можетъ оспаривать вѣрность заявленія въ гражданскомъ порядкѣ. Но В. Гюгô настаивалъ на пользѣ уголовной мѣры, главнымъ образомъ съ цѣлью отвратить невѣрное показаніе о числѣ печатаемыхъ экземпляровъ.

Нѣсколько членовъ стали требовать, чтобы рѣчь В. Гюгô была

напечатана и роздана участникамъ конгресса, и хотя Гюгò выразилъ нежеланіе, чтобы была напечатана отдѣльно его рѣчь, когда другіе не печатаются, но упомянутые члены доказывали, что здѣсь идетъ рѣчь не объ оказаніи какаго-либо преимущества, а только о томъ, чтобы имѣть такое изложеніе мнѣнія, которое можетъ послужить „почвой для преній“. Замѣчательно было, что самъ г. Доньё, авторъ доклада первой комиссіи, нарочно составленнаго съ той цѣлью, чтобы служить „почвой для преній“, присоединился къ авторамъ упомянутаго предложенія, патетически заявилъ даже, что докладъ первой комиссіи не можетъ замѣнить рѣчи Гюгò и что послѣ нея онъ „навѣ-бы не существуетъ“. Но это не помѣшало тому же г. Доньё впоследствии оспаривать систему В. Гюгò и защищать противъ его предложенія именно докладъ первой комиссіи.

Рѣчь В. Гюгò убѣдила г. Тургенева; высказать это, онъ напомнилъ о предложеніи въ томъ же смыслѣ, заявленномъ въ шестидесятыхъ годахъ г. Луи Виардò. Это предложеніе было выработано въ 1841 году комиссіею „общества литераторовъ“, въ которой участвовали Бальзакъ, Викторъ Гюгò и Л. Виардò. Оно состояло въ томъ, чтобы ежегодно избирался „комитетъ старшинъ“ (*conseil de grad'hommes*) наполовину изъ литераторовъ, наполовину изъ книгопродавцевъ-издателей, который и опредѣлялъ бы на тотъ годъ размѣръ процента, подлежащаго уплатѣ за воспроизведеніе сочиненій умершихъ писателей. Этотъ процентъ предполагалось взимать пропорціонально числу томовъ и формату, съ опредѣленіемъ максимума числа листовъ въ одномъ томѣ. Такъ, напр., если съ тома въ оставо назначено взимать 25 сант., то книгопродавецъ, издающій сочиненіе изъ 2 томовъ въ количествѣ 2000 экземпляровъ, обязанъ былъ бы уплатить наследникамъ 1000 фр. Другой такой же комитетъ, составленный изъ драматическихъ писателей и директоровъ театровъ, опредѣлялъ бы цифру вознагражденія за представленіе пьесъ умершихъ авторовъ, сообразно числу актовъ каждой пьесы и значительности того театра, на которомъ она представляется.

Противъ предложенной Викторомъ Гюгò системы перехода сочиненій въ общую собственность (*domaine public payant*) послѣ смерти автора, съ уплатою наследникамъ издателю установленнаго процента, возсталъ юристъ г. Патайяль. Онъ сообщилъ, что проектъ въ этомъ смыслѣ дѣйствительно былъ составленъ въ 1862 году, но былъ отвергнутъ государственнымъ совѣтомъ. „Съ практической точки зрѣнія система *domaine public payant* доставитъ очень мало наследникамъ. Сверхъ того, если книга будетъ становиться общимъ достояніемъ за смертью автора, то автору трудно будетъ продать ее издателю и при жизни“. Это послѣднее замѣчаніе было, впрочемъ, навѣр-

но, такъ какъ въслѣдствіи разъяснилось, что защитники системы *domaine public payant* предполагали примѣненіе ея только въ томъ случаѣ, если право наданія никому не продаво авторомъ, въ противномъ же случаѣ—только по истеченіи того срока, на который право наданія было имъ продано.

Итакъ, мы видимъ, что пренія по докладу первой комиссіи съ самаго начала увлонились въ сторону отъ основного принципа, выраженного въ докладѣ, именно: что собственность литературная однородна со всякой иной (вещественною) собственностью, и что она должна быть безсрочна. Въ теоріи—этотъ вопросъ общимъ собраніемъ вовсе не обсуждался. Предложеніе В. Гюгб, его система *domaine public payant* заключала въ себѣ какъ-бы отрицаніе основныхъ положеній доклада первой комиссіи, такъ какъ въ этой системѣ литературная собственность прекращалась бы смертію автора и вступленіемъ всего общества во владѣніе его произведеніями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, признавая право наслѣдниковъ на вознагражденіе и не ограничивая этого права на вознагражденіи никакимъ срокомъ, предложеніе В. Гюгб содержало въ себѣ какъ-бы признаніе вѣчности имущественнаго права наслѣдниковъ, хотя и въ видѣ только права на ренту, а не права распоряженія собственностью.

Никто изъ членовъ меньшинства первой комиссіи не рѣшился вступить противъ самой сущности той теоріи, которая была принята ея большинствомъ, и защищать то воззрѣніе, по которому литературная собственность есть только создаваемая закономъ привилегія, которая должна быть обусловлена срокомъ. Только Э. Абуб, одинъ изъ горячихъ защитниковъ литературной собственности вообще, считалъ долгомъ высказаться противъ тождественности литературной собственности съ вещественною и противъ безсрочности. „Литературное произведеніе не составляетъ собственности въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова: она есть собственность особаго рода, имѣющая совершенно особаго свойства. Собственникъ, въ общепринятомъ смыслѣ этого понятія, имѣетъ право пользоваться и злоупотреблять своею вещью; между тѣмъ никогда за наслѣдникомъ автора не признавалось право уничтожить его творенія. У автора есть наслѣдники двоякаго рода: наслѣдники—если можно такъ выразиться—правъ на кормленіе (*légataires alimentaires*) и еще тѣ наслѣдники—нравственные, которые представляются современнымъ обществомъ и потомствомъ. Мы должны признать и за обществомъ (*domaine public*) право вступать со временемъ во владѣніе своимъ наслѣдствомъ. Что касается спеціально порядка, предлагаемаго Викторомъ Гюгб, то мнѣ казалось бы необходимымъ спросить мнѣнія издателей, прежде чѣмъ признать удобнымъ примѣненіе этого порядка“.

Но здѣсь произошло нѣчто неожиданное и весьма странное. Въ то время, какъ пренія утопали въ подробностяхъ, а основной принципъ доклада первой комиссіи оставался вовсе не обескураженнымъ по существу, поднялся съ мѣста г. Ратисбоннъ и съ большой энергіею произнесъ: „мы теряемся въ подробностяхъ, между тѣмъ какъ мы собрались сюда съ цѣлью провозгласить принципъ; я предлагаю, чтобы безотлагательно былъ пущенъ на голоса принципъ вѣчности (perpétuité) литературной собственности; способомъ примѣненія этого принципа мы можемъ заняться потомъ“. Тогда въ дѣйствительности „принципъ“ былъ пущенъ на голоса, и посредствомъ поднятія руки большинство провозгласило вѣчность литературной собственности.

ХП.

Принятіе перваго предложенія комиссіи само по себѣ, въ сущности, устраняло предложеніе В. Гюго о *domaine public payant*. Если произведенія писателя представляютъ собственность въ общемъ смыслѣ, то переходъ ихъ къ наследникамъ долженъ совершаться порядкомъ, установленнымъ въ законахъ, для наследованія собственности вещественной. Не такъ какъ комиссія все-таки включила идею о *domaine public* въ свои предложенія, хотя и въ видѣ только добавочной мѣры къ существующимъ законодательствамъ, то надо было опровергнуть примѣненіе этой идеи въ смыслѣ болѣе обширномъ. За это и взялся докладчикъ г. Донъе, тотъ самый, который передъ тѣмъ объявлялъ, что самый докладъ комиссіи не существуетъ послѣ рѣши В. Гюго. Онъ прочелъ записку, составленную клубомъ книгопродавцевъ (*Cercle de la librairie*), направленную противъ идеи общаго владѣнія съ процентнымъ вознагражденіемъ наследникамъ, и указалъ на практическія неудобства въ примѣненіи этой идеи: неудобство надзора за изданіями заграничными, затруднительность и дороговизну охраненія наследниками своихъ интересовъ по отношенію къ изданію за-границею произведеній ихъ предка или завѣщателя. „Мы также желаемъ распространенія свѣта и произведеній ума,—говорилъ г. докладчикъ,—и потому не отвергаемъ безусловно системы *domaine public payant*; но мы не хотимъ, чтобы сочиненія переходили въ общее владѣніе тотчасъ по смерти автора. При введеніи такого порядка, пострадали бы всѣ три заинтересованныя стороны. Волею всѣхъ—наследникъ, конечно, и притомъ не наследникъ отдаленный, а прямой, непосредственный потомокъ автора, а также его жена, которая, быть можетъ, вдохновляла, поддерживала его въ работѣ и была даже его сотрудницей. Пострадаетъ и самъ авторъ, такъ какъ

при такомъ уловѣнн, что произведеніе за смертью автора становится общимъ достояніемъ, онъ не найдетъ издателя или же издатель согласится уплачивать ему похвную сумму не иначе, какъ по частямъ. Потеряетъ, наконецъ, и публика, потому что издатели, опасаясь соперничества, которое явится вслѣдъ за смертью автора, не будутъ издавать такихъ сочиненій, которыя не рассчитаны на массу читателей“. Въ виду этихъ возраженій, защитники идеи *droit de suite* стали дѣлать такіа оговорки, которыя совершенно ее ослабили. Такъ, г. Гонзалесъ замѣтилъ, что В. Гюгô не требовалъ перехода сочиненій въ общее владѣніе непосредственно за смертью автора. Но если онъ этого не требовалъ, замѣчу я, то тогда неchezаетъ все теоретическое основаніе его системы. Вѣдь систему эту онъ основалъ на взглядѣ о существенномъ различіи правъ автора и правъ наследника. В. Гюгô признавалъ только двѣ „силы“: автора и общество; по смерти автора, собственность и распоряженіе переходятъ къ обществу; наследнику же право распоряженія принадлежать не должно именно потому, что онъ только— „третье лицо“. Все право наследника В. Гюгô полагаетъ единственно въ томъ, чтобы жить долею барыша съ изданій, кѣмъ бы они ни дѣлались. Все это, очевидно, относится не только къ наследникамъ отдаленнымъ или въ боковыхъ линіяхъ, но къ самому непосредственному, первому наследнику, именно потому, что онъ — все-таки наследникъ, а не авторъ. Онъ имѣетъ право только получать нѣкоторый доходъ, но не владѣть и не распоряжаться литературнымъ наследствомъ. Можно не допускать такой теоріи, это—другое дѣло. Но, разъ принявъ ее, странно начинать осуществленіе ея прямо съ противорѣчія ей. Если первому наследнику, или прямымъ наследникамъ вообще должно принадлежать право собственности и распоряженія, то почему же это право не должно принадлежать наследникамъ болѣе отдаленнымъ? Вѣдь теорія В. Гюгô провозглашаетъ не различіе между степенями родства, но различіе между авторомъ, творцомъ произведенія, и наследникомъ, лицомъ не имѣющимъ никакого отношенія къ произведенію, кромѣ права получать часть дохода. Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ силу этой теоріи самому автору не должно бы принадлежать право отчуждать свою собственность въ ущербъ обществу на время, наступающее послѣ смерти писателя, то-есть продавать право изданія кому-либо на время долѣе своей жизни и даже навсегда. По теоріи В. Гюгô, авторское право является пожизненнымъ владѣніемъ, а никакое законодательство не допускаетъ контрактовъ или заступаній, въ силу которыхъ пожизненное владѣніе могло бы передаваться кому-либо на время послѣ смерти владѣльца. Иначе,

но что же обращалось бы право владѣнія, должностующее по этой системѣ переходить отъ автора къ обществу?

Между тѣмъ, В. Гюгò, отвѣчая на возраженія, самъ совершенно ослабилъ свою мысль. Онъ объяснилъ, что признастъ за авторомъ право отчуждать его собственность по его усмотрѣнію и заключать съ издателемъ контрактъ, предоставляющій послѣднему исключительное право изданія „на многіе годы“ (*pendant de longues années*). Онъ прибавилъ, что когда говорилъ объ удовлетвореніи наслѣдниковъ процентомъ съ барышей свободного изданія, то разумѣлъ „не всѣхъ наслѣдниковъ безразлично, а только прямыхъ“. Эти дополнительные объясненія совершенно измѣняли смыслъ теоріи В. Гюгò; сказать вѣрнѣе, они—уничтожали ее. Члены же первой комиссіи, когда обсуждали его предложеніе, разумѣли ихъ, конечно, въ смыслѣ безусловномъ, что и объявилъ г. Доньё. Другой членъ первой комиссіи, г. Юаръ (*Huard*), сдѣлалъ заявленіе въ томъ же смыслѣ. „Комиссіи,—сказалъ онъ,—и возставала только противъ перехода произведенія въ общее владѣніе немедленно по смерти автора, а не по минованіи нѣкотораго числа лѣтъ. При порядкѣ, отвергаемомъ комиссіей, общее владѣніе начиналось бы со дня истеченія сроковъ тѣхъ контрактовъ, которые были заключены авторами, такъ что начало общаго владѣнія было бы опредѣлено въ этомъ видѣ самимъ авторомъ, если произведенія имъ были запроданы на опредѣленное число лѣтъ; если же онъ запродавъ ихъ навсегда, въ такомъ случаѣ, они никогда и не могли бы перейти въ общее владѣніе. Что касается того порядка, который принять комиссіей (что общее владѣніе начинается только по истеченіи послѣдняго срока литературной собственности наслѣдниками, какой опредѣленъ въ разныхъ законодательствахъ), общее владѣніе будетъ начинаться съ опредѣленнаго закономъ срока и неудобство при этомъ значительно уменьшается“.

Возраженія свойства юридическаго видимо не понравились Виктору Гюгò; онъ не безъ нѣкоторой живости сказалъ, что законодатели некомпетентны въ литературныхъ дѣлахъ, что доказывается самымъ различіемъ опредѣленныхъ въ законодательствахъ сроковъ для правъ наслѣдниковъ литературной и артистической собственности. „И мы, будучи компетентными въ этомъ дѣлѣ, станемъ принимать доводы некомпетентныхъ“ сказалъ онъ. Тогда, г. Ратисбоннъ, авторъ предложенія о неожиданномъ голосованіи въ пользу „вѣчности“, вставилъ нѣсколько словъ, между прочимъ, слѣдующія: „мы не желаемъ провозглашать, что произведенія должны быть захватываемы общимъ владѣніемъ тотчасъ послѣ смерти автора потому, что было бы не хорошо, если бы, собравшись сюда для уста-

возвращенія (pour établir) литературной собственности, мы какъ-бы спѣшили бы уничтожать ее. Но слѣдуетъ провозгласить, что собственность не должна быть установлена въ рукахъ наслѣдниковъ на неопредѣленное время, и что долженъ наступать такой моментъ, въ который она переходитъ въ общее достоянiе, съ уплатою премiи (redevance)". Отстранно, что за необходимость наступленiя такого момента такъ стоялъ именно г. Ратисбонъ, который побудилъ насъ, хотя не всѣхъ, провозгласить безсрочность литературной собственности. Если она безсрочна или вѣчна, то вѣдь для кого же, если не для наслѣдниковъ? Для автора, по закону природы, она вѣчною быть не можетъ. Если же провозглашается принципъ ея вѣчности, то почему же именно необходимо наступленiе такого момента, который послужитъ для нея срокомъ, ее прекращающимъ? Или платимая наслѣдникамъ премiя будетъ далѣе представлять вѣчность этой собственности? Но въ такомъ случаѣ, это будетъ совершенно новый видъ права собственности, и объяснять его можно не иначе, какъ доказывая все-таки, что собственность литературная не однородна со всякою иною, то-есть доказывая, что вся теорiя первой комиссiи, допустившей *domaine public* съ этимъ условiемъ—ошибочна.

Викторъ Гюгò, въ дальнѣйшихъ объясненiяхъ своего предложенiя, опять обратился къ основной своей мысли, которой сущность въ томъ, что собственникомъ литературнаго произведенiя должно быть общество, а не наслѣдники. Итакъ, по самому этому опредѣленiю, первая комиссiя, примѣняя мысль В. Гюгò, хотя и отсрочивала ея примѣненiе, въ видѣ установленiя премiи для наслѣдниковъ по истеченiи законныхъ сроковъ, осуществила, стало-быть, принципъ, что литературная собственность не вѣчна, такъ какъ она должна переходить со временемъ въ общее владѣнiе; премiя для наслѣдниковъ, стало-быть, не представляетъ собою права собственности.

Но, возстановляя основную свою идею, В. Гюгò, какъ сейчасъ увидимъ, впалъ въ иное противорѣчiе съ нею же. „Законодатели,—по отзыву знаменитаго поэта,—впали въ ту ошибку, что предполагали, будто наслѣдники автора лучше кого-либо сумѣютъ распорядиться (*gérer*) собственностью трудовъ ихъ предка. Слѣдуетъ обезпечить за наслѣдникомъ по крови то право, которое должно принадлежать ему, а за наслѣдникомъ по духу, которымъ является общество (*domaine public*), — то право, которое должно принадлежать этому послѣднему. Возражаютъ, что если произведенiе будетъ непосредственно за смертью автора переходить въ общее владѣнiе, то никакой издатель не станетъ заключать контракта съ авторомъ; но вѣдь произведенiе и будетъ непосредственно переходить въ общее владѣнiе только въ такомъ случаѣ, если никакого контракта нѣтъ. Авторъ

останется совершенно свободнымъ. Онъ будетъ имѣть право продать одно и то же сочиненіе нѣсколькимъ издателямъ, для изданія его въ разныхъ видахъ, какъ это дѣлается и теперь. Но, спрашиваютъ, если онъ продастъ право изданія навсегда, во что обратится тогда право общаго владѣнія? На это можно отвѣчать, что право собственности на какой-либо предметъ является болѣе или менѣе ограниченнымъ, смотря по тому, насколько этотъ предметъ принадлежитъ публикѣ (?) и ничто не мѣшаетъ закону воспретить автору отчуждать его собственность навсегда. Что же касается конкуренціи, то она полезна для самаго книгопродавческаго дѣла. Затѣмъ, спрашивается еще, что будетъ съ вознагражденіемъ (премією), уплачиваемымъ наследникамъ автора обществомъ, когда такихъ наследниковъ болѣе не окажется? Вопросъ этотъ поставленъ не былъ, но долженъ представиться. Мнѣ кажется, что самымъ полезнымъ назначеніемъ было бы обращать тогда это вознагражденіе въ общій фондъ, для образованія большого капитала, изъ котораго оказывалось бы пособіе молодымъ писателямъ, которые борются съ такими трудностями, прежде чѣмъ приобрѣтутъ успѣхъ, и иногда погибаютъ въ этой борьбѣ. Нѣкогда правительства давали пенсіи литераторамъ; почему же сама литература не создала бы большого вспомогательнаго фонда, который находился бы въ распоряженіи общества литераторовъ и представлялъ бы собою придворный бюджетъ (*liste civile*) литературы? Онъ и составилъ бы изъ доли барыша отъ такихъ произведеній, за которыми нѣтъ болѣе наследниковъ. Тогда молодые люди сознавали бы, что за ними какъ-бы стоятъ Корнейль, Мольеръ, Вольтеръ и платятъ дань имъ, начинающимъ. Устройте ваше общее богатство; пусть мертвые покровительствуютъ живымъ; прошу васъ — учредите порядокъ общаго владѣнія съ вознагражденіемъ“.

XIII.

Славному поэту надо отдать справедливость въ томъ, что онъ гораздо шире смотрѣлъ на вопросъ, чѣмъ большинство участниковъ конгресса. Для многихъ, судя по рѣчамъ ихъ, задача конгресса опредѣлялась самой узкой рамкой коммерческаго интереса: озабочиться, чтобы литераторъ въ пользованіи собственностью уравненъ былъ съ лавочникомъ и ремесленникомъ; для этого требовалось приравненіе литературной собственности къ вещественной, и объявленіе первой безсрочною, наравнѣ съ послѣдней; затѣмъ — дать писателю вообще возможность получать доходъ со всѣхъ видовъ эксплуатаціи его про-

извѣдѣній за-границею, расширить до вѣчныхъ предѣловъ его имущественное право.

Викторъ Гюгъ представлялъ себѣ задачу конгресса гораздо выше. Его мало интересовали вопросы о взаимствованіяхъ, о сборѣ дохода съ переводовъ и представлений. Для него на первомъ планѣ былъ, дѣйствительно, интересъ общества въ литературѣ; онъ признавалъ двѣ полноправныя силы — автора и общество, и недаромъ говорилъ, что если выбирать между интересами того или другого, то онъ готовъ склониться на сторону общества. Предлагаемый имъ порядокъ — *domaine public payant* — былъ основанъ на такой теоріи, которая ставила выше всѣхъ правъ — право общества, интересъ общаго умственнаго развитія. Но эта теорія въ сущности есть отрицаніе тождественности литературной собственности со всякою иною; въ силу этой теоріи можетъ быть ограничено и право самого автора при его жизни, напр., его право отчуждать изданіе своихъ произведеній навсегда или на слишкомъ долгое время послѣ его смерти. Логическая необходимость и заставила В. Гюгъ, вслѣдствіе сдѣланныхъ возраженій, признать возможность такого ограниченія правъ самого автора. Но онъ напрасно не высказался съ самаго начала противъ приравненія литературной собственности къ вещественной, напрасно не поставилъ открыто тезы, что авторское право есть только привилегія, создаваемая обществомъ въ интересъ самого общества. Тогда онъ могъ бы поставить свою систему *domaine public* болѣе логично и избѣгнуть введенія въ нее практическихъ противорѣчій тому началу, которое, въ сущности, служитъ ей основной мыслью. Но В. Гюгъ — не юристъ; его, повидимому, нисколько не тревожитъ отсутствіе цѣльной, связанной юридической теоріи въ тѣхъ предложеніяхъ, какія онъ заявлялъ.

Онъ даже сердился на юристовъ, объявляя ихъ некомпетентными въ литературномъ дѣлѣ.

Но это было напрасно. Положимъ, они и въ самомъ дѣлѣ некомпетентны, чтобы цѣнить литературныя произведенія и хотя бы условія литературнаго творчества. Но вѣдь предложенія, съ какими выступалъ Гюгъ, были все-таки предложенія законовъ; а невозможно предлагать законы, не приводя ихъ сперва въ стройную юридическую цѣльность, на основаніи той или другой, однажды принятой и затѣмъ уже строго-выдержанной, теоріи. Между тѣмъ было отчасти именно это.

Такъ, предлагая систему, которой дѣйствительный смыслъ есть предпочтеніе интереса общества въ литературѣ всѣмъ прочимъ интересамъ, Гюгъ тѣмъ не менѣе, на словахъ, противопоставлялъ автору обществу, какъ равноправную „силу“. Онъ признавалъ право автора распорядиться его собственностью при жизни — неограничен-

ниги и допускать отчужденіе имъ права изданія на „многіе годы“ по смерти автора. Такимъ образомъ, онъ становился, по отношенію лично къ автору, въ ряды защитниковъ приращенія литературной собственности къ вещественной, и только по отношенію къ наследникамъ провозглашалъ преобладаніе интереса общественнаго. Но такого различія, такой двойственности теоріи допустить нельзя, не впадая тотчасъ въ практическія противорѣчія. Если право автора при жизни безусловно, въ такомъ случаѣ онъ можетъ уничтожить наступленіе „общаго владѣнія“ послѣ своей смерти. Для этого ему стоить только продать право изданія своихъ сочиненій навсегда, или, просто, завѣщать это право своимъ наследникамъ, согласно общимъ законамъ объ имущественномъ наследствѣ. Если по смерти автора будетъ обязательно его распоряженіе, выраженное въ контрактѣ, то почему же не будетъ обязательно его распоряженіе, выраженное въ завѣщаніи? И вотъ, Гюгô былъ вынужденъ, ходомъ преній, къ тому, чтобы согласиться на лишеніе автора закономъ права продажи изданія навсегда. Но чтó значитъ—навсегда? — Безъ означенія срока? Итакъ, если продажа будетъ совершена на 100, на 300, на 1000 лѣтъ, то на все это время „общее владѣніе“ не вступитъ въ свои права. Пусть законъ положитъ 100-лѣтній срокъ. Но тогда право распоряженія самого автора будетъ уже не безусловно. Столѣтній срокъ, это — по отношенію къ первымъ сочиненіямъ самого Виктора Гюгô не представляло бы ничего болѣе, чѣмъ то право, какое нинѣ признано французскимъ закономъ. Пятьдесятъ лѣтъ онъ уже пользуется самъ своимъ авторскимъ правомъ, еще пятьдесятъ лѣтъ по его смерти имъ будутъ пользоваться его наследники или издатели, которымъ онъ продалъ право изданія навсегда, то-есть, по нинѣшнимъ законамъ, на 50 лѣтъ послѣ смерти автора.

Далѣе. Если, какъ объяснялъ В. Гюгô, общее владѣніе должно наступать непосредственно за кончиною автора только для тѣхъ произведеній, на изданіе которыхъ не заключено контракта, то это будетъ и непрактично, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—и несправедливо. Прямой расчетъ всѣхъ авторовъ при этомъ условіи будетъ—заключать долговременные контракты, для обезпеченія своихъ семействъ, а это и сдѣлаетъ мною „общее владѣніе“. Оно въ дѣйствительности будетъ наступать немедленно только въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ не позаботился заключить долговременнаго контракта. Но, спрашивается, гдѣ же тутъ справедливость? Сверхъ того, спрашивается, почему же, при существованіи долговременнаго контракта, право издателя будетъ наследственнымъ во всей своей полнотѣ, такъ что до истеченія срока этого контракта, наследники издателя будутъ имѣть исключительное право дѣлать новыя изданія и получать все

барышъ съ нихъ, между тѣмъ какъ наслѣдники автора, умершаго безъ контракта, тотчасъ же лишаются его авторскаго права, которое переходитъ въ общее владѣніе, и имъ остается пользоваться только премією въ 5 или 10% съ чистаго барыша новыхъ издателей?

Всѣ эти практическія неудобства возникаютъ именно изъ того, что система В. Гюгô не проводитъ цѣльно ни мысли о полномъ приравненіи литературной собственности къ вещественной, ни мысли о привилегіи, предоставляемой обществомъ автору и его наслѣдникамъ. Если бы проведена была эта вторая мысль, въ такомъ случаѣ право распоряженія самого автора должно бы быть ограничено именно въ виду общаго владѣнія, то-есть авторъ могъ бы отчуждать свои произведенія только по день своей смерти. Но при этомъ условіи, дѣйствительно, автору трудно было бы находить издателей. Система В. Гюгô при этомъ условіи была бы вполнѣ логична сама въ себѣ. Но въ практическомъ отношеніи ей слѣдовало бы все-таки предпочесть простую срочную привилегію *безразлично* для автора и его наслѣдниковъ и купившихъ отъ него или отъ нихъ привилегію, то-есть ту систему, которая повсемѣстно существуетъ теперь.

Конгрессъ принялъ слѣдующія постановленія по докладу первой комиссіи:

„Право автора на его произведеніе составляетъ не уступку (привилегію), даруемую закономъ, но одинъ изъ видовъ собственности, подлежащій обезпеченію закономъ.

„Право автора, его наслѣдниковъ и представителей права автора (*ayants cause*) безсрочно (*perpétuel*).

„По истеченіи срока, которымъ обусловлено дѣйствіе авторскихъ правъ въ существующемъ законодательствѣ разныхъ странъ, всякому лицу предоставляется свободно воспроизводить литературные труды, подъ условіемъ платежа вознагражденія (*redevance*) наслѣдникамъ автора или лицамъ, къ коимъ перешло его право (*ayants cause*)“.

Выше уже достаточно выясненъ мой взглядъ, состоящій въ томъ, что первое изъ этихъ положеній нераціонально; что второе логически вытекаетъ изъ перваго; наконецъ, что третье противорѣчитъ второму и первому. Правда, изъ преній видно, что третье постановленіе принято въ видѣ переходной мѣры, то-есть до признанія законами всѣхъ странъ безсрочности литературной собственности. Но въ этомъ, временномъ значеніи, оно составляетъ противорѣчіе по отношенію къ основной мысли существующихъ законодательствъ. Законодательства предоставляютъ наслѣдникамъ полную собственность авторовъ на опредѣленное время, съ тѣмъ именно, чтобы, по истеченіи срока, литературныя произведенія дѣлались полной собственностью общества, стало быть, о вознагражденіи, по истеченіи срока, не должно

быть рѣчи. Если же принять теорію *domaine public payant*, основанную на различіи между правомъ наслѣдниковъ и правомъ автора, то общее владѣніе съ вознагражденіемъ наслѣдниковъ должно начинаться со смерти авторовъ, а не по истеченіи нынѣшнихъ сроковъ пользованія наслѣдниками полной собственностью, принадлежавшею авторамъ.

XIV.

Пренія по докладу второй комиссіи можно изложить безъ разсмотрѣнія самыхъ вопросовъ, о которыхъ шла рѣчь, и которые представлялись предложеніемъ Селлье и монополіею автора въ переводахъ, такъ какъ эти вопросы были разобраны въ предшествующей статьѣ.

Докладовъ третьей комиссіи было два: г. Лермина, французъ, прочелъ докладъ о положеніи писателей во Франціи, а г. Альфонсо, испанецъ,—докладъ о положеніи ихъ въ другихъ странахъ. Въ заключеніи этого доклада предлагалось образовать международное литературное общество, которое поддерживало бы завязанныя конгрессомъ отношенія. Таковъ же былъ смыслъ письменнаго предложенія, присланнаго англійскимъ писателемъ г. Бланчардомъ-Джерольдомъ; сверхъ того, въ его предложеніи заключалась мысль, чтобы международному комитету было поручено представить отчетъ объ его дѣйствіяхъ слѣдующему литературному конгрессу, который былъ бы созванъ въ Лондонѣ, въ іюнѣ будущаго года.

Прежде чѣмъ перейти къ преніямъ по докладамъ второй и третьей комиссій, слѣдуетъ упомянуть еще о принятіи одного изъ предложеній, заключавшихся въ докладѣ первой, обсуждавшагося въ засѣданіи 27-го іюня. Какъ мы уже видѣли, — провозглашеніе безсрочности литературной собственности—было уже принято общимъ собраніемъ въ предшествующемъ засѣданіи, хотя теорія, на которой комиссія основывала это предложеніе, обсуждаема не была, а потому такъ и осталось неизвѣстнымъ, на какомъ основаніи конгрессъ призналъ литературную собственность вѣчною и провозгласилъ ее такою. По ходу дѣла казалось, что онъ и провозгласилъ ее вѣчною собственною потому, что большинство а priori считало конгрессъ призваннымъ къ провозглашенію принципа этой вѣчности, какъ то и обнаружилось въ словахъ г. Ратисбонна.

Затѣмъ, оставалось пустить на голоса второе предложеніе первой комиссіи, то самое, въ которомъ, какъ я уже замѣчалъ выше, однородность литературной собственности со всякою иной фактически опровергалась, несмотря на то, что именно на этой однородности

основывалось предложеніе о безсрочности. Напомню второе предложеніе. Оно гласило, что наслѣдникъ, издавшій въ теченіи 20 лѣтъ произведенія, которое перешло къ нему въ собственность, можетъ быть лишенъ своихъ правъ. Самъ авторъ доклада первой комиссіи, г. Донбѣ, предложилъ теперь замѣнить это постановленіе другимъ, которое гласило бы такъ, что „право, признаваемое за наслѣдниками, не можетъ однако препятствовать выпуску новаго изданія, если только оно вѣрно съ оригиналомъ. Къ этому новому изданію можно будетъ приступать послѣ того, какъ наслѣдникамъ были сдѣланы серьезныя (réelles) предложенія объ уплатѣ имъ вознагражденія и послѣ того, какъ это предложеніе будетъ сдѣлано имъ въ понудительномъ смыслѣ (sommation) дважды, съ шестимѣсячнымъ промежуткомъ между этими sommations, но останется безплоднымъ“.

Постановленіе по второму пункту и было принято конгрессомъ въ этомъ видѣ. Итакъ, результатомъ его сужденій по вопросамъ о существѣ литературной собственности и ея условіяхъ и о томъ, требуется ли для нея особое законодательное опредѣленіе или нѣтъ, является нѣчто довольно безсвязное. Литературная собственность провозглашена безсрочною, стало быть, она приравнена къ собственности вещественной и не требуетъ особаго законодательнаго опредѣленія. А между тѣмъ, по двумъ существеннымъ пунктамъ допущены совершенно „особыя“ законодательныя опредѣленія, а именно: допущено общее владѣніе по окончаніи нынѣ дѣйствующихъ сроковъ и принято положеніе, которымъ наслѣдникъ обязывается непременно издавать сочиненіе, перешедшее къ нему по праву наслѣдства. Никакихъ такихъ ограниченій распоряженія имуществомъ нѣтъ въ правѣ собственности реальной, вещественной. Изданіе сочиненія, принадлежащаго наслѣднику автора, кѣмъ-либо противъ воли этого наслѣдника, когда послѣдній самъ не издаетъ его и не принимаетъ „серьезныхъ“ предложеній объ его изданіи, есть такое нарушеніе права собственности, которое приравниваетъ право наслѣдника скорѣе къ личному, то-есть нравственному праву родителей надъ совершеннолѣтними дѣтьми. Самая форма „sommations à six mois d'intervalle“—именно та, которая установлена въ французскомъ законѣ для вступленія совершеннолѣтнихъ въ бракъ помимо воли ихъ родителей; это тѣ же самыя „sommations respectueuses“; только послѣдняго слова нѣтъ; оно въ литературномъ законѣ замѣняется словомъ „infructueuses“.

Теперь обратимся къ преніямъ по докладу второй и третьей комиссій. Докладчикомъ второй комиссіи былъ г. Ларнодъ, французъ. Предложеніе Селлѣ, въ конечномъ результатѣ, одержало верхъ во второй комиссіи, хотя при первомъ голосованіи оно было отверг-

нуто. Принятіе его, затѣмъ, въ комиссіи объяснялось просто тѣмъ фактомъ, что число иностранныхъ членовъ съ каждымъ днемъ убавлялось. Конгрессъ принялъ слѣдующія предложенія доклада второй комиссіи (они же—предложенія Селльбэ, только въ упрощенной редакціи):

„Всякое литературное, ученое или артистическое произведеніе будетъ пользоваться въ иныхъ странахъ, чѣмъ та, въ которой оно первоначально появилось, покровительствомъ тѣхъ же законовъ, какъ и произведенія, имѣющія національное (мѣстное) происхожденіе“.

„Для того, чтобы обезпечить за своимъ произведеніемъ такое покровительство, отъ автора не требуется ничего болѣе, какъ только исполненіе обычныхъ формальностей въ той странѣ, гдѣ произведеніе было впервые издано“.

Предложенія эти были приняты конгрессомъ,—первое—подъ условіемъ, что оно будетъ редижировано такъ, чтобы оно распространялось и на произведенія драматическія. Принятіе формулы Селльбэ, впрочемъ, логически истекало изъ одобренія конгрессомъ доклада первой комиссіи о сущности литературной собственности. Если авторское право приравнено съ вещественной собственностью и объявлено безсрочнымъ, какъ право всякаго собственника, то иностранныя произведенія, конечно, должны пользоваться въ каждой странѣ такою же охраной, какъ иностранные товары, которые охраняются наравнѣ съ имуществомъ мѣстныхъ жителей. Далѣе обсуждалось третье предложеніе, заключавшееся въ докладѣ второй комиссіи:

„Что касается перевода и передѣлки (adaptation), международный литературный конгрессъ выражаетъ желаніе, чтобы международные трактаты обезпечивали за авторомъ право позволять упомянутые переводъ и передѣлку“. Право позволять включаетъ въ себѣ право — не позволять. Коль скоро на переводъ должно быть испрашено позволеніе автора, то изданіе перевода предполагаетъ вознагражденіе автору оригинала. Не буду напоминать сказаннаго въ первой статьѣ о невыгодности для насъ, русскихъ, подобаго постановленія. Но я долженъ замѣтить, что его трудно было оспаривать отдѣльно отъ прочихъ предложеній, внесенныхъ въ конгрессъ второю и первою комиссіями. Вотъ почему, когда въ одномъ изъ засѣданій второй комиссіи приходилось излагать мотивы несогласія русскихъ на это послѣднее постановленіе, то вмѣстѣ съ тѣмъ надо было оспаривать и формулу Селльбэ и безусловность литературной собственности. Когда же однажды было признано, что авторское право есть не что иное, какъ одинъ изъ видовъ собственности вещественной, то уже стало гораздо труднѣе требовать изъятій въ пользу какой-либо страны по отношенію къ авторамъ иностраннымъ.

Въ засѣданіяхъ второй комиссіи делегаты другихъ странъ, кромѣ французскихъ, какъ-то уклонялись отъ защиты своихъ интересовъ въ свободѣ перевода, такъ что защищать эту свободу приходилось почти однимъ русскимъ литераторамъ. Но въ частныхъ разговорахъ иностранцы, въ томъ числѣ и англичане, выражали сочувствіе нашей точкѣ зрѣнія. Затѣмъ, при обсужденіи этого пункта въ общемъ собраніи, сперва было сдѣлано иностранцами нѣсколько заявленій въ нашемъ смыслѣ, то-есть въ пользу свободы перевода, причемъ одни полагали—какъ то допускали и мы — вознагражденіе автору оригинала въ видѣ краткаго срока на монополію перевода, другіе — вознагражденіе въ видѣ опредѣленнаго процента съ барыша, нѣчто въ родѣ *domaine public payant*—по отношенію къ изданію переводомъ иностранныхъ сочиненій. Такъ, послѣ рѣчи г. Сонцоньо, итальянца, за предложеніе второй комиссіи, делегатъ изъ центральной Америки, г. Перальто доказывалъ, что ходатайство о согласіи авторовъ связано съ большими неудобствами и условіе это вовсе не ручалось бы за достоинство переводовъ, такъ какъ часто иностранный авторъ не знаетъ языка переводчика. По этимъ соображеніямъ, г. Перальто требовалъ, чтобы право перевода оставалось въ общемъ владѣніи, но чтобы изданіе переводовъ было обусловлено уплатою авторамъ оригиналовъ опредѣленнаго процента, въ видѣ вознагражденія.

Г. Висльневскій, полякъ, допускалъ принятіе предложенія комиссіи, но только по отношенію къ произведеніямъ литературнымъ, по отношенію же къ произведеніямъ научнымъ онъ требовалъ, въ интересъ распространенія образованія и успѣха наукъ, чтобы переводы ихъ дѣлался свободнымъ по истеченіи опредѣленнаго срока. Такимъ образомъ, г. Висльневскій въ сущности защищалъ нашу мысль; и для насъ существенный интересъ представлялся именно въ свободномъ, то-есть бесплатномъ (по истеченіи краткаго срока) переводѣ книгъ ученыхъ и учебныхъ. Но мы не нашли возможнымъ устанавливать срокъ для однихъ, не устанавливая его для другихъ, такъ какъ предвидѣли возраженіе, что если дѣлать различіе между трудами беллетристическими и научными, то именно послѣдніе имѣютъ право на *большее* покровительство, чѣмъ первые.

Далѣе, бразильскій делегатъ, одинъ изъ лучшихъ иностранныхъ ораторовъ конгресса, г. Санта-Анна-Нери, защищалъ энергически многія изъ тѣхъ положеній, которыя были высказаны нами. „Я расположенъ употребить всѣ усилія для успѣха дѣла литературнаго конгресса, — говорилъ онъ, — но не могу принять того желанія, которое обсуждается въ настоящую минуту. Иностранные авторы не могутъ судить о способностяхъ переводчиковъ. Согласіе автора получить тотъ, кто поторопится просить о немъ, а еще вопросъ—будетъ ли это наиболѣе

лѣе добросовѣстный и способный переводчикъ. Сверхъ того, предложеніе комиссіи, если бы оно осуществилось въ законѣ, повело бы къ умноженію поддѣлокъ, и поставило бы препятствіе къ распространенію нѣкоторыхъ отраслей званія въ тѣхъ странахъ, куда онѣ еще недостаточно проникли. Вотъ почему я высказываюсь за свободу перевода, съ платою опредѣленнаго процента вознагражденія автору⁴. Довольно характеристиченъ тотъ фактъ, что послѣ рѣчи г. Санта-Анна-Пери заключеніе преній было потребовано французскимъ делегатомъ, г. де-ла-Ланделлемъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему было разсуждать, когда огромное численное превосходство въ собраніи было на сторонѣ французовъ, и вотировать внезапно предложеніе второй комиссіи, о правѣ запрещенія переводовъ авторами, было столь же легко, какъ внезапно голосовать вѣчность литературной собственности, по предложенію г. Ратисбонна? Заключеніе преній на этотъ разъ было однако отвергнуто и обсужденіе продолжалось.

Но заявленія иностранцевъ—не-французовъ, согласныя съ нашей точкой зрѣнія, вдругъ прекратились послѣ рѣчи австрійскаго делегата, г. Виттмана, редактора или сотрудника вѣнской „Neue Freie Presse“. Я уже сказалъ, въ первой статьѣ, что этотъ ораторъ приобрѣлъ нѣкоторую популярность среди членовъ конгресса, вслѣдствіе бойкой рѣчи, произнесенной имъ за банкетомъ въ „Континентальномъ отелѣ“. Поэтому, когда онъ сталъ говорить о правѣ перевода, „ухо аудиторіи“, по англійскому выраженію, было ему уже обезпечено. А такъ какъ онъ и на этотъ разъ говорилъ не менѣе бойко, хотя и съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, и притомъ говорилъ въ интересѣ французскихъ авторовъ, наиболѣе переводимыхъ за границею, то успѣхъ его среди большинства былъ полный и, по всей вѣроятности, устранилъ многихъ скромныхъ иностранцевъ отъ выступленій въ защитѣ интереса переводчиковъ, который онъ старался сдѣлать смѣшнымъ.

„Желаніе, выражаемое въ предложеніи второй комиссіи,—сказалъ г. Виттманъ,—я нахожу столь естественнымъ, что не понимаю даже, какимъ образомъ оно можетъ подать поводъ къ малѣйшему спору. Я подамъ голосъ за это предложеніе тѣмъ охотнѣе, что, какъ мнѣ кажется, принявъ первое предложеніе, мы тѣмъ самымъ одобрили посылки, изъ которыхъ второе предложеніе истекаетъ само собою. Я слышалъ сдѣланныя возраженія, но они меня нисколько не убѣждаютъ. Какъ, мы всѣ вѣстѣ собрались въ путь къ обѣтованной землѣ—литературной собственности—и вдругъ нѣкоторые изъ нашихъ товарищей говорятъ намъ: намъ бы очень хотѣлось дойти съ вами до Палестины, но, по своимъ дѣламъ, мы принуждены остаться въ Версалѣ! Слѣдуетъ разъ навсегда покончить съ племенемъ литературныхъ

браконьерствъ, въ которому законодательству доселѣ относились съ непонятной нѣжностью. Трудъ переводчиковъ нынѣ лишился въ Австріи уваженія. Дѣйствительно, было время, когда лучшие писатели почитали для себя за честь братья за переводы мастерскихъ иностранныхъ произведеній: Расина переводилъ Шиллеръ, Вольтера переводилъ Гёте. Но въ нынѣшнее время переводомъ пьесъ Вольтера занялся бы дворникъ театра. Именно для того, чтобы покончить съ этой *philoxera vastatrix* литературы, я и подаю голосъ за простое принатіе, безъ всякаго сомнѣнія, желанія выраженнаго комиссіею, и прошу конгрессъ принять этотъ пунктъ единогласно".

Впечатлѣніе, произведенное этой рѣчью, лучше всего характеризуется тѣмъ фактомъ, что румынскій делегатъ, получившій слово послѣ г. Витмана, объявилъ, что „слишкомъ уважаетъ свою страну, чтобы не быть увѣреннымъ въ ея готовности заклеить литературное браконьерство". Итакъ, слово г. Витмана пошло въ ходъ. И дѣйствительно, англичане, которые прежде были расположены скорѣе въ пользу свободы перевода, неожиданно заявили себя въ пользу предложенія комиссіи. А между тѣмъ, что же было серьезнаго въ рѣчи представителя „Neue Freie Presse"? Серьезный аргументъ въ ней былъ только одинъ: что признавъ необходимость уравнинія писателя иностраннаго съ національнымъ, для полноты этого уравнинія требовалось признаніе за иностраннымъ авторомъ права не давать согласія на изданіе перевода, какое принадлежитъ въ каждой странѣ автору національному. Мы очень хорошо сознавали это впередъ, а потому и подавали голоса какъ противъ формулы Селлье, такъ и противъ перваго предложенія второй комиссіи. Но, кромѣ этого, никакого аргумента въ рѣчи австрійскаго делегата въ сущности не было. Обозвать переводчика „браконьеромъ" вовсе еще не значить опровергнуть важность услуги переводчика для взаимнаго ознакомленія народовъ съ литературами каждаго изъ нихъ. Если правда, что въ настоящее время для нѣмецкихъ сценъ въ Австріи или Германіи переводы иностранныхъ пьесъ могутъ быть поручаемы привратникамъ театровъ, то это можетъ доказывать только недобросовѣстность антрепренѣровъ и отсутствіе вкуса у публики, которой можно подносить такіе переводы. Во всякомъ случаѣ, когда антрепренѣрамъ придется платить, сверхъ гонорара за переводъ, еще значительное вознагражденіе, какое потребуютъ за согласіе на переводъ такіе авторы, какъ Дюма, Фелльбэ, Оардъ, то тѣмъ вѣроятнѣе будетъ, что антрепренѣры постараются выгадать этотъ лишній расходъ на платѣ переводчикамъ — и вотъ когда порученіе перевода „дворникамъ" они уже въ самомъ дѣлѣ примутъ за правило. Но главный интересъ представляется все-таки не въ переводѣ какихъ-нибудь водевилей, а въ устраниніи

водорожания переводныхъ ученыхъ и учебныхъ книгъ въ такихъ литературахъ, которыя еще только развиваются или почти-что создаются. И этотъ интересъ именно для народовъ Австро-Венгрии едва ли не важнѣе, чѣмъ для котораго либо изъ другихъ народовъ Европы. Едва ли литературы хорватская, сербская, русско-галицкая, даже мадьярская уже такъ богаты оригинальными произведеніями во всѣхъ отрасляхъ знанія, что переводы съ иностранныхъ языковъ для нихъ являются уже просто прихотью, за которую можно и платить гораздо дороже. Правда, г. Виттманъ былъ представителемъ „Neue Freie Presse“, и потому едва ли могъ быть представителемъ интересовъ славянъ и хотя бы самихъ мадяровъ. Но въ такомъ случаѣ оставалось пожалѣть, что изъ Австріи не явился на конгрессъ такой публицистъ, который смотрѣлъ бы на интересы австрійскихъ народовъ нѣсколько шире, чѣмъ свисъ въѣзную театральную трубу. Въ словахъ г. Виттмана, по его положенію, и по ихъ смыслу, могъ сказаться взглядъ только австрійскихъ нѣмцевъ. Но умственный интересъ собственно ихъ менѣе чьего-либо представляетъ нѣчто определенное, могущее быть принятымъ въ серьезный расчетъ. При этомъ я сослался на слышанный мною, и всѣми членами конгресса, отзывъ самого г. Виттмана о современномъ направленіи общественной мысли въ средѣ австрійскихъ нѣмцевъ: „сказать правду, мы, австрійцы, сами не совсемъ даже ясно видимъ, гдѣ теперь наше литературное отечество. Мы являемся какъ-бы кочевымъ народомъ и среди европейскихъ литературъ представляемъ въ настоящее время нѣчто въ родѣ цыганъ“.

Г. Тургеневъ совершенно справедливо возражалъ противъ названія „браконьеровъ“, даннаго г. Виттманомъ переводчикамъ. Онъ объяснилъ, что „на переводчиковъ, по крайней мѣрѣ въ Россіи, нельзя смотрѣть какъ на жадныхъ хищниковъ. Скорѣе слѣдуетъ признать, что они были пионерами цивилизаціи; они послѣдовали примѣру Петра Великаго, знакома Россію съ Западомъ, его наукою и культурою. Если бы желаніе комиссіи было усвоено конгрессомъ и проведено затѣмъ въ законодательство, то русскіе переводчики, которые по настоящее время переводятъ много сочиненій французскихъ, могли бы обратиться въ иную сторону“. Нашъ писатель объявилъ далѣе, что онъ лично въ настоящемъ случаѣ могъ бы быть заинтересованъ скорѣе въ пользу желанія комиссіи, такъ какъ его произведенія переводятся, но интересъ національный не позволяетъ ему этого. „Въ виду этого интереса,—заклучилъ онъ,—русскіе члены конгресса считаютъ себя обязанными оставаться на почвѣ существующаго нынѣ законодательства, изъявляя только желаніе, чтобы оно было нѣсколько измѣнено въ либеральномъ смыслѣ“. Истинчивость, съ какою г. Тургеневъ защищалъ дѣло, которому стали измѣнять предполагаемые

наши соратники, дѣлала ему честь. Тѣмъ не менѣе г. Бланчардъ-Джеррельдъ объявилъ, что англійскіе депутаты совершенно присоединяются къ предложенію комиссіи. Бельгійскій делегатъ, г. Деніе, сказалъ то же самое; а за нимъ и одинъ изъ делегатовъ изъ Соединенныхъ Штатовъ Америки объявилъ, что подаетъ голосъ въ пользу предложенія комиссіи. Однимъ словомъ, произошло отступленіе по всей линіи и русскіе оставались почти одни. Докладчикъ второй комиссіи, г. Дарюдъ, изъяснилъ особенную признательность делегатамъ англійскимъ и сѣверо-американскимъ за ихъ присоединеніе къ видамъ комиссіи, такъ какъ ихъ страны доселѣ относились враждебно къ тому принципу, который вторая комиссія предлагаетъ провозгласить. Затѣмъ, общее собраніе утвердило предложеніе второй комиссіи, прибавивъ къ нему еще пожеланіе, предложенное однимъ изъ членовъ:

„Чтобы впредь международныя литературныя конвенціи заключались независимо отъ торговыхъ или таможенныхъ трактатовъ“.

Это пожеланіе представляется нѣсколько страннымъ: почему же доселѣ, то-есть пока литературная собственность считалась особеннымъ видомъ права, международныя соглашенія относительно ея могли входить въ составъ торговыхъ договоровъ, а именно отнынѣ, когда литературная собственность признана была на конгрессѣ только однимъ изъ видовъ собственности вещественной, положенія о международномъ обмѣнѣ литературныхъ произведеній не могутъ включаться въ общіе торговые договоры, но должны быть предметомъ отдѣльныхъ „литературныхъ“ конвенцій? Казалось бы, тутъ есть противорѣчіе; впрочемъ, ивъ такъ много въ резолюціяхъ, принятыхъ конгрессомъ, что одно лишнее можетъ и не идти въ счетъ.

Перейдя затѣмъ къ предложеніямъ третьей комиссіи, заключающимся въ докладѣ г. Лермина, общее собраніе приняло, безъ преній, слѣдующія два изъ нихъ:

„Международный литературный конгрессъ признаетъ, что улучшение нравственнаго и матеріальнаго положенія литераторовъ существеннымъ образомъ связано съ учрежденіемъ и развитіемъ обществъ, имѣющихъ цѣлью защиту правъ писателей и образованіе фондовъ для пособія и пенсій (*fonds de secours et de retraite*).

„Конгрессъ выражаетъ желаніе, чтобы вопросъ о литературномъ кредитѣ былъ разработанъ и внесенъ въ программу будущаго международного конгресса“.

Послѣ этого, г. Лерминъ просилъ голосовать третье предложеніе третьей комиссіи, касавшееся пункта нѣсколько щекотливаго. Вотъ это предложеніе: „международный литературный конгрессъ высказываетъ желаніе, чтобы свобода мысли существовала полная среди всѣхъ народовъ. Онъ признаетъ, что издавая и пуская въ обращеніе свой

трудъ повсемѣстно и безъ препятствій, писатель дѣйствуетъ подѣ личной своей отвѣтственностью. Конгрессъ объявляетъ, что правонарушенія или проступки, совершенные писателями, должны быть судимы на основаніи общихъ законовъ (*droit commun*)". Нѣкоторые члены (г. Санта-Анна-Пери, г. де-ла-Ландель) выразили желаніе, чтобы конгрессъ не вступалъ въ эту область сужденій. Другіе (гг. Гальтъ, Шалламель) защищали это предложеніе, доказывая, что конгрессъ, имѣя цѣлью обезпеченіе литературной собственности; можетъ высказаться противъ законовъ, лишающихъ ее обезпеченія, и что конгрессъ даже обязанъ сдѣлать это, какъ въ интересъ собственности, такъ и достоинства литературы.

Но сильнѣе всѣхъ возсталъ противъ этого предложенія г. Э. Абѹ. Въ предшествующей статьѣ я уже разсказалъ, что когда зашла-было рѣчь о „комиссіи равнosa произведеній печати“ (*commission du colportage*), г. Э. Абѹ замѣтилъ, что „свое грязное бѣлье слѣдуетъ стирать промежъ себя“, и спросилъ: „что сказали бы мы, если бы одинъ изъ делегатовъ такой страны, въ которой существуетъ предварительная цензура, явился къ намъ съ жалобой на ея существованіе? Мы, конечно, нашли бы это неумѣстнымъ“. Хотя никто ни въ комиссіяхъ, ни въ общемъ собраніи не явился съ такой жалобой, уже потому, что чувство деликатности не позволило бы иностранцамъ навязываться съ своими особыми дѣлами французамъ, когда тѣ уже заявили, что имъ до этого нѣтъ дѣла,—но, тѣмъ не менѣе, случилось такъ, что французское же большинство третьей комиссіи внесло въ конгрессъ приведенное выше предложеніе и что вотировать его приглашалъ конгрессъ французскій же литераторъ, г. Дермина. Стало быть, никто не навязывался французамъ, но нѣкоторые изъ же соотечественники считали умѣстнымъ, чтобы международный литературный конгрессъ не ограничился попеченіями чисто-коммерческаго свойства, но заявилъ бы и общую солидарность мысли во всѣхъ странахъ и общее условіе для ея плодотворнаго развитія. Гг. Ратисбоннъ и Тони Ревильонъ стали защищать предложеніе противъ Э. Абѹ. Первый замѣтилъ, что конгрессъ только соблюдать свое достоинство, высказавшись такимъ образомъ за полное обезпеченіе литературной собственности и за свободу мысли; второй доказывалъ, что конгрессъ при этомъ вовсе не выступитъ изъ области литературной въ область политики; все дѣло въ томъ, что предварительныя иѣры наносятъ прямой ущербъ собственности и конгрессъ обязанъ высказаться за охраненіе интересовъ писателей.

Однако, видя, что предложеніе комиссіи вызвало жаркія пренія, встрѣтивъ недружелюбный пріемъ среди такихъ вліятельныхъ членовъ конгресса, какъ гг. Абѹ и Жюль де-Карнѣ, докладчикъ рѣ-

нился; такъ сказать, „выбросить часть своего балласта“, чтобы легче перенестись черезъ возникшую преграду. Онъ согласился опустить вторую часть предложенія третьей комиссіи и просилъ утвердить только первую, а именно, что „литературный конгрессъ высказываетъ желаніе, чтобы свобода мысли существовала полная среди всѣхъ народовъ“. Но г. Э. Абѹ наиболѣе и возражалъ противъ этой первой части. Онъ высказывалъ мнѣніе, что „дѣло конгресса, дѣло—чисто-литературное, подвергнется опасности (serait compromise) выраженіемъ такого желанія“. Вслѣдствіе того, г. Э. Абѹ предложилъ слѣдующую формулу перехода къ очередному порядку: „принять во вниманіе, что выражаемое третьей комиссіей желаніе не входитъ въ кругъ предметовъ, непосредственно подлежащихъ сужденію конгресса, собраніе переходитъ къ дѣламъ, стоящимъ на очереди“. Г. Лермина сказалъ еще нѣсколько словъ въ защиту предложенія комиссіи, доказывая, что она не выходитъ изъ программы конгресса, но что въ самой этой программѣ значится нравственное и матеріальное улучшеніе быта писателей. Наконецъ, стали собирать голоса, и формула перехода къ очередному порядку, предложенная г. Э. Абѹ, была принята большинствомъ 43-хъ голосовъ противъ 38-ми.

Такимъ образомъ, послѣднее предложеніе третьей комиссіи было отвергнуто. Между тѣмъ пренія по его поводу доказали еще разъ, насколько вопросы, относящіеся къ опредѣленію и обезпеченію литературной собственности, а также къ улучшенію положенія писателей, выходятъ изъ рамки обыкновенныхъ вопросовъ гражданского права и матеріальнаго заработка. Я уже не буду говорить о первой части предложенія третьей комиссіи: сущность его слишкомъ ясна для всѣхъ. Не могу не замѣтить, что большинство конгресса, отказываясь провозгласить рациональное начало подсудности общимъ законамъ людей, живущихъ умственнымъ трудомъ, какъ-бы допускало, что специальное законодательство о печати непротивно принципу равноправности литературной собственности съ другими видами этой собственности. Работы конгресса закончились принятіемъ, безъ преній, слѣдующаго проекта, внесеннаго третьей комиссіей:

Ст. 1. Учреждается международный литературный союзъ (Association), открытый для литературныхъ обществъ и писателей всѣхъ странъ.

Ст. 2. Международный литературный союзъ имѣетъ цѣлями: 1) защиту принциповъ литературной собственности; 2) устройство правильныхъ отношеній между литературными обществами и писателями всѣхъ странъ, и 3) инициативу разныхъ учреждений, имѣющихъ международный литературный характеръ.

Ст. 3. Международный литературный союз имеет главное местопребывание въ Парижѣ.

Ст. 4. Онъ управляется комитетомъ, состоящимъ изъ французъ и иностранцевъ.

Ст. 5. Первый комитетъ будетъ избранъ общимъ собраніемъ международного литературнаго конгресса.

Ст. 6. Комитету поручается организація международного литературнаго союза.

По одобреніи этого проекта, рѣшено было, что кромѣ названнаго комитета, состоящаго изъ постоянныхъ общниковъ, могущихъ специально заняться организаціею союза, и составленнаго изъ 30-ти иностранцевъ и 15-ти французовъ, будетъ образованъ еще „почетный“ комитетъ (comité d'honneur). Общее собраніе раздѣлилось на комиссіи, которыя и избрали, каждая, по 10 иностранцевъ и по 5 французовъ въ комитетъ распорядительный. Затѣмъ, общее собраніе утвердило избраніе 30-ти членовъ-французовъ, положило, что составъ членовъ-иностранцевъ будетъ опредѣленъ впоследствии и опредѣлило, что почетный комитетъ будетъ предварительно составленъ изъ президентовъ конгресса. Затѣмъ, послѣ благодарственной рѣчи г. Дюбюа, г. Э. Абю произнесъ слѣдующія, заключительныя слова: „засѣданія конгресса были отиѣчены хорошими отношеніями между его участниками. Согласіе и какъ-бы семейный духъ постоянно въ немъ господствовали. Быть можетъ, въ этой залѣ Великаго Востока, гдѣ всегда совершались только добрыя дѣла, намъ и удалось основать великую международную семью умственныхъ работниковъ“.

Засѣданія конгресса закрылись 17 (29) іюля.

Какъ ни несовершенны были работы конгресса, я готовъ согласиться, что самый фактъ, имѣ представленный, имѣетъ хорошее значеніе. Несмотря на неизбѣжныя разногласія, онъ все-таки представлялъ собою солидарность умственнаго развитія всѣхъ народовъ. Читатель можетъ вывести изъ предшествующаго разсказа и сопроводившихъ его замѣчаній, что я высказываюсь противъ большинства предложеній, конгрессомъ принятыхъ, и въ пользу большей части взглядовъ и предложеній, имъ отвергнутыхъ. Пойду далѣе и скажу, что самыя голосованія конгресса, на мой взглядъ, имѣютъ мало значенія. Что значитъ голосованіе? Оно означаетъ численное преобладаніе приверженцевъ извѣстнаго мнѣнія въ такомъ собраніи, котораго составъ основанъ на численномъ же отношеніи извѣстныхъ партій или интересовъ въ странѣ или въ средѣ, избравшей собраніе. Такимъ образомъ, голосованіе выражаетъ волю большинства полноправныхъ членовъ какой-либо среды или цѣлой страны или нѣсколькихъ странъ. Но въ такомъ собраніи, которое не исходило изъ выборовъ,

котораго составъ былъ случайный и притомъ, естественно, представлялъ рѣшительное преобладаніе элемента мѣстнаго, голосованіе не представляетъ ничего.

Другое дѣло—самый фактъ, что международный съѣздъ литераторовъ состоялся, что представители литературъ разныхъ народовъ, разединенныхъ политическими интересами, сошлись вмѣстѣ и дружески бесѣдовали объ интересахъ общихъ; этотъ фактъ не лишенъ значенія. Также и пренія конгресса имѣли цѣну, во-первыхъ, въ смыслѣ безотносительномъ, въ смыслѣ сопоставленія разныхъ мнѣній, изъ которыхъ мы въ будущемъ восторжествуемъ, наиболѣе основательнымъ; во-вторыхъ, въ томъ относительномъ смыслѣ, что, несмотря на слишкомъ узкую, такъ-сказать, коммерческую цѣль, указанную конгрессу его организаторами, эти пренія все-таки свидѣтельствовали, что кромѣ права авторовъ на ихъ труды есть право высшее—интересъ умственнаго развитія всѣхъ народовъ и что полное обезпеченіе литературной собственности (каково бы ни было данное ей опредѣленіе) тѣсно связано съ полнымъ обезпеченіемъ свободнаго умственнаго развитія общества.

Мое изложеніе работы конгресса, по необходимости, неполное и недостаточное. Но будетъ наданъ полный отчетъ объ его трудахъ, и участники конгресса уже получили удостовѣреніе, что отчетъ этотъ приготовленъ къ печати. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи высказать, въ концѣ статьи, моего уваженія къ той великой странѣ, которая, на благо чеченѣвцева, такъ быстро оправилась послѣ своихъ несчастій и съ новою силою встала на свою законную роль—быть будильникомъ общихъ прогрессивныхъ стремленій. Честъ Францинъ, странѣ страстной любви къ свободѣ, странѣ наиболѣе равномернаго распредѣленія богатства, поклоненія множеству, и вмѣстѣ съ тѣмъ—странѣ трудолюбія, бережливости и высокой силы творчества во всѣхъ сферахъ работы. Не могу также не поблагодарить, въ заключеніе, почтенныхъ членовъ комитета „Société des gens de lettres“ за приглашеніе, обращенное къ русскимъ писателямъ и за радушный пріемъ, намъ оказанный.

Д. Погомокинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е сентября, 1878.

Убіиство ген. Мезенцова. — Отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1876 годъ. — Отзывъ попечителей. — Новый заемъ. — Кредитное обращеніе. — Разрядный налогъ и уравнительность. — Преобразованіе податей. — Удержаніе золотой пошлины.

Съ безотраднымъ чувствомъ заносимъ въ нашу хронику возмутительный фактъ убійства главнаго начальника III отдѣленія, генерала Мезенцова. Убіиство само по себѣ — худшее изъ всѣхъ злодѣаній; если же подтвердится распространенное предположеніе, что въ данномъ случаѣ оно было внушено политическимъ фанатизмомъ, то фактъ станетъ еще печальнѣе. Ему порадуется только враги свободнаго развитія Россіи. Каренныя основы либерализма — чуждость и законность, устраняющая произволъ. Если ему дорога неприкосновенность нравъ личности, то что можетъ быть несправедливо ему и противнѣе его ученія, какъ лишеніе челоуѣка жизни, въ силу личнаго же произвола? Если смыслъ либерализма — въ томъ, чтобы стремиться къ улучшенію законовъ, съ цѣлью большаго и большаго обезпеченія личности въ государствѣ, то что можетъ быть противоположеніе этому смыслу, какъ убійство, совершаемое надъ личностью для отрицанія законовъ и самаго государства?

Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о партіи, къ какой могли принадлежать убійцы, какъ оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, почему жертвою своего преступленія они избрали начальника такой-то части управленія. Для насъ, всѣ убійцы принадлежать къ одной партіи — партіи враговъ челоуѣческаго союза, что бы ни руководило ими: корысть или произволъ изступленнаго мнѣнія. Всѣ учрежденія законны, пока они не отиѣнены закономъ, и никогда еще кинжалъ убійцы не велъ къ усовершенствованію учреждений. Напротивъ: проявленіе того страшнаго произвола, въ силу котораго преступникъ присвоиваетъ себѣ

приво смерти; почти всегда вызываетъ временное отсутствіе навады, снѣсновъ поспѣшній, но какъ-бы невольный плачъ навады въ тѣхъ краткихъ временахъ, когда политическими аргументами были извѣстны съ одной стороны, съ другой.

Мы признаемъ опасность распространенія фанатизма; преступность заразительна, какъ и многіе физическіе бичи челоѣчества. Не вѣдь и паника заразительна и можетъ иногда ухудшить положеніе дѣла. Для предупрежденія преступленій, подобныхъ двумъ совершеннымъ недавно въ Петербургѣ, признаемъ нужнымъ примѣнить къ нимъ судъ военный, — вотъ единственная мѣра, какая до сихъ поръ была вызвана этими случаями, и надо надѣяться, что этой единственной мѣрой, направленной непосредственно противъ лицъ, совершающихъ подобныя преступленія, и будетъ исчерпано все то прискорбное впечатлѣніе, какое тѣхъ случаями произведено. Моментъ временнаго возбужденія не удобенъ для отбѣны мѣры, которая принята государствомъ для самообороны. Но надо надѣяться, что никакіхъ мѣръ общаго, касающихся всѣхъ, предпринято не будетъ. Ужасно уже и то, что жизнь должностныхъ лицъ въ государствѣ можетъ быть подвергнута опасности горстью убійцъ. Но было бы не менѣе ужасно, если бы отъ дѣланій этихъ послѣднихъ зависѣла судьба 80-ти милліоновъ, если бы ихъ вина стала преградой дальнѣйшему развитію общественнаго быта дѣлой страны, которая изречаетъ единодушный надъ ними приговоръ.

Имѣя въ виду эту опасность — которой, надѣмся, не суждено оправдаться — мы и замѣтили выше, что только враги свободнаго развитія Россіи могутъ съ злорадствомъ встрѣтить вѣсть о преступленіи, съ которымъ никакіе слои русскаго общества солидарны быть не могутъ. Убійцы есть всегда и политическія убійства имѣютъ не рѣже, чѣмъ въ Россіи. Два покушенія на жизнь императора Вильгельма произвели въ Германіи потрясающее впечатлѣніе; не не нашлось ни одного наущника, который бы сталъ указывать въ политическомъ убійствѣ какую-то національную особенность германскаго общества или истинную черту населенія того города, въ которомъ покушенія совершались. Между тѣмъ, у насъ одна газета непосредственно за извѣстіемъ объ убійствѣ и о негодованіи, имъ возбужденномъ въ населеніи Петербурга, рѣшилась злорадоваться слѣдующимъ образомъ: „никакъ и быта не можетъ, — но только какія части населенія? Впрочемъ, присяжонъ (подобномъ случаѣ наиприличивѣе слово есть негодованіе. Я негодую, ты негодуешь, мы негодуемъ, они негодуютъ“. Замѣтъ, замѣчается съ тупыми шутками процессъ, какъ онъ былъ бы въ обыкновенномъ судѣ, если бы убійцъ поймали; разумѣется, дѣло окончилось бы „приговорами съ фейерверкомъ“. Это — обостренныя

слова „Московскихъ Вѣдомостей“. Нѣтъ мѣри добродѣли русской публики; ниюмы пера и доносчим печати писакъ не боятся вызвать въ ней отвращенія къ себѣ; они еще шутятъ, они рассчитываютъ на то, что остроуміе ихъ понравится достаточному числу читателей.

Оказывается, что чины полиціи при процессѣ Засуличъ признавались не для улененія суду фактовъ, безъ котораго никакой судъ, хотя бы и военный, немислилъ, но специально — „для дачи показаній въ оправданіе, очинненіе и прославленіе мотивовъ, поружившихъ карательную руку“; что признающіе признали Засуличъ виновною не потому, что признали наличность такихъ обстоятельствъ, которыя почти съ дѣтства исказили ея нравственное существо, но потому, что хотѣли устроить апофеозъ убійства. Наконецъ, что „вся петербургская печать, вторя настроенію чиновной интеллигенціи (донесъ на доносъ, — не слышимъ ли это?) вошла, въ вакханское неистовствіе, о новой эрѣ, наступившей для Россіи. Скандаль, обнаружившій истинное зло, которымъ мы страдаемъ, ставъ дѣйствительно эрой; онъ сотворилъ нѣчто изъ ничего, и это нѣчто идешь въ гору“. Ну, разумѣется, если генераль Мессенцовъ палъ жертвою убійства, то виновата въ этомъ петербургская печать; практическія послѣдствія ясны: эту революціонную печать слѣдуетъ упоротъ, а „виновную интеллигенцію“ слѣдуетъ смѣнить, ошоравъ у ней мѣстѣ для людей неинтеллигентныхъ, по выбору „Московскихъ Вѣдомостей“ или окелоточныхъ, которые одни составляютъ консервативную силу въ Россіи. Какой мрачный и вѣстѣ пошлый юморъ! По злобѣщому цинизму, онъ напоминаетъ юморъ заплетенныхъ мастеровъ, въ ожиданіи „представленія“. Итакъ, политическое убійство есть зло, которымъ мы специально страдаемъ и оно разлилось и пошло въ гору, благодаря петербургской печати. Г. Катковъ притверждаетъ, будто знаетъ русскую исторію только изъ одобренныхъ учебниковъ, въ которыхъ нѣтъ даже пятенъ типографской краски, которыя наводили бы на размысленіе. Въ добродушнаго короля Людовика-Филиппа стрѣляли болѣе десяти разъ; на жизнь королевы Виллермъ, императора Франца-Иосифа, императора Вильгельма дѣлались покушенія, и во все это время, начиная съ царствованія Елизаветы II и до „дѣла Засуличъ“, никому изъ головъ не приходило, что „новая эра“, эра обезглавленія посредствомъ политическаго убійства, будетъ избрѣжена петербургской печатью, при помощи чиновной интеллигенціи; въ 1878 г.

Августъ—мѣсяцъ знаменитъ для поступленій въ учебники законченія—есть вѣстѣ какъ-бы мѣсяцъ знаменитъ для самой дѣятельности государства по распространенію народнаго образованія. Главный

вопросъ, задающійся въ этомъ послѣднемъ знаменіи, тотъ:—достаточно ли сдѣлано государствомъ для удовлетворенія сильно-возрастающей народной потребности въ образованіи, законной и священной потребности учиться? Отвѣтъ на такой вопросъ всегда бываетъ неудовлетворительный, и можно сказать, что государство постоянно не выдерживаетъ знамена въ этомъ смыслѣ. Такъ было и въ нынѣшнемъ августѣ. Особенно великъ былъ наливъ учениковъ въ гимназіи военныя, которыя въ отношеніи общаго образованія многими предпочитаютъ реальнымъ училищамъ. Повторялось обыкновенное прискорбное явленіе: приходилось отказывать большинству не только желающихъ поступить въ эти заведенія, но большинству выдержавшихъ уже экзаменъ—по недостатку мѣста!

Что касается высшихъ училищъ, то государство въ нынѣшнемъ августѣ далѣе на упомянутый выше вопросъ отвѣтъ менѣе удовлетворительный, чѣмъ когда-либо: въ нѣкоторыя высшія спеціальныя заведенія оказалось невозможнымъ поступать просто потому, что государство не желало новыя поступленія, сократило и даже вовсе отиѣлило приемъ новыя учениковъ. Повидимому, Россія уже страдаетъ недостаткомъ ученыхъ спеціалистовъ. И въ самомъ дѣлѣ, недавно былъ примѣръ, что ориенталистъ, окончившій университетскій курсъ, поступилъ въ полицейскій штатъ. Не знаемъ, владѣли ли турецкимъ языкомъ всѣ члены нашего бывшаго посольства въ Константинополѣ, которое доставляло свѣдѣнія о положеніи Турціи до начала войны, хотя и не сомнѣваемся, что они были люди весьма талантливые. Но, повидимому, ориенталистамъ уже негдѣ применить своихъ познаній, если они идутъ въ полицейскій штатъ. А между тѣмъ, у насъ есть обширныя владѣнія въ Средней Азіи, гдѣ русскія власти привязаны съ одной стороны къ китайцамъ, съ другой—къ узбекамъ, сартамъ и персіанцамъ; наконецъ, предпринимается новая экспедиція, по слухамъ направленная къ Афганистану. Но въроотно и въ штабѣ нашихъ туркестанскихъ войскъ и въ гражданскомъ управленіи края все уже переполнено учеными ориенталистами.

Вопросъ о недостаточности существующихъ учебныхъ заведеній для удовлетворенія потребности страны въ образованіи, какъ уже замѣчено, всегда выдвигается самымъ живымъ образомъ особенно рельефно именно въ августѣ, а потому намъ естественно приходилось чаще всего въ этомъ именно мѣсяцѣ заняться положеніемъ училищъ, пользуясь тѣми извлеченіями изъ отчетовъ министерства народнаго просвѣщенія, которыя печатаются въ его журналѣ. На этотъ разъ, въ августовской книгѣ журнала министерства помѣщены еще только свѣдѣнія объ университетахъ, лицеехъ и среднихъ училищахъ за 1876 годъ. Выбѣтъ съ этими свѣдѣніями помѣщаемъ въ журналѣ критическая статья про-

фессора Вестужева-Рюмина объ известной книгѣ французскаго профессора Рамбё—*Histoire de la Russie*. Въ статьѣ русскаго профессора не указаны многія существенныя особенности книги г. Рамбё; не упомянуто даже, что авторъ увидѣлъ необходимость сдѣлать два изданія ея, изъ которыхъ одне назначено специально для Россіи, причемъ замѣчательно, что специальное изданіе русской исторіи—для Россіи отличается не болѣею нелишней, а скорѣе нѣкоторыми пробѣлами, отъ изданія, предназначеннаго для остального образованнаго міра. Но за то, русскій профессоръ мимоходомъ упрекаетъ, хотя и любезно, своего французскаго собрата въ томъ, что „въ своихъ сужденіяхъ онъ остается всегда европейцемъ и французомъ; мысль о томъ, что наступаетъ время европейской цивилизаціи *уступить свое мѣсто*, едва ли приходила ему въ голову (!); только землетрясеніе мыслителей западной Европы видать, подобно пророкамъ Израили, близкое паденіе того міра, въ которомъ родились“.

Оставимъ въ сторонѣ небрежное построеніе почтеннымъ филологомъ своихъ періодовъ, а также какофонію „наступаетъ уступить“; дѣло не въ этомъ. Но если для европейской цивилизаціи наступаетъ время уступить свое мѣсто, то для какой же цивилизаціи наступаетъ время „выступить“ на сцену европейской? Для славянской цивилизаціи, конечно, направляемой цивилизаціею русскою, которая въ свою очередь будетъ вдохновлена цивилизаціею славянофильскою. Прекрасно. Но рядомъ съ этой мыслью, высказываемою въ такомъ мѣстѣ, которое придаетъ ей какъ-бы оффиціальную окраску, является такой фактъ, что въ странѣ, имѣющей миссію—создать новую цивилизацію, совсѣмъ закрывается доступъ молодымъ людямъ въ одни высшія училища, а въ другія—скажемъ такъ—не особенно покровительствуется? Нѣтъ ли нѣкотораго противорѣчія мыслей съ фактами, на страницахъ одной книжки одного же журнала, когда рядомъ съ сознаніемъ готовности Россіи, во главѣ славянскаго міра, смѣнить западную Европу въ умственное руководительство человѣчества, указывается, уже совершенно оффиціально, словани министра народнаго просвѣщенія, что въ русскіхъ университетахъ на 529 штатныхъ преподавателей, состоявшихъ на лицѣ, въ 1876 году было 143 замѣстн; такъ что по нѣкоторымъ предметамъ, между прочимъ по исторіи славянскихъ же законодательствъ—въ 7-ми изъ 8-ми университетовъ имперіи не было ни одной лекціи. Какъ согласить съ приведенной выше міровой мыслью фактъ, что на 40-ка-милліонное мужское населеніе Россіи было всего 6208 слушателей въ 8-ми университетахъ имперіи, между тѣмъ какъ на поддержку „отнимающей“ уже западно-европейской культуры выйдутъ, изъ вдвое меньшаго народонаселенія одной Германіи, 16,859 студентовъ, съ 1729 профессорами 21-го университета (цифры

1875 года). А что еще оказалось бы, если бы сложить цифры учащихся и учащихся во всѣхъ университетахъ славянскаго міра и сопоставить ихъ съ однородными цифрами всей западной Европы? Оказалось бы вѣроятно, что одинъ славянскій ученый и одинъ русскій студентъ стоить десятирѣзъ западно-европейскихъ, если верные призывы вырвать изъ рука послѣднихъ скипетръ умственного преобладанія въ человечествѣ.

Впрочемъ, не даромъ акторъ осылается на пророковъ. Конечно, если строить теорію будущаго на предвидѣніяхъ современныхъ пророковъ, то всякія численныя отношенія слѣдуетъ оставить въ сторонѣ.

Но въ официальномъ отдѣлѣ журнала министерства не проявляется убѣжденія, будто числа и факты — ничто въ сравненіи съ энергією пожеланій и силою вдохновенія. Наоборотъ, весь отчетъ министерства состоитъ изъ ряда именно статистическихъ цифръ, посредствомъ которыхъ министерство и старается прозѣрнуть всѣ свои мѣропріятія и ожиданія. Мы можемъ расходиться во взглядѣ на значеніе той или другой цифры, можемъ подвергать критикѣ полноту цифръ отчета; но мы должны признать, что министерство все-таки ссылается на показанія умственной статистики, а не на предсказанія пророковъ.

Такъ, извѣстно, что съ 1872 года, то-есть со времени введенія новаго устава въ гимназіяхъ, число студентовъ въ нашихъ университетахъ стало постоянно уменьшаться. Но отчетъ ссылается на цифры, доказывающія, что это прискорбное явленіе съ 1875 года прекратилось: въ 1874 году число студентовъ было 5,368, въ 1875-мъ уже 5,596, а въ 1876 году — 5,629. Такимъ образомъ мы убѣждаемся, что число студентовъ, въ совокупности университетовъ, въ 1875 году возросло на $\frac{1}{2}$ часть прежняго числа ихъ, а въ 1876 году на $\frac{1}{170}$ предшествующей цифры. Нельзя не признать факта этого возрастанія числа студентовъ, въ среднемъ размѣрѣ на 4 человѣка или хотя бы на 28 человѣкъ, на каждый университетъ, хотя едва ли уже можно основывать на такихъ цифрахъ высказываемую отчетомъ увѣренность, что „какъ скоро гимназіи вступятъ на твердый путь, онѣ будутъ доставлять обильное количество“ студентовъ университетамъ.

Въ извлеченіи изъ отчета упоминается и о коммисіи для пересмотра университетскаго устава, приводятся имена ея членовъ и указываются вопросы, бывшіе предметомъ обсужденія въ общихъ ея собраніяхъ. Но эти свѣдѣнія уже общезвѣстны, а какихъ-либо указаній о томъ направленіи, въ которомъ работаетъ коммиссія, въ извлеченіяхъ изъ отчета не сообщено.

Число вновь поступившихъ въ гимназіи и прогимназіи въ 1876 году было 11,579 чел., на 573 чел. болѣе, чѣмъ въ 1875 году, когда оно

уменьшилось на 542 сравнительно съ 1874 годомъ. Отказано въ приемъ за недостаткомъ помѣщенія или за комплектомъ въ классѣ 584, изъ 15,984 подавшихъ прошеніе о приемѣ. Возьмемъ тѣ же цифры по отношенію къ реальнымъ училищамъ. Здѣсь увеличеніе числа учениковъ гораздо замѣтнѣе: вновь поступившихъ въ 1876 г. было 3,146 противъ 2,652 поступившихъ въ 1875 г.; отказано за комплектомъ классомъ и недостаткомъ помѣщенія только 219 изъ 5,000 подавшихъ прошенія. Значительная разниа этихъ цифръ по сравненію реальныхъ училищъ съ гимназіями не зависѣла отъ того, чтобы реальныхъ училищъ было вновь открыто за годъ больше, чѣмъ гимназій и прогимназій. Первыхъ было вновь открыто 10, вторыхъ (т.-е. гимназій и прогимназій) — 14. Сочувствіе общества къ реальнымъ училищамъ выражается и тѣмъ обстоятельствомъ, что эти училища открываются министерствомъ не иначе, какъ если мѣстныя общества выразили желаніе принять часть расходовъ по ихъ содержанію на свой счетъ. Такимъ образомъ, изъ 10 вновь открытыхъ въ 1876 году реальныхъ училищъ три (воронежское, тамбовское и московское) содержатся исключительно на счетъ мѣстныхъ обществъ, безъ всякаго пособія со стороны казны, а на содержаніе остальныхъ семи казна отпускаетъ 85 т. р., а общества 70 т. руб.

Сочувствіе общества реальному образованію удостовѣряется, сверхъ того, фактомъ, о которомъ мы упомянули выше—огромнымъ наплывомъ кандидатовъ въ гимназіи военнаго вѣдомства. Мы замѣтили, что по полнотѣ общаго образованія, многіе предпочитаютъ эти послѣднія гимназіи — реальнымъ училищамъ министерства народнаго просвѣщенія. Это зависитъ отъ того обстоятельства, что реальнымъ училищамъ приданъ былъ характеръ слишкомъ специализированныхъ, и притомъ специализированныхъ такъ, что окончаніе въ нихъ курса не даетъ доступа въ высшія училища (кромѣ по окончаніи дополнительнаго класса). Справедливость этого положенія доказывается статистикою самыхъ реальныхъ училищъ. Ученики наиболѣе притекаютъ къ основному отдѣленію реальныхъ училищъ съ дополнительнымъ его классомъ, который даетъ доступъ въ высшія спеціальныя училища, а не къ практически-специализированнымъ отдѣленіямъ. На каждого ученика шестаго класса „коммерческаго“ отдѣленія оказывается болѣе трехъ учениковъ того же класса въ основномъ отдѣленіи.

Малочисленность учениковъ „коммерческихъ“ отдѣленій реальныхъ училищъ такъ объясняется лицомъ компетентнымъ, попечителемъ петербургскаго округа: „что отдѣленія еще не успѣли возбудить къ себѣ довѣрія со стороны коммерческаго класса нашего общества“, а сверхъ того еще тѣмъ, что „ученики, прошедшіе 4 класса какъ гимназій, такъ и реальныхъ училищъ, уже думаютъ о томъ, чтобы

не ограничивать своего образованія среднимъ заведеніемъ. Это же объясняется стремленіе большинства учениковъ основнаго отдѣленія къ переходу въ дополнительный классъ, который даетъ имъ право попасть въ высшія спеціальныя училища. А такъ какъ ученики, окончившіе коммерческія отдѣленія, не имѣютъ возможности достигнуть высшаго образованія, то поэтому и стремленіе молодыхъ людей къ поступленію въ оныя оказывается *жестъ ничтожествомъ* (среднимъ числомъ въ VI классѣ коммерческаго отдѣленія бываетъ всего 7 учениковъ!). Трудно высказать въ нѣсколькихъ официальныхъ словахъ болѣе ясно непригодность излишней спеціализаціи среднихъ училищъ, въ которыхъ общество ищетъ прежде всего — общаго образованія.

Интересна статистика учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній по вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ. Въ общемъ числѣ учениковъ гимназій и прогимназій православные составляли 61,6%, а въ числѣ учениковъ реальныхъ училищъ 58,8%; католики — 18,7% и 20,9%, протестанты 8,3% и 10%, евреи 9,9% и 8,6%. Сыновья дворянъ и чиновниковъ составляютъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ 50,8% общаго числа учениковъ, а въ реальныхъ училищахъ 46,4. Къ сожалѣнію, мы не находимъ въ напечатанныхъ доселѣ извлеченіяхъ подобныхъ свѣдѣній о студентахъ нашихъ университетовъ. Не сообще- не даже свѣдѣній о томъ, какое число учащихся поступило вновь въ университеты изъ гимназій, духовныхъ семинарій и другихъ училищъ. Свѣдѣнія эти прежде печатались, и изъ нихъ оказывалось, что университеты въ послѣдніе года болѣе и болѣе пополнялись посредствомъ льготнаго допущенія въ нихъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Не знаемъ, удержался ли этотъ фактъ и въ 1876 году. Если же онъ удержался, въ такомъ случаѣ было бы ясно, что вы- ражаемая нынѣшнимъ отчетомъ надежда, что число студентовъ не будетъ уменьшаться, можетъ осуществиться и независимо отъ ожи- данія, что гимназіи, „вступивъ на твердый путь, будутъ доставлять обильное число“ молодыхъ людей университетамъ.

Относительно преподаванія въ гимназіяхъ главнѣйшихъ предме- товъ ихъ курса — древнихъ языковъ, мы должны привести, повторяе- ния отчетомъ, замѣчательныя мнѣнія двухъ попечителей. Одинъ изъ нихъ (князь Мещерскій) говорилъ въ своемъ отчетѣ по московскому округу, что „древніе языки поставлены были прежде краеугольнымъ камнемъ школы, но, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, низве- дены потопъ въ разрядъ совершенно второстепенныхъ предметовъ и только терпѣлись въ гимназіяхъ. Поэтому, не малаго труда стоило возвращать имъ подобающее мѣсто“ и т. д. При всемъ нашемъ убѣж- деніи, что лицо, стоящее во главѣ учебнаго округа, должно быть свя- зано долготерпѣливымъ опытомъ съ ходомъ преподаванія въ нашихъ

училищахъ, а потому и можетъ компетентно судить о той или другой учебной системѣ,—мы должны оговориться, что не могли не знать о какомъ времени говорить князь Мещерскій; когда это было, чтобы древніе языки въ нашихъ гимназіяхъ извѣдены были въ рядъ совершенно второстепенныхъ предметовъ (напр., рисованія и чистописанія?) и *только терпѣлись?* Быть можетъ, сами авторы отчета узнали впервые отъ почтеннаго попечителя объ этомъ историческомъ фактѣ и занесли его въ свой отчетъ, какъ цѣнное указаніе. Труднѣе допустить, что, наоборотъ, князь Мещерскій узналъ объ этомъ фактѣ отъ авторовъ отчета; потому что въ такомъ случаѣ, для чего же онъ сталъ бы вновь увѣдомлять объ этомъ фактѣ ихъ?

Но оставимъ споръ о томъ, что было; взглянемъ на то, что есть. Другой попечитель (не приведено имени) отзывался такъ: „едва ли можно согласиться, чтобы родители учениковъ и мѣстное общество вполне сознавали основательность современнаго гимназическаго воспитанія и пользу изученія древнихъ языковъ; но прежнее ихъ недоброжелательство и ропотъ перешли въ уваженіе и слѣпое довѣріе къ школѣ *въ виду удачныхъ результатовъ*; они убѣдились, что изученіе древнихъ языковъ для нихъ дѣтей и питомцевъ далеко не такъ затруднительно, какъ предполагали“.

Удачные результаты можно понимать въ смыслѣ безотносительномъ или въ смыслѣ относительномъ. Въ первомъ смыслѣ разумѣются удачные результаты самаго хода изученія древнихъ языковъ и его влиянія на развитіе ума учениковъ. Но такъ какъ попечитель прямо выражаетъ сомнѣніе, чтобы общество сознало основательность современнаго гимназическаго воспитанія и пользу изученія древнихъ языковъ, то онъ, конечно, разумѣетъ „удачные результаты“ не въ этомъ смыслѣ. Да, впрочемъ, самые успѣхи изученія тотъ же попечитель охарактеризовалъ далѣе только слѣдующими словами: „очень многіе гимназисты свободно разбираютъ писателей“. Это — „очень многіе“ еще не представляетъ многого. Изученіе древнихъ языковъ остается совершенно безъ результата для большинства учениковъ, если именно большинство (а не „очень многіе“) не научается свободно разбирать древнихъ писателей. Итакъ, удачные результаты, въ приведенномъ отрывкѣ, и разумѣются въ томъ относительномъ смыслѣ, что родители убѣдились въ меньшей затруднительности изученія дѣтьми древнихъ языковъ, чѣмъ та, какую они предполагали. Но здѣсь приходится опять справиться съ статистикой. Изъ числа около 50 тысячъ учениковъ гимназій и прогимназій въ 1876 году было уволено по разнымъ причинамъ 2,466 человекъ, да 3,481 чел. оставили гимназій по доброй волѣ (сверхъ тѣхъ, которые умерли или перешли изъ одной гимназій въ другую). Эти двѣ цифры въ сложности со-

ставляютъ почти восьмую долю всего числа учениковъ гимназій и прогимназій (5,947 на 50 т.). Такой результатъ не можетъ не поддерживать въ родителяхъ убѣжденія, что изученіе древнихъ языковъ все-таки сопряжено съ затруднительностью. Но если они люди разсудительные, то понимаютъ, конечно, что затруднительность ученія еще не должна лишать школу ихъ уваженія; странно было бы только, еслибы они именно стали питать къ ней *слишкомъ* довѣріе: вѣдь только путемъ разсужденій и объясненій (напр., чтеніемъ программъ и отчетовъ) они и могутъ удовлетворительно истолковать себѣ удачный ходъ дѣла, несмотря на значительный процентъ учениковъ ежегодно оставляющихъ гимназіи.

Объявленіе новаго внутренняго займа въ 300 м. р. — вотъ одинъ изъ главныхъ фактовъ, которыми ознаменовался истекшій мѣсяцъ.

Условія новаго займа — 5 процентовъ при подписной цѣнѣ въ 93 за 100 р.; онъ названъ „вторымъ восточнымъ“ займомъ. Цѣна первому восточному займу на петербургской биржѣ въ день, когда состоялся указъ о новомъ займѣ (11 августа), была 95¹/₄ р. за сто и 95²/₂ р. за тысячную облигацію, а за 50-ти рублевую — 46 р. 75 к. (т.-е. по 93¹/₂ р. за сто). Пятидесятирублевыхъ облигацій во второмъ восточномъ займѣ не полагается; итакъ, подписная его цѣна составляетъ 2 руб. 25 к. уступки противъ биржевой цѣны одноименныхъ облигацій перваго займа. Въ то же время 5% банковые билеты разныхъ выпусковъ держались на биржѣ въ цѣнахъ отъ 96¹/₂ до 97¹/₂. Итакъ, можно предположить, что подписная цѣна нынѣшняго займа будетъ достаточно привлекательна для публики.

Появленіе новаго займа было необходимо, хотя оно и сопряжено съ обычнымъ неудобствомъ поглощенія государствомъ капиталовъ, которые могли, съ наступленіемъ мира, обратиться, наконецъ, къ оживленію промышленной предпримчивости, которая находится въ застоѣ уже третій годъ. Правда, нѣкоторыя отрасли ея почувствовали оживленіе вслѣдствіе возвышенія таможеннаго покровительства въ видѣ золотой пошлины. Но это оживленіе было искусственнымъ и убыточнымъ для страны въ томъ смыслѣ, что оно отражалось не въ удешевленіи, но во вздорожаніи продуктовъ фабрикаціи, т.-е. не увеличивало количества потребленія, не дѣлало фабричные продукты болѣе доступными массѣ населенія, а возвышало сумму, платимую прежними потребителями фабрикантамъ, значить представляло просто налогъ на потребителей, какъ всякая мѣра, имѣющая протекціонистскій характеръ.

Министерство финансовъ, имѣя въ виду наплывъ частныхъ вкладовъ въ банки и сравнительно высокія биржевыя цѣны фондовъ,

могло предпочесть новый внутренній заемъ внѣшнему, особенно въ виду затрудненій, встрѣченныхъ при реализаціи послѣдняго внѣшняго займа. Оно могло бы имѣть въ виду еще цѣль экономическую — поглотить въ новый заемъ значительную часть тѣхъ 400 миллионовъ новыхъ бумажныхъ денегъ, которые были вновь выпущены со времени объявленія войны. Въ такомъ случаѣ экономическими послѣдствіями новаго займа на столь значительную сумму и могли бы быть: нѣкоторое возвышеніе цѣны кредитнаго рубля и за нимъ — нѣкоторое паденіе цѣны фондовъ вообще, искусственно поднятыхъ паденіемъ валюты. Финансовыми же результатами были бы: во-первыхъ, доставленіе государственному казначейству наличныхъ суммъ, необходимыхъ при удовлетвореніи расходовъ на новое передвиженіе войскъ и счетовъ военного времени; во-вторыхъ, возвышеніе дѣйствительной цѣнности бюджетныхъ поступленій, вслѣдствіе поддержанія бумажной валюты, въ которой подати и акцизы взимаются; въ-третьихъ, увеличеніе на 15 миллионовъ рублей ежегоднаго расхода по системѣ государственнаго кредита, на уплату процентовъ новаго займа.

Это послѣднее обстоятельство, конечно, неблагоприятно. Но оно все-таки могло бы быть менѣе неблагоприятно, чѣмъ неопредѣленное пониженіе всей цѣнности бюджетныхъ доходовъ отъ паденія кредитнаго рубля. Новый расходъ по системѣ кредита, вызываемый займомъ въ 800 м. р., собственно на платежи процентовъ составляетъ 15 м. р. Но предположимъ только, что, вслѣдствіе поглощенія этихъ займовъ примѣрно четверти нашего бумажнаго обращенія, цѣнность кредитнаго рубля, вмѣсто нынѣшнихъ 64¼ мет. коп. (при цѣнѣ полумперіала 7 руб. 94 коп. кред.), возвысилась бы всего на 4½ мет. коп. Посмотримъ, какъ это небольшое повышение оказало бы въ возвышеніи цѣнности бюджетныхъ доходовъ. Сумма обыкновенныхъ доходовъ въ бюджетѣ 1878 года опредѣлена въ 538 м. р.; исключивъ изъ нея примѣрно 50 милл., въ кредитныхъ рубляхъ, таможеннаго поступленія (дѣйствительная сумма 1877 г.) получаемъ цифру 488 милл. р. податей и акцизовъ, поступающихъ въ бумажѣ. Возвышеніе цѣнности кредитнаго рубля на 4½ мет. копѣекъ, рассчитанное на эту цифру, составило бы 21 м. 960 т. р. металлическихъ. Такимъ образомъ, обременивъ себя 15 м. кредитныхъ рублей лишняго расхода по займу, мы получили бы лишнихъ почти 22 милл. металлическихъ рублей на податяхъ и акцизахъ, или, что то же, сэкономили бы эти 22 милл. мет. р. на расходахъ по поставкамъ и подрядамъ для казны. Расходъ на погашеніе займа мы не принимаемъ въ расчетъ, такъ какъ онъ постепенно уменьшаетъ сумму займа.

Само собою разумѣется, что указанное выше явленіе могло бы ста-

заться только въ такомъ случаѣ, если бы казна, получивъ бумажныхъ денегъ на 300 милл. рублей займа (точнѣе на 279 м. р.), все это количество изъѣла бы изъ обращенія, по крайней мѣрѣ, на годъ. Таково могло бы быть только назначеніе займа, сдѣланнаго специально съ цѣлью погашенія четверти бумажнаго обращенія. Мы видимъ, что даже въ смыслѣ бюджетномъ это была бы операція выгодная. Но нынѣшній заемъ заключается прежде всего съ цѣлью полученія наличныхъ средствъ для окончанія военныхъ расходовъ. Итакъ, большая часть добытыхъ 300 м. р. бумажныхъ денегъ тотчасъ же возвратится на рынокъ въ видѣ уплатъ за перевозку войскъ, за поставки, въ видѣ покупокъ иностранныхъ тратъ для оставшихся расходовъ военной оккупациі въ Болгаріи и т. д. Стало-быть и возвышенія цѣнности кредитнаго рубля въ такомъ размѣрѣ, какъ $4\frac{1}{2}$ мет. коп., и такой бюджетной отсюда выгоды, какъ сбереженіе 22 милл. мет. руб., ожидать невозможно. Но вѣдь мы и сравниваемъ эту послѣднюю цифру съ цифрою новаго расхода, расхода на проценты по займу, т.-е. съ 15 м. р. А этотъ послѣдній расходъ вдвое менѣе предполагаемаго нами сбереженія (22 м. р. мет. равны по нынѣшнему курсу 32 м. руб. кред.). Допустимъ, что изъ 300 м. р., добытыхъ новымъ займомъ, только половина пошла бы на расходы, а остальная была бы употреблена на сокращеніе бумажно-денежнаго обращенія,—сокращеніе его, стало-быть, уже не на четверть, а только на восьмую долю нынѣшней цифры. Въ такомъ предположеніи цѣнность кредитнаго рубля могла бы возрасти всего на $2\frac{1}{4}$ мет. коп. Но уже и это доставило бы приращеніе въ цѣнности поступленія податей и акцизовъ на 16 м. р. кред., т.-е. на сумму, все еще превышающую 15 милл. р. кред. расхода по новому займу.

Сомнительно, однако, чтобы и половина количества бумажныхъ денегъ, полученныхъ въ обмѣнъ займа, была предназначена къ изъѣтію изъ обращенія. Иначе о такой, весьма популярной цѣли навѣрное было бы упомянуто въ объявленіи государственнаго банка о займѣ. Въ объявленіи же этомъ сказано только, что новый заемъ заключается „для преподанія государственному казначейству средствъ къ покрытію чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ прошлой войной“. Правда, въ строгомъ смыслѣ, и погашеніе части громадныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ во время войны могло бы разумѣться въ словахъ: „къ покрытію расходовъ, вызванныхъ войною“. Дѣйствительно, что такое представляетъ выпускъ бумажныхъ денегъ сверхъ потребности въ нихъ рынка? Онъ означаетъ только позаймствование текущаго бюджета на счетъ бюджетовъ ближайшихъ годовъ; это, въ нѣкоторомъ смыслѣ, авансъ, дѣлаемый въ предположеніи возврата. Не такъ какъ объявленіе не выражается яснѣе, то нельзя и на-

дѣяться, что доля займа будетъ употреблена на погашеніе хоть части послѣднихъ выпусковъ бумажекъ.

Но приведенный выше расчетъ и сдѣланъ только съ той цѣлью, чтобы наглядно показать необходимость рѣшительной мѣры по отношенію къ нашему бумажно-денежному обращенію. Дальнѣйшихъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ не должно быть, и, вслѣдъ за нынѣшнимъ займомъ, необходимо было бы заключить другой, хотя бы въ половинномъ размѣрѣ, для охраненія нашихъ бюджетныхъ поступленій отъ дальнѣйшаго обезцѣненія и для возвышенія, наоборотъ, ихъ цѣнности. Иначе мы продолжали бы хозяйничать въ настоящемъ въ ущербъ будущему даже ближайшему, и никакое установленіе новыхъ налоговъ не охранило бы равновѣсія въ финансахъ, такъ какъ самая производительность новыхъ налоговъ нейтрализовалась бы дальнѣйшимъ обезцѣненіемъ всего налогового поступленія.

Такъ, напр., податная коммиссія ожидаетъ отъ проектированнаго ею разряднаго налога 17-тъ м. р. кред. Но что же значить эта сумма въ сравненіи съ обезцѣненіемъ всей массы бюджетныхъ поступленій? Мы только-что видѣли, что достаточно кредитному рублю упасть всего на $2\frac{1}{4}$ коп. мет., чтобы казна лишилась 16 м. р. кред., т.-е. почти всей той суммы, для добытія которой былъ бы введенъ тягостнѣйшій изъ всѣхъ видовъ налога.

Такъ какъ, по предположенію самой коммиссіи, разрядный налогъ, за покрытіемъ издержекъ взиманія (которыя слѣдуетъ исключить изъ его валового итога—17 м. 400 т. р.), дастъ казнѣ—15 м. 950 т. р., то, если бы онъ былъ введенъ теперь, его можно бы разсматривать, пожалуй, какъ спеціальныи налогъ на платежъ процентовъ и по второму восточному займу. Но вѣдь занято казною, подъ проценты, со времени мобилизаціи еще 400 м. р. Итакъ, 15-ти или 16-ти м. новаго налога далеко недостаточно даже для покрытія новаго бюджетнаго расхода по системѣ кредита. Если бы при помощи проектированнаго податной коммиссіею на-скоро разряднаго налога, мы могли по-крайней-мѣрѣ выдти изъ нынѣшняго положенія, то, какъ ни тяжело пришлось бы многимъ отъ слишкомъ неравномѣрнаго обложенія, можно бы еще примириться съ этою поспѣшной мѣрою. Но въ томъ-то и дѣло, что она не дастъ даже половины средствъ, нужныхъ для платежа процентовъ по новымъ займамъ, не говоря уже о погашеніи займовъ и объ обычномъ возрастаніи расходовъ, для покрытія котораго уже нельзя, въ виду опыта 1876 года, рассчитывать на равномѣрное возрастаніе доходовъ.

Стало-быть, проектированный разрядный налогъ является просто какъ первое пришедшее на мысль средство добыть „немножко де-

негѣ"; это не есть тяжкая, но необходимая мѣра, которая выведетъ насъ изъ финансоваго положенія, созданнаго войною; это просто такъ себѣ — „одна изъ мѣръ“ изысканія новыхъ средствъ. Но при такомъ ограниченномъ значеніи введенія разряднаго налога, позволительно уже видѣть въ немъ прежде всего его внутреннія свойства, его тягость и нераціональность. Семь лѣтъ толковали у насъ о подоходномъ или разрядномъ налогѣ, разумѣя его какъ средство внести въ податную систему уравнительность, которой ей такъ не доставало. И вдругъ, разрядный налогъ является вовсе не для осуществленія уравнительности, но для увеличенія неуравнителности податнаго обложенія въ Россіи! Результатъ неожиданный, но и несомнѣнный. Подушные платежи не включены въ систему разряднаго налога; они остаются внѣ ея, и въ прежнемъ размѣрѣ. Такимъ образомъ, мелкій торговецъ, отнесенный во второму разряду, будетъ платить 1 рубль, между тѣмъ какъ на крестьянина будутъ тяготѣть всѣ тѣ подушные и земельные сборы, которые въ своей совокупности превышаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходъ съ земли. Сельскій ростовщикъ не будетъ платить ничего; вѣдь онъ не нанимаетъ въ городѣ квартиры; между тѣмъ мелкій чиновникъ, и безъ того живущій впроголодь, будетъ уплачивать разрядный налогъ по цѣнѣ квартиры. Для него это будетъ не что иное, какъ вычетъ изъ жалованья. А при дороговизнѣ квартиръ въ нашихъ большихъ городахъ вычетъ этотъ будетъ такъ чувствителенъ, что казнѣ придется вскорѣ или остаться безъ мелкихъ чиновниковъ, или возвратитъ имъ всю сумму налога — прибавкою къ окладамъ жалованья. Въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ лицамъ, получающимъ опредѣленное жалованье или живущимъ по найму, придется выносить на себѣ всю тягость новаго налога. Промышленникъ и торговецъ тотчасъ освободятся отъ него, распредѣливъ его на своихъ потребителей, въ видѣ возвышенія цѣнъ на продаваемые продукты; оба еще выиграютъ при этомъ, такъ какъ надбавку сдѣлаютъ съ лихвою. Но лица, получающія опредѣленное содержаніе: чиновники, пенсионеры, всѣ служащіе по найму, ни на что не могутъ перенести налога: они должны будутъ нести его полностью.

Являясь въ видѣ отдѣльной и послѣдней мѣры, разрядный налогъ, какъ уже сказано, оставляетъ въ силѣ прежнюю неуравнителность, но еще прибавляетъ къ ней новую. Крестьяне останутся наиболѣе тяжело-обложенными изъ всѣхъ сословій. Землевладѣльцы будутъ обложены вдвойнѣ: прежними поземельными налогами, государственнымъ и земскимъ, и сверхъ того — разряднымъ. Промышленники и торговцы также будутъ обложены вдвойнѣ; но здѣсь надо имѣть въ виду ту разницу, что промышленники и купцы у насъ доселѣ не были обложены по суммѣ оборотовъ; налоги, падающіе на нихъ,

имѣютъ, въ сущности, личный и патентный характеръ. Такъ, гильдейскія пошлины, по принципу своему, будто бы рассчитаны на разность въ цифрѣ оборотовъ, но на самомъ дѣлѣ представляютъ скорѣе налогъ на званіе. Есть купцы второй и даже первой гильдіи, торгующіе на меньшую сумму, чѣмъ иные купцы третьей гильдіи. Да и въ одной гильдіи — разность оборотовъ совершенно неограниченна; она простирается отъ размѣра незначительнаго до миллионнаго. Затѣмъ, билеты на право торговли, сборъ съ мѣстъ промышленнаго производства или продажи есть скорѣе патентный сборъ, чѣмъ подоходный. Принципъ пропорціональности играетъ въ этихъ сборахъ нѣкоторую, но весьма второстепенную роль. Въ сущности, они представляютъ совокупность налога личнаго и патентной пошлины, а не подоходнаго налога. Итакъ, установленіе разрядовъ представить первое обложеніе промышленниковъ и торговцевъ пропорціонально предполагаемому ихъ капиталу или доходу, между тѣмъ какъ землевладѣльцы и владѣльцы недвижимыхъ имуществъ въ городахъ уже въ настоящее время несли именно земельные налоги, т.-е. налоги, прямо пропорціональные имуществу или доходу. Значитъ, для нихъ обложеніе разрядное представится вторичнымъ обложеніемъ по предполагаемому доходу, между тѣмъ какъ торговля сословія, подвергаясь пропорціональному обложенію впервые, будутъ нести его единожды.

Мало того. Одной изъ главныхъ цѣлей установленія у насъ подоходнаго налога должно было бы быть привлеченіе движимаго капитала къ участию въ расходахъ государства, такъ какъ гербовый сборъ представляетъ слишкомъ незначительное обложеніе торговли цѣностями въ обширномъ смыслѣ. Что же дѣлаетъ проектъ разряднаго налога для этой цѣли? Онъ облагаетъ капиталиста на основаніи его квартирной платы, какъ работниковъ такъ-называемыхъ „свободныхъ профессій“. Что касается акціонерныхъ обществъ, въ которыхъ принадлежатъ желѣзнодорожныя и банковыя компаніи, то проектъ ожидаетъ отъ нихъ налога менѣе чѣмъ въ 1 милл., между тѣмъ какъ отъ казенныхъ чиновниковъ и служащихъ тѣмъ же компаніямъ онъ ожидаетъ поступленія втрое большаго. Уже одимъ эти сопоставленія показываютъ, насколько размѣры налога придуманы рационально. Въ общемъ результатъ, если бы онъ былъ примѣненъ въ такомъ видѣ какъ проектированъ, оказалось бы, что малобольшей тягости подверглись бы, конечно, тѣ лица, чье имущество или профессиональный доходъ наиболѣе опредѣленны, а именно: землевладѣльцы и домовладѣльцы въ городахъ, чиновники и вообще служащіе, наконецъ, пенсионеры. А между тѣмъ это именно тѣ лица, которыя и доселѣ или были обложены безъ всякаго сравненія выше, чѣмъ вла-

дѣльцы движимаго капитала, или получаютъ жалованье, которое просто подвергнется вычету; наконецъ, это именно тѣ лица, которые наименѣе могутъ перенести налогъ на потребителей: служащимъ не на кого его переносить, землевладѣльцы не вольны въ установленіи цѣнъ на свои продукты, такъ какъ цѣна хлѣба опредѣляется прежде всего урожаемъ, а сатѣи съпросомъ за-границу, т.-е. опять-таки степенью урожая за-границею; наконецъ, домовладѣльцы въ городахъ могутъ возмещать цѣну на квартиры только до известной нормы, которая опредѣляется численностью населенія.

Все это приводитъ насъ къ тому, что полезнѣе все же вводить разряднаго налога, чѣмъ вводить его въ такомъ видѣ. Для доставленія казны 15—17 милліоновъ, которые составляютъ сумму процентовъ всего по одному займу, пераціонально вводить такой налогъ, который ничѣмъ не уравнишь, а только внести въ нашу неравномерную систему налоговъ окончательную путаницу, установивъ для однихъ обложеніе двойное, а другихъ оставивъ съ обложеніемъ притератымъ.

Здѣсь слѣдуетъ сдѣлать существенную оговорку. Мы вовсе не задаемся мечтою, что преобразование податной системы могло бы снять недущное податное бремя съ „податныхъ сословій“ и перенести его цѣликомъ на классы состоятельныя. Если взять всѣ подущныя платежи въ Россіи, то они составятъ до 200 милл. рублей, а такой суммы не могутъ дать, при неизмѣненіи размѣрѣ обложенія, наша промышленность, торговля, недвижимыя имуществы, движимыя капиталы и профессиональный трудъ. Мы уже не разъ замѣчали, что такъ какъ Россія богата только численностью населенія, то, по необходимости, главнымъ источникомъ дохода въ нашей системѣ все-таки будетъ личный трудъ. Вотъ почему мы всегда утверждали, что при преобразованіи податной системы, на основаніи подоходнаго налога, у насъ невозможно установить такого минимума дохода, который освобождалъ бы рабочіе классы отъ прямого налога. Подущная подать могла бы называться лишьною степенью разряднаго или подоходнаго налога, но она была бы налогомъ на трудъ, съ чего бы она ни исчислялась: съ ревнесской души, какъ теперь, или съ земли, или со двора. Но видъ сущности дѣла заключается не въ наименованіи, а въ размѣрѣ обложенія. Если допустить, что при примѣненіи болѣе точныхъ признавовъ для разряднаго обложенія, чѣмъ квартира, классы состоятельныя могли бы дать казны 20 милл. въ годъ, то изъ этого слѣдовало бы, что сумма налога на ручной трудъ (нынѣшніе подущные сборы) могла бы быть уменьшена на эту сумму. Если разрядный доходъ съ состоятельными классовъ могъ бы дать только 10 милл., то настолько же слѣдовало бы уменьшить нынѣшнюю подущную тягость. При этомъ, конечной цѣлью преобразования

должно бы служить полное уравненіе, то-есть то, чтобы ни одинъ классъ, въ общей суммѣ уплачиваемыхъ прямыхъ налоговъ, не былъ обложенъ, по отношенію къ своему предполагаемому доходу, выше другого. Такимъ образомъ, если торговецъ, получающій примѣрно 3 тыс. чистаго дохода въ годъ, платилъ бы, въ совокупности, налоговъ на право торговли съ налогомъ разряднымъ 300 рублей, то крестьянинъ, получающій въ годъ примѣрно 150 рублей чистаго дохода, не платилъ бы болѣе 15 рублей. Это, конечно, только идеаль, и, говоря такъ, мы разумѣемъ не невозможность точнаго сообразованія суммы налога съ дѣйствительнымъ доходомъ каждаго лица, но еще очень вѣроятную невозможность понизить теперь же низшую степень разряднаго налога — налогъ на ручной трудъ до такой нормы, чтобы онъ не бралъ у крестьянина нѣсколько болѣшую часть чистаго дохода, чѣмъ у торговца. Но весь вопросъ и представляется степенью этого „нѣсколько“. Уравнительность должна быть по-возможности болѣшая, — по-возможности, то-есть насколько состоятельные классы въ Россіи дѣйствительно могутъ облегчить платежное бремя, падающее на ручной трудъ. Но всѣмъ согласится, что система, нынѣ существующая, не имѣетъ ничего общаго и съ этимъ скромнымъ, но вполне осуществимымъ желаніемъ, — желаніемъ, которое должно бы стать основнымъ принципомъ для всей камеральной дѣятельности, если она хочетъ устранить обѣднѣніе массъ, громадное накопленіе недоимокъ въ будущемъ и окончательный упадокъ крестьянскаго хозяйства. Крестьянство, въ цѣлыхъ полосахъ имперіи, платитъ почти весь, весь или еще весь слишкомъ, свой доходъ съ земли, такъ, что даже при постороннемъ заработкѣ весь трудъ крестьянина поглощается уплатою податей и прокормленіемъ (котораго часто не достаетъ), а между тѣмъ существуютъ цѣлыя категории людей, которые несутъ обложеніе совершенно ничтожное въ сравненіи съ ихъ доходами. Если при болѣе справедливомъ обложеніи послѣднихъ, это могло бы повести къ снятію съ крестьянъ одной десятой, а можетъ быть и одной пятой ихъ платежнаго бремени — то это былъ бы такой результатъ для улучшенія хозяйства, уменьшенія недоимокъ, увеличенія потребления, который въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ принесъ бы сложные проценты и для самаго бюджета представилъ бы такое возвышеніе въ поступленіи налоговъ прямыхъ и косвенныхъ, что въ сравненіи съ нимъ 15 — 17 милл. рублей, ожидаемыхъ отъ разряднаго, неуравнительнаго налога, были бы незначительны.

Даже по отношенію къ налогамъ косвеннымъ въ Россіи представляется та же печальная необходимость — рассчитывать налоги главнымъ образомъ на число душъ, то-есть на ручной трудъ. Косвенный налогъ, то-есть налогъ на потребление, обращается въ на-

логъ на личный трудъ тогда, когда представляетъ собою налогъ на потребление рабочей массы. А таковъ у насъ именно характеръ косвенныхъ налоговъ въ ихъ совокупности. Главный изъ нашихъ косвенныхъ налоговъ — акцизно-питейный, есть въ сущности налогъ на ручной трудъ, существующій въдобавокъ къ подушнымъ платежамъ, такъ что бѣльшая половина бюджета доходовъ представляется налогами на личный трудъ. Независимо отъ неуравнительности, существующей въ такой системѣ, которая возлагаетъ подушные платежи на одни сословія, освобождая отъ нихъ другія, является еще неуравнительность въ самыхъ косвенныхъ налогахъ. Такъ, чтобы сравнивать предметы однородные, — посмотрите, до какой степени чарка водки, потребляемая крестьяниномъ, обложена выше, по цѣнности продукта, чѣмъ стаканъ вина, потребляемый русскимъ джентльменомъ. Цѣнность французскаго вина, привозимаго въ Россію, складывается изъ цѣны его производства, съ барышномъ винодѣла и комисіонера и изъ провозной платы. Отношеніе таможенной пошлины къ этой цѣнности будетъ зависѣть отъ достоинства вина. Но допустимъ, что пошлина по цѣнности вина очень высока, что она составляетъ 30, даже 50 процентовъ этой цѣнности, все-таки это незначительно въ сравненіи съ обложеніемъ крестьянскаго полугара, котораго цѣнность составляетъ отъ 1 до 2 рублей за ведро, и который обложенъ акцизомъ въ 7 рублей съ ведра, то-есть въ 350 — 700 процентовъ цѣнности.

Отчего же это происходитъ, отчего налогъ на потребленіе крестьянъ такъ громаденъ? Отъ двухъ причинъ: во-первыхъ, людей, имѣющихъ средства пить иностранное вино въ Россіи — ничтожное число, сравнительно съ числомъ населенія и съ потребностями бюджета; во-вторыхъ, рабочая масса находится на такомъ низкомъ экономическомъ уровнѣ, что, кромѣ продуктовъ своей земли и спирта, которые и обложены до невозможности, она почти ничего не потребляетъ, что могло бы служить важнымъ предметомъ обложенія. Сюда слѣдуетъ еще прибавить соль и чай, доступный для крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Вотъ откуда происходитъ то, что питейно-акцизный сборъ, который въ иныхъ странахъ играетъ роль хотя и значительную, но въ ряду иныхъ, неуступающихъ ему источниковъ дохода, въ нашемъ бюджетѣ играетъ роль преобладающую.

Если перейдемъ къ другому косвенному налогу — таможенной пошлинѣ, то даже и здѣсь увидимъ нѣкоторое отраженіе того же явленія. Такъ, около четверти всей суммы полученныхъ сборовъ до-
 ставляется одною статьей — чаемъ. Понятно, что въ тѣхъ 11½ миллион. рублей, которые получаетъ казна съ привознаго чая, высшіе

сорта играютъ незначительную роль, а главная принадлежитъ народному потребленію, то-есть ложится опять-таки на ручной трудъ.

Ручной трудъ, въ дѣйствительности, является главнымъ источникомъ государственникъ доходовъ Россіи, подъ разными наименованіями, и намѣнить этого вполне нельзя до тѣхъ поръ, пока не измѣнятся основныя условія нашего экономическаго быта. Эти условія слѣдующія: низкій экономическій уровень массы народа и зависящая отъ него ограниченность ея потребленія; слабость промышленности и торговыхъ оборотовъ и незначительный процентъ людей состоятельныхъ, малый процентъ людей могущихъ доволить себѣ какой-либо комфортъ.

Изъ этого какъ-бы слѣдуетъ, что наша податная политика осуждена вращаться въ заколдованномъ кругѣ: главную тяжесть налоговъ приходится оставлять на рабочей массѣ, потому что слабы всѣ источники государственнаго дохода, кромѣ того, который представляется личнымъ трудомъ. А вслѣдствіе тяжести обложенія, на нее падающей, рабочая масса остается на низкомъ экономическомъ уровнѣ, положеніе ея не улучшается, въ то время, какъ расходы государства постоянно растутъ. Спрашивается, съ кого же брать новыя средства?

И вотъ при такой постановкѣ вопроса и выясняется, что серьезное возвышеніе государственныхъ доходовъ, въ дѣйствительности, останется невозможно безъ такого пересмотра всей системы податей, который основанъ бы на принципѣ,—что, прежде чѣмъ жать, надо посягать. Десятая, а по возможности пятая часть подушныхъ платежей должны быть сняты съ крестьянъ и перенесены на другія условія, въ томъ разнѣрѣ, въ какомъ послѣднія могутъ вынести обложенія. Будетъ ли это сдѣлано въ видѣ подоходнаго или разряднаго налоговъ, или же въ видѣ уменьшенія подушныхъ платежей (съ сохраненіемъ ихъ), и устанавленія нѣсколькихъ новыхъ налоговъ, специально направленныхъ къ обложенію торговыхъ оборотовъ, акціонерныхъ обществъ, торговли цѣнными бумагами и биржевыхъ сдѣлокъ—это другой вопросъ, вопросъ болѣе специальный. Но главное все-таки въ томъ, чтобы крестьяне были облегчены, а прочія категоріи плательщиковъ были обложены не номинально, а дѣйствительно, во вѣстѣ и уравнительно, то-есть такъ, чтобы на каждомъ совокупности всѣхъ платимыхъ имъ налоговъ представляла одно и то же отношеніе къ предполагаемому его доходу.

Только тогда, когда это будетъ сдѣлано, положеніе дѣлъ начнетъ поправляться въ самомъ корнѣ и начнется прочное, серьезное возрастаніе доходовъ, вслѣдствіе уменьшенія недоимокъ, возвышенія производительности и потребленія. Въ наше время всѣ согласны,

что основаніемъ богатства страны является трудъ; но можетъ ли возникать накопленіе богатства тамъ, гдѣ трудъ поставленъ въ условія невозможныя, гдѣ рабочая масса сама не доѣдаетъ, а переплачиваетъ казны все остальное, какъ-бы за право существованія. До тѣхъ же поръ, пока это не сдѣлано, всякія отдѣльныя измѣненія новыхъ налоговъ, какъ бы они ни назывались: поразрядными или иначе, будутъ не что иное, какъ такъ называемыя затychки — средства pour boucher les trous, по французскому выраженію. О правильности и уравнительности ихъ не можетъ быть и рѣчи; съ одного возьмутъ вдвое, а съ другого ничего, или почти ничего, лишь бы оказался лишній десятокъ милліоновъ.

Таковъ отчасти устанавливающійся нынѣ, повидимому, взглядъ на удержаніе золотой пошлины. Съ ней мирятся; мѣра, названная временною, повидимому, будетъ сохранена и по окончаніи войны на неопредѣленное время. Протекціонисты торжествуютъ, и въ самомъ дѣлѣ, какая благодать для фабрикантовъ! Уже самое паденіе нашего курса составляетъ для нихъ премію, а сверхъ того, золотая пошлина еще возвысила прежнее покровительство на 30 — 50 процентовъ. Переключивая очень мало на нужныхъ имъ для производства матеріалахъ, обложенныхъ низко, они получаютъ съ потребителей переплату очень большую, такъ какъ ввозные фабричныя и заводскіе продукты обложены высокою пошлиною, такъ что возвышеніе ея вновь на 30 — 50 процентовъ устраняетъ иностранный товаръ и заставляетъ брать внутреннее издѣліе, также возвышеніе въ цѣнѣ, но въ меньшемъ размѣрѣ.

Недавно въ одной русской газетѣ мы прочли опроверженіе слуха, будто предстоитъ пониженіе нашего тарифа въ угоду Германіи; газета замѣчала, что Германія своимъ поведеніемъ на конгрессѣ вовсе не заслужила подобной уступки со стороны Россіи. Но не слѣдовало ли бы намъ сдѣлать нѣкоторыхъ уступокъ самимъ себѣ — вотъ что спрашивается? Если золотая пошлина будетъ въ самомъ дѣлѣ удержана, то непременно слѣдуетъ пересмотрѣть таможенный тарифъ, такъ какъ этотъ новый элементъ совершенно измѣняетъ прежнія условія покровительства, во вредъ русскому потребленію. Фабрикантъ выигрываетъ и на курсѣ, и на золотой пошлинѣ, а потребитель на томъ и на другомъ терпитъ. Пошлина на одинъ товаръ, бывшая прежде только „покровительственною“, теперь обратилась въ „запретительную“. Между тѣмъ, таможенныя пошлины были переложены на золото вовсе не съ цѣлью усиленія покровительства, а единственно съ цѣлью доставленія казнѣ 50-ти милліоновъ рублей въ металлѣ, вмѣсто погубки иностранныхъ тратъ, которая возвышала

ихъ цѣну, то-есть роняла курсъ. Но вѣдь возвращеніе къ прежнимъ размѣрамъ обложенія, по нѣкоторымъ предметамъ, могло бы нисколько не уменьшить получаемаго казною отъ таможенъ металла, такъ какъ послѣдствіемъ такого пониженія до прежняго уровня явилось бы усиленіе ввоза.

Въ другой русской газетѣ, мы прочли сочувственную замѣтку относительно приписываемаго министерству финансовъ намѣренія удержать золотую пошлину. Въ смыслѣ главныхъ аргументовъ, въ этой замѣткѣ указывались факты: что въ теченіи семи первыхъ мѣсяцевъ текущаго года въ Россію привезено цѣнныхъ металловъ болѣе, чѣмъ вывезено на около $\frac{1}{2}$ милл. р.; что до золотой пошлины, въ 1876 году, за тотъ же періодъ было ввезено въ Россію цѣнныхъ металловъ на 2 слишкомъ милліона, а вывезено на 71 слишкомъ милліоновъ; наконецъ, что за тотъ же періодъ нынѣшняго года таможенныхъ сборовъ поступило въ кредитныхъ рубляхъ на около 34 м. р., т.-е. на около 19 м. р. болѣе, чѣмъ въ 1877 г. и на слишкомъ $5\frac{1}{2}$ м. р. болѣе, чѣмъ въ 1876 году. Замѣтка прибавляетъ, что „цифры составляютъ такую аргументацію, противъ которой никакой споръ невозможенъ“. Мы должны, однако, сдѣлать нѣсколько замѣчаній о свойствахъ самыхъ цифръ. Сравнительныя количества ввоза и вывоза цѣнныхъ металловъ въ Россіи въ значительной степени зависятъ отъ тѣхъ пріемовъ, какими наше казначейство удовлетворяетъ свои платежи за границу. Въ началѣ 1878 года, въ его распоряженіи за границею были суммы новаго внѣшняго займа, а въ началѣ 1877 года внѣшняго займа не было. Далѣе. Сравненіе вывоза цѣнныхъ металловъ изъ Россіи въ 7 мѣсяцевъ 1876 года съ нынѣшнимъ или прошлогоднимъ невозможно по той причинѣ, что въ 1876 году совершалась извѣстная операція поддержки курсовъ изъ металлическаго фонда. Итакъ, это сравненіе вовсе не идетъ къ вопросу о золотой пошлинѣ. Наконецъ, сравненіе суммы таможенныхъ сборовъ 34 м. р. за 7 мѣсяцевъ 1878 г. съ 19 м. р. за 7 мѣсяцевъ 1877 года также не доказательно, потому что, въ виду примѣненія золотой пошлины съ 1 января 1877 г., огромная часть пошлинъ (быть можетъ—на всю разницу 34 м. р. съ 19 м. р.) поступила въ концѣ 1876 года авансомъ, такъ какъ торговцы спѣшили очистить какъ можно болѣе количество товаровъ до примѣненія золотой пошлины. Сравненіе первой половины 1878 года въ отношеніи поступленія таможенныхъ сборовъ возможно только съ первой половиной 1876 года. Въ замѣткѣ сдѣлано и это сравненіе, но при немъ, по видимому, упущена изъ виду разность вексельныхъ курсовъ въ 1878 и въ 1876 году, хотя авторъ замѣтки самъ ссылается на низменность курсовъ въ началѣ нынѣшняго года, но приводитъ это въ

видѣ новаго подкрѣпленія своей аргументаціи. Дѣло въ томъ, что при переложеніи суммъ таможенныхъ поступленій на кредитные рубли, цифра выходитъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ниже курсъ кредитнаго рубля. Итакъ, повышеніе этой цифры за первые мѣсяцы 1878 года противъ того же періода 1876 г. на такую сумму, какъ $5\frac{1}{2}$ слишкомъ миллионъ кред. рублей, въ извѣстной долѣ теряетъ свое значеніе, а можетъ быть и исчезаетъ, если принять въ расчетъ разность курсовъ.

Мы сдѣлали это замѣчаніе съ той цѣлью, чтобы не оставлять безъ возраженій учащающіяся заявленія нашихъ протекціонистовъ объ экономической и финансовой пользѣ золотой пошлины. Въ смыслѣ финансовомъ она могла представлять удобство, оправдываемое чрезвычайными обстоятельствами войны, но польза ея въ видѣ мѣры постоянной для самыхъ финансовъ далеко не доказана. Въ экономическомъ же смыслѣ она положительно вредна, такъ какъ налагаетъ гораздо болѣшую тягость на потребителей, чѣмъ на производителей и гораздо больше требуетъ переплатъ отъ публики, чѣмъ приноситъ казнѣ лишняго дохода. Одно изъ двухъ, повторимъ мы: или отмена золотой пошлины, или — какъ необходимое послѣдствіе ея удержанія — пересмотръ таможеннаго тарифа. Теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, слѣдуетъ озаботиться о поднятіи въ странѣ экономическихъ силъ.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА

Положеніе дѣлъ въ Германіи.

Германія вела себя во все время восточной войны весьма сдержанно, въ томъ смыслѣ, что вліяніе свое на ходъ дѣлъ она не только не выставила на-показъ, но, наоборотъ, старалась скрывать его. Тотъ государственный человѣкъ, чье слово имѣетъ наиболѣе вѣса въ Европѣ, желалъ казаться только честнымъ маклеромъ, хотя не можетъ быть сомнѣнія, что роль его въ дѣйствительности была, по нѣмецкому выраженію, болѣе „субъективна“, чѣмъ роль маклера, и что многое сдѣлалось или не сдѣлалось именно подъ вліяніемъ взглядовъ князя Бисмарка. Въ уступчивости, обнаруженной Россією, остается много необъясненнаго, и историкъ берлинскаго конгресса будетъ искать объясненій этой уступчивости, между прочимъ, именно во взглядахъ германскаго канцлера.

Столица новой имперіи дала свое имя тому трактату, который создалъ новое положеніе дѣлъ на востокѣ. Трактатъ „парижскій“ замѣненъ трактатомъ „берлинскимъ“, и это могло быть лестно для тѣхъ германскихъ патріотовъ, которые остаются вѣрными князю Бисмарку и гордятся его успѣхами. Къ сожалѣнію, въ нынѣшнемъ году произошла въ Германіи — въ области политики внутренней — такая перемѣна, что довѣріе и уваженіе къ князю Бисмарку сдѣлались чувствами какой-то чисто-платонической привязанности. Ему удивляются всѣ, его уважаютъ очень многіе, но изъ цѣлой дюжины партій, существующихъ въ Германіи, не оказывается уже ни одной, которая могла бы быть названа правительственною, въ смыслѣ князя Бисмарка. Партіи: свободно-консервативная и германская консервативная, національно-либеральная и южно-демократическая, прогрессистская и ультрамонтанская, социалистская и вельфская, польская и датская, эльзасская-протестующая и эльзасская-автономистская — всѣ держатся нынѣ въ сторонѣ отъ Бисмарка и относятся къ нему прямо враждебно или же недовѣрчиво. Правда, нѣкоторыя изъ этихъ партій представлены въ имперскомъ сеймѣ всего нѣсколькими депутатами; таковы въ особенности партіи партикуляристскія; датская партія имѣетъ даже только одного представителя въ сеймѣ. Но въ странѣ за этими нѣсколькими представителями стоятъ многія сотни

тысяч избирателей. За 9-ю социалистами-депутатами стоит пол-миллиона социалистов-избирателей.

Истекшая сессія имперскаго сейма уже началась подъ впечатлѣніемъ разлада между канцлеромъ и вѣрными ему до той поры національными либералами. Въ прошломъ году былъ такой „психологическій моментъ“, когда имперскому правительству уяснилось, что необходимо было или сдѣлать шагъ впередъ вмѣстѣ съ національными либералами, или отказаться отъ ихъ содѣйствія и найти иную для себя опору. Правительство разумѣло шагъ впередъ въ такомъ смыслѣ, чтобы назначить двухъ-трехъ членовъ національно-либеральной партіи министрами, но за эту цѣну приобрести уже безусловную преданность всей партіи, съ отреченіемъ ея отъ всякихъ новыхъ требованій въ духѣ парламентаризма, по крайней мѣрѣ, на нынѣшнее царствованіе. Но переговоры по этому предмету не удались, частью по причинамъ личнымъ, — частью потому, что названная партія не сочла возможнымъ общать своего содѣйствія безъ уступокъ болѣе существенныхъ, чѣмъ внесеніе двухъ-трехъ именъ въ списокъ прусскихъ министровъ.

Тогда, правительство вмѣсто шага впередъ, рука объ руку съ національными либералами, рѣшилось сдѣлать шагъ назадъ наперекоръ имъ. Покушеніе Геделя дало поводъ къ составленію такого проекта закона, который былъ направленъ, повидимому, исключительно противъ социалистовъ, но на дѣлѣ долженъ былъ дать правительству новыя средства къ ограниченію права сходокъ и отчасти — печати. Какъ будто ограниченіе этихъ правъ представляетъ вѣрнѣйшую гарантію противъ похищенія политическихъ фанатиковъ! Берлинская „Volkzeitung“ на-дняхъ указывала на покушеніе на жизнь генерала Трепова и убійство генерала Мезенцова и, перебирая всѣ обвиненія, пущенныя оффиціозной и консервативной берлинской прессой въ либерализмъ, спрашивала: возможно ли упомянутыя преступленія въ Россіи также отнести къ чрезвычайной либеральности учреждений? Крайности парламентаризма, вредныя внушенія либеральной партіи, излишній демократизмъ избирательнаго закона, стѣсненіе свободной дѣятельности полиціи, излишняя свобода переселеній, ослабленіе паспортной системы, полная свобода права союзовъ и сходокъ, преувеличенная свобода печати, гибельное преобладаніе реальныхъ наукъ, ослабленіе авторитета господствующей церкви — допущеніемъ религіозной свободы, — которыми изъ этихъ золъ, спрашиваетъ „Volkzeitung“, можно было бы обвинить себя въ Россіи политическое изувѣрство, ведущее къ убійству, какъ его объясняли въ Пруссіи? И газета отвѣчаетъ, что ни однимъ изъ этихъ золъ, случавъ бывшихъ въ Россіи объяснить нельзя, а стало быть нельзя

и видѣть надежное средство къ предупрежденію такихъ преступленій — въ ограниченіи политическихъ правъ. Та же газета ссылается еще на недавнюю рѣчь французскаго министра де-Марсера, и ставитъ ее въ поученіе министрамъ прусскимъ. Г. де-Марсеръ напоминалъ, что нигдѣ социалистскія покушенія на государственный строй не проявлялись съ такой силой, какъ именно во Франціи, но что мирный исходъ послѣднихъ стачекъ рабочихъ доказалъ значительное поднятіе ихъ умственнаго уровня. „Я могу сказать,—продолжалъ министр,—что ни въ одной странѣ міра (въ настоящее время) демагогическія страсти не преобладаютъ менѣе, чѣмъ во Франціи; нигдѣ ложныя теоріи о перестройкѣ общества не находятъ такъ мало сочувствія, какъ во Франціи. Свобода и равноправность и представляютъ именно безошибочныя средства противъ тѣхъ болѣзней, которыя при-сущи быту человѣчества“. — „*Volkszeitung*“ прибавляетъ: „такія слова министра той страны, въ которой не разъ были предпринимаемы опыты спасенія (посредствомъ ограниченія равныхъ правъ) довольно непохожи на мудрыя сужденія нашихъ офиціозныхъ писателей“.

Первый проектъ ограничительнаго закона былъ отвергнутъ въ сеймѣ, 24 мая, огромнымъ большинствомъ, причемъ большая часть національныхъ либераловъ подала голоса противъ правительства, несмотря на то, что проектъ былъ составленъ подъ руководствомъ князя Бисмарка и что на сеймѣ въ пользу его подалъ голосъ графъ Мольтке. Таковъ былъ отвѣтъ на неудачу переговоровъ съ правительствомъ; разладъ между нимъ и національными либералами вступилъ въ „острый періодъ“. Зато же, какъ только покушеніе Нобилинга произвело на общество устрашающее впечатлѣніе, канцлеръ воспользовался этимъ, чтобы нанести ударъ своимъ прежнимъ союзникамъ: онъ распустилъ имперскій сеймъ.

Выборы происходили 18 (30) іюля, а чрезъ двѣ недѣли послѣ того—сдѣлался извѣстнымъ текстъ новаго прусскаго проекта закона противъ социалистовъ. Затѣмъ, имперскій сеймъ былъ созванъ на 28 августа (9 сентября), а на 2 (14) августа—союзный совѣтъ, въ который и былъ внесенъ прусскимъ правительствомъ упомянутый проектъ имперскаго закона.

Если примѣнить къ Германіи и въ особенности—къ Пруссіи мѣрку настоящихъ парламентскихъ странъ, то слѣдуетъ признать, что страна по вопросу о законѣ противъ социалистовъ высказалась за кн. Бисмарка и противъ либераловъ. Правда, въ лицѣ многихъ новыхъ членовъ сейма, она прислала канцлеру такихъ союзниковъ, которые доселѣ были его врагами; но вѣдь иначе и быть не могло, такъ какъ отъ прежнихъ своихъ союзниковъ, національныхъ либераловъ, канцлеръ отвернулся и прусское правительство всѣмъ за-

воинскими средствами боролось противъ ихъ избранія вновь. Національные либералы, сблизившіеся съ прогрессистами, поставили себѣ цѣлью на нынѣшнихъ выборахъ — провести въ сеймъ всѣхъ своихъ прежнихъ представителей; имъ хотѣлось достигнуть этимъ путемъ того же результата, какой произвели послѣдніе общіе выборы во Франціи: измѣненіе системы 16 мая. Но они забывали, что вся ихъ дѣятельность, начиная съ 1871 года, и даже съ 1866 года, вовсе не давала имъ права на такой авторитетъ, какой приобрѣли во Франціи республиканцы. Никакой твердости въ охраненіи своихъ принциповъ національные либералы не оказали, никакой борьбы они не вынесли: ихъ роль сводилась къ роли партій, бывшей въ милости у князя Бисмарка, пока она подчинялась ему въ существенныхъ вопросахъ, и забравшейся имъ въ тотъ самый моментъ, когда она попробовала выдти изъ подчиненія. Вотъ почему избирательная агитація національных либераловъ нисколько не проявляла того энтузіазма, съ какимъ велась избирательная борьба французскими республиканцами. Наоборотъ, противники національных либераловъ: ультрамонтаны, строгіе консерваторы, партикуляристы и социалисты — вели дѣло съ гораздо болѣе одушевленіемъ, такъ какъ положеніе ихъ и ихъ девизы были вполне ясны: они были дѣйствительно оппозиціею, противниками правительства, между тѣмъ какъ національные либералы представляли собой только отставную правительственную партію.

Если разумѣть выборы въ смыслѣ собственно отвѣта на вопросъ, послужившій къ распущенію прежняго сейма, т.-е. на вопросъ объ ограничительныхъ мѣрахъ, то не можетъ быть сомнѣнія, что правда и интересъ страны были теперь на сторонѣ національных либераловъ и прогрессистовъ, противниковъ тѣхъ мѣръ. Но неопредѣленность положенія первой изъ этихъ партій и вялость второй изъ нихъ лишали ихъ того авторитета, который необходимъ для успѣха. Сверхъ того, правительственное вліяніе на выборы, хотя и не выступающее изъ границъ закона, но выражающееся въ заявленіяхъ правительственной печати и частныхъ совѣтахъ ландратовъ, также оказало свое дѣйствіе въ нынѣшнемъ неуспѣхѣ либеральныхъ партій. Это доказывается тѣмъ, что наибольшее число парламентскихъ мѣстъ либералы потеряли именно въ провинціяхъ Пруссіи и Помераніи, гдѣ вліяніе ландратовъ сильнѣе, чѣмъ въ иныхъ. За этими областями слѣдовали Мекленбургъ и Ганноверъ, гдѣ неуспѣхъ либераловъ объясняется уже просто вліяніемъ строгихъ консерваторовъ и партикуляристовъ. Вмѣсто прежняго числа національных либераловъ въ имперскомъ сеймѣ, а именно 126-ти, ихъ избрано теперь только 97; прогрессистовъ же избрано вмѣсто 35-ти — 25. Ультра-

монтановъ избрано почти прежнее число—вмѣсто 96-ти—99. Соціалистовъ—вмѣсто 12-ти—9; но слѣдуетъ имѣть въ виду, что послѣ громаднaго впечатлѣнія, произведеннаго на страну покушеніями Габеля и Нобилинга, и этотъ результатъ представляетъ болѣе, чѣмъ социалисты могли ожидать. Надо еще прибавить, что число голосовъ поданныхъ за социалистскихъ кандидатовъ, представляющее сильное возрастаніе при каждыхъ новыхъ выборахъ, опять возросло противъ 1877 года на нѣсколько сотъ тысячъ. Замѣчательно также, что вліяніе партикуляристской партіи въ Ганноверѣ, партіи такъ-называемыхъ „вельфовъ“, т.-е. приверженцевъ ганноверской династіи, усилилось: вмѣсто прежнихъ 4-хъ представителей, они провели въ новый сеймъ девятерыхъ.

Но наиболѣе усилились консервативныя партіи, невраздѣлины самому существованію имперіи: представители партій германской консервативной (въ числѣ которыхъ есть и рѣшительные противники кн. Бисмарка) и свободной консервативной умножились съ 78-ми до 110-ти; въ ихъ умноженіи и сказывается специальный отвѣтъ населенія на вопросъ о законѣ относительно социалистовъ или на вопросъ—за кѣмъ оно согласнѣе идти: за національными либералами или за правительствомъ.

Распределеніе партій въ новомъ имперскомъ сеймѣ представляется слѣдующими цифрами въ порядкѣ ихъ величины: 99 ультрамонтановъ, 97 національных либераловъ, 60 германскихъ консерваторовъ, 50 свободныхъ консерваторовъ, 25 прогрессистовъ, 19 членовъ не принадлежащихъ къ партіямъ, 15 поляковъ, 9 социалистовъ, 9 вельфовъ, 6 эльзасскихъ протестующихъ, 4 эльзасскихъ автономиста (6 эльзасскихъ клерикала включены выше въ число ультрамонтановъ), 3 южногерманскихъ демократа и 1 датчанинъ изъ сѣвернаго Шлезвига.

Итакъ, если князь Бисмаркъ распустилъ парламентъ для того, чтобы нанести пораженіе національнымъ либераламъ и прогрессистамъ и создать такой сеймъ, въ которомъ правительство могло бы опереться на новыхъ союзниковъ, на партіи консервативныя, то съ перваго взгляда можно бы сказать, что онъ достигъ своей цѣли. Но вѣдь, при томъ численномъ распределеніи, какое теперь оказалось, для проведенія закона о социалистахъ ему необходимо будетъ опереться на ультрамонтановъ, если онъ не хочетъ быть вынужденнымъ опять таки опереться на національных либераловъ. Въ самомъ дѣлѣ, если ультрамонтаны подадутъ голоса противъ этого закона, для заявленія недовѣрія къ правительству, вмѣстѣ съ партикуляристами и съ прогрессистскою партіею, которая не рѣшится вотировать исключительной мѣры, то составитъ уже не далеко до законнаго большинства сейма, выражающагося цифрою 199. Если бы наиболѣе либеральная

часть національно-либеральной партіи применила къ этой оппозиціи, то законъ былъ бы отвергнутъ. Поддержки его во всякомъ случаѣ правительство можетъ ожидать только отъ 110 консерваторовъ обѣихъ фракцій, а также отъ той группы національных либераловъ, которая слѣдуетъ за Гнейстомъ и Трейчке, а не за Ласкеромъ.

Итакъ, правительству даже для проведенія новаго закона о социалистахъ предстоитъ выборъ между содѣйствіемъ ультрамонтановъ и группы Ласкера. Этотъ выборъ можетъ зависѣть прежде всего оттого, какъ ультрамонтанская партія приметъ результатъ переговоровъ, происходившихъ въ Киссингенѣ между кн. Бисмаркомъ и монсеньоромъ Мазеллою. Нѣтъ сомнѣній, что если бы эти переговоры привели къ полному отреченію канцлера отъ Kulturkampf'a, къ полному отказу его отъ такъ-называемыхъ майскихъ законовъ, со сѣбною министра духовныхъ дѣлъ Фалька—то ультрамонтаны охотно подали бы голоса въ пользу закона, направленного противъ социалистовъ. Но это означало бы окончательный разрывъ съ либеральными партіями, такой разрывъ, который невѣроятенъ именно теперь, когда текуція дѣла докладываются наслѣдному принцу. И въ самомъ дѣлѣ, слышно, что сѣбна Фалька не предполагается и что киссингенскіе переговоры сообщались Фальку. О результатѣ ихъ до сихъ поръ извѣстно (не официальнымъ образомъ) слѣдующее: папа разрѣшить тѣмъ епископамъ, которые подверглись судебнымъ приговорамъ и лишенію мѣстъ на основаніи майскихъ законовъ—обратиться къ императору съ просьбами о прощеніи, а правительство обѣщаетъ, что прощеніе это будетъ даровано, и епископы возвратятся въ свои епархіи; въ числѣ ихъ и графъ Ледоховскій—въ Познань. Затѣмъ, папа разрѣшить епископамъ сообщать правительству о поставляемыхъ ими священникахъ, а правительство обѣщаетъ, что оно не будетъ дѣлать затрудненій по официальному признанію священниковъ. Такъ изображается тотъ *modus vivendi* между курією и имперією, который былъ придуманъ въ Киссингенѣ. Правда, что въ немъ уступки являются только со стороны Рима, но за то—уступки только на словахъ; между тѣмъ какъ на дѣлѣ уступки дѣлаетъ правительство. Курія могла сказать о канцлерѣ—*habeat ipse titulum et ego vitulum*. Но отсюда до отмены майскихъ законовъ еще далеко и она невѣроятна.

Спрашивается: достаточны ли покажутся эти уступки ультрамонтанамъ, чтобы побудить ихъ подать голоса въ пользу закона противъ социалистовъ? Если же нѣтъ, въ такомъ случаѣ князь Бисмаркъ долженъ будетъ опять-таки искать помощи у Ласкера, противъ котораго онъ заявилъ себя такъ круто на выборахъ, противопоставивъ ему своего сына (который, впрочемъ, взялъ свою кандидатуру назадъ, за полной безнадежностью избранія). Если бы это случилось, въ такомъ

случаѣ, во-первыхъ, побѣда его надъ прежними союзнниками была бы вовсе не полная, а во-вторыхъ—и самый проектъ закона долженъ былъ бы подвергнуться значительнымъ смягченіямъ.

И въ самомъ дѣлѣ проектъ этотъ таковъ, что вся иностранная либеральная печать единогласно осудила его, видя въ немъ большую опасность и для той доли свободы (съ точки зрѣнія „западной“), какая существуетъ въ Германіи. Такъ какъ предстоящая сессія имперскаго сейма будетъ имѣть главнымъ предметомъ именно обсужденіе этого закона, то необходимо изложить вкратцѣ его содержаніе.

Вмѣсто семи параграфовъ, содержавшихся въ отвергнутомъ майскомъ проектѣ, нынѣшній проектъ содержитъ 24 параграфа, въ которыхъ запрещаются всѣ союзы, собранія, денежные сборы и печатныя произведенія, служащія „стремленіямъ социальнo-демократическимъ, социалистическимъ или коммунистическимъ, направленнымъ къ подкапанію (Untergrabung) существующаго государственнаго и общественнаго порядка“. Союзы запрещаются высшею администраціею (Centralbehörde) каждаго германскаго государства; а жалобы по этимъ запрещеніямъ приносятся въ имперское управленіе по дѣламъ союзовъ и печати (Reichsamt für Vereinswesen und Presse), пребывающее въ Берлинѣ. Это управленіе состоитъ изъ 9 членовъ, въ числѣ которыхъ 5 должны быть изъ штатныхъ судей; члены и президенты назначаются императоромъ однажды на все время дѣйствія закона. Сходки могутъ быть запрещаемы полиціею и жалобы можно приносить только въ административную же инстанцію. Печатныя произведенія запрещаются полицейскою властью, а прекращеніе выхода періодическаго изданія зависитъ отъ высшей администраціи. Жалобы на эти запрещенія приносятся въ имперское управленіе по дѣламъ союзовъ и печати. Запрещаемыя произведенія печати, а также формы и доски конфискуются; полиція можетъ секвестровать то и другое еще до послѣдованія запрещенія, въ видѣ предварительной мѣры, но въ такомъ случаѣ мѣстная полиція должна въ 24 часа представить секвестрованное высшей полицейскою власти, которая обязана въ теченіи недѣли принять рѣшенія о конфискаціи или возвратѣ. Каждое изъ этихъ постановленій относится именно къ такимъ союзамъ, сходкамъ, подпискамъ и изданіямъ, которые охарактеризованы въ началѣ закона, какъ служащія стремленіямъ социальнo-демократическимъ и т. д., притомъ направленнымъ къ подкапыванію порядка.

Далѣе идутъ постановленія свойства уголовнаго. Полагаются слѣдующія пени или сроки тюремнаго заключенія: за участіе въ заведомо-запрещенномъ союзѣ—500 марокъ или три мѣсяца; за участіе въ запрещенной сходкѣ или за непослушаніе распоряженію полиціи о распушеніи сходки—то же наказаніе; для агентовъ такихъ сою-

зовъ и сходокъ, какъ-то: президентовъ, сборщиковъ, ораторовъ полагается не пеня, но тюрьма отъ 1 мѣсяца до 1 года; за предоставленіе запрещенному союзу или сходкѣ помѣщенія—такая же кара: отъ 1 мѣсяца до 1 года тюрьмы.

Затѣмъ, слѣдуютъ ограниченія правъ пребыванія. Всѣмъ лицамъ, которыя спеціально занимаются (*sich zum Geschäfte machen*) помогать упомянутымъ стремленіямъ и тѣмъ, которыя однажды осуждены за такія дѣйствія, можетъ быть воспрещаемо пребываніе въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ; иностранцы же могутъ быть высылаемы за границу. За подобное же пособничество тѣмъ стремленіямъ со стороны типографовъ, книгопродавцевъ, содержателей читаленъ, трактирщиковъ и содержателей питейныхъ заведеній, у всѣхъ этихъ лицъ можетъ быть отнимаемо право на производство ихъ торговли или промысла. Всѣ распоряженія относительно ограниченія правъ пребыванія и лишенія права на занятіе промысломъ или продажей исходятъ отъ полицейской власти того государства, въ которомъ должны быть приняты. За нарушеніе этихъ распоряженій полагается пеня до 1000 марокъ, или арестъ или тюрьма до 6 мѣсяцевъ, а за нарушеніе запрещеній о пребываніи—тюрьма отъ 1 мѣсяца до 1 года. Наконецъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ или округахъ, гдѣ упомянутыя стремленія угрожаютъ общественной безопасности, мѣстные правительства, съ согласія союзнаго совѣта, могутъ устанавливать на время не долѣе одного года: 1) что на каждую сходку требуется предварительное полицейское разрѣшеніе; 2) что продажа произведеній печати на улицахъ и вообще общественныхъ мѣстахъ „не должна имѣть мѣста“ (*nicht Statt finden darf*); 3) что лица, неимѣющія работы и не могущія доказать, что имѣютъ средства къ содержанію себя, а также неполучающія пособія по мѣсту жительства, могутъ быть высылаемы изъ него; наконецъ, 4) что держаніе, ношеніе, ввозъ и даже продажа оружія ограничиваются или вовсе воспрещаются. Относительно времени дѣйствія закона въ проектѣ сказано только, что законъ вступаетъ въ силу тотчасъ, но срока для прекращенія его дѣйствія не положено.

Естественно, что подобныя условія въ Германіи, а тѣмъ болѣе въ другихъ западныхъ странахъ показались слишкомъ тяжелыми. Національно-либеральные органы утѣшаютъ себя только тѣмъ, что князь Бисмаркъ, вѣроятно, нарочно включилъ въ проектъ крайнюю мѣру требовательности, чтобы поторговаться и уступить. Если онъ потребуетъ содѣйствія національныхъ либераловъ, то, вѣроятно, такъ и будетъ. Но если онъ обойдется безъ нихъ, то проектъ можетъ пройти во всей своей строгости, хотя, конечно, съ нѣкоторыми измѣненіями. Такъ, уже въ союзномъ совѣтѣ, который уже началъ свою

сессію и приступилъ къ разсмотрѣнію прусскаго проекта, признано неудобнымъ учрежденіе особаго „имперскаго управленія по дѣламъ союзовъ и печати“. Нѣкоторые государства увидѣли въ этомъ вмѣшательство центральной власти въ ихъ внутреннія дѣла, и потому, сколько извѣстно, предположено теперь присвоить всю власть этого управленія—особому отдѣленію при союзномъ совѣтѣ. Но при этомъ пропадаетъ и та (впрочемъ, незначительная) гарантія, что большинство членовъ особаго „управленія“ должны были принадлежать къ судебному сословію.

Германскія либеральныя газеты особенно опасаются растязжимо-сти такихъ опредѣленій новаго закона, какъ „подкапываніе“ и т. п.; опасаются, что онъ можетъ быть примѣняемъ не къ однимъ соціалистамъ и коммунистамъ. Но самый вѣскій аргументъ представляетъ приведенная выше ссылка на слова французскаго министра г. де-Марсера. Въ самомъ дѣлѣ, два покушенія на жизнь все-таки могутъ быть дѣломъ двухъ человѣкъ, пусть даже нѣсколькихъ преступныхъ кружковъ. Но какая же это сила, въ сравненіи съ тою, которая въ Парижѣ въ 1871 году боролась съ цѣлою арміей, терроризировала все населеніе, подвергла казни архіепископа и десятки другихъ людей, сожгла нѣсколько государственныхъ зданій? А между тѣмъ, никакихъ спеціальныхъ законовъ противъ соціалистовъ во Франціи нынѣ не признается нужнымъ, и, по словамъ министра, сила соціализма только упала вслѣдствіе свободы.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

Die weltgeschichtliche Bedeutung Constantinopels. Von***. Mit einer Karte der Gestade des Marmorameeres. Prag. 1878.

Die geographische Lage der Hauptstädte Europa's, von J. G. Kohl. Leipzig. 1874.

На извѣстномъ банкетѣ лондонскаго лорда-мэра въ честь представителей Англіи на берлинскомъ конгрессѣ, лордъ Биконсфильдъ посвятилъ свою рѣчь объясненію причинъ, по которымъ всѣ державы, имѣвшія своихъ уполномоченныхъ на этомъ конгрессѣ, должны быть довольны берлинскимъ договоромъ. Искусному первому министру королевы Викторіи, достигшему весьма существенныхъ для Англіи результатовъ вслѣдствіе недавнихъ событій на востокѣ, хотѣлось показать и Англіи, и Европѣ, что договоръ, только-что подписанный имъ и его товарищемъ по министерству, представляетъ несомнѣнные задатки прочности и силы. По его словамъ, всѣ довольны; довольны не только Италія и Франція, непріятно удивленные формальнымъ протекторатомъ Англіи надъ Турціей и новымъ англійскимъ приобрѣтеніемъ на Средиземномъ морѣ, довольны и воюющія стороны—Россія и Турція, изъ которыхъ первая можетъ теперь предаться своимъ внутреннимъ дѣламъ, оставивъ заботу о Болгаріи, а вторая теряетъ гораздо меньше, чѣмъ терпала по санъ-стефанскому договору.

Никто, конечно, не увидѣлъ въ этой рѣчи ничего иного, кромѣ ловкаго дипломатическаго маневра, и никто не понималъ ее буквально. Какъ бы ни были важны для Россіи, именно въ настоящую минуту, ея внутреннія дѣла, всѣмъ было ясно, что оптимизмъ перваго министра Англіи объясняется, прежде всего, значеніемъ берлинскаго договора для самого министерства и для Англіи. И министерство лорда Биконсфильда, и большинство въ Англіи довольны договоромъ, обнаружившимъ ихъ силу на востокѣ; ихъ оптимизмъ только перенесенъ первымъ министромъ съ Англіи на всю Европу съ свойственной побѣдителямъ развязностію.

Да, англійское вліяніе рѣшительно восторжествовало въ Константинополѣ, и тѣ, кто предвидѣлъ такой исходъ дѣла, относились съ самаго начала съ крайней сдержанностію къ предпринятой нами войнѣ. Въ этомъ вопросѣ большинство органовъ нашей печати оказалось несравненно ниже своей задачи. Всякія сомнѣнія относительно конечнаго исхода великой борьбы встрѣчались тогда съ недовѣріемъ

къ патриотизму сомнѣвающимся; настроеніе минуты, навѣянное бездѣятельностью и скукой внутреннего застоя, на нѣсколько мѣсяцевъ какъ бы упразднило историческій опытъ и реальныя политическія соображенія. Ни одинъ изъ воинствующихъ органовъ нашей печати какъ-будто не предвидѣлъ ни отчаяннаго сопротивленія турокъ, которое продолжается еще и доселѣ въ Босніи, ни неизбежнаго вмѣшательства державъ, болѣе расположенныхъ соблюдать свои интересы, чѣмъ ополчаться противъ исламизма. Ни одинъ изъ нихъ не прибавилъ ничего новаго къ прежнимъ свѣдѣніямъ своихъ читателей о Константинополѣ, какъ всемірно-историческомъ городѣ, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, сходятся и сталкиваются самые разнообразныя интересы, и русскій читатель по-прежнему зналъ о немъ только то, что Царьградъ вмѣщаетъ храмъ божественной мудрости, обращенный въ мусульманскую мечеть.

Какъ и многое другое, значеніе Константинополя, выясняющее международныя соперничества и столкновенія, постоянно возбуждаемая восточнымъ вопросомъ, основательно изслѣдованы за насъ нѣмцами и англичанами. Читателямъ, быть можетъ, извѣстно довольно обширное сочиненіе нѣмецкаго ученаго Коля о важнѣйшихъ европейскихъ столицахъ, и въ томъ числѣ о Константинополѣ. Какъ-бы въ дополненіе къ нему, въ Прагѣ появилась недавно брошюра неизвѣстнаго автора, съ картой побережья Мраморнаго моря, на нѣмецкомъ языкѣ, посвященная тому же предмету. Собственно говоря, эта брошюра не представляетъ ничего такого, что оставалось бы доселѣ неизвѣстнымъ хорошо образованному читателю. Но она даетъ намъ поводъ остановиться на предметѣ, совсѣмъ не затронутомъ нашею печатью ни прежде, ни послѣ войны. Неизвѣстный авторъ сочувственно относится къ Россіи и ея политикѣ на востокѣ; онъ почти негодуетъ на чрезмѣрныя притязанія Англіи; но это не мѣшаетъ ему понимать и видѣть все значеніе турецкой столицы, какъ узла разнообразныхъ политическихъ и промышленныхъ интересовъ.

Еще до начала войны, въ январѣ прошлаго года, въ „Эдинбургскомъ Обзорѣннѣ“ появилась статья о Кавказѣ, въ которой доказывалось, что важнѣйшіе интересы Англіи могутъ быть затронуты не въ Балканахъ, даже не на Суэзскомъ каналѣ, а въ азіатскихъ владѣніяхъ Турціи. Не паденіе турецкаго царства, даже не переходъ Константинополя подъ власть непріязненной державы повредитъ интересамъ Англіи на востокѣ, а тотъ великій территоріальный переворотъ, который былъ бы вѣроятнымъ—даже неизбежнымъ—послѣдствіемъ завоеванія Малой-Азіи. Никакое правительство не можетъ держаться въ Константинополѣ, не владѣя въ то же время Малою

Азіей, какъ нельзя безопасно господствовать въ послѣдней, не владѣя въ то же время Константинополемъ. Непосредственныя оборонительныя линіи противъ сѣвернаго непріятеля, конечно, находятся въ Болгаріи, но Турція почерпаетъ въ одной только Анатоліи своихъ солдатъ и свои вспомогательныя средства. „Вотъ почему, — прибавляетъ англійскій журналъ, — занятіе Кавказа русскими и ихъ стремленіе соединить съ нимъ Арменію желѣзными дорогами должны быть отнесены къ числу важнѣйшихъ явленій современности“.

Эти немногія строки даютъ ключъ въ объясненію всей англійской политики въ восточномъ вопросѣ за послѣднее время. Онѣ повторяютъ лишь тѣ мысли и предубѣжденія, которыя задолго передъ тѣмъ не-разъ официально высказывались въ депешахъ англійскими дипломатами, аккредитованными въ Константинополѣ и въ Тегеранѣ. „Константинополь дышетъ только въ тѣни Кавказа“, писалъ въ 1835 году англійскій посланникъ въ Константинополѣ, лордъ Понсонби, и еслибъ въ крымскую войну нашъ черноморскій флотъ и Севастополь не представлялись Англій болѣе важною добычей, то высадка союзныхъ войскъ, по всей вѣроятности, была бы произведена не въ Крыму, а на Кавказѣ. Малая Азія, тѣмъ не менѣе, продолжала быть въ глазахъ Англій однимъ изъ путей въ Константинополь. Черное море, Анатолія и Константинополь всегда были тѣсно связаны между собою. Сокрушивъ, при помощи Франціи, русскія морскія силы на Черномъ морѣ въ пятидесятыхъ годахъ, Англія въ настоящее время принимаетъ на себя протекторатъ надъ Малою Азіей, чтобъ оградить Константинополь и съ этой стороны отъ русскаго вліянія. Исторія Балканскаго полуострова достаточно убѣждаетъ въ томъ, что держава, господствующая своимъ флотомъ на Черномъ морѣ, господствуетъ и въ Константинополѣ. Византійскіе императоры отлично знали это и постоянно содержали сильный флотъ, при помощи котораго они долгое время сохраняли въ своихъ рукахъ остатки прежняго могущества. Для того, чтобы взять Константинополь, туркамъ нужно было имѣть болѣе сильный флотъ, чѣмъ византійскій. Всѣ усилія болгаръ и сербовъ разбивались о эту же преграду. Не имѣя своего флота и не находя надежныхъ союзниковъ на морѣ, они не могли одолѣть византійскаго господства на Балканскомъ полуостровѣ. Турки тогда только овладѣли Византіей, когда ея морскія силы были въ упадкѣ. Мы сами испытали въ послѣднюю войну съ турками всѣ неудобства, соединенныя съ отсутствіемъ значительнаго русскаго флота на Черномъ морѣ. Путь черезъ Румынію былъ во все время минувшей войны единственнымъ и труднѣйшимъ средствомъ сообщенія между Россіей и ея арміей, дѣла-

ствовавшей на Балканскомъ полуостровѣ. Понятно, насколько это обстоятельство благоприятствовало турецкой оборонѣ.

Почти также важно въ этомъ отношеніи и Эгейское море, на которомъ съ давнихъ поръ разыгрывалась борьба между Европой и Азіей. Обладаніе этимъ моремъ, и въ особенности ключомъ его — островомъ Критомъ — остается и теперь условіемъ первой важности для прочнаго владѣнія Константинополемъ. Эгейское море находится всегда во власти того государства, которое владѣетъ Критомъ, и вотъ почему Греція такъ усиленно добивается присоединенія этого острова къ своимъ владѣніямъ — и почему ни Турція, ни Англія не расположены допустить подобное присоединеніе. Если Черное море и Малая Азія должны быть призваны азіатскими воротами въ Константинополь, то Эгейское море остается по-прежнему европейскими воротами въ турецкую столицу. Въ послѣднюю войну ни тѣ, ни другія ворота не были въ нашихъ рукахъ, и намъ пришлось довольствоваться самыми тяжелыми путями въ Турцію, требовавшими и много времени, и страшныхъ усилій, и огромныхъ издержекъ. Эгейское и Черное моря находились — или могли быть — исключительно въ рукахъ турокъ и англичанъ. Только быстрое и успѣшное нападеніе нашихъ войскъ съ сухого пути на турецкія приморскія укрѣпленія въ Дарданеллахъ могло бы на-время преградить англійскому флоту доступъ въ Мраморное и Черное моря, но дальнѣйшія послѣдствія такого движенія очень трудно предвидѣть. Полуостровъ Галлиполи (нѣкогда еракійскій Херсонесъ), гдѣ возведены эти укрѣпленія, такъ отдаленъ отъ операціонной базы русскихъ войскъ и такъ узокъ, что онъ можетъ быть легко доступенъ нападенію съ противоположной стороны и что долгое пребываніе тамъ войска едва ли можетъ быть признано безопаснымъ, если это войско не имѣетъ въ своемъ распоряженіи флота. Тутъ представляется, впрочемъ, цѣлый рядъ специальныхъ, военно-техническихъ вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ мы не имѣемъ подъ рукою достаточно данныхъ. Наша цѣль другая. Мы желали бы остановить вниманіе читателей на географическомъ и политическомъ значеніи Константинополя, въ виду преобладающаго у насъ преувеличеннаго мнѣнія объ его религіозномъ значеніи.

Наполеонъ I-й говорилъ, что, владѣя Константинополемъ, можно пріобрѣсти всемірное господство. Географическое и политическое значеніе этого важнаго пункта легко объясняется, съ одной стороны, его безподобною гаванью, расположенной въ точкѣ сѣрикесловенія Европы съ Азіей, — и тѣмъ замѣчательнымъ обстоятельствомъ, что въ немъ сходятся нѣсколько крупныхъ водныхъ и сухопутныхъ путей сообщенія. Какъ перечисляетъ эти пути во всѣ стороны: на юго-

западъ, на востокъ, на югъ, на сѣверъ, на сѣверо-востокъ, на сѣверо-западъ, на юго-востокъ и на юго-западъ. Благодаря своему чрезвычайно благопріятному, исключительному — такъ сказать — центральному положенію относительно трехъ частей свѣта — Европы, Азии и Африки — Византія могла пережить десятью вѣками западную половину древней римской имперіи. Тѣмъ же положеніемъ пользуются теперь турки — или, точнѣе, англичане. Отсюда непримиримое соперничество, естественно вызываемое не только вопросомъ объ обладаніи Константинополемъ, но и о простомъ дипломатическомъ и политическомъ авторитетѣ той или другой державы въ этомъ пунктѣ. Для такой коммерческой державы, какъ Англія, пунктъ, въ которомъ скрещивается столько разнообразныхъ и удобныхъ путей сообщенія, представляетъ громадную важность, мало сознаваемую мусульманами. Для Англіи выгоднѣе, чтобъ этотъ пунктъ оставался въ рукахъ слабаго государства, подчиненнаго ея вліянію, — чѣмъ государства славянскаго, пользующагося покровительствомъ и защитой Россіи. Оттого война съ Турціей неизбѣжно влечетъ за собою столкновеніе съ Англіей, которое необходимо имѣть въ виду русскому обществу. Въ наше время, войны предпринимаются лишь съ болѣе или менѣе вѣрнымъ расчетомъ всѣхъ шансовъ за и противъ успѣшнаго ихъ окончанія, и если страна наталкивается въ подобной борьбѣ на крупныя сюрпризы, рѣшительно измѣняющіе ходъ дѣла, то это непремѣнно значить, что она не приготовилась къ войнѣ надлежащимъ образомъ, — что предпринятое дѣло не было достаточно обдуманно заранее. У насъ ожидали, правда, что Англія и Австрія могутъ мѣшать нашему предпріятію въ пользу турецкихъ славянъ; но мы относились съ какимъ-то ребяческимъ пренебреженіемъ къ препятствіямъ этого рода. Никто — или почти никто — не задавался вопросомъ: настолько ли мы благоустроены и самостоятельны, настолько ли мы богаты промышленностью и средствами всякаго рода, достаточно ли у насъ накоплено сбереженій для того, чтобы предпринять теперь же ту великую задачу, въ разрѣшеніи которой заинтересовано столько непріязненныхъ намъ элементовъ? Событія показали, какъ велика была ошибка въ нашихъ прошлогоднихъ расчетахъ, и хотя политика Англіи и Австріи естественно должна возбуждать въ насъ горькое неудовольствіе, мы не должны однако же забывать и нашей собственной ошибки.

Столѣтія византійскаго гнѣнія и турецкаго господства пронесли надъ Константинополемъ, но не могли лишить его ни политической его важности, ни естественной его прелести. Босфоръ и гавань Стамбула по-прежнему вмѣстѣ между улыбающимися холмами, на

которыхъ возведены три города. Приближаясь съ юга къ Константинополю водою и огибая зданіе серала, вы видите по правую руку азіатскій материкъ и на немъ городъ Скутари, по лѣвую—материкъ европейскій съ Константинополемъ и Галатой. Европейское побережье представляетъ широкую бухту въ формѣ полумѣсяца, покрытую большими кораблями, между которыми кишитъ множество мелкихъ судовъ. Изъ этой бухты, обрамленной двумя высотами, открывается, въ видѣ амфитеатра, живописный видъ на Константинополь и Галату. Большіе размѣры трехъ высокорасположенныхъ городовъ—Константинополя, Галаты и Скутари—кипарисы турецкихъ кладбищъ, минареты, мачты кораблей, зелень деревь, бѣлый и красный цвѣта зданій, море, отражающее синеву неба, — и это синее небо, возвышающееся куполомъ надъ такою панорамой, — все это возбуждаетъ невольное удивленіе путешественника, и видъ Константинополя съ моря продолжаетъ считаться красивѣйшимъ видомъ на земномъ шарѣ. „Я видѣлъ священныя мѣста Аѳинъ, — говоритъ Байронъ, — видѣлъ храмъ эфесскій и былъ въ Дельфахъ; я объѣхалъ Европу изъ конца въ конецъ, но нигдѣ не ласкалъ моего глаза такой видъ, который могъ бы сравняться съ видомъ Константинополя“. Въ своихъ путевыхъ воспоминаніяхъ о востокѣ, Янке дополняетъ эту хвалу поэта сожалѣніемъ о томъ, что подобный пунктъ, прекраснѣйшій въ Европѣ, принадлежитъ народу, отставшему на цѣлыя вѣка отъ европейской культуры. По переходѣ вашемъ съ воды на сушу, вы съ отращеніемъ видите въ городѣ грязь его узкихъ угловатыхъ улицъ, застроенныхъ жалкими деревянными хижинами. Наше воображеніе, переносясь на востокъ, обыкновенно упускаетъ изъ виду возмутительную грязь, встрѣчаемую во всѣхъ восточныхъ городахъ; но надо ее видѣть, — говорятъ путешественники, — чтобы исчезла значительная доля поэзіи, приписываемой востоку. Даже, населенная иностранцами, Пера не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Ея главная улица тоже узка, и многіе дома Перы, спорѣвшіе восемь лѣтъ тому назадъ, доселѣ лежатъ въ развалинахъ.

И при всемъ томъ, вотъ какъ характеризуетъ извѣстный нѣмецкій публицистъ Рашъ, въ своемъ сочиненіи: „Турки въ Европѣ“, наружный видъ Константинополя: „Я стою на мосту въ Перѣ, и куда ни взгляну — всюду совершаю чудесную картину, изумительно своеобразную, блестящую красками, величественную въ своихъ очертаніяхъ! Передо мною разомъ и востокъ и западъ. Богатѣйшіе и красивѣйшіе морскіе берега земнаго шара, — берега Босфора съ ихъ султанскими дворцами, съ ихъ бѣлыми вышками, съ ихъ группами темно-зеленыхъ кипарисовъ, съ ихъ террасо-образными, сіяющими цвѣти-

вами; въ глубинѣ — покрытые лѣсомъ холмы, — не голые и пустынные, какіе встрѣчаются вездѣ на востокѣ, но окутанные богатою растительностью. Такого ландшафта я не видалъ ни въ одномъ изъ нашихъ планетъ; онъ уже слишкомъ роскошенъ, — такъ роскошенъ, что глазъ не скоро привыкаетъ къ этому избытку декорацій. Потерѣвшія отъ времени руины, тамъ-и-сямъ поднимающіяся, какъ привидѣнія, изъ этого обилія цвѣтовъ, рошъ и бѣлыхъ дачъ, обвиты плющомъ болѣе чѣмъ тысячелѣтнихъ воспоминаній. Блескъ византійской имперіи и ея паденіе; борьба полумѣнца съ крестомъ; побѣда Магомета, — вотъ эти воспоминанія. Крестоносцы, двинувшіеся къ святымъ мѣстамъ, стояли лагеремъ на берегахъ Босфора. Въ Буюкдере еще сохранилась чинара, подъ тѣнью которой отдыхалъ Готфридъ Бульонскій. Таковъ видъ съ моста Перы на сѣверо-востокъ.

„Я поворачиваю назадъ, — и на концѣ моста передо мною террасообразно поднимается во всемъ своемъ великолѣпіи Стамбулъ — столица турецкаго царства. Чтó за роскошная картина востока, съ темными купами деревъ въ сгорѣвшемъ старомъ сералѣ — тамъ, гдѣ мысъ погруженъ въ смарагдовыя волны Мраморнаго моря — и до холмовъ Эйюба, на которыхъ возвышаются развалины дворца, принадлежавшаго ослѣпленному Велисарію! Болѣе сотни мечетей съ блистающими металлическими куполами и минаретами надъ безпредѣльнымъ моремъ зданій. Въ срединѣ картины бѣлая стройная башня сераскирата, съ вершины которой посѣтителю открывается все великолѣпіе моря, городовъ и кораблей; на-лѣво отъ башни, на холмѣ, — замокъ Фуада-паши, умершаго отъ яда, какъ и его преемникъ, а на-право — возвышающійся надъ всѣми зданіями Стамбула, дворецъ военнаго министерства, обязанный поддерживать усталое тѣло „больного человѣка“, чтобъ оно не распалось на части.

„Повернувшись еще разъ, — я вижу передъ собою западъ. Старый генуэзскій городъ — Галата и городъ франковъ — Пера возвышаются передо мной въ видѣ террасы, — лабиринтъ южно-европейскихъ домовъ, изъ которыхъ высовывается галатская пожарная башня, средневѣковаго вида, какъ постоянное напоминаніе о томъ, что ежегодно, хотя бы одинъ только разъ, пламя разливается надъ этими городами и пожираетъ тысячи домовъ. И эта картина запада богата, разнообразна и любопытна, пересѣченная и увѣнчанная темными группами кипарисовъ. Подъ нею — Золотой-Рогъ, двѣ гавани — одна подлѣ другой — торговая и военная, вѣчно смѣняющаяся панорама париходовъ, коммерческихъ судовъ, броненосныхъ фрегатовъ, барковъ и приморской жизни.

„И чтó за потоки народа на этомъ мосту, ведущемъ изъ Перы

въ Стамбуль, изъ города франковъ въ городъ турокъ, какое смѣшеніе людей, экипажей и животныхъ! Востокъ переплетается съ западомъ въ фигурахъ и нарядахъ. Негры и турки въ пестрѣйшихъ одеждахъ; турчанки въ темныхъ плащахъ, съ завышенными лицами; дервиши въ своихъ коническихъ войлочныхъ шапкахъ; толстые пани на лошадахъ, еще болѣе толстыхъ, съ зонтиками надъ головами; пестрые экипажи, въ которыхъ турецкія дамы ѣздятъ гулять подъ вуалью—единственное удовольствіе, разрѣшаемое имъ ревностью ихъ тирановъ; носильщики, тащущіе на искривленныхъ спинахъ невѣроятныя ноши дерева, желѣза и камня и безпрестанно кричащіе „guarda!"; нищие, калѣки и больные, дѣти и старики въ лохмотьяхъ, съ протянутыми за подаваніемъ грязными руками; греки и армяне—торговые люди Турціи; дѣльцы изъ Галаты, ѣдущіе верхомъ въ Стамбуль, чтобъ учсть вексель, и доказывающіе туркамъ, что привозъ превышаетъ вывозъ и что банкротство неминуемо.

Константинополь имѣетъ нѣсколько употребительныхъ названій. Турки называютъ его Стамбуломъ, или Истамбуломъ, отъ „сік тір πόλις“, т.-е. „въ городъ“, какъ выражаются поселяне окрестностей столицы. На левантинско-итальянскомъ говорѣ онъ называется „Косполи“; славяне называютъ его Царьградомъ. Городъ расположенъ въ видѣ террасы на трехъ-угольномъ мысу, омываемомъ съ сѣвера бухтой — Золотымъ-Рогомъ, съ востока — Босфоромъ, съ юга — Мраморнымъ моремъ; одна только западная сторона его примыкаетъ къ материку. Въ городѣ считается до 90,000 домовъ, но они болѣею частью малы, дурно построены и заняты каждый однимъ только семействомъ, такъ какъ семейная жизнь турокъ не позволяетъ уделить часть дома постороннимъ людямъ. Жителей въ Константинополѣ считается около 800,000, и, судя по составу этого населенія, европейскому войску, занявшему турецкую столицу, было бы очень не легко ладить съ нею. На 375,000 турокъ считаютъ 150,000 грековъ (и болгаръ?), 280,000 армянъ, 30,000 евреевъ и 15,000 франковъ. Греки живутъ въ Фанарѣ, въ предмѣстьяхъ Перѣ и Галатѣ, а также и въ другихъ частяхъ столицы, — особенно же въ селеніяхъ по Босфору. Они — банкиры, купцы, врачи, архитекторы, моряки, садовники и ремесленники. Армяне живутъ въ Семибашенномъ кварталѣ, въ самомъ южномъ углу столицы, въ Перѣ, Галатѣ и нѣкоторыхъ другихъ частяхъ города. Они богаче грековъ; турецкіе вельможи предпочитаютъ армянъ другимъ національностямъ на должности своихъ повѣренныхъ и поставщиковъ. Константинопольскіе евреи — потомки тѣхъ евреевъ, которые были изгнаны изъ Испаніи въ правленіе Фердинанда и Изабеллы. Они сохранили кастильское нарѣчіе; болѣе

богатые изъ нихъ — купцы и фабриканты; бѣдная часть европейскаго населенія живетъ фабричною работою и мелочнымъ торгомъ. Франки (европейцы) живутъ въ Перѣ.

Мы, впрочемъ, тѣмъ менѣе имѣемъ въ виду подробно описывать Константинополь, что Россія если не навсегда, то надолго отказалась отъ мысли передать его въ славянскія руки. Какъ бы кто ни думалъ по этому вопросу, для всѣхъ стало ясно, что эта мысль, принадлежавшая къ некоторой части нашего общества, оказалась неосуществимою при данныхъ условіяхъ. Мы могли, конечно, временно занять турецкую столицу; но утвердиться въ ней, въ виду приведеннаго сейчасъ состава ея населенія, въ виду противодѣйствія Англіи и Австріи, въ виду насущныхъ экономическихъ и другихъ нуждъ въ самой Россіи, удовлетвореніе которыхъ могло бы быть только отсрочено новою войною, — утвердиться въ ней было бы такъ же трудно, какъ перенравиться на луну въ воздушномъ шарѣ. Прошло, давно прошло то время, когда внѣшнія дѣла страны были сами-по-себѣ, а внутреннія сами-по-себѣ; они переплелись теперь такъ, что успѣхъ однихъ неразрывно связанъ съ успѣхомъ другихъ. Внутри мы менѣе образованы, менѣе свободны, менѣе богаты, чѣмъ остальные европейцы, и всѣ наши усилія отнынѣ должны быть направлены въ эту сторону. Нельзя начинать дѣло съ конца, нельзя пожинать то, что не было посеяно. Внѣшнее вліяніе страны всегда есть только отраженіе ея внутренней состоятельности и силы, обратная сторона послѣдней. Отъ внутренней работы нельзя уйти ни въ Сербію, ни въ Турцію, ни даже въ Константинополь. Останемся же дома, и займемся, прежде всего и больше всего, своими насущными дѣлами.

Наши внутреннія дѣла пока еще тяжелы и некрасивы; но въ томъ и состоитъ задача, чтобъ сдѣлать ихъ интересными и красивыми. Задача трудная и не скоро разрѣшимая; но пока она не рѣшена, мы, младшіе изъ европейцевъ, будемъ постоянно вести всѣ невыгоды нашего культурнаго младенчества, предоставляя остальной Европѣ всѣ выгоды ея научной, политической и экономической зрѣлости. Наше негодованіе на Англію и Австрію, помѣшавшихъ полному освобожденію турецкихъ славянъ, вполне естественно и понятно; но одного негодованія мало; нужны еще и условія, дающія возможность достигать предположенныхъ цѣлей, вмѣстѣ съ умѣньемъ достигать ихъ. А эти условія и это умѣнье даются только широкимъ развитіемъ внутренней жизни и экономического богатства страны.

Константинополь представляетъ еще одну особенность, на которую, сколько намъ извѣстно, не было обращено у насъ никакого вниманія. До сихъ поръ въ составѣ его населенія и въ условіяхъ

его жизни почти не было мѣста славянскому элементу. Мы привели цифры—по крайней мѣрѣ, приблизительныя—показывающія относительную численную силу каждой національности въ населеніи турецкой столицы; но мы нигдѣ не могли найти свѣдѣній о томъ, какъ великъ въ немъ славянской элементъ. Для того, чтобы славяне могли когда-нибудь утвердиться на Босфорѣ, имъ необходима какая-нибудь народная точка опоры. Нѣмцы въ Эльзасѣ и французы въ Ниццѣ нашли такую точку опоры—одни въ нѣмецкомъ, другіе во французскомъ элементѣ названныхъ мѣстностей; но въ Константинополѣ славянской элементъ, очевидно, тонетъ въ массѣ турецкаго, греческаго и армянскаго населенія. Онъ еще не свилъ себѣ тамъ прочнаго гнѣзда, изъ котораго могъ бы разростись впоследствии, а это обстоятельство гораздо серьезнѣе, чѣмъ у насъ предполагаютъ. Дикая и фанатическая турецкая орда могла нахлынуть на изжившую свои послѣднія силы Византію и насильственно утвердиться въ ней путемъ казней и всякихъ ужасовъ; но развѣ возможно, развѣ желательно что-нибудь подобное со стороны нашихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ? Побѣдоносно вступивъ въ Константинополь, мы, конечно, приобрѣли бы большія выгоды въ дальнѣйшихъ переговорахъ о рѣшеніи восточнаго вопроса; другія державы повели бы тогда съ нами совсѣмъ иную рѣчь; но, повторяемъ, мы не могли бы окончательно утвердиться тамъ сами или утвердить господство иного славянскаго элемента въ многолюдной столицѣ, населенной чуждыми ему народностями.

Все это и еще многое другое должно быть у насъ въ виду на будущее время, если мы не желаемъ подвергаться дальнѣйшимъ разочарованіямъ въ нашихъ предпріятіяхъ по восточному вопросу.

В. К.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

19/24 августа, 1878.

XL.

I.

Я уже не разъ говорилъ съ вами о нашихъ романистахъ, между прочимъ о Гюставѣ Флоберѣ, Эдмондѣ и Жюль де-Гонкуръ и Альфонсѣ Додэ. Но до сихъ поръ мнѣ еще не случалось представить общей характеристикѣ нашего современнаго романа. Нынѣшній разъ я намѣренъ пополнить этотъ пробѣлъ и кратко очертить талантъ различныхъ писателей, пользующихся болѣе или менѣе широкимъ расположеніемъ публики.

Конечно, мнѣ пришлось бы составить цѣлый каталогъ, если бы я захотѣлъ только назвать всѣхъ соиниателей романовъ. Они кишмя кишатъ. Зимой, съ сентября и по май мѣсяцъ, не проходитъ, конечно, ни одного дня, чтобы два или три новыхъ романа не выросли точно грибы на французской почвѣ. И не одинъ только Парижъ участвуетъ въ этомъ производствѣ: провинція тоже не отстаетъ отъ него и романистахъ нѣтъ числа. Книгопродавцы говорили мнѣ, что ихъ витрины вмѣстѣ не могли бы выставить всѣхъ новыхъ романовъ, если бы они захотѣли хотя бы только на одинъ день выставить ихъ на показъ. Не знаю, куда дѣваются эти тысячи экземпляровъ печатныхъ книгъ, многія не продаются и появляются мирнымъ сномъ въ складахъ издателей. Мнѣ передавали, что въ Парижѣ есть дома, которыхъ специальность заключается въ томъ, чтобы покупать на вѣсъ эти свѣжіе книги и отсылать ихъ въ Америку, на крайній востокъ, въ колоніи, даже къ дикарямъ, гдѣ онѣ находятъ отличный сбытъ, такъ какъ читатели этихъ отдаленныхъ странъ неприхотливы и пожираютъ все, что приходитъ изъ Франціи. Часто я задумывался объ этой торговлѣ, представляя себѣ эти бѣдные книжонки, пренебрегаемыя нами и привѣтствуемыя тамъ, приводящія въ восхищеніе красавицъ, мечтающихъ о любви и прячущихъ ихъ по вечерамъ подъ подушку. У насъ же въ настоящую минуту очевидно, что производство романовъ превышаетъ спросъ. Мы слишкомъ зачитываемся газетами и естественно должны нѣмѣвать книгамъ. Несмотря на нашу страсть къ произведеніямъ фантазіи, можно сказать, что авторъ приобрѣлъ большой успѣхъ,

если ему удалось продать тысячу экземпляровъ своей книги. Изданія обыкновенно насчитываютъ тысячу двѣсти. Надо быть очень извѣстнымъ и имѣть оче-~~дно~~ ^{достоинствъ} ~~достоинствъ~~ ^{другъ} ~~достоинствъ~~ ^{читателей}, чтобы дойти до второго изданія. Свыше этого входишь уже въ разрядъ исключеній.

Этотъ избытокъ производительности романистовъ объясняется первостепеннымъ значеніемъ, какое приобрѣтено романомъ въ нашу эпоху. Въ прошломъ столѣтіи, хотя романъ уже разросся и расширилъ свои рамки, однако все еще считался легкимъ родомъ литературы по риторикѣ того времени. Въ наши дни онъ занялъ преобладающее мѣсто, поглотилъ всѣ другіе роды литературы. Подвижныя рамки его охватили всеобщность знаній. Онъ остался поэзіей и сталъ наукой. Онъ уже больше не одна только забава, не одно только развлеченіе; онъ сталъ всѣмъ, чѣмъ угодно; поэмою, трактатомъ патологій, трактатомъ анатоміи, политическимъ оружіемъ, трактатомъ о нравственности. Наконецъ, почему большинство писателей приняло эту привлекательную форму, надѣясь привлечь читателей и пользоваться при этомъ полною свободой. Съ своей стороны публики пристрастилась къ нему вслѣдствіе великаго натуралистическаго движенія, начатаго Руссо. Въ наброскахъ на любовь, на возвышенныя чувства, на великія приключенія. Наступилъ романтизмъ съ его трагическими и торделовыми героями, съ его необыкновенными выдумками, и съ того времени успѣхъ романа непрерывно возрасталъ. Должно прибавить, что среди этого потока романтическихъ басенъ, удовлетворявшихъ извращенному вкусу читателей и въ особенности читателей-нищъ, появленіе Стендала и Бальзака на минуту встревожило и сбilo съ толку публику. Эти двое не лгали и въ ихъ произведеніяхъ была какой-то торжественный привкусъ, который сразу не понравился.

Ихъ мало читали и они умерли, не дождавшись своего торжества. Но они несли и истину, которая въ концѣ концовъ всегда восторжествуетъ. Въ настоящую минуту имъ отведено мѣсто среди самыхъ великихъ писателей и ихъ послѣдователямъ принадлежитъ самое почетное положеніе въ современномъ романѣ.

Я не люблю классификаціи, потому что приходится неизбежно дѣлать нарядки, чтобы подрезать подлѣ этихъ людей и вещи. Однако для ясности мнѣ необходимо прибѣгнуть къ нѣкоторой группировкѣ, такъ чтобы представить нашихъ романистовъ въ нѣкоторой системѣ. Постараю, что не имѣю претензій всѣхъ ихъ перечислить. Я выберу только тѣхъ, чей талантъ или чье положеніе покажется мнѣ характеристичными.

Царями романа, идущими впереди всѣхъ, являются въ настоящее время: Гюставъ Флоберъ, Эдмонъ де-Гонкуръ и Альфонсъ Доде. Я

пространно говорилъ о нихъ, и мнѣ нечего прибавить къ тѣмъ очеркамъ, которые я имъ посвятилъ. Они высоко несутъ знамя реализма, они продолжаютъ Бальзака и каждый оригиналенъ по-своему. Послѣ нихъ я могу назвать въ числѣ послѣдователей Бальзака Гектора Малё и Фердинанда Фабра.

Гекторъ Малё подавалъ большія надежды. Когда онъ дебютировалъ своимъ „*Vicimes d'amour*“ въ 1864 г., то всѣ увидѣли въ немъ родного сына Бальзака. „*Les Vicimes d'amour*“, изданный въ „*Constitutionnel*“, имѣли непосредственнымъ результатомъ то, что возмущили подписчиковъ, а это отличный признакъ во Франціи. Тогда-то Тэнъ восхитился Гекторомъ Малё. Онъ написалъ о немъ статью въ „*Débats*“, зачислившую молодого романиста въ талантливыхъ писателей. Въ несчастію, послѣ нѣсколькихъ другихъ произведеній, какъ-то „*Un beau-frère*“ и „*La Belle madame Donés*“, гдѣ еще есть слѣды наблюдательности, Гекторъ Малё мало-по-малу принялся печь романы, какъ блины. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ страшаетъ для фельетоновъ газеты „*Siècle*“ — нескончаемые романы, гдѣ все плохо: слогъ, наблюдательность, замыселъ.

Фердинандъ Фабръ тоже дебютировалъ замѣчательнымъ произведеніемъ: „*Les Courbezon*“, въ которомъ описывался очень кѣрно и правдиво сельскій священникъ и его обстановка. Послѣ того онъ написалъ романъ еще болѣе замѣчательный: „*L'abbé Rigrange*“, который и остается по сіе время его лучшимъ произведеніемъ. Это очеркъ честолюбиваго священника, который все подчиняетъ своей волѣ. Фабръ избралъ себѣ спеціальностью описаніе духовенства. Онъ выросъ среди священниковъ, и въ настоящее время ему стѣбитъ только лориться въ свои воспоминанія, чтобы изобразить этотъ мало известный міръ, гдѣ нѣтъ страсти и нѣтъ чувства получаютъ такое чудовищное развитіе. Эгоизмъ, высокомеріе, властолюбіе — вотъ могучіе рычаги клерикальных страстей. Я долженъ сознаться однако, что, несмотря на свои безспорныя качества, Фабръ никогда не пользовался большимъ успѣхомъ. Его *chef-d'oeuvre*, романъ „*Abbé Rigrange*“ — едва достигъ до второго изданія въ нѣсколько лѣтъ. Слабой стороною этого романиста является слогъ; у него тяжелый и провинціальный слогъ; когда онъ на свою бѣду постарается, то подаритъ такими неожиданными сравненіями, такими напыщенными и пошлыми оборотами рѣчи, какіе можно только встрѣтить въ газетахъ отдаленныхъ гродивешъ. Съ другой стороны, несочувствіе публики можно объяснить спеціальностью, въ какой заключился писатель. Міръ ризницъ кажется слишкомъ мрачнымъ и слишкомъ строгимъ для читателей; само собой разумѣется, что тутъ нѣтъ ни женщинъ,

ни любовныхъ интригъ, а это лишаетъ его произведенія всякаго романческаго интереса. Наконецъ, быть можетъ, Фабру не по силамъ мѣряться съ такимъ великаномъ, какъ духовенство. Бальзакъ въ своей повѣсти „Le Curé de Tours“ больше сказалъ на нѣсколькохъ страницахъ, нежели Фабръ говоритъ въ нѣсколькихъ томахъ. Въ послѣднее время Фабръ, которому завидна, вѣроятно, плодовитость Гектора Мало, написалъ длинный романъ въ четырехъ томахъ: „La petite mère“. Онъ появился въ „Temps“ и не имѣлъ никакого успѣха. Я думаю, съ своей стороны, что „L'abbé Rigano“ останется лучшимъ произведеніемъ романиста и что онъ будетъ его перефразировать—и только.

Рядомъ съ натуральной школой, которая получила преобладающее значеніе въ послѣдніе годы, глава реалистической школы, Шанфлѣри, все еще живетъ; но—увы! это предводитель безъ войска, и, говоря, что онъ все еще живетъ, я долженъ прибавить, что для литературы онъ умеръ, потому что давно уже не печаталъ ни одного романа. Стоило бы, конечно, написать статью о реалистическомъ движеніи, предпринятомъ Шанфлѣри въ 1848 г. То былъ первый протестъ противъ торжествующаго романтизма. На бѣду, Шанфлѣри, несмотря на свой несомнѣнный талантъ, не былъ настолько силенъ, чтобы довести кампанію до конца. Кромѣ того, онъ заключился въ слишкомъ тѣсныя рамки. Въ видѣ реакціи противъ романтическихъ героевъ, онъ упорно придерживался буржуазнаго класса, онъ допускалъ одно лишь изображеніе повседневной жизни и терпѣливое изученіе маленькихъ людей. Это прекрасно, повторяю, но только стѣсняло движеніе и могло заглушить его. Прибавьте къ этому, что Шанфлѣри пишетъ очень неправильно; простота—дѣло хорошее, но неправильность бесполезна. Движеніе должно было лопнуть; оно надѣлало-было шума, но потомъ публика перешла къ Гюставу Флоберу, Эдмонду и Жюль де-Гонкуръ, истиннымъ преемникамъ Бальзака. Хуже всего то, что Шанфлѣри самъ уналъ духомъ, видя, что читатели бросаютъ его. Онъ пересталъ писать и теперь присутствуетъ при собственной литературной смерти, этой ужасной смерти, худшей изъ пытокъ для писателя, устарѣвшаго и позабытаго. Въ послѣднее время, я знаю, что новыя изданія романовъ Шанфлѣри, наиболѣе читавшихся въ былое время, разошлись всего лишь въ какихъ-нибудь четырехъ-стахъ экземплярахъ. Прибавлю, что публика доказываетъ этимъ только свою неблагодарность и несправедливость. Нѣкоторые изъ произведеній Шанфлѣри очаровательны по своей наивности и по своему чувству. Онъ имѣетъ право занять особенное мѣсто въ ряду Бальзака. Это одинъ изъ самыхъ субъективныхъ романистовъ послѣд-

нихъ тридцати лѣтъ, не смотря на свой ограниченный горизонтъ и неправильность своего слого.

Теперь я займусь Эдмондомъ Дюранти, потому что исторія этого романиста одна изъ самыхъ интересныхъ, какія я только знаю.

II.

Въ ранней молодости, около 1856 г., кажется, Дюранти выступилъ въ походъ со всей смѣлостью юныхъ лѣтъ, когда кажется, что призванъ преобразовать литературу. Онъ храбро поддерживалъ романы Шанфлери, которые очень тогда оспаривались. Съ самаго начала, въ тѣ годы, которыми такъ свойственны великія заблужденія, онъ сражался съ романтизмомъ, онъ ясно понималъ странный кризисъ, переживаемый французскимъ умомъ. Въ настоящее время кажется очень просто, когда судить холодно и строго движеніе 1830 года. Но двадцать лѣтъ тому назадъ это казалось изумительной дерзостью. Викторъ Гюго въ изгнаніи выросъ, какъ волосъ, и всѣмъ намъ представлялся учителемъ, котораго критика не должна касаться. Ученики этого учителя занимали высокое мѣсто въ литературѣ; восторжествовавшій романтизмъ казался всѣмъ начинающимъ эмансипацией умовъ, широкой торной дорогой, отнынѣ вполне расчищенной и по которой будутъ двигаться вѣка. Конечно, въ ту эпоху человѣкъ, вренувшійся противъ противоположныя убѣжденія и вступающій въ борьбу съ колоссомъ, долженъ былъ быть человѣкъ недожженный, во всякомъ случаѣ оригинальный.

Замѣтить, что Дюранти не возобновлялъ стараго спора о классицизмѣ. Онъ одинаково желалъ сдать въ архивъ и древность и средніе вѣка. Центръ тяжести полемики перемѣщался. Онъ не упрекалъ романтиковъ за то, что они сировали грековъ и римлянъ; онъ обвинялъ ихъ въ томъ, что они нарушили преемственность во французской литературѣ, въ томъ, что они незаконнорожденные дѣти иностранныхъ литературъ, а не законные сыновья своихъ отцовъ восемнадцатаго столѣтія. Оловомъ, онъ указывалъ на Дидро и его современниковъ, какъ на единственные живые источники нашихъ возвышенныхъ произведеній. Въ то время это была новая точка зрѣнія, которая съ тѣмъ поръ стала очень обыкновенна, но въ ту эпоху казалась изумительной.

Итакъ, Дюранти былъ однимъ изъ пионеровъ натурализма. Онъ предугадывалъ все то, что мы говоримъ въ настоящее время. Его

характеръ, какъ писателя, особенно располагать его къ этому дѣлу. Онъ жилъ особнякомъ среди своихъ современниковъ. Я рѣдко встрѣчалъ романиста болѣе независимаго отъ окружающей среды. Оглядываясь назадъ, можно только указать на Стендаля — этого единственнаго человѣка, личность котораго оставалась такой характерной среди заразительнаго романтическаго безумія. Я часто сознавался, что всѣ мы въ настоящее время, даже тѣ изъ насъ, которые страстно стремятся къ правдѣ, заражены романтизмомъ до мозга костей; мы впитали въ себя его ядъ еще на школьных лавкахъ, когда зачитывались запрещенныхъ поетовъ; мы надышались имъ въ отравленномъ воздухѣ нашей юности. Я знаю одного только, избѣжавшаго заразы, и это — Дюранти.

Часто, когда я размышляю объ насъ, я весьма ясно сознаю тотъ вредъ, какой намъ сдѣлалъ романтизмъ. Литература долго остается потрясенной послѣ такого припадка безумія. Всякая логика, всѣ основы серьезной философіи, всякій научный методъ, всякій анализъ людей и вещей были сметены этимъ лирическимъ порывомъ, и съ той поры мы никакъ не можемъ найти равновѣсія. При такихъ мозговыхъ болѣзняхъ болное поколѣніе не уноситъ болѣзни съ собою; зараза передается слѣдующимъ поколѣніямъ, и надо, чтобы она сама собой истощилась въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, чтобы исчезнуть вполне.

Мы, первые пришельцы послѣ 1830 г., мы всего сильнѣе заражены; наши дѣти уже будутъ здоровѣе. Но припадокъ былъ такъ силенъ, что понадобится еще, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ лѣтъ, чтобы избавить нашу литературу отъ этой язвы.

Поэтому, вотъ въ чемъ заключается, по-моему, рѣдная оригинальность Дюранти: онъ не романтикъ, онъ натуралистъ, помимо всякой теоріи; по своему характеру. Это прямой сынъ восемнадцатаго столѣтія, съ которымъ онъ такъ непосредственно связанъ, какъ будто бы литературы имперіи, реставраціи и Луи-Филиппа никогда и не существовало. Единственный родня ему Стендаль, двоюродный братъ.

Первый романъ, напечатанный имъ въ 1860 году, „Le Malheur d'Henriette Gégard“, приобрѣлъ большой успѣхъ. Онъ выдержалъ два изданія. Критика была поражена простой исторіей несчастной любви одного молодого человѣка и одной молодой дѣвушки, которую авторъ разсказывалъ во всей ея драматической и радостительной правдѣ. Она звучала такой искренностью, всѣ подробности были изложены съ такимъ искусствомъ, анализъ отличался такой безжалостной строгостью, что все это возбуждало одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ талантовъ. Такимъ образомъ, Дюранти могъ подумать, что онъ бли-

романовъ, таинныхъ, субъективныхъ, публики: оставшаяся оволдела. Это составляетъ основу изъ вѣнчайшихъ несправедливостей нашего времени: Дюранти не пользуется тѣмъ вниманіемъ публики, какого заслуживаетъ. Онъ изъ числа тѣхъ пяти или шести романистовъ, произведенія которыхъ можно считать замѣчательными. Я думаю, что могу объяснить причины этой несправедливости. Грустно сознаться для меня, столь ожесточенно нападающаго на романтизмъ, что всѣ мы, остальные романисты, успѣхомъ своимъ обязаны отчасти тому лиризму, который, помимо нашей воли, приспосабливается нашимъ произведеніямъ. Наше время, болѣющее, а уже это говорю, и оно дѣлаетъ извращенную любовь къ тому странному лирическому союзу, которому мы приписываемъ правду. Увы! болѣе, что не правду любить къ намъ, но остроту рѣчи, прихотливость, диссиди и шрамы, какія мы ей придаемъ. У Дюранти нѣтъ ничего этого; поэтому онъ не нравится. Его упрекаютъ въ томъ, что онъ дурно дышитъ. Я скорѣе скажу, что онъ дышитъ безъ прикрасъ. Онъ гораздо болѣе заботится о жизни, нежели объ искусствѣ. Правъ ли онъ? Быть можетъ. Сознаться, что это меня иногда смущаетъ. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ искать иного объясненія его неудачному доприщю, какъ романиста: первому успѣху, за которымъ послѣдовавшая долгая борьба, остающаяся до сихъ поръ безъ всякаго результата.

Произведенія Дюранти — очень тонкое лакомство для небольшого кружка литераторовъ. Надо любить его прѣсходно, сухую и точную манеру, основанную на подборѣ многочисленныхъ и точныхъ подробностей. У него есть также комическая жилка, очень эффектная. Это не широкая кисть Бальзака, не систематическое напряженіе Стендаля: — это сама жизнь, разбитая на кусочки и воспроизведенная съ ея повседневной суетой и такъ естественно, такъ просто, что въ цѣломъ произведеніе производитъ очень сильное впечатлѣніе. Наконецъ, главное достоинство его произведеній — оригинальность. Всѣ мы болѣе или менѣе похожи другъ на друга. Одинъ онъ оригиналенъ. Одного этого достаточно, чтобы отличить его, каковы бы ни были вообще его недостатки.

Вотъ полный списокъ произведеній Дюранти: „Le Malheur d'Henriette Gérard“, „La Cause du beau Guillaume“, „Les Combats de Françoise Duquesnay“, „Le Chevalier Navoni“ и „Les six barons de Serfontaines“. Я прошу полной справедливости для Дюранти: я сохотѣю прочесть названія мной сочиненія. Они, конечно, неизвѣстны за-границей, тогда какъ столько дрянныхъ романовъ французскихъ пользуются тамъ успѣхомъ, котораго намъ приходится стыдиться.

Сначала, можетъ быть, и похоробить отъ сухости произведеній Дюранти; но къ ней скорѣй привыкнешь и его оригинальность поправится. Она была всякой приправы и чисто во французскіе традиціонный вкусъ. Я не знаю высшей похвалы.

III.

Перехожу теперь къ другой группѣ романистовъ, послѣдователей Жоржъ Санда и Ламартина, къ изящнымъ лирикамъ, идеалистамъ, моралистамъ.

Одинъ ветеранъ живъ еще; Жюль Сандо. Онъ дебютировалъ много лѣтъ тому назадъ романомъ, написаннымъ, какъ извѣстно, въ сотрудничествѣ съ Жоржъ Сандъ. Поздѣе онъ написалъ самъ по себѣ съ десятокъ романовъ, и самые извѣстные между ними „Mlle de la Seiglière“, „Sacs et Parchemins“, „Madeleine“, „Le docteur Herbeau“. Въ настоящее время онъ одинъ изъ двухъ романистовъ, которыхъ насчитываетъ академія,—я сейчасъ перейду ко второму, а именно Октаву Фэлье. Давно уже Жюль Сандо не пишетъ больше романовъ. Онъ совсѣмъ удалился отъ дѣятельной литературной жизни. Его встрѣчаешь иногда возлѣ академіи, разгуливающимъ, фланирующимъ, какъ добрый буржуа, съ видомъ челоуѣка не отъ міра сего. Жюль Сандо никогда не пользовался шумнымъ успѣхомъ. Это изящный писатель, который нравился начитаннымъ людямъ, а болѣе всего женщинамъ и молодымъ дѣвушкамъ. И даже послѣдніе остались ему вѣрны, потому что его издатель говорилъ мнѣ недавно, что въ послѣдніе десять лѣтъ книги его расходятся все въ одномъ и томъ же количествѣ, ни больше, ни меньше. Этотъ успѣхъ заслуживаетъ вниманія въ нашу порывистую эпоху, когда писатель такъ же скоро прославляется, какъ и забывается.

Второй романистъ-академикъ, Октавъ Фэлье, производилъ настоящій фуроръ. Лѣтъ двѣнадцать, пятнадцать тому назадъ, въ цвѣтущее время имперіи романы его расходились въ значительномъ числѣ экземпляровъ, „Monsieur de Camors“, „Sybille“, „Julia de Trésouet“ восхищали всѣхъ свѣтскихъ дамъ. Число разошедшихся экземпляровъ каждаго изъ этихъ произведеній можно положить въ тридцать тысячъ. Октавъ Фэлье былъ тогда моднымъ романистомъ въ аристократическомъ мірѣ. Его чествовали въ Тюльери, императрица относилась къ нему съ большимъ уваженіемъ и совѣтовалась съ нимъ на счетъ выбора книгъ для чтенія. Сознаюсь, что я не осо-

блженный поклонник таланта Октава Фёлье, представляющего союзъ съ Мюссе и Жоржъ Сандъ; вся его оригинальность заключается въ томъ, что онъ сдѣлался адвокатомъ долга и нравственности тамъ, гдѣ его два предшественника защищали страсть. Его называли довольно зло и довольно вѣрно: „Le Musset des familles“. Съ тѣхъ поръ, правда, онъ захотѣлъ показать, что не отстываетъ передъ рисованными картинами и писалъ книги, которыхъ матери не дадутъ въ руки своимъ дочерямъ. Впрочемъ, у меня свой опредѣленный взглядъ на минимую нравственность свѣтскихъ романистовъ. Я считаю, что эта нравственность вся соткана изъ безнравственности и что ничто не можетъ быть вреднѣе для сердца и ума какъ лицемерное искаженіе истины и юзунство страстей, сдерживаемыхъ приличіями. Вотъ въ чемъ я обвиняю Октава Фёлье, но я охотно признаю за нимъ талантъ въ отбѣивахъ; правильный слогъ и нѣсколько изысканное изящество. Въ послѣднее время успѣхъ его значительно ослабѣлъ. Двѣ послѣднія книги, написанныя имъ: „Un mariage dans le Monde“, и „Les Amours de Philippe“, конечно, не шли такъ бойко, какъ ихъ предшественники. Франція пережила потрясеніе, времена перемѣнились, любимый авторъ императрицы Евгеніи выбитъ изъ колен. Къ тому же, романисты натуральной школы выросли колоссально: „Fromont jeune et Risler aîné“ и „Le Nabab“ Альфонса Додэ выдержали каждый сорокъ изданій, и это объясняетъ, почему публика, привыкшая теперь къ изображенію дѣйствительности, къ строгому анализу повседневной жизни, не увлекается больше пріятными вымыслами и романтическими витрижами идеалистической школы.

Тѣмъ не менѣе Октавъ Фёлье остается столпомъ „Revue des Deux-Mondes“ и единственнымъ представителемъ въ немъ французскаго романа. Въ одномъ изъ моихъ писемъ я вамъ объяснялъ странное положеніе, въ какомъ очутилась „Revue des Deux-Mondes“, не захотѣвшая или не сумѣвшая привлечь въ себя романистовъ натуральной школы и въ виду безусловной побѣды, одержанной этими послѣдними, осужденная пребывать внѣ литературнаго движенія, пробаиваясь второстепенными и третьестепенными романистами. Рискну сдѣлать слѣдующее сравненіе: ее озаряетъ только блѣдное заходящее солнце Октава Фёлье.

Я упомянулъ сейчасъ объ академіи, и такъ какъ къ слову пришло, то выскажу замѣчаніе, которое часто мнѣ досаждало. Академія насчитываетъ только двухъ романистовъ, тогда какъ въ ней числятся цѣнныя четыре драматурга: Эмиль Ожье, Александръ Дюма, Викторьенъ Сарду и Эрвастъ Лагуэ. Не говорю уже объ истори-

какъ, которые еще многочисленны. Между тѣмъ я надею такое распределение академическихъ креселъ совершенно несправедливый. Театръ въ наше время совершенно ничтоженъ; я хочу сказать, что большинство дамскихъ на немъ сидитъ очень слабо. Напротивъ того, романъ занимаетъ первенствующее мѣсто въ литературѣ; весь умъ нашего времени сосредоточился, повидимому, на романѣ, и эта форма останется навсегда характеристичной для литературы девятнадцатаго столѣтія, подобно тому, какъ трагедія и высокая комедія характеризуютъ литературу семнадцатаго вѣка. Но если такъ, то почему же такъ много драматурговъ и такъ мало романистовъ въ академическомъ претендующей на роль вѣрной представительницы французской литературы. Безъ сомнѣнн, въ людяхъ недостатка нѣтъ. Развѣ Гюставъ Флоберъ, развѣ Эдмондъ де-Гонкуръ не должны быть давнишними академиками? Если только ввѣрить литературное достоинство, не разбирая формы, развѣ они не талантливы въ десять разъ гг. Легуа и Сарду? Просто поворно оставлять такихъ писателей за дверью, когда выпускаешь столько посредственностей. Академическое вѣчно будетъ укорять за то, что она не выпустила Бальзака; а она готовится повторить свои ошибки. Какъ и „Revue des Deux-Mondes“, она неизменно устранилась отъ литературнаго движенія. Такой образъ дѣйствій можетъ опаздывать для нея опаснымъ. Если движеніе разростется, какъ я это и думаю, то она будетъ удалена имъ помимо воли. Благоразуміе должно бы рекомендовать ей самой вступить въ движеніе, допустить въ свои нѣдра новыхъ людей, потому что она можетъ жить лишь подъ условіемъ непрерывнаго обновленія.

Но я очень боюсь, какъ бы въ тотъ день, когда академія придется избирать романиста, она бы не выбрала Шербюлье, приного ученика Жоржъ Санда. Шербюлье—второй стали „Revue des Deux-Mondes“, а наѣетка, что этотъ журналъ имѣетъ спеціальностью фабриковать академиковъ. Вроде плохо платилъ своимъ сотрудникамъ, но призывалъ ихъ перспективой академическаго кресла; куда усадить нѣтъ на старости лѣтъ. Шербюлье не произвождаетъ такого фурора, какъ Октавъ Фобль, но все же очень любимъ дамами. Его женевецъ и торжествомъ его является изображеніе необыкновенныхъ характеровъ: всѣ его героини—ангелы, прокладывающіе чертъ адъ или черезъ чистилище, роковыя женщины или загадочныя дѣвушки, добродѣтели которыхъ въ концѣ-концовъ все-таки торжествуютъ. Понятно, что интрига самая романтическия свободна; природа же служитъ только фономъ, съ поэтическимъ оттѣнкомъ. Я предпочитаю уже Октава Фобля, который по крайней мѣрѣ остается во Франціи и беретъ свои сюжеты изъ нашего міра, тогда какъ Викторъ Шербюлье

набирать своихъ дѣствующихъ лицъ между провансами, мадарами, тирольцами, такъ какъ это позволяетъ ему лгать не стѣсняясь. Это отживающая мода и надо быть снисходительнымъ къ романистамъ романтическаго хвоста. Впрочемъ они будутъ достаточно наказаны забвениемъ публики. Симптомы тому вѣрные; читателямъ надоѣдаютъ эти вѣчныя басни на небытиа тамы, въ которыхъ драма создается изъ самыхъ фальшивыхъ и дичиыхъ чувствъ, тогда какъ отбить позаняться правдивому, твердому, роману, изображающему мучительную дѣйствительность обманной жизни — и въ толпѣ покупателей происходитъ движеніе, ясно указывающее на ослѣпительную побѣду послѣдователей Балзана.

Назovu Луи Ульбаха, много писавшаго въ томъ родѣ, какой можно назвать — ни то, ни сѣ. Этотъ послѣдній — послѣдователь Ламартина, котораго знавалъ и у котораго заимствовалъ тѣлущій и образный слогъ. Единственный успѣхъ далъ ему его романъ: „Monsieur et madame Fernel“, довольно вѣрная картина провинціальной жизни. Двадцать-пять или тридцать остальныхъ его романовъ разошлись въ умѣренномъ количествѣ; ереднимъ числомъ они выдерживали два-три изданія. Въ настоящее время онъ еще много пишетъ; года не проходитъ, чтобы онъ не издалъ два-три романа, но критика большаго имъ не занимается; онъ въ вѣкомнѣющейся литературы — и его романы находятъ покупателей лишь въ силу привычки. Я назвалъ Ульбаха потому, что онъ представляетъ вѣрный типъ романиста, о которомъ говорятъ, что онъ пишетъ литературные романы. Подъ этимъ подразумеваютъ романы, съ претензіей на слогъ, съ описаніями и анализомъ, въ противоположность фельетоннымъ романамъ, которые пронаются безъ всякаго уваженія къ грамматикѣ или къ здравому смыслу. Очень любопытно изучить слогъ Ульбаха: это — дряблый, слопъ, исполненный поэтическихъ напѣвнй. Одно сравненіе погоняетъ другое, фразы сверкаютъ, точно пестрая нисса, но подъ ними не чувствуется прочнаго и логическаго плана, на которомъ все должно опираться и который одинъ обличаетъ даровитаго писателя. Кроме славать, тутъ есть только претензія на слогъ; самаго же стили нѣтъ, нѣтъ оригинальности, нѣтъ вѣрныхъ словъ, передающихъ оцущенія. Тѣмъ не менѣе Ульбахъ славится писателемъ въ газетахъ и у извѣстной публики. Ниже я доволню эту характеристику, говоря о Жюль Кларесѣ.

Вотъ цѣлѣ доѣ изъ вѣдѣстныхъ романистовъ идеалистовъ. Не хочу спускаться слишкомъ низко, до Луи Энѣ, напрымѣръ, представляющаго карикатуру этого рода. Этотъ послѣдній набрѣлъ помѣду идеала, сиречь романтизма. Не знаю, вѣдѣстны ли у насъ въ Россіи

его романы, въ которыхъ героинями являются молодыя сантиментальныя русскія дамы. Это веркъ приторности. Если бы карнамакхеръ вздумалъ писать романы, то мнѣ кажется, что онъ написалъ бы подобныя вещи. Въ этихъ трущобахъ идеализма я могу еще указать на Перрѣ, къ которому „Revue des Deux-Mondes“, за немѣвнѣмъ лучшаго, приходилось обращаться. Это въ своемъ родѣ „sous-Cherbouille“, подобно тому какъ самъ Шербюль есть „sous-Feuillet“. На этой ступени всякій талантъ исчезаетъ, посредственность бьетъ въ глаза. Это произведенія дюжинныя, классифицировать ихъ бесполезно.

Я долженъ, однако, утѣкнуть себя въ томъ, что позабылъ Андре Тѣрьѣ. Этотъ послѣдній тоже идеалистъ и въ его произведеніяхъ отливается Жюль Сандъ. Но я охотно прощаю ему за тонкую прелесть, какую пропитаны его мельчайшіе рассказы. Къ тому же, онъ сиромень и довольствуется коротенькими романами, которые въ сущности надо признать повѣстями. Парижъ ему не дается обыкновенно; когда онъ помѣститъ въ немъ дѣйствіе, то рѣдко выпутается со славой. Ему нужна провинція; ему нужны большіе лѣса, гдѣ онъ жилъ долгіе годы. Тамъ онъ въ самомъ дѣлѣ бываетъ живъ. Лица его, немного условныя, необыкновенно какъ оживляются подѣ деревьями, въ тѣни глубокихъ просѣкъ. Невольно интересуюсь ихъ любовными дѣлами, хотя интрига почти никогда не измѣняется. Это такъ свѣжо и ароматно. Андре Тѣрьѣ, по моему мнѣнію, единственный новый романистъ, котораго можно съ удовольствіемъ читать въ „Revue des Deux-Mondes“. Долгое время онъ не пользовался никакимъ успѣхомъ. Его первыя произведенія: „Mademoiselle Guignon“, „La Fortune d'Angèle“—не расходились даже и въ одномъ изданіи. Послѣ того онъ издалъ „Le Filleul d'un marquis“ и успѣхъ мало помалу выналь и ему на долю. Въ настоящее время романы его выдерживаютъ два изданія. Исторія Тѣрьѣ должна была бы навести на размышленія „Revue des Deux-Mondes“. Вотъ романистъ, чья произведенія онъ печатаетъ уже много лѣтъ сряду и эти произведенія, выпущенныя отдѣльнымъ изданіемъ, находили весьма немногихъ покупателей, несмотря на свое несомнѣнное достоинство. Что же остается послѣ этого думать о претензіяхъ „Revue des Deux-Mondes“, воображающей и заявляющей во всеуслышаніе, что она обеспечиваетъ успѣхъ за романами, которые печатаетъ; если ей случится напечатать произведеніе новаго романиста, она внушаетъ ему, что это большая для него честь и что съ этой минуты его литературная карьера обезпечена. Это заблужденіе, чтѣ и доказывается фактами. Поль Перрѣ, сотрудникъ „Revue des Deux-Mondes“, советѣмъ не имѣетъ сбыта въ книжныя магазины, а Андре Тѣрьѣ имѣетъ очень небольшой сбытъ.

Истина заключается въ томъ, что „Revue des Deux-Mondes“ никогда не пускаетъ писателя въ публику; надо завоевать эту публику самому, своимъ талантомъ.

Вотъ писатель идеалистическаго романа въ настоящее время. У него есть одинъ милый рекрутъ, Андре Тёрръ, и хромые генералы, какъ Октавъ Фэлье и Викторъ Шербюлье. Я не называю Виктора Гюго, потому что ему всегда слѣдуетъ отводить особое мѣсто; да онъ въ тому же и не пишетъ романовъ; а пишетъ поэмы въ прозѣ. Мало вѣроятно, чтобы онъ написалъ еще поэмы, да и вліяніе его ничтожно на теперешнее движеніе въ литературѣ. Я знаю у него только одного ученика, Леона Кладеля, которыхъ сейчасъ и займусь. Итакъ, идеалистическій романъ трещитъ и распадается прахомъ. Можно предвидѣть день, когда онъ умретъ естественной смертію, за недостаткомъ романистовъ. Я не вижу въ подроставшемъ поколѣніи ни одного талантливаго писателя, который бы закатѣлъ облечься въ доспѣхи Жоржъ Санда. Я вижу, напротивъ того, цѣлую выводку молодыхъ писателей, готовыхъ слѣдовать по пути, проторенному Бальзакомъ. Въ нихъ будущее, въ нихъ жизнь. Не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ положеніе ясно опредѣлится и останется только признать полную побѣду натуральной школы.

IV.

Я не могу втиснуть всѣхъ романистовъ въ перегородки системы. Поэтому теперь вкратцѣ поговорю о нѣкоторыхъ личностяхъ, выдѣлившись изъ распри идеалистовъ и натуралистовъ.

Я часто съ удивленіемъ думаю объ Эдмондѣ Абѣ. Какъ писатель, онъ постоянно подноситъ публикѣ сюрпризы. Принемиши его первый дебютъ въ цвѣтущее время имперіи. Онъ проявилъ первостепенный полемическій талантъ; тонкій, остроумный, свѣтлый, онъ наследовалъ если не весь умъ Вольтера, какъ, можетъ быть, говорили, то хоть частицу его. Его книга о Греціи, его книга о Римѣ, хотя въ сущности и пустоватая, имѣли значительный успѣхъ, благодаря легкому и веселому слогу. Кромя того, Абѣ дебютировалъ и какъ романистъ съ большимъ блескомъ. Его „Mariages de Paris“, сборникъ повѣстей, выдержалъ почти сразу десять или двѣнадцать изданій. Онъ, не переводя духъ, выпустилъ сразу „Zola“, „Germanie“, „Trente-et-quarante“. Наконецъ, напечаталъ „Madelon“, свой лучший романъ, по-моему, написанный съ поразительнымъ умомъ. Потомъ вдругъ, послѣ двухъ фантазій, возбуждавшихъ ошесточенную критику: „L'Homme

à l'oreille cassée" и „Le Cas de monsieur Guépin", онъ издалъ свой безпомечный романъ въ трехъ толстыхъ томахъ: „La Vieille Roche", гдѣ весь его талантъ какъ-то расплылся и отяжелѣлъ. И на этомъ дѣлѣ кончилось: романистъ внезапно въ немъ умеръ. Послѣ этого произведенія, напечатаннаго тѣмъ десяти-тому назадъ, Абу, кажется, не далъ ни одной книги своему издателю. Онъ женился, растомырился; въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ о немъ ничего не было слышно. Можно было подумать, что онъ умеръ. Наконецъ, онъ принялъ на себя редакцію журнала: „Le Dix-neuvième Siècle". Въ настоящее время онъ главный редакторъ, дѣлаетъ хорошія денежные дѣла; порою какъ будто обрѣтаетъ свое боевое перо былаго счастливаго времени. Но какъ бы то ни было, и я не знаю болѣе странной исторіи въ нашей современной литературѣ: человѣкъ, начинавшій такъ блистательно, писатель, главными качествами котораго были дѣятельность и плодovitость, и который вдругъ бросаетъ писать, точно будто бы онъ все высказалъ и больше ему нечего сказать. Я искалъ объясненія этому обстоятельству, и какъ мнѣ кажется, могу сказать, что великое несчастье Абу заключается въ томъ, что онъ ни во что не вѣритъ, даже въ литературу. Въ свое время нѣхъ была маленькая группа въ Нормальной школѣ, проповѣдывавшихъ горячую страсть къ Вольтеру. Это была не бѣда; но худо то, что нѣкоторые изъ нихъ вѣроятно возмечтали о продолженіи дѣла Вольтера. Абу, на примѣръ, былъ полемистомъ, памфлетистомъ, сказочникомъ, философомъ, экономистомъ. Но вѣдь времена перемѣнились, дѣла Вольтера нельзя продолжать при тѣхъ же условіяхъ. Прибавьте, что скептицизмъ былъ обязательный. Въ одинъ прекрасный день Абу, вѣроятно, спросилъ себя: „въ чему все это?" У него не было убѣжденій, у него было только остроуміе; онъ уже пресытился битвами и славой здѣшняго міра. Лучше жить спокойно на свои ренты. Кроме того, политическій горизонтъ былъ очень мраченъ; невозможно было разгадать, въ чемъ заключается будущее. Абу, съ его либеральными тенденціями, сталъ пріятелемъ принца Наполеона на всякій случай. Въ бурю 1870 г. онъ исчезъ со сцены. Въ настоящее время онъ снова появился республиканцемъ. Но если полемистъ и воскресъ, хотя немного потасманный и устарѣвшій, за то романистъ погибъ въ смуть безвозвратно. О немъ уже можно высказать окончательное сужденіе. Онъ былъ прежде всего рассказчикъ. Слишкомъ чувствовалось, что онъ самъ не вѣритъ въ своихъ героевъ; онъ ихъ заставлялъ плясать на кончикѣ своего пера, чтобы позабавить другихъ и самому позабавиться. Вы всегда чувствовали, что авторъ пританцовываетъ за страницей и смѣется. Это отсутствіе убѣжденій придавало большую

легкость произведению; но отнимало у него всякую глубину. Анализ оставался поверхностнымъ, произведение только легко читалось и было забавно. Абу не оставилъ по себѣ ни одного типа, ни одной сильной и положительной страницы. Онъ былъ полонъ одора, онъ былъ сказочникомъ, который, преснувшись разъ поутру, принималъ очень остроумно богатъ и всѣхъ насмѣивалъ, затѣявъ, ложась спать, восторжъ, задувъ свою свѣчу навсегда.

Исторія съ Эркманомъ-Шатрианомъ тоже весьма любопытна. Оба — эльзасцы, связанные взаимной симпатіей однородныхъ натуръ, они начали разсказами изъ своей мѣстности. Сначала они были учениками Гюфмана и любили придавать фантастическій оттенокъ правдивымъ отношеніямъ эльзасскихъ нравовъ. Позднѣе они расширили свои рамки, не расставаясь съ страной, гдѣ родились и гдѣ выросли, и можно сказать, что тогда они были правдивыми и чувствительными живописцами Эльзаса, потому что познавали насъ съ его полями, жителями, обычаями въ такихъ же старательныхъ, какъ и прелестныхъ картинахъ. Но хотя они и удлиняли свои разсказы, хотя они и придавали своимъ произведеніямъ названіе романовъ, они все же оставались тѣми же разсказчиками, прибѣгающими все къ однимъ и тѣмъ же куламъ, вмѣсто дѣйствительныхъ лицъ, никогда не дающими себѣ труда создавать живыхъ людей, утѣшающихъ читателей рядомъ сценъ, ярко раскрашенныхъ, точно картины. Успѣхъ сразу выпалъ имъ на долю и успѣхъ громадный. Конечно, ихъ талантъ, тонкій и сочный, игралъ значительную роль въ этомъ успѣхѣ. Но надо сказать также, что и обстоятельства сильно ему способствовали. Политика замѣшалась въ дѣло. Въ своихъ романахъ: „Madame Têrèse“ и „Le Conscrit de 1813“, остающихся ихъ лучшими произведеніями, они набросали странную картину войнъ имперіи съ самымъ добродушнымъ видомъ. Въ особенности вѣрно изобразили они отношеніе народа къ войнѣ, его неохоту расставаться съ своимъ домашнимъ очагомъ, его эгоистическій патріотизмъ, его непобѣдимую потребность въ мирѣ и свободѣ. Оппозиція уже глухо подтачивала имперію, романы Эркмана-Шатриана были встрѣчены съ восторгомъ, какъ протестъ противъ возможности войнъ. Отъ этихъ романовъ вѣяло республиканскимъ духомъ; съ другой стороны, они легко проливали въ семьи, такъ какъ не затрогивали никакихъ страстей, не касались незаконной любви, не рисовали нескромныхъ сценъ; наконецъ, они легко читались. Отсюда ихъ громадный успѣхъ. Дошло до того, что ихъ стали называть „національными романами“. Ихъ издавали слѣдовали за изданіями всѣхъ форматовъ. Ихъ было продано сто тысячъ экземпляровъ. Это были одни изъ самыхъ ходкихъ книгъ въ

нашемъ столѣтіи. Въ настоящее время уже не то: „Madame Thérèse“ и „Le Conscriit de 1813“ остаются очень мѣлыми вещами, но не болѣе того. Къ тому же, на бѣду эти авторы не послѣдовали примѣру Абу. Къ несчастію, успѣхъ только усилилъ ихъ плодовитость. Вторая бѣда та, что они ударились въ политику, воображивъ, что это обезпечитъ за ними успѣхъ. И вотъ принялись они писать длиннѣйшіе романы,—они, которымъ были по плечу только маленькій рассказикъ, сантиментальная повѣстунья, они написали: „Histoire du plebiscite“, „Les Mémoires d'un homme du peuple“ и еще другія сочиненія, заглавія которыхъ я не помню, но интересъ которыхъ весь заключается въ республиканской пропагандѣ. Все это очень плохо, абсолютно ничтожно. Порывъ у публики былъ слишкомъ великъ, чтобы книги могли сразу сѣсть. Но мало по-малу шумъ, возбуждаемый именами Эркмана-Шатриана, улегся, критика перестала интересоваться ихъ новыми произведеніями. Равнодушіе постепенно воцарилось. И все это было необходимо, и я даже предсказать это въ одной статьѣ въ моментъ ихъ торжества. У нихъ не было мощныхъ качествъ, устанавливающихъ славу писателя; они недостаточно занимались человекомъ, они не внесли въ свои произведенія мощное творчество, которое можетъ пережить моду. Всякій успѣхъ, обставленный такими условіями, успѣхъ мимолетный, но поверхностныхъ произведеній, роковымъ образомъ является увлеченіемъ. И чѣмъ сильнѣе былъ восторгъ, тѣмъ сильнѣе и реакція. Объ Эркманъ-Шатрианъ болѣе не говорятъ. Не знаю, продолжаютъ ли они еще писать. Последній шумъ, возбужденный ими, былъ произведенъ „L'ami Fritz“, даннымъ въ Théâtre-Français, и я очень хвалилъ эту пьесу за реалистическую нотку, которую они внесли въ театръ.

На ряду съ Эркманомъ-Шатрианомъ упомяну о Жюль-Вернѣ. Этотъ послѣдній не пишетъ, собственно говоря, романовъ; онъ драматизируетъ науку, онъ пускается въ фантастическія бредни, опираясь на новыхъ научныхъ данныхъ. Въ сущности, это, конечно, романы, и романы еще болѣе неправдоподобные и фантастическіе, чѣмъ наши. Публикѣ нравится эта забавная популяризація науки. Я не стану разбирать этого рода произведеній, долженствующихъ, по моему, исказить всѣ познанія дѣтей. Я съ своей стороны отдаю предпочтеніе „Мальчику съ пальчикъ“ и „Спящей красавицѣ“. Но я вынужденъ засвидѣтельствовать объ ихъ невѣроятномъ успѣхѣ. Произведенія Жюль-Верна, несомнѣнно, всего болѣе покупаются въ настоящее время во Франціи.

Каждая изъ его книгъ: „Cinq semaines en ballon“, „Le Tour du monde en 80 jours“, „Les Fils du capitaine Grant“ и другія—раско-

длились въ количествѣ ста тысячъ экземпляровъ. Ихъ увидишь въ рукахъ всѣхъ дѣтей, имъ отводится мѣсто во всѣхъ семейныхъ бібліотекахъ, что и объясняетъ ихъ сильный сбытъ. Впрочемъ, они не имѣютъ никакого значенія въ современномъ литературномъ движеніи. Азбуки и требники продаются въ такомъ же громадномъ числѣ.

Наконецъ, упомяну въ заключеніе о Гюставѣ Дрозѣ. Онъ тоже создалъ особый родъ литературы. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ царилъ въ „*Vie parisienne*“, этомъ свѣтскомъ журналѣ, бывшемъ какъ-бы официальнымъ органомъ щеголей и щеголихъ имперіи. Гюставъ Дрозъ былъ живописцемъ искусственнаго общества, игравшаго въ милые пороки, подобно тому, какъ восемнадцатый вѣкъ игралъ въ пастораль. Надо прочесть его лучшее произведеніе: „*Monsieur, Madame et Bébé*“, чтобы понять всю нарумяненную грацію этого міра. Конечно, нитка была немного натянута — это и чувствуется теперь. Но главное достоинство живописца заключалось въ томъ, что онъ набросалъ силуэты, которые, конечно, и останутся какъ отличныя данныя для изученія общества второй имперіи. Его упрекали въ томъ, что онъ обмакиваетъ свою кисть въ рисовую пудру. Безъ сомнѣнія, онъ это дѣлалъ, но это-то и даетъ ему право на славу, потому что одинъ онъ представилъ картину элегантной семьи въ 1867 г. Гюставъ Дрозъ продолжаетъ писать, но произведенія его уже не увѣнчиваются такимъ успѣхомъ какъ „*Monsieur, Madame et Bébé*“, которое разошлось въ очень большомъ числѣ.

V.

Теперь остается цѣлый классъ романистовъ, которыхъ было бы очень интересно разобрать. Я говорю про кропателей фельетоновъ, учениковъ Дюма-отца.

Во-первыхъ, надо сказать, что условія, въ какія поставленъ фельетонный романъ, совершенно измѣнились. Въ прежнее время, лѣтъ сорокъ тому назадъ, когда придумали разрѣзать романъ по частичкамъ и угощать ими ежедневно въ нижнемъ этажѣ газетъ, то выдумка эта увѣнчалась громаднымъ успѣхомъ. Читатели въ то время не особенно гонялись за газетами; система сообщенія текущихъ новостей еще не была изобрѣтена и надо было много доброй воли, чтобы поглощать серьезныя и тяжелыя статьи. Такимъ образомъ, фельетонный романъ явился приманкой для подписчиковъ, въ осо-

бенности для женщинъ; въ журналистикѣ признается общимъ правиломъ, что надо привлечь на свою сторону женщину въ домѣ, если желаешь, чтобы абонементъ возобновился. Женщины набросались на фельетонные романы и выдумка оказалась блистательной, а успѣхъ невѣроятнымъ. Можно сказать, что въ тѣ времена давали фельетонный романъ, а сверхъ того и газету. Романъ былъ главной цѣлью существованія газеты. Отсюда важное значеніе фельетона и громкая слава Дюма-отца, Эжена Сю, Поля Феваля, Эли Берте и столько другихъ.

Но нынѣ времена перемѣнились. Журналистика страшно разрослась, благодаря быстротѣ сообщенія различныхъ новостей, въ особенности благодаря нетерпѣливой горячкѣ, развивавшейся у публики все знать и знать въ ту же минуту. Интересъ перенесся изъ нижняго этажа газеты на столбцы самой газеты. Съ другой стороны, изобрѣтатели этого рода, первые рассказчики, — состарѣлись, а новые романисты, — романисты натуральной школы, углубляются въ описанія и анализъ на десяти страницахъ и ихъ произведенія неудобны для фельетонныхъ рамокъ.

Они больше не легѣютъ „продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ“, этотъ перерывъ на какомъ-нибудь самомъ интересномъ мѣстѣ, въ чемъ собственно и заключалась вся наука фельетонистовъ.

Поэтому ихъ романы имѣютъ очень жалкій видъ, разрѣзанные на кусочки, обезображенные, лишенные своего широкаго рисунка. И вотъ читатели дошли до того, что презираютъ фельетонные романы, по крайней мѣрѣ, ихъ не читаютъ, рѣшая, что прочтутъ ихъ, когда они выйдутъ книгой, если они того стоятъ. Словомъ, положеніе дѣлъ теперь діаметрально противоположно прежнему: газета покупается ради самой газеты, а фельетонъ идетъ въ придачу.

Поэтому казалось бы всего проще — сократить фельетонъ. Но бѣда въ томъ, что въ вопросѣ о подпискѣ замѣшивается женщина. Женщинѣ нуженъ фельетонъ. Его и даютъ ей — вотъ и все. Я часто разсуждалъ объ этомъ съ редакторами газетъ и говорилъ имъ, что напрасно они печатаютъ въ фельетонахъ тщательно написанныя, литературныя произведенія, которые становятся почти незамѣтными, благодаря ежедневному вромсанію, да вдобавокъ еще не пользуются большимъ успѣхомъ. Къ чему упорствовать, когда формула романа перемѣнилась, къ чему втискивать въ рамку фельетона, изобрѣтенную сказочниками, произведенія романистовъ натуральной школы, которымъ нуженъ просторъ и которые могутъ чувствовать себя дома лишь въ ежемѣсячномъ журналѣ, гдѣ имъ могутъ предоставить, по крайней мѣрѣ, два печатныхъ листа въ распоряженіе. На это ре-

дакторы ни въ неизмѣнно отвѣчали, что, правда, имъ нѣтъ никакого барыша, когда они печатаютъ, напримѣръ, романъ Эдмонда-де-Гонкуръ или Альфонса Доде, но только такіе романы почетны для газеты и устанавливають ея литературную славу. Передъ такимъ аргументомъ остается только преклониться. Остается вопросъ: не вредно ли для самихъ романистовъ натуральной школы то обстоятельство, что ихъ произведенія кромсаются на куски для того, чтобы ихъ можно было втиснуть въ узкія рамки фельетона. Съ своей стороны, я того мнѣнія, что намъ слѣдовало бы давать свои романы только въ ежемѣсячные журналы. Къ несчастію, ихъ не существуетъ во Франціи; единственный, успѣвшій основаться, „*La Revue des Deux-Mondes*“ — остался внѣ литературнаго движенія.

Если произведенія романистовъ натуральной школы не пригодны для печатанія въ фельетонахъ, за то до сихъ поръ еще существуютъ романисты, которые работаютъ исключительно для нижняго этажа газетъ. Но только тутъ уже литература не причѣтъ. Эти произведенія не только плохи, они ничтожны. Со всѣмъ тѣмъ надо остановиться на минуту на этихъ романистахъ, которые работаютъ по метрамъ, какъ каменщики. Статья о французскомъ романѣ была бы не полна, если бы оставить безъ всякаго упоминовенія такое значительное производство. Фельетоннымъ романистамъ нѣтъ числа, ихъ насчитываютъ десятками, и если бы сосчитать число строкъ печатаемыхъ ими ежедневно, то получился бы поразительный итогъ. Это предметъ ежедневнаго потребленія публики, такой же — какъ масло или картофель. Читателямъ нужна извѣстная доза романическихъ приключеній, и есть предприниматели по печатной бумагѣ, которые берутся ее доставить. Чаше всего это не даетъ имъ даже имени. Большинство фельетонныхъ романистовъ совершенно неизвѣстно публикѣ. Но нѣкоторые, однако, добываютъ себѣ извѣстную популярность. Видя постоянно ихъ имя, подписанное подъ фельетонами, его, наконецъ, запоминаютъ. Наконецъ, есть такіе, которые пользуются несомнѣннымъ влияніемъ на толпу. Впрочемъ, я сейчасъ займусь нѣкоторыми изъ нихъ.

Прежде всего слѣдуетъ сказать, что творцы этого рода были мастера сравнительно съ своими послѣдователями. Конечно, съ безусловно литературной точки зрѣнія значеніе Александра Дюма-отца и Эжена Сю въ настоящее время весьма ничтожно. Но какая сила фантазіи, какое одушевленіе! Они растратили больше таланта, чѣмъ нужно для того, чтобы написать мастерскія произведенія, если бы только согласились писать меньше и положить въ основѣ своихъ произведеній оригинальный слогъ и правду наблюденія. Слишкомъ

четверть столѣтія они приводили въ восторгъ всѣхъ французскихъ писателей. Правда, въ настоящее время произведенія ихъ представляютъ груду старыхъ книжонокъ, все менѣе и менѣе читаемыхъ, и имъ предстоитъ окончить свое существованіе на чердакахъ, изгрызенными крысами. Одну минуту думали-было издать избранныя творенія Эжена Сю и Дюма-отца; но должны были отказаться отъ этой мысли, такъ какъ трудно было выбрать что-нибудь въ этой дребедени, одинаково осужденной на забвеніе.

Многіе изъ современниковъ Дюма-отца еще живы, напримѣръ, Поль Феваль, бывшій также однимъ изъ творцовъ фельетоннаго романа. Въ настоящее время онъ ничего больше не пишетъ или по крайней-мѣрѣ пишетъ въ такой пустынь, что давно уже мнѣ на глаза не попадалось новое произведеніе его пера. Удивительный переворотъ совершился въ этомъ умѣ, осаждаемомъ въ былое время самими романтическими картинами. Набожность всецѣло овладѣла имъ; онъ близокъ къ иллюминатству. Онъ былъ выходящій изъ ряда вонъ по уму человѣкъ и, конечно, могъ бы писать литературныя произведенія. Литературный багажъ его довольно великъ, но уже теперь годится лишь на макулатуру. Упомяну также про Эли Бертэ, тоже насчитывающему въ быломъ много красныхъ фельетонныхъ дней. Онъ очень старъ, очень дряхлъ, но все еще не уgomонился: каждый годъ печатаетъ два, три тома. Я, разумѣется, умалчиваю о литературномъ достоинствѣ его произведеній. Это приличные рассказы, старательно выкроенные по самымъ лучшимъ образцамъ этого рода.

Самымъ знаменитымъ изъ фельетонныхъ романистовъ былъ Понсонъ-дю-Террайль. Онъ прямой наслѣдникъ Дюма-отца и Эжена Сю, явился въ полный разгаръ второй имперіи и имѣлъ почти такой же успѣхъ, какъ и его старшіе братья.

Онъ умеръ во время войны въ 1871 г. Онъ былъ великій труженикъ — вотъ наилучшая похвала, какую можно о немъ сказать. Рассказываютъ, что онъ писалъ три, четыре романа за-разъ, поставляя ихъ въ ежедневныхъ фельетонахъ. Его „Похожденія Рокамболя“ остались знамениты. Онъ создалъ личность Рокамболя, универсальное существо, то рабочаго, то дворянина, приключеніямъ котораго не было числа. Еще безцеремоннѣе, чѣмъ Дюма-отецъ и Эженъ Сю, онъ храбро набрасывался на всякія небылицы, рассказывалъ самыя невѣроятныя исторіи, нисколько не заботился о слогѣ и завоевалъ толпу до такой степени, что его романъ обезпечивалъ успѣхъ газеты.

Въ настоящее время у насъ нѣтъ ни одного фельетоннаго романиста, котораго можно было бы приравнять къ нему по вліянію на толпу. Я могу только назвать Эмиля Ришбуръ, который недавно

имѣлъ очень большой успѣхъ въ „Petit-Journal“. Этотъ послѣдній беретъ сантиментальностью. Онъ постоянно выводитъ на сцену матерей, любящихъ своихъ дѣтей, влюбленныхъ, обожающихъ друга друга, героевъ, которые все плачутъ и жертвуютъ собой въ концѣ каждой главы. Публикѣ до такой степени понравилась эта сладость, что одно время Эмиль Ришбуръ дѣлалъ фуроръ. Его сотрудничество сказывалось немедленно громаднымъ числомъ проданныхъ экземпляровъ. Меня увѣряли, что когда онъ оставилъ „Petit-Journal“, то продажа быстро сократилась на сорокъ тысячъ нумеровъ, а когда онъ вернулся къ нему, то вернулись и сорокъ тысячъ покупателей, да съ ними еще десять тысячъ новыхъ. Ужъ, конечно, романистамъ натуральной школы не усилить до такой степени продажу газеты. Правда, что когда ихъ произведенія появляются отдѣльной книгой, то расходятся еще въ довольно значительномъ количествѣ, тогда какъ фельетонные романы имѣютъ позднѣе самый ничтожный сбытъ.

Я не имѣю претензіи дать здѣсь болѣе или менѣе подробный списокъ фельетонныхъ романистовъ. Во-первыхъ, они слишкомъ многочисленны; во-вторыхъ, бесполезно перечислять ихъ всѣхъ, такъ какъ между ними нѣтъ никакой разницы. У всѣхъ также мало таланта, также мало оригинальности. Назову, однако, Буагобэ, который пишетъ, быть-можетъ, старательнѣе другихъ, да еще Монтепена, писателя давно уже какъ-будто истощившагося и вдругъ снискавшаго значительный успѣхъ, благодаря большой распространенности „Figaro“.

VI.

Я приберегъ Жюля Клареси подъ конецъ, чтобы показать на немъ типическій примѣръ того, какъ можно имѣть всѣ признаки таланта, оставаясь весьма посредственнымъ романистомъ.

Клареси представляетъ собой общій случай въ нашей литературѣ; я готовъ сказать, что онъ—ея символъ. Онъ выступилъ очень молодымъ въ журналистикѣ. Ему не было еще и семнадцати лѣтъ въ 1857 году, а онъ уже писалъ въ литературныхъ газетахъ той эпохи. Позднѣе мы его находимъ въ „Figaro“, гдѣ онъ составлялъ „Les échos parisiens“. И съ этой поры онъ наводнилъ рынокъ своей прозой съ неизрочной плодовитостью. Нѣтъ газеты, гдѣ бы онъ не подвизался, нѣтъ специальности, какой бы онъ не испробовалъ: литературная критика, театральная критика, хроника, политическія статьи, корреспонденція, путешествія, романъ, исторія, театр. Это—фонтанъ

съ вѣвно-открытымъ враномъ; вода течетъ все также обильно, также быстро. Если бы сложить въ одно всю сумму страницъ, уже исписанныхъ имъ, то получился бы багажъ печатныхъ книгъ—болѣе обширный, чѣмъ у Вольтера, а Жюлю Клареси нѣтъ еще сорока лѣтъ! Говорятъ въ шутку, что онъ бываетъ боленъ, когда не напишетъ своихъ пятисотъ строкъ утромъ до завтрака.

Я не стану разбирать здѣсь ни его историческихъ книгъ, ни его литературныхъ и театральныхъ критическихъ статей. Это бы завело меня слишкомъ далеко. Я займусь только романистомъ. Онъ написалъ уже порядочное число романомъ, съ десятокъ по-крайней-мѣрѣ. Одинъ изъ первыхъ „Joseph Burat“ надѣлалъ нѣкотораго шума. Это исторія сына потерянной женщины, который при развязкѣ беретъ на себя роль судьи. Въ немъ усмотрѣли признаки силы и таланта, которому предстоитъ дальнѣйшее развитіе. Когда позднѣе появилось „Madeleine Bertin“, то стали ждать стилиста; книга заключала въ себѣ страницы, написанныя прелестно, прекрасныя описанія, ловко скомпонованныя сцены. Та же самая исторія повторялась съ каждымъ его новымъ произведеніемъ. „Les Femmes de proie“, „Les Muscadins“, „Julien Savignac“, „Le Train № 13“, всѣ эти книги были хорошо написаны, тщательно выработаны со стороны литературной формы и пересыпаны тамъ и самъ обрывками наблюденій, обрывками слога, обрывками таланта. Но въ цѣломъ всѣ эти книги безнадежно монотонны. Онѣ всѣ на одинъ покровъ, ни хуже, ни лучше. И по мѣрѣ того какъ произведенія накапливались—отъ нихъ все болѣе и болѣе вѣяло убійственной посредственностью. Жюль Клареси постоянно общался, но ничего не сдерживалъ.

Я часто размышлялъ объ этомъ обстоятельствѣ и нахожу его крайне печальнымъ. Повторяю, у этого писателя всѣ литературныя приемы, всѣ видимые признаки таланта, а когда его начнешь читать, то онъ оказывается пустымъ; это плодъ, съѣденный внутри червякомъ. Онъ отличается убійственной легкостью усвоенія, позволяющей ему быть всѣмъ, чѣмъ угодно, но только не самимъ собой. Его перо бѣгаетъ по бумагѣ, но имъ руководить не его собственная фантазія, а чуждая, воспоминанія, которыя онъ, помимо воли, вслѣдствіе подражательности своей природы, заимствовалъ направо и налево. Онъ былъ и остается зеркаломъ; каждый изъ насъ можетъ войти и поглядѣться въ немъ и узнать себя. Словомъ, чтобы охарактеризовать его образно, онъ пишетъ подъ диктовку всѣхъ на свѣтѣ.

Чтобы еще лучше пояснить его, сравню его съ Альфонсомъ Додэ. Если Альфонсъ Додэ, напримѣръ, увидитъ какую-нибудь сцену, событие, онъ будетъ сильно пораженъ имъ; и если рассказать его со

временемъ, то передать его цѣлкомъ, какъ оно запомнилось, но только освѣтить его личнымъ чувствомъ, которое и вдохнетъ въ него жизнь. Вотъ этого-то личного чувства Жюль Клареси никогда не имѣлъ и не будетъ имѣть. И это осуждаетъ его быть вѣчной посредственностью.

Я уже объяснялъ, откуда происходитъ большой успѣхъ Альфонса Додэ и другихъ романистовъ натуральной школы. Ихъ произведенія живутъ, ихъ произведенія натуральны. Отъ этого читатели и увлекаются ими. Чувство заразительно. Необразованный читатель не отдастъ себѣ отчета въ интересъ, охватывающемъ его, но тѣмъ сильнѣе поддается горю или радости, которыя навѣваются книгой. Когда же книга мертва, читатель остается холоденъ. Я не вижу другой причины сравнительному равнодушію публики къ романамъ Клареси. Онъ останется примѣромъ того, какая судьба постигаетъ въ литературѣ плодовитаго писателя, имѣющаго лишь одинъ внѣшній доскъ таланта.

Я могъ бы назвать многихъ изъ нашихъ писателей, которые находятся въ такомъ же положеніи, какъ и Жюль Клареси. Но достаточно разобрать и его, для примѣра. Я предпочитаю окончить на Леонѣ Кладелѣ, съ которымъ случилось нѣчто діаметрально противоположное. Леонъ Кладель дебютировалъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ книгой: „Les Martyrs ridicules“, которая была замѣчена. Онъ только-что пріѣхалъ тогда изъ провинціи въ Парижъ, чтобы пробить себѣ въ немъ дорогу. Попаднѣ онъ подружился съ поэтомъ Боделеромъ, и стилистическія теоріи послѣдняго произвели на него глубокое впечатлѣніе. Съ этихъ поръ онъ принялся неуспѣшно выработать свою прозу и на основаніи извѣстныхъ непоколебимыхъ правилъ. Онъ сталъ гоняться за точностью словъ, по цѣлымъ днямъ развѣшивалъ иное выраженіе, безжалостно преслѣдовалъ согласныя, которыя ему не нравились и не допускалъ ни одного повторенія. Я уже не говорю про маніи, которыя порою овладѣвали имъ. Такъ, одно время онъ проповѣдовалъ, что фразы, перенесенныя на другую строчку, не должны начинаться съ одной и той же буквы. Въ другой разъ онъ отрекся отъ самаго перенесенія фразъ на другую строчку, такъ что его произведенія шли сплошь, безъ передышки. Вотъ весьма серьезные симптомы для писателя. Кромѣ того, что такіа вадорныя заботы быстро заглушаютъ творческія способности романиста, онѣ придаютъ его произведеніямъ дѣланную сухость, что-то угловатое и леденящее. Поэтому лучшіе романы Леона Кладеля: „Le Rousseassié“ и „La Fête votive de Saint-Bartholomée Porte-Glaive“ — не что иное, какъ литературныя бездѣлки, съ курьез-

ной отдѣлкой, которая возбуждаетъ скорѣе удивленіе, чѣмъ интересъ.

Я знаю, почему Леонъ Кладель такъ мучится надъ отдѣлкой стили въ своихъ романахъ. Онъ вполне убѣжденъ, что произведеніе увѣковѣчивается лишь благодаря чистотѣ формы. Имъ владѣетъ благородное честолюбіе—оставить по себѣ безсмертныя произведенія, и онъ старается придать совершенство каждой фразѣ, написанной имъ. Но только это заблужденіе. Недостаточно писать тщательно выработаннымъ слогомъ для того, чтобы оставить вѣчный слѣдъ въ литературѣ. Напротивъ того, форма—самая преходящая вещь. Для того, чтобы произведеніе жило, надо, чтобы оно было живо, а произведеніе можетъ быть живо лишь подъ условіемъ, чтобы оно было прочувствовано авторомъ съ оригинальнымъ талантомъ. Ну, можемъ ли мы судить въ настоящее время о совершенствахъ слога Гомера и Виргилія? Съ большимъ трудомъ. А если мы обратимся къ нашей національной литературѣ и возьмемъ нашихъ великихъ писателей, Раблэ, Монтеня, Корнеля, Мольера, Бюссюэта, Вольтера, то должны пропускать многія изъ ихъ фразъ, которыя намъ едва понятны, до такой степени языкъ съ тѣхъ поръ перемѣнился. Поэтому романистъ, который скажетъ себѣ: я завоею безсмертіе посредствомъ пуризма въ языкѣ, жестоко ошибается. Безсмертіе завоевывается созданіемъ живыхъ образовъ. Болѣе или менѣе неудачныя фразы въ счетъ не идутъ.

Въ сущности, главная бѣда Леона Кладеля заключается въ томъ, что онъ риторъ, что онъ гоняется за наборомъ словъ. Уроженецъ Керси, онъ вздумалъ описать, главнымъ образомъ, крестьянъ, среди которыхъ онъ выросъ. То, что Эрмманъ-Шатрианъ сдѣлалъ для своей провинціи, онъ захотѣлъ сдѣлать для своей. Но только у него замашка писать эпопею. Викторъ Гюго съ своимъ героическимъ слогомъ отразился тутъ. Въ послѣднемъ своемъ романѣ, надъ которымъ онъ проработалъ шесть лѣтъ, „L'Homme de la Croix-aux-Boeufs“, онъ, какъ и самъ объясняетъ въ предисловіи, имѣлъ намѣреніе передать буквально языкъ и нравы крестьянъ Керси. Трудное дѣло и которое, разумѣется, не могло удался. Это напоминаетъ то, какъ Жоржъ Сандъ заставляла говорить крестьянъ Берри. У Леона Кладеля больше энергіи, но онъ тоже написалъ поэтическую галиматью. Крестьяне такъ не говорятъ, и поэты тоже, такъ что это языкъ фантастическій и страшно утомляетъ читателя черезъ какихъ-нибудь десять страницъ. Лучше было бы изучать крестьянъ и показать намъ ихъ такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, не мечтая представить ихъ намъ въ литературной и эпической формѣ.

Конечно, Леонъ Кладель—писатель. Я знаю нѣкоторые короткіе рассказы его, которые дѣйствительно прекрасны по слогу. Но только у него нѣтъ чувства правды, онъ не понимаетъ дѣйствительности; отъ этого происходятъ всѣ его тревоженія, стилистическія прихоти и диковинныя усилія, предпринимаемыя имъ въ погонѣ за успѣхомъ. Публика еще не на его сторонѣ: ее отталкиваетъ сложность его формы и отсутствіе правды въ содержаніи.

VII.

Я окончу этотъ очеркъ современнаго французскаго романа краткимъ разборомъ великаго вопроса о слоgѣ. Надо сказать, къ чему мы пришли, — это стоить того. Еще ни въ какую эпоху форма не озабочивала до такой степени писателей. Въ виду расплодившихся бумагомарателей, выросла цѣлая группа стилистовъ. Впрочемъ, тутъ есть и другая причина. Романтическое движеніе было, главнымъ образомъ, движеніемъ риторическимъ. Надо было влить кровь и придать силу французскому языку, который классическіе вѣка превратили въ нѣчто сухое и ясное, угловатое и рѣзкое,—невозможное въ поэзіи. Итакъ, стали рыться въ старинномъ языкѣ, расширили лексиконъ, пустились въ погоню за словами. Вся литературная революція 1830 года заключается въ этомъ; новое общество искало новаго способа для выраженія своихъ чувствъ. Понятно, что на другой день послѣ этого возмущенія формы, этого наводненія неологизмовъ, архаизмовъ, у талантливыхъ писателей должна была явиться мысль выработать слоgъ, внести порядокъ и гармонію въ расширенный лексиконъ. Отсюда легко было удариться въ крайность.

Никто изъ публики и не подозреваетъ, съ какимъ искусствомъ и съ какимъ терпѣніемъ пишутъ нѣкоторые современные намъ сочинители. Ихъ торопливо пробѣгаютъ, не подозревая, съ какимъ вниманіемъ они разставляютъ самыя запятые; но цѣлыми часами внимаютъ они въ какое-нибудь слово, разбирая какъ оно звучитъ для уха и какъ оно дѣйствуетъ на глазъ. Фраза озабочиваетъ ихъ не только въ грамматическомъ отношеніи, но они требуютъ отъ нея также музыки, красовъ,—чуть ли даже не запаха. Ни одно неудачное или удачное созвучіе отъ нихъ не ускользаетъ. Въ результатѣ оказавось, что прозой писать стало труднѣе, чѣмъ стихами.

Впрочемъ, та же исторія повторяется и въ стихахъ. Принялись усовершенствовать стихи Виктора Гюгô, который часто бываетъ угло-

вать и неправильно. У него украли его пріємъ, но принялись самыми тщательнымъ образомъ отдѣлывать его. И вышло, что молодые люди пишутъ нынче изумительные стихи; инструменты припасены, образовались искусные работники—вскорѣ то же самое будетъ и съ прозой, и мы увидимъ такую же фабрикацію по извѣстнымъ образцамъ.

Но здѣсь и является камень преткновенія. Читая писателей прошлаго столѣтія, скоро замѣчаешь, что надо отличать въ ихъ произведеніяхъ двѣ стороны: одну человѣческую, вѣчную, другую—устарѣвшую. Устарѣвшая часть есть именно литературный жаргонъ той эпохи—сентиментальный, любовный или просто только поэтический жаргонъ. Прочитайте любовные діалоги у Мольера, Корнеля и Расина: всѣ прекрасныя вещи, которыя въ нихъ говорятъ, кажутся намъ въ настоящее время страшно холодными или претенциозными. А въ былое время они восхищали зрителей; они должны были производить извѣстное впечатлѣніе на публику, если они неизмѣнно повторяются во всѣхъ произведеніяхъ того времени. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ мода перемѣнилась; всѣ полюбили природу и добродѣтель; но, Боже, какой паеосъ! Признаюсь, что никогда не могъ прочесть, не зная, „La Nouvelle Héloïse“. Слогъ ея сталъ теперь нестерпимымъ, — тотъ самый слогъ, надъ которымъ проливаюсь столько слезъ и который заставлялъ биться столько сердець.

Вотъ, безъ сомнѣнія, факты, должествующіе навести насъ на размышленія. Существуетъ, значитъ, особенный жаргонъ во всякій литературный періодъ, принимаемый модой, всѣхъ увлекающій, а затѣмъ выходящій изъ моды, — и то самое, что обезпечивало сначала успѣхъ книги, впоследствии губить ее. Итакъ, у насъ тоже есть свой жаргонъ. Вѣда въ томъ, что хотя мы отчетливо замѣчаемъ жаргонъ минувшихъ временъ, мы нисколько не поражаемся своимъ собственнымъ; напротивъ того, онъ составляетъ нашъ порокъ, наше литературное наслажденіе—искаженіе вкуса, которое пріятно щекочетъ насъ. Я часто размышлялъ объ этихъ вещахъ, и зачастую дрожа пребѣгала у меня по спинѣ при мысли, что нѣкоторыя фразы, которыя я съ такимъ удовольствіемъ пишу теперь, навѣрное вызовутъ улыбку черезъ сто лѣтъ.

Хуже всего то, что у меня сложилось, наконецъ, убѣжденіе, что жаргонъ нашей эпохи, та сторона слога, которая чисто условна и должна обветшать, останется однимъ изъ самыхъ чудовищныхъ жаргоновъ французскаго языка. И это можно предсказать почти математически. Всего скорѣе вѣшаетъ образность. Всякій образный языкъ чаруетъ своей новизной. Затѣмъ, когда онъ затаскается двумя или

тремъ поколѣнiямъ, то становится пошлостью, ветошкой, поворомъ. Возьмите Вальтера съ его сухимъ языкомъ, его нервной рѣчью, безъ прилагательныхъ, онъ рассказываетъ, но не живописуетъ — и остается вѣчно молодымъ. Возьмите Руссо, — а вѣдь онъ нашъ отецъ, — возьмите его образную рѣчь, его страстную реторику: у него есть нестерпимыя страницы.

Хороши мы будемъ, нечего сказать, мы, перещеголавшіе самого Руссо, мы, ищущіе подспорья для литературы во всѣхъ искусствахъ, мы, живописующіе, поющіе, насѣжающіе фразы какъ-бы изъ мрамора, требующіе отъ словъ аромата тѣхъ вещей, которыя они представляютъ. Все это задѣваетъ наши нервы, мы все это находимъ восхитительнымъ, очаровательнымъ. Но, Боже, что скажутъ наши внуки? Ихъ чувства измѣнятся, и я увѣренъ, что они будутъ поражены нѣкоторыми изъ нашихъ произведеній. Почти все въ нихъ обветшаетъ. Не хочу никого называть. Но меня часто занимала мысль, къ кому изъ насъ всего строже отнесется потомство, и полагаю, что самые великіе будутъ осуждены всего безпощаднѣе.

Слишкомъ много жаргона и жаргона тѣмъ прискорбнѣйшаго, что онъ отличается рѣдкимъ совершенствомъ формы: вотъ мое мнѣніе о нашей литературной эпохѣ. Я согласенъ, впрочемъ, что не легко отдѣлаться отъ своего времени и довольно трудно сказать, не боясь ошибиться: это устарѣетъ, а это не устарѣетъ. И все же, мнѣ кажется, я могу сказать, что значить, на мой взглядъ, быть хорошимъ писателемъ. Языкъ есть логика. Пишешь хорошо, когда передаешь точнымъ словомъ идею или ощущеніе. Все остальное не что иное, какъ румяна и бѣлила. Хорошо уже и то кажется, что есть оригинальность въ мысляхъ и чувствахъ; прибавлю даже, что этотъ даръ и создаетъ художниковъ. Но, кромѣ этого, надо еще умѣть точно передавать свои мысли и чувства. Чѣмъ проще выраженіе, чѣмъ оно безыскусственнѣе, тѣмъ оно сильнѣе и неуязвимѣе.

Мы теперь стали мелодистами, очень ловкими виртуозами, разыгрывающими очаровательныя варьяціи на самыхъ извѣстныхъ тѣмъ. Мы поемъ: „au clair de la lune“, но съ присоединеніемъ такихъ прихотливыхъ триллеровъ, такихъ неожиданныхъ органныхъ пунктовъ, что старая мелодія стала неузнаваема и публика хлопаетъ изо всей мочи. Я бы и желалъ, чтобы мы были не такими блестящими, но болѣе солидными. Всѣ эти украшенія отчасти ребяческія. Это лакомство въ искусствѣ и съ человѣческой точки зрѣнія не имѣетъ значенія. Конечно, это прелестно и въ нашемъ искусствѣ останутся послѣ насъ очень хорошенькія игрушки, но я бы желалъ, чтобы остались мощныя произведенія.

Иностранцы совсѣмъ не понимаютъ нашихъ заботъ о слогѣ. Я говорилъ объ этомъ съ англичанами и нѣмцами; никакого подобнаго движенія въ ихъ литературѣ не происходило. Величайшіе англійскіе романисты, въ томъ числѣ Диккенсъ, писали, какъ имъ Богъ на душу положить, не мудрствуя лукаво на счетъ знаковъ препинанія. Что касается нѣмцевъ, то они говорятъ пространно все, что имъ надо сказать—вотъ и весь ихъ слогъ. Одни мы, послѣ Руссо, забрали въ голову извлекать изъ словъ какую-то особую эссенцію искусства. Съ идеями нашихъ писателей пуристовъ ни одинъ изъ нашихъ классиковъ не уцѣлѣлъ; тамъ и самъ еще попадаются фразы сносна; но обиліе *которыхъ* портитъ все остальное. Но посмотрите, какая непослѣдовательность: единственный писатель семнадцатаго вѣка, котораго наше поколѣніе, болѣющее совершенствомъ въ искусствѣ, превозноситъ до небесъ, это Сентъ-Симонъ, самый неправильный, но самый субъективный изъ прованковъ.

Любовь къ субъективности—вотъ что насъ спасетъ, надѣюсь. Когда станутъ подводить итоги нашему столѣтію, то придется отбросить много балласта. Но изъ этой безумной производительности выдѣлится художественная дѣятельность, мощное творчество сильныхъ талантовъ. И они одни будутъ трогать грядущія поколѣнія. Что касается остальныхъ, тѣхъ, которые болѣе или менѣе ловко пользуются приемами, обеспечивающими успѣхъ въ наше время, тѣ навѣрное умрутъ цѣликомъ, потому что болтали на современномъ имъ жаргонѣ, не одушевляя его оригинальнымъ творчествомъ.

Эмиль Зола.

ЗАМѢТКА.

ДѢТСКАЯ БОЛЬНИЦА СВ. ВЛАДИМИРА ВЪ МОСКВѢ.

На всемірной выставкѣ находятся въ настоящее время, въ рускомъ отдѣленіи второй группы, класса 14, модель и планы дѣтскаго госпиталя св. Владимира, устроеннаго въ Москвѣ докторомъ Раухфуссомъ и открытаго въ 1876 году. Доктору Раухфуссу принадлежит огромная заслуга въ устройствѣ двухъ большихъ дѣтскихъ больницъ, въ Петербургѣ и Москвѣ, по основному принципу изолированія одержимыхъ заразительными болѣзнями. Въ объяснительной бесѣдѣ доктора Раухфусса парижскимъ врачамъ напоминалось, что вопросъ объ изолированіи такихъ больныхъ не новъ. Еще въ прошломъ столѣтіи комиссары, назначенные парижскою академіею наукъ для составленія проектовъ по замѣнѣ древняго Hôtel Dieu четырьмя новыми госпиталями, указывали на необходимость специальныхъ помѣщеній для больныхъ заразительными болѣзнями, чтобы предупредить развитіе госпитальныхъ эпидемій. „La charité publique qui reçoit le pauvre ne doit pas lui dire: ou tu ne seras pas secouru, ou tu courras se danger“—такое было мнѣніе комиссаровъ. Но въ дѣтскихъ больницахъ осуществленіе этого принципа особенно важно; иначе онѣ превращаются въ центры заразы, угрожающіе всему населенію.

Согласно этой основной мысли, по программѣ и указаніямъ доктора Раухфусса, была устроена въ Петербургѣ дѣтская больница принца Петра Ольденбургскаго (открыта въ 1869 году); въ ней 262 кровати, больныхъ принимается около 1,600 ежегодно и оказывается помощь приходящимъ; число посѣщеній этихъ послѣднихъ составляетъ около 50 тысячъ въ годъ. Система отдѣленія заразительныхъ болѣзней въ особыя палаты, устроенныя въ отдѣльномъ зданіи, осуществлена уже и въ этой больницѣ, такъ что удавалось скоро ограничивать и даже прекращать развитіе заразы, занесенной въ больницу поступающими или приходящими. Но, пользуясь указаніями опыта, докторъ Раухфуссъ постарался дать новой больницѣ такое

устройство, чтобы сдѣлать самое развитіе заразы почти невозможнымъ.

Московская дѣтская больница св. Владиміра построена на капиталъ въ 400 тысячъ рублей, пожертвованный г. Павломъ фонъ-Дервизомъ городу Москвѣ, въ память малолѣтнихъ дѣтей его. Городское управленіе уступило землю подъ зданіе и приняло на себя ежегодный расходъ въ 60 т. руб. по содержанію больницы. Жертвователь выразилъ желаніе, чтобы эта больница была устроена согласно принципамъ, которые были приняты въ руководство при устройствѣ больницы е. в. принца Ольденбургскаго и программа, послужившая основаніемъ для строительныхъ проектовъ новой больницы, была разработана д-ромъ Раухфуссомъ.

Больница находится за городомъ на возвышенной мѣстности, пространствомъ въ 133,449 кв. метровъ, на 180 кроватей, что составляетъ по 740 кв. метровъ на одну. Благодаря такой обширности участка, здѣсь и оказалось возможнымъ разбить больницу на нѣсколько далеко отстоящихъ одинъ отъ другого двухъ-этажныхъ флигелей, съ отдѣльной постройкой для каждой изъ главныхъ заразительныхъ болѣзней (скарлатины, кори, оспы и дифтерита) и помѣстить пріемъ приходящихъ больныхъ также въ особомъ флигелѣ. Главное же зданіе состоитъ изъ флигелей и небольшихъ комнатъ, расположенныхъ вдоль соединительнаго корридора. Въ этихъ флигеляхъ по 16 кроватей, и каждый изъ нихъ, въ случаѣ появленія въ немъ заразительной болѣзни, можетъ быть совершенно изолированъ отъ центральной части зданія. Больной, у котораго оказалась зараза, тотчасъ переводится въ одинъ изъ 4 отдѣльныхъ флигелей, специально предназначенныхъ для той или другой заразительной болѣзни. Изъ соединенныхъ же флигелей главнаго зданія каждый можетъ быть изолированъ потому, что главное зданіе раздѣлено на 4 части, изъ которыхъ каждое имѣетъ отдѣльный выходъ въ садъ, отдѣльныя ванны и ватерклозеты. Между тѣмъ, соединеніе флигелей главнаго зданія корридоромъ представляетъ болѣе удобства для наблюденія, чѣмъ если бы каждый флигель стоялъ совершенно отдѣльно.

Полное уединеніе осуществлено только для 4-хъ флигелей, предназначенныхъ для леченія наиболее заразительныхъ болѣзней. Два изъ этихъ флигелей — оспенный и дифтеритическій — построены изъ дерева. При послѣднемъ изъ нихъ существуетъ еще специальное отдѣленіе для болѣзней сложныхъ и для случаевъ сомнительныхъ (т.-е. когда нельзя до нѣкотораго времени сдѣлать вѣрной діагнозы). Зданіе, служащее для пріема приходящихъ за совѣтомъ и поступающихъ въ больницу, вмѣщаетъ также изолированную комнату, для

случаевъ, представляющихся сомнительными. Во второмъ этажѣ этого зданія еще 3 такихъ комнаты, служащія карантинномъ.

Благодаря этой системѣ, въ теченіи двухъ лѣтъ существованія больницы св. Владиміра, основная цѣль — нераспространеніе заразы между дѣтьми, находящимися въ госпиталѣ — была достигнута вполне. Для отвращенія заразы оказывалось достаточнымъ запретъ двери, которыми могутъ сообщаться части зданія, а субъекта, на которомъ обнаружился зараза, тотчасъ перевести въ отдѣльный флигель, специально для нея назначенный. Но при этомъ необходимо было заботливо употреблять карантинъ для всѣхъ сомнительныхъ случаевъ. Въ флигеляхъ заразительныхъ болѣзней — весь служебный персоналъ также отдѣльный.

Докторъ Раухфуссъ объяснилъ, что „въ дѣтскихъ больницахъ изолированіе случаевъ заразительныхъ заболѣваній представляетъ жизненный вопросъ (*question vitale*)“. Сверхъ того, самый опытъ доказалъ, что даже для самихъ служащихъ: врачей, сестеръ милосердія и нянекъ, гораздо удобнѣе озабочиваться выдержкою нѣсколькихъ больныхъ въ карантинныхъ комнатахъ, соблюдать всѣ предосторожности изолированія своихъ больныхъ и самихъ себя отъ прочихъ больныхъ, чѣмъ встрѣчаться періодически съ развитіемъ такихъ госпитальныхъ эпидемій, для пресѣченія которыхъ безсильны всѣ старанія милосердія и науки. „Эта постоянная борьба съ врагомъ, который впущенъ въ двери, — говорилъ д-ръ Раухфуссъ, — требуетъ гораздо болѣе энергіи и болѣе ее утомляетъ, чѣмъ точное соблюденіе тѣхъ строгихъ правилъ, въ силу которыхъ дверь затворяется передъ нимъ, какъ только онъ явился“.

По отзыву знаменитаго спеціалиста, вотъ главныя *desiderata* для постановки общественнаго попеченія о больныхъ дѣтяхъ въ большихъ городахъ: 1) въ разныхъ частяхъ города должны быть медицинскія *станціи* для леченія приходящихъ, съ аптекой и карантинной комнатой и пріемнымъ покоемъ для случаевъ неотложныхъ; 2) должны быть экипажи для перевозки больныхъ изъ этихъ мѣстъ пріема въ дѣтскую больницу, устроенную за городомъ; число больницъ должно быть пропорціонально населенію. Больницы должны быть строимы съ самымъ строгимъ соблюденіемъ правилъ объ изолированіи заразительныхъ болѣзней. Число кроватей въ одной больницѣ не должно превосходить 250-ти. Достаточна одна кровать для больного ребенка на каждую тысячу жителей; на тысячу же жителей можно ожидать въ среднемъ размѣръ 150 посѣщеній приходящихъ. 3) Наконецъ, необходимы при больницахъ пріюты для помѣщенія выздоравливающихъ.

Приведа эти данныя изъ объясненій доктора Раухфусса, мы позволимъ себѣ нѣсколько настаивать на томъ, что личная забота его объ учрежденіи названныхъ большихъ дѣтскихъ больницъ играла весьма важную роль въ ихъ осуществленіи. Нельзя не порадоваться, что у насъ находятся люди, готовые принести огромныя пожертвованія на такое священное дѣло, какъ помощь маленькимъ страдальцамъ. Но нельзя также не выразить сочувствія почтенному специалисту, который посвятилъ свои заботы постановкѣ дѣла дѣтскихъ больницъ въ Россіи на рациональныхъ началахъ и уже успѣлъ дать ему прочное основаніе въ весьма широкихъ размѣрахъ.

М. Стасюлевичъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Васил. Остр., 2 л., 7. ,

ОТДѢЛЕНИЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ, Книжный магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1878-мъ году.

9-10

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы, въ 1878-мъ году издается въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, — каждый около 1,000 страницъ большого формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ГОДЪ—12 книгъ:

Въ Россіи: За границу:

1) Съ пересылкою, чрезъ Газетную Экспедицію	17 р. — к.	19 р.
2) Съ доставкою, по городской почтѣ, въ Спб.	16 > — >	— >
3) Безъ доставки, въ Главной Конторѣ журнала	15 > 50 >	— >

ЧЕТВЕРТЬ—3 книги, съ доставкою и пересылкою . 5 > — > 7 >

Примечаніе.—Подписка по четвертямъ отсрывается съ января, апрѣля, іюля и октября.

МѢСЯЦЪ—1 книга, съ доставкою и пересылкою . . . 2 > 50 > 3 >

Подписывающіеся въ Москва, въ Отдѣленіи Главной Конторы журнала, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе номера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обыкновенною уступкою

На оборотѣ:

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ исполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почте* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* правильная выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожителства; при перемѣнѣ адреса годового экземпляра изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложить въ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В. О., 2-я лин.,

д. № 7;

 НОВАЯ КНИГА:

КАТАКОМБЫ.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ВРЕМЕНЪ ХРИСТИАНСТВА.

Евгенія Туръ.

С.-Петербургъ. 1878. Стр. 287. Цѣна 1 рубль.

 НОВАЯ КНИГА:

Н. А. НЕКРАСОВЪ.

БІОГРАФІЯ И КРИТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ЕГО ПОЭЗИИ.

СОВРАНИЕ ПОСВЯЩЕННЫХЪ ЕМУ СТИХОТВОРЕНІЙ И СВОДЪ СТАТЕЙ О НЕМЪ СЪ 1840 ГОДА.

Составилъ А. Голубевъ.

Съ портретомъ, по негативу Левинкаго, раб. Лемерсье въ Парижѣ.—Спб. 1878.

Стр. 153. Цѣна 1 рубль 25 копѣекъ.

Восьмой томъ „РУССКОЙ БИБЛИОТЕКИ“:

МИХАИЛЪ ЕВГРАФОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ.

Избранныя сатиры, съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ.

Спб. 1878. Стр. 438 и VIII.—Цѣна 75 коп.; въ англ. пер. 1 рубль.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

РУССКОЙ НАРОДНО-УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Составленъ по порученію Комитета Грамотности, состоящаго при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, спеціальною Коммиссіею.

Спб. 1878. Стр. 744. Цѣна 2 руб., съ пер. 2 руб. 50 коп.

СЕМЬ СКАЗОКЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Барвары Софронениты, съ иллюстраціями, работы Елены Бентъ.

Спб. 1878. Стр. 112. Ц. 1 руб.; въ пер. 1 руб. 25 коп.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ СТАТИСТИКА

РОССИИ И ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ.

Соч. Ю. Э. Янсона. Т. I: Территорія и населеніе. Спб. 1878. Стр. 372. Цѣна 2 руб.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

ПОЛИТИКА—ДИПЛОМАТИЯ.

Сочиненіе Сергѣя Соловьева, въ двухъ частяхъ. Спб. 1877. Стр. 560. Цѣна 2 р. съ пер.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА ЭМИЛЯ ЗОЛА.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ (1875—1877).

ТОМЪ I: Балзакъ.—Флоберъ.—Гонкуръ.—Додэ.—А. де-Мюссе.—Тэнтъ.—Ренкеа.—Шатобрианъ.—Тьеръ.—Ж. Зандъ.—В. Гюго.—А. Дюма-сынъ.
Спб. 1878. Стр. 351. Цѣна 1 рубль.

БѢЛИНСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕРЕПИСКА.

Сочиненіе А. Н. Пышина. Въ двухъ томахъ. Спб. 1876. Цѣна 4 рубля, въ переплеті 4 руб. 50 коп.

Въ этомъ отдѣльномъ изданіи біографія Бѣлинскаго значительно дополнена новыми матеріалами, явившимися въ печати за послѣднее время, и новымъ рядомъ писемъ Бѣлинскаго, доселѣ неваданныхъ.

ВОСПОМИНАНІЯ И КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Н. В. Анненкова.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ: I. Наканунѣ пятидесятихъ годовъ.—II. Н. В. Гоголь въ Римѣ.—III. Февраль и мартъ въ Парижѣ 1848 г.—IV. Е. П. Ковалевскій.—Спб. 1877. Стр. 343. Ц. 1 р. 50 коп.

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

У СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА.

А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р.

ПОЖАРНАЯ КНИГА.

Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ полнотипажными рисунками. Составилъ А. Н.—въ. Спб. 1875. По уменьшенной цѣнѣ 1 руб. 25 коп., вмѣсто 3-хъ рублей.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

За пересылку по почтѣ иногородные прилагаютъ 10⁰/о съ цѣны книги, въ круглыхъ цифрахъ.

О ЗАДАЧАХЪ ИСКУССТВА

Посвящается Н. А. Ярошенко.

Мнѣ случилось однажды разговориться съ молодымъ художникомъ-живописцемъ, человѣкомъ мыслящимъ и очень симпатичнымъ. Бесѣда съ такими людьми невольно увлекаетъ. Совершенно забывъ, что передо мною знающій, опытный специалистъ, что самъ я ничего не понимаю вообще въ искусствѣ и въ живописи въ особенности, я храбро, спустя рукава, высказалъ ему все, что мнѣ думалось о той и другой картинѣ, о призваніи искусства, о его цѣляхъ и его современномъ положеніи. Собесѣдникъ слушалъ меня снисходительно, кое съ чѣмъ соглашался и, наконецъ, сказалъ:—отчего вы всего этого не напишете и не напечатаете?

Меня эта мысль почти испугала.

— Я?! Писать и печатать объ искусствѣ! Да вѣдь для этого надо знать въ немъ толкъ. А я что знаю?

— Такъ что-жъ изъ этого?—возразилъ художникъ:—вы—публика, на которую картина, музыка, пьеса производятъ извѣстное впечатлѣніе. Ну, и пишите о вашихъ впечатлѣніяхъ.

— Легко вамъ сказать—пишите! Впечатлѣніе впечатлѣнію рознь. У человѣка знающаго и художественно-развитаго впечатлѣнія одни, у непонимающаго и художественно неразвитаго—другія,—кому же охота выставлять себя передъ читателями и знатоками самонадѣяннымъ невѣждой? Да и какая будетъ польза, если всѣ мы, публика, выложимъ передъ свѣтомъ на показъ наши впечатлѣнія? У насъ что ни человѣкъ, то свое мнѣніе. Вышло бы такое вавилонское столпотвореніе и смѣшеніе языковъ, что было бы отчего совсѣмъ растеряться.

— Я не могу съ вами согласиться,—сказалъ художникъ.—

Какое тутъ невѣжество и самонадѣянность, когда вы напишете и напечатаете, что такая-то картина вамъ нравится, а такая-то нѣтъ? Самонадѣянный невѣжда тотъ, кто, не зная дѣла, судить о немъ и ридить; высказывать свои впечатлѣнія—совсѣмъ другое дѣло. На вкусъ, какъ и на милость, нѣтъ образца; въ этомъ всякій воленъ. Вы говорите: какая польза отъ того, если всякій напишетъ о своемъ впечатлѣніи? По-моему—большая. Благодаря тому, что вся публика разсуждаетъ какъ вы, никакого общенія между художниками и тѣми, для кого они работаютъ, нѣтъ; нѣтъ потому и широкой повѣрки для художественныхъ задачъ. Художественная критика слишкомъ специализируется, сводится на технические детали, на подробности выполненія. Пять-шесть человѣкъ—да и столько не наберешь—вогъ наши цѣнители и судьи. Но они знатоки, стоятъ на одной съ нами почвѣ. Они тѣ же художники, только теоретики, а не практики; чрезъ это искусство все болѣе и болѣе обособляется, дѣлается узкимъ, условнымъ, становится исключительнымъ удѣломъ касты жрецовъ новаго разбора. Даже и въ наукѣ, гдѣ всякое слово подлежитъ точному анализу и повѣркѣ, бывають эпохи застоя и временнаго помертвѣнія. Что же *должно быть въ искусствѣ?* Если все такъ пойдетъ, какъ теперь, у насъ искусство, наконецъ, задохнется отъ недостатка свѣта и воздуха. Намъ необходимо бы знать, отвѣчаетъ ли сочувствіямъ, вкусамъ, потребностямъ публики то, что мы ей даемъ; а она молчитъ. Нужны титаны-художники, чтобъ геніальнымъ чутьемъ напасть на то, что можетъ въ данное время овладѣть душою человѣка. Обыкновенные люди этого не могутъ; они требуютъ указаній и поддержки, ходять по проложеннымъ путямъ. Какая у насъ возможна школа, когда всѣ безмолвствуютъ, и говорятъ одни записные знатоки? Вы боитесь, что разноголосоца собьютъ насъ съ толку? Напрасно! Зная дѣло, мы сумѣемъ отличить неосновательныя или просго вздорныя технические умиствованія отъ выраженія полученныхъ впечатлѣній; въ послѣднихъ мы тоже разберемъ, что ошибка слуха, зрѣнія, внимательности, неопытности, и что дѣйствительное требованіе, стремленіе, чаяніе. Вотъ послѣднія-то для насъ особенно и важны. Они-то и служатъ намъ, художникамъ, камертономъ, къ которому мы волей-неволей должны прислушиваться, если хотимъ чтобъ публика насъ знала, смотрѣла на наши работы съ интересомъ и участіемъ. А какъ мы можемъ это узнать? Это можетъ намъ сказать только сама публика, а вы прячетесь, изъ ложнаго самолюбія, изъ суетной боязни сказать слово не впопадъ и скомпрометтироваться.

Я не нашелся вдругъ что отвѣчать, — такъ меня озадачилъ собесѣдникъ. Въ томъ, что онъ говорилъ, слышалось столько искренности, столько правды, что сразу трудно было отличить въ его словахъ истину отъ увлеченія. Я до сихъ поръ твердо вѣрилъ, что одни знатоки могутъ говорить объ искусствѣ, что только ихъ отзывы имѣютъ значеніе и цѣну. И вотъ эту мою увѣренность старались поколебать! Я неохотно поддавался искушенію и требованіе собесѣдника казалось мнѣ чрезвычайно страннымъ, чтобы не сказать болѣе.

Послѣ, мы не разъ встрѣчались опять съ тѣмъ же художникомъ, и когда ни заходила между нами рѣчь о томъ же предметѣ, онъ твердо стоялъ на своемъ и разговоры свои со мной всегда оканчивалъ тѣми же словами: пишите, пишите.

Я задумался. Публика — это нѣчто очень разнокалиберное, вespѣтое. Изъ нея раздаются тысячи голосовъ и ни одинъ не похожъ на другой. Въ какомъ же смыслѣ ея впечатлѣнія могутъ быть полезны художнику, служить дѣлу искусства? Эта мысль стала меня занимать.

Не разъ, сидя одинъ, я старался припомнить впечатлѣнія картинъ, видѣнныхъ на нашихъ выставкахъ, и разговоры, какіе случалось вести и слышать по ихъ поводу. Но черезъ длинный рядъ годовъ все перемѣшалось и спуталось въ моей памяти; иное совсѣмъ изгладилось, другое удержалось, но блѣдно и смутно; лишь немногое сохранилось отчетливо, ясно. Видѣнное и слышанное на разныхъ выставкахъ какъ-то причудливо слилось въ одинъ рядъ воспоминаній, а то, что происходило въ одно время, разбилось на разные ряды; пріятельскіе разговоры у себя дома и въ гостяхъ перенеслись на выставку, а то, что я здѣсь слышалъ, пришло къ пріятельскому вечеру, или къ бесѣдѣ за чайнымъ столомъ. Возобновить въ воспоминаніи обстановку и послѣдовательность впечатлѣній не было никакой возможности.

Помнится, около одной картины, изображавшей нагую красоту, собралась кучка солидныхъ людей, которые пожирали ее глазами и передавали другъ другу свои впечатлѣнія совсѣмъ не эстетическаго свойства. Отзывами этихъ господъ художникъ мало бы покорыстовался — въ интересахъ искусства.

Припомнилось также, какъ около одного пейзажа, кто-то, съ апломбомъ знатока, объяснялъ дамѣ, что художникъ злоупотребилъ красной охрой и имѣй онъ ея меньше на своей палитрѣ, эффектъ былъ бы гораздо лучше. Не понимая ничего въ эффектахъ

охры, я въ душѣ позавидовалъ тонкому наблюдателю и цѣнителю живописи, который сразу видитъ въ чемъ дѣло и гдѣ ошибка. Слышанное замѣчаніе я тутъ же передалъ проходившему мимо пріятелю, тоже живописцу, который ужъ навѣрное знаетъ эффекты красокъ. Онъ посмотрѣлъ на меня, на картину, пожалъ плечами, и говорить: охота вамъ вѣрить всякому вадору! Ничего этотъ господинъ не понимаетъ. Какая тутъ красная охра. Ея нѣтъ и слѣда! Картина грѣшитъ тѣмъ, что написана въ слишкомъ красныхъ тонахъ — вотъ и все.

И это тоже голосъ изъ публики.

Живо помню я впечатлѣніе на меня картины Крамского: «Спаситель въ пустынѣ». Передъ этимъ лицомъ, измученнымъ глубокой и скорбной думой, передъ этими руками, сжатыми великимъ страданіемъ, я остановился и долго стоялъ въ нѣмомъ благоговѣніи; я точно ощущалъ многія бессонныя ночи, проведенныя Спасителемъ во внутренней борьбѣ; я точно видѣлъ, за опущенными рѣсницами, глаза, въ которыхъ читалось и обѣщаніе блаженства тѣмъ, кто простъ сердцемъ, и покой страдающимъ и удрученнымъ; и потомъ вдругъ эти глаза свѣтились негодованіемъ, провидя, что слова любви и мира бросать мечъ посреди людей, — или горѣли гнѣвомъ, пророча бѣды городамъ, которые гордо возносили свои головы до небесъ. Въ умиленіи и трепетѣ я забылъ всѣхъ и все около себя. Мнѣ казалось, что я стою передъ самымъ Спасителемъ. Меня начинали давить слезы умиленія и восторга, какими плачетъ человѣкъ, когда правда, чистота, самоотверженная любовь къ другимъ являются передъ нимъ не въ видѣ несбыточной мечты или недосягаемаго идеала, а какъ живой образъ, дѣйствительное существо, и онъ снова надѣется и вѣритъ надеждой и вѣрой лучшихъ лѣтъ, казавшейся навсегда утраченной...

— Посмотрите! — раздался около меня голосъ: — что это за Спаситель! Это какой-то нигилистъ! Непонятно, какъ такую картину позволили выставить! Это кощунство, насмѣшка надъ святыней!

Миръ моихъ художественныхъ видѣній мигомъ исчезъ. Я опять почувствовалъ себя очень прозаически настроеннымъ; вниманіе насторожилось, и какъ у человѣка, готоваго къ оборонѣ и нападенію, распахнувшееся сердце вдругъ заохлодѣло и критическая работа ума вступила опять въ свои права.

Вотъ они, впечатлѣнія! Мнѣ картина Крамского дала минуту невыразимаго восторга и счастья, а въ другомъ она возбудила

одно негодование. Въ которомъ же изъ этихъ впечатлѣній художникъ найдетъ указаніе, камертонъ для своей дѣятельности?

Невольно припомнились мнѣ тутъ же впечатлѣнія совсѣмъ другого рода. На одной изъ выставокъ, около яркой и блестящей картины, то-и-дѣло толпились посѣтители. «Какія удивительныя фигуры, что за богатство фантазій, какая роскошь красокъ», слышалось со всѣхъ сторонъ. Я подошелъ. Это была картина Семирадскаго: Спаситель и передъ нимъ смущенная блудница, вырвавшая бокалъ изъ рукъ. Взглянувъ на Христа и блудницу, я отвернулся и не хотѣлъ больше смотрѣть. Для меня весь смыслъ картины могъ заключаться только въ этихъ двухъ фигурахъ, а въ нихъ-то именно и не было никакого смысла. Онѣ мнѣ показались ниже всякой посредственности.

Какъ же это такъ? думалось мнѣ: есть же что-нибудь въ этой картинѣ, когда ея такъ восхищаются. Отчего же я къ ней не только остался холоденъ, но почувствовалъ даже что-то похожее на досаду. Видно мнѣ на роду написано ничего не понимать въ живописи.

Подъ вліяніемъ этой нерадостной мысли я бродилъ по выставкѣ на удачу и собирался ужъ уйти, какъ со мной встрѣтился знакомый, большой любитель и знатокъ картинъ.

— Ну что, — спросилъ онъ, — какъ вы довольны? Все осматрѣли?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я, не безъ нѣкотораго смущенія: — видѣлъ только кое-что. Вѣдь я мало знаю толку въ живописи.

— Ну, такъ пойдемте со мной. Посмотримъ вмѣстѣ. На этой выставкѣ многое стоитъ посмотреть.

Знакомый привелъ меня къ небольшой картинѣ, изображавшей щегольской и роскошный кабинетъ. По мѣрѣ того, какъ я вглядывался, столъ, кресло, диванъ начали выдѣляться изъ фона, паркетъ, на который падалъ свѣтъ изъ окна, ожилъ; огонь въ каминѣ, разныя мелочи на столѣ, картины на стѣнахъ — все выступило съ такою поразительной правдою, что я на минуту забылся, точно находился въ дѣйствительной комнатѣ и вижу всѣ эти предметы въ натурѣ.

— Ну, какъ вамъ это нравится? — спросилъ меня пріятель.

— Поразительно живо, — сказалъ я: — такъ вѣрно, что одну минуту я совсѣмъ было повѣрилъ, будто передо мной дѣйствительный кабинетъ.

— Вотъ оно, торжество искусства! — сказалъ знакомый, трепая меня по плечу.

— Торжество поддѣлки подъ дѣйствительность, — пояснилъ я.

— А чего-жъ вы еще хотите? — спросилъ меня нѣсколько удивленный знакомый.

— Я бы хотѣлъ, чтобъ изображенный предметъ мнѣ нравился,—сказалъ я,—чтобъ онъ производилъ на меня пріятное впечатлѣніе; а этотъ кабинетъ только поражаетъ меня своей правдой; но онъ мнѣ совсѣмъ не по вкусу, и будь онъ мой, я бы его устроилъ совсѣмъ иначе. Въ такой обстановкѣ я бы не могъ работать; посреди ея мнѣ было бы вовсе не по себѣ.

Собесѣдникъ сдѣлалъ гримасу, которая выражала и нетерпѣніе и досаду, и повелъ меня дальше.

— Можеть быть, вотъ эта картина произведетъ на васъ пріятное впечатлѣніе,—сказалъ онъ, остановившись передъ «Бурлаками» Рѣпина.

И мысль и исполненіе картины меня поразили. И въ атлетической фигурѣ, съ окладистой бородой, выступающей впереди, и въ испитомъ мальчикѣ, съ рубахой, ободранною лямкой, и въ старикѣ, и въ высокомъ, сухощавомъ лѣнтяѣ, который отлынивалъ отъ работы, и въ бурлакѣ съ восточнымъ типомъ, даже въ изображеніи рѣки, песчаного берега и въ вечернемъ ихъ освѣщеніи, я узналъ давно знакомое, много разъ виданное и прочувствованное. Припомнились стихи Некрасова; припомнилось многое изъ передуманнаго, изъ того, что не разъ давило грудь и сжимало сердце. Я не могъ оторваться отъ картины. Она не производила на меня пріятнаго впечатлѣнія—совсѣмъ нѣтъ; но она притягивала меня къ себѣ тѣмъ, что вызывала цѣлый рядъ мыслей и ощущеній, къ которымъ я часто возвращался и съ которыми сжилъ. Въ нихъ было мало радостнаго, но на нихъ сложилась моя жизнь. Такъ другъ смотритъ долго и пристально на портретъ умершаго друга, припоминая дорогія черты,—и больно ему и мучительно, а онъ все смотритъ и не можетъ разстаться съ тѣмъ, отъ чего ему такъ горько и такъ тяжело.

Пріятель замѣтилъ, что картина произвела на меня сильное впечатлѣніе, и смягчился. Можеть быть, съ цѣлью разсѣять мои мысли, онъ сказалъ:

— А замѣчаете ли вы, что въ этой превосходной картинѣ есть кой-какія ошибочки?

— Я ничего не замѣтилъ.

— Есть маленькая неправильность рисунка, которую вы, можеть быть, не видите, за общою вѣрностью впечатлѣнія. Посмотрите: вотъ у мальчика, тянущаго лямку, верхняя часть руки, отъ плеча до локтя, несоразмѣрно коротка.

— Да, это правда,—сказалъ я, взглянувъся.

— А вот и грѣшокъ противъ вѣрности самаго впечатлѣнія. При усиліи, съ которымъ бурлаки тянутъ лямку, нога должна уходить въ песокъ гораздо глубже, чѣмъ изображено на картинѣ. И съ этимъ замѣчаніемъ я не могъ не согласиться. Но содержаніе картины, общая вѣрность передачи художникомъ этого содержанія—такъ на меня подѣйствовали, что указанные частные недостатки показались мнѣ ничтожными, не заслуживающими вниманія. Я это высказалъ. Пріятель поспѣшилъ со мною согласиться.

— Ну, а взгляните-ка сюда—продолжалъ онъ, подводя меня къ другой картинѣ.—Вотъ ужъ гдѣ нѣтъ ни сучка, ни задоринки. И небо, и воздухъ, и люди, и предметы—все изображено съ неподражаемымъ искусствомъ.

Передо мной разстилался на полотнѣ одинъ изъ восхитительнѣйшихъ рейнскихъ пейзажей, когда-то виданныхъ очень часто. И мюнстеръ на островкѣ, и Семигорье, и развалины замковъ по берегамъ вдали,—все предстало передо мной какъ живое. Этимъ самымъ видомъ я много разъ любовался изъ Роландска въ тихіе вечера. Рейнъ катилъ медленно свои струи. По немъ скользили лодки, издали дымился пароходъ. Пѣшеходы и фуры на большихъ колесахъ по шоссе вдоль рѣки оживляли видъ. Мнѣ припомнилось давно минувшее время; припомнилось и то, какъ, несмотря на дружбу и ласки моихъ добрыхъ знакомыхъ въ Боннѣ, меня тянуло на родину, какъ меня томило одиночество посреди людей, какъ мнѣ казалось все чуждымъ въ кипѣвшей и волновавшейся около меня жизни и посреди благословенной природы.

— Ну что, какъ вамъ кажется?

— Удивительно вѣрно и живо! Это дѣйствительно Рейнъ, какимъ я его видѣлъ. Но, признаюсь, меня больше хватаетъ за душу видъ нашей бѣдной, сѣренькой, однообразной природы. Какой-нибудь пригорокъ, на немъ два-три деревца, за ними пашня, сливающаяся съ горизонтомъ, а тамъ—вдали желтоватые лучи заката, пахарь съ своей тощей, кудластой лошадкой и понурымъ видомъ—за такую картинку я вамъ охотно отдамъ всѣ рейнскіе, итальянскіе и швейцарскіе виды.

Въ другой разъ, не помню—прежде или послѣ, мы встрѣтились, тоже на выставкѣ, съ тѣмъ же знакомымъ.

— Вы, — говоритъ онъ мнѣ, — патріотъ въ живописи, это я знаю! Вамъ давай русскія сцены. Пойдемте, я вамъ покажу нѣчто въ нашемъ вкусѣ.

Пріятель привелъ меня къ небольшой картинѣ. Въ деревенскомъ помѣщичьемъ домѣ, средней руки, сидѣли за столомъ двое

господь. Передъ ними у двери стоялъ мужикъ, очевидно староста, и съ нимъ двѣ красивыя крестьянскія дѣвушки, съ пониженными головами. Староста лукаво и угодливо смотрѣлъ на господъ, а господа, особенно одинъ изъ нихъ, не хорошими глазами поглядывали на дѣвушекъ. Фигуры, обстановка, движенія, выраженіе лицъ — все показывало въ художникѣ большого мастера, но картина мнѣ сильно не понравилась по замыслу, по содержанію.

Собесѣдникъ удивился.

— На васъ трудно угодить, — сказалъ онъ мнѣ не безъ нѣкоторой досады. — Сюжетъ взять изъ дѣйствительной жизни, притомъ сюжетъ вашъ любимый, русскій; исполнена картина и въ цѣломъ и въ подробностяхъ мастерски; вы сами это находите. А между тѣмъ она вамъ не нравится!

— Я не люблю, — замѣтилъ я, — когда художникъ излагаетъ своимъ произведеніемъ какую-нибудь сентенцію — политическую, религіозную, научную или нравственную, — все равно: иллюстрировать правило совсѣмъ не дѣло искусства; на это есть наука или публицистика. Художникъ, изображая продажу крѣпостной дѣвки, хотѣлъ выказать свое омерзѣніе къ крѣпостному праву и во мнѣ возбудить негодованіе къ помѣщичьей власти. Но ненависть къ крѣпостному праву, въ наше время, — либерализмъ очень дешевый: оно отмѣнено закономъ. Каждый мыслящій человѣкъ смотритъ на него теперь уже не съ жгучимъ чувствомъ ощущаемой нестерпимой боли, а спокойно взвѣшиваетъ всѣ его стороны, и дурныя, и хорошія. Я знаю, что крѣпостныхъ дѣвокъ иногда продавали въ помѣщичьи гаремы; но знаю, что иногда помѣщики строили избы своимъ погорѣлымъ крестьянамъ, покупали скотъ и лошадей, призрѣвали сиротъ, лечили больныхъ, вступались за нихъ въ судахъ и полицейскихъ управахъ. Взять одинъ изъ случаевъ мерзостей крѣпостного права и иллюстрировать его въ картинѣ также односторонне и узко, какъ иллюстрировать одну изъ его благодѣтельныхъ сторонъ. Пусть художникъ воспроизводитъ жизнь, правду, а не пишетъ въ картинахъ приговоровъ. На меня они всегда производятъ дѣйствіе, противоположное тому, какое имѣлъ въ виду художникъ.

— Позвольте, однако, — возразилъ знакомый. — Вы хотите отнять у художника право негодовать и передавать свои чувства на полотнѣ? Почему же художникъ не можетъ дѣлать того, что могутъ дѣлать и дѣлаютъ всѣ люди?

— Потому, — отвѣчалъ я, — что художникъ, въ своемъ созданіи, не только выражаетъ свои чувства, а вмѣстѣ и воспроиз-

водитъ жизнь, дѣйствительность, какова она есть. Это непремѣнное условіе всѣхъ созданій искусства, художественнаго творчества. Если актеръ, на сценѣ, расчувствуется и въ самомъ дѣлѣ заплачетъ на патетическомъ мѣстѣ своей роли, вы его за это не поблагодарите. Вы требуете и совершенно справедливо, чтобы онъ выражалъ не свои личныя чувства, до которыхъ вамъ нѣтъ никакого дѣла, а точно, правдиво воспроизвелъ на сценѣ ту роль, которую онъ взялся представить. Вотъ потому-то я и думаю, что художникъ, разъ онъ создаетъ, не въ правѣ отдаваться однимъ своимъ чувствамъ, а долженъ, если хочетъ быть истиннымъ художникомъ, подчинить свои чувства объективной правдѣ и ее передать въ своемъ созданіи. А развѣ правда крѣпостнаго права только въ томъ, что помѣщики продавали другъ другу крѣпостныхъ дѣвокъ на растлѣніе? Ужъ лучше бы онъ изобразилъ, какъ помѣщикъ свѣзъ мужиковъ за то, что они оставляли свои поля невспаханными, да тутъ же призывалъ ее вспахать и засеять, чтобы высѣченный мужикъ не остался съ семьей безъ хлѣба. Такая картина производила бы, по крайней мѣрѣ, полное впечатлѣніе, въ ней были бы и добро и зло вмѣстѣ, какъ всегда бываетъ въ дѣйствительности. Въ этомъ драматизмъ и трагизмъ жизни.

— Богъ васъ разберетъ, чего вы требуете. А помните, — сказать знакомый послѣ нѣкотораго раздумья, — приѣмную у доктора или казначейство, съ разными лицами, получающими деньги и дожидаящими своей очереди. Какъ вамъ нравятся тѣ картины?

— Прекрасные этюды, — сказалъ я. — Лица — живыя и мастерски схвачены.

— Значить, вы по крайней мѣрѣ этими произведеніями нашей русской живописи вполне довольны?

— Какъ вамъ сказать? Доволенъ я ими очень, какъ вѣрнымъ и очень искуснымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности. Но дѣйствительность выбрана безразличная и, собственно говоря, совсѣмъ не интересная. Я радовался, глядя на эти картины, успѣхамъ русскаго искусства, умѣнью нашихъ художниковъ писать русскіе предметы. Успѣхи дѣйствительно поразительные, особливо если сравнить съ прежними, еще недавними опытами въ томъ же родѣ. Но такія работы мнѣ кажутся только пробами кисти, приготовленіями къ будущему русскому искусству, русской живописи. А эта будущая русская живопись, когда ея пора настанетъ, выберетъ другіе сюжеты. Она будетъ останавливаться на содержаніи, захватывающемъ душу, оставляющемъ послѣ себя неизгладимое впечатлѣніе — и впечатлѣніе не одной поразительно

вѣрно воспроизведенной русской дѣйствительности, а глубокой мысли, глубокаго чувства.

Я помню, мы разстались тогда съ пріятелемъ нѣсколько сухо. Онъ былъ мной недоволенъ, и смотрѣлъ на меня какъ на чужака; мнѣ тоже было какъ-то неловко. Сказать правду, я самъ хорошенько не зналъ, чего хочу, чего требую. Разные мои отзывы самому мнѣ казались чуть-чуть не капризами, такъ что было почти совѣстно передъ пріятелемъ, который смотрѣлъ на вещи просто, добродушно, безъ хитроумія и умѣлъ наслаждаться тѣмъ, что хорошо.

Воспоминанія, вмѣсто того, чтобъ навести меня на что-нибудь, окончательно сбили меня съ толку. Ни на чемъ я не могъ остановиться.

Цѣпляясь памятью за то и другое, я неожиданно натолкнулся на давнишніе, продолжительные, горячіе споры съ другимъ пріятелемъ, который весь міръ искусства считалъ прихотью богатыхъ и праздныхъ людей, художественныя созданія — дорого стоящими забавами досужаваго сибаритства, пожирающаго огромныя средства совершенно непродуцательно, а художниковъ и артистовъ называлъ дармоѣдами, прислужниками утонченнаго разврата, праздности и пресыщенія. Не было возможности сбить пріятеля съ этой позиціи. По его мнѣнію, то только и заслуживаетъ поддержки, вниманія, ухода, что полезно, что умножаетъ или ведетъ къ умноженію предметовъ, служащихъ для удовлетворенія неотложныхъ потребностей человѣка. Наука, научные опыты и изслѣдованія, тоже стоятъ дорого, но онъ считалъ затраты на нихъ производительными, потому что результатомъ ихъ всегда бываетъ какое-нибудь полезное для человѣка открытіе или примѣненіе — то телеграфъ, то телефонъ, то пароходъ, то машина, уменьшающая трудъ или сохраняющая здоровье людей.

— Ну, а армстронговы и крупновскія пушки, картечницы, разрывныя пули и адскія машины? О нихъ вы забыли, а вѣдь и они тоже — плодъ науки, результатъ опытовъ и изслѣдованій. Но это мимоходомъ. Считая науки полезными, вы, конечно, разумѣете такъ-называемыя положительныя или точныя науки и изъ нихъ — преимущественно прикладныя. Я взялся бы вамъ доказать, что и эти науки тратятъ множество силъ, времени и деньги на предметы совершенно безполезныя въ вашемъ смыслѣ. Какую, напримѣръ, пользу можно извлечь изъ изслѣдованій плотности Юпитера, Урана или Марса, ихъ объема, ихъ разстоянія отъ земли, солнца и другъ отъ друга? А чтобъ убѣдиться, что и при-

кладныя науки могутъ служить досужей роскоши не меньше искусства, войдите въ любой косметическій магазинъ, или въ любой кабинетъ, уборную, спальню богатой свѣтской дамы, не говоря о другихъ дамахъ. Но не въ этомъ дѣло. Какъ же, спрошу я васъ, понимаете вы пользу?

— Полезно все то, — отвѣчалъ рѣшительнымъ тономъ пріятель, — что увеличиваетъ сумму предметовъ, служащихъ къ удовлетворенію непосредственныхъ и неотложныхъ матеріальныхъ нуждъ человѣка, — предметовъ, необходимыхъ для пищи, одежды, крова, для отдыха отъ труда, для сохраненія здоровья...

— Но вѣдь для удовлетворенія названныхъ вами непосредственныхъ потребностей нужны не одни матеріальные предметы; нужно, кромѣ того, и воспитаніе, и судъ, и полиція, и войско, и благотворительныя заведенія, напримѣръ, больницы, пріюты для немощныхъ, старыхъ, дѣтей и т. п. Все это полезно, потому что ведетъ, въ концѣ-концовъ, къ вашей же цѣли. Но въ той же цѣли ведетъ и искусство, которое бы вы хотѣли стереть съ лица земли.

— Какъ такъ? — восклицалъ мой пріятель: — вотъ этого ужъ никакъ понять нельзя!

— Какъ понять? Да очень просто. Вы вѣдь признаете полезнымъ то, что удовлетворяетъ непосредственнымъ потребностямъ человѣка, и называете, въ числѣ такихъ предметовъ, одежду, пищу, кровь, отдыхъ, здоровье. Но вы знаете, что человѣкъ, когда ему весело, пляшетъ и поетъ веселыя пѣсни, а когда ему грустнется — унылыя; обыкновенная его рѣчь, не одними словами, но и тономъ, выражаетъ различныя его душевныя движенія — радость, гнѣвъ, печаль, ласку, презрѣніе и проч. Всѣ эти различныя движенія — тоже потребности, которымъ столько же необходимо удовлетворять, какъ голоду и жадѣ, они такія же непосредственныя и неотложныя, какъ тѣ, которыя вы признаете за такія. Имъ-то и удовлетворяетъ искусство. Причины его существованія — именно въ этихъ потребностяхъ. На самыхъ низшихъ ступеняхъ образованія и посреди ужасающей нищеты, въ вездѣ встрѣтите зародыши искусства и художественнаго творчества. Безобразныя каменные татарскія бабы въ степяхъ, нельзя же назвать продуктами пресыщенія и богатства? Не отъ избытка и пресыщенія вплетаетъ себѣ крестьянская дѣвочка обрѣзокъ матеріи въ косу, мужикъ надѣваетъ рубаху съ красными ластовицами, утираетъ лицо ручникомъ съ уворочными концами, ставитъ рѣзное окно, раскрашиваетъ ставни, украшаетъ, какъ умѣетъ, дугу. А вѣдь изъ этихъ первыхъ грубыхъ зачатковъ,

которые вы найдете всюду, между бѣднѣйшими слоями человеческого общества, и созданъ, въ дальнѣйшемъ развитіи, этотъ самый міръ искусства, который вы считаете бесполезнымъ, напрасной затратой времени, труда и денегъ. Обращая противъ васъ ваше же оружіе, я бы могъ съ такимъ же правомъ сказать, что ѣда, кровь, одежда, отдыхъ, здоровье — ненужныя прихоти и роскошь, ссылаясь на то, что на столъ, квартиру, туалетъ многими тратятся громадныя суммы самымъ бессмысленнымъ и безпутнымъ образомъ. Если, говоря объ излишествахъ этого рода, вы, однако, умѣете отличить ихъ отъ дѣйствительныхъ потребностей, то отчего же вы иначе судите, когда рѣчь зайдетъ объ искусствѣ. Оно, какъ и все на свѣтѣ, можетъ вырождаться, идти на службу праздности, роскоши, пресыщенію, растлѣвать, угождать, продаваться тому, кто больше даетъ; но вѣдь и наука можетъ тоже унизиться до всего этого, а ее вы же не станете за то побивать камнями, вычеркивать изъ числа дѣйствительныхъ человѣческихъ потребностей.

— Вы говорите, что искусство бесполезно, потому что оно есть спутникъ тунеядства, пріучаетъ къ изящному сибаритизму. Человѣкъ, по-вашему, долженъ только производить и фабриковать полезныя вещи. Ну, а если искусство будетъ именно въ этомъ направленіи развивать людей, на примѣръ, театръ будетъ отъучать ихъ отъ роскоши и пріохочивать къ труду; музыка будетъ сопровождать работу и поощрять къ ней, какъ теперь военный оркестръ возбуждаетъ военный духъ, или, чтобъ оставаться въ кругѣ вашихъ представленій о полезномъ, пѣсня приложена къ мѣрному звуку пралки въ избѣ, отъ пѣсни спорится дѣло дружной артели; если картины наглядно будутъ учить тому, что предстоитъ каждому дѣлать и какъ дѣлать; если статуями увѣковѣчится память Жакаровъ, Фультоновъ, Стеффенсоновъ и другихъ гениевъ промышленнаго и фабричнаго дѣла? Такимъ искусствомъ будете ли вы довольны?

Пріятель замаялся.

— Противникомъ искусства, художниковъ, художественнаго творчества, — развивалъ я свою мысль далѣе, — быть нельзя; можно быть противникомъ извѣстнаго ихъ направленія; но это ужъ другой вопросъ. Я готовъ съ вами согласиться, что направленіе искусства, творчество художниковъ можетъ быть хорошо или дурно, хотя мы, пожалуй, опять не сойдемся въ опредѣленіи, что хорошо и что дурно. Во всякомъ случаѣ этотъ споръ будетъ со-всѣмъ иного свойства.

По мѣрѣ того, какъ я вспоминалъ, мысль запутывалась и

изнемогала подъ разнообразіемъ и противорѣчивостью впечатлѣній. Художникъ зло подшутилъ надо мной, подзадоривъ изложить ихъ на бумагѣ! Высказывать въ дружеской бесѣдѣ—что подвернется на языкъ, совсѣмъ не то, что писать. Правда, сказаннаго слова, какъ воробья, не поймашь, но отъ него можно отвертѣться и не такъ оно рѣжетъ глаза; а написанное—торчкомъ торчитъ и ужъ его топоромъ не вырубилъ! А что я напишу? Рядъ безсвязныхъ впечатлѣній! Это вѣдь меньше чѣмъ ничего. Читатель въ правѣ не на шутку на меня разгнѣваться, зачѣмъ я совершенно напрасно занялъ его вниманіе и отнял время.

Я было уже совсѣмъ отказался отъ намѣренія писать, какъ вдругъ мнѣ пришла въ голову такая мысль: въ томъ, что мнѣ одна картина нравится, а другая нѣтъ, или что я къ ней равнодушенъ—должны же выражаться мои требованія отъ живописи, а эти требованія не могутъ не быть въ тѣсной связи съ какими-нибудь общимъ взглядомъ на искусство и на его задачи. Не оттого ли я запутался въ впечатлѣніяхъ, что не подумалъ до сихъ поръ дать себѣ во всемъ этомъ ясный отчетъ? Попробую подойти къ воспоминаніямъ съ этой стороны; авось либо такъ доберусь до чего-нибудь опредѣленнаго, твердаго, откуда ужъ можно будетъ идти дальше, разсорттировать впечатлѣнія на группы и привести ихъ къ одному общему знаменателю. Я ухватился за эту мысль и началъ думать.

Всякое художественное произведеніе, говорятъ, воссоздаетъ дѣйствительность, дѣйствительный міръ, дѣйствительную жизнь... Положимъ—такъ. Но какую дѣйствительную жизнь? Ту ли, какая на самомъ дѣлѣ есть, или ту, какая намъ представляется? Разумѣется, послѣднюю, потому что мы только то и знаемъ, что намъ представляется.

Значить, художественное созданіе воспроизводитъ дѣйствительность, какъ мы ее слышимъ, видимъ, ощущаемъ, чувствуемъ. Итакъ, мы собственно воспроизводимъ не дѣйствительность, а наши представленія о дѣйствительности, потому что другой дѣйствительности, кромѣ той, какую человекъ себѣ представляетъ, для него никакой нѣтъ, не существуетъ.

Но у разныхъ людей представленія разные, часто совсѣмъ между собою непохожія. Представленія состояются изъ впечатлѣній окружающихъ предметовъ и явленій на наши органы чувствъ, а эти предметы и явленія очень различны; также различны и органы чувствъ у разныхъ людей. Оттого чуть ли не у каждого человека свои впечатлѣнія, отличныя отъ другихъ. Помнится, я недавно гдѣ-то читалъ, что картины одного живописца,—кажется,

англійскаго, — поражали всѣхъ необыкновенною странностью тѣней и красокъ и никто не могъ понять, отчего это? Наконецъ, одинъ фзіологъ, изучившій ненормальныя явленія зрѣнія и ихъ законы, доказалъ, что странности картинъ могли произойти только вслѣдствіе извѣстной, имъ подробно описанной и охарактеризованной, ненормальности зрительнаго аппарата у художника. Если поискать, то такія же странности окажутся, можетъ быть, и въ иныхъ музыкальныхъ произведеніяхъ, зависящія точно также только отъ ненормальнаго устройства органа слуха у композитора. Опытомъ дознано, что у нѣкоторыхъ людей оба уха бываютъ настроены не на одинъ ладъ, и потому, когда они слушаютъ обоими ушами, лучшее музыкальное произведеніе отзывается въ нихъ невыносимымъ диссонансомъ; чтобъ наслаждаться музыкой, они должны крѣпко зажать одно ухо.

Я привелъ самые рѣзкіе примѣры, бросающіеся въ глаза. Но если принять въ расчетъ большую или меньшую чувствительность органовъ чувствъ, отгѣнки ихъ воспримчивости и ея характера, большую или меньшую ихъ опытность въ принятіи впечатлѣній, тысячи особенностей, зависящихъ отъ тысячи условій, напримѣръ, отъ принадлежности къ той или другой національности, отъ климата, мѣстной обстановки, образа жизни и т. п., то нельзя не вывести отсюда, что представленія людей должны быть чрезвычайно разнообразны, чуть ли не столько, какъ и сами люди.

Разнообразіе представленій играетъ въ искусствѣ несравненно большую роль, чѣмъ мы думаемъ. Это одна изъ причинъ, почему люди уже столько времени изучаютъ художественныя произведенія, толкуютъ ихъ, и до сихъ поръ не могутъ окончательно согласиться между собою въ мнѣніяхъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Иначе и быть не можетъ. Міръ представленій не можетъ не быть совершенно иной подъ солнцемъ Италіи или Индіи, и въ Россіи или въ Гренландіи. Одинъ и тотъ же Пётръ Великій смотритъ англичаниномъ, французомъ, голландцемъ, смотря по тому, кто писалъ, рисовалъ или гравировалъ его портретъ. Глазъ, привыкшій разсматривать картины и статуи, слухъ, выработанный на лучшихъ созданіяхъ музыкальнаго искусства, будутъ видѣть, слышать и различать ихъ лучше, тоньше, чѣмъ глазъ и ухо ребенка или челоуѣка, который не упражнялъ ихъ надъ такими предметами. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, люди воспитываются и развиваются изъ поколѣнія въ поколѣніе, по мѣрѣ того, какъ кругъ ихъ впечатлѣній расширяется и становится разнообразнѣе. Вообразимъ себѣ, что челоуѣкъ, который никогда не видалъ другихъ картинъ, кромѣ ста-

ринной голландской или фламандской школы, вдругъ увидить итальянскую или испанскую картину, — онъ не сразу найдетъся въ ней, освоится съ ея характеромъ и особенностями. Мы, старики, смолоду пробавлялись легкой итальянской музыкой, знаемъ по опыту, какъ трудно вслушиваться въ звуки нѣмецкихъ музыкальныхъ созданий и дойти до пониманія ихъ красоты. Одинъ очень образованный французъ, слушавшій въ первый разъ «Жизнь за царя» Глинки, признавался мнѣ, что не понимаетъ прелести этихъ звуковъ, и пришелъ въ восторгъ, когда заиграли полонезъ и мазурку: эти звуки были ему знакомы.

Съ этой стороны представление есть нѣчто очень условное. Въ отношеніи къ искусству мы можемъ говорить не о представленіяхъ всѣхъ вообще людей, кто бы они ни были, а только о представленіяхъ нормальныхъ, составляющихъ какъ-бы средній результатъ извѣстной нормальной дѣятельности внѣшнихъ чувствъ, при извѣстной степени ихъ навыка и опытности въ принятіи внѣшнихъ впечатлѣній и образованіи изъ нихъ представлений. Поэтому, когда говорится о художественныхъ произведеніяхъ, всегда предполагается, что они существуютъ не для всѣхъ безъ изыатія людей, а только для тѣхъ, кто имѣетъ необходимыя нормальныя для того условія, какъ естественныя или прирожденныя, такъ и приобрѣтенныя развитіемъ, навыкомъ, опытностью. Но этимъ кругъ людей, для которыхъ искусство существуетъ, естественно и неизбежно суживается. По мѣрѣ расширенія образованности и усиленія развитія, этотъ кругъ будетъ становиться все шире и шире, но никогда не включитъ въ себя всѣхъ людей. Въ его останутся всѣ, кто почему-либо не подходитъ даже подъ средній уровень нормальной воспримчивости къ воспроизведеніямъ представлений.

Представленіе есть, впрочемъ, только одно изъ условій художественнаго творчества. Другое, столь же существенное — это воссозданіе представленія въ матеріальномъ фактѣ или явленіи — образѣ, словѣ, звукѣ, тѣлодвиженіи, игрѣ фizioноміи. Спѣшу, однако, оговориться. «Воссозданіе представленія» выражаетъ не совсѣмъ точно то, чтó происходитъ при художественномъ творествѣ. Представленіе остается при насъ и вывести его изъ чelовѣка наружу ни что въ мѣрѣ не можетъ. Художникъ только создаетъ такой матеріальный фактъ, производитъ такое матеріальное явленіе, которыя соотвѣтствуютъ представленіямъ и вызываютъ ихъ каждый разъ, когда такой фактъ или такое явленіе дѣйствуютъ на наши внѣшнія чувства. Оттого-то художественное создаваніе и называется творчествомъ. Оно въ самомъ дѣлѣ какъ

будто вновь создаетъ окружающій насъ міръ, который дѣйствуетъ на наши чувства, производитъ впечатлѣнія, и чрезъ нихъ образуетъ или вызываетъ представленія.

Говорятъ, искусство возсоздаетъ дѣйствительный міръ, самую жизнь, какова она есть. Это не совсѣмъ такъ. Имъ создаются условія, которыми вызываются такіе же представленія, какъ и дѣйствительнымъ міромъ, дѣйствительною жизнью. Но художественныя созданія никогда не воспроизводятъ дѣйствительнаго міра, каковъ онъ есть. Мѣсто, которое мы видѣли, и ландшафтъ, который намъ кажется сходнымъ съ этимъ мѣстомъ, какъ двѣ капли воды, на самомъ дѣлѣ вовсе другъ на друга непохожи. Расписанное полотно, очевидно, и не можетъ походить на дѣйствительную мѣстность. Но и ландшафтъ и мѣстность, которую оно изображаетъ, производятъ на насъ одинаковое впечатлѣніе, вызываютъ однѣ и тѣ же представленія. Портретъ, написанный карандашомъ или перомъ, силуэтъ, вырѣзанный изъ черной бумаги, еще меньше похожи на предметы, которые они изображаютъ, а мы, однако, бываемъ поражены сходствомъ. Почему? Потому что въ насъ вызывается, при видѣ рисунка или силуэта, то же представленіе, какое вызывалъ дѣйствительный предметъ. Мраморная статуя, бюстъ, — что же въ нихъ сходнаго съ дѣйствительностью? А мы находимъ удивительное сходство, если черты и выраженіе схвачены вѣрно. Тутъ сходство очевидно весьма относительное и условное. А что сказать о литературныхъ созданіяхъ, о музыкальныхъ произведеніяхъ, которыя, по своей вѣшной сторонѣ, не имѣютъ съ видимыми предметами ни малѣйшаго, даже отдаленнаго сходства!

Итакъ, весь смыслъ художественнаго творчества состоитъ въ такомъ сопоставленіи и сочетаніи матеріальныхъ данныхъ, чтобъ онѣ вызывали въ насъ тѣ же представленія, что и дѣйствительные предметы, дѣйствительная жизнь.

Если мы, послѣ всего сказаннаго, прослѣдимъ то, что происходитъ, начиная съ художественнаго творчества и оканчивая художественнымъ наслажденіемъ, то получимъ цѣлый рядъ очень сложныхъ операций, которыя будутъ имѣть такой смыслъ: художникъ извѣстнымъ сочетаніемъ матеріальныхъ предметовъ и явленій создаетъ нѣчто, вполне отвѣчающее его представленіямъ. Зрители, слушатели, словомъ—публика получаетъ отъ созданія художника впечатлѣнія, и, сравнивая вызванныя имъ представленія съ тѣми, какія она уже носитъ въ себѣ, чувствуетъ или не чувствуетъ себя удовлетворенной, смотря по тому, отвѣчаетъ ли произведеніе ея представленіямъ, и въ какой мѣрѣ.

Въ этомъ смыслѣ, міръ искусства есть одна изъ величайшихъ побѣдъ человѣка надъ обрушающимся: художественныя созданія—плодъ подробнаго знакомства человѣка съ обстановкой и ея законами, безъ чего нельзя и помышлять о сочетаніяхъ фактовъ, съ цѣлью произвести извѣстное впечатлѣніе и вызвать навѣстныя представленія. Мы иной разъ небрежно перебѣгаемъ глазами отъ одной картины и статуи къ другой, скользимъ, перелистывая по лучшимъ литературнымъ произведеніямъ; а какое было нужно громадное накопленіе знанія и опытовъ, въ теченіи многихъ тысячелѣтій, чтобъ довести, не говорю уже цѣлую литературу или цѣлую школу живописи, музыки и т. д., а самомалѣйшій стихъ, или самую нехитрую музыкальную пьесу, самую несложную картину, до того художественнаго совершенства, до котораго дошли люди въ наше время. Теперь намъ кажется простымъ и легкимъ писать порядочными стихами, или взять кисть, натянуть полотно, положить краски на палитру и написать картину; но пройдемъ мыслью весь путь, которымъ люди дошли до того, что это стало легко и просто, и намъ придется повторить всѣ ступени теоретическаго и практическаго знанія, которыя родъ человѣческій прошелъ съ величайшими усилиями, трудами и колебаніями отъ начала до нашего времени. Вспомнимъ, сколько усилій ума и замѣчательнаго таланта потрачено русскими художниками, писателями, музыкантами, чтобъ только выучиться писать русскіе предметы и русскіе стихи, чтобъ овладѣть русскими мотивами. Какой же громадный трудъ нуженъ былъ, чтобъ создать цѣлый міръ искусства! Вѣдь сдѣланное у насъ—капля въ морѣ въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлано человѣческимъ родомъ для живописи, изящной литературы, музыки и другихъ отраслей искусства отъ ихъ первыхъ зачатковъ до нашего времени.

Что это былъ тяжкій трудъ, великій подвигъ, видно изъ того, какъ люди неохотно шли на него сначала, и какъ имъ тяжело было за него приниматься.

Въ древнѣйшихъ преданіяхъ сохранились слѣды какого-то непонятнаго намъ теперь отвращенія первобытнаго человѣка отъ художественнаго творчества; такое же отвращеніе проявлялось и гораздо позднѣе, на памяти исторіи, въ эпохи глубочайшаго одушевленія и нравственнаго перерожденія людей. Это происходило, можетъ быть, оттого, что наполнявшее душу человѣка еще не сложилось въ опредѣленное, ясное представленіе, или представленіе уже сложилось, но человѣкъ еще не умѣлъ подыскивать и сочетать виѣшніе факты и явленія такъ, чтобъ они отбѣчали представленіямъ и вызывали ихъ. Первый шагъ на пути къ ху-

дожественному творчеству, по своей новосте, необычайности и крайней трудности, не могъ не страшить людей, не внушать имъ суевѣрной боязни. Но, кромѣ того, замѣчается и другой мотивъ: то, что человѣкъ носилъ въ своей душѣ, такъ владѣло всѣмъ его существомъ, онъ до того имъ былъ проникнутъ, имъ жилъ, былъ въ него погруженъ, что создавать его внѣшнее подобіе казалось посягательствомъ на святиню. Извѣстно, что сильное чувство, разрѣшаясь въ мысль или образъ, теряетъ свою напряженность.

Первоначальной неумѣлости людей создавать во внѣшнемъ мірѣ образы, соотвѣтствующіе представленіямъ, есть параллельныя явленія въ другой области. Такая же неумѣлость справиться съ окружающимъ лежитъ въ основаніи философскихъ воззрѣній Будды. Міръ исполненъ зла и страданій. Христіанство указываетъ на дѣла любви и самоотверженія, какъ на средства исцѣленія. Европейцы, воспитанные на этомъ ученіи, приспособляютъ окружающій міръ къ своимъ потребностямъ и нуждамъ; буддизмъ не имѣетъ никакого понятія о приноравливаніи окружающаго міра къ требованіямъ человѣка, о дѣятельномъ, преобразовательномъ отношеніи къ этому міру. Поэтому онъ рекомендуетъ человѣку уйти въ себя, стать совсѣмъ безстрастнымъ, нечувствительнымъ къ злу и страданіямъ. Нирвана, восточный вѣтизмъ, восточный фатализмъ, выражаютъ безпомощность человѣка, неумѣнье его заставить природу и окружающій міръ служить себѣ и своимъ нуждамъ.

Другой мотивъ, внушавшій отвращеніе къ художественному творчеству и всякой внѣшней дѣятельности, — боязнь осквернить святиню чувства, ослабить его поднятую силу внѣшнимъ образомъ, внѣшнею дѣятельностью, замѣчается при глубочайшей религіозной восторженности и психическомъ сосредоточеніи силъ. Художественное творчество, съ этой точки зрѣнія, есть огромный шагъ впередъ въ отношеніяхъ человѣка къ окружающему; создавая міръ искусства, онъ подчиняетъ природу своимъ нуждамъ и требованіямъ, заставляетъ ее служить себѣ. Подобно тому, какъ онъ мало-по-малу выучивается готовить себѣ пищу, и запасать ее въ прокъ, прикрываться отъ холода, жары и непогоды, защищаться отъ животныхъ и людей, онъ выучивается создавать сочетанія фактовъ и явленій, которыя отвѣчаютъ его представленіямъ и вызываютъ ихъ въ другихъ. Сначала эти созданія, разумѣется, очень несовершенны, но мало-по-малу, съ успѣхами знанія и опытности, они становятся все болѣе и болѣе совершенными и, наконецъ, достигаютъ виртуозности, которой мы изумляемся въ произведеніяхъ великихъ мастеровъ. На этомъ пути, какъ и на

всѣхъ другихъ, постепеннымъ совершенствованіемъ не видно конца, и то, что намъ теперь кажется вѣнцомъ художественнаго творчества, можетъ черезъ пятьсотъ, тысячу лѣтъ оказаться чуть не ребяческими опытами. Но съ первымъ же шагомъ къ художественному создаванію человекъ открываетъ себѣ новые пути завоеваній въ окружающемъ мірѣ, и въ этомъ, между прочимъ, заключается одна изъ причинъ великаго образовательнаго значенія искусства.

Искусство, говорятъ намъ, творить для человека новый міръ. Это не иносказаніе, а совершенная правда, потому что оно создаетъ матеріальные предметы и явленія, которые вызываютъ въ людяхъ такіе же представленія, какъ и сама жизнь, сама дѣйствительность. Рядомъ съ дѣйствительнымъ міромъ появляется другой міръ, вовсе на него непохожій. Между ними только то общаго, что оба вызываютъ одинаковыя представленія. При высокомъ развитіи искусства обольщеніе бываетъ до того полное, что человекъ принимаетъ художественное созданіе за самую дѣйствительность и наоборотъ: каждому случалось, наслаждаясь впечатлѣніемъ дѣйствительнаго предмета, чувствовать, что, только благодаря художественнымъ созданіямъ, онъ выучился вполнѣ цѣнить дѣйствительность. И въ этомъ нельзя не признать важнаго образовательнаго значенія искусства. Создавая новый міръ, соответствующій представленіямъ, оно выясняетъ ихъ, а съ ними и отношенія дѣйствительнаго міра къ нашимъ впечатлѣніямъ, до поразительной опредѣленности и точности. Искусство, наперерывъ съ наукой, выучиваетъ насъ смотрѣть и слушать правильно.

Мало того: создавая рядомъ съ дѣйствительнымъ міромъ другой міръ, вызывающій одни съ нимъ представленія, искусство выводитъ насъ изъ условій пространства и времени. Давно умершихъ мы видимъ какъ живыхъ; то, чего мы никогда не видали и, можетъ быть, никогда не увидимъ, мы узнаемъ со всею живостью непосредственнаго и личнаго знакомства. Благодаря художественнымъ созданіямъ, мы можемъ, по произволу, вызывать въ себѣ живыя представленія тѣхъ или другихъ предметовъ и явленій, которыя въ дѣйствительности отдѣлены отъ насъ громадными пространствами и цѣлыми вѣками, или которые когда-то существовали, но уже исчезли и болѣе никогда не будутъ дѣйствовать на наши чувства.

Но какъ бы ни было велико обаяніе художественныхъ созданій, какъ бы ихъ дѣйствіе на насъ ни совпадало съ дѣйствіемъ окружающаго міра, не должно забывать ни на минуту, что произведенія искусства относятся только къ нашимъ представленіямъ,

только для нихъ существуютъ и для нихъ однихъ имѣютъ смыслъ.

Помимо представленій художественнаго созданія и не имѣютъ художественнаго значенія. Говоря объ объективности въ искусствѣ, о реальности художественныхъ произведеній, надо всегда помнить, что рѣчь идетъ только о реальности и объективности условной, а именно только по отношенію къ представленіямъ. Эта объективность и реальность всегда зависятъ отъ опредѣленности, ясности представленій, отъ ихъ характера и свойства. Этимъ объясняется, какимъ образомъ люди образованные и развитые могли сравнительно еще недавно наслаждаться крайне несовершенными, по нашимъ понятіямъ даже совсѣмъ безвкусными, произведеніями искусства, почему были возможны уклоненія искусства въ разные ложныя направленія — въ аллегорію, символизмъ, манерность и рутину. Человѣку, въ художественныхъ произведеніяхъ, въ концѣ-концовъ всего дорожке его собственныя представленія, вызываемыя, освѣщаемыя, оживляемыя вѣшними возбужденіями, и онъ невольно, самъ того не замѣчая, переноситъ ихъ въ созданія искусства. Объективная, реальная оцѣнка дается страшно трудно и вполнѣ объективной она никогда не можетъ быть и не будетъ. Только долгое развитіе и опытность, образовавшаяся подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ и противорѣчивыхъ направленій и взглядовъ, болѣе и болѣе смягчаетъ крайности и угловатости субъективной оцѣнки; но никогда она не можетъ быть исключена вполнѣ и обратиться въ исключительно и чисто объективную, потому что самая почва художественности — представленіе — не можетъ быть вырвано изъ человѣка и перенесено въ міръ объективныхъ явленій.

Въ ошибочномъ понятіи объ объективности художественныхъ созданій лежитъ источникъ всѣхъ недоразумѣній и безконечныхъ споровъ объ искусствѣ. Представленіе, къ которому сходятся и изъ котораго расходятся всѣ явленія въ области искусства, — это двухлиций Янусъ, одною своею стороною обращенный къ объективному міру, окружающему человѣка, а другою къ его ощущеніямъ, чувствамъ, стремленіямъ, желаніямъ и движеніямъ воли: ихъ человѣкъ носитъ въ себѣ, ими онъ живетъ; рядомъ съ вѣшними возбужденіями, они служатъ источникомъ его внутренней и вѣшной дѣятельности, а со всѣми этими психическими состояніями и движеніями представленія связаны тысячью нитей.

Отношенія представленій къ вѣшнымъ предметамъ и явленіямъ, создаваемымъ съ цѣлью вызвать и воспроизвести эти представленія, — вотъ объективная, вѣшняя сторона искусства и худо-

жественнаго творчества; чувства и вообще душевныя движенія, возбуждаемыя въ насъ произведеніями искусства чрезъ представленія, составляютъ внутреннюю, субъективную сторону художественныхъ созданій и творчества. Все сказанное мною до-сихъ-поръ объ искусствѣ касалось только его внѣшней, объективной стороны. Оно даетъ удовлетвореніе или наслажденіе особаго рода, которое, явно или скрыто, сознательно или бессознательно, но непременно входитъ въ художественное впечатлѣніе. Какъ бы ни была велика живость, реальная правда художественнаго произведенія, мы все же относимся къ нему иначе, чѣмъ къ самой реальной дѣйствительности. Къ впечатлѣнію художественнаго произведенія всегда примѣшивается ощущеніе, что мы имѣемъ дѣло не съ самою реальностью, а съ болѣе или менѣе совершеннымъ ея подобіемъ. Такимъ образомъ, въ художественномъ впечатлѣніи, непосредственное чувство реальности осложняется и ослабляется другимъ чувствомъ, ощущеніемъ сходства художественнаго произведенія съ дѣйствительностью, которой впечатлѣніе оно въ насъ воспроизводитъ. Когда мы видимъ на мастерской картинѣ или на сценѣ страданія, мучительную смерть, или порывы страсти, они не потрясаютъ насъ такъ, какъ если-бъ то, что мы видимъ, совершилось въ дѣйствительности передъ нашими глазами. Мы потрясены, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наслаждаемся поразительно вѣрнымъ воспроизведеніемъ реальнаго событія, тѣмъ, что картина или игра актера вызываютъ въ насъ тѣ же представленія, какія бы вызвала сама жизнь. Тайна художественнаго наслажденія всегда скрыта въ этомъ ощущеніи, хотя мы рѣдко отдаемъ себѣ въ этомъ отчетъ.

Художественное наслажденіе лежитъ на рубежѣ объективной и субъективной стороны искусства. Такое же серединное положеніе между ними занимаютъ художественныя идеалы. Реалисты въ искусствѣ ихъ отвергаютъ; художники-идеалисты и философы отстаиваютъ, оспаривая на то, что художественныя произведенія не рабскія воспроизведенія дѣйствительности и содержатъ въ себѣ нѣчто такое, чего въ ней нѣтъ. Это справедливо. Но, не довольствуясь этимъ, они идутъ дальше и выводятъ отсюда, что художественно прекрасное, художественная красота, существуетъ какъ-то отдѣльно отъ дѣйствительности и реальности, вносится въ нее художникомъ извнѣ, и потому говорить объ искусствѣ для искусства, въ противоположность реалистамъ, не признающимъ идеи красоты и требующимъ подчиненія искусства разнымъ положительнымъ цѣлямъ, требующимъ, чтобы оно приносило ту или другую пользу. Эти безконечные споры вытекаютъ изъ ошибочныхъ взгля-

довъ на объективную сторону искусства, общихъ и идеалистамъ и реалистамъ. Еще недавно считали возможнымъ выдѣлить эту сторону и на ней одной построить теорію искусства. Но мы теперь знаемъ, что оно не воспроизводитъ объективнаго или реальнаго міра, а только создаетъ то, что вызываетъ въ людяхъ такія же представленія, какъ реальная дѣйствительность. Художественные идеалы — это представленія художника, идеальныя по своей природѣ, такъ какъ въ нихъ впечатлѣнія перегруппированы подъ особымъ угломъ зрѣнія, свойственнымъ художнику. Говорить о художественномъ идеалѣ въ объективномъ смыслѣ, послѣ того какъ смѣнилось столько художественныхъ идеаловъ, невозможно. Объективный художественный идеалъ, идея прекраснаго, воплощающаяся въ художественныхъ созданіяхъ, есть лишь выводъ ума, обобщеніе явленій, а не объективный фактъ. Художественный идеалъ созданъ философскимъ идеализмомъ и безвозвратно палъ вмѣстѣ съ нимъ. Теорія искусства для искусства справедлива какъ требованіе извѣстнаго настроенія при художественномъ создаваніи, но въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаютъ поборники неизмѣнной идеи прекраснаго, воплощающейся въ дѣйствительности, она не выдерживаетъ критики. Объ «искусствѣ для искусства» можно говорить съ такимъ же основаніемъ, какъ и о «наукѣ для науки», или о «любви для любви» или о «правдѣ для правды». Наука не будетъ наукой, когда мы, вмѣсто исканія научной истины, будемъ преслѣдовать какія-нибудь другія цѣли и въ немъ прикрывать научные выводы; правда не будетъ правдой, когда мы подчинимъ ее соображеніямъ житейскихъ выгодъ и т. п. Художественное творчество не должно имѣть другой задачи, кромѣ вѣрнаго воспроизведенія фактовъ и явленій, вызывающихъ тѣ или другія представленія; въ этомъ смыслѣ теорія искусства для искусства непреложна, но она и не говоритъ ничего: художественное творчество, не достигающее своей цѣли, не есть искусство. Къ сожалѣнію, эта теорія, вопреки истинѣ и правдѣ, и вслѣдствіе самыхъ печальныхъ недоразумѣній, смѣшиваетъ идею прекраснаго, художественный идеалъ, съ извѣстными образцами художественнаго творчества, требуетъ, чтобы они непременно носились передъ художникомъ во время художественнаго создаванія, считаетъ ихъ для него обязательными. Такой взглядъ, такія требованія не только ошибочны, но они вѣрнее вредны. Художественные идеалы мѣшаются вмѣстѣ съ представленіями и увѣковѣчиваютъ ихъ — значить мѣшать развитію художественнаго творчества, которое только и состоитъ въ создаваніи фактовъ, которые соответствуютъ представленіямъ и вызываютъ ихъ. Идеалисты,

поборники идем прекраснаго, художественныхъ идеаловъ и теоріи искусства для искусства проиграли свое дѣло. Ихъ взгляды не пользуются ни авторитетомъ, ни вліяніемъ. Можно ли сказать, что въ ихъ взглядахъ нѣтъ ни малѣйшей доли правды, что всѣ ихъ требованія ложны отъ начала до конца? Этого я бы не рѣшился утверждать. Что-то похожее на истину просвѣчиваетъ въ ихъ теоріяхъ, но эта истина такъ искажена и обезображена извращенной постановкой задачъ искусства, что нѣтъ возможности стать подъ знамя идеалистовъ. По намѣренію, они должны бы были поборниками субъективной стороны искусства, которой знать не хотятъ реалисты; но, вмѣсто того, чтобы разрабатывать и выяснять эту сторону, рука объ руку съ поборниками объективности и реальности въ искусствѣ, они перенесли въ послѣднюю требованія первой и истощаются въ безплодныхъ усиліяхъ создать объективные идеалы, неизмѣнную объективную красоту. Ту же ошибку идеализмъ вносилъ еще недавно всюду—и въ политику, и въ философію, и въ теорію права, и въ ученіе о нравственности. Не понимая своей настоящей задачи, ни того, чѣмъ онъ силенъ и принимаясь за разрѣшеніе задачъ реализма, идеализмъ вездѣ терпитъ неудачу и отовсюду вытѣсняется, въ ущербъ истинѣ, которой дѣлая сторону, благодаря этому, остается неразработанной и заброшенной.

Возвращаясь къ перерванной нити мыслей. Представленія—это центральный пунктъ, въ которомъ сходятся и объективная и субъективная сторона искусства. Объективная его сторона—это созданіе предметовъ, которые вызываютъ по возможности тѣ же представленія, что и непосредственная, живая дѣйствительность и реальная оцѣнка этого тождества; а субъективная—тѣ ощущенія и чувства, которыми сопровождаются представленія. Но представленія, какъ извѣстно, никогда не являются въ насъ обособленными отъ другихъ явленій психической, внутренней жизни; напротивъ, въ дѣйствительности они всегда переплетаются съ чувствами, настроеніями, стремленіями и желаніями, ими вызываются, и наоборотъ—ихъ сами вызываютъ. Когда мы голодны, намъ представляются любимыя кушанья; когда мы любимъ, намъ безпрестанно думается о любимомъ предметѣ. Веселое, радостное, грустное, гнѣвное, раздражительное и другія настроенія вызываютъ каждое разнѣчные представленія. Наоборотъ—и представленія приводятъ душу въ извѣстное состояніе или настроеніе, возбуждаютъ въ насъ тѣ или другія ощущенія, чувства, желанія.

Эта тѣсная связь и взаимодѣйствіе представленій, съ одной стороны, — настроеній, стремленій, ощущеній, чувствъ, жела-

ній — съ другой, и придаетъ искусству важное значеніе въ развитіи людей и общества. Давно и всѣмъ признано, что обстановка имѣетъ рѣшительное вліяніе на людей, направляетъ ихъ мысли на дѣятельность въ ту или другую сторону. Оттого воспитатели и педагоги придаютъ такую важность первымъ впечатлѣніямъ ребенка. Созданія искусства, видоизмѣняя по произволу данную обстановку людей и тѣмъ вызывая въ нихъ тѣ или другія представленія, есть, поэтому, могущественное и незамѣнимое орудіе воспитанія и образованія. Искусство, посредствомъ художественныхъ созданій, дѣйствуетъ на душевный строй, на чувства, желанія и волю людей. Въ этомъ его общественное значеніе и великая роль. Въ наше время на это какъ-то мало обращается вниманія. Между тѣмъ именно общественное и нравственное вліяніе искусства и подаетъ поводъ къ спорамъ и недоразумѣніямъ, къ противорѣчивымъ сужденіямъ о художественныхъ произведеніяхъ. Объ ихъ объективной сторонѣ нѣтъ и не можетъ быть разномыслия по существу. Задачи объективной стороны искусства слишкомъ опредѣленны и ясны, чтобы по поводу ихъ могли возбуждаться серьезныя разногласія между компетентными судьями — экспертами, специалистами, знатоками искусства. Что художественное созданіе должно съ возможною приблизительностью отвѣчать представленіямъ — объ этомъ нѣтъ и не можетъ быть спора. Споръ можетъ быть только о томъ, въ какой мѣрѣ эта задача художественнаго творчества разрѣшена, какими техническими средствами, способами и приѣмами она разрѣшается всего лучше и вѣрнѣе. Эти вопросы рѣшаются только на основаніи науки и опыта. Въ наше время трудности въ рѣшеніи задачъ искусства начинаются, когда вопросъ переносится въ сферу субъективныхъ явленій, вызываемыхъ художественными произведеніями посредствомъ представленій. Во взглядахъ на искусство, въ оцѣнѣ художественныхъ произведеній съ этой стороны царитъ тотъ же хаосъ, та же неурядица, какъ и во всемъ, что касается психической жизни человѣка, ея законовъ и задачъ. Цѣлая школа ничего знать не хочетъ объ образовательныхъ и воспитательныхъ задачахъ искусства. По воззрѣніямъ этой школы, единственная задача художественныхъ произведеній — возможно живое и вѣрное соотвѣтствіе ихъ представленіямъ, но какимъ представленіямъ — объ этомъ школа не заботится. Такова чисто объективная точка зрѣнія. Она имѣетъ свои отгѣны. Самые крайніе изъ ея поборниковъ ухищряются и въ искусство вносить грубо-матеріальныя требованія, видятъ задачу искусства въ создаваніи произведеній, вызывающихъ представленія объ однихъ

материальных предметах и явлениях. Противоположная ей школа идеалистовъ, представляющая тоже много различныхъ оттенковъ, стоитъ за образовательный и воспитательный характеръ искусства, но, будучи бессильна найти соответствующія ему формы въ современныхъ представленіяхъ, отворачивается отъ нихъ, крѣпко держится за готовые художественныя формы, созданныя до насъ, и въ нихъ видитъ единственные образцы прекраснаго, а въ возможномъ къ нимъ приближеніи — единственную задачу современнаго искусства. Но художественныя формы, какъ и формы рѣчи, создаются представленіями и измѣняются вмѣстѣ съ ними. Нашей скудости въ представленіяхъ, вызывающихъ благороднѣйшія движенія души, не поможетъ, если мы станемъ вдохновляться представленіями жившихъ до насъ людей. Иные времена — иные люди, иные люди — иные представленія! Натянутое, искусственное, вымученное вдохновеніе блѣдно, мало, безжизненно, — есть не болѣе какъ поза, которая никого не обманетъ и не подниметъ нашего душевнаго строя; напротивъ, оно только оттолкнетъ шаткихъ отъ высшихъ задачъ искусства, отброситъ ихъ въ лагерь завязтыхъ натуралистовъ, на сторонѣ которыхъ, по крайней мѣрѣ, объективная правда.

Между этими двумя крайностями колеблется современное искусство. Сильная выработка по всѣмъ направленіямъ объективной его стороны, а со стороны субъективной — бѣдность представленій, выражающихъ или вызывающихъ высшія, идеальныя стремленія, — вотъ къ чему, въ концѣ-концовъ, сводится теперь почти все въ области художественнаго творчества. Недостатку представленій субъективной стороны мы стараемся помочь подражаніемъ формамъ, которыя выработаны до насъ, но изъ этого ничего не выходитъ и не можетъ ничего выйти. Пока въ насъ самихъ не возникнетъ представленій, вызывающихъ великія художественныя созданія, мы не извлечемъ ихъ изъ созданій другихъ временъ и другихъ людей, а будемъ пребывать въ фразѣ, и, вѣсто творцовъ, станемъ лишь жалкими подражателями.

Таково современное положеніе и художниковъ, и публики. Ихъ нельзя различать: они — дѣти одного времени, произведенія однихъ и тѣхъ же обстоятельствъ, получаютъ одни и тѣ же впечатлѣнія. Наши художники и наша публика не имѣютъ повѣдать другъ другу ничего новаго. Нашъ театръ, наша литература, наши художественныя выставки, наши музыкальныя произведенія выражаютъ тотъ же разбродъ чувствъ и помысловъ, какіе видимъ и въ образованныхъ слояхъ русскаго общества. Художники создаютъ, — мы, публика, наслаждаемся созданіями

искусства каждый по-своему, но ни они, ни мы не задаемся вопросомъ: какого рода душевныя движенія — чувства, стремленія, желанія — должны быть или не должны быть возбуждаемы произведеніями художественнаго творчества? Художники и публика смотрятъ на одну лишь объективную сторону искусства. Мы, зрители и слушатели, обратились въ записныхъ знатоковъ художественныхъ созданій, — всего чаще, принидаваемы знатоками и соперничаемъ съ специалистами по части искусства. Не удивительно, что объективная его сторона развивается на-счетъ субъективной и дарить надъ нею въ наше время.

Нѣсколько времени спустя, я опять встрѣтился съ симпатичнымъ художникомъ, заставившимъ меня столько думать.

— Ну, что? — спросилъ онъ меня: — рѣшились вы, наконецъ, передать на бумагѣ ваши художественныя впечатлѣнія?

— Да, я написалъ все, что припомнилъ, — отвѣчалъ я, — но почти раскаяваюсь въ этомъ.

— Отчего такъ?

— Изъ написаннаго ничего не выходитъ.

— А вамъ бы, конечно, хотѣлось заострить ваши впечатлѣнія какимъ-нибудь правоученіемъ?

— Правоученіемъ — нѣтъ, а придти къ какому-нибудь выводу, заключенію, — признаюсь, очень бы хотѣлось; но его-то мнѣ и не удалось добиться. Такъ мое писаніе и осталось неоконченнымъ.

— Я васъ не совсѣмъ понимаю, — сказалъ художникъ. — Рѣчь между нами шла, кажется, только о впечатлѣніяхъ, выносимыхъ публикой съ выставокъ художественныхъ произведеній. Какое же тутъ можетъ быть заключеніе, выводъ? То-то нравится потому-то, — другое потому-то не нравится. Больше намъ ничего и не нужно!

— Вы требуете невозможнаго, — возразилъ я. — Принявшись вспоминать и стараясь отдать себѣ отчетъ, почему мнѣ одна картина очень понравилась, другая — меньше, третья — вовсе не понравилась, и такъ далѣе, я набралъ много замѣтокъ. Совершенно невольно, мысль стала работать надъ ними, анализировать ихъ и приводить въ порядокъ. Изъ этой работы сложился взглядъ на искусство, выяснились различныя требованія отъ художественныхъ произведеній. Самъ того не замѣчая, я продолжалъ, такимъ образомъ, всѣ тѣ умственныя операціи, которыми мысль проходитъ отъ перваго полученнаго новыя впечатлѣнія до

окончательнаго результата. Но результата-то я и не могу вывести никакого. У насъ художники и публики — одно и то же, и учиться имъ другъ у друга рѣшительно нечему. Такъ, по крайней мѣрѣ, теперь. Можетъ быть, явится со временемъ такой гениальный художникъ, что увлечетъ за собой публику и перевоспитаеетъ ея вкусъ, — а можетъ быть, публики такъ разовьется, что потянетъ за собой художниковъ и заставитъ ихъ искать новыхъ путей. Но это — будущее, а его я не знаю, и никто не знаетъ. Теперь же и въ нашихъ, и въ нашихъ головахъ совершенный хаосъ, разбродъ, безурядица — и нигде не видно свѣта.

— Допустимъ, что такъ. Но вѣдь и это выводъ. Стало-быть, что вы написали — имѣетъ конецъ, хотя онъ, положимъ, и не веселый. А потому, ваши нерадостныя мысли относятся къ тому, что говорится въ публикѣ и между художниками. Но сами вы имѣете же про свой обиходъ какія-нибудь опредѣленныя требованія отъ искусства, по которымъ и мѣряете художественныя произведенія. Вотъ ихъ-то и желательно бы знать! Сами вы говорите, что анархія, хаосъ — во взглядахъ и публики, и художниковъ. При такомъ положеніи, всякое мнѣніе, всякій голосъ будутъ очень кстати, хотя бы только для повѣрки, сравненій и соображеній.

— Въ томъ-то и бѣда, что я не имѣю для своихъ требованій готовой, выработанной формулы. То, что есть, меня не удовлетворяетъ, и я довольно ясно и отчетливо могу опредѣлить, почему я имъ недоволенъ; но какъ только начинаю обдумывать и захочу формулировать, что бы могло меня удовлетворить въ искусствѣ, я ничего не могу схватить, кромѣ неподдающихся формулѣ отвлеченныхъ мыслей и общихъ стремленій. Прибавьте къ этому естественную въ наше время боязнь сказать совсѣмъ не то, что хочешь. Мысли, подобно людямъ, утратили свою индивидуальность, и высказавъ свой взглядъ общепринятыми терминами (а другихъ мнѣ взять не-откуда), вы первый подведете его подъ готовую мѣрку, наклеите на него готовый номеръ — и подъ этимъ номеромъ сдадите въ древлехранилище отжившихъ взглядовъ на искусство. Мое самолюбіе отъ этого пострадаетъ, но это, положимъ, не важно: важно то, что возможность требованій отъ искусства, которыя я считаю правильными, будетъ скомпрометтирована, — высокомерное и пренебрежительное къ нимъ отношеніе найдетъ себѣ новую точку и новую опору. Этого бы я никакъ не хотѣлъ. Пусть мысль, если она вѣрна, высказается, когда совсѣмъ выпрѣветъ.

— Но, — возразилъ художникъ, — если-бъ всё рассуждали, какъ вы, люди были бы осуждены вѣчно вертѣться въ кругѣ однихъ и тѣхъ же общепринятыхъ воззрѣній, даже когда они уже болѣе никому не удовлетворяютъ. Новые требованія всегда являются сперва въ старой одеждѣ — и обыкновенно проходятъ много времени, пока онѣ успѣютъ выработать себѣ новыя, вполнѣ имъ отвѣчающія формы. Если вы не курите опіума передъ своею особой и хотите служить людямъ и обществу, — какое вамъ дѣло до того, что подумаютъ о васъ и вашихъ взглядахъ? Выскажите то, что вы думаете, и предоставьте другимъ выбрать изъ вашихъ словъ ту крупину правды, какая въ нихъ можетъ заключаться. Если окажется, что въ вашихъ мнѣніяхъ нѣтъ ничего новаго и полезнаго, — это васъ заставитъ вновь обдумать ваши взгляды и дать вашимъ мыслямъ другое направленіе; а найдется, что вы правы, — тѣмъ лучше для васъ.

— Итакъ, — сказалъ я, — вы хотите, чтобъ я шелъ противъ общепринятыхъ воззрѣній на искусство въ первой шеренгѣ, и палъ съ нею, въ сладкой надеждѣ, что, быть можетъ, вторая, третья одержитъ побѣду? Извольте...

«Искусство, — говорятъ одни, — дѣлаетъ видимые, большіе успѣхи у насъ и всюду». «Искусство, видимо, мельчаетъ, падаетъ, обращается въ прихоть и предметъ роскоши», — говорятъ другіе.

Оба взгляда совершенно правы. Только они относятся къ двумъ разнымъ сторонамъ искусства.

Выработка его формъ, техники, совершенство выполненія, въ смыслѣ точнаго соотвѣтствія представленіямъ, никогда еще не достигали такой высоты, какъ теперь. Съ этой точки зрѣнія, величайшіе мастера прежняго времени превзойдены современными художниками.

Но точное соотвѣтствіе представленіямъ есть, какъ я сказалъ, только одна сторона искусства. Что она сторона существенная, что безъ нея искусство перестаетъ быть искусствомъ — это бесспорно; но она еще не все искусство, — далеко его не исчерпываетъ.

Съ точки зрѣнія техники, формы, содержаніе художественнаго произведенія безразлично. Создавайте что угодно; если объективная сторона художественнаго произведенія вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ — оно, въ объективномъ смыслѣ, можетъ быть названо совершеннымъ. Художественное наслажденіе, при такомъ взглядѣ, можетъ состоять только въ удовольствіи, какое намъ даетъ совершенно точное соотвѣтствіе предмета нашимъ представ-

леніямъ. Содержаніе оставляется при этомъ въ сторонѣ. Мы его забываемъ и наслаждаемся тѣмъ, что то, что мы себѣ представляемъ, является передъ нами какъ живое, точно сама реальная дѣйствительность. Къ этому примѣшивается еще и чувство удивленія мастерству художника и восхищеніе торжествомъ искусства, могуществомъ человѣка, — создать новый міръ рядомъ съ дѣйствительнымъ.

Станьте исключительно на эту точку зрѣнія, и искусство necessarily обратится въ фокусъ-покусъ, въ кунштштукъ. Художественное творчество будетъ только доказывать, что человѣкъ способенъ создавать предметы и явленія, очень точно отвѣчающіе нашимъ представленіямъ, другими словами — оно окажется одною изъ особенностей и курьёзовъ человѣческой природы, отличающихъ людей отъ остальныхъ организмовъ. Вотъ и все.

Въ самомъ дѣлѣ, если вся суть искусства въ томъ только и состоитъ, чтобы создавать предметы, совершенно отвѣчающіе нашимъ представленіямъ, если художественное наслажденіе только и заключается въ констатированіи этого соответствія, съ примѣсью удивленія къ художнику и къ способностямъ, мощи и уму человѣка, то содержаніе художественнаго творчества и художественнаго наслажденія становится совершенно безразличнымъ. Пишете ли вы воду или портретъ, перламутръ или видъ Неаполя, кучку грязи или Петра Великаго, или жука, — это все равно. Вся разница только въ болѣе сложной и трудной задаче, выполненіе которой требуетъ болѣе большого искусства, болѣе сообразительности и умѣнья справиться съ дѣломъ. Какъ большинство англичанъ, съ каталогами въ рукахъ, проходятъ по заламъ музея, интересуясь больше всего тѣмъ, дѣйствительно ли находится статуя или картина на томъ мѣстѣ и подъ тѣмъ номеромъ, какъ значится въ каталогѣ, такъ и мы, публика, при такомъ возвращеніи на задачи искусства, будемъ наслаждаться только тѣмъ, что представленіе схвачено вѣрно и живо; а какое оно, это представленіе — объ этомъ она не задумается, не станетъ спрашивать.

Противники такого возвращенія называютъ его натурализмомъ, реализмомъ въ искусствѣ. Но это одна клевета на реализмъ. Взглядъ этотъ вызванъ, какъ крайность, борьбою съ притязаніями псевдо-классицизма въ искусствѣ, представляющаго другую крайность.

Псевдо-классицизмъ признаетъ достойнымъ предметомъ художественнаго наслажденія только произведенія искусства прошлыхъ вѣковъ, признаваемые классическими; художественныя со-

зданія, соотвѣтствующія представленіямъ современнаго человѣка, считаются имъ достойными вниманія только въ той мѣрѣ, какъ они приближаются къ классическимъ. Такимъ образомъ, псевдо-классицизмъ беретъ за образецъ художественнаго творчества не дѣйствительныя явленія, которыя вызываютъ такія представленія, а произведенія классическаго искусства, не представленія, а формы, созданныя прежними людьми, въ соотвѣтствіи съ своими представленіями, — вотъ что, по мнѣнію псевдо-классиковъ, должно служить прототипомъ для художественныхъ созданій современныхъ.

Что изученіе классическихъ образцовъ и подражаніе имъ есть одинъ изъ лучшихъ приѣмовъ для образованія и воспитанія начинающихъ художниковъ, противъ этого едва ли кто будетъ спорить. Основательное знаніе исторіи искусства навсегда останется лучшимъ способомъ развитія художественнаго вкуса. Но этими способами и приѣмами художники только вырабатываютъ технику, приобрѣтаютъ свѣдѣнія и навыки, необходимые для художественнаго творчества; а самое творчество, котораго единственная задача — создавать предметы, точно и вѣрно соотвѣтствующіе представленіямъ — не должно и не можетъ быть ограничено подражаніемъ чужимъ созданіямъ. Служивая творчество готовыми образцами, мы существенно искажаемъ самыя задачи искусства. Живыя представленія — его единственные прототипы — уходятъ при подражаніи на второй планъ, а мѣсто ихъ заступаютъ готовые формы. Въ нихъ, безъ сомнѣнія, многое превосходитъ, если хотите, образцово выражаетъ нѣкоторыя стороны и нашихъ теперешнихъ представленій; но въ нихъ за то много и такого, что нашимъ представленіямъ вовсе чуждо, да и превосходящее, образцовое, во всякомъ случаѣ, является въ сочетаніяхъ, до того намъ чуждыхъ, что нужно глубокое изученіе и большая опытность, большой навыкъ, чтобы отличить въ нихъ общее всѣмъ людямъ и свойственное только представленіямъ людей той или другой эпохи. Ставя художественному творчеству образцомъ не представленія, а готовые формы, выработанныя по чужимъ представленіямъ, псевдо-классицизмъ подрѣзываетъ его подъ самый корень. Псевдо-классицизмъ дѣлаетъ съ искусствомъ то же, что нѣкогда схоластика сдѣлала съ наукой, подставивъ ей, въ видѣ предмета изученія, вмѣсто живой, реальной дѣйствительности, выработанныя логическія формы.

Неестественное отклоненіе вниманія и мыслей художниковъ отъ представленій и живыхъ явленій къ готовымъ формамъ художественнаго творчества создало такое же неестественное по-

нiе о вѣчно-прекрасномъ, которое будто бы воплотилось преимущественно въ извѣстныхъ произведенiяхъ искусства, и обязательное созерцанiе въ этихъ произведенiяхъ вѣчной красоты. Люди начали становиться на ходули, чтобы настроить себя на ладъ этого прекраснаго; появился дѣланный восторгъ, выродившiйся въ пустую фразу, въ пустыя слова. Выломавшие себя на убѣжденiи, что только классическiя произведенiя искусства — прекрасны, что художественно-развитой и образованный человекъ только ими можетъ наслаждаться, дошли, мало-по-малу, до квинтизма въ созерцанiи художественной красоты, до смакованiя произведенiй искусства, до своего рода художественнаго сибаритства и сладострастiя. Этимъ весь смыслъ и все значенiе искусства были въ конецъ извращены.

Такое уродливое отношенiе къ художественнымъ созданiямъ, дойдя до послѣднихъ предѣловъ манерности, не могло не вызвать рѣзкаго протеста. Люди мыслящiе, сильные и искреннiе, не способные рутинно тащиться по пробитой колеѣ, возмущенные крайностями, до которыхъ довелъ псевдо-классицизмъ, круто повернули въ противоположную сторону, отворотились отъ классическихъ созданiй искусства и бросились, очертя голову, въ одно-стороннiй натурализмъ и реализмъ, или стали отрицать искусство.

Теперь классическiя и антиклассическiя увлеченiя въ искусствѣ прошли. Борьба притихла не оттого, что разрѣшилась соглашенiемъ, примирительнымъ аккордомъ, а просто отъ истощенiя силъ. Наступило какое-то сѣренькое время; не замѣтно ни сосредоточенной мысли, ни опредѣленнаго направленiя. Въ проторенныя колеи нельзя ужъ больше ступить, а новые пути еще не найдены и нѣтъ силъ ихъ искать. Такъ у насъ и во всемъ. А между тѣмъ чувствуется, что что-то нужно, чего-то недостаетъ; что должны же быть какiя-нибудь дороги къ открывающимся новымъ просвѣтамъ.

Когда люди остановились на распутьи, въ недоумѣнiи, что начать, куда идти, — очень трудно говорить, не впадая въ гаданiя и фантазию. Если мысль стала въ тупикъ и развитiе на время остановилось, то это вѣрный признакъ, что упущенъ изъ виду какой-нибудь факторъ, которымъ обуславливается развитiе. Его необходимо ввести въ дѣло, чтобы началась новая, живая работа, чтобы пульсъ жизни снова началъ биться.

Мнѣ кажется, что ключъ къ возрожденiю художественнаго творчества, къ восстановленiю глубокаго влiянiя искусства на людей, скрывается въ субъективной сторонѣ представленiй. На нее обращается въ наше время слишкомъ мало вниманiя, какъ

смыслъ искусство есть, на ряду съ знаніемъ, съ вѣрованіями, съ юридическими и нравственными условіями обществія, великій воспитатель людей и двигатель общественной жизни. Эта мысль, какъ сказано, не разъ представлялась уму, но, по недостатку правильныхъ теоретическихъ основаній и благодаря недоразумѣніямъ, которыя изъ того возникали, каждый разъ падала и терялась. Теперь пора выдвинуть ее впередъ, возвести въ принципъ, дать ей право гражданства въ теоріи искусства и принасться за ее осуществленіе...

— Итакъ,—рѣзко перервалъ меня художникъ,—вы хотите, чтобы художники проповѣдывали мораль посредствомъ художественныхъ произведеній? Вы желаете, чтобы мы писали картины по прописямъ, на темы, въ родѣ того, что добродѣтель похвальна, а порокъ достоинъ наказанія? Покорно благодарю за такую задачу! Я кисти не возьму въ руки, палецъ о палецъ не ударю, чтобы увидѣть художество до тавой плоскости! Да и вы сами себя противорѣчите, ставя намъ такіа задачи: не вы ли сами возстаєте противъ тенденціозности въ художественныхъ произведеніяхъ, не любите картинъ и стиховъ, написанныхъ на темы гражданскихъ добродѣтелей и гражданской скорби? Какъ же вы можете рекомендовать художникамъ упражняться въ подобныхъ произведеніяхъ?..

— Ну, не правъ ли я былъ,—возразилъ я,—отказываясь высказывать свои мысли? Вѣчныя недоразумѣнія! Видно, намъ суждено никогда изъ нихъ не выбраться. И добро бы другой кто, вовсе незнакомый, приписалъ мнѣ то, въ чемъ вы меня упрекаете: въ этому у насъ волей-неволей привыкнешь. Но вы, кажется, хорошо знаете мой образъ мыслей. Вы не можете сомнѣваться въ томъ, что я не только не люблю тенденціозности въ искусствѣ, но не люблю и нравственныхъ сентенцій, произносимыхъ съ цѣлью преподавать уроки добродѣтели. Если термины, которыми я обозначилъ задачи искусства, вамъ не нравятся,—Богъ съ ними, отбросьте ихъ и замѣните другими, но поймите же, что я хочу сказать. Мысль моя вотъ какая: вы не станете спорить, что наши ощущенія, чувства, настроенія, стремленія—результатъ воздѣйствія вѣшнихъ впечатлѣній на нашу психическую природу или на нашу душу?

— Положимъ, что такъ. Ну, что-жъ дальше?

— Вы, вѣроятно, согласитесь и съ тѣмъ, что ощущенія, чувства, настроенія, стремленія усиливаются, когда они часто повторяются въ душѣ, и, наоборотъ, ослабѣваютъ, когда мы въ нихъ не упражняемся. Душа, какъ и тѣло, можетъ приучаться

и разучаться. Есть психическія привычки, какъ есть привычки тѣла, желудка, пальцевъ, глаза — и такъ далѣе. Эти психическія привычки, подобно тѣлеснымъ, пріобрѣтаются упражненіемъ и навыкомъ.

— Все это вѣрно, но что-жъ изъ этого слѣдуетъ?...

— Пойдемте по порядку, чтобъ потомъ не возвращаться назадъ. Задача воспитанія въ томъ и состоитъ, чтобъ у человѣка, общества, народа сложились хорошія тѣлесныя и психическія привычки и не слагалось дурныхъ. Эта цѣль достигается тѣмъ, что мы, при помощи разныхъ пріемовъ, ослабляемъ дурныя наклонности, не даемъ имъ обратиться въ привычки, и, наоборотъ, помогаемъ развиться хорошимъ наклонностямъ и расположеніямъ, способствуемъ тому, чтобъ онѣ обратились въ привычки. Упражненіе однихъ, неупражненіе другихъ — въ этомъ вся тайна воспитанія, и душевнаго, и тѣлеснаго.

Нравственность есть не что иное, какъ результатъ такого воспитанія чувствъ, душевныхъ стремленій и настроеній. Не моя вина, что подъ нравственнымъ воспитаніемъ или морализаціей обыкновенно разумѣютъ холодное, безучастное навязываніе сентенцій, такъ-называемыхъ нравственныхъ правилъ, которыми сами проповѣдующіе ихъ часто не вѣрятъ, которыя они на каждомъ шагу нагло нарушаютъ предъ глазами самихъ морализируемыхъ. О внушеніи нравственности этимъ способомъ не можетъ быть двухъ мнѣній и, конечно, не о немъ я говорю. Этотъ способъ вытекаетъ изъ теоретической ошибки и практикуется теперь только по незнанію или по недоразумѣнію. Если хорошенько разобратъ, чтó у насъ обыкновенно разумѣютъ подъ правилами нравственности, то окажется, что они представляютъ правила, обязательныя для нашихъ внѣшнихъ поступковъ, которыя мы должны исполнять, подъ страхомъ наказанія, или сужденія, которыя могутъ быть убѣдительны для разсудка. Но мысль, выражая объективный законъ того, чтó существуетъ, не имѣетъ никакого отношенія къ нравственности, къ добру и злу. Природа и ея законы неизмѣнны и неумолимы; въ фактахъ есть своя непреклонная логика, какъ въ бѣгѣ локомотива, который давитъ все, чтó ему попадетъ на пути. Весь объективный міръ есть рядъ явленій, обусловленныхъ другъ другомъ и совершающихся съ неизбѣжною, роковою правильностью каждый разъ, когда всѣ ихъ условія налицо. Мысль, логика только выражаетъ эту неизмѣнность въ формѣ общихъ положеній и законовъ, которые не имѣютъ съ нашими чувствами, желаніями, стремленіями никакой связи, могутъ съ ними случайно совпадать, но также случайно могутъ съ ними и расхо-

дятся. Точно также и правила, обязательныя для поступковъ, не относятся къ субъективной жизни лица. Если я исполнилъ требованіе, обращенное ко мнѣ въ видѣ внѣшняго правила, то я правъ, и никому нѣтъ до моихъ чувствъ никакого дѣла, какъ бы я ни выполнилъ требованіе—съ внутреннимъ убѣжденіемъ и желаніемъ или противъ воли, не-хотя. Но нравственность не есть область ума, мысли, сужденія, ни область внѣшнихъ дѣйствій, обязательныхъ для каждаго подъ страхомъ вышесказаній. Она—мїръ внутреннихъ ощущеній, чувствъ, стремленій, чамій, желаній, настроеній, мїръ личной свободы, источникъ влюбленныхъ дѣйствій. Въ мысляхъ своихъ человѣкъ долженъ подчиниться доводамъ, фактамъ знанія, законамъ логики; въ своихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ онъ вынужденъ, волей-неволей, сообразоваться съ правилами, обязательными въ томъ обществѣ, гдѣ живетъ; только чувство, психическія, субъективныя движенія составляютъ область, надъ которой никто не волеетъ, съ которой мы сами не всегда можемъ справиться; они есть наша индивидуальная жизнь, мы сами лично. Она можетъ идти и часто идетъ въ разрѣзъ съ убѣжденіями мысли, съ требованіями среды, въ которую насъ поставила судьба. Въ такомъ случаѣ наши индивидуальныя стремленія, наша личная жизнь или подавляется, теряетъ силу, упругость, энергію и мало-по-малу замираетъ, или она силится высвободиться изъ-подъ оковъ мысли, логики, искажаетъ ихъ и перетолковываетъ согласно съ своими требованіями и отвергаетъ или пробуетъ обойти правила, обязательныя для внѣшнихъ поступковъ. Жизнь людей, обществъ, народовъ, всего человѣческаго рода вертится на возможномъ соглашеніи и выравниеніи нашихъ желаній съ внѣшними обязательными условіями существованія. Послѣднія мы стараемся, посредствомъ искуснаго сочетанія условій, измѣнить соответственно съ нашими желаніями; точно также и наши личныя требованія, стремленія и душевныя движенія мы вынуждены ограничивать, видоизмѣнять, отчасти вовсе заглушать, чтобы по возможности приладить ихъ къ неизбежнымъ и неотвратимымъ внѣшнимъ условіямъ.

Къ этому взаимодѣйствію и борьбѣ объективнаго съ субъективнымъ, личнаго и индивидуальнаго съ общимъ и обстановкой сводится, въ концѣ-концовъ, все, что дѣлаетъ человѣкъ и что съ нимъ дѣлается. Возможное ихъ соглашеніе есть цѣль всей человѣческой дѣятельности, личной и коллективной. Но такое соглашеніе имѣетъ свои предѣлы, и можно предсказать, не будучи пророкомъ, что полнаго совершеннаго соглашенія никогда достигнуть не будетъ; объективное и субъективное, внѣшнее и

внутреннее, личность и обстановка ея никогда не будутъ совпадать въ окончательныхъ результатахъ своей дѣятельности. Именно поэтому есть предѣлъ приспособленію и прилаживанію человѣкомъ вѣншей обстановки къ его личнымъ желаніямъ и требованіямъ, за которыми ему только остается приладить и приспособить свои требованія и желанія къ недобѣдимымъ вѣншимъ условіямъ. Къ этому приводятъ и доводы знанія и логики, и правила вѣншихъ поступковъ; послѣднія, разумѣется, когда они не могутъ быть нарушены безнаказанно. Но всего этого недостаточно. Нужно, чтобъ наши желанія, стремленія и душевныя движенія не шли въ разрѣзъ съ объективными условіями личнаго существованія, иначе то, что происходитъ внутри насъ, будетъ безпрестанно прорываться вопреки доводамъ логики и несмотря на страхъ наказаній за нарушеніе правилъ для поступковъ. Самая непоколебимость этихъ правилъ держится лишь обществомъ, людьми, и потому если большинство будетъ ихъ обходить, что обыкновенно очень выгодно для отдѣльнаго лица, то правила обратятся въ мертвую и стѣснительную форму, которая, наконецъ, будетъ совсѣмъ отброшена, и цѣлое общество впадетъ въ хаосъ и неурядицу.

Но для того, чтобъ наши внутреннія движенія и чувства не шли въ разрѣзъ съ необходимыми и неотвратимыми вѣнними условіями, нужно воспитать чувство, стремленіе и волю въ извѣстномъ направленіи. Воспитаніе же, какъ мы видѣли, состоитъ только въ выработкѣ привычекъ. Справиться съ міромъ нашей свободы можно не иначе, какъ дѣйствуя на него не однимъ развитіемъ ума, не одною твердостью, неоволебимостью вѣннихъ условій, но и постепеннымъ воспитаніемъ психическихъ predispositions и наклонностей, образованіемъ психическихъ привычекъ, располагающихъ къ добру, дѣлающихъ насъ по-крайней-мѣрѣ не слишкомъ падкими къ злу. Такое психическое воспитаніе и есть нравственное развитіе, какъ я его понимаю. Оно даетъ намъ силу бороться въ самихъ себѣ съ дурными побужденіями и побѣждать ихъ, до тѣхъ поръ, пока владѣніе собой, господство надъ своими желаніями, чувствами и настроеніями не обратится въ привычку, при которой внутренняя борьба и побѣда добрыхъ побужденій надъ дурными становится очень легкой.

Между различными способами нравственнаго воспитанія въ этомъ смыслѣ одно изъ самыхъ сильныхъ и дѣйствительныхъ есть искусство. Только оно владѣетъ тайной вызывать по произволу представленія, а чрезъ нихъ чувства, желанія, стремленія. Наука и логика и вѣнняя обстановка ограничиваютъ, стѣсняютъ,

дѣйствуютъ на человѣка принудительно; одно искусство можетъ направить и воспитать его, незамѣтно побуждая его добровольно идти по тому пути, по которому оно хочетъ его вести.

Вотъ это-то великое дѣло душевнаго, нравственнаго воспитанія людей искусство и должно взять въ свои сильныя руки. Это его задача и рано или поздно оно ее себѣ поставитъ. Такимъ оно было въ разныя эпохи своего развитія, хотя, можетъ быть, и не совѣсть ясно сознавало это свое призваніе. Теперь, когда оно одолѣло главныя техническія трудности, вполне овладѣло объективными условіями творчества, и наступаетъ пора завоеваній и побѣдъ его въ области субъективныхъ движеній человѣка посредствомъ художественныхъ созданій, направленныхъ въ воспитанію нравственныхъ привычекъ людей.

Если вы меня спросите, какими путями искусство можетъ достигнуть этой цѣли, я не сумѣю вамъ отвѣтить. Цѣль для меня совершенно ясна, но пути представляются смутно и сбивчиво. И не мнѣ одному. Никто еще, сколько я знаю, не старался осмыслить, возвести въ теорію, какъ и почему многіе художники достигали, своими произведеніями, нравственно-воспитательныхъ цѣлей. Мыслящіе художники, основательно знакомые съ исторіей искусства, могли бы оказать, въ этомъ отношеніи, существенныя услуги. Очень можетъ быть, что общихъ теоретическихъ правилъ и нельзя указать, что каждая эпоха, каждый народъ, каждая школа искусства должны для этого создавать свои приемы, соображаясь съ наклонностями, вкусами, степенью образованія и требованіями публики, для которой предназначены художественныя созданія. При совершенной невнятности вопроса остаются пока однѣ лишь общія мысли, которыя вѣроятно всякому приходили въ голову, при поверхностномъ знакомствѣ съ нѣкоторыми произведеніями искусства. Такъ, для достиженія высшихъ цѣлей, искусству вовсе нѣтъ надобности дѣлаться тенденціознымъ. Тенденціозность только вредитъ дѣлу. Картина, театральная или музыкальная пьеса, литературное произведеніе, статуя, архитектурное зданіе не могутъ и не должны быть выраженіемъ нравственной сентенціи. Это не ихъ задача, и превышаетъ средства, которыми располагаетъ искусство. Мнѣ смѣшно, когда художникъ выводитъ героемъ гражданской доблести, олицетвореннымъ протестомъ противъ низости и лести, Волинскаго, когда я знаю, что роль эта вовсе въ нему нейдетъ. Для меня обаяніе художественнаго произведенія многомъ исчезаетъ, какъ только я замѣчаю намѣреніе поучать меня политикѣ или добродѣтели. Я требую, чтобъ оно дѣйствовало на мое настроеніе, а не на мое сужде-

ніе, на мое чувство, а не на мой умъ: выводы и примѣненіе я сдѣлаю и безъ помощи художника, можетъ-быть, лучше его, во всякомъ случаѣ не хуже и впрямъ въ тысячѣ такихъ случаевъ, которыхъ онъ ни знать, ни предвидѣть не можетъ. Я отдаю художественному произведенію исполнѣ только до тѣхъ поръ, пока оно дѣйствуетъ на строй моей души, но тотчасъ отъ него отворачиваюсь, когда вижу, что изъ-за него выглядываетъ художникъ съ указкой въ рукѣ и съ намѣреніемъ учить меня азбукѣ состраданія, человѣколюбія и другихъ благородныхъ и возвышенныхъ душевныхъ движеній. Я признаю за художникомъ право воспитывать во мнѣ чувство любви къ ближнему, состраданія, правды, дѣлать меня чуткимъ къ благодатнымъ настроеніямъ, но только такими способами, какими это дѣлаетъ окружающая природа и реальная дѣйствительность; онѣ вліяютъ на насъ не тѣмъ, что мы непосредственно принимаемъ внѣшними органами чувствъ, а тѣми ощущеніями, чувствами и настроеніями, какія въ насъ возбуждаютъ внѣшнія впечатлѣнія. Вся разница между искусствомъ и дѣйствительностью въ этомъ отношеніи только та, что первое можетъ дать намъ преднамѣренно, съ выборомъ, по обдуманному плану то, что послѣдняя даетъ случайно, разрозненно, безъ выбора и плана.

Высказанный взглядъ выражаетъ, разумѣется, мои личныя требованія. Дѣлаясь ими, я только выполняю то, чего вы желали, и, сознаюсь, не умѣю осмыслить, то-есть возвести въ теорію то, что бы мнѣ хотѣлось видѣть въ художественныхъ созданіяхъ. Гоголь, Щедринъ, Некрасовъ меня болѣе морализировали, чѣмъ иное собраніе проповѣдей; Тургеневъ «Записками Охотника», Базаровымъ, «Дымомъ», «Новью» дѣйствуетъ на меня сильнѣе, чѣмъ прочими своими созданіями, которыми всѣ восхищались; собраніе рисунковъ г-жи Бѣмъ болѣе дѣйствуетъ на мое душевное настроеніе, чѣмъ Мадонны Мурильо, Леонардо да-Винчи и даже Рафаэля, исключая одной сикстинской. «Пляска смерти» Гольбейна, даже въ плохихъ изображеніяхъ, всегда производила на меня гораздо болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ «Ночь» Корреджіо; «Лѣсъ» Шишкина, «Грачи прилетѣли» Саврасова говорятъ мнѣ несравненно больше, чѣмъ всѣ картины съ гражданскими мотивами, вмѣстѣ взатыя.

Вы скажете, что это дѣло личнаго вкуса и, главное, личнаго опыта, въ которыхъ всегда много случайнаго, не поддающагося никакимъ общимъ соображеніямъ, и будете совершенно правы. Я стою только на томъ, что задачи искусства не въ одномъ точномъ соответствіи представленіямъ, но—вмѣстѣ съ тѣмъ—и въ

развитіи душевнаго строя, психическихъ привычекъ людей въ сторону добра и правды. Въ первомъ отношеніи искусство видимо совершенствуется, идетъ безпрерывно впередъ; во второмъ — я вижу въ немъ теперь какую-то неопредѣленность и шаткость, которая доказываетъ невнятность мыслей и задачъ. Есть, правда, попытки связать искусство съ общими требованіями развитія, но онѣ по болышей части неудачны, переходятъ, если можно такъ выразиться, въ резонерство образами и звуками, выводить искусство изъ его области въ другія. Ясно опредѣлять цѣль, открыть настоящіе пути, указать и разработать средства ея достиженія — вотъ, мнѣ кажется, въ чемъ отнынѣ задача современнаго искусства и художественнаго творчества. Неясныя намеки, робкія, случайныя или полусознательныя попытки надо провѣрить, возвести въ принципъ, поставить краеугольнымъ камнемъ искусства въ будущемъ. Безъ этого оно обратится въ игрушку, въ забаву, въ предметъ роскоши и пресмыченія, въ чемъ его уже и упрекаютъ. Создавать предметы и явленія, которые вызываютъ въ насъ представленія со всею живостью и правдою реальной дѣйствительности, очевидно, есть только одна сторона искусства; другою — возбужденіемъ чувствъ, стремленій, настроеній — оно соприкасается съ вѣрованіями, политическимъ и общественнымъ строемъ, наукой, ученіемъ о нравственности (этикой). Всѣ они, какъ и искусство, существуютъ для человѣка, имѣютъ значеніе и смыслъ только по отношенію къ нему, потому что выражаютъ только его представленія и понятія объ окружающемъ мірѣ и его отношеніяхъ къ этому міру.

Но на представленіяхъ и понятіяхъ человѣкъ не останавливается. Они служатъ ему точной опорой для дѣятельности, которая состоитъ въ приспособленіи окружающаго къ себѣ и въ прилаживаніи себя къ нему. По мѣрѣ того, какъ выясняется, что теоретическое знаніе, объективное отношеніе, не есть послѣдняя цѣль, что за нимъ слѣдуетъ еще дѣятельность, — творчество въ указанномъ смыслѣ, созерцаніе философское, эстетическое и всякое другое отходитъ на второй планъ, и вездѣ, во всемъ чувствуется потребность дополнить чистое знаніе прикладной наукой, теорію — практикой. Въ области вѣрованій это уже вопросъ рѣшенный; въ ней давно провозглашено, что «вѣра безъ дѣлъ мертва». На этотъ же путь направляются, все болѣе и болѣе сближаясь между собою, и всѣ отрасли знанія. Этика, наука по-преимуществу прикладная и практическая, преобразившись въ сумму правилъ и въ теорію, потеряла всякое вліяніе; философія, развившись въ ученіяхъ идеалистовъ и крайнихъ матеріалистовъ до чистой теоріи, изъ которой всѣ

выходы къ сознательной дѣятельности на-глухо заволочены, почти сошла со сцены и перестала занимать умы; право и справедливость, долго считавшіяся въ себѣ замкнутой, обособленной и исключительной областью—до того, что даже сложились чудовищная поговорка: «*fiat justitia, pereat mundus*»¹⁾—теперь уже смотреть на себя только какъ на одно изъ условій существованія человѣка въ обществѣ и притомъ условій, по своему содержанию, тѣсно зависящихъ отъ всей обстановки индивидуальной и общественной жизни—въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ; политическая экономія, еще недавно проповѣдывавшая одни чистые законы создаванія цѣнностей, предложенія и запроса и безсердечно принимавшая всѣ послѣдствія ихъ исключительнаго господства, на нашихъ глазахъ должна была склонить голову передъ высшими требованіями правильного, разумнаго и справедливаго распредѣленія цѣнностей въ виду государственной и общественной пользы. О естественныхъ наукахъ и говорить нечего: въ нихъ примѣненія теоріи къ практическимъ потребностямъ съ незапамятныхъ временъ получили право гражданства, и тѣсная связь знанія съ дѣятельностью, собственно, никогда не разрывалась. Такимъ образомъ, все указываетъ, что знаніе, теорія, рано или поздно, переходитъ въ практическое примѣненіе или замираетъ; цѣль же практическаго примѣненія знанія, теоріи есть удовлетвореніе пользамъ, нуждамъ, потребностямъ человѣка въ обществѣ. Это единство назначенія сближаетъ между собою всѣ отрасли знанія, разрозненные объективнымъ отношеніемъ къ предметамъ и явленіямъ.

Искусство не можетъ безнаказанно отставать отъ этого общаго движенія. Художественное творчество должно служить въ рукахъ художника средствомъ для нравственнаго дѣйствія на людей. Наряду и вмѣстѣ съ вѣрованіями, ученіемъ о нравственности, государственными и общественными порядками, политической экономіей, естественными науками, искусство коренится въ человѣкѣ и должно его развивать, совершенствовать въ обществѣ и служить свѣточемъ въ его индивидуальной и общественной дѣятельности. Возникнувъ изъ человѣка и его потребностей, они и существуютъ для него. Теперешнее умаленіе людей и характеровъ, страсть къ наживѣ и наслажденіямъ, отсутствіе высшихъ стремленій и нравственная испорченность оттого только и происходятъ, что цѣли знанія и творчества едва только намѣчены, связь того и другого между собою и съ ихъ общимъ ис-

¹⁾ Пусть погибаетъ міръ, лишь бы совершилась правда.

точникомъ — психическою стороною человѣка — еще не вполне выяснена. Но время должно взять свое. Искусство, въ общемъ движеніи, должно бы идти впереди, указывая дорогу знанію, облегчая ему провидѣніе его послѣдней цѣли. Не даромъ древніе смѣшивали поэтовъ съ пророками.

Успѣлъ ли я убѣдить собесѣдника — не знаю. Если онъ послѣ хоть на минуту задумался надъ тѣмъ, во чтѣ я такъ горячо вѣрю, — чтѣ составляетъ основаніе всѣхъ моихъ взглядовъ, то цѣль моя вполне достигнута. Странно было бы мечтать, что художникъ приметъ программу, которой я и самъ не умѣлъ ясно формулировать. Слишкомъ довольно и того, если онъ возьмется за проверку задачи, безъ разрѣшенія которой, я убѣжденъ, немислимы теперь никакіе успѣхи искусства.

К. Кавелинъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ „ФАУСТА“ ЛЕНАУ.

I-й ТАНЕЦЪ.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ХАРЧЕВНЯ. МУЗЫКА И ПЯСКА.

МЕФИСТОФЕЛЬ — *одѣтый охотникомъ,
заглядывая въ окно.*

Взгляни въ окошко, милый мой:
Вотъ такъ веселье! Маршъ за мной!

Входитъ съ Фаустомъ.

Любовь красотки темнокудрой
Вкуснѣ книги велемудрой.

ФАУСТЪ.

Не знаю: что-то въ этотъ мигъ
Со мною странное творится: —
Бушуетъ кровь, душа томится
И новый пламень въ грудь проникъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Твой взоръ горитъ отъ ликованья
И рвутся бурныя желанья
Изъ черной тьмы души твоей:
Бери изъ дѣвушекъ люблю,
Хватай красотку молодую
И въ танецъ мчись отважно съ ней!

ФАУСТЪ.

Меня къ красотѣ черноокой
Влечетъ бушующая кровь:
Ея очей огонь глубокий
Сулитъ и нѣгу, и любовь;

Румянцемъ яркимъ щеки пынутъ
 И молодою жизнью дынутъ;
 О, еслибъ къ ней припасть на грудь,
 Къ устамъ пылающимъ прильнуть,
 И усыпить свое сознанье
 На ложѣ страстнаго лобзанья!
 Какъ грудь вздымается у ней
 Волной пѣвительной и страстной!
 О, еслибъ стать ей прекрасный
 Я могъ обвить рукой своей!
 О, какъ прелестно лежатъ черныи,
 Прическѣ тѣсной непокорныи,
 Сбѣгають черною змѣей
 Вкругъ шеи, взоръ плѣняя мой!
 Я не могу безъ упоенья
 Смотрѣть на милое творенье,
 Но подойти къ ней не рѣшусь:
 Не знаю самъ, чего боюсь.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Я удивляюсь! Странны мнѣ вы,
 Клянусь, потомки грѣшной Евы!
 Боятся дѣвки, чудодѣи,
 А не боятся бездны ада;
 А дѣвка бойкая, ей-ей,
 Сама была бы ласкамъ рада!

Обращается къ музыкантамъ.

Эхъ, люди добрые! совсѣмъ
 Вы съ вашей музыкой заснули!
 Запѣли Лазаря! Зачѣмъ
 Свой скучный вальсъ вы затянули!
 Всѣ пляшутъ вяло, какъ во снѣ:
 Подайте лучше арфу маѣ, —
 Совсѣмъ другое будетъ дѣло!
 Всѣ оживутъ, ругаюсь смѣло!

Охотнику арфу арфасть подаетъ, —
 Охотникъ звенящую арфу беретъ
 И бьетъ по струнамъ, и со струнъ во мгновенье
 Срываються звуки любви и томленья,

Рокочутъ, и шепчутъ, и льются ручьёмъ,
 Какъ говоръ влюбленныхъ во мракѣ nocturno.
 Такъ волны струятся, журча и сверкая
 И дѣвы-купальщицы станъ любявая,
 Лаская красавицу въ сладостный мигъ.
 Но вдругъ раздаётся пронзительный крикъ,—
 Тó дѣва вьвается въ испугѣ и гнѣвѣ:
 Бросается пламенный юноша къ дѣвѣ,
 Тростникъ раздвигая,—и рвется она,
 И скачетъ, и стонетъ, и бѣется струна.
 Недолго неровная битва продлится,
 Влюбленному дѣва должна покориться;
 Онъ проситъ, онъ молитъ, онъ цѣли достигъ,—
 Въ объятіяхъ дѣвы на грудь ей понижъ.
 Но яростно струны гремятъ начинаютъ:
 Два юноши въ бой въ-за дѣвы вступаютъ;
 Чу! звуки смягчились: одинъ побѣждёнъ,
 Объятіями дѣвы другой награждёнъ,—
 И нѣжнымъ дуэтомъ любви, замирая,
 Пронесется звуки, стена и вздыхая;
 Какъ шопотъ красавицы-дѣвы рѣчей,
 Какъ юноши вздохи въ объятіяхъ у ней,—
 Такъ звуки рокочутъ, гремя, пламеня,
 Сильнѣй и сильнѣе, страстнѣй и страстнѣе;
 И флейтистки, флейты свои побросавъ,
 Кидаются въ пляску, красавицъ обнавъ,
 И въ бѣшеномъ танцѣ, любовью пылая,
 Вокругъ завертѣлась толпа молодая;
 Отъ зависти бѣдныхъ, стѣны дрожать,
 Какъ будто бы въ пляску пуститься хотятъ.
 Но Фаустъ ликующій, всѣхъ обгоняя,
 Летитъ, черноокую дѣву лаская,
 Клянется въ любви безграничной своей
 И въ дверь вылетаетъ открытую съ ней,
 И по полю мчится, сжимая ей руки,
 И мчатся въ догонку волшебные звуки;
 Вотъ къ лѣсу примчался дремучему онъ,
 Но слышится арфы чарующій звонъ:
 Волшебныя грёзы любви навѣвая,
 Приносятся звуки, листы колыхая;
 И вдругъ, и блаженство, и нѣгу струя,
 Несется волшебная пѣснь соловья:

Онъ щелкаетъ сладко и свищетъ надъ лѣсомъ,
 Какъ будто нарочно подкупленный бѣсомъ,
 И Фаустъ усталый на милую грудь
 Въ блаженствѣ спѣшитъ, замирая, прильнуть.

II. ФАУСТЪ У ГРОБА СВОЕЙ МАТЕРИ.

Кладбище. Лунная ночь.

ФАУСТЪ—*на полянахъ у могильнаго креста.*

Пока во мракѣ горы
 Я не лишился силъ,
 Пока въ пучинѣ моря
 Тоски не схоронилъ,—
 Къ своей святынѣ милой,
 Къ тебѣ, о мать моя,
 Иду — и надъ могилой
 Въ тоскѣ склоняюсь я!

Зачѣмъ тебя, родная,
 Унесъ такъ рано рокъ!
 Будь ты жива, тогда я
 Погибнуть бы не могъ.
 Ты скрыта въ тѣмѣ безбрежной,
 Меня ты лаской вѣжной
 Не станешь утѣшать!
 Страшна, страшна та сила,
 Чтѣ съ сыномъ разлучила
 Тоскующую мать!
 Не сбыться обѣщанью,
 Чтѣ ты давала мнѣ:
 Не быть, не быть свиданью
 Въ небесной сторожѣ!
 Свой вѣкъ ты отстрадала
 И, блѣдная, лежала,
 Въ гробу найдя покой...
 Стоялъ я при могилѣ

И думалъ, что зарылъ
 Всю жизнь мою съ тобой!
 Ты помнишь, какъ, бывало,
 Рукой мени ласкала,
 Глядѣла въ очи мнѣ?
 Да, ты меня любила
 И сладкія таяла
 Надежды въ тишинѣ...
 Тогда весна сіяла,
 Но вотъ зима настала,
 Объять тоскою я;
 Давно увяли розы,
 Безлистные березы
 Понизили у ручья...
 Твои не такъ-ли грѣзы
 Увяли, мать моя?..

Ты спишь во тѣмѣ покоя,
 Подъ кровомъ тишины,—
 А я! томлюсь душой я
 Во власти сатаны!
 И тьму ночей бессонныхъ,
 И всѣ заботы дня,
 И рядъ трудовъ, снесѣнныхъ
 Тобою для меня,
 И муки всѣ рожденыя—
 Напрасно ты снесла,
 Напрасно наставленья
 Благія мнѣ дала!

И не могу, родная,
 Почтить теперь тебя я
 Раскаяньемъ,—о нѣтъ!
 И капли слезъ надъ милой
 Не упадутъ могиллой,
 Какъ розъ роскошный цвѣтъ!..
 Что слышу? что за звуки
 Стѣснили сердце мнѣ,
 Какъ будто стоны муки
 Промчались въ вышинѣ?
 Порывъ-ли вѣтра сильный
 Надъ лѣсомъ застоналъ?

Не крестъ-ли твой могильный
Тоскливо заввучалъ?..

Мефистофель—*появляясь въ дали.*

Безсильное созданье!
Оставь свои рыданья,
За мной иди скорѣй!
Сіяетъ на погостѣ
Луна,—и гложетъ кости
Голодный рой червей.

III. СМЕРТЬ ФАУСТА.

ФАУСТЪ ОДИНЪ НА СКАЛѢ. БУРЯ.

ФАУСТЪ.

О сердце! Снова въ этотъ часъ
Я буду раны растравлять
Твои... Терпи въ послѣдній разъ!
Пора, пора тебя понять!
Шумите, вихри, въ вышинѣ!
Теперь, какъ прежде никогда,
Увидѣлъ я, какъ мнѣ чужда
Любовь... О, нѣтъ пріюта мнѣ!
И вопли бури надо мной,
И волнъ бушующихъ прибой,
И громъ, и молнія небесъ,
И гнущійся подъ вихремъ лѣсъ —
Скорѣй, чѣмъ я, себя найдутъ
Покой, и счастье, и пріютъ!..

Природа, Богъ, весь міръ земной,
Надменно былъ отвергнуть мной,
Я самъ въ себя хотѣлъ уйти...
Увы! Тоски мнѣ не снести!
Пустое, сумрачное Я
Мнѣ тѣсно, рвется грудь моя!

О, бѣсъ, меня, какъ въ тѣмѣ мотилъ,
 Ты въ себялюбьи скоронилъ,—
 И вотъ, подъ крышкою гробовой
 Проснулся я, еще живой,
 Безумно мучась и скорбя,
 И началъ гримъ я самъ себя!
 Но я оковы разорву,
 Я новой жизнью заживу,
 Я снова брошусь въ аркій свѣтъ,
 Къ природѣ, къ Богу... Къ Богу? Нѣтъ!
 Проснулась вновь тоска моя!
 О, какъ забыть, что созданъ я?
 Когда-то знанья я искалъ,
 Страдалъ, томился и ропталъ,
 Желая пылею душой
 Обнять, понять весь міръ земной;
 Теперь — не надо знанья мнѣ
 Въ его поляѣйшей глубинѣ!..
 Къ чему познать мнѣ этотъ свѣтъ,
 Когда во мнѣ съ нимъ связи нѣтъ,
 Когда на сотни тварей онъ,
 Другъ другу чуждыхъ, раздѣляетъ?
 Пока любовь на свѣтѣ есть,
 Которой знать мнѣ не дано,
 Пока есть горе хоть одно,
 Какого не дано мнѣ снестъ,
 Пока не всеобъемлющъ я,
 Не быть — пріятнѣй для меня!

Шумить потокъ и гнется лѣсъ,
 И волны плещутъ до небесъ:
 Не такъ ли, сердце, бьешься ты?
 Порывъ не тотъ же ли влечетъ
 Волну до горней высоты
 И сердце къ гибели зоветъ?
 То нетерпѣнія порывъ,
 Порывъ границы перейти
 И гибель сладкую найти,
 Всѣ уничтоживъ, всё разбивъ!
 Рвись, буря, рвись! Шуми, греми!
 И прахъ земли, червей пріютъ,

И тучъ градѣ, что громы плютъ,
На смерть и гибель обними!

Какъ буря свнщеть межъ вѣтвей,
Такъ у меня бунусть кровь;
Вотъ ранней юности моей
Воспоминанья встали вновь:
Еще ребенкомъ, помню я,
Стоялъ я разъ у алтаря,
Словамъ священника внималъ,
За нимъ молитвы лепеталъ,
И странный звукъ латинскихъ словъ
Былъ дикъ и чуждъ моимъ ушамъ:
Тамъ ручеекъ среди лѣсовъ,
Журча, струится по камнямъ,
Куда, зачѣмъ, не зная самъ...
И зажигалъ я еиміамъ,
И колокольчикомъ звонилъ, —
И вдругъ — очнулся будто я
И всю негѣлость ощутилъ;
Заныло сердце у меня
Жестокое, гордое тоской:
Зачѣмъ я долженъ адѣсь служить
И Богу жертвы приносить?
Зачѣмъ я самъ не Богъ такой?
И вотъ, мгновенный, легкій лучъ,
Что въ сердце дѣтское зачалъ,
Вновь въ сердцѣ мужа засверкалъ,
Какъ Божья молнія изъ тучъ.
Сознанье мучить грудь мою,
Что всѣ созданья на землѣ
Лишь въ Богѣ видятъ жизнь свою,
Какъ мохъ сосны въ ея стволѣ.
Вотъ жребій міра! Намъ дано
Въ удѣлъ ничтожество одно.
Что жалкій мохъ? Лишь призракъ онъ,
Онъ жизни собственной лишонъ:
Въ стволѣ вся жизнь. А я — когда
Сталъ гордъ? Смирена тварь всегда,
Я-жъ — гордъ отъ головы до ногъ.
Зависимость, ярмо раба,

Чтѣ навязала мнѣ судьба, —
 Когда-бъ тебя забыть я могъ!
 Ужель назначено судьбой
 Мнѣ быть до вѣчности съ тобой?
 О, нѣтъ! Скорѣй духъ гордый мой,
 Что божествомъ мнѣ быть велить,
 Погибнуть пусть, сгнѣтъ со мной,
 Землей могильною покрытъ,
 Иль пусть онъ въ воздухѣ пустомъ,
 Какъ дымъ, расщѣтается крутомъ...

Но, можетъ быть, все бытіе
 И одиночество мое
 И весь нашъ міръ — лишь призракъ?... Да!
 Теперь я понялъ! Навсегда
 Слилася съ Богомъ жизнь моя:
 Не Фаустъ истинное Я!
 Тотъ Фаустъ, что ученымъ былъ
 И бѣсу душу заложилъ,
 Жизнь, что дана ему была,
 Грѣхи и добрые дѣла,
 И бѣсъ, которымъ купленъ онъ,
 Все это — только *Богъ сонъ*,
 Игра воображенья, бредъ...
 Такъ, въ пѣнѣ моря отражень,
 Порой играетъ солнца свѣтъ.
 У человѣка сынъ рожденъ —
 То сонъ родитъ лишь новый сонъ;
 Я человѣка поразилъ, —
 То сонъ одинъ другой смѣнилъ;
 Блеститъ-ли день, иль солнца нѣтъ,
 Все это — только Бога бредъ...
 Когда же смертный осужденъ
 Познанья свѣтлаго желать,
 Когда и днемъ и ночью онъ
 Стремится истину познать, —
 Не значить-ли, что Богъ сквозъ сонъ
 Почуялъ, что объять онъ сномъ
 И что проснется онъ потомъ?
 Не вѣкъ же быть ему во снѣ?

Сюда, духъ зла! Ты жалою мнѣ!
Коварства духъ! Ты мнѣ смѣшонъ!
Ха, ха! Сну душу продалъ сонъ!
Смотри-жъ—союзъ нашъ прекращень!
Я сонъ—и слишкомъ страшенъ я,
Чтобъ быть не сномъ... Рука твоя
Безсильна, власти прежней нѣтъ...
Сномъ, полнымъ горестей и бѣдъ
Я былъ: почую-ли во снѣ,
Какъ ножъ вонзится въ сердце мнѣ?
Закалывается и умираетъ.

Н. Холодковскій.

ДВА МѢСЯЦА

ВЪ

ГАБРОВЪ

Изъ воспоминаній о войнѣ 1877—78 гг.

II *).

Поѣздка въ Сельви.—Плѣнные баши-бузуки.—Невеселыя извѣстія о Плевнѣ. Возвращеніе въ Габрово.—Извѣстія о пораженіи отряда генерала Гурко.—Забалканскіе бѣглецы и раненные болгары.—Болгарская больница и раненныя женщины и дѣти.—Звѣрства турокъ.—Вѣсть о Сулейманѣ-пашѣ.—Паника въ Габровѣ.—Шипчинскій бой и его жертвы.—Переполненіе лазарета.—Критическій день 11-го августа.—Поѣздка на шипчинскія позиціи.—Дорога изъ Габрова на Шипку.—На батарее.—Артиллерійскій бой.

Лагерь встаетъ. Люди умываются; деньщики грѣютъ самовары; солдаты ставятъ палатки; другіе купаются въ протекающемъ неподалеку ручьѣ, купаютъ лошадей, моютъ бѣлье и развѣшиваютъ его на колышкахъ, на повозкахъ и даже на лошадяхъ, поручая солнышку сушить его, крахмалить и гладить.

Мы, какъ и всѣ, встали вмѣстѣ съ солнцемъ, напились чаю и ждали извѣстій и распоряженій; но они пока не приходили. Мы стояли на голой равнинѣ; тѣни никакой и кромѣ зонтиковъ и экипажей—другой защиты отъ палящихъ лучей солнца не было, а оно уже не грѣло, а жгло, хотя было только восемь часовъ

*) См. выше: сентябрь, стр. 88.

утра. Солдаты-санитары, не имѣвшіе палатокъ, скоро почувствовали, что безъ всякой защиты отъ зноя оставаться нельзя; сейчасъ отправились въ рощій неподалеку кустарникъ, наломали тичанъ и зеленыя вѣтви и устроили себѣ изъ нихъ, а также при помощи мундировъ, шинелей и рубакъ нѣчто въ родѣ миніатюрныхъ палатокъ, подъ которыми могли укрыться, по крайней мѣрѣ, голова и туловище, а ноги предоставлялось солнцу жечь, сколько ему угодно.

Я бродилъ въблизи лагера, и знакомился съ мѣстностью, которая въ общемъ представляла большую равнину, окруженную холмами. Недалекѣ виднѣлся горбатый каменный мостъ о пяти аркахъ, перекинутый черезъ рѣку Руситу, которой отъ насъ совсѣмъ не было видно. За мостомъ находился городъ Сельви, или по-болгарски—Савліво. Онъ разставулся по лѣвому, нѣсколько возвышенному берегу рѣки, въ видѣ длиннаго, однообразнаго ряда домовъ или, скорѣе, домиковъ, перемежающихся съ деревьями и надъ этой линіей домовъ возвышались три бѣлыхъ минарета да башня съ часами (саатъ), безвусно раскрашенная разными яркими красками.

Разсматривая издали городъ, я замѣтилъ передъ нимъ двигающуюся по направленію къ намъ порядочную группу пѣшихъ людей, сопровождаемую всадниками. Вскорѣ я узналъ, что это были плѣнные башни-бузуки, изловленные въ разное время болгарами и отправляемые теперь въ Тѣрново; а такъ какъ мы стояли у сельви-тѣрновскаго шоссе, то процессія должна была пройти мимо насъ. Я подошелъ въ ожиданіи ея къ самой дорогѣ. Вотъ она близко. Впереди идутъ плѣнные, за ними на пуготреневыхъ турецкихъ лошадакахъ ѣдутъ всадники-болгары, одѣтые въ разнообразныя національныя костюмы и вооруженные длинными винтовками. Удовольствіе и даже нѣкоторая гордость отъ сознанія, что, наконецъ, они гонятъ плѣнными башни-бузуковъ, такъ и сіяли на ихъ лицахъ. Поровнявшись со мной, они кричали мнѣ веселыми голосами:—здравствуй, братушко,—а одинъ, не выдержавъ, чтобъ не подѣлиться со мной своею радостью, прибавилъ:—башни-бузучи! указывая на нихъ нагайкой. Они гнали свое стадо головорѣзавъ, заставляя ихъ идти быстрымъ шагомъ, чуть не бѣгомъ, а какъ только кто отставалъ, его тотчасъ подгоняли нагайкой... О состраданіи къ башни-бузуку со стороны болгарина, разумѣется, не можетъ быть рѣчи...

Эти башни-бузуки, болѣею частью оборванные, почти всѣ съ чалмами на головахъ, были сжаты весьма не нѣжными цѣнными по рукамъ или по ногамъ, а многіе за шею, по нѣкоторую чѣ-

ловѣвъ вмѣстѣ, тѣми самыми цѣпями, которыя турецкое правительство имѣло для болгаръ и употребляло весьма щедро.

Процессія прошла мимо нашей стоянки такъ быстро, что я не успѣлъ разглядѣть хорошенько ни одного лица, а мнѣ очень хотѣлось поближе взглянуть на фязіоміи этихъ разбойниковъ, этихъ людей-авѣрей, про которыхъ мы такъ много читали дома и слышали здѣсь... А все-таки стало жалъ ихъ въ ихъ незавидномъ положеніи... Все это жертвы непостижимаго рока. Вѣдь и они могли быть иными при иныхъ условіяхъ жизни. Но вѣрно такъ должно быть. Зной стоялъ невыносимый; мы сидѣли возлѣ своихъ экипажей, прячась въ тѣни ихъ, и въ ожиданіи настоящаго дѣла занимались кое-чѣмъ. Въ это время къ намъ подошелъ одинъ капитанъ изъ ховайственныхъ чиновъ лагеря 14-й дивизіи и сообщилъ невеселую новость, что на-дняхъ подъ Плевной было опять большое дѣло, что наши войска были снова отбиты съ большимъ урономъ, что турки отъ Плевны идутъ на Ловчу и оттуда, по всей вѣроятности, двинутся на Сельви. Нашимъ войскамъ, стоящимъ здѣсь, приказано «окопаться», т.-е. подѣлать разныя защиты въ виду наступленія непріятеля; а брянскій полкъ получилъ распоряженіе вернуться въ Габрово на всякій случай, т.-е. для защиты его, если бы пришлось потерпѣть неудачу здѣсь. Подобныя извѣстія сильно дѣйствуютъ на состояніе духа, даже издали, когда о нихъ, напримѣръ, прочтешь въ газетахъ, сидя дома, а здѣсь все было помятнѣе, осязательнѣе и потому вліяніе ихъ отражалось на состояніи духа гораздо сильнѣе, — и чтобъ измѣнить его настроеніе, требовалось, для меня по крайней мѣрѣ, какое-нибудь механическое занятіе или прогулка по новымъ мѣстамъ. Я пошелъ въ городъ. Но сцены, какія встрѣчались на улицахъ, представляли не много отраднаго; состояніе духа у жителей города было сосредоточенное, насмурное, хотя и не унылое; почти всюду встрѣчались группы болгаръ, по преимуществу женщинъ и дѣтей, толпившихся и бродившихъ на улицахъ или сидѣвшихъ въ тѣни по разнымъ угламъ... Это были безпріютные, голодные бѣглецы изъ Ловчи, успѣвшіе спастись бѣгствомъ отъ турецкихъ ятагановъ и пулъ, отъ страшной рѣзни, недавно произведенной тамъ турками. Но какъ привыкли они въ такимъ ужасамъ, отъ которыхъ у насъ, не выдавшихъ ничего подобнаго, содрогалось сердце. Почти каждый изъ бѣжавшихъ не достигивался то жены, то отца, сестры или матери; они говорили вамъ объ этомъ, но вы не видали ни слезъ, ни заплаканныхъ глазъ, ни даже выраженія сильной грусти на лицахъ... Тамъ замерли въ нихъ всѣ чело-вѣ-

теснія чувства... И слава Богу, впрочемъ, что замерли; лучше бы совсѣмъ пропали на это время, — тогда бы они еще равнодушіе переносили горе, какое, по неисповѣднымъ судьбамъ, выпало имъ на долю. Они удивили меня своимъ спокойнымъ видомъ и проявленіемъ того живого интереса, какой возбуждалъ себя шедшая со мною одна изъ сестеръ. Ее мигомъ окружили и закидали вопросами и привѣтствіями, — сыпавшимися со всѣхъ сторонъ. Оставивъ ее посреди окружившихъ ее женщинъ, я отправился въ городъ, промѣлъ по его главнымъ улицамъ, довольно широкимъ, но кривымъ, заглянулъ въ разные закоулки, какиихъ всегда много въ неправильно построенныхъ городахъ. Дома въ Сельви большею частью низенькіе одноэтажные; фонтаны и колодцы встрѣчаются, по обыкновенію, почти на каждомъ шагу; но людей, противъ обыкновеннаго, встрѣчаешь мало и хотя кажется, что жизнь въ городѣ идетъ своимъ порядкомъ, хотя совершается торговля и открыты убогія кофейни, въ родѣ нашихъ харчевень, хотя во многихъ мѣстахъ на домахъ развѣшены флаги и портреты нашей царской фамиліи, украшенные гирляндами изъ зелени и цвѣтовъ, теперь уже высохшихъ, городъ очевидно представляетъ лишь малую долю обыкновеннаго оживленія. Такъ должно думать по множеству запертыхъ лавокъ и совершенно опустѣвшихъ домовъ. Невесело смотрѣли и жители Сельви, которымъ, — они могли ожидать, — не отсюда, такъ отсюда грозила бѣда, и въ ожиданіи ея они всѣ до одного ходили съ оружіемъ въ рукахъ или за поясомъ. Невеселыя думы ронились въ ихъ головахъ и не радовали ихъ даже партіи плѣнныхъ башни-бузуковъ, которыхъ охотники-болгары таскали изъ разныхъ мѣстъ, препровождая ихъ въ тюрьму, находившуюся при полиціи. Имъ какъ будто думалось — а не попасть бы опять въ ихъ руки; тогда, пожалуй, будетъ еще хуже, чѣмъ бывало прежде.

Турецкіе дома, покиннутые своими обитателями, были разорены, но только внутри, — стѣны же и крыши остались нетронутыми. Точно такъ же и въ мечетахъ я нашелъ все переломаннымъ, и перебитымъ и заграбленнымъ, очевидно съ умысломъ; грустное впечатлѣніе выносишь всегда при видѣ слѣдовъ разрушенія людьми того, что другіе такъ старательно устранивали; въ настоящемъ случаѣ оно было еще непріятнѣе, потому что разрушителями явились не варвары-турки, а мстители-болгары. Не лучше ли было бы предоставить первымъ подобныя поступки, чѣмъ подражать имъ. Понятна, впрочемъ, и высшая степень злобы, накопившейся въ многострадальныхъ сердцахъ болгаръ, той злобы, ко-

терая теперь нанна возможность выхода и разряжается, какъ накопившееся электричество.

Осмотрѣвъ большую и центральную часть города, я не нашелъ въ немъ ничего особенно достопримѣчательнаго, но для художника и здѣсь много весьма симпатичныхъ уголковъ, интересныхъ типовъ и сценъ. Возвращаясь домой уже передъ закатомъ солнца и придя на мѣсто, гдѣ стояли лазареты съ ихъ обозами, я былъ удивленъ, найдя его совсѣмъ опустѣвшимъ, а своихъ спутниковъ увидалъ сидѣвшими въ линейкѣ съ заложенными лошадьми и совершенно готовыми тронуться въ путь. Они только поджидали меня. — Куда? — спрашиваю. Отвѣчаютъ, что приказано перейти на новое мѣсто, версты за двѣ отсюда, по этой же дорогѣ... Вотъ вашъ обѣдъ; кушайте скорѣе и поѣдемъ.

— Не знаете ли, зачѣмъ велѣно перейти туда? — спросилъ я.

— Пока не знаемъ, — отвѣтили спутники.

Но догадаться было не трудно: это отодвиженіе обозовъ и лазаретовъ также говорило, что здѣсь, по другую сторону г. Сельви, ожидается сраженіе.

Мы пріѣхали на новую квартиру, представлявшую такой же открытый лугъ, только окруженный съ трехъ сторонъ высокой и густой кукурузой. Невдалекѣ отъ насъ расположился лазаретъ 14-й дивизіи; обозныя повозки уже стояли отложенныя, выстроившись въ два правильныхъ ряда; санитары устанавливали шатры и нынѣшнюю ночь мы пили чай, ужинали и спали не подъ открытымъ небомъ, какъ вчера, а въ большихъ палаткахъ, которыя, кто знаетъ, можетъ, завтра, огласятся криками и стономъ раненыхъ солдатъ и офицеровъ. Пока ихъ не было, одну палатку заняли врачи и другіе чины лазарета, другую — сестры, а въ трехъ остальныхъ размѣстились санитары.

Во время ужина въ намъ въ палатку вошелъ незнакомый офицеръ, кажется, минскаго полка, уже не молодой, съ серьезнымъ и энергичнымъ выраженіемъ на его худомъ и загорѣломъ лицѣ. Такъ какъ знакомыхъ между нами онъ нисколько не имѣлъ, то, войдя въ палатку, гость началъ говорить, не обращаясь ни къ кому лично. Онъ повелъ рѣчь строго, почти тономъ замѣчанія.

— Какъ же это, господа, вы приходите на мѣсто, располагаетесь съ обозомъ, ставите палатки и не даете намъ знать о своемъ прибытіи!.. Вѣдь мы далеко не въ такой безопасности, чтобъ можно было оставаться тутъ ночью безъ вооруженнаго прикрытія. Я только случайно узналъ, что вы пріѣхали и приказалъ придти сюда двумъ ротамъ; а не узнай я.... Богъ знаетъ, что могло бы случиться. Во-первыхъ, мы должны, — продолжалъ

онъ, — ожидать возможнаго наступленія турокъ отъ Левчи, а вторыхъ, и это главное, шайки башки-бузуковъ дѣйствуютъ вблизи, въ окрестностяхъ; на-дняхъ, на-примѣръ, они сдѣлали нападеніе на одинъ казачій пикетъ и чуть было не перерѣзали всѣхъ людей... Итакъ, господа, солдаты расположатся цѣпью вокругъ васъ и, теперь, будьте увѣрены, ужъ не пропустятъ ни одной канальи. Теперь можете спать покойно; только пожалуйста отдайте распоряженіе своимъ людямъ, — и вамъ всѣмъ, господа, объявляю, чтобъ ночью за цѣпь никто не выходилъ, а то не долго и до грѣха.

— А если пропускъ ¹⁾ будешь знать? — спросилъ кто-то.

— Никакого пропуска нѣтъ и не будетъ, потому что солдатамъ сказано: ничего не спрашивать, ни въ какіе разговоры не вступать и чтобъ не производить тревоги — не стрѣлять, а какъ замѣтишь кого, особенно если пробирается крадучись, подпустить и заколи.

Мы поблагодарили офицера за заботливость о насъ; онъ простился и вышелъ, оставивъ насъ не то успокоенными, не то взволнованными. Нѣкоторые, впрочемъ, уже лежавшіе въ постеляхъ, начали скоро похрапывать; большинству же не спалось. Долго не гасилась въ нашей палаткѣ свѣча, потому что завязалась и долго не кончалась бесѣда о такихъ предметахъ, которые вовсе не относились ни къ Сельви, ни къ военнымъ дѣйствіямъ, ни къ опасности или безопасности нашего положенія здѣсь, а толковали о томъ, на-примѣръ, «кому живется весело, вольготно на Руси», — говорили и даже горячо спорили о нашемъ провинціальномъ бытѣ и въ подтвержденіе своихъ мнѣній каждый разсказывалъ о разныхъ эпизодахъ изъ жизни Полтавы, Золотоноши, разныхъ городовъ Сибири и проч., кто гдѣ бывалъ. Наконецъ, разговоры смолкли

¹⁾ „Пропускомъ“ называется какое-нибудь слово, назначенное на одни сутки по составленному заранее списку, общему для всѣхъ частей дѣйствующей арміи, гдѣ бы онъ ни находились. Это слово хранится въ тайнѣ и узнать его можно въ мѣстной гауптвахтѣ отъ дежурнаго офицера или отъ своихъ знакомыхъ, если они уже узнали его. — Знать его необходимо. Идете, на-примѣръ, ночью по улицѣ, или даже днемъ, если подъѣзжаете къ лагерю, часовой останавливаетъ васъ.

— Что пропускъ?

— Хомутъ, отвѣчаете вы, если вамъ сказали это слово.

— Извольте проходить.

Если же вы не знаете, то ни форма, ни русскій языкъ, ни доводи убѣжденія и никакія доказательства не откроютъ для васъ дороги, которую часовой преграждаетъ вамъ штыкомъ. Надо будетъ идти къ дежурному офицеру и тотъ велитъ пропустить, если вы не покажетесь ему подозрѣтельнымъ человекомъ; въ противномъ случаѣ можетъ случиться — послѣдѣть подъ арестомъ.

и одинъ за другимъ всѣ заснули подъ шумъ снорола дождична, тихо и монотонно стучавшаго въ полотняную крышу нашего походнаго дома. Много хорошаго въ бивуачной жизни, даже и въ военное время, да не для всѣхъ: хорошо было намъ въ постеляхъ и подъ защитой палатки, но незавидно положеніе тѣхъ двухъ ротъ, что поставили цѣпью для защиты насъ. Плохо бѣднымъ солдатикамъ стоять теперь, неотвязчиво думалось мнѣ, въ потѣмкахъ подъ дождемъ или лежать на землѣ и, не смѣя заснуть, ожидать, что вотъ подползетъ или проскочетъ какая-нибудь бестія съ пашкой да съ винтовкой, въ которой сидитъ шестнадцать пуль... Эхъ, горемычные солдатики! Такъ ли вы несчастливы, какъ кажется мнѣ, не бывавшему въ солдатской шкурѣ, или вамъ Господь посылаетъ какое-нибудь облегченіе и подкрѣпленіе...

Наконецъ заснулъ и я. Ночь прошла благополучно, хотя, говорятъ, и слышали выстрѣлы, кто одинъ, кто два, но они, вѣроятно, были плодомъ настроеннаго на извѣстный ладъ воображенія: башни-бузукъ не приходили, да они и не любятъ появляться тамъ, гдѣ, они знаютъ, разставлена цѣпь русскихъ солдатъ; нѣтъ, они смѣлы и храбры только, когда нападаютъ на спящихъ или безоружныхъ поселянъ, работающихъ въ полѣ, на женщинъ и дѣтей, застигнутыхъ врасплохъ дома: вотъ адѣсь они герои!.. Сегодня я зашелъ въ лазаретъ четырнадцатой дивизіи и тамъ показали мнѣ раненаго болгарина Ивана Чавдарова, жителя одной деревни близъ г. Ловчи. Исторія его такова. Онъ что-то работалъ на своемъ полѣ; вдругъ подѣзжаетъ къ нему башни-бузукъ и начинаетъ требовать денегъ. Чавдаровъ отвѣчаетъ, разумѣется, что у него денегъ нѣтъ, не только тутъ, но и дома.

— Врешь, собака, — кричитъ на него тотъ. Я знаю, что дома нѣтъ, потому что вы ихъ при себѣ носите! (Болгары дѣйствительно имѣютъ обычай носить деньги въ поясѣ). — Болгаринъ начинаетъ увѣрять, что говоритъ чистую правду и молить не убивать его; но дуло пистолета уже противъ груди; раздался выстрѣлъ и онъ упалъ лицомъ внизъ, а разбойникъ въ это время рубнулъ его два раза, какъ видно изъ раны, по задней сторонѣ шеи, съ очевиднымъ намѣреніемъ отрубить ему голову, но, должно быть, что-нибудь помѣшало ему окончить эту операцію и онъ нанесъ только тяжелую рану, которая простиралась отъ одного уха до другого; затылочная кость была обнажена; часть ея снесена пашкой и въ одномъ мѣстѣ во всю ея толщю, такъ что тутъ мозгъ былъ открытъ, но, къ счастью, на очень небольшомъ пространствѣ. Облитый кровью, Чавдаровъ потерялъ сознаніе и башни-бузукъ принялъ его за мертваго; вѣроятно обыскалъ; не менѣе вѣроятно,

что ничего не напелъ или какіе-нибудь гроши; затѣмъ бросилъ его и поѣхалъ своей дорогой искать другого такого же богача.

Раненный однако пришелъ потомъ въ себя, долго пролежалъ на одномъ мѣстѣ, потомъ, собравъ силы, дошелъ до мукчурун и воды, которыми и китаясь въ теченіи нати съ половиною сутокъ. Проѣзжавшіе казаки случайно замѣтили его и, взявъ съ собою, привезли въ лазаретъ... Сколько было подобныхъ жертвъ войны, погибшихъ или выдоробывшихъ, но оставшихся съ тѣми или другими увѣчьями на всю жизнь... Но что дѣлать, — война! Та же охота: башни-бузукы охотятся на болгаръ, болгары охотятся на башни-бузуковъ и, говорятъ, безопасно расправляются съ ними, когда имъ удастся поймать ихъ. Нашимъ офицерамъ не разъ приходилось выручать турокъ изъ рукъ болгаръ крутыми мѣрами.

А много въ войнѣ сходства съ шахматной игрой, какъ въ этой послѣдней съ войною: и войска, а за ними и мы съ своими подвижными лазаретами и летучими перевозочными пунктами передвигаемся по чужой волѣ съ мѣста на мѣсто, какъ шахи: то шагъ впередъ, въ сторону — или назадъ, смотря по обстоятельствамъ. Сегодня узнали, что непріятель перемѣнилъ свое намѣреніе идти на Ловчу, и поэтому намъ было отдано приказаніе, чтобъ завтра (25-го іюля) въ четыре часа утра выступить отсюда и отправиться назадъ въ Габрово, — разумѣется, безъ объясненія, почему и для чего, какъ всегда бываетъ. Впрочемъ, что намъ и объяснять: насъ, вражей, посылаютъ туда, гдѣ кровь уже льется или гдѣ пахнетъ кровью. Приказано ѣхать въ Габрово — и такъ поспѣшно — значить, опять на Шипкъ что-нибудь намѣдено. Надо спѣшить. И на слѣдующій день, ровно въ четыре часа утра мы оставили мѣсто своей стоянки подъ Сельви, а въ три часа пополудни уже въѣзжали въ Габрово. Проѣжая по его знакомымъ улицамъ, я тотчасъ замѣтилъ въ нихъ какое-то необыкновенное оживленіе: многочисленныя толпы то нарядныхъ, то бѣдно-одѣтыхъ или даже почти оборванныхъ людей — и по преимуществу женщинъ и дѣтей — ходили или толпились на улицахъ. Ихъ костюмы, разныя украшенія, типъ и манера стричь волосы рѣзко отличали ихъ отъ жителей Габрова; видъ они имѣли сповойный и, какъ казалось, довольный, такъ что я, позабывъ о войнѣ, съелъ ихъ за пріѣхавшихъ въ Габрово на какой-нибудь мѣстный праздникъ гостей изъ другихъ городовъ. Спрашиваю, однако, черезъ кучера-болгарина, хорошо говорившаго по-руски: «что это за новые люди? откуда они? изъ какихъ городовъ?» — но имъ его отбѣта мы узнали, что причина новизны здѣсь гостей

вовсе не праздничная, напротивъ, самая грустная, — что эти люди представляютъ спасшихся бѣгствомъ жителей многихъ забалканскихъ городовъ, разоренныхъ балли-бузуками и черкессами послѣ того, какъ наши войска оставили ихъ позади себя. Въ пестрой толпѣ, зашурдавшей узкія улицы Габрова, были представители многихъ городовъ, какъ-то: Казофера, Трояна, Карлова, Казанлыка и, главнымъ образомъ, Эски-Загры и Ени-Загры. «Вотъ онѣ, еще новыя жертвы войны!» сказали мы другъ другу — и приуныли. Мы были виноваты въ этихъ жерновахъ, т.-е. мы — русскіе. Ъдемъ прямо въ монастырь, уже какъ въ свой домъ, и насъ встрѣчаютъ монахины съ такою радостью, словно мы были ихъ стариннѣйшими друзьями или нѣ-ѣсть какими благодѣтелями. Первый монастырскій дворъ тоже былъ наполненъ семьями пришлецовъ съ разнымъ домашнимъ скарбомъ, съ лошадьми, ослиами и собаками; въ саду мы встрѣтили гораздо большее число монахинь, которыхъ прежде не видали...— Это все «бѣженцы», т.-е. бѣжавшіе изъ разоренныхъ турками городовъ; это тѣ, которые успѣли спастись отъ смерти, — объяснили намъ наши знакомые. Онѣ сообщили также, что въ Габрово пришли сами или привезли изъ этихъ же городовъ много раненыхъ болгаръ, особенно женщинъ и дѣтей, и что ихъ помѣстили въ домъ женскаго училища. Намъ хотѣлось скорѣе помочь имъ, чѣмъ мы могли, но было уже поздно — и мы отложили посѣщеніе ихъ до слѣдующаго утра. На другой день отправились. Я зашелъ къ мѣстному окружному врачу Христову, который повторилъ то же, что сообщили монахины, и говорилъ, что ему трудно будетъ справиться съ массою тяжело-раненныхъ; особенно же трудно устроить для нихъ порядочное помѣщеніе. Я предложилъ ему свои услуги, обѣщалъ приходить помогать какъ въ уходѣ за ранеными, такъ и по устройству больницы; но докторъ Христовъ сталъ просить меня принять заведываніе и распоряженіе больницей исключительно на себя.

— Вы знаете, — говорилъ онъ, — что вообще «нѣтъ пророка въ отечествѣ своемъ»; у насъ же эта истина имѣетъ двойную силу, и мнѣ ни за что не удастся достигнуть того, что вы можете сдѣлать. Причины для этого много.

Я согласился принять на себя обязанность главнаго врача.

— Больницы, собственно говоря, еще нѣтъ, — продолжалъ онъ: — ее еще надо устроить; есть только домъ, въ который свалили явившіяся раненыхъ. Ихъ теперь уже есть до 70-ти человекъ, но, вѣроятно, они будутъ прибывать еще долгое время. Въ домѣ нѣтъ ни кроватей, ни матрацовъ, ни лекарствъ, ни

инструментовъ — и я, повторяю вамъ, какъ болгаринъ, какъ габровецъ, ничего не добьюсь — или, во крайней мѣрѣ, очень не скоро. Вы вѣдь видите уровень образованія нашего общества... Въ комъ найдешь помощь?

— Хорошо, пойдемте въ больницу; — перебилъ я его: — давайте дѣйствовать. Надо достать все необходимое и устроить какъ можно скорѣе.

Болгарская больница, какъ мы называли ее въ отлѣченіе отъ военнаго лазарета, находилась всего минутахъ въ десяти или пятнадцати ходьбѣ отъ монастыря, гдѣ я жилъ. Вошли во дворъ, можно сказать, биткомъ набитый людьми обонкъ жаловъ и всѣхъ возрастовъ, — частью ранеными, которые лежали тутъ и стонали, частью нѣтъ здоровыми родственниками. Поднялись по крутой деревянной лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ были помѣщены раненые, прежде прибывшіе. Здѣсь находилось шесть небольшихъ комнатъ, въ которыхъ, за исключеніемъ столовъ, не было никакой другой мебели, да и столы были не во всѣхъ. Люди развѣстались на полу въ безпорядкѣ и отъ таковой тѣсноты, что между ними едва-едва можно было пробираться. Въ каждой комнатѣ лежали мужчины, женщины; тутъ были представители всѣхъ возрастовъ, отъ родившихся тожеже вчера, уже здѣсь, младенцевъ, до дряхлыхъ стариковъ, доживавшихъ послѣдніе дни. Начавъ считать людей, чтобъ опредѣлить число необходимыхъ вратей, мы зашли за семьдесятъ — цифру раненыхъ, какъ предполагалось, — зашли даже за сто...

— Чтѣ же это значить? Развѣ еще прибавилъ? — спросилъ я у доктора Христова.

— Нѣтъ, сегодня новыхъ не поступало.

Оказалось, что здѣсь собралось также много здоровыхъ — родныхъ раненыхъ — и притомъ многада въ такой пропорціи, что при одномъ раненомъ, напримѣръ ребенкѣ, находилась здоровая мать и ея трое другихъ также здоровыхъ дѣтей. По обыкновеннымъ правиламъ мирнаго, а не военнаго времени, слѣдовало бы оставить однихъ больныхъ, а всѣхъ здоровыхъ выслать изъ больницы; но, напримѣръ, при грудномъ и раненомъ ребенкѣ нужно было оставить мать, какъ кормилицу, — какъ же и куда выслать остальныхъ ея дѣтей? Ихъ приходилось поневолѣ оставить, пока позволяло мѣсто, а въ то же время рѣшили, что необходимо устроить, хотя временный, дѣтскій пріютъ, по-преимуществу для сиротъ, которыхъ было множество. Другіе здоровые — напримѣръ, матери, жены и отцы раненыхъ — умоляли дозволить имъ остаться при своихъ больныхъ мужахъ или дѣтатъ;

но рѣшеніе этихъ тяжелыхъ вопросовъ мы оставили до другого дня. Итакъ, раненные находились подъ крышей и имѣли пищу, доставлявшуюся отъ города; но этого было мало: была нужна прислуга, лица для присмотра и ухода; нужны лекарства и многое другое. Прислугу прислали въ этотъ же день, а нѣкоторыя дамы и барышни, по-преимуществу изъ учительницъ, изъявили готовность помогать при уходѣ за ранеными. Попъ Стефанъ взялъ на себя обязанности смотрителя и назначенъ. Пріѣхавшій въ то время агентъ славянскаго комитета, А. А. Нарынскій, принялъ заботы по устройству дѣйскаго пріюта, а уполномоченный общества Краснаго Креста, В. П. Глѣбовъ, дозволилъ воспользоваться нѣкоторыми необходимыми предметами изъ габровскаго склада при военномъ лазаретѣ, и къ слѣдующему утру въ болгарскую больницу были доставлены: бѣлье, перевязочные матеріалы, лекарства и инструменты. Явились и медицинскіе дѣятели въ лицѣ насъ двухъ — врачей, моего помощника — студента академіи — и троеъ сестеръ милосердія.

Мы приступили въ правильному осмотру раненныхъ, и такъ какъ кроватей еще не было, то его пришлось производить или согнувшись, или сидя на корточкахъ, что было очень и неудобно, и утомительно; присѣсть же на одѣяла и лохмотья, которыя несчастные «бѣженцы» принесли съ собой изъ-за Балканъ, у насъ не хватало смѣлости, — тѣмъ они были грязны, а сами люди обладали такимъ большимъ количествомъ паразитовъ. О томъ, какъ содержались раны до сихъ поръ, чѣмъ были перевязаны, — я предпочитаю умолчать, имѣя въ виду даже и не очень брезгливаго читателя; скажу только, что состояніе ранъ было еще тѣмъ ужаснѣе, что большинство ихъ принадлежало къ такъ-называемымъ рѣзаннымъ или рубленнымъ ранамъ, т.-е. нанесеннымъ не огнестрѣльнымъ оружіемъ, а ножами, кинжалами и шанками. Эти раны бывали болѣею частью громаднхъ размѣровъ, въ сравненіи съ маленькими кругленькими отверстіями, какія производятъ пули.

Передъ нашими глазами въ это утро прошли разсѣченные черепа, разрѣзанныя вдоль или поперекъ спины, иногда болѣе чѣмъ на полъ-аршина, вскрытые суставы рукъ и ногъ, огромныя раны груди и т. п., — и нельзя было не удивляться живучести человѣка или, по крайней мѣрѣ, этихъ людей... Видѣли мы женщинъ, жестоко избитыхъ палками съ цѣлю вымогательства денегъ и оставленныхъ живыми, потому что ихъ сочли за убитыхъ; были здѣсь беременныя женщины съ обожженной грудью, или ногами; нѣкоторыя изъ нихъ разрѣшились отъ бремени во время

бѣства и бросали своихъ дѣтей среди дороги. Видѣли израненныхъ пулями дѣтей, начиная отъ грудного возраста; ихъ ранили, когда матери, успѣвъ убѣжать, уносили ихъ на рукахъ, а чересы и башни-бузуки стрѣляли по нимъ издали въ-дотонку. Были дѣти, имѣвшія по нѣсколькимъ пулевымъ ранѣмъ, отъ которыхъ они не умерли только потому, что раны были не глубоки или не затрогивали важныхъ для жизни органовъ. У одного мальчика, на примѣръ, по имени Болю-Славе, четырехъ съ половиною лѣтъ, было на тѣлѣ восемь ранъ, но пули попадали въ него такъ счастливо, что только одна кость большого пальца правой руки была разбита, и этотъ палецъ пришлось отнять. Какъ было жалъ этихъ невинныхъ крошекъ, такъ жестоко страдавшихъ; какія злоба поднималась въ душѣ противъ варваровъ, способныхъ на такіе звѣрства, совершаемыя надъ безсильными и беззащитными дѣтьми! Какъ болѣзненно было сердце, когда приходилось нѣсти повязку на крошечной ручкѣ, въ которой былъ раздробленъ, на примѣръ, локтевой суставъ, — тогда приходилось вырывать пули изъ маленькаго дѣтскаго тѣла!

Во время перевязыванія, я, при помощи доктора Христова, расправлялъ раненныхъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ они были ранены, какъ спаслись и добрались до Габрова черезъ Балканы — и, слушая ихъ, можно было благословлять обыкновенныя войны, какъ они ведутся въ настоящее время между образованными народами, т.-е. когда сраженія происходятъ только между арміями, а безоружные жители считаются неприкосновенными. Много ужасовъ рассказывали они про звѣрства турокъ, и такъ какъ рассказы, сообщаемые людьми, не знавшими другъ друга, были согласны между собою, то не было никакого основанія сомнѣваться въ ихъ справедливости.

Я не стану входить въ подробности рассказовъ о турецкихъ злодѣйствахъ, о какихъ сообщали несчастные раненные, потому что они слишкомъ отвратительны, да о нихъ и говорено уже много; упомяну лишь о томъ, какъ турки въ Эски-Загрѣ зажгли домъ, служившій лазаретомъ и въ которомъ находились раненные наши и болгары, и приведу рассказъ о другомъ событіи въ томъ же городѣ. Когда началось смятеніе вслѣдствіе нападенія и вступленія въ городъ непріятеля, жители частью успѣли бѣжать; другіе же, по преимуществу женщины съ дѣтьми бросались въ церкви и набились въ нее въ такомъ количествѣ, какое только она могла вмѣстить. Тамъ думали они спрятаться и найти спасеніе; но чересы и башни-бузуки, разумѣется, нашли ихъ. Сначала они открыли по нимъ стрѣльбу изъ ружей черезъ окна и

двери, а потомъ ворвались внутрь и стали добывать какъ и тѣмъ поспало и дорѣзывать уцѣлѣвшихъ отъ пуль и еще физически живыхъ людей.

Они оставили церковь только тогда, когда, по ихъ мнѣнію, тамъ не осталось ни одной живой души, но для большей вѣрности они подошли къ ней. Въ ней, дѣйствительно, не всё было мертвое: одни лежали въ обморокѣ, другіе только раненные или даже не раненные вовсе случайно спаслись подъ трупами убитыхъ, третьи сами притворились мертвыми. Разбойники дѣйствовали въ торопяхъ, боясь прихода русскихъ солдатъ, и потому, ограбивъ дома, они поспѣшно удалились изъ города. Въ это время оставшіеся въ живыхъ, кто былъ въ силахъ, стали вылезать изъ горѣвшей церкви, и хотя получили при этомъ ожоги, но выбрались живыми. Такихъ выходцевъ съ того свѣта, какъ ихъ справедливо можно было назвать, у насъ находилось всего четыре человека, и изъ нихъ одна женщина, на другой день по прибытіи въ больницу, благополучно разрѣшилась отъ бремени. — Чего не выносить по неволѣ душа человѣческая, какихъ экспериментовъ не выдерживаетъ человѣческое тѣло! Эта несчастная мать и ея новорожденный гость міра сего остались живы, но для радостей ли или для новыхъ подобныхъ мукъ? — думалъ я, слушая эти рассказы.

Въ больницу привезли тѣмъ временемъ кровати, матрацы и подушки и мы общими силами принялись за устройство постелей. Потомъ помощникамъ изъ мѣстныхъ жительницъ были розданы каждой свое назначеніе, — смотрѣть за бѣльемъ, за приготовленіемъ пищи и правильной раздачей ея, надзирать за порядкомъ и прислугой; одна должна была состоять при операционной комнатѣ. Эти новыя дѣятельницы были, разумѣется, неопытны, робки и застѣнчивы, потому что стыдились своей неумѣлости, — передъ нашими, будто бы великими, опытностью и знаніями.

Мы уложили больныхъ на постели и ушли домой въ надеждѣ найти на другой день больницу, до известной степени, уже благоустроенною. Являемся на слѣдующее утро и — увы! — видимъ себя горько обманутыми въ нашихъ ожиданіяхъ: почти всё кровати стояли пустыми, а пациенты... Бѣжали? — думаетъ читатель... Нѣтъ, они, какъ и вчера, лежали на полу, ставивъ матрацы съ простынями и подушками долой, оставивъ деревянные кровати голыми. Они разлѣгались между послѣдними и подъ ними. Нѣкоторые оставили простыни на тюфякахъ; а другіе убрали ихъ прочь и, сконкавъ, закрывали подъ подушки. Бѣлые наволочки со многихъ подушекъ также были сняты и положены подъ

головы. Неприятны ли имъ были простыни и наволочки; находили ли они, что изъ нихъ можно сдѣлать другое, гораздо болѣе полезное употребленіе,—Богъ ихъ знаетъ,—мы не могли добиться отвѣта на эти вопросы; съ кроватей же они сошли на полъ потому, какъ объяснили они, что имъ казалось страшно лежать на нихъ, что они боялись съ нихъ упасть, такъ какъ прежде они никогда на кроватяхъ не спали, а всегда на полу. Последнюю причину можно бы уважить, если бы не было такъ утомительно и неудобно производить осмотръ и перевязку ранъ, сидя на корточкахъ, какъ сегодня опять пришлось дѣлать; съ другой стороны, соблюденіе даже самой умѣренной чистоты при такомъ порядкѣ было немислимо, и потому я просилъ доктора Христова постороже передать имъ мое приказаніе, чтобы никто не смѣлъ переселяться съ кровати на полъ, а также закрывать подъ подушки бѣлье. Они были видимо огорчены этими словами и не съ-разу таки поддались нашимъ требованіямъ. Наконецъ, мало-по-малу они привыкли и оставались на кроватяхъ; но подъ этими послѣдними, словно въ шалахахъ, жили родственники раненыхъ, иногда цѣлыя семейства ихъ, и мы терпѣли ихъ изъ состраданія. Однако, постоянное прибываніе новыхъ раненыхъ заставляло меня выжывать понемногу здоровыхъ, потому что въ скоромъ времени за неимѣніемъ мѣста для новыхъ кроватей пришлось класть на полу и больныхъ. Лазаретъ скоро переполнился, и городскимъ совѣтомъ былъ отведенъ подъ больницу другой домъ, нѣсколько меньшей величины, также принадлежавшій женскому училищу; но и этотъ домъ черезъ два-три дня былъ такъ же полонъ. Тогда легко раненыхъ, которые могли свободно ходить, стали выписывать, съ тѣмъ, чтобы они являлись для перевязки и за полученіемъ обѣда. Такимъ образомъ, благодаря настойчивому и доброму желанію доктора Христова—помочь своимъ несчастнымъ соотечественникамъ, моему неутомимому помощнику студенту Губареву,—столь же неутомимымъ помощницамъ, сестрамъ милосердія—Юханцевой, Тепляковой и Энгельгардтъ, а также живому участию нѣсколькихъ габровскихъ барышень, особенно Зѣмбюля и Вѣнковой, больница пошла въ ходъ; она явилась истиннымъ благодѣаніемъ для безпріютныхъ израненыхъ голодныхъ бѣглецовъ, постепенно прибывавшихъ къ намъ изъ-за Балканъ.

Въ военномъ лазаретѣ въ это время было затишье, потому что то же затишье царствовало на шипчинскихъ высотахъ. Оставшихся въ немъ раненыхъ и больныхъ было мало и врачи не только не нуждались въ моей помощи, но приходили даже по-

могать мнѣ, дѣлая это по доброй волѣ и никогда не отказывая, ни днемъ, ни ночью, когда мнѣ случалось приглашать ихъ.

Не посѣщая военнаго лазарета, я могъ отдавать все свое время болгарской больницѣ, а сестры милосердія поспѣвали и тутъ и тамъ. Итакъ, утромъ визитація въ больницѣ; по возвращеніи домой, тотчасъ послѣ обѣда, пріемъ уже ожидающихъ больныхъ, приходящихъ къ намъ въ монастырь; потомъ вечерняя визитація; эти занятія наполняли наши дни. Приходящіе больные были по преимуществу женщины, болѣею частію изъ бѣглецовъ, и самая частая просьба, съ какою они обращались ко мнѣ, была «илячь за страхъ», т.-е. о лекарствѣ отъ страха, или точнѣе, отъ болѣзни, причиненной страхомъ. Хотя просьбы объ этомъ «илячь за страхъ» и назались нѣсколько забавными, но въ немъ нельзя было относиться легко, такъ какъ извѣстно, что чувство сильнаго страха производитъ иногда весьма серьезныя разстройства въ организмѣ и особенно въ нервной системѣ... А сколько страха испытали эти несчастныя, не трудно себѣ представить: вѣдь онѣ всѣ ощущали, такъ сказать, присутствіе смерти за своими плечами и едва-едва ушли отъ нея. У нѣкоторыхъ болгарокъ, несмотря на то, что послѣ страшнаго дня прошло уже много времени, и теперь начиналась дрожь, какъ отъ озноба, когда онѣ вспоминали о своемъ бѣгствѣ отъ башни-бузуконъ и черкесовъ...

Такъ проходили наши дни, жаркіе лѣтніе дни, однообразно, не скучно, не весело и довольно медленно. Жилось какъ-то машинально и покойно въ томъ смыслѣ, что до насъ давно ужъ не доходило никакихъ тревожныхъ слуховъ насчетъ безопасности нашего положенія въ Рабровѣ, а о другихъ мѣстахъ военныхъ дѣйствій мы знали менѣе, чѣмъ знаютъ въ Петербургѣ, Лондонѣ и, пожалуй, Нью-Йоркѣ; потому что газеты получались нами запоздалыя и получались не отдѣльными нумерами, а вдругъ, недѣли за двѣ, иной разъ и больше.

Бесѣды въ своемъ кружкѣ шли вяло, потому что мы приходили домой усталыми и завѣтной мечтой у каждаго изъ насъ было только одно,—какъ бы отдохнуть, выспаться хорошенько; да, кромѣ того, мы всѣ чувствовали, что головы наши тупѣли съ каждымъ днемъ вслѣдствіе того, что мозгъ работалъ исключительно въ одномъ направленіи: болѣзни, а главнымъ образомъ раны, раны и раны,—вотъ что приходилось созерцать ежедневно; вотъ надъ чѣмъ ежедневно нужно было думать, да еще думать не такъ, какъ слѣдуетъ, а отрывками мыслей, потому что не-

возможно было останавливаться по долгу надъ однимъ больнымъ безъ ущерба для другихъ.

Если же однообразіе нашей габровской жизни и нарушалось по временамъ, то посылаемая судьбою развлеченія имѣли далеко не веселый характеръ: насъ выводили изъ умственной спячки почти исключительно такіа извѣстія, по полученіи которыхъ нужно было денно и нощно заботиться о томъ, чтобъ какъ-нибудь не лишиться неожиданно своей головы. Отъ этихъ новыхъ думъ напрягались нервы; сонъ дѣлался тревожнымъ, потому что каждый звукъ, каждый шорохъ въ ночной тишинѣ доходилъ до сознанія, заставлялъ приподнимать голову и прислушиваться — не тревога ли, не нужно ли скорѣе вставать, одѣваться и дѣйствовать. Можетъ быть, это — трусость, малодушіе наше, но, воля ваша, не заснете вы покойно, когда вамъ, напримѣръ, объявятъ официально, что въ каждую минуту дня и ночи можно ожидать тревоги и нужно быть готовымъ къ быстрому выѣзду изъ города... Какъ легко это говорится, такъ не легко привести въ исполненіе этотъ «быстрый выѣздъ во всякую минуту дня и ночи», и когда начинаешь представлять себѣ, какъ это будетъ происходить этотъ быстрый выѣздъ изъ города, то рѣшительно перестаешь вѣрить въ его возможность. Я и не вѣрилъ, особенно въ ночной выѣздъ; тѣмъ не менѣе отправляешься, бывало, къ кучерамъ и держишь къ нимъ такую рѣчь:

— Василій! Константинъ! Вы знаете, что въ городѣ не покойно, что непріятель, говорятъ, близко...

— Мы тоже слышали, народъ межъ себя связывалъ, — вставляли они, и въ голосахъ ихъ проглядывала особенная храбрость и охота къ скорѣйшему удиранію отсюда.

— Ну, такъ чтобъ экипажи были въ исправности, чтобъ лошади стояли въ шлеяхъ и хомутахъ; чтобъ, когда скажу — закладывать, — въ пять минутъ все было готово... Понимаете? Боже васъ сохрани, если кто будетъ пьянъ! Вѣдь вы и своихъ головъ не унесете и насъ погубите.

— Помилуйте, господинъ докторъ, что вы, не што можно въ такіе дни...

— Ну, то-то же, смотрите.

— Да ужъ будьте покойны, — говорили они, какъ добрые, и какъ разъ «въ такіе-то дни» они «уръзывали» для храбрости, да иной разъ такъ, что если бы въ самомъ дѣлѣ понадобилось немедленно выѣхать изъ города, мы бы, конечно, не выбрались и принуждены были бы уходить на своихъ ногахъ, а экипажи и лошадей съ кучерами оставить въ распоряженіе непріятеля...

И въ какой день, въ какомъ только положеніи русскій человѣкъ не найдетъ для себя уважительной причины, чтобы выпить. Съ горя, съ радости, на родинахъ, на похоронахъ, на войнѣ — для смѣлости и храбрости передъ смертью, — всегда ему необходимо выпить... И какъ поглядишь вокругъ себя да послушаешь, что разсказывается, то увидишь, сколько бѣдъ случается исключительно вслѣдствіе неумѣстной выпивки!

Но въ сторону эти старыя пѣсни, отъ которыхъ сердце разрывается, когда къ нимъ относишься не легко и шуточно, какъ къ чему-то очень милому, привлекательному, а задумаешься серьезно и заглянешь въ будущее... Впрочемъ, темно будущее для близорукаго человѣческаго ума. Лучше и не заглядывать въ него, а вернуться къ прошлому.

День, въ который мы получили помянутое предупрежденіе на счетъ готовности къ выѣзду изъ Габрова, былъ 7-е августа, а поводомъ въ отданному распоряженію служило появленіе у Казанлыка, какъ разсказывали, огромной турецкой арміи, предводительствуемой смѣлымъ и храбрымъ генераломъ Сулейманомъ. На слѣдующій день этотъ слухъ не разсѣялся, а, напротивъ, держался упорнѣе; о Сулейманѣ знали въ городѣ всѣ и всѣ говорили о немъ, сообщали нѣкоторыя подробности о турецкой арміи, напримѣръ, что она стояла въ Казанлынской долинѣ и что Сулейманъ устроилъ на этой долинѣ нѣчто въ родѣ смотра или парада, развернувъ всю свою громадную армію, какъ бы нарочно для того, чтобы показать ее нашимъ войскамъ, находившимся въ укрѣпленіяхъ на высотахъ шипкинскаго перевала, откуда они непремѣнно должны были видѣть этотъ грозный и зловѣщій спектакль. О томъ, что армія дѣйствительно появилась и стоитъ пока въ Казанлынской долинѣ, получены были положительные извѣстія. Въ Габровѣ, куда эта армія форсированнымъ маршемъ могла придти въ одни сутки, сидѣли и ждали, что будетъ. Ждали также ея приближенія и наступленія тѣ «русскіе орлы», что свили себѣ гнѣзда на Шипкѣ. Однако, распространился слухъ, что Сулейманъ не пойдетъ черезъ Шипкинскій перевалъ, гдѣ, онъ зналъ, долженъ встрѣтить отчаянное сопротивленіе, а намѣренъ будто бы направиться окольнымъ путемъ на Габрово, гдѣ въ то время находилась лишь ничтожная горсть нашихъ войскъ, съ имѣвшимися при нихъ всего двумя пушками. Подобные слухи, особенно настолько вѣроятные, какъ этотъ, передаются отъ одного къ другому подобно пламени или электричеству, и въ этотъ день едва ли одинъ человѣкъ въ городѣ, кромѣ беззаботно игравшихъ и распѣвавшихъ свои пѣсни дѣтей, не

зналъ о грозившей всѣмъ габровцамъ бѣдѣ. Я ясно видѣлъ это, когда, отправляясь въ больницу, проходилъ по городскимъ улицамъ. На каждомъ лицѣ ясно читалась тревога и глаза каждого встречнаго глядѣли какъ-то особенно остро. Въ нихъ выражалось желаніе прочесть на лицѣ русскаго офицера: есть ли опасность, велика ли, близка ли опа? Нѣкоторыя женщины прямо обращались ко мнѣ съ вопросомъ:

— Има ли страхъ?

— Нѣма нішто, — отвѣчалъ я имъ, стараясь казаться какъ можно покойнѣе, чтобы не тревожить ихъ бесполезно; но не знаю, насколько мнѣ это удавалось, потому что на душѣ у самого вовсе не было покойно. Въ голову приходили мысли, исходившія изъ одного источника и къ нему же возвращавшіяся, — мысли о приближавшейся опасности, и съ этой точки зрѣнія я смотрѣлъ на всѣ предметы, мелькавшіе передъ глазами, и на всѣхъ людей, отъ дряхлой старухи, доживавшей, можетъ быть, свои послѣдніе дни, до ползавшаго у ногъ матери ребенка, живого, веселаго, ничего незнающаго про совершающееся вокругъ него; на все смотрѣлъ съ точки зрѣнія разрушенія, пожара и поголовнаго избіенія людей. Читатель ошибется, если подумаетъ, что я самъ искусственно настраивалъ себя на этотъ тонъ «гражданской скорби»; нѣтъ, это настроеніе являлось невольное, и нужно было что-нибудь очень сильное, чтобы измѣнить его; нужно было измѣнить самую обстановку; а то — идешь по улицѣ, смотришь по сторонамъ и спрашиваешь себя: гдѣ же можетъ найти спасеніе человѣкъ, у котораго въ рукахъ нѣтъ оружія, съ которымъ бы онъ могъ вынудиться въ бой, и если не побѣдитъ, то погибнуть въ неравной борьбѣ. Куда онъ можетъ спрятаться? Въ домъ? Въ домѣ найдутъ или зажгутъ его. На дворѣ? на улицѣ? въ за-
моульникахъ? — Негдѣ или ненадежно. Какъ мнѣ поступить, если непріятель застанетъ здѣсь? Стоять и ждать, пока пуля проникнетъ тѣло или жалѣзо воткнется въ него...

Нехорошія, тяжелыя мысли роились въ головѣ, пока я не пришелъ въ больницу, и пока, приступивъ къ своимъ занятіямъ, не забылся на время; а вышелъ опять на улицу, чтобы идти домой, и многое опять заговорило о приближающемся большомъ несчастіи: одни изъ жителей выбирались изъ своихъ домовъ, укладывая вещи на телеги или на вьючныхъ лошадяхъ и ослонъ, приставляя къ нимъ же и корзины для маленькихъ дѣтей; другіе уже выѣзжали по направленію къ Тернову; возлѣ пекаренъ стояли цѣлыя толпы людей, желавшихъ скорѣе получить свой хлѣбъ, приготовленный, вѣроятно, на дорогу. Эти пекарни или

«фурны», какъ ихъ называютъ по-болгарски, имѣютъ въ передней части прилавокъ, а за нимъ стоитъ печь съ большимъ отверстіемъ, въ которой хозяинъ ея печетъ хлѣбъ и куда, кромѣ того, жители сосѣднихъ улицъ приносятъ для испеченія или варки приготовленный дома сырой хлѣбъ, а также разныя кушанья для обѣда. Одни платятъ за это хозяину какую-нибудь бездѣлицу; другіе и ничего не платятъ. Сегодня эти печи усиленно работали по случаю запасовъ для предстоящаго бѣгства.

Проходя вблизи дома окружнаго начальника, капитана Маслова, я увидалъ его и еще нѣсколькихъ офицеровъ, собиравшихся куда-то ѣхать верхомъ. Я подошелъ къ нимъ.

— Куда вы?

— А такъ, въ горы, нужно посмотрѣть кое-что, — отвѣтилъ Масловъ, — хотите съ нами?

— Съ удовольствіемъ; а обождете, пока я схожу за своей лошадью?

— Да вотъ возьмите мою, — предложилъ одинъ изъ офицеровъ: — мнѣ что-то не хочется ѣхать.

Мы отправились, и дорогой Масловъ объяснилъ мнѣ настоящую цѣль поѣдки: надо было, во-первыхъ, осмотрѣть оковыяныя дороги, которыми турки могли пройти на Габрово, и, во-вторыхъ, выбрать позицію для нашей батареи, которая бы могла обстрѣливать дорогу, а также для помѣщенія отряда, который долженъ былъ защищать городъ. Выѣхавъ за городъ, мы скоро поднялись въ горы и пробирались разными тропинками, карабкаясь по нимъ, какъ козы; проѣзжали потомъ небольшими и очень трудными дорогами; иногда встрѣчали по сторонамъ деревни, жители которыхъ тоже знали объ опасности и спрашивали насъ: нужно ли имъ бѣжать или еще можно ждать?

— Чего бѣжать? Куда бѣжать? — сердито отвѣтилъ имъ М., — сиди покуда; тогда услышишь, когда нужно будетъ бѣжать!

И этимъ отвѣтомъ, переданнымъ имъ переводчикомъ, онъ, повидимому, успокоивалъ ихъ.

Наконецъ, мы выѣхали на довольно большую дорогу, которая, какъ говорили, вела изъ-за Балканъ въ Габрово, черезъ гору Баджъ. По ней армія, по крайней мѣрѣ, вблизи Габрова, могла идти свободно большими массами, могла проѣхать артиллерія, тогда какъ другія дороги для послѣдней были или вовсе недоступны, или весьма затруднительны. Поэтому предположили, что если турки пойдутъ на Габрово, то всего вѣроятнѣе изберутъ эту дорогу, а потому рѣшено было укрѣпиться здѣсь, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, и стали выбирать удобную

площадку для батарей, причемъ однимъ изъ главныхъ соображеній было то: возможно или невозможно отступленіе.

Слушая разговоры военныхъ людей, я интересовался ими, какъ совершенно новыми для меня, и въ первый разъ, такъ-сказать, осязательно понялъ, въ какой степени трудно вести войну въ горной мѣстности; трудно обвѣять сторонамъ: наступающаго можно отразить съ небольшими силами, за то ему, въ свою очередь, легко обмануть ожидающихъ наступленія, явившись совсѣмъ не оттуда, откуда, по всѣмъ вѣроятіямъ, слѣдовало бы его ожидать. Какъ можно было, наприимѣръ, знать навѣрное, что Сулейманъ поведетъ свои войска черезъ Бедэкъ, а не какими-нибудь невѣдомыми тропинками; и хотя для предупрежденія подобной неожиданности были разставлены на возвышенныхъ пунктахъ казачьи пикеты, съ которыхъ тотчасъ должны были дать знать о замѣченномъ издали непріятелѣ; но пока дадутъ знать, пока передвинутъ войска, непріятель уже можетъ быть въ городѣ. Разумѣется, имѣя большія силы въ распоряженіи, ему легко запереть всѣ дороги; но я говорю объ оборонѣ съ горстью войска, какъ и было въ то время въ Габровѣ.

Мы вернулись домой.

— Ну, что новаго? — спрашивали у меня сестры: — положеніе наше очень опасно?

— Нѣтъ, пока ничего положительнаго неизвѣстно, — отвѣчалъ я, не желая тревожить ихъ напрасно: — въ настоящее время опасности нѣтъ, но готовымъ къ ней нужно быть всегда; вѣдь мы на театрѣ военныхъ дѣйствій и впереди всѣхъ, — должны думать объ опасностяхъ, но, во всякомъ случаѣ, ожидать нападенія въ эту ночь нѣтъ основанія, потому что турки не могутъ свалиться какъ снѣгъ на голову; а до сихъ поръ ихъ нигдѣ не замѣтили неподалеку отъ Габрова; слѣдовательно, можете спать покойно.

Ночь дѣйствительно миновала безъ всякихъ приключеній; однако, въ головѣ все время бродили разныя невеселыя мысли и отгоняли сонъ, такъ что мнѣ удалось заснуть только къ утру. Но тутъ одинъ ранній и неожиданный посѣтитель разбудилъ меня. Это былъ докторъ Анучинъ, главный врачъ лазарета девятой дивизіи.

— Извините, что я разбудилъ васъ такъ рано, — сказалъ онъ, и, взглянувъ на часы, которые показывали только пять, продолжалъ: — я къ вамъ по дѣлу... Извольте видѣть, нашъ лазаретъ получилъ распоряженіе выступать немедленно въ горы на перевозочный пунктъ, и не больше какъ черезъ часъ мы вы-

ѣхаете... Я принялъ васъ спросить, что вы намѣрены предпринять, такъ какъ Габрову... по всей вѣроятности, угрожаетъ опасность... нѣкоторая опасность... Вы можете съ ваггнмъ отрядомъ пріѣхать туда же, къ намъ, но дѣло въ томъ, что если и вы уѣдете отсюда, то въ Габровѣ не останется ни одного русскаго врача. Докторъ Христовъ будетъ заваленъ работой въ своей больницѣ, и въ случаѣ, если привезутъ нашихъ раненныхъ, онъ не въ состояніи будетъ помочь имъ; поэтому вы сдѣлаете истинное благодѣаніе, если останетесь здѣсь. Оно, изволите видѣть, немножко рискованно, потому что можетъ случиться что-нибудь, такъ какъ по всей вѣроятности... Сулейманъ... впрочемъ... можетъ быть, что...—онъ не рѣшался сказать прямо, что можетъ быть.

— Въ такомъ случаѣ мой совѣтъ вамъ,—продолжалъ—онъ, отступать къ Тѣрнову... Такъ, какъ вы рѣшаете? поѣдете-ли за нами на перевязочный пунктъ, или останетесь здѣсь? Раненые могутъ прибыть сюда даже сегодня, потому что на Шинкѣ, куда направилась армія Сулеймана, ждутъ большого дѣла.

— Разумѣется, я останусь въ Габровѣ,—отвѣтилъ я,—необходимо остаться здѣсь... Ну, а относительно опасности угрожающей городу, вѣдь существуетъ только вѣроятность, возможность. Будемъ думать, что она не придетъ, а тамъ—посмотримъ.

— Ну, и чудесно,—сказалъ онъ, довольный моимъ рѣшеніемъ.

— Такъ ужъ вы пожалуйста къ намъ сейчасъ, чтобъ принять остающихся здѣсь больныхъ. Ихъ теперь не много, — больныхъ сорокъ одинъ, а раненныхъ только шесть человѣкъ.

Докторъ оставилъ меня; я и товарищъ мой тотчасъ стали одѣваться, и въ шесть часовъ мы были въ лазаретѣ. Я принялъ больныхъ, между которыми двое были тяжело-раненные, и вышелъ проводить уѣзжавшихъ товарищей, сожалья, что необходимость не позволяла мнѣ отправиться вмѣстѣ съ ними. Наконецъ они уѣхали со всѣмъ подвижнымъ составомъ. Я остался одинъ со своимъ помощникомъ, еще двумя студентами ¹⁾, пріѣхавшими два за два передъ тѣмъ, и тремя сестрами, изъ которыхъ одна была ужасно недовольна на меня за то, что я рѣшилъ остаться здѣсь, а не ѣду на передовой перевязочный пунктъ. Тамъ, правда, было и безопасно и интересно; но она скоро убѣдилась, что намъ уѣхать изъ Габрова было непозволительно.

Обойдя больныхъ и перевязавъ упомянутыхъ тяжело-раненныхъ,

¹⁾ Бочаровъ и Соколовскій.

а остальныхъ поручивъ своему помощнику и двумъ изъ сестеръ, я отправился съ третьей въ болгарскую больницу, чтобъ передать ее теперь исключительно на попеченіе доктора Христова. Я засталъ его тамъ, объявилъ эту не совсѣмъ пріятную для него новость, и приступилъ къ послѣдней визитаціи; онъ работалъ съ сестрой въ одномъ домѣ, я въ другомъ. Визитація приходила къ концу, и въ послѣдней палатѣ, — первой отъ входа, — я перевязывалъ одного тяжело-раненаго въ голову болгарина, состояніе котораго требовало особеннаго вниманія: я рѣшалъ про себя вопросъ, вынуть ли ему сегодня кусокъ одной кости черепа или обождать еще. Мысли и вниманіе были такъ сосредоточены на больномъ, что я не слыхалъ разговоровъ, какіе вполголоса вели между собою другіе больные, про которыхъ я совершенно забылъ въ эту минуту; мнѣ казалось, что кругомъ меня мертвая тишина... Вдругъ словно духъ какой ворвался въ домъ, сразу черезъ всѣ окна и двери, пронесся по комнатамъ, неистово закричалъ на сто голосовъ, мгновенно привелъ всѣхъ въ неизобразимый ужасъ и, какъ ураганъ, сорвалъ съ своихъ мѣсть больныхъ, покойно сидѣвшихъ или лежавшихъ на кроватяхъ и помчалъ ихъ мимо меня къ выходной двери...

— Что такое? Землетрясеніе? Домъ рушится, или пожаръ? Я ничего не могъ сообразить... Что значить этотъ внезапный шумъ и взрывъ отчаянныхъ криковъ и воплей, этотъ неудержимый порывъ движенія къ выходной двери? Всѣ неслись мимо, поднимая руки вверхъ и крича съ сверхъ-естественной силой. Это поголовное сматеніе, этотъ ужасающій хоръ криковъ отчаянія, наполнившій душу холодомъ и поднявшій волосы на головѣ, ошеломилъ меня въ первое мгновеніе, такъ что, какъ ни старался я, рѣшительно не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что такое произошло; на яву-ли, наконецъ, все это? не страшный-ли это сонъ? — Но нѣтъ, это не сонъ; я не спалъ... Черезъ минуту, среди общаго гама, я разслышалъ слова: турци! черкезы! Тогда все объяснилось: значить, турки вступили въ Габрово... Свершилось! Вотъ когда разразилась давно ожидавшаяся бѣда.

Больничныя палаты мигомъ опустѣли; все неслоь мимо меня на лѣстницу, на дворъ и оттуда на улицу, кто какъ былъ, кто въ чемъ лежалъ, въ однихъ рубашкахъ, съ гипсовыми повязками, въ шинахъ, которыхъ люди срывали съ себя прочь, если онѣ мѣшали имъ бѣжать. Я было попробовалъ остановить ихъ, говоря, что никакихъ турокъ нѣтъ, — никто не слушалъ меня, а можетъ быть никто и не слыхалъ моего голоса; да я и самъ остановился тотчасъ въ раздумьѣ: а почему я знаю, что турокъ нѣтъ, а если

они въ самомъ дѣлѣ идутъ, или уже пришли? Тогда для чего оставаться здѣсь? Но тогда для чего и куда бѣжать?!... Паника сообщается быстро, и я повѣрилъ, что турки ворвались въ Габрово неожиданно.

То, что въ моемъ рассказѣ заняло цѣлую страницу, въ дѣйствительности было дѣломъ момента. Все вдругъ началось и вдругъ кончилось; продолжался только гулъ отъ криковъ и воплей тысячъ голосовъ. Какъ бы пробудившись отъ сна, я оглянулся кругомъ, взглянулъ на опустѣвшія комнаты и подошелъ къ окну, выходившему на улицу. Она была буквально набита народомъ, и опять, казалось, злой ураганъ трепалъ и волновалъ толпу, объятую страхомъ. Потерявъ сознание, она металась, то несясь въ одномъ направленіи, то опять возвращаясь назадъ; воздухъ былъ наполненъ рыданіями и воплями отчаянія, какъ будто, кромѣ людей, также рыдалъ и кричалъ каждый листъ плюща и винограда, увивавшихъ стѣны и ограды домовъ, какъ будто стоналъ и кричалъ каждый камень мостовой; воздухъ, казалось, сгустился отъ звуковъ и поднятой пыли, тоже какъ будто звучавшей. Такая минута! страшная минута! Никогда не забуду ея. Какъ дорога становится жизнь, когда ждешь, что вотъ-вотъ волосокъ ея оборвется...

Въ первое мгновеніе я рѣшилъ остаться на своемъ постѣ, возлѣ больныхъ, закурилъ папиросу, — можетъ быть, послѣднюю въ жизни, подумалось мнѣ, — и сѣлъ на стулъ ожидать, что будетъ и какъ будетъ. Видъ человѣка, сидящаго смирно и курящаго папиросу, подѣйствовалъ успокоительно на немногихъ больныхъ, оставшихся на своихъ койкахъ, потому только, что они не могли встать, такъ какъ въ ихъ ногахъ были перебиты пулями кости. Рыданія ихъ нѣсколько стихли; теперь они только молили Бога пощадить ихъ отъ жестокой смерти, но нѣкоторые метались въ отчаяніи и ломали руки. Сотрудникамъ своимъ я ровню ничѣмъ не могъ помочь въ настоящемъ случаѣ, какъ не могъ помочь самому себѣ. Сажу, жду выстрѣловъ и за ними еще болѣе оглушительнаго гама, новыхъ ужасныхъ криковъ убиваемыхъ людей, и передо мной мгновенно, какъ молнія, промелькнула картина моихъ собственныхъ мученій и смерти. Но когда эта первая минута умственного столбняка прошла, меня взяло сомнѣніе: — не можетъ-быть, чтобы извѣстіе о вступленіи непріятеля было справедливо, подумалъ я, и, сказавъ больнымъ, что сейчасъ вернусь, вышелъ на улицу, чтобы узнать что-нибудь. Но сомнѣніе не есть увѣренность и, выходя изъ больницы, я далеко не былъ увѣренъ, что не буду смятъ и раздавленъ или

вѣсть съ другими убить наступающими турками; сердце усиленно билось, я чувствовалъ, что мое лицо было блѣдно; а отъ происходившихъ вокругъ меня сдѣнь просто волосы на головѣ пошевѣливались. Я едва пробирался чрезъ волновавшуюся толпу бѣгущихъ и рыдающихъ людей, по преимуществу женщинъ, растерявшихъ въ суматохѣ своихъ дѣтей, — дѣтей, искавшихъ своихъ матерей и отцовъ, и едва удерживался, чтобъ меня не сбили съ ногъ. Женщины рыдали и, увидавъ меня, обращались ко мнѣ съ вопросами: — турки уже пришли въ Габрово? уже близко? Что надо дѣлать? — и хотя я отвѣчалъ имъ, что нѣтъ никакихъ турокъ, что все неправда, онѣ продолжали рыдать, приговаривая: Боже! сейчасъ насъ всѣхъ зарѣжутъ, убьютъ дѣтей, зажгутъ дома, насъ бросать въ огонь!.. О, Боже! Боже! Что-же намъ дѣлать! Мужчины, всѣ вооруженные, хотя казались также испуганными страшною вѣстью, но были гораздо покойнѣе и вскорѣ они тоже стали сомнѣваться, что турки въ самомъ дѣлѣ пришли въ Габрово; потомъ на улицѣ показались полицейскіе и старались успокоить толпу, крича: нѣма турци, черкези, нѣма ништо! Куда вы? кто вамъ сказалъ? Все вадоръ. Ступайте сейчасъ по домамъ и не смѣйте толпиться на улицѣ. Эти полицейскіе шли по улицѣ съ той стороны, откуда долженъ былъ придти непріятель, а въ противоположной сторонѣ я увидѣлъ, обернувшись, попа Стефана, во главѣ небольшого вооруженнаго отряда болгаръ. Попъ Стефанъ шелъ тоже съ ружьемъ на плечѣ. Онъ былъ сильно взволнованъ и утомленъ, его лицо горѣло; по лбу струились цѣлые ручьи пота.

— Нѣтъ нигдѣ никакихъ турокъ! — кричалъ онъ, обращаясь къ толпѣ: — успокойтесь и расходитесь по домамъ. Все наврали, говорятъ вамъ. Это все «бѣженцы» виноваты; все они сочинили, и я иду сейчасъ выгонять ихъ вонъ изъ Габрова. Пойдемте, прогонимъ ихъ отсюда! — Онъ набиралъ волонтеровъ; но войско его не прибывало, ибо каждый еще думалъ о своей головѣ и еще плохо вѣрили въ то, что про турокъ все наврали.

Попъ Стефанъ увидалъ меня и подошелъ.

— Что такое произошло? Гдѣ турки? Откуда они пришли или идутъ? — спросилъ я его.

— Да нигдѣ никакихъ турокъ нѣтъ, все выдумали и только смущеніе производить. Это все бѣглецы: увидали на горѣ какихъ-то людей, вѣроятно нашихъ же болгаръ, услышали въ той сторонѣ выстрѣлъ и крикнули: ай, ай! башни-бузуки, черкезы! Бѣгите! Спасайтесь; они ужъ идутъ въ городъ!... Ну, и пошло!...

Я иду, чтобъ выгнать всѣхъ бѣглецовъ на дорогу, къ Тёрнову. Пускай убираются отсюда!...

Странное и непріятное зрѣлище представлялъ этотъ апостолъ любви, всепрощенія и состраданія въ ближнему, когда онъ шелъ съ ружьемъ и вооруженными людьми выгонять непріятныхъ, голодныхъ людей, которымъ простиительно страшиться турокъ въ такой мѣрѣ и видѣть въ каждомъ пѣѣ, за каждымъ камнемъ башибузука и черкеса. И потомъ еще вопросъ, — дѣйствительно ли такъ было дѣло? Развѣ такъ легко открыть причину и виновника произведенной тревоги! Но нельзя строго судить и пона Стефана за принятую на себя воинственную роль, источникомъ которой было все же желаніе общаго спокойствія.

Я прошелъ по улицѣ дальше въ прежнемъ направленіи и, встрѣтивъ двухъ нашихъ офицеровъ, спросилъ ихъ:

— Что случилось, господа? — объясните пожалуйста. Было ли извѣстіе о приближеніи турокъ, объявили ли жителямъ, чтобъ спасались? Дѣйствительно опасность есть?

— Мы ничего не знаемъ. Никто ничего подобнаго не давалъ знать; по-крайней-мѣрѣ насъ не извѣщали; непріятеля въблизи Габрова никто не видалъ; въ противномъ случаѣ мы бы сейчасъ получили уѣдомленіе.... Говорятъ, тутъ, на улицѣ, будто по дорогѣ съ Шипки прискакалъ казакъ и, несясь во весь опоръ закричалъ: турки! турки идутъ сюда! Спасайся кто можетъ, и сѣрлся, усакававъ по дорогѣ въ Тёрново. Мы спрашивали у многихъ: а видѣли ли они этого казака? Одни говорятъ — не видали, а только слышали; другіе — будто бы видѣли сами, но отвѣчаютъ какъ-то нерѣшительно, такъ-что никакого толку не доберешься.... Но здѣсь опасности помуды нѣтъ. На Балканахъ теперь идетъ бой, это положительно извѣстно, — прибавили они.

Я не успѣлъ спросить о подробностяхъ, да едва ли они могли сообщить ихъ; кромѣ того, я торопился назадъ въ больницу, и пошелъ назадъ. Жители, видя меня идущимъ съ «страшной стороны», т.-е. отъ Шипки, останавливали меня вопросами: есть турки? Идутъ они или нѣтъ? Придутъ или не придутъ? Далеко ли они? и т. п.

— Да нѣтъ вовсе никакихъ турокъ и они не придутъ, — отвѣчалъ я направо и налѣво хватавшимся за мое платье несчастнымъ женщинамъ, таскавшимъ съ собой и за собой своихъ дѣтей. Наконецъ, мало-по-малу онѣ начали успокоиваться; теперь уже не метались, а стояли около своихъ домовъ; мужчины, казалось, совсѣмъ перестали ожидать непріятеля и уговаривали своихъ женъ разойтись по домамъ. Однако, улица все оставалась угро-

можденною людьми, навьюченными животными и повозками тѣхъ, которые, несмотря ни на что, покидали городъ и уѣзжали въ Тѣрново.

Войдя въ первое отдѣленіе больницы, я нашелъ въ ней сестру Теплякову, хотя и болѣе обыкновенно блѣдную, но продолжавшую перевязывать оставшихся раненыхъ, т.-е. тоже такихъ, которые не могли встать, не только бѣжать. Пришелъ въ другое отдѣленіе, только-что оставленное мною и, успокоивъ перепуганныхъ больныхъ, совсѣмъ приготовившихся къ неизбежной и мучительной смерти, сѣлъ отдохнуть. На улицѣ тоже стало утихать, и бѣжавшіе начали по-немногу возвращаться въ больницу; у многихъ еще оставались на глазахъ невытертыя слезы, и они еще дрожали отъ испуга; многіе не могли говорить отъ неровнаго, обрывавшагося дыханія.

Въ этотъ день больныхъ вернулось меньше половины; многіе же совсѣмъ и не вернулись.

Я пришелъ домой, гдѣ мнѣ рассказали о проявленіи паники въ монастырѣ и сосѣднихъ улицахъ: здѣсь происходило то же самое; словомъ, весь городъ, изъ края въ край, въ нѣсколько минутъ былъ поднятъ на ноги, — да не одинъ городъ, а и всѣ бѣглецы, кочевавшіе въ то время въ его окрестностяхъ, всѣ ближайшія деревни.

Итакъ, миновала еще одна грозовая туча, не разразившись кровавымъ дождемъ; произошла еще одна фальшивая тревога! Сколько ужъ ихъ пережили мы въ Габровѣ. Неприятны онѣ очень; но во всякомъ случаѣ лучше пережить десять, двадцать фальшивыхъ тревогъ, чѣмъ пережить одну настоящую. Бѣда могла быть только въ томъ, что мы, пожалуй, такъ привыкли бы къ нимъ, что не повѣрили бы извѣстію о дѣйствительной опасности.... Впрочемъ, едва ли, — дѣло слишкомъ серьезно, чтобъ можно было когда-нибудь остаться равнодушнымъ къ ужасу общаго смятенія.

Кончился этотъ день сильныхъ ощущеній, отъ которыхъ еще чувствовалась тяжесть на душѣ; наступила очаровательная лунная ночь, но ни красавица-луна, ни освѣщенный ею садъ и окрестныя горы, ни звуки вальса и польки, которые игралъ оркестръ военной музыки у квартиры Маслова, собственно для того, чтобъ успокоить встревоженные умы и сердца габровцевъ, — ничто не радовало, не доставляло душѣ обычнаго тихаго наслажденія, потому что въ ней не было и не могло быть покоя, потому что на Шипекъ, — мы теперь знали положительно, — происходилъ отчаянный бой. Сулейманъ-паша съ своей громадной арміей, которую онъ показавъ наканунѣ, пошелъ прямо на занятія нами

позиціи и открылъ жесточайшій огонь ружейный и изъ орудій, атакуя, можно сказать, горсть русскихъ, занимавшихъ укрѣпленія на перевалѣ. Пушечные выстрѣлы шипкинскихъ батарей всегда слышны въ Габровѣ, а когда къ ночи стихнетъ городской шумъ, они слышны особенно ясно. Думали, что сраженіе прекратится съ наступленіемъ ночи; оно не прекращалось, и доносившійся до насъ грохотъ отдаленныхъ пушекъ не позволялъ мыслямъ оторваться отъ мѣста, гдѣ въ то время лилась человѣческая кровь, ломались кости; люди уродовались или умирали, можетъ-быть, мучительною смертью. Положимъ, все это въ военное время обыкновенно, все легко оправдывается словами: что-жъ дѣлать, война! Но это «обыкновенное» дѣйствуетъ сильно, когда находишься вблизи мѣста боя или бойни людей.

Того же памятнаго девятаго августа, поздно вечеромъ, къ намъ доставили первыя жертвы шипкинскаго дѣла. Насъ было теперь семь человѣкъ: три сестры, три студента и я. Мы пришли принять отъ привезшихъ этотъ «ломъ», «бракъ» и начали о немъ свои заботы: размѣстили раненныхъ по палатамъ, уложивъ всѣхъ на кроватахъ или въ носилкахъ, напоили, накормили, но перевязывать, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, по случаю поздняго времени, не стали. Надо было дать покой имъ; надо было беречь свои силы для слѣдующаго дня, а можетъ-быть—и нѣсколькихъ дней, пока къ намъ подоспѣтъ помощь, въ которой мы такъ нуждались, потому что раненныхъ теперь уже было привезено до трехъ-сотъ, а завтра, говорили они, привезутъ гораздо больше. Офицеры и солдаты сообщали намъ, что турки наступаютъ съ отчаянной храбростью, что наши, хотя стоятъ крѣпко, но безъ подкрѣпленія имъ не удержаться ни за что: непріятель задавить ихъ своей огромной массой. Мы слышали, что въ Тѣрново уже послана депеша съ требованіемъ подкрѣпленія.

Въ теченіи всего слѣдующаго дня непрерывно прибывали раненные. Съ пяти часовъ утра въ лазаретъ кипѣла работа; въ четыре часа пополудни мы сбѣгли домой, пообѣдать и отдохнуть; не болѣе какъ черезъ полтора часа вернулись опять и ушли въ двѣнадцать часовъ ночи.

Работа распредѣлялась между нами такимъ образомъ: я, при помощи студентовъ Губарева и Бочарова, оперировалъ тутъ же, въ комнатѣ, служившей пріемнымъ покоемъ, слѣдовательно, посреди и на глазахъ множества раненныхъ и болгаръ, приходившихъ помогать намъ; а сестры съ третьимъ студентомъ, Соловковскимъ, занимались перевязкой самостоятельно, призывая меня на помощь въ особенныхъ случаяхъ. Благодаря заботамъ и рас-

порядительности уполномоченнаго общества Краснаго Креста, В. П. Глѣбова, въ нашемъ складѣ были въ достаточномъ количествѣ всѣ необходимыя для лазарета вещи: бѣлье, перевязочный матеріалъ, лекарства, инструменты, чай, сахаръ, свѣчи, табакъ, вино, вода и проч. Всего доставало на всѣхъ. Доставало и нашихъ силъ; послѣ шестнадцати-часовой работы мы не чувствовали большой усталости, но оттого, что мы почти ни на минуту не могли присѣсть въ теченіи всего времени, проведеннаго въ лазаретѣ, подошвы у всѣхъ насъ болѣли и горѣли такъ, что просто хочъ кричи. Ни въ какомъ положеніи нельзя было избавиться отъ этого невыносимаго чувства, забыть о своихъ подошвахъ, невозможно было заснуть отъ боли въ ногахъ. Нѣтъ, завтра надо будетъ, когда можно, работать сидя, рѣшили мы. Но этого не удалось осуществить, потому что число раненыхъ было уже значительно больше числа имѣвшихся кроватей; ихъ пришлось оставлять на полу въ носилкахъ; слѣдовательно, перевязывать ихъ приходилось присѣвъ на корточкахъ, слѣдовательно, опираясь на тѣ же подошвы. Оперировать сидя тоже было невозможно, и такъ опять цѣлый день проведенъ на ногахъ, почти не присаживаясь. А раненые прибывали и прибывали. Огромный домъ училища былъ весь полонъ. Я сталъ хлопотать объ отправкѣ легче-раненыхъ въ Тѣрново; но нигдѣ не могли достать необходимыхъ для этого подводъ. Вечеромъ пришелъ новый транспортъ и привезъ еще полтора ста человѣкъ. Для нихъ уже не было и носилокъ, и ихъ положили прямо на полу, на соломѣ и не только въ комнатахъ, а и во всѣхъ корридорахъ въ два ряда. Привосимыя съ мѣста боя вѣсти были не веселаго характера; всѣ усиленно говорили о необходимости поддержанія и поспорѣ, а то можетъ быть плохо. Съ вечернимъ транспортомъ пріѣхалъ докторъ, которому мы обрадовались, какъ помощнику, потому что мы уже начинали теряться посреди массы раненыхъ, но онъ былъ голоденъ и до того измученъ работой наканунѣ, на перевязочномъ пунктѣ, что рѣшительно былъ не въ силахъ помочь намъ. Мы окончили нашу работу этого дня въ первомъ часу ночи; но по совѣсти нельзя сказать, чтобы все было исполнено, что надо было сдѣлать; отдыхъ былъ необходимъ, иначе мы могли оказаться на другой день совсѣмъ ни на что не годными.

Наступилъ одиннадцатый день августа и третій день непрерывнаго шипивскаго боя. Опять мы съ зари въ лазаретъ; опять тѣ же сцены передъ глазами: тотъ же потрясающій душу хоръ стоновъ, вскрикиваній, хриплаго дыханія, ужаснаго кашля, пред-

смертной рвоты и просьбъ, просьбъ о помощи, раздающихся изъ сотенъ устъ разомъ...

Эти сцены и музыка, уже не дѣйствующія на сердце, повторялись и раздавались сегодня не только во всѣхъ углахъ лазарета, но и кругомъ его во всѣхъ концахъ дворовъ, усталыхъ вновь привезенными ранеными.

«Адь!» говоришь про себя, оглядываясь кругомъ и не зная откуда начинать, кому прежде помогать, потому что не ждутъ помощи и не взовутъ къ себѣ только уже умирающіе. Но привстаетъ человѣкъ даже и къ такимъ ужасамъ. Даже женское сердце черствеетъ въ этомъ морѣ страданій; и оно перестаетъ чувствовать жалость къ несчастнымъ страдальцамъ. Голова словно пьянѣетъ; перестаешь слышать вопли и стоны и какъ-будто вполонину сознаешь, что такое совершается кругомъ. И слава Богу, что это такъ: иначе не остался бы здѣсь или былъ бы бесполезнымъ терзающимся зрителемъ. Все существо какъ-то замерло, но ни на секунду не исчезаетъ одно желаніе, одна забота — помочь скорѣе каждому и всѣмъ. Эти желаніе и забота живутъ въ головѣ, въ душѣ, въ сердцѣ. Но, увы! всѣмъ помочь невозможно; приходится дѣлать выборъ — идти къ болѣе нуждающемуся въ пособіи и проходить мимо многихъ, восклицающихъ иной разъ со слезами: «опять мимо прошелъ! Господи! опять не слыхалъ». Они думали, что я не слыхалъ.... Я желалъ бы не слыхать ихъ, потому что эти слова, какъ ножомъ, кололи въ сердце.

Трудно было, очень было тяжело, и дѣло шло не такъ, какъ бы слѣдовало, вслѣдствіе крайняго несоотвѣстствія между числомъ нуждавшихся въ помощи и числомъ помогавшихъ. Дѣло страдало и не могло не страдать: о сортировкѣ раненыхъ, напримѣръ, не могло быть и рѣчи, потому что ее можетъ производить только врачъ, а когда же бы онъ, будучи одинъ, сталъ заниматься ею? А отъ невозможности сортировки раненыхъ при самомъ приѣмѣ изъ транспорта тратилось много дорогихъ минутъ на отыскиваніе болѣе серьезныхъ, раненыхъ въ палатахъ, корридорахъ и на дворахъ.

Идешь, спрашиваешь: ты куда раненъ? ты куда, ты куда? Кость цѣла? Пуля не вынута? И въ это время со всѣхъ сторонъ раздаются голоса: Ой, голова, голова! — Ой, смерть моя, пятку жжетъ! господинъ докторъ, перемѣните повязку, — больше не можно терпѣть! — Ваше высокоблагородіе! отнимите мнѣ ногу; будьте отецъ и благодѣтель, а то я помру, она ужъ почернѣла у меня совсѣмъ! — Да выньте же мнѣ пулю, явите божескую милость, вотъ вѣдь она близко, я ее слышу... Ой, да болить какъ проклятая! —

Переяжите меня,—меня ужъ три дня не перевязывали; въ ранѣ ужъ черви завелись!—Ваше благородіе! у меня уже зубы заболѣли держать бинтъ, нельзя ли его привязать къ чему?—просилъ одинъ солдатикъ, который держалъ свою раненую ногу въ приднятомъ положеніи, привязавъ ее однимъ концомъ бинта за столу, а другой взявъ въ зубы, чтобъ руки были свободны... Всѣхъ просьбъ и передать невозможно. Другіе носились съ раздробленными и висѣвшими пальцами, упрашивая отнять ихъ поскорѣе, чтобъ можно было скорѣе уйти отсюда, кому въ Россію, кому назадъ въ полкъ. Третьи не могли говорить, потому что пуля попала въ ротъ и разбила языкъ, зубы и небо. Эти подымали къ себѣ знаками, и если были грамотные, просили бумаги и карандашъ, указывая на мою записную книжку и вписывали въ нее свои просьбы. Одинъ писалъ, — «сдѣлайте, чтобъ я могъ пить; двое сутокъ капли воды не проглотилъ»; другой, — что онъ голоденъ, но не можетъ глотать пищи. Третій жаловался, что его душитъ, что онъ умретъ, если я не сдѣлаю ему операціи... Бѣдные, они считали меня всемогущимъ! Какъ глубоко несчастливъ тотъ человѣкъ, во всемогущество котораго вѣрять такъ искренно и твердо, какъ вѣрили солдаты во всемогущество доктора. Сто насмѣшекъ надъ нашимъ невѣдѣніемъ и безсиліемъ во многихъ случаяхъ лучше одной подобной фразы:—«я ужъ и не чаю добраться до вашего в—дія», — фразы, сказанной тѣмъ, кому ровно ничего сдѣлать не можешь...

Итакъ, отмѣтишь въ книжкѣ кому надо скорѣе помочь, чтобъ сейчасъ вернуться къ нимъ, и спѣшишь къ операціонному столу, на которомъ студенты хлороформируютъ больного для операціи.

— Докторъ, докторъ! — зоветъ сестра: — тутъ сильное кровотечение изъ раны; я не могу его остановить... Помогите, пожалуйста.

— Докторъ, потрудитесь пулю вынуть, зоветъ другая сестра.

— Больной заснулъ; нужно начинать операцію, — объявляетъ хлороформировавшій студентъ.

И эти просьбы и доклады зачастую слышались одновременно съ разныхъ сторонъ, такъ что не знаешь, къ кому идти. Стараешься по возможности исполнить всѣ ихъ и торопишься къ усыпленному больному, пока онъ не проснулся; а тамъ, смотришь, еще зоветъ къ себѣ беззвучнымъ голосомъ и манитъ рукой человѣкъ, на лицѣ котораго опытному глазу уже видна печать смерти. Онъ давно ловилъ и, наконецъ, поймалъ мой взглядъ, случайно упавшій на него. Подходишь. «Я скоро умру...—гово-

рить онъ едва слышно:—тутъ вотъ семь четвертаковъ у меня... Пошлите ихъ женѣ»...

Затѣмъ онъ диктовалъ адресъ; я записывалъ, принималъ деньги и умирающій успокоивался, а я бѣжалъ къ операціонному столу, стараясь, чтобъ еще кто не остановилъ меня, — опасеніе основательное, потому что, на ряду съ дѣйствительно нуждавшимися въ скорой помощи тяжело ранеными, приставало множество такихъ, у которыхъ раны по сравненію съ другими назывались у насъ «пустыми». Тѣмъ не менѣе для имѣвшихъ ихъ онѣ были и страшны и жестоко болѣли. Такимъ отвѣчаешь направо и налѣво: подожди, другъ, сейчасъ!—и проходишь мимо. Бываютъ и такіе, на тѣлѣ которыхъ пуля сдѣлала буквально царапину, тѣмъ не менѣе онъ лѣзетъ впередъ и больше другихъ требуетъ, чтобъ его скорѣе осмотрѣли и перевязали. Не зная, что у него за рана, подъ повязкой, уважишь жалобы и просьбы, остановишься и станешь осматривать. Но увидавъ, въ чемъ дѣло, пристыдишь такого молодца, а подъ сердитую руку и ругнешь.

— Ну, какъ же тебѣ не совѣстно лѣзть впередъ другихъ. Съ такимъ вздоромъ! Ты погляди кругомъ, — сколько раненыхъ и какихъ! Тебѣ и уходить-то съ позиціи вовсе не слѣдовало.

— Я опять назадъ пойду, — отвѣчаетъ онъ, конфузясь товарищей. Но лжетъ, — не пойдетъ онъ назадъ, а будетъ смотрѣть какъ бы попасть въ транспортъ или того хуже — убѣжать. Впрочемъ, къ чести нашихъ солдатъ, такіе между ними встрѣчались чрезвычайно рѣдко... Это знаютъ всѣ, кто слышалъ или читалъ о русскихъ солдатахъ. Часы проходятъ; работа кипитъ у всѣхъ; а дѣло, кажется, ни съ мѣста: все видишь около себя еще не осмотрѣнныхъ, не перевязанныхъ раненыхъ... Господи! Когда же это мы успѣемъ кончить!—воскликнешь мысленно, и скорѣе опять за дѣло, чтобъ не терять ни минуты. Но когда это удастся и когда не теряются цѣлые часы, особенно въ горячее время?.. Началъ операцію. Является посланный съ письмомъ и подаетъ мнѣ.

— Отъ господина начальника, — докладываетъ онъ, — просятъ поскорѣе къ себѣ.

У меня руки заняты, да и въ крови всѣ.

— Прочтите пожалуйста, — обращаюсь къ одному изъ помощниковъ.

«Ч—въ раненъ, — писалъ М., — сейчасъ привезли; придите поскорѣе помочь. Онъ у меня на квартирѣ».

— Хорошо, сейчасъ буду, — говорю посланному, и думаю: — «должно быть, тяжело раненъ; можетъ быть, жизнь въ опасности... Ч—въ хорошій, храбрый офицеръ».

По окончаніи операціи спѣшу въ квартиру М., который жилъ очень близко, — иначе я бы отказался и просилъ бы принести Ч—ва въ лазаретъ. Прихожу, вводить въ комнату раненаго, который глядитъ молодцомъ. Куда ранены? Въ ногу. Оказывается — пуля прошла черезъ икру, не повредивъ ничего важнаго. Мнѣ стало немножко досадно, что вызываютъ безъ особенной надобности, зная, сколько у меня дѣла, тѣмъ болѣе, что въ лазаретѣ имѣлась отдѣльная палата для офицеровъ... Отчего было не поступить прямо туда? Перевязавъ рану и успокоивъ Ч—ва на счетъ ея безопасности, я просилъ его перейти въ лазаретъ, что онъ и исполнилъ. Подобныхъ случаевъ было немного; но въѣдъ и времени и силъ было мало. Ноги просто отказывались держать. Подошвы жгло, какъ огнемъ, и, проходя черезъ мостъ, откуда видны нѣкоторые изъ Шипкинскихъ горъ, на которыхъ происходило въ это время сраженіе, я присѣлъ на минутку на перила. На мосту вдоль нихъ стояла толпа болгаръ и глаза всѣхъ были обращены къ этимъ горамъ, на которыхъ, то тутъ, то тамъ, ежесекундно являлись бѣлые клубы порохового дыма, и вслѣдъ за ними раздавались удары выстрѣловъ. Поднимаясь вверхъ, дымъ сливался въ одно общее облако, неподвижно стоявшее надъ горами; громъ пушекъ не умолкалъ буквально ни на минуту. Зрители, стоявшіе на мосту, были взволнованы и что-то говорили между собою о страшномъ наступленіи турокъ, объ ихъ громадныхъ силахъ; проходившія женщины прислушивались къ разговорамъ мужчинъ, со страхомъ посматривали на отдаленныя горы и восклицали про себя: — «Боже, дай имъ силу!» Всѣ ждали, чѣмъ это кончится, кто побѣдитъ, и не изъ увѣренности, а скорѣе отъ страха и изъ желанія не допускать возможности, чтобы турки могли одолѣть «братушекъ», т.-е. русскихъ.

Этотъ разговоръ — хотя я и не все понималъ въ немъ — и видъ этихъ горъ, съ поднимающимися на нихъ бѣлыми дымками, возвратили меня къ дѣйствительности, о которой я въ стѣнахъ лазарета на половину забывалъ. Хотя и тамъ шли разговоры между ранеными все о томъ же, но тамъ мнѣ нѣкогда было задуматься надъ ними... «А не веселая перспектива ожидаетъ насъ, если туркамъ удастся вырвать у нашихъ шипкинскій проходъ: тогда прощай Габрово!» подумалось мнѣ тутъ.

Вернувшись въ лазаретъ, я сталъ чаще и подробнѣе спрашивать вновь-прибывавшихъ съ Шипки солдатъ о томъ, что дѣлается на горахъ, вѣрно ли стоятъ наши, не отступаютъ ли турки и т. п. «Что теперь на Балканахъ, ваше в — діе, такъ и не дай Богъ!» былъ обыкновенный отвѣтъ: «такъ бьются, такъ

бьются!..» И отбѣчавшій махалъ рукой. «Что тамъ народу перепортили,—страсть! А турокъ все прѣтъ: его бьютъ ужасъ какъ, а онъ все въ атаку; отобьютъ,—онъ сейчасъ опять. И опять, и опять! Такъ лѣзетъ, проклятый, что до самыхъ «лежаментовъ» (ложементовъ) добирается, такъ что нашимъ приходится штыками его выбивать. Нынче утромъ турки такъ близко подступили, что за наши пушки руками ужъ хватались, проклятые. Наши отбиваются покуда, но однако же очень трудно приходится. Главное, что у него, у непріятеля, сила страшная, — нашихъ куда меньше; а теперь еще перебито, да переранено сколько. Наши бьются вотъ уже третій день, не спавши, не ѣвши, почти и не пивши, потому за водой за три версты ходятъ; положимъ, болгары носятъ воду,—ну, да когда еще дождешься; опять, не всякому и попадетъ. Думаешь: ночью напьюсь, а онъ, окаянный, и ночью стрѣляетъ. У него солдаты смѣняются: днемъ одни дерутся,—другіе на отдыхъ, а ночью—эти въ атаку, а тѣ идутъ отдыхать».

— Еще раненыхъ везутъ,—пришелъ увѣдомить насъ одинъ болгаринъ.

Дѣйствительно, вскорѣ прибылъ новый транспортъ, и хотя еще прибавлялъ намъ безотлагательной работы, но теперь, по крайней мѣрѣ, будетъ мѣсто куда положить, потому что начальникъ округа далъ знать, что достали много подводъ, на которыхъ можно отвезти большое число раненыхъ въ Тѣрново. На докторъ Пелшинскомъ, пріѣхавшемъ съ транспортомъ съ перевязочнаго пункта, какъ говорится, лица не было отъ утомленія и бессонныхъ ночей. Онъ спрашиваетъ меня: «что съ вами? вы больны?»—а я съ тѣми же вопросами обращаюсь къ нему; но мы оба были здоровы.

— А хорошо бы теперь отдохнуть,—говоритъ онъ.

— Мнѣ лишь бы можно было сидѣть, чтобъ дать отдохнуть подошвамъ.

Но объ отдыхѣ мы могли только говорить и мечтать: о пяти минутахъ покоя нельзя было думать. Спасибо еще, что докторъ пріѣхалъ: онъ взялъ на себя хлопоты по отправкѣ транспорта; я продолжалъ оперировать, и во время хлороформированія подлѣжавшихъ операціямъ раненыхъ, что иногда брало очень много времени, перевязывалъ другихъ, вмѣстѣ съ своими неутомимыми сестрами. Не святыхъ онѣ, какъ любятъ называть сестеръ нѣкоторые корреспонденты, но много грѣховъ имъ отпущается за ту хорошую службу, которую сослужили онѣ. По временамъ мы

обмѣнивались двумя-тремя словами все на-счетъ Шипки и опасности или безопасности Габрова.

— Что вы слышали?—спрашиваю Пелшинскаго:—вы были ближе къ источникамъ новостей.

— Слышимъ мы то же, что и вы, т.-е., во-первыхъ, безостановочную пальбу, а во-вторыхъ, что положеніе нашихъ защитниковъ, какъ рассказываютъ, очень незавидно; дѣла весьма серьезны, и хотя надежда выдержать до конца отчаянное наступленіе турокъ и удержать Шипку за собою еще не пропала, но, говорить, весьма слаба.

Во мнѣ однако ни на минуту не слабѣла вѣра въ героизмъ и мужество нашихъ солдатъ; я былъ убѣжденъ внутренно, что они устоятъ, какъ ихъ ни мало сравнительно съ силами непріятеля, какъ ни тяжело имъ, какъ они ни измучены; я оставался покойнымъ и успокаивалъ сестеръ, спрашивавшихъ по временамъ: «мы не въ опасности еще? — говорятъ, дѣла очень плохи». — «Работайте, работайте», отвѣчалъ я, «и не думайте объ опасности: развѣ не русскіе солдаты стоятъ на Шипкѣ!»

Однако съ каждымъ часомъ вѣсти, приносимыя съ Балканъ, становились все грознѣе и безотраднѣе и начинали тревожить спокойствіе духа.

— Нашимъ очень трудно, очень намъ плохо, — говоритъ одинъ солдатикъ, пока ему навлаживали гипсовую повязку на руку съ раздробленными костями.—Эхъ, если бы не рука, не ушелъ бы я оттуда!

Онъ замолчалъ и задумался; на глазу у него свернула слеза и прокатилась по загорѣлой щекѣ, покрытой пылью и высохшими потоками пота и грязи. И по такимъ щекамъ текутъ слезы...

— Какъ меня ранили, — продолжалъ онъ, — турки-было совсѣмъ ворвались въ наши укрѣпленія...

О чемъ взгрустнулось солдату? о чемъ была упавшая слеза? Не объ этихъ ли укрѣпленіяхъ, потому что онъ прибавилъ: «что послѣ стало, не знаю» — и опять задумался.

— А тогда мы ихъ славно угостили: сначала это залпами, залпами, да потомъ въ атаку сами, — турки и очумѣли. Они понимали, что намъ трудно, — знали, что нашихъ войскъ немного; думали: вотъ-вотъ сейчасъ сдадутся, а тутъ наступленіе. Сколько тогда мы ихъ тутъ положили! всякихъ — и бѣлыхъ, и черныхъ чертей, и тѣхъ подлецовъ, что по-русски говорятъ...

— Или у тебя рука совсѣмъ не болитъ, что ты все болтаешь?

— Болить, какъ не болѣть, когда кости поломаны, только можно потерпѣть. — Онъ говорилъ объ этой боли, какъ о прошлогодней или испытываемой другимъ человекомъ. — А если-бы у меня рука не болѣла, я бы этихъ подлецовъ!.. И что это у нихъ за люди, ваше в — діе, которые говорятъ по-русски — и такъ чисто, такъ прекрасно говорятъ, совсѣмъ какъ русскіе? — спрашивалъ онъ меня.

— Кто ихъ знаетъ. Равно можно думать: можетъ быть, татары или турки, которые въ Россіи долго жили, — можетъ, наши же бѣглецы какіе.

— У насъ такъ промежъ-себя говорятъ, будто это поляки въ турецкую службу «предѣлились».

— Не знаю, братъ: послѣ, можетъ, доберемся, — отвѣтилъ я, и, окончивъ повязку, спѣшилъ въ офицерскую палату, куда меня уже два раза приходили звать. Въ нее внесли только-что привезенныхъ нѣсколькихъ офицеровъ, которыхъ я перевязывалъ самъ; сестры получали ихъ послѣ и только легко раненыхъ.

— Ну, что, господа, на Балканахъ? — спрашивалъ я тѣхъ, кому не трудно было говорить. — Не сообщите ли чего повеселѣе, чѣмъ то, что мы до сихъ поръ слышали?

— Нѣтъ, скверно! Положеніе наше чрезвычайно опасно: турки уже заняли нѣсколько высотъ, которыя были въ нашихъ рукахъ, и теперь всѣ старанія ихъ направлены къ тому, чтобъ отрѣзать намъ отступленіе, т.-е. занять дорогу отъ укрѣпленій въ Габрово. На этотъ пунктъ они теперь и напираютъ главнымъ образомъ. Атакуютъ страшно. Это звѣри, а не люди. Кажется, нельзя представить себѣ болѣе ужасной и болѣе отчаянной атаки. Сулейманъ, говорятъ, рѣшилъ, во что бы то ни стало, отнять у насъ шипкинскій проходъ и укрѣпиться опять на Николаевской горѣ и другихъ высотахъ. Пожалуй, это и удастся ему, потому что наши окончателно выбиваются изъ силъ; вѣдь третьи сутки дерутся безъ отдыха. Солдатамъ своей арміи Сулейманъ, говорятъ, велѣлъ объявить, что кто не пойдетъ впередъ, а будетъ отступать не тяжело раненный, тотъ будетъ убитъ на мѣстѣ своими же или лишится головы дома... Да! тамъ теперь идетъ бой не на жизнь, а на смерть... Вернется ли кто оттуда... Богъ знаетъ. Мало войска у насъ, — вотъ въ чемъ бѣда; пока еще поддерживается надежда на скорую помощь, которую тамъ ждутъ съ часу на часъ. Если же новыя войска сегодня не поспѣютъ, — завтра, пожалуй, будетъ ужъ поздно: пожалуй, нѣкому будетъ помогать, потому что наши будутъ окру-

жены и лягутъ всѣ до одного, такъ какъ рѣшено въ плѣнъ живыми не сдаваться.

— Ну, дастъ Богъ, сдаваться и не придется, — отвѣчалъ я: — бранскій полкъ теперь ужъ, вѣроятно, пришелъ; а сегодня стрѣлки отправились туда... Будемъ лучше думать о побѣдѣ.

— Конечно... но если бы вы сами видѣли, то...

Такія же вѣсти доносились до моего уха отовсюду, гдѣ между солдатами шелъ разговоръ, а нѣкоторые изъ нихъ, видимо, падали духомъ и, входя въ лазаретъ, почти съ отчаяніемъ объявляли, что мы пропали теперь, что турки сегодня непремѣнно одолѣютъ нашихъ... Безпрестанно получались извѣстія, что такой-то убитъ, такого-то ранили. Сейчас узнали, что начальникъ 14-й дивизіи, М. И. Драгомировъ, раненъ въ колено пулею на-вылетъ, что, кромѣ него, ранено много штабъ- и оберъ-офицеровъ.

Мы прислушивались къ говору, горевали, страшились, но работа не останавливалась и кипѣла по-прежнему; однако всѣ приуныли; лица у всѣхъ стали серьезнѣе; мы невольно избѣгали разговоровъ между собою, кромѣ самыхъ необходимыхъ; старались даже не смотрѣть другъ другу въ глаза, чтобъ своимъ пасмурнымъ видомъ или проявленіемъ страха не смущать другого. Минутами просто руки опускались, когда, бывало, взглянешь вокругъ себя на этотъ полъ, на эти корридоры, дворы, сплошь заложженные искалѣченными людьми, изъ которыхъ половина не въ состояніи даже подняться безъ помощи... Чтѣ съ ними дѣлать, въ случаѣ если представится необходимость отступать? Положить на повозки и увести. Но сколько времени, какихъ усилій и хлопотъ стоить поднять и уложить даже небольшое число тяжело раненныхъ, — напримѣръ, съ переломомъ бедра, ранами живота, головы, груди. Тѣло ихъ дѣлается словно тяжелѣе. Гдѣ взять людей, умѣющихъ осторожно поднять ихъ? Нѣтъ ни такихъ людей, нѣтъ никакихъ приспособленій, чтобъ движеніе по дорогѣ въ тряской телегѣ было менѣе мучительно. «Не увести ихъ всѣхъ ни за что, если турки пойдутъ на Габрово», думалъ я. «А если не увести ихъ всѣхъ, — неужели уходить однимъ, бросивъ ихъ на вѣрную смерть отъ безпощадной руки непріятеля?..» Но опускавшіяся отъ тяжелыхъ мыслей руки быстро поднимались, какъ у машины, управляемой механикомъ, и дѣлали свое дѣло.

— Докторъ, докторъ! я за вами, — кричитъ прибѣжавшій студентъ: — пожалуйста въ 16-ю палату, тамъ у одного сильное кровотеченіе.

Подобныя приглашенія, постоянное безотлагательное дѣло и необходимость сосредоточить, во что бы то ни стало, все свое вниманіе на этомъ дѣлѣ, разгоняли мрачныя мысли, пока опять кто-нибудь не привозилъ съ Шипки новыя вѣсти. Вѣсти приходили непрерывно, но еще болѣе неутѣшительныя и зловѣщія.

— Наши совсѣмъ выбились изъ силъ, — сообщали только-что прибывшіе съ позицій раненные, — а турки наступаютъ все сильнѣе да сильнѣе; словно звѣри обовились; наши ужъ думаютъ отступать. Помощь придетъ еще не скоро; мы встрѣтили стрѣльцовъ почти-что на полѣ-дорогѣ. Должно думать, что нашимъ не удержаться. Имъ, пожалуй, и отступить нельзя будетъ, потому, какъ мы пошли оттуда, ихъ уже почти совсѣмъ отрѣзали; турки почти-что заняли дорогу.

— Пропали совсѣмъ! — выкрикиваетъ одинъ звонкоголосый казачокъ: — отступить теперь никакъ невозможно; теперь не-пріятель нашихъ безпремѣнно всѣхъ въ плѣнъ заберетъ, — либо перерѣжетъ всѣхъ.

Но говорилъ онъ объ этомъ такимъ тономъ, какъ-будто самъ вовсе не вѣрилъ своимъ словамъ.

— Ну, ну, полно врать! — прикрикнулъ я на него сердито, чувствуя и досаду, и горе, и страхъ за нашихъ защитниковъ, бившихся тамъ, на этихъ горахъ, за участь раненныхъ, за участь всѣхъ насъ и бѣднаго Габрова.

Хотя я и сказалъ солдату, чтобъ онъ пересталъ врать, но самъ хорошо зналъ, что онъ говорилъ правду, потому что кого я ни спрашивалъ — другихъ солдатъ, офицеровъ — всѣ говорили то же самое и почти тѣми же словами...

День уже клонился къ вечеру, и никто не смѣлъ спросить себя: «чѣмъ-то этотъ день кончится?» Лица у всѣхъ стали еще мрачнѣе; сердце ныло и начинала болѣть голова отъ тяжелыхъ мыслей, отъ криковъ и стоновъ, отъ спертаго воздуха, пропитаннаго испареніями массы до-нельзя грязныхъ людей, запахомъ свѣжей и разложившейся крови на снятыхъ повязкахъ, которыя были разбросаны по всему полу, залитому водой и кровью, и лежали цѣлыми кучами подъ столами, потому что выносить ихъ было нѣкому: болгарки, бывшія прежде въ лазаретѣ въ качествѣ прислуги, мало-по-малу разошлись по своимъ домамъ, такъ какъ имъ теперь было не до раненныхъ, — онѣ, какъ всѣ жители Габрова, думали о своемъ спасеніи и готовились къ бѣгству. Почувствовавъ головокруженіе и чтобъ опять не упасть въ обморокъ, какъ случилось вчера, я вышелъ на минуту изъ лазарета вздохнуть свѣжимъ воздухомъ и прошелъ на мостъ,

до котораго было шаговъ полтора. На немъ, по-прежнему, стояли и ходили группы болгаръ, все смотрѣвшихъ на шинкинскія горы и слушающихъ несмолкавшую музыку пушечной пальбы. Увидавъ меня, они стали внимательно заглядывать мнѣ въ лицо, стараясь угадать по его выраженію, каково положеніе дѣлъ,—что было очень неприятно, потому что я чувствовалъ себя не въ силахъ сказать хотя одно ободрительное слово. Болгары знали, что изъ Тёрнова еще идутъ новыя войска, и ждали ихъ съ замираніемъ сердца, полагая на нихъ всю свою надежду. Я стоялъ на мосту и, задумавшись, смотрѣлъ на отдаленныя горы. Вокругъ меня шель несмолкаемый говоръ многихъ голосовъ... Вдругъ разомъ всѣ притихли и наострили уши: многимъ показалось, что вдали раздалась русская пѣсня, съ какою войска всегда вступали въ городъ, и вскорѣ потомъ звуки здоровыхъ солдатскихъ голосовъ донеслись до нашего слуха настолько ясно, что сомнѣнія ужь не было. Это шель волынский полкъ. «Война идетъ! война идетъ!» (т.-е. войско)—вдругъ раздалась крики радости и толпа бросилась съ моста къ той улицѣ, по которой обыкновенно войска проходили на Балканы, навстрѣчу солдатамъ.

Пѣсня неслась впередъ, слышалась все ближе, ближе и наконецъ разнеслась по всѣмъ переулкамъ города, проникла во всѣ дома и каждому удрученному страхомъ сердцу принесла радостную вѣсть надежды. Возвращаясь въ лазаретъ, я видѣлъ, какъ, заслышавъ ее, побѣжалъ изъ домовъ на улицу народъ, навстрѣчу войску, съ веселыми криками и смѣхомъ; иные бѣжали и скакали отъ радости, выкидывая въ воздухъ разныя когѣна. Восторгъ былъ таковъ, какъ будто ужь получилось извѣстіе о побѣдѣ надъ Сулеймановскою арміею. У женщинъ на глазахъ виднѣлись слезы, и онѣ тащили въ рукахъ, кто кувшинъ съ водою, съ молокомъ или виномъ, кто—мягкій хлѣбъ, цвѣты или образокъ, чтобы отдать братушкамъ, которые шли за нихъ и для нихъ. Вотъ они близко; пѣсня ихъ раздается такъ ясно, что почти можно разслышать слова... Слушая ее, я шель обратно въ лазаретъ. Что эта за пѣсня! И какъ поется она! Согласная, веселая, сопровождаемая по временамъ оглушительнымъ свистомъ и такимъ дикимъ, неистовымъ крикомъ какого-то удалца, что въ другое время этотъ крикъ перепугалъ бы ужасно, а тутъ онъ шель такъ встать и только прибавлялъ пѣснѣ огня и веселья. Сколько было въ ней жизни, удали, радости самой безграничной и счастья до самозабвенія,—счастья, которое, казалось, шлось черезъ край изъ глубины души пѣвцовъ. Да, они пѣли такъ, конечно, не по неволѣ: по приказанію начальства такъ

не пропѣть... Чудная, неизъяснимая сила жила въ этой пѣснѣ; чудное впечатлѣніе производила она на слышавшихъ ее: то становилось до безумія весело и хотѣлось пуститься плясать; то она осыпала морозомъ съ ногъ до головы, то, Богъ знаетъ почему, хотѣлось плавать и невозможно было удержатъ слезъ, подступавшихъ къ горлу. До самой глубины всѣхъ русскихъ душъ проникали ея звуки; всѣ сердца ожили; лица повеселѣли; многіе раненые крестились, говоря про себя: «слава тебѣ, Господи! Помоги имъ придти въ-время».

Разговоры стали веселѣе, словно войско уже пришло на мѣсто сраженія.

— Ну, теперь турковы дѣла плохи. Теперь ужъ наши не подадутся. Они ему пропишутъ. Нѣтъ, теперь, братъ, врешь! Покажутъ тебѣ, какъ въ атаку на русскихъ ходить.

Подобныя фразы раздавались въ разныхъ углахъ и у всѣхъ веселѣе становилось на душѣ при видѣ, какъ поднимался упавшій-было духъ солдатъ, а сознание, что теперь еще и волынский полкъ отдѣляетъ насъ отъ непріятеля, было достаточно, чтобы всякій страхъ разсѣялся: теперь между нами и турками словно воздвиглась еще крѣпкая желѣзная стѣна.

А работа въ лазаретѣ продолжалась безостановочно, какъ на фабрикѣ. Ободрившись и нѣсколько успокоившись нравственно, мы теперь только почувствовали сильную физическую усталость. Требовался отдыхъ, но о немъ нельзя было и думать, и мы продолжали переходить отъ одного раненаго къ другому; механически снимались повязки, осматривались раны, также механически моя рука, почти не выпускаящая ножа въ теченіи цѣлаго дня, разрѣзывала кожу, если въ тѣлѣ сидѣла пуля, доставала ее и прятала въ карманъ, или отрѣзывала раздробленные гранатами руки и ноги... Наконецъ, было сдѣлано все,—по крайней мѣрѣ не было упущено ничего важнаго. Уже наступила ночь, когда мы уходили изъ лазарета и, наконецъ, добрались до постелей. Изъ всего моего существа я сознавалъ только свои усталыя ноги и горѣвшія подошвы. Голова ни о чемъ не думала, а въ ушахъ раздавалась недавно слышанная молодецкая пѣсня, которая и теперь заставляла мои ноги приплясывать. Потомъ мысли обратились къ самимъ пѣвцамъ. Какъ они, эти солдаты, иди на бой, могутъ такъ задушевно пѣть такія веселыя пѣсни! Или они вовсе не думали о томъ, что, можетъ быть, завтра же вечеромъ, пожалуй, многіе изъ нихъ будутъ спать вѣчнымъ сномъ... Любопытный психологическій вопросъ, неразрѣшенный для того, кто самъ не бывалъ въ боевомъ огнѣ.

— Что вы чувствуете, когда идете въ бой?—спрашивають я у многихъ солдатъ.

— Сначала, вѣдь, какъ идешь только на Балканы, хочется поскорѣе придти и увидать, какія-такія Балканы; на промѣлтыхъ турокъ тоже любопытствуешь посмотреѣть. Ну, придешь, увидишь; потомъ отправятъ на позицію, въ бой. Сначала страшно, а тамъ, какъ скоро оглядишься, привыкаешь и чувствуешь только, что злость на турка разбираетъ; такъ бы, кажется, его живого зубами съѣсть. Только и ждешь, какъ бы до него добраться да сѣлѣться съ нимъ. А ужъ какъ схватились, какъ дошло дѣло до штыка, тутъ сдѣлаешься словно пьяный или дурной какой, всякое чувство потеряешь, а только обомлѣешь такъ, что ни страху, ни боли въ себѣ не замѣчаешь и жалости никакой къ человѣку не имѣешь. Прежде думалось, какъ это я человѣка убью; вѣдь страшно и грѣхъ, думаешь себѣ; а тутъ все позабылъ и грѣха не боишься. Хочется только одного, какъ бы побольше уколотить. Только не со всѣми одинаково бываетъ, иной никакъ привыкнуть не можетъ и бѣжить или прячется. Это ужъ такъ человѣкомъ. Вотъ и изъ господъ тоже есть много такихъ, который пошлетъ солдатъ впередъ,—стунайте, ребята, скажетъ,—а самъ останется сзади да и укроется въ безопасномъ мѣстечкѣ: умирать-то не хочется, потому—жизнь хорошая господская и смѣлости настоящей они не имѣютъ.

Итакъ, кончился тяжелый день, но не кончался бой на Шинкѣ; мы были, наконецъ, въ нашихъ постеляхъ, а тамъ не ложились спать и пушечные выстрѣлы, казалось, были еще чаще, чѣмъ днемъ.

На дворѣ стояла чудная лунная ночь, ясная, прохладная; въ воздухѣ царила совершенная тишина.

— Слава Богу, хорошо будетъ идти нашимъ солдатамъ—свѣтло и не жарко, — бесѣдовали мы съ товарищемъ: — а будь ненастная ночь—когда бы они добрались.

Свѣча была уже погашена; въ комнату лился черезъ окно лунный свѣтъ, но вскорѣ мы замѣтили, что свѣтъ вдругъ ослабѣлъ. Это показалось страннымъ, потому что на небѣ не было ни одного облачка, которое бы могло закрыть луну. Я выглянулъ въ окно и увидалъ начинавшееся лунное затмѣнiе, о которомъ мы предварительно ничего не знали, потому что сами находились, такъ-сказать, въ затмѣнiи, оттого, что или не получали газетъ вовсе, или получали запоздалыя и не каждый день по номеру, а разомъ недѣли за двѣ. Вслѣдствiе этого они читались плохо, а иногда, за недосугомъ, вовсе не читались, раско-

дясъ по рукамъ и погибая у взявшихъ ихъ на нѣсколько минутъ. Какъ солдатъ ничего «не можетъ знать», такъ и мы здѣсь по чистой совѣсти могли отвѣчать «не можемъ знать» на всякій вопросъ, не относившійся къ Габрову или Шипеѣ. Итакъ, лунное затмѣніе явилось для насъ полною неожиданностью; мы не знали, будетъ ли оно частное или полное и долго ли будетъ продолжаться, не говоря уже о томъ, отчего оно зависѣло. Оно помѣшало намъ спать и мы, болтая съ товарищемъ о минувшемъ и завтрашнемъ дняхъ, наблюдали за его ходомъ. Полежишь, полежишь и встанешь, посмотришь, какая произошла переменна. Дискъ луны закрывался все болѣе и болѣе; свѣтъ все слабѣлъ и, наконецъ, въ двѣнадцатомъ часу ночи наступила полная темнота, а луна, померкнувъ, представлялась какъ бы накаленнымъ красноватымъ шаромъ, висѣвшимъ на темномъ фонѣ неба.

Зловѣщимъ предзнаменованіемъ могло быть для турокъ это, такъ сказать, погашеніе луны, случившееся какъ разъ въ день рѣшительнаго боя на Балканахъ, и какъ намъ хотѣлось, чтобы оно было для нихъ зловѣщимъ предзнаменованіемъ.

Мы ждали, не затихнетъ ли канонада съ наступленіемъ полной темноты. Но нѣтъ, напротивъ, она началась еще ожесточеннѣе; видно, Сулейманъ-паша хотѣлъ показать, что онъ не суетѣренъ и умѣетъ пользоваться случаемъ: во время полного затмѣнія онъ, какъ намъ рассказывали потомъ офицеры, сдѣлалъ отчаянное наступленіе, сопровождавшееся сильнѣйшимъ артиллерійскимъ огнемъ. Въ эту ночь многіе въ городѣ совсѣмъ не ложились спать. Не спалось и намъ; мы опять зажгли у себя свѣчку, которая смутила монахинь; онѣ поднялись и все ходили по саду, заглядывая къ намъ въ окна, чтобы узнать, не укладываемся ли мы, не собираемся ли «бѣгать». Нѣкоторые подходили къ окну и спрашивали:

— Нужно ли «имѣть страхъ»?

— Во все не нужно, — отвѣчали мы: — зачѣмъ же теперь имѣть страхъ, когда еще новыя войска прошли на Балканы?

Но хотя мы и говорили это, въ насъ не могло быть увѣренности въ томъ, что побѣда останется за нами, потому что помощь могла не поспѣть во-время, къ самому критическому моменту, и непріятель просто задавилъ бы нашихъ массою своего войска. Мы съ нетерпѣніемъ ждали наступленія слѣдующаго дня, который долженъ былъ рѣшить, кому владѣть Шипкинскимъ переваломъ. Наконецъ, наступилъ этотъ день и въ три часа утра приходитъ во мнѣ окружной начальникъ, чтобы сообщить

послѣднія новости о дѣлахъ на Шипѣ. Вотъ что передалъ онъ. Бой былъ ужасный; офицеры и солдаты были близки къ отчаянію; они пережили въ ожиданіи прихода стрѣлковъ страшныя минуты, казавшіяся имъ недѣлями. Наконецъ, раздаются крики: ура! ура!—стрѣлки пришли!—и надежда воскресла; всѣ мгновенно ожили; у всѣхъ словно прибавилось силъ. Съ возобновленіемъ атаки, непріятель, уже мечтавшій, можетъ быть, о скорой побѣдѣ, вдругъ встрѣчается жесточайшими залпами, которые открыли по немъ стрѣлки. Ошеломленный этимъ неожиданно-сильнымъ отпоромъ, онъ отступаетъ назадъ; по немъ дѣлаютъ новыя залпы и бьютъ гранатами. Люди ложатся у него сотнями, но онъ опять переходитъ въ наступленіе и дѣлаетъ страшный натискъ, осыпая стрѣлками градомъ пуль и множество ихъ выбиваетъ изъ рядовъ. Еще разъ его отбрасываютъ, и послѣ этого онъ уже не испытывалъ больше своего счастья въ наступательныхъ дѣйствіяхъ...

Итакъ, славная побѣда осталась на нашей сторонѣ, хотя она стоила намъ не малыхъ потерь. Къ четыремъ часамъ утра вновь привезенными ранеными устлали снова весь полъ лазарета и весь дворъ. Черезъ полчаса я и мои помощники и помощницы явились служить имъ и облегчать ихъ страданія. Взглянувъ на измученныя лица сестеръ, я обратился къ нимъ съ вопросомъ.

— Можете еще поработать денёкъ, какъ работали послѣдніе дни? Сегодня должны явиться къ намъ на помощь другіе врачи; меня увѣдомили сейчасъ, что лазаретъ 14-й дивизіи долженъ сегодня придти, — тогда полегче станетъ.

— Ничего, мы вовсе не устали, — храбрились неутомимыя сестры, но сильная усталость ясно выражалась на ихъ лицахъ.

Сегодня мы раздѣлили поле нашей дѣятельности такимъ образомъ: сестрамъ предоставили раненыхъ, находившихся въ зданіи лазарета, а я, съ тремя студентами, взялъ себѣ дворъ, сплошь покрытый лежавшими на немъ людьми.

На дворъ вынесли нѣсколько столовъ, разложили и поставили на нихъ всѣ необходимыя для перевозки предметы, даже стулья для себя принесли; но сидѣть на нихъ почти не удалось, потому что, сидя на одномъ мѣстѣ, можно было оказывать помощь только легче раненымъ, которые могли сами подходить, но такихъ мы старались оставлять на послѣдокъ, а спѣшили помогать болѣе и скорѣе нуждавшимся въ нашей помощи.

Начались опять перевозка ранъ и операціи; операціи и перевозка ранъ. Оперировалъ я по-прежнему въ пріемномъ повоѣ

посреди и на глазахъ всѣхъ, находившихся тамъ раненныхъ солдатъ и болгаръ. Первые привыкли видѣть и не такія сцены, какъ отнятіе руки или ноги, а болгары смотрѣли со страхомъ и любопытствомъ на производство операций, — зрѣлище для нихъ совершенно новое и, должно быть, для многихъ неслыханное, потому что монахины, напримѣръ, потеряли большую долю уваженія ко мнѣ за то, что я дѣлалъ ампутаціи.

— Хорошій ты человѣкъ, докторъ Павелъ; только мы слышали, что ты людямъ руки и ноги отрѣзываешь... Это нехорошо; это большой грѣхъ, за который Богъ тебя накажетъ.

Несмотря на неожиданную помощь, какую мы имѣли сегодня въ лицѣ нѣсколькихъ барышень, пришедшихъ изъ болгарской больницы, и монахинь, а также простолюдиновъ мужчинъ и женщинъ, явившихся добровольно или призванныхъ, мы проработали безъ малѣйшаго отдыха ровно двѣнадцать часовъ, съ четырехъ часовъ утра до четырехъ пополудни, и эта работа была особенно тяжела, такъ какъ мы находились подъ открытымъ небомъ, а солнце жгло немилосердно.

Мужчины вносили или переносили раненныхъ и оперированныхъ; женщины раздавали чай, вино, водку, табакъ и обѣдъ; а также перемѣняли бѣлье. Всѣ эти предметы брались изъ склада общества Краснаго Креста; а нѣкоторыя болгарки, я видѣлъ нѣсколько примѣровъ, приносили сами рубашки изъ собственного бѣлья и надѣвали ихъ на солдатъ, вмѣсто окровавленныхъ, или, какъ онѣ говорили на своемъ языкѣ, «облекали ихъ въ чисты ризы». Барышнямъ и монахинямъ мы поручили приготовленіе изъ марли и пересыпаніе гипсомъ бинтовъ для такъ-называемыхъ неподвижныхъ повязокъ, какія кладутся на руки или на ноги, когда въ нихъ есть переломленные кости. Приготовленіе такихъ бинтовъ, которыхъ для каждой повязки требуется большое количество, беретъ много времени, такъ что оказанная въ этомъ отношеніи помощь была весьма важна для насъ. Она далъ намъ возможность сходить домой пообѣдать и отдохнуть. Вернувшись въ лазаретъ послѣ обѣда, мы получили извѣстіе отъ пріѣхавшаго съ Шипки казака, что скоро привезутъ раненаго генерала Драгомирова. Объ этомъ тотчасъ узнали всѣ солдаты и почти каждый знавшій его выражалъ сожалѣніе, что такого генерала ранили. Его привезли вечеромъ и помѣстили въ монастырь, въ бывшей комнатѣ игуменни; пріѣхавшіе вслѣдъ за нимъ Кадацкій, главный хирургъ арміи, и другіе врачи осмотрѣли его колѣно, прострѣленное пулей, и наложили гипсовую повязку. Узнавъ отъ насъ, что онъ можетъ снова сѣсть на лошадь не прежде, какъ черезъ

два-три мѣсяца, онъ рѣшился уѣхать въ Россію и на слѣдующій день лазаретная линейка увезла его изъ Габрова.

Въ этотъ же вечеръ прибылъ и лазаретъ 14-й дивизіи съ своими врачами, фельдшерами и санитарной прислугой, а черезъ два дня пріѣхалъ профессоръ Склифасовскій съ своими помощниками; мы встрѣтили ихъ съ большою радостью, потому что были утомлены ужасно и надѣялись теперь отдохнуть; мы надѣялись, что время нашихъ занятій теперь сократится на-половину; но слѣдующіе дни показали, что число часовъ, проводимыхъ нами въ лазаретѣ, не уменьшилось съ прибытіемъ лишнихъ рукъ; вслѣдствіе этого только улучшился уходъ за ранеными, потому что теперь каждому изъ нихъ можно было удѣлить больше времени. Число ихъ уменьшалось только по отправленіи транспорта въ Тѣрново, а потомъ почти сейчасъ же опять доходило до такой цифры, что лазаретъ снова переполнялся; опять ими устилались дворы, наполнялись шатры и устроенное мною съ согласія габровской игуменьи Евфросиніи отдѣленіе въ монастырѣ, гдѣ, кромѣ отведенныхъ комнатъ, былъ еще поставленъ въ саду у самой церкви лазаретный шатеръ. Только-что, бывало, работа начнетъ приходить къ концу, смотришь, двигается новая печальная процессія, состоящая изъ лазаретныхъ линейкъ и болгарскихъ телѣгъ, запряженныхъ волами или буйволами. Въ нихъ или лежатъ по одному и по два человѣка, или сидятъ трое-четверо, а то и болѣе. Входитъ врачъ, сопровождавшій транспортъ, и объявляетъ число привезенныхъ раненыхъ то 60, то 100, то 200 человѣкъ. Дѣлимъ ихъ между собою приблизительно по-ровну и опять начинаемъ сначала. Врачи, сестры, фельдшера и прислуга выбиваются изъ силъ, потому что число ихъ даже теперь оказывается недостаточнымъ...

Такъ проходили дни за днями. Погода стояла сухая, жаркая; бой на Шипкѣ не прекращался, а турки, прекративъ наступательныя дѣйствія, не переставали стрѣлять съ своихъ позицій съ ранняго утра до поздняго вечера, а иногда и по ночамъ. Черезъ Габрово проходили на Балканы новыя полки, доставляя намъ оттуда новыя жертвы. Удерживая въ своемъ лазаретѣ самыхъ тяжелыхъ больныхъ, мы отправляли другихъ, по мѣрѣ накопленія, дальше, въ военно-временные госпитали. Но сколько увозилось такихъ раненыхъ, которыхъ не отправили бы, если бы было мѣсто, гдѣ они могли бы оставаться. Вслѣдствіе этой печальной необходимости часто случалось присутствовать при весьма тяжелыхъ сценахъ, когда раненыхъ выносили изъ палатъ, укладывали въ линейки или на телѣги и во время движенія транс-

портовъ, особенно по горнымъ дорогамъ; на большія мученія обрекаются бѣдные раненые во время перевозки, и фразы, въ родѣ слѣдующихъ, очень часто раздаются то въ той, то въ другой повозкѣ:

— А, да несчастные мы люди! И за что только насъ такъ мучать!

— Боже мой, Боже мой! Что же ты не посылаешь мнѣ смерти!

— Ваше в—дѣ! прикажите меня вынуть, ради Христа; я не могу больше терпѣть, — не говорить, а рыдаетъ иной несчастный. — Прикажите оставить меня на дорогѣ и только положить въ тѣнь, да водицы воемъ меня поставить... Я тутъ и умру... Вѣдь мнѣ все равно помирать...

Какъ ножомъ въ сердце колятъ подобныя слова, и кажется, что обвиненіе въ причиненіи мученій относится лично къ вамъ; хотя вы и сознаете, что ни въ чемъ не виноваты, потому что вы не можете сдѣлать пребываніе въ извѣстномъ мѣстѣ безопаснымъ отъ наступленія непріятеля, не можете создать сейчасъ удобныхъ экипажей, достать лишнихъ подушекъ, чтобъ подложить подъ больное мѣсто, не можете иной разъ достать даже соломы, чтобъ раненые не лежали въ телегахъ почти на голыхъ доскахъ, какъ иногда случалось.

Леченіе остававшихся у насъ тяжело раненыхъ и оперированныхъ сначала шло успѣшно, потомъ лазаретъ пропитался миазмами; воздухъ въ немъ приобрѣлъ отвратительный запахъ, котораго невозможно было устранить нѣзлыми провѣтриваніями, куреніями и обрызгиваніями половъ, потолковъ и стѣнъ. Порчѣ воздуха въ лазаретѣ способствовало еще дурное устройство дома въ извѣстномъ отношеніи. Раны стали заживать плохо и мы стали терять большой процентъ оперированныхъ. Въ описанной обстановкѣ проходили наши дни съ 8-го до 21-го августа. Это былъ первый день, въ который намъ не доставили ни одного раненаго и, послѣ вчерашняго транспорта въ Терново, въ лазаретѣ осталось всего 152 человѣка. Вездѣ посвободнѣло, даже опустѣло, и прибранный, вычищенный, но все-таки зловонный лазаретъ и отсутствіе въ немъ суматохи, криковъ и стоновъ—все казалось мнѣ страннымъ. Въ этотъ день мнѣ въ первый разъ послѣ 8-го августа удалось провести дома цѣлыхъ 4 часа. На Балканахъ затихло; пушечныхъ выстрѣловъ сегодня не слышно; на душѣ стало легче и давно ужъ не спалось такъ покойно, какъ удалось заснуть сегодня. Мы думали, что наступилъ конецъ этой бойнѣ людей и что Сулейманъ убрался по-добру-по-здорову.

Гдѣ онъ находился, — положительно не знали; говорили, что его отозвали въ Константинополь; потомъ доходили слухи, что онъ, оставивъ часть арміи на Балканахъ, съ другою пошелъ въ Плевнѣ на помощь Осману-пашѣ; думали также, что, можетъ быть, онъ сидитъ на Шипкѣ и, пожалуй, еще попытается произвести наступленіе. Извѣстно было только, что турки остались на Балканахъ въ большомъ числѣ, заняли выгодныя позиціи на нѣкоторыхъ возвышенностяхъ и по ихъ лѣсистымъ склонамъ, что они строили новыя укрѣпленія, которыя отчасти разрушались нашими гранатами. Ружейная стрѣльба не прекращалась ни на одинъ день и въ лазаретъ ежедневно приносили по нѣскольку человѣкъ раненныхъ. Но теперь опасность была не велика и любопытство неудержимо влекло меня на горы, когда я смотрѣлъ на нихъ съ Габровскаго моста или изъ верхнихъ оконъ лазарета. Мнѣ уже давно хотѣлось познакомиться на мѣстѣ съ расположеніемъ позицій нашихъ и непріятельскихъ, посмотрѣть на страшную картину сраженія не издали, а вблизи; увидать рукопашную схватку и ея ужасныя послѣдствія; но, во-первыхъ, мнѣ невозможно было оставить свои обязанности; во-вторыхъ, всѣ говорили, что поѣздка на позиціи есть дѣло весьма и весьма рискованное. Тутъ все зависѣло отъ случая и быть убитымъ или получить тяжелую рану въ первую же минуту своего появленія было такъ же легко, какъ проходить черезъ частый лѣсъ задѣть нечаянно какую-нибудь вѣтвь. Въ самыхъ укрѣпленіяхъ еще есть болѣе безопасныя мѣста, но чтобъ добраться до нихъ, нужно проѣхать чрезъ такія мѣста дороги, которыя ничѣмъ не защищены со стороны непріятеля и постоянно обстрѣливаются имъ, такъ что движенія по этой части днемъ стараются избѣгать: турки стрѣляютъ даже по одному человѣку, какъ только онъ покажется, поэтому всѣ проходили и проѣзжали здѣсь по наступленіи ночного сумрака; въ потьмахъ подвозилось все необходимое для арміи, какъ сухари, патроны, снаряды; тогда же доставлялся ужинъ — онъ же и обѣдъ, — который готовился внизу, въ безопасномъ мѣстѣ; тогда же привозилась и раздавалась вода, тоже доставляемая снизу, такъ какъ на горахъ ея нѣтъ.

Итакъ, вотъ что говорилось о пути на Шипку; я не имѣлъ основанія сомнѣваться въ истинѣ разсказовъ, но я также давно убѣдился въ справедливости поговорки, что не такъ чортъ страшенъ, какъ его изображаютъ, и рѣшился въ первый свободный день съѣздить на позиціи. День этотъ пришелъ и я отправился.

Дорога изъ Габрова на Шипку идетъ сначала по узкой долины бурливой рѣчонки Янтры, чрезвычайно напоминающей сво-

имъ характеромъ долины горъ южнаго берега Крыма, потому отходить отъ нея влѣво и поднимается по болѣе или менѣе крутымъ подъемамъ все выше и выше, до самаго перевала. Вся эта дорога, длиною около пятнадцати верстъ, представляла въ то время непрерывную картину самаго оживленнаго движенія. Ближе къ Габрову она на большомъ протяженіи была обставлена по обѣимъ сторонамъ разсѣянными шалашами «бѣженцовъ», т.-е. несчастныхъ жителей разоренныхъ забалканскихъ городовъ; они сидятъ группами или бродятъ около своихъ убогихъ жилищъ; много ихъ встрѣчается и по дорогѣ, но тутъ, главнымъ образомъ, снуетъ русскій людъ и я не замѣтилъ ни одного изгиба дороги, гдѣ бы я ѣхалъ одинъ, не видя на этомъ участіи никого другого. Идутъ пѣшіе солдаты по одному, по два или больше; ѣдутъ верхомъ офицеры разныхъ чиновъ или доктора; везутъ пушки, запряженные иногда двѣнадцатью лошадьми; двигаются транспорты съ боевыми припасами и разными предметами продовольствія или возвращаются пустые телѣги; ѣдутъ телѣги съ поставленными въ нихъ разной величины котлами, наполненными водою; проходятъ частями войска... Все это движется въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, наполняя воздухъ нестройнымъ оркестромъ человѣческихъ голосовъ, стукомъ колесъ, прыгающихъ по каменистому шоссе, лязгомъ желѣза и бряцаніемъ цѣпей; проходящія войска горланятъ свои разудалыя зажигательныя пѣсни. Въ одномъ мѣстѣ у самой дороги находится колодезь, снабжающій водою большую окрестность: изъ него берутъ воду на позиціи, а также для разныхъ войскъ, стоящихъ неподалеку лагерями, сюда же приводятъ поить животныхъ, лошадей, воловъ и буйволовъ. Поэтому у колодца всегда давка страшная. Люди, запряженные телѣги и свободныя животныя сбиваются въ этой части дороги въ такую густую массу, что едва-едва можно пробраться верхомъ. Томимыя жаждой животныя рвутся къ водѣ, а выходящіе изъ терпѣнія солдаты колотятъ ихъ, кричатъ, ссорятся между собой; телѣги цѣпляются одна за другую и не рѣдко ломаютъ другъ друга; времени тратится пропасть, и все это происходитъ оттого, что не облегчили доступа къ водѣ, что было бы очень легко сдѣлать, устроивъ большіе желоба или корыта. Смотря на эту адскую и скучную работу, на эти мученія людей и животныхъ, я спѣшилъ поскорѣе миновать тяжелую картину. Поднимаюсь выше по длинному и довольно крутому подъему; вотъ показался домикъ въ родѣ избы; въ немъ находится крайняя станція нашего телеграфа на Шипку; за ней, мнѣ сказали солдаты, находится недалеко лазаретъ 9-й дивизіи, въ который я

вскорѣ и пріѣхалъ, найдя тамъ своихъ знакомыхъ товарищей-врачей.

По правую сторону дороги стояли только три шатра, а не пять, какъ подобаетъ лазарету, оттого что прошлой ночью здѣсь пронеслась буря съ градомъ, которая не только снесла всѣ шатры, поваливъ ихъ на землю, но нѣкоторые изорвала во многихъ мѣстахъ...

Хорошо было положеніе раненныхъ, врачей и всѣхъ, кому шатры служили кровомъ; но что подѣлаете съ природой, которая, повидимому, считаетъ долгомъ напомнить человѣку отъ времени до времени объ его ничтожествѣ передъ нею. Раненные помѣщались въ одномъ шатрѣ въ числѣ 29 человекъ и одного еще привнесли при мнѣ. Почти всѣ они получили раны на томъ роковомъ мѣстѣ дороги, о которомъ я говорилъ, и которому дали названіе «Райской долины» на томъ основаніи, что изъ этого мѣста очень легко переселиться въ рай.

Въ другомъ шатрѣ находился складъ разныхъ запасовъ для больныхъ и лазаретной прислуги; здѣсь же помѣщались главный врачъ и одинъ изъ ординаторовъ, а два другіе врача и аптекарь устроили себѣ квартиры въ лазаретныхъ линейкахъ. Я помѣстился съ первыми, такъ какъ у нихъ было просторнѣе, но только однимъ просторомъ они и могли похвастать: обстановка ихъ жизни была весьма не завидная; въ шатрѣ не было ни одного стола, ни одного стула, — столомъ служилъ пустой ящикъ отъ чего-то, стулья замѣнялись мѣшками съ овсомъ или крупой. Рассказавъ имъ о габровскихъ новостяхъ, какія были, я объяснилъ имъ цѣль моего пріѣзда, т.-е. желаніе съѣздить на позиціи. Они оба покачали головами и сказали, что это очень рискованное предпріятіе, особенно днемъ.

Ну, думаю себѣ, мы хотя и военные доктора, да не военные люди, — намъ все страшно; надо спросить смѣлаго, обстрѣленного человѣка, а у меня былъ такой, одинъ изъ ротныхъ командировъ знаменитаго орловскаго полка, Н. В. Карповъ.

Уже наступали сумерки; погода стояла превосходная; неприятель не стрѣлялъ; я пришелъ въ лагерь, гдѣ долженъ былъ находиться К., разыскавъ его и спросивъ его мнѣніе; но и онъ отвѣтилъ тоже, что днемъ опасно, и совѣтовалъ отправиться сейчасъ же, съ тѣмъ, чтобы ночью придти туда; остаться тамъ весь завтрашній день и опять въ сумеркахъ вернуться обратно. Но, къ сожалѣнію, я могъ располагать только однимъ днемъ и потому долженъ былъ отказаться отъ исполненія своего намѣренія. Съ нѣкоторымъ чувствомъ зависти посматривалъ я на ѣхавшихъ

къ позиціямъ солдатъ съ обозами и офицеровъ, завидуя имъ, а они, очень можетъ быть, завидовали мнѣ, что я не долженъ былъ туда ѣхать... Часто такъ бываетъ въ жизни.

Итакъ, съ сожалѣніемъ остался я въ лазаретѣ. Наступила ночь и такая свѣжая, что въ палаткѣ подъ толстымъ шерстянымъ одѣяломъ мнѣ отнюдь не было жарко. Это въ августѣ,—каково же здѣсь будетъ зимой, если мы не двинемся за Балканы,—подумалось мнѣ тогда...

Утро слѣдующаго дня, ясное и теплое, предвѣщало жаркій день. Я всталъ съ солнцемъ и пошелъ бродить, осматривая окрестную мѣстность, представлявшую море горъ, изрѣзанныхъ ущельями, одѣтыми лѣсомъ и отчасти воздвѣянными долинами, по которымъ виднѣлись нѣсколько разбросанныхъ деревень и между ними одна—«Зеленое Древо», ознаменованная нападеніемъ башнубузовъ на стоявшую тамъ болгарскую дружину. Вышедшій изъ линейки докторъ пришелъ ко мнѣ и помогъ мнѣ лучше ориентироваться, указавъ нѣкоторые изъ горъ, занятыя нашими войсками и укрѣпленіями, а также непріятельскими позиціями. На гребнѣ одной изъ послѣднихъ виднѣлась между деревьями одна батарея, и въ ней сегодня утромъ въ первый разъ замѣтили новую амбразуру, которой вчера не было, слѣдовательно, продѣланную только прошлою ночью. Она смотрѣла прямо на насъ, т.-е. на холмъ, гдѣ были расположены лазаретъ и лагеря нѣсколькихъ ротъ орловскаго и волынскаго полковъ. Любопытство неудержимо влекло меня впередъ и, выпивъ стаканъ чаю, я отправился вдоль по дорогѣ съ намѣреніемъ идти до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не остановитъ меня, предупредивъ объ опасности слѣдовать дальше. Нашелся и понутчикъ, докторъ Лыткинъ, знакомый съ мѣстностью. Вотъ идемъ мы вмѣстѣ, безпрестанно встрѣчая нашихъ солдатъ и, смотря на нихъ, не вѣришь, что находишься такъ близко отъ поля сраженія. Они точно дома, сидятъ, лежатъ или идутъ за хлѣбомъ, за саломъ, за виноградомъ или съ какими другими порученіями; находятся при обозахъ, возвращаются изъ лазарета въ полки и т. п. Пройдя около часа по дорогѣ, все въ гору и миновавъ другой, отдѣльно стоящій домикъ, занятый канцеляріей штаба 14-й дивизіи, мы увидели вправо отъ дороги, на холмѣ, нашу батарею и направились къ ней. Молчавшіе до тѣхъ поръ турки стали пострѣливать изъ ружей; выстрѣлы раздавались то отдѣльно, то по нѣскольку за-разъ и раздавались каждую минуту; это турки стрѣляли съ сосѣднихъ горъ на шоссе; но, хотя эти горы были у насъ въ виду, дальность разстоянія и, главнымъ образомъ, густой лѣсъ, покрываю-

щій занятые непріятелями склоны, совершенно скрывали турокъ; не видно было даже дыма отъ выстрѣловъ. Оставивъ шоссе, которое пошло дальше, все поднимаясь выше къ перевалу, мы пришли на батарею. Не военный и не бывавшій на театрѣ войны, читатель не посѣтуетъ на меня, надѣюсь, если я опишу ея устройство, хотя и кажется, что батарея такая обыкновенная и общезвѣстная вещь. На вершинѣ холма, покатаго съ одной стороны и круто спускавшагося по другую сторону, въ глубокое и обширное ущелье, противоположная сторона котораго принадлежала туркамъ, была сложена изъ толстыхъ правильныхъ кусковъ земли толстая стѣна, сажень до десяти длиною и такой вышины, что изъ-за нея выставалась только голова человѣка. Эта стѣна называется брустверомъ. Концы ея загнбаются почти подъ прямымъ угломъ, такимъ образомъ, находящіеся на батарее люди защищены отъ непріятельскихъ выстрѣловъ съ трехъ сторонъ, спереди и съ боковъ. Кромѣ только-что упомянутыхъ боковыхъ стѣнокъ, имѣются еще внутреннія перегородки, раздѣляющія всю батарею на извѣстное число отдѣленій, смотря по числу находящихся на ней пушекъ. Боковыя стѣнки и среднія перегородки настолько толсты, что въ нихъ подѣланы каморки или землянки, въ которыхъ солдаты могутъ отдохнуть въ свободное время или укрыться отъ жары или непогоды. Въ послѣдніе два дня передъ этимъ турки почему-то вовсе не стрѣляли изъ орудій; наши солдатики успокоились и, за исключеніемъ часовыхъ, всѣ запрягались въ упомянутыя каморки. Я заглянулъ въ нихъ. Одни спали, другіе сидѣли и чинили платье, третьи глубокомысленно играли въ шашки, слѣпленные изъ хлѣба... Это на батарее - то, въ виду непріятеля, хотя непріятель и не могъ видѣть какъ «московъ-гауръ» играетъ въ шашки.

Я продолжалъ осматривать батарею. Въ ней было шесть отдѣленій; въ каждомъ по пушкѣ или, выражаясь технически, по девяти-фунтовому орудію. Подъ каждымъ изъ нихъ устроены деревянные полъ, для того, чтобъ колеса ихъ не врѣзывались въ землю и чтобъ они могли свободно откатываться назадъ послѣ отдачи отъ выстрѣла. Жерла пушекъ, чрезъ сдѣланныя въ верхнемъ краю бруствера вырѣзы (амбразуры), глядятъ противъ непріятельскихъ батарей, служащихъ для нихъ мишенью, и самая завѣтная мечта каждаго артиллериста заключается въ томъ, чтобы «взаставить замолчать» непріятельское орудіе, т.-е. повредить ему лафетъ, колесо или какую другую часть, безъ которой оно не можетъ дѣйствовать.

Осмотрѣвъ все и разспросивъ у стоявшаго возлѣ пушки сол-

дата, нѣкоторыя подробности относительно заряжанія ея, способа наведенія въ цѣль и дѣйствія такъ-называемой дистанціонной трубки, я расположился-было возлѣ батареи съ бумагой и карандашомъ, съ намѣреніемъ набросать себѣ на память видъ мѣстности, открывавшейся съ этого пункта, но не успѣлъ сдѣлать нѣсколькихъ штриховъ, какъ на турецкой батарее въ той самой новой амбразурѣ, которую сдѣлали только прошлою ночью, показался клубъ бѣлаго дыма и тихо поднялся вверхъ. Звукъ выстрѣла не было, потому что онъ еще не успѣлъ дойти до нашего слуха.

— Ваше в—діе! — крикнулъ, какъ ужаленный, стоявшій у пушки солдатъ: — скорѣй пожалуйста за брустверь; турокъ гранату пустилъ. И вслѣдъ за его словами въ воздухъ прокатился ударъ и почти тотчасъ за нимъ послышался особый, своеобразный звукъ, издаваемый летящей гранатой, похожій, по-моему, на стукъ шибео-ѣдущаго по мостовой экипажа. Тотчасъ какъ раздался выстрѣлъ, солдаты пригнулись, чтобъ какъ-нибудь невзначай не лишиться головы. Я же не успѣлъ исполнить команды солдата — скорѣй за брустверь, и остался внѣ батареи; граната пролетѣла правѣ насъ, прямо, какъ казалось по звуку, за тотъ пригорокъ, позади котораго находился лазаретъ и лагерь. Мнѣ подумалось, что онъ непременно попадетъ въ средину ихъ и надѣлаетъ тамъ бѣдъ. Эта первая граната, пролетѣвшая хотя и не близко отъ меня, но пущенная въ ту сторону, гдѣ я находился, а не въ противоположную, не отъ меня, какъ это бывало, когда мнѣ случалось присутствовать при стрѣльбѣ изъ пушекъ въ цѣль, граната эта произвела во мнѣ, не скрою, весьма непріятное чувство страха: какъ всегда бываетъ съ новичками, мнѣ казалось, что она непременно попадетъ въ меня.

Раздавшійся непріятельскій выстрѣлъ въ одно мгновеніе всполошилъ нашу батарею и вызвалъ всю прислугу къ своимъ мѣстамъ. Солдаты зашевелились и принялись каждый за свое дѣло. Дыханіе у нихъ было замѣтно чаще и его можно было слышать со стороны;—видно къ мысли о возможности быть убитымъ не скоро совсѣмъ привыкнешь. Впрочемъ, смущеніе ихъ тотчасъ прошло; состояніе духа приняло веселое настроеніе и многіе ужъ смѣялись, болтая между дѣломъ. Наводчикъ сталъ смотрѣть въ прицѣлъ и направлять пушку въ ту точку, откуда показался дымокъ.

«А, собака! Въ насъ стрѣляешь! Ты опять стрѣлять, подлецъ!—приговаривалъ онъ, а самъ все наводилъ орудіе: — ну, погоди, братъ!»

На батарею явился командиръ ея, полковникъ Подтагинъ.

— У всѣхъ готово?—спросилъ онъ, проходя вдоль батареи и не обращая ни къ кому въ особенности.

— Точно такъ, ваше в—дѣ!

— Наведены на эту батарею?

— Такъ точно.

— Шестое, пали!—скомандовалъ онъ.

Нѣкоторые изъ солдатъ закрыли уши. Стоявшій у пушки отступилъ на шагъ, дернулъ шнурокъ, который былъ у него въ рукахъ и въ то же мгновеніе гранулъ оглушительный выстрѣлъ. Орудіе, которое везутъ восемь, а иногда двѣнадцать лошадей, откатилось назадъ словно легонькая игрушка: а полуторапудовая граната, шурша и присвистывая, полетѣла къ непріятелю.

— Ну-ка, скушай на здоровье, попробуй!—напутствовалъ ее одинъ изъ солдатъ, обращаясь съ предложеніемъ попробовать и скушать на здоровье къ ненавистному турку.

— Гостей-отъ принимай!—крикнулъ другой, и потомъ всѣ притавили дыханіе, пристально глядя на турецкую батарею. Я тоже весь превратился въ одно зрѣніе и мое сердце было полно однимъ желаніемъ, чтобъ «гостя» угодила въ самую средину, чтобъ или пушку искалѣчила, или народу побольше положила... Сверхъ-ное чувство,—но развѣ война можетъ рождать въ душѣ челоуѣка хорошія возвышенныя чувства, по отношенію къ непріятелю; — за то какъ растетъ любовь къ родинѣ! Чего не дѣлается ради ея, чѣмъ не жертвуется для ея пользы!

Граната, наконецъ, упала и разорвалась передъ батареей, чтб было видно по облачку дыма и столбу поднятой пыли.

«Недолеты!» — крикнули нѣсколько голосовъ изъ сосѣднихъ отдѣленій, и по этимъ голосамъ я тотчасъ понялъ, что у солдатъ каждаго орудія идетъ между собою состязаніе относительно мѣткости стрѣльбы. Неудачный выстрѣлъ вызываетъ насмѣшки, а счастливый рождаетъ невинную зависть и желаніе превзойти товарища въ искусствѣ наведенія.

— Пятое, пали! — отдалъ приказаніе командиръ. Потомъ опять—шестое, пали! третье, второе, четвертое и т. д.

Уже вслѣдъ за вторымъ выстрѣломъ отъ насъ другія батареи, со всѣхъ видимыхъ мѣстъ высотъ, открыли огонь, посылая гранаты все въ ту же точку, и пошла канонада. Непріятель вскорѣ замолчалъ; понемногу стали умолкать и наши пушки; потомъ вдругъ онъ сдѣлалъ два выстрѣла разомъ изъ двухъ орудій и уже съ другой батареей, устроенной лѣвѣе и ниже первой на покатости горы. Залпъ изъ двухъ орудій показался нашимъ ар-

тиллеристамъ почему-то особенно обиднымъ; они приняли его какъ совсѣмъ nepoзвoлитeльную дерзость и, все время бранясь, принялись громить эту вторую батарею; но турки, повидимому, не робѣли и продолжали отстрѣливаться. Первая батарея, замолчавшая было, вѣроятно, вслѣдствіе какого-нибудь поврежденія, опять начала дѣйствовать, направивъ теперь свое орудіе прямо на подтягинскую батарею, что заставило меня почувствовать себя еще хуже, чѣмъ послѣ перваго выстрѣла; но и теперь я скоро освоился съ опасной забавой, видя, что гранаты то не долетали и рвались внизу передъ нами въ ущельѣ, то проносились высоко надъ головой и падали на шоссе или летѣли черезъ него въ слѣдующую долину, гдѣ и умолкалъ ихъ зловѣщій рожокъ. Артиллерійское сраженіе продолжалось. Громъ выстрѣловъ и раскаты эха въ ущельяхъ, грохотъ и свистъ снарядовъ нашихъ и непріятельскихъ, оглашали воздухъ величественной, но страшной музыкой, и я, совершенно забывъ объ опасности, съ горячимъ любопытствомъ слѣдилъ за этой грандіозной игрой. Незамѣтно прошло болѣе часа съ тѣхъ поръ, какъ мы пришли на батарею, и какъ мнѣ ни хотѣлось остаться еще, я, не желая даромъ рисковать своею жизнью, ушелъ назадъ съ докторомъ Л. Теперь мы подвергались болѣе опасности, такъ какъ совершенно вѣрно сдѣлано замѣчаніе, что наиболѣе опасное мѣсто на полѣ сраженія не то, въ которое стрѣляютъ, а пространство вокругъ этого пункта. Поэтому мы не безъ волненія проходили первую часть дороги; однако любопытство все-таки заставляло меня останавливаться по временамъ, чтобъ еще взглянуть на привлекательную картину, мнѣ непремѣнно хотѣлось сдѣлать набросокъ этой мѣстности. Я остановился около упомянутого втораго домика и сталъ рисовать, прислушиваясь къ грознымъ звукамъ пушечной пальбы. Подходить одинъ офицеръ изъ домика.

— Не бойтесь, докторъ, быть раненымъ или убитымъ,—замѣтилъ онъ.

— Да мнѣ кажется опасность здѣсь самая незначительная;—вѣдь трудно гранатѣ изловить одного человѣка или даже упасть близъ него.

— Опасность не велика, правда, но тутъ, кромѣ гранаты, въ каждую точку можетъ упасть «шальная» пуля; вѣдь не проходить дня, чтобъ здѣсь не ранило кого-нибудь пулей или осколкомъ гранаты.

Предостереженіе было совершенно основательно; однако, я успѣлъ сдѣлать рисунокъ и вернулся въ лазаретъ, по направленію къ которому было пущено до тридцати гранатъ, но, какъ

оказалось, непріятельскіе выстрѣлы не сдѣлали ему никакого вреда... Стрѣляли ли турки именно въ лазаретъ или въ расположенный неподалеку лагерь—сказать трудно; во всякомъ случаѣ они не могли не видѣть флага съ краснымъ крестомъ, и снаряды ихъ ложились очень недалеко отъ мѣста, на которомъ стоялъ лазаретъ.

Передъ вечеромъ этого же дня я уѣхалъ въ Габрово. Долго еще слышались доносившіеся до моего уха выстрѣлы; а въ окружавшей меня природѣ было такъ покойно и тихо; неподвижно стояли деревья и кустарники, по которымъ порхали, посвистывая, синицы и другія птички—предвѣстницы уже наступавшей здѣсь осени. Ночь застала меня въ дорогѣ, когда я выбрался съ тропинокъ на шоссе и эта дорога ночью, какъ и днемъ, кипѣла движеніемъ, а множество костровъ по сторонамъ ея разводимыхъ безпріютными болгарами, чтобъ согрѣться, освѣщали ее, подобно иллюминаціи по случаю какого-нибудь торжества, но не весело и не торжественно было на душѣ, при видѣ этихъ несчастныхъ бездомовцевъ.

Д-ръ П. Пасецкій.

Габрово, 24 декабря, 1877.

ДАВИДЪ-ФРИДРИХЪ ШТРАУСЪ

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРЕКЪ.

IV*).

ЖЕНИТЬБА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Какъ ни тяжелы были для Штрауса, во многихъ отношеніяхъ, годы, истекшіе между удаленіемъ его изъ Тюбингена и прекращеніемъ богословскихъ занятій (1835—1841), въ послѣдствіи онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на самую счастливую эпоху своей жизни. Полный надеждъ и силъ, хотя и тогда уже нѣсколько наклонный къ меланхоліи, онъ переносилъ сравнительно легко всѣ постигавшія его невзгоды. Утѣшеніемъ для него служила поэзія, музыка, искусство. Жизнь въ Штутгартѣ, съ его театромъ, концертами, картинными галереями, была для Штрауса удобна и пріятна еще и потому, что онъ находился здѣсь въблизи немногихъ, но преданныхъ друзей, жившихъ отчасти въ самомъ Штутгартѣ, отчасти въ Тюбингенѣ, Гейльброннѣ, Людвигсбургѣ. Въ числу ихъ принадлежали не только товарищи по семинаріи и институту, но и болѣе молодые ученые (напр. Целлеръ), не только люди, раздѣлявшіе образъ мыслей Штрауса, но и богословы, не разорвавшіе своихъ связей съ церковью (напр. пасторъ Раппъ, тѣсной дружбѣ котораго съ Штраусомъ положила конецъ лишь смерть послѣдняго), даже мистики (напр. Кернеръ), не только дѣятели науки и литературы, но и художники (напр. музыкантъ Кауфманъ, для котораго Штраусъ написалъ оперное

*) См. выше: сентябрь, стр. 278.

либретто). Съ отсутствующими друзьями онъ поддерживалъ дѣятельную переписку, посвященную столько же вопросамъ искусства, сколько и вопросамъ науки. Набрасывая свои «Streitschriften», просматривая новыя изданія своей первой книги, готовясь къ составленію второй, Штраусъ находилъ время и для литературно-критическихъ очерковъ, и для поэтическаго творчества, которому онъ никогда вполне не измѣнялъ, но производительность котораго подвергалась сильнымъ колебаніямъ. Періодъ, о которомъ мы теперь говоримъ, сравнительно богатъ стихотвореніями ¹⁾. Грустную ноту, впоследствии преобладающую въ поэзіи Штрауса, мы встрѣчаемъ здѣсь только въ глубоко прочувствованномъ сонетѣ, посвященномъ памяти матери (XII, 19); все остальное или исполнено юмора, или дышетъ желаніемъ и предчувствіемъ любви, которымъ тогда томился молодой «Weltstürmer» ²⁾. Отголосокъ этого настроенія слышится даже въ позднихъ воспоминаніяхъ о немъ: «in dem engen Bücherzimmer, — пишетъ Штраусъ въ 1870 г., въ стихотвореніи, озаглавленномъ «Vor drei und dreissig Jahren», — wo ich einsam sann und schrieb, welch ein rosenfarb'ner Schimmer, welch ein frischer Lebenstrieb! Ja, es war ein süßes Träumen in dem milden Dämmerlicht; Blüthenschnee auf allen Bäumen — doch die Blüthen dauern nicht» (XII, 174). И дѣйствительно, цвѣтъ жизни расцвѣлъ для Штрауса не надолго. Въ 1836 г. пріѣхала въ первый разъ въ Штутгартъ извѣстная въ то время пѣвица Агнеса Шебестъ. Штраусъ, оча-

1) При жизни Штрауса только весьма немногія изъ его стихотвореній были напечатаны, но теперь большая часть ихъ вошла въ 12-й томъ собранія его сочиненій, подъ заглавіемъ: „Poetisches Gedenkbuch. Aus dem Nachlasse von D. F. Strauss“. Заглавіе это выбрано весьма удачно, потому что значительно бѣльшая часть всего написаннаго Штраусомъ въ стихахъ составляетъ именно исторію его внутренней жизни.

2) Обращаемъ вниманіе читателей, которые пожелали бы ближе познакомиться съ поэтическимъ дарованіемъ Штрауса, на прелестное стихотвореніе его, „Ostermontag“, написанное въ 1837 г. (XII, 11). Извлекаемъ изъ него нѣсколько строкъ, особенно характеристичныхъ для тогдашняго настроенія Штрауса: „In die Einsamkeit der Zelle, wo ich meinen lieben Winter, unter Büchern, sinnend, schreibend, muntern Kopfes, kühlen Herzens, so nach meiner Art verliebt, tritt am ersten Frühlingsmorgen, mit dem ersten Lerchentriller, mit dem ersten Veilchenduften, frühgezogene Blumen tragend, ein bescheidenes Mädchen ein“. Приходъ ея смущаетъ молодого философа, онъ не въ силахъ возвратиться къ прежнимъ занятіямъ, такъ какъ „Frühlingslüfte, Frühlingsvögel, kleine Liebesgötter auch, aus- und eingeflohen kommen, sich auf Kopf und Schulter mir, auf Papier und Feder setzen; so dass, wenn im ersten Willen ich mich rüste, diesmal etwas recht Gelehrtes aufzuschreiben, unvermerkt ein Liebeslädchen auf dem Blatte steht, und mich, seinen überraschten Vater, neckisch halb und halb in Mitleid, aus den Kinderaugen anblickt“.

рованный ея голосомъ и игрою, былъ ей представленъ, скоро полюбилъ ее и сдѣлалъ ей предложеніе, котораго она не приняла, потому что слишкомъ еще дорожила артистической карьерой; но они продолжали переписываться, и когда она, въ 1842 г., вновь появилась на штутгартской сценѣ, новое предложеніе Штрауса не было отвергнуто ею. Свадьба ихъ состоялась въ августъ 1842 г.; она оставила сцену, и молодые супруги поселились въ Зонтгеймъ, небольшомъ мѣстечкѣ близъ Гейльбронна. Друзья Штрауса съ самаго начала не ожидали для него добра отъ этой женитьбы. Агнеса Шебестъ могла составить счастье многихъ, только не Штрауса. Она была красавица, полная жизни и веселости, любезная и остроумная, отличная музыкантша и пѣвица; прошедшее ея было безупречно, она была вѣрною женою и, по крайней мѣрѣ, старалась быть хорошей хозяйкой (извѣстно, что для нѣмецкихъ ученыхъ это обстоятельство не послѣдней важности); Штраусъ, съ своей стороны, былъ созданъ для семейной жизни, дорожилъ ея тихими радостями, страстно любилъ дѣтей. Несчастье супруговъ заключалось въ томъ, что между ними было слишкомъ мало общаго. Когда Штраусъ познакомился съ Агнесой, она пріѣхствовала въ немъ его однофамильца, придворнаго проповѣдника въ Потсдамѣ, автора разныхъ такъ-называемыхъ «Erbauungsbücher»; о книгѣ, уже два года составлявшей предметъ разговоровъ и преній во всѣхъ сколько-нибудь интеллигентныхъ слояхъ нѣмецкаго общества, она, какъ оказалось, ничего до тѣхъ поръ не слыхала. Вообще развитіе ея оставляло желать весьма многого, а пополнить его пробѣлы было уже слишкомъ поздно (въ моментъ замужства ей было почти тридцать лѣтъ). Умственная жизнь Штрауса такъ и осталась для его жены книгой за семью печатями. Когда прошелъ первый пылъ страсти, онъ сталъ испытывать подлѣ нея, по выраженію одной его пріятельницы, «смертельную скуку». Найти необходимое для него умственное развлеченіе онъ могъ только въ кружкѣ своихъ старинныхъ друзей; но сношенія съ ними скоро были до крайности затруднены безграничною, почти безумною ревностью Агнесы. Сначала Штраусъ какъ будто покорился судьбѣ, сдѣлался домохозяиномъ, промѣнялъ свою трудовую жизнь на безмятежное существованіе фалистера, нянчащаго дѣтей, бесѣдующаго съ женой объ обѣдѣ и радующагося, когда прошелъ ничѣмъ не наполненный день. Въ этой душной атмосферѣ онъ прожилъ около года; больше онъ не могъ выдержать ея, и, вопреки желанію жены, переселился изъ Зонтгейма въ Гейльброннъ, чтобы быть ближе къ тамошнимъ друзьямъ своимъ.

Охота къ занятіямъ и здѣсь, однако, къ нему не возвращалась; по позднѣйшему выраженію его, онъ въ это время такъ же мало могъ думать объ ученѣмъ трудѣ, какъ человѣкъ, борющійся съ волнами, можетъ думать объ управленіи имѣніемъ, оставшимся у него на твердой землѣ. Между тѣмъ, для Штрауса работать и жить были словами почти однозначущими, тѣмъ болѣе, что у него не было постоянныхъ, обязательныхъ занятій, не было профессіи, кромѣ литературной. Онъ предложилъ женѣ разойтись—она на это не согласилась; онъ просилъ о разводѣ—для него не оказалось законнаго основанія; наконецъ, въ началѣ 1847 г., онъ купилъ желанную свободу уступкой женѣ, по крайней мѣрѣ, на время, обоимъ дѣтей (дочери и сына). Враги Штрауса не преминули, конечно, подхватить этотъ поводъ къ очерненію его имени. Исторія его семейнаго раздора проникла въ печать, причемъ вся вина взыаливалась на него, все сочувствіе доставалось на долю жены—и это неудивительно, потому что при отсутствіи осязательныхъ причинъ къ размовѣ ответственность за нее невинуемо должна была пасть, въ глазахъ общества, на того, кому вѣншиимъ образомъ принадлежала ея инициатива. Нравственная необходимость для Штрауса освободиться отъ давившихъ его узъ могла быть понята только при близкомъ знакомствѣ съ его характеромъ и умственнымъ складомъ. Но всего тяжелѣе было для Штрауса не осужденіе общественнаго мнѣнія, даже не разлука съ дѣтьми, а то двойственное чувство, съ которымъ онъ въ первое время послѣ разрыва относился къ женѣ своей. Онъ продолжалъ любить ее, вспоминалъ о ней съ глубокою нѣжностью и грустью—и вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ невозможность возвращенія къ ней. «Seit ich,—пишетъ онъ въ 1848 г.,—um schwerem Bann mich zu entziehen, von dir in's Weite bin hinaus gerannt, bleibt dir, ich mög' zur fernsten Küste fliehen, diess Herz, ein treuer Kompass, zugewandt... Was thun zur Heilung solcher Seelenpein? Mich nähern, um mich wieder zu entfernen? Fern bleiben, um dir ewig nah' zu sein?» (XII, 51). То же самое чувство выражено и въ другихъ стихотвореніяхъ Штрауса (XII, 46, 50, 59, 61, 63), относящихся къ 1848 и 1849 г. Иногда оно доводитъ его до отчаянія; посланіе къ друзьямъ, съ припѣвомъ: «Jhr habt gefunden, und ich suche noch», оканчивается словами: «nein, lasst mich traurig sein, und Jhr seid heiter; verzweifeln muss ich, und Jhr hoffet noch» (XII, 52). Еще мрачнѣе небольшой монологъ, подъ заглавіемъ «Westöstlich»: «Wo meine Heimath ist, das weiss ich nicht. Ich mein', ich hatt' einmal zwei liebe Kinder; ob dies nicht bloss ein Traum sei,

weiss' ich nicht. Ein Weib verstiehs ich: ob zu Hass die Liebe, ob Hass zu Liebe wurde, weiss ich nicht. Sie sagen, Bücher hatt' ich einst geschrieben: ob's Wahrheit oder Spott ist, weiss ich nicht. Nie hab' ich vor dem Tode mich gefürchtet; ob ich nicht längst gestorben, weiss ich nicht» (XII, 64). По простетивш двухъ или трехъ лѣтъ, смѣшанное чувство къ женѣ, причинившее Штраусу столько мученій, уступило мѣсто глухой враждѣ, прорывающейся иногда даже въ томъ, что написано Штраусомъ специально для сына и дочери (напр. въ автобіографіи, въ воспоминаніяхъ о матери). Выраженія этой вражды, двадцать лѣтъ спустя послѣ разлуки сохраняющей еще всю силу только-что вспыхнувшей страсти, производятъ тяжелое впечатлѣніе; съ перваго взгляда трудно понять, какъ совершился переходъ отъ вѣжныхъ сожалѣній къ горечи воспоминаній, ничѣмъ не скрашенной и не смягченной. Намъ кажется, что разгадку этого перехода слѣдуетъ искать въ невознагражденности вреда, причиненнаго Штраусу крушеніемъ его семейнаго счастья. Онъ былъ созданъ для правильной, безмятежной жизни нѣмецкаго ученаго, соединяющей въ себѣ самый широкій полетъ мысли съ самой скромной, узкой, вѣчно одной и той же житейской обстановкой. Онъ былъ бы счастливъ, если бы могъ, подобно Бауру, найти себѣ уютный уголокъ, въ одной изъ живописныхъ мѣстностей родной страны, вдали отъ политическихъ волненій—уголокъ, въ которомъ онъ имѣлъ бы кабинетъ и кабинетъ для ежедневнаго труда, небольшой кружокъ друзей для обмѣна мыслей, спокойный домашній очагъ для отдыха послѣ занятій. Одну половину этихъ скромныхъ благъ отняла у него первая его книга, закрывшая ему доступъ къ профессорской дѣятельности; другую ихъ половину онъ потерялъ вмѣстѣ съ женой, или, лучше сказать, вмѣстѣ съ женитьбой. Онъ остается теперь не только безъ семейства, но и безъ опредѣленнаго мѣстопробыванія; въ любимомъ своемъ Штутгартѣ онъ не можетъ жить потому, что тамъ поселилась его бывшая жена; въ не менѣе любимомъ Гейльброннѣ—потому, что тамъ, на глазахъ у всѣхъ, разыгралась грустная исторія его развода. Онъ становится, по выраженію одного изъ его біографовъ, кочующимъ ученымъ (fahrender Scholast), переѣзжающъ изъ города въ городъ, нигдѣ не находя душевнаго спокойствія. Мы видимъ изъ его стихотвореній, относящихся къ началу пятидесятихъ годовъ, что сердце его еще требуетъ любви,—но онъ боится искать ея и остается до конца жизни одинокимъ, глубоко тяготаясь одиночествомъ. Въ 1851 г. бывшая жена его возвращается ему, правда, обоихъ дѣтей, но онъ не рѣшается воспи-

тивать ихъ въ своемъ мрачномъ, опустѣломъ домѣ и отдастъ ихъ въ пансіоны. Позже выдается нѣсколько сравнительно-счастливыхъ лѣтъ, въ продолженіи которыхъ подростшая дочь его живетъ вмѣстѣ съ нимъ; но она скоро выходитъ замужъ и переезжаетъ въ другой городъ. Сынъ Штрауса—мало, повидимому, похожій на отца, болѣе или менѣе чуждый его умственнымъ интересамъ—становится ему дѣйствительно дорогимъ и близкимъ только подъ самымъ концомъ его жизни. Частныя перемѣны мѣсто-пробыванія и необходимость избирать его вдали отъ Штутгарта, отдаляютъ Штрауса отъ прежнихъ друзей и заставляютъ искать новыхъ; но пріобрѣтеніе и удержаніе ихъ крайне затрудняется характеромъ Штрауса, глубоко-измѣнившимся подъ вліяніемъ перенесенныхъ имъ испытаній. Лица, познакомившіяся съ нимъ въ Мюнхенѣ, въ 1849 г., рисуютъ его слѣдующими чертами: всякое сколько-нибудь многочисленное общество наводитъ на него нѣчто въ родѣ страха; онъ не принимаетъ участія въ общемъ разговорѣ, на вопросы отвѣчаетъ неохотно и коротко, отвѣты его не оправдываютъ ожиданій собесѣдниковъ. Двое знакомыхъ Штрауса, почувствовавшихъ въ немъ особенную симпатію, отыскиваютъ для него уединенную кофейню, гдѣ и проводятъ съ нимъ вечера ¹⁾ въ разговорахъ, веденныхъ шопотомъ, съ большими паузами; если въ это время случайно войдетъ въ кофейню кто-нибудь другой изъ общихъ знакомыхъ, Штраусъ упираетъ глаза въ полъ и совершенно умолкаетъ. Онъ подозрителенъ и недоувѣренъ, не понимаетъ шутки, не прощаетъ и не забываетъ даже легкихъ, ненамѣренныхъ оскорбленій. Одинъ изъ его мюнхенскихъ пріятелей, Штейбъ, въ рецензій на біографію Мерклина, сдѣлалъ нѣсколько ироническихъ замѣчаній объ этой книгѣ Штрауса, и въ-добавокъ имѣлъ безтактность сначала представить свою статью на предварительный просмотръ Штрауса, а потомъ напечатать ее, несмотря на явное неодобреніе послѣднимъ ея тона. Штраусъ не только прервалъ съ нимъ всякія сношенія—это было бы еще понятно,—но даже шесть лѣтъ спустя не захотѣлъ принять его и занесъ этотъ эпизодъ въ свою автобіографію, какъ одну изъ причинъ, сдѣлавшихъ для него нестерпимымъ дальнѣйшее пребываніе въ Мюнхенѣ. Понятно, что въ человѣкѣ, до такой степени изломанномъ жизнью, такъ болѣзненно воспринимающемъ даже мелкія ея невзгоды, легко могло возникнуть и пустить глубокіе корни враждебное чувство къ той, которая раз-

¹⁾ Известно, что въ Германіи, особенно южной, очень распространенъ обычай проводить вечера въ кофейной, пивной или ресторани, куда—а не къ себѣ на домъ—часто приглашаютъ другъ друга знакомые.

была въ немъ вѣру въ возможность счастья—все равно, была ли она на самомъ дѣлѣ въ чемъ-нибудь передъ нимъ виновата.

Какъ тяжела была для Штрауса супружеская жизнь, это лучше всего доказывается полнымъ упадкомъ его литературной производительности во все время этой жизни и возобновленіемъ ея немедленно послѣ разрыва съ женою. Въ 1842—46 г. онъ не написалъ рѣшительно ничего, ничего даже не предпринималъ и не задумалъ, и когда въ 1847 г. онъ, наконецъ, опять почувствовалъ себя свободнымъ, то очутился въ положеніи человѣка, только-что прибывшаго на родину послѣ дальняго и долгаго странствованія. Подобно тому, какъ возвратившійся путникъ прежде всего обращаетъ вниманіе на совершившіяся безъ него перемѣны, Штраусъ былъ пораженъ небывалымъ движеніемъ, среди котораго онъ проснулся отъ тяжелаго кошмара домашнихъ раздоровъ. Въ 1842 г. политическая жизнь въ Германіи была едва замѣтна—въ 1847 г. она начинала бить ключомъ, хотя и не безъ труда прорывавшимся наружу. Политическіе вопросы вообще не затрогивали Штрауса за живое, онъ относился къ нимъ, въ бѣльшей части случаевъ, довольно равнодушно; но въ это время въ политику втягивались всѣ, и Штраусъ не избѣжалъ общей участи. Послѣ небольшой біографіи мало извѣстнаго поэта Бауера, — лично для Штрауса всегда остававшейся особенно дорогою, потому что она была первою работою, нарушившею многолѣтнее его молчаніе, — Штраусъ принялся за біографію Шубарта, съ прямо выраженною цѣлью изобразить не только гибель таланта въ борьбѣ съ неблагоприятною обстановкою, но и картину бездушнаго, мелкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ злобнаго деспотизма, тяготѣвшаго надъ Германіею въ концѣ XVIII-го вѣка ¹⁾. Еще болѣе близкое отношеніе къ современности имѣла другая работа Штрауса, вышедшая въ свѣтъ въ томъ же 1847 г. и надѣлавшая очень много шума: «*der Romantiker auf dem Throne der Caesaren*», гдѣ подъ маской императора Юліана изображенъ тогдашній король прусскій, Фридрихъ-Вильгельмъ IV-й. Это не строго историческій очеркъ, а политическій памфлетъ, написанный чрезвычайно искусно. Оставляя въ сторонѣ многочисленныя черты характера Юліана, не укладывающіяся въ задуманный имъ портретъ, Штраусъ останавливается только на томъ, что можетъ служить

¹⁾ Шубартъ, подобно Штраусу людинсбургскій уроженецъ, былъ поэтъ, навлечшій на себя ненависть герцога виртембергскаго Карла — того самаго, который преслѣдовалъ Шиллера, — и заключенный имъ въ крѣпость Аспергъ, гдѣ онъ провелъ, въ самомъ тяжкомъ заключеніи, всѣ лучшіе свои годы.

²⁾ Она напечатана въ 1-мъ томѣ новаго изданія сочиненій Штрауса (стр. 177).

материаломъ для параллели, и рисуетъ передъ нами коронованнаго мечтателя, стремящагося поддержать искусственными подпорами старое, разваливающееся зданіе. Въ этомъ именно стремленіи къ старинѣ, конечно подновленной сообразно съ утонченной цивилизаціей вѣка, Штраусъ видитъ сущность романтизма, изъ бесплоднаго—становящагося опаснымъ, когда въ его руки попадаетъ политическая власть. Однажды отыскавъ точку зрѣнія, одинаково применимую, безъ особой натяжки, и къ IV-му вѣку, и къ настоящей минутѣ, Штраусъ даетъ читателю—особенно нѣмецкому читателю того времени, въ которомъ цензура, какъ это всегда бывало, развила крайнюю чуткость къ намекамъ—возможность безъ труда угадать въ христіанскихъ совѣтникахъ Констанція, вліяніе которыхъ Юліанъ обѣщаетъ себѣ сокрушить, еще будучи наслѣднимъ принцемъ—гегельянцемъ, столь могущественныхъ при Фридрихъ-Вильгельмѣ III-мъ; въ придворномъ философѣ Максимѣ—выписаннаго въ Берлинъ специально для борьбы съ гегельянствомъ Шеллинга; въ ученомъ министрѣ Аліній, строящемъ языческій храмъ въ Іерусалимѣ—Бунзена, помогающаго королю устроить протестантское епископство въ Палестинѣ; въ восстановленіи языческихъ святилищъ—достройку кельнскаго собора; въ декретѣ Юліана противъ «галилеянъ»—королевскій приказъ противъ протестантскихъ свободныхъ общинъ, и т. д. Даже между наружностью обоихъ своихъ героев—мнимаго и настоящаго—Штраусъ ухищряется найти сходство, невыгодное для послѣдняго. Исполненіе задачи, съ перваго взгляда довольно трудной, далось Штраусу очевидно легко; онъ работалъ надъ ней съ любовью, пропорціональной нерасположенію его къ тому, въ кого онъ металъ свои политическія стрѣлы. Нерасположеніе это сдѣлается вполне понятнымъ, когда мы познакоимся съ переменами, происшедшими въ протестантскомъ богословскомъ мірѣ со времени вступленія на престолъ Фридриха-Вильгельма IV-го. Да и помимо этого, помимо политическаго возбужденія минуты, направленнаго преимущественно противъ прусскаго правительства, вся натура Штрауса, жаждущая свѣта, мысли, критики, должна была возстать противъ полу-мрака, тумана, мечтательнаго реакціонерства, окрещеннаго имъ однимъ общимъ именемъ романтизма. Сильное чувство помогло ему найти форму, еще разъ доказавшую всю тщету стѣсненій печатнаго слова. Статья Штрауса, напечатанная съ разрѣшенія цензуры, произвела болѣе вѣднѣе, чѣмъ всѣ прямыя, часто до неприличія рѣзкія и до несправедливости злыя нападенія, сыпавшіяся изъ Швейцаріи противъ Берлина.

Наступилъ мартъ 1848-го г., и вмѣстѣ съ нимъ новый политическій строй для всѣхъ нѣмецкихъ государствъ, въ томъ числѣ и для Виртемберга. Торжествующая партія не могла не вспомнить о Штраусѣ уже потому, что онъ принадлежалъ къ числу пострадавшихъ отъ прежняго порядка вещей. Недавній успѣхъ его статьи о Юліанѣ окружилъ его имя еще болѣе блескомъ; отъ политическаго радикализма онъ былъ такъ же далекъ въ эту минуту, какъ и когда бы то ни было; но многими приобрѣтеніямъ движенія онъ сочувствовалъ отъ души и могъ искренно примкнуть къ рядамъ умѣренныхъ его приверженцевъ. Съ другой стороны, преобладаніе радикальной партіи въ Виртембергѣ было менѣе сильно и повсемѣстно, чѣмъ, напримѣръ, въ сосѣднемъ Баденѣ. Въ Гейльброннѣ она имѣла рѣшительный перевѣсъ, именно вслѣдствіе близости его къ баденской границѣ; но въ Людвигсбургѣ даже умѣренно-либеральная партія не была увѣрена въ побѣдѣ надъ консерваторами. Въ то самое время, какъ въ Гейльброннѣ другъ и единомышленникъ Штрауса Мерклинъ явился на выборахъ въ франкфуртскій сеймъ кандидатомъ либерально-консервативной партіи, а радикалы выставили и провели противъ него пивовара Гентгеса, — людвигсбургскіе либералы всѣхъ цвѣтовъ предложили кандидатуру Штраусу, а противникомъ его выступилъ пѣтистъ Гоффманъ (братъ того, котораго мы видѣли въ числѣ литературныхъ оппонентовъ Штрауса). Штраусъ, не колеблясь, принялъ предложеніе, и прямо изъ тиши кабинета перешелъ въ шумную сферу избирательныхъ митинговъ. Этотъ переходъ удался ему лучше, чѣмъ ожидали даже друзья его. Въ продолженіе одной недѣли онъ произнесъ, въ разныхъ мѣстностяхъ избирательнаго округа, пять рѣчей ¹⁾, сдумавъ соединить въ нихъ серьезность съ доступностью, вѣрность своему теоретическому міросозерцанію съ такимъ изложеніемъ его, которое бы не слишкомъ запугало боязливые умы. Онъ высказался за политическую свободу, за всѣ главнѣйшія реформы, стоявшія тогда на очереди; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предостерегалъ избирателей противъ всякихъ увлеченій, проповѣдывалъ имъ умѣренность въ требованіяхъ и надеждахъ, прямо порицалъ республиканское движеніе, только-что возникшее въ Баденѣ и открыто признавалъ себя монархистомъ. Всего выше онъ ставилъ государственное единство Германіи, представляя его себѣ именно

¹⁾ Рѣчи эти напечатаны въ первомъ томѣ новаго изданія сочиненій Штрауса (стр. 287), вмѣстѣ съ шестою рѣчью, произнесенною имъ послѣ выборовъ, для успокоенія либераловъ, хотѣвшихъ выместить свою неудачу на личности и влуществъ наиболѣе вліятельныхъ враговъ его.

такъ, какъ оно двадцать лѣтъ спустя осуществилось — какъ федерацію съ прусскимъ главенствомъ. Религіозные вопросы онъ сначала не хотѣлъ впутывать въ избирательную борьбу, и въ первой рѣчи не упомянулъ о нихъ вовсе; но противники его заставили его ихъ воснудиться, постоянно черпая матеріалъ для нападеній изъ учено-богословской его дѣятельности и стараясь выставить его, особенно въ глазахъ сельскаго населенія, врагомъ вѣры, чуть не антихристомъ. На эти нападенія Штраусъ отвѣчалъ указаніемъ на чисто-политическій характеръ предстоящаго избранія, позволяющій предложить избираемому одинъ только вопросъ: намѣренъ ли онъ охранять свободу всѣхъ вѣроисповѣданій? При утвердительномъ разрѣшеніи этого вопроса, вѣрованія кандидата становились совершенно безразличными для избирателей. Чувствуя практическую недостаточность такого отвѣта — теоретически безупречнаго, — Штраусъ присоединилъ къ нему короткій отзывъ о религіи вообще, пронизанный уваженіемъ къ нравственной сторонѣ ея. Нѣкоторые мѣста этого отзыва могутъ показаться не совсѣмъ искренними со стороны Штрауса, — напримѣръ то, гдѣ онъ признаетъ религію одною изъ основныхъ силъ человѣческой природы и приписываетъ себѣ желаніе только очистить, а не поколебать ее; но если принять въ соображеніе, что Штраусъ нѣсколько разъ измѣнялъ конечную цѣль, или, лучше сказать, степень напряженія своей отрицательной тенденціи, что къ безусловно крайнимъ выводамъ онъ пришелъ только въ концѣ своей жизни, и что еще за нѣсколько мѣсяцевъ до февральской революціи онъ помѣстилъ въ журналѣ «Reform», органѣ свободныхъ протестантскихъ общинъ, статью, сочувственную ихъ стремленіямъ, то всякое сомнѣніе въ искренности Штрауса придется признать лишненнымъ основаніемъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, можетъ быть рѣчь только объ увлеченіи съ его стороны, а не объ обманѣ.

Кандидатура Штрауса во франкфуртскій сеймъ не увѣнчалась успѣхомъ; она разбилась столько же о предрассудки крестьянъ, сколько о личныя связи Гоффмана, единодушно поддержаннаго нѣмцами всѣхъ оптѣнковъ ¹⁾. Собственно въ городѣ Людвигс-

¹⁾ Само собой разумѣется, что нѣмцы дѣйствовали съ обычной неразборчивостью въ выборѣ средствъ; однимъ изъ главныхъ ихъ оружій была исторія развода Штрауса, при чемъ они намекали, что онъ воспользовался частью имущества жены, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ не только не взялъ себѣ ничего ей принадлежащаго, но еще платилъ ей пенсію изъ своихъ собственныхъ средствъ. Когда одинъ изъ друзей Гоффмана осмѣлился повторить этотъ намекъ въ публичномъ собраніи, его заставили молчать крикомъ всеобщаго негодованія.

бургъ большинство голосовъ оказалось на сторонѣ Штрауса; но остальные мѣстности избирательнаго округа, съ нихъ преимущественно сельскимъ населеніемъ, доставили побѣду его противнику. Тогда лудвигсбургскіе избиратели рѣшились провести Штрауса по крайней-мѣрѣ въ виртембергскую палату депутатовъ, куда они посылали представителя одни, безъ участія окрестныхъ сельскихъ жителей. Это удалось имъ безъ труда; за Штрауса было подаемо громадное большинство голосовъ. Избраніе его состоялось въ маѣ 1848 г., но палата собралась только въ сентябрѣ; промежутокъ времени онъ провелъ въ Мюнхенѣ и его окрестностяхъ, въ томъ тяжеломъ настроеніи духа, о которомъ мы уже говорили. Парламентская карьера Штрауса началась рядомъ усѣблостей; онъ былъ выбранъ членомъ важнѣйшихъ комиссій, предложенъ даже въ-которыхъ въ президенты палаты; но скоро положеніе его совершенно измѣнилось. «Перевѣсь въ палатѣ, — говоритъ самъ Штраусъ въ своей автобіографіи, — оказался на сторонѣ радикальной партіи, чистота намѣреній которой въ моихъ глазахъ была сомнительна, грубый образъ дѣйствій которой былъ мнѣ противенъ. Я видѣлъ только страсть къ разрушенію, но мало умѣнья строить, и не могъ ожидать ничего хорошаго отъ возбужденной массы, руководимой честолюбивыми вождями. Вся моя натура, всѣ лучшія мои убѣжденія заставляли меня плыть противъ теченія — теченія очень порывистаго и бурнаго. Эта была бы еще не большая бѣда, если бы только у меня оказалась способность къ такому плаванію; но я скоро испыталъ на опытъ, что я не ораторъ. По природѣ мы, швабы, вообще не богаты ораторскимъ дарованіемъ; могъ ли бы я развить его въ себѣ практикою — не знаю, потому что именно практики-то мнѣ и не доставало. Короткія проповѣди, сказанныя мною въ качествѣ викарія и репетитора, были мною написаны и выучены наизусть; лекція мои я, какъ и всѣ тогдашніе виртембергскіе профессора, читалъ по тетрадкѣ. Между удаленіемъ моимъ съ наведри и вступленіемъ въ палату прошло, притомъ, пятнадцать лѣтъ; мнѣ минулъ уже сорокавой годъ. Я не могъ измѣнить своихъ привычекъ; и привыкъ въ парламентскихъ рѣчахъ ту же систему, какой нѣкогда держался при составленіи проповѣдей. Понятно, что съ такой системой въ парламентѣ далеко не уйдешь. Неспособность моя къ импровизаціи давала надо мной перевѣсъ каждой посредственности, владѣющей обыкновеннымъ даромъ слова, такъ, что положеніе мое въ концѣ-концовъ становилось нестерпимымъ. Къ тому слѣдуетъ еще прибавить, что мнѣ могла удасться рѣчь только о такомъ предметѣ, который я обдумалъ въ одиночествѣ; побывавъ въ пред-

парительность собраніи партій, я терялъ всякую способность говорить публично о томъ, что тамъ обсуждалось. И здѣсь во мнѣ свазывался писатель, пожалуй—поэтъ, котораго уже можно превратить въ практическаго человѣка. На самомъ дѣлѣ Штраусъ вовсе не былъ такъ неспособенъ къ парламентской дѣятельности, какимъ онъ себя представляетъ; если она скоро стала ему въ тягость, то объясненіе этому слѣдуетъ искать въ обстановкѣ, среди которой онъ долженъ былъ дѣйствовать. Законодательное собраніе небольшого нѣмецкаго государства никогда не можетъ играть выдающейся роли въ движеніи, общемъ для всей Германіи; въ 1848 г. дѣятельность отдѣльных палатъ еще болѣе обыкновеннаго затемнялась франкфуртскимъ парламентомъ, державшимъ въ своихъ рукахъ—такъ по-крайней-мѣрѣ тогда казалось—судьбу нѣмецкаго народа. Пруссія и австрійскія палаты могли еще претендовать, на-ряду съ нимъ, на значительную долю реальной власти; но въ Штуттартѣ, въ Дрезденѣ, въ Карлсруѣ палатамъ очевидно не оставалось ничего другого, какъ заняться въ типичнѣ устройствѣмъ дѣлъ второстепенной важности, не политическаго свойства. Ограничиться этой скромной задачей радикалы, все болѣе и болѣе усиливавшіеся въ виртембергской палатѣ, ни за что не хотѣли. Законы, подлежащіе обсужденію палаты, имѣли почти исключительно мѣстное значеніе и не давали повода къ громкимъ рѣчамъ, бурнымъ преніямъ; радикалы искали и находили такой поводъ въ безпрерывныхъ запросахъ министерству, составленному изъ умѣренныхъ либераловъ и потому не пользовавшемуся расположеніемъ большинства. Открыто возстать противъ министровъ большинство не рѣшалось, на словахъ выражало даже готовность поддерживать ихъ, но въ сущности сѣбѣ нило каждый ихъ шагъ и желало ихъ паденія, хотя и безъ твердой вѣры въ возможность замѣнить ихъ людьми болѣе крайняго направленія. Отсюда постоянное волненіе въ странѣ—волненіе, не имѣвшее опредѣленной цѣли и не приносившее именно потому никакихъ полезныхъ послѣдствій, да и для радикальной партіи служившее только мнимой, кажущейся поддержкой. Врагъ всякой двусмысленности, всякихъ самообольщеній, Штраусъ не могъ примкнуть въ радикальной партіи, какъ она того, основываясь на его предложеньи, ожидала; наоборотъ, отъ первоначальнаго нейтралитета онъ скоро перешелъ къ открытому противодѣйствию ея обычнымъ манѣврамъ. Его первая рѣчь, прямая, рѣшительная, хотя и сдержанная, произвела впечатлѣніе на всѣ партіи и заставила радикаловъ взять назадъ одно изъ обвиненій, введенныхъ ими противъ министерства; но положеніе оратора,

проповѣдующаго безпристрастіе посреди вражды партій, умѣренность посреди увлеченій — самое невыгодное изъ всѣхъ, и Штраусъ почувствовалъ это тѣмъ скорѣе, что умѣренно-либеральной партіи, въ которой онъ могъ бы найти прочную опору, въ виртембергской палатѣ въ это время не существовало. Люди, изъ которыхъ она могла бы сложиться и съ которыми Штраусъ могъ бы дѣйствовать за-одно, были представителями Виртемберга на франкфуртскомъ сеймѣ; для штутгартской палаты остались только политическія звѣзды второй или третьей величины, и между лѣвой стороной, руководимой фразерами, исателями популярности, и правой, закоснѣло-консервативной, почти не было середины, не было центра, въ парламентскомъ смыслѣ этого слова. Это было истиннымъ несчастьемъ для Штрауса, потому что заставило его сдѣлать большую ошибку — сблизиться съ прелатами и феодалами, людьми въ сущности гораздо болѣе чуждыми и враждебными ему, чѣмъ самыя беспокойныя радикалы. Чтобы доказать неестественность этого сближенія, достаточно назвать нѣкоторыхъ изъ числа новыхъ союзниковъ Штрауса: фанатика католицизма, профессора богословія въ Тюбингенѣ Куна; фанатика лютеранизма, прелата Меринга и, наконецъ, Менцеля, — того самаго Менцеля, противъ котораго была направлена одна изъ наиболѣе ядныхъ «Streitschriften» Штрауса! Нельзя не замѣтить, однако, что сближеніе Штрауса съ консерваторами было чисто внѣшнее; они, конечно, не переставали видѣть въ немъ автора столь извѣстной книги; онъ продолжалъ подавать противъ нихъ голосъ въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда на очереди стоялъ какой-нибудь законъ, вносящій новое начало въ экономическій или общественный бытъ страны (напр. законъ о правѣ охоты), а не одинъ изъ вѣчныхъ запросовъ, имѣвшихъ единственную цѣль — затруднить положеніе министерства. Въ консервативной партіи Штраусъ видѣлъ только временный оплотъ противъ радикализма, — меньшее, въ данную минуту, изъ двухъ золъ. Правильно ли былъ такой взглядъ въ то время, когда Вандишгрецъ бомбардировалъ Вѣну и Врангель принималъ начальство надъ войсками въ Берлинѣ — это другой вопросъ; мы хотимъ указать только на то, что примыкая, какъ случайный союзникъ, къ консервативному лагерю, Штраусъ не измѣнилъ выставленной имъ программѣ, не обманулъ своихъ избирателей. Но не таковы тогда были обстоятельства, чтобы образъ дѣйствій политическаго дѣятеля могъ быть предметомъ спокойнаго, безпристрастнаго обсужденія. Жители Людвигсбурга, выстѣ съ большинствомъ другихъ виртембергскихъ горожанъ все болѣе и болѣе склонившіеся на сторону радикализма, были недовольны своимъ депутатомъ, и ждали

только случая, чтобы выразить ему свое неудовольствие. Случай этотъ скоро нашелся. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ былъ разстрѣлянъ въ Вѣнѣ членъ франкфуртскаго сейма, Робертъ Блумъ. Въ средѣ виртембергской демократіи извѣстіе объ этомъ возбудило сильнѣйшее волненіе. Рѣшено было обратиться къ франкфуртскому центральному правительству съ просьбою принять мѣры къ снятію осаднаго положенія въ Вѣнѣ и къ предупрежденію на будущее время подобныхъ злоупотребленій военной власти. Противъ этого рѣшенія Штраусъ не протестовалъ, хотя и находилъ его лишеннымъ практическаго значенія. Но когда вслѣдъ затѣмъ лѣвая сторона предложила послать франкфуртскому сейму адресъ съ выраженіемъ негодованія палаты по поводу казни Блума, то Штраусъ отнесся къ этому предложенію съ безпощадною критикою. Онъ доказывалъ, что казнь Блума была не преступленіемъ, а только ошибкой; что онъ самъ навлекъ на себя свою участь, являясь въ осажденномъ городѣ не въ качествѣ представителя франкфуртскаго сейма, а въ качествѣ обыкновеннаго агитатора; что такъ какъ палата не протестовала противъ умерщвленія Ауерсвальда и Лихновскаго (консервативныхъ членовъ франкфуртскаго сейма, убитыхъ народомъ въ сентябрѣ того же года, во время франкфуртскихъ уличныхъ беспорядковъ), то не слѣдуетъ ей протестовать и противъ казни Блума. Чтобы дать понятіе о неудовольствіи, возбужденномъ рѣчью Штрауса въ рядахъ демократической партіи, достаточно замѣтить, что большинство феодаловъ и прелатовъ подало голосъ за адресъ—такъ они были напуганы народнымъ настроеніемъ. Мужеству Штрауса отдалъ, по этому поводу, справедливость самъ король виртембергскій, въ слѣдующихъ характеристическихъ словахъ: «dass er Courage hat, hab' ich immer geglaubt, sonst hätt' er nicht mit den Theologen angebunden». Непосредственнымъ результатомъ рѣчи Штрауса было обращеніе къ нему значительной части (впрочемъ, не большинства) людовигсбургскихъ избирателей—съ требованіемъ, чтобы онъ возвратилъ данное ему полномочіе. Уступить такому требованію Штраусъ считалъ себя не въ правѣ, хотя выходъ изъ палаты волиѣ соответствовалъ его желаніямъ. Когда нѣсколько недѣль спустя Штраусъ былъ призванъ къ порядку президентомъ за рѣзкое выраженіе, употребленное имъ относительно одного изъ радикаловъ, онъ ухватился за этотъ предлогъ и сложилъ съ себя званіе депутата (въ декабрѣ 1848 г.). Въ прощальномъ письмѣ на имя своихъ избирателей онъ объясняетъ эту рѣшимость какъ полнѣйшую бесплодность направленія, въ которомъ ведетъ палату радикальная партія, такъ и сознаніемъ,

что настоящее его призваніе—не политика, а литература. Выходъ Штрауса изъ палаты возбудилъ почти всеобщее сожалѣніе; даже противники его забыли на время свою вражду; изъ числа демократическихъ журналовъ только одинъ не почтилъ его ни однимъ сочувственнымъ словомъ. По приказанію короля, ему предложено было мѣсто редактора правительственной газеты, которую думало основать либеральное министерство; но предложеніе это, какъ и слѣдовало ожидать, было имъ отклонено, и въ началѣ 1849 г. онъ выѣхалъ изъ Штутгарта въ Мюнхенъ.

По странному стеченію обстоятельствъ, депутатъ, посланный людовигсбургскимъ округомъ на франкефуртскій сеймъ, точно такъ же не оправдалъ надеждъ своихъ избирателей, какъ и депутатъ, посланный городомъ Людовигсбургомъ въ виртембергскую палату. Послѣдній неожиданно оказался слишкомъ консервативнымъ, первый—слишкомъ либеральнымъ. Не только во Франкефуртѣ Гоффманъ часто подавалъ голосъ съ радикальной партіей, но и возвратясь на родину, продолжалъ агитацію противъ господствующей церкви, окончившуюся въ 1859 г. формальнымъ отлученіемъ его отъ нея. На эту мѣру онъ отвѣчалъ предсказаніемъ, что въ 1866 г. наступитъ конецъ міра; когда предсказаніе его не исполнилось, онъ вмѣстѣ съ небольшою горстью преданныхъ ему пѣтистовъ оставилъ Европу и основалъ въ Яффѣ христіанскую колонію, мечтающую тамъ и понынѣ о возстановленіи іерусалимскаго храма.

V.

ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

Освобожденный отъ тягостной для него парламентской дѣятельности, отъ не менѣе тягостной необходимости жить въ одномъ городѣ съ бывшей своей женой, Штраусъ надѣялся найти успокоеніе въ Мюнхенѣ, среди художественныхъ его сокровищъ. Изученіе глиптотеки, посѣщеніе мюнхенскаго театра дѣйствительно доставило ему много наслажденій, плодомъ которыхъ явились сначала цѣлый рядъ такъ-называемыхъ эпиграммъ, заключающихъ въ себѣ короткую, болѣею частью мѣткую и изящную характеристику лучшихъ статуй глиптотеки ¹⁾, потомъ

¹⁾ Т. XII, стр. 91—104. Приводимъ для примѣра одну эпигramму, въ которой слышится воспоминаніе Штрауса о потерянномъ счастьѣ: „*Aegyptisches Ehepaar.* Ach, wie rührt mich das alte vom Nil, das kältliche Ehepaar! Drei Jahrtausende schon hält es so treu sich umfasst“.

цѣлый рядъ музыкальныхъ сочиненій, посвященныхъ любимцамъ Штрауса, нѣмецкимъ классикамъ — Генделю, Глюку, Гайдну, Моцарту, Бетховену ¹⁾. Но воѣ подобныя занятія имѣли для Штрауса только значеніе интермедіи, въ ожиданіи настоящаго труда, который одинъ могъ служить противоязіемъ тяготѣвшему надъ нимъ съ прежнею силой горю. Между тѣмъ, предмета для такого труда, тами, которая бы имъ вполне овладѣла, Штраусъ все не находилъ. Друзья, видя его увлеченіе музыкой и скульптурой, совѣтовали ему одно время посвятить себя изученію исторіи искусства, обратиться, по примѣру Фипера, изъ богослова въ эстетика, предпринять съ этою цѣлью путешествіе въ Римъ; но настолько сильно художественная струна въ немъ не звучала, чтобы онъ могъ послѣдовать этому совѣту. Въмѣсто Рима, онъ съѣздили только въ Веймаръ, поклониться праху своего любимаго поэта—Гёте, и къ осени возвратился въ Мюнхенъ. Здѣсь его ожидало новое горе — вѣсть о смерти его лучшаго друга, Мерклина. Подъ вліяніемъ глубокой скорби, онъ принялся за біографію Мерклина. До нѣкоторой степени она можетъ считаться автобіографіей самого Штрауса, такъ какъ въ семинаріи и университетѣ оба друга жили одною и тою же жизнью, да и потому въ судьбѣ ихъ было много общаго. Чѣмъ задушевиѣе было чувство, съ которымъ Штраусъ писалъ эту книгу, тѣмъ больше вложилъ онъ въ нее дорогихъ ему впечатлѣній и воспоминаній, тѣмъ тяжелѣе долженъ былъ поразить его приѣмъ, сдѣланный ей публикой. Началось разочарованіе съ того, что онъ долго не могъ найти для нея издателя; консервативныя книгопродавцы не хотѣли печатать ее изъ-за имени автора, либеральныя—изъ-за того, что она выставила въ неблагопріятномъ свѣтѣ образъ дѣйствій виртембергской демократіи въ 1848 г. Когда она, наконецъ, вышла въ свѣтъ. (въ концѣ 1850 г.), она была встрѣчена всеобщимъ равнодушіемъ, среди котораго выдались только ожесточенныя нападенія нѣсколькихъ демократовъ, лично ею задѣтыхъ, и насмѣшки Штейба, уже упомянутыя нами. Удивительнаго въ этомъ нѣтъ ничего, какъ потому, что общественное вниманіе все еще было поглощено недавними политическими событіями, такъ и потому, что предметъ книги самъ по себѣ не могъ привлечь къ ней большинство читателей. Въ глазахъ немногихъ друзей Мерклина былъ типическимъ представителемъ

¹⁾ Т. XII, стр. 110—124. Вотъ начало сонета о Генделѣ: „Das ist ein Mann! er gleicht den alten Eichen, in deren Aesten Gottes Stürme hausen und ihre Urweltmelodien sausen; von deutscher Kraft ein unvergänglich Zeichen“.

новаго умственнаго и нравственнаго склада, — для публики онъ былъ только насторожь, не поладившимъ съ своимъ начальствомъ, и зауряднымъ литераторомъ, написавшимъ полу-забытую монографію о піетизмѣ. Исторія его сомнѣній, его внутренней борьбы, его усилій вырваться изъ узъ, наложенныхъ на него воспитаніемъ и привычкой, могла представлять и дѣйствительно представляетъ глубокий интересъ, но только для тѣхъ, кто самъ пережилъ нѣчто подобное; другіе должны были увидѣть въ ней, вмѣстѣ съ Штейбомъ, разсказъ одного чудака-ученаго про другого, такого же, занимательный развѣ для изученія особой породы оригиналовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ швабскихъ магистровъ. Нельзя не замѣтить, впрочемъ, что біографія Мерклина несомнѣнно выиграла бы отъ болѣе краткости изложенія или отъ введенія ея, какъ эпизода, въ общую картину движенія, однимъ изъ представителей котораго былъ герой ея. Уваженіе къ памяти покойнаго друга помѣшало Штраусу распознать съ достаточною точностью общественное въ жизни Мерклина отъ подробностей, цѣнныхъ только для небольшого кружка близкихъ ему лицъ.

Болѣе чѣмъ холодный пріемъ, сдѣланный какъ «Мерклину», такъ и появившемуся почти одновременно съ нимъ изданію писемъ Шубарта, съ примѣчаніями Штрауса, отнялъ на время у Штрауса всякую охоту въ литературному труду. Не благопріятствовала работѣ и вочевая жизнь, которую нѣсколько лѣтъ сряду велъ Штраусъ. Изъ Мюнхена онъ переселился въ Веймаръ, но тамошній образъ жизни, болѣе чѣмъ на половину сѣверо-германскій, пришелся ему не по душѣ; его классическій вкусъ не могъ перенести, притомъ, увлеченія «музыкою будущаго», господствовавшаго въ Веймарѣ. Въ Кельнѣ, куда онъ затѣмъ переѣхалъ, музыкальных наслажденій онъ нашелъ вдоволь, но кельнское общество, живущее преимущественно матеріальными интересами, не могло доставить ему той умственной пищи, въ которой онъ еще болѣе нуждался. Примирило его съ Кельномъ не могла даже близость брата, котораго онъ нѣжно любилъ. Наконецъ, въ 1854 г., ему удалось найти жалованную пристань, на время, но крайней мѣрѣ, давшую ему спокойствіе и оочувственную интеллектуальную атмосферу. Это былъ Гейдельбергъ, въ одинъ изъ пансіоновъ котораго онъ опредѣлилъ свою дочь. Прекрасное мѣстоположеніе Гейдельберга, окрестности, вызывавшія на любимыя Штраусомъ дальнія прогулки, возможность видѣться съ дочерью и слѣдить за умственнымъ ея развитіемъ, безъ необходимости входить во всѣ подробности ея воспитанія, богатая университет-

ская библіотеки, близость Мантейма, съ его хорошей драматической и оперной труппой, и, наконецъ, что для Штрауса было всего важнѣе, небольшой кружокъ мыслящихъ людей, въ которомъ онъ чувствовалъ себя между равными — вотъ что въ продолженіе шести лѣтъ привязывало его къ Гейдельбергу. Первое мѣсто между его новыми друзьями занимали Куно Фишеръ и Гервинусъ. Куно Фишеру, въ то время только-что начинавшему пріобрѣтать извѣстность приватъ-доценту философіи, незадолго до пріѣзда Штрауса было запрещено чтеніе лекцій, вслѣдствіе доноса одного изъ богословскихъ служителей тогдашней реакціи; это сходство судьбы и послужило первоначальнымъ поводомъ къ сближенію его съ Штраусомъ. Гервинусъ, стоявшій въ то время на высшей точкѣ своей славы, привлекалъ къ себѣ Штрауса не только шириною политическаго и историческаго образованія, но и страстью къ музыкѣ и поэзіи, хотя вкусы его въ этомъ отношеніи и расходились съ вкусами Штрауса; послѣдній ставилъ выше всего Моцарта и Гёте, первый — Генделя и Шекспира.

Еще до пріѣзда въ Гейдельбергъ, Штраусъ окончилъ приготовительныя работы къ новому біографическому труду, вышедшему въ свѣтъ въ 1855 году. Героемъ его былъ философъ и поэтъ второй половины XVI-го вѣка — Фришлинъ. Что заставило Штрауса остановиться на этомъ малозвѣстномъ писателѣ, стоявшемъ очерка, но не объемистой книги? Прежде всего, здѣсь сказался интересъ, съ которымъ Штраусъ всегда относился къ своей родинѣ — Виртембергу — и къ ея исторіи. Мерклинъ, Шубартъ, Фришлинъ, Гуттенъ — все это или уроженцы Виртемберга, или лица, игравшія роль въ его внутренней жизни; къ нимъ слѣдуетъ прибавить цѣлый рядъ поэтовъ и живописцевъ, едва извѣстныхъ за предѣлами Виртемберга, но удостоившихся чести понасть въ галерею портретовъ, нарисованныхъ Штраусомъ между дѣломъ и вошедшихъ въ составъ его такъ-называемыхъ «*kleine Schriften*». Далѣе: всѣ описанныя Штраусомъ въ подробныхъ біографіяхъ лица были людьми борьбы, полными энергіи и настойчивости, не уживавшимися съ своей средой и навлекавшими на себя гоненія свѣта, — однимъ словомъ, людьми, имѣвшими кое-что общее съ своимъ біографомъ. Одной черты, свойственной имъ всѣмъ, кромѣ Мерклина, мы не находимъ, правда, въ самомъ Штраусѣ — способности наслаждаться жизнью, бодро переносить ея удары; но, по собственнымъ словамъ Штрауса, цѣлныя, сильныя, гармоническія натуры были привлекательны для него именно потому, что онъ не принадлежалъ къ ихъ числу и болѣзненно чувствовалъ свою надломанность. Сходство между

Штраусомъ и его героями заключалось, такимъ образомъ, не столько въ характеръ, сколько въ судьбу, въ направленіи дѣятельности, болѣе или менѣе оппозиціонномъ. Съ этой точки зрѣнія, интересъ, возбужденный въ Штраусѣ личностью Фришлина, становится вполне понятнымъ. Вся жизнь Фришлина была одной продолжительной борьбой, — борьбой съ ограниченностью и педантизмомъ тюрингенскихъ профессоровъ, среди которыхъ онъ въ 1570 году игралъ такую же роль, какъ Штраусъ — въ 1835 году; борьбой съ формализмомъ протестантскаго духовенства, начинавшаго уже застывать въ тѣхъ формахъ, въ которыя отлили его могучіе реформаторы первой половины XVI-го вѣка; борьбой, наконецъ, съ предрассудками и невежествомъ дворянства. Ученые и пасторы отвѣчали на нападенія Фришлина только клеветами и мелкими придирками, выжиавшими его изъ Тюрингена и заставившими его вести кочующую жизнь — то на сѣверѣ, то на юго-востокѣ Германіи; но дворянство, заручившись союзомъ герцога виртембергскаго Людвига, добилося заключенія смѣлаго писателя въ крѣпость, откуда онъ пытался бѣжать, и во время этой попытки расхибся до смерти. Въ жизни, столь полной волненій, были, конечно, интересные моменты; но такого всесторонняго наученія, какое посвящалъ ей Штраусъ, она все-таки не заслуживала, тѣмъ болѣе, что вторая половина XVI-го вѣка была эпохою эпитомовъ, маленькихъ продолжателей — и искажателей — великаго дѣла, и что въ оппозиціи самого Фришлина наибольшую роль играли личные счеты, мелочные интересы. Этимъ объясняется новая авторская неудача, постигшая Штрауса; сочиненіе его о Фришлингѣ нашло отголосокъ только въ ученыхъ кругахъ, — большинство читающей публики не обратило на него никакого вниманія. На этотъ разъ, однако, неудача не огорчила Штрауса и не подавила вновь пробудившуюся охоту къ труду, какъ потому, что на его сторонѣ было сочувствіе интеллигентной среды, въ которой онъ жилъ, такъ и потому, что на громкій успѣхъ онъ заранѣе не рассчитывалъ, въ виду избраннаго имъ предмета. Ему самому работа надъ біографіей Фришлина, особенно чтеніе его писемъ (ихъ неразборчивый почеркъ сильно повредилъ его зрѣнію) доставила много наслажденія: «ich weiß nicht, — говоритъ онъ о ней въ поэтической къ ней надписи, — wie es ist zu lesen — zu schreiben ist mir's lustig gewesen». Съ бодростью духа, постоянно возрастающею, онъ перешелъ прямо отъ занятій Фришлиномъ къ изученію другаго, болѣе громкаго и блестящаго дѣятеля XVI-го вѣка, — Ульриха фонъ-Гуттена. Болѣе удачнаго, во всѣхъ отношеніяхъ, выбора Штраусъ сдѣлать

не могъ; біографія Гуттена, вышедшая въ свѣтъ въ 1857 году, имѣла громадный успѣхъ и напомнила Германіи, что Штраусъ принадлежитъ къ числу первостепенныхъ писателей ея. Все содѣйствовало этому успѣху: эпоха, къ которой относится дѣйствіе, — эпоха, когда тенденціи возрожденія переплетаются съ тенденціями реформаціи, когда послѣдняя выступаетъ на сцену во всей своей первоначальной свѣжести, еще не замкнутая въ формулы, не отрывавшаяся отъ народной жизни; личность героя, одного изъ самыхъ симпатичныхъ представителей новаго времени, борца не только за религіозную, но и за политическую свободу, талантливаго публициста, съ одинаковою силой владѣющаго и народнымъ, и книжнымъ языкомъ, производящаго, вмѣстѣ съ Лютеромъ, переворотъ въ нѣмецкой литературѣ¹⁾; богатство и разнообразіе обстановки, среди которой онъ дѣйствуетъ, множество интересныхъ эпизодовъ, раздвигающихъ рамки біографіи и дѣлающихъ изъ нея настоящую историческую картину; наконецъ, бьющая въ глаза точка соприкосновенія съ настоящимъ, параллели, сами собою напрашивающіяся на мысль. Изложеніе Штрауса спокойное и объективно, — онъ не подчеркиваетъ на каждомъ шагѣ мораль своего разсказа, но сочувствіе его къ своему герою и къ защищаемымъ имъ идеямъ просвѣчиваетъ вездѣ и сообщаетъ всей книгѣ особую прелесть. Она соединяетъ въ себѣ достоинство научнаго труда съ общедоступностью популярной книги; укажемъ, для примѣра, на главу объ «*epistolaе obscurorum virorum*»²⁾, которая читается такъ же легко, какъ юмористическая повѣсть, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, содержитъ въ себѣ удачный, по мнѣнію компетентныхъ судей, опытъ разрѣшенія недавняго спорнаго вопроса объ авторѣ или авторахъ этихъ знаменитыхъ писемъ. Біографія Гуттена служитъ лучшимъ доказательствомъ тому, что Штраусъ не ошибаясь, считалъ себя особенно способнымъ къ этому роду историческихъ исследованийъ. «Я часто думалъ, — говоритъ онъ въ своей автобіографіи, — что если бы я могъ написать романъ, онъ вышелъ бы недурень. Къ сожалѣнію, мнѣ недоставало одного условія, безъ котораго за настоящій романъ нельзя и приняться, — дара изобрѣтенія. Біографія была единственной формой романа, мнѣ доступной, именно потому, что здѣсь изобрѣтать ничего не нужно, а извнѣ даны событія и

¹⁾ Короткой характеристикой Гуттена можетъ служить слѣдующая поэтическая надпись Штрауса къ его „Разговорамъ“: „Ulrich Hutten, edler Ritter, deutscher Freiheit kühner Hort! Deine Lanze ging in Splitter, doch unsterblich kämpft dein Wort“.

²⁾ „Ulrich von Hutten“, т. I, стр. 291—293.

лица, съ ихъ характерами и ихъ судьбою. Съ другой стороны, всѣ качества, которыми я обладалъ, — способность горячо сочувствовать и живо представлять себѣ описываемое, даръ пластическаго изложенія, дѣйствующаго на чувство и фантазію читателей, — на поприщѣ біографіи могли оказать мнѣ еще болынія услуги, чѣмъ на поприщѣ богословія; а тѣмъ, что во мнѣ развили богословскія работы — критическимъ чутьемъ, діалектическимъ искусствомъ — я могъ воспользоваться и для біографій. Принимаясь за нихъ, я оставался, слѣдовательно, вполнѣ вѣрнымъ своей натурѣ, своему авторскому призванію». Этими соображеніями Штраусъ желаетъ объяснить и оправдать свое долговременное удаленіе съ первоначально избраннаго имъ поля битвы, признавая однако, что тамъ результаты его дѣятельности были бы болѣе замѣтны, чѣмъ на окольномъ пути историческихъ монографій. Біографія Гуттена оказала Штраусу, между прочимъ, и ту важную услугу, что послужила первымъ толчкомъ къ возвращенію его на прежнюю дорогу. Отъ неутонимаго врага до-реформаціонной папской власти мысль невольно переходила къ современному Риму, именно тогда старавшемуся поработить себѣ южную Германію путемъ конкордатовъ, а затѣмъ и къ Риму нѣмецкому, протестантскому, немногимъ отличному отъ настоящаго. У Штрауса переходъ этотъ совершился не вдругъ — такъ сильно было еще въ немъ нерасположеніе къ богословскимъ занятіямъ. Сначала онъ, по совѣтамъ Гервинуса, хотѣлъ приступить къ жизнеописанію Лютера, но скоро остановился передъ несимпатичными ему сторонами личности реформатора. «Я отношусь къ великому освободителю — говорить Штраусъ въ своей автобіографіи, — съ чувствомъ искренней благодарности и уваженія; я удивляюсь его мужеству, меня привлекаютъ въ нему многія черты здоровой человѣчности, разсѣяанныя какъ въ его жизни, такъ и въ его сочиненіяхъ; но есть между нами одна преграда, безусловно мѣшавшая мнѣ сдѣлаться его біографомъ. Человѣкъ, исходящій изъ убѣжденія, что онъ самъ и всѣ люди безнадежно испорчены и обречены на вѣчныя муки, отъ которыхъ въ состояніи ихъ избавить лишь *volæ fides*, чуждъ и непонятенъ мнѣ настолько, что о воодушевленіи имъ, необходимомъ для удачной біографической работы, не можетъ быть и рѣчи». Оставивъ мысль о Лютерѣ, Штраусъ задумалъ написать біографіи шести представителей золотого вѣка нѣмецкой литературы — Клопштока, Виланда, Лессинга, Гердера, Шиллера и Гёте — на этотъ разъ вопреки совѣту Гервинуса, находившаго, что не время, среди политическаго упадка Германіи, въ сотый разъ убаюкивать ее напоминаніемъ о литератур-

номъ ея величин. Односторонній взглядъ Гервинуса не подѣйствовалъ на Штрауса, но исполненію его плана помѣшала другая причина. Изъ шести названныхъ нами писателей, истинное, глубокое сочувствіе Штраусъ питалъ только къ тремъ — Лессингу, Шиллеру и Гёте — а начинать приходилось, къ сожалѣнію, не съ нихъ. Приступивъ, такимъ образомъ, къ работѣ безъ увлеченія ея предметомъ, Штраусъ скоро сталъ тяготиться ею и бросилъ ее, какъ только къ тому нашелся поводъ — отказъ лица, въ рукахъ котораго находилась часть переписки Клоппштома, разрѣшить Штраусу пользованіе ею. Первая изъ предполагаемыхъ шести біографій — біографія Клоппштома — осталась, такимъ образомъ, неоконченною; небольшой отрывокъ изъ нея вошелъ въ составъ новаго изданія сочиненій Штрауса. Мысль о жизнеописаніи Лессинга, Шиллера и Гёте продолжала еще нѣсколько времени занимать Штрауса; но единственнымъ плодомъ ея остались небольшія характеристики этихъ писателей, напечатанныя въ видѣ приложенія въ «Der alte und der neue Glaube». Въ 1860 году Штраусъ издалъ въ свѣтъ переводъ «Разговоровъ» Гуттена, съ предисловіемъ, знаменующимъ собою возвращеніе его на богословскую почву.

VI.

Возвращеніе на богословскую почву и послѣдняя борьба.

Чтобы составить себѣ ясное понятіе о положеніи нѣмецкаго богословскаго міра въ 1869 году, мы должны сдѣлать бѣглый обзоръ перемѣнъ, совершившихся въ немъ въ продолженіи предшествовавшаго двадцатилѣтія. Мы видѣли уже, что реакція противъ рационализма и гегельянства, противъ терпимости и умѣренности началась еще въ тридцатыхъ годахъ, вслѣдствіе бури, вызванной книгою Штрауса, и что главную роль въ этой реакціи играли пѣвцы всѣхъ отъѣздовъ, все болѣе и болѣе усиливашіеся и приобретавшіе вліяніе въ правительственныхъ сферахъ. Окончательнымъ торжествомъ для нихъ было вступленіе на прусскій престолъ (въ іюнѣ 1840 г.) Фридриха-Вильгельма IV-го, уже въ качествѣ наслѣднаго принца открыто принимаваемаго ихъ сторону и содѣйствовавшаго угнетенію ихъ противниковъ. Почти одновременно съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III-мъ умеръ и вѣрный министръ его, Альтенштейнъ, послѣдній представитель старой, просвѣщенной прусской бюрократіи. На его мѣсто ми-

нистромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ былъ назначенъ Эйхгорнъ, дипломатъ безъ самостоятельныхъ убѣжденій, готовый сдѣлаться послушнымъ орудіемъ въ рукахъ придворныхъ проповѣдниковъ и генералъ-суперинтендентовъ, обружавшихъ короля и вмѣстѣ съ нимъ составлявшихъ планы преобразованія протестантской церкви. Королю принадлежала въ этихъ планахъ сторона теоретическая, часто фантастическая, совѣтникамъ его — сторона практическая, выраженная словами: искоренить, запретить, уничтожить. Въ то время, какъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV мечталъ о восстановленіи въ нѣмецкой евангелической церкви епископства, на подобіе церкви англиканской и шведской, объ учрежденіи, общими силами Англіи и Пруссіи, протестантскаго епископства въ Іерусалимѣ, о созданіи чего-то въ родѣ протестантскаго монашества, объ обращеніи китайцевъ въ христіанство, о введеніи новыхъ богослужебныхъ обрядовъ, степень торжественности которыхъ измѣнялась бы смотря по мѣсту совершенія богослуженія, — Генгстенбергъ и его сотрудники готовили и осуществляли цѣлый рядъ мѣръ, послѣдствіемъ которыхъ должно было быть возможно большее приближеніе протестантской церкви къ католической, такъ чтобы различіе между ними заключалось только въ формѣ. Понятно, что при такомъ направленіи не могло быть и рѣчи о правительственномъ надзорѣ за католической церковью, о подчиненіи ея интересовъ интересамъ и видамъ государства. Католическіе іерархи, арестованные въ предшествовавшее царствованіе за явное сопротивленіе закону (по поводу смѣшанныхъ браковъ, т.-е. браковъ католиковъ съ не-католиками), были не только освобождены, но официально признаны ни въ чемъ не виновными; профессора католическаго богословія, не угодные римской курии, были отрѣшены отъ должности; пилигримство въ хранящейся въ Трирѣ «священной одеждѣ», имѣвшее характеръ явной анти-протестантской демонстраціи, было принято подъ покровительство государственной власти и «Евангелической церковной газеты» Генгстенберга; такъ-называемое «нѣмецко-католическое» движеніе, сходное съ современнымъ «старо-католическимъ» и подобно ему направленное противъ ультрамонтанизма, встрѣтило прямое противодѣйствіе со стороны правительства. Размноженіе въ Пруссіи католическихъ общинъ и монастырей, усиленіе ультрамонтанской прессы, образованіе ультрамонтанскихъ союзовъ — однимъ словомъ, всѣ тѣ явленія, которыя тридцать лѣтъ спустя встревожили даже Висмарка и вызвали не прекратившійся и до сихъ поръ «Kulturkampf», имѣютъ свое начало именно въ занимающей насъ теперь эпохѣ прусской исторіи. Параллельно

съ уступками католицизму шло преслѣдованіе оппозиціонныхъ элементовъ протестантской церкви. Передъ чѣмъ остановились, пользуясь тому назадъ, авторы «Religionsedict'a», то было теперь вновь предпринято и исполнено болѣе смѣлыми подражателями ихъ. Началось *очищеніе* богословскихъ и проповѣдническихъ кафедръ, — очищеніе, результатомъ котораго было образованіе такъ-называемыхъ свободныхъ общинъ (freie Gemeinden), въ свою очередь подвергшихся гоненію свѣтской власти. Большинство богослововъ облегчило, впрочемъ, задачу правительства, добровольно подчинившись его требованіямъ; между подчинившимися мы находимъ и всѣхъ почти послѣдователей Шлейермахера, и многихъ послѣдователей Гегеля.

Событія 1848 года прервали работу реакціи, но не надолго; два года спустя она возобновилась съ болѣею еще силой, идя рука-о-руку съ реакціей политической. Нельзя не замѣтить, однако, что полнота ея побѣды не послужила ей въ пользу. Одолѣвъ общаго врага, побѣдители, какъ это часто бываетъ, стали враждовать между собою. Яблокомъ раздора сдѣлался вопросъ о соединеніи (Union) первой лютеранской и реформатской, — соединеніи, составлявшемъ любимую мысль короля Фридриха-Вильгельма III-го и до извѣстной степени имъ осуществленномъ, посредствомъ установленія богослужебныхъ обрядовъ, не противорѣчившихъ ученію обѣихъ церквей; различіе въ догматахъ оставалось при этомъ неприкосновеннымъ. Крайніе ревнители лютеранства видѣли въ такомъ соединеніи нарушеніе чистоты своего вѣроисповѣданія, которое не должно имѣть ничего общаго съ другими; защитники уніи желали, наоборотъ, все болѣе и болѣе выдвигать на первый планъ общіе элементы обѣихъ ученій, въ надеждѣ на полное сліяніе ихъ. Главными представителями перваго направленія были Генгстенбергъ, Шталь (профессоръ богословія въ берлинскомъ университетѣ, сотрудникъ «Крестовой газеты», систематикъ абсолютизма) и Раумеръ (министръ народнаго просвѣщенія въ кабинетѣ Мантейфеля, вѣрный снимокъ съ Эйхгорна); главнымъ представителемъ второго — знакомый намъ уже Вильгельмъ Гоффманъ, положившій основаніе своей карьерѣ возраженіемъ на книгу Штрауса, съ 1853 г. придворный проповѣдникъ въ Берлинѣ и вице-президентъ консисторіи, любимецъ короля, совѣтовавшася съ нимъ даже о политическихъ дѣлахъ. Самъ король колебался между обоими направленіями; уничтожить унію ему мѣшало уваженіе къ памяти покойнаго отца, ея основателя, — но ея сравнительное равнодушіе къ вѣроисповѣднымъ различіямъ было ему крайне не по-сердцу. Въ 1850 году онъ

учредилъ верховный церковный совѣтъ, для управленія протестантскою церковью въ полномъ ея составѣ, но уже въ 1852 году было постановлено, чтобы въ рѣшеніи дѣлъ, касающихся спеціально лютеранской или реформатской церкви, участвовали только члены совѣта, которые принадлежать къ той или другой. Цѣлый рядъ мѣръ, столь же противорѣчивыхъ, постоянно поддерживали волненіе въ церковныхъ сферахъ и богословскомъ мірѣ, забываясь, изъ-за вопросовъ объ уніи, другія, болѣе важныя свои задачи. Въ одномъ, впрочемъ, единодушіе между партіями Генгстенберга и Гоффмана было полное—въ преслѣдованіи самостоятельной мысли, гдѣ бы она ни появлялась. Лучшей характеристикой этой эпохи могутъ служить слѣдующія слова, прозвучавшія для нея погребальнымъ звономъ: «къ числу труднѣйшихъ вопросовъ, которые должны быть разрѣшены нами, принадлежитъ вопросъ церковный, такъ какъ на этомъ поприщѣ въ послѣднее время сдѣлано много ошибокъ. Необходимо противодействовать стремленіямъ, обращающимъ религію въ прикрытие для политическихъ происковъ. *Въ евангелическую церковь окралось такъ-называемое правоверіе, не совмѣстное съ ея основными воззрѣніями и воспитывающее только лицемеровъ.* Это правоверіе стало въ разрѣзъ съ благотѣльнымъ дѣломъ уніи и угрожало ей распаденіемъ. Мое намѣреніе—поддержать унію, безъ нарушенія правъ отдѣльныхъ вѣроисповѣданій. Чтобы осуществить эту задачу, необходимо тщательно выбирать и отчасти переимѣнить ея исполнителей. Съ лицемерія, съ притворнаго благочестія, однимъ словомъ—со всякой попытки обратить церковныя интересы въ средство для достиженія эгоистическихъ цѣлей, должна быть снята маска, гдѣ это только возможно». Это—слова принца-регента Вильгельма,—нынѣ императора германскаго,—сказанныя имъ 8 ноября 1858 года, при вступленіи въ управленіе страной, вслѣдствіе душевной болѣзни короля Фридриха-Вильгельма IV-го. Извѣстно, что начавшаяся такимъ образомъ «новая эра» была непродолжительна; борьба между правительствомъ и палатой депутатовъ, въ 1862 году дошедшая до открытаго разрыва, возвратила Генгстенбергу и Гоффману—теперь примиреннымъ—утраченное ими вліяніе и дала имъ, въ лицѣ фонъ-Мюлера, министра народнаго просвѣщенія, ничѣмъ не отличавшагося отъ Раумера и Эйхгорна. Рѣшительный поворотъ въ другую сторону совершился гораздо позже, и не въ Пруссіи, а въ одномъ изъ южно-германскихъ государствъ, до тѣхъ поръ шедшихъ на ея буксиръ—въ великомъ герцогствѣ баденскомъ. И тамъ, какъ въ Пруссіи, реакція достигла крайнихъ предѣловъ въ пятидесятыхъ годахъ. Гене-

ральный синодъ, составленный почти исключительно изъ приверженцевъ правой стороны, октроировалъ баденской реформатской церкви — еще недавно главному оплоту рационализма — новый катехизисъ, новое исповѣданіе вѣры и новыя богослужебныя книги, проникнутыя католизирующей тенденціей. Введеніе ихъ встрѣтило сопротивленіе со стороны многихъ реформатскихъ общинъ. Доказательствомъ серьезности сопротивленія служить то, что во главѣ его сталъ извѣстный историкъ, профессоръ гейдельбергскаго университета Гейссеръ; но настоящую силу оно получило тогда, когда къ нему примкнулъ вліятельнѣйшій изъ членовъ реформатскаго духовенства, директоръ богословской семинаріи, до тѣхъ поръ считавшійся сторонникомъ консервативной партіи, Шенкель. Параллельно съ оппозиціей нововведеніямъ генеральнаго синода шла оппозиція проекту конкордата съ Римомъ, предложенному правительствомъ на утвержденіе палаты. Проектъ былъ отвергнутъ, и вмѣстѣ съ нимъ пало консервативное министерство (1860). Побѣда либераловъ въ политической области отразилась и на церковныхъ дѣлахъ. Въ 1861 году баденская реформатская церковь получила новое устройство, основанное на выборномъ началѣ и вполне соответствовавшее желаніямъ прогрессивной партіи. Движеніе, начавшееся въ Баденѣ, охватило и прирейнскую Баварію; дальнѣйшее распространеніе его казалось неизбежнымъ. Шенкель сдѣлался однимъ изъ самыхъ популярныхъ людей въ Германіи. Северо-германскіе пѣтисты поняли всю важность опасности, грозившей имъ съ юга, и рѣшились отразить ее смѣлымъ наступательнымъ маневромъ. Исторія войны, затѣянной ими противъ Шенкеля, соприкасается съ исторіей новаго періода богословской дѣятельности Штрауса, къ которому мы теперь и обратимся.

Давно угасшая охота къ богословскимъ занятіямъ пробудилась въ Штраусѣ подъ вліяніемъ нѣсколькихъ случайныхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ одно — работа надъ біографіей Гуттена — намъ уже извѣстно. Лѣтомъ 1857 и 1858 гг. онъ провелъ нѣсколько недѣль у своего стариннаго друга, пастора Раппа; начальникомъ послѣдняго — тотъ самый прелатъ Мерингъ, который въ 1848 г., въ виртембергской палатѣ депутатовъ, сначала дѣйствовалъ за-одно съ Штраусомъ, а потомъ оказался либеральнѣе его и подалъ голосъ за адресъ по поводу казни Блума, — потребовалъ отъ Раппа объясненіе, почему онъ считаетъ возможнымъ принимать у себя такого человѣка, какъ Штраусъ. Возмущенный этимъ внимательствомъ въ частную жизнь своего друга, Штраусъ принесъ жалобу министерству, но она была оставлена безъ вниманія. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1859 г., виртембергскіе пѣ-

тисты протестовали противъ торжественнаго празднованія столѣтней годовщины дня рожденія Шиллера, въ которомъ Штраусъ принималъ самое душевное участіе. Наконецъ, кружокъ гейдельбергскихъ друзей Штрауса слѣдилъ съ величайшимъ интересомъ за описанной нами борьбой въ средѣ баденской церкви, и сзумѣлъ заинтересовать въ ней до известной степени и Штрауса. Все это вмѣстѣ взятое объясняетъ, по словамъ самого Штрауса, тотъ ожесточенный ударъ, который онъ нанесъ господствующей богословской партіи въ предисловіи въ переводу «Разговоровъ» Гуттена. На нее, и только на нее обрушивается вся сила насмѣшки и презрѣнія Штрауса. Онъ не вѣритъ, правда, въ успѣхъ примирительныхъ попытокъ, дѣлаемыхъ немногими изъ бывшихъ учениковъ Шлейермахера (большинство ихъ, какъ мы знаемъ, перешло на сторону консерваторовъ); но онъ говоритъ о нихъ безпристрастнымъ, почти сочувственнымъ тономъ, и продолжаетъ, какъ и двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, настаивать на возможности и необходимости сохранить известную долю того, что скрывается подъ отбрасываемою имъ формою; онъ не отказываетъ даже самой формѣ въ томъ уваженіи, котораго требуютъ питаемыя въ ней многими чувства. Тѣмъ же духомъ проникнуты и надгробная рѣчь Штрауса надъ умершимъ его другомъ Захереромъ, и этюдъ его о «Натанѣ» Лессинга, относящіеся къ 1861 г.; въ томъ же настроеніи, поддерживаемомъ, быть можетъ, своею домашнею жизнью въ Гейльброннѣ, вмѣстѣ съ дочерью (1860—64), — онъ приступилъ къ притотвительнымъ трудамъ по новой переработкѣ первой своей книги. Труды эти были довольно продолжительны и сложны; въ области богословской науки съ тѣхъ поръ, какъ ее оставилъ Штраусъ, появилось много замѣчательныхъ сочиненій, еще разъ доказавшихъ живучесть нѣмцовой мысли даже при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ. Первое мѣсто между этими сочиненіями занимали работы Баура и его учениковъ — Целлера, Швеглера, Гильгенфельда и др., — образовавшихъ вмѣстѣ съ учителемъ такъ-называемую тюбингенскую историческую школу. Специальностью ея была критика источниковъ, которую она довела до небывало-высокой степени. Соперничала съ тюбингенцами и даже оспаривала ихъ ругательствами, въ сущности употребляя одни съ ними средства и идя къ одной съ ними цѣли, гёттингенскій профессоръ Эвальдъ, известный авторъ «Geschichte des Volkes Israel», отличный знатокъ своего предмета, но до невѣроятности тщеславный и унижавшій всѣхъ другихъ въ такой же мѣрѣ, въ какой поклонялся самому себѣ. Нѣсколько другихъ писателей, въ томъ числѣ зна-

вомый намъ по цюрихской исторіи Гитцингъ, сходились съ Эвальдомъ въ гипотезѣ о старѣйшинствѣ одного изъ источниковъ, тюбингенскою школою признаваемого, наоборотъ, произведеніемъ сравнительно позднѣйшаго времени. Всѣ эти критическія работы приготовили почву для новыхъ построеній, къ которымъ и было почти одновременно (1863) приступлено какъ во Франціи (Ренанъ), такъ и въ Германіи (Кеймъ). Сочиненіе Штрауса, вышедшее въ свѣтъ въ началѣ 1864 г. подъ заглавіемъ: «Das Leben Jesu, für das deutsche Volk bearbeitet», соединило въ себѣ элементъ критическій съ историческимъ. Въ первомъ отношеніи Штраусъ применилъ вполнѣ къ тюбингенской школѣ, во второмъ—дополнилъ отрицательные выводы своей первой книги попыткой воссоздать и собрать въ одну картину все неопровергаемое ими, весь, такъ-сказать, положительный остатокъ изслѣдованія. Основная мысль всего труда, выраженная въ заключеніи къ нему, совпадаетъ съ тѣмъ, что сказано было Штраусомъ въ предисловіи въ переводу «Разговоры» Гуттена.

Нельзя сказать, чтобы новое сочиненіе Штрауса не имѣло никакого успѣха; уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ выхода его въ свѣтъ понадобилось второе его изданіе, оно было переведено на англійскій и французскій языки; но впечатлѣніе, произведенное имъ, не можетъ быть названо сильнымъ, особенно если припомнить эффектъ первой его книги. Причинъ этому было много. Самый предметъ не имѣлъ больше интереса новизны, какъ въ виду прежней работы Штрауса и всѣхъ вызванныхъ ею опроверженій, такъ и въ виду только-что появившихся изслѣдованій Кейма и Ренана, за которыми скоро послѣдовали Гольцманъ, Шенкель, Прессансе и другіе. Хотя Штраусъ и написалъ свою книгу для нѣмецкаго народа, но уже по самому своему объему, равно какъ и по научнымъ приѣмамъ автора, она была доступна только для небольшого, сравнительно, меньшинства. Въ особенноти повредила ей, съ этой точки зрѣнія, книга Ренана, въ научномъ отношеніи безконечно уступающая книгѣ Штрауса, но именно потому болѣе привлекательная для массы читателей. Наконецъ, и противники у Штрауса на этотъ разъ оказались не тѣ, что прежде. Во время продолжительнаго своего господства піетисты и другіе консервативные церковники потеряли привычку разбирать сочиненія своихъ противниковъ; они отвѣчали имъ или молчаніемъ, или общими мѣстами, или выходками противъ личности автора. Такъ, въ сущности, они поступили и съ новою книгой Штрауса; только Генгстенбергъ и немногіе другіе изъ его лагеря сочли нужнымъ напи-

сать кое-что въ ея опроверженіе. Всего сильнѣе возстали противъ Штрауса защитники эвальдовской гипотезы, которую онъ насмѣшливо отвергъ, не изучивъ ея съ надлежащею тщательностью. Такъ какъ они принадлежали болѣею частью къ числу свободно мыслящихъ богослововъ, членовъ «Protestantenverein», задачей котораго было преобразование протестантской церкви безъ потрясенія коренныхъ основъ религіи, то полемика ихъ съ Штраусомъ обратилась мало-по-малу въ борьбу между либерализмомъ и радикализмомъ, между реформой и революціей на церковной почвѣ. Этимъ объясняется отчасти то положеніе, которое занялъ Штраусъ въ другой борьбѣ — борьбѣ между реакціей и реформой, загорѣвшейся по поводу сочиненія Шенкеля: «Charakterbild Jesu» (1864). Въ сочиненіи этомъ не было высказано ничего новаго, сравнительно съ десятками, сотнями другихъ, написанныхъ на ту же тему раціоналистами и вообще богословами умѣренно-критическаго направленія; но Шенкель былъ вождемъ ненавистнаго консерваторамъ движенія, — и этого было достаточно, чтобы вызвать цѣлую бурю противъ его книги. Сначала пущены были въ ходъ мѣстные средства; сто девятнадцать баденскихъ пасторовъ подали баденскому оберъ-кирхенрату протестъ противъ лжеученія Шенкеля, съ требованіемъ, чтобы онъ былъ удаленъ отъ должности. Когда это не подействовало, берлинскіе оберъ-пасторы организовали агитацію протестовъ во всей Германіи; чтобы дать понятіе объ ея размѣрахъ, достаточно сказать, что протестъ бранденбургскихъ пасторовъ былъ покрытъ 757, померанскихъ — 686 подписями, что къ нѣмецкимъ голосамъ присоединились англійскіе, французскіе, даже американскіе, и что общее число всѣхъ протестующихъ — только не въ истинно-протестантскомъ смыслѣ этого слова — протестантскихъ духовныхъ лицъ дошло, наконецъ, до 6,248! Несмотря на весь либерализмъ баденскаго министерства, оно начало слабѣть въ защитѣ Шенкеля, совѣтовало ему даже добровольно отказаться отъ своей должности, и если дѣло не окончилось совершеннымъ пораженіемъ Шенкеля и его сторонниковъ, то только благодаря австро-прусской распрѣ, отвлекшей въ другую сторону вниманіе правительственныхъ сферъ ¹⁾. Раньше этого момента, въ то самое время, когда Шенкелю, а въ его лицѣ — свободѣ преподаванія въ Германіи угрожала еще серьезная опасность, въ числу его про-

¹⁾ Остановить распространеніе движенія протестовъ во всякомъ случаѣ удалось; господство пѣвистовъ продолжалось и послѣ 1866 г., и даже послѣ 1870 г., и въ сущности ослабло только со времени паденія Миллера и началія „Kulturkampf’a“.

тивниковъ, хотя, конечно, не въ одномъ смыслѣ съ консервативными «протестантами», присоединился Штраусъ. Въ брошюрѣ, озаглавленной «Die Halben und die Ganzen», онъ накинулся на Шенкеля и на всѣхъ либеральныхъ богослововъ, обвиняемыхъ имъ въ *половинчатости*, съ гораздо ббльшей силой, чѣмъ на Генгстенберга и другихъ представителей *цѣльную* консервативнаго направленія. Лично Шенкелю Штраусъ не могъ простить его доноса на Куно Фишера, и удивлялся благодушію гейдельбергскихъ своихъ друзей, согласившихся признать Шенкеля вождемъ предпринятаго ими движенія. Самое движеніе, сначала, какъ мы видѣли, заинтересовавшее Штрауса, скоро показалось ему мелкимъ, ничтожнымъ; ему наскучило постоянно слышать оживленные о немъ толки, они стали дѣйствовать на него раздражительно, и это раздраженіе ускорило даже отъѣздъ его изъ Гейдельберга. Нерасположеніе его къ партіи, въ рядахъ которой сражался Шенкель, было довершено полемикой, возбужденной ея приверженцами противъ послѣдней книги Штрауса. Само собою разумѣется, что этимъ не исчерпываются причины, побудившія Штрауса возстать противъ «половинчатыхъ»; главною изъ нихъ, конечно, было искреннее убѣжденіе въ теоретической и практической несостоятельности такъ-называемыхъ среднихъ мнѣній, привлекающихъ на свою сторону всѣхъ нерѣшительныхъ людей и замедляющихъ этимъ самымъ окончательное торжество праваго дѣла. Правильно ли это воззрѣніе вообще — это вопросъ, обсужденіе котораго повело бы насъ слишкомъ далеко; но что примѣненіе его къ данному случаю было большою ошибкой со стороны Штрауса, это въ нашихъ глазахъ не подлежитъ сомнѣнію. Ему стоило только вспомнить о нѣкоторыхъ эпизодахъ своей жизни, чтобы отнестись съ ббльшей снисходительностью къ представителямъ средней партіи. Развѣ онъ не старался найти себѣ мѣсто въ ея рядахъ, хотя и на крайнемъ лѣвомъ ея флангѣ, когда издавалъ въ третій разъ свою первую книгу, когда писалъ свои «Friedliche Blätter», когда объяснялъ свой образъ мыслей передъ цюрихскими друзьями, да и позже, передъ людовигсбургскими избирателями? Развѣ Бруно Бауеръ и Арнольдъ Руге не обвиняли его въ отсталости, т.-е. именно въ половинчатости? Развѣ въ политической дѣятельности своей онъ не примыкалъ къ центру, къ умѣренной партіи, не навлекая на себя этимъ упреки демократовъ? ¹⁾ Если

¹⁾ Замѣчательно, что слова, которыми озаглавлена брошюра Штрауса — «Die Halben und die Ganzen», — были употреблены въ 1848 г. противъ него и Мерклина соперникомъ послѣдняго на гейльброннскихъ выборахъ, Генгтесомъ, въ одной изъ тогдашнихъ демократическихъ газетъ.

онъ теперь и видѣлъ во всемъ этомъ рядъ ошибокъ—чего о политической дѣятельности его, впрочемъ, сказать никакъ нельзя, такъ какъ онъ въ этой области остался умѣреннымъ, и даже очень умѣреннымъ, до конца жизни, — то имѣлъ ли онъ право такъ рѣзко осуждать другихъ за подобныя же ошибки? Съ другой стороны, не такое въ 1865 г. было время, чтобы опасаться излишняго усиленія средней партіи въ богословскомъ мірѣ. Едва поднимая голову въ одномъ уголѣ Германіи, она во всѣхъ другихъ частяхъ ея была подавлена, угнетена и терпѣла со всѣхъ сторонъ тяжелые удары, къ которымъ, право, не было надобности присоединять бичъ штраусовской насмѣлки. Коалиція противъ общаго врага болѣе чѣмъ когда-нибудь была необходима, старшие счеты могли быть покончены въ другую, болѣе удобную минуту. Закрывая Шенкелю доступъ въ свою среду только потому, что онъ когда-то принадлежалъ къ другому лагерю, гейдельбергскіе друзья Штрауса поступили бы крайне непрактично, повредили бы своему собственному дѣлу, успѣшно двинувшемуся въ ходъ именно съ тѣхъ поръ, какъ къ нему примкнулъ Шенкель. Возставая противъ союза съ обращенными грѣшниками, Штраусъ вступилъ, самъ того не замѣчая, въ другой, гораздо худшій союзъ съ грѣшниками и не помышляющими объ обращеніи, упорствующими въ грѣхъ своемъ. Со времени появленія брошюры «Die Halben und die Ganzen», отзывы консервативныхъ газетъ о Штраусѣ внезапно измѣняются; онъ говорятъ о немъ какъ о почтенномъ, хотя и заблуждающемся ученомъ, и охотно ссылаются на его авторитетъ, когда нужно нанести Шенкелю ударъ посильнѣе. Отвѣчая Штраусу на ту часть брошюры, которая касалась лично его, Генгстенбергъ съ торжествомъ указываетъ на сравнительную ея слабость, и объясняетъ разницу между обѣими частями брошюры тѣмъ, что, нападая на Шенкеля, Штраусъ исполнялъ какъ-бы божественное призваніе, оставившее его, лишь только онъ перешелъ къ нападеніямъ на Генгстенберга. Неудивительно, въ виду всего этого, что настоящаго успѣха брошюра Штрауса, несмотря на блестящее ея остроуміе, не имѣла, и что даже ближайшіе друзья его, по его собственному выраженію, только *простили* ему ее, между тѣмъ какъ онъ надѣялся и рассчитывалъ на одобреніе. Эта неудача, присоединенная къ прежнимъ, произвела на него тяжелое впечатлѣніе, долго мѣшавшее ему приняться за новый трудъ. Окидывая свое прошедшее грустнымъ, иногда пессимистическимъ взоромъ, онъ то преувеличивалъ недостатки своихъ послѣднихъ трудовъ, называя себя дилеттантомъ въ области богословія, то утверждалъ, вопреки общему мнѣнію, что этюдъ о

«ПОЛОВИНАТЫХЪ И ЦѢЛНЫХЪ» принадлежать къ числу лучшихъ его сочиненій въ полемическомъ родѣ. Въ стихотвореніяхъ его, относящихся къ этой эпохѣ, звучитъ то меланхолическое убѣжденіе, что онъ сдѣлалъ свое дѣло и отжилъ свое время ¹⁾, то негодованіе противъ публики, не сумѣвшей оцѣнить его ²⁾. Вообще, середина шестидесятыхъ годовъ была печальнымъ періодомъ въ жизни Штрауса; онъ расстался съ любимой дочерью, вышедшей за-мужъ и поселившейся въ Боннѣ, и съ Гейльбронномъ, въ которомъ провелъ нѣсколько спокойныхъ лѣтъ, и опять началъ вести кочующую жизнь, тѣмъ болѣе для него тягостную, что ему было уже подѣ шестидесять лѣтъ и здоровье его, особенно зрѣніе, оставляло желать весьма многого. Онъ пробовалъ поселиться въ Боннѣ, въ Гейдельбергѣ, въ Мюнхенѣ, въ Берлинѣ, но нигдѣ не находилъ желанныхъ условій, пока, наконецъ, въ 1868 г., не успокоился на время въ Дармштадтѣ. Во время этихъ скитаній онъ написалъ нѣсколько удачныхъ стихотвореній; въ одномъ изъ нихъ онъ жалѣетъ о томъ, что не родился шестью столѣтіями раньше и не нашелъ покоя въ монастырской кельѣ. «O holder Ruhesitz, den ich erkoren! Wie diese stillen Gänge mich beglücken, der Glocken Silberstimmen mich entzücken, zum Himmel auf mich hebt das Lied der Horen! Sei mir gegrüsst, du meine schmale Zelle, du Büchersaal, des Geistes Vorrathskammer, und meiner Augen Trost; umhegter Garten. Sanft legt sich hier des Lebens letzte Welle, die Seele schweigt, gleich fern von Lust und Jammer, das Schlummerständlein ruhig abzuwarten» (XII, 161). Еще ярче выражено чувство тоски, утомленія жизнью въ небольшой пьескѣ: «In einer Mozart-Matinée» (XII, 163), которую стоитъ привести вполне: «Diese süßen Friedensklänge überfüllen mich mit Glück; doch die bittern Tropfen zwänge ich in's Auge kaum zurück. Elend war ich allzulange: sahst du nie die Mauerwand, die im Sturm und Flockendrange einen langen Winter stand, wenn im März durch Flur und Haine geht das erste laue Wehn, sahst du nie die alten Steine dann in hellen Thränen stehn?»

Въ Дармштадтѣ Штрауса ожидало непредвидѣнное знаком-

¹⁾ См. напримѣръ „Poetisches Gedenkbuch“ (т. XII), стр. 145.

²⁾ Въ эпиграммѣ „das lesende Publicum“ (XII, 162) Штраусъ сравниваетъ публику съ короной, пожирающей безъ разбора цвѣты вмѣстѣ съ травой. „Kommt eine Blum ihr vor die Nas, die nimmt sie mit und fragt nicht: was? Ist ihr wie andres Futter auch, beschäftigt das Maul und füllt den Bauch“. Въ эпиграммѣ на книгу Шенкеля, не включенную издателями въ составъ „Gedenkbuch“, онъ говоритъ: „den theuern Lehrer und sein Buch entrisset ihr den Ketzernmeister. Das Buch war eben schlecht genug, um euch Gesellen zu begeistern“.

ство. Принцесса Алиса, дочь королевы Викторіи и жена наслѣднаго принца (теперь великаго герцога) Людвигъ, пожелала видѣть Штрауса, который скоро сдѣлался частнымъ ея гостемъ и посвящалъ ей, съ ея согласія, слѣдующую свою книгу, предварительное прочитанную ей въ видѣ лекцій. Это была біографія Вольтера, вышедшая въ свѣтъ лѣтомъ 1870 г., передъ самымъ началомъ франко-прусской войны. Несмотря на неблагоприятное для литературы время, она имѣла большой успѣхъ и выдержала нѣсколько изданій. Нельзя сказать, однако, чтобы она принадлежала къ числу лучшихъ сочиненій Штрауса; она читается легко и съ интересомъ, но характеристику Вольтера, какъ писателя, имѣвшего громадное вліяніе на современное ему общество, иснать въ ней было бы напрасно; это — біографія въ тѣсномъ смыслѣ слова, жизнеописаніе Вольтера, а не оцѣнка его сочиненій, не картина его эпохи. Еще ббльшій успѣхъ, чѣмъ біографія Вольтера, и съ еще меньшимъ на то правомъ, имѣли слѣдующія за нею два письма Штрауса къ Ренану (августъ и октябрь 1870 г.). Ренанъ, благодаря Штрауса за присылку ему книги о Вольтерѣ, сказалъ нѣсколько словъ о войнѣ, только-что разразившейся между ихъ націями. «Вы понимаете,—писалъ онъ Штраусу,—какъ глубоко горе тѣхъ, которые, вмѣстѣ со мною, поставили себѣ задачей умственное единеніе Германіи и Франціи. Не время теперь и не мѣсто высказывать тѣ мысли, которыя внушаетъ мнѣ начавшаяся война. Кто любитъ истину и справедливость, тотъ долженъ, — вы, конечно, убѣждены въ этомъ наравнѣ со мною,—отрѣшиться отъ узкаго патріотизма, сковывающаго сердце и навращающаго сужденіе». Въ этихъ словахъ не только не было вызова на политическую полемику, но, напротивъ, прямо признавалась ея несвоевременность. Штраусъ, къ сожалѣнію, не послѣдовалъ примѣру Ренана. Вмѣсто того, чтобы стать на единственную точку зрѣнія, достойную его и его собесѣдника, вмѣсто того, чтобы возвыситься надъ страстями минуты и заранѣе намѣтить тѣ примирительныя стремленія, на которыхъ могутъ вновь сойтись разьединенные теперь народы, Штраусъ принимается за старые счеты національнаго самолюбія, спускается на почву, безъ того уже истоптанную легіонами дипломатовъ, журналистовъ, воинствующихъ профессоровъ въ родѣ Трейтшке. Онъ читаетъ Ренану давно знакомую лекцію исторіи, напоминаетъ ему всѣ грѣхи его народа, беретъ на себя роль защитника прусской политики (о которой онъ еще недавно говорилъ совершенно другимъ тономъ, проводя параллель между Бисмаркомъ и Генгстенбергомъ) и упоминаетъ уже о *заран-*

тѣмъ, которыхъ побѣдоносная Германія должна потребовать отъ побѣжденной Франціи. Ответъ Ренана на это первое письмо Штрауса пытается перенести споръ на другое, болѣе широкое и свѣтлое поле. Написанный послѣ Седана и паденія имперіи, онъ указываетъ на возможность мира, почетнаго для обѣихъ сторонъ, и протестуетъ противъ отторженія Эльзаса и Лотарингіи не только во имя внутренней связи, соединяющей эти провинціи съ Франціей, но и во имя интересовъ всего человѣчества, необходимымъ звеномъ котораго служить Франція цѣльная, спокойная, чуждая всякихъ мыслей о мщеніи, — мыслей, необходимыхъ при томъ исходѣ войны, на который уже тогда явно начинали рассчитывать въ Германіи. Не вполне соответствуетъ общему характеру письма только то мѣсто его, въ которомъ Ренанъ намекаетъ, что Германія слѣдовало бы уступить Франціи, въ 1867 г., Люксембургъ, для успокоенія французскаго общественнаго мнѣнія. На этотъ аргументъ слишкомъ легко было возразить такимъ же, равносильнымъ указаніемъ на требованія нѣмецкаго общественнаго мнѣнія, именно теперь становившіяся все менѣе и менѣе благоприятными для Франціи. Помимо одной ошибки, которою и не преминулъ воспользоваться Штраусъ, письмо Ренана весьма выгодно отличается и отъ перваго, и тѣмъ болѣе отъ втораго письма Штрауса. Въ этомъ второмъ письмѣ Штраусъ становится вполне на сторону заурядныхъ защитниковъ завоевательной политики и доказываетъ право Германіи на Эльзасъ и Лотарингію тѣми же избитыми доводами, какъ и офиціозные нѣмецкіе публицисты. Если принять въ соображеніе, что въ моментъ обнародованія письма Страсбургъ былъ взятъ, Парижъ осажденъ, Мецъ доведенъ до края гибели, то письмо Штрауса, написанное торжествующимъ, побѣдоноснымъ тономъ, наполненное разсужденіями объ испорченности французскаго народа, должно быть признано безтактнымъ — скажемъ болѣе, невеликодушнымъ поступкомъ. Въ Германіи оба письма Штрауса, особенно второе, были встрѣчены съ восторгомъ, вполне понятнымъ, но не очень почетнымъ для Штрауса. Когда человѣкъ, всю жизнь свою стоявшій особнякомъ, никогда не раздѣлявшій мнѣній и чувствъ массы, относившійся къ нимъ исключительно съ критической точки зрѣнія, внезапно спускается съ своего уединеннаго поста, примыкаетъ къ толпѣ и присоединяется къ ея крику, появленіе его въ ея средѣ всегда пріивѣтствуется ею какъ доказательство ея правоты, ея умѣренности и справедливости. «Если онъ съ нами, — таково естественное заключеніе, выводимое новыми его союзниками, — значитъ мы не увлекаемся страстью, а дѣйствуемъ разумно; это поймутъ и наши

противники, его слово и въ ихъ глазахъ увеличить нашу нравственную силу». Вотъ причина популярности, въ короткое время—и на короткое время—приобрѣтенной Штраусомъ; странно только, какъ эта популярность не открыла ему глаза на счетъ сдѣланной имъ ошибки, какъ она не заставила его понять, что попасть въ тонъ толпы, ослѣпленной неожиданнымъ успѣхомъ, можетъ лишь тотъ, кто самъ раздѣляетъ ея ослѣпленіе. Странно также, что въ то самое время, какъ Штраусъ отдавался теченію, въ числу немногихъ, плившихъ противъ него, присоединился Гервинусъ — Гервинусъ, который всю жизнь мечталъ о единствѣ и могуществѣ Германіи, который переносилъ эту мечту даже въ изученіе Шекспира, котораго Штраусъ, въ 1848 г., упрекалъ въ излишнемъ превознесеніи политическихъ интересовъ надъ всѣми остальными. Разгадку этой странности мы найдемъ отчасти въ послѣднемъ сочиненіи Штрауса.

Еще въ сороковыхъ годахъ Штрауса занимала мысль изложить результаты новѣйшихъ богословскихъ изслѣдованій въ такой же популярной формѣ, въ какой въ «Космосѣ» Гумбольдта изложены результаты изслѣдованій естественно-научныхъ. Съ возвращеніемъ его къ богословскимъ занятіямъ возвратилась и эта мысль, въ нѣсколько другомъ лишь видѣ. Сначала онъ предполагалъ переработать для народа свою «Glaubenslehre» точно такъ, какъ переработалъ для него «Leben Jesu»; потомъ, когда эта работа оказалась ему не по силамъ (съ 1871 г. здоровье его стало быстро клониться къ упадку), онъ рѣшился ограничиться короткимъ очеркомъ своего міросозерцанія—того міросозерцанія, которое, по его мнѣнію, является неизбѣжнымъ, логическимъ результатомъ современной науки. Задуманная такимъ образомъ книга вышла въ свѣтъ въ 1872 г., подъ характеристическимъ заглавіемъ: «Der alte und der neue Glaube. Ein Bekenntniss». Въ «Poetisches Gedenkbuch» мы находимъ двѣ надписи къ ней, не менѣе характеристичныя—одну къ первому ея изданію: «Flüchtig scheint es hingesprochen, flüchtig ist es nicht gemacht; ausgeführt in so viel Wochen, als in Jahren durchgedacht»; другую же второму: «Auf, alter Krieger, lass das Bangen, und gürte deine Lenden; im Sturme hast du angefangen, im Sturme sollst du enden». Дѣйствительно, послѣдняя книга Штрауса возбудила такую же почти бурю, какъ и первая; разница заключалась только въ томъ, что на этотъ разъ въ выводахъ Штрауса не было ничего новаго, почему и впечатлѣніе, произведенное ими, было менѣе потрясающее. Но если нападенія на Штрауса въ 1872-мъ году не доходили до такого ожесточенія, какъ въ 1835-мъ, то и

защитниковъ у него теперь оказалось меньше, чѣмъ тогда. Тогда на его сторонѣ стояла крайняя партія, малочисленная, правда, и слабая, но единодушная въ его поддержкѣ, пока не выступили на сцену еще болѣе крайніе, чѣмъ онъ, Фейербахъ и Бруно Бауеръ; теперь на него возстали съ одинаковою силою консерваторы и радикалы, пѣтисты и передовые богословы, умѣренные либералы и социаль-демократы — а за него не возвысиль голосъ почти никто. Его ближайшіе друзья молчали, и молчаніе это, какъ видно даже изъ сдержанныхъ, осторожныхъ выраженій Целлера, не было знакомъ согласія и одобренія. Такого результата Штраусъ не ожидалъ. Въ своей книгѣ онъ вездѣ говоритъ какъ-бы не отъ своего только имени, а отъ лица цѣлой группы, стоящей на одной съ нимъ точкѣ зрѣнія (*meine Wir*, какъ онъ ее называетъ)—и вдругъ эта группа оставляетъ его одного, безмолвствуетъ, какъ будто ея вовсе не было! Объясняется это тѣмъ, что въ Германіи нѣтъ партій, нѣтъ кружка, которыхъ не задѣло бы за живое то или другое мѣсто въ «*Der alte und der neue Glaube*». Людей не только крайняго, но и вообще прогрессивнаго направленія Штраусъ оттолкнулъ своимъ политическимъ консерватизмомъ, панегрикомъ аристократіи и буржуазіи, защитой смертной казни, непониманіемъ самыхъ насущныхъ вопросовъ нашего времени, призывомъ къ грубой силѣ тамъ, гдѣ можетъ быть рѣчь только о призывѣ къ идеѣ. Люди противоположнаго образа мыслей не могли примириться съ философскими взглядами Штрауса, съ его отрицательнымъ отношеніемъ къ религіознымъ вопросамъ—отношеніемъ не только не смягчившимся, но, наоборотъ, обострившимся даже въ сравненіи съ послѣдними спеціально-богословскими его трудами. Въ тонѣ, которымъ онъ говоритъ объ извѣстныхъ предметахъ, слышится теперь насмѣшка—вмѣсто уваженія, раздраженіе—вмѣсто сочувствія. Если первые два отдѣла книги: «*Sind wir noch Christen?*» и «*Haben wir noch Religion?*» заключаютъ въ себѣ только квинтъ-эссенцію прежнихъ богословскихъ сочиненій Штрауса, съ той переменой въ формѣ и въ настроеніи, о которой мы только-что упомянули, то третій отдѣлъ: «*Wie begreifen wir die Welt?*» представляетъ собою переходъ бывшаго гегельянца къ рѣшительному матеріализму, на естественно-научной основѣ, а четвертый отдѣлъ: «*Wie ordnen wir unser Leben?*» сводитъ въ одно, ни на какой научной основѣ не построенное, цѣлое всѣ политическія симпатіи и антипатіи Штрауса. Мы видимъ здѣсь холодный, старческий эгоизмъ человѣка, всего болѣе дорожащаго своимъ спокойствіемъ, всего болѣе поклоняющагося вѣщному могуществу и успѣху, равнодушнаго

къ страданіямъ и стремленіямъ народа, видящаго высшее благо въ эстетическихъ наслажденіяхъ, недоступныхъ для большинства, и даже не задумывающагося надъ вопросомъ, чѣмъ они могутъ быть для него замѣнены или восполнены. Въ заключительныхъ главахъ «Der alte und der neue Glaube» мы узнаемъ автора писемъ къ Рекану, не сумѣвшаго понять истинную задачу нѣмецкой мысли въ роковой для обѣихъ сторонъ моментъ торжества Германіи надъ Франціей. Фридрихъ-Альбертъ Ланге, въ своей извѣстной «Исторіи матеріализма» (изданіе второе, т. II, стр. 529 и слѣд.), указываетъ на связь между философскими и политическими убѣжденіями Штрауса, признавая узкій консерватизмъ его естественнымъ продуктомъ матеріалистическаго міросозерцанія ¹⁾. Не отвергая этого объясненія, мы думаемъ, что имъ однимъ ограничиться нельзя, такъ какъ матеріализмъ уживается иногда и съ совершенно противоположными политическими убѣжденіями. Ближайшія причины того склада, въ который отлились взгляды старика-Штрауса на общество и государство, можно найти, какъ намъ кажется, въ его натурѣ и во всей его предыдущей жизни. Нервный, болѣзненно-воспримчивый и раздражительный, расположенный къ тому, что нѣмцы называютъ непереводаемымъ словомъ *Grübeln*, Штраусъ воспитывается въ полу-монастырской обстановкѣ, проводитъ первые годы молодости въ усиленномъ кабинетномъ трудѣ. Эффектъ, произведенный его первой книгой, съ одной стороны еще болѣе отдаляетъ, отчуждаетъ его отъ общества, съ другой стороны—развиваетъ въ немъ нѣкоторый аристократизмъ мысли, нѣкоторое пренебреженіе къ массѣ, неспособной понять значеніе совершеннаго имъ дѣла. Первое реальное соприкосновеніе его съ народомъ — цюрихская исторія — подтверждаетъ это впечатлѣніе и усложняетъ его горькимъ чувствомъ разочарованія, неисполнившейся надежды. Несчастная семейная жизнь дѣлаетъ его недоверчивымъ, еще болѣе замкнутымъ въ самомъ себѣ, еще болѣе неподатливымъ на сближеніе съ другими, на общую съ ними дѣятельность. Въ такомъ настроеніи его застаютъ призывъ къ парламентской жизни—и въ довершеніе бѣды, онъ сталкивается именно съ наименѣе привлекательными ея сторонами, съ безодержательной болтовней, съ безцѣльной и безплодной агитаціей,

¹⁾ Подробнаго разбора „Der alte und der neue Glaube“, какъ и другихъ сочиненій Штрауса, въ нашей литературѣ, по весьма понятнымъ причинамъ, найти нельзя, но если не объ этой книгѣ, то по поводу ея написана статья г. Н. Михайловскаго: „Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ“ („Отеч. Записки“ 1878, № 12), въ которой политическія воззрѣнія Штрауса объясняются отсутствіемъ у него идеаловъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

съ бурями въ стаканѣ воды, со всѣми безтактностями политическихъ новичковъ, наввно смѣшивающихъ фразу съ настоящимъ дѣломъ. Этотъ случайный придатокъ производитъ на Штрауса такое отталкивающее впечатлѣніе, что мѣшаетъ ему разглядѣть суть вопроса; изъ-за щепокъ онъ перестаетъ видѣть лѣсъ, въ которомъ происходитъ рубка. Нерасположеніе къ виртембергскимъ демократамъ 1848 г. вырождается въ нежъ въ общее нерасположеніе къ демократіи, которую онъ не можетъ представить себѣ иначе, какъ безъ толку шумливой, суетливой, нивелирующей, чуждой уваженія къ уму и знанію, стремящейся низвести ихъ на свой уровень. Всякая литературная неудача усиливаетъ это настроеніе, раздражая Штрауса противъ публики — а что такое публика, какъ не масса, перенесенная въ область литературы? Образующійся въ шестидесятыхъ годахъ союзъ демократовъ и либеральныхъ богослововъ, т.-е. двухъ элементовъ, наиболѣе несимпатичныхъ Штраусу, усиливаетъ вражду его къ каждому изъ нихъ. Наступаетъ 1866-й годъ; германское единство — именно та идея 1848-го года, къ которой сохранилъ сочувствіе Штраусъ — начинаетъ осуществляться, и притомъ не руками тѣхъ, которые, по мнѣнію Штрауса, только повредили ему двадцать лѣтъ тому назадъ, а повою, могущественной рукой, новыми средствами, къ числу которыхъ не принадлежитъ нелюбимый Штраусомъ парламентаризмъ. Уже теперь онъ становится въ ряды приверженцевъ Бисмарка; 1870-й годъ покоряетъ его омончательно ¹⁾, — и вотъ, въ письмахъ къ Ренану, въ «Der alte und der neue Glaube» онъ является апостоломъ войны, завоеванія, смертной казни, экономического общественнаго застоя, продолжая быть отрицателемъ въ другой, болѣе знакомой ему области. Однимъ словомъ, Штраусъ на старости лѣтъ, какъ политикъ — типъ нѣмецкаго ученаго прежней формаціи, сильнаго и свободнаго въ своей спеціальной сферѣ, но незнакомаго съ жизнью и народомъ, видащаго въ нихъ нарушителей своего спокойствія, полу-ослѣпшаго, полу-застывшаго въ стѣнахъ своего кабинета.

Враждебный приѣмъ, встрѣченный его книгой, произвелъ на Штрауса крайне тяжелое впечатлѣніе. Отвѣтъ его критикамъ, напечатанный подъ заглавіемъ «Ein Nachwort als Vorwort» и вошедшій въ составъ позднѣйшихъ изданій его книги (въ продолженіи одного года ихъ вышло семь), заключаетъ въ себѣ,

¹⁾ До чего доходить у Штрауса увлеченіе Бисмаркомъ, это видно съ достаточною яркостью изъ слѣдующей фразы: „самый непреклонный демократъ долженъ поднять голову вверхъ, чтобы обозрѣть по крайней мѣрѣ до колыма эти величественныя фигуры“ (рѣчь идетъ о Бисмаркѣ и Мольтке).

рядомъ съ сильными, блестящими мѣстами, много горькихъ до наивности жалобъ на несправедливость, ему оказанную, на несовершенный тонъ, которымъ позволяетъ себѣ говорить о немъ первый попавшійся журналистъ или начинающій писатель. Отъ дальнѣйшаго продолженія борьбы Штраусъ отказался, вслѣдствіе рѣзкой переменѣ въ худшему въ его здоровьѣ: «Ein Nachwort als Vorwort» было послѣднимъ словомъ, написаннымъ имъ для печати. Съ конца 1872 г. онъ жилъ въ Людвигсбургѣ, родномъ городѣ своемъ; бывшая жена его умерла въ 1870 г., и ничто болѣе не мѣшало ему возвратиться въ окрестности Штутгарта. Весною 1873 г. врачи послали его въ Карлсбадъ, но тамъ ему сдѣлалось еще хуже, и онъ вернулся совершенно больной. Нарывъ въ животѣ причинялъ ему нестерпимыя муки; онъ не могъ болѣе выходить изъ воннаты и принималъ только самыхъ близкихъ родныхъ и друзей своихъ; направленные противъ него статьи онъ вовсе пересталъ читать. Несмотря на тяжкія страданія, онъ сохранялъ до конца терпѣніе и спокойствіе духа, вооружаясь ими, быть можетъ, и для того, чтобы въ послѣднихъ дняхъ предъ его смертію не было ничего противорѣчащаго его жизни, чтобы его враги не могли найти въ нихъ аргументовъ противъ его міросозерцанія ¹⁾. Его поддерживалъ также поэтический даръ, никогда не измѣнявшій ему въ трудныя минуты жизни. Отъ нѣкоторыхъ стихотвореній, написанныхъ имъ на смертномъ одрѣ, не отказались бы, какъ намъ кажется, и лучшіе поэты Германіи (см. «Poetisches Gedenkbuch», стр. 186, 187, 193, 194, 196, 199, 210, 215, 216, 218, 224, 226). Мы очень жалѣемъ, что должны ограничиться однимъ примѣромъ: «Wem ich dieses klage, weiss, ich klage nicht; der ich dieses sage, fühlt, ich zage nicht. Heute heisst's: verglimmen, wie ein Licht verglimmt; in die Luft verschwimmen, wie ein Ton verschwimmt. Möge schwach wie immer, aber hell und rein, dieser letzte Schimmer, dieser Ton nur sein». Эти послѣдніе стихи Штрауса написаны имъ за мѣсяцъ до смерти; но умственную свѣжесть онъ сохранилъ до послѣдняго дня жизни. Еще 5-го февраля онъ интересовался тронною рѣчью императора при открытіи германскаго сейма: «вотъ существенно-важное дѣло, — писалъ онъ по этому поводу (и это послѣднія слова, написанныя его рукою), — въ сравненіи съ нимъ исчезаютъ всѣ наши маленькія скорби». Наканунѣ смерти онъ прочелъ «Федона» Платона въ подлинникѣ, и сказалъ, окончивъ чтеніе: «ein überwundener Standpunkt, aber ein nothwendiger Durchgang».

¹⁾ „Der allein bestand die Probe, — говорить онъ въ одномъ изъ предсмертныхъ своихъ стихотвореній, — der sich bis zuletzt bewährt“ (XII, 187).

Онъ потерялъ сознание только утромъ 8-го февраля 1874 г. и умеръ въ тотъ же день, шестидесяти шести лѣтъ отъ роду. Погребеніе его дало поводъ къ одному изъ тѣхъ эпизодовъ, съ которыми мы такъ часто встрѣчались при его жизни. Прощальную рѣчь надъ его могилой произнесъ одинъ изъ старинныхъ друзей и школьныхъ товарищей его, Биндеръ, занимавшій видное мѣсто въ учебной администраціи Виртемберга. Этого было достаточно, чтобы возбудить противъ Биндера негодованіе всѣхъ виртембергскихъ пѣтистовъ — негодованіе болѣе или менѣе искусственное, такъ какъ нескрываемую цѣлью его громкихъ выраженій было удаленіе Биндера отъ должности, обязанности которой онъ исполнялъ не въ духѣ пѣтизма. Журнальные протесты, обличенія съ церковныхъ кафедръ остались однако, на этотъ разъ, безъ послѣдствій, и очистительное жертвоприношеніе, которое пѣтисты хотѣли совершить на могилѣ Штрауса, не состоялось.

Нѣмецкіе критики видятъ въ Штраусѣ одного изъ величайшихъ прованковъ Германіи, ставя его въ этомъ отношеніи на одинъ уровень съ Гёте; его слогъ, всегда изящный, мастерски отдѣланный, и вмѣстѣ съ тѣмъ простой, ясный, непринужденный, считается образцовымъ. Самъ Штраусъ признавалъ за собою даръ пластическаго изложенія и не безъ гордости напоминалъ въ своемъ «*Nachwort als Vorwort*», что ему еще при жизни было отведено мѣсто въ ряду нѣмецкихъ классиковъ. Къ другимъ сторонамъ литературной дѣятельности Штрауса, болѣе важнымъ, особенно для иностранныхъ его читателей, нѣмецкая критика относится съ гораздо меньшимъ единодушіемъ; для безпристрастной его оцѣнки еще не настало время. Борьба, въ которой онъ игралъ такую видную роль, съ которою нераздѣльно связано его имя, продолжается до-сихъ-поръ, и окончаніе ея трудно даже предвидѣть. Какъ бы то ни было, исторія XIX-го столѣтія немыслима безъ страницы, посвященной Штраусу, а въ воспоминаніяхъ нѣмецкаго народа онъ уже теперь стоитъ между преемниками великихъ реформаторовъ XVI-го вѣка, между тѣми людьми, которые, слѣдуя девизу Лютера: «*hier steh' ich, ich kann nicht anders*», никогда не отступали передъ открытымъ выраженіемъ своей мысли, чѣмъ бы оно имъ ни угрожало — костромъ ли инквизиціи, или надломанною жизнью, нравственнымъ отчужденіемъ отъ большинства современниковъ.

Б. АРСЕНЬЕВЪ.

ПОССЕССИОННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ

ВЪ XVIII ВѢКѢ

ОЦРКЪ ИЗЪ ИСТОРИИ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ФАБРИЧНОГО ТРУДА.

До реформы 19-го февраля существовала группа такъ-называемыхъ *поссессионныхъ* крестьянъ, т.-е. составлявшихъ неотъемлемую принадлежность фабрикъ или заводовъ; по десятой ревизіи ихъ было всего около 186,000 душъ мужского пола, въ томъ числѣ при горныхъ заводахъ 163,000 и при различныхъ фабрикахъ 23,000 душъ ¹⁾).

Въ 1858 г. былъ учрежденъ подъ предсѣдательствомъ министра двора особый комитетъ для устройства быта людей, подвѣдомственныхъ разнымъ казеннымъ управленіямъ, и въ томъ числѣ фабричныхъ рабочихъ, находившихся въ вѣдѣніи министерства финансовъ, не только на казенныхъ, но и на частныхъ фабрикахъ и заводахъ. Вслѣдъ затѣмъ назначена была специальная комиссія и въ этомъ министерствѣ, которой поручено было обсудить и составить предварительныя соображенія и проекты объ улучшеніи ихъ быта. Въ составъ населенія, прикрѣпленнаго къ частнымъ фабрикамъ и заводамъ, по официальной классификаціи, входили: 1) фабричные: а) купленные къ фабрикамъ, б) приписанные съ платежомъ и в) приписанные безъ платежа; 2) горнозаводскіе: а) приписанные къ частнымъ заводамъ отъ казны, б) крѣпостные заводскіе, т.-е. укрѣпленные къ заводамъ.

¹⁾ Цифры эти, впрочемъ, весьма неточны: см. *Тройницкій*, „Крѣпостное населеніе въ Россіи по десятой народной переписи“. Спб., 1861 г., стр. 47, 76—77.

Когда для обсужденія основныхъ началъ крестьянской реформы были учреждены по губерніямъ дворянскіе комитеты, министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ губернаторовъ, что они не должны касаться вопроса объ устройствѣ быта всѣхъ приписныхъ, подвѣдомственныхъ министерству финансовъ, фабричныхъ и заводскихъ людей. Нѣкоторые владѣльцы уральскихъ горныхъ заводовъ выражали желаніе, чтобы изъ ихъ среды былъ образованъ комитетъ, который разсмотрѣлъ бы, какъ слѣдуетъ устроить бытъ не только заводскихъ крестьянъ, состоящихъ на вотчинномъ правѣ, но также и крестьянъ поссессионныхъ. Однако, смѣшеніе этихъ двухъ классовъ рабочаго населенія, какъ видно изъ официальныхъ источниковъ, казалось правительству опаснымъ. Очевидно, оно имѣло при этомъ въ виду, что преобразование положенія тѣхъ и другихъ должно быть сдѣлано на совершенно различныхъ основаніяхъ. Поэтому вопросъ о поссессионныхъ крестьянахъ остался совершенно внѣ вѣдѣнія губернскихъ комитетовъ, а затѣмъ и редакціонныхъ комиссій ¹⁾, и былъ рѣшенъ исключительно канцелярскимъ порядкомъ.

Въ XVIII вѣкѣ наша администрація сплошь и рядомъ не умѣла отличить крестьянъ поссессионныхъ отъ крѣпостныхъ и дѣлала вслѣдствіе этого не мало ошибокъ. Въ половинѣ XIX в. это было уже не возможно, такъ какъ поссессионные крестьяне давно выдѣлились въ особую, точно опредѣленную закономъ группу; но въ наукѣ поссессионное право оставалось почти совершенно не разъясненнымъ. Тогда не было, какъ нѣтъ и до сихъ поръ, ни одного историческаго изслѣдованія о поссессионныхъ крестьянахъ, между тѣмъ какъ для исторіи крѣпостного права, а также и нѣкоторыхъ отдѣловъ государственныхъ крестьянъ было кое-что сдѣлано еще въ то время. Это объясняется слѣдующими причинами: во-первыхъ, отдѣлъ поссессионныхъ крестьянъ началъ складываться лишь въ концѣ царствованія Петра Великаго, а между тѣмъ мы помнимъ еще время, когда изслѣдованіе въ печати послѣ-петровской эпохи представляло не мало затрудненій, а во-вторыхъ, источники для историческаго изученія поссессионныхъ крестьянъ разбросаны по различнымъ архивамъ, доступъ въ которые былъ не всегда возможенъ. Комиссіи, занимавшіяся вопросомъ о преобразованіи быта поссессионныхъ крестьянъ, не нашли нужнымъ привлечь научныя силы къ уча-

¹⁾ См. Первое изданіе матеріаловъ редакціонныхъ комиссій. Третій періодъ, ч. XIV. Спб. 1860 г. „Объяснит. записка къ проектамъ дополнительныхъ правилъ о крестьянахъ, отбывающихъ обязательныя работы при помѣщичьихъ фабрикахъ“, стр. 2—7.

стію въ его разрѣшеніи. Съ другой стороны, и наша журналистика, такъ много содѣйствовавшая правильному освѣщенію крестьянскаго вопроса вообще, хранила полное безмолвіе по этому частному вопросу вслѣдствіе его научной неразработанности, негласности работъ тѣхъ коммиссій, которыя занимались его разсмотрѣніемъ, а также и потому, что была отвлечена разсмотрѣніемъ будущаго устройства миллионъ, тогда какъ тутъ дѣло шло лишь о сотняхъ тысячъ. Результаты такой постановки этого дѣла оказались довольно плачевныя.

По дополнительнымъ правиламъ 19-го февраля 1861 года о населеніи, приписанномъ къ частнымъ горнымъ заводамъ, оно должно было раздѣлиться на двѣ части: мастеровыхъ и сельскихъ работниковъ. Къ первымъ принадлежали всѣ тѣ, которые занимались исполненіемъ техническихъ горнозаводскихъ работъ, во вторыхъ—занимавшіеся различными вспомогательными работами, а также хлѣбопашествомъ. Тѣ изъ мастеровыхъ и рабочихъ, которые считались данными отъ казны, сохраняли въ собственности свою усадебную осѣдлость безвозмездно, подобно мастеровымъ казенныхъ заводовъ; остальные же, какъ мастеровые, такъ и сельскіе работники, которымъ сами владѣльцы не предоставятъ усадебъ безвозмездно, должны платить за нихъ оброкъ. Затѣмъ, мастеровымъ, имѣвшимъ осѣдлость и пользовавшимся въ то время покосами, предоставлялось въ пользованіе за повинность по одной десятинѣ покоса въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ этотъ надѣлъ составлялъ столько же или превышалъ это количество. Въ имѣніяхъ же, гдѣ, по недостаточности покосныхъ земель, находилось въ пользованіи мастеровыхъ менѣе одной десятины на душу, долженъ былъ остаться прежній надѣлъ. Тѣ изъ осѣдлыхъ заводскихъ мастеровыхъ, которые пользовались участками пахатной земли, сохраняли ихъ въ своемъ распоряженіи за повинность, но не болѣе того количества, какое составляло высшій размѣръ душевого надѣла, положеннаго въ той мѣстности для крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Не пользовавшіеся прежде такими участками не имѣли права на надѣлы имъ. Каждый мастеровой, который былъ не въ состояніи уплатить оброкъ за землю, обязывался отработать его на рудникѣ или заводѣ. Правомъ выкупа своихъ угодій заводское населеніе могло воспользоваться на общемъ основаніи. Сельскіе работники получали такое же поземельное устройство, какъ и крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости ¹⁾.

¹⁾ Второе П. С. З., т. XXXVI, отд. I, № 36,667.

Любопытно всего въ этихъ правилахъ то, что повинности за покосы и пашни предоставляются въ пользу заводовладѣльцевъ, какъ томъ въ случаѣ, если они находились на ихъ собственныхъ земляхъ, такъ и тогда, когда въ посессионному заводу была отведена земля казенная. Между тѣмъ, просматривая списокъ посессионныхъ горныхъ заводовъ, мы видимъ, что большинство изъ нихъ построено на казенныхъ земляхъ ¹⁾; такимъ образомъ, заводовладѣльцамъ былъ — ни съ того, ни съ сего — подаренъ оброкъ за земли, дѣйствительнымъ собственникомъ которыхъ была казна. Понятно, что даже люди, весьма неравнодушные къ интересамъ посессионныхъ заводчиковъ, едва могутъ скрыть свое удивленіе по поводу того, что при опредѣленіи повинности мастеровыхъ и сельскихъ работниковъ въ пользу заводовладѣльцевъ «не сдѣлано никакого различія между землею, данною отъ казны, и собственною», и что даже тѣ изъ крестьянъ, которые даны отъ казны, обязываются платить оброкъ заводовладѣльцу за поземельный надѣлъ ²⁾. Послѣ этого оставалось бы только торжественно признать, что всѣ казенныя земли, отведенныя къ заводамъ, составляютъ собственность ихъ владѣльцевъ.

Но послѣ того, какъ дополнительные правила 19-го февраля 1861 г. были уже изданы, вѣдомство, составлявшее ихъ, видимо спохватывается, и въ его собственномъ официальном органѣ появляется отрывокъ изъ доклада о частной горной промышленности, внесеннаго въ комиссію по пересмотру горнаго устава, гдѣ признается болѣе правильнымъ совершенно иное отношеніе къ правамъ посессионныхъ владѣльцевъ. Люди, смотрящіе такимъ образомъ, — читаемъ мы въ этомъ докладѣ, — «основываясь на историческомъ развитіи посессионнаго права, на неотъемлемыхъ правахъ государства, какъ собственника всѣхъ предоставленныхъ посессионнымъ заводамъ пособій, на ограниченіяхъ, существующихъ въ правахъ распоряженія недвижимымъ имуществомъ, входящимъ въ составъ посессионныхъ горныхъ округовъ и значительно отличающихъ ихъ отъ заводовъ владѣльческихъ, и, наконецъ, относясь къ современному положенію посессионнаго права со стороны интересовъ общественныхъ и новыхъ экономическихъ требованій, вызываемыхъ положеніемъ горной промышленности съ уничтоженіемъ крѣпостного труда, не находятъ въ исторіи посессионнаго права достаточныхъ данныхъ для предоставленія

¹⁾ „Горный Журналъ“, 1862 г., т. I, стр. 148—154.

²⁾ Добролюбовскій, О посессионномъ горномъ владѣніи въ Россіи. Спб., 1864 г., стр. 20.

со стороны правительства обширныхъ государственныхъ земель въ полное владѣніе поссессионныхъ заводчиковъ и въ сравненіи ихъ съ владѣльцами земель, на полномъ правѣ собственности состоящихъ¹⁾.

Эти вполне разумные взгляды, на сторону которыхъ становится авторъ статьи, онъ подтверждаетъ и историческими основаніями, почерпнутыми изъ нашего законодательства. Съ другой стороны, сами крестьяне, среди которыхъ съ замѣчательною живучестью въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ сохраняются вѣрные воспоминанія объ ихъ прошломъ, дали хорошій урокъ людямъ, канцелярскимъ порядкомъ рѣшавшимъ ихъ судьбу.

Въ началѣ 1862 г. мастеровые и рабочіе алапаевскихъ горныхъ заводовъ, переданныхъ въ 1757 г. во владѣніе секунд-маіора Гурьева, и гдѣ, слѣдовательно, и земля, и мастеровые были казенные, постановили, въ виду этого, ходатайствовать о разрѣшеніи платить оброкъ за повемельный надѣлъ не заводчикамъ, а казнѣ, которая есть настоящій собственникъ земель, поступившихъ въ надѣлъ. Однако же пермское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, руководствуясь точнымъ смысломъ указанныхъ нами выше дополнительныхъ правилъ 19-го февраля, принуждено было отказать крестьянамъ въ ихъ совершенно разумномъ ходатайствѣ²⁾.

Такія указанія людей, наведшихъ нѣкоторыя справки въ нашемъ прошломъ законодательствѣ, а также тѣхъ самыхъ крестьянъ, судьба которыхъ рѣшалась съ такою развязностью, заставили правительство нѣсколько исправить сдѣланныя имъ ошибки и хоть сколько-нибудь облегчить положеніе поссессионныхъ крестьянъ. Высочайше утвержденнымъ 3-го декабря 1862 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта было предписано уменьшить подати, платимыя заводами, на 50—70%, если владѣльцы поссессионныхъ заводовъ, имѣющихъ данныя отъ казны земли, предоставятъ всѣмъ мастеровымъ усадьбы въ собственность безвозмездно. Покосы же, если мастеровые пожелаютъ ихъ удержатъ, а равно и топливо, велѣно было, «согласно уставнымъ грамотамъ или дополнительнымъ къ нимъ сдѣлкамъ, предоставить въ пользованіе мастеровыхъ: на первые три года безвозмездно, а на слѣдующіе три года за половину причитающихся по положенію повинностей и за половину же установленной за лѣсъ для той мѣстности платы.

¹⁾ Н. Михайловъ, Историческое и современное значеніе поссессионнаго права владѣнія горнозаводскими мѣстами. „Горный Журналъ“, 1862 г., т. IV, стр. 329—330.

²⁾ Тамъ же, стр. 346—347.

Затѣмъ, по прошествіи шести лѣтъ, въ отношеніи пользованія покосами за повинность и топливомъ за плату примѣняются общія правила¹⁾. Кромѣ того, мастеровымъ посессионныхъ заводовъ, не получившимъ по уставнымъ грамотамъ надѣла пахатной земли, если они оставались жить на прежнихъ мѣстахъ, дана была льгота на шесть лѣтъ отъ всѣхъ казенныхъ податей и земскихъ денежныхъ повинностей, а также отъ повинности реврутской.

Такъ какъ въ такихъ случаяхъ, какъ устройство быта рабочаго класса, важны не временныя льготы, а общія мѣропріятія, то въ этихъ правилахъ 3 декабря 1862 г. существеннымъ слѣдуетъ признать лишь предоставленіе уже не только отданнымъ изъ казны, а всѣмъ мастеровымъ усадбѣ безъ платы за нихъ; но за это казна поплатилась сбавленіемъ горной подати въ 50—70%, и дѣйствительно, послѣднее было настолько выгодно для посессионныхъ заводчиковъ, что они вездѣ предоставили мастеровымъ безвозмездно ихъ усадьбы. Мѣра эта, слѣдовательно, доказывая только, что, по признанію самого правительства, дополнительныя правила 19 февраля 1861 г. имѣютъ не мало изъяновъ, не составляло ихъ серьезнаго улучшенія, такъ какъ покосами, кромѣ нѣкоторыхъ льготныхъ лѣтъ, а также и пашнями, мастеровые все-таки могли пользоваться не иначе, какъ за повинность.

Таковы были правительственныя мѣры относительно рабочаго населенія посессионныхъ заводовъ, т.-е. горныхъ заводовъ; что касается посессионныхъ фабрикъ, то для нихъ 27 мая 1863 г. были постановлены слѣдующія правила. Владѣльцы посессионныхъ фабрикъ, при которыхъ находились приписанные отъ казны крестьяне, освобождаются отъ условій посессионнаго владѣнія, а владѣльцы такихъ фабрикъ, при которыхъ есть отведенныя казною земли, сверхъ того, получаютъ ихъ въ свою собственность, но только подъ слѣдующими условіями: а) Предоставить крестьянамъ въ собственность безвозмездно ихъ усадьбы, а также покосы тамъ, гдѣ крестьяне ими пользовались; если же въ ихъ рукахъ находились покосы особенно цѣнные и въ большомъ ко-

¹⁾ Другимъ постановленіемъ было предписано въ томъ же году: „участки, расчищенные собственнымъ трудомъ и иждивеніемъ нѣкоторыхъ домохозяевъ на принадлежащихъ посессионнымъ заводамъ земляхъ, остаются пожизненно и безвозмездно въ пользованіи тѣхъ домохозяевъ, которые ихъ расчистили“ и которые могутъ переступать ихъ другимъ. Эти участки не должны были входить въ размѣръ общепостановленнаго земельнаго надѣла. Выс. утв. 14 дек. 1862 г. положеніе глав. комитета объ устр. сельск. сост. „Горный Журналъ“, 1864 г., т. II, № 5, отд. оф., стр. 49.

личествѣ, а владѣлецъ фабрики заявить, что безвозмездная ихъ уступка была бы сопряжена съ значительною для него потерей, то мировымъ учрежденіямъ предоставляется опредѣлить, какая часть этихъ земель должна быть уступлена крестьянамъ безвозмездно; за остальные же, если они пожелаютъ сохранить ихъ въ своемъ пользованіи, они обязаны платить владѣльцу повинности на основаніяхъ, опредѣленныхъ положеніями о поземельномъ устройствѣ крестьянъ. б) Надѣлить крестьянъ въ тѣхъ случаяхъ, когда по количеству состоящей при фабрикѣ земли это будетъ возможно, слѣдующими по положенію угодьями, какъ изъ владѣльческой, такъ и изъ казенной земли за установленную повинность. в) Фабричные, не получившіе пахатныхъ участковъ, должны были пользоваться топливомъ три года безвозмездно и затѣмъ столько же времени за половинную плату. Наконецъ, нужно замѣтить, что всѣ фабричные, не получившіе надѣла пахатной земли, какъ это было и на горныхъ заводахъ, были освобождены на шесть лѣтъ отъ всѣхъ казенныхъ податей и земскихъ денежныхъ сборовъ, а также повинности рекрутской ¹⁾.

Такимъ образомъ и здѣсь фабричнымъ приходилось платить оброкъ въ пользу заводовладѣльца за земли, отданныя изъ казенны. Съ дарованіемъ этихъ земель въ полную собственность владѣльцамъ, при исполненіи указанныхъ условій, здѣсь въ принципѣ точно также нельзя примириться, какъ если бы это было сдѣлано на уральскихъ посессионныхъ заводахъ; но тутъ по крайней мѣрѣ эти земли были несравненно менѣ обширны. На Уралѣ же, гдѣ къ посессионнымъ заводамъ были отведены огромныя площади земель и лѣсовъ ²⁾, правительство не рѣшалось пожертвовать этою государственною собственностью въ пользу заводовладѣльцевъ, и такіе заводы, которымъ были даны земли и лѣса, впредь до окончательнаго рѣшенія вопроса объ освобожденіи ихъ отъ посессионныхъ условій, оставлены были въ числѣ посессионныхъ ³⁾.

Что касается поземельнаго устройства уральскихъ посессионныхъ крестьянъ, то, какъ мы видѣли, законодательныя мѣры по этому предмету были уже въ принципѣ мало благоприятны для заводскаго населенія, примѣнялись же онѣ къ дѣлу еще хуже ⁴⁾.

¹⁾ Второе П. С. З., т. XXXVIII, отд. I, № 89, 875.

²⁾ Однихъ лѣсовъ, не считая другихъ земельныхъ пособій, было отведено изъ казенны 4.906,868 дес. „Горн. Журн.“, 1862 г., т. I, стр. 159.

³⁾ „Горн. Журн.“, 1864 г., ч. I, отд. оффич., стр. 8, 11—13.

⁴⁾ Срав. статью *Р. Попова*, „Горнозаводскій Уралъ“, „Отеч. Зап.“, 1874 г., № 12, стр. 361—363, хотя въ свѣдѣніяхъ о величинѣ земельныхъ надѣловъ посессионныя крестьяне не выдѣлены тутъ въ особую группу.

Словомъ, какъ замѣтилъ авторъ статьи, которую мы только-что цитировали, «исторія поземельнаго устройства горнозаводскаго населенія — исторія чрезвычайно темная и запутанная, въ тому же продолжающаяся и до настоящаго времени: до сихъ поръ уставныя грамоты пересматриваются и исправляются въ чемъ можно, и этимъ передѣлкамъ еще долго не предвидится конца». То, что было сказано четыре года тому назадъ, оказывается, по крайней мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ поссессионныхъ заводовъ, справедливымъ и въ настоящее время. Такъ, напримѣръ, еще теперь продолжается споръ о надѣлахъ между крестьянами ниже-тагильскаго завода и его владѣльцемъ, П. П. Демидовымъ ¹⁾.

Такъ запутываются отношенія, когда законодатель, игнорируя историческія условія, рѣшаетъ дѣло въ интересахъ одной стороны, когда рабочее населеніе обязывается платить частному лицу оброкъ за казенныя земли, когда населеніе цѣлаго края получаетъ самые ничтожныя надѣлы для того, чтобы обезпечить заводчикамъ достаточное предложеніе труда. И гдѣ же тянутся до сихъ поръ эти недоразумѣнія? На заводѣ Демидова, потомка тѣхъ Демидовыхъ, которые самымъ безчеловѣчнымъ образомъ эксплуатировали и истязали какъ государственныхъ, такъ и поссессионныхъ крестьянъ, у нихъ работодавшихъ. Эти крестьяне потомъ и кровью своею купили право на землю, которую у нихъ вырываютъ!

Въ виду того, что отношенія между поссессионными крестьянами и заводовладѣльцами на Уралѣ до сихъ поръ еще окончательно не улажены, изслѣдованіе о прошлой жизни поссессионныхъ крестьянъ имѣетъ не одинъ историческій интересъ, но, и помимо этого, мы полагаемъ, внимательное изученіе экономическаго быта народа въ ту или другую эпоху его исторіи всегда имѣетъ громадную важность. Только сравнивая настоящее съ прошлымъ, возможно рѣшить, дѣйствительно ли народное благосостояніе возрастаетъ, или, несмотря на смягченіе нѣкоторыхъ неблагоприятныхъ условій, положеніе народа въ сущности вовсе не улучшается. Въ этомъ отношеніи научныя изслѣдованія, по-видимому, совсѣмъ не связанныя съ злобою дня, бросаютъ иногда неожиданный свѣтъ на современное положеніе вещей.

Къ сожалѣнію, у насъ слишкомъ мало еще сдѣлано для изученія прошлой экономической жизни нашего народа. Мы не только не имѣемъ полной исторіи крестьянъ, но у насъ нѣтъ и изслѣдованій по отдѣльнымъ вопросамъ, въ нее неизбѣжно вхо-

¹⁾ „Недѣля“, 1878, №№ 10, 14 и 26.

дѣйствіи. Есть ли у насъ исторія податей, исторія натуральныхъ повинностей — и самой тяжелой изъ нихъ — рекрутчины, есть ли у насъ исторія земледѣлія, исторія цѣнъ, исторія домашняго быта народа (пищи, одежды и т. п.)? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Собираются ли и печатаются ли по крайней мѣрѣ для этого матеріалы? Слишкомъ мало сравнительно съ массою другихъ документовъ, напримѣръ, о дипломатическихъ сношеніяхъ или писемъ и записочекъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ. Мудрено ли послѣ этого, что при разработкѣ исторіи многихъ отдѣловъ крестьянъ приходится перерывать груды нѣмъ нетронутаго матеріала, не имѣя передъ собою ни одной исторической монографіи даже и по печатнымъ источникамъ.

Въ виду этой новости предмета нашъ послѣдующій очеркъ, составленный по документамъ архивовъ министерства юстиціи, департамента мануфактуръ и торговли и горнаго департамента (сверхъ печатныхъ источниковъ), не можетъ претендовать на полноту, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе уничтоженія бергъ-коллегии въ 1783 г. и мануфактуръ-коллегии въ 1779 г., возстановленныхъ только при императорѣ Павлѣ, дѣла о фабрикахъ и заводахъ за послѣднюю треть царствованія Екатерины, разбросанныя по архивамъ различныхъ присутственныхъ мѣстъ, не были намъ доступны. Но мы думаемъ, что и въ этомъ видѣ нашъ очеркъ будетъ способствовать уясненію темнаго вопроса о посессионныхъ крестьянахъ.

I.

Какъ образовалась группа посессионныхъ крестьянъ? — Покупка имѣній къ фабрикамъ и заводамъ. — Люди, прикрѣпленные къ фабрикамъ правительственными указами. — Казенные мастерские, переданные съ заводами въ частное владѣніе. — Окончательное обособленіе посессионныхъ крестьянъ въ особую группу въ началѣ XIX в. — Ихъ подати и повинности. — Право фабриканта подвергать ихъ наказаніямъ.

Когда правительство при Петрѣ В. начало заботиться о развитіи во что бы то ни стало нашей промышленности, естественно явился вопросъ о томъ, гдѣ, при существованіи крѣпостного права, прикрѣплявшаго къ землѣ большую часть народа, фабриканты будутъ находить необходимыя для нихъ рабочія руки. Одинъ изъ способовъ снабженія рабочими по крайней мѣрѣ горныхъ заводовъ началъ практиковаться правительствомъ еще въ XVII в.: мы разумѣемъ приписку къ заводамъ крестьянъ для

отработываніа тамъ податей. Крестьяне эти рубили тамъ дрова, жгли уголь и исполняли другія вспомогательныя работы, продолжая считаться государственными крестьянами. Но этихъ временныхъ рабочихъ было недостаточно: требовались еще мастеровые, которые, постоянно участвуя въ работахъ, прибрѣтали бы необходимый техническій навыкъ; такіе мастеровые и были на казенныхъ заводахъ. Чтобы образовать подобное же сословіе постоянныхъ рабочихъ на частныхъ фабрикахъ, правительство при Петрѣ Великомъ додумалось до того, чтобы фабричныя работы исполнялись такимъ же крѣпостнымъ трудомъ, какъ и сельскія въ имѣніяхъ частныхъ землевладѣльцевъ, и для того рѣшилось дать право и лицамъ не-дворянскаго происхожденія прибрѣтать деревни; но только не иначе какъ къ фабрикамъ или заводамъ, неотъемлемую принадлежность которыхъ они должны были составлять.

Въ 1721 г. былъ изданъ слѣдующій указъ: прежде «купечимъ людямъ» было запрещено покупать деревни; теперь же многіе изъ нихъ пожелали заводить различныя фабрики и заводы, какъ компаніями, такъ и по одиночѣ. «Того ради позволяется, — сказано далѣе, — для размноженія такихъ заводовъ какъ шляхетству, такъ и купеческимъ людямъ къ тѣмъ заводамъ деревни покупать невозбранно, съ позволенія бергъ- и мануфактуръ-коллегій, токмо подъ такою кондиціею: дабы тѣ деревни всегда были уже при тѣхъ заводахъ неотлучно. И для того, какъ шляхетству, такъ и купечеству тѣхъ деревень особо безъ заводовъ отнюдь никому не продавать и не закладывать, и никакими вымысли ни за кѣмъ не крѣпить, и на выкупъ такихъ деревень никому не отдавать, развѣ кто похочетъ для необходимыхъ своихъ нуждъ тѣ деревни и съ тѣми заводы продать, то такимъ продавать съ позволенія бергъ-коллегій. А ежели кто противъ сего поступитъ, то онаго всего того лишитъ безповоротно. А ежели кто будетъ заводы заводить, токмо для лица, малые, чтобъ ему тѣмъ у кого деревни купить, и таковыхъ вымышленниковъ до той покупки отнюдь не допускать, и смотрѣть того на-крѣпко въ бергъ- и мануфактуръ-коллегій; а ежели таковые явятся, и ихъ по усмотрѣнію штрафовать отнятіемъ всего движимаго и недвижимаго имѣнія». Въ 1752 г. было точно опредѣлено, въ какомъ количествѣ можно покупать крестьянъ къ заводамъ ¹⁾; впрочемъ, это

¹⁾ Владѣльцамъ желѣзныхъ заводовъ—на одну донну по сту, да къ двумъ молотамъ, къ каждому по тридцати дворовъ, итого 160, полагая во всякомъ дворѣ по 4 души м. п.; владѣльцамъ мѣдныхъ заводовъ на каждую тысячу пудовъ выплавае-

ограниченіе не касалось дворянъ. Изъ купленныхъ крестьянъ позволялось употреблять въ фабричныя работы: на шелковыхъ заводахъ—четверть всего числа, а на суконныхъ, полотняныхъ и проч.—одну треть; прочіе же должны были оставаться при крестьянскихъ работахъ.

Покупка крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ продолжалась только до царствованія императора Петра III, который 29 марта 1762 г. предписалъ: «всѣмъ фабрикантамъ и заводчикамъ... отнынѣ къ ихъ фабрикамъ и заводамъ деревень съ землями и безъ земель покупать не дозволять, а довольствоваться имъ вольными наемными по паспортамъ за договорную плату людьми». Это подтвердила и императрица Екатерина II вскорѣ послѣ вступленія своего на престолъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ началѣ ея царствованія, оказывается, что къ фабрикамъ было куплено болѣе 20,000, а къ горнымъ заводамъ болѣе 40,000 душъ, всего же 67,461 душ., почти на 94,000 д. менѣе, чѣмъ могло бы быть на основаніи указа 1752 г.

Въ комиссіи для составленія уложенія былъ поднятъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли лицамъ, не имѣющимъ правъ дворянства, владѣть мастерскими и крестьянами. Князь Щербатовъ высказался за запрещеніе покупки людей къ фабрикамъ; напротивъ того, депутатъ города Серпейска, купецъ Глиноевъ, для успѣшнаго развитія промышленности считалъ необходимымъ крѣпостной трудъ. «Когда я обучу чужого и открою ему секретъ,—говорилъ онъ въ комиссіи,—то онъ можетъ отойти къ другому или потребовать такой необычайной платы, какой фабрика и принять на свой счетъ не можетъ». Шуйское дворянство выразило желаніе, чтобы дворянамъ было запрещено имѣть фабрики, но чтобы и купцы не могли покупать къ фабрикамъ крестьянъ.

Каковы бы ни были, однако, желанія депутатовъ въ комиссіи уложенія, запрещеніе приобрѣтать деревни къ фабрикамъ оставалось въ силѣ въ теченіи всего царствованія Екатерины II. Только иностраннымъ капиталистамъ, заведшимъ на свой счетъ фабрики и заводы, дозволено было манифестомъ 1763 года, вызывавшимъ иностранцевъ къ переселенію въ Россію, покупать къ нимъ «надлежащее число крѣпостныхъ людей и крестьянъ». Что касается русскихъ заводчиковъ, то исключеніе изъ общаго правила было

мой мѣди по 50 двор. или по 200 душъ м. п. Фабриканты могли покупать крестьянъ къ своимъ фабрикамъ въ различномъ количествѣ, смотря по тому, какаѣ фабрики, именно *ко валяному стану* отъ 12 до 42 душъ м. п., а женщины сколько онаятса при мужьяхъ.

допущено, насколько намъ извѣстно, только однажды, въ пользу Гончарова, которому въ 1763 году — по именному указу, «за ревностные труды въ заведеніи и размноженіи полезныхъ государству фабрикъ» — позволено было покупать деревни; право это распространялось и на его дѣтей. Въ остальныхъ случаяхъ незаконная покупка людей при Екатеринѣ преслѣдовалась правительствомъ. Но такъ какъ запрещеніе все-таки обходили съ помощью различныхъ уловокъ, то императоръ Павелъ въ 1798 году рѣшился вновь дозволить фабрикантамъ покупать крестьянъ въ указанныхъ прежде размѣрахъ, приказавъ только строго наблюдать, чтобы купленные съ этою цѣлью деревни всегда состояли при фабрикахъ и заводахъ, не продавались, не закладывались и не укрѣплялись ни за кѣмъ отдѣльно отъ нихъ и чтобы крестьяне не переводились къ другимъ заводамъ и селеніямъ по одиночѣ или семьями; продавать же крестьянъ вмѣстѣ съ заводами, съ разрѣшенія бергъ- или мануфактуръ-коллегии, дозволялось. За нарушеніе этихъ правилъ грозила конфискація фабрикъ и заводовъ. Если дѣйствіе фабрики прекратится по винѣ заводчика, — въ такомъ случаѣ, ихъ также слѣдовало брать въ казну съ купленными къ нимъ деревнями и землями, но съ уплатою за нихъ по оцѣнкѣ. Согласно съ указомъ 5-го апрѣля 1797 года, которымъ было приказано помѣщичьимъ крестьянамъ работать три дня въ недѣлю на помѣщика, изъ купленныхъ крестьянъ только половина годныхъ къ работѣ должна была работать на заводѣ ¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, государь велѣлъ прекратить преслѣдованіе виновныхъ въ незаконномъ приобрѣтеніи крестьянъ къ фабрикамъ.

Вотъ одно изъ такихъ дѣлъ. Въ 1790 году губернский секретарь Поповъ купилъ у камеръ-юнкера Матлева имѣніе въ вологодской губерніи; но дѣйствительнымъ покупщикомъ былъ не Поповъ, а зять его, ярославскій купецъ и фабрикантъ, Дырышевъ. Изъ имѣнія, въ которомъ было съ небольшимъ 100 душъ мужского пола, Дырышевъ въ 1793 году переселилъ на свою полотняную фабрику, находившуюся въ разстояніи 360 верстъ, 34 мужч. и 20 женщ. Работники занимались тамъ хлѣбопашествомъ, возили на фабрику кирпичъ, землю и проч., а изъ женщинъ нѣкоторые пряли ленъ. Когда крестьяне пожаловались на это переселеніе мануфактуръ-коллегии, то, привлеченный къ до-

¹⁾ По свидѣтельству автора статьи „Горнозаводскій Уралъ“ („Отеч. Зап.“, 1874, № 12, стр. 339), на уральскихъ горныхъ заводахъ этотъ законъ „не имѣлъ рѣшительно никакого практическаго значенія и никогда не исполнялся“.

просу, номинальный владѣлец Поповъ отвѣчалъ, что онъ отдавалъ своихъ крестьянъ на фабрику для обученія ткацкому мастерству. Сенатъ, убѣдившись въ томъ, что дѣйствительнымъ покупщикомъ былъ Дырышевъ, предполагалъ, въ наказаніе ему, обратить этихъ крестьянъ въ государственныхъ, но вслѣдствіе указа того же года, не только вновь дозволившаго покупку крестьянъ къ фабрикамъ, но и предписавшаго предать забвенію дѣла о покупкѣ къ нимъ имѣній на чужое имя, и это дѣло пришлось рѣшить иначе. Сенатъ постановилъ, что такъ какъ купчая совершена была на имя Попова, то крестьяне и должны принадлежать ему или его наслѣдникамъ. Изъ тѣхъ, которые были переведены на фабрику, всѣ, кромѣ умершихъ тамъ, были возвращены на родину еще ранѣе окончанія этого дѣла.

Покупая крестьянъ къ фабрикамъ послѣ дозволенія, даннаго на это имп. Павломъ, заводчики стали иногда переселять ихъ въ совершенно другую мѣстность Россіи; это, разумѣется, было крайне разорительно для крестьянъ. Поэтому уже въ 1802 году императору Александру I пришлось запретить такія переселенія; онъ дозволилъ покупать къ фабрикамъ крестьянъ только изъ живущихъ по близости съ тѣми, чтобы ихъ отнюдь не переселяли съ прежняго мѣста жительства.

Кромѣ купленныхъ къ фабрикамъ ихъ владѣльцами, въ составъ того класса народонаселенія, который составлялъ неотъемлемую принадлежность фабрикъ, входили люди, отданные туда или прикрѣпленные къ нимъ правительственными указами. Къ этому второму отдѣлу принадлежать прежде всего бѣгле, разночинцы и разные свободные гулящіе люди, затѣмъ незаконно рожденные, иногда солдатскія дѣти и т. п.

Въ 1722 году Петръ Великій не велѣлъ отдавать съ фабрикъ учениковъ и работниковъ, оказавшихся бѣглыми помѣщичьими людьми, такъ какъ отъ возвращенія ихъ происходитъ остановка фабричныхъ работъ. Въ слѣдующемъ году приказано было всѣхъ находящихся на фабрикахъ солдатскихъ дѣтей, дворовыхъ служителей и разночинцевъ переписать, но «въ податъ никуда не класть». Если кто изъ пришлыхъ на заводы людей, обучившись тамъ какому-нибудь мастерству, будетъ нуженъ заводчику, то послѣдній имѣлъ право заплатить за него помѣщику 50 рублей и оставить его у себя; въ противномъ случаѣ, удержавъ рабочаго долѣе срока, означеннаго въ его паспортѣ, онъ долженъ былъ отвѣчать за него, какъ за бѣглаго. Въ 1732 году велѣно было произвести новую перепись на фабрикахъ, но впредь

до особаго указа съ нихъ нивого не ссылатъ и по прошеніямъ челобитчиковъ не отдавать.

Такимъ образомъ, люди пришлые на заводы были оставлены на нихъ впредь до особаго распоряженія, которое должно было окончательно рѣшить ихъ участь; распоряженіе это состоялось 7-го января 1736 года; оно имѣетъ особенно важное значеніе въ исторіи посессионныхъ крестьянъ, такъ какъ на основаніи его преимущественно и составился отдѣлъ отданныхъ по указамъ.

Не нужно было быть непременно бѣглымъ, чтобы попасть въ число людей, навсегда прикрѣпленныхъ къ фабрикѣ. Всѣмъ, которые во время изданія указа 1736 года находились при фабрикахъ и обучались на нихъ какому-нибудь мастерству, а не были простыми чернорабочими, велѣно было остаться при нихъ вѣчно, и если кто положенъ въ подушный окладъ, тѣхъ приказано изъ него исключить. За этихъ мастеровыхъ фабриканты должны были заплатить деньги, кому они прежде принадлежали, въ слѣдующемъ размѣрѣ: за дворцовыхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ, а также помѣщичьихъ людей и крестьянъ, написанныхъ въ подушный окладъ, которые пришли на фабрики съ женами или малолѣтними дѣтьми (мальчиками моложе 10-ти и дѣвочками моложе 15-ти лѣтъ), — по 50 рублей за семью; а если дѣти были старше, то за каждаго мальчика нужно было еще приплатить по 10-ти, — за дѣвочку по 5-ти рублей. За холостыхъ мужчинъ, пришедшихъ безъ отцовъ и матерей, назначена была плата по 30 рублей за каждаго. Плата эта служила вознагражденіемъ владѣльцамъ или крестьянскимъ обществамъ за то, что они прежде вносили подати и давали рекрутъ за этихъ крестьянъ. Если же кто въ подушный окладъ не написанъ и платежа никакого за нихъ не было, то за такую семью — мужа, жену и малолѣтнихъ дѣтей — должно было заплатить 30 рублей, за мальчиковъ старше 10-ти лѣтъ по 7-ми, а за дѣвушекъ старше 15-ти лѣтъ — по 3 рубля 50 коп.; за холостыхъ по 20-ти рублей, а за вдовъ и дѣвушекъ, пришедшихъ безъ отцовъ и матерей, по 5-ти рублей. За дѣтей, прижитыхъ на фабрикахъ, не слѣдовало платить ничего. Деньги эти, вносимыя фабрикантами въ сенатъ, за помѣщичьихъ людей отдавались помѣщикамъ, а за дворцовыхъ, монастырскихъ и другихъ отсылались въ крисъ-коммиссаріатъ въ зачетъ подушныхъ денегъ за тѣ вотчины, откуда родомъ были эти крестьяне. Дѣтей этихъ *отданныхъ* *отчю* людей фабриканты должны были обучать всякимъ мастерствамъ и производить въ мастера. — Тѣхъ, которые были на фабрикахъ чернорабочими, велѣно было отдать, кому они при-

надлежали; но за время пребыванія ихъ на фабрикахъ пожилыхъ денегъ не взыскивать. — Показавшіе при переписи, что они не знаютъ, «изъ какихъ чиновъ отцы и дѣды ихъ» (*непомнящіе родства*), должны были по-прежнему остаться на фабрикахъ; если же потомъ окажется, что они бѣглые солдаты и рекруты или помѣщичьи люди, то велѣно бить ихъ плетью нещадно и возвращать владѣльцамъ, но пожилыхъ денегъ и за нихъ не взыскивать. Если кто изъ *въчно-отданныхъ* сбѣжитъ съ фабрики, то воеводы должны были отсылать ихъ назадъ; съ виновныхъ же въ держаніи ихъ взыскивались пожилыя деньги на общемъ основаніи. Указъ заканчивался обычнымъ предписаніемъ: впредь бѣглыхъ отнюдь не принимать.

Такъ образовался особый отдѣлъ заводскаго населенія — отданные навсегда по указамъ, которыхъ можно раздѣлить на а) прирѣпленныхъ къ фабрикамъ за извѣстную плату и б) *непомнящихъ* родства, отданныхъ безъ платы. Множество государственныхъ крестьянъ и гулящихъ людей, не говоря уже о прежнихъ крѣпостныхъ, были прирѣплены такимъ образомъ къ заводамъ.

Въ началѣ царствованія Елизаветы Петровны правительство пыталось-было остановить наплывъ бѣглыхъ на фабрики и заводы и, съ этой цѣлью, дѣлало распоряженія о высылкѣ ихъ на родину. Велѣно было отданныхъ по указамъ и купленныхъ фабрикантами написать за ними въ подушный окладъ, а бѣглыхъ заводчики должны были на свой счетъ отвести на родину. Однако правительству очень скоро пришлось отказаться отъ исполненія этихъ рѣшительныхъ мѣръ, такъ какъ оказалось, что высылкою всѣхъ бѣглыхъ на прежнія жилища фабрики могли быть приведены «въ совершенное разореніе и опустошеніе».

Вопросъ о бѣглыхъ вообще былъ окончательно рѣшенъ только въ 1754 г. обширнымъ именнымъ указомъ. Относительно фабричныхъ мастеровыхъ, мы находимъ въ немъ слѣдующія распоряженія. Всѣхъ бѣглыхъ, найденныхъ на фабрикахъ, за исключеніемъ тѣхъ, которымъ велѣно быть неотъемлемыми отъ нихъ по какимъ-либо прежнимъ указамъ, велѣно было отвести на прежнія жилища, хотя бы они и обучились мастерству; а за держаніе ихъ взыскать за мужчинъ по 100 р., а за женщинъ по 50 р. въ годъ, считая съ 1724 г. до времени изданія этого указа. Что касается бѣглыхъ, принятыхъ на фабрики, заведенныя послѣ указа 1736 г. со времени ихъ основанія до ревизіи 1744 г., и во время нея записанныхъ на эти фабрики, то ихъ велѣно также отдать прежнимъ владѣльцамъ, но если они ока-

жуются крайне необходимыми, то фабриканты могут ихъ не отдавать, заплативъ только по 50 р. за мужинъ и по 25 за женщинъ; за то время, сколько они жили на фабрикахъ до записанія во вторую ревизію, взыскать за нихъ пожилыя деньги въ вышеуказанномъ размѣрѣ, а за время послѣ ревизіи до изданія настоящаго указа, денегъ не брать, такъ какъ мастеровыхъ не велѣно было ссылатъ съ фабрикъ сенатскимъ указомъ 1744 г., а взыскать только заработныя деньги за мужинну по 5-ти р., а за женщину по 2 р. 50 к. въ годъ. Впредь же за приѣмъ бѣглыхъ взыскивать съ заводчиковъ пожилыхъ за мужинъ по 200, за женщинъ по 100 р. въ годъ.

Уже изъ одного обилія указовъ о бѣглыхъ, принятыхъ на фабрики, видно, что изъ нихъ, вмѣстѣ съ свободными гулящими людьми и «непоминающими родства», всего болѣе вербовалось «вѣчно отдаваемыхъ» къ фабрикамъ. Но въ составъ этого отдѣла входили и другіе элементы. Тутъ слѣдуетъ упомянуть, во-первыхъ, о незаконнорожденныхъ.

Такъ какъ законодательство первой половины XVIII в. стремилось всѣхъ гулящихъ людей записать въ подушный окладъ за кѣмъ бы то ни было, то, понятно, что незаконнорожденные попадали въ кабалу къ ихъ воспитателямъ. Тутъ закрѣпощеніе являлось, по крайней мѣрѣ, какъ-бы вознагражденіемъ за иждержки при прокормленіи младенцевъ, но иногда незаконнорожденныхъ хотя еще и несовершеннолѣтнихъ, но уже способныхъ къ работѣ, отдавали на первую попавшуюся фабрику. Такъ, напр., въ концѣ 40-хъ годовъ было отдано на суконную фабрику Болотина не мало «взорныхъ дѣтей», начиная отъ 12-ти лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы они оставались тамъ до 25-ти-лѣтняго возраста, а затѣмъ были опредѣлены въ военную службу. Взрослые и незаконнорожденные иногда сами записывались за фабрикантами, такъ какъ приписаться гдѣ-нибудь было все равно необходимо: въ противномъ случаѣ это сдѣлало бы за нихъ само правительство. Разъ написанные въ ревизію при какой-нибудь фабрикѣ, они дѣлались ея неотъемлемою принадлежностью. Положеніе незаконнорожденныхъ женщинъ, какъ не положенныхъ въ подушный окладъ, было, повидимому, нѣсколько свободнѣе: имъ предоставлялось на выборъ—идти ли въ услуженіе, или поступить на фабрику, но на дѣлѣ, надо полагать, то и другое одинаково кончалось закрѣпощеніемъ.

Въ составъ вѣчно-отдаваемыхъ попадали также разночинцы, «неимѣющіе купечества и промысловъ», которыхъ велѣно было отдавать на частныя фабрики и вотчинникамъ и писать за ними

въ подушный окладъ, а также заштатные церковники и солдатскія дѣти. Послѣдніе отдавались иногда только до достиженія опредѣленнаго возраста съ тѣмъ, чтобы потомъ они вступили на военную службу, но, какъ видно, сплошь и рядомъ они навсегда оставались при фабрикѣ.

При Екатеринѣ II отдача по указамъ на фабрики въ неотъемлемое владѣніе прекратилась. Сенатъ въ 1786 г., узнавъ, что въ костромскомъ намѣстничествѣ были отданы отъ присутственныхъ мѣстъ на фабрики послѣ 1762 г., приказалъ отобрать ихъ и причислить въ казенное вѣдомство по желанію каждаго. Приписка же къ фабрикамъ по собственному желанію продолжалась и при Екатеринѣ.

Кромѣ вѣчно-отданныхъ, были на фабрикахъ и отданные на время. Указомъ 1736 г. было велѣно, если какіе «подлые и немущіе люди» изъ купечества и разночинцевъ муж. пола, а изъ женщинъ чьи бы то ни было, будутъ правдою шататься и просить милостыню по городамъ и уѣздамъ, такихъ отдавать на *пять лѣтъ* на фабрики и мануфактуры съ согласія фабрикантовъ, которые обязывались за работу давать имъ пропитаніе. По прошествіи пяти лѣтъ должно было отпускать ихъ съ паспортами. Женщины, оказавшіяся виновными въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ и проступкахъ, предоставлялись на усмотрѣніе бергъ- и мануфактуръ-коллегій, которыя и должны были отсылать ихъ на компанейскія фабрики на нѣсколько лѣтъ или даже пожизненно. При Екатеринѣ II сенатъ подтвердилъ, чтобы и публичныя женщины, отсылаемыя полиціею въ мануфактуръ-коллегію, отправлялись послѣднею на фабрики.

Нищіе также отдавались на фабрики на нѣкоторое время. Когда въ 1717 г. въ рязанскомъ уѣздѣ компанія купцовъ устроивала игольный заводъ, ей было дозволено «въ ученіе брать въ Москвѣ и на Рязани изъ бѣдныхъ и малолѣтнихъ, которые ходятъ по улицамъ и просятъ милостыню», и этимъ ученикамъ велѣно находиться на фабрикѣ до совершеннолѣтія; провіантъ и платье имъ должны были давать компанейщики. Въ 1753 г. было предписано «шатающихся по міру мужскаго пола разночинцевъ, кои въ службы не годны, а работать еще могутъ, отдавать на фабрики въ работу, такъ же бабъ и дѣвокъ и малыхъ ребятъ и изъ богадѣленъ опредѣленныхъ на жалованье отнюдь по міру ходить не допускать». Поэтому, когда въ 1762 г. въ Петербургѣ оказалось много просящихъ милостыню солдатокъ, сенатъ приказалъ полиціи отсылать ихъ въ мануфактуръ-коллегію для распредѣленія на фабрики въ Петербургѣ и окрестно-

стяхъ, съ тѣмъ однако, что если мужья, возвратившись изъ похода, будутъ просить объ ихъ возвращеніи, то ихъ съ фабрикъ отпустить.

Всѣ эти рабочіе обоюго пола, временно отданные на фабрики, не могутъ, разумѣется, считаться ихъ неотъемлемою принадлежностью, но нужно думать, что большинство изъ нихъ навсегда оставалось тамъ по той или другой причинѣ, и такимъ образомъ, увеличивало контингентъ такъ-называемыхъ вѣчно-отданныхъ. Къ тому же, по указу 1736 г. и поступившіе до того времени на фабрики добровольно, хотя бы они первоначально желали пробыть тамъ лишь нѣсколько лѣтъ, должны были поневолѣ остаться фабричными рабочими.

Мы познакомились уже съ двумя разрядами прикрѣпленныхъ къ фабрикамъ крестьянъ: купленными фабрикантами и вѣчно-отданными; третьимъ элементомъ этой группы рабочаго населенія были отданные фабрикантамъ *казенные мастеровые*. Большинство изъ нихъ перешло въ руки ихъ владѣльцевъ вмѣстѣ съ заводами. Такъ, напримѣръ, на уральскихъ заводахъ, переданныхъ при Елизаветѣ частнымъ лицамъ, находилось болѣе трехъ съ половиною тысячъ казенныхъ мастеровыхъ; на Липецкомъ, Боренскомъ и Козьминскомъ заводахъ воронежской губерніи, отданныхъ кн. Репнину, болѣе 1,300 душъ. Намъ придется еще рассказывать, какую упорную борьбу приходилось имъ выдерживать съ фабрикантами, которые стремились этихъ казенныхъ людей, находившихся въ ихъ пользованіи, низвести до одного уровня съ купленными ими рабочими. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что казенныхъ мастеровыхъ передавали въ частныя руки не только вмѣстѣ съ фабриками: нерѣдко при устройствѣ того или другого завода правительство давало фабриканту нѣсколько людей, опытныхъ въ необходимомъ для него мастерствѣ.

Передача мастеровыхъ изъ казны въ частное владѣніе вмѣстѣ съ заводами дѣлалась не иначе, какъ по именному указу, а отдѣльно отъ нихъ — по распоряженію сената, бергъ- и мануфактуръ-коллегіи или даже подчиненныхъ имъ инстанцій. Но бывало, что мѣстная администрація произвольно отдавала на частныя заводы людей, такой отдачи вовсе не подлежавшихъ. Въ 1783 году тобольское намѣстническое правленіе донесло сенату, что прежній тамошній губернаторъ Чичеринъ отдалъ въ 1771 г. на четыре частныя фабрики, подъ предлогомъ сиротства и несовершеннолѣтняго возраста, 79 ч. «казенныхъ людей», присланныхъ туда на поселеніе съ зачетомъ въ рекруты, между тѣмъ какъ ихъ слѣдовало, если бы они были дѣйствительно мало-

лѣтними, «приписать къ земледѣльцамъ», — но такъ какъ они вовсе не были малолѣтними и легко могли исполнять всякую крестьянскую работу, то ихъ должно было поселить наравнѣ съ другими и по истеченіи льготныхъ лѣтъ обложить податями. Чичеринъ распорядился съ этими людьми, присланными на поселеніе, совершенно самовольно, не имѣя на то не только указа сената, но и прямо вопреки именному указу 1762 г., которымъ предписано было фабрикантамъ и заводчикамъ довольствоваться вольнонаемными людьми. Поэтому тобольское намѣстническое правленіе предлагало не только отобрать этихъ людей у фабрикантовъ и поселить ихъ наравнѣ съ другими, отправленными въ Сибирь съ тою же цѣлю, но, кромѣ того, такъ какъ фабриканты пользовались рабочими, не платя за нихъ податей, взыскать съ нихъ деньги, не полученные казною. Сенатъ согласился съ первою половиною этого предложенія; что же касается подушныхъ и другихъ податей за время пребыванія рабочихъ у фабрикантовъ, то онъ предписалъ взыскать ихъ не съ этихъ послѣднихъ, а съ бывшаго губернатора Чичерина, повиннаго въ ихъ противозаконной отдачѣ на фабрики.

Итакъ, мастерские и крестьяне, составлявшіе въ XVIII в. принадлежность частныхъ фабрикъ, были или купленные заводчиками, или «вѣчно-отданные», или, наконецъ, казенные мастерские, переданные фабрикантамъ. Для обозначенія всей этой группы не выработалось еще въ XVIII в. особаго термина, который и встрѣчается лишь въ началѣ XIX в.

Относительно горныхъ заводовъ обособленіе тѣхъ изъ нихъ, которые получили пособіе отъ казны, начинается въ нашемъ законодательствѣ при Екатеринѣ II. По бергъ-привилегіи право распоряженія подземными минеральными богатствами на всѣхъ земляхъ, не только казенныхъ, но и частныхъ, принадлежало государству. «Намъ однимъ яко монарху, — сказано тамъ, — принадлежать рудопыные заводы». Къ сожалѣнію, Екатерина II манифестомъ 1782 г. и затѣмъ дворянскою грамотою 1785 г. отступила отъ этого принципа и распространила право полной собственности частныхъ землевладѣльцевъ и на нѣдра ихъ земель. Естественно, что въ періодъ времени съ 1719 по 1782 г., во всѣхъ правительственныхъ постановленіяхъ не дѣлается различія между частными горными заводами, построенными на отведенныхъ для этого казенныхъ земляхъ, и заводами, находившимися на собственныхъ земляхъ владѣльцевъ; подати, взимавшіяся съ тѣхъ и другихъ, были совершенно одинаковы. Такимъ образомъ, только манифестъ 1782 г. положилъ юридическое основаніе

частнымъ горнымъ заводамъ на полномъ владѣльческомъ правѣ; вслѣдъ за выдѣленіемъ ихъ изъ состава всѣхъ горныхъ заводовъ естественно должно было установиться и различіе во взиманіи податей между тѣми изъ нихъ, которые были основаны на казенныхъ и построенными на частныхъ земляхъ. Правительство сознавало это, и въ одномъ именномъ указѣ высказано было желаніе взыскивать съ заводчиковъ за пользованіе казенными землями и лѣсами особую арендную плату; однако, мысль эта не была приведена въ исполненіе. Въ 1794 г. впервые было сдѣлано различіе въ размѣрахъ податей между заводами, построенными частными лицами безъ всякаго пособія, и тѣми, при устройствѣ которыхъ были даны отъ казны земли и лѣса или приписаны «изъ вѣдомства казеннаго» люди. Съ этого времени различіе между тѣми и другими заводами все болѣе уясняется въ нашемъ законодательствѣ, окончательно же оно установилось только при Александрѣ I.—Въ учрежденіи министерства финансовъ 1811 г. подробно разграничены права частныхъ горныхъ заводчиковъ и они раздѣлены на два разряда. Къ первому отнесены тѣ, которые владѣютъ заводами по праву дворянства, не получивъ никакихъ пособій отъ казны; во второму тѣ, которые имѣютъ пособія: 1) въ людяхъ, 2) въ земляхъ, 3) въ лѣсахъ, 4) въ рудникахъ и 5) которые получили позволеніе владѣть заводомъ и при немъ крѣпостными людьми, не имѣя правъ дворянства. Въ 1825 г. такое раздѣленіе распространено на всѣ фабрики и заводы, и опредѣлено, что всѣ тѣ изъ нихъ, къ которымъ были отведены отъ казны земли или строенія, или приписаны мастеровые люди, или дано позволеніе на покупку къ нимъ крестьянъ, составляютъ имущество, называемое *поссессиями* ¹⁾, и не могутъ быть никакимъ образомъ отдѣляемы отъ фабрикъ. Послѣ того поссессионные заводы рѣзко отдѣлялись отъ заводовъ владѣльческихъ; между прочимъ, ихъ нельзя было продавать изъ однихъ рукъ въ другія; они только переукрѣплялись, и то не иначе, какъ безъ раздробленія и съ разрѣшенія завѣдывавшихъ ими учреждений. Самые владѣльцы ихъ, какъ это было и въ XVIII в., назывались только «содержателями заводовъ» ²⁾.

Такимъ образомъ, въ началѣ XIX ст. найдено было общее названіе для всѣхъ разрядовъ заводскаго населенія, не принадлежащаго владѣльцу завода на правѣ полной собственности. Заводы, полу-

¹⁾ Этотъ терминъ встрѣчается уже, впрочемъ, въ одномъ указѣ 1797 г.

²⁾ Н. Михайловъ, «Объ историческомъ и современномъ значеніи поссессіи права владѣнія горнозаводскими имѣніями», «Горный журналъ», 1862 г., № 11, стр. 330—344. Сравни статью Петрова, тамъ же № 1, стр. 145—147.

чившіе помощь отъ казны, въ томъ числѣ и людьми, были названы поссессионными, а слѣдовательно—и ихъ населеніе можетъ быть названо поссессионными мастеровыми и крестьянами. Этотъ терминъ мы можемъ перенести, за неимѣніемъ другого, и въ XVIII в.

Намъ необходимо было остановиться на происхожденіи всѣхъ элементовъ этого отдѣла крестьянъ для того, чтобы яснѣе понять ихъ положеніе въ XVIII в. Итакъ, къ поссессионнымъ крестьянамъ принадлежали: 1) Казенные мастеровые, отданные заводчикамъ. 2) Вѣчно-отданные: а) Отданные за опредѣленную плату и б) Непомнящіе родства. 3) Мастеровые и крестьяне, купленные къ заводамъ.

Въ началѣ XIX столѣтія къ этому присоединились еще четвертый отдѣлъ: «непремѣнные работники», замѣнившіе приписныхъ крестьянъ. Они были набраны изъ этихъ послѣднихъ по 58 человекъ съ 1000 душъ и сдѣланы постоянными заводскими мастеровыми. Такъ какъ при частныхъ заводахъ числилось тогда 70,061 д., то непремѣнныхъ работниковъ съ нихъ набрано было 4,061. По положенію 1807 г. они должны были отслужить на заводахъ только 30 лѣтъ, а дѣти ихъ 40 лѣтъ, а затѣмъ ихъ слѣдовало отпустить на волю и они могли приписаться, куда пожелаютъ. Однако это не было исполнено, и только спустя болѣе чѣмъ 50 лѣтъ положеніе 19 февраля освобождаетъ ихъ на весьма неблагоприятныхъ условіяхъ, о которыхъ мы говорили выше.

Разобравъ подробно составъ поссессионнаго заводскаго населенія, мы должны остановиться на нѣкоторыхъ общихъ вопросахъ относительно быта этихъ людей.

Что касается уплаты податей, то, на основаніи бергъ-привилегіи 1719 г., мастеровые всѣхъ дѣйствующихъ горныхъ заводовъ были избавлены отъ всякихъ денежныхъ поборовъ. Это правило не всегда соблюдалось, но въ 1736 г. вѣдно было всѣхъ вѣчно-отданныхъ къ фабрикамъ, если кто изъ нихъ былъ положенъ въ подушный окладъ, исключить изъ него на основаніи бергъ-привилегіи. Въ царствованіе императрицы Елизаветы при началѣ второй ревизіи предписано было заносить въ перепись какъ отданныхъ по указамъ, такъ и купленныхъ фабрикантами. Когда въ 1747 г. ревизія была, наконецъ, приведена къ окончанію, сенатъ, въ виду того, что на казенныхъ фабрикахъ и заводахъ мастеровые платятъ изъ получаемого ими жалованья и задѣльной платы по 70 к. съ души, окончательно предписалъ взыскивать съ мастеровыхъ частныхъ заводовъ семипривенныя подушныя деньги, не облагая ихъ, однако, оброчнымъ сборомъ, который платили государственные крестьяне.

Отъ рекрутчины мастеровые были освобождены бергъ-привилегією и регламентомъ мануфактуръ-коллегіи. Въ 1754 г. велѣно было съ тѣхъ фабрикъ и заводовъ, при которыхъ есть приписныя и купленные заводчиками деревни, за мастеровыхъ и рабочихъ, дѣйствительно употребляющихся въ дѣло, брать рекрутъ изъ этихъ деревень вмѣстѣ съ тѣми, какіе и безъ того съ нихъ должны быть поставлены; если же при фабрикахъ не было деревень, то дозволялось вмѣсто каждаго рекрута вносить по 100 рублей; впрочемъ, фабрикантамъ было дозволено сдавать въ рекруты мастеровыхъ, неспособныхъ къ фабричнымъ работамъ, если они годны къ службѣ, или даже покупать людей съ этою цѣлью. Учрежденіемъ о рекрутскомъ наборѣ 1766 г. плата за рекрута повышена была до 120 руб., дозволеніе сдавать мастеровыхъ натурою сохранилось, но покупка рекрутъ въ это время уже не разрѣшалась. Въ 1783 г. цѣна рекрутской квитанціи сразу поднялась до 500 руб.

На основаніи указа 7 января 1736 г. фабричные мастеровые должны были нести городскія повинности: содержать караулы и ходить на пожары. Ниже мы увидимъ, что исполненіе этихъ повинностей было для нихъ весьма обременительно.

Мастеровые и рабочіе за разные проступки, по прошенію фабрикантовъ, отсылались мануфактуръ-коллегією на поселеніе или даже въ каторжную работу. Въ указѣ 1736 г. сказано, что если мастеровые не исправятся вслѣдствіе домашнихъ наказаній, то слѣдовало представлять о нихъ въ коммерцъ-коллегію (замѣнявшую тогда мануфактуръ-коллегію) и такихъ людей «по свидѣтельству фабрикантскому и мастеровъ будутъ ссылатъ въ дальніе города или Камчатку на работу». Такъ, въ 1739 г. 15 человекъ мастеровыхъ съ суконной фабрики Полуарославцева за пьянство и игру въ кости и карты, по приказанію сената, были сосланы въ Сибирь; а затѣмъ и впредь велѣно ссылатъ мастеровыхъ по прошеніямъ фабрикантовъ и на ихъ счетъ. Послѣ изданія указа 1760 г., дозволившаго помѣщикамъ отправлять своихъ людей на поселеніе въ Сибирь съ зачетомъ въ рекруты, фабриканты пожелали также воспользоваться этимъ правомъ, что и было имъ разрѣшено въ 1763 г.; но для такой отправки требовался каждый разъ указъ мануфактуръ-коллегіи, куда фабриканты и подавали о томъ челобитную. Наконецъ, фабриканты имѣли право подвергать мастеровыхъ различнымъ домашнимъ наказаніямъ; какимъ именно—законъ не опредѣляетъ, но мы знаемъ, что, кромѣ тѣлесныхъ наказаній и денежныхъ штрафовъ, имъ предоставлялось иногда назначать мастеровыхъ на тяжелыя работы

съ платою лишь на пропитаніе. Даже мастеровыхъ, взятыхъ на улицѣ за ссору, драку или пьянство, наказывала не полиція, а фабриканты (къ которымъ ихъ немедленно отправляли въ podobныхъ случаяхъ)—при собраніи другихъ мастеровыхъ той же фабрики.

Владѣльцы посессионныхъ заводовъ по закону не имѣли права препятствовать женскому населенію ихъ фабрикъ выходить замужъ, за кого они хотятъ, хотя бы за лицъ совершенно постороннихъ; это было разъяснено правительствомъ въ 1763 г. До того времени по этому вопросу къ заводскимъ мастеровымъ могъ примѣняться только указъ 1724 г., которымъ помѣщикамъ запрещено было принуждать своихъ вѣрноподанныхъ къ браку безъ ихъ желанія.

Однако, въ дѣйствительности фабриканты нерѣдко препятствовали желанію мастеровыхъ выдавать своихъ дочерей замужъ за постороннихъ. До указа 1763 г. нѣкоторые владѣльцы заводовъ, напримѣръ, Репнинъ, стали даже брать выводныя деньги за дочерей казенныхъ мастеровыхъ, переданныхъ имъ вмѣстѣ съ заводами. Но и послѣ этого указа случилось немало злоупотребленій въ этомъ отношеніи со стороны фабрикантовъ.

Такъ какъ съ учрежденіемъ вновь мануфактуръ-коллегии по смерти императрицы Екатерины II, въ нее стало поступать не мало жалобъ отъ мастеровыхъ на притѣсненія отъ хозяевъ, неправильное закрѣпощеніе къ фабрикѣ и на то, что ихъ употребляютъ, вмѣсто фабричныхъ работъ, въ домашнее услуженіе, и такъ какъ до тѣхъ поръ не было издано никакого закона о томъ, какъ поступать съ фабрикантами, оказавшимися виновными въ такихъ злоупотребленіяхъ, то въ 1803 г. было постановлено, что въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ: 1) мастеровыхъ, прикрѣпленныхъ къ фабрикамъ указомъ 1736 г., за которыхъ фабрикантами были заплачены деньги, отбирать въ казну съ женами и дѣтьми, возвращая хозяевамъ внесенныя ими деньги. Но при этомъ было пояснено, что возвращались деньги только за тѣхъ людей, за кого дѣйствительно были внесены, а не за ихъ дѣтей, которыя «и самимъ фабрикантамъ пришли даромъ». 2) Казенныхъ людей, отданныхъ на фабрики, безъ платежа отъ фабрикантовъ, отбирать въ подобныхъ случаяхъ безъ всякаго вознагражденія. 3) Фабричныхъ, купленныхъ такими фабрикантами, которые не имѣютъ права на владѣніе деревнями, а приобрѣли ихъ по выданнымъ на фабрики привилегіямъ, отбирать также безъ всякаго вознагражденія,

Нужно замѣтить, что отбирались иногда не одни фабричные

работѣ, но и самыя посессионныя фабрики. Императоръ Павелъ приказалъ въ 1797 г. повсемѣстно произвести изслѣдованіе «о казенныхъ земляхъ и прочихъ *поссессиахъ*, къ частнымъ фабрикамъ и заводамъ приписанныхъ, точно ли оныя употребляются для тѣхъ надобностей, которыя къ непремѣнному и дѣйствительному существованію заводовъ и фабрикъ необходимы и для которыхъ ко онымъ приписаны», и были случаи, что когда оказывалось несоблюденіе тѣхъ условій, съ которыми даны были мастеровые, то фабрика отбиралась въ казну.

Изъ всего сказаннаго нами видно, что по закону посессионныя имѣнія строго отличались отъ состоявшихъ на вотчинномъ правѣ. Во-1-хъ, посессионныхъ крестьянъ нельзя было продавать отдѣльно отъ фабрикъ или даже переводить ихъ съ одной фабрики на другую; во-2-хъ, опредѣленъ былъ максимумъ того, сколько можно было покупать крестьянъ въ различнымъ фабрикамъ и заводамъ; въ-3-хъ установлено было, какую часть изъ посессионныхъ крестьянъ можно употреблять на работу; въ-4-хъ, посессионные крестьяне могли жаловаться на притѣсненіе со стороны фабрикантовъ (тогда какъ отъ крѣпостныхъ жалобы не принималось), и въ 1803 г. было велѣно, если такія притѣсненія будутъ доказаны, отбирать рабочихъ въ казну. На дѣлѣ однако фабриканты обращались съ фабричными, какъ со своими крѣпостными, напримѣръ, устанавливали сборъ выводныхъ денегъ и т. п. Различныя злоупотребленія были тѣмъ возможнѣе, что въ XVIII в. не были разрѣшены закономъ нѣкоторые вопросы, весьма важные для посессионныхъ рабочихъ: такъ, во-1-хъ, не было опредѣлено количество рабочихъ часовъ (только въ субботу предписывалось по уложенію отпускать мастеровыхъ за три часа до вечера; относительно числа рабочихъ часовъ на казенныхъ горныхъ и литейныхъ заводахъ были точныя правила, но не было сдѣлано распоряженія, чтобы они соблюдались и на частныхъ заводахъ ¹⁾); во-2-хъ, не установлено точныхъ правилъ о томъ, должны ли работать на фабрикахъ и заводахъ женщины и дѣти, и не ранѣе какого возраста можно было посылать на работу дѣтей; наконецъ, въ-3-хъ, слишкомъ поздно, только въ 1803 г., были установлены правила о наказаніяхъ фабрикантовъ за притѣсненія рабочимъ.

До сихъ поръ мы говорили о томъ, въ какомъ положеніи *de jure* находились посессионные крестьяне; въ послѣдующихъ

¹⁾ Мы не нашли также ни одного указанія на то, чтобы къ нимъ примѣнялось предписаніе ремесленного положенія 1785 г., установившаго размѣръ рабочаго дня ремесленниковъ въ 10 часовъ (П. С. З., т. XXII, № 16,188, ст. 128, п. 105).

главахъ мы подробно познаваемъ съ фактическимъ положеніемъ нѣкоторыхъ отдѣловъ этого класса людей.

Теперь замѣтимъ только, что мастеровые нерѣдко жаловались на замедленіе въ уплатѣ заработанныхъ ими денегъ, на то, что ихъ не вознаграждали за прогулы, случавшіеся не по ихъ винѣ, и что имъ приходилось исполнять не фабричныя работы. Бывали также случаи, что рабочихъ обязывали покупать все нужное для нихъ въ хозяйской лавкѣ, и это, разумѣется, давало возможность эксплуатировать ихъ.

Во время преній въ комиссіи для составленія уложенія по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли не-дворянамъ владѣть мастерскими и крестьянами, князь М. М. Щербатовъ, между прочимъ, сказалъ: «если разсмотримъ самое употребленіе и жизнь работниковъ (принадлежащихъ купцамъ), то увидимъ, что, кромѣ небольшого числа мастеровъ, которые, для того чтобы они не показывали своего мастерства постороннимъ, содержатся почти какъ невольники,... прочіе находятся въ весьма худомъ состояніи, какъ относительно ихъ содержанія, такъ и нравственности... Отъ этого поврежденія ихъ нравовъ уменьшается многонародіе и нерѣдко происходятъ безпорядки въ деревняхъ». Ярославское дворянство въ своемъ наказѣ князю Щербатову также писало: «тѣ купцы, которые для фабрикъ и заводовъ деревни покупали и на фабрики людей употребили, и то учили, забирая всѣхъ на фабрики и заводы въ работу, да и то за толь малую плату, что на силу дневное пропитаніе могутъ имѣть. Чрезъ то умноженію народа чинится препона и земледѣліе оскудѣваетъ, да и сами крестьяне толико работами замучены бываютъ, что часто бунты производятъ». Намъ придется еще не разъ говорить о волненіяхъ фабричныхъ мастеровыхъ; теперь же мы упомянемъ только объ одномъ изъ нихъ, бывшемъ въ 1752 г. среди крестьянъ, купленныхъ Гончаровымъ къ парусной и бумажной фабрикѣ въ малоярославецкомъ уѣздѣ. Посланную противъ нихъ команду крестьяне встрѣтили толпою въ 800 человекъ съ оружіемъ въ рукахъ, разбили ее и отняли пушки. Только три полка, присланные затѣмъ, могли усмирить ихъ и то благодаря артиллеріи.

Въ слѣдующихъ главахъ мы расскажемъ, во-первыхъ, какую борьбу приходилось вести казеннымъ мастеровымъ, отданнымъ фабрикантамъ; во-вторыхъ, познаваемъ съ положеніемъ всѣхъ трехъ разрядовъ посессионныхъ крестьянъ на горныхъ заводахъ; затѣмъ, поговоримъ особо о положеніи рабочихъ на посессионныхъ суеонныхъ фабрикахъ и, наконецъ, дадимъ общую характеристику быта посессионныхъ крестьянъ, кромѣ горнозаводскихъ,

въ первые годы XIX в. При этомъ мы будемъ имѣть возможность сдѣлать нѣкоторые сопоставленія съ положеніемъ рабочихъ въ настоящее время.

II.

Борьба казенныхъ мастеровыхъ на частныхъ фабрикахъ противъ окончательнаго закрѣпощенія. — Волненія на заводахъ князя Репнина въ Воронежской губерніи. — Приобрѣтеніе заводовъ въ казну. — Волненія на Красносельской бумажной фабрикѣ. — Договоръ съ фабрикантомъ, гарантирующій права мастеровыхъ. — Защита своихъ правъ казенными мастерами на Копнинской бумажной фабрикѣ.

Уже при Петрѣ Великомъ существовали казенные липецкій, козыминскій и боренскій желѣзодѣлательные заводы въ тогдашней азовской, позднѣе воронежской, а нынѣ тамбовской губерніи (г. Липецкъ); они находились въ вѣдѣніи адмиралтейской конторы. Тамошніе мастеровые происходили изъ мѣщанъ и однодворцевъ, а часть ихъ была переведена съ тульского и олонецкаго заводовъ. Для вспомогательныхъ работъ въ нихъ, кромѣ того, было приписано 7,912 однодворцевъ и 952 души кавихъ-то помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей, которые отработывали тамъ четырехгривенный оброчный сборъ. Казенныхъ мастеровыхъ въ то время было 1,325 душъ.

Въ началѣ 1754 года камеръ-юнкеръ князь П. И. Репнинъ подалъ въ сенатъ челобитную о передачѣ ему въ содержаніе этихъ заводовъ. Сенатъ, согласно съ мнѣніемъ бергъ-коллегии, рѣшилъ въ слѣдующемъ году отдать заводы Репнину съ имѣющимися при нихъ мастерами, рабочими и ихъ дѣтьми (кромѣ приписанныхъ къ заводамъ однодворцевъ, рабочихъ, переведенныхъ съ олонецкихъ заводовъ, а также помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей) со всѣми матеріалами и припасами, сколько ихъ окажется по описи и оцѣнѣ. Мастеровые и рабочіе, за которыхъ Репнинъ долженъ былъ платить подушныя деньги, обязаны были работать только на заводахъ, и заводовладѣлецъ не имѣлъ права ни посылать ихъ на свои домовыя работы, ни переводить въ другія мѣста. Въ случаѣ же недостатка рабочихъ Репнинъ могъ пользоваться трудомъ своихъ крѣпостныхъ или вольнонаемныхъ. Такъ какъ переведенныхъ съ олонецкихъ заводовъ было 397 человекъ, то, за исключеніемъ ихъ, вмѣстѣ съ заводами перешло въ пользованіе Репнина 928 душъ.

Передача заводовъ въ частныя руки крайне невыгодно отра-

звлясь на положеніи мастеровыхъ, такъ какъ управитель и приказчики Репнина стали обращаться съ ними не какъ съ казенными людьми, а какъ съ вѣрными своего господина: уменьшили плату, стали посылать на работы, которыхъ они прежде не исполняли, вмѣсто денегъ платили имъ разными вещами и припасами, наконецъ, сурово наказывали. Понятно, что мастеровые не могли безропотно подчиниться такой перемѣнѣ въ своей жизни, и рѣшились во что бы то ни стало добиться возвращенія въ прежнему положенію.

Въ концѣ 1760 года ихъ повѣренный Купріяновъ отъ имени всѣхъ своихъ товарищей подалъ челобитную въ воронежскую губернскую канцелярію, съ весьма серьезными жалобами на повѣреннаго и приказчиковъ князя Репнина (владѣлецъ завода въ это время находился за-границей, посланникомъ въ Испанію). Находясь въ казенномъ управленіи, мастеровые получали установленную еще при Петрѣ Великомъ поденную плату по 5 к. лѣтомъ и 4 к. зимою (нѣкоторые же годовое жалованье), а теперь эта плата была понижена до 2 — 3 к.; прежде съ пуда имъ платили по 50 к., а теперь только по 20¹/₂ к., но и это вознагражденіе не всегда выдавалось имъ деньгами. Въ 1756 году приказчики заплатили мастеровымъ воссами, ножами, рукавицами, воскомъ, ладаномъ и лошадьми, притомъ по высокой оцѣнкѣ. Когда мастеровые отвозили заводскія издѣлія въ Тулу, Тамбовъ, Острогожскъ и другія мѣста, то и тамъ жалованье выдавалось имъ не деньгами, а желѣзомъ и чугуномъ, которые имъ приходилось потомъ продавать гораздо дешевле, чѣмъ получали сами. Кромѣ прежнихъ заводскихъ работъ теперь ихъ стали посылать жечь уголь и копать руду, что дѣлали прежде не мастеровые, а приписные однодворцы, и платили за это также не деньгами, а желѣзомъ и чугуномъ. При казенномъ управленіи мастеровымъ въ свободное время не запрещалось работать на своихъ собственныхъ кузницахъ, а во время приостановки дѣйствія заводовъ выдавались имъ паспорта для отправленія на посторонніе заработки; теперь же повѣренный Репнина въ подобныхъ случаяхъ не отпускаетъ ихъ для зарабатыванія денегъ на уплату податей, да и въ собственныхъ ихъ кузницахъ работать запрещаетъ и за неповиновеніе наказываетъ плетью. Кромѣ того, изъ нихъ посылаютъ на караулы, съ перемѣною по недѣлямъ, челевѣжъ по 30-ти безъ всякой платы, тогда какъ въ казенномъ управленіи они получали за это обычное поденное вознагражденіе. Часть изъ нихъ отправляли даже совершенно противозаконно на другой заводъ Репнина въ тамбовскій уѣздъ, и хотя тамъ и

платили имъ деньги за работу, но за проходъ 170-ти верстъ никакого вознагражденія они не получали. Наконецъ, въ теченіи 5-ти лѣтъ ихъ заставляли бесплатно работать на бакчахъ. Прежде они безпрепятственно выдавали своихъ дочерей замужъ за постороннихъ; теперь же повѣренный Репнина разыскиваетъ съ нихъ выводныя деньги «съ великимъ насильствомъ и съ боемъ». Двухъ мастеровыхъ приказчики гоняли сквозь строй, а одинъ изъ нихъ такъ жестоко избилъ женщину, взятую имъ въ услуженіе, что та умерла, о чемъ было своевременно заявлено мастеровыми въ воронежской губернской и романовской воеводской канцеляріяхъ; этотъ же приказчикъ «чинить всѣмъ жительствоующимъ при боренскихъ заводахъ обывателямъ великое разореніе и всекрайшійшия обиды и посылаетъ на сѣновосные покосы для гребенія сѣна, а которая жена за болѣзнію своею не пойдетъ, тѣхъ билъ батожемъ мучительно».

Уплата мастеровыми подушныхъ податей также подавала поводъ къ злоупотребленію со стороны приказчиковъ. Такъ, въ теченіи полутора года, они дѣлали вычеты изъ жалованья рабочихъ на уплату податей, а между тѣмъ денегъ этихъ куда слѣдуетъ не вносили. Когда въ 1759 году для взыскапія подушной недоимки воронежская губернская канцелярія прислала на заводы прапорщика съ командою, повѣренный Репнина принудилъ мастеровыхъ вторично уплатить подати, а прежде внесенныя ими деньги возвратилъ желѣзомъ и чугуномъ. Желѣзо это имъ, разумѣется, пришлось спустить за полъ-цѣны, а для пополненія недостающихъ денегъ «доплачивать», по словамъ челобитной, «изъ собственного своего кошту, продавая... свою скотинушку, мужское и женское платье за безцѣнокъ, и отъ того учинилось убытку не малое-жъ число, да сверхъ же того присланному вышеупомянутому прапорщику съ командою давали кормовыя деньги и содержали на своемъ коштѣ одиннадцать мѣсяцевъ, отъ чего учинилось убытку болѣе ста рублей».

По указу 1754 года владѣльцы завода имѣли право сдавать мастеровыхъ въ рекруты; къ сожалѣнію, даже передаваемые съ заводами изъ казеннаго управленія не были ограждены отъ этого закономъ. Понятно, что это давало заводчикамъ возможность легко раздѣливаясь со всѣми, кто не выказывалъ имъ безпрекословнаго повиновенія. И въ этомъ отношеніи, разумѣется, мастеровымъ воронежскихъ заводовъ скоро пришлось почувствовать, какъ ухудшилось ихъ положеніе. Между тѣмъ какъ до передачи заводовъ Репнину рекрутъ съ нихъ не брали, въ 1756 году одинъ изъ его приказчиковъ сдать въ наборъ 40 человекъ; относительно

нѣкоторыхъ это было положительно местию со стороны заводскаго управленія: приказчики отдали въ солдаты одного оружейнаго дѣла мастера, по словамъ челобитной, «только по той злоковарной злобѣ, что онъ, будучи... при оцѣнкѣ имѣющихся при тѣхъ заводахъ матеріаловъ и инструментовъ, объявлялъ настоящими цѣнами».

Что жалобы мастеровыхъ были справедливы, видно изъ того, что приказчики Репнина не представляли на нихъ никакихъ серьезныхъ возраженій; они увѣряли, что жалованье выдавалось желѣзомъ будто бы по собственному желанію мастеровыхъ, что и караулы при заводѣ рабочіе приняли на себя добровольно для прекращенія воровства.

Однако, жалобы фабричнаго люда не скоро еще вызвали серьезное разслѣдованіе. Воронежская губернская канцелярія приказала челобитчику Купріянову обратиться съ просьбою въ бергъ-коллегію, куда, нужно замѣтить, приказчики уже успѣли подать заявленіе объ ослушаніи мастеровыхъ. Купріяновъ отправился въ Петербургъ, но тамъ, въ бергъ-коллегіи, къ его величайшему удивленію, ему велѣно было ѣхать назадъ въ Воронежъ и подать жалобу той же губернской канцеляріи, къ которой онъ только что тщетно обращался. «Видя», писалъ впослѣдствіи Купріяновъ, «что помянутая бергъ-коллегіей резолюція учинена не весьма къ народной нашей пользѣ довольная», онъ жаловался-было сенату, но и тамъ ему велѣно было ѣхать въ Воронежъ. Въ свою очередь приказчики Репнина пожаловались воронежской канцеляріи на неповиновеніе рабочихъ, котораго и не могло не быть въ виду ихъ вопіющихъ злоупотребленій на заводахъ; канцелярія же только и обратила вниманіе на это неповиновеніе. Въ концѣ 1761 года она отправила на липецкіе заводы поручика съ командою съ предписаніемъ наказать нещадно плетми 19-ть мастеровыхъ за ихъ «противности и озорничество и за бои другихъ тѣхъ же заводовъ мастеровыхъ и рабочихъ людей», а также и за то, что просили о взятіи ихъ отъ князя Репнина, которому по указу сената были отданы въ вѣчное и потомственное владѣніе; затѣмъ, посланный долженъ былъ обязать всѣхъ ихъ подпискою впредь находиться въ полномъ повиновеніи. По пріѣздѣ на заводъ, этотъ поручикъ вооружилъ противъ себя мастеровыхъ уже тѣмъ, что онъ остановился у ихъ, какъ они называли въ своей челобитной, «разорителя» и «соперника», повѣреннаго князя Репнина. Мастеровые были собраны въ домъ этого повѣреннаго, двери за ними были затворены и было немедленно приступлено къ экзекуціи. Повѣренный Репнина закричалъ своимъ конюхамъ:

— Рвите ихъ, ребята, яко злодѣевъ!

Прежде всего стали называть челобитчика Григорія Купріянова, но едва его раздѣли и ударили плетью два раза, какъ онъ закричалъ товарищамъ, чтобъ его не выдали; тѣ бросились его вырывать, освободили Купріянова и всѣхъ подлежащихъ наказанію рабочихъ, отняли плети и не только не дали никого наказывать, но и объявили, что никакихъ обязательствъ повиноваться они не дадутъ.

Послѣ того волненіе на заводахъ продолжалось, и въ началѣ 1762 года, въ царствованіе Петра III-го прежній челобитчикъ Григорій Купріяновъ вновь явился въ Петербургъ и подалъ челобитную государю, въ которой, сообщивъ уже извѣстныя намъ жалобы своихъ товарищей, просилъ взять ихъ съ заводами опять въ казенное вѣдомство. Купріянова отослали для разбора дѣла въ бергъ-коллегію.

Такъ какъ мастеровые заявляли неудовольствіе на воронежскую губернскую канцелярію, да и та съ своей стороны доносила, что они не слушаютъ посланныхъ ею офицеровъ, то бергъ-коллегія отправила Купріянова въ романовскую воеводскую канцелярію съ предписаніемъ возможно скорѣе произвести слѣдствіе; въ помощь мастеровымъ посланъ былъ одинъ шихтмейстеръ, который долженъ былъ наблюдать, чтобы во время слѣдствія имъ не было сдѣлано никакихъ «обидъ, приметовъ, или притѣсненій».

Между тѣмъ, натянутыя отношенія между рабочими и начальствомъ на липецкомъ заводѣ кончились совершеннымъ отказомъ со стороны первыхъ продолжать работы. Они называли заводскую контору Репнина хлѣвомъ и воровскою избой и не слушались никакихъ увѣщаній. Они даже устроили свое особое управленіе, такъ-называемую «станичную избу», во главѣ которой стоялъ Григорій Купріяновъ. Изъ этой избы выдавались рабочимъ отпускныя письма, ею же собирались со всѣхъ мастеровыхъ денежныя поборы на необходимыя для хлопотъ по ихъ дѣлу расходы. Нежеланіе нѣсколькихъ рабочихъ повиноваться распоряженіямъ станичной избы, участвовать въ общей челобитной и платить деньги вызывали суровыя кары со стороны ихъ товарищей. Такъ, одинъ изъ нихъ былъ подвергнутъ за это тѣлесному наказанію, у другого выбили окна и двери, вытащили за косу и избili его жену. Узнавъ объ этомъ, бергъ-коллегія отдала приказъ уничтожить эту станичную избу.

Не надѣясь дожидаться правильнаго разбора своего дѣла отъ романовской воеводской канцеляріи, мастеровые отправили въ

Петербургъ новаго челобитчика, молотобойца Давыдова. Онъ подалъ Елагину прошеніе на имя государыни о томъ, чтобы слѣдствіе по ихъ дѣлу было произведено помимо бергъ-коллегіи и романовской воеводской канцеляріи. Онъ заявилъ «подосрѣвіе» на бергъ-коллегію, что она во всемъ держитъ руку приказчиковъ, а не ихъ; романовская же канцелярія и посланный для слѣдствія шихтмейстеръ «имѣютъ съ приказчиками единое согласіе, компанію и похлеbstво».

Когда Елагинъ направилъ этого челобитчика въ ту же бергъ-коллегію, сенатъ по ея просьбѣ приказалъ воронежскому губернатору Лачинову отправить офицера для слѣдствія и приведенія мастеровыхъ въ послушаніе. Дѣло это было поручено подпоручику Рагозину. Къ нему явилось до 300 человѣкъ рабочихъ, но, выслушавъ приказъ, данный ему губернаторомъ, они заявили, что не только не будутъ работать и слушаться приказчиковъ, но даже не хотятъ ничего отвѣчать. Вѣроятно, они были слишкомъ увѣрены въ томъ, что мѣстныя власти держатъ руку Репнина и что ихъ заявленія опять ни къ чему не поведутъ. Когда и собственное увѣщаніе Лачинова тѣмъ мастеровымъ, которые приходили въ Воронежъ, не повело ни къ чему, онъ донесъ сенату, что не находитъ нужнымъ долѣе производить слѣдствіе, такъ какъ эти люди забрали себѣ въ голову, во что бы то ни стало, не называться помѣщичьими крестьянами. Мастеровые дѣйствительно заявили въ 1765 г., что желаютъ быть въ казенномъ содержаніи или наравнѣ съ однодворцами, т. е. платить не только подушную подать, но и четырехгривенный оброчный сборъ, лишь-бы только отдѣлаться отъ ненавистнаго имъ господства Репнина; но его крѣпостными, какъ думалъ Лачиновъ, они, разумѣется, никогда не были. Послѣ того воронежскій губернаторъ отправилъ на заводы поручика Павловскаго съ командою, снабдивъ его болѣе рѣшительными инструкціями, который, когда мастеровые вновь отказались идти на работу, арестовалъ десятирхъ изъ нихъ. Однако вслѣдъ затѣмъ около сотни рабочихъ пришли въ Воронежъ и заявили въ губернской канцеляріи, что работать на Репнина они все-таки не будутъ, на угрозу наказать ихъ они отвѣчали, что «о томъ не спорять», но все-таки останутся при своемъ. И дѣйствительно наказаніе двухъ изъ нихъ плетью не произвело никакого дѣйствія.

Въ апрѣлѣ 1766 г. сенатъ подалъ императрицѣ докладъ по этому дѣлу, подписанный княземъ Яковомъ Шаховскимъ, Петромъ Панинымъ и Ад. Олсуфьевымъ. Въ немъ они напоминали прежде всего, что въ «благополучное» царствованіе государыни

зачинщики и возмутители приписныхъ въ уральскимъ заводамъ крестьянъ, хотя и съ «великимъ В. И. В. по вѣнѣ преступленія ихъ милосердіемъ», однако же все-таки наказаны одни кнутомъ и сосланы въ вѣчную каторжную работу въ Нерчинскъ, а другіе послѣ такого же наказанія отправлены въ тяжкія работы на отдаленные заводы ¹⁾. Мастеровые же на заводахъ Решнина не только отказались работать, но даже не хотѣть представить доказательствъ справедливости своихъ жалобъ. Сенатъ находилъ необходимымъ главныхъ зачинщиковъ, повѣреннаго Купріянова и десять человекъ другихъ ослушниковъ, по выбору губернатора, высѣчь кнутомъ и сослать съ ихъ семействами въ Сибирь на Нерчинскіе заводы, на счетъ виновныхъ, и тамъ ихъ отдать въ тяжкія работы безъ перемѣны, а женъ и дѣтей поселить при заводахъ. Что касается тѣхъ мастеровыхъ и рабочихъ, которые въ количествѣ около ста человекъ приходили въ воронежскую губернскую канцелярію, то сенатъ предлагалъ всѣхъ ихъ высѣчь публично плетью и объявить имъ, что если они и затѣмъ не примутся за работы, то будутъ также сосланы на каторгу въ Нерчинскъ. Такое строгое наказаніе сенатъ находилъ необходимымъ, чтобы волненіе не распространилось по всей воронежской губерніи, въ которой, по словамъ доклада, «таковыхъ противниковъ никогда еще не бывало». Однако императрица не вполне утвердила предложеніе сената; она рѣшила: «за ослушаніе зачинщиковъ (т.-е. Купріянова и еще 10 человекъ) наказывать должно; а прочимъ объявить еще разъ, чтобы шли въ работу, а если не пойдутъ, то съ ними поступлено будетъ, какъ съ ослушниками и преступниками указовъ, что въ томъ случаѣ и дѣйствительно исполнить. Поручить же сіе новому губернатору (Маслову) и притомъ приказать ему настрояйшимъ образомъ изслѣдовать причины такого сопротивленія, и было ли съ ними поступано въ силѣ о таковыхъ заводахъ узаконеній, понеже безъ крайности, люди до крайности рѣдко доходятъ».

Когда въ Воронежѣ былъ полученъ указъ, гдѣ приведенъ былъ сенатскій докладъ съ этимъ рѣшеніемъ государыни, заводское начальство, узнавъ его содержаніе, торжествовало по случаю тѣхъ суровыхъ мѣръ, которыя были предложены сенатомъ. Приказчики, показывая на заводѣ копію съ этого указа, грозили, что всѣ приходившіе въ воронежскую губернскую канцелярію будутъ наказаны. Тогда крестьяне рѣшили подать новую

¹⁾ См. въ „Вѣстн. Евр.“ 1877 г., №№ 1 и 2, статью „Горнозаводскіе крестьяне въ 1760—64 гг.“.

челобитную съ просьбою, чтобы «до учиненія полагаемаго отъ правительствующаго сената наказанія въ ихъ обидахъ, притѣсненіи, мучительныхъ побояхъ и въ недоплатѣ заработныхъ денегъ, изслѣдовать и ко всѣмъ доказательствамъ ихъ допустить». Съ этою цѣлью отправились въ Петербургъ шесть человекъ, которымъ удалось подать челобитную самой императрицѣ, послѣ чего они были немедленно отосланы къ Маслову.

Между тѣмъ, Масловъ отправился самъ въ г. Сокольскъ, близъ котораго находились заводы. Тамъ онъ призвалъ къ себѣ 25 мастеровыхъ липецкихъ заводовъ и 5 боренскихъ и спрашивалъ о причиненныхъ имъ обидахъ. Они отвѣчали, что приказчики выдавали имъ жалованье не въ опредѣленномъ по закону размѣрѣ, а въ какихъ мѣсяцахъ, кому именно и сколько не долано они за давностью теперь подробно показать не могутъ. Купріяновъ отвѣчалъ, что въ поданныхъ имъ прежде вѣдомостяхъ было указано, кто изъ нихъ рубилъ дрова, рылъ ямы, ломалъ камень, работалъ на мельницахъ, бакчахъ и рыбныхъ ловляхъ, кто нагружалъ заводскія издѣлія на барки и служилъ караульщикомъ. Теперь же, представивъ ордера приказчиковъ, онъ положительно доказалъ, что, вмѣсто денежнаго жалованья, имъ выдавали жельзо и чугуны. Масловъ хотѣлъ провѣрить жалобы мастеровыхъ по книгамъ, гдѣ записывалась выдача денегъ рабочимъ, но оказалось, что онѣ отосланы къ князю Репнину въ Петербургъ (впослѣдствіи онъ ихъ доставилъ); изъ приказчиковъ же, на которыхъ всего болѣе жаловались мастера, одни уже умерли, а другихъ не было на лицѣ.

Купріяновъ и еще десять человекъ на основаніи указа были наказаны кнутомъ при всѣхъ мастеровыхъ и рабочихъ, которые не захотѣли, впрочемъ, присутствовать до конца на этомъ ужасномъ зрѣлищѣ. Но кара, постигшая самыхъ энергичныхъ людей, не устратила остальныхъ: мастера вновь отправили въ Петербургъ челобитчиковъ, теперь уже десять человекъ, съ просьбою «о небытіи имъ у кн. Репнина во владѣніи». Когда арестованы были семьи наказанныхъ и приговоренныхъ къ ссылкѣ, и затѣмъ всѣ они были отправлены въ Сибирь (45 взрослыхъ и 19 дѣтей), то мастера отказались уплатить деньги на путевые расходы, которые съ нихъ требовали; а когда одинъ чиновникъ, по порученію Маслова, сталъ собирать на заводахъ свѣдѣнія объ обидахъ, причиненныхъ рабочимъ, то никто къ нему не пошелъ: они заявили, что безъ своего повѣреннаго Купріянова, сосланнаго въ Сибирь, и до возвращенія отправленныхъ

тии въ Петербургъ челобитчиковъ они не могутъ представлять доказательствъ справедливости своихъ жалобъ.

Получивъ объ этомъ донесеніе, сенатъ въ январѣ 1767 г. послалъ грозный указъ для объявленія мастеровымъ. За свои «возмутительныя преступленія», сказано было въ немъ, мастеровые и рабочіе на липецкихъ заводахъ заслужили смертную казнь, но только главные зачинщики послѣ публичнаго наказанія отправлены въ Сибирь. Несмотря на то, нѣкоторые изъ нихъ вновь осмѣлились уйти съ заводовъ съ тѣмъ, чтобы опять подавать просьбы, «а въ самомъ дѣлѣ, знатно, чтятся только онимъ закрыть неимѣніе настоящихъ доказательствъ по прежнимъ произведеннымъ своимъ жалобамъ»; такъ какъ никакія жалобы не могутъ быть приняты отъ нихъ до тѣхъ поръ, пока они оказываютъ своевольство, то сенатъ вновь убѣждалъ ихъ возвратиться въ «должное вѣрноподданническое безмолвственное повиновеніе».

Выслушавъ указъ, мастеровые и рабочіе отвѣтили:

«Указъ этотъ не за собственноручнымъ подписаніемъ Е. В., а отъ насъ на сенатъ подозрѣніе подано и объ обидахъ и притѣсненіяхъ посламо прошеніе чрезъ нашихъ повѣренныхъ».

Такимъ образомъ и сенатъ, по мнѣнію мастеровыхъ, дѣйствовалъ пристрастно, держалъ руку заводчика; вѣтъ подозрѣнія теперь оставалась одна императрица.

Между тѣмъ просители, посланные мастеровыми, возвратились изъ Москвы, гдѣ въ это время была императрица. Сержантъ, отправленный Масловымъ на заводы разузнать, съ чѣмъ они возвратились, донесъ, что мастеровые и рабочіе собираются толпами и о чемъ-то совѣщаются; затѣмъ изъ разговоровъ людей постороннихъ ему удалось узнать, что, по словамъ мастеровыхъ, челобитчики привезли какой-то указъ за красною печатью. Они не хотятъ показывать его до тѣхъ поръ, пока будутъ присланы особые слѣдователи, назначенные вслѣдствіе ихъ прошенія, и до возвращенія отправленныхъ въ ссылку Купріянова съ товарищами, за которыми будто бы уже былъ посланъ нарочный.

Впоследствии оказалось, что у мастеровыхъ не было никакого указа, а только надпись на прошеніи, поданномъ ими государынѣ, въ которой было сказано, что «надлежитъ имъ жалобъ свои доказать учрежденнымъ слѣдователемъ».

Мастеровые не только не платили прогонныхъ и кормовыхъ денегъ за отправку ссыльныхъ и доставленіе Купріянова съ товарищами изъ Петербурга, но задумали отдѣлаться и отъ рекрутчины. При наборѣ 1768 г. они не давали рекрутъ, заявляя, что платятъ подати наравнѣ съ однодворцами, а потому и ре-

крутъ должны представить тогда, когда будетъ наборъ съ однопалатъ. Сенатъ предписалъ Маслову, если мастеровые будутъ продолжать упорствовать, усмирять ихъ, не дожидаясь особаго предписанія; тотъ уже потребовалъ отъ военной коллегии 300 солдатъ. Все, казалось, близилось къ кровавой развязкѣ, однако дѣло приняло совершенно неожиданный оборотъ. Явились какіе-то факты, заставившіе правительство иначе взглянуть на это дѣло. Въ августѣ 1768 г. сенатъ постановилъ: «какъ изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ всего дѣла усматривается, что непослушаніе заводскихъ мастеровыхъ и рабочихъ людей болѣею частью произошло и нынѣ происходитъ отъ утѣсненій и неудовольствій, получаемыхъ ими отъ находящихся при липецкихъ кн. Репнина заводахъ заводскихъ управителей, въ разсужденіи чего объявленному князю Репнину изъ сената дать знать секретно, дабы онъ, безъ нарушенія собственныхъ своихъ польвъ, постарался принять благовременно такіа мѣры, чтобы оныя заводскіе мастеровые и рабочие люди не имѣли прямыхъ причинъ къ нареканіямъ и жалобамъ, а всего менѣе къ дальнему возмущенію, а ради большаго ихъ успокоенія, если только отъ сего не причинится заводамъ и его собственной польвъ какого вреда, отрѣша нынѣшнихъ своихъ управителей, опредѣлить-бы на ихъ мѣста другихъ».

Быть можетъ, книги, гдѣ записывалась выдача денегъ рабочимъ, подтвердили ихъ жалобы. Во всякомъ случаѣ князю Репнину пришлось изъ испца сдѣлаться отвѣтчикомъ: въ донесеніи сенату онъ утверждалъ, что будто-бы показанія мастеровыхъ обуплатѣ имъ жалованья несомъ, ладаномъ, чугуномъ и ножами совершенно ложно; что же касается заводскихъ управителей, которыми они были недовольны, то одни изъ нихъ умерли, а другіе уже давно смѣнены. Дѣло кончилось тѣмъ, что императрица выразила желаніе взять заводы Репнина въ казну, что и было исполнено въ 1769 г. согласно съ предложеніемъ самого Репнина. За эти заводы въ уплату его долга казнѣ было зачтено 100 тысячъ рублей, а за находившіяся тамъ вещи и припасы ему выданы были наличныя деньги.

Послѣ того какъ мастеровые добились исполненія своего желанія, никакихъ волненій на этихъ заводахъ въ царствованіе Екатерины не было.

Другой примѣръ попытки закрѣпостить казенныхъ мастеровыхъ мы находимъ на красносельской бумажной фабрикѣ, устроенной при Петрѣ В. Мастеровые для нея были взяты изъ солдатъ и другихъ казенныхъ людей; присылались сюда также бродяги,

вѣроятію воспоминашіе родства; наконецъ, полиція отправляла туда на работы и женщинъ. Въ 1753 г. дѣйствительный камергеръ графъ Сиверсъ просилъ Елизавету Петровну отдать ему эту бумажную фабрику съ тѣмъ, что онъ расширить производство и будетъ всегда уступать казнѣ съ каждой стопы бумаги по 10 в. Послѣ того какъ императрица пожаловала ее Сиверсу въ вѣчное и потомственное содержаніе, онъ внесъ деньги за всѣ фабричныя строенія, матеріалы и инструменты и за приготовленную уже бумагу. По привилегіи, полученной имъ отъ сената въ 1755 г., Сиверсъ долженъ былъ давать мастеровымъ и рабочимъ плату въ томъ же размѣрѣ, какъ они получали во время казеннаго управленія. Судомъ и расправою они должны были вѣдаться только въ мануфактуръ-коллегіи, и ея конторѣ запрещено было брать ихъ на другія фабрики, а также дѣлать имъ какія-либо притѣвленія. По смерти графа Сиверса его вдова въ 1775 г. продала ее, съ дозволенія мануфактуръ-конторы, вмѣстѣ съ мастеровыми и рабочими, генералъ-аудитору, лейтенанту Хлѣбникову ¹⁾.

До этого времени мастеровые были довольны своимъ положеніемъ, а съ этихъ поръ у нихъ начинаются постоянныя столкновенія съ заводскимъ начальствомъ. Наконецъ въ февралѣ 1777 г. мастеровые Ладыгинъ и Майковъ подали въ мануфактуръ-контору прошеніе отъ имени 13 человекъ, въ которомъ жаловались, что какъ они, такъ и ихъ дѣти получаютъ недостаточное жалованье; они указывали также на то, что съ тѣхъ поръ, какъ фабрикою владѣетъ Хлѣбниковъ, они получали провіантъ не мукою, а рожью, и такимъ образомъ по ихъ счету каждому было не додано полтора пуда. Мануфактуръ-контора предписала наследникамъ Хлѣбникова, который въ это время уже умеръ, выдавать рабочимъ провіантъ мукою, какъ это было поставлено въ условіе Сиверсу и что при немъ строго исполнялось, а тѣмъ, которымъ отпускали рожь, слѣдуетъ возвратить истраченное ими на помощь. Относительно дѣтей мастеровыхъ мануфактуръ-контора опредѣлила, чтобы употребляющіеся изъ нихъ въ работу отъ 7 до 15-тилѣтняго возраста получали провіанту столько же, какъ солдатскія дѣти въ школахъ, т.е. по два четверика муки; плату имъ содержатели должны были назначать по своему усмотрѣнію, сообразно съ ихъ лѣтами и прилежаніемъ, отъ 10 до 15 коп. и болѣе въ мѣсяцъ

¹⁾ Передъ этой продажей графиня Сиверсъ противозаконно перевела на другую фабрику, принадлежавшую ей на вотчинномъ правѣ, 6 д. казенныхъ мастеровыхъ, гдѣ они и находились на ряду съ крѣпостными. Правительство узнало объ этомъ только въ 1821 г. и тогда ихъ велѣно было вновь считать казенными людьми.

каждому ¹⁾. Такимъ образомъ, если перевести цѣнность провіанта на деньги, дѣти получали отъ 2¹/₂ до 4 к. въ день. Съ 15 же лѣтъ какъ провіантъ, такъ и плата выдавалась наравнѣ со взрослыми. Мастеровые просили, чтобъ ихъ не заставляли работать по субботамъ послѣ полудня, а также освобождали рольщиковъ по воскресеньямъ и праздникамъ. Въ указѣ, по которому эта фабрика была отдана Сиверсу, объ этомъ ничего не было сказано, но при немъ, какъ и во время казеннаго управленія, по субботамъ послѣ полудня и въ праздники они не работали, да и вообще въ такіе дни казенныхъ работъ, кромѣ самыхъ экстренныхъ, не бывало. То же было опредѣлено и въ «учрежденіи» князя Вяземскаго для Ижевскаго и Воткинскаго заводовъ. Наслѣдники же Хлѣбникова заявили, что освободить рольщиковъ отъ работъ по праздничнымъ днямъ совершенно невозможно. Мануфактуръ-контора рѣшила это дѣло такъ, чтобъ мастеровыхъ по праздникамъ, а также по субботамъ на основаніи уложенія (X гл. п. 25) за три часа до вечера къ работамъ не принуждать, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда понадобится бумага для поставки въ присутственныя мѣста или для приготовленія ассигнацій, а также при поврежденіи плотины и т. п., когда мастеровые должны работать и въ самые большіе праздники безъ всякой отговорки, «подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, неминуемаго за то на тѣлѣ наказанія». Въ такихъ случаяхъ каждый долженъ работать совершенно бесплатно, а въ праздничные дни, чтобы лучше пріохотить мастеровыхъ, какъ рольщикамъ, такъ и всѣмъ, кто пожелаетъ работать, платить сверхъ обыкновеннаго жалованья «сколько-бы и въ простые дни по исчисленію на день кому деньгами получить должно было». — Мастеровые просили, чтобъ дѣвочки не принуждали работать противъ ихъ желанія, а тѣмъ изъ нихъ, кто захочетъ трудиться, давать достаточную плату. Мануфактуръ-контора вспомнила, что еще въ 1752 году сенатъ опредѣлилъ «по числу мужска полу употреблять къ фабричнымъ работамъ и женскій полъ», но при Сиверсѣ ихъ работать не принуждали. Тѣмъ не менѣе мануфактуръ-контора рѣшила вопреки желанію рабочихъ. На бумажной фабрикѣ была работа, которую могли исполнять какъ взрослые женщины, такъ и дѣвочки, а именно разборъ тряпья, чистка бумаги и т. п.; поэтому подъ предлогомъ, чтобы «онѣ, шатаясь подъ видомъ посторонней работы, не могли... быть праздны и чрезъ то *внестъ*

¹⁾ Такъ какъ въ 1770—1771 гг. пудъ ржаной муки стоялъ въ Петербургѣ 36 к., а въ двухъ четверикахъ муки было въсу 1 п. 32 ф., то, слѣдовательно, цѣнность провіанта, получаемого дѣтми, будетъ равняться 86 коп., что вмѣстѣ съ денежною платою составитъ отъ 76 к. до 1 р. 16 к. и болѣе въ мѣсяцъ.

отъ немощности», мануфактуръ-контора опредѣлила: «какъ взрослымъ, такъ и малолѣтнимъ женска полу впредь быть при фабрикѣ въ работѣ неотлучно по добровольному ихъ за то въ денежной платѣ согласію».

Однако столкновенія мастеровыхъ съ владѣльцами фабрики не прекратились. Въ концѣ 1778 г. повѣренный вдовы Хлѣбникова вновь подалъ челобитную въ мануфактуръ-контору съ жалобой, что рабочіе прекращаютъ работу по субботамъ ранѣе, чѣмъ за три часа до вечера и говорятъ, что они должны слѣдовать не этому, а какому-то другому указу. Рабочіе очевидно помнили, что при Сиверсѣ не было работъ послѣ полудня и потому, несмотря на всевозможныя увѣщанія, настаивали на сохраненіи этого порядка. Что касается дочерей мастеровыхъ, то, по словамъ повѣреннаго Хлѣбниковой, отцы отдають ихъ на фабрику, пока онѣ еще малы и не могутъ помогать дома, а когда онѣ привыкнуть къ работѣ, то берутъ съ фабрики домой или, безъ разрѣшенія приказчиковъ, посылають въ городъ въ услуженіе. Если рабочихъ, свободныхъ отъ ихъ постоянныхъ занятій, посылали на какую-нибудь другую работу, то они не повиновались приказу, хотя-бы и могли его выполнить.

Вотъ что случилось однажды на фабрикѣ. Машинный мастеръ сталъ посылать въ кузницу мастеровыхъ, чистившихъ и разбивавшихъ бумагу, въ замѣнъ одного заболѣвшаго мастерового, но никто не пошелъ. Приказчикъ призвалъ въ контору одного изъ этихъ мастеровыхъ, Максимова, и когда тотъ вновь отказался идти, приказалъ посадить его въ «цѣпь», но Максимовъ ударилъ приказчика въ грудь и выбѣжалъ вонъ крича:

«Для чего ты судишь въ конторѣ, а судить бы призвалъ всю команду, и долженъ требовать отъ нея совѣта: когда они обвинять, тогда и сажай въ цѣпь».

Однако Максимова, по приказанію приказчика, задержали и наказали въ конторѣ розгами. Узнавъ объ этомъ, мастеровой Ладыгинъ также протестовалъ противъ наказанія въ конторѣ при однихъ мастерахъ, а не при собраніи «всей команды». Когда его поддержалъ одинъ товарищъ, Майковъ, за годъ передъ тѣмъ подавшій вмѣстѣ съ нимъ челобитную въ мануфактуръ-контору, разсерженный приказчикъ ударилъ того палкою. Какъ только вѣсть объ этомъ разнеслась по всей фабрикѣ, мастеровые и рабочіе бросились къ конторѣ; ихъ удалось убѣдить вновь приняться за работу, но когда вскорѣ послѣ того приказчикъ осматривалъ работы, въ него бросили изъ окна палку, которая пала ему въ спину.

Недѣли черезъ двѣ произошло новое столкновение между рабочими и фабричнымъ начальствомъ, опять вслѣдствіе того, что одного мастерового посылали на работу, которую онъ постоянно не занимался. На угрозу приказчика написать объ егослушаніи господамъ, тотъ отвѣчалъ:

— Они мнѣ не господа, и мы имъ не крѣпостные!

Когда приказчикъ хотѣлъ его наказать, мастеровые, ссылаясь на какой-то указъ, объявили, что не дадутъ себя наказывать въ конторѣ безъ собранія и безъ суда команды. Быть можетъ, они имѣли при этомъ въ виду «учрежденіе», составленное кн. Вяземскимъ для Ижевскаго и Воткинскаго заводовъ, которое само правительство очень часто цитировало, когда дѣло шло о заводскихъ рабочихъ ¹⁾. Считая себя людьми казенными, мастеровые красносельской фабрики вѣроятно полагали, что они имѣютъ право требовать примѣненія къ нимъ учрежденія Вяземскаго и разбирательства ихъ проступковъ на собраніи всѣхъ рабочихъ. Напротивъ того, г-жу Хлѣбникову то, что они не признавали себя крѣпостными, приводило въ «несказанную нерѣшимость и огорченіе». Повѣренный ея въ жалобѣ мануфактуръ-конторѣ писалъ: «дѣлая вышеозначенные люди всякія непослушанія, озорничества, притомъ и совершенныя возмущенія, изъясняются всегда какою-то неизвѣстною его госпожѣ командою; какъ будто не понимая, что подъ словомъ «команда» рабочіе разумѣютъ свой мірской сходъ, повѣренный Хлѣбниковой продолжаетъ: «а какъ на той ея бумажной фабрикѣ ни штабъ, ни оберъ-офицеровъ, также и радovýchъ служилыхъ людей не находится, а живутъ единственно только на той, принадлежащей госпожѣ его фабрикѣ одни мастеровые и фабричные, купленные крѣпостные люди, слѣдовательно, и команды никакой ихъ общей фабричной быть невозможно, опричь содержательницы госпожи его, съ малолѣтними дѣтьми». Въ заключеніе челобитной вновь повторялась просьба принудить мастеровыхъ не оставлять работъ по субботамъ ранѣе чѣмъ за три часа до вечера, фабричныхъ дѣвушекъ съ фабрики безъ позволенія госпожи не отсылать и отъ фабричныхъ работъ до самаго замужства не отнимать; наконецъ, Ладыгина и Майкова

¹⁾ Въ 8 п. этого учрежденія сказано: „въ сотняхъ выбирать съ общаго согласія ежегодно сотника, выборнаго, въ большихъ по 3, а въ маленькихъ по 2 старости и по 2 писчика. Онимъ въ сотняхъ разбирать между народомъ всякія ссоры и рѣшить по числу голосовъ, развѣ гдѣ новое особое несогласіе произойдетъ, и въ такомъ случаѣ таковыя дѣла *рѣшить миромъ*... Когда же въ которой сотнѣ явится какой ослушникъ... таковыхъ... брать подъ караулъ, и ежели злость не велика, *при сходѣ народа высѣчь нещадно*“.

послать на казенную работу на годъ въ Кронштадтъ, а двухъ рабочихъ, оказавшихъ неповиновеніе, наказать кошками на фабригѣхъ.

Мастеровые въ свою очередь также подали донесеніе въ мануфактуръ-контору. По ея опредѣленію, писали они, велѣно давать имъ отдыхъ полъ-дня субботы, а также въ праздничные и воскресные дни. Между тѣмъ приказчикъ одного изъ нихъ жестокими побоями принуждалъ работать въ праздникъ, другого больного избилъ палкою и держалъ пять дней въ оковахъ и т. п. Кромѣ того, одинъ мастеровой подалъ особую челобитную о томъ, что его дочь не отпускаютъ съ фабрики въ замужество на волю.

Для разбора новыхъ жалобъ мануфактуръ-контора послала на фабрику своего члена, надворнаго совѣтника Дурова. Онъ прочелъ рабочимъ копію съ купчей, заключенной между графиней Сиверсъ и Хлѣбниковымъ; выслушавъ ее, они согласились-было считать себя проданными крѣпостными, но когда отъ нихъ потребовали, чтобы они подтвердили это признаніе письменно, то они отказались подѣ тѣмъ предлогомъ, что не вѣрятъ копіи. На вопросъ о томъ, почему они не отпускаютъ своихъ дочерей на работу, одинъ изъ нихъ отвѣчалъ—потому что мала плата: дочери его пятнадцатый годъ, а ей платятъ всего по 5-ти коп. въ день; другой сказалъ, что его дочери, одна 17-ти, а другая 14-ти лѣтъ, получали: старшая по 6 коп., а младшая по 4 коп., и потому онъ ихъ не отпускаетъ на работу, и живутъ онѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ у его родственника безъ всякаго письменнаго вида и безъ дозволенія Хлѣбниковой. Дуровъ хотѣлъ было арестовать Майкова, какъ это было ему предписано, но тотъ успѣлъ уйти.

Вскорѣ послѣ того мастеровые подавали въ мануфактуръ-коллегію новую челобитную, но она была имъ возвращена. Видя, что отъ нея имъ не добиться толку, мастеровые перенесли дѣло въ сенатъ. Въ своей челобитной они указывали, что при заведеніи фабрики на нее были опредѣлены солдаты и что, слѣдовательно, они люди казенные; что хотя фабрика была отдана Сиверсу въ вѣчное потомственное владѣніе, но онъ заплатилъ въ казну только за строеніе, матеріалы и инструменты, а не за числившихся при ней мастеровыхъ; что въ привилегіи, данной Сиверсу, вовсе не упомянуто, чтобы они были ему крѣпостными, а, напротивъ, предписано давать имъ жалованье, какое они получали прежде. Наконецъ, они указали на то, что Сиверсъ, по случаю взысканія съ нихъ фуража, прося объ уничтоженіи этого сбора, самъ называлъ ихъ казенными людьми. Хотя послѣ того графиня Сиверсъ и продала фабрику Хлѣбниковой, но она имѣла

на нихъ не болѣе правъ, чѣмъ ея мужъ. Объяснивъ вѣтъ уже извѣстныя намъ причины своего недовольства содержательмъ фабрики, они жаловались и на мануфактуръ-контору, которая, арестовавъ приходившаго съ ихъ просьбою мастерового Майкова, держала его скованнаго подъ карауломъ.

Дѣло это крайне затянулось и было рѣшено только черезъ пять лѣтъ. На запросъ сената мануфактуръ-контора прямо заявила, что считаетъ мастеровыхъ «вѣчно и потомственно пожалованными съ фабрикою и изъ казеннаго вѣдомства выпедшими уже въ партикулярное владѣніе людьми». Изъ этого видно, что даже учрежденіе, которому постоянно приходилось имѣть дѣло съ посессіонными крестьянами, не имѣло яснаго понятія объ ихъ правахъ и не отличало ихъ отъ крѣпостныхъ; мануфактуръ-контора полагала, что Сиверсъ называлъ мастеровыхъ казенными людьми только для того, чтобы избавиться отъ платы на фуражъ. Къ сожалѣнію, сенатъ точно также взглянулъ на это дѣло, и въ 1785 г. постановилъ: такъ какъ фабрика пожалована гр. Сиверсу со всѣми мастеровыми и рабочими въ вѣчное потомственное владѣніе и, на основаніи духовной графа Сиверса, утвержденной государыней въ 1775 г., продана графиней Хлѣбникову, а послѣ него досталась его наслѣдникамъ, то «тѣмъ самымъ находящіеся на оной мастеровые и работные люди, выбывъ вовсе изъ казеннаго вѣдомства и поступя въ партикулярное владѣніе, не могутъ уже называться казенными людьми». Что касается до жалобъ мастеровыхъ на то, что имъ мало платятъ за работу и выдаютъ не полное количество провіанта, то такъ какъ привилегією 1755 г. положено, чтобы они получали вознагражденіе въ прежнемъ размѣрѣ, сенатъ предписалъ наблюдать за этимъ губернскому правленію ¹⁾.

Такимъ образомъ вопросъ о мастеровыхъ красносельской фабрики былъ рѣшенъ повидимому окончательно: благодаря тому, что въ сознаніи самого правительства посессіонные крестьяне не выдѣлялись еще въ совершенно особую группу и потому ихъ смѣшивали съ крѣпостными, благодаря, можно сказать, простому недоразумѣнію, мастеровымъ грозила опасность навѣки остаться

¹⁾ Мы упомянули уже выше о жалобѣ нѣкоторыхъ мастеровыхъ на то, что владѣтельница фабрики не позволяетъ имъ выдавать дочерей замужъ, за кого они хотятъ. Мануфактуръ-контора предписала Хлѣбниковой поступать въ этомъ отношеніи на основаніи извѣстныхъ уже намъ указовъ 1724 и 1763 г., а именно давать имъ отпускныя или побуждать ихъ «нѣкоторымъ награжденіемъ» выходить за своихъ фабричныхъ и отнюдь не принуждала бы вдовъ и дѣвушекъ вступать въ бракъ противъ ихъ желанія.

крѣпостными. Со времени рѣшенія сената, закрѣпившаго ихъ, прошло уже болѣе 10-ти лѣтъ, какъ вдругъ, совершенно неожиданно, въ 1796 г. императрица, доживавшая въ то время уже послѣдній годъ своей жизни, почему-то обратила вниманіе на это дѣло и въ именномъ указѣ сенату взглянула на него съ совершенно другой точки зрѣнія.

Здѣсь были указаны извѣстные уже намъ факты, какъ при устройствѣ фабрики на нее были взяты люди казенные, какъ она была отдана Сиверсу съ опредѣленными обязательствами съ его стороны. Съ продажей фабрики Хлѣбникову «перемѣнилось только лицо содержателя фабрики, а привилегія оной должна оставаться ненарушимой, какъ и первоначальное состояніе тѣхъ мастеровыхъ людей, которые были и суть казенные». Въ рѣшеніи сената 1785 г. именной указъ справедливо замѣчаетъ странное противорѣчіе: сенатъ признаетъ ихъ крѣпостными, выбывшими изъ казеннаго вѣдомства, и въ то же время возлагаетъ на губернское правленіе наблюденіе за тѣмъ, чтобы они сполна получали жалованье и провіантъ. «Таковое опредѣленіе сената», сказано было въ заключеніи именного указа, «находя съ существомъ дѣла и съ законами несогласнымъ, повелѣваемъ означенныхъ мастеровыхъ обратить въ первоначальное состояніе... сдѣлавъ кому слѣдуетъ строгое подтвержденіе, чтобы сіи казенные мастеровые охранены были отъ всякихъ обидъ и угнетеній и чтобы они удовольствованы были какъ заработными деньгами, такъ и всѣмъ имъ принадлежащимъ, по силѣ упомянутой привилегіи, непременно, возврата притомъ и отданныхъ изъ нихъ въ рекруты, которые должны будутъ замѣнены быть изъ собственнаго имѣнія Хлѣбниковыхъ».

Послѣ того въ софійскомъ ¹⁾ судѣ еще долго производилось дѣло объ удовлетвореніи мастеровыхъ и о причиненныхъ имъ отъ содержателей обидахъ. Оно окончилось только въ 1802 г. мировою между мастеровыми и комиссіонеромъ содержателя Хлѣбникова; условіе, заключенное при этомъ, такъ оригинально, что мы должны съ нимъ подробно познакомиться.

Въ удовлетвореніе своего иска мастеровые получали 12,000 рублей, затѣмъ впредь между ними и владѣльцемъ установились такія отношенія: за выдѣланную бумагу въ ихъ пользу шло съ той цѣны, по которой она будетъ продаваться, по 20 коп. съ рубля; кромѣ того, содержатель фабрики обязывался давать имъ на каждый дворъ въ годъ по 4 сажени дровъ. Провіанта, ко-

¹⁾ Софійскъ—въ то время уѣздный городъ петербургской губерніи.

торый они получали до тѣхъ поръ, впредь имъ не полагалось. Получая вышеуказанное вознагражденіе, они обязаны были содержать на своемъ жалованьи формовщика, нужное число плотниковъ, кузнецовъ и столяровъ, которые должны исправлять всѣ инструменты и машины, а также чинить строенія. Поправлять плотину мастеровые должны были всѣмъ обществомъ; но если содержатель захочетъ совершенно ее передѣлать, то они обязывались работать съ платою, «буде оную сходно будетъ содержанию имъ дать». Они обязывались также содержать караулъ около фабрики. Принимать отдѣланную бумагу отъ мастеровыхъ и производить за нее расчетъ слѣдовало ежемѣсячно. Цѣны на бумагу должно было назначать разъ въ годъ, въ 1-му январю, и затѣмъ повышеніе и пониженіе ихъ въ теченіи года не отражалось на размѣрахъ суммы, которую приходилось получить мастеровымъ. По простествіи года мастеръ входитъ въ сношеніе съ конторою и, смотря по тому, почему была продана большая часть бумаги, опредѣляетъ цѣну на будущій годъ. Браковка, тряпка, рѣзка тряпки и каната должна производиться на счетъ мастеровыхъ. Въ контрактѣ оговорено было также, что мастеровые обязуются повиноваться «на законномъ основаніи» уполномоченному отъ содержателя фабрики. Мастера и подмастерья слѣдовало имъ выбирать «достойныхъ» съ тѣмъ, чтобы первый имѣлъ надъ ними «полную власть». Если бумага будетъ сдѣлана дурно и ее не станутъ покупать, то мастеровые обязаны принять ее отъ конторы обратно по продажной цѣнѣ съ вычетомъ изъ слѣдуемыхъ имъ денегъ. Мастеровые оградили себя на тотъ случай, если будетъ задержка въ работѣ по недостатку матеріаловъ: въ теченіи всего того времени, сколько они прогуляютъ, они могли получать мѣсячное жалованье, какое имъ выдавалось передъ заключеніемъ контракта. Мастеровые получили 12,000 р. и за состоявшимся примиреніемъ дѣло было прекращено.

Такимъ образомъ мастеровые отстаивали свое право считаться не крѣпостными, а казенными людьми; нужно однако помнить, что они по прежнему остались приврѣзанными къ фабрикѣ и не могли покидать ее по своему усмотрѣнію. Условіе это едва ли не первый такой подробный письменный договоръ, заключенный между рабочими и фабрикантомъ; оно тѣмъ интереснѣе для насъ, что въ немъ мы встрѣчаемъ своего рода долевою рабочую плату (partnership), впрочемъ не въ видѣ участія въ барышахъ, а прямо посредствомъ выдѣленія извѣстной части продажной цѣны бумаги взаменъ поденной рабочей платы. Эта общая сумма распределялась затѣмъ самими рабочими соразмѣрно съ трудомъ каждого.

Если мастеровымъ было такъ трудно добиться восстановленія своихъ правъ на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ были исключительно на-занные рабочіе, то можно себѣ представить, какъ затруднительно было положеніе послѣднихъ тамъ, гдѣ они были смѣшаны съ купленными и вѣчно-отданными крестьянами. Нужно думать, что множество вполнѣ справедливыхъ протестовъ было подавлено по неумѣстности мануфактурнаго управленія и непониманію имъ дѣла. Лучшимъ подтвержденіемъ этой мысли можетъ служить послѣдующій разсказъ о мастеровыхъ копнинской бумажной фабрики, находившейся въ нынѣшней московской губерніи.

Фабрика эта, принадлежавшая прежде Евреиннову, была продана въ 1774 г. Угрюмову. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того мастеровые подали жалобу мануфактуръ-коллегіи, что приказчикъ Угрюмова, во исполненіи назначеннаго имъ урока, принуждаетъ ихъ мыть чаны и не дѣлаетъ за это никакого облегченія въ приготовленіи бумаги, а сверхъ того бьетъ ихъ палками; женамъ ихъ, которыя бракують тряпки, платитъ за работу только по одной копѣйкѣ съ пуда; съ тѣхъ, кто не работаетъ по болѣзни, вычитаетъ за эти дни жалованье, имѣнниковы посылаетъ на работу, чего прежде не дѣлалось, и къ обѣднѣ не отпускаетъ; если кто изъ товарищей умретъ, то не дозволяетъ идти на похороны съ работы иначе, какъ нанавъ вмѣсто себя другого; наконецъ, принуждаетъ работать и въ большіе праздники. Посланный для изслѣдованія этого дѣла протоколистъ коллегіи прежде всего, по своему усмотрѣнію, наказалъ плетью нѣсколькихъ рабочихъ, избившихъ приказчика. На жалобы относительно удержанія платы за прогульные дни приказчикъ отвѣчалъ, что изъ двухъ пропущенныхъ дней онъ вычитаетъ только за одинъ, а плату женщинамъ, бракующимъ тряпки, считалъ достаточною, такъ какъ каждая изъ нихъ могла, сработавъ въ день до 30 пудовъ, получить 30 коп., между тѣмъ какъ, по словамъ мастеровыхъ, онѣ могли заработать лишь втрое менѣе. Приказчикъ заявлялъ, что онъ предлагалъ рабочимъ, если они считаютъ плату недостаточною, установить таксу, какъ на другихъ фабрикахъ, но они на это не согласились, заявляя, что они «назанные люди, а не крѣпостные». Рабочіе не согласились на требованіе присланнаго къ нимъ протоколита—не тревожить болѣе своими просьбами мануфактуръ-коллегію. По справкѣ, наведенной мануфактуръ-коллегіею, на другой бумажной фабрикѣ рабочіе получали жалованье по 2—2 р. 50 к. въ мѣсяцъ, причѣмъ у нихъ не вычитали рекрутскихъ и подушныхъ денегъ; тѣ же рабочіе мыли и чаны, но за то имъ уменьшалось количество бумаги, которое

они были обязаны приготовить въ известное время ¹⁾. Слѣдовательно, требованіе со стороны копнинскихъ рабочихъ давать и имъ подобную же льготу — имѣло основаніе. Однако, мануфактуръ-коллегія признала жалобу рабочихъ недѣльной и, обвинивъ ихъ въ тому же въ битѣй приказчика, приказала, согласно съ просьбою фабриканта, двухъ изъ нихъ отдать въ солдаты съ зачетомъ, а двухъ другихъ, на основаніи указа 17-го января 1765 года, дозволявшаго помѣщикамъ отдавать своихъ крѣпостныхъ для каторжной работы на адмиралтейство, дозволила Угрюмову отправить съ этою цѣлью въ адмиралтейскую коллегію. Такимъ образомъ, къ поссессионнымъ крестьянамъ мануфактуръ-коллегія примѣняла законы, изданные собственно для крѣпостныхъ. Однако, рабочіе не только не согласились дать подписки, что будутъ слушаться фабриканта, но даже освободили своихъ товарищей, арестованныхъ и уже скованныхъ для отправки въ адмиралтейскую коллегію. Когда они большою толпою собрались въ коллегію, сказавъ, что пришли съ прежнею просьбою, трое изъ нихъ были жестоко наказаны плетью предъ коллегіею.

Во время этого волненія мастеровые, какъ мы уже знаемъ, заявляли, что они казенные, а не крѣпостные люди. Даже въ первые годы XIX вѣка они хорошо помнили, что «предки ихъ, по опредѣленіямъ мануфактуръ- и юстицъ-коллегій, въ 1743 и 1744 г., переведены были на копнинскую фабрику не въ вѣчное укрѣпленіе, а впредь до указа, для произведенія по желаніямъ ихъ работъ изъ платежа денегъ по контрактамъ». Изъ документовъ мануфактуръ-коллегіи видно, что фабрика была дѣйствительно заведена купцомъ Евреиновымъ въ 1743 г., и сенатъ призналъ впоследствии, что вообще заявленіе мастеровыхъ совершенно справедливо. Понятно, что они называли себя въ 1778 г. «казенными людьми», но такъ какъ въ это время на фабрикѣ были и купленные рабочіе ²⁾, то эта примѣсь другихъ элементовъ и мѣшала казеннымъ мастеровымъ добиться восстановленія своихъ правъ: мануфактуръ-коллегія, недостаточно уяснивъ себѣ различіе между составными элементами сложной группы поссессионныхъ крестьянъ, смѣшивала ихъ всѣхъ въ одну кучу.

Мы видѣли, что волненіе 1778 г. было усмирено. Однако, казенные мастеровые, справедливо считавшіе себя неправильно закрѣпощенными, продолжали донсикиваться правды. Особенно

¹⁾ На фабрикѣ Гончарова черпальщики получали по 8-ми, снимальщики по 4 к. въ день.

²⁾ Изъ вѣдомости, составленной въ мануфактуръ-коллегіи, въ 1769 г., видно, что купленныхъ было тогда 81 душа.

дѣтельными изъ нихъ оказалась группа человекъ въ 20, во главѣ которой стояли братья Чевардаевы: и во время владѣнія Угрюмова, и послѣ того, какъ въ 1791 г. фабрика была продана имъ Баташовой, они не разъ подавали просьбы въ различные судебныя инстанціи, такъ что дѣло доходило, наконецъ, и до сената; считая себя казенными мастерскими, они жаловались на притѣсненія со стороны владѣльцевъ фабрики, а тѣ обвиняли ихъ въ неповиновеніи. Наконецъ, въ 1794 году, сенатъ, «найдя тѣхъ фабричныхъ не яко крѣпостными, а приписными къ оной фабрикѣ», окончательно рѣшилъ: «быть имъ по отдачѣ отъ мануфактуръ-коллегіи и по написанію по собственнымъ ихъ желаніямъ при упомянутой фабрикѣ въ числѣ приписныхъ казенныхъ, а не собственныхъ владѣльческихъ крестьянъ, съ производеніемъ имъ надлежащаго числа соразмѣрно трудамъ ихъ заработныхъ денегъ; а дабы они на будущее время предохранены были отъ всякихъ со стороны той фабрики содержателей притѣсненій, а сіи послѣдніе не могли тѣми людьми распоряжаться какъ собственными ихъ крѣпостными и употреблять ихъ въ непринлежащія имъ работы, а притомъ и, не имѣвши законной причины, представлять ихъ за свои деревни въ рекруты, а съ другой стороны и фабричные по мастерству своему въ отправленіи работъ содержателямъ ихъ были послушны и своевольствъ никакихъ не чинили, въ томъ казенной палатѣ поручить, кому надлежитъ, имѣть неослабое смотрѣніе».

Однако, рѣшенія этого оказалось недостаточно для превращенія взаимнаго недовольства по копнинской фабрикѣ. Вскорѣ послѣ того мастерские заявили, что послѣ сенатскаго рѣшенія плата имъ не была увеличена и просили перевести ихъ на другую фабрику, а содержательница, Баташова, жаловалась, что фабричные по прежнему не слушаются ее, братья Чевардаевы и ихъ товарищи, всего 19 человекъ, «обращаются въ недобропорядочныхъ поступкахъ и пьянствѣ и, отложась отъ должнаго повиновенія, не чинятъ по приказанію ея исполненія». Баташова просила сослать ихъ въ Сибирь на поселеніе, съ зачетомъ въ рекруты за состоящихъ при ея фабрикѣ крестьянъ и фабричныхъ. Сенатъ приказалъ рассмотреть, насколько справедливы жалобы мастерскихъ, и затѣмъ привести ихъ въ повиновеніе содержательницѣ фабрикѣ, а въ просьбѣ ихъ о переводѣ на другую фабрику или позволеніи избрать другой родъ жизни по своему желанію—отказать. Однако, и просьба Баташовой о ссылкѣ мастерскихъ на поселеніе въ Сибирь не была исполнена: очевидно, что для этого не оказалось достаточныхъ основаній.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда умерла императрица Екатерина II. Мастеровые ждали мажѣйшаго повода для того, чтобы возобновить свои ходатайства, и поводъ скоро нашелся. Указомъ императора Павла, 6-го декабря 1796 г., съ двухъ фабрикъ Мальцевыхъ было освобождено, по ихъ прошенію, 53 человекъ, оказавшихся польскими выходцами. Чевардаевъ съ товарищами, узнавъ объ этомъ, подали прошеніе самому государю, прося, по примѣру мастеровыхъ Мальцевой, освободить ихъ съ фабрики Баташовой или причислить къ другимъ фабрикамъ для работы за извѣстную плату. Вновь разсмотрѣвъ это дѣло по указу государя, сенатъ не нашелъ возможнымъ удовлетворить ихъ желанія: мастеровые Мальцевой оказались польскими уроженцами, а предки Чевардаева съ товарищами издавна находились мастеровыми при фабрикахъ и были переведены на бумажную фабрику по собственному ихъ желанію, почему они и должны по прежнему остаться «въ числѣ приписныхъ казенныхъ», а не собственныхъ владѣльческихъ крестьянъ».

Баташова рѣшилась, наконецъ, во что бы то ни стало отдѣлаться отъ безпкойныхъ рабочихъ. Въ прошеніи, присланномъ ею въ мануфактуръ-коллегію, въ октябрѣ 1798 г., она хотя и заявляла, что въ этомъ году, по указу сената, мастеровые, наконецъ, «зведены въ должность», но такъ какъ они не добровольно смирились, а были принуждены къ этому, то она не ожидаетъ отъ нихъ усердной работы, а потому проситъ избавить ее отъ 15-ти фабричныхъ, взявъ ихъ, куда коллегія пожелаетъ.

Прошло еще два года, и въ это время изъ 15-ти человекъ четверо успѣли уже умереть. Такъ какъ въ томъ числѣ было двое мастеровыхъ, которыхъ мануфактуръ-коллегія дозволила Угрюмову, въ 1778 г., отослать для вагорной работы въ адмиралтейскую коллегію и которые почему-то не были туда отосланы, то изъ этого видно, что и въ 1778 г. вожаками всего движенія были именно казенные мастеровые, а дѣйствительною причиною волненія и тогда было желаніе фабриканта поставить ихъ на одинъ уровень съ купленными крестьянами.

Въ 1801 году, по донесенію своей конторы, мануфактуръ-коллегія постановила такое рѣшеніе: «какъ по производившемуся въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ, потомъ въ правительствующемъ сенатѣ о взаимныхъ распряхъ между ассессоршею Баташовой и показанными мастеровыми дѣлу видно, что оныя возродились со сторонъ—первой отъ присвоенія права владѣть ими какъ купленными, а не приписными казенными, а со стороны послѣднихъ—отъ возмечтанія о вольности», теперь же «сама

Баташева, чтобы они чинили ей беспокойство, не объявляет, напротивъ, показываетъ, что они находятся въ жителяхъ своихъ по прежнему, работы производить тѣ же, въ каковыя и прежде употреблялись, почему въ семъ случаѣ, для прекращенія впредь могущихъ послѣдовать съ обѣихъ сторонъ несогласій», отослать одиннадцать человѣкъ мастеровыхъ, съ ихъ женами, на счетъ Баташовой, *«какъ людей казенныхъ»*, на казенную новороссійскую суконную фабрику, не вмѣняя отнюдь сіе имъ въ наказаніе». Мануфактуръ-контора должна была позаботиться о томъ, чтобы мастеровые не терпѣли нужды на пути и имѣли время сбыть ненужное для нихъ имущество, чтобы потомъ, по прибытіи на новое жилище, были въ состояніи обзавестись домами и всѣмъ необходимымъ.

Рѣшеніе это не удовлетворило рабочихъ. Хотя дѣятельно добивалась измѣненія своего положенія лишь небольшая часть ихъ, но они, считая, что всѣхъ казенныхъ людей, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, болѣе ста душъ (всего въ это время на фабрикѣ было 235 душъ м. п.), никакъ не могли помириться съ тѣмъ, чтобы одиннадцать человѣкъ были оторваны отъ своихъ дѣтей и разорены переселеніемъ, а другіе остались бы въ прежнемъ положеніи. Поэтому Чевардаевъ, съ нѣсколькими рабочими, изъ тѣхъ, которые должны были остаться на мѣстѣ, просилъ мануфактуръ-контору или отослать на суконную фабрику всѣхъ казенныхъ мастеровыхъ съ ихъ семействами, или всѣхъ ихъ оставить навсегда при копнинской бумажной фабрикѣ; если же первая ихъ просьба не будетъ исполнена, то, по крайней мѣрѣ, не разлучать переселяемыхъ съ ихъ семействами, въ которыхъ были даже грудные младенцы. Однако, велѣно было перевести только одиннадцать человѣкъ, впрочемъ, съ ихъ женами и дѣтьми. Жалоба рабочихъ сенату на такое рѣшеніе не повела ни къ чему, а между тѣмъ оно было крайне несправедливо. Разъ признавъ, что казенныхъ мастеровыхъ слѣдуетъ перевести на казенную фабрику, сенатъ долженъ былъ приказать изслѣдовать, кто принадлежитъ къ ихъ числу, и всѣхъ ихъ переселить, а не то, оставивъ на мѣстѣ, гарантировать ихъ права отъ дальнѣйшихъ нарушеній со стороны содержательницы фабрики. Удаленіе же только болѣе энергичныхъ людей хотя и не велѣно было считать наказаніемъ, однако, сильно смахивало на него.

В. СЕМЕВСКІЙ.

МОЛОДЫЕ ПОБѢГИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Съ недовольнымъ и печальнымъ лицомъ, сидѣлъ въ своей избѣ, на лавкѣ, старый сутуловатый мужикъ, Герасимъ Дмитритъ, и вопросительно, пристально вглядывался въ лицо стоявшаго передъ нимъ сына Оедора, высокаго, статнаго парня, некрасиваго, но съ умными, задумчивыми глазами.

— Какъ же такъ, Оедюха, — говоритъ старикъ. — Развѣ это порядокъ: двадцать тебѣ годковъ, весь ты парень собрался какъ слѣдуетъ, въ полномъ видѣ, невѣсту я тебѣ прискалъ хорошую, стоящую, а ты такъ сразу и упираться вздумалъ.

— Уволь, батюшка, освободи..., — отвѣчалъ тихо, но рѣшительно Оедоръ.

— Да что уволь: это ужъ я слыналъ... Съ чего ты упираешься-то? съ чего дурь-то эта въ тебѣ?... Невѣста, что ли, не по мысли?... Такъ ты и не видалъ ее путемъ, а ты съѣзди да посмотри перво...

— Все одно, батюшка, хошь и съѣзжу... Это мнѣ не судьба — уволь...

— Да что же, у тебя другая, что ли, на примѣтъ?..

Оедоръ видимо замаялся, какъ будто собираясь что-то сказать, поднялъ-было глаза на отца, но опять опустил ихъ и молчалъ.

— Коли есть, такъ скажи: какая-такая?... Удумаемъ виѣсть: какъ и что...

— Нѣтъ еще никакой, а такъ... не желаю еще... Дай погулять, обожди...

— Да чего ждать?... Вишь ты, не желаю!.. Миръ-отъ не спрашивается — желаешь, али нѣтъ, а рознижъ-то наваливаетъ — не ждать... Безъ бабы-то не больно складно: одни не управимся, опять же и я старъ стать. Бабу приведешь, все лишняя работница въ дому прибудеть, все легче...

— Ты, батюшка, отпросись у міру: съ тебя, по годамъ, твой рознижъ снять, а моимъ управляй... А меня не вляжи къ дому—отпусти въ люди: я заработаю, всѣ подани заплачу — и оброкъ, и подушныя, и за себя, и за тебя...

— Да куда же ты это пойдешь?...

— Я найду мѣсто: по фабрикамъ пойду, али въ городъ... Я грамотный, опять же мастерство у меня въ рукахъ... Мѣсто найду... Въ плотники — и то въ артель примутъ, не сгонять...

— Такъ ты все-жъ-таки перво обзаконь себя: женись, а тутъ, пожалуй, инъ иди съ Богомъ, коли тебя отъ земли отбиваетъ, а такъ надѣешься что лучше будетъ: больше заработаешь. Хопъ, по-моему, на что бы лучше коло своего оселка, коло своей земли: жили и мы, вѣкъ-отъ, отъ земли питались, слава Богу, не проживали, а наживали... Можно бы и тебѣ, кажется... Ну, да коли свой родной уголъ надокучилъ, къ родной землѣ не тянетъ, ну, я неволить не стану: Богъ съ тобой, походи, поломай спину, помни бога на чужихъ людяхъ, а только-что все надо себя въ порядокъ перво произвести... Вотъ женись, а послѣ и ступай: пощи, попробуй счастья... По крайности я буду знать, что хопъ жена тебя къ дому тянуть будетъ, не загуляешься...

— Я не загуляюсь и такъ... А женюсь, тогда надо съ женой жить: ужъ тогда не по что и въ люди идти... Нѣтъ, ты меня, батюшка, уволь, освободи... Я тебѣ не въ грубость: ты у насъ не таковъ родитель и я не таковский сынъ, а я божески тебя прошу: не замай меня покамъ, не нудь, дай срокъ.

Одору низко поклонился отцу.

— И хопъ бы ты мнѣ молвилъ причину-то твою... Причина-то твоя какая?... Вина ты не пьешь, баловства за тобой, али кампанства какого распутнаго, не примѣчалъ, да и не чаю этого — не таковъ ты, кажется, парень... Что-жъ въ тебѣ за здоръ вышелъ?... И самъ я вижу: понурой ходишь, притуманился, нечто есть у тебя на душѣ, а что? — не знаю... Думалъ — съ годовъ это въ тебѣ, что пора въ законъ тебѣ быть, и невѣсту было присмотрѣлъ, и то не такъ... А какая же нибудь причина въ тебѣ да есть?..

— Да одна во мнѣ причина: хочу на чужихъ людяхъ пожить, счастья поискать, ума понабраться... Что земля?... Земля отъ меня не уйдетъ, а покамъ молодъ, надо на сторонѣ попы-

таться: можетъ, и счастье свое найду. Я своего родного дома, батюшка, не отрекаюсь: въ него же буду промышлять, что заработаю—тебѣ же принесу. Ты меня, батюшка, отпусти: я бы вотъ пошелъ, къ Ѳедоту Семенычу зашелъ, сестру повидалъ. Ѳедотъ-то Семенычъ давно общалъ мнѣ работки похлопотать, а нѣтъ—на фабрику схожу, попытаюсь: тамъ всегда работа есть... Пусти, батюшка, теперь самое время работы искать...

Герасимъ Дмитріичъ вздохнулъ.

— И къ учителю, чай, побываешь? — спросилъ онъ.

Ѳедоръ быстро и пыливо взглянулъ на отца.

— Что же?... И къ учителю побываю: отчего же?—отвѣчалъ онъ какъ-то нерѣшительно.—Я отъ него, окромѣ одного хорошаго, ничего не видалъ.

— Не онъ ли тебѣ это въ голову-то надулъ, чтобы по чужимъ людямъ шляться отъ своего родного дома? Не онъ ли сбиваетъ тебя?

— Ничего онъ, батюшка, не сбиваетъ,—твердо уже возражалъ Ѳедоръ.—Отъ него одна наука, да умъ, какъ что въ книжкахъ писано. Онъ худому не научить — не боясь... И Ѳедотъ Семенычъ довольно его знаетъ и одобряетъ: человекъ тихой, не пьющій, умной, отъ него есть чему заняться... Смотри-ка, ребятѣнки какъ его любятъ, такъ и рвутся къ нему, безотбойно на книжкахъ сидятъ...

— Ахъ, ужъ эти книжки... Жили мы и безъ нихъ... Ужъ не знаю, не согрѣшилъ ли я, что и грамотъ-то тебя обучилъ... Вотъ началъ въ книжкахъ-то читать и дома не сидится, и отъ земли отбиваешься, а можетъ безъ грамоты-то темный бы остался, какъ и мы же грѣшные, держался бы лучше дома: не забирался бы высоко-то...

— Да куда же я, батюшка, высоко забираюсь?... Ничего высокого нѣтъ. Это, вѣдь, у насъ только, въ нашемъ краю, мужикъ привыкъ такъ, что все въ своемъ мѣстѣ сидитъ, а вонъ въ книжкахъ-то сказывается: нѣтъ иныхъ мѣстъ цѣлыми уѣздами на заработки уходить: кто въ Петербургъ въ самый, кто въ хлѣбные мѣста, кто со своимъ промысломъ, съ мастерствомъ, а кто по торговой части; бываетъ, большіе капиталы наживаютъ. Да вотъ и у насъ: мало ли народа стало на фабрики ходить, заниматься...

— То-то, то-то, не было этого у насъ допрежъ того: жили да поживали какъ Богъ укажетъ, на своихъ мѣстахъ; гдѣ кто родился, тутъ и питался... кто какое ремесло имѣлъ, производствовалъ дома помаленьку... А нынче вонъ на фабрики побѣжали, не сидится дома-то...

— Значить, норыстѣй: промыслить больше могутъ, нечѣмъ дома.

— Ну еще, Богъ вѣсть, велика ли корысть-то: вновь дѣло-то, посмотримъ еще... А баловства-то ужъ будетъ безпремѣнно, потому артельно, грудно, а народъ все молодой на фабрику-то бѣжать... Да пооди, чай, кабаки да трактиры, водка да чай: вотъ они, заработки-то, куда и уйдутъ...

— Ну я, батюшка, къ кабакамъ не преклоненъ... А такъ думаю, что вотъ хопъ бы я: ну что я буду дома сидѣть? Дать мнѣ Богъ талантъ этотъ въ рукахъ... и въ головѣ у меня довольно, всякихъ затѣй много... Ну, что я, какое дѣло себѣ около дома найду: фонарь развѣ когда сосѣду сдѣлаю, али швапчикъ какой, али рѣвъ по дому пустишь, кто заважетъ, да и то больше за грошъ, либо за спасибо сработаешь... А вонъ и учитель, Василій Якимычъ: у тебя,—говорить, Федя, большія механическія способности есть, только бы тебѣ мѣсто гдѣ подходящее найти; большія, говорить, деньги можетъ зарабатывать... Какъ же, батюшка, не поискать себѣ работы-то?.. И въ писаніи сказано: таланта не вѣчно зарывать въ землю, чтобъ отъ Бога дано... Вотъ ужъ не мало я сижу, жду, не навернется ли этакой человѣкъ, чтобы работку далъ, да нѣтъ вотъ... Ну, стало нужно походить, поискать... И тянетъ меня, и ровно мнѣ кто говоритъ: пооди да поищи, само не придетъ... Вотъ оттого и забота моя, и причина моя, что ты говоришь, вся въ томъ... Вотъ ты меня освободи хопъ на годъ, на два: похожу, не найду, къ тебѣ же приду тогда, не куда... Тогда и жени, пожалуй: не перестарѣюсь еще, время не уйдетъ. Увижу, что на сторонѣ не много чего хорошаго и стану ужъ дома жить безотходно, съ землею ворочаться... Опять же буду на слуху, далеко не уйду, и къ тебѣ навѣдываться стану...

— Да по мнѣ пожалуй, Богъ съ тобой, не изведись только, али не избалуешься...

Глаза у Федора радостно засверкали, довольная улыбка освѣтила лицо.

Въ эту минуту въ избу вошелъ старшій, давно уже женатый сынъ Герасима.

— Вотъ, Иванъ, — сказалъ ему старикъ, указывая на Федора: просится на сторону, работы искать... Думаю отпустить, чтобы послѣ не жалился: пускай поѣстъ чужого хлѣба, авось послѣ свой слаще покажется.

— А какъ же, женить хотѣли?..—замѣтилъ Иванъ, человѣкъ неразговорчивый, сосредоточенный.

— Да вотъ отирашируется: дайте, говорить, годокъ-другой, на людяхъ пожить, счастья поискать... А что зарабатывать будетъ, въ домъ общается отдавать...

— Знамо, въ домъ... куда же?.. Въ дому нужды много...

— Я думаю отпустить... Богъ съ нимъ... Пушай!..

— Какъ знаете... Что же: пушай, походить... Може и въ самъ-дѣлѣ работу подходящую найдеть, онъ грамотный и срученъ, только бы не забаловался, да деньги не прогуливалъ, а съ полюсой какъ-нибудь справимся и безъ него...

— Ну, такъ съ Богомъ коли... Собирайся...—рѣшили старики.

Сборы Федора были очень не продолжительны и не сложны. Не больше какъ черезъ часъ послѣ бесѣды съ отцомъ, связавъ вмѣстѣ поддевку, сапоги и небольшой мѣшочекъ, въ которомъ лежала чистая рубашка и штаны, и все это перекинувъ черезъ плечо, Федоръ уже шагаль по дорогѣ къ деревнѣ Ступину. Онъ шелъ весело и беззаботно, съ радостнымъ лицомъ, съ увѣреннымъ взглядомъ, точно впереди его ждало вѣрное счастье, была видна заветная цѣль, къ которой онъ давно стремился; между тѣмъ впереди у него не было ничего ни опредѣленнаго, ни вѣрнаго. Такъ летитъ весною и осенью перелетная птица, гонимая инстинктомъ, не зная что найдетъ впереди, гдѣ советъ свое гнѣздо.

Много было разныхъ побужденій, заставлявшихъ Федора проситься изъ дома, но теперь онъ весь былъ полонъ только чувствомъ свободы, молодой силы, выпущенной въ первый разъ на волю, и надеждами—надеждами безъ конца.

II.

Начиналась осень. Дорога шла по знакомымъ роднымъ для Федора мѣстамъ: проходила среди выжатыхъ хлѣбныхъ полей, по которымъ въ разсыпную, свободно, бродили стада, хотя кое-гдѣ и видѣлись еще узкія полоски недожатого овса, побурѣлаго, растрепаннаго, прилегшаго къ землѣ, или торчали изрѣдка какъ-бы забытые потемнѣвшіе полоски ярового хлѣба; вивалась она по топкому вочковатому прибрежью рѣчки, обросшей елопникомъ, въ которой Федоръ зналъ каждый бочагъ, каждую глубь, подъ каждымъ камнемъ ловилъ въ дѣтствѣ раковъ; вздымалась она по глинистому скользкому косогору и уходила въ лѣсъ, который стоялъ теперь какой-то скучный, безмолвный, съ пожелтѣвшими, сухими и опадающими листьями: весь этотъ лѣсъ до послѣдняго дерева, до самой маленькой полянки былъ

знакомъ Ѳеодору, онъ зналъ, гдѣ весною родится земляника, въ какой овражинѣ засѣтъ малинникъ, гдѣ теперь въ осеннее время начинается краснѣть брусѣна, зналъ—въ какомъ мѣстѣ, подъ какимъ деревомъ родится всякій грибокъ; цѣлые участки лѣса выросли изъ молодежника на его глазахъ и вмѣстѣ съ нимъ самимъ... Все было родное, все знакомое и милое по дорогѣ, которою шелъ Ѳеодоръ, но онъ ни на что не смотрѣлъ и ничего не видѣлъ. Сзади его осталась родная деревня, родная семья, въ которыхъ онъ родился и выросъ, которыхъ любилъ много и сильно, но не о нихъ онъ думалъ, не въ нихъ летѣла его мысль, не ихъ образы рисовались передъ нимъ: мысль его была впереди, и съ иными, дорогими лицами связывалъ онъ свое будущее, свои мечты и надежды. Въ воображеніи его возникалъ то образъ красиваго, совсѣмъ сѣдого старика съ печальнымъ лицомъ, со строгимъ взглядомъ, но этотъ взглядъ смотрѣлъ на него ласково, приветливо, печальное лицо прояснялось улыбкою—это былъ старый другъ его, Ѳеодотъ Семенычъ; то вмѣсто его являлось болѣзненное, худое, желтое лицо другого друга, молодого, учителя Василя Якимыча, рѣзко обозначались на этомъ лицѣ большіе черные глаза, то ярко вспыхивавшіе, то вдругъ потухавшіе; чаще другихъ мелькалъ передъ Ѳеодоромъ красивый женскій образъ и каждый разъ, какъ онъ являлся, точно тисками сжималось его сердце и кровь бросалась въ лицо...

Ѳеодоръ шелъ прежде всего въ деревню Ступино къ Ѳеодоту Семенычу, за сына котораго была выдана нѣсколько лѣтъ назадъ его родная сестра, Анна. Ѳеодотъ Семенычъ нѣсколько лѣтъ сряду сидѣлъ волостнымъ старшиной, былъ старикъ лѣтъ подъ 70, пользовался общимъ уваженіемъ, но былъ несчастливъ въ своей семьѣ. Единственный сынъ его, Кирила, мужъ сестры Ѳеодора, былъ уличенъ въ кражѣ, заподозрѣнъ даже въ поджогѣ, отъ котораго сгорѣла половина деревни и домъ отца. Его судили: въ поджогѣ не оказалось достаточныхъ уликъ, но за воровство онъ былъ приговоренъ къ тюрьмѣ. Въ то время, какъ Кирила находился подъ судомъ, Ѳеодоръ жилъ у Ѳеодота Семеныча. Старикъ, считавшій родного сына потеряннымъ для себя, привязался къ Ѳеодору, полюбилъ его всей силой оскорбленнаго, обманутаго въ кровной привязанности сердца.

Ѳеодору было тогда еще только 18 лѣтъ, какъ онъ поселился у Ѳеодота Семеныча. Это былъ мальчикъ тихій, конфузливый, но необыкновенно впечатлительный, съ любознательнымъ умомъ, съ замѣчательными способностями къ механическимъ работамъ; его серьезность, сосредоточенность, любовь къ усидчивому, одинокому

труду, вмѣстѣ съ какою-то особенной врожденной деликатностью, составляли совершенную противоположность съ наклонностями Кирилы. Въ Федорѣ Федотъ Семенычъ находилъ именно то, что онъ хотѣлъ бы видѣть въ своемъ родномъ сынѣ, и чего въ послѣднемъ не было. Эти желанныя свойства и достоинства Федора сначала даже оскорбляли старика, какъ-бы вѣчный упрекъ, постоянное напоминаніе о недостаткахъ родного сына. Въ первое время жизни съ Федоромъ, онъ нерѣдко чувствовалъ невольное раздраженіе противъ него; ему хотѣлось думать, что юноша притворяется, фарисействуетъ передъ нимъ, чтобы порисоваться своими добродѣтелями на-счетъ его родного заблудшаго сына.

Старая Федосья Осиповна, жена Федота Семеныча, безумно любившая и избаловавшая Кирилу; такъ и остановилась на чувствѣ предубѣжденія и недоброжелательства къ Федору. Она охотно подчинилась этому инстинктивному чувству и упорно держалась за него: несмотря на то, что Федоръ жилъ у нея въ домѣ не только какъ родной гость, но и какъ человѣкъ совершенно необходимый, пришедшій въ горькую тяжелую минуту, оказать безвозмездную помощь и возможное содѣйствіе — онъ помогалъ строить домъ, работалъ въ полѣ и завѣдывалъ хозяйствомъ — она постоянно была имъ недовольна, ворчала, придиралась къ нему, искала случая показать пренебреженіе, оскорбить его. Федоръ отмалчивался, отчасти потому, что многого не замѣчалъ, отчасти изъ снисходительности къ больной, несчастной, огорченной матери-старухѣ; но незаслуженное гоненіе, поднятое на Федора Федосьею Осиповною, устыдило и образумило Федота Семеныча: онъ не только поборолъ въ себѣ предубѣжденіе къ Федору, не только старался быть къ нему беспристрастнымъ, но сталъ больше и больше сближаться съ юношей, полюбилъ и привязался къ нему, какъ къ сыну.

Федоръ былъ выученъ грамотѣ, страстно любилъ читать, съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на печатную книжку и безусловно вѣрилъ въ печатную премудрость; но подъ влияніемъ практическаго направленія сначала своей семьи, а потомъ Федота Семеныча; искалъ въ книгахъ только практическихъ указаній и совѣтовъ. Правда, и книжный запасъ, изъ котораго Федоръ могъ обогащать свой умъ знаніями, былъ очень скуденъ: у себя, дома, онъ довольствовался кое-какимъ вздоромъ, который доставалъ случайно, да и читать могъ только по праздникамъ, въ совершенно свободное отъ работы время; а у Федота Семеныча къ его услугамъ были получаемыя въ волостномъ правленіи «Губернскія Вѣдомости» и книжки, присылаемыя разными благотворительными об-

ществами и комитетами для народнаго чтенія и народных школъ. Просилъ Федотъ Семеновичъ у мѣстнаго сельскаго священника, чтобы онъ снабжалъ Федора книжками, но батюшка могъ дать ему только проповѣди мѣстнаго владыки, два старыхъ академическихъ календаря, да нѣсколько разрозненныхъ экземпляровъ «Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества» и журнала, издаваемого духовнымъ вѣдомствомъ. Самый большой интересъ и наибольшую для себя пользу Федоръ находилъ, читая смѣсь въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Трудахъ», гдѣ сообщались разныя *средства* и рекомендовались разныя общедоступныя *способы* относительно земледѣлія, скотоводства, вообще домохозяйства. Все это Федя старался запоминать, многое пробовалъ примѣнять и испытать на дѣлѣ; но все это мало его удовлетворяло: въ умѣ его возникала масса вопросовъ, которые оставались неразрѣшенными. Федотъ Семеновичъ, несмотря на весь свой умъ, на всю свою опытность, не умѣлъ отвѣтить на многіе вопросы Федюшки, или отвѣчалъ неясно, неопредѣленно, общими мѣстами, и Федоръ при всей своей вѣрѣ въ умъ, мудрость и опытность старика, чувствовалъ и понималъ, что знанія его очень ограничены и что можно даже оскорбить его, обращаясь къ нему съ нѣкоторыми вопросами.

Такимъ образомъ Федоръ жилъ самъ въ себѣ, и приращенная ему сосредоточенность мало-по-малу развивалась въ какую-то мечтательность, соединенную съ внутреннимъ недовольствомъ. Безъ сомнѣнія, съ годами, подъ вліяніемъ ежедневныхъ заботъ и трудовъ для добыванія насущнаго хлѣба, вся эта безплодная раздраженная пытливость ума затихла бы и заглохла, а практическое направленіе взяло верхъ и вышло бы изъ Федюшки умный, толковый мужикъ, можетъ быть искусный, поражающій изобрѣтательностью, ловкостью и смѣтливостью ремесленникъ; замкнутый, молчаливый, сосредоточенный, съ угрюмымъ недовольнымъ лицомъ...

Но Федѣ суждена была иная судьба... Случайно онъ познакомился съ учителемъ волостной школы, Василиемъ Якимичемъ, и въ немъ нашелъ того человѣка, котораго, ему казалось, онъ такъ давно искалъ, и который раскрылъ передъ нимъ цѣлый новый міръ мыслей, впечатлѣній, потребностей.

Василій Якимичъ былъ то, что называется неудачный человѣкъ; онъ весь состоялъ изъ противорѣчій и увлеченій, изъ восторженныхъ порывовъ, которые вели за собою быстрое разочарованіе, охлажденіе и недовольство, изъ безпредметнаго влеченія къ добру, доходившаго до готовности на самопожертвованіе, и

выпривнаго безцѣльнаго эгоизма, соединеннаго съ недовольствомъ всѣмъ окружающимъ безъ всякихъ опредѣленныхъ требованій отъ жизни; нѣтъ способности на временный упорный трудъ, который смѣнялся апатіей и лѣнью. Василій Якимычъ былъ сынъ бѣдной вдовы чиновницы, учился въ гимназій хорошо и при этомъ зарабатывалъ себѣ небольшія деньги грошевыми уроками, но въ предпоследнемъ классѣ, безъ всякой видимой причины, вдругъ зацѣпился, перессорился съ учителями и гимназическимъ начальствомъ и, не кончивши курса, въ ужасу матери, вдругъ вышелъ изъ гимназій; цѣлые полгода жилъ жизнью чернорабочаго, поддерживалъ свое существованіе самою грубою непривычною, тяжелою работою; потомъ вдругъ задался мыслью сдѣлаться докторомъ, засѣлъ за книги, началъ приготовляться къ вступительному экзамену въ медицинскую академію, выдержалъ его и поступилъ, но здѣсь онъ не пробылъ и года: сухость и точность медицинскій науки скоро утомили его, онъ перешелъ въ университетъ на словесный факультетъ. Сначала онъ здѣсь увлекся своимъ предметомъ, серьезно работалъ, много читалъ, но вдругъ остановился на мысли о непрактичности и непримѣнности къ жизни приобретаемыхъ знаній—и перешелъ въ технологическій институтъ. Но и тутъ дѣло не пошло на ладъ: вмѣсто химіи, онъ увлекся социальными вопросами и политической экономіей, не выдержалъ экзамена, остался на другой годъ въ курсѣ, запутался въ одной исторіи и только благодаря случайности отдѣлался тѣмъ, что долженъ былъ выйти изъ института. Онъ попробовалъ—было опять сойти въ самые низменные ряды чернорабочей силы, но здоровье не выдержало: у него заболѣла грудь, начался кашель, появились признаки чахотки. Онъ добрался до своей родной губерніи и, съ большими хлопотами, добился должности сельскаго учителя. Непосредственность, простота крестьянской среды, воспримчивый дѣтскій міръ, нѣкоторое преувеличеніе важности принятаго имъ на себя труда сельскаго учителя, вначалѣ очень увлекли его: онъ со свойственною ему порывистостью, жаромъ и энергіею отдался учительскимъ обязанностямъ, равняя ихъ до такихъ размѣровъ, въ которыхъ имъ оставались недовольны и начальство, и даже родители его учениковъ. Василій Якимычъ не выдержалъ столкновенія съ властью, съ родительскимъ невѣжествомъ и грубостью; борьба съ ними показала ему скоро безцѣльною и безплодною; энергія и увлеченіе его пропали; онъ превратился въ обиденнаго—честнаго, добросовѣстнаго, но равнодушнаго учителя. Впрочемъ, дѣти любили его и охотно у него учились. Василій Якимычъ скучалъ и началъ та-

готиться своею дѣятельностью; между тѣмъ здоровье его ухудшалось съ каждымъ годомъ, въ немъ начала развиваться раздражительность...

Оеда повнакомился съ нимъ еще въ ту пору, когда Василій Якимичъ былъ, такъ-сказать, въ экстазѣ своей учительской дѣятельности, когда онъ высоко ставилъ свое дѣло, имѣлъ въ его многоплодную полезность и готовъ былъ отдаться ему до самопожертвованія. Его заинтересовала въ то время любознательность и пытливость Оедора, онъ былъ пораженъ его способностью къ механическимъ работамъ, словомъ—онъ увлекся имъ, какъ увлекался всѣмъ новымъ, задался задачей развить его умъ, облагородить чувства, дать широкое и правильное міросозерцаніе, котораго, впрочемъ, и самъ не имѣлъ, мечталъ отшлифовать алмазъ, который нацѣлъ въ грубой первобытной формѣ, создавъ чело-вѣка—дѣятеля, внѣ условныхъ школьныхъ приѣмовъ обученія, которыя, по его мнѣнію, только мѣшали правильному, самостоятельному и оригинальному развитію и губили людей оригинальныхъ, какъ казалось ему—погубили и его самого. Съ энтузіазмомъ принялся онъ передавать Оедѣ безъ разбора все, что зналъ самъ, также безъ разбора и послѣдовательности давалъ ему читать все, что имѣлъ подъ руками. Само собою разумѣется, что Оедюша сразу и безусловно былъ очарованъ своимъ наставникомъ, всею душою подчинился ему и скоро сталъ смотреть на него, какъ вѣрующій смотреть на оракула; но первое время, подъ наплывомъ массы новыхъ идей, новыхъ свѣдѣній, быстро разрѣшенія многихъ вопросовъ, онъ ходилъ какъ въ чаду, былъ возбужденъ до лихорадки. Не имѣя возможности отдавать все время днемъ чтенію, онъ просиживалъ цѣлыя ночи за книгами, всѣ праздничные дни и ночи проводилъ онъ у своего учителя въ бесѣдахъ, въ чтеніи, въ разъясненіяхъ прочитаннаго; но по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ и узнавалъ, жажда знанія не притуплялась, а усиливалась, и многіе вопросы, казавшіеся разъясненными, вставали съ новою жгучестью неясности, неопредѣленности; доходило до того, что уже и отвѣты наставника отзывались общими мѣстами, или красивыми, иногда восторженными, иногда диалектическимъ наборомъ словъ, оставлявшимъ въ душѣ вопрошавшаго тотъ же прежній сумракъ, прежнюю мучительную неясность и неопредѣленность. Восторгъ первыхъ, неожиданныхъ открытій проходилъ, въ душѣ поднималась прежняя тоска неудовлетворенности, недовольства. Оеда видимо измѣнился, похудѣлъ, поблѣднѣлъ, въ глазахъ свѣтился лихорадочный огонекъ.

Трудно сказать, чѣмъ бы все это кончилось, если бы въ сердцѣ

Федора, неожиданно для него самого, не заговорило новое чувство, которое подѣйствовало на его воспаленный мозгъ какъ спасительное отвлекающее. Самъ того не сознавая, онъ влюбился. Если бы въ то время его спросили, какъ это случилось, откуда, зачѣмъ, и почему явилось въ немъ это новое чувство, что оно значить и должно ли оно быть или нѣтъ?—онъ не понялъ бы ни одного изъ этихъ вопросовъ и не сумѣлъ бы отвѣтить ни на одинъ изъ нихъ. И дѣло совершилось весьма просто: у того же Василя Якимыча онъ встрѣтился съ дѣвушкою, которая пришла къ учителю переговорить о своемъ братѣ, ученикѣ, который прежде времени пересталъ посѣщать школу. Она явилась по порученію матери, держала себя съ учителемъ грубо и говорила глупости, доказывая, что нечего мальчишкѣ баловаться, бѣгать и сидѣть въ училищѣ, когда въ домѣ бѣдность, пить-ѣсть нечего, пора подходить лѣтняя; а мальчишка въ силѣ, можетъ и въ подпаски наняться, въ домъ лишній десятокъ рублей принести, да и со своего хлѣба долгой: все лишній кусокъ въ дому соблюдется.

— Не все намъ съ матушкой однимъ промышлять: пускай и онъ помогаетъ!..—заключила она.

— Да, вѣдь, ему бы только еще одну вину въ школу походить, такъ вѣдь онъ совсѣмъ бы выучился и писать, и читать...—возражалъ учитель.—А вѣдь если перестанетъ ходить теперь, онъ все и позабудетъ: зимой снова придется начинать.

— Ну такъ все одно: и всему выучится, опослѣ все позабудетъ...—возражала дѣвушка. Да что и въ чтаньи-то вашему? за него разѣ деньги платятъ, что-ли? И все-то ученье—одно баловство, да одеждѣ, обуви трѣбва—только и есть... Идутъ изъ школы-то толкаются, да таскаются, горланятъ, да по льду катаются—обувку дерутъ... Матушка говоритъ: только-что староста съ господскаго наказа наобѣщалъ съ три короба, что коли въ школу въ эту поступить, да выучится, такъ и невѣсть что будетъ... А все пустое: выслужиться передъ посредникомъ, да передъ волостнымъ захотѣлось, что съ деревни много ребятъ въ ученье загналъ, а все какихъ больше нажималъ: вотъ что насъ же, сиротъ, да которые послабже, неимущіе... Небось, которые побогаче, да повзбавѣй, тѣ не послушались, не пустили своихъ...

Учитель попробовалъ-было еще убѣждать, но возраженія были въ такомъ же родѣ и убѣжденія его нисколько не подѣйствовали.

— Этакая красавица и этакая дурища!..—проговорилъ Василій Якимычъ, когда дѣвушка ушла.

И въ первый еще разъ Федоръ согласился со своимъ учите-

лемъ только въ половину: согласился, что красавица, но не согласился, что дура.

— Говорить она съ чужихъ словъ, что ей велѣно сказать, да и не такъ, чтобы ужъ совсѣмъ не было ни толку, ни складу въ ея словахъ... А подумавши, такъ, пожалуй, есть даже и правда въ ея резовахъ: въ самъ-дѣлѣ, иной бѣднакъ, хоть и выучится читать и писать, такъ забудетъ, ему не удосужится и въ книгу-то заглянуть, да другой и книги-то всю жизнь въ глаза не увидитъ...

Вотъ какія мысли мелькали въ головѣ Федора по поводу замѣчанія учителя о дѣвушкѣ. И онъ почти не слушалъ цѣлаго трактата, который развивалъ передъ нимъ Василій Лекимычъ о томъ, какъ современное положеніе крестьянства препятствуетъ развитію въ немъ грамотности, и какъ было бы необходимо, полезно и справедливо, если бы общество или даже само правительство оказывало содѣйствіе и помощь тѣмъ бѣднымъ семьямъ, въ которыхъ чувствительна потеря труда учащагося мальчика и какія бы слѣдовало принять мѣры, чтобы выучившіеся въ школѣ могли сохранить и употребить съ пользою для себя приобрѣтаемыя въ школѣ званія и т. д. Ничего этого не слышалъ Федоръ, хотя учитель говорилъ очень горячо и убѣдительно, но тѣмъ не менѣе онъ сумѣлъ выспросить изъ какой деревни ученикъ, братъ мальчика, какъ его зовутъ, а кстати и какія у него способности и пр. Онъ очень скоро воспользовался мимоходомъ добытыми свѣдѣніями, и началъ кстати и не кстати проходить и пробѣжать черезъ деревню Онучино, гдѣ жила красавица Параня, добился того, что встрѣтился съ ней, заговорилъ, познакомился и сблизился... Ея-то глаза чаще всего мелькали въ воображеніи Федора, когда онъ торопливо уходилъ изъ родного дома и шелъ искать счастья на чужихъ людяхъ... Эти глаза и образъ Парани заставляли усворенно биться и замирать его сердце, они какъ будто манили его впередъ и заставляли быстрѣе двигаться его ноги, они вызывали румянецъ на его щени, улыбку на губы и веселый оживленный блескъ въ глазахъ. Онъ шелъ не слыша подъ собою ногъ, не замѣчая дороги, и мысль его невольно сама собою проходила по всѣмъ подробностямъ его знакомства съ Параней, вызывая одно воспоминаніе за другимъ и какъ-бы давая ему возможность вновь пережить всѣ минувшія уже событія съ ихъ впечатлѣніями... Все, все, до мальчайшихъ подробностей — вставало въ памяти Федора.

III.

Вотъ однажды, послѣ неоднократныхъ неудачныхъ путешествій въ Онучино, Федя вдругъ неожиданно нагналъ на дорогѣ Параню, которая шла съ какимъ-то мальчикомъ. Вся кровь бросилась въ голову и покрыла горячимъ румянцемъ лицо Федюши, когда онъ узналъ ее. Онъ былъ отъ природы очень конфузливъ, особенно съ женскимъ поломъ, никогда не участвовалъ въ играхъ и хороводахъ, никогда не заговаривалъ и не заигрывалъ съ дѣвушками, на что были такъ ловки и смѣли другіе деревенскіе парни. Онъ нѣсколько времени шелъ нерѣшительно сзади Парани, не сводя съ нея глазъ, но поспѣшно опускалъ ихъ, когда она случайно оглядывалась назадъ, не рѣшался ни поровняться, ни опередить ее; сердце въ немъ билось и замирало такъ сильно, что онъ не разъ останавливался, чтобы перевести духъ. И вдругъ точно подтолкнутый кѣмъ-то, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, Федя подошелъ и поклонился, несмотря на Параню.

— Здравствуйте..., — едва проговорили его пересохшія губы.

— Здравствуй..., — бойко отвѣчала Параня, окидывая его своими большими глазами съ ногъ до головы.

— Я васъ съ-разу призналъ еще издаലെка, — продолжалъ онъ, нерѣшительно, точно на солнышко, поднимая на Параню свои глаза. — А вы, чай, меня не признали?..

— Ровно какъ нигдѣ видала, а признавъ, нѣтъ, не признаю...

— А къ учителю-то, къ Василю Якимичу, вы тогда приходили на-счетъ брата... Я тамъ былъ у него... Видѣлъ...

— А-а... А вы сами-то кто же будете, откуда?

— Я изъ Чернушекъ, да я теперь живу по родству, у старшины Федота Семеныча... Вотъ близѣконько, всего верстъ съ пять отсюда, въ Ступинѣ.

— Знаю, знаю... Ну, какъ не знать... А вотъ мы изъ Онучина, здѣшніе, вонъ деревню видать...

— Я знаю, что вы изъ Онучина... Я давно знаю...

— Да почему вамъ знать?.. — начала было спрашивать Параня и остановилась, взглянувъ на Федю и замѣтивъ его смущеніе.

— Я всегда тутъ хожу... всегда думаю..., — лепеталъ Федоръ, не поднимая глазъ и не сознавая что онъ говоритъ.

— Что же вамъ ходить-то тутъ? Дорога, что-ли, вамъ тутъ куда?.. — спрашивала бойкая Параня, сама чувствуя какое-то невольное смущеніе, когда глаза ея встрѣтились съ глазами Федора.

Отедоръ хотѣлъ что-то сказать, но, замѣтивъ устремленный на него внимательный взглядъ мальчика, шедшаго рядомъ съ Нараней, остановился и сказалъ совсѣмъ не то, что хотѣлъ.

— Это братецъ вамъ будетъ?—спросилъ онъ.

— Да вотъ въ подпаскахъ онъ у насъ въ Колосовѣ, а у насъ завтра праздникъ, такъ матушка и послала денегъ попросить, а онъ за мной увязался, выпросился тамъ у пастуха-то... на праздникъ... Да добрый пастухъ-отъ, добрый; отпустилъ, — только бы, говорить, опосля старался, свотнымъ не крестилась...

— Это на счетъ его тогда вы приходили въ Василію-то Якимичу, учителю?..

— Вотъ на-счетъ его... Онъ у насъ одинъ, бабовень...

— А жалко, что вы его изъ школы-то взяли, безъ грамоты оставите... Поучился бы еще, грамотный бы былъ...

— Да что въ ней, въ грамотѣ: въ школу-то ходить, только одежду трепалъ, а вотъ теперь въ дѣлу приставили, такъ и денежки сталъ зарабатывать...

— Велики ли эти деньги, да и дѣло такое, послѣднее... въ подпаскахъ, да въ пастухахъ. А грамотѣ выучили, на другое бы дѣло поналъ и денегъ бы сталъ больше зарабатывать...

— Вы, знать, грамотный?

— Я грамотный...

— Ну вы такъ и говорите, а вотъ мы неграмотные, мы по другому толкуемъ... А вы, что же, много денегъ промышляете черезъ грамоту-то?..

— Я еще при отцѣ живу, не самъ по себѣ: что заставляютъ — дѣлаю... А и кромѣ денегъ — отъ грамоты человѣкъ много умнѣе дѣлается, потому книги читаетъ, а въ книгахъ все прописано, изъ книги можно всего набраться...

— Хорошо, можетъ, вамъ подошлось, отецъ богатъ, работника держите, дѣлать-то нечего, и читаете... А какъ кому ѣсть нечего, каковъ кусокъ хлѣба и тотъ надо своими руками промышлять, такъ тутъ некогда въ книжкахъ читать — съ голоду помремъ... Знамо, учений человѣкъ то-ли дѣло, да коли нечѣмъ взяться, такъ какъ тутъ быть?.. Вотъ мы съ матушкой на сиротскомъ положеніи живемъ и полюсы-то не держимъ: что заработаемъ, то и поѣдимъ, такъ до ученья ли ужъ тутъ... Рады-рады, что дождались паренька, что въ годы вошелъ: хонь нѣсколько промышлять на себя... Кабы въ ученье-то брали да платили за него, что онъ промышлять можетъ... ну такъ тутъ, пожалуй, учись... съ полнымъ бы удовольствіемъ... Хошь глупше, неученые, а тоже понимаемъ: грамотный человѣкъ всегда больше полу-

чить можетъ: онъ и въ писари пойдеть, и въ кушчу въ приказ-
чини наймется... Тамъ жалованья большія платять... Да силъ
нѣтъ, такъ какъ поднимешься?..

— Это все правда ваша... Вотъ жалко только, что у него
дѣло-то такое, что онъ въ подмаскахъ живетъ, а то бы я сталъ
ходить пошалуи... обучалъ бы его... Ничего бы не взялъ, да-
ромъ...

Өддя проговорилъ это и сконфузился: въ головѣ его мель-
нула мысль: что она подумаетъ? съ чего это, незнакомый чело-
вѣкъ, навязывается?..

Но у Парани блеснула другая мысль: вишь ты, подбѣзываетъ!..
Это онъ ради меня... Видно, запримѣтилъ, приглянулась... Въ
знать войти хочетъ съ нами... И зарѣлся—вонъ какъ!.. Безпре-
мѣнно такъ!..

— Что это... съ какой вамъ стати беспокоить себя для насъ?..
—проговорила она не безъ кокетства...

— Никакого тутъ беспокойства нѣтъ, съ моимъ полнымъ
удовольствіемъ... даже бы за счастье считъ...—говорилъ Өддоръ.—
Потому мы другъ дружкѣ помогать должны: вонъ Василій Яз-
мычъ тоже какъ для меня старается—книги даетъ, толкуетъ, все
равно, что обучаетъ меня, и ничего не беретъ... Такъ и я дол-
женъ для другого кого постараться...

— Не нѣ-за чего вамъ для насъ стараться-то...

— Не то, что не нѣ-за чего, а я ото всей моей души:
можно даже и такъ сдѣлать, что пускай онъ опять въ училище
къ Василію Якимичу ходить, а я вашей матушкѣ могу внести,
что онъ въ подмаскахъ-то получаетъ...

— Ай, да что вы,—больно богаты, что ли?

— Никакого особливаго богатства нѣтъ, а что этанія-то деньги
завсегда праздниками могу заработать на своемъ мастерствѣ... Поди,
чай, рублей за десять въ лѣто отдали?..

— За одиннадцать... Да вотъ ужъ рубля четыре забрали...
Да нѣтъ ужъ это, что вы говорите, никакъ даже и понять не-
возможно... И знати-то промежъ насъ никакой нѣтъ... Я даже
не знаю какъ и звать-то васъ?..

— Меня-то Өддоромъ зовутъ... Да, вѣдь, и я-то не знаю
какъ васъ звать...

— Вотъ такъ чудесно...—васмѣялась Парани, и такъ хорошо,
такъ весело заблестѣли ея бѣлые ровные зубки.—Говоримъ, го-
воримъ, а какъ и зваться другъ другу не спросимъ... Вотъ
такъ прекрасно...

— Скажитесь, какъ?

— Параней меня... Парасковей...

— А по-батюшкѣ?

— По-батюшкѣ: Михайлова.

— А матушкѣ вашу какъ звать?

— Матушку Дарьей Тихоновной.

— Барыней ее прозываютъ..., — вмѣшался молчавшій до сихъ поръ мальчикъ, братъ Парани.

— Барыней? Отчего же такъ?

— А оттого, что она лицомъ была больно пригожа, бѣла, да и повадка у нея такая расторопная, да важная, ровно у барыни у какой... Вотъ отчего! — объясняла Параня.

— Вы, значить, по ней вышли..., — любезничать Оеда, и самъ на себя удивился и сконфузился, что проговорилъ такіа слова.

— Ну, ужъ какова есть..., — кокетничала Параня, улыбаясь. — Вотъ будьте знакомы... На праздникахъ приходите гулять къ намъ: у насъ на деревнѣ весело празднуютъ, народу много сходится, хороводы водять... Посмотрите на нашихъ дѣвушекъ, поиграйте: у насъ есть не зкіа, какъ я... лучше...

— Не можете этого быть..., — съ горячностью возразилъ Оеда, похирая глазами Параню.

— А вотъ вы поглядите... Вотъ парни у насъ такъ сердитые, особливо къ чужестраннымъ: тотчасъ бока намнутъ, коли чужой къ ихней дѣвкѣ больно прилипать начнетъ... Вы въ хоровахъ-то, придете, не больно съ дѣвушками-то заигрываете, съ нашими...

— Я и въ хоровахъ-то никогда не хаживалъ, и играть не люблю... Коли и приду, такъ только чтобы на васъ посмотреть, потому — какъ тогда встрѣлся, такъ и не знаю что со мной сталося: только и думаю, что про васъ... А парней я вашихъ не боюсь: со мной тоже пускай не связываются... Самъ не зачну, да и въ обиду не дамъ... Да и не съ чего имъ ко мнѣ пристать... Не то играть, — и смотрѣть-то я ни на кого не хочу; окромя васъ, хошь бы никого и на свѣтѣ-то не было...

— Вона, избушка-то наша... Пришли... До увиданья коли... Приходи, ось, на праздникъ-то погулять...

И Параня, точно огнемъ опаливши Оеда своимъ ласковымъ взглядомъ, мгновенно оставила его среди дороги и порхнула въ калитку сосѣдней избы такъ скоро, что Оеда не успѣлъ даже и попрощаться, какъ бы хотѣлъ. Онъ стоялъ нѣкоторое время среди улицы, точно ошеломленный, — не могъ отвести глазъ отъ избушки, въ которую скрылась Параня, и насилу-насилу при-

шелъ въ себя и понялъ, что стоитъ дуракомъ среди деревенской улицы и глазѣтъ на одно и то же мѣсто—не хорошо и подозрительно. Онъ пошелъ впередъ, вполне счастливый, полный такимъ новымъ, хорошимъ чувствомъ, какого еще никогда не испытывалъ.

IV.

Вотъ и другая картина встаетъ въ воображеніи Оеда—такъ ясно, точно совершается передъ глазами.

Въ Онучинѣ праздниѣ. Водятъ хоробы, поютъ нѣсни. Оеда стоитъ въ незнакомой толпѣ, сзаетъ одного круга, въ которомъ, держась за руки съ другими дѣвушками и парнями, ходитъ Параня. Онъ не можетъ отвести отъ нея глазъ, слѣдитъ за каждымъ ея движеніемъ, за каждымъ взглядомъ,—ничего не видитъ и не слышитъ, кромѣ нея, а сердце такъ и колотится, такъ и вамираетъ въ груди... И давно уже онъ, кажется, стоитъ и ждетъ, когда Параня взглянетъ на него, узнаетъ его, можетъ быть, улыбнется, — можетъ быть, поклонится; но она ходитъ по кругу, такая скромная, такая степенная, точно и не та бойкая, смѣлая Параня, которую онъ видѣлъ у учителя, съ которой встрѣтился и разговаривалъ недавно: теперь пошепчется развѣ только съ подругами, улыбнется, метнетъ быстрый взглядъ въ сторону изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ и опять прикроетъ ими свои свѣтлые, лукавые глазки. Не одинъ разъ казалось Оедѣ, что Параня какъ-будто взглядывала и на него: его кидало отъ этого взгляда въ жаръ, онъ краснѣлъ, какъ рабъ, и рука его тянулась къ шапкѣ, чтобы поспѣшить поклономъ, но Параня быстро отводила глаза и какъ-будто не признавала его, или не обращала на него вниманія. Не разъ въ хорободѣ, распѣвая нѣсни, или заплетая и расплетая плетень, проходила она мимо самого его, даже задѣвала локтемъ: Оеда весь трепеталъ, снова брался рукою за шапку, собирался что-то сказать—даже какъ-будто шепталъ: «здравствуйте!.. узнали ли?»—но или за нѣсней она не слыхала его словъ, или губы Оеда только шевелились, не произнося никакого звука. Оеда внутренно пролиналъ свою робость, свою нерѣшительность, маялся на мѣстѣ, — сердце его начинало болѣзненно нѣтъ, тосковать... А когда иной парень не совсѣмъ осторожно бралъ Параню за руку или, играя, обнималъ ее, Оеда готовъ былъ броситься и приколотить его... Онъ видѣлъ, что Параня занимаетъ собою не его одного, что почти

всѣ молодые ребята вьются около нея, какъ шмели, и заигрываютъ съ нею: всякій поровнѣть стать съ нею рядомъ, взять ее за руку, сказать ей что-нибудь смѣшное или ласковое, обратить на себя ея вниманіе; въ играхъ то-и-дѣло она у всѣхъ на виду и на выборѣ,—и это еще больше смущало и мучило его...

«Неужели тѣмъ дѣло и кончится, что я тогда на дорогѣ говорилъ съ ней, а теперь только поглазѣть на нее издали?» думалъ про себя Оеда: «неужели она такъ и не признаетъ меня, а я такъ и уйду домой, слова съ ней не перемолвивши? Нѣтъ, ужъ надо какъ-нибудь подойти, да окликнуть, что ли,—напомнить про себя.. Ну, а какъ не признаетъ?.. Да и какъ подойдешь?.. кругомъ народъ,—ребята эти все вьются за ней... Хоть бы въ сторонку маленько отошла, такъ ужъ къ одной-то бы я подошелъ... заговорилъ бы»...

Но Параня или не признавала его, или не хотѣла показывать, что узнала. Игры смѣнялись одна другими: водили хорюды, заплетали плетень, ходили стѣна на стѣну, играли въ со-сѣдей, а Оеда все не находилъ случая ни поклониться, ни поздороваться и заговорить съ Параней, и тонтался, точно шамь-ной, на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Вдругъ Параня отдѣлилась отъ толпы играющихъ, пошла въ сторону, проходя мимо Оеди, быстро, незамѣтно, съ лукавой усмѣшкой взглянула на него, и затѣмъ побѣжала по направленію къ своей избѣ. Оеда смотрѣлъ ей вслѣдъ, а когда она скрылась за дверями крыльца, печально опустилъ въ землю глаза и, поддерживая обѣими руками стягивавшій его поперхъ поддевки красный кушакъ, стоялъ въ нерѣшительности и думалъ: что же ему дѣлать теперь? Стоять ли тутъ и ждать, когда она опять придетъ, или идти къ дому ей на-встрѣчу?.. А неизвѣстно еще и выйдетъ ли она опять на гулянку: можетъ быть, и вовсе дома останется... Или ужъ нѣчего, видно, ждать, а идти домой?.. Видать, что она признала, да ждетъ, чтобы самъ подошелъ, поклонился, поздоровался, да заговорилъ,—а похоже и на то, что заговоришь съ ней, а она на-смѣхъ подниметъ, прикинется, что незнаемый человѣкъ пристаегъ, съ ребятами, пожалуй, нарочно сравить со своими: лукава ужъ больно, ничто смотреть, ухмыляется... И грустно Оедѣ, и досадно на Параню,—и еще досаднѣе на себя за свою робость, неумѣлость... Ничего онъ не могъ придумать, ни на что не рѣшался, и въ тоскѣ безсознательно пошелъ медленными шагами по тому направленію, въ какомъ убѣжала Параня. Онъ поровнялся съ ея избой, остановился, робко посмотрѣлъ на нее — и то не прямо, а показывая видъ,

что глядеть черезъ крышу на небо, помялся, потоптался опять на мѣстѣ, и сдѣлалъ уже нѣсколько шаговъ дальше, когда замѣтилъ, что съ крыльца Паранькой избы спустился ее братъ и направляется къ нему. Одея съ-разу почувствовалъ, догадался, что мальчикъ идетъ именно къ нему, но по какому-то особенному побужденію—не то недовѣрія, не то осторожности—пошелъ быстро впередъ, не показывая вида, что замѣтилъ мальчика. Тотъ скоро догналъ его.

— Здравствуй, — сказалъ мальчишка, заглядывая въ лицо Оедѣ.

— Здравствуй, — отвѣчалъ онъ.

— Ты что же, куда идешь?

— Домой...

— Развѣ ужъ нагулялся?..

— Нагулялся... Будетъ...

— Подъ къ намъ, въ избу...

— Почто?..

— Почто?—переспросилъ мальчикъ.—Посиди, погостись у насъ... Тоже праздникъ и у насъ: чѣмъ ни на есть попотчуетъ.

— Да ты какъ зовешь-то меня?

— Какъ?..

— Тебя послали, что ли, кто?.. Али ты такъ, самъ-собою?..

— Я самъ-собою...

— Такъ какъ же я пойду-то къ вамъ... Ты развѣ большой въ дому-то?.. Пожалуй, и тебя-то прогонять со мной...

— Ну, вотъ... Не прогонять...

— Да у васъ кто тамъ въ избѣ-то?..

— Да теперь никого... Былъ дядя Финагентъ... пьяный... Погостился, да ушелъ къ сосѣдямъ... Одна мамка съ Паранькой сидятъ... Подемъ...

— Постой... Да что же онѣ дома-то сидятъ?.. Почто Параня-то не гуляетъ?

— Гуляла... Сичасъ пришла... Сидятъ, тебя ждуть... Подемъ, говорятъ...

— Такъ, стало, онѣ тебя и послали звать-то меня?..—спросилъ Одея, вдругъ оживившись и весь вспыхнувъ.

— Ужъ послали—не послали, да пойдѣмъ, говорятъ... Погости у насъ...

— Да какъ же я пойду: меня мать-то твоя и не знаетъ вовсе?..

— Знаетъ, — въ окно видѣла, какъ ты супротивъ избы-то нашей стоялъ... Ужъ подемъ, говорятъ...

Федя больше не разспрашивалъ. Онъ сообразилъ, что Параня подучила маленькаго брата позвать его, какъ своего знакомаго, а сама хочетъ остаться въ сторонѣ и скрыть, что замѣтила его, — что онъ полюбился ей.

«Для того, видно, она и изъ круга-то убѣжала, чтобы братишку подослать ко мнѣ», думалъ Федя, и сердце его оживло и радостно билось и замирало. Такъ у него хорошо и весело было на душѣ въ ту минуту, когда онъ шелъ въ избу Парани, какъ послѣ, кажется, и не бывало. Такъ онъ любилъ въ это время Паранина брата, что, кажется, душу бы за него отдать, — и та-кой онъ ему казался и умный, и смысленный, и добрый. Кабы не на улицѣ было, — такъ бы онъ его и обнялъ, и расцѣловалъ бы.

— Какъ звать-то тебя? — догадался, наконецъ, спросить его Федя.

— Николая...

— Надо тебѣ учиться, Николаша, надо... Что въ подпаскахъ, какой путь?..

— А вотъ отпасу, тогда опять къ Василь Якимичу.

— Непремѣнно... Я тебя ужъ устрою... опредѣлю...

— Придѣли... И мамка говоритъ: добре бы добрый человекъ нашелся — поддержалъ бы насъ въ нуждѣ...

Наклонившись, вошелъ Федя въ дверь маленькой, темной, сиротской избышки, въ которой жила Параня съ матерью, но когда поднялъ голову, точно солнышкомъ освѣтилъ и опалилъ его ласковый, привѣтливый взглядъ свѣтлыхъ Параниныхъ глазъ и ея лукавая улыбка. Онъ не помнить дальнѣйшихъ подробностей этого свиданія въ убогомъ жилищѣ, которое казалось ему лучше, богаче и красивѣе всякаго сказочнаго дворца, не помнить о чемъ говорилъ съ матерью, чѣмъ его угощали, какъ онъ вызвался учить грамотѣ Параню и уплатить матери деньги, которыми Николая долженъ былъ получить отъ пастушени, съ тѣмъ, чтобы онъ бросилъ должность подпаса и ходилъ опять въ школу, — онъ видѣлъ и сознавалъ тогда, вспоминаетъ и теперь, только то полное счастье, невыразимое блаженство, то внутреннее довольство, которое испытывалъ сидя рядомъ съ Параней, встрѣчая ея ласковый взглядъ и улыбку, принимая изъ ея рукъ какое-то угощеніе, слушая ея привѣтливыя рѣчи... Помнить и то, какъ вдругъ у него сжалось сердце, потемнѣло въ глазахъ, сдѣлалось тошно и скучно, когда подруги вызвали Параню изъ ея избы опять на гулянку и онъ остался въ избѣ одинъ съ матерью ея: точно въ самомъ дѣлѣ вдругъ закатилось солнышко,

второе согрѣвало и свѣтило ему и онъ остался въ потѣмахъ. Тогда только онъ рассмотрѣлъ, въ какой бѣдной лачугѣ жила Параня, какая нищета и недостатки окружали ее: онъ рассмотрѣлъ закоптѣлый, низкій потолокъ, грязный, съ дырами полъ, замѣтилъ, что сидитъ на узенькой лавкѣ, передъ маленькимъ покособившимся столомъ, на которомъ стоялъ штофъ съ водкой, лежало на блюдцѣ нѣсколько кренделей, полубѣлый нирогъ съ кашей, какіе-то грязные пріаніи и гнилые орѣхи; два маленькіе оконечка плохо освѣщали хату.

Никола убѣждалъ изъ избы еще раньше, тотчасъ какъ пришелъ Оедю, и теперь онъ сидѣлъ съ одной матерью Парани. Она была очень любезна съ гостемъ, старалась его угощать и поддерживать разговоръ, но Оедя, безъ Парани, не могъ ничего ни ѣсть, ни пить и бесѣда не выдалась. Мать Парани успѣла, однако, разспросить его обо всемъ, что касалось его семьи, дома, достатковъ, родства и пр. Наконецъ, Оедя сталъ собираться уходить.

— Что же мало погостили?—спросила Дарья Тихоновна.— Покушайте еще чего-нибудь. Да выкушай водочки, полно...

Оедя отказался.

— Али къ молодымъ робятѣмъ да дѣвкамъ тянетъ?.. И то сказать: со мной тебѣ посѣди-то не весело... На гулянку, что ли, опять пойдете?

— Уже не знаю какъ... Къ домамъ пора, кажишь: не рано ужъ...

— Такъ ужъ какъ же мнѣ съ Николашкой-то? Послать его опять къ пастуху-то, аль нѣтъ?..

— Нѣтъ, нѣтъ, Дарья Тихоновна, въ школу посылайте, а я вотъ завтра эти шесть цѣлевыхъ вамъ принесу...

— То-то, то-то, Оедоръ Герасимичъ, мнѣ бы передъ пастухомъ-то тоже не ошаманѣть бы... Взять-то я его возьму, а послѣ какъ у насъ ничего не выйдетъ, безъ денежекъ-то я останусь: придется опять по деревнямъ ходить да мѣстечка ему искать... Пожалуй и не возьмутъ нигуда, да и срамъ одна будетъ. Уже вы меня не обманьте...

— Какъ это можно: безпрѣмѣнно въ сворости принесу...

— Вотъ тоже кафтанишка ему обѣщали, рубаху да шорты отъ деревни-то... Опять же и новы тоже дадутъ: ржицы, ячменцу... А намъ для сиротства это дорогого стоитъ... Уже придется отъ всего этого отказаться...

— Такъ у меня рублей съ двѣнадцать есть денегъ-то своихъ

собственныхъ... Я вамъ всё, пожалуй, принесу... Вотъ вы его и обошлете...

— Вотъ такъ ужъ дружка Богъ далъ... Вотъ такъ ужъ сердце доброе, не корыстное... Какъ ужъ васъ и благодарить-то не знаю... Кабы маленько помоложе была, разливала бы молодца: тоже, бывало, и я не изъ послѣднихъ слыла; какъ еще гонялись-то! только поцѣлуй — душу иной отдасть... Ну, да ужъ вотъ завтра придешь, да насъ этакъ утѣшишь, велю Паранькѣ поцѣловать... Ишь ты, еще красѣть... ровно дѣвка красная... А оставь-ка однихъ!.. А вотъ что, паренекъ милый, не ходи ты теперь и впрямду на гулянку, а и пойдешь, не лѣзь на людяхъ къ Паранькѣ... Тутъ всё кою нея увиваются, отбою нѣтъ, а ты чужестранный, да заприимѣть, что ты къ ней, а она къ тебѣ льнетъ — тотчасъ бока намнутъ, повредятъ еще какъ... Срамота-то срамотой и на нее огласна, а еще кто знаетъ, что промежъ васъ будетъ... А придешь ты къ намъ будемъ, придешь тихо, смирно, прямо въ набу: хопъ и примѣть, такъ вому какое дѣло? — да опить же у матери на глазахъ... Такъ не ходи, Федоръ Герасимичъ, а пойдешь — виду не давай, съ Паранькой не заигрывай... Я, вѣдь, баба-то бывалая, на своемъ вѣку много всего видѣла, и худого и хорошаго; изъ-за меня промежъ мужиковъ тоже свары-то бывали, да еще какія... Такъ ты меня слушай... У меня и Паранькѣ одна наука: ты ихъ всѣхъ подпускай къ себѣ, только не больно близко и одному передъ другимъ ходу не давай, а пускай они крутятся, да грызутся оноею тебѣ, промежъ собой... Здѣсь, вѣдь, какой народъ: кто получше-то, позажиточнѣе, такъ смотреть какъ бы такъ дѣву-то красивую обойти, на кривикъ, а невѣсть-то ищутъ нѣтъ ли гдѣ около сундука съ деньгами, хотъ бы и корявую-какую — все равно, лишь бы съ деньгами; а голъ-то перекатная, пожалуй, хотъ сейчасъ сватовъ пришлютъ, и присылали, да нѣтъ, лихъ, — моя Паранька не изъ таковскихъ: будетъ ужъ, я сама въ бѣдности-то намагалась, знаю; тоже не хуже ея была, да за бѣднаго попала — всю жизнь вотъ и маюсь... Ну, такъ приходи же... Ждать будемъ...

Бѣда не утерпѣлъ и зашелъ на гулянку; но не подходилъ къ Паранькѣ, и только издали поглядѣлъ на нее. Она тоже, какъ и давеча, не показывала даже виду, что замѣчаетъ его...

V.

Федя пришел домой въ этотъ день точно въ какомъ чадѣ, точно отуманенный, или опоенный какою-то зельемъ: онъ не могъ путемъ говорить, отвѣчалъ не впопадъ, потеропился уйдти спать, но не могъ уснуть и лежалъ чуть не до свѣту съ открытыми глазами и съ неотступной мыслью, что онъ завтра опять пойдетъ въ Онучино, увидитъ Параню, будетъ сидѣть съ ней, разговаривать и можетъ быть... поцѣлуется ея... Пошутила или вправду общала это Дарья Тихоновна... И какая она, эта Дарья Тихоновна, добрая, чудесная, и умная и ласковая, и открытая... И какіе она хорошіе совѣты даетъ дочери: и въ самъ-дѣлъ, пускай ихъ гривутся около нея, только бы она никого къ себѣ не подпускала... И развѣ кто-нибудь изъ нихъ годится ей въ мужа?.. Всѣхъ онъ ихъ видѣлъ... Развѣ ей такого мужа надо?.. А какого?.. Вотъ когда онъ ее выучитъ грамотѣ, а самъ разбогатеетъ... онъ непременно разбогатеетъ!.. вотъ тогда... И зачѣмъ онъ такіа бѣдныя... ахъ, какія бѣдныя! лошади нѣтъ... Коровка-то еще есть ли?.. Все имъ отдамъ, все, что есть... И что послѣ буду зарабатывать, все имъ отдавать... Долго ждать, пока разбогатею... А теперь, пожалуй, и ее мать не отдастъ, да и мой отецъ упрется: тоже деньги любить, тоже побогаче для меня ищеть... Чего добраго, и Федотъ Семенычъ будетъ противъ того, чтобы я женился на ней... Развѣ попытать, сказать ему?.. Нѣтъ, нѣтъ, и думать нечего... Никому не скажу... Да еще, пожалуй, и она-то сама не пойдетъ за меня... Что я-то такое? Что за богатъ? Въ чужомъ дому живу, своего — ничего... Еще и полюбить ли она меня?.. А вотъ завтра... завтра пойду, отнесу... Можетъ, Дарья Тихоновна и не пошутила, а вправду... Завтра все видно будетъ, только бы дожить...

И это завтра, наконецъ, наступило. Федя сосчиталъ свои деньги. Ихъ оказалось даже больше двѣнадцати рублей: онъ копилъ ихъ давно уже, собираясь, по совѣту Василья Якимыча, сдѣлать модель какой-то машины, которая свадывалась въ головѣ Феди. Теперь онъ положилъ ихъ въ карманъ, чтобы съ радостью отдать для другой цѣли. Управивши, не съ обыкновенною аккуратностью, всѣ работы по дому, вскорѣ послѣ обѣда онъ ушелъ опять въ Онучино. Тамъ еще справляли по домамъ праздники, но гулянки уже не было и деревенская улица была пуста. Федя, нѣбѣмъ не замѣченный, вошелъ въ избу Дарьи Тихоновны, но у нея были гости. Два пьяные, молодые еще, мужика сидѣли передъ столомъ

по сторонамъ хозяйки и одною рукою обнявши ее, а другою размахивая, покачиваясь и притопывая, пѣли веселую пѣсню. На столѣ валялся опрокинутый штофъ, какіе-то объѣдки и виднѣлись слѣды пролитаго или расплесканнаго питья. Хозяйка сидѣла между ними краснѣвшая, поддѣвала и, какъ показалось Ѳедѣ, тоже была черезъ-чуръ весела. Онъ остановился у дверей не безъ смущенія и оглянулъ избу: ни Парани, ни Николки въ ней не было. За пѣсней и топаньемъ Ѳедю не сразу замѣтили и онъ стоялъ нѣкоторое время, не зная что дѣлать: поздороваться ли съ хозяйкой, или уйти. Съ удивленіемъ онъ смотрѣлъ, какъ то одинъ гость, то другой, среди пѣнія, цѣловали хозяйку и цѣловались другъ съ другомъ, причемъ Дарья Тихоновна только посмѣивалась, да слегка отстранялась. Наконецъ, она увидѣла Ѳедю и засуетилась.

— Ахъ, гость дорогой!.. Пустите вы, черти пьяные... Вотъ оглашенные!..

Съ трудомъ вырвалась она изъ рукъ своихъ гостей и подбѣжала къ Ѳедѣ, поправляя нѣсколько сдвинутый на головѣ платокъ.

— Не ждали сегодня, не чаяли... Здравствуйте, Ѳедоръ Герасимычъ... А у меня вонъ... свояки сошлись... праздники догуливаютъ...

— Кто такой?..—перебилъ ее громкимъ пьянымъ голосомъ одинъ изъ свояковъ.

— Какой такой человѣкъ... незнамый?..—подхватилъ другой, колотя кулакомъ по столу.—Вонъ!.. Чтобы не было...

— Молчите вы, оглашенные...,—винулась къ нимъ Дарья Тихоновна.—Къ Николкѣ моему... отъ учителя... Насчетъ науки.. Николка-то убѣждалъ... Поди на улицѣ гдѣ...—продолжала она, снова перебѣгая къ Ѳедѣ, и видимо смущенная.—Подъ, родной, Ѳедоръ Герасимычъ, пройди по улицѣ-то: гдѣ-нибудь увидишь его... Николку-то... Увидишь, возьми его съ собой, приводи сюда...

Она торопливо старалась почти вытолкнуть Ѳедю за порогъ дверей и отвлечь его вниманіе отъ пьяныхъ гостей, которые продолжали шумѣть.

— Ты походи, Ѳедоръ Герасимычъ, по улицѣ-то,—говорила она ему уже на крыльцѣ, затворивши за собою дверь въ избу,—а я покамъ выжарю отъ себя пьяницъ-то... Ворвались, оголѣлые... Что поддѣлаешь, праздники!.. Опять же въ родствѣ: никакъ нельзя... А они вонъ какіе!.. Того смотри, тотчасъ и въ драку... Неспкойны пьяные-то... Ты пройдишь, батюшка, разъ, другой,

во улей-то, и Николку-то найдешь, а можешь и Параньку тебя увидеть: гдѣ-нибудь сидить съ дѣвками... Увидить, тоже приоб-жить... А я ихъ живымъ манеромъ выживу...

Дарья Тихоновна говорила все это несвязно, торопясь воротиться въ избу, гдѣ оставленные гости шумѣли и звали ее.

Оедю смутила и озадачила вся эта сцена, но онъ не могъ долго задумываться надъ нею: всѣ его мысли были направлены къ Паранѣ. Онъ думалъ только о ней, искалъ только ее одну и глазами, и сердцемъ. Идя вдоль улицы, онъ рѣшалъ для себя вопросъ: какъ ему быть, если встрѣтится съ Параней, или уви-дѣть ее сидящею гдѣ-нибудь съ подругами: кланяться ли ему съ нею, или пройти какъ незнакомому? Но его вывелъ изъ затруд-ненія Николка. Онъ вдругъ явился передъ нимъ, точно изъ земли выросъ. Оказалось, что онъ игралъ на задворкахъ съ ребятами, и, когда Оеда проходилъ мимо одного проулка, увидѣлъ его, узналъ и подбѣжалъ.

— Куда же ты идешь? — спросилъ онъ Оеда.

Тотъ объяснилъ и raccontалъ, что засталъ у матери гостей и что она почти выпроводила его.

— Кто это? Здѣшніе, что ли? — спросилъ онъ Николку. — Сродственники ваши?

— Каки сродственники!.. Такъ, гулящіе они... Здѣшніе: Иванъ да Кузьма... Дружки они мамкины... Завсегда у насъ гуляютъ... Когда одинъ по одному ходятъ, а иногда и вдвоемъ... Иной разъ раздерутся, а другой и ничего—оба вмѣстѣ сидятъ—пьютъ, да пѣсни поютъ...

— А Параня... Парасковья-то Михайловна гдѣ же?..—дро-гнувшимъ голосомъ спросилъ Оеда.

— А она, поди, гдѣ-нибудь съ дѣвками... Ужъ коли тѣ придутъ къ мамкѣ, Паранькѣ дома не сидѣть...

— Отчего?

— Мамка завсегда ужъ насъ обонхъ съ ней гоняетъ вонъ изъ избы... потому—безобразятъ... и къ Паранькѣ лѣзутъ... Съ ними ничего не подѣлаешь!.. Такъ ужъ который придетъ, да коли пьяный, Паранька и сама тотчасъ уйдетъ... къ сусѣдамъ...

У Оеди захватило духъ.

— Такъ зачѣмъ же ихъ мамка-то пущаетъ?.. Она бы про-гнала ихъ...

— Да какъ ихъ прогонимъ?.. Наше сиротское дѣло, а они тоже носятъ: не съ пустыми руками ходятъ... Иванъ-отъ особ-ливо: онъ богатый былъ, только прожилъ, сказываютъ, прожо-

такая вовсе... У жены-то, чу, шубу прошилъ, правду ли, нѣтъ ли—сказываютъ...

— Развѣ онъ женатый?

— Таеъ неужто?.. Оба женатые... Пушай Иванъ-то одинокій, а Кузьма-то—тотъ дѣтныи... Жена-то, сказываютъ, бьетъ его...

Николае усмѣхнулся.

— А у тебя тѣтка-то давно померъ?

— Давно... Я не помню... Онъ изъ дворовыхъ, сказываютъ, высаженъ... Хворей, чу, былъ, не долго пожилъ... И мамка-то, нѣтъ, за господами жила въ дѣвкахъ-то... Ихъ обѣнчали, да и высадили сюда... въ деревню...

— Вотъ я денегъ-то принесъ... Будешь ли учиться-то? Станешь ли въ училище-то ходить?..

— Стану. Отчего не ходить... Все лучше, чѣмъ въ подпаскахъ-то... У насъ Василій Якимычъ добрый: ни дерется, ни что... А обучусь, тогда въ писаря можно, али по торговой части... А вонъ Паранька-то, вонъ, съ дѣвками, да съ парнями на завалинѣ сидятъ... Позвать, что ли, ее?

— Позови... Нѣтъ, постой... Ты вотъ что... Пойдемъ назадъ, къ вамъ въ избу: можетъ, тѣ ушли... Ты посмотри: коли тѣ ушли, тогда я войду, а ты тогда сбѣгай, позови сестру-то: про меня-то ничего не говори, а скажи, что мамка зоветъ...

— Ну, ладно...

Въ избѣ оставалась уже одна Дарья Тихоновна, которая успѣла даже уничтожить на столѣ признаки происшедшей попойки и выставила остатки праздничнаго угощенія: крендели и пряники. Она поджидала Федю, и видимо старалась придать лицу своему солидное и степенное выраженіе.

— Вотъ въ какую компанію попалъ-было, Федоръ Герасимычъ... Чтѣ подѣлалъ: праздникъ, гуляютъ!.. Мужика въ домѣ нѣтъ, дѣло сиротское, не выгонишь... Любо ли, не любо ли—терпи: сродниками признаются... Насилу спровадила, насилу уговорила уйти-то... Колобродятъ, да и на-поди!.. Садись-ка, гость дорогой... Ужъ никакъ не чаяла, что сегодня пожалуешь... Что Параньки-то не встрѣтилъ, не видалъ?

— Видѣлъ... издальки... А я вотъ на счетъ денегъ-то, чтобы васъ успокоить... для Николахи, чтобы опять въ ученье-то его...

— Ахъ, покернѣйше благодарю... Вотъ ужъ истинно благодѣтеля Богъ далъ... Видать, что человѣкъ настоящій, добрый, а не на словахъ на однихъ... Позабавься, батюшка, отвѣдай чего-

нибудь, нашего-то, спротскаго, угонченнаго... Не обезсудьте... Вотъ хоть пряничковъ... Покупай, милый...

Она усердно навязывала ему тарелеу съ пряниками и онъ, изъ приличія, взявъ нѣсколько штукъ.

— Вотъ, вѣдь, бѣдность-то наша: чайкомъ бы надо угостить дорогаго гостя, а у меня и самовара-то нѣтъ... Былъ и самоварчикъ-то, да отъ нужды продала... Да, вотъ жизнь-то моя какаа!.. А, вѣдь, на чаю выросла: какъ же... въ господскомъ дому, при господахъ, въ горницахъ выросла!.. И теперь еще барыней кличутъ... Да барыней бы мнѣ и быть, кабы не злые люди... Такъ меня молодой баринъ любилъ, такъ любилъ!.. Быть бы мнѣ барыней, да ужъ, видно, такова моя судьба горькая... Вѣдь, и Параня-то моя барской крови-то, не простой... Ужъ сказать тебѣ, не солгать... по всей, по душѣ... Да этого и не спрячешь: по виду видать, что не мужицкой крови, али не простой... Въ догадку ли вамъ это, Ѳедоръ Герасимычъ, ну-ка, скажи по правдѣ?..

Ѳедѣ было очень неловко и тяжело при этихъ разсказахъ: ему вспомнился вдругъ учитель Василій Якимычъ, его горячія рѣчи о личномъ человѣческомъ достоинствѣ, объ общественныхъ отношеніяхъ, о незаслуженныхъ привилегіяхъ, о злоупотребленіяхъ ими, и многое, многое, что ему самому приходило въ голову, волновало и возбуждало его молодую мысль и сердце. Онъ не хотѣлъ отвѣчать на вопросъ Дарьи Тихоновны, но она опять повторила его.

— Нѣтъ, да ты правду мнѣ скажи: неужто ты такъ и думалъ, что она изъ нашего, простого, рода?.. Неужто тебѣ такъ ничего и не вступало въ голову?

— Для меня это все равно,—проговорилъ Ѳедя, нахмурившись, почти сердито.

— Да развѣ въ нашемъ роду экія красавицы бывають?.. Посмотри-на, обойди всю деревню, есть ли хоть одна сунротивъ ея?..

— Да, вѣдь, вотъ вы сами же говорите, что красивѣе ея были, а изъ нашего же, вѣдь, рода, изъ мужицкаго, чай, не изъ барскаго?..

— А кто знаетъ? а почему знать? Можетъ, я только не знаю, а у насъ, бывало, во дворѣ, при господахъ, всего много случалось... И неразберимое дѣло, что было... А отчего дворовая всегда въ отличію отъ простой бабы деревенской?.. Отъ этого самаго... отъ крови!..

Ѳедя еще больше насупился, такъ что Дарья Тихоновна, не-

смотря на свое возбужденное состояніе, замѣтила это и спохватилась.

— Али вы госнодь-то не любите?.. Знаю я, нинѣшніе молодцы изъ крестьянства, особливо грамотные да ученые, сами себя высоко понимаютъ... То и хорошо, что говоритъ!.. А только что и промежъ госнодь хорошіе есть люди... не все худые... Вѣдь, и въ крестьянствѣ-то этакіхъ, какъ вы, не много... Вотъ и умный, и степенный, и непьющій, и добрый... Вонъ какого Богъ уродилъ!.. А много ли этакіхъ-то?.. А все больше либо буянъ, либо пьяница, либо озорникъ какой... Извѣстно, кабы этакіхъ побольше, какъ вы... и мужички бы тогда въ ходъ пошли... Что это, Паранька-то долго не идетъ... Вамъ со мной, съ одной, скучно водиться-то... Поди, чай, бѣжалъ только и думаешь, чтобы какъ Параньку повидать?.. Не чаяла я, не чаяла, что сегодня придете: не пустила бы ее изъ дома...

Федя сконфузился.

— Нѣтъ, вѣдь, я только, чтобы насчетъ денегъ поскорѣй... какъ Николахъ завтра идти бы надо въ Колосово... Вотъ получите... Я принесъ...

Федѣ, въ надеждѣ на полученіе обѣщаннаго вчера вознагражденія, хотѣлось-было отдать эти деньги непременно въ присутствіи Парани, но не вышло: онъ не сумѣлъ этого сдѣлать и внутренно сердился на себя. Онъ опечалился еще болѣе, когда Параня вошла въ избу тотчасъ послѣ того, какъ Дарья Тихоновна, получа деньги, рассыпалась въ благодарностяхъ, прослезилась и, въ припадкѣ чувствительности, даже расплывалась Федю и уже успѣла спрятать деньги. Появленіе Парани давало разговоръ другой оборотъ: мать спросила ее, гдѣ она была, рассказала со смѣхомъ, какихъ пьяныхъ гостей застала у нея Федя, а о деньгахъ и обѣщанной за нихъ наградѣ даже и не упомянула, точно забыла совсѣмъ, или считала Федю вполне вознагражденнымъ, а свою ласку достаточно замѣнившюю ту, о которой юноша мечталъ всю ночь. Параня принесла съ собою опять ясное солнышко, но несбывшаяся надежда томила Федю, и не давала мѣста тому полному счастью, той радости и блаженству, которое онъ испытывалъ наканунѣ. Можетъ быть, этотъ поцѣлуй при свидѣтеляхъ, не добровольный, а по приказу, и притомъ какъ-бы купленный, не доставилъ бы Федѣ такого наслажденія, какого онъ ожидалъ, но все-таки онъ ждалъ его и терзался, что надежда его не осуществилась, сердился на мать и еще больше на себя самого.

Вообще весь этотъ день былъ какъ-то неудаченъ и не оправ-

дать ожиданій Оеди. Сцена, которую онъ засталъ, и потокъ бесѣда съ матерью произвели на него тяжелое, непріятное, какое-то гнетущее впечатлѣніе. Параня была тоже какъ будто скучна, не показала радости при свиданіи съ нимъ, смотрѣла равнодушно, не кокетничала, была неразговорчива: Оедя не встрѣчалъ тѣхъ вызывающихъ взглядовъ и улыбокъ, которыя наканунѣ заставляли бить такую тревогу его сердце; ему показались даже, что Параня была какъ будто печальна и недовольна. Дарья Тихонова, напротивъ, была очень весела, не въ мѣру ласкова и надобѣдала своей болтовней, точно на этотъ разъ мать съ дочерью обмѣнялись ролями. Отъ всего этого въ душу Оеди забиралась какая-то тоска, недовольство: онъ сидѣлъ молча, опустил голову, и чувствовалъ, что былъ очень скучнымъ собесѣдникомъ. Онъ и домой ушелъ въ этотъ день такой разстроенный и печальный, точно съ нимъ случилось какое несчастье. Его не утѣшало даже и настойчивое, неоднократно повторенное приглашеніе: заходить почаще.

VI.

Тяжело было Оедѣ пережить нѣсколько дней до новаго свиданія съ Параней. Онъ не рѣшался идти въ скоромъ времени, чтобы не обратить вниманія домашнихъ и постороннихъ: робкое чувство, которое онъ испытывалъ, требовало тайны, пряталось на дно души, стыдилось показываться на чужіе глаза. Въ тотъ день, когда Оедѣ казалось можно уже идти въ Онучино, не возбуждая подозрѣній, онъ дома все-таки сказалъ, что идетъ въ село къ учителю, хотя его никто никогда не спрашивалъ, куда онъ отлучается. И Оедя, дѣйствительно, задумалъ сначала забѣжать для вида къ Василию Якимичу, на нѣсколько минутъ, хотя это ему было вовсе не по дорогѣ.

— Что давно тебя не видно?—спросилъ учитель.

— Да вотъ все за дѣлами,—отвѣчалъ Оедя.

— За какими дѣлами-то?—съ какой-то особенной, странной улыбкой переспросилъ Василій Якимичъ.

— А какъ же, мало ли въ дому дѣла?.. Къ папигѣ припасаемся... Пахать скоро приниматься надо...

— Али въ Онучинѣ землю въ аренду снялъ?

— Какъ въ Онучинѣ?—отозвался Оедя, краснѣя.

Учитель, смотрѣвшій на него, захохоталъ.

— Ахъ, ты, чудакъ, чудакъ!.. Признавайся: втюрился, что ли?

— Я... ничево!..—глухо и растерянно возразилъ юноша.

Учитель захохоталъ еще громче. Оедю поворобило отъ этого смѣха.

— Да надѣ чѣмъ же... вы?.. Что я погулять-то сходилъ въ Онутино о праздники?..

— Полно ты мнѣ хитрить!.. Признавайся, говорю, лучше!.. Вѣдь, я все узналъ...

— Да чтó вы узнали?.. Ничего нѣтъ...

— Какъ ничего нѣтъ?.. Я думалъ, онъ тихій, робкій... женскаго селовія боятся, а онъ оказывается ходокъ по этой части, хоть и тихоня...

— Да что вы, Василий Якимыч!.. Право же ничего не было...

— Ну, не было, такъ будетъ... Да ты чтó же? Не конфузился очень-то... Это ничего... Подури, воли блажь нашла!.. только не давай себя очень болванить-то, а то пожалуй обо-брать-то оберутъ, да еще дуракомъ сдѣлаютъ...

— Да чтó же вы узнали такое?.. Скажите же мнѣ...

— Да какъ чтó, братецъ? Все узналъ... Прихожу какъ-то въ школу: мальчишекъ теперь ужъ мало ходитъ, одинъ по одному каждый день убываютъ, такъ и таетъ классъ, точно снѣгъ весной... Недаромъ же и тепло стало... А тутъ смотрю—прибылой: вынелъ-было и опять появился; взяли въ подпаски, обругали еще меня тогда, что я этимъ ученьемъ только бѣдняковъ притѣсняю, а тутъ вдругъ опять въ школу поступаетъ... да еще какой?.. что ни на есть самый нищенщелъ, Ниволка изъ Онутина... Чтó за чудеса такіа!..—Да, вѣдь, тебя, спрашиваю, въ подпаски хотѣли отдать? — «Отдавали, говорить, да опять взяли.» — Съ чего же это такъ? али не погодился? — «Нѣтъ, чтобы доучился поскорѣе»...—Да, вѣдь, у васъ дома ѣсть нечего: оттого тебя и взяли изъ училища, и въ пастухи хотѣли отдать?.. «Теперь, сказываютъ, у насъ благодѣтель проявился: общался всю семью прокормить, только бы я учился»... — Фу ты, чортъ, думаю, откуда этакая благодать... Что у насъ за пропагандистъ такой явился?.. Заинтересовало это меня... Началъ выпытывать мальчишку и допытался: вотъ кто у насъ этотъ благодѣтель и пропагандистъ—Оедоръ Герасимыч!.. Признаться сказать: сначала-то я даже въ удивленіе пришелъ, хотѣлъ, какъ увижу тебя, на него броситься... А послѣ какъ вспомнилъ, что тамъ эта сестренка быстроглазая есть, правда хорошенькая, чортъ ее дери!.. да еще разузналъ кое-что... Ну, поестыль отъ восторговъ... А все-таки похвально: по крайней мѣрѣ хоть мальчишка грамотѣ выучится, хоть не совсѣмъ даромъ деньги брошены... И что это, однако, наша жизнь

за лужа такая грязная, омутъ какой-то вонючій, — заговорилъ вдругъ Василій Якимычъ желчнымъ тономъ: чтобы мальчишкѣ обучиться грамотѣ, нужно, чтобы у него была сестра красивая и чтобы нашелся на нее охотникъ съ деньгами...

— Да вы что же думаете, — шоривисто перебилъ его Оеда... — Я, вѣдь, не изъ чего-нибудь... Я, вѣдь, только чтобы учился Николка... Вы напрасно думаете: онѣ не такія... И я не изъ-за того совѣмъ...

— Ахъ, ужъ ты мнѣ, только не рисуйся... Терпѣть этого не могу... Видите: безкорыстнымъ благодѣтелемъ хочется остаться!.. А что ужъ тутъ финтить, говори на чистоту!.. Вѣдь, не будь у Николки красивой сестры, да не вздумай ты къ ней примазаться, тебѣ бы и въ голову не пришло тратить, можетъ быть, послѣднія деньги на его ученье... и не подумалъ бы!.. А ты все же лучше другихъ: хоть и про себя хлопочешь, да въ то же время и другому пользу хочешь сдѣлать... А что онѣ не *такія-то*, такъ это ужъ, братъ, ты врешь... Я справки наводилъ, спрашивалъ: matka-то гулена извѣстная, всѣ ее знаютъ кругомъ... Ну, значить, и дочка...

— Нѣтъ, Василій Якимычъ, нѣтъ, не правда... — съ азартомъ перервалъ его Оеда, и вдругъ вспомнилъ сцену, которую видѣлъ въ избѣ Дарьи Тихоновны. — Я не знаю про мать... а дочь — нѣтъ, она честная дѣвушка, скромная!.. Она не такая, это неправда!..

— Да ты ужъ, братъ, не въ невѣсты ли себя прочинь ее... Не надумалъ ли жениться на ней?.. — спросилъ учитель.

— Я не знаю... Я ничего не думалъ... А только что...

Въ голосѣ Оеди слышались слезы.

— Оедоръ... чудаки!.. Да ты и вправду, видно, втюрился въ нее... Ты признайся мнѣ: неужто и въ самомъ дѣлѣ ты не такъ только, а и жениться бы на ней не прочь?..

— Ахъ, не спрашивайте вы меня, Василій Якимычъ... Ничего я не знаю... ничего и не думалъ... Только не ругайте вы ее, не срамите... Тошно мнѣ, тяжело... вотъ какъ!.. Ей-Богу!..

Оеда не удержался, заплакалъ и выбѣжалъ отъ учителя, не простившись съ нимъ.

На улицѣ онъ спрятался за уголъ какого-то зданія и плакалъ долго и на взрыдъ, не сознавая о чемъ, не думая о причинѣ этихъ слезъ. Проплакавшись, онъ уже не могъ идти опять къ Василю Якимычу даже для того, чтобы хоть попрощаться съ нимъ, но сворымъ шагомъ, чуть не бѣгомъ, пошелъ въ Ону-чино.

Съ замираніемъ сердца, съ чувствомъ какого-то безотчетнаго страха, точно передъ бѣдою, подходилъ Оеда къ дому Дарьи Тихоновны. Въ избѣ онъ встрѣтилъ одну только Параню; матери не было. Дѣвушка радостно вскрикнула, увидѣвши его.

— Ахъ, на силу-то пришелъ... А ужъ мы ждали, ждали... Глаза даже всѣ просмотрѣли, ждавши...—говорила она.—Садитесь, гости будете... Чтой-то вы долго не шли въ намъ?..

Оеда не могъ унять замираніе сердца, теперь радостное, не могъ собраться съ силами, чтобы заговорить, а стоялъ и смотрѣлъ на Параню съ такимъ восторгомъ, съ такимъ упоеніемъ, что показался ей страннымъ и даже смѣшнымъ.

— Ай, да чтой-то вы какой...—сказала она, едва удерживаясь отъ смѣха.—Ровно безъ языка... Чтѣ не говорите ничего?.. Садитесь, молъ, гости будете... То не шелъ, а теперь вонъ какой... Ровно глумные...

Но, взглянувъ пристальнѣе въ глаза Оеди, Параня вдругъ покраснѣла, потупилась, смущенно отошла отъ Оеди и усѣлась на лавку подалѣе отъ него.

— Маменька съ Ниеолкой по грибы пошли: сморчки отошли, стройки, сказываютъ, прошибаться стали..., — проговорила она, чтобы прекратить молчаніе.

— А вы что же не пошли?..—спросилъ Оеда.

— Кабы пошла, такъ и избу бы запереть... Тогда бы и вы пришли, только бы замку поклониться...

— А вы развѣ меня ждали?

— Почему я знала, когда вы придете... Какъ ждать-то?.. Кабы сказали тогда, въ тотъ день приду, такъ и ждали бы... А не охоча я за этими грибами-то ходить: грибъ-то пустой — строевъ... Кабы за бѣлыми... вотъ то другое дѣло... Охотно и брать...

— Значить, не ждали. А вы какъ же сказали, что всѣ глаза проглядѣли, ждавши.

— Знамо глядишь... Какъ же не смотрѣть-то, коли глаза есть... На то и глаза... А вы вонъ давѣ вошли, глаза-то уставилъ, а ровно и не видите ничего... Съ попыховъ, что ли, вы это съ какихъ?.. Бѣжали что ли невѣдомо отъ кого?..

Параня фыркнула и закрылась передникомъ.

— Вамъ смѣшно, а мнѣ, можетъ быть, не до того было... Бѣжалъ къ вамъ точно, запыхался, да и увидѣлъ —и духъ совсѣмъ захватило...

— Съ чего это?..

— Съ чего?.. А съ радости, что васъ увидалъ!..

— Велика радость!.. Я не писаная какая!.. Эхихъ много...

— Нѣтъ писаная... и такихъ нѣту другихъ... а не то — много!..

— Чего же вы не шли-то долго?

— А вамъ что до меня?.. Вамъ, чай, все равно... И не вспоминали, чай?..

— Ну, вотъ все объ одномъ-то... Не буду вамъ все одно да одно сказывать...

— Вамъ все равно, а я тотъ разъ ушелъ, ровно свѣтъ у меня отъ глазъ закрылся, да такъ всю недѣлю и маялся... Заѣла меня тоска...

— Съ чего такъ?..

— Извѣстно съ чего... По васъ...

— Вона!.. Послушай васъ, вы наговорите!..

— Я что ни говорю, у меня все одно, и все изъ самого сердца... А вы разъ такъ, а другой—по другому...

— Ничего не по другому, а все одно...

— Что же одно-то?..

— А у васъ что?

— У меня? А вотъ что: какъ сегодня, такъ и вчера, какъ увидѣлъ васъ, такъ и по сейчасъ, только и думаю, и заботушки, что вы однѣ... И лягу—думаю, и встану—думаю, и во снѣ на глазахъ стоите... И нѣтъ мнѣ лучше, нѣтъ мнѣ краше...

— А я-то какъ же? я-то какъ же?—перебила его Параня и еще подальше отодвинулась отъ Ѳеди.

— А вы?.. Вы вотъ какъ: сегодня взглянули — ровно солнышкомъ освѣтила, на другорядъ—и не смотреть, и не признаетъ, сегодня—говорите и сладко и ласково, а завтра, въ бесѣдѣ-то сидите ровно вамъ и скучно, и противно, и говорить-то съ человѣкомъ охоты нѣтъ...

— Такъ развѣ такъ я?..

— Такъ, такъ точно...

— Такъ мнѣ этакъ и слѣдъ, потому мы дѣвушки: на насъ смотреть, осуждаютъ... Съ васъ никто не спроситъ, а съ насъ спрашиваютъ... Поди-ка, поведи себя безъ береженья, такъ и ослабятъ... Вашъ же братъ, первые—ослабятъ... Послѣ и жениха путнаго не найдешь: такъ въ дѣвкахъ и засидишься...

— Кабы полюбили человѣка какого, не стали бы этакъ дѣлать, потому это ему одна мука: никакъ не примѣнишься...

— Любить-то намъ, дѣвкамъ, не приходится, потому одинъ обманъ бываетъ... А вотъ выйдетъ дѣвка замужъ, станетъ бабой, тутъ и любить станетъ...

— Да, вѣдь, какъ же ему жениться, коли онъ не знаетъ, любить его дѣвца, или нѣтъ... Ему и жениться нельзя...

— А пускай смотритъ: на то и глаза... Плоха та дѣвка, что сама на него вѣшается... Я, вѣдь, понимаю, на-счетъ чего вы это заводите, что сегодня такъ, а завтра по другому: что я тогда на гулянкѣ-то виду не дала, что васъ признала... А какъ же мнѣ было?.. Вы человѣкъ незнаемый, чужестранный, и сама-то я одинока только васъ видѣла, да стала бы я съ вами играть, да въ хороводъ зазывать, такъ всѣ бы наняли дѣвки и парни-то и не вѣсть что опослѣ того распустили бы про меня... Вотъ что!.. Да и вы то бы сами то же сдумали...

— Нѣтъ, это я такъ и понималъ!.. А вотъ въ последний-то разъ, какъ я былъ, ровно вы и не рады были, что я пришелъ...

— Не рада и есть: мамонька была не въ себѣ, у насъ въ дому гостей застали... Развѣ дѣвушкѣ это лестно?.. Я сама на-смерть этихъ гостей не люблю... Да что дѣлать, коли нужда наша заставляетъ? мы на сиротскомъ положеніи живемъ; матушка съ маленькими съ нами осталась: надо было поднять, выморить... Да и теперь пить, ѣсть, одѣться нужно...

— Такъ неужто правда, что...—началъ было Федя, но вдругъ остановился и сконфузился.

— Что, что, правда?..

— Нѣтъ, я такъ... не о томъ...

— Матушка всегда говорить: я чужого не возьму, не украду, и въ міръ съ копейке не ходила, и на міру не сумятица!.. А кому какое дѣло, какъ я живу сама про себя: шуму отъ меня, беспокойства никому никакого нѣтъ... Что женатые къ ней ходятъ, да носятъ, такъ она не виновата: видно, жены за мужьями смотрѣть не умѣютъ, да при своемъ дому держать... Не ко мнѣ, говорить, такъ въ другое мѣсто убѣгутъ, еще хуже домъ разорять... А ужъ что говорить: не больно сладко такъ жить-то, да дѣлать нечего... Тоже иной разъ пьяные-то и подерутся, и пошумать—всяко бываетъ...

Федѣ сдѣлалось очень тяжело и больно на сердцѣ отъ этихъ рѣчей.

— Да, вѣдь, живутъ же люди и безъ этого: работаютъ, промышляютъ, и кормятся, и семьи поднимаютъ...

— Да чѣмъ мамонькѣ промышлять-то, здѣсь, въ деревнѣ? она никакой полевой работы не знаетъ, отъ роду не жинала... только и есть что вотъ пошить когда на попадѣю да поповенъ, такъ развѣ придется два платья въ годъ—на этомъ не разживешься!.. Въ чужіе люди, въ работницы, идти—съ малыми ребя-

тами никто не возьметъ, а раздать насъ по людямъ матушкѣ пожалѣлось... Ну, а подростать стали, теперь и особливо матушкѣ не захочется уйти отъ своей избы, да и отъ насъ: вотъ и перебываемся...

— А какъ же вы-то, Парасковья Михайловна?.. Вы-то какъ же?..

— Что я?.. На-счесть чего это?..

— А на-счесть... всего... Тоже, чай, чѣмъ-нибудь для дома стараетесь?.. Къ чему-нибудь да приучены же?.. Какую ни на есть работу знаете?

— А какая моя работа?.. Сначала съ братишкой водилась... А тутъ, какъ онъ на ноги всталъ, я по мужикамъ въ нянькахъ жила, изъ хлѣба да изъ одежды... Годковъ тринадцати барыня одна небогатая выпросила-было меня у мамоньки въ услуженіе къ себѣ, общала всему научить... И ничего, не обижала меня, нечего сказать, житье мнѣ было не плохое, только и ученья никакого не было: больше все на послушкахъ, да на побѣгушкахъ, то подай, да въ этомъ прислужи... зимой въ комнатахъ, а лѣтомъ больше все около птицы... Чулки, правда, выучила вязать: обвязывала ее... навязала и невѣдомо сколько, поди, чай, и теперь мою работу носить!.. Прожила я у нея года съ полтора, а тутъ матушка опять меня взяла къ себѣ: корысти-то, говорить, отъ этого житья не много, а того смотри—избалуеться одна, пропадешь ни за грошъ: подростать очень ужъ я стала... А лучше же, говорить, я тебѣ жениха принцу достаточнаго, да выдамъ замужъ... За бѣднаго, говорить, ни за что не отдамъ... Да вотъ богатые-то не больно сватаются: голую-то тоже никому не нужно, да и къ крестьянской работѣ, знаютъ, не сручна... Такъ-то вонъ подбѣзжаетъ вашего брата много, сколь угодно... И такіе есть лѣбдыри: проходу не дають!.. А чтобы по хорошему, по закону, изъ-подъ святого вѣнца... были и такіе... да намъ не подходящіе...

— А какіе же?..

— Да какіе?.. Либо самому ѣсть нечего, либо пьяницы пропойные, либо вдовцы дѣтныя... Да, вѣдь, и тѣ: придуть да спрашиваютъ: одежда какая есть-ли, да что дѣлать умѣю?.. Мамонька, спасибо, ихъ скоро спроваживала: теперь ужъ узнали, давно и сватовъ не посылають..

— Парасковья Михайловна... Паранюшка... скажите мнѣ всю правду,—заговорилъ Федя нерѣшительнымъ дрожащимъ голосомъ:—неужто же нѣтъ у васъ вовсе человѣчка такого... по мысли, по сердцу... чтобы и вы къ нему и онъ къ вамъ?.. Вѣдь,

этакая вы... кажись, тутъ бы душу самую заложилъ, изъ жилъ бы потянулся... Ни на кого бы не посмотрѣлъ... никого бы не послушалъ!.. Неужто нѣтъ во всей округѣ ни одного парня, чтобы по сердцу вамъ... и онъ бы желаніе имѣлъ и вы... и въ законный бракъ?.. Вѣдь, такой другой нѣту, какъ вы!.. Какъ, чай, и изъ вашихъ ребятъ не найтись: видать тоже... А вы-то?.. Неужто ни къ кому нѣтъ у васъ сердца?.. Скажите вы мнѣ...

— А вамъ что?.. Зачѣмъ вамъ?..

— Нѣтъ, скажите вы мнѣ... Откройте... Мнѣ нужно!..

— Да зачѣмъ вамъ?.. Почто я буду свазывать... про всякое?..

— Нужно мнѣ!.. Очень нужно!.. Нѣтъ васъ лучше на бѣломъ свѣтѣ... И коли нѣтъ у васъ никого... коли вправду вы ни кому не общались... никого не любите... Скажите вы мнѣ всю правду... безъ утайки, безъ обману... Скажите, Паранюшка...

Одя порывисто пододвинулся къ Паранѣ.

— Вишь ты какой... пытается, ровно попъ!.. Да на что вамъ?.. А вотъ не скажу...

— Вотъ мнѣ зачѣмъ... Я вотъ ни на одну дѣвку и не смотривалъ, и не говаривалъ, и не игривалъ ни съ одной... И не любилъ я ихъ и стыдился... Съ вами вотъ только... и самъ не знаю какъ... И не прожить мнѣ безъ васъ никакъ... Вотъ что... Ну, скажитесь же вы мнѣ: ни съ кѣмъ у васъ ничего не было, не любились вы, не любите?.. Паранюшка, передъ Богомъ прошу: развяжите вы мнѣ душу... признайтесь...

— Ну-ка, отстаньте и вправду... Вотъ присталъ: запыталъ совѣтъ!.. Стану я ему все рассказывать!.. Ну, хоть бы и былъ, такъ что же изъ того?.. Кому какое дѣло?..

— Былъ?..— вскрикнулъ Одя и вдругъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и точно кѣмъ оттолкнутый, невольно отодвинулся отъ Парани.

Та смотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Такъ вамъ-то что же? Не вамъ изъяснѣ.. Былъ ли, нѣтъ ли—мое дѣло, ни чье...—говорила Парана.

Одя сидѣлъ передъ нею, не смотря на нее, опушта внизъ голову. Капли пота струились по его холодному лбу, въ вискахъ стучало. Сердце у него точно кто сжалъ тисками, такъ ему было больно.

— Видишь ты: даже сомнѣлъ весь!..—проговорила Парана съ улыбкой.—А можетъ и не было ничего, можетъ и парня такого не бывало?..

Одя подыалъ робкій, почти умоляющій взглядъ на ея улыбающееся лицо.

— Нѣтъ, да вы мнѣ всю правду скажите... Не тиранъ ты меня, Параня...

— Да что вамъ?.. Экой привередливый какой!.. Что вамъ-то?..

— А вотъ что мнѣ... Коли нибого ты не любишь, ничего у тебя ни съ кѣмъ не было... Видишь ты: хоть я и при отцѣ живу, и батюшка, пожалуй, не дастъ мнѣ благословенья на тебѣ жениться... Да, можетъ, я и не богатъ про тебя... и твоя мать тебя за меня не пустить... Но коли ты мнѣ пообщаешься, я срученъ ко всему, пойду въ люди, промыслить съумѣю... И деньги у меня будутъ... Я не пропаду, сдѣлаюсь человекомъ — я знаю... Только ты пообщайся мнѣ да подожди годикъ-другой... Мы хоть не бѣдные и въ достаткахъ: у насъ и домъ, и хлѣба, и скота всякаго довольно... да все въ батюшкиныхъ рукахъ, да у старшаго брата... я меньшей... И батюшка тоже работницу будетъ мнѣ искать, чтобы и въ дому, и въ полѣ работала... да я не посмотрю ни на кого и никому не поклонюсь: все самъ про себя промыслю, только пообщайся мнѣ да дай срокъ... Вотъ, Параня, коли любъ я тебѣ... да вправду нѣтъ у тебя нибого... А коли есть...

— Да, нѣту, нѣтъ... отступись!..

— А, можетъ, было?... Параня, признайся, не обманывай лучше...

Лицо Оеди опять изображало внутреннее страданіе и страхъ.

— Да, нѣтъ же... отстань!.. Пошутила только я... Спытать захотѣлось тебя... Развѣ я не вижу?.. Давно вижу...

— Такъ я развѣ любъ тебѣ, по-душѣ пришелся?... — вскричалъ Оедя, и вдругъ бросился, обнявъ и сталъ цѣловать Параню, точно сумасшедшій. Та съ большими усиліями освободилась изъ его рукъ и отошла отъ него съ притворной досадою, приглаживая волосы и поправляя на себѣ платье.

— Вишь ты, оглашенный: развѣ такъ-то можно?.. Ты еще не женихъ вѣдь, чай... Ну, кто въ окно заглянулъ бы, что подумаютъ... Ровно чумной, право!...

Она открыла окно и просунула чрезъ него свое раскраснѣвшееся лицо.

Оедя нѣкоторое время сидѣлъ неподвижно, ничего не понимая, не сознавая, кромѣ счастья, которое широкою струею наполняло его сердце.

— Параня, подь сюда..., — проговорилъ онъ, наконецъ.

— Да, какъ же... такъ и пошла!... Больно ты прытокъ: ничего не вида, ужъ... Вдругорядъ тронешь — изъ избы прогоню!...

— Не трону больше... коли не велишь...

— А теперь я, нешто, велѣла?...

— Миѣ Дарья Тихоновна еще прежъ того обѣщала..., — пошутить Оеда.

— Ну, такъ съ нею и спрашивай... Знаю, братъ, я: она миѣ говорила, да я не больно люблю по заказу-то: нешто велѣла тогда, ушелъ ни съ чѣмъ... А съ силодору-то еще и подавно... На смерть не люблю!... Еще про людей спрашиваетъ, а самъ что дѣлаетъ... Вотъ этакой привяжется: что тутъ дѣвѣна сдѣлаетъ, коли одинъ на одинъ?..

— Такъ, вѣдь, я ни съ чего-нибудь: я съ радости, что думалъ: любишь... Ну, не сердись, Параня... Слышь: въ первый и въ послѣдній разъ... до самой свадьбы не трону!..

— Свадьба-то еще на водѣ вилами писана...

— Это, можетъ, у тебя, Параня, а у меня на сердцѣ припечатана... Да, поди, говорить, сядь сюда... Поговоримъ...

— Объ чемъ еще говорить-то?... — спросила Параня, садясь въ сторонѣ отъ Оеди.

— А, вѣдь, ты же миѣ не обѣщала еще, что подождешь-то меня?...

— Я буду ждать, а тебя женить...

— Ну, нѣтъ ужъ, ты объ этомъ не думай: и прежъ того я бы не дался по неволѣ женить-то, а теперь и подавно!..

— Ну, такъ меня матушка выдастъ...

— А ты не ходи... Нынче не прежнее время: и вашу сестру, дѣвку, нельзя насильно выдать...

— Хорошо говорить-то... А какъ не пойдешь? Пить, ѣсть нечего, а тутъ посвѣщается какой вольгостный женихъ, матушка велитъ идти: какъ не пойдешь-то?...

— Такъ отдастъ ли она тебя миѣ теперь?

— Не знаю... На врядъ ли..., особливо коли отецъ твой не наградитъ тебя и не отдѣлитъ... Въ домъ къ вамъ не пустить, да я и сама не пойду... Вотъ развѣ, что ты у старшины живешь, и въ родствѣ онъ съ вами, развѣ онъ самъ прїѣдетъ, да пообщаетъ, что наградитъ тебя... и домъ тебѣ особый поставитъ... Ну, тогда, можетъ, отдастъ... И то не знаю...

— Миѣ не хотѣлось никому говорить-то, ниѣмъ одолжаться... Да у старшины, Оедота Семеныча, своя семья... Гдѣ ему меня награждать...

— Ну, такъ какъ же быть-то?..

— Я бы самъ себѣ все промыслилъ, только бы ты меня подождала, коли любишь...

— Да, я подождать—подожду, коли никто не навяжется, да жить будетъ чѣмъ...

— Ужъ я самъ не доѣмъ, не досплю, а васъ не покину: буду всячески поддерживать, только дайте мнѣ опериться-то... Говорить ли мнѣ Дарьѣ-то Тихоновѣ про наши лады?...

— Нѣтъ, лучше не говори... Она, вѣдь, думала, ты богатѣй, что такъ деньгами-то кидаешь: тогда ничего не види на ученье-то Ванюшкѣ далъ...

— Я тогда останные отдалъ...

— Да чѣмъ ты думаешь промышлять-то?... Не пустые ли то разговоры только?...

— Нѣтъ, не пустые!.. У меня мастерство есть въ рукахъ на счетъ строительной части и машинъ разныхъ... Только бы меня вотъ изъ дома пустили, а тутъ доберусь до купцовъ, на фабрикахъ: буду знать, что дѣлать, у меня изъ рукъ ничего не вывалится... Ужъ только подожди, золото мое, Параня, буду я тебѣ женихъ и мужъ не кое-какой... Тогда и Дарья Тихоновна мной не побрезгаетъ!.. А это я ей скажу, чтобы она во всякой нуждѣ, когда деньги будутъ нужны, чтобы мнѣ вучилась безо всякаго сумнѣнія... Это я ей молвлю...

— Это молви, пожалуй...

— Ну, такъ такъ, Параня, золото ты мое, сердце ты мое, красота ты моя писанная, моя ты будешь?... Ни за кого не пойдешь окромѣ меня?... Будешь ли ты меня любить-то, какъ я тебя?...

— Да, вотъ еще какъ ты-то меня любишь: я посмотрю... Всѣ вы на языкъ-то города берете: васъ послушай только...

— Параня!.. Да вотъ какъ: прогони ты меня даве, или вправду скажи, что другой тебѣ любъ... ужъ не знаю, сжить ли мнѣ... Какъ даве это сказала про другого-то парня, такъ, вѣришь ли, свѣта бѣлаго не взвидѣлъ, а за сердце-то, ровно кто ухватилъ ногтями да и деретъ вонъ изъ груди... Лучше бы, не въ примѣръ легче, кабы мнѣ каленымъ желѣзомъ тѣло жгли, нечѣмъ это слышать!.. А каково мое сердце къ тебѣ: такъ вели мнѣ сейчасъ... ну, что хошь вели—все сдѣлаю...

— О-о?...

— Право, ей-Богу... Ну, вези, попробуй...

Но Параня не успѣла отвѣтить: въ избу вошла ея мать, и разговоръ прервался.

VII.

Среди своихъ воспоминаній Ѳедя и не замѣтилъ, какъ дошелъ до перекрестка. Впереди у него лежали двѣ дороги: одна привела бы его въ Онучино, другая — была въ Ступино, гдѣ жилъ Ѳедотъ Семенычъ. Онъ шелъ изъ дома прямо къ послѣднему, но образъ Парани такъ ясно всталъ теперь передъ нимъ, такъ манилъ его къ себѣ, что онъ невольно пошелъ по дорогѣ въ Онучино.

«Вотъ не ждетъ, вотъ не чааетъ!... Вотъ обрадуется!...» думалъ онъ, идя, а у самого сердце такъ и прыгало въ груди, такъ и подталкивало его ускорять шагъ, бѣжать скорѣе впередъ. Уже сколько времени не видались-то?... Что-то она, моя голубка, подблываетъ, что подумываетъ обо мнѣ?... Ну-ка безъ мала два мѣсяца ни слуха, ни духа, ни вѣсточекъ никакой... Никакъ изъ дома было не согласно уйти, ничего не придумаешь: куда сѣзаться-то... Это не то, что у Ѳедота Семеныча жилъ: шелъ куда хотѣлъ, никто не спроситъ, куда, да зачѣмъ, самъ ровно большой... У насъ дома не украдешься: и батюшка, и братъ, все на работѣ, и ты съ ними стой объ руку... И въ праздники пошелъ гулять, такъ спросятъ: куда да скоро ли воротиться?.. Ну-ка—два мѣсяца!.. А что я имъ тотъ разъ только два рубля и принесъ... Поди-ка, чай, подошли, бьются, нуждаются!.. Общались поддерживать, а денегъ и у самого-то нѣтъ... Съ чѣмъ придешь?.. Попроситъ: что скажешь?..

Ѳедя остановился и оглянулся. Солнце опустилось уже низко: придешь въ Онучино къ самому заходу, а тутъ ночь... Не ночевать же у Парани—не складно!.. А придешь къ Ѳедоту Семенычу ночью, пожалуй, послѣ съ домашними перевѣдаются: какъ такъ, гдѣ былъ?... Пускай, я теперь вольный казакъ,—отпущенъ на всѣ четыре стороны, а все не складно: спрашивать стануть... Да и надо сначала съ Ѳедотомъ Семенычемъ повидаться: что скажетъ, что посоветуетъ, можетъ—не дастъ ли еще помощи какой, что общалъ... Тогда и къ нимъ идти будетъ вольготнѣе... И пойду съ-утра, весь день просижу у нихъ!..

Ѳедя вдохнулъ и рѣшился перейти на дорогу въ Ступино. Онъ оглянулся назадъ: не долго, кажись, шелъ, а перекрестокъ былъ уже далеко позади.

«Вотъ бы какъ добѣжать—однимъ духомъ, одной минутой!»... подумалъ онъ, снова вдыхая и сворачивая въ поле, чтобы перейти напрямикъ на другую дорогу. Лицо его затуманилось;

голова опустилась; онъ шелъ уже медленнымъ, ровнымъ шагомъ. Мысль его перешла къ Ѳедоту Семенычу, къ послѣднимъ днямъ пребыванія у него. Разъ онъ возвращался домой изъ Ступина, счастливый, довольный, полный одною думою о Паранѣ. Все шло хорошо и радостно. Параня, видимо, любила его, считала женихомъ, и готова была терпѣливо ждать того времени, когда ему можно будетъ жениться на ней. Дарья Тихоновна всегда встрѣчала его привѣтливо, очевидно считала своимъ, почти роднымъ, не стѣсняясь говорила о своихъ нуждахъ, не стѣсняясь принимала отъ него гостинцы и деньги; а онъ-то какъ былъ счастливъ, когда могъ услужить матери своей возлюбленной Парани!.. Правда, мудрено ему было доставать деньги: надо было выдумывать работу, работать по ночамъ и по праздникамъ; но и работа эта никогда не была ему такъ легка и пріятна, какъ теперь—для извѣстной, опредѣленной цѣли. Въ этотъ разъ Параня сама, втихомолку, такъ, чтобы не видала мать, безъ его просьбы, поцѣловала его, и Дарья Тихоновна также потихоньку отъ дочери призналась ему, что ей крайность въ пяти рубляхъ... Ѳедя далъ слово, что принесетъ черезъ недѣлю и теперь обдумывалъ, какъ бы и на чемъ выработать ему эти деньги, и что дѣлать, если къ назначенному имъ сроку денегъ не будетъ.

«Ужъ хоть займу, а принесу безпремѣнно. Слово свое сдержать надо»... думалъ Ѳедя.

Онъ шелъ уже улицей своей деревни и приближался къ дому Ѳедота Семеныча, какъ вдругъ столкнулся съ сестрою Анной, которая была замужемъ за сыномъ Ѳедота Семеныча, Кирилой. Анна была разстроена; глаза ея заплаканы; въ рукахъ она что-то держала и прятала подъ накинутой на плечи верхней одежды.

— Куда ты, это, Анна?—озлинулся ее Ѳедя.

— Ахъ, батюшка, Ѳединька, что у насъ надѣлалось-то... Мой-отъ воротился, пришелъ...

— Кто? Кирила?

— Да, воротился, да никакой не хорошій, пьяный... И не узнаешь его...

Анна заплакала.

— Что же ты ревешь-то?

— Да, какъ не ревать... Почитай, три года не видала его... Пришелъ—чѣмъ бы путемъ поздороваться, да поговорить, а онъ... Мы съ матушкой увидели его, не вспомнили, заголосили, бросились къ нему... Ну, онъ съ матушкой еще и туда и сюда, хонь не какъ она, не больно ласково, а все ничего... А меня... батюшка, Ѳединька!... не то обнять, али поздороваться съ женой, а начать

ругать, да срамить... да скверно, скверно таково!... Не жена, говорить, ты мнѣ, а супротивница: не то, что въ бѣдѣ прикрыть, а еще сама людей на меня навела, въ тюрьму упрятала... Помнишь, какъ онъ бѣгалъ-то тогда, да въ лѣсу прятался, а мнѣ заставилъ меня вести да показывать его: гдѣ онъ прячется-то... Вотъ онъ теперь съ этого самаго... Да и въ острогѣ, говорить, сидѣлъ, много ли жена объ мужѣ порадѣла: и въ глаза не видалъ, куска не принашивала... Тамъ чужіе люди не оставляютъ, одѣляютъ, а обо мнѣ и свои кровные, и жена позабыла... Я, было, кинулась ему въ ноги, завопила: батюшка, молю, Киришенька, не моя-то воля—родительская... Какъ я къ тебѣ пойду, коли ты за-сто верстъ сидѣлъ, а родитель идти не приказывалъ?.. Не своей волей живу: сама подначальная... Прости ты меня, Христа-ради, прости мою вину передъ тобой подневольную!.. Знаешь, вѣдь, ты, батюшка Феденька: сколько разъ я молила, просила батюшку-свекра,—пусти побывать, мужа провѣдать въ острогѣ, съезыми просила—знаешь! А что же мнѣ дѣлать, коли батюшка-свекоръ у насъ такой: и думать, говорить, не могли! Коли, говорить, самъ себя подъ казнь подвелъ, коли судъ ему это присудилъ—въ казamatъ сидѣть, такъ пускай и высидитъ, чтобы въ науку ему и напредки было, чтобы не думалъ онъ, что и отецъ ему мнрволить... Ну, что мнѣ было дѣлать: не убѣгомъ же убѣжать... Да хоть бы и убѣжала, что бы я безъ денегъ-то подѣлала: какую ему помощь?... И до города-то бы не добралась... Все это ему стою на колѣнкахъ, вошлю, да докладываю... Можетъ бы и смиловался, и простилъ... да надо было тутъ магушѣ слово подсказать: «до тебя ли, говорить, имъ было, батюшка, они тутъ съ Феденькой хозяевами жили,—что хотѣли, то и дѣлали!..» Какъ скочить онъ съ этихъ ея словъ, да началъ бить меня... Знаю, говорить, я все знаю, что вы съ Феденькой старика въ руки совсѣмъ забрали... Вы думали: ужъ вовсе меня заперли, одни царствовать, величаться остались, анъ вотъ нѣтъ—воротился!... Будетъ ужъ мнѣ подъ началомъ жить, изъ-подъ чужой руки глядѣть, теперь поживите подъ моимъ началомъ... Не то вамъ съ Феденькой, старику теперь не уважу!.. Будетъ ужъ, довольно!..

— Да гдѣ же старикъ-отъ самъ? Федотъ-то Семеннычъ?

— Нѣтъ его, не бывалъ еще... Убѣжалъ въ волость, да и не бывалъ до сей поры... Видно, за дѣлами... Федя, ужъ я не знаю какъ тебѣ-то быть, хоть бы и домой не ходить, покамъ до Федота Семенныча, а то онъ прибьетъ тебя, изсрамить, вонъ выгонитъ...

— Ну, еще прибѣть-то какъ придется... А гнать ему меня нечего, я и самъ уйду... Опять же я не у него живу,—у Оедота Семеныча...

— Да срамъ, батюшка, срамъ: драка промежъ васъ выйдетъ, бунтъ... Хорошее ли дѣло... Ты хошь бы ужъ не казался: въ сарай, что ли, али куда ушелъ, до Оедота-то Семеныча... Вотъ и теперъ-то пьяненокъ ужъ: не столь самъ, сколь вино въ немъ бушуетъ... А послажь, велѣлъ купить еще полштофа... Вотъ и бѣгу, и посудину несу... Не знаю какъ и въ кабакъ-отъ войти, —стыдобушка, не бывала я отродясь, а не смѣю, боюсь не идти-то...

— Оедотъ Семенычъ осердится, узнаетъ, что ходила... Знаешь: не любить этого, смерть... Не ходи...

— Да какъ, Оеданушка, нейти-то!.. Боюсь... Убьетъ!.. Посмотрѣлъ бы ты на него: какой онъ сталъ!.. Впрямь что острожникъ: худой, да черный, немытый, рваный... злой никакой!.. И жалко-то мнѣ его, и страшно... Не столь мнѣ больно, что плюхъ надавалъ, сколь видѣть его, этакого...

— А все-жъ тебѣ въ кабакъ идти не приходится... Въ нашемъ роду этого не бывало, чтобы бабы за водкой въ кабакъ бѣгали... И что ты ему принесешь водки? И безъ того, говоришь, пьянъ, бушуетъ... А тутъ еще напьется... чтѣ будеть?.. чтѣ онъ надѣлаеть?..

— Да что же мнѣ дѣлать-то, Оедя?.. кричить, вѣдь, на весь домъ: водки подай, а то все разнесу... Матушка сейчасъ денегъ даетъ, посылаетъ меня и онъ приказываетъ... Какъ же я мужа не послушаю, особливо теперъ, коли я передъ нимъ виновата... Да мнѣ, кажись, въ избу-то не войти безъ водки...

— Да пойдемъ со мной, ужъ я въ обиду не дамъ, либо спрячусь, не приходи вовсе домой до Оедота Семеныча...

— Чтой-то, Оедя... Женѣ ли отъ мужа прятаться?.. Да и гдѣ же вамъ, хоть тебѣ, хоть батюшкѣ, меня отъ мужа ухоронить... Разъ оборонишь, вдругорядъ за то вдвое достанется... Нѣту, родной, мнѣ съ мужемъ-то, вѣдь, вѣкъ жить... Отъ мужа никто жену не оборонить... не супрачетъ... Нѣтъ, ужъ чтѣ будеть, а я побѣгу. А вотъ ты-то какъ?... У васъ съ нимъ такъ безпремѣнно здоръ видеть...

— Такъ вотъ коли чтѣ мы сдѣлаемъ... Ты посиди здѣсь гдѣ, подожди, а я давай сбѣгаю за водкой, да послѣ вмѣстѣ и пойдемъ, точно такъ сошлись по дорогѣ. А ужъ все же я тебя въ кабакъ не пушу.

— Нѣтъ, ужъ гдѣ мнѣ тутъ сидѣть: и я съ тобой пойду,

ТОЛЬКО ТЫ ВЪ КАБАКЪ-ОТЪ ВХОДИ, ДА ВОДЕН-ТО КУПИ, А Я ОКОЛО ПОДОЖДУ.

На этомъ согласились и пошли вмѣстѣ.

Въ Ступинѣ не было кабака, надо было идти версты за полторы въ другую деревню и Анна почти бѣжала туда и назадъ, увлекая за собою брата: она торопилась поскорѣе исполнить приказаніе мужа.

Когда они возвращались домой, Федота Семеныча все еще не было.

Робею, со штофомъ въ рукахъ, входила Анна въ избу, въ сопровожденіи брата. Кирила лежалъ на лавкѣ; въ головахъ у него сидѣла Федосья Осиповна, перебирала руками его волосы и что-то тихо ему рассказывала. Федя остановился за полуотворенными дверями, желая узнать, какъ встрѣтитъ мужъ жену и что между ними будетъ.

— А-а... — вскричалъ Кирила, увидя жену. — Что, принесла ли?

— Принесла, принесла... — торопливо отвѣчала Анна.

— Что долго? Сказалъ: бѣгомъ...

— И то бѣгомъ, Кирила Федотычъ: бѣгомъ бѣгала...

— Ну, подавай, что ли, скорѣй... да закуски...

— Чего закуски-то прикажешь?..

— Чего? Всего... всего подавай, что есть... Вы здѣсь жрали мое съ братомъ-то своимъ, не жалѣли, а я на Антоніевой пищѣ сидѣла... Всего подавай, живо!.. Я васъ, погоди... ублаговую всѣхъ!.. Поблагодарю за все, про все... Вишь, ты, — думали, издохну... Нѣтъ, пришелъ... Погодите у меня, дайте срокъ... Ну же, ворочайся!..

Анна суетилась молча и, дрожащими руками, не смѣя взглянуть на мужа, ставила на столъ хлѣбъ, солонку, молоко и все, что осталось въ печи отъ обѣда...

— Яишечку не толкнуть-ли?.. — спросила она робкимъ голосомъ. — Али, можетъ, самоварчикъ поставить?..

— Давно бы, кажется, пора... Чай, тутъ чайничали, самоварничали, съ братомъ-то, ежедень... Ишь ты ховяина какого, строителя, къ моему добру привела!.. Много ли переправила въ Чернушки-то?.. Чай, возами возили: тамъ ртовъ-то много, есть кому жрать... Однихъ племянниковъ прокормить такъ сволю нужно... Ай да жена!.. Вотъ мужу радѣльщица!.. Погоди ты у меня!.. Будешь помнить... Какъ ты смѣла въ моемъ дому брата ховяиномъ дѣлать?..

Кирила застучалъ кулакомъ по столу. Глаза его злобно

слѣдили за Анной и съ каждымъ стаканомъ водки, который онъ проглатывалъ, злость эта, повидимому, возрастала. Оедосья Осиповна очевидно, во все время отсутствія Анны, жаловалась Кирилѣ на нее и на Оеда, и теперь со злорадной старческой улыбкой ядовито посматривала на нее.

— Я тебя спрашиваю,—приставалъ Кирила къ женѣ, возвышая голосъ:—кто тебѣ позволилъ моимъ добромъ распоряжаться? Матушку ото всего оттерли, ключи отобрали, не давали ей мнѣ гроша послать, чужого человѣка въ домъ хозяиномъ пустили, сама съ нимъ таскала, къ роднымъ переправляла... Что молчишь?.. Отвѣчай, коли спрашиваю... подлая ты втакая!..

Кирила съ угрожающимъ жестомъ поднялся съ лавки.

Оеда больше не могъ сдерживать себя и вошелъ въ избу.

Кирила остановился, увидя его. Они молча нѣсколько секундъ смотрѣли другъ на друга: Кирила злобно и нахально, Оеда стараясь сохранить спокойствіе и побѣдить внутреннее волненіе.

— Ахъ, хозяинъ!.. — съ хохотомъ проговорилъ, наконецъ, Кирила, не двигаясь съ мѣста.

— Здравствуй, Кирила Оедотычъ... Съ прибытіемъ...,—говорилъ Оеда и протанулъ-было руку, чтобы поздороваться, но тотчасъ же опустил ее.

— Не обезсудьте, хозяинъ господинъ,—говорилъ Кирила:—что безъ вашего позволенія въ домъ вошелъ и вотъ угощеніе получаю... Прохожій человѣкъ, чужестранный, осторожный житель... Позвольте пристать, ночку переночевать, господинъ хозяинъ!.. Не лишите вашего покровительства, не оставьте безъ крова, безъ призора, не прикажите на улицу, какъ собаку паршивую, выгнать... А, господинъ хозяинъ?..

Оеда не могъ выносить вызывающаго нахальнаго взгляда Кирилы, давно отворотился отъ него, но все еще сохраняя вѣншнее спокойствіе, сѣлъ въ сторонѣ на лавку. Онъ взглянулъ на сестру и видѣлъ, какъ она была блѣдна и дрожала.

— Какой же я хозяинъ...—спокойно отвѣчалъ Оеда.—Здѣсь хозяинъ Оедотъ Семенычъ, твой родитель, а я только работникъ у него... Чтѣ онъ мнѣ прикажетъ, то дѣлаю: служу ему...

— Вотъ какъ!.. — сказалъ Кирила, нѣсколько озадаченный спокойствіемъ Оеди, и притворно захохоталъ.—Теперь ужъ и не хозяинъ... Поджалъ хвостъ-отъ!..

— Какой ужъ работникъ! что говорить-то!..—вмѣшалась Оедосья Осиповна.—И амбаръ у него на рукахъ, и всѣ ключи у него... Идетъ куда хочетъ, беретъ чтѣ знаетъ... Получай что выдѣстъ... изъ милости...

— Это, Оедосья Осиповна, опять же все отъ Оедота Семеныча: приказалъ ключи взять—возьму, что скажете выдать—выдамъ... А вамъ грѣхъ сказать, чтобы я вамъ непочтенье какое показывалъ... Чтѣ я, чтѣ сестра, всегда во всемъ съ вашего спроса...

— Да, спрашивали вы!.. Можетъ и спрашивали, коли знаете, что у меня воли-то ни на что нѣтъ, а все въ вашихъ рукахъ... Этотъ спрость-отъ хуже ругани... Надсмѣшка одна!.. Сами знаете: какъ его взяли тогда, а ты поступилъ, такъ я и отказалась ото всего...

— Такъ это ваша же добрая воля была... а не наша вина... А чтѣ я, чтѣ сестра, никогда тебѣ ни въ чемъ не супротивничали, Оедосья Осиповна... Это грѣхъ тебѣ и сказать...

— Такъ, стало-быть, коли ты работникъ въ моемъ дому,—выѣшался опять Кирила,—такъ ты долженъ мнѣ служить... Что же ты сидишь передо мной?.. Ты встань, да служи: вотъ самоваръ сворѣй наставляй, да подавай мнѣ во всемъ отчетъ...

— Самоваръ я тебѣ наставлю съ моимъ удовольствіемъ и послужу, потому ты несчастный человѣкъ, опять же съ дороги, усталъ... А отчетъ-то, ужъ коли спрашивать станеть, я настоящему хозяину подамъ, отъ коего поставленъ, а не тебѣ...

— Такъ ты не думаешь ли, что ты и теперь, при мнѣ, здѣсь будешь начальствовать, да распоряжаться?.. А?.. Тебѣ, чай, хорошо здѣсь было около чужого-то сусѣка?.. Ну, братъ, я не дамъ тебѣ командовать, шалишь... Мнѣ про себя нужно...

— И безъ тебя я ничего не командовалъ, и при тебѣ мнѣ не лестно... Жилъ потому, что сродственники: Оедота Семеныча, да сестру было жалко... Вотъ только потому!.. А что это ты говоришь про чужой-то сусѣкъ, такъ я не нуждаюсь: у насъ своего довольно и по чужимъ сусѣкамъ я лазить не свыченъ... Напрасны твои слова... и въ обиду ихъ себѣ даже не принимаю, потому не пристали они ко мнѣ... Сказалъ бы я тебѣ больше въ отвѣтъ, Кирила Оедотичъ, только что Богъ съ тобой: старымъ не попрекають...

— Что старымъ? Что старымъ? Что ты такое можешь со мной говорить?.. Тебя, вонъ, въ чужомъ дому хозяиномъ сдѣлали, во всему припустили, а я при отцѣ жилъ, ровно изъ чужой семьи, ни въ чемъ воли не имѣлъ, своей копѣйки за душой не было... Воромъ ты меня попрекаешь... Ну, воръ!.. А отъ кого воръ?.. Отъ своего же родного отца... Онъ меня воромъ сдѣлалъ!.. Онъ!.. Меня судъ судилъ... Самъ защитникъ на судѣ говорилъ, что я отъ отца пропадаю, что онъ не по закону со мной поступать: женатый я

былъ человекъ, а въ своемъ дому не хозяинъ, все изъ-подъ отцовской руки смотрѣлъ... копѣйки мѣдной на гулянку своей не имѣлъ... А ты что же мнѣ за судья такой?.. Что ты меня попрекать-то вадумалъ?.. Откуда ты взялся?.. Кто тебя къ моему дому приставилъ?.. Я здѣсь хозяинъ... а не ты!.. Что ты въ самъ-дѣлъ... ты ступай вонъ, а не то я тебѣ бока намну, а твою родную сестру со свѣта сживу... Вонъ, говорятъ!..

Кирила поднялся на ноги въ угрожающей повѣ. Одея тоже всталъ и чувствовалъ, что ему надо сдѣлать надъ собою большое усиліе, чтобы избѣжать драки: кровь въ немъ кипѣла и то приливалась къ сердцу, то кидалась въ голову.

— Не куражся, Кирила..., — говорилъ онъ неровнымъ голосомъ.—Я тебя не боюсь и бока намать тебѣ не удастся: еще неизвѣстно кто кого... А только-что я сраму этого, драки, въ дому Оедота Семеныча не желаю: я и такъ уйду... Не думай, мнѣ не лестно,.. только-что ты напрасно сестру обижаешь, она ни въ чемъ не виновата, и бить ее безъ пути грѣшно, хоть она и жена тебѣ... Я уйти уйду, завтра же уйду, вотъ только бы Оедотъ Семенычъ пріѣхалъ, а только-что я тебя просьбой и честию прошу: ты сестру Анну у меня не трогай, не бей... Она человекъ смиренный, ни въ чемъ передъ тобой не причинна... За что ее обижать?..

— А-а, не любишь?.. Нарочно бить буду: съ тѣмъ и ступай... Слышалъ? Вотъ нарочно, безъ всякаго, на зло тебѣ колотить стану... Я тебя, подхалиму проклятаго, на-смерть не валибилъ еще и за-прежде... Весь родъ вашъ подлый, оказанный!.. Потихоня, смиренникъ краснорожій!.. Вишь, рожу-то отѣлъ на моихъ хлѣбахъ!.. Вотъ нарочно, у тебя на глазахъ колотить ее начну!..

— Ну, ты слушай, Кирила Оедотычъ, ты не похваляйся этакъ-то... Я свою кровь въ обиду не дамъ... Я тебѣ сказываю: просьбой прошу,—не тронь жены, а будешь обижать—худо будетъ!.. Оедосья Осиповна, не вели ты ему...

— Да не то, что не вели..., — вскричалъ Кирила. — А всю ее измозжу, въ клочки изорву... Вотъ тебѣ!.. Вотъ тебѣ!.. Вотъ смотри, потихоня ты, подлый... При тебѣ вотъ изувѣчу, какъ душа моя желаетъ...

Кирила съ поднятыми кулаками пошелъ къ Аннѣ, которая стояла ни жива, ни мертва, прижавшись въ уголокъ, и, покорно опустивши голову, точно жертва ждала своей участи. Тутъ Одея не помнить, что съ нимъ сдѣлалось: какъ онъ бросился на Кирилу, долго ли онъ съ нимъ боролся; но когда онъ пришелъ въ

себя, то увидѣлъ подъ собою стонущаго, окровавленнаго Кирилу, почувствовалъ свои волосы въ окостѣвшихъ старческихъ пальцахъ Федосьи Осиповны, которая не плакала, а какъ-то злобно визжала, всхлипывала и изъ всѣхъ силъ тащила его за волосы, откуда-то, точно издалека, слышался ему неясный, хриплый голосъ Федота Семеныча. Когда Федя освободилъ свою голову изъ рукъ старухи и поднялся на ноги, онъ какъ въ туманѣ разсмотрѣлъ опрокинутый столъ, разбитую посуду, плачущую на скамьѣ Анну и высокую фигуру Федота Семеныча, который стоялъ среди избы, съ испуганнымъ, изумленнымъ лицомъ. Федя не слышалъ, какъ подѣхалъ и вошелъ въ избу Федотъ Семенычъ.

— Что такое? Что случилось?... Федя, Федя... — кричалъ Федотъ Семенычъ. — Кто это? Съ кѣмъ ты?...

Въ избѣ было темно. Федосья Осиповна выла; Анна на взрыдъ плакала; Федя едва переводилъ духъ и не могъ проговорить слова. Федотъ Семенычъ наклонился къ лежащему на полу человеку, который сталъ подниматься, и, разсмотрѣвши его, отскочилъ чуть не съ ужасомъ.

— Сыны!.. Кирила!... — не вскричалъ, а какъ-то простоналъ Федотъ Семенычъ и размахнулъ въ стороны руками, какъ-бы ища за что ухватиться. Онъ чувствовалъ, что ноги у него дрожать и подгибаются. Пошатываясь, дотоптался онъ до лавки и рухнулъ на нее.

Кирила приподнялся на рукѣ, дико, злобно оглядѣлся и сѣлъ на полу, гдѣ лежалъ. Лицо его было окровавлено; онъ провелъ по немъ рукою, посмотрѣлъ на кровь, пристающую къ ладони, и протравилъ ее къ отцу.

— Здравствуй, родитель-батюшка... Радъ-ли сыну?... Вона какъ встрѣчаешь его въ своемъ дому родительскомъ... Съ перваго прихода бьютъ, увѣчаютъ... Смотри, любуйся!... Въ острогѣ сидѣлъ сынъ-то: тамъ не били, не кровянили, а вотъ въ родительской домъ пришелъ, угощенье первое получили!.. Смотри-ка...

Онъ мазнулъ себя по лицу другою рукою и также окровавилъ ее и показывалъ отцу.

— Вотъ, на что лучше... Угостили!... Спасибо, родитель-батюшка!.. Мало тебѣ, что до острога сына довелъ... Въ каторгу бы, вѣдь, нужно по настоящему, потому поджигатель!.. Такъ тебѣ и хотѣлось, да не удалось: спасибо чужіе люди защитили... Такъ вотъ теперь въ острогѣ сидѣлъ, не извелся вовсе, не издохъ тамъ, живъ воротился, такъ дома, видно, родитель-батюшка, до гробового конца довести хочетъ... Мало, что родному

сыну, женатому, никакой воли въ дому не было, а чужому, со стороны, весь домъ и мать подъ начало отдать, еще и убить, видно, сына-то подготовилъ... Какъ, дескать, вернется, такъ и dokonать его до конца... Кормилъ-поилъ на monkъ-то хлѣбахъ, откармливалъ нарочно борова, чтобы въ силу вошелъ, а я вѣдь, на казенныхъ харчахъ-то былъ, изнурѣлъ, обезсиѣлъ... Гдѣ мнѣ съ нимъ теперь бороться... Да вотъ Богъ не привелъ еще, не потрафилъ въ конецъ-то: промахнулся... Еще бы, еще бы маленько за глотку-то поддержать—и паръ бы вонъ... Спасибо, родитель, какъ не благодарить: постарался для сына!.. Только бы слово сказать міру—отъ всякаго бы суда-отвѣта ослободили, а онъ самъ репортъ посылаетъ, жену противъ сына-то подучаетъ, чтобы выдала, да еще братца женинаго въ домъ беретъ, все ему препоручаетъ, только бы сына родного извести, какъ воротится...

— За что, Господи, за что такое Твое наказаніе, мнѣ грѣшному!... — всплеснувши руками вскричалъ Ѳедотъ Семенычъ, и съ воплемъ опустилъ голову на руки.

Ѳеда всей душой сочувствовалъ старику и жалѣлъ его: онъ понималъ, что происходитъ у него въ душѣ, подошелъ къ нему, но не находилъ словъ въ утѣшеніе; онъ сознавалъ себя какъ-бы виноватымъ передъ нимъ, готовъ былъ бы на все, чтобы успокоить старика, но не зналъ, что дѣлать.

— Ѳедотъ Семенычъ!.. Ѳедотъ Семенычъ!.. — лепеталъ онъ едва слышно, наклоняясь къ нему, трогая его то за плечо, то за локоть.— Полно!.. Ну, полно!..

Минутная вспышка злобы противъ Кирилы улеглась уже въ душѣ Ѳеди: ему было стыдно и даже жалко его въ первые минуты, когда онъ разсмотрѣлъ кровь на его лицѣ; но злобныя слова и ругательства Кирилы надъ отцомъ опять возбудили въ душѣ его ненависть и отвращеніе къ нему.

— Перестань ты, безстыдникъ,—обратился онъ къ Кирилѣ:— замолчи!.. Богъ тебя покараетъ въ конецъ за отца... Не онъ тебя, а ты его изживаешь!.. Не тронулъ бы я тебя, кабы ты не надругался надъ сестрой, да не кинулся бить ее напрасно... Покорись лучше отцу-то... Дай его душенькѣ покой... А мнѣ не надо твоего ничего... Не думай!.. Завтра же уйду...

Кирила отвѣчалъ ему на это одними ругательствами, и когда Анна подошла-было, чтобы помочь ему подняться съ полу, изво-сей силы ударилъ ее въ грудь. Анна застонала.

Ѳедотъ Семенычъ вдругъ поднялся на ноги.

— Одно мнѣ осталось,—сказалъ онъ, сурово обращаясь къ

сыну:—проклясть тебя, да не возьму я этого грѣха на душу... Думалъ—исправить тебя тюрьма, а ты еще хуже сталъ... Правда, что на каторгѣ бы тебѣ слѣдъ быть по твоему дѣлу: хощь судъ тебя и оправдать, а, вѣдь, знаю, что ты деревню-то спалилъ... Ну, да видно Господь ждетъ еще отъ тебя исправленія... Воли тебѣ не было, воли нужно: ну, вотъ получай, бери вотъ домъ, скотъ, все хозяйство... Живи... Я тебѣ мѣшать не стану, только и жить съ тобой не хочу... Оеда, гдѣ у тебя ключи?.. Брось ихъ ему, да проводи меня: я въ волость покамъ поѣду, тамъ проживу хощь у писаря, либо у батюшки, отца духовнаго... на селѣ... Дадутъ мнѣ мѣсто... Только слушай: если ты будешь жену обижать и придетъ она, мнѣ пожалуется, или совсѣмъ въ корень домъ станешь разорать своимъ непотребствомъ, помни: приговоръ возьму у міра—на поселенье тебя сослать, коли живъ буду... Пойдемъ, Оеда... Прощай, Богъ съ тобой!.. Не дай Богъ тебѣ столь горя отъ твоихъ дѣтей видѣть, сколь я отъ тебя... Опомнишься, покаешься, приходи — прощу... Зла у меня противъ тебя нѣтъ... А жить я съ тобой больше не буду... Ухъ, Господи, поддержи!..—Прощайте...

Оедотъ Семенычъ вышелъ на дворъ, на улицу и сѣлъ тамъ на завалинку, пока Оеда запрягалъ лошадей. Къ нему приближала Анна и безъ словъ съ воплями повалилась ему въ ноги.

— Ну, ступай, Анюшка, ступай къ мужу...—говорилъ Оедотъ Семенычъ.—Потрафляй ему сколь можешь, а смотри, изъ силъ выбьешься—приходи, скажи... Можетъ, Богъ дастъ, и въ самъ дѣлѣ: на своей волѣ будетъ жить и одумается, оправится... чело-вѣкомъ сдѣлается... Можетъ, и въ самъ-дѣлѣ я, грѣшникъ, мѣшалъ ему своимъ взыскомъ да спросомъ... Нынче вонъ какой молодой-то народъ: на себя надѣются, волю почуяли: что ихъ круче, то они больше въ задоръ!.. Умѣе насъ стариковъ много!.. Ну, пусть и волю спытаютъ... А ужъ не управится, такъ на себя пеняй... Ну, ступай же, ступай, Анюша, подь къ мужу, подь!.. Прощай... Не замаете меня, не трожьте!..

VIII.

Собираясь провожать Оедота Семеныча въ волость, Оеда думалъ, что ему придется утѣшать, ободрять и успокаивать старика, и былъ весьма удивленъ его спокойствіемъ и даже какъ будто веселостью. Оедотъ Семенычъ спокойно разспросилъ его о

всѣхъ подробностяхъ возвращенія сына и потомъ перевелъ разговоръ на Оедю.

— Спасибо, Оедюша, спасибо, малый,—говорилъ онъ,—послужилъ ты мнѣ, какъ сынъ родной... Никогда твоей послуги не забуду: во всякой часъ приходи ко мнѣ, равно къ отцу, али къ брату... Переночуй сегодня со мной, а ужъ завтра съ Богомъ—къ отцу ступай... Что ты дѣлать-то будешь: дома станешь жить, али пойдешь куда?..

— Не знаю еще вотъ какъ батюшка, отпустить-ли... Извѣстно, что буду проситься... Что же, они безъ меня управятся, а я со своимъ мастерствомъ на сторонѣ бы, можетъ, больше заработалъ...

— Поди, чай, не захочется свату отпустить тебя...

— Буду проситься... Что же и держать-то меня безъ пути... можетъ, счастья моего лишать...

— Да, вѣдь, кто его знаетъ, гдѣ оно счастье-то...,—сказалъ Оедотъ Семенычъ и вздохнулъ.—Человѣкъ думаетъ: такъ вотъ ему будетъ больно хорошо, анъ глядитъ: хорошаго-то и нѣтъ... Впередъ никакъ не узнаешь...

— Такъ то-то и есть, Оедотъ Семенычъ: и батюшкѣ-то не приходится меня держать по неволѣ, потому и онъ не знаетъ, гдѣ мнѣ будетъ лучше... А пускай же ужъ я самъ себя счастья буду искать, тогда ни на кого и не пожалуюсь: худо ли, хорошо-ли—самъ про себя припасъ!..

— А, поди, у отца-то намѣренье женить тебя поскорѣе, да мужикомъ сдѣлать... Чай, ужъ и невѣсту присмотрѣлъ... Да, вѣдь, и пора, Оедя!.. Это, вѣдь, онъ только для меня дѣлалъ, что не трогалъ тебя, а, вѣдь, ужъ пора бы женить-то тебя...

— Я не женюсь...

— Какъ не женишься?.. Что же ты, такъ болтаться хочешь?..

— Женюсь, коли самъ невѣсту найду по душѣ, по сердцу, а то и не надо...

— Такъ развѣ тебѣ, молодому парню, досмотрѣть такъ дѣвку, какъ отецъ досмотритъ: у васъ, молодыхъ робать, извѣстно—только бы съ рожи видна была, то по вамъ и дѣвка, а вамъ до всего не дойти... какъ отецъ, старикъ, дойдетъ... Пускай ты парень смирный, не видалъ я, чтобы за дѣвками-то бѣгалъ, а, вѣдь, есть такіе соколы, что онъ на первой встрѣчной женится... А ужъ, вѣдь, послѣ не развѣнчаешь...

— А это какъ же, Оедотъ Семенычъ, коли отецъ выберетъ невѣсту, да жениху-то не по мысли... Неужто и жениться, а

послѣ вѣкъ плакаться?.. Нѣтъ, по-мнѣ, кому съ кѣмъ жить, тѣ сами другъ дружку и выбирай... И для стариковъ-то лучше: по крайности жаловаться на нихъ не будутъ, — самъ себя вини, коли чего недосмотрѣлъ...

— Да, да, вотъ всѣ они нынче такъ, — говорилъ Ѳедотъ Семеновъ, отвѣчая на свою собственную мысль: — не хотимъ помочь, не хотимъ указки... Сами до всего дойдемъ, сами съ боку возьмемъ, сами за себя и отвѣтимъ... Вотъ ужъ и смиренный парень, и хорошій, лучше не надо, а тоже говорить... Нѣтъ, вѣдать, наши порядки не годятся про новый народъ... Другіе заводить нужно... Нужно!.. Что же, ребята, дѣлайте по своему, по новому, дѣлайте, только чтобы въ хорошему шло, не къ худому...

Ѳедю ужасно потянуло раскрыть передъ Ѳедотомъ Семеновымъ всю свою душу, рассказать про свою любовь и просить его участія и помощи... Но въ чемъ помощи?.. Чтобы онъ уговорилъ отца согласиться на бракъ его съ Параней?.. Но для этого нужно рассказать все, что узналъ, замѣтилъ и сообразилъ о матери Парани — языкъ не поворотится говорить объ этомъ, а не сказать, сами узнаютъ, скажутъ: вотъ же и выбралъ!.. будутъ смѣяться, срамить, и не только мать, но и дочь!.. Пожалуй, еще нарочно разстроить все дѣло, будутъ думать, что нужно разстроить для снѣговнаго добра... Нѣтъ, лучше воздержаться, не говорить ничего да и не ко времени заводить теперь о себѣ разговоръ: старикъ видимо страдалъ и бодрился только для вида.

— Ѳедотъ Семеновъ, — спросилъ Ѳеда послѣ нѣкотораго молчанія, въ продолженіи котораго старикъ глубоко задумался: — неужто ты такъ совсѣмъ домъ-отъ свой и бросишь?

— А какъ же бы по-твоему? Что же мнѣ дѣлать нужно?.. Ну, говори... Посоветуй...

— Гдѣ мнѣ вамъ совѣтовать: вы сами лучше знаете... и такъ только...

— Нѣтъ, ничего, а ты скажи мнѣ по душѣ: какъ бы по-твоему, по молодому, чтѣ бы мнѣ дѣлать съ сыномъ?.. Говори, ничего...

— Да ужъ коли вы задумали его большимъ въ дому сдѣлать, все ему предоставить, такъ ужъ пускай бы онъ хозяйничалъ... Онъ у васъ одинъ, вы при должности... такъ и слѣдъ ему хозяйствовать замѣсто васъ... Только не складнѣе ли вамъ въ дому остаться?.. Все бы онъ сколько-нибудь совѣстился при васъ, а можетъ и совсѣмъ бы образумился... Опять же и Аннѣ было бы легче около васъ... Да и передъ людьми не такъ срамно,

а то теперь что народъ-отъ про него подумаетъ?.. деревню сжегъ, въ острогѣ сидѣлъ, а воротился—отца изъ дома выгналъ... Боятся будутъ его, отшатнутся всѣ: поневолѣ будетъ пить да буянить...

— Такъ, по-твоему, мнѣ надо жить съ нимъ, смотрѣть на всѣ его распутства, да ждать, когда и вправду изъ дома по шеѣ меня выгонять...

— Какъ это можно!.. Гдѣ ему васъ выгнать изъ своего дома!.. Онъ теперь съ отчаянности бушуетъ, можетъ, даже отъ стыда: не знаетъ чѣмъ взять... куда дѣться... А увидите, что дали вы ему волю, сдѣлали хозяиномъ, не со зла, не изъ досады, а какъ были вы отецъ, такъ и остались... А по васъ и сторонніе люди будутъ на него смотрѣть не какъ на отпѣтаго, на разбойника, что отца изъ дома выжилъ... Какъ же ему не почувствоваться?.. Очувствуется!.. А уйдете вы отъ него вовсе, и будетъ онъ, ровно дикой звѣрь въ берлогѣ, сидѣть, да огрызаться на всѣхъ... Добраго изъ этого ничего не выйдетъ—ни ему, ни людямъ...

Оедотъ Семенычъ ничего не отвѣчалъ на эти слова, но по-нурился и глубоко задумался. Оедя догадывался, что въ душѣ его происходитъ какая-то борьба — и не смѣлъ прерывать его думы.

— Нѣтъ, Оедя, старъ я... Не по силамъ мнѣ ломать себя... И ни въ чемъ я не виноватъ передъ сыномъ: окромя добра я ничего ему не дѣлалъ и не желалъ... Онъ меня обидѣлъ, а не я его... Что я ему воли не давалъ, къ хозяйству не принуждалъ,—такъ развѣ онъ такой былъ человѣкъ, чтобы на него положиться, да полную волю дать?.. А что суду его отдалъ, не вступился за него, не откупался... не хлопоталъ, чтобы концы спрятать... ну, въ этомъ ужъ пусть судитъ меня Богъ да добрые люди, а мнѣ душой не покривить... Какъ онъ хочетъ!.. пускай гнѣвается!.. Онъ думаетъ, я ему первый злодѣй, а сколько я муки перетерпѣлъ, сколько горя изъ-за него узналъ,—того не чувствуетъ... и что значить родительское сердце: каково тяжело отъ родного дѣтища, отъ единого дѣтища, отрекаться,—ему это не въ понятіе... Ну, да Богъ съ нимъ!.. Зла у меня въ душѣ противъ него нѣтъ нисколько: все бы я ему простилъ и все забылъ, вабы онъ пришелъ не этакъ, не съ дракой да съ буянствомъ, а хоть бы маленько въ чувство пришелъ, да стыдъ имѣлъ... Не погнушался бы я имъ, что сынъ изъ острога вышелъ: судъ судилъ, наказалъ,—все равно, что огнемъ вынегъ... очистилъ... Нечего старое поминать!.. И я бы не токмо не попрекнулъ, не попомнилъ, а и людямъ бы не далъ слова сказать

супротивъ него... Ну, а ужъ коли такъ-то онъ, такъ и мнѣ нечего больше дѣлать: нѣ, вотъ, возьми, сыночекъ, все мое,—полюбуйся, живи съ Богомъ, какъ знаешь... А я—коли не отпомъ, а злодѣемъ меня считаешь—мѣшать тебѣ не стану, — уйду... какъ-нибудь проживу!..

— Да какъ же вы одни, Федотъ Семенычъ, жить будете?

— А такъ же вотъ и буду... Попрошу у батюшки на монастырь, около церкви, мѣстечка, избушку поставлю, келейку... да и стану жить... Треклятые отсижу въ старшинахъ, а тутъ хопъ въ церковные сторожа пойду... Послужилъ на людей, — надо и Богу послужить: мнѣ жить немного осталось... А только вотъ передъ Богомъ говорю: если Кирила не опомнится, будетъ опять безпутничать, мотать, да жену тиранить,—сердце не дрогнетъ: надоумлю міръ, чтобы приговоръ дали, на поселенье его сослать... Это ужъ, значить, пропащій совсѣмъ человѣкъ, вредный... только и себѣ, и обществу на бѣду жить будетъ... Пускай же пропадаетъ одинъ,—людей не сомущаетъ!.. Эхъ, Федя, Федя, не говори ты больше ничего, не надрывай моего сердца!.. Дай Богъ тебѣ никогда такого горя не знать, что у меня на сердцѣ живетъ...

Федотъ Семенычъ опустилъ голову. У Феде щемило сердце отъ жалости къ старику: ему хотѣлось бы что-нибудь сдѣлать, какъ-нибудь утѣшить его.

Они молча подъѣзжали къ волостному правленію. Была уже ночь. Въ селѣ всѣ спали.

— Ты подъѣзжай-ка прямо въ волости... Постучимся въ окно... Сторожъ услышитъ,—отопретъ... Мы въ самой волости ночуемъ, писаря и будить не велимъ: нѣ-зачѣмъ... А завтра ужъ посмотрю, подумаю: куда мнѣ пристроиться покамъ...

— А мнѣ не ѣхать ли, Федотъ Семенычъ, домой?.. Первое, что лошадь отвести къ мѣсту: все равно—завтра нужно же ее отсылать... Да и мнѣ надо тоже все порядкомъ Кирилѣ сдать, что у меня на рукахъ было, чтобы послѣ чего не вышло: я не желаю этого... Ну, и ночь-то переночую тамъ,—посмотрю, что у нихъ дѣлается... Если бушуетъ, такъ я и въ избу не покажусь: гдѣ-нибудь въ сараѣ просплю... А завтра одѣшу какую свою заберу, да и тебѣ, можетъ, что нужно? — за-одно бы и привезъ... Попрошайся бы съ вами, коли не нуженъ больше, да и домой,—а нуженъ, такъ какъ прикажешь... По мнѣ все равно...

— Поѣзжай, поѣзжай, и въ самъ-дѣлъ... Дѣло ты говоришь... Сдай тамъ ему, али Федосьѣ, — все, все сдай... Мнѣ ничего не нужно, ничего не вози, — ни сина-пороха: пускай все имъ

остается... Вотъ только одѣжу привези, потому—нельзя, неравно ѣхать куда понадобится... А больше мнѣ ничего не надобно,—такъ и скажи!.. Денегъ тамъ не много, — всѣ здѣсь, въ жалованьи лежатъ: почитай, за цѣлый годъ не бралъ,—да денегъ я имъ и не дамъ... Пускай самъ наживаетъ: есть съ чего наживать,—въ дому теперь всякое заведеніе есть... Спасибо тебѣ, Оедюха... При тебѣ все завелось... Поѣзжай, родной... Эхъ, жалко мнѣ тебя,—ровно къ родному сыну привыкъ... А не при чемъ мнѣ тебя больше держать, да и пора тебѣ къ отцу... Спасибо, Оедя, спасибо,—по гробъ жизни твоей службы не забуду!.. Помни: какая нужда,—иди ко мнѣ, ровно къ отцу родному...

— Да я завтра еще побываю, Оедотъ Семенычъ...

— Да, да, побывай... Ну, поѣзжай съ Богомъ...

Оедя не безъ умысла выпросился назадъ въ Ступино. У него явилась мысль и надежда какъ-нибудь поправить дѣло, — поминать отца съ сыномъ. Онъ не хотѣлъ высказывать своей надежды Оедоту Семеновичу, потому что и самъ въ ней не былъ увѣренъ, да и боялся, что старикъ воспротивится его намѣренію.

IX.

Все было тихо въ домѣ Оедота Семеныча, когда Оедя возвратился назадъ и подѣхалъ къ воротамъ. Огня въ домѣ не было видно. Ворота оказались запертыми. Лошадь нетерпѣливо фыркала и рвалась къ воротамъ. Оедя медленно вытѣзалъ изъ телѣги, раздумывая, какъ ему вызвать изъ избы сестру, не разбудивъ остальныхъ, но оказалось, что Анна не спитъ. Услышавъ стукъ колесъ и фыркание лошади у воротъ, она тотчасъ же отперла ихъ, и стала потихоньку отворять.

— Али утомонился, уснулъ? — спросилъ Оедя сестру, и та тотчасъ же поняла, что онъ спрашиваетъ про мужа.

— Спать, спать... И матушка уснула около него...

— А ты что же?

— А мнѣ не спится... Я ровно ждала тебя, — на мостъ-то вышла, да сунулась... Слышу, стучить: неужто, молъ, онъ ѣдетъ?.. А ты и есть... А что батюшка-то свежоръ?..

— Онъ остался въ волости.

— Вовсе?

— Вовсе.

— Эко горе наше... Господи, батюшка! Веди, Оедя, ло-

нады-то, да потихоньку... Не поднялся бы опять... Я помогу отложить-то...

Анна весь разговоръ вела вполголоса, почти шепотомъ.

— А что, буянилъ, безъ насъ,—нибыто?..

— Нѣту, какъ уѣхали, притихъ...

— И тебя не трогалъ?..

— Ни даже, нѣтъ, ничего, только отворачивался, — не гля-
дить, не смотреть и не говорить ничего со мной... Гнѣвается!..
Я такъ и не... Боялась и подойти-то...

— Какъ же онъ?.. Все съ Федосей Осиповной, что ли, раз-
говаривалъ?.. О чемъ говорили-то?..

— И съ ней мало говорилъ... Сначала-то все похвалился
противъ тебя, да грозилъ ничто... А тутъ ключи увидалъ на
столѣ... ухмыляться сталъ: возьметъ ихъ да положить, подер-
жить въ рукахъ-то — да бросить... А послѣ того взялъ да въ
карманъ къ себѣ и убралъ... Видать, радъ онъ ключамъ-то... А
матушка-то, Богъ съ ней, говорить ему въ ухо-то: «не то бы,
говорить, тебѣ досталось,—не тому бы, говорить, за этими клю-
чами быть... Пусто, батюшка, у насъ нынче, не какъ прежде!..»
Богъ съ ней, не это бы ей надо говорить!.. Да правда, что онъ
мало что и слышалъ-то: очень ужъ охмѣлѣлъ... Я вижу: сидѣть
да качается... Взяла, постлала ему постилку, подушку принесла...
Не изволишь ли, молъ, лечь, Кирила Федотычъ?.. Соснулъ бы
съ дорожки-то... Какъ онъ глѣнетъ на меня, — сердито-сердито:
«откуда», говорить, «я пришелъ-то? съ какой дорожки?.. Острож-
никъ я, — нѣтъ острога!».. Такъ сердце у меня и упало... Не
знала, что и дѣлать... Тутъ матушка подошла, толкнула меня
отъ него, подхватила его подъ руку, да и повела къ постилкѣ...
Онъ такъ и свалился въ чемъ былъ, не разумишись... Матушка
сѣла около него, а мнѣ махнула, чтобы вонъ шла... Я ушла
въ сѣни, заревѣла... А онъ такъ, видно, и уснулъ... Давно ужъ
тихо у нихъ въ избѣ-то: видно, и матушка легла, уснула...

— Ложись и ты... Есть ли чѣмъ обогнуться-то?.. На вотъ
кафтанъ мой, да ложись въ телѣгу хоть; а я на сѣно пойду...

— Я, Федюша, думаю завтра, чуть-свѣтъ, баньку ему исто-
пить, чтобы, какъ всталъ, въ баньку бы ему сходить...

— Такъ что же... Это хорошо,—такъ и сдѣлай: какъ про-
снется, такъ ему и скажи, что, молъ, баньку про тебя изгото-
вила... Это ты хорошо выдумала!..

— А ты почто же, Федюша, вернулся?

— А я, чтобы все ему сдать, что у меня на рукахъ было,
чтобы во всемъ отчетъ былъ у меня полный передъ нимъ... Да

одежу свою забрать и попрощаться съ вами... И Федотъ Семеничъ велѣлъ его одежу къ нему привести...

— А батюшка-то ужъ такъ къ намъ и не прїѣдетъ николи?.. Вправду жить съ нами не хочетъ?..

— Кабы вотъ уговорить какъ Кирилу-то, чтобы онъ сходилъ, повинился, да попросилъ отца-то, — такъ, можетъ бы, онъ и вернулся... А такъ не пойдетъ ни за что... Вотъ кабы Федосья Осиповна съ нимъ поговорила...

— Нѣтъ, Федюша, на матушку нечего полагаться... Она ровно ума рекнулась, какъ пришелъ Кирила Федотычъ: все про старое-то ему поминаетъ, да все жалуется на всѣхъ... Не согрѣшить бы, а она, кажись, больше его сомущаетъ только... Развѣ ужъ мнѣ какъ, времячко переждавъ, часокъ выбрать да подойти, безъ матушки... Ну, прибѣть, такъ прибѣть, — а можетъ и...

— Попробуйся... добре бы... Много бы лучше для всѣхъ для васъ было, а особливо для тебя, кабы старикъ-отъ воротился...

— Какъ можно!.. Ужъ что говорить!.. Не вѣду ужъ, какъ мы безъ него и жить-то будемъ...

— Ну, а ты ложись покамъ... Утро вечера мудренѣе: завтра увидимъ...

На слѣдующее утро Федя всталъ рано: солнышко еще не показывалось и дневной свѣтъ едва начиналъ брезжиться, но Анны уже не было на мосту, гдѣ она легла спать, а отпертая калитка показывала, что она ушла со двора. Федя догадался, что сестра ушла топить баню, и, сообразивши, что одной ей трудно натаскать воды, наколоть и наносить дровъ, тотчасъ пошелъ помогать ей; но предварительно поднялся въ сѣни и прислушался у дверей избъ: оттуда не доходило никакого звука, стало быть — и Кирила, и старуха еще спали.

Когда Федя подошелъ къ банѣ, которая стояла за огородами на берегу рѣчки, Анна собиралась колоть дрова, которыя были уже принесены ею и брошены около дверей бани.

— Дай-ка, дай, я навою, а ты таскай воду, — сказалъ Федя, беря изъ рукъ сестры топоръ.

— Да ничего, я и сама навою... Воды-то ужъ я натаскала... Что больно рано поднялся?.. — спросила Анна.

— Все не раньше тебя... А ты, видно, не спала ночь-то вовсе?..

— Не спалось, Фединька, не спалось и есть... Только глаза заведу, ровно что почудится, а сердце такъ и зайдется... Слушаю,

слушаю: ничего не слышать, все тихо... Такъ ворочалась, ворочалась, да и сдумала: чѣмъ валиться по-пусту, пойду, молю, стою баньку-то пораньше... Все лучше...

— Такъ бери покамъ дровъ-то, растапливай, а я еще поколю, припасу тебѣ... Наши-то спать, я слушаю: можетъ къ самому вставаю изгодишь баньку-то ему, то и хорошо!..

Деревня стала просыпаться, и дымъ, не въ урочное время поднимавшійся изъ бани старшины, привлекъ вниманіе. Мужики посолѣднѣе посмотрѣли только издали и, увидя около бани Федора, успокоились, что не пожаръ, и принялись за свое дѣло, не пускаясь въ дальнѣйшіе разспросы; но бабенки, а за ними и молодые парни, не утерпѣли и подбѣжали къ самому Федѣ поразспросить, почесать языки.

— А мы думали, ужъ не занимается ли у васъ баня-то... Испугались, страсты!..—тараторили бабы.—Анъ видно про гостя нежданого топишь баньку-то?.. Слишно, воротился Кирила-то Федотычъ...

— Видѣли его наши: проходилъ... Сказываютъ: исхудалъ, черный, стриженный... оборвался весь!

— Да какъ можно не исхудать?... тутъ исхудаетъ: не въ гостяхъ гостилъ!.. Тоже тамъ въ духотѣ сиди, да когда поѣлъ, а когда и не ѣвши. Трудно, сказываютъ.

— Мы думали и не пустятъ его вовсе, а вотъ пустили же...

— Отсидѣлъ свое, такъ что его держать-то. То бываетъ на поселенье, а это въ острогѣ... Ужъ съ поселенья не пускаютъ, а въ острогѣ... что же? отсидѣлъ свое, и ступай съ Богомъ на всѣ четыре стороны...

— Прежде, сказываютъ, не пускали: какъ попалъ, такъ и угодять...

— Прежде не тѣ права были... теперь права другія... Вотъ ежели за убійство, али тоже поджогъ сдѣлалъ да уличили...—ну, тогда ужъ сошлютъ вовсе, на каторгу...

— То хуже?

— Ну какъ можно: острогъ—тотъ въ городу, а каторга — она въ Сибири самой... Тамъ въ кандалахъ, подъ землей, такъ и сиди...

— А въ острогѣ-то ничто безъ кандаловъ?.. И въ острогѣ въ кандалахъ... тоже...

— Такъ-то убойцы, али грабители которые...

— И который тоже, ежели деревню спалилъ... тоже...

— Такъ Кирила-то развѣ не...—заговорила было одна изъ бабъ, но спохватилась и не кончила.

— Кирила въ поджогѣ оправдали... Виноватымъ не признали...—проговорилъ Федя, который до сихъ поръ молча слушалъ болтовню бабъ, а теперь, набравши охапку дровъ, намѣревался скрыться отъ нихъ въ банѣ.

Но сосѣдки заглянули вслѣдъ ему въ баню, и, открывши тамъ Анну, обрадовались и затараторили еще больше.

— Ахъ, Анна Герасимовна... воротился, чуть... Ну, слава Богу!.. проздравляемъ!..

— Про него, видно, баньку-то обихаживаешь?.. А мы напугались, думали... посмотримъ: дымъ...

— Обрадовалась, чай?..

— Какъ не обрадоваться, матка... Тоже больше дву годовъ не видала... Мужъ, вѣдь, тоже... Ну, дай Богъ, дай Богъ...

— Сказываютъ: вовсе, чу, воротился... больше не возьмутъ...

— Кабы на поселенье... то другое дѣло, сказываютъ... А то отсидѣлъ, чу, ну, и ступай съ Богомъ...

— Извелся, чай, онъ тамъ?.. Исхудалъ, сказываютъ: и не признаешь...

— Ну какъ не известись: посиди-ка, дѣвка, два-то годка... скажешься!..

Бабы сыпали вопросами и замѣчаніями, точно горохомъ. Анна не отвѣчала, да не успѣла бы отвѣчать, если бы и хотѣла: сосѣдки сами тотчасъ же и разрѣшали для себя свои вопросы; но вдругъ одна изъ бабъ спросила Анну:

— Да что у васъ за сумячение вѣчоръ было, ровно драка какая?.. Я шла подъ окнами, слышала...

При этомъ вопросѣ всѣ затихли и притаили дыханіе, не сводя глазъ съ Анны.

— Ничего не было: никакого сумяченья не было...,—отвѣчала Анна неохотно.

— А какъ они со старикомъ-то?..

— Что со старикомъ?.. Ничего...

— Что же онъ больно скоро уѣхалъ-то?.. Слышно было коловольчичъ-отъ, какъ домой пріѣхалъ, а тутъ, сказываютъ, не въ долгихъ и опять уѣхалъ, на своей, съ Федянкой... съ Федоромъ Герасимычемъ...

— Дѣло у него нужное въ волости было...,—выѣмался Федя, замѣчая смущеніе сестры.

— Развѣ что дѣло...,—настаивали неутомимныя бабы...—Да больно ужъ скоро... Ничего дома-то не побылъ... Кажись бы, два года съ сыномъ роднымъ не видался...

— Развѣ вы не знаете Федота-то Семенича...,—возразилъ опять

Федя.—У него, коли дѣло есть, онъ ужъ не промѣшивается, все бросить да поѣдетъ...

— Да ужъ это Федотъ Семенычъ!.. Про него чтѣ говорить... Онъ ужъ... что про то говорить!.. То-то! а мы думали, не осерчалъ ли онъ, что, можетъ, Кирилла Федотычъ пьяненькѣ былъ... ну, знамо съ радости!.. за водкой-то ты бѣгала... Можетъ, молъ, не огрубилъ ли что ему Кирилла-то Федотычъ... Онъ, старикъ, вѣдь, не любить на-смерть этой водки-то... Можетъ, молъ, что сказалъ, а тотъ, не уберется — отвѣтилъ въ сердце... Посварились, молъ... ну, вотъ старикъ-отъ дому рѣшился... ушелъ!..

«Все-то знаютъ, все знаютъ, все пронюхали!»... думалъ про себя Федя, слушая болтовню бабъ. «Навѣрняка, что подъ овнами стояли, сплетки экія, подглядывали да подслушивали»...

— Такъ ничего съ родителемъ-то? все по доброму, по хорошему?.. Ну, такъ, слава Богу!.. Да ужъ, кажется, коли этому отцу не уважить, что Федотъ Семенычъ, такъ ужъ что тутъ пути будетъ...

— Ужъ, сказать, радѣльщикъ, не токма для сына, а всему міру радѣлецъ... Теперь, кажется, нани мужики за него, за Федота Семеныча... душу-то заложать, не то что... Ну, крутенькѣ, правда, крутенькѣ, такъ, вѣдь, все за правду...

— Да что крутенькѣ! экіе ли бываютъ!.. Другой душу-то изъ тебя выжметъ, ничего и не подѣлалъ... А за Федотомъ Семенычемъ мужики вонъ, толкуютъ, живемъ ровно за каменной стѣной... Какъ экому отцу не уважишь!..

— То-то, молъ, а то какъ это можно: отступился, чу, и отъ дома-то, болтаютъ... Изъ дому-то бѣжалъ. чу, какъ сынокъ воротился... Какъ я говорю—то можетъ быть, съ чѣмъ то схоже... И большакъ мой тоже.

— Да не то твой большакъ, всѣ мы тоже... Не можетъ того статься... А вотъ оно все враки вышли... пустяки!..

— Знамо, пустяки!..—отозвался Федя.—Развѣ вы, бабы, что путное скажете промежъ себя... Такъ перемываете бока-то людямъ, да путаете—сами не знаете что... Ну-ка, Анна, кутать пора баню-то... Пустите-ка, бабы, я затворю двери-то...

Федя, чтобы отдѣлаться отъ докучныхъ допрощицъ, вышелъ изъ бани, отстранилъ бабъ и затворилъ двери, но онѣ еще не хотѣли расходиться.

— Ну, а ты, Федянь, какъ же, останешься тутъ жить, али домой уйдешь?.. чай, уйдешь?.. Что ужъ тебѣ тутъ дѣлать-то, коли молодой хозяйнѣ домой пришелъ... А? Какъ ты-то?..

— Ахъ, бабы, бабы!—огрызнулся уже Федя, рассердившись.—

Да что у васъ, неужто своего дѣла нѣтъ, что объ чужомъ-то васъ забота съѣла?.. Поди-ка, у иныхъ, вѣдь, чай коровы еще не доены, а вы толчетесь здѣсь, да въ чужое дѣло путаетесь... Мы-то еще сами ничего не знаемъ, подумать, порадить промежъ себя не успѣли, а вы ужъ пытаете да судачите... Пустите-ка, мнѣ еще вотъ дровъ нужно наколотъ, прибавить: некогда мнѣ бобы-то разводить съ вами... Подите, судитесь сами промежъ себя, а мнѣ не мѣшайте...

И Федя, повернувшись къ бабамъ спиной, принялся за работу. Тетки поворчали, потоптались еще нѣсколько минутъ на мѣстѣ, и стали расходиться.

— Слушай-ка, Анна, — сказалъ ей Федя, когда они остались одни. — Какъ я думалъ, такъ и есть: не одобровать Кирилѣ, коли Федотъ Семенычъ теперь домъ бросить... Слышала, что бабы-то говорятъ теперь же, еще ничего не вида. А узнаютъ все, міръ на Кирилу опрокинется... Вѣдь, всѣ помнать, что онъ деревню спалилъ: и злятся на него, и боятся, будутъ сторониться и попрекать, а онъ обозлится, запыетъ, али еще хуже что почнетъ дѣлать... Его міръ либо совсѣмъ со свѣта сживетъ, либо на что недоброе наведетъ: надо непременно какъ-нибудь уговорить мужа, чтобы онъ поворился, съѣздитъ къ отцу, повинился да просилъ бы его, чтобы тотъ воротился и жилъ съ вами...

— Не знаю какъ, батюшка, сдѣлать-то, Фединька... Боюсь и подступиться-то къ нему... Да и не послушаетъ онъ меня: прежде хоть маленько слушался, жили, вѣдь, мы ладно съ нимъ, а вотъ теперь въ два-то года отвыкъ отъ меня... Прежде, вѣдь, онъ не дрался, а поди-ка, вонъ, теперь, — какъ пришелъ, такъ и прибѣлъ... Согрѣшила я, грѣшная, послушалась тогда, народъ-то подвела подъ него... Неужто бы ужъ я не желала, чтобы батюшка жилъ съ нами, да не знаю какъ взяться, подойти-то боюсь... Вонъ онъ какой сталъ... ровно и не онъ!.. Научи, родной, какъ быть-то...

— Да ужъ я попытаю счастья, самъ поговорю съ нимъ... что будетъ... Ты поди, сторожи: какъ проснется, въ баню зови, а выпарится — самоваръ наставь, чаемъ его подчуй, пускай онъ отдохнетъ, духомъ-то отойдетъ, а я покамъ не покажусь ему... Ты про меня и не говори ничего... А я вдругъ подойду къ нему... Поди же...

Анна побѣжала въ избу, а Федя сѣлъ за баней такъ, чтобы его не было видно изъ деревни, а ему можно было наблюдать за Кириломъ, когда онъ пойдетъ изъ дома. Онъ ждалъ не долго: на тропинкѣ между огородами, которая вела къ банѣ, появился

Кирила, въ сопровожденіи Ѳедосіи Осиповны, которая шла рядомъ съ нимъ, и Анны, которая робко слѣдовала за ними свадн. У Кирила лицо было сумрачное, измѣтое, но не злое.

— На же, Кирила Ѳедотычъ, рубаху-то да вѣнчикъ... — услышалъ притаившійся за стѣною Ѳедя робкій голосъ Анны, — а я, покамъ парисься, самоварчикъ, побѣгу, наставлю...

— Да водка есть ли, смотри, и яичницу толени... приготожь... — отозвался Кирила, и въ голосъ его не слышалось злобы противъ жены, хотя не было слышно и ласки.

— А я, хошь ли, попарю тебя? а?..—спросила Ѳедосья Осиповна. — Не попарить ли? а? Кириушенька?

— Нѣту, матушка... Я самъ...

— Ну, какъ хочешь, а сдумаешь, такъ элиени: я тутъ посижу, въ передбанникѣ, подожду тебя... Да хорошо ли еще она баню-то истопила?.. Дай-ка я войду пережь, посмотрю... Пожалуй, съ угаромъ не скутала ли: отъ нея станется...

— Ну, гдѣ, чай, съ угаромъ, чтой-то... Она, вѣдь, не о двухъ головахъ...

— Да, надѣйся на нихъ!.. Нѣтъ, лучше я сама-то взгляну...

Ѳедя слышалъ, какъ отворилась дверь въ баню и какъ затѣмъ вышла изъ нея Ѳедосья Осиповна и услась въ передбанникѣ, что-то ворча про себя. Вскорѣ затѣмъ за стѣной послышалось шипѣнье воды, подданной на каменку, веселое кряхтенье Кирила и хлестъ вѣника. Ѳедя потихоньку выбрался изъ засады и по задачъ бань вышелъ въ деревнѣ такъ, чтобы его не видала Ѳедосья Осиповна.

«И что это сдѣлалось со старухой», — думалъ Ѳедя самъ съ собою: — «совсѣмъ изъ-за своей любви къ сыну ума рехнулась: такъ и мутить, такъ и мутить его противъ Анны. Не пойти ли, не поговорить ли съ ней сначала? да нѣтъ, пути не будетъ: ей теперь никого не нужно, кромѣ своего Кириушеньки, она радешенька, что одна съ нимъ осталась, о старикѣ-то и не вадумаетъ, а меня увидить, еще хуже: подумаетъ съ умысломъ какимъ... да и не любить она меня, особливо послѣ вчерашняго случая!»

Ѳедей овладѣло неясное для него самого, но какое-то страстное желаніе во что бы то ни стало примирить отца съ сыномъ; онъ чувствовалъ, что готовъ ради этого на всякое униженіе, на самопожертвованіе. Затѣмъ это было для него такъ нужно — онъ не думалъ и не отдавалъ себѣ отчета, но внутреннее неясное чувство говорило ему, что онъ сдѣластъ этимъ какое-то большое добро. Онъ прошелъ въ домъ, засталъ Анну въ большихъ хлопотахъ около печки и самовара и принялся помогать ей.

— Не спрашивалъ про отца, али про меня?—спросилъ онъ сестру.

— Нѣту, нѣтъ, ничего...

— Ну и ладно...

— А какъ съ тобой?..

— Ничего, Федюша, даже ничего!.. Ровно какъ ему это не мысли, что я баньку-то приготовила про него: вотъ это, говорить, ладно, хорошо!.. Сейчасъ и пошелъ... А у меня ужъ и рубаха, и вѣшникъ припасены были, думала: найду съ нимъ, прислужусь, да матушка увязалась... И что за чудо за такое: не подпускаетъ она меня къ нему, да и на поди!.. Никогда я слова напротивъ ей не сказала, а она теперь на меня... ровно, я клятая какая... Удумать не знаю какъ: что это съ ней сталося...

Федя промолчалъ.

— Вотъ водки-то онъ велѣлъ припасти...—заговорила Анна.

— Ну, такъ что дѣлать-то... Есть ли водка-то?

— Есть еще, осталось отъ вчерашняго... Боюсь я, Федя, опять бы онъ?.. выпьетъ-то... чего бы не было?..

— Ну, такъ какъ быть-то... Надо терпѣть... Хозяинъ!.. Напротивъ не пойдешь... Надо какъ никакъ уговаривать совѣстью: силѣмъ ничего не подѣлаешь...

— Знамо совѣстью... Гдѣ ужъ силѣмъ...

— Вотъ подождетъ, посмотримъ что будетъ...

Передъ возвращеніемъ Кирилы изъ бани, Федя вышелъ изъ избы и вошелъ въ нее вновь уже тогда, когда Кирила, выпивши водки, закусывалъ ее яичницей, шипѣвшей передъ нимъ на сковородѣ. Лицо его было видимо весело и довольно: баня какъ будто смыла съ него вмѣстѣ съ грязью тюремнаго заключенія и то озабоченное, мрачное выраженіе, которое дѣлало его страшнымъ и отталкивающимъ. Федя съ внутреннимъ удовольствіемъ замѣтилъ, что въ ту минуту, какъ онъ входилъ, Кирила о чемъ-то спрашивалъ жену и та, стоя передъ нимъ, отвѣчала съ радостной, сіяющей улыбкой; Федосья Осиповна сидѣла рядомъ съ спномъ и смотрѣла на него съ такимъ выраженіемъ, точно боялась, что его сію минуту отнять у нея.

Увидя Федю, Кирила вдругъ нахмурился и опустил ложку, которую несъ было ко рту; все довольство и веселость мгновенно исчезли съ его лица; рука, въ которой онъ держалъ ложку, дрожала.

— Что еще нужно?..—спросилъ Кирила сдавленнымъ голосомъ, прежде чѣмъ Федя успѣлъ сказать слово.

— Пришелъ, Кирила Федотычъ, сдать тебѣ все какъ слѣдуетъ

что у меня на рукахъ было...—отвѣчалъ Федя, стоя у дверей. Вчера ты требовалъ отъ меня отчета, какъ съ работника, а не такъ отвѣчалъ тебѣ, потому не зналъ что будетъ... А теперь Федотъ Семенычъ весь домъ тебѣ препоручилъ, такъ сними у меня съ рукъ, что было, какъ слѣдъ новому хозяину... а меня ужъ домой уволь...

Кирила напряженно смотрѣлъ на Федю, не сводя глазъ, точно хотѣлъ проникнуть въ глубину его души. Вдругъ лицо его исказилось, и черные глаза вспыхнули недобрымъ огнемъ.

— Да что ты, подлецъ... шутки шутить надо мной пришелъ...,—закричалъ онъ, бессознательно ища рукою на столѣ какого-нибудь орудія защиты.—Ты меня вчера пьянаго избилъ, такъ думаешь и сегодня опять удастся... Да я тебѣ башку размозжу!.. что ты лѣзешь ко мнѣ надругаться?..

Кирила поднялся на ноги и, замѣти на стѣнѣ около себя большой желѣзный ключъ отъ амбара, висѣвшій на крючкѣ, схватился за него. Женщины въ испугѣ вскрикнули.

— Погоди, Кирила Федотычъ, выслушай сначала, не беспокойся: не надругаться я пришелъ, а какъ быть работникъ къ хозяину... Федотъ Семенычъ приказалъ мнѣ все сдать тебѣ съ рукъ на руки... Ключи отъ амбара ты получилъ, да есть, вѣдь, лежить, что и не заперто: вонъ сбруя, колеса, орудье разное,—мало-ли чего—все же надо, чтобы ты въ порядкѣ принялъ отъ меня и все осмотрѣлъ: и скотъ, и кормъ, все какъ слѣдуетъ... чтобы послѣ и на меня покѣпу не было, что того не уберегъ, да не сдать... я же домой уйду... А что вчерась промежъ насъ было въ горячкѣ, такъ забудь, прости меня... я не съ наровомъ, не со зла, а и самъ не знаю какъ вышло... Прости, Христа ради!.. Я не то, что на смѣхъ, а вотъ до земли тебѣ кланяюсь... Посмотри...

Федя дѣйствительно низко поклонился ему и дотронулся рукою до полу.

— Да что ты фокусы-то эти разводишь,—сказалъ Кирила, садясь и все еще недоувѣрчиво поглядывая на Федю:—то ты драться сымался, то работникомъ себя зовешь, у притолоки стоишь, да кланяешься... Какой же ты работникъ, коли ты Аннинъ братъ, шурина мой?.. А сдать бы все, коли батюшка мнѣ препоручаетъ, онъ бы самъ и сдать, безъ тебя...

— Оттого и драться вчера сымался, что шурина я твой... Не надо бы мнѣ вступаться промежъ мужа съ женой... да что дѣлать: кровь! не утерпѣлъ, горько показалось, что напрасно сестру обижаешь... А не надо бы, каюсь, въ томъ и прощенья прошу!..

А Ѳедотъ Семенычъ самъ меня прислалъ къ тебѣ: онъ прійхатъ не желаетъ; такъ думаетъ, что онъ тебѣ непріятенъ и что ты въ отпа его не считаешь... И велѣлъ мнѣ опять тебѣ сказать, что онъ все тебѣ отдаетъ: и домъ, и скотъ, и хлѣбъ, и сбрану, все, что есть въ дому... Велѣлъ себѣ только свою одѣжу прислать, а больше ему ничего не нужно... Все тебѣ оставляетъ...

— А самъ-отъ какъ же?.. Гдѣ же жить-то будетъ... въ вамъ, что-ли, поѣдетъ?.. Вы, чай, рады, зазываете... Твоя, что ли, выдумка-то это?.. Ты, что ли, его подбилъ?.. Ты, вѣдь, ему за-мѣсто сына-то сталъ?.. Ты вонъ какой хорошій: не пьешь, не куришь, тихоня-мученикъ, святъ мужъ, а я-то?.. Я острожники каторжныя, гдѣ ему со мной жить!..

Кирила порывисто, дрожащей рукой налилъ стаканъ вина и выпилъ его съ жадностью.

— А вотъ мнѣ что говорилъ на-счетъ этого Ѳедотъ Семенычъ: ты послушай. Жить, говорить, мнѣ осталось не много и хочу пожить для Бога, выстрою келью около церкви, на монастырѣ, и буду жить въ ней... А я тебѣ скажу, Кирила Ѳедотычъ, коли повѣришь истинному Богу, что онъ не то что гнушается тобой, а безъ души тебя жалѣетъ, и ушелъ только для того, чтобы тебѣ полную волю дать и ни въ чемъ не мѣшать, и думаетъ, что ты его не любишь... А хочешь ты, чтобы онъ жилъ съ тобой, — поѣзжай, покажи покорность, поклонись да попроси, Богомъ тебѣ божусь, тотчасъ воротится и станетъ жить съ тобой, только бобылемъ — ровно на повоѣ, а вступаться ни во что не станетъ... Это я тебѣ вѣрно говорю, какъ передъ Богомъ, по душѣ!.. А ты меня прости, не держи ты у себя ничего на сердцѣ противъ меня... Ну, была ошибка моя, забудь... Мало-ли что промежъ сродственниковъ бываетъ...

— Такъ что-же ты стоя-то?.. коли ты сродственникъ, такъ садись, поди... Вотъ чайку, поди, испей съ нами... Воды-то все еще не пьешь, али только при людяхъ притворяешься?..

— Слушай, Кирюша, облегчи ты мою душу совсѣмъ: скажи, что простилъ ты меня и что на душѣ у тебя ничего нѣтъ противъ меня... такъ сяду, и гостемъ и сродственникомъ буду считаться... А что я тебѣ говорилъ — все вѣрно!..

— Да ну тебя, и въ самъ-дѣлѣ, не все ругаться... Садись, что ли... Я, вѣдь, острожникъ каторжникъ, ты меня побилъ, да мнѣ же и кланяешься, прощенья просишь!.. Кто тебя знаетъ, либо ужъ ты Іуда хриstopродавецъ, либо въ самъ-дѣлѣ ужъ святъ мужъ... Садись, говорятъ!.. Попьемъ чайку...

— Такъ поздороваемся перво, какъ слѣдуетъ...

— Слушай, Оедюха, — сказалъ Кирила, — коли ты вправду мнѣ другъ, а не изъ хитрости изъ одной, выпей ты водки со мной, хощь рюмку одну... А не выпьешь... мазура, значить, ты... Убьрайся къ чорту!..

— Не пью я, самъ знаешь, а чтобы доказать тебѣ... давай выпью рюмку... Изволь...

Оедя выпилъ и закашлялся. Кирила былъ очень доволенъ и весело смѣялся...

— Вотъ люблю, вотъ спасибо! — вскричалъ онъ, всталъ и обнялъ Оедю. Потомъ они взглянули другъ другу въ глаза и поцѣловались. Оедя почувствовалъ вдругъ приливъ необыкновенной радости и какой-то нѣжности къ Кирилѣ, точно онъ спасъ его отъ неминуемой гибели. Анна тихо, радостно плакала. Оедосья Осиповна не могла себѣ отдать отчета, что такое случилось, и лицо ея изображало больше всего испугъ и недоумѣніе.

— Теперь ты мнѣ вотъ что скажи, — началъ опять Кирила, — только всю правду скажи: точно батюшка помирится и воротится къ намъ, и волю мнѣ дастъ, коли поѣду я къ нему, поворюсь да попрошу его...

— Ужъ истинно тебѣ говорю, Кирюша... не изъ своего ума, а съ его словъ. Любитъ, вѣдь, онъ тебя, жалѣетъ, желаетъ все тебѣ предоставить, и полную волю дать... Самъ мнѣ говорилъ... Вотъ Богомъ тебѣ клянусь!.. А помирится да переѣдетъ онъ къ тебѣ, на что ужъ лучше... И для тебя будетъ покойнѣе, и передъ людьми не зазорно... А воли онъ съ тебя не сниметъ... Ужъ это вѣрно!..

— Ну, коли такъ, я много думать да разговаривать не люблю... Садись, попьемъ чайку, а тутъ и поѣдемъ за батюшкой... Наливай, Анна, живѣй.

Черезъ полчаса послѣ этого, къ удивленію всей деревни, Оедя вмѣстѣ съ Кириломъ, въ дружной бесѣдѣ, ѣхали въ одной телѣгѣ по направленію къ селу. Тамъ, у волостного правленія, они остановились, и Кирила попросилъ Оедю идти впередъ, предупредить о немъ отца и устроить такъ, чтобы свиданіе ихъ было безъ постороннихъ свидѣтелей.

Оедя засталъ Оедота Семеныча одного. Онъ сидѣлъ у стола, подперши голову рукою. Лицо его было уныло и мрачно; оно не оживилось и при появленіи Оедора.

— Здравствуй, Оедя, — проговорилъ онъ какъ-то безучастно. — Что, привезъ мою одѣжу?

— Привезъ, Оедотъ Семенычъ.

— Ну, что у нихъ тамъ?.. Не опять ли драка?

— Ничего, все слава Богу: не то, что драка, а мы съ Кириломъ помирились и расцѣловались какъ быть слѣдуетъ братьямъ...

— Полно, ну?.. Неужто почувствовался?

— Онъ здѣсь, Ѳедотъ Семенычъ... Приѣхалъ со мной прощенья у васъ просить... Ждетъ: позволите ли войти ему...

— Когда же сыну бываетъ заказано идти къ отцу?.. Пускай идетъ...

Ѳедотъ Семенычъ говорилъ, повидимому, спокойно, но лицо и глаза его радостно оживились. Ѳедѣ показалось даже, что онъ какъ будто вдрогнулъ всѣмъ тѣломъ и невольно поднялся на ноги. Ѳедя поспѣшилъ позвать Кирилу, и намѣревался-было пустить его одного, но Ѳедотъ Семенычъ—вскричалъ ему вслѣдъ:

— Клини его, да и самъ приходи съ нимъ... Пускай при тебѣ...

Кирила, войдя въ правленіе, бросился отцу въ ноги и, не поднимаясь съ коленъ,—проговорилъ сдавленнымъ голосомъ:

— Прости меня, батюшка... Положи гнѣвъ на милость!..

— Не гнѣвишь я на тебя, а скорбешь тобой..., — отвѣчалъ Ѳедотъ Семенычъ.—Всегда ты былъ у меня, у сердца, а если я что и дѣлалъ не по мысли тебѣ, такъ, думалъ, для твоего же добра... Скажи ты мнѣ только, Кирила: изъ совѣсти ты ко мнѣ пришелъ, али изъ-за чего другого?..

— Изъ совѣсти, изъ одной, батюшка..., — отвѣчалъ Кирила, смотря въ землю и не поднимая головы.

— Коли изъ совѣсти, такъ значитъ мнѣ и говорить больше ничего не приходится: совѣсть твоя все тебѣ скажетъ... всю вину твою передо мной... Ну, Богъ съ тобой, все тебѣ прощаю!.. Поди, обнимемся...

Кирила быстро всталъ и обнялъ отца.

У Ѳедота Семеныча падали изъ глазъ слезы на голову сына, руки его дрожали.

— Вотъ когда... сына нашель... Ахъ, Кирила, Кирила!.., — говорилъ онъ прерывающимся голосомъ.—Будь ты хоть послѣдніе-то годы... старость-то мою успокой...

— Успокою, батюшка!.. Ужъ коли не гнѣваешься, простишь, такъ ужъ отмѣни что вчера говорилъ: пожалуй, поѣдемъ домой... Живи съ нами...

Ѳедотъ Семенычъ нѣкоторое время молчалъ, какъ-бы собирався съ духомъ.

— Слушай, Кирила,—заговорилъ онъ наконецъ.—Ты передо мной покался, и я покажусь передъ тобой: изъ такой же молодой головы, какъ твоя, пришло и въ мою сѣдую голову; не я ли

самъ виновать въ тебѣ, что держалъ тебя подъ рукою, не давалъ тебѣ полной воли?.. Коли виновать я въ томъ, такъ хочу свою вину поправить... Все тебѣ предоставляю: будь ты полнымъ хозяиномъ въ домѣ, распоряжайся всѣмъ, дѣлай все, какъ самъ знаешь... Я ни во что мѣшаться не стану, и что не по-моему будешь затѣвать, посоветую — коли хочешь, а останавливать не стану... А, можетъ, не лучше ли, чтобы я и вовсе изъ дома ушелъ, какъ хотѣлъ?.. Сказывай прямо, по совѣсти...

— Нѣтъ, батюшка, какъ можно, чтобы родитель изъ дома ушелъ... И совѣсть моя не позволяетъ того, да и чтó люди скажутъ?.. На милости твоей благодарю, что все мнѣ предоставляешь, а только что нѣтъ, не оставь, пожалуй, живи съ нами... Затѣмъ больше и прищель... просить тебя... Мы тебя успокоимъ, а ты насъ наставленьемъ своимъ не оставь!..

У Ѳедота Семеныча просіяло лицо.

— Ну, коли такъ, спасибо... Поѣдемъ..., — проговорилъ онъ весело и опять обнялъ сына. — Вотъ, Ѳедя, и у меня праздникъ!.. Теперь ужъ я и тебя сегодня-то не пущу. Погости денѣкъ, другой у насъ — на радостяхъ.

Веселые и довольные всѣ трое возвращались они въ Ступино. У воротъ ихъ встрѣтила Анна, приняла лошадь, ввела ее подъ уздцы во дворъ, а потомъ кинулась со слезами въ ноги Ѳедоту Семенычу, потомъ — мужу, потомъ брату. За то Ѳедосья Осиповна встрѣтила ихъ въ избѣ безъ всякаго заявленія радости, съ тѣмъ же выраженіемъ недоумѣнія и испуга, которое точно замерло у нея на лицѣ съ минуты совершившагося на ея глазахъ примиренія Кирилы съ Ѳедей.

Черезъ два дня Ѳедоръ собрался уходить домой. На душѣ у него было тяжело, потому-что онъ не могъ добыть обѣщанныхъ Дарьѣ Тихоновнѣ денегъ и не зналъ, какъ ему показаться къ ней безъ нихъ; но на его счастье Ѳедотъ Семенычъ, прощаясь, сунулъ ему въ руку пятирублевую бумажку и требовалъ, чтобы онъ непременно взялъ ее. Ѳедя тотчасъ же отнесъ ее къ Дарьѣ Тихоновнѣ и былъ безмѣрно радъ, что могъ исполнить ея просьбу... Съ ними прощались тамъ и провожали его съ большою любовью и лаской... Но съ тѣхъ поръ прошло уже два мѣсяца... Какъ-то встрѣтить теперь?..

АЛЕКСѢЙ ПОТВХИНЪ.

ПАНСЛАВИЗМЪ

ВЪ ПРОШЛОМЪ и НАСТОЯЩЕМЪ

IV *).

Трудности вопроса.

Принципъ панславизма есть національный (не религіозный, и не другой) принципъ. Это вообще принимается и его сторонниками и противниками; въ такой постановкѣ панславизма есть однако трудности, въ которыхъ надо отдать себѣ отчетъ, чтобы не впасть въ ошибку о сущности дѣла.

Насколько простирается *этотъ* принципъ въ вопросѣ славянскаго объединенія; не соединяется ли онъ съ другими мотивами, напр., религіознымъ, и въ какой мѣрѣ; можно ли сравнивать «славянское чувство» съ тѣмъ національнымъ чувствомъ, которое непосредственно и живо связываетъ нѣмцевъ или итальянцевъ въ дѣйствительное единство, — такое единство, которое изъ вчерашней раздѣльности можетъ проявиться вдругъ, какъ только сломлены внѣшнія помѣхи, и которое само и сламываетъ ихъ; насколько стремленіе къ единству ослабляется или нейтрализуется противоположнымъ стремленіемъ къ сохраненію своей племенной особенности, насколько, поѣтому, можно думать о возможности самаго осуществленія панславизма какъ дѣйствительнаго объединенія?

*) См. выше: сентябрь, стр. 812.

Практическіе факты славянской жизни, давней и современной, способны возбуждать по этимъ вопросамъ большія сомнѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, если въ славянскомъ мірѣ существуетъ стремленіе къ образованію одного цѣлаго, — отчего оно выражается такъ неровно и такъ неустойчиво? Въ старыя времена племенное единство едва помнилось; племена такъ разошлись, что потеряли всякую мысль о возможности союза и общаго дѣйствія; когда у отдѣльныхъ племенъ національная борьба доходила до высшаго предѣла, до послѣдняго напряженія народныхъ силъ, какъ у чеховъ въ эпоху гусситства, у южныхъ славянъ въ періодъ борьбы съ турками, у русскихъ въ разныя тяжелыя эпохи ихъ старой исторіи и т. д., эти національные взрывы въ свое время не находили отголоска въ родственныхъ племенахъ, были имъ взаимно очень мало или совсѣмъ невѣдѣсны. Большая степень взаимнаго знанія и интереса начинается лишь съ конца прошлаго столѣтія, но и здѣсь интересъ былъ очень неровный, долго не доходилъ въ массу общества, напр. русскаго, иногда почти отсутствовалъ совсѣмъ, какъ въ обществѣ польскомъ, — и въ минуты сильнѣйшаго возбужденія, какъ, напр., съ начала русско-турецкой войны и донынѣ, представлялъ много странныхъ противорѣчій, заставляющихъ недоумѣвать — насколько же дѣйствительно сильны наши между-славянскія сочувствія, что же, наконецъ, происходило предъ нашими глазами?

Можно было бы просто принять какъ историческій фактъ, и помириться съ тѣмъ, что славяне въ теченіи своей средневѣковой исторіи не знали другъ друга — живя отдѣльною жизнью, и за собственными бѣдами не имѣя никакой возможности думать другъ о другѣ. Но славянофильскіе поэты, отъ Коллара до Ө. Тютчева, и панславянскіе историки-публицисты самый фактъ ставятъ совсѣмъ иначе: они съ самаго начала видятъ въ славянствѣ одну семью родныхъ братьевъ, всегда другъ другу близкихъ, но разлучаемыхъ только злобой враговъ, которая и теперь только одна не даетъ имъ слиться въ прежній братскій союзъ, въ одно цѣлое. Между тѣмъ, доселѣ самое стремленіе къ такому союзу еще недостаточно выяснилось. Угнетенные турками, мадьярами или нѣмцами, славянскія національности въ большей или меньшей степени были бы расположены воспользоваться политическимъ могуществомъ Россіи для своего освобожденія — вотъ все, что до сихъ поръ имѣется въ виду. Но затѣмъ самое стремленіе къ *совмѣстному* съ Россіей политическому существованію — остается еще вопросомъ. Только будущее можетъ выяснитъ этотъ вопросъ; но не трудно предвидѣть, что онъ можетъ быть рѣшенъ въ смыслѣ

утвердительномъ не иначе, какъ послѣ значительной внутренней работы Россіи надъ самой-собою, т.-е. надъ тѣми условіями своего быта, которыя могли бы сдѣлаться чувствительными для славянъ, вступившихъ съ нею въ политическую связь.

Другіе наблюдатели указываютъ, что славянское движеніе нельзя сравнивать, напр., съ нѣмецкимъ или итальянскимъ. Итальянцы искали собственно не національнаго, а только *политическаго* единства, а единство національное давно уже не составляло для нихъ вопроса и давно заявлялось и существовало въ образованности и литературѣ. Также и у нѣмцевъ: цѣль нѣмецкихъ «національных» направленій была только *политическая*—удаленіе средневѣковаго феодализма, который внѣшнимъ образомъ дѣлилъ нѣмецкій народъ на множество кусковъ, не давалъ возможности широкаго общественно-политическаго развитія и, отдавая народъ на произволъ и жертву мелкихъ династическихъ расчетовъ и дипломатическихъ интригъ, оставлялъ Германію безсильной какъ государство и иногда дѣлалъ ея политическую роль въ Европѣ довольно жалкой;—но *нація* была давно готова. Нѣмецкая образованность была издавна обще-нѣмецкая, была дѣломъ людей всѣхъ нѣмецкихъ странъ, расходилась по всѣмъ странамъ нѣмецкаго языка. Великія имена нѣмецкой науки и поэзіи еще съ среднихъ вѣковъ были всеобщей гордостью и всеобщимъ поученіемъ.

Было ли что подобное въ славянскомъ мірѣ? Очевидно, нѣтъ. Славянофильская школа нашла въ славянской древности только два пункта, и лишь трехъ людей, которымъ придавала значеніе всеславянское или по крайней мѣрѣ значеніе возможной связи и посредничества между славянскими западомъ и востокомъ. Во-первыхъ, это—дѣятельность Кирилла и Меѳодія, которая, по ихъ изысканіямъ, простиралась прямо или косвенно на всѣ славянскія племена древности, и если удержалась только на востокѣ и югѣ, то для другихъ по крайней мѣрѣ дала указаніе истиннаго пути развитія, именно развитія чисто славянскаго, независимаго отъ запада и латыни и представляющаго глубокой задатокъ для будущаго всеславянскаго ¹⁾. Во-вторыхъ, дѣло Гуса изображается какъ слѣдствіе этого стараго обще-славянскаго православнаго преданія, сохранившагося въ Чехіи отъ проповѣди Кирилла и Меѳодія. Но извѣстно, что, несмотря на то, славянскій міръ издавна подѣлился между греческимъ и римскимъ христіанствомъ и всю свою историческую жизнь провелъ въ этомъ церковномъ дѣленіи, съ которымъ соединялось дѣленіе культурное и по-

¹⁾ Ср. Соч. Гизефердинга, I, стр. 881—340.

литическое. Славянофилы хотѣли искать славянскаго объединенія въ православіи ¹⁾, — съ его распространеніемъ уничтожилась бы одна изъ крупныхъ причинъ разъединенія; но до сихъ поръ, въ этомъ направленіи, кромѣ «возсоединенія» западнаго края изъ уни (сдѣланнаго не совсѣмъ въ томъ же духѣ и не тѣми приѣмами, какіе отвѣчали бы общеславянской точкѣ зрѣнія), не сдѣлано было ничего. Отсюда произошло, что вѣроисповѣднѣй элементъ занялъ въ теоріи славянофильства мѣсто перво-степенное. Кажалось логичнымъ—разъединеніе, поддерживаемое разновѣріемъ, устранить объединеніемъ въ самой вѣрѣ. Въ дѣйствительности же тутъ была и важная логическая ошибка. Именно потому, что религіозная особность, являясь культурнымъ элементомъ, исторически обратилась въ одну изъ важнѣйшихъ чертъ самихъ національныхъ разновидностей, предпринимать искусственное объединеніе посредствомъ единовѣрія—значило бы посягать на самыя національныя особи, на самое чувство національности, —а между тѣмъ только изъ него и могло бы истекать стремленіе къ общеславянскому союзу для огражденія отдѣльныхъ національныхъ организмовъ. Если національность есть организмъ, какъ принимаютъ славянофилы, то попытки къ измѣненію этого организма въ видахъ политическихъ означало бы такое же насиліе, какое, по ихъ ученію, «петербургскій періодъ» совершалъ надъ русскою стариною. Искусственное объединеніе посредствомъ одновѣрія противорѣчило бы самымъ дѣламъ объединенія, противорѣчило бы тому чувству исторической національности, изъ котораго только и можетъ произтекать сознаніе нужды въ объединеніи политическомъ. Такимъ образомъ, вѣроисповѣднѣй элементъ, вносимый славянофилами въ ихъ ученіе, на дѣлѣ оказался бы скорѣе принципомъ разъединенія, чѣмъ средствомъ собиранія родственныхъ національностей.

Въ наше время, чтобы устранить политическія несогласія

¹⁾ Какъ видимъ, они имѣли для этого основаніе, но только они дѣлали при этомъ практическія ошибки, по какимъ вообще ихъ направленіе оставалось доселѣ исключительно теоріей кружка. Прежде всего, люди другихъ мнѣній и особенно враги, съ которыми имъ нужно бороться, не убѣдятся той теоріей мистическихъ предопредѣленій, какою они доказываютъ необходимость православія для всего славянства. Далѣе, отталкивая отъ постояннаго ошибки есть противоположеніе славянской цивилизаціи и западной, — когда первая еще не существуетъ, какъ нѣчто равномѣрное со второй. Наконецъ, въ славянофильской теоріи нѣтъ тѣни указанія на ея практическое выполненіе; между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что въ нынѣшнемъ состояніи нашей общественной и церковной жизни толки о распространеніи православія и осужденія западнаго славянства за католицизмъ скучно безплодны: „врачу, исцѣлился самъ“ — могутъ сказать, и, къ сожалѣнію, очень справедливо.

изъ-за разнорѣрія, остается одно вѣрное средство: совсѣмъ устранить изъ политической программы вопросъ религіозный — или, другими словами, покрыть противорѣчіе болѣе широкимъ началомъ — полной религіозной свободы. Необходимо имѣть въ виду, что самая вражда родственныхъ національностей изъ-за разнорѣрія была обусловлена въ дѣйствительности именно тѣмъ, что народы служили орудіями для борьбы духовныхъ кастъ и правительствъ, подпадавшихъ вліянію этихъ кастъ.

Славянская образованность, хотя имѣла много замѣчательныхъ лицъ и фактовъ, сдѣлала важные, иногда первостепенной цѣны, вклады въ исторію европейскаго знанія и цивилизаціи, — тѣмъ не менѣе не представляетъ ничего цѣльнаго, исключительно, своеобразно славянскаго. О ней нельзя говорить, какъ объ нѣмецкой, французской, итальянской образованности. Славянскія племена шли врозь, — въ то время, какъ одни достигали большой высоты образованія, другія были въ крайнемъ, безнадежномъ упадкѣ: образованность чешская съ XIV вѣка, польская, даматинская были неизвѣстны одна другой; славныя имена науки и поэзіи у одного племени были пустымъ звукомъ для другого, — ничего цѣльнаго, никакой преемственности, никакихъ общихъ нравственныхъ результатовъ давняго образовательнаго преданія. Напримѣръ, была ли чѣмъ-нибудь для насъ изящная поэзія старыхъ даматинцевъ, древнихъ чешскихъ поэтовъ, польскихъ писателей золотого вѣка, и т. д.? Совершенно ничѣмъ, потому что въ свое время мы о ней не имѣли никакого понятія. Мало того, доставляетъ ли нашему развитію что-нибудь современная славянская литература въ области чисто научной, гдѣ являлась общность историческихъ и археологическихъ вопросовъ? Очень немного; даже ближайшая къ намъ и одна изъ сильнѣйшихъ славянскихъ литературъ, польская, извѣстна у насъ доселѣ крайне мало. Почти единственный періодъ, гдѣ въ одной части славянства была извѣстная литературная солидарность, — есть періодъ древней православной письменности, которая черезъ посредство церковно-славянскаго языка была общею для болгаръ, для русскихъ и для сербовъ. Но и здѣсь національное было не главнымъ, а только счастливымъ удобствомъ для главнаго — для церковности. Даже русская современная литература, которая, повидимому, должна бы представлять для славянства важный интересъ по его ожиданіямъ отъ русскаго государства, народа и общества, извѣстна въ славянскомъ мірѣ самымъ отрывочнымъ образомъ, и можно сказать положительно, что ея существенные вопросы, — именно внутренніе, отъ которыхъ зависятъ и способъ отношенія русскаго

общества къ славянскому дѣлу, — до сихъ поръ очень мало занимали западную славянскую литературу — разумѣется, къ ущербу обѣихъ сторонъ, и особенно послѣдней.

Все это не представляетъ ничего похожаго на ту исторію національной образованности, какая у германцевъ или итальянцевъ даетъ литературѣ, а слѣдовательно вообще національной жизни характеръ цѣльности и единства, и, несмотря на политическое дробленіе, дѣлала изъ произведеній отдѣльныхъ краевъ одно національное наслѣдство. Солидарность національнаго сознанія, взаимное изученіе начинаются въ славянствѣ только въ новѣйшее время, и приобретаютъ нѣсколько значительный размѣръ лишь въ послѣднія лѣтъ пятьдесятъ. Еще живы люди, видѣвшіе первыя ясныя заявленія панславянскихъ тенденцій.

Въ общемъ теченіи жизни славянство доселѣ остается страшно раздѣленнымъ: исторія, нравы, бытъ — различны; политическіе интересы все еще идутъ врозь, и при настоящемъ положеніи Россіи, которая могла бы стать опорой для ихъ соглашенія и соединенія, соглашеніе все еще чрезвычайно трудно, даже невозможно; языкъ славянскихъ племенъ, филологически единый въ своихъ древнихъ основаніяхъ, вовсе не единъ по современному составу, и у разныхъ племенъ взаимно невразумителенъ. Въ числѣ разныхъ заботъ и задачъ, какія ставило современное славянское движеніе, ставится уже давно задача объ общеславянскомъ литературномъ или дипломатическомъ языкѣ — какъ видимъ, элементарная (но крайне трудная) задача, и рѣшеніе ея должно *отъ первой разѣ* доставить славянству средство взаимнаго пониманія.

Если такъ, славянское движеніе, очевидно, непохоже на національное движеніе нѣмецкое или итальянское; это есть стремленіе объединить не *народъ*, а цѣлое *племя* — въ такомъ родѣ, какъ если бы, на примѣръ, явилось стремленіе объединить латинское племя (была и дѣйствительно рѣчь о «панлатинизмѣ»), или если бы германство возымѣло намѣреніе слить съ собою Голландію, Данію и Скандинавію. Гдѣ же предѣлъ этому стремленію? Оставалось бы объединить арійское племя — въ древности, оно вѣдь также возводится къ одному цѣлому.

Что же заключить изъ этого? Не поднимая вопроса о томъ, возможенъ или нѣтъ панславизмъ — въ той или другой формѣ, — нельзя не видѣть, что движеніе славянства въ этомъ смыслѣ обставлено великими трудностями по всему историческому существованію дѣла, что эти трудности — вовсе не въ однихъ вѣнскихъ

политическихъ отношеніяхъ настоящей минуты; наконецъ, что думать помочь ему политической сентиментальностью и мистицизмомъ было бы очень простодушно.

Если сравнивать славянское движеніе съ національными движеніями западныхъ европейскихъ народовъ и ожидать, при извѣстномъ политическомъ освобожденіи и солидарности, образовательнаго объединенія славянскихъ племенъ (которое, въ самомъ дѣлѣ, одно могло бы дать должное поприще для ихъ культурныхъ успѣховъ и самобытности) — хотя бы въ формѣ литературнаго объединенія съ русскимъ языкомъ, — положеніе дѣла теперь очевидно будетъ соответствовать только средневѣковымъ періодамъ европейскихъ народовъ, напавунѣ того, какъ объединился французскій, нѣмецкій, англійскій литературный языкъ. Настоящее состояніе нѣкоторыхъ племенъ, напр., балканскихъ, и по общественному быту только-что выходить изъ среднихъ вѣковъ.

Кромѣ тѣхъ сомнѣній, какія внушаетъ расчетъ современнаго внѣшняго положенія славянства, есть болѣе широкая точка зрѣнія, которая предостерегаетъ отъ увлеченій «національнымъ принципомъ», тѣмъ болѣе требующая вниманія, что послѣдователи этого принципа рѣдко заботятся о томъ, чтобы съ точностью опредѣлить его отношенія къ принципу общечеловѣческому съ одной стороны, и съ другой — къ простой насущной народной жизни, и потому на практикѣ часто ставятъ его очень грубымъ и вреднымъ образомъ. По сущности самыхъ принциповъ, между національнымъ и общечеловѣческимъ нѣтъ или не должно быть никакой на дѣлѣ противоположности, — но люди общества и сами публицисты (а въ особенности наши, которымъ всѣ эти дѣла вновь), увлекаясь «національнымъ», не умѣютъ отдать себѣ отчета въ его содержаніи и противопоставляютъ его общечеловѣческому, называя послѣднее космополитическимъ: дѣятельность въ смыслѣ общечеловѣческомъ они выдаютъ за измѣну «національному». Въ результатѣ, получается то, что «національныя» партіи вовсе не бываютъ, тѣмъ самымъ, партіи, наиболѣе благопріятныя народному благу и прогрессу. «Національныя» стремленія чрезвычайно легко поддаются извращенію, эксплуатаціи, политической интригѣ, иногда самой грубой, всего легче идутъ черезъ край подъ именемъ національной «славы», «интересовъ» или «великодушія и безкорыстія» и т. п., — при чемъ дѣйствительный народный интересъ не только забывается, но пренебрегается какъ мелочность, жѣпяющая національному величію и естественному эффекту.

Примѣровъ сколько угодно можетъ представить современная

Европа. Когда, напримѣръ, въ началѣ столѣтія германскія правительства послѣ войны съ Наполеономъ такъ долго могли отсрочивать исполненіе данныхъ ими либеральныхъ обѣщаній, то нѣкоторая доля вины падала здѣсь на самую особенность «національной» партіи, которая являлась въ видѣ «французо-ненавистниковъ», поклонниковъ всего «родного», всѣхъ «національных особенностей». Наименѣе привлекательныя изъ этихъ особенностей и продолжали жить въ ореолѣ національнаго романтизма, политически ретрограднаго, — пока смѣлая и блестящая школа «юной Германіи» не наложила безпощадной руи на этотъ романтизмъ и не обнаружила всей его политической нецѣлостности. Франція двадцать лѣтъ мирилась съ правленіемъ Наполеона III, благодаря тому, что онъ обманывалъ ее «славой», въ которой такъ чувствителенъ французскій народъ, талантливый, но и страшно самолюбивый. О нѣмцахъ нечего и говорить; всѣмъ бросаются въ глаза крайности ихъ національных увлеченій, и двѣ параллели Франціи и Германіи въ 1871 и 1878 чрезвычайно поучительны. Въ Англіи національная идея выразилась знаменитыми «британскими интересами», противъ которыхъ, наконецъ, приходять въ негодованіе сами англичане, мнѣній Гладстона и многихъ другихъ лучшихъ умовъ Англіи, напоминавшіе, что, кромѣ «интересовъ» (черезъ всякую мѣру преувеличенныхъ), у народовъ должна быть еще совѣсть. Наши «національные» публицисты знаютъ эти и подобные примѣры; они издавна выучились говорить о французскомъ шовинизмѣ, не уставали трунить надъ нѣмецкимъ «фатерландомъ» (самымъ этимъ словомъ они любили дѣлать нѣмцамъ колкость); обличеніямъ Биконсфильда въ послѣднее время не было конца. Все это было бы прекрасно, еслибъ политическіе критики не ограничивались «живаньемъ на Петра» и въ другихъ случаяхъ подобнаго свойства ихъ разсужденія не были самымъ беззащитнымъ лицемеріемъ...

Такия преувеличенія или извращенія «національнаго принципа» могутъ дѣлать его прямо ретрограднымъ принципомъ — не только относительно другихъ народовъ, но и того самаго, которому онъ призывается служить. И въ политикѣ внутренней, «національной идеей» прикрывались не разъ и не безъ успѣха теоріи, ни мало не расположенныя заботиться о народномъ благѣ; теоріи, которыя подъ видомъ охраненія преданій и учрежденій, «освященныхъ вѣками», охраняли самыя зловеридныя наслѣдія временъ стараго невѣжества, грубости, даже варварства (у насъ вѣрнопостное право процвѣтало въ то самое время, когда официально заявлено было начало «народности», какъ одно изъ

основаній русской жизни). Наши публицисты до сихъ поръ клеймятъ у насъ «космополитами» (!) тѣхъ, кто указывалъ на внутреннія потребности общества, какъ на предметъ заботы, не менѣе, если не болѣе важный, чѣмъ тотъ національный вопросъ, ради котораго ихъ готовы были забывать. Поэтому, очень правы бывали писатели, прямо утверждавшіе, что въ практической политикѣ изъ «національности» и «народности» сдѣлались вещи противоположныя, другъ друга исключаютія.

Привычка мѣшать народъ въ политическую исторію, — говорили они, — брать часть за цѣлое и навязывать народу дѣла и формы, въ которыхъ онъ никогда не имѣлъ прямого участія, есть софизмъ, которымъ фаталисты закрывали путь всякому разумному улучшенію, ссылаясь на историческія препятствія. Эти историческія препятствія и особенности касались вездѣ только незначительнаго меньшинства или нѣсколькихъ верхнихъ слоевъ; исторія *народной массы* была просто исторія рабочей силы, которая не распоряжалась собой; народная масса только пассивно участвовала въ исторіи политической, которая была дѣломъ этого меньшинства — феодаловъ, духовенства, городскихъ классовъ и т. под. Были случаи, гдѣ и народъ подавалъ свой голосъ въ событіяхъ и дѣйствовалъ собственной волей — это бывали отчаянныя минуты иноземныхъ завоеваній; но внутри, его прямое участіе въ «исторіи» заявлялось страшными возстаніями, когда гнетъ, лежавшій на немъ, превышалъ всѣ его силы. Упомянутый софизмъ обыкновенно выводитъ всю политическую исторію, и дѣянія самого меньшинства какъ выраженіе «народной идеи», характера и т. п.; но какъ укладываются въ эту теорію взрывы народной ненависти противъ существующаго порядка? Утопченная логика новѣйшихъ историковъ отыскиваетъ и для нихъ свое частное объясненіе; но можно ли сказать, чтобы она выяснила эти факты во всемъ ихъ печальномъ значеніи? Это, очевидно, взрывы наболѣвшей язвы, которой продолжительность сами историки считаютъ иногда вѣками, — чѣмъ же была исторія народной массы въ теченіи *этихъ вѣковъ*?

Наше время называютъ по преимуществу вѣкомъ демократическихъ началъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ конца прошлаго столѣтія, когда торжественно провозглашались «права человека», судьба народныхъ массъ, защита ихъ права болѣе чѣмъ въ какой-нибудь періодъ исторіи, послѣ I вѣка, возбуждала горячее участіе лучшихъ умовъ общества, которые были ихъ адвокатами — и въ философско-политическихъ теоріяхъ, и въ гуманной морали, и въ филантропіи, и, наконецъ, въ политической борьбѣ. Этому

движенію несомнѣнно предстоить будущее, и исторія будетъ дѣломъ народовъ не на однихъ словахъ; распространеніе политическихъ правъ, совершавшееся во всей Европѣ въ теченіи послѣдняго столѣтія, есть уже большой шагъ въ этомъ направленіи... Но и донинѣ, взявши громадное большинство политическихъ фактовъ новѣйшаго времени, можно ли сказать, что народныя массы имѣли въ нихъ какую-нибудь долю *сознательнаго* участія? Не читали ли мы, напротивъ, жалобъ, что сельскія населенія остаются равнодушны къ политическимъ дѣламъ, напр., даже въ странахъ съ особенно развитой политической жизнью, какъ Франція?

Имѣетъ ли наша народная масса сознательное участіе въ настоящемъ славянскомъ вопросѣ? Имѣетъ — чувствомъ состраданія и симпатіи къ единовѣрцамъ, терпѣвшимъ невыносимое, злобное иго — въ томъ смыслѣ, въ какомъ дошли до нея отрывочныя свѣдѣнія объ этомъ фактѣ. Но было бы лицемеріемъ и ложью — утверждать, что народная масса имѣетъ то или другое определенное понятіе и желаніе относительно всего нашего способа дѣйствій въ послѣдніе годы. Дѣло, конечно, невозможное, но мы думаемъ, что если бы теперь, какъ въ концѣ XVII-го вѣка, народный соборъ былъ спрошенъ, — онъ, вѣроятно, употребилъ бы оговорки, которыхъ вовсе не дѣлало большинство воинственныхъ публицистовъ; онъ сказалъ бы приблизительно то же, что сказалъ въ XVII-мъ столѣтіи, именно — за внѣшними дѣлами онъ не забылъ бы настоятельныхъ внутреннихъ нуждъ, и, словомъ, во многихъ случаяхъ высказалъ бы не тѣ мысли, какія проповѣдуются иными публицистами, берущими на себя выражать идеи и желанія «народа»...

Но, какъ бы то ни было, существуетъ фактъ, что въ славянствѣ идетъ хотя еще неясный, но несомнѣнный процессъ взаимнаго сближенія; пробудилось племенное чувство, которое, по видимому, стремится все больше отыскать себѣ реальное выраженіе. Русскій народъ давно возбуждалъ извѣстныя сочувствія и надежды, и преимущественно въ славянствѣ балканскомъ существовало ожиданіе, что отъ этого народа, родственнаго и единовѣрнаго, придетъ помощь, которая пособитъ славянству начать новую жизнь просвѣщенія и свободы. То, о чемъ не было и мысли сто лѣтъ тому назадъ, что казалось политической фантазіей въ началѣ нынѣшняго вѣка, чѣмъ дальше, тѣмъ больше выясняется въ понятіяхъ и отчасти исполняется на фактахъ.

Итакъ, въ славянствѣ идетъ національное броженіе, — совершается историческій процессъ. Къ чему онъ поведетъ? какую готовить судьбу для славянства? Наступитъ ли новая эпоха цивилизаціи, жданная славянскими патріотами, — или начнется новая долгая, для многихъ племенъ юга и запада послѣдняя борьба за свое бытіе? Какая роль выпадетъ Россіи въ ихъ будущемъ?

Трудно выбирать между отвѣтами, какіе давались на эти вопросы, — отвѣтами оптимистовъ (славянскихъ патріотовъ и даже не-славянскихъ историковъ, какъ Гельвальдъ), которые пророчатъ славянству побѣду и славное будущее, или отвѣтами пессимистовъ, враговъ славянства или славянскихъ патріотовъ, смущаемыхъ тяжелымъ прошлымъ и слышащихъ часто безотраднымъ настоящимъ. Но надо видѣть обѣ стороны. На югѣ борьба уже отмѣчена страшнымъ истребленіемъ: послѣдніе годы унесли десятки тысячъ тѣхъ самыхъ людей, которые показали всего больше энергіи въ защитѣ свободы и человѣческаго права, — которые собственно подняли снова весь восточный вопросъ; и славянскіе патріоты боятся, что западно-балканскому славянству, уцѣлѣвшему отъ турокъ, придется надѣть ярмо «швабы» и еврейства. Для славянства на западѣ до сихъ поръ были незавидны. Можетъ быть, теперь они будутъ еще труднѣе: послѣднія событія снова вызвали призракъ «панславизма», и политическіе враги славянства, вѣроятно, не преминутъ принимать противъ него дѣйствительныя мѣры. Единственнымъ средствомъ противостоять этимъ мѣрамъ была бы политическая солидарность, которой такъ давно ищутъ славянскія племена; но можно ли сказать, что эта солидарность существуетъ? Не оказалось ли въ ней печальныхъ пробѣловъ, даже когда Россія выступила за балканское славянство во всеоружіи своей военной силы?

Одинъ изъ такихъ пробѣловъ, возбуждающихъ недоумѣніе, представился самою политикою Россіи по отношенію къ славянскимъ странамъ Балканскаго полуострова. Сильное славянское государство могло бы, очевидно, составить тамъ прежде всего вокругъ Сербіи, какъ ядра. Болгары, предоставленные самимъ себѣ, могли бы еще устроиться сами, но въ настоящее время не могутъ стать центромъ для объединенія. Между тѣмъ, наименьшее сочувствіе съ нашей стороны было выказано сербамъ; Черногорія оказывалось явное предпочтеніе, какъ-бы въ усиленіе соперничества между двумя княжескими дворами. Сербское дѣло въ Босніи и Герцеговинѣ, — населенныхъ чистѣйшимъ сербскимъ народомъ, которому, по всей справедливости и по всѣмъ услови-

ямъ историческимъ и этнографическимъ, слѣдовало применить къ тому или другому изъ сербскихъ княжествъ, — это сербское дѣло дошло до страшнаго положенія, грозящаго (по впечатлѣнію близкихъ свидѣтелей) гибелью дѣлаго, повторяемъ, чистѣйшаго сербскаго края. Наконецъ, въ Болгаріи, еще до полнаго ея освобожденія, были предприняты бытовныя реформы безъ всякой справки съ желаніями ея населенія.

Славянству предстоитъ не только политическая борьба и экономическая конкуренція, но и національная борьба въ области образованія и культуры. Западное славянство понесло въ этомъ отношеніи уже много потерь; нѣмецкое образованіе, нравы, языкъ постоянно распространяются въ земляхъ австрійскаго славянства и въ польскихъ земляхъ Пруссіи, — а нѣмецкое вліяніе сильно всѣмъ объемомъ нѣмецкой образованности и широкимъ общечеловѣческимъ значеніемъ. Нѣмецкое образованіе становится для западнаго славянства средствомъ вообще для усвоенія европейской науки и цивилизаціи.

Эта сторона національнаго вопроса часто понимается и въ западномъ славянствѣ и у насъ самымъ превратнымъ образомъ. Пугаясь нѣмецкаго или вообще западно-европейскаго вліянія, думаютъ, что отъ него можно избавиться бѣгствомъ: ультра-національные патріоты, напр., у чеховъ, считали, бывало, грѣхомъ учиться по нѣмецкому писателю; наши — тоже съ высокомиріемъ относятся къ «нѣмецкимъ книжкамъ» (съ которыми сами бывають обыкновенно мало знакомы). Эта жалкая точка зрѣнія, у насъ изобрѣтенная «кваснымъ патріотизмомъ» и не исчезнувшая до сихъ поръ, конечно, только питаетъ невѣжество; между тѣмъ только возвышеніе умственнаго уровня и можетъ дать «національности» силу выдержать конкуренцію образованія; иначе наша русская образованность волей-неволей будетъ оставаться въ ученичествѣ, и тѣмъ самымъ терять авторитетъ въ славянствѣ. Русскому обществу, которое и доселѣ не имѣетъ понятія о свободной широкой наукѣ, слѣдуетъ въ особенности понять, что просвѣщеніе (т.-е. настоящее, а не воображаемое) есть капиталный пунктъ, отъ котораго зависить и наше значеніе въ славянствѣ, и даже политическая сила.

Это — одно условіе нашего вліянія (или господства?) въ славянскомъ мірѣ, если мы хотимъ его достигнуть. Другое, съ нимъ тѣсно связанное — наша внутренняя общественно-политическая самостоятельность. Наша помощь славянству не будетъ полной, если будетъ состоять въ однихъ арміяхъ; подвиги, совершаемые арміями, могутъ не дать настоящаго, даже никакого, результата,

если не будутъ поддержаны постоянной солидарностью общества. Арміи могутъ блистательно сдѣлать свое дѣло, какъ сдѣлали его въ настоящей войнѣ; но въ той же мѣрѣ, какъ оружіемъ, вопросы рѣшаются первоначальной нравственно-политической постановкой дѣла, которая будетъ прямо зависѣть отъ наличнаго характера общества, или его руководителей, отъ его внутренне-политическаго состоянія. Берлинскій трактатъ возбудилъ у насъ большія недоумѣнія и недовольство; онъ и въ самомъ дѣлѣ неудовлетворителенъ; но недоумѣнія общества были напрасны — само оно въ громадномъ большинствѣ не представляло и не представляло нравственно-политическихъ данныхъ, по которымъ могло бы требовать большаго результата. Было ли общество приготовлено къ пониманію тѣхъ вопросовъ, какіе предстали въ южно-славянскихъ событіяхъ; много ли заботилось оно о томъ, чтобы установить, хотя въ предположеніи, русскія отношенія къ балканскому славянству, — высказало ли свои настоящіе мысли и желанія, — да и думало ли вообще высказать ихъ съ нѣкоторой полнотой и правомъ на вниманіе?...

Послѣдняя война сдѣлала многое для южнаго славянства, но не все, что могла бы сдѣлать; многое разъяснила для русскаго общества, но также не все. Въ то время, какъ русскія войска возвращаются, и встрѣчаются горячими народными сочувствіями и оваціями, такъ хорошо заслуженными, положеніе вещей на славянскомъ югѣ остается мрачнымъ, и первые мѣсяцы исполненія берлинскаго трактата ознаменовываются фактами, напоминающими ужасныя событія въ Болгаріи въ 1876 году. Сербіи прямо жалуются, что Боснія и Герцеговина, столько же нуждавшіеся въ освобожденіи какъ Болгарія, но показавшіе гораздо болѣе энергіи въ борьбѣ, что онѣ «преданы». Болгарія разбита на пять кусковъ, и ея македонская часть, съ миллионнымъ населеніемъ болгаръ, какъ говорятъ, не имѣя иного спасенія отъ греко-турецко-албанскаго преслѣдованія, думаетъ принять унію, такъ какъ католицизмъ умѣетъ лучше защищать свою паству, чѣмъ православная славянская іерархія. Въ Босніи и Герцеговинѣ идетъ, конечно, не «окупація», и даже не война, а рѣзня, давно не виданная въ предѣлахъ Европы; эти несчастныя страны явили неслыханный примѣръ союза христіанъ съ магометанами — противъ «швабовъ». Это — исполненіе берлинскаго трактата, «примирившаго всѣ интересы». Но пусть читатель не успокоивается негодованіями на Англію или на Европу: эти негодованія ничего ему не объяснятъ и ничего не помогутъ.

Особенныя трудности окружаютъ западное, австрійско-прус-

свое славянство, которому очень серьезно грозитъ германизация. Заѣвъ между-славянской вопросъ еще запутаннѣе; наше отношеніе къ полякамъ, чехамъ, католическимъ сербо-хорватамъ, словенцамъ, лишено какой-либо единовѣрія, и въ силу того, нашему обществу гораздо труднѣе, чѣмъ относительно южнаго православнаго славянства, опредѣлить и свое фактическое отношеніе къ нимъ, и то, какъ и въ чемъ можетъ быть найдена наша солидарность съ ними.

Наконецъ, хотя славянской міръ и обнаруживаетъ теперь видимое стремленіе восстановить и укрѣпить взаимную связь своихъ частей, это вовсе не значитъ, что славянскіе «ручьи» желаютъ слиться и потеряться въ русскомъ «морѣ». Совсѣмъ напротивъ. Каждая отдѣльная народность, даже малая, даже мало чѣмъ отличающаяся отъ болѣе крупной гѣтвы, въ которой она примыкаетъ, дорожитъ своей особенностью; такъ что среди всѣхъ центро-стремительныхъ движеній въ единству и союзу, въ славянскихъ племенахъ остается повсюду движеніе центробѣжное, сознаніе своей отдѣльности, и стараніе сохранять ее. Это очень естественно. Народность, разъ сознанная, приобретаетъ двойную цѣну; ея непосредственное значеніе усиливается, когда обстоятельства, счастливыя или несчастныя, заставляютъ дорожить ею какъ выраженіемъ народной личности. Для массъ отвязъ отъ народности — вещь немисляемая, какъ отвязъ отъ всей своей природы; нарушеніе ея всегда практически трудно для народа, всегда нравственно тяжело и оскорбительно. Судьба «послѣднихъ мотыльковъ» — тягостная и трагическая. Какими же способами могутъ быть припрены два теченія, оба — естественныя и человѣчныя; даже, при частномъ консерватизмѣ (сенаративизмѣ) отдѣльныхъ единицъ, можетъ быть достигнуто объединеніе цѣлаго, — особенно когда именно это объединеніе считается необходимымъ условіемъ для его славнаго развитія, которое одно можетъ дать всему племени и его частямъ средства — выдержать общую имъ всѣмъ борьбу съ другими, чуждыми племенами и обезпечить свободный ходъ національности?

Такимъ образомъ, вопросъ единства соединяется со множествомъ разнаго рода трудностей. Панславизмъ, — понимая его въ какой бы то ни было формѣ солидарности, если не прямо политической, то образовательной, литературной, но солидарности дѣйствительной, а не голословной и воображаемой, — очень мудро осуществимъ. Прежде всего, славянскому движенію необходимо, раньше какихъ-нибудь дальнѣйшихъ плановъ, обозначеніе политической свободы для каждаго племени въ отдѣльности, — потому

что только при этомъ могутъ раскрыться національныя силы. Въ главной политической группѣ славянства только это рѣшеніе и можетъ устранить печальный разладъ двухъ національностей, такой разладъ, который иначе будетъ служить однимъ изъ главныхъ противорѣчій и главныхъ тормазовъ нравственному объединенію славянъ. Въ отношеніи обще-культурномъ, славянству предстоитъ большой трудъ образовательный, — у многихъ племенъ едва начатый, а у всѣхъ въ сложности далеко отстающій отъ образованности западно-европейской, и еще предстоитъ найти общій литературный языкъ вмѣсто выѣшняго вавилонскаго смѣшенія нарѣчій — близкихъ, да, но недоступныхъ одно другому безъ изученія. Взаимныя отношенія славянскихъ племенъ еще исполнены недоразумѣній, иногда равнодушія, часто недовѣрія или даже настоящей вражды. Наконецъ, если западное славянство не можетъ обойтись безъ помощи Россіи (что очень вѣроятно), то эта помощь можетъ быть дѣйствительна только тогда, когда сама Россія пройдетъ свой процессъ обновленія, сложный, какъ сложны свойства ея политической и національной природы, — но вовсе впрочемъ и не такой трудный, если бы общество сознало, наконецъ, свое положеніе и непремѣнную необходимость этого обновленія.

И пусть не думаютъ, что дѣло идетъ только объ отсрочкѣ скорого объединенія славянъ Россіею. Вопросъ здѣсь совершенно практическій: до исполненія поманутаго условія, всѣ славяне, не исключая самыхъ православныхъ, будутъ бояться Россіи, и обращеніе къ ней будетъ въ умѣ ихъ имѣть только смыслъ эксплуатаціи матеріальныхъ силъ Россіи въ ихъ пользу. До союза нравственнаго, до откровеннаго стремленія къ какой-либо прочной политической связи отсюда далеко. Наоборотъ, всякое стремленіе наше — при отсутствіи обновленія — искусственно ускоритъ объединеніе славянъ съ Россіею можетъ создать между нами и всѣмъ безъ исключенія славянствомъ полное недовѣріе, которое исключитъ и смыслъ и самую возможность объединенія.

Наконецъ, время не ждать. Событія идутъ теперь быстрѣе, чѣмъ прежде; труднѣе вѣрить въ «неистребимость національностей» — славянскіе патріоты, сознающіе положеніе, боятся, что для нѣкоторыхъ отраслей славянства помощь уже *опоздала*, боятся, что въ настоящую минуту она легко можетъ опоздать для Босніи и Герцеговины. Невозможно думать, что время будетъ работать въ нашу пользу, — оно можетъ работать и противъ славянства, и уже много поработало. Если мы будемъ забывать указанія и требованія исторіи, она пойдетъ мимо насъ. Славянство, потерявши увѣренность въ Россію, отталкиваемое упомянутыми прежде усло-

ніями, можетъ отдѣлиться отъ насъ и нравственно, и политически, и отъ этихъ наше «мѣсто въ Европѣ» очень уменьшится. Что это не невозможно, могли бы указать нѣкоторые эпизоды послѣднихъ четырехъ лѣтъ: были случаи, когда наши политики замѣчали, что та или другая славянская страна можетъ стать для насъ «второй Польшей». Странныя и печальныя слова, среди толковъ о славянахъ!

Мы не исчерпали всѣхъ сомнѣній и трудныхъ пунктовъ вопроса, ничего не загадываемъ, и хотимъ только указать, что вопросъ вовсе не такой простой и ясный, какъ онъ казался и кажется многимъ мечтателямъ, славянскимъ и русскимъ. Великіе историческіе факты, — какимъ было бы славянское объединеніе, — дешево не достаются; для нихъ долженъ быть совершёнъ неотложный и серьёзный трудъ, во всѣхъ областяхъ національной жизни, гдѣ славянству нужно добиться своей самобытности. Русскіе любители славянства не равъ дѣлали себѣ изъ панславизма заманчивый идеалъ, и были убѣждены, что идеалъ осуществится именно съ могущественнымъ вмѣшательствомъ Россіи. Исторія славянскихъ отношеній Россіи еще не далека; но и она уже успѣла дать нѣсколько вразумительныхъ фактовъ, показывающихъ, что для успѣха дѣла — даже въ скромной формѣ нѣкоторой общественно-политической солидарности славянства — недостаточно лирическихъ призывовъ къ братству, недостаточно даже грандіозныхъ военныхъ подвиговъ, а нужна еще работа общества надъ своими внутренними задачами, нужно широкое образованіе, свободная наука и общественность. — Исторія русскаго панславизма даетъ поучительныя примѣры того, какъ наилучшія намѣренія, благороднѣйшіе идеалы были безцѣльны въ томъ грубомъ состояніи общественности, гдѣ не помогало мѣста для сколько-нибудь свободной мысли и идеала.

V.

РУССКІЙ ПАНСЛАВИЗМЪ.

Подъ русскимъ панславизмомъ западные писатели разумѣютъ обыкновенно, принимаемое ими за несомнѣнное, стремленіе Россіи воспользоваться племенными влеченіями славянскихъ племенъ, слабыхъ въ отдѣльности, для установленія своего вліянія или господства надъ ними, съ тѣмъ, чтобы грозить потомъ Европѣ. Россіи приписывалась макіавеллическая политика, имѣвшая цѣлью

прежде всего завладѣніе Балканскимъ полуостровомъ и Константинополемъ. На *этой* темѣ мы останавливались въ другомъ мѣстѣ, и о ней говорить теперь не будемъ, а здѣсь имѣемъ въ виду другое — тѣ мысли о славянскомъ единствѣ и идеали будущаго развитія славянскаго міра, какіе возникали въ русскомъ обществѣ, или — вѣрнѣе — въ его ужей литературной средѣ.

Если бы иностранные писатели тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, говорившіе о панславистскихъ замыслахъ Россіи, знали ближе судьбу этихъ мыслей и идеаловъ въ русской жизни, они значительно бы успокоились. Русскому обществу эти мысли приходили не часто; въ образованнѣйшей части его больше заботились о другихъ, болѣе настоятельныхъ нуждахъ своего просвѣщенія; а когда приходили эти мысли, они такъ мало воспринимались людьми, власть имущими, что — смѣшно читать опасенія иностранцевъ о грозномъ характерѣ русскихъ панславистовъ: дома въ нихъ едва обращали вниманіе, они едва были терпимы, а иногда имъ приходилось даже довольно жутко.

Въ послѣдніе годы, по поводу славянскихъ влеченій русскаго общества, не разъ вспоминали о знаменитомъ хорватѣ Юріѣ Крижаничѣ, который въ XVII столѣтіи предлагалъ свои панславистскіе планы царю Алексію Михайловичу. Характеристично то, что этотъ первый представитель панславянской идеи въ Россіи не былъ русскій; точно предназначеною было и то, что этотъ первый панславистъ не напелъ въ московскомъ царствѣ никакого сочувствія своимъ идеямъ и, пришедши ради ихъ въ Россію изъ дальняго славянскаго края, окончилъ свою жизнь въ Сибири.

Въ статьѣ о развитіи «славянской идеи» въ русскомъ обществѣ ¹⁾ указывалось, что эта идея вообще явилась у насъ, какъ нѣчто сознательное, очень поздно: что старина, въ которой была по-крайней-мѣрѣ извѣстная солидарность единовѣрія и церковной письменности съ южнымъ православнымъ славянствомъ, передала новому времени только слабую нить этого преданія. По отзыву одного изъ самихъ славянофиловъ, Петръ-Великій, — обыкновенно обвиняемый этой школой за нарушеніе національной старины, — гораздо лучше, чѣмъ сами представители этой старины, московскіе цари XVII вѣка, понялъ важность русско-славянскихъ отношеній, отыскивая между западнымъ славянствомъ людей, годныхъ для русскаго просвѣщенія, открывая связи съ Черной-Юрой, задумывая широкіе планы будущаго. Въ его дѣятельности видятъ черты самаго настоящаго панславизма. Но какъ его дѣя-

¹⁾ Вѣстн. Евр., 1878, май.

тельность вообще, такъ и эта-я сторона были очень плохо поняты его преемниками, и планы оставались неисполненными. Судьба русско-славянскихъ отношений была предоставлена случайности событий. Столкновения Россіи съ Турціей все болѣе и болѣе выдвигали южно-славянский вопросъ: турецкое славянство вспоминало о единовѣрїи и единоплеменности съ русскими народомъ, слыхало объ его возрастающемъ могуществѣ, и ожидало, что Россія должна подать ему помощь—и по единовѣрїю, и по собственной выгодѣ. Сближенія, въ этомъ смыслѣ, искали гораздо болѣе южное славянство, чѣмъ Россія; для него это былъ жизненный вопросъ, понятный каждому въ народной массѣ; для русской правительственной власти эти вопросы были, повидимому, очень чужды и славяне представлялись какъ нѣкто въ родѣ бѣдныхъ родственниковъ,—а русское «общество» тѣмъ временемъ не осмѣливалось имѣть сужденіе о политическихъ предметахъ, да и мало о нихъ знало и ими интересовалось. Ожиданія славянства выражались иногда такъ ясно, что русскіе дипломатическіе люди, бывавшіе на мѣстахъ, не могли ихъ не видѣть, иногда глубоко поражались ими,—какъ, напр., русскій резидентъ въ Константинополѣ, Вешняковъ, при имп. Елизаветѣ, который еще въ половинѣ прошлаго столѣтія горячо настаивалъ на необходимости освободить балканскихъ христіанъ силою оружія, и убѣждалъ правительство въ легкости этого дѣла при великомъ сочувствіи къ намъ южнаго славянства. Убѣжденія его остались безплодны. Южные славяне обращались къ русскому правительству и съ тайными, и съ явными просьбами о защитѣ и покровительствѣ со временъ Петра и до имп. Александра. Турецкія войны открывали русскимъ цѣлыя народы единоплеменниковъ и единовѣрцевъ; правительство начинало понимать, что ихъ присутствіе можетъ имѣть практическую цѣну, и начинало, хотя слабо, вводить ихъ въ политическія и военныя комбинаціи. Въ небольшомъ кругѣ образованныхъ людей стала мелькать мысль о возможномъ восстановленіи независимости этихъ родственныхъ племенъ, о союзѣ съ ними, о будущемъ могуществѣ славянскаго народа въ соединеніи съ Россіей, подъ ея охраной и предводительствомъ.

Такия мысли возникаютъ въ особенности съ первыхъ годовъ царствованія императора Александра I. Общественная мысль вообще была разбужена, политическіе вопросы стали занимать умы, современные событія наводили на славянскія дѣла. Въ то время шла борьба сербовъ за свою независимость и не могла не пробудить сочувствія въ людяхъ, которые имѣли понятіе о народѣ

или даже сами его видѣли, и первое основаніе общественнаго интереса въ славянству было положено.

Таковы были двѣ записки о южно-славянскихъ дѣлахъ, представленныя въ 1804 и 1807 годахъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, — еще не было другого пути заявить мысли этого рода, какъ представить ихъ, на французскомъ языкѣ, въ подлежащее вѣдомство по начальству. Одна записка принадлежала В. Н. Каразину, извѣстному, немного фантастическому филантропу и либералу Александровскихъ временъ. Сербь именно просили тогда помощи русскаго правительства, и Каразинъ убѣждалъ въ необходимости этой помощи: «могутъ ли верховный повелитель свободныхъ славянъ, единственный защитникъ православной церкви, смотрѣть равнодушно на всѣ скорби народовъ, близкихъ имъ и по крови и по религіи?» Правда, онъ соѣтовалъ дѣйствовать очень осторожно, изъ опасенія возбудить вражду Австріи, но мечты его шли далеко: онъ мечталъ объ основаніи «царства словенъ», съ однимъ изъ братьевъ императора Александра во главѣ: это царство должно было со временемъ распространиться до Адриатическаго моря, въ Албанію, Македонію, а съ другой стороны, обнять южныя (сербо-хорватскія) земли Австріи. «Но энтузіазмъ не признаетъ географическихъ границъ, — продолжалъ онъ мечтать: — вскорѣ неотразимое очарованіе одного только имени этой прекрасной страны привлечетъ переселенцевъ изъ болѣе отдаленныхъ племенъ славянскихъ, и они придутъ и заселятъ еще пустыя страны. Это царство, которое въ скоромъ времени разовьется и образуется, связанное съ русскою имперіей узами религіи, крови и благодарности, сдѣлается ея складочнымъ мѣстомъ и естественной точкой опоры во всѣхъ ея подвигахъ, во всѣхъ ея сношеніяхъ съ Европой и Африкой».

Другая записка, на французскомъ языкѣ, представлена была Броневскимъ, образованнымъ морскимъ офицеромъ, однимъ изъ сподвижниковъ Сенавина на Адриатическомъ морѣ. Вслѣдствіи Броневскій написалъ двѣ замѣчательныя книги, въ которыхъ описывалъ дѣйствія Сенавинской экспедиціи и свое странствованіе съ отрядомъ матросовъ изъ Триеста, черезъ славянскія земли Австріи въ Россію. Въ своей запискѣ Броневскій убѣждаетъ правительство принять участіе въ положеніи сербовъ турецкихъ и австрійскихъ, и оказать содѣйствіе ихъ предпріятію — освободиться отъ ига турецкаго и нѣмецкаго. Онъ настаиваетъ на томъ, что сохраненіе славянства, утвержденіе его въ формѣ государства, чрезвычайно важно въ политическомъ отношеніи для самой Россіи: это всегда была бы для нея великая помощь противъ евро-

пейской коалиціи. Предоставленные самимъ себѣ, славяне не въ состояніи добиться свободы и основанія государства, и Россія должна помочь имъ и по нравственному долгу, и по расчету. То была пора тизантскаго мира, и Броневскій указываетъ, что Россіи необходимо обезпечить себя противъ грознаго союза, управляемаго Наполеономъ. Единственное средство для Россіи предохранить себя отъ этой опасности есть основаніе *славянской федераціи*.

Въ своихъ, поодѣеъ виданныхъ, книгахъ ¹⁾ Броневскій съ любовью описываетъ свои встрѣчи съ славянскими населеніями Австріи, гдѣ славяне вообще принимали его съ большимъ радушіемъ; среди нихъ иногда онъ чувствовалъ себя какъ дома (напр., у венгерскихъ русиновъ). Въ новой русской литературѣ рассказы Броневскаго были однимъ изъ первыхъ заявленій о славянскомъ родствѣ и однимъ изъ первыхъ фактовъ русскаго «панславизма».

Мысль о союзѣ съ южнымъ славянствомъ и о содѣйствіи его политическому устройству, высказанная Броневскимъ, повторяется послѣ и въ предположеніяхъ самого правительства, напримѣръ, въ инструкціяхъ, данныхъ Чичагову при назначеніи его главнокомандующимъ молдавской арміей, и въ его собственныхъ планахъ, 1811—1812 гг. Въ виду опасности, грозившей отъ Наполеона, русское правительство думало «воспользоваться военнымъ духомъ народовъ славянскаго происхожденія, — сербовъ, босняковъ, далматинцевъ, черногорцевъ, хорватовъ, илировъ». При ихъ содѣйствіи, предполагалось сдѣлать сильную диверсію, которая отвлекла бы силы Австріи и направилась бы также противъ французовъ на адриатическомъ Приморьѣ и т. д. Чичагову рекомендовалось всѣми средствами привлечь расположеніе южнославянскихъ населеній, и, въ случаѣ надобности, разрѣшалось «общать независимость, образованіе *славянскаго королевства*».

Чичаговъ вполне вошелъ въ эти планы и принялся самъ развивать ихъ. Онъ восхищался мужествомъ и энергіей сербовъ, ихъ привязанностью къ Россіи, ихъ готовностью сражаться въ союзѣ и подъ покровительствомъ Россіи, въ надеждѣ, разумѣется, устроить и свою собственную судьбу. Чичаговъ строилъ уже широкіе планы военныхъ и политическихъ предпріятій, восхвалялъ сербовъ («этотъ народъ для насъ сокровище»), — но его прекрас-

¹⁾ „Записки морскаго офицера“, 1818—19; „Путешествіе отъ Триеста до С.-Петербурга въ 1810 г.“, 1828.

ння ожиданія не сбылись: события заставили понинуть баланскія дѣла, Чичаговъ былъ высланъ на Березину ¹⁾...

Новѣйшіе критики относятся строго къ этимъ и подобнымъ мечтамъ и предположеніямъ объ освобожденіи южныхъ славянства, объ устройствѣ для него государства и будущей его роли. Броневскаго, Чичагова и другихъ тогдашнихъ теоретическихъ политиковъ упрекають, что «при составленіи своихъ проектовъ объ устройствѣ быта южныхъ и западныхъ славянъ, они, по-видимому, и не подозревали необходимости *предварительнаго* *отроста* населеній, коихъ хотѣли облагодѣтельствовать, относительно ихъ главныхъ нуждъ, желаній. Этимъ пошечителямъ славянъ не приводилось вовсе задумываться надъ внутреннимъ значеніемъ историческихъ явленій и учреждений, которые привели и держали славянъ въ печальномъ состояніи вѣшняго и духовнаго рабства. Уму этихъ русскихъ друзей славянъ и не представлялось даже вопроса: новыя, вызываемыя ими для славянъ, формы жизни и учрежденія — какого духа и характера? въ какой степени сама Россія и ея образованное общество могли быть названы самобытными, независимыми, славянскими? Всѣ эти легко задуманные планы освобожденія южныхъ и западныхъ славянъ не могли и по другимъ причинамъ имѣть какой-либо практической успѣхъ. Безъ помощниковъ и сотрудниковъ изъ среди самихъ славянъ русскіе образованные люди — еслибъ даже въ то время ихъ было много — ничего не могли бы подѣлать. Въ первую четверть нынѣшняго столѣтія, національная славянская интеллигенція едва лишь начинала возникать» ²⁾...

Въ существѣ — это справедливо; но, перенеситесь ради исторической справедливости въ то время, надо умирить это сужденіе. Главное въ мнѣніяхъ этихъ теоретиковъ было справедливо: славянскіе — особенно южные — народы нуждались въ свободѣ и искали ея съ оружіемъ въ рукахъ и съ рискомъ гибели, — объ этомъ нечего было бы спорить. Вѣрно было и то, что существованіе свободныхъ славянъ должно было быть великой помозью для самой Россіи, такъ какъ они, по всѣмъ вѣрствіямъ, могли бы быть ея надежными союзниками. Вѣрно было также, что доверчивое обращеніе ихъ къ Россіи, предоставленіе въ ея

¹⁾ См. „Mémoires inédites de l'amiral Tchitchagoff“. Berlin, 1856; А. Н. Пономъ, „Отечественная война“, въ „Русской Старинѣ“, 1877, сентябрь.

²⁾ „Братская помощь“, Сиб., 1876, стр. 28. „Замѣчанія о планахъ Чичагова“, въ „Русской Старинѣ“, 1877, сент., 48—44. Въ другую сторону и нѣсколько преувеличивая дѣло, рассуждаетъ г. Первольфъ, въ статьѣ: „Александръ I-й и славяне“, — „Древняя и Новая Россія“, 1877, № 12.

руки своей судьбы налагали на нее нравственную обязанность. Не лишена серьезнаго смысла та догадка, что наиболѣе естественной формой славянскаго политическаго возрожденія была бы федерация. Притомъ, все это были пока только мечты — и не осуществившіяся на дѣлѣ, — первые опыты политической мысли въ самомъ обществѣ русскомъ, и первые опыты славянскихъ сочувствій и солидарности. Наконецъ, что касается «предварительнаго опроса», кто же вообще думалъ о предварительномъ опросѣ въ ту пору насильственныхъ захватовъ и «географическихъ терминовъ»? по крайней мѣрѣ, наше мечтатель чество желалъ достигнуть для народовъ свободы и предоставить ихъ самимъ себѣ. Былъ ли принятъ и теперь, въ настоящихъ событіяхъ, принципъ «предварительнаго опроса», — и кто изъ рѣшавшихъ вопросъ теперь ставилъ и защищалъ этотъ принципъ?

Проходитъ нѣсколько лѣтъ, и славянскія сочувствія проявляются вновь — въ масонскихъ ложахъ и тайныхъ обществахъ. Время поелѣ двѣнадцатаго года и войнъ «за освобожденіе» произвело особенное возбужденіе въ русскомъ обществѣ; молодое поколѣніе, въ особенности военное, было свидѣтелемъ чрезвычайныхъ событій, измѣнившихъ вновь видъ Европы, приобрѣло интересъ къ политическимъ идеямъ; слово «либерализмъ» тогда въ первый разъ получило право гражданства въ русскомъ языкѣ, и направленіе, обозначившееся этимъ словомъ, стало лозунгомъ молодого общества. Либерализмъ обнаруживался замѣтно въ разныхъ явленіяхъ тогдашней общественности: въ интересѣ къ европейскимъ событіямъ, въ сочувствіи къ тамошнему либеральному движенію, не забывавшему объ «освобожденіи», обѣщанномъ и забытомъ правительствами; у себя дома — въ заботахъ о народномъ образованіи, въ стараніяхъ смягчить суровость военной дисциплины, въ распространеніи политическихъ идей въ обществѣ, наконецъ, въ масонскомъ движеніи, и наконецъ, въ прямыхъ политическихъ планахъ, которые выразились основаніемъ тайныхъ обществъ.

Масонскія ложи существовали уже давно; но со времени преслѣдованія Нормана онѣ пришли въ упадокъ и почти забылись; съ 1815 года онѣ сильно размножаются и нѣкоторыя изъ нихъ, выйдя стараго мистическаго направленія, приобретаютъ политическій характеръ. Въ умѣхъ патріотовъ-либераловъ носились идеалы общественнаго улучшенія; имъ хотѣлось основать на русской почвѣ свой «Тугендбундъ», союзъ добродѣтели, — тайное общество, которое, въ формахъ совершенной законности, съ идеалистической филантропіей, стремилось бы къ водворенію въ

обществѣ добрыхъ нравовъ, справедливости и политическаго образованія. Дѣло было начато въ одной масонской ложѣ, но затѣмъ выдѣлилось изъ туманной масонской философіи въ болѣе широкую форму и съ болѣе рѣшительными планами «Союза благоденствія».

Въ этой-то области появились опять и славянскіе интересы. До сихъ поръ очень мало извѣстно, откуда шли и какъ опредѣлялись эти новыя вопросы о славянствѣ: повидимому, къ прежнимъ національно-политическимъ мотивамъ прибавились еще новыя. Это было время основанія конституціоннаго царства польскаго, — старыя антипатіи забывались и возникало великодушное настроеніе, желавшее примирить оба народа на стремленіи въ общему благу... Въ Петербургѣ основывается польская масонская ложа; русскія ложи вступаютъ въ сношенія съ польскими ложами западнаго края и царства; въ послѣдствіи возникаютъ отношенія и между тайными обществами. Въ общей мысли о славянствѣ, повидимому, особенную важность получилъ польскій вопросъ: польскій народъ былъ самый близкій намъ славянскій народъ; обстоятельства указывали для примиренія новую почву, — конституціонная форма, съ которой Польша являлась въ составѣ русской имперіи, считалась тогда политической панaceей; въ извѣстной варшавской рѣчи императора Александра встрѣчаются и другія, болѣе широкіе намѣки.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ объ этомъ движеніи ничего, кромѣ немногихъ неопредѣленныхъ указаній. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что еще въ 1818 году, 12-го марта, основана была въ Кіевѣ ложа «Соединенныхъ Славянъ» (*Les Slaves réunis*). Она была въ союзѣ съ петербургской «великой ложей» Астрей; но ея «система», по одному извѣстію, была система «Великаго Востока» польскаго (*le rite du Grand Orient de Pologne*); работала она на русскомъ и французскомъ языкахъ; фамиліи ея членовъ — русскія и польскія. На знамѣнѣ ложи (крестъ, съ кругомъ въ серединѣ) изображены двѣ руки, поданныя на союзъ, и по четырёмъ угламъ креста надписи по-польски: «*Jedność. Słowiańska*» ¹⁾. Последнее извѣстіе о ней мы имѣемъ отъ 1821 года.

Едва ли сомнительно, что названіе «Соединенныхъ Славянъ» было выбрано не случайно; имъ вѣроятно хотѣли что-нибудь сказать, и такъ какъ ложа была въ Кіевѣ, гдѣ между прочимъ

¹⁾ Списокъ членовъ этой ложи въ „*Tableau de la Grande Loge Astrée*“, pour l'an 58, à l'O. de St-Petersbourg; см. также „Русскую Старину“, 1878, январь, 187—188, гдѣ приведено и изображеніе масонскаго знака ложи Соедн. Славянъ.

сталенвались дѣй стижин, то, быть можетъ, этимъ именемъ выражалось ихъ примиреніе на болѣе широкомъ основаніи — цѣлаго славянскаго союза.

Что дѣлалось въ ложѣ и что съ ней случилось, — не знаемъ; но вскорѣ съ именемъ «Соединенныхъ Славянъ» является тайное общество, отдѣльное отъ «Союза благоденствія», такъ-называемыхъ декабристовъ и присоединившихся къ нему только впоследствии. Немногія свѣдѣнія о тайномъ обществѣ «Соединенныхъ Славянъ» остались въ докладѣ слѣдственной комиссіи, 1825—26 года, и въ запискахъ, издаанныхъ нѣсколько лѣтъ назадъ однимъ изъ декабристовъ, барономъ А. Е. Розеномъ ¹⁾. По разсказу Розена, общество основано было въ 1823 году (по другимъ свѣдѣніямъ ранѣе) артиллеристами, братьями Борисовыми, состояло изъ тридцати-шести членовъ и только въ 1825 году объ его существованіи узналъ одинъ изъ декабристовъ М. П. Бестужевъ-Рюминъ. «Цѣль общества, — по словамъ Розена, — заключалась въ соединеніи славянскихъ племенъ посредствомъ *федеративнаго союза*... съ удержаніемъ взаимной независимости», т. е. то самое представленіе, какое мы видѣли въ планахъ Броневскаго. Поэтому, какъ говоритъ Розенъ, и на восьмиугольной печати «Общества Соединенныхъ Славянъ» означены были восемь колѣнъ славянскаго племени по принятому тогда этнографическому дѣленію: русскіе, сербы-хорваты, болгары, чехи, словаки, лужичане, словинцы и поляки, «всѣхъ до 30-ти милліоновъ». Въ 1825 году, общество, по стараніямъ М. П. Бестужева-Рюмина и Сергія Муравьева-Апостола, присоединено было къ «южному» обществу, къ такъ-называемой «Васильковской управѣ». «Славянамъ», какъ ихъ называли, сообщили «государственный завѣтъ», заключавшій въ себѣ сокращеніе «Русской правды» Пестеля, и съ нихъ взята была присяга.

И здѣсь опять неизвѣстны никакія ближайшія подробности о томъ, откуда возникли эти славянскіе идеи и какъ онѣ развились до тайнаго политическаго общества. Но въ ложѣ и въ обществѣ «Соединенныхъ Славянъ» являются совсѣмъ разными лица. Надобно желать, чтобы изданы были по крайней мѣрѣ тѣ матеріалы, какіе сохранились, напр. записки одного изъ главныхъ дѣятелей этого общества, Горбачевскаго ²⁾.

¹⁾ Сначала по-нѣмецки: „Aus den Memoiren eines russischen Dekabristen“. Leipz., 1869; потомъ вышло болѣе обширное русское изданіе.

²⁾ Довольно знаменательно, что въ масонской ложѣ „Соединенныхъ Славянъ“ находился, между прочимъ, въ качествѣ „наѣстнаго мастера“, Леонтій Вас. Дубельтъ, впоследствии столь извѣстный дѣятель.

Въ 1828 году начинается турецкая война. Эти войны были вообще почти единственные встрѣчи русскихъ съ южнымъ славянствомъ, гдѣ связывались историческія связи и гдѣ русскіе люди могли увидѣть и понять страшное настоящее угнетеннаго народа и его порывы къ свободѣ. И въ тѣ времена война не сдѣлала всего, что могла бы сдѣлать для облегченія балканскаго славянства; въ русскомъ обществѣ, не имѣвшемъ ни сколько-нибудь свободной литературы, ни подготовленности къ пониманію южно-славянскихъ отношеній, она прошла безъ тѣхъ сильныхъ впечатлѣній, какими, наприм., была исполнена послѣдняя война. Результаты ея для общества ограничились военнымъ шумомъ, официальными торжествами побѣдъ и несшимъ предоставленіемъ о некровительствѣ, оказанномъ единоверцамъ, — которыми въ частности однако мало интересовались. Только въ немногихъ развитыхъ лицахъ война оставила свои сильныя впечатлѣнія. Назовемъ Венелина, который еще раньше явился въ литературѣ адвокатомъ болгарскаго народа, возстановителемъ его исторической славы, и возбудителемъ его національной жизни; назовемъ Хомякова, который былъ свидѣтелемъ войны и вынесъ изъ нея или укрѣпилъ въ ней свои сочувствія къ славянству: около этихъ годовъ (1832) написано его знаменитое стихотвореніе «Орелъ» ¹⁾.

Разрывъ дѣла декабристовъ была тяжелымъ ударомъ для внутренняго развитія русскаго общества: она устранила изъ него цѣлый слой образованныхъ людей, навела страхъ на другихъ; цѣлый рядъ вопросовъ — въ томъ числѣ и славянской — былъ померещенъ; въ глазахъ властей молчаніе общества и литературы казалось признакомъ и ручательствомъ благодѣянія и благонадежности. Но заглушенная на время общественная мысль не остановилась; она пошла другими путями, и въ обходъ достигала болѣе сознательно до тѣхъ же вопросовъ, отъ которыхъ была оттолкнута. Не воѣ нити были порваны, въ новыя поколѣнія осталась память о лицахъ и ихъ стремленіяхъ, а главное, само время наводило все больше и больше на предметы національнаго развитія, и съ научной стороны, гдѣ у насъ начинала свое вліяніе нѣмецкая философія и новыя историческія школы; и съ реальной, гдѣ событія (въ особенности июльская революція съ ея различными отголосками) требовали объясненія и вмѣстѣ давали его. Венелинъ былъ уже панславистъ; ту-

¹⁾ О впечатлѣніяхъ войны, или о встрѣчахъ съ болгарскимъ народомъ, даются нѣсколько любопытныхъ подробностей записки почтеннаго доктора Зейдлица, друга и впоследствии біографа Жуковскаго, въ „Р. Архивѣ“ 1878.

рецкая война дала толчокъ идеямъ славянскаго освобожденія; въ 1820-хъ годахъ Мицкевичъ, высланный изъ Вильны, жилъ нѣсколько времени въ Петербургѣ и Москвѣ, и принятъ былъ здѣсь съ сочувствіями и уваженіемъ; польское возстаніе вызвало снова мудреный вопросъ объ отношеніяхъ къ ближайшему славянскому народу. Пушкинъ отозвался на возстаніе знаменитымъ стихотвореніемъ «Клеветникамъ Россіи», гдѣ этотъ вопросъ поставленъ съ официальной политической стороны,—но оставалась еще сторона національно-общественная, и ее начинали понимать.

Во внѣшнихъ политическихъ дѣлахъ Россія сохранила положеніе, принятое по наслѣдію отъ императора Александра I; она пользовалась вліятельнымъ голосомъ въ дѣлахъ Европы, тѣмъ болѣе, что направленіе правительства было совершенно определенно,—хотя свободное отъ узостей русской политики послѣднихъ лѣтъ имп. Александра I, оно все-таки исполнило программу священнаго вѣчнаго союза. Ни въ Европѣ, ни у насъ, никто не имѣлъ сомнѣнія о военномъ могуществѣ Россіи. Внутри, было официально заявлено начало «народности» съ чисто консервативными атрибутами, съ видами на ихъ пирочайнѣе развитіе въ «самостоятельномъ русскомъ духѣ», въ независимости отъ Европы и даже въ противоположности со всѣми ея новѣйшими идеями, признанными за превратныя и революціонныя. Въ соединеніи съ внѣшней политической силой, нигдѣ не оспориваемой, это «народное» направленіе предполагало историческую миссію, и многіе подумали, что эта миссія должна была вернуть Россію къ славянскому вопросу.

Въ тридцатыхъ годахъ именно и назрѣваетъ направленіе, которое назвали потомъ «славянофильскимъ». Оно еще не имѣло тогда настоящаго литературнаго выраженія—тѣмъ болѣе, что политическая сторона предмета (а она была необходима въ славянскомъ вопросѣ) была абсолютно недоступна для литературы, которой не позволялись политическія разсужденія. Но любопытнѣйшее свидѣтельство о тогдашнемъ положеніи славянофильскихъ идей осталось въ двухъ «запискахъ» Погодина, представленныхъ имъ въ 1839 и 1842 годахъ министру народнаго просвѣщенія (въ составившихъ тогда канцелярско-дипломатическую тайну).

Погодинъ, въ то время профессоръ въ московскомъ университетѣ и авторитетъ по русской исторіи, изложилъ въ этихъ запискахъ свои мнѣнія и наблюденія о положеніи славянскаго міра и о томъ, какой видъ и способъ дѣйствій вытекаютъ изъ этого положенія для Россіи. Не знаемъ, было ли Погодину поручено составить эти доклады, или онъ сдѣлалъ это по собственному по-

бужденію, — какъ увидимъ далѣе, доклады были приняты довольно холодно. Въ запискахъ была цѣлая панславистская программа. И до сихъ поръ на русскомъ языкѣ не появилось другого трактата о вопросѣ, написаннаго съ такимъ панславянскимъ жаромъ и настойчивостью. Такъ какъ записка назначалась не для печати, а для конфиденціального чтенія, то мы встрѣчаемъ въ ней такую прямоту изложенія, какой напрасно искали бы въ тогдашней печати: послѣдняя и въ славянскомъ вопросѣ безмолвствовала.

Характеръ Погодина какъ писателя и свойства его какъ патріота — достаточно извѣстны. Онъ таковъ же и въ этихъ запискахъ. Чтобы понять исходную точку, изъ которой идутъ его мысли о славянскихъ дѣлахъ, надо прочесть сначала еще одну его конфиденціальную записку — о состояніи самой Россіи, составленную годомъ раньше, въ 1838 году.

Эта записка ¹⁾ — крайнее выраженіе той національной гордости, какая въ тѣ времена порождалась упомянутыми политическими обстоятельствами: Россія — первое государство въ мірѣ; русскій монархъ всемогущъ; величіе Россіи не имѣетъ себѣ равныхъ.

«Россія! что это за чудное явленіе на поприщѣ міра!..

«Россія — населеніе изъ 60 милліоновъ людей, воинъ счесть было возможно, кромѣ тѣхъ, воинъ еще счету нѣтъ, населеніе, которое ежегодно увеличивается милліономъ и вскорѣ дойдетъ до ста... А если мы прибавимъ еще 30 милліоновъ своихъ братьевъ, родныхъ и двоюродныхъ, славяпъ, разсыпанныхъ по всей Европѣ, отъ Константинополя до Венеціи, и отъ Мореи до Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, славяпъ, въ которыхъ течетъ одна кровь съ нашею, которые говорятъ однимъ языкомъ и, слѣдовательно, по закону природы, намъ сочувствуютъ, которые, не смотря на географическое и политическое разлученіе, составляютъ одно нравственное цѣлое съ нами, по происхожденію и языку! Вычтемъ это количество изъ сосѣдней Австріи и Турціи, а потомъ изъ всей Европы, и приложимъ къ нашему. Чтѣ останется у нихъ, и сколько выйдетъ насъ? Мысль останавливается, духъ захватываетъ! — Девятая часть всей обитаемой земли, и чуть ли не девятая часть всего народонаселенія. Полюсъ-экватора, четверть меридіана!»

Россія — государство, которое заключаетъ въ себѣ всѣ почвы, всѣ климаты, обилуетъ всѣми необходимыми произведеніями; «во-

¹⁾ Историко-политическія письма и записки, М. Погодина. М. 1874, стр. 1—14.

лота и серебра, кои почти перевелись въ Европѣ, мы имѣемъ горы (?)»; «хлѣба — мы накормимъ всю Европу въ голодный годъ; лѣса — мы ее обстроимъ, если бы она, оборони Боже, выгорѣла; льна, пеньки, кожи — мы ее одѣнемъ и обуемъ». Гдѣ могутъ такъ процвѣтать фабрики, при «дешевизнѣ рукъ» и «умѣренныхъ нуждахъ» работниковъ, гдѣ можетъ процвѣтать торговля? — Но физическія силы Россіи еще ничто въ сравненіи съ нравственными силами: это — толкъ, удаля, понятливость, терпѣніе, военныя качества русскаго народа. Всѣ эти силы составляютъ «одну огромную машину, расположенную самымъ простымъ, удачнымъ образомъ, управляемую рукою одного человѣка, рукою русскаго царя, который во всякое мгновеніе единымъ движеніемъ можетъ давать ей ходъ, сообщать какое угодно ему направленіе и производить какую угодно быстроту»: эта машина притомъ — одушевленная единымъ чувствомъ.

«Спрашиваю, можетъ ли кто состязаться съ нами, и кого не принудимъ мы къ послушанію? Въ нашихъ ли рукахъ политическая судьба Европы, и слѣдственно *судьба міра*, если только мы *захотимъ рѣшить ее?*»

Погодинъ ни на минуту не усумнился отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно, — судьба міра въ нашихъ рукахъ, потому что «въ противоположность русской силѣ, цѣлости, единодушію, тамъ, т. е. въ Европѣ (остального міра онъ не находилъ нужнымъ считать) — распри, дробность, слабость, коими еще болѣе, какъ тѣнью свѣтъ, возвышаются наши средства».

Разбирая въ частности положеніе европейскихъ государствъ, Погодинъ убѣждается, что Европѣ нечего и думать равняться съ нами, что она даже сама это чувствуетъ и лишь стыдится признаться въ этомъ. «Вообще будущее принадлежитъ славянамъ».

Въ исторіи есть очередь для народовъ; она теперь наступила для славянскаго племени.

«Но какое же племя между славянами занимаетъ теперь первое мѣсто? Какое племя по своему составу, языку, совокупности свойствъ, можетъ назваться представителемъ всего славянскаго міра? Какое болѣе имѣетъ залоговъ въ своемъ настоящемъ положеніи и прошедшей исторіи для будущаго величія? Какое ближе всѣхъ къ этой высокой цѣли? Какое имѣетъ болѣе видимой возможности достигнуть ее? Какое...

«Сердце трепещетъ отъ радости... о Россія, о мое отечество! Не тебѣ ли!.. О, если бы тебѣ! Тебѣ, тебѣ суждено довершить, увѣнчать развитіе человѣчества»...

Таковы были общіе взгляды, которые вполне отвѣчали господ-

ствовавшей официальной народности. Погодинъ былъ человекъ по-своему очень тонкій и расчетливый; но, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ изложенныхъ взглядахъ было сказано то, что онъ искренно думалъ о первостепенномъ могуществѣ Россіи. Высшее значеніе Россіи, дѣйствительно признаваемое въ Европѣ, а съ другой стороны, большая неопытность нашего общества въ критикѣ общественно-политическихъ дѣлъ, и патріотическія увлеченія порождали крайнее самообольщеніе, которое и выразилось приведенными выше гиперболою и диопирамбами. Послѣ, въ пятидесятыхъ годахъ, Погодинъ увидѣлъ отчасти свои ошибки; но въ эту пору онъ не измѣнялъ своего восторженнаго тона. Участіе въ славянскихъ дѣлахъ, въ необходимости котораго онъ желалъ убѣдить правительство, должно было, по его понятіямъ, довершить кругъ дѣйствій официальной народности и еще усилить могущество Россіи въ Европѣ.

Обѣ записки его о славянскихъ дѣлахъ ¹⁾ предназначались для убѣжденія правительства въ этой необходимости. Въ обѣихъ онъ съ хорошимъ знаніемъ дѣла говорить о положеніи австрійскихъ славянъ и вообще славянскаго міра, — о всеобщемъ пробужденіи славянскихъ народностей, о стѣсненіяхъ и преслѣдованіяхъ, какимъ подвергаются онѣ въ Австріи, о всеобщемъ влеченіи славянскихъ племенъ къ Россіи, отъ которой одной они ждутъ сочувствія и помощи. «Австрія, — говорилъ Погодинъ въ 1839 г., — похожа на гробъ повапленный, на старое дерево, гниющее внутри, хотя и одѣтое снаружи листьями, такое дерево, которое одинъ порывъ вѣтра можетъ исторгнуть съ корнемъ вошь». «Австрія, — говорилъ онъ въ 1842 г., — слабѣетъ часъ-отъ-часу, и едва ли больше Турціи заключаетъ въ себѣ внутренней самостоятельности. При первой войнѣ, гдѣ бы то ни было, она можетъ разорваться на части».

Погодинъ объяснялъ, что Россіи необходимо показать славянамъ свое участіе; указывалъ, что враги Россіи стараются вредить ей въ глазахъ славянъ, что есть даже планы основать на югѣ изъ турецкихъ областей славянское государство, которое стало бы противъ Россіи, какъ вторая Польша; предупреждалъ, что славяне жалуются на Россію, на ея чрезмѣрную осторожность, — что такимъ образомъ приверженность можетъ обратиться въ ненависть, и это «при нынѣшнемъ быстромъ ходѣ дѣлъ» можетъ произойти даже скоро и т. д.

Погодинъ показалъ въ обѣихъ запискахъ много сочувствія къ

¹⁾ Историко-полит. письма и записки, стр. 15—45, 46—89.

славянамъ и ихъ возникающему движенію; дома онъ старался выхлопотать пособіе славянскимъ ученымъ, дѣлалъ цѣлый рядъ предложеній о покровительствѣ ученымъ работамъ по славянству и т. д. Вообще въ славянствѣ ему видѣлось возникновеніе новаго великаго міра, родственнаго и союзнаго Россіи, видѣлось новое развитіе самого русскаго могущества, матеріальнаго и нравственнаго.

Но онъ очень ошибался въ своихъ надеждахъ и расчетахъ, какъ ошибочна была сама исходная его точка. Россія была не такова, какъ онъ ее воображалъ, и въ ней не могла встрѣтить успѣха политика, которой онъ съ такимъ нетерпѣніемъ выпрашивалъ. Одна часть его сочувствій къ славянству была ученая, историческая и археологическая — эта сторона дѣла мало кого интересовала въ тогдашнихъ высшихъ, да и другихъ кругахъ (это можно сказать и по сію пору). Сдѣлано было, правда, одно важное, какъ показали результаты, дѣло, именно учрежденіе славянскихъ кафедръ въ нашихъ университетахъ и посылка молодыхъ ученыхъ въ славянскія земли для приготовленія къ занятію этихъ кафедръ; было, кромѣ того, роздано нѣсколько орденовъ славянскимъ ученымъ (и какъ нѣкоторые гордились ими!), нѣсколько незначительныхъ пособій, — но этимъ все и кончилось. Славяне австрійскіе не дождались затѣмъ никакой другой помощи.

Погодинъ старался проводить свои мысли и въ литературѣ. Для этого, между прочимъ, былъ имъ основанъ знаменитый «Москвитининъ»; но политическая постановка вопроса была невозможна по условіямъ литературы, а ея мѣсто заняла національно-мистическая теорія съ археологическими спеціальностями (въ самой западно-славянской литературѣ эта археологическая ступень національнаго возрожденія еще занимала тогда большое мѣсто): національный мистицизмъ казался читателямъ, а особенно противникамъ, странной, неискренней, бесплодной, а въ концѣ-концовъ даже вредной сентиментальностью, археологія — невразумительной и скучной, а мелочи, за которыми часто гонялся журналъ Погодина, вызывали, наконецъ, насмѣшку. Герценъ въ известной статьѣ «Умъ хорошо, а два лучше» — острилъ надъ Погодинымъ, что, осудивъ Европу на погибель, онъ милуетъ въ ней только *западныхъ* славянъ, потому что считаетъ ихъ *восточными* ¹⁾ — игра словъ, заключавшая и очень серьезную мысль. Здѣсь чувствовалась вторая ошибка, сдѣланная Погодинымъ. Среди гиперболъ и диопрамбовъ, какими онъ изображалъ положеніе Россіи, онъ не увидѣлъ весьма существенныхъ сторонъ дѣла, — не

¹⁾ „Русск. Старина“, 1872.

увидѣлъ, что освобожденіе славянства не могло быть задачей тогдашней Россіи. Ему пріятно было говорить объ упадкѣ Турціи, о полной несостоятельности Австріи, о предстоящемъ историческомъ воскресеніи славянства; но онъ не видѣлъ, или не желалъ видѣть, что тогдашняя Россія не только не думала, но никакъ не могла бы этимъ воспользоваться: вѣдь освобожденіе славянъ было бы нарушеніемъ существующаго порядка вещей (мы берегли тогда не только Австрію, но и Турцію), попраніемъ «законности», революціей.

Погодинъ замѣчаетъ къ своей первой запискѣ: «ни одного изъ вышеприведенныхъ предложеній не было тогда исполнено», и ко второй: «это письмо осталось въ министерствѣ, по слишкомъ рѣзкому несогласію съ общимъ мнѣніемъ». Почему же?

Въ результатъ получилось нѣчто обоюдное и сомнительное: сочувствія славянства и къ славянству не отвергались въ высшихъ сферахъ, но и не очень поощрялись. Погодинъ и явившіеся вскорѣ славянофилы были, очевидно, преданные граждане, но ихъ ревность къ славянскому вопросу казалась подозрительной, потому что, какъ замѣчено выше, самая постановка его въ смыслъ освобожденія не могла быть одобрена, какъ возстаніе противъ австрійской и турецкой законности.

Наконецъ, была еще одна ошибка. Погодинъ воображалъ, что наша помощь славянскому возрожденію и установленіе тѣсныхъ связей Россіи съ славянскимъ міромъ могутъ быть достигнуты путемъ конфиденціальныхъ сообщеній, тайныхъ пособій, канцелярскихъ поощреній — словомъ, по системѣ «шито и крыто», а не именно наоборотъ, — свободной дѣятельностью самого общества, слѣдовательно путемъ открытаго заявленія принциповъ, возбужденія національных сочувствій, объясненія политической и общественной важности вопроса (и затѣмъ, соответственной этому политики). Но для этого требовался совсѣмъ иной характеръ общественнаго быта и литературы, чѣмъ какой обрѣтался въ тогдашней русской дѣйствительности. Не видѣть этого — было странно, и Погодинъ еще разъ возстановлялъ противъ себя такъ-называемую «западную партію». Диеирамбическій тонъ, какимъ онъ говорилъ и въ журналѣ и которому могли бы противорѣчить его собственные опыты по славянскому вопросу, возбуждалъ сомнѣнія въ своей искренности; его рекомендація славянскихъ интересовъ, въ соединеніи съ этимъ сомнительнымъ пунктомъ, встрѣчала не только насмѣшки, но иногда и негодованіе. «Западная» партія, въ полемическомъ раздраженіи, иногда брала черезъ край, но она вѣрно чувствовала, что прежде, чѣмъ поднимать подоб-

ные вопросы, необходимо было позаботиться о гораздо болѣе элементарныхъ и существенныхъ потребностяхъ самого русскаго общества, — что разрѣшеніе славянскаго вопроса заключается прежде всего въ реформахъ у себя дома.

Впослѣдствіи, когда готовилась и началась крымская война, Погодинъ почувствовалъ, что его прежнія гиперболы были немного чрезмѣрны; событія складывались совсѣмъ иначе, нежели онъ пророчилъ въ 1838 году; извнѣ собиралась гроза, которой нельзя было пренебрегать; внутри оказывались неустройства, какихъ не должно бы быть въ изумительной «машинѣ», которую Погодинъ изображалъ съ такимъ восторгомъ. Крымская война была отрезвленіемъ. Завѣса спадала съ глазъ; общество наше оставалось сдержаннымъ, но въ немъ все-таки явилось невиданное прежде возбужденіе. Началась рукописная литература, не попадавшая въ печать, но всѣмъ извѣстная; болѣею частью, не совсѣмъ пріятная высшимъ сферамъ, но, тѣмъ не менѣе, не преслѣдуемая ¹⁾. Самымъ ревностнымъ авторомъ въ этой литературѣ явился Погодинъ — и, конечно, его писанія никогда не имѣли такого успѣха, какъ въ этомъ рукописномъ видѣ ²⁾. Событія такъ опровергали его самого, что онъ не сохранилъ своего прежняго торжественно-панегирическаго настроенія, пошелъ на обличенія, и — очень хорошо самъ отвѣтилъ на многое изъ своихъ старыхъ писаній. Въ этихъ его письмахъ и запискахъ возвратился опять и славянскій вопросъ — какъ скажемъ далѣе.

По хронологической послѣдовательности, раньше надо остановиться на одномъ малоизвѣстномъ фактѣ, который занимаетъ своеобразное и почетное мѣсто въ исторіи русскаго панславизма и, вмѣстѣ, прискорбнымъ образомъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ невозможна была въ тѣ времена свободная общественная инициатива, безъ которой, однако, немислимо успѣшное развитіе у насъ славянскаго вопроса. Этотъ фактъ есть «Кирилло-Меоодіевское братство», основанное въ сороковыхъ годахъ въ Кіевѣ Н. И. Костомаровымъ и его друзьями.

Въ 1846 году, въ Кіевѣ собрался небольшой кружокъ малорусскихъ патріотовъ, одушевленныхъ тѣмъ интересомъ къ народу и народности, который въ тѣ годы былъ общимъ явленіемъ

¹⁾ Впослѣдствіи многое изъ этой литературы явилось въ „Голосахъ изъ Россіи“.

²⁾ Онъ печатались потомъ, уже въ наше время, отдѣльными статьями въ разныхъ изданіяхъ, и собраны въ упомянутомъ выше сборникѣ 1874 года, который, впрочемъ, и тогда не получилъ полного права гласности.

въ литературѣ всѣхъ славянскихъ племенъ и у насъ также вызывалъ труды, получившіе большое значеніе для нашего общественнаго сознанія. Намъ случалось говорить объ этомъ обращеніи къ народу — и въ научныхъ изслѣдованіяхъ этнографическихъ, и въ построеніи историческихъ теорій, и въ новой литературной школѣ. Здѣсь довольно сказать, что въ кievскомъ кружкѣ были между прочимъ замѣчательные люди, которые потомъ приобрѣли себѣ большое имя въ малорусской и русской поэзіи и наукѣ, да и въ то время имѣли уже значительную извѣстность. Это были Костомаровъ, г. Кулишъ и Шевченко. Въ средѣ этихъ молодыхъ писателей и ихъ друзей, дѣлившихъ тѣ же теплыя и идеальныя сочувствія къ народности, возникла мысль составить общество, съ цѣлью дѣйствовать—мирно и законно—какъ для внутренняго развитія украинскаго народа, такъ и для распространенія идеи славянской взаимности ¹⁾. Это уже не было туманное влеченіе прежнихъ временъ, которое больше руководилось чувствомъ и политическимъ патріотизмомъ, нежели знаніемъ и близостью къ народной стихіи. Напротивъ, теперь, черезъ поколѣніе послѣ «Соединенныхъ Славянъ», основаніемъ взглядовъ было уже настоящее (хотя, правда, еще только начавшееся) изученіе своего народа, гораздо болѣе серьезное, чѣмъ когда-нибудь прежде, разумѣніе историческаго и общественнаго значенія народнаго элемента, сознательное иснаніе народнаго блага; славянскія симпатіи имѣли уже опредѣленную подкладку,—друзья кружка видѣли въ славянствѣ то цѣлое, къ которому примыкаетъ ихъ народъ, имъ знакомы были идеи, бродившія тогда въ славянскомъ мірѣ, и взаимность справедливо казалась имъ необходимой, какъ ручательство прочности ихъ собственнаго дѣла.

Общество задумывалось на самыхъ гуманныхъ, просвѣтительныхъ основаніяхъ ²⁾. Рѣшено было приглашать образованнѣйшихъ людей, которые, вліяя на молодое поколѣніе, готовили бы его

¹⁾ Надо впрочемъ оговорить, что г. Кулишъ, жившій въ эту пору въ Петербургѣ, въ самомъ составленіи общества не участвовалъ.

²⁾ Въ русской литературѣ донинѣ не была разсказана исторія этого любопытнаго общества. Мы не уполномочены пользоваться своими личными свѣдѣніями, и излагаемъ то, что уже было разсказано въ печати. См., напр., чешскій „Словникъ Научный“, въ біографіяхъ Костомарова, Шевченка, Кулиша, и „Жизнь Кулиша“ (въ галицкой „Правдѣ“, 1868, №№ 2—4, 22—28). Воспоминанія г. Костомарова въ пражскомъ изданіи Шевченка; статьи въ „Поэзіи Славянъ“; біографія г. Костомарова въ „Русскихъ дѣятеляхъ“ Баумана—очень неполны. Въ книгѣ г. Кирвора: „O literaturze pobrat. narod.“, стр. 64, о преслѣдованіи Костомаровскаго кружка, написанъ вздоръ.

въ будущей дѣятельности; дѣйствовать на общество хотѣли только силою мысли и убѣжденія, чистыми средствами, избѣгая всякихъ мѣръ насильственныхъ; въ религіозныхъ предметахъ признавалась полная свобода мнѣній. Относительно Украины въ кружкѣ думали прежде всего о просвѣщеніи народа, объ изданіи для народа полезныхъ книгъ, объ основаніи сельскихъ школъ при содѣйствіи образованныхъ помѣщиковъ. Одну изъ первыхъ необходимостей видѣли въ уничтоженіи вѣрноподданнаго права, въ отмѣнѣ сословныхъ привилегій, тѣлесныхъ наказаній и т. п., и рѣшали дѣйствовать въ этомъ смыслѣ на умы, чтобы, распространяя здравыя понятія, облегчить и ускорить эти реформы. Кружокъ состоялъ исключительно изъ малоруссовъ, но чтобы показать, что Украина, которой они въ частности посвящали свои труды, вовсе не была ихъ исключительнымъ интересомъ, они выбрали патронами своего общества всеславянскихъ апостоловъ и назвали его «Кирилло-Меоодіевскимъ братствомъ». Настроеніе кружка было вообще гуманно-идеалистическое, съ великими сочувствіями къ народу; главные представители «братства» мечтали объ очищенномъ идеальномъ христіанствѣ, которое всѣхъ любить, особенно бѣдняка, которое стоитъ за правду и народность. Слѣды этого христіанско-идеалистическаго направленія можно найти въ стихотвореніяхъ Іереміи Галки (тогдашній псевдонимъ г. Костомарова), у Шевченка и у Кулиша. Въ томъ же гуманно-свободолюбивомъ духѣ ставился и славянский вопросъ. То, что говорилось въ кружкѣ теоретически, Шевченко перелагало въ поэтическіе образы и лирику (посланіе къ Шафаріку и др.). «Изъ этого одного можно видѣть,—говоритъ знающій рассказчикъ, галицкій біографъ Кулиша,—какимъ духомъ отличался кievскій украинскій кружокъ. Христіанство и исторія славянъ были имъ свѣтомъ и тепломъ для великаго подвига. Всѣ они хорошо знали и высоко почитали св. писаніе. Они твердо стояли на той мысли, что славянамъ надо надѣяться не на дипломатію, что для этого дѣла нужны новые люди и новая сила, и этой силой должна быть чистота сердца, истинное просвѣщеніе, свобода народа и христіанское самопожертвованіе». Ихъ политическимъ идеаломъ было не централизованное государство, а *федерация* подъ протекторствомъ русскаго императора; но чтобы это стало возможно, надо стремиться прежде всего—распространять убѣжденіе о необходимости уничтоженія вѣрноподданнаго права и расширенія просвѣщенія.

«Кирилло-Меоодіевское братство» представляетъ въ исторіи русскаго панславизма фактъ чрезвычайно любопытный, — онъ

возникалъ изъ среды самого общества, въ всякихъ возбужденіяхъ отъ официальной народности какъ у Погодина, — исходилъ не изъ охоты къ политическимъ комбинаціямъ, а изъ непосредственного сочувствія къ народу и народной жизни; эта школа панславизма не имѣла вовсе того притязанія на гегемонію, какое почти неизмѣнно высказывалось въ панславизмѣ московскомъ, особенно въ новѣйшемъ. Принимая свободу религиозныхъ мнѣній, братство отвергало всякую пропаганду (московскій панславизмъ всегда отождествлялъ себя съ восточной церковью): предполагалось только склонять славянъ-католиковъ принять въ богослуженіи славянскій языкъ. Чувствовалась уже здѣсь необходимость общаго литературнаго языка, но не выставлялось пока никакого рѣшенія: въ этомъ вопросѣ также отвергалось всякое насильственное подчиненіе одного языка другому, и признавалась ихъ равноправность — съ тѣмъ, конечно, что ходъ развитія долженъ будетъ дать наиболѣе естественный результатъ. Въ этихъ взглядахъ было, какъ видимъ, очень много справедливаго, и въ дальнѣйшемъ развитіи между-славянскихъ отношеній безъ сомнѣнія должна будетъ все больше получать силы именно эта теорія равноправности и свободы.

Къ сожалѣнію, и на этотъ разъ идеалы не сошлись съ дѣйствительностью и она заявила свое противорѣчіе самымъ рѣзкимъ образомъ. Мысли «братства» были сочтены столь опасными, что ихъ постигло суровое осужденіе: кружокъ былъ разсѣянъ, главные представители его должны были вынести заключеніе и ссылку¹⁾.

Возвращаемся къ Погодину. Въ томъ настроеніи, въ какомъ было цѣлое общество въ эпоху крымской войны, и мысли Погодина сильно измѣнились. Прежній азартный панегиристъ превратился въ довольно азартнаго критика и обличителя, — многое говорилось, по времени, положительно смѣло, хотя въ послѣдствіи онъ умѣлъ, когда требовалось, и запоминать свои обличенія. Нѣсколько выдержекъ дадутъ понятіе объ этомъ поворотѣ его мнѣній, — гдѣ, впрочемъ, говоря собственно о славянствѣ, онъ могъ сослаться и на свои прежнія указанія. Его обличенія вообще гораздо вѣрнѣе — и вѣроятно правдивѣе — панегириковъ, и нѣкоторыя подробности изъ нихъ остаются справедливы и примѣнны по настоящую минуту.

¹⁾ Какъ говорить, въ приговорѣ относительно г. Костомарова сказано было, что онъ осуждается за «основаніе тайнаго общества, къ которому обсуждаемо было бы соединеніе славянъ въ одно государство».

Вотъ сужденіе о союзѣ съ Австріей, писанное въ декабрѣ 1853 года:

«Союзъ Австріи съ Россіей еще противоестественнѣе союза Франціи съ Англіей. Что это за союзъ, укажу на маловажный примѣръ, если одной книги, одного нумера газеты или журнала, нельзя переслать изъ Россіи въ Австрію безъ величайшаго затрудненія, какъ будто бы они были пропитаны ядомъ. Утвердиться Россіи на Дунаѣ Австрія всегда будетъ мѣшать больше, нежели даже Франція и Англія... Изъ чего мы будемъ хлопотать? А пожертвовать для нея славянами значитъ обрубить себѣ руки, увѣчить свое дѣло.

«Австрію выгоднѣе имѣть намъ врагомъ, нежели другомъ, выгоднѣе во всѣхъ отношеніяхъ»... ¹⁾

Въ замѣчательномъ «Взглядѣ на русскую политику въ нынѣшнемъ столѣтіи», писанномъ въ апрѣлѣ 1854, Погодинъ очень мѣтко говоритъ о томъ «безкорыстіи» и «великодушіи», которыми Россія постоянно хотѣла хвалиться передъ Европой, которыми никто, однако, не вѣрилъ и которыя не принесли намъ ни малѣйшей пользы. По поводу предоставленія Австріи «одного изъ важнѣйшихъ европейскихъ пунктовъ», Кракова, въ 1846, Погодинъ говоритъ:

«Россія простирала свою снисходительность до того, что старалась всѣми силами избѣгать даже малѣйшаго повода къ недоразумѣніямъ или подозрѣніямъ, и приносила въ жертву всѣ свои, самые дорогіе, кровные интересы, отказываясь отъ священнѣйшихъ чувствованій. Все для европейскаго порядка, который былъ, кажется, высшею, единственною ея цѣлю. Тридцать милліоновъ народа славянскаго... было оставляемо почти безъ малѣйшаго участія въ ихъ горестной судьбѣ, на жертву всѣмъ истязаніямъ... единственно потому, чтобъ эта помощь и это участіе не произвели какого нибудь смущенія, непріятнаго чувства въ союзныхъ державахъ, преимущественно въ Австріи. Даже ученые русскіе путешественники не получали почти никакого пособія со стороны русскаго правительства, и должны были прибѣгать къ чужимъ миссіямъ за содѣйствіемъ въ ихъ трудахъ на пользу науки. — Вотъ до какой почти унижительной степени доводима была дипломатическая деликатность, особенно въ отношеніи къ Австріи и Пруссіи» ²⁾!

¹⁾ Историко-полит. письма, стр. 76—77.

²⁾ Тамъ же, стр. 83—84, 87. Что дѣло не измѣнилось и теперь въ этомъ отношеніи, см. „Отеч. Зап.“ 1878, № 6: „На славянскомъ распутіи“.

Онъ съ радостью, даже восторгомъ говорить дальше о томъ, что Австрія заявила наконецъ себя открыто враждебной Россіи.

Но и не одна Австрія, всѣ европейскія государства враждебны къ намъ (1854):

«Итакъ, русская политика, въ отношеніи къ европейскимъ государямъ, которые всѣ становятся противъ насъ, оказалась очевидно несостоятельною, и, слѣдовательно, съ этой стороны не принесла намъ ничего кромѣ вреда.

«Но не оказала ль она послѣдствій, болѣе благоприятныхъ, со стороны *народовъ*?

«Народы возненавидѣли Россію... Народы видятъ въ Россіи, съ ея могуществомъ, главнѣйшее препятствіе къ ихъ развитію и преуспѣванію, злобствуютъ за ея вмѣшательство въ ихъ дѣла... и съ радости ухватились теперь за первый открывшійся случай сколько-нибудь поколебать ее...¹⁾».

Онъ говоритъ дальше о томъ принципѣ «законнаго порядка», который Россія бралась защищать и поддерживать во всѣхъ углахъ Европы въ силу рѣшеній вѣнскаго конгресса, чѣмъ и занималась всю половину нынѣшняго столѣтія. Оказывалось, что и «законный порядокъ» не былъ поддержанъ: революціонныя и либеральныя движенія, которыя Россія хотѣла остановить, все-таки произошли, — и разумѣется, это только возбуждало ненависть къ намъ въ Европѣ.

«Гдѣ собственно имѣли мы успѣхъ, гдѣ получили мы награду за свои старанія, гдѣ видѣли мы исполненіе своего начала?

«Только въ Австріи, Пруссіи и Германіи. Россія, съ милліономъ войска, въ продолженіе сорока лѣтъ, стояла у нихъ на границѣ какъ буточникъ, и содѣйствовала точно къ сохраненію порядка у нихъ, себѣ на голову, какъ теперь оказалось. Впрочемъ, и этотъ успѣхъ нельзя принимать совершенно безусловно», — потому что и въ Австріи, и въ Пруссіи все-таки произошли революціи²⁾.

Погодинъ, разумѣется, не могъ обойтись безъ того, чтобы не вставить обычныхъ этой школѣ тирадъ противъ «европейскаго духа», который представляется не иначе какъ революціоннымъ и превратнымъ. Свои послѣднія разсужденія онъ самъ ослабляетъ сомнѣніемъ — не нужно ли было въ самомъ дѣлѣ Россіи блюсти за этимъ духомъ (т.-е. играть роль буточника, по его же вы-

¹⁾ Стр. 88—89.

²⁾ Стр. 91.

раженію), потому что-де иначе, пожалуй, въ «республиканскомъ неистовствѣ» французовъ могла погибнуть «собственность», «всѣ плоды цивилизаціи и наукъ»—и раздаться «всеобщій шарапъ». Въ этомъ родѣ на его памфлеты 1854 отвѣчалъ тогда же неизвѣстный авторъ (теперь говорятъ, самъ Нессельроде) во французской запискѣ, которая отпечатана была впоследствии и приложена Погодинымъ въ его изданіи. Онъ и въ 1874 не нашелся что сказать противъ нея. Такимъ образомъ, съ этой стороны, въ опредѣленіи отношеній Россіи къ европейскому политическому порядку, Погодинъ не сумѣлъ самъ выдержать своего взгляда на странность этихъ отношеній, вончившихся тѣмъ, что Россія, бравшая на себя полицейскую заботу въ чужихъ дѣлахъ, востановила противъ себя дѣлюю Европу. Но этотъ взглядъ раздѣлялся вообще образованнѣйшими русскими людьми, хотя на другихъ основаніяхъ: роль Россіи казалась имъ просто ретроградной, что и возбуждало къ ней вражду; «европейскій духъ» не все же былъ «превратный»,—въ немъ было и то, что только есть въ европейской образованности разумнаго, въ повѣи—возвышеннаго, въ общественныхъ идеяхъ—справедливаго и великодушнаго. Потрясенія крымской войны показали ясно всѣмъ, что только способенъ серьезно всматриваться въ факты—насколько рациональны были наши собственные идеи и порядки.

Но, повторяя нелѣпости своей школы въ сужденіяхъ о Европѣ, Погодинъ, по отношенію къ славянскому вопросу, умѣлъ сохранить больше здраваго смысла и не уступалъ своихъ привязанностей. Онъ не могъ помириться съ тѣмъ, что ради «высшихъ» задачъ нашей дипломатіи и политики, все-таки приносились въ жертву славяне. Приводимъ еще выдержки; онѣ очень характерны, и не потеряли интереса хоть и въ настоящую минуту.

Война начиналась. Россія не имѣла союзниковъ.

«Гдѣ же искать намъ союзниковъ?—спрашиваетъ Погодинъ въ май 1854 г. — Кажется, всѣ европейцы теперь противъ насъ?»

«Болгарія, Сербія, Боснія, Герцеговина, Черногорія, Сирія, Кроація, Далмація, Славонія, Краинъ, Штирія, Каринтія, Богемія, Моравія, Буковина.

«Какъ странно звучать, думаю, эти имена въ ушахъ нашихъ иностранныхъ дипломатовъ!

«Повторю имъ дикія слова, чтобъ уяснить ихъ впечатлѣніе и подкрѣпить память:

«Болгарія, Сербія, Боснія, Герцеговина, Черногорія, Сирія,

Кроація, Далмація, Славонія, Краинъ, Штирія, Каринтія, Богемія, Моравія, Буковина.

«Восемьдесятъ слишкомъ милліоновъ—почтенное количество! порядочный союзецъ! Славяне были затерты исторіей, славяне были затерты географіей, славяне были затерты дипломатіей и политикой; но наступаетъ, видно, время, когда, по слову писанія, послѣдніе должны дѣлаться первыми. Къ тому стремятся всѣ событія. Разсмотрите внимательно ходъ ихъ, и вы увидите, что всѣ онѣ совершаются одно за другимъ, какъ будто послушныя какому-то высшему предопредѣленію.

«Никто не хотѣлъ сначала войны, Россія всѣхъ меньше,—а война началась.

«Стали мы на Дунаѣ, и стояли долго, переходить не рѣшались; — но вотъ толкнулъ, наконецъ, кто-то въ шею, и волей-неволей перешли мы на другую сторону...

«А на другой сторонѣ, смотрите, бѣжить на встрѣчу народъ, съ хлѣбомъ и солью, крестами и святой водой. Вотъ ударилъ неслыханный четыреста лѣтъ колоколъ, раздался первый благовѣстъ, вознесся первый крестъ надъ православною церковью. Что же? Вы допустите, чтобы крестъ былъ снятъ? Что же? Вы допустите, чтобы изъ колокола вырванъ былъ языкъ? Нѣтъ, это не можетъ быть, и этого не будетъ! Слѣдовательно, Болгарія свободна. Откажетесь ли вы ей покровительствовать?.. Нѣтъ, это невозможно! Слѣдовательно, первый членъ славянскаго союза уже готовъ. А болгаръ пять милліоновъ. Не спрашивайте съ нихъ по пяти или десяти человѣкъ съ тысячи: они сами придутъ къ вамъ, пожалуй, хоть по десяти со ста. Вотъ вамъ первый вспомогательный корпусъ, о продовольствіи котораго не нужно и заботиться провіантскому департаменту въ Петербургѣ. Перевозить его также нѣтъ надобности: онъ на мѣстѣ выросъ и радъ отставать родную землю»... и т. д. ¹⁾.

Загѣмъ, герцеговинцы, черногорцы, сербы, и т. д. Погодинъ утѣшался (совершенно такъ, какъ иные и теперь утѣшались), что «это не можетъ быть», «этого не будетъ»; но оказалось на дѣлѣ, что это и могло быть, а потомъ и было. Счетъ союзниковъ былъ не совсѣмъ точенъ, именно нѣсколько преувеличенъ; но сущность справедлива и по сію минуту, — въ славянствѣ могло бы быть вызвано сильное движеніе, — только для этого долженъ бы быть выставленъ совсѣмъ другой принципъ, принципъ народной свободы.

¹⁾ Записка, писанная въ маѣ 1854; тамъ же, стр. 114—115.

«Наши политики и дипломаты, «заматорѣвши въ лѣтахъ зрѣлыхъ», — продолжаетъ Погодинъ, — терпѣть не могутъ никакихъ нововведеній, и для того (т.-е. славянскаго) союза пожелаютъ прежде всего найти примѣръ, образчикъ изъ европейской исторіи. Могутъ указать имъ на рейнскій союзъ, состоявшій изъ нѣмецкихъ государствъ, и находившійся подъ покровительствомъ совершенно чуждаго имъ лица, французскаго императора.

«Назовите новый союзъ дунайскимъ, славянскимъ, юго-восточнымъ, европейскимъ, съ столицею его въ Константинополѣ, подъ предсѣдательствомъ и покровительствомъ, вы думаете, Россіи? Нѣтъ, не Россіи! Россія не ищетъ завоеваній, — воспользуясь здѣсь любимымъ выраженіемъ нашихъ публичныхъ актовъ, — Россія не питаетъ никакихъ честолюбивыхъ замысловъ. Покровительство и предсѣдательство союза должно принадлежать естественно, по всѣмъ правамъ, многолюднѣйшему *племени* изъ всѣхъ, составляющихъ союзъ»...

То-есть, — Россія должно принадлежать это покровительство не по произволу, не изъ честолюбія и властолюбія, а по необходимости, по природѣ вещей ¹⁾).

Погодинъ не забываетъ объ Австріи и здѣсь; съ ожесточеніемъ, которое становится, наконецъ, нѣсколько забавнымъ, онъ настаиваетъ: «Австрія есть бѣльмо на нашемъ глазу и типунъ на нашемъ языкѣ».

Но напрасны были всѣ увѣщанія Погодина. Правда, руководители войны были не прочь воспользоваться «бѣгущимъ на встрѣчу народомъ» — изъ него собирались набирать отряды ²⁾), — но это дѣлалось съ такими соображеніями, которыя, вѣроятно, нимало не удовлетворили бы и самого Погодина.

Такимъ образомъ, Погодинъ, вѣровавшій въ официальную народность и самъ много ей послужившій на своемъ вѣку, никакъ не могъ разобраться съ своими дилеммами ей и съ своими сочувствіями къ славянству. Планы, имъ предлагаемые, были такіе широкіе, какіе только были возможны; они, пожалуй, не были не осуществимы, но русская политика того времени, конечно, не имѣла для того ни пониманія, ни характера, ни силы. Погодинъ негодовалъ на русскую дипломатію, «заматорѣвшую въ лѣтахъ зрѣлыхъ», — но долженъ же онъ былъ понимать, что это было только одно колесо въ «машинѣ».

¹⁾ Стр. 119—120.

²⁾ См. „Русск. Старину“, 1876, кн. VIII—IX; Богдановича, „Исторію крымской войны“.

Главнымъ мотивомъ національныхъ взглядовъ и требованій самого Погодина были соображенія внешне-политическія, безъ особенной заботы о «предварительномъ опросѣ», и о внутренней сторонѣ между-славянскихъ отношеній. Славянофилы, которые въ сущности были очень близки къ Погодину въ практической постановкѣ дѣла, старались дать своему національному взгляду болѣе обширныя основанія, — философско-историческія, — и ставя славянскій вопросъ, вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣли быть вѣрнѣйшими представителями народныхъ началъ старой Россіи.

А. Пыпинъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ И ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ЗНАЧЕНИИ

СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

„Не понимаю, чѣмъ могло такъ заинтересовать васъ „Слово о полку Игоревѣ?“—спрашивалъ А. Н. Майкова одинъ близкій его знакомый, услышавшій, что онъ нѣсколько лѣтъ весьма усердно занимается этимъ памятникомъ. Признаемся, то же удивленіе и такое же откровенное недоумѣніе слыхали и мы отъ своихъ знакомыхъ, по поводу того же „Слова“. Люди, учившіеся въ школахъ, иногда даже получившіе высшее образованіе, не могутъ дать себѣ яснаго отчета въ его научной важности и интересѣ. Это, безъ сомнѣнія, зависитъ оттого, что въ нашихъ школахъ, особенно въ послѣднее время, при его изученіи весьма много обращаютъ вниманія на его грамматическія и лексикологическія особенности и мало останавливаются на его исторической и художественной сторонѣ. Стоить только пересмотрѣть педагогическія изданія, чтобы убѣдиться, какъ мало помогаютъ онѣ ясной и отчетливой оцѣнѣ историческаго и художественнаго значенія „Слова“, тогда какъ здѣсь-то именно и таится то, что дѣлаетъ его дорогимъ, безцѣннымъ и незаменимымъ памятникомъ для русской исторической науки и литературы.

I.

Еще профессоръ Шевыревъ въ своей публичной лекціи о „Словѣ о полку Игоревѣ“, какъ извѣстно ¹⁾, останавливалъ свое вниманіе

¹⁾ См. сент. кн. „Ж. М. Н. П.“, пр. за 1876 г. Въ очеркѣ литературы „Слова“, стр. 42. Лекцію Шевырева см. въ его „Исторія русской словесности“, М., 1842, стр. 253—332.

на историческомъ значеніи этого памятника; но, обозрѣвая три эпохи, обнимаемыя „Словомъ“, онъ, по собственному его признанію, „обозначилъ только важнѣйшія историческія лица“, отразившія въ себѣ эти эпохи.

Но такое поверхностное обозрѣніе историческаго содержанія „Слова“, очевидно, не даетъ надлежащаго понятія о всей его истинной важности въ этомъ отношеніи. Не въ лицахъ и не въ ихъ именахъ кроется его глубокое историческое значеніе.

Прежде всего замѣтимъ, что „Слово о полку Игоревѣ“ глубокими корнями связано съ исторіею черниговскаго княжества. Авторъ „Слова“ навсегда скрылъ для насъ свое имя, но онъ оставилъ въ своемъ произведеніи довольно прозрачныя слѣды своего званія. „Слово“, какъ и „Кіевская Лѣтопись“, въ существѣ съѣдомъ относятся, какъ увидимъ, къ одной и той же дружинно-княжеской средѣ придиѣпровской Руси. Знакомство автора „Слова“ со всѣми современными ему князьями, съ отношеніями къ нимъ бояръ и дружинниковъ, далѣе—знакомство его со степью и ея отношеніями къ Руси, — наконецъ, изображеніе не столько подробностей похода Игоря, сколько, такъ сказать, дымящихся ранъ, нанесенныхъ имъ придиѣпровской Руси,— все это указываетъ, что „Слово“ явилось подъ свѣжестю впечатлѣній очевидца событій — и притомъ лица, близкаго къ дружинно-боярской средѣ. Живое же сочувствіе къ судьбѣ князя Игоря, которымъ такъ проникнуто „Слово“, указываетъ намъ его автора именно въ „дружинѣ черниговскаго князя“.

И дѣйствительно, Черниговъ не даромъ извѣстенъ былъ въ XII вѣкѣ, какъ городъ промышленный и богатый; черниговскіе князья, Святославъ и Игорь, какъ передаетъ „Кіевская Лѣтопись“, особенно славились своими изобильными дворами, полными погребями, богатствомъ челяди, скота и коней. Даже Сѣверная былина донынѣ помнить, какъ отличительную черту, въ ряду тогдашнихъ городовъ, „золоту казну Чернигова“. Не удивительно, что въ такомъ городѣ развита была книжность и преданіе писать при дворѣ черниговскомъ было сильно. Черниговскія событія въ „Кіевской Лѣтописи“ съ половины XII вѣка описаны съ такими же мелкими подробностями, какъ и другія придиѣпровскихъ областей, и, видимо, почерпнуты лѣтописцемъ изъ черниговскихъ дружинныхъ источниковъ. Замѣчанія лѣтописца: „мы же и о семъ помянуемъ“, „мы же на подлежащая возвращаемся“ — ясно даютъ понять, что онъ отдѣляетъ свои собственныя рѣчи отъ рассказовъ, взятыхъ имъ изъ свѣтскихъ источниковъ. Здѣсь же, въ Черниговѣ, явился и знаменитый „Изборникъ“ Святославовъ (1073 года), съ изображеніемъ его семейства и съ усвоеніемъ ему всѣхъ тѣхъ похвалъ за любезность и собраніе книгъ, которыя при-

писаны были нѣкогда болгарскому царю Симеону. Подобно послѣднему, Святославъ Черниговскій „*тщательно напоминалъ кнѣзю своимъ клѣти*“ и, по своей начитанности, являлся предъ своими боярами, „*какъ новый Птоломей*“. Изъ той же черниговской области былъ и знаменитый паломникъ XII вѣка — Даниилъ. Такимъ образомъ, Черниговъ—городъ промышленный и богатый—въ XII вѣкѣ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и центромъ тогдашней образованности. Помянуто, какъ естественно могло явиться въ подобномъ центрѣ и такое произведеніе, какъ „Слово о полку Игоревѣ“.

Изображая одинъ изъ походовъ черниговскаго князя, окончившійся бѣдствіями для всей приднѣпровской Руси, „Слово“ даетъ намъ понять, что черниговскій столъ не былъ такъ обособленъ отъ этой Руси и далеко такъ не чуждался ея общихъ интересовъ, какъ принято представлять это. Напрасно полагаютъ, будто черниговскій столъ, не думая объ общемъ благѣ, лишь наводилъ только враговъ на русскую землю; такія подозрѣнія распустили о немъ приверженцы дома Мономахова. Изъ „Слова“ видно, что понятіе „*о русской землѣ*“ въ Черниговѣ было развито не менѣе, чѣмъ въ Кіевѣ. Не даромъ же и Даниилъ Паломникъ—черниговецъ—въ томъ же вѣкѣ, въ Іерусалимѣ, у гроба Господня, поставилъ лампаду и свѣчу „*за русскую землю*“ и вписалъ въ синодикъ имена разныхъ князей приднѣпровской Руси.

Но особенно сильно развита эта идея единства русской земли въ „Словѣ о полку Игоря“. Носителемъ и средоточіемъ этой идеи авторъ дѣлаетъ кіевскаго князя, старца Святослава III — изъ дома Ольговичей, князей черниговскихъ. Отъ влагааетъ въ уста его воззваніе ко всѣмъ областнымъ князьямъ южной и сѣверной Руси, заклиная ихъ вступить за обиду *сею времени*, за *землю русскую*, за раны Игоревы — и самое это воззваніе называетъ золотымъ словомъ, смѣшаннымъ со слезами.

Съ пыломъ молодого сердца относится старецъ Святославъ къ этой великой идеѣ и глубоко сожалеетъ, что другіе князья мало ей сочувствуютъ. „Старику, — говоритъ онъ, — помолодѣть не диво, но вотъ бѣда—въ князьяхъ мнѣ нѣтъ помощи“.

Для историка особенно драгоцѣнно видѣть, что въ ту эпоху, когда государственная связь областей древней Руси, повидимому, не существовала, такой возвышенный взглядъ на *единство русской земли* раздѣляли политическіе люди не только въ Кіевѣ, но и при столѣ черниговскомъ.

При сравненіи „Слова“ съ „Кіевскою Лѣтописью“, изслѣдователи обыкновенно видятъ большую разницу въ основныхъ воззрѣніяхъ лѣтописца и автора „Слова“ на событія приднѣпровской Руси. Но

это главнымъ образомъ происходитъ оттого, что при чтеніи „Лѣтописи“ не отдѣляютъ выраженій лѣтописца отъ *дружинническихъ* словесъ, служившихъ для него источникомъ, хотя онъ самъ неоднократно, какъ мы уже замѣтили, отдѣляетъ свои рѣчи отъ разсказовъ, передаваемыхъ имъ съ чужихъ словъ.

При ближайшемъ и внимательномъ изученіи „Кіевской Лѣтописи“, нельзя не видѣть, что „Слово“ и эта „Лѣтопись“ представляютъ неразительное сходство въ своихъ основныхъ взглядахъ и изображеніяхъ приднѣпровской Руси XII вѣка.

Какъ „Слово“, такъ эта „Лѣтопись“ рисуютъ для насъ собственно только высшій слой этой Руси,—именно княжеско-дружинную среду, лишь только мимоходомъ касаясь другихъ классовъ общества и народа.

Тамъ и здѣсь встрѣчаемъ одно и то же понятіе о князѣ, о дружинѣ, о степи и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Любопытно, что князь и дружина кіевской Руси, по изображенію „Слова“ и „Лѣтописи“, являются предъ нами въ такихъ же очертаніяхъ, въ какихъ рисуются германскіе князья и ихъ дружины по сказанію Тацита. Да будетъ намъ позволено привести здѣсь для ясности нѣчто изъ этого сказанія.

„У германцевъ,—по свидѣтельству Тацита,—князья были избираемы волостями въ народныхъ собраніяхъ, и при каждомъ изъ нихъ была дружина. И велико было соревнованіе между дружинниками, кому первое мѣсто послѣ князя, и между князьями, у кого храбрѣе и многочисленнѣе дружина; въ томъ достоинство, въ томъ сила, чтобы всегда быть окруженнымъ большой толпой избранныхъ юношей: въ мирѣ—это украшеніе; на войнѣ—защита; и не только среди своего владѣнія, но и въ другихъ волостяхъ тому извѣстность, тому и слава, чья дружина превосходнѣе числомъ и доблестію, ибо такихъ возвеличиваютъ посольствами и чтутъ дарами.

„Когда дѣло доходило до битвы, постыдно князю быть побѣжденнымъ доблестію; постыдно и дружинѣ не сравняться съ княземъ въ доблести; но уже на всю жизнь безславно и позорно выдти изъ строл, переживъ своего князя; защищать его, охранять, и даже собственные доблестные подвиги приписывать его славу—есть первѣйшее клятвенное обязательство; князья сражаются за побѣду; дружинники—за князя. Если волость, гдѣ родился, изнемогаетъ отъ долговременнаго мира и спокойствія, то большая часть благороднѣйшихъ юношей отправляется къ тѣмъ народамъ, которые въ то время ведутъ какую-либо войну, потому что и племена непріятно спокойствіе и легче прославиться среди случайностей. И дружину большую можно содержать развѣ только насиліемъ, да войною, ибо они требуютъ

отъ щедротъ князя то браннаго коня, то кровавую и побѣдоносную фразу; ибо пиры и хотя неприхотливые, но обильные запасы идутъ вмѣсто жалованья, а средства къ пышности чрезъ войны и грабежъ. И не такъ легко убѣдить ихъ конать землю и ожидать годичныхъ плодовъ, какъ вызвать врага и исцѣлить ранъ. Лѣнивымъ и бездѣльнымъ кажется пріобрѣтеніе потому того, что можно добыть кровію.

„Знатность рода и великія заслуги предковъ пріобрѣтають и юношамъ уваженіе со стороны князя; степени были въ самой дружинѣ по притовору того, кому сопутствуютъ“.

Точно въ такихъ же очертаніяхъ, говоритъ, „Слово“ и „Лѣтописи“ рисуютъ намъ князя и дружину кievской Руси. Нѣтъ и слѣдовъ того, чтобы князь имѣлъ какую-либо собственность въ смыслѣ политическомъ или государственномъ, или землевладѣнію ставилъ для себя выше воинской доблести и славы. Князь является здѣсь собственно какъ оберегатель русской земли и правитель своей волости, какъ старшій представитель своей дружины, какъ самый доблестный герой среди ея. Точно такъ и дружина въ самоотверженныхъ подвигахъ ищетъ ему чести, и ея жизнь связана съ походами и побѣдами князя. Князья соперничаютъ между собой въ волостяхъ и доходахъ ради своей дружины; дружинники же разныхъ князей соперничаютъ въ доблести и чести ради славы своихъ князей.

„Поблудити, поистеречи земли русской (1148), утерети нощь (1140), умерети за землю русскую“ (1177) — вотъ что мы слышимъ изъ устъ князей кievской Руси, — вотъ что ставили они задачей своей жизни, и вотъ къ чему обязывали другъ друга крестнымъ цѣлованіемъ. „Братья! пожалуйтеся о русской землѣ и о своей отчинѣ и дѣдинѣ! Лѣпо намъ, братья, поискати отецъ своихъ и дѣдъ пути и чести“, взывалъ Мстиславъ Іваславичъ (1170 г.) къ другимъ князьямъ, и угодна была рѣчь его всѣмъ братьямъ: „Самъ Богъ вложилъ эту мысль въ твое сердце“, отвѣчали они, „а намъ, дай Богъ, за русскую землю головы своя сложити“. Обращаясь къ дружинѣ, князья говорили вдохновляющія рѣчи, поднимая упавшій духъ ея и наполняя ее своимъ мужествомъ. „Княже! сила (врага) велика, а у тебя дружины мало“, говорили Іваславу его пособники: „не потуби насъ, ни самъ погни; не твое нынѣ время, поѣди прочь“. „Лучше, братья, измремъ здѣсь“, отвѣчалъ онъ имъ, чѣмъ возьмемъ на себя срамъ этотъ (1150). „Соромъ ны будетъ пуще смерти“. „Братья и дружино!“ взывалъ онъ къ нимъ въ другое время (1152 г.), „Богъ всегда рускія земли и сыновъ своихъ въ безчестіе не положилъ есть; нынѣ же, братья, поревнуемъ тому вси предъ чужими языки, дабы намъ честь свою взяти“. Какъ старые „мужи“ хлопотали о томъ,

чтобы „внуковъ и правнуковъ своихъ не срамляти“, такъ юные вдохновлялись славой и мужествомъ своихъ предковъ.

Изображая нравственное распаденіе князя къ воинскому подвигу, „Кіевская Лѣтопись“ обыкновенно выражается: „мужъ добръ и дерзковъ на рать“ ¹⁾, „разжеса сердце его, бѣ бо храбръ и крѣпокъ на рать“ ²⁾, и „розъярився (1146), разжеса гнѣвомъ и распалеса яростию“ ³⁾, „возъострися на рать и бысть готовъ (1174) спѣшане и тосняшеса на войну“ (1254).

Во время самого боя князь выступалъ впередъ и бился отчаянно въ рукопашную. „Взя копье Андрей Юрьевичъ и ѣха напередъ и съѣхася переме всѣхъ, и изломи копье свое, и шелоу снаде съ него, щить на немъ отторгоша“ (1151). „И въѣха Ізяславъ предъ полки своими въ полки ратныхъ и копье свое изломи и оружья въ руку его не доста“ (1185 г.).

Но особеннымъ богатыремъ-героемъ изображается въ лѣтописяхъ Романъ Галицкій. Онъ устремлялся на поганныхъ, какъ левъ, сердитъ былъ, какъ рысь, губилъ ихъ, какъ крокодилъ, облеталъ ихъ землю, какъ орелъ, ибо храбръ онъ былъ, какъ туръ.

Такимъ образомъ, не въ мантияхъ только иноческаго смиренія и не съ молитвою только на устахъ за свои согрѣшенія рисуютъ намъ лѣтописи князей кіевской Руси, какъ воображаютъ наши исследователи, но и въ образахъ славныхъ героев и полководцевъ.

То же понятіе о князѣ, только въ болѣе осязательныхъ чертахъ, выражено и въ „Словѣ“. Здѣсь являються князья точно въ такихъ же богатырскихъ образахъ, съ ратнымъ духомъ, закаленнымъ въ буйствѣ и бояхъ: храбрыя сердца ихъ скованы нѣз стали и въ буйствѣ закалены.

Вотъ предъ нами самъ Игорь, герой нашего „Слова“. Полный ратнаго духа, не страшится онъ знаменій самого неба. „Вратья и дружино“, говорятъ онъ храбрымъ полкамъ своимъ, „сядемъ мы, братья, на борзыхъ коней своихъ, да поглядимъ Тихаго Дона. Хочу, говорятъ, переломить копье свое о край поля Половецкаго. Съ вами, русаки, хочу или сложить свою голову или напиться шлемомъ нѣз Дона“. Страсть спалила умъ у князя,—замѣчаетъ авторъ,—и гнетущій порывъ напиться шлемомъ нѣз Дона склонилъ предъ нимъ знаменіе неба.

„Ярмъ туромъ“ изображается Всеволодъ въ „Словѣ“. Стоить онъ напередѣ, брызжетъ на воиновъ стрѣлы и гремитъ объ ихъ

¹⁾ Владиміръ Гнѣбовичъ Переяславскій, 1187 г.

²⁾ Ізяславъ Мстиславичъ, 1146 г.

³⁾ Святославъ, 1180 г.

племни мечами булатными. Куда онъ ни сконветъ, златымъ своимъ племомъ посвѣчивая, лежать тамъ головы половецкія; расщепаны его калеными саблями шеломи оварскіе. Онъ бился, не чуя въ себѣ кровавыхъ ранъ. Грозою рсуетъ „Слово“ старца Святослава III-го кіевскаго. „Притоптавъ онъ холмы и овраги, возмущилъ онъ рѣки и овра, засушилъ потоки и болота и, словно вихорь, исторгъ изъ желѣзныхъ полковъ половецкихъ поганана ихъ Кобыля, и уналь Кобыль въ золотой его гридѣ въ Кіевѣ. Ярославъ съ черниговскими былями кликомъ воли побѣждали, *заслани съ прадѣдноту славу*.”

Далѣе, мы видимъ какъ въ „Кіевской Лѣтописи“, такъ и въ „Словѣ“ одно и то же понятіе о дружинѣ.

Дружину, какъ видно изъ „Лѣтописи“, составляли старшіе или первые мужи, — смышленныя, т.-е. бояре (1093, 1147), и младшіе, т.-е. отроки или дѣтскіе (1149, 1169). Бояре и вся его дружина составляли всегда совѣтъ и думу князя (1147).

„Половцемъ же воюющимъ по земли рѣна *мужси смышленни* (Святополку и Владимиру, 1093): „Почто вы распри имате между собою, а поганые губять землю русскую, пойдита противу поганыхъ либо съ миромъ, либо съ ратью“. Кто будетъ читать „Кіевскую Лѣтопись“, тотъ часто будетъ встрѣчаться съ подобными совѣтами дружинниковъ своему князю. Дѣло, задуманное лично княземъ, безъ общаго совѣта, вынуждало даже протестъ со стороны дружины: „О собѣ еси задумалъ, княже“, говорили тогда дружинники, отказываясь идти съ нимъ на дѣло.

Далѣе, дружина, подобно князю, не имѣла наслѣдственной земельной собственности, но все ея значеніе состояло въ томъ, что она составляла силу князя и ради славы и чести его всегда готова была сложить свою голову. Такъ, въ 1150 г. дружинные мужи крестъ дѣловали, чтобы „стеречи честь князей (Изяслава и Вячеслава) и добра нитъ хотѣти“. „Княже! ми тебѣ добра хочеть и за тѣя юломъ свои складываемъ“, говорили бояре Владимиру князю Всеволоду (1177). Геройскій духъ дружины прекрасно очерченъ въ лѣтописяхъ: дружинники галицкаго Романа были словно львы или медвѣди, которые не слышали на себѣ ранъ, или же дружина подобилась орлу, летящему надъ облаками, или же это были ястребы, съ которыми никто не могъ одолѣть князя (Ник., II, 172). Дружина участвовала и въ дѣлехъ добычи и полона. При недостаткѣ княжескихъ доходовъ для ея продовольствія, подобныя добычи доставляли особенное удовольствіе дружинникамъ и приносили радость въ ихъ дома. Тщательно были отмѣчаемы лѣтописцами подобныя удачи. „И бысть радость велика: дружина ополонишася, оружья добыша и воны, и колодники поведоша и возвратишася домой“ (1185). „Василько Яропол-

чичь избѣ половцы на Руси и обогатишася дружина его оружіемъ и кони, и самъ има на нихъ искуна много" (Кіев., 1165). „И взяша вѣжѣ ихъ на Угрѣ рѣцѣ" (1170 г.). „И толико взята полона, якоже всѣмъ русскимъ воємъ наполниться до изобилія и володѣнками, и чадами, и дѣтми ихъ, и челядью, и сюгми многими". Любовь князя къ дружинѣ часто доходила до самоотверженной доблести. Такъ, Святославъ Ростиславичъ, „имѣнія не щадяше, злата и серебра не збираше, но даваше дружинѣ" (1172 г.). Точно также, по сказанію лѣтописца, и Володиміръ Глѣбовичъ Переяславскій—„бѣ любя дружинну, и злата не собираеть и имѣнія не щадяеть, но дааше дружинѣ, бѣ бо князь добръ и крѣпокъ на рать" (1187). Князь Давыдъ Ростиславичъ смоленскій, тоснящійся на великія дѣла, также злата и серебра не собиралъ, но отдавалъ дружинѣ, „бѣ бо любя дружинну" (1197 г.).

Чѣмъ больше было полона, тѣмъ больше было поживы для дружины и тѣмъ больше было чести и славы князьямъ. Такъ, Георгій Володиміровичъ ходилъ на болгары по Волгѣ, и ваявъ полонъ много—*прииде съ честію и славою* (1120 г.). Мстиславъ съ бояры новгородскими ходили въ Чудскую землю и ополонившися челядью и сютомъ, возвратились во свояси *со славою и честію великою* (1178 г.).

О знаменитыхъ своихъ побѣдахъ князья давали вѣсть въ чужіи земли и слава о нихъ широко распространялась. Такъ, въ 1111 г., русскіе князья Святополкъ, Владиміръ и Давидъ, побѣдивъ половцевъ, взяли полона много и много колодниковъ нѣмцями рунами, и возвратились во свояси *со славою великою къ своимъ людемъ „и ко всѣмъ странамъ дальнимъ рекуше, къ грекомъ, и угромъ, и ляхомъ, и чехомъ, дондеже и до Рима пройде на славу Богу"*.

Точно такое же понятіе о дружинѣ и ея отношеніи въ князе проходить и въ „Словѣ о полку Игоря". Изъ „Слова" особенно видно, что дружина была того же закала, какъ и ея князь: въ ней жила тотъ же геройскій, воинственный духъ; сердце ея было сковано изъ той же стали и закалено тѣмъ же буйствомъ, какъ и въ князьяхъ.

То были искусные наѣздинны, подъ трубами позвѣтые, подъ шоломами залелѣянные и концомъ воюя всеоруженные. Искать себѣ чести, а князю славы—вотъ что было начертано на знамени этой дружины. Какъ сѣрые волки въ полѣ, рыскали они, ища себѣ чести, а князю славы. Въ геройскихъ и неудержимыхъ порывахъ это были настоящіе туры, раненые малыми саблями.

Вся воинская добыча—въ устѣнномъ дѣлѣ Игоря—пошла въ раздѣлъ его дружинѣ; лишь одно побѣдное знамя досталось въ руки князя. Русскіе —

Съ позаранку въ плетень потоптали,
 Половецкіе ноганыхъ полки,
 И разнеслись стрѣлами по полю,
 Половецкихъ дѣвъ красныхъ помчали,
 Съ ними-жъ паволокъ, злата
 И драгихъ оксамитовъ;
 И мостить начинали мосты
 Японцами, орницами, кожухами
 По болотамъ и грязнымъ мѣстамъ.

Багрянъ же стагъ
 Хоругвь бѣла,
 Багрена чолка,
 Кошье серебряно —
 Хороброму Святославичу!

Такъ гомеровски выражена въ „Словѣ“ принадлежность побѣднаго знамени князю—и такъ подробно описанъ здѣсь этотъ знакъ русской славы и побѣды!

Изъ „Слова“ также видно, какъ гласить и „Кіевская Лѣтопись“, что побѣдная слава не оставалась только на русской землѣ, но разносилась и по дальнимъ краямъ:

Тутъ нѣмцы и венецицы,
 Тутъ греки и моравы
 Поютъ славу Святославу,
 А Игоря осуждаютъ.

„Слово“, наконецъ, вводитъ насъ въ самую семью князя и дружины кіевской Руси—и здѣсь даетъ намъ видѣть то же понятіе о князѣ и дружинѣ. Вотъ плачетъ Ярославна о своей милой ладѣ,—и плачутъ жены дружинниковъ также о своихъ ладахъ. И какъ различны ихъ плачи! Какъ строго отвѣчаютъ они историческому своему значенію.

Ярославна оплакиваетъ въ своей ладѣ видимо героя—рыцаря, который ради своей чести пролилъ свою кровь; она видитъ дымящіяся его раны и желала бы облегчить его страданія.

Кукушкой горюя, она шлетъ ему слезы на море и готова бы воишь бѣбрынымъ рукавомъ утереть его раны. Въ самой дружинѣ—въ воишхъ своей ладѣ—она видитъ такихъ же героевъ—и сочувствуетъ ихъ страданіямъ, самымъ томительнымъ и мучительнымъ, страдающимъ отъ жажды, подъ вносомъ солнца, въ мѣстѣ безводномъ.

Иныя мысли и чувства видитъ мы въ плачѣ жёнъ дружинниковъ: жалея ладѣ своихъ, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ лишались и всѣхъ удобствъ и жизни, всѣхъ радостей и удовольствій, которые приносили они в дождѣ, возвращаясь изъ похода вмѣстѣ съ добычей и полономъ.

Вмѣстѣ съ ними, вѣроятно, многія вдовы даже совсѣмъ лишились средствъ къ насущному пропитанію. Отголоски этихъ ощущеній мы и слышимъ въ ихъ плачахъ.

Восплакались русскія жены, говоря:

Не помыслить мыслию,
Не подумать душою,
Не видать очами —
Намъ милыхъ ладъ своихъ —
А златомъ и серебромъ
И подавно намъ не побрякивать!

Вотъ самъ великій князь, въ мирное время, у себя дома, на думѣ съ своей дружиной. Ночью приснился ему безпокойный сонъ—и онъ рассказываетъ его своимъ боярамъ. Онъ видѣлъ, между прочимъ, что доски на крышѣ „безъ князя“ въ его теремѣ златоверхомъ. Видно, что княжій его теремъ походилъ на настоящую крестьянскую избу, надъ крышей коей донинѣ можно видѣть этотъ жолобъ, этотъ верхній гнѣтень, которымъ связываются тесины крыши и который донинѣ называется „княземъ“. Самая примѣта—видѣть этотъ гнѣтень безъ досокъ, какъ недобрый знакъ, донинѣ живетъ въ нашихъ народныхъ вѣрованіяхъ; донинѣ слабыхъ и больныхъ заставляютъ участвовать при его подъемѣ на крышу, и если при этомъ долго маются и крыша стоитъ безъ князя, то это вѣрный знакъ, что больной умретъ.

Бояре, явившіеся на думу, толкуютъ сонъ Святослава, и, описывая веселіе на берегахъ синяго моря, вызванное бѣдствіемъ Игоря и его спутниковъ, выражаютъ свою готовность идти на ихъ защиту. „А мы, дружина,—говорятъ они князю,—уже жадны веселія“, т. е. мы уже давно жаждемъ повеселиться, какъ веселятся на берегахъ синяго моря! Такъ кратко и такъ сильно выражаютъ они свою готовность идти на борьбу, и вмѣстѣ—увѣренность въ своей побѣдѣ!

Если лѣтописи и „Слово“ передаютъ намъ одно и то же понятіе о князѣ и дружинѣ, то, съ другой стороны, мы видимъ въ нихъ также тождество и въ понятіи о степи.

Борьба со степью была тѣмъ главнымъ поприщемъ, въ которомъ сказалось все историческое значеніе княжеско-боярской киевской Руси которое оцѣнено русскимъ народомъ, воспѣто и увѣковѣчено имъ въ былинахъ. И что же мы здѣсь видимъ?

Съ одной стороны, это—вороги русской земли, разорители мирныхъ поселянъ, поганые, свирепители крестьянской святини. На мѣсто древнихъ торковъ и печенѣговъ, на обширной луговой степи нешего юга съ XI вѣка появились новые кочевники, извѣстные под именемъ половцевъ. Они поселились у береговъ Чернаго и Азовскаго морей и оттуда стремительно нападали на русскіе беззащитные г

рода и села, грабили и убивали жителей и истребляли огнемъ и мечемъ то, чего нельзя было захватить съ собою. „Начнетъ смердъ орати лошадыю и прїѣхавъ половчинъ ударить смерда стрѣлою и пойметъ лошадь ту и жену его и дѣти, и гумно его зажжетъ“ (1111 г.). Города всѣ опустѣли, села опустѣли, поля отошали, нивы обратились въ жилища звѣрей, много было христіанъ страдающихъ, мучимыхъ, костенѣющихъ отъ холода, исхудалыхъ, почернѣвшихъ отъ голода и жажды: по незнакомой имъ сторонѣ шли они часто нагіе и босые, и ноги ихъ исколоты были терніемъ (Лавр., 1093 г.). Не разъ повторяется въ „Кіевской Лѣтописи“, что много зла сотворили половцы русской землѣ. „И се попусти Богъ казнь на ны,—замѣчаетъ лѣтописецъ:—онъ казнилъ насъ нахожденіемъ поганныхъ: *се бо есть бѣгъъ Ею*, да подвигнемся отъ злаго пути“. Нападать на Русь для хановъ—было историческимъ преданіемъ. Севенчъ Боняковичъ,—дѣкій половчанинъ, знаменательно выразилъ это словами: „хочу,—говорилъ онъ,—сѣчи въ золотая ворота, яко же и отецъ мой“ (1151 г.). Въ виду подобнаго отношенія къ Руси половцевъ, срамно было для русскаго князя отказываться идти на поганныхъ. „Не дай Богъ,—говорилъ Игорь,—на поганыхъ ѣзда ся отрещи; поганый есть всѣмъ намъ *общій врагъ*“ (1185 г.). Такимъ образомъ идетъ историческая борьба между кіевскою Русью и Половецкою степью. То половцы нападаютъ на Русь (1165 г.), берутъ множество селъ, и множество полоня съ людьми и скоты и конями (1173 г.), иногда плѣняютъ даже много бояръ и дружины (1177 г.). То одолеваятъ ихъ русскіе князья—берутъ ихъ вѣжи, скоты и кони, отнимаютъ плѣнныхъ (1152 г.) и уводятъ отъ нихъ множество чади (1173 г.). Но особенно половцы устремлялись на кіевскую Русь, пользуясь,—какъ говорить „Лѣтопись“,—*свадою въ русскихъ князяхъ*. Въ этомъ отношеніи, какъ видно, были особенно искусны половецкіе ханы Кончакъ и Кобякъ. О первомъ лѣтописецъ даже не можетъ говорить спокойно и называетъ его окаяннымъ, агаряниномъ, нечистымъ исчадіемъ самого сатаны. Кобякъ также много зла сотворилъ крестьянамъ и избивалъ на Руси даже младенцевъ.

Съ другой стороны, эти самые кочевники, эти враги русской земли, разорявшіе города и изѣдавшіе села, изображаются въ „Лѣтописи“ какъ старые знакомые князей кіевской Руси, какъ добрые сосѣди и иногда благопріятели. Мало того, что ихъ принимаютъ, не дѣлая имъ насилія, и отпускаютъ, одаривъ дары (1151 г.); мало того, что за крестьянское кровопролитіе разсчитываются съ ними лишь только „искупомъ“ и самъ Кончакъ, исчадіе сатаны, будучи въ русскомъ плѣну, лишь только пѣшь ходитъ и востокъ несетъ на плечахъ; мало того, что эти окаянные Кончакъ и Кобякъ являются

союзниками русскихъ князей въ ихъ взаимныхъ сразахъ (1180 г.); мало того, что между ними замѣтны какая-то пріязнь и побратимство; но всего замѣчательнѣе то, что не рѣдко взаимныя ихъ нападенія вели къ заключенію *родственныхъ и кровныхъ связей*. Такъ, въ 1094 году поялъ Святославъ себѣ жену, дочь Тугоркана, князя половецкаго; въ 1117 г. Андрей, сынъ Мономаховъ, женатъ былъ на внукѣ Тугоркановой; въ 1183 г. привелъ Ростиславъ Вѣлукону, дочь князя половецкаго, изъ Половецъ, за сына своего Рюрика; въ 1206 г. великій князь Всеволодъ женилъ сына своего Ярослава и „привелъ за него“ Юрьевну Кончаковича.

То же самое понятіе о степи видимъ мы и въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Съ одной стороны, здѣсь изображается предъ нами борьба противъ поганыхъ, отъ которыхъ стонетъ Кіевъ и Черниговъ, и разлилась тоска по землѣ русской: степь рисуется какъ зло, которое усынило-было Святославъ кіевскій. Съ другой стороны, видимъ, что пораженіе Игоря оканчивается тѣмъ, что сынъ его Володиміръ *женится на дочери окаймнаго Кончака*.

Гзакъ Кончаку вопроговорать:
 Если да соколъ въ гнѣздо улетитъ,
 Соколенка раскрѣпимъ мы
 Да своими стрѣлами алаченными.
 А Кончакъ на то Гзѣ говорилъ:
 „Если да соколъ въ гнѣздо улетитъ,
 А и тогда соколенка
 Дѣвицею красной
 Опутаемъ мы“.
 И сказалъ да тутъ Гзакъ Кончаку:
 Лишь только дѣвицею красной
 Его да опутаемъ мы —
 Не будетъ у насъ соколенка,
 Ни красной дѣвицы не будетъ у насъ,
 И пницы тутъ почнутъ
 Да насъ бити
 Въ полѣ половецкомъ.

Таковы были отношенія между степью и князьями кіевской Руси. „Слово“ и „Лѣтопись“ одинаково даютъ понимать намъ какъ заклитую историческую вражду, такъ и побратимство и родственныя связи между поганою половецкою степью и православною дружиною-княжескою Русью.

Быть и культура этой Руси совершенно одинаковы по изображенію какъ „Лѣтописи“, такъ и „Слова“. Въ семейномъ быту нельзя не видѣть по лѣтописямъ нѣкоторой нѣжности во взаимныхъ отношеніяхъ; двоюродное родство называется *сыновствомъ* (1149 г.); не рѣдко читаемъ здѣсь ласкательныя слова: *милая тицерь* (1187 г.),

жили люди (1157 г.) и т. п. Особенная любовь замѣтна между родными братьями: другъ друга они жалѣютъ (1146 и 1148 гг.) и въ случаѣ смерти одного изъ нихъ другой оплакиваетъ (1151 г.). Иные князья выражали желаніе, чтобы ихъ хоронили непременно въ Кіевѣ: „не могу адѣ лечи,—завѣщаль, напр., Ростиславъ смоленскій,—повезите мя къ Кіеву“. Погребальная причетъ надъ родными имѣла всю свою силу и при донахъ княжескихъ: какъ дѣти плакали по отцѣхъ, такъ и родители по дѣтяхъ (1126 г.). „И посла Мнѣдовѣ по свою свѣсть тако река: се сестра твоя мертва, а пойди казать по своей сестрѣ“ (1254 г.).

Всѣ эти черты семейнаго княжескаго быта сказываются для насъ и въ „Словѣ“. О, мои сыновцы, Игорь и Всеволодъ, такъ начинается Святославъ свое золотое слово, обращаясь къ своимъ племянникамъ. Всеволодъ называетъ Игоря братомъ своимъ единственнымъ, *свѣтлымъ*; оба, говоритъ, мы *Святославичи*. „Жаль мнѣ брата Всеволода“,—воскликаетъ Игорь послѣ пораженія на Каяхъ. Ярополкъ повелѣлъ взать отца своего на угорскихъ иноходцахъ ко св. Софіи въ Кіеву. Плачетъ мать Ростислава по юношѣ князѣ:

„Уныли цвѣты отъ жалости
И дерево отъ туги
Къ землѣ преклонилось“.

У князей, по изображенію „Лѣтописи“, тѣ же доспѣхи и оружье, что и въ „Словѣ“.

1) *Щиты* называются здѣсь „золотыми“, какъ и въ „Лѣтописи“. Мешомомъ „*милъ золотомъ шоломомъ* Донъ“. Щиты половецкіе названы въ „Словѣ“ *оварскими*; щиты же Романа Галицкаго и Мстислава Храбраго названы *латинскими*.

2) *Щиты*. Они прозваны въ „Словѣ“ *червленными*, т. е. багряными или темно-красными; такими именно изображены щиты на миниатюрѣ въ древней харатейной рукописи (Типогр. Библ.) съ подписью: „Св. Борисъ ѣдетъ на Печенѣги“.

3. *Сабли*. Сабли пришли на Русь отъ воевавшихъ съ нею азіатцевъ. Припомнимъ изъ „Лѣтописи“ дань днѣпровскихъ полянъ козарамъ: *отъ дыма мечь*. „Рѣша старци козарстѣи: не добра дань, княже! Мы ся донскахомъ оружіемъ одною стороною, рекинѣ, саблями, а сихъ оружье обоюдо остро, рекше мечь“. Еще Максимовичъ замѣтилъ, что съ саблями въ „Словѣ“ представлены только половцы, а Русь и Литва съ мечами. Изъ русскихъ только Всеволодъ и куриане съ саблями.

4. *Мечи*. Они называются въ „Словѣ“ „харалужными“, что указываетъ также на восточное ихъ происхожденіе. Сталь изобрѣтена халифами и потому на греческомъ языкѣ известна подъ именемъ ха-

лпсь (χαλός); едва ли въ словѣ харалужный не скрывается этотъ корень ¹⁾. Въ олопецкой губерніи донынѣ существуетъ слово харалужный и употребляется въ переносномъ смыслѣ для выраженія крайняго безстыдства: *харалужные глаза, харалужа*, и т. п.

5. *Сулицы*. Сулицею называлось остріе копья (αἰχμή δόρατος, въ лѣт. Манассин и самое копье. О сулицахъ упоминается въ договорѣ смоленскаго князя съ Ригю и Готскимъ берегомъ XIII вѣка (Изв. Ак. Н., т. X, 601). Сулицы Мстиславичей названы въ „Словѣ“ „ладскими“.

6. *Стрѣлы*. Стрѣлы именуются калеными: это постоянный, неотлучный эпитетъ стрѣлъ, какъ полю названіе чистаго, звѣрю—лютаго, коню—борзаго, дѣвицѣ—красной.

7. *Насады*, упоминаемые въ „Лѣтописи“ и въ „Словѣ“, были деревянные лодки, въ основу которыхъ влялись коряги, обшиваемыя тесомъ. Св. Іона Климецкій, новгородскій кунецъ, торговавшій солью съ Бѣломорьемъ еще въ XVI в., ѣздилъ на такихъ „насадахъ“ по Онежскому озеру. Въ лѣтописяхъ они также встрѣчаются нерѣдко.

Въ ряду культурныхъ предметовъ мы находимъ здѣсь также „*оксамиты, паволоки и узорочья различныя*“, упоминаемыя въ „Словѣ“.

Князья послѣ побѣды или удачнаго исхода своихъ дѣлъ, вѣзжая въ Кіевъ, отправлялись поклониться св. Софіи и св. Богородицѣ Десятинной (1151 г.). Точно также Игорь, послѣ несчастной битвы и плѣна, получивъ спасеніе жизни, ѣдетъ по Боричеву къ св. Богородицѣ Пирогощей.

Отношеніе къ половецкимъ плѣнникамъ въ кіевской Руси, какъ и у половцевъ, было не для всѣхъ одинаково. Рядовые плѣнники продавались на торгу; когда было ихъ много, чага бывала по ногатѣ, а кощей по резани, т.-е. женщина стояла полтинникъ, а мужчина—двугривенный ²⁾. Иначе принимали плѣнниковъ почетныхъ. Такъ изъ выраженія „Слова“: „и палъ Кобыкъ въ грѣдѣ Святослава“, можно заключить, что этотъ канъ былъ представленъ лично великому князю Святославу и изъявилъ покорность ему въ самомъ княжескомъ дворцѣ. Побѣжденные, выражая свое подчиненіе, по изображенію

¹⁾ Быть можетъ въ формѣ χαλροῦτος.

²⁾ Въ грѣдѣ считалось двадцать ногатъ или 50 резань; слѣдовательно, въ ногатѣ было 2½ резани. Ногата на металлы (Карама. И. Г. Р. II., пр. 79) равнялась нишнему полтиннику, а резань—двугривенному. Для разъясненія отношенія ногаты къ новгородскому счету приведемъ здѣсь „память, какъ торювали доселѣ новгородцы“. „Пять лобцевъ четверетца, а десять лобцевъ двѣ четверетцы, ино то мротка, а ногата полторы мротки. Три четверетцы, а двѣ вежи ибѣцъ, а ибѣковъ пять за четверетцу“ (Виниска изъ Мценъ мѣсячной 1494 г., библ. Солов. монастыря, нѣкѣ казан. Дух. Ак., № 518, обязательно сообщена намъ проф. А. С. Павловичъ).

„Слова“, сулицы свои повергали и главы свои наклонили подъ мечи побѣдителей.

Языкъ „Слова о полку Игоревѣ“, въ большинствѣ своихъ образовъ, выраженій и оборотовъ, есть обыкновенный языкъ той же дружинно-княжеской кievской Руси. Сближая эту боярскую Русь въ ея внутреннихъ стремленіяхъ и понятіяхъ, въ ея бытѣ и культурѣ, какъ изображается она въ „Словѣ“ и „Лѣтописи“, мы нацѣленно приводили буквально многія мѣста лѣтописей, чтобы читатель могъ видѣть, въ какой высокой степени „Слово“ сходно съ лѣтописями, не только по изображеніямъ внутреннего уклада этой Руси, но и по языку, по тону рѣчи, по образамъ и выраженіямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что наша литература XII в. не стояла особнякомъ въ общей культурѣ тогдашняго міра; напротивъ, мы видимъ, что кievская образованность въ значительной мѣрѣ отражаетъ въ себѣ слѣды славяно-византійскихъ воедѣйствій. Дружинно-княжеская приднѣпровская Русь, какъ въ политическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніи, стояла на весьма значительной высотѣ тогдашняго общаго образованія. Но, допуская книжную, литературную стихію въ „Словѣ“, мы видимъ здѣсь главнымъ образомъ ту обычную рѣчь, которая жила въ устахъ кievской дружины, и, естественно, должна была подниматься на извѣстную поэтическую высоту, какъ скоро приходилось говорить о предметахъ серьезныхъ и возвышенныхъ.

Вопьсти на конь (21, 50). Ъздить въ стрелени (73). Пити шлагомъ Донъ (15). Труби втрубить (68). Кликнуть полкомъ (56). Ъхати по меломеню (129). Итти на судъ Божій (62). Видѣти судъ Божій (54). Стати на болотѣ (20) въ лозахъ (89). Битися на чистомъ полѣ (62). Битися съ завтра до вечера (86). Изложити конь свое (47, 63). Добыти коньемъ (214). Добыти Кіева (61). Послужити коньемъ за обиду (68). Стояти за обиду (39, 57, 217). Остужити полки рускіе (2). Повернутъ стили и поскочитъ (24). Потоптати полки (67). Ходитъ по трутню, аки по мосту (199). Видѣти лажъ копейный, звукъ оружейный (110), шитъ степанія (177). Сулицы кровавы, оскенде изстечено отъ ударенія мечнаго. Притти съ силою (26). Повоевати жизнь (38). Разграбити жизнь князя и дружины (стр. 83). Пожечъ всю жизнь (37). Кметство и комоны (56). Чола стляовая (24) и т. п.

Всѣ эти лѣтописныя выраженія, почти буквально повторяемыя въ „Словѣ“, ясно даютъ понимать, что языкъ „Слова“ есть языкъ той же дружинной Руси XII вѣка, съ которою такъ подробно знакомитъ насъ „Кievская Лѣтопись“. Замѣчательно, что нѣкоторые изъ приведенныхъ выраженій долго держались въ нашей письменности и послѣ упадка дружиннаго быта кievской Руси. Выраженіе, напр., „*пити*“

Дому" — въ смыслѣ одержать побѣду — встрѣчаемъ въ офіціальныхъ актахъ даже XVII вѣка.

Тѣ же здѣсь представили неудачъ, что и въ „Словѣ“: затѣніе солнца (135), завываніе волковъ (115), играніе и клевтаніе хищной птицы (115).

Тѣ же образы при описаніи битвъ: „и сразинися первое съ полкомъ и тресну, яко громъ“ (2). „И бѣ гроза велика и сѣча страшна и сильна: блещашеться оружіе яко свѣтящеся молнія“ (Лавр., 64). „Щить же ихъ яко заря бѣ, шелоны же ихъ яко солнце восходящее“ (186).

Самое начало „Слова“ какъ будто взято изъ „Лѣтописи“: „а глѣно ны было, братья“ (стр. 97), *начнемъ же сказати* безчисленныя рати и великіе труды (166). Драматическія рѣчи однихъ и тѣхъ же: „И рече Святославъ Рюрику: азъ есмь, брате, готовъ“ (134). „А се полкъ мой и дружина моя: ты ради“ (75). „А се есмы братья“ (стр. 60). „А ты еси Ростиславу сынъ любимый“ (74). — Упомянемъ и отдѣльныя выраженія, повторяемыя тамъ и здѣсь: „обалоупи“ (40, 63), „середѣ земли“ (21), „ночесь, почаша молвити“ (113). — Наконецъ, достойно вниманія, что потомки Олега, какъ тамъ, такъ и здѣсь, *именуются по изотчисту*: они постоянно называются не иначе, какъ „Ольговичи“. Точно также Игорь и Всеволодъ — величаются по отчеству: „Святославичи“¹⁾.

Изображая предъ нами дружино-боярскую киевскую Русь, какъ лѣтописи, такъ и „Слово“ почти ничего не сообщаютъ о другихъ общественныхъ классахъ и о самомъ народѣ: всѣ свѣдѣнія о послѣднемъ сводятся лишь къ выраженію „Слова“: *тогда рѣдко пахари покрывали, но часто вороны пограивали*. Нѣкоторые, впрочемъ, образы „Слова“, хотя случайно, отчасти связываютъ его и съ народною жизнью. Такъ, напр., встрѣчаются здѣсь выраженія: „ратан, снопы стелють, молозять цѣпами, вѣють“... Эти черты сельскаго народнаго быта, послужившія автору образами для кровавой битвы, служатъ для насъ указаніемъ, какъ глубоко корни „Слова“ тянутся къ русской народности и до какой степени картины его живы и наглядны: онѣ какъ будто сейчасъ схвачены съ самыхъ обычныхъ явленій сельской народной жизни, которыя и теперь совершаются на нашихъ глазахъ.

¹⁾ Изъ грамматическихъ формъ — укажемъ мы только на двѣ особенности: во-1-хъ, на дательный мѣстоимени личнаго *ты*: „Си отадеъ ти умеръ, а Святославъ сидѣти ти Кнень“ (Лавр., 61). Въ „Словѣ“: „мон ти готови, мон ти Куряке, тяжко ти“. Здѣсь „ти“ стоитъ вмѣсто частицы: вѣдь, знамо и т. п. (См. Малор. пѣсни XVI в. Потебни, въ Филол. Запискахъ, 1877). Во-2-хъ, при подлежащемъ собирательномъ глаголѣ употребляется во множеств. числѣ: „Дружина княжа сѣдаху“; въ „Словѣ“: „Дружина ривають“ и т. п.

Мы такъ отвыкли отъ живой народной рѣчи, что многіе обороты и выраженія лѣтописей и „Слова“ насъ поражаютъ необычностью и своеобразіемъ, между тѣмъ какъ многія изъ нихъ мы можемъ слышать и теперь, какъ скоро народная рѣчь коснется предметовъ серьезныхъ, доступныхъ сердцу и разумѣнію народа и непосредственно поднимающихъ его на поэтическую высоту. Нѣтъ сомнѣнія, что живая народная рѣчь XII в. ближе подходила къ языку лѣтописей и „Слова“.

Главное значеніе „Слова“ сравнительно съ „Кіевскою Лѣтописью“ состоитъ въ томъ, что оно рисуетъ предъ нами приднѣпровскую Русь XII в. въ цѣлой ея картинѣ и представляетъ намъ рядъ князей въ краткихъ, но характерныхъ чертахъ.

„Слово“ рисуетъ предъ нами цѣлое поволеніе тогдашнихъ передовыхъ князей, и въ ихъ изображеніяхъ даетъ намъ разумѣть ихъ кипучую дѣятельность и политическіе замыслы.

Вотъ предъ нами Всеволодъ III (Большое гнѣздо). Удалившись на сѣверъ, онъ поглощенъ здѣсь своей государственной задачей, подбирая князей подъ свою мощную руку. Онъ можетъ веслами раскропить Волгу и Донъ вылить шлонами, но онъ уже не думаетъ о Кіевѣ и не несетъ туда мыслию издали небыти древняго златого престола отцовскаго.

Вотъ предъ нами знаменитый Романъ Галицкій, котораго издали разглядѣлъ зоркій папа Иннокентій III и, угадывая его замыслы, предлагалъ ему королевскую корону надъ всей русской землей, подъ условіемъ, конечно, признанія его главенства. Высоко влетѣлъ этотъ Романъ въ своихъ замыслахъ, говорить о немъ „Слово“, какъ будто соколъ на вѣтрахъ ширяясь и готовясь въ буйствѣ одолѣть птицу.

Рядомъ съ этими мужами стоитъ Ярославъ Осмомыслъ Галицкій, что горы Угорскія подберъ своими желѣзными полками и стрѣлялъ солтановъ за землями. Грозы отъ его престола, говорить „Слово“, во землямъ текутъ.

За нѣсколько лѣтъ до похода Игоря умеръ Мстиславъ Храбрый (1180), имя котораго въ лѣтописяхъ стоитъ рядомъ съ богатырями, которые какъ львы и медвѣди не слышатъ на себѣ ранъ. Предъ нимъ и Романомъ (Галицкимъ) — отъ ихъ храбрости и оружія, говорить „Слово“, треснула земля и многія страны... копья свои повергли и головы преклонили подъ ихъ мечи харалужные.

Помануть въ „Словѣ“ и Рюрикъ Ростиславичъ, который семь разъ добывалъ и терялъ Кіевъ, съ золотого престола былъ постриженъ въ монахи, сбросилъ рясю и опять-таки добылъ Кіевъ. Онъ названъ

здѣсь „буйнымъ“: шломи его плавать въ крови, какъ и шломи Давида—и храбрая дружина ихъ рывала, какъ туры, раненные каменными саблями.

Въ такихъ же яркихъ краскахъ изображены здѣсь и три Мстиславича: „не худа мзда шестокрылиц“, — и „всѣ внуки Всеслава, выскочившіе изъ дѣдней славы“.

Уже въ XI вѣкѣ, какъ мы видѣли, слышался голосъ со стороны смысленныхъ мужей или думающихъ бояръ, что княжескіе раздоры наводили поганыхъ на русскую землю; а затѣмъ, по мѣрѣ усиленія раздорѣвъ, поганые еще болѣе радовались „княжеской свадѣ и которамъ“ и устремлялись съ побѣдами на землю русскую. Въ XII в. дѣйствительность была такова, что производила отрезвляющее дѣйствіе и давала чувствовать всю глубину зла, къ которому вели княжескіе раздоры.

Всѣ усобицы, по свидѣтельству „Слова“, развились именно отъ того, что князья забыли великую идею единства земли русской, эту святыню, завѣщанную имъ исторіей, и, вмѣсто того, чтобы всѣмъ княжить подъ ея воздѣйствіемъ, стали водиться самолюбивыми дѣлами и мелкими побужденіями,—„стали говорить: се мое, а то мое же, и о маломъ стали говорить: се великое“. Вотъ историческій лучъ, который озаряетъ для историка разрозненность кievской Руси такими психологическими опредѣленіями, которыхъ напрасно сталъ бы онъ искать въ лѣтописяхъ XII в.

Всѣ бѣдствія русской земли, разоренія городовъ и страданія жителей происходили, по свидѣтельству „Слова“, именно изъ-за этихъ мелкихъ и самолюбивыхъ княжескихъ интересовъ, столь противныхъ историческому преданію и завѣтной идеѣ единства народа русскаго. „И начали князи крамолу ковать, а поганые со всѣхъ сторонъ приходили на землю русскую“... Съ этой стороны „Слово“ есть настоящій „плачъ Іереминъ“, указующій истинную причину всѣхъ бѣдъ, разразившихся надъ русской землей.

Окончивъ золотое слово Святослава, авторъ какъ-бы изнемогаетъ при мысли о княжескихъ крамолахъ, и изъ стѣсненной души его какъ-бы невольно вырывается почти отчаянное слово: „О, стонать русской землѣ, вспоминая первую годину и первыхъ князей. Уже нельзя пригвоздить того стараго Владимира къ горамъ Кіевскимъ. Знамена его теперь стали одинъ Рюрика, другіа Давида, а разладивъ они дѣйствуютъ веривъ и вкосъ“.

Что касается въ частности похода Игорева, то нельзя не замѣчать, что „Слово“, сравнительно съ „Лѣтописью“, не столько занято его подробностями, сколько передаетъ впечатлѣнія очевидца, подъ дѣйствіемъ гнетущей скорби за эти стоны и бѣдствія русской земли. Оно

не распространяется о томъ, какъ проводили время и что затѣвали русскіе послѣ первой побѣды надъ половцами, въ пятницу, у р. Сяурлія, что сообщается въ „Кіевской Лѣтописи“. Оно лишь кратко замѣчаетъ объ этомъ ночлегѣ: „Дремлетъ въ полѣ гнѣздо храброе Олега;... далече залетѣло“.

Точно также, опуская подробности битвы въ субботу, оно изображаетъ предъ нами лишь только князя Всеволода — въ его рукопашномъ бою... Бой русскихъ въ этотъ день былъ такъ страшенъ, что авторъ свилъ его съ старымъ временемъ Ярослава и Олега... „То было,—заканчиваетъ онъ эту картину, — въ ты рати, и въ ты поляхъ, ни сицей рати не слышано... зачернѣла земля подъ копытами, костью была призабѣяна и кровію полита“.

„Что ми шумить, что ми звенить давеча рано передъ зорами? Полки Игорьъ заворачиваетъ“... Такъ начинается „Слово“ описаніе 3-го, воскреснаго дня и, пропуская подробности несчастнаго боя и плѣна своихъ героевъ, подробно рассказанныя въ „Лѣтописи“, изображаетъ только печальный конецъ его: „бились день, бились другой, а на третій во полудню стаги Игоревы пали“. Говоря короче, въ „Словѣ“ читаемъ не рассказъ событія, но впечатлѣнія и думы дружинника, вызванныя этимъ походомъ.

Таково историческое значеніе „Слова“. До такой степени оно связано съ понятіями, отношеніями, бытомъ, культурою, языкомъ и политическими стремленіями дружинно-княжеской придиѣпровской Руси XII вѣка. Возникнувъ лишь только въ этой дѣйствительной средѣ, оно могло отразить для насъ такъ наглядно и осязательно въ общей картинѣ историческій фактъ. Уже одно это значеніе, столь внутреннее и глубокое, должно сдерживать порывы нѣкоторыхъ ученыхъ—для объясненія его уноситься мыслию въ старую и новую Болгарію и тамъ искать прототипа, по которому будто бы оно выкроено съ замѣтными и не всегда искусными снайками.

II.

Приступая къ опредѣленію литературно-художественнаго значенія „Слова“, мы не можемъ пройти молчаніемъ извѣстной въ литературѣ новой гипотезы ¹⁾, которая, въ ущербъ его поэтическимъ достоинствамъ, предполагаетъ за нимъ византійско-болгарскій прототипъ, давшій автору „Слова“ матеріалъ для безотчетнаго заимствованія и, видимо, не искусныхъ снаекъ. Гипотеза эта тѣмъ болѣе

¹⁾ Взглядъ на „Слово о полку Игоревѣ“ Всев. Миллера. М. 1877.

должна обратить на себя наше вниманіе, что къ ней отнеслись съ замѣтнымъ сочувствіемъ такіе ученые, какъ А. Н. Веселовскій, А. Н. Пыпинъ и О. Э. Миллеръ, изъ которыхъ первый даже старается поднять ее на высоту гипотезы научной.

Поэтическое благообразіе „Слова“ и, такъ-сказать, его художественная красота, самимъ его авторомъ поставлена въ зависимость отъ размысла Воинова и его „старыхъ словесъ“. Авторъ не скрылъ своего необыкновеннаго уваженія къ этому пѣснотворцу, какъ онъ самъ его называетъ, и своего увлеченія его „старыми словесами“.

Заявляя, что будетъ имѣть дѣло лишь съ дѣйствительнымъ фактомъ и начнетъ повѣсть „по былымъ своего времени“, онъ не разъ возвращается къ Воину и пользуется его рѣчью, его сильными выраженіями, его пѣвучими стихами и изреченіями мудрости, которыя изливались изъ его устъ, подъ его чарующей, волшебной лирой. Имена языческихъ божествъ, поднимающія рѣчь автора „Слова“ на поэтическую высоту и придающія его изображеніямъ не только прелесть, но и нѣкоторую священную важность, по мнѣнію почти всѣхъ изслѣдователей, почерпнуты имъ изъ источника старыхъ словесъ и Воинова размысла. Отсюда же имъ заимствованы, по всей вѣроятности, и всѣ тѣ художественные образы, которые преобладаютъ въ „Словѣ“ надъ фактомъ и указываютъ на то, что авторъ не остался вѣренъ своей задачѣ—излагать только быль, а поддался вдохновлявшему его Воинову размыслу.

Никто до сихъ поръ не сомнѣвался въ дѣйствительномъ существованіи Воина, какъ пѣснотворца времени Ярослава и Олега. Одинъ только князь П. П. Вяземскій, поднимая тогдашнюю кievскую Русь на высоту классическаго образованія, видитъ въ немъ образъ вдохновителя поэтовъ—самого Гомера.

Но вотъ появляется еще новая гипотеза, которая, въ ущербъ художественному значенію „Слова“, пытается подорвать всѣ эти истины и, не обинуясь, позволяетъ себѣ называть ихъ *избитыми*, хотя собственныя ея положенія далеко не таковы, чтобы могли оправдывать ея притязательность на значеніе научной истины.

Гипотеза эта выходитъ изъ того положенія, что „Слово“ есть произведеніе книжное, что авторъ его былъ человѣкъ грамотный и просвѣщенный и что оно не принадлежало никогда ни народному, ни дружинному эпосу. Смотра съ этой точки зрѣнія, она ищетъ матеріала къ его объясненію въ произведеніи, вошедшемъ въ одинъ сборникъ съ нимъ, въ „Дѣяніи Девгеніевомъ“ (стр. 11 и 13) и проводитъ такого рода аналогіи: оба произведенія написаны съ цѣлю прославить извѣстнаго героя, содержаніе обоихъ состоитъ изъ описанія битвъ, оба богаты картинами природы; тамъ и здѣсь эпиче-

скій рассказъ прерывается рѣчами и умильными плачами (51 — 57). Особенное вниманіе обращаетъ она на приступъ (exordium) „Слова“ и, сближая его съ началомъ нѣкоторыхъ главъ повѣсти о Давгеніи, — заключаетъ, что тамъ и здѣсь есть обращеніе къ читателю, обозначеніе героя, имѣющаго быть воспѣтымъ и воспоминаніе о другихъ герояхъ. Отсюда дѣлается выводъ, что это византійское произведеніе въ славянской одеждѣ входило въ кругъ начитанности автора „Слова“ и, что подъ вліяніемъ знакомства съ нимъ, у этого автора сложились своя манера повѣствовать, и что изящныя картины, образы и выраженія явились въ „Словѣ“ какъ осадокъ прочитанныхъ книгъ (64).

Что авторъ „Слова“ былъ человѣкъ образованный и просвѣщенный, — въ этомъ никто и никогда не сомнѣвался изъ ученыхъ изслѣдователей „Слова“. Что оно отражаетъ въ себѣ книжную стихію и воедѣйствія общей тогдашней литературы, это также давно уже подмѣчено. Первый кн. П. П. Вяземскій началъ изучать „Слово“ въ этомъ направленіи. Академикъ Срезневскій также указалъ на связь „Слова“ съ древними подобными славянскими повѣстями.

Мы, съ своей стороны, развивали эту мысль и привели даже нѣсколько примѣровъ подобія и однообразія языка „Слова“ съ образами и выраженіями повѣсти Флавія о плѣненіи Іерусалима.

Но если въ „Словѣ“ такъ замѣтна стихія книжная, то это еще не значитъ, что оно всецѣло есть произведеніе книжное и что всѣ его художественные образы и выраженія нужно объяснять изъ литературныхъ источниковъ византійско-славянскаго происхожденія.

Никто изъ ученыхъ изслѣдователей не представлялъ автора „Слова“ простонароднымъ пѣвцомъ въ родѣ былинщика Рябинина, и если предполагаетъ это гипотеза, то обличаетъ лишь недостатокъ своего знакомства съ литературой „Слова“. Съ другой стороны, никто изъ нихъ не сомнѣвался въ томъ, что „Слово“ принадлежитъ къ дружинному эпосу. Мы уже выше говорили, что политическое и глубокое знакомство автора „Слова“ съ кievскою Русью прямо указываетъ на среду, къ которой онъ принадлежалъ. Языкъ „Слова“ и „Лѣтописи“, разсмотрѣнный нами, какъ выраженіе понятій и культуры кievской Руси, также служитъ неотразимымъ свидѣтельствомъ того, что объясненія певца „Слова“ слѣдуетъ искать не въ византійско-болгарскихъ книжкахъ, а прежде всего и болѣе всего въ укладѣ, направленіи и характерѣ дружинно-болгарской кievской Руси, въ ея идеалахъ, стремленіяхъ и понятіяхъ.

Окустивъ это изъ виду, гипотеза, приведенными аналогіями „Слова“ съ повѣстію о Давгеніи, лишь наилучшимъ образомъ доказываетъ, какое ненаучное направленіе можетъ иногда принять срав-

нительный методъ, этотъ дѣйствительно могучій и единственно надежный двигатель современной науки.

Сближая „Слово“ съ повѣстiю о Девгенiи, гипотеза схватываетъ лишь общiе стилистическiе приемы и совершенно опускаетъ изъ виду тѣ безконечныя различiя, которыми собственно и опредѣляются эти произведенiя. Она забываетъ, что въ одномъ изъ нихъ герои дѣйствительныя, а въ другомъ—сказочныя, баснословныя; тамъ выражается въ нихъ понятiе о князѣ и дружинѣ кiевской Руси, — здѣсь являются они только романическими лицами; тамъ и здѣсь разговариваютъ, но въ разговорахъ однихъ до насъ дѣйствительная жизнь кiевской Руси, въ разговорахъ другихъ слышится прежде всего отголосокъ общихъ рѣчей литературныхъ героевъ; тамъ и здѣсь плачутъ, но безконечно различны эти плачи: въ однихъ звучатъ тоскливыя чувства именно супруги князя и женъ дружинниковъ кiевской Руси; а въ другихъ повторяются лишь мотивы влюбленнаго сердца. И какая можетъ быть повѣсть, въ которой не было бы героевъ, разговора дѣйствующихъ лицъ, описанiя природы, и т. п.

И вотъ, пользуясь подобными аналогiями, повидимому, на основанiи сравнительнаго метода, гипотеза проводитъ мысль, что „Слово о полку Игоревѣ“ есть произведенiе книжное и что объясненiя даже такихъ его художественныхъ образовъ, какъ сравненiе людей съ соколами и воронами, такихъ выраженiй, какъ: „*сѣтъ сѣтлымъ*“ „*два солнца померкоста*“ и т. п., нужно будто бы искать въ византийско-болгарскихъ источникахъ.

Но все это лишь только „цвѣтки“ новой гипотезы. Все-таки, за общеою мыслию, помимо приведенныхъ аналогiй, здѣсь есть извѣстная доля справедливости. „Слово“ не стоитъ особнякомъ въ тогдашней византийско-славянской литературы, и въ немъ рядомъ съ картинами и образами, бытовыми и культурными, кiевской Руси, встрѣчаются и нѣкоторыя выраженiя книжнаго характера — какъ осадокъ тогдашней начитанности и литературнаго знакомства.

Но вотъ въ чемъ существенная новостъ разсматриваемой гипотезы. Въ самомъ „Словѣ“ она отыскиваетъ признаки того, что заставляетъ предполагать византийско-болгарскiй прототипъ, по которому оно, такъ-сказать, выкроено. Въ данномъ случаѣ гипотеза затрогиваетъ и подрываетъ миеологическую сторону „Слова“, самую существенную и дорогую для историка древне-русской литературы. По ея соображенiямъ и выводамъ, оказывается, что никакого пѣснотворца Вояна, которымъ такъ восторгается авторъ „Слова“, на Руси не бывало. Воянъ будто бы не историческое лицо, а маска (стр. 127). Болгарскiй книжникъ нашелъ въ византийскомъ оригиналѣ воз-

званіе къ какому-нибудь пѣвцу древности, Гомеру, и подставилъ личность родныхъ народныхъ преданій, вспоминая легенды о вѣщемъ Боянѣ (стр. 135). Такимъ Бояномъ могъ быть одинъ изъ сыновей болгарскаго царя Симеона (927), извѣстный своимъ кудесничествомъ и, по народнымъ преданіямъ, обращавшійся въ волка (стр. 132—133). Авторъ „Слова“, найдя подобное болгарское произведеніе, не могъ не увлечься патетическимъ воззваніемъ къ Бояну и перенесъ его въ свое произведеніе (134). Дажь-Богъ былъ также подставленъ въ какомъ-нибудь болгарскомъ произведеніи на мѣсто Геліоса или Феба, а авторъ „Слова“ въ свою очередь воспользовался имъ, не отдавая себѣ въ немъ отчета и украсилъ имъ своихъ князей (стр. 76—77). Имя Велеса онъ также взял на прокатъ, по выраженію гипотезы, изъ того же болгарскаго произведенія (стр. 77). Хорсъ въ „Словѣ“ также отзывается болгарщиной. Дивъ и Троянъ попали сюда несомнѣнно изъ Болгаріи. Всѣ четыре мѣста въ „Словѣ“, гдѣ рѣчь касается Трояна, не болѣе, какъ внѣшнія спайки, обличающія болгарскій прототипъ „Слова“.

Всѣ эти положенія новой гипотезы сами по себѣ не привносятъ въ „Слово“ ничего, кромѣ новой запутанности и темноты, и мы позволимъ себѣ на нихъ остановиться лишь настолько, насколько въ нихъ сказываются приемы критики и характеръ мысли ея изобрѣтателя.

Считая маскою русскаго Бояна, въ виду между прочимъ того, что онъ въ „Словѣ“ называется *вѣщимъ, внукомъ Велеса, соловьемъ стараго времени*, она въ то же время ни мало не смущается прямымъ свидѣтельствомъ „Слова“, что этотъ самый Боянъ своими пѣснями и лирой служилъ *старому Ярославу, храброму Мстиславу и красному Роману Святославичу*, и преспокойно это фактическое указаніе обходитъ замѣчаніемъ, что имена этихъ князей явились въ „Словѣ“ для того, чтобы *болгарскому Бояну* придать русскую окраску (стр. 134). Отрицая въ Боянѣ русскаго пѣснотворца во имя того, между прочимъ, что о немъ не упоминается въ лѣтописяхъ, она пресерььезно, въ замѣнъ его, предлагаетъ намъ *болгарскаго Бояна*, вѣщихъ дѣлъ котораго, по собственнымъ же ея словамъ, также не сохранила для насъ ни замѣтка благочестиваго книжника, ни народная традиція (133). Утверждая, что будто во всей характеристикѣ Бояна нѣтъ ни одной реальной черты пѣвца историческаго и притомъ русскаго, что, какъ увидимъ, невѣрно, она ставитъ однакожъ на его мѣсто *болгарскаго царевича*, володчачья натура котораго уже совсѣмъ не ладитъ съ прекраснымъ образомъ *пѣвца и юдца* нашего „Слова“.

Еще любопытнѣе критическіе приемы этой гипотезы по отноше-

нію къ именамъ боговъ, которые будто бы безотчетно явились въ „Словѣ“, благодаря лишь какому-то болгарскому прототипу.

Въ лѣтописи есть вставка изъ хроники Малалы, гдѣ имя *Гемюса* переведено Дажь-Богомъ, и такъ какъ можно предполагать, что составитель лѣтописи пользовался готовымъ болгарскимъ переводомъ хроники, то этого достаточно уже для нашей гипотезы, чтобы подобнымъ же образомъ объяснять и появленіе Дажь-Бога въ „Словѣ“. Извѣстно, что въ одномъ древне-славянскомъ переводѣ сказанія объ Александрѣ Македонскомъ имя Зевса переведено Перуномъ: не слѣдуетъ ли отсюда заключить, что и это божество перешло къ намъ изъ болгарскихъ книжекъ? Впрочемъ гипотеза замѣчаетъ, что если Перунъ хорошо былъ извѣстенъ на Руси, то нѣтъ прямыхъ указаній на то, что Дажь-Богъ былъ популярнымъ русскимъ именемъ. Но, какъ увидимъ, едвали въ Болгаріи есть больше указаній на популярность этого божества, чѣмъ у насъ, въ Россіи. Во всякомъ случаѣ о народной извѣстности русскихъ боговъ слѣдуетъ судить не по болгарскимъ переводамъ, а по историческимъ памятникамъ и слѣдамъ, которые представляетъ намъ наша русская родная земля.

Еще слабѣе нить, которою связываетъ гипотеза *Велеса* нашего „Слова“ съ какимъ-то неизвѣстнымъ болгарскимъ произведеніемъ. Вотъ ея разсужденія: форма, извѣстная *русскому* лѣтописцу не „Велесъ“, а „*Волосъ*“, между тѣмъ, какъ въ „Хожденіи Богородицы по мукамъ“, по рукописи XII в., произведенія болгарскаго происхожденія, упоминается именно „*Велесъ*“. У южныхъ славянъ находимъ гору Велесъ въ Босніи, городъ Велесъ въ Болгаріи; у насъ же, противопологаетъ она, встрѣчаемъ *Волосовъ-яръ* въ Винницкомъ новѣтѣ, *село Волосово* и станцію по балтійской желѣзной дорогѣ, *Волосову* улицу въ Новгородѣ и *Волосовъ* Никольскій монастырь, упоминаемый въ актахъ XIV в.

Итакъ, вся опора гипотезы о болгарскомъ происхожденіи Велеса снуется на томъ, что форма „*Велесъ*“ есть исключительно болгарская, а форма „*Волосъ*“, исключительно русская. Но если бы гипотеза не уносила такъ поспѣшно въ Болгарію, а, озираясь кругомъ, лучше познакомилась бы съ русской землей, то — мы не сомнѣваемся, что собственными руками она порвала бы эту нить и не стала бы связывать ея Велеса нашего „Слова“ съ какимъ-то неизвѣстнымъ болгарскимъ произведеніемъ, тогда она узнала бы, что имя Велеса донинѣ существуетъ на русской землѣ и что Болгарія дала намъ не Велеса, а Власія, который, намъ кажется, по созвучію съ Волосомъ, и поддерживалъ у насъ господство этой полногласной формы.

Но еще любопытнѣе предположенія гипотезы — относительно Хорса. „Въ виду болгарской формы „Хръсъ“ въ „Словѣ“, а не русской

„Хърсь“ или „Хорсь“ и окружающихъ словъ, отъзывающихся болгарщиной, мы,—разсуждаетъ она,—склонны думать, этотъ богъ занесенъ къ намъ книжнымъ путемъ и авторъ не нашелъ нужнымъ переделывать его имя по русскому говору“. Но если бы гипотеза побольше была знакома съ исторіей русской палеографіи, то воздержалась бы отъ подобной подкладки для своихъ заключеній. Въ XVI в., какъ извѣстно всякому русскому палеографу, писцы часто возвращались въ болгарскому правописанію и какъ употребляли безъ толку юсы, такъ и полугласныя ѣ и ѣ ставили всего чаще по-болгарски. Эта палеографическая мода держалась между писцами даже въ XVII в., и ее можно замѣчать во множествѣ рукописей, списанныхъ съ оригиналовъ русскаго правописанія. Загляните въ великіе „Четимъ-Миней“ Макарія; возьмите хотя Библію Геннадія и сравните ее съ болѣе поздними списками,—и вы убѣдитесь, какъ не научно заключать по болгарскому правописанію „Хърса“ объ его болгарскомъ происхожденіи: это такой пріемъ критики, который многихъ можетъ изумлять своею наивностью и невѣдѣніемъ.

Но если относительно Дажь-Бога, Велеса и Хорса гипотеза представляетъ хотя какія бы то ни было положенія, то уже о Стрибогѣ и Троянѣ приговоры ея—виѣ и послѣдней слабой нити, связующей ихъ съ Болгаріей.

Нѣтъ основанія думать, говорить гипотеза, чтобъ авторъ „Слова“ о Стрибогѣ зналъ болѣе, чѣмъ мы (стр. 87). Говоря о „седьмомъ вѣкѣ Трояна“, она также замѣчаетъ,—что „авторъ зналъ объ этомъ не больше нашего“. Гдѣ находилась земля Трояна и когда былъ вѣкъ этого миѣстческаго лица, конечно, не знаетъ и авторъ „Слова“ (стр. 108). Всѣ четыре мѣста, гдѣ упоминается о Троянѣ, въ главахъ гипотезы лишь только слѣды и пазы виѣшнихъ неискусныхъ спаекъ русскаго содержанія съ выраженіями неизвѣстнаго болгарскаго источника. Здѣсь, въ этомъ болгарскомъ неизвѣстномъ произведеніи, авторъ „Слова“ встрѣтилъ выраженіе о „тропѣ“, „землѣ“ и „вѣкахъ“ Трояна—и виѣшнимъ образомъ прикрѣпилъ ихъ къ русскимъ князьямъ, самъ не понимая ихъ значенія и спокойно оставляя въ томъ же недоумѣніи и свою братію, для которой предназначалъ онъ свое „Слово“. Троянову землю приурочилъ ни съ того, ни съ сего къ Дону; Трояновы вѣка поставилъ ѡ-богъ съ Ярославовыми; одну и ту же сербскую сказку о бѣгѣ Трояна прилепилъ къ двумъ князьямъ разныхъ историческихъ эпохъ.

И такъ-то творить и сочиняетъ тотъ самый авторъ, котораго гипотеза называетъ литераторомъ, надѣленнымъ замѣчательнымъ талантомъ и высокимъ чувствомъ красоты (стр. 49), человекомъ съ прирожденнымъ вкусомъ и пониманіемъ изящнаго (стр. 184), съ

несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ и высокимъ патріотическимъ чувствомъ (стр. 136).

Какъ угодно, а въ сочетаніяхъ подобныхъ представленій недостаетъ внутренняго *логическаго элемента*—сродства понятій. Г. Веселовскій справедливо замѣчаетъ, что совершенно не къ лицу обвиненіе *талантливаго* автора въ такихъ *безталантныхъ* спаяхъ. И не удивительно, что гипотеза съ такимъ характеромъ мысли ставитъ и автора „Слова“ въ такое же внутреннее противорѣчіе съ самимъ собою: именно, заставляя его приурочивать болгарскаго Бояна X в., для русской окраски, къ русскимъ князьямъ XI вѣка, она вынуждаетъ его *мать* въ ту самую минуту, когда онъ, обращаясь къ своей братіи, заявляетъ, что будетъ воспѣвать только *одну быль*.

Но странно, что гипотеза съ такими внутренними противорѣчіями обратила на себя вниманіе такого серьезнаго изслѣдователя, какъ А. Н. Веселовскій. Поднимая ее на высоту гипотезы свѣтлой, онъ находитъ, что подъ ея призмой „Слово“ является будто бы „памятникомъ поэтическаго возрожденія, въ стѣнахъ котораго заложены матеріалы, служившіе когда-то другимъ, болѣе древнимъ архитектурнымъ замысламъ“.

Не находя ничего общаго между Бояномъ „Слова“, гудцомъ и пѣснотворцемъ, и Бояномъ, болгарскимъ царевичемъ—вѣдуномъ и оборотнемъ, котораго подставляетъ здѣсь гипотеза, г. Веселовскій, однако, типъ этого пѣснотворца все-таки предполагаетъ въ болгарской книжности, которая воспроизвела въ немъ образъ такого же мудраго и хитроумнаго пѣснотворца Греціи (стр. 281). Но если гипотеза хватается еще за болгарскаго царевича — *вѣдуна* и *кобника*, то для предположенія еще новаго болгарскаго Бояна, мудреца и книжника, не остается уже рѣшительно никакого историческаго основанія. Если типъ нашего пѣвца Бояна и отражалъ въ себѣ черты эллинскаго витійства, то это могло быть принесено столько же дружинниками кievской Руси, сколько и болгарскимъ книжникомъ. Нѣтъ никакихъ основаній отвергать, что византійская письменность непосредственно доступна была дружинно-княжеской средѣ придѣл-провской Руси. Одни договоры съ Византіей Игоря и Олега показываютъ, какое общеніе было между кievской Русью и Византіей. Пока Болгарія не явитъ въ своей книжности такого типа, до тѣхъ поръ совершенно не научно предполагать, что такой типъ былъ тамъ *непретѣнно*. Съ другой стороны, этотъ типъ, какъ мы не разъ уже говорили, видимо накинута въ наше „Словѣ“ на живое историческое лицо, на дѣйствительнаго пѣснотворца стараго времени. По крайней мѣрѣ, для автора „Слова“ несомнѣнно существовали пѣсни, относившіяся къ старому Ярославу, храброму Мстиславу и красному

Роману Святославичу и дошедшія до него съ именемъ „*иъсней Бояновыи*“. Безпристрастный изслѣдователь отрицать этого не можетъ, если только не захочетъ автора „Слова“ ставить въ комическое положеніе передъ своей братіей, къ которой обращалъ онъ свою повѣсть, и не превратить поэта-творца въ бездарнаго *составителя ценнозовъ*.

Точно также г. Веселовскій, хотя и не соглашается съ тѣмъ, чтобы авторъ „Слова“ всѣхъ упомянутыхъ боговъ взялъ на прокатъ, какъ выражается гипотеза, изъ какого-нибудь одного болгарскаго источника, но онъ охотно допускаетъ, что имена всѣхъ этихъ боговъ суть только литературныя прикрасы, внесенныя въ „Слово“ лишь не изъ одной, а изъ разныхъ болгарскихъ книгъ. Гораздо сдержаннѣе въ этомъ отношеніи сужденіе г. Пыпина, который хотя также сочувствуетъ новой гипотезѣ, однако научную ея оцѣнку предоставляетъ спеціальной критикѣ.

Несмотря на слабость своихъ положеній, гипотеза до того увлечена своимъ мнимо критическимъ анализомъ „*старыхъ словесъ*“, что отзывается отважною притязательностію. Говоря объ установившихся взглядахъ на Бояна, именно, что его „старыми словесами“, охарактеризованными въ „Словѣ“, открывается для насъ предшествующій ему литературный періодъ, что авторъ „Слова“, начиная собою поэзію гражданственности, не освободился еще отъ поэзіи Боянова вымысла, гипотеза выражается въ такомъ тонѣ: „считаемъ не лишнимъ пересмотрѣть всѣ эти избитыя истины, вошедшія уже давно въ исторію литературы и учебники“ (стр. 117).

Но какъ ни избиты эти истины, онѣ далеко не таковы, чтобы можно было однимъ почеркомъ пера вычеркнуть ихъ изъ исторіи, литературы, науки и школы. Чтобы видѣть ихъ дѣйствительное значеніе, постараемся, съ своей стороны, привести ихъ въ связь съ русскими историческими данными.

Выше мы показали, какія жизненныя нити связываютъ „Слово“ съ укладомъ и бытомъ дружинно-княжеской кievской Руси. Сравнивъ его съ „Кіевскою Лѣтописью“, мы показали, что какъ въ ней, такъ и въ „Словѣ“ воплощено то же понятіе о князѣ и его дружинѣ, то же понятіе о степи и ея отношеніяхъ къ приднѣпровской Руси; выражена та же самая культура и домашняя бытовая обстановка, и звучитъ, наконецъ, тотъ же самый дружинный языкъ — съ тѣми же образами и блескомъ воинской славы и чести. Не возможно отвергать, не отвергая самой „Лѣтописи“, что „Слово“ есть отголосокъ думъ и ощущеній этой кievской Руси, что оно есть произведеніе человѣка, принадлежавшаго къ дружинно-боярской средѣ. Выѣстъ съ тѣмъ, эта внутренняя, органическая связь „Слова“ съ „Кіевскою

Лѣтописью“, даетъ намъ неотразимо понять, что „Слово“ не было исключительнымъ литературнымъ памятникомъ дружинно-киевской эпохи; напротивъ, это былъ обычный отголосокъ думъ и ощущеній того времени.

Мы уже выше упоминали о томъ, что киевскій лѣтописецъ часто отдѣляетъ въ своихъ разсказахъ собственныя прибавленія отъ разсказовъ своихъ источниковъ замѣчаніями въ родѣ слѣдующихъ: „мы же на предняя возвратимся“, „мы же о семъ поглаголуемъ“.

Начиная съ XII вѣка, въ „Киевской Лѣтописи“ повѣствованія о князьяхъ и ихъ дружинахъ отмѣчаются такими мелкими особенностями и чертами киевской Руси, что онѣ ясно обличаютъ свой первоисточникъ дружинныхъ „словесъ“. Въ изображеніи этой эпохи историкъ не столько можетъ затрудняться недостаткомъ данныхъ, сколько обиліемъ мелкихъ подробностей, богатствомъ и разнообразіемъ сообщаемыхъ фактовъ. Для насъ важно, что рѣчь часто идетъ здѣсь краткими и иногда мѣрными предложеніями; встрѣчаются нерѣдко повторенія; разсказъ часто осложняется дробнымъ развитіемъ мысли и разговоромъ дѣйствующихъ лицъ.

Стоитъ только читать многія мѣста мѣрною рѣчью—и въ вашихъ глазахъ, если хотите, возсоздается дружинная былина, служившая источникомъ для киевскаго лѣтописца. Мы позволяемъ себѣ привести здѣсь образчикъ такого чтенія, чтобы читатель могъ видѣть, насколько замѣтенъ былевой складъ въ лѣтописномъ повѣствованіи.

Тогда же Ростиславъ
Позва Святослава
Къ собѣ на обѣдъ.
Святославъ же къ нему ѣха
Безо всякаго извѣста.
И бысть же радость въ той день.
Да бо Ростиславъ Святославу
Собольмй и горностѣмъ
И черными кунами и пѣсцы,
И бѣлыми волки и рыбьими зубы.
На заутрію позва
Святославъ Ростислава
Къ собѣ на обѣдъ.
И тако биста весела
Паче вчерашняго дня.
Да Святославъ Ростиславу
Пардусъ и два коня бѣреа
Уковану сѣдлу.
И тако разидостася
У свояси (Кіев. Лѣт., стр. 86).

Вотъ другой примѣръ (на той же страницѣ):

И поиде Изяславъ ко Чернигову
 Со всею силою Половецкою
 На Святослава на Ольговича.
 И стаа подлѣ Десну
 По Крырову
 Оли до устья,
 А вниъ до Стояничъ.
 И бѣхуся съ ними
 Крѣпко о Десну
 Они на конѣхъ,
 А ннѣ въ насадѣхъ
 Въядаче
 И не пустиша ѣ
 Черѣзъ рѣку.
 И стояше,
 Великую павость сътвориша
 Села пожгоша,
 Люди повоеваша и т. д.

Этихъ примѣровъ достаточно для того, чтобы видѣть характеръ и складъ тѣхъ дружинныхъ „словесъ“, которыя видимо служили источникомъ для кievскаго лѣтописца. Въ приведенныхъ примѣрахъ недостаточно живописной образности, которая стерта рукою лѣтописца, но мы уже видѣли, что здѣсь уцѣлѣли въ разныхъ мѣстахъ и слѣды образнаго, кованаго языка дружинно-княжеской кievской Руси, вмѣстѣ съ честію и блескомъ ея воинской славы. Имена богатырей, которыхъ до 70 пало на одной Калкѣ, также могли явиться въ „Лѣтописи“, лишь подъ воздѣйствіемъ тѣхъ же „дружинныхъ словесъ“: самое имя „богатыря“ болѣе свойственно пѣснѣ, чѣмъ историческому разсказу.

Такимъ образомъ „Кievская Лѣтопись“ служить для насъ указателемъ, что „Слово“ не было одинокимъ явленіемъ въ дружинно-княжеской средѣ и заставляетъ насъ предполагать многія, подобныя ему, „дружинныя словеса“. Вмѣстѣ съ этимъ мы приходимъ къ признанію такого историческаго факта, который дѣлаетъ для насъ необходимымъ существованіе какого-нибудь Бояна, въ родѣ того, какимъ пользуется и такъ восхищается авторъ „Слова“. Этотъ Боянъ самъ собою навязывается читающему „дружинныя словеса“, уцѣлѣвшія для насъ въ „Кievской Лѣтописи“.

Въ ряду этихъ лѣтописныхъ „дружинныхъ словесъ“, мы встречаемъ одинъ афоризмъ, совершенно аналогичный тому, какой „Слово“ усволяетъ Бояну. Здѣсь такъ же „князь“, какъ въ „Словѣ“, называется „юловою“. „Не-идетъ то мѣсто къ головѣ, но голова къ мѣсту“; „тяжко ти,—говорить „Слово“,—головѣ безъ плечъ, зло и тѣ-

лу, кромѣ головы". Но всего любопытнѣе при этомъ замѣчаніе сказателя дружинныхъ словесъ, который, влагая эти слова въ уста князю, прибавляетъ „яко же и переже смѣшашомъ". Это замѣчаніе указываетъ, во-первыхъ, на то, что эта пословица почерпнута изъ живыхъ устъ; во-вторыхъ, что она относилась къ князю, который имѣетъ значеніе „юловъ", и, въ-третьихъ, что для дружиннаго сказателя она была уже старая: „яко же и переже смѣшашомъ".

Все это, говоримъ, приводитъ насъ къ тому, что существованіе „сказателей дружинныхъ словесъ" становится для насъ очевиднымъ. Исторія не мало знаетъ народовъ, въ древнѣйшую ихъ эпоху, у которыхъ были призванные пѣвцы, обладавшіе дарованіемъ поэтическаго повѣствованія и воспѣвавшіе геройскіе подвиги князей и ихъ дружины. Были они въ древности у народовъ ассирійскихъ и семитическихъ. Были они у скандинавовъ; въ нашу лѣтопись занесенъ даже гудецъ „Оръ", пѣвшій пѣсни половецкія. Почему же необходимо отвергать существованіе подобныхъ пѣвцовъ и гудцовъ при дворахъ кievской Руси? Изъ житія св. Θεодосія мы знаемъ, что былъ „обычай предъ княземъ играть органныя гласы поюще". „Историки и витія, рекше лѣтописцы и пѣснотворцы,—говорилъ Кириллъ Туровскій въ одномъ изъ своихъ поученій,—приклоняють свои слухи въ бывшая между цари рати и ополченія, да украсятъ словесы и возвеличатъ мужествовавшия крѣпко по своему цари". Итакъ, есть основаніе предполагать, что при княжескихъ дворахъ были и у насъ пѣвцы и гудцы, прославлявшіе ихъ походы.

Были они въ XII в., при Кириллѣ Туровскомъ; были они и въ XI в., во времена св. Θεодосія. Какъ въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ XII в. для насъ сказываются „дружинныя словеса", такъ и въ разсказахъ ея о древнѣйшихъ временахъ отдается для него тотъ же дружинный „эпосъ", только болѣе сказочнаго свойства. Олегъ, приплывающій со множествомъ судовъ изъ Новгорода въ Кіевъ, выдающій себя за греческаго купца, приглашающій къ себѣ на судно Аскольда и Дира и приказывающій убить ихъ—развѣ это не поэтический разсказъ изъ среды дружины? А походъ подъ Константинополь съ 2,000 судовъ, а суда его на колесахъ, на коихъ подплылъ онъ по суку при попутномъ вѣтрѣ подъ стѣны города, а ядъ, подосланный императоромъ и отгаданный кievскимъ княземъ, а щитъ, какъ знамя побѣды, на стѣнахъ цареградскихъ, а парчевыя паруса, устроенныя имъ на своихъ судахъ для возвратнаго пути—или все это взято не изъ дружинныхъ словесъ? Такова и смерть Олега отъ любимаго коня, которую предсказалъ ему кудесникъ; онъ велѣлъ ему держать этого коня въ удаленіи, и черезъ 4 года, по возвращеніи своемъ изъ похода, пошелъ посмотрѣть его кости, смѣясь надъ пред-

реченіемъ, какъ изъ-подъ черепа выскочила змѣя и ужалила князя. А разсказъ о мести Ольги: какъ она научила пословъ древлянскихъ требовать, чтобы ихъ понесли кіевляне въ теремъ въ ладѣхъ и на дорогѣ велѣла бросить въ яму и засыпать землею, какъ она сожгла другихъ пословъ въ банѣ, какъ покорила Коростень посредствомъ голубей и воробьевъ, пустивши ихъ въ городъ съ огнемъ? Всѣ подобныя повѣсти могли выдти только изъ дружинной среды и отзываются ея замышленіемъ.

Такимъ образомъ, какъ авторъ „Слова“ стоитъ въ самой внутренней связи съ дружинными лѣтописными словесами XII в., такъ и замышленіе Бояново не стоитъ внѣ лѣтописныхъ указаній на повѣсти дружиннаго эпоса. Напротивъ, мы видимъ, что подобныя пѣвцы бывали еще въ эпоху наступательной борьбы кіевской Руси на Византию и слѣды ихъ сказаній уцѣлѣли для насъ въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ.

Все, что можетъ смущать нѣкоторыхъ—это имя Бояна. Но если въ Болгаріи былъ царевичъ Боянъ, если есть тамъ рѣка Бояна, то не нужно забывать, что въ нашихъ лѣтописяхъ упоминается и *улица Бояна* (въ Новгородѣ), и *волость Бояна* (въ можайскомъ княжествѣ); есть *Бояново* въ Мазовшѣ и донинѣ благополучно себя процвѣтаетъ *Бояновка* (въ калужской губ., въ тарусскомъ уѣздѣ ¹⁾).

Характеристика Бояна въ „Словѣ“ до такой степени опредѣлена, что въ дѣйствительномъ существованіи Бояна пѣснотворца, какъ мы уже не разъ говорили, сомнѣваться невозможно. Характеристика эта даетъ намъ слѣдующія реальныя черты: во-первыхъ, онъ пѣлъ и игралъ старому Ярославу, храброму Мстиславу и красному Роману Святославичу; во-вторыхъ, онъ вспоминалъ усобицы первыхъ князей кіевской Руси; въ-третьихъ, пѣсни его отличались замышленіемъ, по отношенію къ которому „Слово“ есть былина, и, наконецъ, въ-четвертыхъ, эти пѣсни имѣли за собой преданіе для той братіи или среды, къ которой обращено „Слово“, иначе такое обращеніе не имѣло бы смысла.

Всѣ эти очевидныя для всякаго реальныя черты не позволяютъ видѣть въ Боянѣ только литературный поэтический приѣмъ: трудно выдуманнаго Бояна заставить пѣть историческимъ князьямъ, а еще менѣе было возможно автору „Слова“ говорить своей братіи, что будетъ пѣть только *сущую дѣйствительность*—и лгать въ ту же минуту, выдавая за пѣвца того, *кого совѣсть не было* и заставляя его при этомъ пѣть русскимъ князьямъ, столь извѣстнымъ его братіи.

Возможно спорить о томъ, есть ли имя Бояна собственное или

¹⁾ Сюда же, кажется, должно отнести и городъ Обоанъ (Черниговской губ.).

это нарицательное имя поэта и самъ пѣснотворецъ носилъ другое имя, но невозможно отрицать дѣйствительное существованіе пѣвца и гудца эпохи Олега и Ярослава, не искажая фактовъ и не уродуя высоко поэтической натуры автора „Слова“. По крайней мѣрѣ, необходимо допустить дошедшія до него пѣсни, касавшіяся усобицъ первыхъ князей, пѣсни, которыя такъ отвѣчали его политическому взгляду, его патріотическому сочувствію къ русской землѣ и вмѣстѣ были такъ художественны и прекрасны, что въ лицѣ пѣвца онъ видѣлъ творящій геній, вдохновляющій поэтовъ. Къ сожалѣнію, до насъ не дошли эти пѣсни, а быть можетъ, онѣ были именно таковы, что отзывались Гомеромъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ классическій приѣмъ обращенія къ Бояну не можетъ ручаться за то, чтобы не было дѣйствительнаго пѣснотворца той эпохи, но лишь указываетъ на ту поэтическую высоту, на которую авторъ „Слова“ поднималъ этого пѣснотворца и гудца, какъ своего вдохновителя. Если кому-нибудь и можетъ показаться страннымъ, что лѣтопись не упоминаетъ о словесахъ Бояна, то было бы еще страннѣе, если бы трость церковнаго книжника-скорописца хотя что-нибудь начертала въ память родовъ о бояновскомъ замыслѣ. Или христіанское чувство не должно было смущаться поэтическими старинными словесами, полными участія языческихъ боговъ и полубоговъ? И если напрасно стали бы искать въ нашей древней письменности имена сказателей извѣстныхъ намъ былинъ, то возможно ли отвергать существованіе Бояна лишь на томъ основаніи, что лѣтопись не упоминаетъ его имени? Гораздо важнѣе его имени слѣды дружинныхъ словесъ, которые такъ прозрачны для насъ въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ и которые не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что существовалъ дружинный эпосъ.

Такимъ образомъ, какъ „Слово“ характеризуетъ для насъ дружинныя словеса XII в. съ ихъ трезвою былью, съ поэзіей гражданственности, такъ „старыя словеса Бояна“, относившіяся къ болѣе древней кievской эпохѣ и вышедшія изъ той же дружинно-боярской среды, отличаются для насъ, какъ словеса поэтическаго замысла, полныя не столько факта, сколько размысла, игриваго какъ пѣніе соловья, быстрого какъ прыганіе волка и восторженнаго, какъ пареніе орла подъ облаками. Какъ ни избиты эти истины, однако, внутренняя и жизненная связь „Слова“ съ „Кievскою Лѣтописью“ необходимо даетъ намъ понимать ихъ. Она указываетъ намъ, что „Слово“ есть памятникъ не столько литературный, сколько историческій; что оно никогда не будетъ понятно для того, кто станетъ изучать его внѣ жизни и быта кievской дружинной Руси, и объясненій для Бояна, связаннаго здѣсь прямо съ дружинно-княжеской средой эпохи Олега и Ярослава, будетъ искать въ *болярскомъ книжничествѣ*.

Если творецъ дружинныхъ словесъ этой эпохи и поднять на классическую высоту, то это лишь свидѣтельствуеетъ о степени образованности автора „Слова“, который воспылѣ въ немъ творящій, чарующій геній, а никакъ не о томъ, что этотъ Волянь занесенъ сюда изъ Болгаріи и только лишь приставленъ къ исторической эпохѣ кievской Руси.

Теперь обратимся къ именамъ боговъ, упоминаемыхъ въ „Словѣ“. Эти имена главнымъ образомъ служатъ основаніемъ для двухъ совершенно противоположныхъ взглядовъ на миеологическое значеніе „Слова“. Одни видятъ въ „Словѣ“ преобладающее значеніе миеа; другіе, напротивъ, склонны видѣть въ именахъ божествъ лишь прикрасы, взятые на прокатъ изъ болгарскихъ книжекъ. Представителемъ перваго взгляда является Ѳ. И. Буслаевъ. „Поэтическое преданіе, — говоритъ онъ, — тянется туманною пеленою по всему произведенію, иногда вовсе заслоняя исторію, иногда же сливаясь съ нею. Если историческій фактъ далъ содержаніе „Слову“, то поэтическое преданіе было для автора вдохновеніемъ, ибо Волянь замѣняетъ ему Гомерову музу; миеологическія же повѣрья составляютъ душу этого произведенія“.

Иначе разсуждаетъ, какъ мы видѣли, гипотеза о византійско-болгарскомъ прототипѣ „Слова“. Поддаваясь мнимо-научному анализу божескихъ именъ въ „Словѣ“, А. Н. Веселовскій также склоненъ видѣть въ „Словѣ“ выѣсто миеа лишь византійско-болгарскій субстратъ.

Даже Ор. Ѳ. Миллеръ, не признающій научнаго значенія въ методѣ и пріемахъ гипотезы, соображенія ея о богахъ находитъ достойными вниманія.

Мы уже видѣли, каковъ этотъ анализъ и какими живыми нитями спита его канва. Теперь обратимся къ положительнымъ даннымъ.

Эпоха, изображаемая „Словомъ“, слишкомъ очевидно давала чувствовать причины бѣдствій русской земли; взгляды автора „Слова“ — слишкомъ трезвы и, такъ-сказать, гражданственны для того, чтобы предполагать въ немъ полную и живую вѣру въ упоминаемыхъ имъ боговъ. Онъ самъ даетъ понимать, что въ его время поэзія миеа должна была уступить свое мѣсто поэзіи гражданственности. Авторъ „Слова“ былъ христіанинъ и упоминаетъ о звонѣ церковномъ, о заутрени и храмѣ св. Богородицы Пирогощей въ Кіевѣ. Но въ то же самое время нельзя не замѣтить, что и поэзія вымысла не совсѣмъ потеряла для него свое значеніе; онъ невольно увлекается „старинными словесами“ и историческій фактъ озаряетъ эпическимъ міросозерцаніемъ: „Слово“ соткано по основѣ Воляновскаго замышленія.

Мы сначала рассмотримъ упоминаемыя въ немъ имена боговъ сами

по себѣ—независимо отъ общаго міросозерцанія „Слова“. Если смотрѣть на нихъ даже лишь только какъ на художественные образы, то и въ такомъ случаѣ съ ними необходимо должны быть связаны такія живныя черты, которыя бы давали разумѣть себя непосредственно: иначе это не были бы художественные образы. Какъ поэтъ и какъ художникъ, авторъ „Слова“ не могъ никакъ употреблять божескихъ именъ, безъ яснаго сознанія ихъ внутренняго осязательнаго качества. Эти-то живныя черты, связанныя съ именами боговъ, какъ художественными образами, не потерявшія къ себѣ еще сочувствія и въ эпоху Игоря, и могутъ дать намъ отчасти понять качества этихъ божествъ въ эпоху болѣе отдаленную, въ ту эпоху, когда эти божества исключительно составляли достояніе души и вѣры русской земли и когда воздѣйствіемъ ихъ была опредѣляема вся ихъ жизнь и дѣятельность. Тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ эти черты, что онѣ служатъ для насъ путеводною звѣздою тамъ, гдѣ уже мы ничего знать не можемъ, о чемъ не сохранилось ни малѣйшихъ слѣдовъ ни въ книжности, ни въ пѣснѣ народной. Ни старая, ни новая Болгарія, помня имена этихъ боговъ, не знаютъ даже и такихъ божескихъ качествъ, какія связаны съ ихъ именами и образами въ нашемъ „Словѣ“.

Такимъ образомъ, при разсмотрѣніи божескихъ именъ даже независимо отъ общаго эпического міровоззрѣнія, проходящаго чрезъ все „Слово“, имена эти не теряютъ міеологическаго смысла, но лишь значеніе ихъ въ этомъ отношеніи переносится на болѣе древнюю эпоху русской земли. „Слово“ является единственнымъ указателемъ живыхъ божескихъ качествъ,—не потерявшихъ еще сочувствія и въ эпоху пѣвца Игорева. Но, какъ увидимъ, міеологическое значеніе „Слова“ всего болѣе обусловлено общимъ его эпическимъ направленіемъ и міросозерцаніемъ.

Прежде всего замѣтимъ, что старинная русская колонизація любила связывать названія поселеній съ именемъ *Бога вообще*. Уже въ „Кіевской Лѣтописи“ въ XII в. встрѣчаемъ: *Божское, Божскій, Боуславъ*. Въ настоящее время есть множество поселеній съ названіями въ томъ же родѣ; таковы, напр.:

Богово (Тульской губ. Ефремовскаго уѣзда). *Божки* (Смоленской губ. Порѣц. уѣзда). *Богалево* (Московской губ. Руз. уѣзда). *Боженики* (Смоленской губ. Вѣл. уѣзда). *Боуславецъ* (Полтавской губ. Золот. уѣзда и Екатеринославской губ. Павлогр. уѣзда). *Божково* (Полтавской губ. Пирят. уѣзда). *Боунино* (Тверской губ. Карчев. уѣзда). *Ботанидское* (Енисейской губ. и окр.). *Божьеозерскій* (Енисейской губ. Ачин. уѣзда). *Божій удѣлъ* (Херсонской губ. Елиз. уѣзда и Еватерин. губ. и уѣзда). *Божій-даръ* (тамъ же, Верхн. уѣзда). *Мо-*

либоже (Ярославской губ. Углиц. уѣзда). *Богъ-Милова* (Екатерин. губ. Павлогр. уѣзда).

Эти столь разнообразныя и любопытныя названія русскихъ селеній, раскиданныхъ по русской землѣ, названія, связанныя съ именемъ *Бога вообще*, указываютъ, что въ ряду подобныхъ прозваній должны сохраниться для насъ и имена частныхъ языческихъ божествъ. Какъ съ введенія христіанства появились погосты съ названіями—*Ильинскій, Преображенскій, Ивановское, Покровское* и т. п., такъ и въ до-христіанскую эпоху, поселенія, естественно, могли называться именами того или другого божества.

I. Велесъ. Имя Велеса—именно въ этой самой формѣ—не есть исключительно болгарское: если въ „Кіевской Лѣтописи“ божество это и названо *Волосомъ*, то въ нѣкоторыхъ спискахъ „Новгородской Лѣтописи“ оно удержано и въ формѣ *Велеса*.

Въ той же формѣ оно встрѣчается, какъ извѣстно, и въ житіи Аврамія Ростовскаго и начертано на древнемъ крестѣ, который усвоится этому ростовскому святителю: по преданію, имъ онъ сокрушилъ идола *Велеса*, которому поклонялся въ Ростовѣ чудской конецъ. Если у южныхъ славянъ находимъ мы гору *Велесъ* въ Босніи и городъ *Велесъ* въ Болгаріи, то эти указанія слишкомъ ничтожны для того, чтобы считать форму *Велеса* исключительно болгарской. Русская земля въ своихъ поселеніяхъ, связанныхъ съ этимъ именемъ, представляетъ намъ цѣлую массу свидѣтелей, что это имя не было исключительнымъ достояніемъ Болгаріи, и что, напротивъ, въ этой самой формѣ оно извѣстнѣе было у насъ, чѣмъ у южныхъ славянъ. Такъ мы имѣемъ:

Велесово (Владимірской губ. и уѣзда). Велеса (Смоленской губ. Порѣц. уѣзда). Велеса (лѣв. притокъ Западной Двины). Вѣлишь (Костромской губ. Кинеш. уѣзда). Вѣлисово (Владимірской губ. и уѣзда). Вѣльсы (Петербургской губ. Новол. уѣзда). Вѣлеша (тамъ же, Луж. уѣзда). Вѣлшево (Московской губ. Мож. уѣзда). Вѣлшино (Тверской губ. и уѣзда). Вѣлещино (Полтавской губ. Хорольск. уѣзда). Велесто (Смоленской губ. Порѣц. уѣзда). Велецкая (Екатерин. губ. и уѣзда). Вележъ (Костромской губ. Мак. уѣзда). Вѣлижка и Вѣлижныя ляды (Смоленской губ. Ельн. и Сычев. уѣзд.).

Мы, конечно, привели здѣсь еще не все подобныя названія, но и приведенныхъ достаточно для того, чтобы не соблазнаться *Велесами*—горой и городомъ—у южныхъ славянъ и убѣдиться, что это имя, въ этой самой формѣ, едва ли не было извѣстнѣе русской землѣ, чѣмъ Болгаріи и вообще южнымъ славянамъ.

Наконецъ, стоитъ только заглянуть въ „Областный Академическій Словарь“, и тамъ можно видѣть, что имя „Велеса“ донинѣ слышится

въ живой народной рѣчи. Въ рязанской губерніи иронически *Велесомъ* называютъ того, кто распоряжается и повелѣваетъ, не имѣя на то права: „ужь не Велесъ ли ты, говорятъ въ насмѣйку такому человѣку: вишь какой „Велесъ“! ¹⁾“. Такимъ образомъ, до нашихъ дней бытуесть имя *Велеса* и притомъ съ признакомъ божественнаго повелительства. Есть даже основаніе думать, что не Велесомъ мы обязаны Болгаринъ, а, напротивъ, господство фѣрмы *Волоса* поддерживалось у насъ именемъ св. Власія, которое явилось къ намъ съ христіанствомъ изъ Болгаріи и притомъ съ тѣми двоувѣрными чертами, которыя бытуютъ въ нашихъ народныхъ вѣрованіяхъ и обрядахъ до настоящаго времени. Это двоувѣріе относительно Велеса дано намъ мученіемъ св. священномученика Власія епископа, мученнаго въ Севастіи градѣ (мѣсяца февраля въ 11-й день) въ болгарскомъ переводѣ византійскаго оригинала. Фактъ этотъ настолько важенъ и настолько любопытенъ, что мы считаемъ нужнымъ на немъ остановиться. Въ этой повѣсти Власій, между прочимъ, изображается какъ покровитель звѣрей и скотовъ и податель отъ Бога всякихъ даровъ, и всѣ эти рассказы о немъ стоятъ внѣ всякой внутренней связи съ исторіей его мученія; даже, напротивъ, они вносятъ нескладницу въ рассказы объ его мученіи и ясно даютъ понять, что они внесены сюда совсѣмъ другимъ авторомъ и для другихъ цѣлей. „За чистое его житіе во градѣ Севастіи Каппадокійской вѣрніи народи нарекоша его епископа; онъ же шедъ въ гору нарицаемую Араче, вселися въ пещеру и приходящу къ нему звѣрѣмъ животнѣмъ и аще впадна единъ отъ нихъ въ болѣзнь, яко человѣцы пребываху у пещеры его, дабы возложили на нихъ рупцѣ и благословили, и тако отходящу отъ святаго во единъ же день“. Далѣе идетъ рассказъ, какъ свирѣпый мучитель Агриколай повелѣлъ изловить этихъ звѣрей животныхъ; ловцы приходятъ въ гору, гдѣ жилъ св. Власій — и вотъ видятъ около его пещеры множество звѣрей „предстояще и глаголюще и рѣша собѣ: что се хоцетъ быти“; въ самой же пещерѣ находятъ св. Власія — въ молитвѣ; возвѣстили о томъ игемону, который тотчасъ же туда отправилъ воиновъ, чтобы они привели къ нему кроющихся христіанъ. Идя съ ними — и увѣщевая чадъ, Власій на пути „цѣлѣбы твораше приносимымъ къ нему больнымъ и здрави отпускаше не токмо чловѣкъ, но и скоты“. У одной жены было едино чадо, иже рыбы ады, костью подавился и безгласенъ пребысть; мати же отрочати, слышавши о преподобномъ, неспши сына своего поверже при ногу преподобному... и повѣда святому бывшее напрасно чаду ея“. Святой Власій возложилъ руку на гортанъ отроку, молитвой исцѣлилъ его и отдалъ

¹⁾ См. это слово въ „Общ. Акад. Слов.“.

матери. Всѣ эти чудесныя повѣствованія, какъ мы замѣтили, не вѣжутся съ разсказомъ о томъ, что воины уже ведутъ его вмѣстѣ съ другими христіанами къ свирѣпому Агриколаю, и здѣсь, въ самой молитвѣ, вложенной въ уста св. Власію, сквозить ясно цѣль, къ какой направлены эти повѣствованія, именно: „да помнать же имя его Власія и да призываютъ его въ подобныхъ случаяхъ, когда заболѣетъ безсловесное или человекъ“. Но послѣдуемъ далѣе за повѣстію.

„На пути же грядущу святому, нѣкая нищая вдовица, единъ имуща вепрь у себе, его же волкъ восхити“. Вотъ она приходитъ къ св. Власію и молить его о „звѣри“. Святый же Власій, „ослабився рече ей: не скорби жено, будетъ ти вепрь“; когда же онъ шелъ по пути, вслѣдъ его идутъ вдругъ волкъ и вепрь—сохраненъ и невредимъ. „И даде св. Власій его вдовицѣ“. Затѣмъ непосредственно слѣдуетъ разсказъ о появленіи святого предъ игеомомъ, который ввергаетъ его въ темницу, судить и мучить его. „Слышавъ же вдовица терпѣніе его, заклавши вепря, его же бѣ отъ волка пріала, и сваривши главу и ноги и возложивши на блюдо нѣчто отъ плода земнаго и зажегши свѣчу, принесе въ темницу и припаде къ св. Власію, молящися: „прими отъ сего“. Святый же похвали Бога, пріять отъ того, похвали ю и заповѣдалъ ей, глаголя: жено, понеже симъ образомъ память мою творishi, не оскудѣетъ же отнынѣ ничто въ дому твоёмъ отъ благодѣяній Божьей, и въ грядущемъ кто угодится тебѣ и память мою чтить будетъ, такожде благословенъ будетъ во вся дни живота своего и безъ оскудѣнія даровъ пребудетъ отъ Бога. Блаженная же вдовица, заповѣдъ сію приняши отъ св. Власія, всюду повѣда пишемая“. Такъ церковь стремилась въ народномъ сознаніи утвердить св. Власія, какъ подателя всякихъ даровъ безъ оскудѣнія и, въ особенности, какъ покровителя скота и всякой домашней благодѣятели.

Явившись къ намъ изъ Болгаріи, вмѣстѣ съ христіанствомъ, св. Власій, по созвучію съ Волосомъ, могъ дѣйствительно содѣйствовать тому, что эта *полномасная форма* имени языческаго божества должна была очень рано въ значительной мѣрѣ вытѣснить древнее имя „Велеса“, какъ мало созвучное христіанскому Власію, и потому болѣе отзывавшееся язычествомъ.

Но для насъ всего важнѣе знать, какія качества соединялись у насъ съ именемъ этого божества и въ какомъ смыслѣ Болянь называется внукомъ Велеса.

Въ новгородской губерніи, въ череповскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Хмѣлинѣ донинѣ соблюдается одинъ жатвенный обычай, который довольно ясно и опредѣленно характеризуетъ народное и истаринное понятіе объ этомъ божествѣ. Когда выжнуты, оставляютъ на полѣ небольшой кустикъ волосевъ и говорятъ одной жнѣ: „ты

верти бороду Волосу, или Велесу, друпомя скажутъ". Та три раза ходитъ около куста и, захватывая серпомъ пряди по 30-ти колосьевъ, припѣваетъ:

Благослови-ка меня, Господи,
Да бороду вертѣть:
А пахарю-то сила,
А сѣвцу-то коровай,
А коню-то голова,
А Микулѣ — борода!

Прядь, оставшуюся отъ верченія бороды, перевязываютъ въ узелокъ и уткнувъ колосьями въ землю; затѣмъ всѣ жней садутъ кругомъ того мѣста, гдѣ бороду уткнули, и стануть теребить „тепѣнье“, т.-е. дергать изъ земли значные остатки и кидать чрезъ голову, припѣвая:

Нива, ты нива,
Вотъ твое поле!
Поле, ты поле,
Вотъ твоя жнива!
Жнива, ты жнива,
Отдай мою силу:
Я жала—въ тебя силу кала.

Затѣмъ — всѣ сидѣвшіе кругомъ припадаютъ къ землѣ спиной, для полученія потраченной силы, и, перекувырнувшись черезъ голову, всѣ поднимаются на ноги.

И этотъ замѣчательный обрядъ, и эта мненческая молитва указываютъ на то, что въ народномъ сознаніи *Велесъ* былъ божествомъ сельскаго хозяйства—и борода его, какъ символъ его личной мощи, связывается съ землею, гдѣ таится „*тма земная*“, источникъ растительности, жизни и всякихъ силъ.

На то же значеніе его, какъ покровителя земледѣлія и вообще сельскаго хозяйства, указываетъ одна пословица, въ которой Велесъ является уже съ именемъ св. Власія. Когда около масленицы, на Власевой недѣлѣ, курить снѣгъ—идетъ онъ большими хлопьями—тогда говорятъ, что это „*Власій бородой трясетъ*“. Снѣгъ этотъ потому считается вѣстникомъ предстоящаго лѣтнаго урожая хлѣба. То же понятіе о Велесѣ выражается и другой народной пословицей: „Власъ — всему богатству глазъ“.

Св. Власій, не безъ воздѣйствія, конечно, двоевѣрнаго византийскаго-болгарскаго житія, слился въ народномъ сознаніи съ старымъ образомъ Велеса или Волоса.

Въ винницкомъ погостѣ (олонецкой губерніи) въ праздникъ этого святаго совершается „треба“. Женщины-хозяйки приносятъ въ церковь кашу и масло въ кринкахъ и ставятъ ихъ передъ иконою этого

покровителя животныхъ. Послѣ обѣдни, священникъ служитъ молебъ, по мѣстному выраженію, „*надъ кашами*“ и благословляетъ ихъ; цѣлыя ушаты каши достаются на долю причта и часть выдѣляется на нищую братію. Трудно сказать, есть ли эта „*треба*“ — преданіе Велесова культа, или обычай, уже принесенный церковью; но для насъ важно то, что хозяйки, приносящія для этой требы еринки съ кашей и масломъ, называютъ св. Власія „*богомъ коровъ*“.

Любопытно, что, по народнымъ вѣрованіямъ, вскорѣ послѣ Власовой недѣли — большею частью въ великомъ посту — появляется между людьми и спутница его *Мѣкуша*: какъ Велесъ представляется покровителемъ земледѣлія и вообще сельскаго хозяйства, такъ и Мѣкуша имѣетъ дѣло, ближайшимъ образомъ, съ овцеводствомъ, шерстью, пряжей и вообще собственно съ бабьимъ хозяйствомъ — и даже ихъ собственными косами. Овца, какъ долго не стригутъ шерсть, — то иногда и вытретъ: „ой, — говорятъ, — Мѣкуша остригла овецъ“; иное — спятъ, веретено урчитъ, — говорятъ: „Мѣкуша прала: выходя изъ дома, она иногда пойдетъ, да о брусъ-оть, о полати-то веретеномъ-то и щелкнетъ“. Приносимая ей треба состоитъ въ томъ, что когда шерсть стригутъ, тогда въ ножницы на ночь *по клоку шерсти* кладутъ; порожнія ножницы не кладутъ. До какой степени Мѣкуша, спутница Велеса въ сельско-хозяйственномъ народномъ быту, имѣла дѣйствительное значеніе, видно изъ одного, имѣющагося у насъ „худого сельскаго помоканунца“ XVI-го вѣка. Духовникъ долженъ былъ спрашивать пришедшую на-духъ женщину: „*не ходила ли еси къ Мокоши*“.

Такъ какъ въ быту сельскаго хозяйства важную роль играетъ пастухъ и его труба, то и св. Власію, какъ богу коровъ, усвоится новое присущее ему качество, которое не указывается двоевѣрнымъ византийскимъ его житіемъ. Въ такъ-называемыхъ *обходахъ* рогатаго скота или пастушескихъ заговорахъ, пастухъ, въ ряду другихъ святыхъ, испрашивая покровительства своему скоту и у св. Власія, проситъ для своей *трубы* *выщей силы*, чтобы на звуки ея сходилось все стадо, слушалось его, повиновалось ему и чтобы голосъ его былъ понятенъ и обворожителенъ для стада.

Итакъ, мы видимъ не только то, что Велесъ былъ богомъ русской земли, но и то, что онъ былъ покровителемъ сельскаго хозяйства, подателемъ силъ и даровъ, потребныхъ земледѣльцу — и, въ этомъ смыслѣ, былъ обладателемъ „*тѣли земной*“, источающей всѣ блага земли.

Но въ иномъ нѣсколько свѣтѣ должно было выступить это божество въ сознаниіи дружинно-княжеской среды кievской Руси. По особенному укладу быта, для дружинниковъ, какъ оберегателей земли

русской, это божество сказывалось тѣмъ своимъ качествомъ, которое держалось лишь въ пастушескомъ быту земледѣльческаго хозяйства. Велесъ для нихъ являлся не столько покровителемъ *чуждаго имъ земледѣльческаго бита*, сколько подателемъ вдохновенія, очарованія,—источникомъ вѣщей силы пѣсни и лиры, воспѣвавшихъ землю русскую, геройскія доблести ея оберегателей, ихъ славу и честь.

Изображая свое восторженное отношеніе къ Бояну, авторъ „Слова“ называетъ его *тѣсотворцемъ, вѣщимъ внукомъ самого Велеса*.

Намъ кажется страннымъ, что нѣкоторые находятъ величашіе „*вѣщимъ*“ не у мѣста въ отношеніи къ пѣвцу и гудцу. Имѣя въ виду живое народное употребленіе этого слова, нельзя не видѣть, что оно не означаетъ непременно только колбѣна и колдуна (какъ воображаетъ гипотеза), не означаетъ также мудреца-книжника (какъ думаетъ А. Н. Веселовскій), — оно выражаетъ „*вѣдѣніе*“, къ какой бы области оно ни относилось, но лишь обусловленное *таинственнымъ наитіемъ*, сверхъестественною силою. Пѣвецъ-гудецъ Боянъ въ этомъ смыслѣ прекрасно можетъ быть названъ *вѣщимъ*, по силѣ необыкновеннаго, нечеловѣческаго вдохновенія и очарованія, какими отзывалось его *вѣдѣніе и умѣніе пѣть и играть*. Въ этомъ смыслѣ и въ классическомъ мірѣ *ῥαψῳδῆς* (пѣснь) внутреннимъ образомъ соединяло въ своемъ понятіи качество именно такого „*вѣщанія*“ своего значенія: *ῥαψῳδῆς*—не просто значить пѣснь, но именно пѣснь, полную нечеловѣческаго вдохновенія и очарованія, какъ даръ необыкновеннаго божескаго наитія.

Назвавъ Бояна „*вѣщимъ*“, авторъ „Слова“ упомянулъ намъ и самое божество, въ коемъ, по дружиннымъ преданіямъ, таилась эта вѣщая сила его пѣсни и игры. Выраженіемъ: „внукъ Велесовъ“ не указывается непременно на внучатное отношеніе Бояна къ Велесу: слово внукъ въ лѣтописяхъ того времени означаетъ лишь вообще родственную связь. Боянъ названъ *внукомъ Велеса* — родственникомъ ему лишь по силѣ поэтического дара, которымъ такъ увлекся и восторгается авторъ „Слова“.

Имя Велеса производятъ отъ разныхъ корней. Сабиниизъ производитъ его отъ Waul, Wöl, Wöld; кн. П. П. Вяземскій сближаетъ его съ греческимъ βελίος, ἀβελίος, ἥλιος; но любопытно, что имя „Велесъ“ встрѣчается уже между собственными именами вавилонянъ—*Belesys* (Diod., 2, 24) и аммонитянъ—*Велиса* (Иерем., 40, ст. 14).

Что касается космогоническаго значенія солнца, то понятіе, связанное съ нимъ на русской землѣ, лучше всего отвѣчаетъ солнечной его природѣ. Обладатель тяги земной, покровитель народнаго сельскаго хозяйства, онъ для дружинно-кѣвской Руси былъ славянскій Аполлонъ, пасущій среброрунныхъ овновъ солнцевыхъ, съ своею

пѣсню и свирѣлю, считавшіяся прародителями дружинныхъ пѣвцовъ. Наше заключеніе о солнечной природѣ Велеса вполне подтверждается и разсужденіями г. Срезневскаго ¹⁾.

II. Хорсъ. Вытованіе *Хорса* на русской землѣ также не подлежитъ сомнѣнію, какъ и существованіе Велеса. Имя его донинѣ живеть въ безчисленныхъ названіяхъ селеній, озеръ и урочищъ, связанныхъ съ колонизаціей русской земли. Такъ, мы находимъ:

Хобросино (Моск. губ. Серп. уѣзда). Хоросимановка (Полт. губ. Коб. уѣзда). Хорасѣя (Курск. губ. Дм. уѣзда). Харасѣвъ (Земли Войска Дон. 2 окр.). Хорошки (Полт. губ. Коб. уѣзда). Хорошково (Смол. губ. Порѣц. уѣзда). Хорышево (Влад. губ. Алекс. уѣзда и Твер. губ. Калазин. уѣзда). Хорше-борская (Том. губ. Барнаул. уѣзда). Хорошее озеро (Черн. губ. Борз. уѣзда и Том. губ. Барн. уѣзда). Хорша (Херс. губ. Тирас. уѣзда). Хорочи (Орлов. губ. и уѣзда). Хорши. Хорославинскихъ—безчисленное множество.

Названія бора—хорошимъ, въ смыслѣ *краснаго*, озера—хорошимъ въ смыслѣ *светлаго*—указываютъ, откуда возникли эти названія. Въ олонцеой губ. есть одно озеро, которое жители считаютъ священнымъ, не позволяютъ назвать его *нехорошимъ*: если вы будете говорить имъ: „ваше озеро *нехорошее*, воденко мутное, грязное“, они тысячу разъ будутъ повторять вамъ: „нѣтъ, наше озеро *хорошее*, наша *водушка светлая*“.

При такихъ свидѣтельствахъ объ извѣстности имени Хорса на русской землѣ, очевидно, не стоитъ надобности уноситься въ Болгарію и отыскивать это имя въ болгарскихъ книжкахъ.

Гораздо труднѣе различать, какъ именно качествовалось это божество въ сознаніи земства и кievской дружинной Руси.

Что имя *Хорса* означаетъ солнце, это не можетъ подлежать сомнѣнію. Происходя отъ Zendскаго *huag* и персидскаго *shur, hor* ²⁾, оно въ глубокой древности проникло въ семитамъ и здѣсь въ исторіи извѣстно подъ именемъ *sheres*, солнце. Съ такимъ именемъ встрѣчаемъ солнце въ книгѣ Іова (гл. 9 ст. 7) и въ книгѣ Судей (гл. 8 ст. 13), отсюда *sharsa*, солнечный кругъ; отсюда Иліополь (*Heliopolis, ig hasheges*, градъ солнечный, Нав. 15, 11); отсюда врата хорсиескія или солнечныя (Іер. 19, 2); отсюда, наконецъ, въ Новомъ Завѣтѣ названіе *оттра-сходника* при возвращеніи съ солнца, съ запада, называется Хорос (Дѣян. 27, 12).

Итакъ, мы видимъ, что у семитовъ съ глубокой древности имя *Хорса* было уже собственнымъ именемъ солнца.

¹⁾ Сравни. Ж. М. Н. П., LI, 11, 52.

²⁾ Аван., III, 533.

Далѣе, мы видимъ, что съ представленіемъ его соединялось, также въ глубокой древности, не первичное только *понятіе свѣта*, но и качество *движенія*. Въ книгѣ Іова читаемъ, что уже въ то время были еретики, мужи неправедные, которые, идя стезею древнихъ, учили, что божество ходить по небесному кругу и какъ скоро облака его заслоняють, то оно ничего не видитъ и не можетъ судить сквозь мракъ (Іов., гл. 22, ст. 13—15). Въ виду, безъ сомнѣнія, такой извѣстности Хорса у семитовъ, онъ въ нашихъ памятникахъ называется „жидовиномъ“ ¹⁾.

Ограничившись этими историческими замѣчаніями о космогонической природѣ солнца, мы замѣтимъ, что данныя русской мифологіи также представляютъ намъ это божество не съ первичнымъ только *признакомъ свѣта*, но и съ болѣе развитымъ *понятіемъ движенія*.

Народный хороводъ именно изображаетъ это хожденіе божества по небесной орбитѣ. Въ своемъ движеніи онъ всегда образуетъ *ряды полукруговъ* или *хоботовъ*, послѣдовательно смѣняющихъ другъ друга и переходящихъ съ одной стороны на другую. Если эти полукруги или хоботы бываютъ велики, то и самый хороводъ называется *хоботистымъ*. Смотря на движеніе хоровода, на послѣдовательную смѣну этихъ хоботовъ, невозможно не видѣть въ немъ подобія хожденія божества, какъ сказано въ книгѣ Іова — *по небесному кругу*.

Но такъ какъ хороводъ непремѣнно связанъ съ весеннимъ временемъ, то отсюда слѣдуетъ заключить, что въ народномъ сознаніи съ образомъ Хорса соединялось собственно представленіе его *благодатнаго весенняго воздѣйствія*, съ каждымъ днемъ согрѣвающего и животворящаго силы природы.

Но, кромѣ этого значенія, въ дружинно-княжеской средѣ кievской Руси съ образомъ этого божества соединялось, повидимому, и представленіе другого еще качества.

Пользуясь движеніемъ солнца по небесной орбитѣ для характеристики волкодлачьей натуры Всеслава, авторъ „Слова“ солнце называетъ *великимъ Хорсомъ* и ставитъ съ нимъ въ соотношеніе *бытъ Всеслава*. Аналогической чертой въ картинѣ того и другого ставится именно „*рысканіе*“. Всеславъ перерыскиваетъ путь Хорса; стало быть и Хорсъ, въ глазахъ дружинника, не просто ходитъ *по орбитѣ*, какъ изображается онъ въ книгѣ Іова, но именно „*рыщетъ*“; съ образомъ его связано не представленіе главнымъ образомъ его согрѣвающей и животворящей силы, а лишь *представленіе необыкновенной быстроты его движенія*, его богатырскаго бѣга, съ которыми

¹⁾ Въ апокрифической бесѣдѣ 3-хъ святителей читаемъ: „Отчего громъ сотворенъ бысть? Василій рече: два ангела громная естъ: еллинскій старецъ Перунъ и Хорсъ жидовитъ, два еста ангела молніина“ (Изв. А. К. Н., IV, 184).

сравнивается бѣгъ Всеслава. Съ другой стороны, Всеславъ, рыскающій ночью, въ виду ученія древнихъ, что „Хорсъ“ сквозь мракъ ничего не видитъ, пробѣгающій путь его „до куръ“, *вѣстниковъ его появленія*, даетъ намъ понимать, что съ богатырскимъ образомъ Хорса, рыщущаго по небесному кругу, въ дружинной кievской средѣ связывалось представленіе дозиранія человѣческихъ дѣлъ, очей Божіихъ, отъ которыхъ укрывался волшебный Всеславъ, *блтая ночью, до куръ*. Поэтому, намъ кажется, авторъ „Слова“, указавши на соперничество его въ бѣгѣ съ великимъ Хорсомъ, не безъ причины счелъ нужнымъ прибавить къ его характеристикѣ: *тому и смысленній рече: ни хитру, ни юразду, ни птицю юразду, суда божья не избыть*“. Такимъ образомъ, если въ народномъ представленіи Хорса преобладаетъ его космогоническій характеръ, то въ дружинной средѣ по преимуществу выступало на видъ его нравственное значеніе; тамъ онъ болѣе существо животворящее природу, здѣсь онъ—великій богатырь, рыщущій по небесному кругу и дозирающій дѣла человѣческія, тамъ онъ болѣе связанъ съ природой, здѣсь—съ судьбою человека. Такъ дружинный бытъ отпечатлѣвается на самыхъ понятіяхъ о богахъ!

III. Стрибогъ. Стрибогъ—есть божество чисто стихійное (стри—общаго корня съ греческаго *στίβιος* вихорь). Вѣтры въ нашемъ „Словѣ“ прямо называются его внуками. На бытованіе его среди Руси указываютъ географическія названія:

Стригово (Калужской губерніи, Боров. уѣзда). *Стрибожье озеро*, *Стрибожье*. *Стригородъ* (Ж. М. Н. Пр. 1858 г., V, 242).

Въ народныхъ представленіяхъ вѣтеръ олицетворяется въ образѣ богатыря Ивана, вѣтрова сына. Въ царскомъ теремѣ сидѣла дочь во тьмѣ и мракѣ; но вотъ она повертѣла перстомъ небольшую скважину на бѣлый свѣтъ: подулъ въ нее вихорь и она зачала сына, котораго и назвала Иваномъ, вѣтровымъ сыномъ. Тѣсно стало ему, богатырю, въ теремѣ—и онъ сразу его разрушилъ; тѣсно стало ему затѣмъ и въ царскомъ дворцѣ, тѣсно стало и въ цѣломъ царствѣ—и вотъ онъ пошелъ въ поле потѣшить свою силу: здѣсь онъ встрѣчается съ другими подобными себѣ богатырями—Дубиномъ Дубиновичемъ, Горыномъ Горыновичемъ и Кашеемъ-бессмертнымъ. Такъ явилась на свѣтъ стихійная сила вѣтра, грозныя тучи, темныя, какъ лѣсъ, величавыя, какъ горы, не могутъ стоять передъ силою вихря; разгоняя ихъ, онъ побѣждаетъ и самого Кашея, тогда какъ отъ щита его все иставивается и исчезаетъ.

Не въ такой полнотѣ и широтѣ свободного очертанія,—тѣмъ не менѣе и авторъ „Слова о полку Игоревѣ“ даетъ намъ понимать героическій характеръ вѣтровъ, называя ихъ внуками Стрибога. „Вѣтры

Стрибожи-внуки“, говорить онъ, „вѣютъ на морѣ стрѣлами“: живописная черта, которою характеризуется здѣсь вѣтеръ; это есть именно *вѣяніе стрѣлами* — черта, которая всего скорѣе могла явиться въ сознаниі дружинника, при изображеніи героическаго облика вѣтра. Подобно тому, какъ Маркуты въ Ведахъ — эти божественные представители вѣтровъ — являются одѣтыми въ блестящіе панцири, съ свѣтлымъ оружіемъ въ рукахъ, и стрѣляютъ изъ своихъ далеко-метательныхъ луковъ (Аеан. I, стр. 321), и въ нашемъ „Словѣ“ вѣтри Стрибожи-внуки являются въ воинственномъ образѣ — *вѣютъ на морѣ стрѣлами*. Съ тою же живописною чертою олицетворяется вѣтеръ и въ плачѣ Ярославны, гдѣ онъ величается вѣтромъ-вѣтриломъ и называется *юсподиномъ, мечущимъ хиновскія стрѣлы*. Эта воинская черта — метаніе стрѣлъ, связанная въ нашемъ „Словѣ“ съ образомъ вѣтра, можетъ служить для насъ намекомъ на воинскій ликъ мнѣмческаго Стрибога, такъ какъ она не потеряла еще значенія для автора „Слова“, и онъ сочеталъ ее съ вѣтрами, называя ихъ его внуками.

IV. Дажь-богъ. Появленіе имени этого божества не только въ „Словѣ“, но и въ „Кіевской Лѣтописи“, нѣкоторые объясняютъ, какъ мы видѣли, заимствованіемъ его изъ болгарскаго перевода византийскаго хроника Малала, въ которомъ Дажь-богъ поставленъ на мѣсто Геліуса. Но есть прямое указаніе, что это болгарское имя не безызвѣстно было и русской землѣ и донинѣ живетъ въ народѣ, хотя, быть-можетъ, и не съ тѣмъ значеніемъ, какое имѣло оно въ языческую эпоху. Но если нѣкоторыя географическія названія, указывающія на имя этого божества, каковы, напр.: *Бодаево* (Твер. губ., Весьег. уѣзда), *Божсдаево* (Херс. губ., Александровскаго уѣзда), *Богъ ми даде* и т. п., можно еще и не относить къ нему, то нельзя уже отвергать тождества такихъ географическихъ названій, какъ, напр.: *Даць-Богъ* (въ Мазовшѣ), *Дажь-Богъ* (въ Мосальск. уѣздѣ) (Аеан., I, 65).

Имя этого божества можно слышать и теперь въ живыхъ устахъ народа, хотя оно и видимо утратило для него свое первоначальное значеніе: „Полю тосковать“, говорятъ: „Дажь-Богъ все минетъ“.

Если чего недостаетъ, говорятъ: „Что тужить-то, о Дажь-Богъ“¹⁾.

Или же:

„Покучись Дажь-Богу, управить по-немногу“²⁾.

¹⁾ Въ обоихъ случаяхъ *Богъ-дажь* употребляется какъ-будто вмѣсто „Дай-Богъ“, но для насъ важна здѣсь форма „Дажь-Богъ“; она удержалась, по нашему мнѣнію, въ силу истариннаго господства „Дажь-Бога“.

²⁾ Всѣ эти выраженія записаны въ деревнѣ Хмѣлинѣ, череп. уѣзда, новгор. губ. отъ крестьянки Ирины Калитиной.

Любопытно теперь, какія качества соединялись съ именемъ этого божества въ дружинной средѣ кievской Руси.

Въ двухъ мѣстахъ „Слова о полку Игоревѣ“ встрѣчается имя „Дажь-бога“.

1. Тогда при Олзѣ Гориславичи сѣятшеся и растышетъ усобицами, погибашеть жизнь Дажь-божья внука, въ княжихъ крамолахъ, вѣдци челоувѣкомъ скратинишася.

2. Встала обида въ силахъ Дажь-божья внука, вступила дѣвою на землю Трояню.

Что подъ выраженіемъ „Дажь-божья внука“ нужно разумѣть кievскаго князя, объ этомъ толковалъ еще Шишковъ въ 1826 г. ¹⁾ Однако, мнѣніе его не было принято, и нѣкоторые стали утверждать, что подъ внукомъ Дажь-бога нужно разумѣть русскій народъ, и что, слѣдовательно, на Руси было преданіе о происхожденіи русскихъ отъ Дажь-бога. Но въ настоящее время, благодаря исторической критикѣ ²⁾, приходится снова возвратиться къ мнѣнію покойнаго Шишкова. Итакъ, подъ внукомъ *Дажь-бога* въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ разумѣется „кievскій князь“.

Образъ *Дажь-божьего внука* настолько знаменателенъ, что нельзя считать его однозначущимъ съ именемъ *князя* и видѣть здѣсь простую риторическую метонимию. Скорѣе всего этотъ образъ заставляетъ предположить, что въ кievской Руси дѣйствительно было какое-нибудь поэтическое преданіе о происхожденіи княжескаго рода отъ боговъ; по-крайней-мѣрѣ историческое отношеніе кievской дружины къ своему князю было таково, что оно само собою предполагаетъ подобное преданіе. Во всякомъ случаѣ образъ князя, какъ божьяго внука, скорѣе могъ родиться въ собственной душѣ автора „Слова“, какъ дружинника, чѣмъ быть подысканъ въ какой-нибудь болгарской книжкѣ. Раздѣлять это послѣднее предположеніе—значитъ лишь обнаруживать свое малое знакомство съ бытомъ и характеромъ дружинно-кievской Руси.

Далѣе, этотъ образъ стоитъ лишь дополненіемъ при главныхъ мысляхъ. Погибаетъ жизнь Дажь-божья внука.... Встала обида въ силахъ Дажь-божья внука....

Чтобы понять общее значеніе этихъ мыслей, остановимся на тогдашнихъ понятіяхъ жизни и обиды. Въ „Кievской Лѣтописи“ очень часто встрѣчается дружинное понятіе жизни: „жизнь твою разграбихомъ и твоея дружины“ (1159 г.), „не стойте на нашей землѣ, а жизни нашей ни селъ нашихъ не губите“ (1149 г.). Подъ жизнію на дружинномъ языкѣ разумѣются: кони, скоты, овцы, колодники,

¹⁾ Собраніе сочиненій и переводовъ Шишкова, ч. VII, стр. 74.

²⁾ См. „Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ“, Всея. Миллера, стр. 71—74.

челядь и все движимое имущество. Точно также часто встрѣчается здѣсь и слово *обида*. Въ народномъ поэтическомъ языкѣ „Слова“ *обида* означаетъ нравственное униженіе, оскорбленіе и самую скорбь. На языкѣ же дружины оно означало *безчестіе и пораженіе*: „а ты самъ прави, съ кѣмъ ти обида есть“ (1149 г.): оно всегда означало, какъ мы видѣли, *униженіе, оскорбленіе, пораженіе*.

Соображая значеніе этихъ понятій, мы видимъ, что погибель *княжескаго богатства*, пораженіе его *воинской силы* не случайно поставлены здѣсь съ образомъ „Дажь-божья внука“.

Какъ внукъ Дажь-божій, обладалъ онъ избыткомъ всякаго имущества; какъ внукъ Дажь-божій, испытывалъ онъ доблестные успѣхи съ своей воинской силой. Но вотъ жизнь его гибнетъ (при Олегѣ Гориславичѣ), и *обида* встала въ силахъ Игора, не сдерживающаго своей юности.

Таковы черты, по нашему мнѣнію, связаны въ „Словѣ“ съ именемъ Дажь-бога въ дружинно-кѣвской средѣ; онъ считался если и не праотцемъ князей, то покровителемъ ихъ богатства и наживы и доблестныхъ успѣховъ ихъ воинской силы.

Е. Барсовъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е октября, 1878.

Старый вопросъ объ общественной самодѣтельности. — Харьковское земское собраніе и инспекція народныхъ школъ. — Школы въ хотинскомъ уѣздѣ. — Инспекція по описанію инспектора. — Измѣненіе сроковъ взноса крестьянами окладныхъ сборовъ. — Злоупотребленія заемщиковъ у земельныхъ банковъ. — Приемъ войскъ въ Варшавѣ.

Если мы сравнимъ пережитое нами общественное настроеніе въ Россіи по окончаніи войны въ 1853—1856 годахъ съ тѣмъ, какое замѣчается теперь по окончаніи войны 1877—1878 годовъ, то должны будемъ признать, что настоящее едва ли можетъ похвалиться передъ прошедшимъ. Странное дѣло: въ то время въ общественномъ настроеніи было гораздо болѣе ясности, и бодрости, чѣмъ нынѣ, несмотря на то, что нынѣшняя война была все-таки удачна, а тогдашняя окончилась рѣшительнымъ неуспѣхомъ. Дѣло именно въ томъ, что въ то время мы ясно сознавали, какая ближайшая будущность наступаетъ для насъ, а теперь вовсе этого не знаемъ. Между тѣмъ для общества точно такъ же, какъ и для отдѣльнаго человѣка, нѣтъ ничего болѣе томительнаго, какъ неизвѣстность, ничего болѣе разслабляющаго, какъ незнаніе ближайшаго пути, или по крайней мѣрѣ, неимѣніе выхода на путь, котораго правильность и настоятельность были бы призваны одинаково всѣми.

Въ то время впервые гласно заговорили въ Россіи о необходимости общественной самодѣтельности и о пользѣ содѣйствія общества великимъ начинаніямъ правительства. Это было вполне естественно, такъ какъ самыя эти начинанія посвящены были дѣлу государственной реформы. Съ тѣхъ поръ прошло слишкомъ двадцать лѣтъ, принципы общественной самодѣтельности и содѣйствія общества усиленіемъ государства получили, такъ сказать, право гражданства въ заявленіяхъ официальныхъ, чего въ прежнее время не бывало. Начало

общественной самодѣтельности провозглашено въ учрежденіи русскаго земства; къ общественному содѣйствію правительственные органы взывали неоднократно: и при попеченіяхъ о распространеніи народнаго образованія, а также о наблюденіи за школами, и при объявленіи войны, и при сборѣ пожертвованій для обезпеченія санитарной помощи въ арміи, и при объявленіяхъ подписки на восточный заемъ; наконецъ, въ самое недавнее время — при указаніи на опасность со стороны противообщественныхъ ученій и преступныхъ попытокъ къ ихъ осуществленію.

Несмотря, однакоже, на такой шагъ, повидимому, впередъ, на допущеніе такихъ словъ какъ „общественная самодѣтельность“ и „общественное содѣйствіе правительству“ въ языкъ офиціальный, едва ли можно сказать, что примѣнимость общественной самодѣтельности и самая сущность ожидаемаго отъ него содѣйствія уяснились нашему обществу болѣе, чѣмъ то было двадцать лѣтъ тому назадъ. Скорѣе, наоборотъ, можно утверждать, что нынѣ сознаніе это менѣе ясно, чѣмъ въ то время, именно потому, что въ то время мы знали куда идемъ, а теперь положительно этого не знаемъ.

Напримѣръ, хотя бы по ближайшему отношенію къ результатамъ самой войны. Въ то, уже давнее время для всѣхъ были ясны причины обнаружившихся недостатковъ предварительной работы и знанія, доказанной неподготовленности, оказавшихся злоупотребленій по снабженію и т. д. И по этому поводу всѣ безъ исключенія думали совершенно согласно: всѣ ясно сознавали необходимость обширныхъ преобразованій, большаго запаса и знаній, и подготовительныхъ работъ, — большаго контроля, болѣе гласности, сближенія между усиліями правительства съ одной стороны, и съ другой — нуждами и желаніями общества. И такъ думали тогда не одни какіе-нибудь „доктринѣры“, какъ нынѣ называютъ такихъ мыслителей, которыхъ въ то время еще только-что перестали называть прямо распространителями „лжеученій конституціоннаго запада“. Нѣтъ, такъ понимали положеніе дѣлъ рѣшительно всѣ; такъ понимало его само правительство, что и удостоверялось рядомъ послѣдовавшихъ реформъ.

Дѣйствительно, многое и было сдѣлано съ тѣхъ поръ, такъ что Россія, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но все-таки приблизилась къ тому Западу, который еще наканунѣ той поры въ офиціальныхъ заявленіяхъ указывался въ смыслѣ источника всѣхъ золъ. Но хотя, повторяемъ, многое и сдѣлано, — вѣдь съ той поры прошли же два десятиа лѣтъ. Самыя потребности расширились, опытъ самаго сдѣланнаго указалъ на нѣкоторыя неизбежныя ошибки и на необходимость отчасти измѣненія, отчасти дополненія и приведенія къ общему знаменателю того, что было сдѣлано. Да и сами понесенные труды

давали поводъ ожидать нѣтъ меньшихъ разочарованій. Но можно ли утверждать, что и въ нынѣшнюю войну не оказалось недостатка знанія и подготовленности, и злоупотребленій по снабженію? Этого утверждать нельзя, такъ какъ всѣмъ извѣстно противное. Въ нынѣшнюю войну мы едва справились съ Турціею, между тѣмъ какъ въ крымскую войну четыре державы едва справились съ нами. Фактический результатъ теперь—успѣхъ, а тогда былъ неуспѣхъ. Но вѣдь политическіе факты имѣютъ не только безусловное значеніе въ смыслѣ пріобрѣтенія или проигрыша. Они еще подлежатъ оцѣнкѣ результатовъ сравнительно съ сдѣланными усиліями, и съ самимъ временемъ, въ которое результаты эти обнаружались. Между тѣмъ, въ нынѣшней войнѣ повторились даже почти безъ всякаго измѣненія нѣкоторые факты изъ прежней войны: недостатокъ усовершенствованнаго оружія, временное паденіе внѣшняго кредита, необходимость прибѣгнуть къ новымъ выпускамъ бумажныхъ денегъ на сотни милліоновъ рублей, неподготовленность и въ интендантской, и въ санитарной частяхъ; наконецъ, злоупотребленія въ дѣлѣ снабженій, засвидѣтельствовавшихъ, что и въ нравственномъ отношеніи успѣхи вовсе не такъ велики даже въ сравненіи съ прошлымъ, какъ позволительно было ожидать.

Но чего нынѣ, въ сравненіи съ прошлымъ, уже рѣшительно не оказывается, это—тогдашняго единодушнаго пониманія причинъ недостатковъ, хотя и нѣтъ основанія предполагать, чтобы тѣ же недостатки могли проистекать на этотъ разъ отъ причинъ иныхъ, а не отъ тѣхъ же самыхъ. Нѣтъ и прежней общественной бодрости, прежней здоровой рѣшимости приняться за работу обновленія, нѣтъ ни прежнихъ надеждъ, ни прежнихъ чаяній. Отрицательная сторона, раскрытая нынѣшнею войною, была передъ глазами у всѣхъ; о ней много писали, много толковали въ частныхъ разговорахъ. Но вотъ гдѣ разница съ прежнимъ: изъ всѣхъ этихъ описаній и толковъ не выводится теперь, какъ было прежде, никакого практическаго общаго заключенія. А не выводится оно потому, что не чувствуется пригодности и умѣстности дѣланія такихъ выводовъ. Общество точно постарѣло; даже послѣ успѣха нѣтъ той вѣры въ свои силы, въ возможность приняться за дѣло, въ самую осуществимость сколько-нибудь значительныхъ улучшеній, какая была прежде; вмѣсто всего этого, наши газеты, какъ будто отъ нечего дѣлать, занялись соображеніями относительно Афганистана.

И вотъ, мы какъ-бы стараемся прикрыть все тѣмъ фактическимъ военнымъ успѣхомъ, который въ концѣ-концовъ былъ несомнѣнно достигнутъ. Кончилась война, а за нею мы готовы забыть на этотъ разъ тѣ поученія, какія она намъ предложила, поученія, которыя

куплены дорогою цѣной, но которыми мы, повидимому, не желаемъ воспользоваться, именно потому, что не видимъ возможности воспользоваться ими. Гораздо спокойнѣе и утѣшительнѣе привѣтствовать возвращеніе побѣдоносныхъ войскъ и радоваться упоенію побѣдами, одержанными русскимъ солдатомъ. А между тѣмъ, какъ нарочно, рассказы идутъ гораздо менѣе о побѣдахъ, чѣмъ о тѣхъ лишеніяхъ, которымъ подвергались наши герои, о тѣхъ тревожныхъ временахъ, которыя наступали для нихъ вслѣдствіе несоотвѣтственности первоначальныхъ предположеній, о качествахъ нашего и турецкаго ружья, о недостаткѣ хлѣба и перевозочныхъ средствъ.

Тѣмъ большая хвала героямъ, конечно, за то, что они овладѣли неприступной Плевной и перешли Балканы въ глубокую зиму, вмѣсто того, чтобы занять Плевну въ то время, когда она была приступна, и перейти Балканы лѣтомъ или ранней осенью; за то, что они совершили этотъ невѣроятный переходъ безъ теплой одежды и почти безъ обуви, дважды переходили Саганлугскій хребетъ, вмѣсто того, чтобы перейти черезъ него однажды въ достаточныхъ силахъ; ознаменовали себя геройской зимовкою на преждевременно занятой Шипкъ, наконецъ, одержали нѣсколько блестящихъ побѣдъ съ такимъ ручнымъ оружіемъ, запасами патроновъ и артиллеріей, которые много уступали вооруженію непріятеля. Они, наши солдаты, съ добродушіемъ, свойственнымъ мужеству, побесѣдуютъ съ нами о своихъ невзгодахъ и трудахъ—и забудутъ о томъ, что было въ этихъ подвигахъ неизбѣжнаго, и что могло быть предотвращено. Но мы, русское общество, едва ли забудемъ объ этомъ вопросѣ, какъ бы мы ни старались теперь отъ него отворачиваться, отдаваясь одному чувству радости при встрѣчѣ братьевъ, покрытыхъ славой.

Если кто-нибудь предложитъ вопросъ: что же, однако, выйдетъ изъ того, что мы не позабудемъ опытовъ войны и ихъ поученія, — то на это можно будетъ отвѣчать только, что нація вообще не должна терять изъ виду подобныхъ опытовъ, выказывающихъ имъ въ яркомъ свѣтѣ положеніе дѣлъ. Но на самый вопросъ — что можетъ выйти изъ этого, мы все-таки не можемъ дать отвѣта, какъ то было легко сдѣлать послѣ крымской войны, когда всѣ ясно сознавали, что необходимо покончить, напримѣръ, съ крѣпостнымъ правомъ, съ канцелярскою тайною суда и т. п. Все это уже сдѣлано, и обо всемъ этомъ теперь не можетъ быть и рѣчи. Конечно, общество и въ наше время должно содѣйствовать новымъ, дальнѣйшимъ начинаніямъ для улучшенія разныхъ условій общественнаго быта; но вопросъ въ томъ: не усомнится ли общество въ примѣнимости своего содѣйствія на практикѣ, и въ самой сущности того содѣйствія, какое можетъ имъ быть оказываемо въ данную минуту.

Содѣйствіе можетъ требоваться въ двоякой формѣ: чисто пассивной, или съ допущеніемъ нѣкоторой самостоятельности содѣйствующаго, т.-е. въ формѣ активной. Въ первой формѣ содѣйствіе разумѣется само собою: уплачиваются подати и пошлины, поставляются новобранцы, переносится общее вздорожаніе и застой дѣлъ, наконецъ, въ особыхъ случаяхъ приносятся пожертвованія, не опредѣленные въ бюджетѣ. Вызвать къ такому пассивному содѣйствію нѣтъ повода, такъ какъ оно обезпечено и служить основаніемъ всякому государственному быту.

Итакъ, когда упоминается о содѣйствіи общества въ официальныхъ заявленіяхъ, то разумѣется содѣйствіе иного рода, содѣйствіе не пассивное, но живое, внушаемое собственнымъ починомъ, который не разлученъ съ нѣкоторою долей самостоятельности. Но тутъ и спрашивается: существуютъ ли налицо именно тѣ основныя условія, которыми такое активное и живое содѣйствіе отличалось бы отъ содѣйствія пассивнаго, то-есть отъ простого исполненія обязанностей и несенія тягостей. Живое содѣйствіе предполагаетъ возможность ка-кого-бы то ни было дѣйствія по собственному почину въ помощь общимъ усиліямъ государства къ благосостоянію. Содѣйствіе такого рода для его успѣшности предполагаетъ всегда какую-нибудь твердую общую почву внѣ личной, единичной жизни членовъ общества; и это вполне понятно: никто не можетъ, безъ внѣшней точки опоры, приподнять себя отъ земли своими же руками. Не менѣе также важно для успѣха то, чтобы приглашающій къ содѣйствію и приглашаемый имѣли одинаковую охоту идти всегда впередъ къ ясно сознанной обѣими сторонами и точно опредѣленной цѣли.

Такое сознаніе цѣли и согласное стремленіе къ ней и есть душа общественной жизни. Безъ такого сознанія, безъ стремленія къ какому-либо ближайшему идеалу, общественная жизнь лишена души; жизнь ослабѣваетъ, біеніе пульса останавливается—и тогда-то появляются симптомы нарушенія внутренняго мира, симптомы общественнаго разложенія. Они могутъ быть иногда обманчивы, хотя и кажутся всегда странными; но дѣло въ томъ, что дѣйствительное разложеніе общества наступаетъ не такъ скоро, и первые симптомы еще не свидѣтельствуютъ о неизлечимомъ недугѣ. Но все-таки отдѣльные симптомы лечить нельзя, и тщетно было бы призывать къ содѣйствію общественную дѣятельность въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ, оставляя ее въ сторонѣ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ.

Возьмемъ для примѣра вопросъ объ общественномъ содѣйствіи въ дѣлѣ народнаго образованія. На этотъ разъ оставимъ въ сторонѣ отчеты министерства народнаго просвѣщенія, не будемъ говорить о

достаточности или недостаточности государственныхъ мѣръ въ дѣлѣ умноженія народныхъ школъ. Такъ какъ мы повели рѣчь объ общественномъ содѣйствіи, то посмотримъ, на живомъ примѣрѣ, какимъ образомъ оно можетъ проявляться хотя бы въ дѣлѣ народной школы, дѣлѣ первостепенной важности, но такомъ, въ которое уже вовсе не замѣшаны общіе вопросы государственнаго права. Передъ нашими глазами—доклады харьковской губернской земской управы очередному губернскому собранію 1877 о состояніи училищъ, и журналы этого собранія за декабрьскую сессію 1877 г. На основаніи этихъ документовъ мы и присмотримся къ сущности общественнаго содѣйствія въ дѣлѣ школы, какъ оно требуется и насколько оно осуществимо.

Въ числѣ предложеній, внесенныхъ управою, находилось ассигнованіе отъ земства средствъ на учрежденіе двухклассныхъ образцовыхъ училищъ и въ пособіе министерству народнаго просвѣщенія на учрежденіе четырехъ новыхъ должностей инспекторовъ народныхъ училищъ (на это послѣднее всего 7 т. рублей). Управа при этомъ высказывала, что „весьма желательно, конечно, чтобы дѣятели этого рода состояли на службѣ земства и находились въ полной отъ него зависимости“. Но сама же управа признавала это неосуществимымъ, потому что это было бы несогласно съ существующими постановленіями, такъ еще и потому, что земство не можетъ предоставить людямъ, способнымъ для принятія на себя такой должности, тѣхъ выгодъ и преимуществъ, какими они могутъ пользоваться на службѣ государственной.

Предложенія управы вызвали интересныя пренія и даже весьма любопытную полемику относительно пользы инспекторовъ, такъ какъ одинъ изъ правительственныхъ инспекторовъ обратился по этому вопросу съ письмомъ къ предсѣдателю земскаго собранія.

Какъ только зашла рѣчь объ учрежденіи двухклассныхъ образцовыхъ училищъ и назначеніи инспекторовъ, такъ сейчасъ и обозначилось рельефно: въ какомъ именно видѣ содѣйствіе земства допускается, а затѣмъ и сознаніе земствомъ бесполезности такого содѣйствія. Гласный Кованько признавалъ пользу двухклассныхъ училищъ, но находилъ учрежденіе ихъ преждевременнымъ, и заявилъ даже мнѣніе, что въ настоящемъ они не принесли бы настоящей пользы, и что гораздо рациональнѣе открывать въ большемъ числѣ первоначальныя школы. Какъ согласить такое, повидимому, противорѣчивое отношеніе одного оратора къ одному и тому же предмету? Очень просто: гласный напоминалъ, что первоначальныя школы состоятъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ земства, тогда какъ образцовыя двухклассныя училища находятся въ исключительномъ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Что касается назначенія инспекторовъ, то гласный „признавалъ это совершенно бесполезнымъ, ука-

живая на то, что и существующіе инспекторы не посѣщаютъ народныхъ школъ". По мнѣнію г. Кованько, достаточно было бы, чтобы само земство наблюдало за школами чрезъ своихъ членовъ училищныхъ совѣтовъ и штатныхъ смотрителей; если бы послѣднимъ назначить развѣдочныя деньги, то они стали бы ѣздить въ школы и присутствовать на экзаменахъ; что касается необходимости специальныхъ свѣдѣній для наблюдающихъ за училищами, то программа первоначальныхъ школъ такъ не велика, что каждый изъ членовъ училищнаго совѣта можетъ считаться лицомъ компетентнымъ.

Послѣдовали и другія заявленія въ томъ же смыслѣ. Гласный графъ Капнистъ не признавалъ необходимымъ ни устройства двухъ-классныхъ училищъ, ни земскихъ инспекторовъ. Гласный Гордѣенко указалъ на то, что до введенія земскихъ учрежденій народное образованіе находилось въ самомъ жалкомъ положеніи; земство отвеслось сочувственно къ этому дѣлу и проявило на него значительныя затраты, вслѣдствіе чего число училищъ и учащихся болѣе чѣмъ удвоилось, даже по сравненію съ тѣми числами, которыя до введенія земскихъ учрежденій показывались только номинально. Несмотря однакожь на всѣ затраты земства и сочувствія его къ дѣлу народнаго образованія, сельскія школы перешли въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, которое руководить учебной частью и учреждаетъ административный надзоръ въ лицѣ инспекторовъ. Инспекторы эти не посѣщаютъ школъ, и увеличивать число такихъ тружениковъ было бы нераціонально и бесполезно со стороны земства. Что касается учрежденія двухъ-классныхъ образцовыхъ училищъ въ селеніяхъ, то оно—по мнѣнію и этого гласнаго—представлялось бы преждевременнымъ; учрежденіе ихъ въ городахъ желательно, но тамъ они и устраиваются не спеціально предназначенныя для того средства.

Были высказаны и нѣсколько иныхъ мнѣнія. Такъ, гласный Морощкинъ записывалъ пользу учрежденія двухъ-классныхъ женскихъ училищъ и увеличенія числа инспекторовъ, въ виду того, что инспекторы избираются обыкновенно изъ числа лицъ спеціально подготовленныхъ къ дѣятельности по народному образованію. „Если до сихъ поръ,—сказалъ г. Морощкинъ,—какъ заявляли почти всѣ гласные, инспекторы, не исполняли своихъ обязанностей надлежащимъ образомъ, то вопросъ этотъ слѣдовало бы оставить открытымъ, поручивъ губернской управѣ довести о томъ до свѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія. Съ своей стороны гласный Морозовъ склонялся въ пользу предложеній управы, но относительно инспекторовъ высказался такъ: „до тѣхъ поръ, пока инспекторами будутъ чиновники, назначаемые отъ правительства и независимые отъ земства, гласные всегда будутъ высказываться противъ такихъ лицъ; земству, для пользы самаго дѣла,

слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы народное образованіе всецѣло находилось въ его рукахъ".

Наконецъ, гласный Липицкій, а за нимъ и г. Морошенинъ указывали, что земство сдѣлало большія затраты на реальныя училища, классическія гимназіи и прогимназіи, которыми исключительно (?) пользуются только дѣти землевладѣльцевъ, а между тѣмъ для крестьянъ, которые наравнѣ съ другими участвуютъ во всѣхъ взносахъ земскаго сбора, и даже въ большей доли, чѣмъ землевладѣльцы, земство сдѣлало еще слишкомъ мало. Стремленіе крестьянъ къ образованію доказывается тѣмъ, что они сами жертвуютъ на устройство сельскихъ училищъ гораздо болѣе, чѣмъ сколько удѣляютъ на нихъ уѣздныя земства. Такъ, богодуховское земство ассигнуетъ на народныя школы около 2 т. р., а крестьяне даютъ до 4 т. р.; ахтырское земство назначаетъ также 2 т. р., а крестьяне жертвуютъ до 5 т. р. „Такимъ образомъ,—сказалъ г. Липицкій,—послѣдніе являются двойными плательщиками на потребности народнаго образованія".

Мы дѣлаемъ эти извлеченія изъ журналовъ харьковскаго губернскаго собранія потому, что въ преніяхъ его рельефно обозначилась вся постановка у насъ дѣла народныхъ школъ. Фактъ, что крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣлаютъ для народной школы еще гораздо болѣе, чѣмъ земство, подтверждается и другими свѣдѣніями, кромѣ приведенныхъ. Замѣчательный примѣръ усердія крестьянъ къ дѣлу школъ сообщался недавно въ „Голосъ". Во второмъ мировомъ участіи кишиневскаго уѣзда, крестьяне, благодаря вліянію мѣстнаго мирового посредника Томульца, устроили 26 училищъ, въ томъ числѣ 4 двухклассныхъ и 1 ремесленное. На одну постройку и обзаведеніе этихъ школъ крестьянами издержано болѣе 50 тысячъ рублей, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, а годовой расходъ на ихъ содержаніе составляетъ 17 тыс. р. Можно, разумѣется, желать, чтобы всѣ земства имѣли въ виду возрастающее стремленіе крестьянъ къ образованію, и чтобы тамъ, гдѣ земство не сдѣлало для устройства народныхъ школъ всего, что могло, оно взялось бы за дѣло рѣшительнѣе.

Но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что въ общей сложности, дѣло народной школы, насколько оно обезпечено у насъ, обезпечено не кѣмъ инымъ, какъ именно земствомъ. Къ сожалѣнію, въ печатномъ сборникѣ журнала харьковскаго губернскаго собранія рѣчь г. Гордѣенки приведена въ сжатомъ видѣ; изъ самаго сокращенія видно, что она должна была заключать фактическое изложеніе того, что сдѣлано земствомъ для народнаго образованія и сопоставленіе цифры школъ, числившихся до введенія земскихъ учреждений, съ реальной цифрой школъ, нынѣ существующихъ благодаря усиліямъ земства. Но мы сами можемъ пополнить этотъ пробѣлъ простой справ-

ной и тѣми средствами, какія ассигнуются на народное образованіе земствомъ и государствомъ. Земство изъ своего 25-ти-милліоннаго бюджета не располагаетъ свободно большей половиною этой суммы; но изъ какихъ-нибудь 12-ти милліоновъ, остающихся у него на расходы необязательные, оно ассигнуетъ около 3 милл. р., то-есть приблизительно пѣтую четверть — на народное образованіе. Государство же изъ бюджета въ 600 м. р. даетъ на народное образованіе 16 м. р., изъ которыхъ вообще на народные училища только 1½ милл. р., а на начальныя школы всего ¼ милл. р.

Итакъ, земство, въ общей сложности, дѣлаетъ для распространенія образованія весьма много въ смыслѣ какъ сравнительномъ, т.-е. по соображенію его средствъ, такъ и безусловномъ, то-есть по значительности ассигнуемой суммы. Государство, какъ мы уже замѣтили выше, прямо рассчитывало въ дѣлѣ народной школы на содѣйствіе земства, то-есть общества. Но въ чемъ должно именно заключаться содѣйствіе общества въ этомъ случаѣ, по взгляду спеціальнаго вѣдомства? Пренія харьковскихъ гласныхъ свидѣтельствуютъ, что содѣйствіе требуется преимущественно только пассивное, и что вслѣдствіе того земство не имѣетъ даже желанія оказывать содѣйствіе тамъ, гдѣ оно утрачиваетъ свои права: оно стѣсняется учреждать двухклассныя образцовыя училища, такъ какъ эти училища тотчасъ выходятъ изъ круга его вѣдѣнія, оно не сочувствуетъ умноженію инспекторовъ, такъ какъ эти лица только простираютъ свою власть на земскія школы, а между тѣмъ даже и не посѣщаютъ ихъ.

Къ вопросу о положеніи инспекторовъ мы еще сейчасъ возвратимся, но сперва дополнимъ нѣкоторыми фактами ту картину требуемаго отъ земства содѣйствія, которой уже отчасти уясняется изъ отзывовъ харьковскихъ земскихъ гласныхъ. Земства нѣсколько лѣтъ уже ходатайствуютъ о разрѣшеніи отрывать „подвижныя“ народныя школы, что при разбросанности нашихъ селеній и недостаткѣ матеріальныхъ средствъ, служило бы важнымъ орудіемъ для распространенія грамотности. Но на всѣ эти ходатайства получены отказы. Расширеніе учебной программы сельскихъ училищъ, о которомъ также ходатайствовали нѣкоторыя земства, не было разрѣшено. Спрашивается: рационально ли ожидать содѣйствія, когда содѣйствіе это прямо сводится ко внесенію денегъ, съ устраненіемъ всякой справки съ желаніями общества, съ рѣшимостью не только не принимать отъ него никакихъ совѣтовъ, но не допускать осуществленія его желаній, на его собственныя средства, иногда единственно потому, что они не предвидѣны, и, стало быть, какъ будто запрещены буквою утвержденныхъ школьныхъ регламентовъ?

Обратимся теперь снова къ положенію инспекторовъ народныхъ

училищъ. Здѣсь прежде всего приведемъ сообщенный газетою „Голосъ“ фактъ, весьма характеристично обрисовывающій то отношеніе, въ которое ставятъ себя иные инспекторы къ земству, дающему деньги на народныя школы, и вѣдѣнію подтверждающій то, что сообщилъ намъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ г. предсѣдатель Хотинской земской управы Н. Лисовскій ¹⁾.

Хотинскій училищный совѣтъ—рассказано въ газетѣ—принялъ въ декабрѣ 1869 года всего 5 училищъ, и нынѣ довелъ ихъ число до 50-ти; училища эти были хорошо поставлены въ педагогическомъ отношеніи и на содержаніе каждаго изъ нихъ расходовалось отъ 600 до 700 рублей въ годъ. Сверхъ того, училищнымъ совѣтомъ составленъ былъ, на постройку зданий и другія надобности, экономическій капиталъ въ 14 тысячъ рублей. Сельское населеніе такъ сочувствовало прекрасному веденію дѣла, что сами сельскія населенія вносятъ 27,301 руб. изъ всего школьнаго бюджета, составляющаго 37,775 рублей; казна же въ этомъ уѣздѣ расходуетъ на начальныя училища всего 1461 рубль, то-есть почти $\frac{1}{26}$ часть школьнаго бюджета. Казалось бы, что хотинскій училищный совѣтъ не только долженъ пользоваться своимъ законнымъ правомъ заведывать школами, согласно положенію о народныхъ училищахъ, но еще фактически доказалъ полную свою способность вести школьное дѣло, имъ же самимъ созданное въ уѣздѣ съ такимъ успѣхомъ. Между тѣмъ мѣстная учебная администрація съ прошлаго года начала доказывать, что существуетъ будто бы какой-то „школьный историческій законъ“, присутствующій всей Европѣ, по которому училища сначала находятся въ вѣдѣніи общества, а потомъ обыкновенно *отбираются* отъ него“.

Этого мало. Въ нынѣшнемъ году, предпринято было побудить хотинскій училищный совѣтъ передать училища въ вѣдѣніе учебной администраціи. Въ официальномъ заявленіи по этому предмету такая передача мотивировалась указаніями на учебную администрацію, какъ на учрежденіе „руководствующееся опредѣленными, установленными началами, спеціально служащими на пользу великаго дѣла народнаго образованія“. Замѣчательно еще то мѣсто заявленія инспектора народныхъ школъ, въ которомъ это лицо, новое, пробывшее въ Хотинѣ всего два дня, такъ обращалось къ училищному совѣту, въ теченіи девяти лѣтъ создавшему 50 школъ: „школа только тогда можетъ развиваться, если ею руководить одно лицо... Судьба общественной школы находится въ зависимости отъ личнаго состава училищнаго совѣта; между тѣмъ, вслѣдствіе развившагося въ послѣднее время духа коммерціи и борьбы личныхъ интересовъ, становится

¹⁾ См. выше: май, стр. 418—420.

все меньше и меньше людей вполне честныхъ, съ идеальными стремленіями служить общественной пользѣ". Къ числу такихъ людей, по всей вѣроятности, относится самъ г. инспекторъ, котораго отношеніе къ хотинскимъ училищамъ, какъ лица новаго, покажется еще только ограничивалось полученіемъ инспекторскаго жалованья. Но по меньшей мѣрѣ безтактно съ его стороны было говорить это такимъ мѣстнымъ дѣятелямъ, которые создали самыя эти школы и обеспечили ихъ капиталомъ.

Въ чемъ же однаго могутъ проявляться инспекторами „идеальныя стремленія служить общественной пользѣ“, и насколько они дѣйствительно приносятъ пользы земскимъ школамъ, поставленнымъ подъ ихъ наблюденіе? Отвѣта на этотъ вопросъ мы уже не будемъ спрашивать у земскихъ гласныхъ, такъ какъ мы видѣли, что они относятся ко всему этому вопросу скорѣе отрицательно. Но мы обратимся къ источнику, наименѣе сомнительному съ точки зрѣнія самой администраціи, къ свидѣтельству одного изъ самихъ инспекторовъ народныхъ школъ харьковскаго округа. Инспекторъ Неклюдовъ прислалъ предсѣдателю губернской управы письмо относительно упрековъ, дѣлаемыхъ инспекторамъ, и письмо это было прочтено въ губернскомъ собраніи.

Въ письмѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее: „Въ средѣ членовъ земскихъ учреждений довольно распространено мнѣніе о неудачномъ и непродуманномъ устройствѣ нынѣшняго управленія народными училищами, о бесполезности и совершенной непригодности членовъ этого управленія, инспекторовъ“. Замѣтимъ здѣсь, что весьма прискорбно, когда учрежденіе, которому подчинены всѣ дѣла народной школы, поставлено такъ, что все общество убѣждается въ бесполезности и „совершенной непригодности“ этого органа. Но посмотримъ, насколько доводы г. инспектора способны опровергнуть такое неблагоприятное мнѣніе. Г. Неклюдовъ самъ прямо объявляетъ, что „учрежденіе инспекціи не принесло осязательныхъ результатовъ, не улучшило положенія народного образованія, и школы остаются въ такомъ же плачевномъ состояніи, въ какомъ находились онѣ до инспекторовъ“.

Такое признаніе какъ-бы исключаетъ всякую возможность поколебать мнѣніе земства относительно бесполезности и непригодности инспекторовъ. Но г. Неклюдовъ поясняетъ далѣе, что бесполезность учрежденія еще не можетъ быть доказана результатами дѣятельности этого учрежденія въ извѣстный только періодъ времени. На это можно отвѣчать только одно, а именно, что мнѣніе общества объ извѣстномъ учрежденіи все-таки складывается на основаніи фактовъ дѣйствительныхъ, а не гадательныхъ. Если самая дѣятельность учрежденія измѣняется, то измѣнится и общественное мнѣніе о немъ. По-

кажѣтъ же общество только и можетъ судить объ учрежденіи на основаніи опыта за извѣстный періодъ времени. Но можетъ ли продолжаться эта дѣятельность, такими ли она обставлена условіями, чтобы она могла принять характеръ реально-полевой — вотъ что спрашивается, и отвѣтъ на это можно найти въ тѣхъ самыхъ фактахъ, которыми г. Неклюдовъ объясняетъ относительную безплодность учрежденія до сихъ поръ.

Инспекторъ по закону долженъ быть руководителемъ учителей въ ихъ школьныхъ занятіяхъ, и въ этомъ смыслѣ онъ, по мнѣнію г. Неклюдова, необходимъ и можетъ приносить много пользы; это главная роль инспектора, „но, въ сожалѣнію, — говорится въ письмѣ, — она не единственная“. На немъ лежатъ и другія обязанности, а именно: онъ долженъ составлять всевозможныя отчетности по дѣлу народнаго образованія, онъ собираетъ и доставляетъ сложныя статистическія свѣдѣнія, онъ прискиваетъ, назначаетъ, переводитъ и увольняетъ учителей, ему необходимо участвовать въ разрѣшеніи дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію училищныхъ совѣтовъ, ему нужно бывать на испытаніяхъ, производимыхъ на льготу по воинской повинности, онъ же завѣдуетъ дѣлопроизводствомъ училищныхъ совѣтовъ, онъ управляетъ низшими учебными заведеніями, не подчиненными училищному совѣту, на немъ же, главнымъ образомъ, лежатъ безконечныя хлопоты объ улучшеніи матеріальной обстановки училищъ, о снабженіи ихъ учебными пособиями, объ увеличеніи содержанія учителей, онъ долженъ, наконецъ, вести обременительную переписку, доходящую до 1,000 номеровъ бумагъ въ годъ, изъ которыхъ каждая не только составляется и переписывается на-бѣло собственною рукою инспектора, но тою же рукою запечатывается въ конвертъ, и нерѣдко относится самимъ инспекторомъ на почту, потому что инспектору канцеляріи не положено.....“ Всѣ эти обязанности, „безусловно обязательныя“, отвлекаютъ инспектора отъ главной его рели — руководства учителей.... „Между тѣмъ, на долю одного инспектора харьковской губерніи приходится до 150-ти училищъ, да и это только съ настоящаго года, когда правительство прибавило третьяго инспектора, а еще въ прошломъ году, при двухъ инспекторахъ, число училищъ у cadaго изъ нихъ доходило до 200. Нѣтъ ничего удивительнаго, при такихъ условіяхъ, что инспекторъ едва въ состояніи осмотрѣть 40—50 школъ въ теченіи года. А гдѣ же мѣсто руководству учителей“...

Г. Неклюдовъ нарисовалъ здѣсь печальную картину положенія, созданнаго инспектору условіями, въ которыя онъ поставленъ. Но, пошимо своей воли, онъ вмѣстѣ нарисовалъ и печальную картину того положенія, въ какое поставлены народныя школы. Вѣдь эти

школы связаны по рукамъ и по ногамъ существованіемъ инспекторства, вѣдь самая судьба каждой изъ нихъ зависитъ отъ инспектора, а между тѣмъ онъ долженъ относиться къ нимъ такъ или иначе и періодично рѣшать самый вопросъ о существованіи той или другой школы просто на основаніи пересказовъ постороннихъ лицъ, иногда быть можетъ сплетенъ,—такъ какъ самъ только *видитъ* одинъ разъ въ годъ одну изъ четырехъ или трехъ школъ, состоящихъ подъ его надзоромъ. Имѣетъ ли онъ возможность знать дѣйствительно, что дѣлается въ каждой изъ нихъ? Можетъ ли онъ добросовѣстно ознакомиться съ дѣятельностью каждаго изъ учителей? Очевидно—нѣтъ. А между тѣмъ, вѣдь онъ ихъ назначаетъ и увольняетъ. Не даетъ ли то земству полное основаніе думать, что существованіе инспекторства только тормазитъ дѣло народной школы, что инспекторъ самъ ей приноситъ пользы не можетъ, а только стѣсняетъ земскихъ дѣятелей, которые дѣйствительно работаютъ въ пользу школы, знаютъ и условія, въ какія она поставлена, и ея средства, и качества того и другого учителя, и степень усидчивости преподаванія? Г. Неклюдовъ указываетъ далѣе, что все будетъ иначе, когда въ каждомъ уѣздѣ будетъ инспекторъ, какъ того желаетъ министерство, такъ чтобы на каждаго изъ нихъ приходилось около 30-ти школъ. Но, во-первыхъ, надо надѣяться, что со временемъ въ одномъ уѣздѣ будетъ не 30, а 100 народныхъ школъ; во-вторыхъ, содержаніе самихъ инспекторовъ въ такомъ случаѣ обходилось бы странѣ не много менѣе, чѣмъ содержаніе самыхъ школъ, ими инспектируемыхъ; въ-третьихъ, наконецъ, и тогда длинный перечень канцелярскихъ занятій инспектора рѣшительно препятствовалъ бы ему дѣйствительно и съ пользою руководить преподаваніемъ, такъ какъ одно лицо едва ли можетъ серьезно вести это дѣло въ большемъ числѣ школъ, чѣмъ, на примѣръ, десять училищъ, разбросанныхъ на нашихъ разстояніяхъ.

Мы старались провѣрить на примѣрѣ дѣятельности по народному образованію, въ чемъ состоитъ иногда ожидаемое отъ общества содѣйствіе и въ какой мѣрѣ оно принимается. Затѣмъ, намъ остается только повторить, что содѣйствіе пассивное, простое исполненіе требованій законовъ и бюджета обезпечено самими законами, стало быть—о призывѣ къ нему не можетъ быть и рѣчи. Что же касается содѣйствія живого, активнаго, исходящаго изъ собственного желанія общества служить своимъ же пользамъ, то для такого содѣйствія необходима возможность нѣкоторой самостоятельности, собственного почина и вѣроятность, что самыя заявленія общества о тѣхъ или другихъ его нуждахъ не будутъ отклоняемы какъ вовсе не требующіяся и даже неумѣстныя, но будутъ серьезно принимаемы въ расчетъ, для дружной работы на общую пользу.

Рядомъ съ попеченіемъ о распространеніи въ народѣ образованія требуются мѣры для улучшенія экономическаго положенія „земледѣльческихъ рабочихъ“. Это названіе, употребительное въ Великобританіи (agricultural labourers),—ново въ Россіи. У насъ утѣшаютъ себя мыслью, что масса русскаго крестьянства — землевладѣльцы, а не земледѣльческіе рабочіе. Но въ одномъ изъ послѣднихъ „Внутреннихъ обозрѣній“ мы имѣли случай сослаться на отзывъ министерства внутреннихъ дѣлъ по поводу измѣненія сроковъ во вносѣ податей, что въ большинствѣ крестьянскихъ хозяйствъ вовсе не имѣется такой части хозяйственнаго инвентаря, которая не составляла бы необходимой потребности и могла бы по закону подлежать продажѣ ¹⁾. Итакъ, хотя въ Россіи крестьяне считаются землевладѣльцами и нѣкоторые, конечно, имѣютъ право на это названіе, но большинство должно быть признано скорѣе земледѣльческими рабочими, чѣмъ землевладѣльцами. И пусть городской читатель не видитъ противорѣчія этимъ словамъ въ приведенныхъ выше фактахъ, что въ такомъ-то уѣздѣ крестьянскія общества, въ теченіи девяти лѣтъ, составили капиталъ для школъ въ 27 т. р., а въ такомъ-то уѣздѣ даютъ на школы больше, чѣмъ земство. Во-первыхъ, эти факты относятся къ мѣстностямъ южнымъ. Во-вторыхъ, они сами по себѣ еще ничего не говорятъ о дѣйствительномъ положеніи крестьянъ. Это возможно не потому, чтобы у крестьянъ было много средствъ, а по той простой причинѣ, что самихъ крестьянъ много. Если крестьянство одного уѣзда, при помощи постороннихъ заработковъ, уплачиваетъ 1½ милліона рублей разныхъ сборовъ, государственныхъ и общественныхъ, то неудивительно, что оно добудетъ изъ того же личнаго труда еще 3 или хотя бы 5 тысячъ рублей на школы.

Такъ какъ мы въ упомянутомъ обозрѣніи разсмотрѣли съ нѣкоторой подробностью вопросъ объ измѣненіи сроковъ взноса податей, выкупныхъ платежей и другихъ окладныхъ сборовъ, то возвращаемся теперь къ этому предмету только для дополненія прежде нами сказаннаго—фактомъ, что мѣра, объ обсужденіи которой мы говорили, дѣйствительно состоялась, и состоялась въ томъ самомъ видѣ, какъ была наложена въ сообщенныхъ намъ предположеніяхъ. Въ одномъ изъ августовскихъ нумеровъ „Правительственнаго Вѣстника“ былъ обнародованъ законъ, которымъ сроки для взноса крестьянами названныхъ сборовъ назначены, вмѣсто прежнихъ (1 марта и 1 января)

¹⁾ Подлинное выраженіе таково: ...„только та часть хозяйственнаго инвентаря, которая не составляетъ необходимой потребности, а такихъ предметовъ вовсе не имѣется въ большинствѣ крестьянскихъ хозяйствъ“.

слѣдующіе: за первую половину года съ 1 января по 30 іюня, а за вторую—съ 1 іюля по 31 декабря включительно.

Остается ожидать, что дѣло это не ограничится, что будетъ одѣлано нѣчто болѣе существеннаго. Ближайшее средство — пересѣлка надѣла въ наиболѣе плодотворныхъ мѣстностяхъ. Дальнѣйшая мѣра, которая, при основательной ея выработкѣ и примѣненіи министерствомъ государственныхъ имуществъ могла бы принести большую пользу въ будущемъ, представлялась бы открытіемъ особаго государственнаго кредита крестьянскимъ общинамъ на созданіе общинно-артельныхъ ремесленныхъ производствъ, такъ чтобы доставить крестьянамъ живніе заработки и притомъ заработки въ самихъ селеніяхъ или въблизи ихъ — въ центрахъ волостей. Консерваторамъ нечего пугаться такой мѣры. Вѣдь государство взяло же на себя кредитную операцію по выкупу крестьянскихъ земель, то-есть не надѣлу крестьянъ землею. Мы говоримъ не объ устройствѣ „государственныхъ мастерскихъ“, но о государственномъ покровительствѣ и ссудахъ на развитіе въ крестьянствѣ такъ-называемой кустарной промышленности разнаго рода, смотря по мѣстностямъ. Самый небольшой внимній заработокъ для крестьянина былъ бы великимъ подспорьемъ. А если вспомнить сколько рукъ остается въ Россіи въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ праздными по неволѣ, и сколько желудковъ остаются по необходимости полуголодными, то нельзя не подумать о пользѣ серьезной попыткѣ въ этомъ смыслѣ.

Отъ государственнаго кредита въ пользу „земледѣльческихъ рабочихъ“ перейдемъ къ банковому и частному кредиту, которымъ пользуются землевладѣльцы.

Существующія въ Россіи 16 учрежденій долгосрочнаго кредита, какъ-то: акціонерныя земельныя банки, общества взаимнаго поземельнаго кредита и городскія кредитныя общества, неоднократно встрѣчались съ особымъ видомъ злоупотребленія со стороны закладчиковъ имѣній. Злоупотребленіе это состоитъ въ искусственномъ обезцѣненіи заложенныхъ имѣній самими владѣльцами-при помощи арендныхъ контрактовъ. Владѣлецъ имѣнія заключаетъ контрактъ на отдачу его въ аренду на долгій срокъ—за цѣну, несоотвѣтствующую дѣйствительной доходности имѣнія; воспользовавшись ссудой изъ банка, онъ не вноситъ срочныхъ платежей и доводитъ свое имѣніе до продажи. Затѣмъ онъ, чрезъ подставныхъ лицъ, приобретаетъ на торгахъ то же имѣніе за болѣе дешевую цѣну, и такимъ образомъ избавляется отъ уплаты части долга и даже всего долга. Въ случаѣ же, если бы эта послѣдняя операція не удалась и имѣніе было продано въ чужія руки, то прежній владѣлецъ все-таки и послѣ про-

даже пользуется доходомъ съ имѣнія, въ видѣ негласныхъ денгъ со стороны арендатора, съ котораго онъ взыскъ нужныя для того обязательства и пользуется этимъ доходомъ за все время остальнаго существованія контракта, въ ущербъ новому владѣльцу, для котораго этотъ контрактъ, хотя и заключенный до купли имѣнія, является обязательнымъ.

Для уясненія сущности продѣловъ этого рода, приведемъ подлинныя цифры нѣсколькихъ операцій подобнаго рода. Одно имѣніе было заложено въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита съ оцѣнкою доходности въ 13,599 рублей, съ назначеніемъ срочнаго годового платежа въ 5,205 р.; оно же сдано было въ аренду всего за 7 т. рублей, то-есть на 6599 рублей ниже оцѣненной доходности, хотя на 1795 рублей выше срочнаго годового платежа банку. Итакъ, покупатель этого имѣнія съ публичныхъ торговъ, имѣя въ виду, что оно отдано въ аренду всего за 7 т. р., будетъ согласовать съ этимъ и цѣну, которую за него дастъ на торгахъ, то-есть дастъ за него не много больше половины того, что онъ бы далъ, если бы имѣлъ въ виду оцѣночную доходность въ 13½ т. р. При этомъ банкъ потеряетъ часть выданной имъ ссуды, напримѣръ, треть ея. Желающій купить имѣніе на торгахъ менѣе всего можетъ бороться съ подставными лицами, дѣйствующими въ интересѣ прежняго владѣльца. Въ самомъ дѣлѣ, для новаго пріобрѣтателя каждый надбавленный имъ къ цѣнѣ рубль представляется какъ чистая потеря,—надбавка къ уплачиваемому капиталу свыше того дохода, который долженъ бы соответствовать ему. Между тѣмъ, для прежняго владѣльца лишній надбавленный имъ рубль только уменьшаетъ цѣлую треть банковской ссуды, которая, по окончаніи операціи, должна остаться у него въ барышѣ. Итакъ, онъ можетъ идти далѣе въ возвышеніи покупной цѣны, лишь бы только не дойти до размѣра выданной ему банкомъ ссуды; вся равница между цифрой этой ссуды и той цѣною, какую онъ теперь заплатитъ на торгахъ, будетъ для него чистой выгодой. Но есть примѣры еще болѣе рельефныя. Такъ, въ харьковскомъ земельномъ банкѣ доходность одного имѣнія, признанная правленіемъ и оцѣночною комиссіею, составляла 30 тыс. рублей, а сдано въ аренду оно было за 4,300 рублей, т.-е. на 25,700 рублей ниже!

Подобныхъ примѣровъ недобросовѣстныхъ сдѣлокъ должниковъ съ третьими лицами объ арендѣ имѣній, заложенныхъ въ земельныхъ банкахъ, въ ущербъ интересамъ банковъ, накопилось не мало, и почти всѣ эти банки понесли уже убытки отъ этого злоупотребленія — довольно чувствительныя. Такъ, въ 1875 году бессарабско-таврической банкъ понесъ убытка по семи ссудамъ до 70 тыс. руб., а харьковскій — въ 1875 году—60 тыс. руб., а въ 1876 году уже

100 тыс. руб., на покрытие которых и долженъ былъ отчислить суммы изъ своихъ прибылей.

При возможности злоупотребленій этого рода, земельный кредитъ, т.-е. ссуда подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, утрачиваетъ свое отличительное свойство — большей обезпеченности, большей прочности, чѣмъ другіе виды кредита. Если залогодатель имѣетъ возможность умышленно обезпечить залогъ, посредствомъ отдачи имѣнія въ аренду на долгій срокъ по низкой цѣнѣ, то вся „салидность“ земельного кредита уже становится въ зависимость отъ личной добросовѣстности заемщика, какъ выражался комитетъ съѣздовъ представителей земельныхъ банковъ.

Но развѣ не существуетъ закона, который препятствовалъ бы такому обезпеченію залога? Въ отношеніи къ этому случаю, какъ и многимъ другимъ, наши законы представляютъ, во-первыхъ, различіе по мѣстностямъ, смотря по тому, дѣйствуютъ ли въ данномъ мѣстѣ старые или новые судебные уставы; во-вторыхъ, неопредѣлительность, несмотря на то дробленіе законодательныхъ опредѣленій на массу частныхъ случаевъ, которое служитъ отличительной чертой нашего законодательства.

Такъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ новые судебные уставы еще не введены, дѣйствуетъ законъ (ст. 2033, ч. II, т. X), на основаніи котораго, если прежде срока аренднаго договора на имѣніе состоится публичная продажа этого имѣнія за долги владѣльца, то дѣйствіе договоровъ продолжается до означеннаго въ нихъ срока только въ такомъ случаѣ, когда договоры заключены были „до наложенія запрещенія на имѣніе“. Отсюда, казалось бы, прямой выводъ, что когда имѣніе уже заложено, то заключаемый вновь договоръ можетъ быть обязательенъ только для самого заключившаго его владѣльца; если же имѣніе будетъ продано за долги, то на обязанность новаго владѣльца договоръ переходить не долженъ.

Оказывается, однако, что и приведенное постановленіе закона не точно. Запрещеніе налагается на имѣніе разъ при выдачѣ залогового свидѣтельства и другой разъ при выдачѣ ссуды. Которое же изъ нихъ должно служить срокомъ для разграниченія договоровъ обложенія на обязательные или необязательные послѣ продажи имѣнія съ торговъ? И не слѣдуетъ ли примѣнять къ имѣніямъ еще того правила, въ силу котораго запрещеніе налагается на имущество вообще при обращеніи на него взысканія? Наиболее рациональнымъ, конечно, представляется толкованіе въ такомъ смыслѣ, что первое запрещеніе, а именно то, которое полагается при выдачѣ залогового свидѣтельства, и должно служить предѣломъ для обязательности повдѣйшихъ договоровъ относительно будущихъ пріобрѣтателей имѣнія.

Затѣмъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ введены новыя судебныя уставы, дѣйствуютъ постановленія устава гражданского судопроизводства, по которымъ договоры, заключенные должникомъ, сохраняютъ свою силу до назначеннаго въ нихъ срока въ такомъ случаѣ, если они были заключены до полученія повѣстки объ обращеніи взыскапія на недвижимое имѣніе. Въ противномъ же случаѣ, т.-е. если договоръ заключенъ послѣ полученія упомянутой повѣстки, то онъ можетъ быть уничтоженъ судомъ по просьбѣ взыскателя, или при публичной продажѣ имѣнія—по просьбѣ покупателя, если договоръ влечетъ за собою вредъ того или другого.

Эти постановленія новаго закона, очевидно, ограждаютъ интересъ взыскателя (т.-е. земельныхъ банковъ) и покупателя имѣнія съ публичнаго торга менѣе, чѣмъ законъ старый. Они предоставляютъ владѣльцу имѣнія полную возможность, заложивъ это имѣніе, заключать арендные договоры для обезпеченія его, лишь бы только договоры эти заключались до дня полученія повѣстки объ обращеніи на имѣніе взыскапія. Между тѣмъ, вся спекуляція обезпеченія на томъ и основана, чтобы до взыскапія за невѣность срочныхъ платежей именно тогда, когда владѣлецъ уже обезпечилъ подлежащій взыскапію залогъ—заключеніемъ аренднаго договора по низкой цѣнѣ, на долгій срокъ.

Вопросъ этотъ обсуждался на сѣздѣ представителей земельныхъ банковъ и признано было, что неудобства имѣвшіеся правилъ относительно арендныхъ контрактовъ на заложенное имѣніе весьма велики и подрываютъ твердость кредитныхъ операцій земельныхъ банковъ. Поэтому, на первомъ сѣздѣ рѣшено было ходатайствовать объ установленіи такого правила, чтобы для покупателей съ публичнаго торга заложенныхъ въ банкахъ имѣній считались необязательными всѣ арендные контракты, заключенные *послѣ* залога имѣнія.

Второй сѣздъ представителей земельныхъ банковъ имѣлъ уже въ виду еще большее число случаевъ описанныхъ злоупотребленій, и также призналъ необходимымъ оградить банки посредствомъ законодательной мѣры, но, для успѣха самаго ходатайства объ этомъ, рѣшилъ не ставить вопроса въ слишкомъ общей формѣ, и ограничиться предложеніемъ такихъ мѣръ, которыя оградили бы банки хотя бы отъ самыхъ крупныхъ нарушеній ихъ правъ. Съ этой цѣлью онъ постановилъ ходатайствовать только, чтобы арендные договоры на имущество, заложенные въ кредитныхъ установленіяхъ, не были обязательны для покупателей имѣній съ торговъ собственно въ такомъ случаѣ, если договоры эти заключены безъ согласія этихъ установленій и притомъ на срокъ болѣе двухъ лѣтъ. Итакъ, при этомъ имѣ-

лось въ виду охранить залогъ отъ обезцѣненія именно долгосрочными договорами.

Понятно, что отъ злоупотребленія, описаннаго выше, еще болѣе чѣмъ земельные банки, должны терпѣть тѣ частныя лица, которыя предоставили владѣльцу заложеннаго имѣнія ссуды подѣ дополнительную закладную. Эти частные кредиторы теряютъ большую часть своей ссуды даже въ такомъ случаѣ, если при продажѣ имѣнія съ торговъ банкъ выручилъ свою ссуду вполнѣ. Приведемъ еще примѣръ. Въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита на четырехъ имуществѣхъ, проданныхъ съ торговъ, само общество не понесло убытка; оно вернуло свои ссуды, и отъ продажи было выручено, сверхъ нихъ, въ сложности еще 32,261 руб. Но такъ какъ частныхъ долговъ на этихъ имуществѣхъ числилось 286,516 рублей, то частными кредиторами, за полученіемъ ими перевырученныхъ на торгахъ 32,251 руб., было понесено убытку на 254,255 рублей.

Для огражденія учреждений недвижимаго кредита отъ обезцѣненія залоговъ арендными договорами министерствомъ юстиціи и финансовъ въ началѣ текущаго года были предположены двѣ законодательныя мѣры: одна предоставляла бы министру финансовъ дополнять уставы этихъ кредитныхъ учреждений постановленіемъ въ такомъ смыслѣ, что, въ случаѣ продажи съ торговъ заложеннаго имущества, арендные договоры, заключенные владѣльцемъ послѣ наложенія запрещенія при выдачѣ залогового свидѣтельства, и при томъ на сроки болѣе двухъ лѣтъ и безъ согласія кредитныхъ учреждений, необязательны для покупателя; другая заключалась бы во внесеніи въ общіе законы правилъ, что обязательность на полный срокъ договоровъ, при продажѣ имущества съ торговъ, примѣняется къ имуществамъ, заложенымъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, но только въ такомъ случаѣ, если не постановлено противнаго въ уставѣ учрежденія, принявшаго залогъ.

Но затѣмъ спрашивалось бы: почему же, развѣ этотъ вопросъ подвергнуть законодательному разсмотрѣнію, рѣшить его въ пользу огражденія интересовъ только кредитныхъ учреждений? Вѣдь имущества могутъ быть заложены и въ частныя руки. Почему же частные заимодавцы подвергались бы риску обезцѣненія ихъ залоговъ посредствомъ арендныхъ договоровъ, когда банки были бы ограждены отъ этого злоупотребленія? Сверхъ того, спрашивалось еще: удобно ли подчинять интересы третьихъ лицъ, а именно самихъ арендаторовъ, такимъ постановленіямъ, которыя заключались бы не въ общемъ законѣ, а въ уставахъ земельныхъ банковъ, съ которыми тѣ кредиторы вовсе и не имѣютъ дѣла? Наконецъ, являлось еще сомнѣніе, удобно ли подчинять самое заключеніе договоровъ объ отдачѣ имѣній въ

аренду, съ согласіа кредитныхъ обществъ, въ которыхъ тѣ имѣнія заложены.

Всѣ эти вопросы должны были, по слухамъ, обсуждаться въ возобновившуюся теперь сессію одного изъ нашихъ законодательныхъ учреждений. Сколько извѣстно, мѣры, предложенныя первоначально, нѣсколько измѣнены и предложенія заключаются нынѣ въ слѣдующемъ: внести въ общіе законы постановленіе, что, въ случаѣ продажи съ торговъ недвижимыхъ имуществъ, заложенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ, арендные контракты, заключенные послѣ наложенія запрещенія при выдачѣ залогового свидѣтельства, притомъ на сроки болѣе двухъ лѣтъ, необязательны для покупателейъ. Относительно же равносильнаго обезпеченія частныхъ заимодавцевъ по недвижимымъ имуществамъ предполагается еще предварительное изученіе вопроса. На такомъ отдѣльномъ рѣшеніи перваго вопроса, по слухамъ, оставились именно вслѣдствіе необходимости неотлагательно обезпечить кредитныя учрежденія отъ описанныхъ злоупотребленій.

Возвращеніе въ Варшаву квартирующихъ тамъ гвардейскихъ войскъ подало нашимъ согражданамъ-полякамъ поводъ къ дружественной демонстраціи, которой не могутъ не порадоваться всѣ, кого тяготило чувство вѣкового, неестественнаго раздора между національностями русскою и другою славянскою же національностью, игравшею въ исторіи наибольшую роль послѣ русской. Уже сборы приношеній въ пользу раненныхъ и больныхъ солдатъ, производившіеся въ Варшавѣ въ довольно значительномъ размѣрѣ, представляли явленіе благопріятное; но это явленіе можно еще было относить къ одному чувству челоуѣколюбія. Теперь встрѣча, сдѣланная населеніемъ бывшей польской столицы войскамъ, представляетъ уже совершенно ясное свидѣтельство о желаніи поляковъ заявить свою нравственную солидарность съ политическими судьбами русскаго народа.

Положимъ, устройство триумфальныхъ арокъ и иллюминацій можно иногда объяснять тѣмъ, что жителямъ „предоставляется“ устраивать то и другое. Но въ настоящемъ случаѣ, мы должны признать, что привѣтъ войскамъ со стороны варшавянъ былъ столь же искрененъ, какъ со стороны населеній русскихъ. Дѣло въ томъ, что никакія старанія не могли доселѣ вызвать въ Варшавѣ ничего подобнаго. Сверхъ того, эта сотня тысячъ народа, провозглашающихъ „ура“, этотъ дождь вѣнковъ и букетовъ, которыхъ, по официальному описанію, пришлось по нѣскольку на каждого солдата, эти городскіе цехи со значками, выходившіе на встрѣчу войскъ — такія особенности, которыя одними полицейскими стараніями вызваны быть не могутъ. Онѣ могли явиться только вслѣдствіе собственнаго желанія

гражданъ. Такъ эта встрѣча и была понята самимъ правительствомъ: варшавскій генералъ-губернаторъ, объявляя въ мѣстныхъ газетахъ благодарность населенію, высказалъ, что „это торжество показало въ варшавскихъ гражданахъ чувства, которыя не можетъ не цѣнить высоко правительство“. Затѣмъ, въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ была передана и высочайшая телеграмма, въ которой сказано: „Радуюсь благополучному возвращенію первыхъ эшелоновъ гвардіи и радушному ихъ приему“.

Еще въ прошломъ году мы высказывали догадку, оправдывавшуюся многими соображеніями, что въ настроеніи большинства образованнаго польскаго общества произошелъ благопріятный въ государственномъ смыслѣ поворотъ. Тогда же мы говорили, что интересы Россіи вовсе не требуютъ, чтобы въ ней оспаривалась или ставилась въ стѣснительное и исключительное положеніе польская національность. Ссылаясь на русскихъ нѣмцевъ, которые сохраняютъ всѣ свои національныя особенности и даже вкусы, мы высказывали мысль, что и поляки, искренно и окончательно примирившись съ принципомъ государственной нераздѣльности русской имперіи, могли бы сохранить въ ней свою національность неприкосновенною гораздо вѣрнѣе, чѣмъ при существовавшемъ доселѣ порядкѣ, котораго послѣдствіемъ являлась постепенная германизация царства польскаго, могущая со временемъ затереть польскую національность и въ то же время создать серьезныя политическія затрудненія для Россіи.

Но, будучи почти убѣждены, что среди польскаго общества могли бы теперь же явиться такіе авторитетные и уважаемые люди, которые стали бы безкорыстно заботиться о полномъ и окончательномъ примиреніи поляковъ съ Россіею, мы указывали на своевременность нѣкоторыхъ такихъ мѣръ, которыя сдѣлали бы имъ возможнымъ успѣшное исполненіе этой задачи. Роль представителей односторонняго примиренія—слишкомъ неблагодарная; необходимо, чтобы и русское общество пошло имъ навстрѣчу, и чтобы поляки, отрекаясь навсегда отъ такихъ политическихъ уступокъ, какими не пользуются ихъ русскіе сограждане, получили, однако, полное удостовѣреніе, что собственно національности ихъ не угрожаетъ никакая опасность со стороны государства. Въ этомъ смыслѣ, чрезвычайно важна была бы отиѣна теперь же одной изъ такихъ мѣръ, которыя были направлены именно къ ущербу самой національности, какъ-то: дарованіе польскому языку въ школахъ и судахъ царства польскаго нѣсколько большихъ правъ, чѣмъ тѣ, какими онъ пользуется, отиѣна процентныхъ нормъ учениковъ-католиковъ, допускаемыхъ въ учебныя заведенія, а также отиѣна разныхъ мелочей въ родѣ требованія, чтобы на вывѣскахъ лавокъ были русскія надписи рядомъ съ польскими, и

непремѣнно тѣмъ же прифтоу, и т. под. вещей, которыми не достигается рѣшительно ничего, кромѣ того, что цѣлое населеніе сознаетъ себя на каждомъ шагѣ какъ будто безправнымъ и даже преслѣдуемымъ. Такія мелочи осуществляются легко сами собою; на улицахъ Берлина красуются же вывѣски на русскомъ языкѣ, безъ всякаго распоряженія и предписанія съ нашей стороны.

Достаточно было бы въ настоящее время одной или другой мѣры въ указанномъ нами смыслѣ, чтобы придти на помощь благоприятному обороту, замѣчаемому въ настроеніи поляковъ и сдѣлать возможными добросовѣстныя усилія въ ихъ средѣ къ полному сближенію съ нами. Затѣмъ, постепенно могли бы послѣдовать всѣ такія мѣры, которыя устраняли бы полицейское полновластіе и вели бы къ полному политическому и гражданскому уравниенію національности польской съ другими инородческими національностями Россіи. „Польскій вопросъ“ въ этомъ смыслѣ, то-есть въ смыслѣ совершеннаго устраненія разлада,—весьма важенъ не только потому, что нѣсколько милліоновъ поляковъ входятъ въ составъ русской имперіи, но еще и по его связи съ вопросомъ о нашихъ отношеніяхъ къ славянамъ вообще. Въ высшей степени желательно, чтобы другіе славяне не имѣли въ виду примѣра Польши въ томъ положеніи и настроеніи, какъ она была доселѣ, но имѣли бы въ виду примѣръ Польши охотно становящейся въ наши ряды, вполне солидарной съ нашими государственными интересами и идущей рука объ руку съ русскимъ обществомъ по пути общаго развитія и общаго благосостоянія.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА

Австрийцы въ Боснии и Герцеговина.

По случаю одного изъ бракосочетаній въ габсбургскомъ домѣ нѣкимъ латинскимъ поетомъ было провозглашено: „Bella gerant alii, tu, felix Austria, pibe“. Въ теченіи прошедшихъ съ того времени многихъ вѣковъ, Австрія многократно радовалась счастливымъ бракосочетаніямъ. Но не менѣе оправдывалась для Австріи и первая часть этой легенды: „bella gerant alii“, то-есть: „предоставь другимъ вестъ войны“.

Вступленіе австрийскихъ войскъ въ Боснію, на основаніи берлинскаго трактата, началось 29 (17) іюля, изъ Брода. Въ прокламаціи фельдцейхмейстера Филипповича къ войскамъ по этому поводу говорилось, что занятіе Боснии и Герцеговины предпринимается австрийскимъ правительствомъ „въ уговорѣ (im Einklange) со всеми великими державами Европы и съ согласія Порты“. На первомъ же шагу австрийцевъ оказалоcь однако, что турецкія власти протестовали противъ вступленія австрийцевъ. Явился турецкій штабъ-офицеръ для подачи письменнаго протеста, и когда австрийскій начальникъ его не принялъ, то протестъ былъ положенъ на землю.

Это какъ-бы послужило предзнаменованіемъ того сопротивленія, которое затѣмъ встрѣчали австрийскія войска. Первые телеграфическія извѣстія возмѣщали-было о радужномъ приѣмѣ со стороны жителей, но картина скорѣ измѣнилась, и стали приходить извѣстія сперва о стычкахъ, а потомъ и о кровопролитныхъ, неудачныхъ для австрийцевъ сраженіяхъ, причемъ уронъ ихъ въ официальныхъ извѣстіяхъ постоянно показывался гораздо ниже, чѣмъ былъ въ дѣйствительности, такъ что, когда истина становилась извѣстною, въ Австріи и Венгрии она вызвала тягостное изумленіе и даже негодованіе.

Главныя силы австрийцевъ изъ Брода двинулись на Маглай, въ долину Босны; посланный къ Маглаю гусарскій эскадронъ неожиданно наткнулся на сильнаго непріятеля и былъ уничтоженъ. Другой австрийскій отрядъ генерала Йовановича вступилъ въ Герцеговину изъ Далмаціи, двигаясь на Мостаръ. Силы, первоначально назначенныя для занятія Боснии и Герцеговины, представлялись всего четырьмя дивизіями. Въ Вѣнѣ была повторена наша ошибка: пренебреженіе

къ противнику, истекавшее изъ незнанія его ресурсовъ. Разница только въ томъ, что о силѣ возстанія, которое быстро распространилось, и нельзя было собрать тѣхъ точныхъ свѣдѣній, какія можно было имѣть о регулярной арміи, находившейся въ распоряженіи правительства.

Дѣйствія австрійцевъ съ конца іюля до половины сентября раздѣляются на два періода: до и послѣ занятія главнаго города Босніи—Сераева, которое послѣдовало 19 августа.

Австрійское военное министерство, какъ кажется, предполагало, что возстаніе представляется только бандами, разбѣянными по всей странѣ, но не имѣетъ значительныхъ силъ, сосредоточенныхъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ. По крайней мѣрѣ, по первому плану войскамъ генерала Филипповича предназначено было перейти рѣку Саву въ нѣсколькихъ пунктахъ и двигаться концентрически на Сераево, начиная отъ Бихача до рѣки Дрины, то-есть до границы Сербіи. Но вскорѣ выяснилась необходимость большаго сосредоточенія, такъ какъ вблизи Дрины, между этой рѣкой и Савой, оказались весьма значительныя силы инсургентовъ (до 30 тысячъ), которые могли дѣйствовать во флангъ операціоннымъ линіямъ австрійскихъ колоннъ. Поэтому, колонны были сближены и направлены на Сераево по двумъ путямъ: отъ Костайницы (на Савѣ) на Баньялуку, Яице, Травникъ и Сераево, и отъ Брода въ долину рѣки Босны, на Добой, Маглай, Жепце и Сераево. Для того же чтобы охранить этотъ второй путь отъ наступленія силъ инсургентовъ отъ Бѣлины (близъ р. Дрины), изъ Добоя была выдвинута къ востоку 20-я (венгерская) дивизія графа Санапи.

Главныя силы, подъ непосредственнымъ начальствомъ генерала Филипповича, взяли съ бою Маглай и Жепце, встрѣтивъ упорное сопротивленіе непріятеля, а второй отрядъ, также подчиненный генералу Филипповичу, но состоявшій подъ прямымъ начальствомъ герцога Виртембергскаго, подвигаясь отъ Баньялуки къ Яице, взялъ этотъ послѣдній городъ послѣ кровопролитнаго боя, въ которомъ потеря австрійцевъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, была 200 чел., но въ дѣйствительности была въ нѣсколько разъ больше этой цифры. Тогда ген. Филипповичъ прошелъ безпрепятственно Врандукское ущелье и соединился съ отрядомъ герцога Виртембергскаго.

Но, прежде чѣмъ идти далѣе, на Сераево, они должны были выждать подкрѣпленій, такъ какъ встрѣченное сопротивленіе превышало расчеты. Въ операціяхъ главныхъ силъ наступилъ нѣкоторый перерывъ. Только генералъ Йовановичъ, которому, какъ уже сказано, было поручено дѣйствовать съ юга, вступивъ изъ Далмаціи въ

Герцеговину, пришелъ чрезъ Метковицъ къ Мостару и занялъ этотъ городъ.

Между тѣмъ, графъ Сапари двинувшись изъ Добоя къ востоку, чтобы удержать силы, сосредоточенныя инсургентами при Бѣлинѣ, прошелъ на Грачаницу, и затѣмъ взялъ южнѣе, къ Тузлѣ, чтобы запереть бѣлинскій отрядъ инсургентовъ въ углу, образуемомъ рѣками Савой и Дриной. Но дивизія Сапари была слишкомъ слаба для осуществленія этого. Отъ нея отдѣлена была къ главной колоннѣ почти вся кавалерія, подъ предлогомъ, что дѣйствія кавалеріи затруднительны въ той гористой мѣстности. Сверхъ того, Сапари долженъ былъ оставлять позади себя гарнизоны, такъ что, когда 20-я дивизія подошла къ Тузлѣ, она представляла не много болѣе бригады, то-есть 6—7 тысячъ чел. Инсургенты же отрядили къ Тузлѣ силы болѣе значительныя и, какъ оказалось, отлично вооруженныя и искусно предводимыя. Графъ Сапари, 10 августа, былъ разбитъ при Тузлѣ и поспѣшно отступилъ къ Грачаницѣ, причемъ инсургенты безостановочно гнали его на пространствѣ 50-ти верстъ, а затѣмъ атаковали его 12 августа при Грачаницѣ, такъ что онъ долженъ былъ поспѣшно уходить оттуда назадъ къ крѣпкой позиціи въ Добоѣ. Это отступление было уже похоже на бѣгство, хотя въ официальной реляціи онъ было объяснено „недостаткомъ боевыхъ припасовъ“. Но оказалось, что Сапари едва спасъ своихъ раненыхъ и свой обозъ, и даже оставилъ два своихъ орудія въ рукахъ босняковъ.

Потери его были весьма велики, и когда въ Венгріи узнали истину, послѣ оптимистическихъ официальныхъ извѣстій, то тамъ раздался настоящій вопль негодованія. И въ Вѣнѣ пораженіе, понесенное графомъ Сапари, произвело большую тревогу; опасались за сообщенія главныхъ силъ съ операціонной базой. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь 20-я дивизія была выдвинута изъ Добоя къ востоку именно для обезпеченія сообщенія генерала Филипповича, который подавался на Сераево. Филипповичъ оставлялъ позади себя только самые незначительные гарнизоны. Если бы босняки разбили графа Сапари еще на Добоѣ, и овладѣли этимъ пунктомъ, то сообщенія главныхъ силъ въ долину Босны были бы прерваны. Инсургенты, дѣйствительно, атаковали остатки 20-й дивизіи въ Добоѣ 16-го августа, черезъ два дня по возвращеніи туда австрійцевъ и затѣмъ вплоть до 24-го возобновляли атаки еще четыре раза, но безуспѣшно. Отбиваясь отъ непріятеля, графъ Сапари въ то же время укрѣплялъ свою позицію.

Изъ Пешта посыпались обвиненія на непредусмотрительность имперскаго военнаго министерства, которое назначило для похода недостаточныя силы, на распоряженія генерала Филипповича, кото-

рый, двигаясь самъ къ югу, оставилъ какъ-бы на жертву дивизію графа Сапари, состоящую преимущественно изъ венгерцевъ, — наконецъ, на самое предпріятіе оккупациі двухъ новыхъ славянскихъ областей, которое никогда въ Венгріи популярно не было. Въ Вѣнѣ раздались громкія жалобы на двуличность турецкой политики. Заподозрили Порту въ подстрекательствѣ боснійскихъ магометанъ противъ австрійцевъ, несмотря на ратификацію берлинскаго трактата Портою. Рассказывали, что въ рядахъ такъ-называемыхъ инсургентовъ находилось много регулярныхъ солдатъ — даже цѣлые полки редифа — и что при отозваніи изъ Босніи своихъ войскъ, турецкое правительство намѣренно оставило на мѣстѣ огромные склады оружія и боевыхъ припасовъ.

По этому поводу австрійское правительство сдѣлало даже усиленные представленія Портѣ, чтобы она побудила боснійскихъ и герцеговинскихъ мусульманъ покориться рѣшенію конгресса, то-есть австрійской оккупациі. Въ этомъ обвиненіи было много преувеличеннаго, но была и доля правды. Никакихъ полковъ редифа въ рядахъ инсургентовъ впоследствии не оказалось — и регулярныхъ солдатъ, приставшихъ къ возстанію, было немного. Возстаніе было именно возстаніемъ какъ противъ австрійцевъ, такъ и противъ распоряженій самой Порты. Но что у инсургентовъ были большіе склады припасовъ и что они были отлично вооружены, имѣли тѣ самыя ружья Мартини, Пибоди и Снайдера, которыя сдѣлали намъ столько вреда, — это было совершенно вѣрно. Правда, вѣроятно, заключалась въ томъ, что очищеніе Босніи и Герцеговины отъ регулярныхъ войскъ совершалось съ безпечностью и безъ всякаго порядка, что вслѣдъ за ихъ удаленіемъ въ этихъ областяхъ наступилъ настоящій хаосъ, — наконецъ, что Порта не позаботилась съ самаго начала ясно удостовѣрить жителей, что вступленіе австрійцевъ совершается съ ея согласія. Это со стороны Порты, по всей вѣроятности, была одна изъ тѣхъ недостойныхъ продѣлокъ, которыя, въ созадацію, нерѣдко практикуются въ политикѣ. Отдавался на жертву цѣлый народъ для того только, чтобы сдѣлать политическую демонстрацію противъ рѣшеній конгресса, признанныхъ самой же Портою.

Замѣчательно еще, что возстаніе не началось со всеобщей рѣзни христіанъ; напротивъ, мусульмане ихъ не трогали, — желая ли сдѣлать возстаніе всеобщимъ, или думая расположить такимъ образомъ въ свою пользу державы, — или, по крайней мѣрѣ, устранить лишній предлогъ къ занятію областей австрійцами. Быть можетъ, это была заслуга главнаго руководителя возстанія, нѣкоего Хаджи-Лоя, который, приобрѣтая авторитетъ своимъ фанатизмомъ, необыкновенной физической силой и храбростью, выказалъ и большой умъ руковод-

ствомъ дѣйствіями инсургентовъ на Боснію и отвращеніемъ междоусобной бѣры. Не во всякомъ случаѣ, если въ дѣйствіяхъ Порты и была нѣкоторая двуличность, то и въ дѣйствіяхъ австрійскаго правительства проявлялось ея не менѣе. Напомнимъ, что въ берлинскомъ трактатѣ занятіе Босніи и Герцеговины австрійскими войсками не было выяснено съ точностью. Должны ли были австрійцы считать эти области принадлежащими султану и признавать въ нихъ его верховныя права,—или же они занимали Боснію и Герцеговину безусловно, быть можетъ, съ окончательной цѣлью присоединить ихъ къ австро-венгерской монархіи?

Это оставалось открытымъ вопросомъ — и предполагалось, что между Австріею и Портою состоитъ особая конвенція, напоминающая ту, какая заключена между Портой и Англіею. Относительно этой конвенціи и были начаты переговоры вслѣдъ за берлинскимъ миромъ, но переговоры эти не привели къ результату. Причина перваго ихъ неуспѣха не была достаточно выяснена, но въ то время говорили, что Порта за безусловное занятіе Босніи и Герцеговины, въ родѣ занятія Египта англичанами, требовала, чтобы австро-венгерское правительство приняло на себя обязательство защищать цѣлость ея владѣній въ Европѣ, какъ Англія обязалась защищать ихъ въ Малой-Азіи. Такого обязательства графъ Андраши не хотѣлъ или не могъ взять на себя, такъ какъ это компрометтировало бы передъ Россіею могущественнаго его покровителя — князя Бисмарка, вліяніе котораго на австро-венгерскую политику извѣстно. Какъ бы то ни было, австрійское правительство рѣшилось ввести свои войска въ турецкія области безъ заключенія конвенціи съ Портою, рассчитывая, вѣроятно, что переговоры будутъ удобнѣе вести, когда эти области будутъ уже взяты въ руки австрійцами, что считалось дѣломъ нетруднымъ. Когда же въ этомъ оказалась ошибка и австрійское правительство стало упрекать Порту за поущеніе, Порта имѣла полную возможность сослаться уже не только на свое безсиліе, но и на нежеланіе самой Австріи вступить съ ней въ откровенное соглашеніе по этому предмету.

Впослѣдствіи однако, когда князь Бисмаркъ, видя неуспѣхъ австрійцевъ, сталъ предлагать всѣмъ державамъ, подписавшимъ берлинскій трактатъ, обдумать мѣры „общаго воздѣйствія“ на Порту, да понужденія ея къ исполненію постановленій этого трактата, Пота—вѣроятно, по совѣту англійской дипломатіи—вдругъ измѣнивъ свое пассивное отношеніе къ боснійскому возстанію и обѣщала пріять всѣ зависящія отъ нея мѣры къ побужденію инсургентовъ подчиниться оккупации. Тогда предложенія князя Бисмарка были взяты назадъ, а Порта отправила въ новобазарскій санджакъ Мех-

меда-Али-пашу для изъясненія инсургентамъ воли Порты и побужденія ихъ подчиниться австрійской оккупациі. Но было уже поздно. Ободренное успѣхами, восстаніе уже рѣшалось открыто не признавать права Порты. Мехмедъ-Али, пруссакъ по фамиліи Детруа, бывшій одно время турецкимъ главнокомандующимъ въ дунайскомъ четырехъ-угольникѣ, а потомъ завѣдывавшій обороною Константинополя (до возвращенія Османа-паши изъ русскаго плѣна)—наконецъ, бывшій вторымъ турецкимъ уполномоченнымъ на берлинскомъ конгрессѣ—былъ убитъ въ Ипекѣ, въ верхней Албаніи, вмѣстѣ со своею свитою. Тогда Порта продолжала заявлять свою готовность содѣйствовать замиренію Босніи и Герцеговины стягиваніемъ регулярныхъ войскъ, но само-собою разумѣется, что серьезныхъ военныхъ мѣръ Порта и не могла принять.

Между тѣмъ, главная колонна генерала Филипповича, подъ начальствомъ генерала Тегетгофа, отбросивъ босняковъ при Высокой 18-го августа и подготовивъ штурмъ замка въ Сераевѣ дѣйствіемъ артиллеріи, овладѣла имъ приступомъ. Генераль Филипповичъ вступилъ 19-го числа въ главный городъ Босніи. Около того же времени генераль Йовановичъ, ранѣе занявшій Мостаръ, разсѣялъ герцеговинскихъ инсургентовъ при Столацѣ и занялъ этотъ городъ. Счастье начинало улыбаться австрійцамъ, но положеніе графа Сапари на Добоѣ въ это время было еще очень опасно. Изъ Брода къ нему были поспѣшно двинуты подкрѣпленія, но атаки инсургентовъ, какъ сказано выше, продолжались до 23 числа вѣлчительно. Пораженіе, понесенное этимъ генераломъ, и смѣлый, но рискованный походъ генерала Филипповича на югъ, безъ обезпеченія сообщеній достаточными силами, убѣдили военное министерство въ необходимости двинуть въ Боснію цѣлую армію.

Это потребовало цѣлаго мѣсяца. Армія въ Босніи была составлена изъ четырехъ корпусовъ: 3-го — генерала Сапари, 4-го — генерал-Винерта, 5-го — Ромберга и 13-го — герцога Виртембергскаго, под общимъ начальствомъ фельдцейхмейстера Филипповича. Эти силы были сосредоточены главнымъ образомъ въ Сераевѣ, у Добою, у Самака и близъ Баньялуки. Превращеніе прежнихъ четырехъ дивизій совершалось постепенно по мѣрѣ того, какъ мобилизовались на мѣстахъ своего расположенія новыя четыре дивизіи, снабжались ооружіемъ, въ которомъ былъ большой недостатокъ, и направлялись въ Боснію.

Прежде всего подкрѣпленія были посланы къ Добою. Для совмѣстнаго дѣйствія съ графомъ Сапари въ восточной Босніи, явился Саву отъ Самака корпусъ Винерта. Послѣ отраженія нѣсколькихъ атакъ инсургентовъ на добойскую позицію, графъ Сапари ушелъ,

что непріятель занялъ дорогу изъ Грачаницы къ Маглаю, намѣреваясь отрѣзать сообщеніе ему съ Сераевымъ. Сапари 3-го сентября произвелъ нападеніе на позицію непріятеля близъ Маглая и взялъ ее, но не могъ ее удержать и отступилъ къ Добою. 4-го и 5-го чиселъ, бой продолжался подъ Маглаемъ и Стржеваницею, такъ какъ инсургенты двигались къ Маглаю, а Сапари снова выступилъ изъ Добоя къ нимъ на встрѣчу. Упорный бой окончился 5-го сентября новымъ неуспѣхомъ. Численное превосходство все еще было на сторонѣ инсургентовъ, и Сапари понесъ, относительно, большія потери; по официальной реляціи 3-го, 4-го и 5-го сентября у него выбыло изъ строя до 600 чел., и эта цифра по отношенію къ какимъ-нибудь 10 т. чел., которыми располагалъ Сапари, была уже значительна, но по всей вѣроятности потеря была не менѣе 1,000 чел. Но 6-го числа подошла на помощь цѣлая дивизія Пеликана. Тогда Сапари произвелъ новую атаку и взялъ всѣ позиціи непріятеля, который бѣжалъ за Спречу. Только 14-го числа начались совокупныя дѣйствія Сапари съ корпусомъ Винерта. Инсургентами въ этихъ дѣлахъ командовалъ Измаиль-бей.

Въ Сераево, гдѣ Филипповичъ находился сперва съ дивизіею Тегетгофа, была направлена дивизія герцога Виртембергскаго, который и былъ назначенъ начальникомъ этого корпуса. Генералъ Тегетгофъ, узнавъ, что инсургенты подошли отъ Зворника къ Мокрой, близъ Сераева, 3-го сентября разсѣялъ ихъ и занялъ этотъ пунктъ.

Затѣмъ начались серьезныя дѣйствія на западѣ изъ Банялуки. На западѣ силы инсургентовъ сосредоточивались въ двухъ главныхъ пунктахъ: на укрѣпленной позиціи въ Вихачѣ (на р. Унѣ) и въ Ливнѣ, въ Герцеговинѣ. Отсюда инсургенты угрожали второй линіи сообщеній генерала Филипповича: дороги изъ Градишки на Банялуку, Янце, Травникъ и Сераево. Для охраненія ея назначены были части 5-го корпуса, ген. Ромберга. Генералъ Саметцъ съ одной бригадою двинулся на крѣпость Ключъ (на р. Саннѣ) — центральный пунктъ между Вихачомъ и Ливною. Но инсургенты не дали застать себя врасплохъ и разъединить свои главные силы на западѣ. Произведенная ген. Саметцомъ 6 сентября атака привела только къ занятію двухъ укрѣпленій, но крѣпость взята не была. Только 8 числа ген. Саметцу удалось овладѣть ею и разсѣять инсургентовъ. Одновременно поведена была генераломъ Цахомъ 7 сентября атака на самый Вихачъ, но атака была отбита, причемъ австрійцы изъ одной бригады потеряли свыше 500 чел. Подкрѣпленный бригадою Рейнлендера, ген. Цахъ еще два раза возобновлялъ атаку и послѣ третьей — Вихачъ сдался на капитуляцію. На помощь Вихачу шелъ отрядъ инсургентовъ изъ Ливно, но былъ встрѣченъ и отраженъ 7-го сентября бригадою

ген. Чивонна. Вслѣдъ за паденіемъ Бихача, явились уже депутаціи съ изъявленіемъ покорности изъ Петровца, Новосела и Бикая.

Въ Герцеговинѣ генераль Йовановичъ 11 сентября выступилъ въ Билеку и занялъ его безъ сопротивленія 16 числа; далѣе онъ занялъ одной половиною своей дивизіи Гачко-Метохию, а самъ выступилъ въ Требинье, гдѣ соединился съ бригадою ген. Надъи. Затѣмъ, Йовановичъ предпринялъ движеніе на югъ къ Клобуку и Кореницѣ, чтобы овладѣть послѣдними пунктами возстанія въ Герцеговинѣ. Но уже получались съ разныхъ сторонъ извѣстія, что инсургенты бѣгутъ въ Черногорье.

Оставалось еще сломить силы инсургентовъ въ главномъ ихъ районѣ, въ томъ углу, который образуется рѣками Дриной и Савой. Для достиженія этой цѣли было предпринято концентрическое движеніе на Бѣлину и Зворникъ корпусомъ генерала Винерта съ сѣвера, отъ Савы, и дивизією ген. Вечея, отдѣленною отъ главныхъ силъ ген. Филипповича, и наступавшею съ юго-запада, отъ Сераева. Генераль Винертъ, перейдя Саву 14 сентября, остановился съ главными силами у Градачаца, вблизи Грачаницы, находясь въ сообщеніи съ корпусомъ Сапари, а одну дивизію направилъ прямо на востокъ, вдоль южнаго берега Савы. Эта дивизія 16 и 17 сентября атаковала и взяла штурмомъ городъ Бречку на Савѣ; затѣмъ 20 сентября та же дивизія заняла Бѣлину, въ которой, впрочемъ, не оказалось непріятеля. Далѣе, дивизія эта двинулась на югъ, по направленію къ Тузлѣ. Между тѣмъ главные силы ген. Винерта, въ сообщеніи съ корпусомъ Сапари, заняли Дольнюю Туалу, главный городъ зворницкаго санджака, а чрезъ пять дней послѣ того и самый Зворникъ выслалъ депутацію съ выраженіемъ покорности, и 28 сентября былъ занятъ цѣлою дивизією. Здѣсь найдено 44 орудія.

Дивизія же генерала Вечея, двигавшаяся съ юго-запада, отъ Сераева, чрезъ Мокрую на Бандинѣ, Огакѣ и Сенковичѣ, встрѣтила при этомъ послѣднемъ пунктѣ 21 сентября сильное сопротивленіе. Австрійцы взяли штурмомъ высоты, защищенные 7 тыс. инсургентовъ, и заняли затѣмъ Рогатицу. Часть инсургентовъ, отсюда бѣжала въ Зворникъ, другая часть—на Новый Базаръ.

Военное положеніе въ Босніи и Герцеговинѣ въ тѣ дни, когда мы дѣлаемъ этотъ обзоръ, представляется въ слѣдующемъ видѣ: возстаніе уже не имѣетъ никакого центра; небольшія банды еще бродятъ въ западной Босніи (Крайнѣ); въ южной Герцеговинѣ замѣчается уже полная дезорганизація возстанія; на сѣверѣ Босніи, вдоль Савы, и въ центрѣ ея, отъ Сераева до Зворника—оно подавлено. Теперь возстаніе поддерживается еще только въ ново-базарскомъ санджакѣ. Спрашивается: предпримутъ ли австрійцы подавленіе его тамъ еще

въ настоящую осень или отложить дальнѣйшія дѣйствія, разсчитывая на то, что зимой инсургенты должны будутъ разсѣяться за недостаткомъ продовольствія? Опасность здѣсь та, что этотъ округъ примыкаетъ къ Албаніи и возстаніе въ ново-базарскомъ санджакѣ можетъ поддерживаться помощью „албанской лиги“, которая, какъ то дѣлается убіиствомъ Мехмеда-Али въ Ипекѣ, относится враждебно къ австрійской оккупациі. Если австрійцамъ не удастся теперь же окончательно замирить Боснію, то весной оно можетъ возгорѣться снова, вспыхнувъ именно въ ново-базарскомъ санджакѣ.

Успѣхи, достигнутые австрійцами въ Босніи, какъ обнаруживается изъ предшествующаго, зависѣли отъ огромнаго числа войскъ, введенныхъ ими туда послѣ первыхъ неудачъ. Для подавленія возстанія, которое когда-либо едва ли располагало болѣе чѣмъ 60-ю тысячами человѣкъ, Австро-Венгрія употребила четыре корпуса, то-есть армію приблизительно въ 240 тысячъ чел. Немудрено, что при такихъ числахъ цѣль—оккупация Боснии и Герцеговины на основаніи берлинскаго мира—будетъ окончательно достигнута. Но мобилизация и передвиженіе такой арміи дорого обойдется Австро-Венгріи, и уже теперь выступилъ вопросъ о томъ, какими новыми налогами можно было бы покрыть огромные расходы, вызванные этимъ проявленіемъ австрійскаго могущества.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 сентября, 1878.

Политическія и неполитическія воспоминанія изъ каникулярной поездки.

Я прошу извинить меня за то, что не сразу окунусь на этотъ разъ въ наши политическія дразги, которыми до-сихъ-поръ невольюно приходилось мнѣ угощать васъ. Я не такъ счастливъ, какъ вашъ парижскій корреспондентъ, которому умственное движеніе его страны, помимо политическаго, постоянно доставляетъ богатый матеріалъ, чего—увы! никакъ нельзя сказать въ настоящее время про Германію.

Въ августѣ мѣсяцѣ, по окончаніи избирательной борьбы,—которую нужно было видѣть вблизи, чтобы понять, до какой степени расходились страсти въ нѣмецкомъ, вообще столь спокойномъ народѣ,—я рѣшился предпринять небольшое путешествіе. У меня есть свое соб-

ственное возрѣніе на путешествія, и я полагаю, что самымъ цѣлесообразнымъ и наилучшимъ средствомъ для умственного и физическаго отдыха бываетъ перемѣна мѣстъ и климата; хотя, конечно, существуютъ здоровыя и нездоровыя мѣстности, но я полагаю, что человѣкъ вообще въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ долго заживетъ, всегда подвергается вреднымъ влияніямъ. Жители горъ умираютъ такъ же, какъ и приморскіе обитатели; но за то горожанинъ находитъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они постоянно живутъ, источникъ обновленія силъ и здоровья. Все дѣло въ перемѣнѣ. Точно также житель равнинъ, если только онъ вообще чувствителенъ къ красотамъ природы, стремится въ горы, а тотъ, кто живетъ внутри материка, мечтаетъ о голубыхъ волнахъ моря. Нѣмцы вообще довольно ретивые путешественники, однако далеко уступаютъ въ этомъ отношеніи англичанамъ, и это обуславливается главнымъ образомъ тѣмъ, что они гораздо бѣднѣе англичанъ. Къ этому присоединяется еще и то обстоятельство, что въ среднихъ классахъ Германіи вообще довольно сильно развита боязнь или неохота къ морскому плаванію, и вотъ потому этотъ способъ передвиженія гораздо въ меньшемъ ходу, нежели въ Германіи. Если хочешь, напр., побывать на испанскомъ полуостровѣ или же на югѣ Италіи, и не постоишь за тѣмъ, чтобы провести лишнихъ два, три дня въ дорогѣ, то дорога туда обойдется гораздо дешевле, если отправишься въ какой-нибудь англійскій портовый городъ и оттуда на пароходѣ отплывешь въ Лиссабонъ или въ Неаполь; мало того: организуются правильные рейсы, при которыхъ за непомѣрно дешевую цѣну можно посѣтить важнѣйшіе пункты обоихъ полуострововъ, хотя этого почти не знаютъ въ Германіи; а между тѣмъ поѣздка въ Неаполь по желѣзной дорогѣ не представляетъ особыхъ прелестей. Собщеніе между западнымъ берегомъ европейскаго континента и англійскимъ восточнымъ берегомъ весьма легко, очень оживленно, и прилаживается на всѣ вкусы. Тѣ, кто не любитъ морскаго плаванія, должны переѣхать каналъ южнѣе въ болѣе узкомъ мѣстѣ, изъ Кале, Остенде или Дюнкирхена. Изъ Флиссингена, Роттердама или Амстердама морское плаваніе уже будетъ болѣе продолжительно, изъ Бремена и Гамбурга еще продолжительнѣе, и тѣ, кому это доставляетъ удовольствіе, могутъ провести три дня и три ночи въ морѣ. Я разъ ѣхалъ изъ Гамбурга въ Единбургъ; плаваніе заняло шестьдесятъ часовъ и не могло показаться слишкомъ продолжительнымъ для новичка, а впечатлѣніе получилось совершенно волшебное, когда внезапно, безъ всякихъ промежуточныхъ инстанцій, я попалъ изъ привычной нѣмецкой обстановки въ большой и совсѣмъ чужой городъ. Вообще, Единбургъ, какъ извѣстно, считается однимъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ въ мірѣ, и многіе отдають ему предпочтеніе даже

передъ Неаполемъ. Мѣстоположеніе чрезвычайно живописное, такъ какъ городъ лежитъ на двухъ горныхъ площадкахъ, раздѣленныхъ между собой глубокимъ и длиннымъ ущельемъ и мало-по-малу переходящихъ въ холмы, что придаетъ особенно эффектный видъ всей картинѣ. Вообще подобное мѣстоположеніе встрѣчается въ городахъ, расположенныхъ на сѣверномъ берегу Англіи почти вплоть до Шотландіи; этотъ берегъ состоитъ изъ высокихъ скалъ, и города тутъ обыкновенно стоятъ у устьевъ болѣе или менѣе большихъ рѣкъ, протекающихъ по этой возвышенности. Даже тамъ, гдѣ города стоятъ не у устья рѣки, встрѣчается тоже строеніе почвы. Строители городовъ, при выборѣ мѣста, очевидно руководствовались тѣмъ соображеніемъ, что надо выбирать самый возвышенный пунктъ, который бы господствовалъ надъ всей мѣстностью, чтобы заложить на немъ крѣпость. Я не припомню такого города, гдѣ бы не было такой крѣпости или хотя бы не сохранились военныя о томъ мѣстѣ, на которомъ она стояла.

На этотъ разъ у меня составилъ другой планъ путешествія: я хотѣлъ осмотрѣть нѣсколько городовъ Англіи, для чего и отправился изъ Бремена на одномъ изъ пароходовъ сѣверо-германскаго Ллойда въ Голлѣ. Эти пароходы—нѣмецкіе, капитаны на нихъ нѣмцы, и жизнь устроена на нихъ на нѣмецкій образецъ, тогда какъ если избереши англійскій пароходъ, то, вступая на него, сразу попадаешь въ англійскую обстановку, привычекъ и обычаевъ которой англичане держатся съ такимъ упорствомъ, и изъ которыхъ многіе очень хороши и пріятны для тѣхъ, кто умѣетъ примѣняться къ чужеземнымъ обычаямъ, нѣкоторые же худы или даже совсѣмъ непонятны. Величайшую внѣшнюю разницу между нѣмецкими и англійскими обычаями составляетъ табакъ. Въ Германіи онъ до такой степени вошелъ во всеобщее употребленіе, какъ, быть можетъ, ни въ какой другой странѣ въ мірѣ. Очень мало найдется собраній, въ которыхъ бы послѣ обѣда или ужина не курили сигаръ; высшіе чиновники курятъ въ своихъ служебныхъ департаментахъ, когда остаются одни, и даже во дворцѣ имперскаго канцлера курили тѣ господа, которые тамъ занимались, почти у самыхъ дверей залы конференціи, разумеется не въ тѣ часы, когда происходили засѣданія конгресса. Въ Англіи же, напротивъ того, табакъ едва терпится, и какъ только вступишь на англійскій пароходъ, такъ тотчасъ же познакомишься съ этимъ обычаемъ, потому что вездѣ натыкаешься на торжественное предостереженіе: „no smoking allowed“—„курить не дозволяется“. Какъ скоро несчастный, свыкшійся съ своей сигарой нѣмецъ ступитъ на англійскую почву, такъ тотчасъ же убѣждается, что его любимая страсть подвергнута ostracismу. На вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ встрѣчаетъ его тор-

жественное объявленіе: курить строжайше запрещается, и подѣ страхомъ довольно значительнаго штрафа—въ два фунта стерлинговъ. На поѣздахъ имѣется лишь весьма незначительное число вагоновъ для курильщиковъ—нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ ихъ совсѣмъ не существовало—но хуже всего приходится путешественнику, когда онъ вступаетъ въ гостиницу, потому что, какъ извѣстно, тамъ въ обычаѣ курить только въ курительной комнатѣ, тогда какъ въ своей комнатѣ путешественникъ отнюдь не долженъ смѣть курить, если не хочетъ, чтобы хозяинъ гостиницы выгналъ его самымъ безцеремоннымъ образомъ, что должно быть очень непріятно въ томъ мѣстѣ, гдѣ имѣется всего одна гостиница. Извѣстно, что англійская гостиница отличается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ нѣмецкой. Въ нѣмецкой гостиницѣ путешественнику отводятъ комнату, которую онъ во время своего въ ней прѣбыванія считаетъ своей собственной и можетъ дѣлать въ ней—въ границахъ приличія, разумѣется—все, что ему угодно. Въ остальныхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ также свободенъ; между хозяиномъ, въ особенности въ старинныхъ гостиницахъ, и путешественникомъ устанавливаются дружескія, какъ бы семейственныя отношенія. Въ Англіи же, напротивъ того, путешественнику отводятъ не комнату, но спальную, т.-е. комнату, въ которой онъ можетъ спать и совершать свой туалетъ, но затѣмъ уже больше въ нее не заглядываетъ цѣлый день. Этотъ обычай до такой степени строго соблюдается, что я полагаю, сочли бы совсѣмъ неприличнымъ, если бы кто-нибудь вздумалъ сидѣть въ своей комнатѣ; вообще принято, какъ скоро всѣ путешественники выйдутъ изъ спаленъ, раскрывать въ нихъ двери настежь на весь день, такъ что проходящіе могутъ заглянуть въ каждую изъ нихъ. Для нѣмца, привыкшаго часъ — другой поваляться на диванѣ, этотъ обычай также очень непріятенъ, такъ какъ дивана и въ поминѣ нѣтъ, хотя во всемъ остальномъ спальня отличается роскошью, неслыханной въ Германіи. За то англичане, не стѣсняясь, собираются послѣ обѣда или завтрака въ общую комнату, дамы и кавалеры, и самымъ покойнымъ образомъ растягиваются на диванахъ и кушеткахъ, что, въ свою очередь, кажется намъ неприличнымъ.

Весьма естественно, что путешественнику прежде всего бросаются въ глаза всѣ такія внѣшнія вещи. Поверхностный наблюдатель отличается при этомъ отъ глубокомысленнаго тѣмъ, что не старается вникнуть въ причины и слѣдствія такихъ привычекъ, а я полагаю, что все это отнюдь нельзя считать мелочами, потому что вещи, повторяющіяся неизмѣнно на каждомъ шагѣ, сообщаютъ свой особый характеръ всему складу жизни. Для нѣмца, который вмѣстѣ съ избѣ-

рательной борьбой, лицеаръль борьбу за табачную монополію, которая, какъ извѣстно, велась также съ большимъ оживленіемъ и страстью и каждую минуту можетъ снова возгорѣться, какъ-разъ употребленіе табаку въ Англіи представляетъ интересный предметъ для изученія. Извѣстно, что въ Англіи не существуетъ монополіи, а лишь очень высокій налогъ. Въ самомъ дѣлѣ, налогъ такъ высокъ, что цѣна на курительный табакъ и сигары гораздо значительнѣе, чѣмъ въ странахъ, гдѣ существуетъ монополія: во Франціи и въ Австріи. Во Франціи, напримѣръ, имѣется одинъ низшій сортъ табаку, почти исключительно потребляемый солдатами, которые приобрѣтаютъ его по очень дешевой цѣнѣ, и всѣмъ рабочимъ населеніемъ Франціи съ одного конца до другого. Я не знаю навѣрное отношеніе цѣнъ на табакъ между различными странами, но полагаю, что оно такое же, какъ и для сигаръ. Во Франціи низшій сортъ сигаръ продается по одному су, а въ Австріи существуютъ въ продажѣ еще болѣе дешевыя сигары. Я не стану утверждать, что эти сигары придутся по вкусу тонкому цѣнителю, но ихъ можно курить, и онѣ имѣютъ то преимущество, что ихъ безусловно нельзя поддѣлывать, тогда-какъ въ Англіи представляется величайшая свобода, послѣ того, разумѣется, какъ налогъ уплаченъ—и очень большой и обременительный налогъ. Торговцы табакомъ должны также имѣть особый патентъ, который подвергаетъ ихъ—такъ же, какъ и продавцовъ спиртныхъ напитковъ,—къ этому пункту я еще вернусь,—весьма строгому и тягостному контролю. Такъ, напр., самая дешевая сигара, которую можно курить въ Англіи, стоитъ три пенса, т.-е. въ шесть разъ дороже, чѣмъ монополюная сигара во Франціи или въ Австріи. И даже такая сигара, которую, по нѣмецкимъ понятіямъ, можно курить, стоитъ шесть пенсовъ. Очевидно, что черезъ это потребленіе сигаръ становится совершенно недоступнымъ для среднихъ классовъ. Эти послѣдніе курятъ болѣею частію очень крѣпкій табакъ въ маленькихъ трубочкахъ, да и это потребленіе сильно ограничено, частію законами и правилами, частію обычаями.

Прежде нежели я выведу заключеніе изъ этихъ соображеній, я долженъ сказать нѣсколько словъ о налогѣ на спиртные напитки въ Англіи. Извѣстное дѣло, что англійское правительство получаетъ большую часть своего дохода съ налога на водку, налога очень высокого. Рюмка средней величины шотландскаго виски стоитъ около шести пенсовъ, т.-е. втрое противъ того, что подобный напитокъ стоитъ въ Германіи или въ Голландіи. Для обезпеченія этого налога опять необходимъ весьма строгій контроль. Когда я вступилъ на англійскую почву въ Голлѣ, и тамъ въ хорошенькомъ трактирѣ, съ видомъ на покрытый кораблями рейдъ, взялъ въ руки англійскую

газету, мнѣ прежде всего бросилось въ глаза судебное преслѣдованіе одного патентованнаго продавца спиртныхъ напитковъ, содержавшаго кабаекъ. Этотъ человѣкъ былъ уличенъ въ томъ, что купилъ двѣ бутылки, кажется, голландской водки отъ человѣка, укравшаго или контрабандно-провезшаго ее, за болѣе дешевую цѣну, нежели обычная. Но не было доказано, чтобы онъ зналъ о происхожденіи этой водки, и его главная вина передъ закономъ заключалась въ томъ, что онъ не занесъ обычнымъ порядкомъ покупку двухъ бутылокъ водки въ свои книги. Обвинитель сосчиталъ штрафы, которые предстояло уплатить обвиняемому, и оказалось, что они равняются тысячѣ фунтамъ стерлинговъ, т.-е. цѣлому маленькому состоянію, по континентальнымъ понятіямъ, и должны въ конецъ разорить обвиняемаго. Этотъ послѣдній до тѣхъ поръ пользовался хорошей славой, и самъ обвинитель выставилъ смягчающія обстоятельства въ его пользу и просилъ для него снисходительности суда, между тѣмъ какъ самъ обвиняемый прямо заявилъ, что не въ состояніи уплатить такого штрафа, и долженъ идти въ тюрьму, гдѣ заключеніе гораздо тяжелѣе, чѣмъ на континентѣ. Судъ смягчился и приговорилъ обвиняемаго только къ ста фунтамъ стерлинговъ штрафа, что, по нашимъ понятіямъ, составляетъ все еще очень значительную сумму.

Случайно я приобрѣлъ еще больше практическаго опыта по этому пункту, такъ какъ я на первыхъ же шагахъ очутился возлѣ собора, двери котораго были покрыты объявленіями, — зрѣлище столь для меня необыкновенное, что я невольно сталъ ихъ читать. Этотъ соборъ былъ приходской церковью городского округа, и къ дверямъ его были прибиты петиціи различныхъ лицъ, просившихъ городской магистратъ о разрѣшеніи открыть кабаекъ или же продавать спиртные напитки. Такая просьба должна провисѣть нѣкоторое время на церковныхъ дверяхъ и на домѣ петиціонера, и лица, имѣющія какія-нибудь основанія воспротивиться дарованію концессіи, должны заявить ихъ въ продолженіи этого времени. Магистратъ рѣшаетъ въ нарочно опредѣленную для того сессію дать или не дать концессію, и, если я не ошибаюсь, противъ его рѣшенія не можетъ быть апелляціи. Я замѣтилъ въ числѣ этихъ петицій одну, въ которой петиціонеръ просилъ разрѣшенія передать другому лицу свою концессію, и въ этомъ случаѣ тоже требуются такіе же точно формальности.

Вы, конечно, поймете, что эти факты могли заинтересовать меня съ политико-экономической точки зрѣнія и что я постарался расспросить о нихъ образованныхъ и свѣдущихъ людей. Кто, какъ я, прожилъ среди сильнаго движенія въ пользу свободы торговли, которая почти исключительно господствуетъ въ Германіи въ послѣднее десятилѣтіе и даже долѣе, тому естественно приходитъ въ го-

лову мысль: почему правительство не понизить нѣсколько этихъ налоговъ, такъ какъ черезъ это доходы непременно увеличились бы. На это мнѣ всѣ въ голосъ отвѣчали, что интересы правительства въ сферѣ налоговъ имѣютъ не одинъ только фискальный характеръ, но также и нравственное значеніе, такъ какъ правительство желаетъ посредствомъ высокаго налога по возможности сдерживать весьма распространенный, какъ извѣстно, въ Англіи порокъ пьянства, и руководящіе классы помышляютъ скорѣе о повышеніи этихъ налоговъ, нежели объ ихъ пониженіи. Но очевидно, что эти налоги тяготеютъ, главнымъ образомъ, надъ низшими и такъ-называемыми рабочими классами. Богатому тоже приходится участвовать въ нихъ, но только ему гораздо это легче, да и кромѣ того у него есть проласть другихъ наслажденій, тогда какъ наслажденія рабочихъ классовъ почти исключительно ограничиваются алкоголемъ и табакомъ.

Я не могъ при этомъ не провести параллели между условіями жизни рабочихъ классовъ въ обѣихъ странахъ, въ Англіи и въ Германіи, тѣмъ болѣе, что у меня въ памяти сохранилось живое воспоминаніе о только-что пережитой борьбѣ съ монополіей, въ которую правительство незадолго передъ тѣмъ втянуло рабочіе классы. Въ Германіи противники монополіи заявляли, что нѣмецкое табачное производство, которое чрезвычайно какъ развилось при настоящей свободѣ и при существованіи незначительнаго налога, будетъ, къ величайшему вреду для страны, сильно подорвано, если не совсѣмъ убито. Но никакой аргументъ не дѣйствовалъ такъ сильно, какъ тотъ, что правительство хочетъ „лишить трубки табаку бѣднаго человѣка“. Во всѣхъ избирательныхъ округахъ это было главнымъ лозунгомъ либеральныхъ партій, и я самъ говорилъ съ преданными правительству людьми, которые меня увѣряли, что имъ всего труднѣе было оправдаться отъ этого обвиненія, и что они вынуждены были во время избирательной борьбы скрывать свою приверженность правительственнымъ планамъ, чтобы окончательно не провалиться, хотя въ принципѣ они за нихъ стояли. Вы согласитесь со мной, что такая сила общественнаго мнѣнія отнюдь не согласуется съ общераспространеннымъ взглядомъ, что въ Германіи случается лишь то, что угодно правительству, и что парламенты созываются подъ правительственнымъ давленіемъ. Но я долженъ сказать болѣе.

Наблюденія, собранныя въ какихъ-нибудь нѣсколько недѣль, не могутъ, конечно, считаться непоколебимыми; но такъ какъ я уже раньше бывалъ въ Англіи и видѣлъ уже раньше то, что мнѣ пришлось теперь наблюдать, — только оно предстало мнѣ теперь въ новомъ свѣтѣ, потому что я провѣрялъ на этомъ опытѣ, приобретенный на родинѣ, — потому я и долженъ сказать, что жизнь нѣ-

мецкаго рабочаго представляется мнѣ гораздо богаче, нежели жизнь англійскаго рабочаго. Я не могу провести полной параллели, не упомянуть предварительно о весьма важномъ пунктѣ, отличающемъ англійскіе нравы отъ нѣмецкихъ,—я говорю про соблюденіе воскресныхъ дней. Въ Германіи не имѣютъ никакого понятія о чрезвычайной важности этого предмета. Въ Германіи очень много людей, которые тоже желаютъ, чтобы устанавливалось соблюденіе воскреснаго дня, но они руководятся при этомъ чисто-религіозными мотивами; они думаютъ, что религіозный духъ, набожность выиграютъ отъ этого, и мыслятъ, что строгое соблюденіе воскреснаго дня доставитъ рабочимъ отдыхъ,—играетъ при этомъ самую незначительную роль. Этотъ послѣдній мотивъ выставился во время дебатовъ въ послѣднемъ рейхстагѣ, и при окончательномъ голосованіи одинъ только голосъ номѣшалъ тому, чтобы воскресный день соблюдался на будущее время гораздо строже, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. Приверженцы соблюденія воскреснаго дня въ рейхстагѣ были частію крупные промышленники, которые, на основаніи опыта, приобретеннаго на фабрикахъ, желали воспрепятствовать злоупотребленію, вслѣдствіе котораго фабриканты изъ эгоистическихъ интересовъ не хотятъ давать достаточнаго отдыха рабочимъ. Я проводилъ англійскіе воскресные дни при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ, и могу сказать, что это своеобразное явленіе произвело на меня самое глубокое впечатлѣніе. Нельзя представить себѣ впечатлѣнія, какое производитъ подобное зрѣлище, тому, кто его не испыталъ.

Перенеситесь вмѣстѣ со мной въ большой, шумный городъ, въ какой я вступилъ впервые въ субботу вечеромъ. На улицахъ не было прохода отъ экипажей и пѣшеходовъ; блестящіе магазины были открыты, рестораны биткомъ набиты посѣтителями, словомъ, казалось, что и ночь не можетъ уговорить эту жизнь и это движеніе. А на другое утро—вездѣ царствуетъ мертвая тишина: вы просыпаетесь почти утрашенные этой тишиной. Не слышно стука каретъ, дрожекъ, не видно ни души на улицахъ; всѣ магазины и всѣ рестораны закрыты. Только около полудня появляются одиночные прохожіе на улицахъ. Только въ церквахъ царствуетъ жизнь, но... и тутъ я не знаю, правильно ли мое наблюденіе, но мнѣ показалось, что церкви посѣщаются главнымъ образомъ „респектебельной“ публикой, а не рабочими классами. Въ протестантскихъ церквахъ вообще церковная служба ограничивается тѣми часами, когда говорится проповѣдь, въ которыхъ въ церкви нѣчего дѣлать, тогда какъ католическія церкви открыты цѣлый день, и вѣрующіе могутъ каждую минуту зайти въ нихъ помолиться. Къ этому присоединяется еще и то обстоятельство, что въ евангелическихъ церквахъ мѣста большою частію отдаются въ

наймы, такъ какъ во время проповѣди естественно желать сидѣть покойнѣе. Въ католическихъ странахъ мы видимъ, что рабочіе, крестьяне, женщины, служанки заходятъ въ церковь, какъ только они улучаютъ свободную минутку, помолятся тамъ и идутъ своей дорогой. Это вѣроисповѣданіе гораздо демократичнѣе, если можно такъ выразиться, чѣмъ протестантское. При полномъ отсутствіи всякой возможности добыть какое-нибудь развлеченіе, людямъ ничего не остается по воскреснымъ днямъ, какъ предаваться праздности. Мы видимъ ихъ въ вечерніе часы толпящимися на площадяхъ или прогуливающимися по довольно темнымъ улицамъ; даже длинныя прогулки невозможны, такъ какъ внѣ города нельзя нигдѣ найти поѣсть; не говоря уже о томъ, что въ строгой Шотландіи такая прогулка была бы противна добрымъ правамъ и обычаямъ. Сами англичане находятъ, что было бы необходимо измѣнить существующіе законы въ томъ отношеніи, чтобы сдѣлать доступными музеи и другія образовательныя учрежденія для рабочихъ по воскресеньямъ, и за это энергически высказывались многіе образованные люди. Какъ разъ въ то самое время, какъ я былъ въ Англіи, въ газетахъ поднятъ былъ вопросъ о томъ, чтобы англійскіе художники на парижской выставкѣ допускали публику смотрѣть свои картины и въ воскресные дни, по примѣру другихъ націй, и это вызывало жестокія нападки ихъ ортодоксальныхъ соотечественниковъ. Другіе же находили такой образъ дѣйствія весьма разумнымъ и указывали на то, что многіе англійскіе города—т.-е. семь или восемь—уже образовали брешь въ строгомъ соблюденіи воскресныхъ дней и открыли образовательныя учрежденія для рабочихъ. По моему убѣжденію, первый шагъ въ этомъ направленіи можетъ служить лишь началомъ полнѣйшаго упраздненія воскреснаго дня. Рабочіе, конечно, будутъ благодарны на первое время за дарованныя льготы, но вскорѣ это перестанетъ удовлетворять ихъ, и они потребуютъ новыхъ уступокъ. Строгое соблюденіе воскреснаго дня какъ разъ стѣсняетъ рабочаго въ его движеніяхъ,—я сейчасъ укажу на политическія послѣдствія этого. Представимъ себѣ сначала картину нѣмецкаго или французскаго воскреснаго дня. Въ этихъ странахъ воскресенье не есть день преимущественно посвященный отдыху и богослуженію, но въ гораздо большей мѣрѣ отдается удовольствіямъ и развлеченіямъ. Бѣднѣйшій старается по возможности нарядиться въ этотъ день, бѣднѣйшій старается сѣсть въ этотъ день лучшій кусокъ за обѣдомъ и бѣднѣйшій стремится погулять, отдохнуть въ этотъ день, какъ ему не удастся въ другіе дни. Желѣзныя дороги осаждаются тысячами народа, отправляющагося гулять, театры биткомъ набиты, такъ что, напр., въ Берлинѣ театры даютъ по воскресеньямъ такой доходъ, который равняется почти половинѣ дохода

всей остальной недѣли. Если же только я представлю себѣ, какія послѣдствія имѣло бы введеніе строгаго соблюденія воскреснаго дня въ Германіи, то передо мной возникаетъ такая мрачная картина, что я боюсь, — ее сочтутъ преувеличенной. Но я все же долженъ набросать ее въ краткихъ чертахъ, чтобы ясно выставить различіе въ нравахъ по сравненію съ англійскими.

Если уже про табачную монополію говорятъ, что она должна убить крупное производство, то еще губительнѣе будутъ послѣдствія соблюденія воскреснаго дня. Возьмемъ прежде всего то, что театры и всѣ увеселительныя мѣста пришлось бы закрыть, и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого было бы совершенное разореніе ихъ владѣльцевъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что всѣ театры въ самомъ непродолжительномъ времени обанкротились бы, если бы ихъ лишить воскресныхъ доходовъ, такъ какъ населеніе никакъ не можетъ вознаградить за отсутствіе театра въ воскресенье болѣе частнымъ посѣщеніемъ его въ остальные дни недѣли, — это совершенно несовмѣстимо съ рабочимъ временемъ. Доказательствомъ тому служитъ Англія, гдѣ гораздо меньше театровъ, нежели въ Германіи, и даже въ большихъ городахъ не существуетъ иногда ни одного порядочнаго театра, тогда какъ въ большихъ городахъ Германіи ихъ бываетъ по нѣскольку. Я не стану, конечно, утверждать, чтобы свобода театровъ въ Германіи принесла очень хорошіе плоды. Напротивъ того, совершенно основательно жалуются, что неограниченная свобода въ этомъ отношеніи испортила вкусъ публики. По временамъ дѣлаются попытки устроить новые театры, на которыхъ бы давались классическія произведенія, недоступныя для публики вслѣдствіе высокихъ цѣнъ, существующихъ въ другихъ театрахъ, но всякій разъ такая попытка оканчивалась самымъ полнымъ фіаско. Приходилось по-неволѣ вводить гнилой французскій товаръ, и если этотъ послѣдній казался публикѣ недостаточно пикантнымъ, то приглашали шансонетныхъ пѣвицъ на французскій образецъ, акробатовъ всякаго рода, фокусниковъ и тому подобныя вещи, которыхъ можно встрѣтить въ любомъ балаганѣ. Но я долженъ прибавить, что ограниченія театра въ Англіи нисколько не возвысили уровня пониманія и изящнаго вкуса у публики. Не знаю, сколько времени тому назадъ, здѣсь производила фуроръ французская пьеса, озаглавленная по-нѣмецки: „Rosa Domínoz“ — и потому главнымъ образомъ, что она представляетъ самое пикантное въ этомъ родѣ, что когда-либо появлялось на подмосткахъ. Эта пьеса проникла почти на всѣ англійскіе театры и обошла всю Америку.

Между тѣмъ, фокусники, которые восхищаютъ нашу публику: — человѣкъ-рыба, человѣкъ-змѣя, человѣкъ-пушка, въ прежнія времена

бородатая Пастрана и тому подобное—носить вполне международный характеръ, и ихъ карьера заключается въ томъ, чтобы переѣзжать изъ одного города въ другой и оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока они не утратятъ своей притягательной силы.

Итакъ, если нельзя сказать, чтобы положеніе театральнаго искусства въ Германіи особенно благопріятно повліяло на вкусъ публики, то нельзя также утверждать съ другой стороны, чтобы англійская система оказала лучшее дѣйствіе.

Но указываю при этомъ на одинъ пунктъ, который всего меньше бросается въ глаза, а между тѣмъ на мой взглядъ самый существенный во всемъ вопросѣ. Если я говорилъ выше, что послѣдствія введенія строгаго соблюденія воскреснаго дня въ Германіи были бы поразительныя и даже страшныя, то я могу еще подчеркнуть это, сказавъ безъ обиняковъ: попытка такого рода произвела бы чуть не революцію, и правительство рѣшительно не могло бы провести этой мѣры. Въ Англіи — и это различіе бросается въ глаза — не одинъ только законъ заставляетъ блюсти воскресный день, но сильный обычай и привычка. Рабочіе, которыхъ я наблюдалъ, спокойно покоряются учрежденію, необыкновенно какъ для нихъ тягостному, а также и приказчики въ лавкахъ, и студенты, и мастеровые, и не дѣлаютъ никакой попытки избавиться отъ него, хотя не могутъ не видѣть, что богатые, пользующіеся тѣми же удобствами домашней жизни въ воскресенье, какъ и въ остальные дни недѣли, отнюдь не такъ стѣснены соблюденіемъ воскреснаго дня, какъ они въ своей жалкой, домашней обстановкѣ. Но такъ какъ несомнѣнно, что человѣкъ нуждается въ извѣстномъ умственномъ отдыхѣ, а не въ одномъ только физическомъ покоѣ, и также и въ удовольствіяхъ, и такъ какъ въ Англіи удовольствія исключены изъ воскресенья, то естественно, что для нихъ долженъ быть избранъ другой день. Поэтому во многихъ городахъ, и главнымъ образомъ среди торговцевъ—существуетъ обычай гулять на недѣлѣ. Отъ этого пропадаетъ много времени, въ особенности если принять во вниманіе, что въ Шотландіи и въ болѣе части Англіи половина субботы также отнимается у труда. Многія торговныя заведенія закрываются въ этотъ день уже съ двѣнадцати часовъ и съ часу пополудни. Но несомнѣнно, что такая потеря времени сказывается на народномъ трудѣ, и что въ Германіи больше работаютъ. Англичане въ отвѣтъ на это немедленно возражаютъ, что они лучше и быстрѣе работаютъ, чѣмъ нѣмцы, а нѣмцы повторяютъ это за ними. Я не стану утверждать, чтобы это было безусловно несправедливо. Весьма возможно, что нѣмецъ медленнѣе работаетъ, нежели англичанинъ, но я могу это допустить лишь съ оговоркой. Въ Германіи также очень прилежны въ мастерскихъ и въ конторахъ,

а что касается фабрикъ, то дисциплина на нихъ такова, что почти каждый долженъ работать равномерно, если фабрика ведется какъ слѣдуетъ. Мнѣ кажется скорѣе, что при этомъ упускаютъ изъ виду то обстоятельство, что все это обуславливается громаднымъ капиталомъ, тогда какъ Германія въ сравненіи не только съ Англіей, но и съ Голландіей и съ Франціей—очень бѣдна капиталомъ. Каждый, посѣщающій эти страны, если только онъ не слѣпъ, поражается громаднымъ развитіемъ общественнаго богатства, чему нѣмецкія отношенія представляютъ жалкій контрастъ. Очевидно, что если у города есть сотни двѣ кораблей, на постройку которыхъ требуется значительный капиталъ, то разъ эти корабли уже построены,—доходы города могутъ быть значительнѣе при сравнительно меньшей затратѣ труда, чѣмъ въ такой мѣстности, гдѣ оборотный капиталъ не великъ и все опирается на одномъ трудѣ.

Но англичанамъ благопріятствуютъ еще и многія другія обстоятельства. На первый планъ выдвигаютъ обыкновенно то, что они давно уже не вели войны и не должны содержать такого большого постоянного войска. Разбирать этотъ пунктъ не требуется, но нельзя не указать также и на то, что естественныя богатства англичанъ значительно превосходятъ естественныя богатства Германіи. Англія чрезвычайно какъ богата каменнымъ углемъ и желѣзомъ. Берега ея очень приспособлены къ мелкому и крупному мореплаванію; выгодное положеніе ея на западѣ Европы и на прямомъ пути въ Америку чрезвычайно какъ облегчаетъ сношенія между двумя континентами. Прилегающія моря такъ богаты рыбою, какъ едва ли какія другія моря. Проѣхавъ нѣсколько сѣвернѣе, я прибылъ въ тѣ знаменитыя мѣстности, гдѣ производится ловля сельдей, сосредоточивающаяся въ городахъ Питергедъ, Фрезерсборо и Уайкъ, и былъ изумленъ громаднымъ развитіемъ этой дѣятельности. Если я скажу, что никогда не видалъ ничего подобнаго, то это еще ничего не будетъ значить, но я прибавлю къ этому, что нашелъ въ газетахъ вычисленіе, что рыбацье населеніе въ сѣверозападныхъ округахъ Шотландіи въ тѣ нѣсколько недѣль, какъ продолжается рыбная ловля, зарабатываетъ около полу-милліона фунтовъ стерлинговъ; это такая громадная сумма, какой, какъ заявляютъ эти самыя газеты, нельзя заработать съ такой быстротой никакой другой работой. Само собой разумѣется, что ловля сельдей бываетъ не всегда одинаково удачна, и что въ остальное время года жители далеко не имѣютъ такого хорошаго заработка, но все же они зарабатываютъ еще что-нибудь, и поэтому должны пользоваться большимъ благосостояніемъ. И дѣйствительно, страна до самаго крайняго сѣвера не только очень плодородна, но и носитъ слѣды въ городахъ большого благосостоянія.

Нечего и говорить о томъ, что культура и ея современные результаты распространяются здѣсь съ такой быстротой, которая порадуется всякаго, кто может оглянуться за двадцать-пять лѣтъ тому назадъ и припомнить, какъ стояло тогда дѣло въ Германіи. Что въ Англіи, гдѣ культура опередила нѣмецкую, положеніе дѣлъ измѣнилось чрезвычайно какъ быстро—фактъ общезвѣстный, и его легко прослѣдить, не прибѣгая ни къ какимъ другимъ историческимъ источникамъ, кромѣ прекрасныхъ и незабвенныхъ романовъ Вальтеръ-Скотта, дѣйствіе которыхъ почти исключительно происходитъ на сѣверѣ Шотландіи или же на Оркнейскихъ и Шотландскихъ островахъ, романтический характеръ воиизъ, что касается природы, остался и по сіе время тотъ же самый, какъ и за сто или за пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, но куда уже проникли элементы культуры. Небольшой городокъ Ларвикъ, столица Шотландскихъ острововъ, насчитываетъ не болѣе четырехъ тысячъ жителей, но вы найдете тамъ, разумѣется, и газопроводы и водопроводы. Проведенная вода въ Англіи вообще считается первой потребностью, также какъ и почтовое и телеграфное сообщеніе и—само собой разумѣется—газеты, которыя выходятъ здѣсь не ежедневно, но только два раза въ недѣлю, но все же эти газеты по объему своему равняются любой берлинской или петербургской газетѣ. Всѣ острова соединены телеграфными проволоками съ континентомъ и со всѣмъ остальнымъ міромъ, и пароходное сообщеніе между ними очень оживлено. На Оркнейскіе острова ежедневно ходитъ почтовый пароходъ, а на отдаленные Шотландскіе острова два раза въ недѣлю, и на самые крайніе сѣверные пункты, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, разъ въ недѣлю ходитъ пароходъ. Почта, по крайней мѣрѣ письма, возится на эти дальніе пункты на парусныхъ судахъ.

Право, жалко, что эти романтическія мѣста такъ мало посѣщаются нѣмцами. Что русскіе тоже не посѣщаютъ ихъ, объясняется тѣмъ, что когда вы желаете отдохнуть, или внести разнообразіе въ свою жизнь, то васъ тянетъ на югъ, такъ какъ сѣверныхъ красотъ съ васъ довольно, хотя, въ сущности, у васъ нѣтъ такого живописнаго сѣвернаго берега, какъ выше названныя группы острововъ. Къ этому надо присовокупить мягкій морской климатъ и богатую растительность. Круто вздымаются на всѣхъ берегахъ скалы, служащія олотомъ для твердой земли отъ бушующаго океана, но грозящія смертью и гибелью мореходцу, который къ нимъ приблизится или котораго принесетъ къ нимъ бушующее море. Съ пѣной разбиваются о нихъ волны, и тревожными глазами смотритъ путешественникъ на сто-пять-десятъ и двѣсти футъ подъ собой слѣды того, какъ море во время страшныхъ осеннихъ и зимнихъ бурь обглаживаетъ камни. Но тамъ и самыя скалы эти растоптаются, и корабль выѣзжаетъ въ заливъ, гдѣ

царствуетъ тишь и гладь, а кругомъ видѣются мирныя зеленныя поля, частію украшенныя деревьями, въ особеннѣи въ окрестностяхъ домовъ. Само собой разумѣется, что почва уже не представляетъ южнаго плодородія, и единственныя хлѣба, которые здѣсь произрастаютъ — это ячмень и овесъ, а изъ овощей рѣпа и капуста воздѣлываются въ довольно большомъ количествѣ; но насколько простирается культура, настолько тянутся и поля, даже въ настоящее время пріятно радуютъ взоры своей свѣжей зеленью, а менѣе привлекательныя на видъ равнины должны быть хорошими пастбищами, потому что на нихъ видѣются большія стада; въ особеннѣи много овецъ, а также и лошадей, довольно малорослыхъ, но пользующихся заслуженной славой въ Англіи. Гавани превосходны, и всѣмъ извѣстно, что, напримѣръ, въ гавани Ларвика неоднократно помѣщались на якорѣ весь англійскій флотъ. Положеніе этихъ острововъ особенно благопріятно также и потому, что они лежатъ сравнительно очень близко отъ Норвегіи, и можно сказать навѣрное, что въ самомъ близкомъ будущемъ устроено будетъ правильное сообщеніе и съ нею.

Такъ какъ я только-что говорилъ о Вальтерѣ-Скоттѣ, то сдѣлаю мимоходомъ небольшое замѣчаніе. Вальтеръ-Скоттъ былъ и остается популярнѣйшимъ поэтомъ въ сѣверной Англіи и въ Шотландіи. Куда бы вы ни прибыли, хотя бы на самыя отдаленныя пункты, вы найдете во всѣхъ книжныхъ лавкахъ — а книжныя лавки имѣются вездѣ — да почти во всякомъ домѣ сочиненія этого писателя въ превосходныхъ и болѣею частію очень дешевыхъ изданіяхъ. Въ Единбургѣ можно найти въ книжныхъ лавкахъ самыя разнообразныя изданія въ великолѣпнѣйшихъ переплеткахъ. Замѣчательно, что рядомъ съ реалистомъ Вальтерѣ-Скоттомъ безслѣдно исчезъ другой поэтъ, который долгое время производилъ фуроръ какъ въ Англіи, такъ и въ Германіи и отмѣтилъ печатью своего гениа цѣлую литературную эпоху: нигдѣ въ тѣхъ мѣстахъ вы не встрѣтите никакого слѣда о существованіи сочиненій Оссіана. Я очень хорошо знаю, что критика повдѣе доискалась, что это не что иное какъ поддѣлка одного шотландца Макъ-Ферсона, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что тридцать или сорокъ лѣтъ тому назадъ, оставая въ сторонѣ вопросъ объ ихъ истинности или поддѣльности, эти стихотворенія восхищали образованный нѣмецкій міръ, да и несомнѣнно содержали въ себѣ элементы великаго поэтическаго дарованія и чувства, заставлявшаго сильно биться сердца.

Популярность Вальтерѣ-Скотта грозитъ въ настоящую минуту затмить весьма опасный соперникъ въ лицѣ англійскаго премьера, лорда Биконсфильда. Внезапная слава, пріобрѣтенная имъ, никому не принесла столько пользы, какъ книгопродавцамъ, или, вѣрнѣе

сказать, издателямъ его сочиненій. Гдѣ вы встрѣтите одного Вальтеръ-Скотта, тамъ вы найдете, по-крайней-мѣрѣ, десять романовъ Дизраэли! Не знаю, право, соответствуетъ ли спросъ публики готовности, съ какою предлагаются эти сочиненія книгопродавцами, но склоненъ думать, что это такъ, потому что послѣдніе настолько практичны, что не станутъ входить въ новыя издержки, если публика не покрыла еще старыя. Что романы Дизраэли стали больше читаться въ послѣднее время, это также понятно, а что они усердно читаются, доказывается цитированіемъ тѣхъ отрывковъ, которые должны доказать, что плодовитый романистъ давно уже носилъ въ себѣ тѣ идеи, которыя онъ высказываетъ, очутившись во главѣ управленія; надъ такимъ прославленіемъ его генія весьма справедливо посмѣялся „Times“, указавъ, что этотъ будто столь рано созрѣвшій государственный человѣкъ всего какихъ-нибудь годъ или два тому назадъ отклонилъ дешевую покупку драгоценнѣйшей и совершенно незамѣнимой коллекціи кипрскихъ древностей, которую послѣ того отправили въ Америку, и чего онъ навѣрное не сдѣлалъ бы, если бы тогда уже имѣлъ намѣреніе заставить Турцію заплатить Англіи за ея дружбу островомъ Афродиты, который оказывается столь негостепріимнымъ для англійскихъ солдатъ.

Вообще не могу не указать на то, что шотландцы особенно славятся своей необыкновенной любовью къ чтенію. Врядъ ли есть другой народъ, который бы съ такой страстью предавался чтенію, какъ шотландцы, т.-е. разумѣется, образованные шотландцы, что, конечно, находится въ связи съ ихъ строго религіознымъ характеромъ и строгимъ соблюденіемъ воскреснаго дня.

Однимъ изъ самыхъ живописныхъ пунктовъ въ архипелагѣ острововъ, лежащихъ на сѣверѣ отъ Шотландіи, представляется „Fair Island“. Онъ лежитъ въ одинаковомъ разстояніи какъ отъ Шотландскихъ, такъ и отъ Оркнейскихъ острововъ и очень малъ; населенія на немъ всего лишь человѣкъ двѣсти. Мужчины занимаются рыболовствомъ, женщины—вязаніемъ, послѣднее, какъ извѣстно, составляетъ главное занятіе всего женскаго населенія Шотландскихъ острововъ, и ихъ произведенія получили довольно обширную извѣстность. Мѣстоположеніе острова необыкновенно живописное, скалы величественно громоздятся надъ моремъ, а на ихъ хребтахъ, внутри острова, тянутся зеленые луга. Когда пароходъ приближается къ острову, проплываетъ мимо него и затѣмъ удаляется, то послѣдній принимаетъ пѣлый рядъ изумительныхъ формъ, и вообще онъ является во время плаванія между обѣими группами острововъ единственнымъ, естественнымъ путевымъ указателемъ. Жители этихъ острововъ рѣдко сообщаются съ главными группами, а такъ какъ островъ самъ

не можеть доставить жителямъ всѣхъ необходимыхъ для жизни продуктовъ, то провіантъ доставляется имъ частію съ другихъ острововъ. Мы уже раньше рассказывали, и я самъ въ томъ убѣдился, что когда пароходъ проходитъ мимо острова, то жители съ острова подплываютъ къ нему въ лодкахъ, за полученіемъ книгъ и въ особенности газетъ. Пароходы, довольно правильно совершающіе свои рейсы, знаютъ объ этомъ, и съ ихъ борта летятъ цѣлые грузы новѣйшихъ газетъ съ шотландскаго материка въ маленькіе челноки, такъ какъ извѣстно, что англичане покупаютъ газеты во множествѣ и, прочитавъ ихъ, довольно равнодушно бросаютъ, между тѣмъ какъ въ Германіи сочли бы расточительностью покупать газету, а разъ купивши ее—бросить.

Очень милая картина представляется взорамъ, когда такой маленький челнокъ, отдѣлившись отъ берега, ждетъ на томъ пунктѣ, гдѣ долженъ пройти мимо него пароходъ, причемъ всѣ пассажиры высыпаютъ на фордекъ, чтобы поздороваться съ этими мужественными людьми. Красивые, сильные люди, и очень веселые; они нѣсколько минутъ гребли на перегонку съ пароходомъ и такъ успѣшно, что цѣлый громъ привѣтствовать ихъ съ парохода.

Но воспоминанія не должны отвлекать меня отъ тѣхъ политическихъ соображеній, какія я желалъ бы высказать въ заключеніе. Путешественникъ, проѣзжающій по сѣверной Англіи, по округу фабричныхъ городовъ, на примѣръ, гдѣ скучено на небольшомъ пространствѣ такое многочисленное населеніе, дивится обширности полей. О густотѣ населенія въ Англіи составляютъ себѣ не совсѣмъ правильное представленіе и, дѣйствительно, въ Бельгіи, на примѣръ, оно носитъ совсѣмъ иной характеръ, такъ какъ тамъ землевладѣніе гораздо дробнѣе, а потому тамъ вездѣ видишь жилища близъ полей, тогда какъ въ Англіи ѣдешь иногда въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ мимо однихъ полей, и рѣдко-рѣдко гдѣ на горизонтѣ усмотришь деревню. Въ центрѣ земледѣльческихъ сѣверныхъ провинцій Англіи, а именно въ Йоркширѣ это явленіе всего рельефнѣе, и удивляешься тому, что земледѣліе и скотоводство такъ сильно распространены въ нихъ, хотя и то и другое давно уже не охраняется больше законодательствомъ отъ иностранной конкуренціи. Само собой разумѣется, что англійское же законодательство, право первородства, трудность отчужденія земельной собственности, обработка земли не волевыми рабочими, но арендаторами, способствуетъ поддержанію такого положенія дѣлъ. Для Англіи весьма важно еще и то обстоятельство, что значительная часть Шотландіи рѣже населена, и всѣмъ извѣстно, что англійская аристократія и имущественные классы Англіи владѣютъ землей въ Шотландіи и проводятъ тамъ часть года, отчасти

за тѣмъ, чтобы удовлетворить національной страсти къ охотѣ и рыболовству. Объ этой страсти также трудно составить себѣ представленіе. Въ половинѣ августа начинается повсемѣстно въ Англіи, а также и въ Шотландіи охота. Въ это время года сталкиваетесь на всѣхъ поѣздахъ желѣзныхъ дорогъ съ немродами въ плисовыхъ курткахъ, въ шерстяныхъ, но самыя колѣна чулкахъ; тамъ и сямъ въ Шотландіи попадаются охотники въ національныхъ костюмахъ, съ голыми ногами. Великолѣпныя ружья, собаки являются неразлучными спутниками этихъ путешественниковъ, тогда какъ другая корпорація ихъ, удильщики рыбы, съ самыми разнообразными удочками и корзинками для форелей, замѣняющія для нихъ ягдташи охотниковъ. Въ Англіи и Шотландіи надается очень популярная, ежемѣсячно выходящая книга спорта, въ которой показаны всѣ охотничьи и рыболовные округа во всей Англіи и во всей Шотландіи, количество добываемой на нихъ дичи, названіе ихъ владѣльцевъ, съ перечисленіемъ всѣхъ тѣхъ удобствъ, на которыя могутъ рассчитывать охотники и рыболовы, и можно понять, что тысячи народа посвящаютъ часть года такимъ занятіямъ, которыя вообще должны укрѣплять душу и тѣло.

Можетъ быть, покажется комическимъ, если я вдругъ отъ такого сюжета перейду къ Лассалю, который, какъ извѣстно, бывалъ очень пристрастенъ и рѣзокъ, разражался самыми ожесточенными діатрибами противъ нѣмецкой прессы, которую онъ обвинялъ въ безусловной продажности и рабствѣ, и собирался совершенно уничтожить ее въ своемъ государствѣ будущаго. Но Лассаль, должно быть, никогда не читалъ англійскихъ газетъ; не только въ мѣстныхъ газетахъ, но въ нѣломъ рядѣ большихъ газетъ день за днемъ находишь подробнѣйшія описанія того, какъ лордъ Сундто или достопочтенный Сундто убилъ пару тетеревей или зайцевъ, и, очевидно, публика очень интересуется этимъ, иначе газеты не печатали бы такихъ статей. Я говорю про такую публику, которая даже и помыслить не можетъ о томъ, чтобы убить тетерева или зайца, потому что земля раздѣлена между немногими владѣльцами, а для остальныхъ ничего не остается. Поѣзжайте гулять, въ какомъ хотите направленіи, и вы всюду наткнетесь на негостеприимныя, обнесенныя большою частію высокими стѣнами владѣнія земельныхъ собственниковъ, запрещающихъ входъ въ нихъ подъ величайшими угрозами, и зачастую вынуждающими прохожихъ давать большіе взятки, даже вблизи городовъ.

Кто будетъ наблюдать нравы Великобританіи и Германіи въ этомъ направленіи, тотъ убѣдится, что уваженіе къ аристократіи и къ высшему общественному положенію, проникающее всѣ классы

въ Англіи, служить важнѣйшей причиною всеобщаго консервативнаго духа и медленнаго государственнаго развитія. Тутъ я выскажу замѣчаніе, о которомъ до сихъ поръ умалчивалъ, о вліяніи строгаго соблюденія воскреснаго дня и опирающагося на немъ общественнаго порядка. Я думаю, что англичане, высказывающіе во всемъ тонкое политическое чутье, очень хорошо сознаютъ, какую громадную власть даетъ строгая дисциплина, въ которой они держатъ низшіе классы, благодаря этому учрежденію. Съ лицемѣрной миной увѣряетъ англійская публика, что довольство англійскаго рабочаго опирается на свободѣ политической жизни въ Англіи, тогда какъ Германія погружена въ нѣкоторый родъ рабства. Это лицемѣріе тѣмъ замѣчательнѣе, что англійскій рабочий, какъ извѣстно, не пользуется избирательнымъ правомъ, тогда какъ въ Германіи онъ имъ пользуется, а это право при всякихъ обстоятельствахъ представляетъ собою наибольшее политическое право, какинъ только можетъ пользоваться рабочий. Какъ онъ имъ воспользовался въ Германіи, въ добру или къ худу—это покажетъ будущее, а теперь объ этомъ можно судить различно; но что онъ понимаетъ, какое могучее орудіе дано ему въ руки—это ясно показали послѣдніе годы. Даже во внѣшности мы видимъ большую разницу. Я не замѣтилъ въ низшихъ англійскихъ классахъ — я подразумѣваю при этомъ также и городскихъ ремесленниковъ — такой заботы о своей внѣшности, какую мы видимъ въ Германіи. Эти люди неизмѣнно носятъ рабочее платье, тогда какъ въ Германіи, а также и во Франціи, рабочий, когда онъ не одѣтъ въ рабочее платье, ничѣмъ не отличается отъ людей изъ высшихъ сословій. Онъ носитъ тонкій, хорошо сшитый сюртукъ, прекрасную рубашку, часы съ цѣпочкой. Во Франціи съ давнихъ уже поръ очень распространена блуза, самый демократическій нарядъ, какой только можно себѣ представить, и который вообще чрезвычайно какъ соотвѣтствуетъ демократическимъ наклонностямъ этого народа. Но она отнюдь не составляетъ принадлежности рабочаго класса, и носится также въ деревнѣ, напримѣръ, и богатыми, хотя, конечно, поверхъ другого платья.

Вообще, разница между консервативнымъ и аристократическимъ духомъ, которымъ проникнуты въ Англіи всѣ классы населенія, и демократическимъ, отличающимъ Францію, бросается въ глаза. Я замѣтилъ этотъ контрастъ тотчасъ же, какъ вернулся изъ Англіи въ Дюнеирхенъ. Это было какъ разъ въ воскресенье. Въ Англіи вездѣ очень рѣдко увидишь солдата; они теряются въ массѣ населенія, и уже самый видъ ихъ, такъ какъ они одѣты въ болѣе нарядный мундиръ и всѣ безъ исключенія ходятъ по улицамъ съ тросточкой въ рукахъ, противорѣчитъ нашимъ континентальнымъ понятіямъ о вой-

скѣ. Какъ только корабль сталъ подходить къ Дюнкеркену, такъ тотчасъ же на набережной можно было замѣтить толпу оборванныхъ солдатъ, которые производятъ совсѣмъ боевое впечатлѣніе, такъ какъ всѣ ходятъ въ сѣрой шинели. Въ городѣ есть большая, прекрасная площадь, названная въ честь морского героя Жана-Барта, и его статуя красуется по срединѣ ея. Въ каждомъ домѣ на этой площади помѣщается трактиръ или кофейня, и каждая набита битомъ солдатами, крестьянами, рабочими, и между ними встрѣчаешь и офицеровъ. Каждый куритъ, каждый выпиваетъ свою кружку—пиво, кажется, завоевало себѣ теперь право гражданства во Франціи,—самые непринужденные и шумные разговоры ведутся всюду, и лишь тамъ и сямъ увидишь болѣе степеннаго на видъ господина, полустыдливо прицѣпившаго ленточку почетнаго легіона въ петлицу, хотя большинство французовъ, несмотря на весь свой демократизмъ, придаетъ ему большую цѣну. Короче сказать, здѣсь мы видимъ самый яркій типъ демократическаго и военнаго государства, тогда какъ по ту сторону канала государство организовано въ анти-демократическомъ духѣ и приспособлено исключительно къ мирнымъ цѣлямъ.

Къ сожалѣнію, всѣ эти замѣчанія я могъ сдѣлать лишь вскользь, и желаю, чтобы они служили введеніемъ къ тѣмъ немногимъ словамъ, которыя я намѣренъ посвятить событіямъ въ Германіи. Краткость этихъ словъ обуславливается благоразуміемъ, потому что если я не захочу вдаваться въ легкомысленныя пророчества, то рѣшительно не въ состояніи высказать никакого сужденія о вѣроятномъ исходѣ настоящей парламентской сессіи. Сессія, по всей вѣроятности, будетъ окончена тогда, когда уже появится ваша книжка, и я могъ бы понапѣть въ просакъ, предсказавъ мирный исходъ дѣла въ то время, какъ всѣ партіи одушевлены самымъ воинственнымъ духомъ, или наоборотъ. Сессія рейхстага открылась, какъ вамъ уже извѣстно, 9-го текущаго мѣсяца, и послѣ заврота о гибели „Великаго Курфюрста“, довольно поспѣшно сбытаго съ рукъ, палата немедленно приступила къ своей главной задачѣ — къ законамъ противъ социалистовъ. Первое чтеніе продолжалось два дня, и князь Бисмаркъ участвовалъ въ немъ. Результатомъ было, какъ это можно было предвидѣть, передача проекта въ комиссію — и эта комиссія вотъ уже дней восемь занимается имъ на долгихъ и обстоятельныхъ засѣданіяхъ, отнюдь не негласныхъ, такъ какъ члены рейхстага, не принадлежащіе къ комиссіи, могутъ присутствовать на засѣданіяхъ. Было бы слишкомъ долго приводить здѣсь въ подробности постановленія закона. Достаточно будетъ сказать, что правительству должны быть даны нѣкоторые чрезвычайныя полномочія, чтобы сдерживать социальную демократію, — полномочія, касающіяся, главнымъ обра-

зомъ, права сходокъ и собраній — и печати. Правительство давно уже желало исключительнаго закона противъ социалистовъ, чтобы ограничить послѣднихъ, не затрогивая общихъ политическихъ вольностей. Противъ этого либеральная партія возражала, что невозможно съ точностью опредѣлить понятіе о социальной демократіи, и что можно подвести все, что угодно, подъ социалистическія стремленія — и что законъ, если его формулировать такимъ образомъ, будетъ направленъ не только противъ социаль-демократической, но также и противъ либеральной партіи. Это былъ главный пунктъ разногласія, о который разбился въ маѣ законопроектъ. И во время избирательной борьбы вожди національ-либеральной партіи, равно какъ и прогрессивной, стояли на томъ, что борьба противъ социальной демократіи должна быть ведена лишь на основаніи общаго права, но не путемъ исключительныхъ законовъ, и если бы это воззрѣніе взяло верхъ и въ настоящей сессіи рейхстага, то намѣреніе правительства, конечно, претерпѣло бы фiasco и понадобилось бы вторичное распушеніе парламента. Но въ моментъ собранія коммисіи выказался замѣчательный переворотъ во взглядахъ — и самый ожесточенный противникъ исключительнаго закона въ средѣ національ-либеральной партіи, Ласкеръ, перешелъ въ принципъ на сторону правительства и пожелалъ лишь измѣнить проектъ. Принятія статьи прошли очень значительнымъ большинствомъ голосовъ, а именно тринадцатью противъ восьми — въ коммисіи, насчитывавшей двадцать-одинъ членъ, т.-е. всѣ національ-либеральные и консервативные члены коммисіи соединились противъ центра и прогрессивныхъ, между тѣмъ какъ до сихъ поръ все ждали, что въ средѣ національ-либеральной произойдетъ расколъ и она распадется на правое и лѣвое крыло, и что, благодаря этому, судьба законопроекта, какъ въ коммисіи, такъ и позднѣе — въ засѣданіяхъ „in plenum“ — будетъ зависѣть отъ ничтожнаго колебанія въ отношеніяхъ партій. Что произвело перемѣну во мнѣніяхъ Ласкера и его друзей — перемѣну, естественно навлекающую на него самые ожесточенные упреки со стороны прогрессивистовъ — это никому неизвѣстно; по всей вѣроятности, главная причина тутъ въ политическихъ соображеніяхъ. Националь-либеральная партія не могла не сознавать, что въ цѣломъ она необыкновенно какъ неудачно дѣйствовала во время послѣднихъ двухъ выборовъ, такъ какъ утратила почти одну треть своихъ членовъ, и весьма вѣроятно, что новое распушеніе только ускорило бы процессъ ея распадѣнія. Съ точки зрѣнія здоровой политики, нельзя не согласиться, что для всякой партіи интересъ самосохраненія очень важенъ. Распадѣніе національ-либеральной партіи на правое и лѣвое крыло было бы гибелью для этой партіи; ея слишкомъ де-

сяти-лѣтняя исторія на этомъ бы и покончилась. Отъ этого конца желаютъ уберечь ее вожди, и я полагаю, что это имъ удастся. Само собой разумѣется, что дѣло не обойдется безъ скандала, какъ это уже было по случаю компромисса въ дѣлѣ судебныхъ законовъ, и прогрессивная партія, наиболѣе дружившая съ національ-либеральной во время выборовъ, станетъ опять жестоко нападать на нее, чтобы, въ концѣ-концовъ, все-таки уступить, если только не встрѣтятся какія-нибудь непредвидѣнные затрудненія, что опять возможно, такъ какъ придется еще спорить о томъ, какому элементу дать перевѣсъ въ порядкѣ вѣтаний: судебному или административному.

Я желалъ бы при этомъ указать вниманію слѣдующее обстоятельство. Со времени созванія рейхстага правительственные и консервативные органы очень дружелюбно относятся къ національ-либеральной партіи; избирательная борьба съ ея рѣзкостями какъ будто бы канула въ Лету. Националь-либералы не платятъ неблагодарностью, и въ ихъ органахъ не только отмѣчается это дружелюбіе, а также и любезное заигрыванье князя Бисмарка, вызывающее сильное удивленіе. Но я полагаю, что уже раньше достаточно освѣтилъ всѣ отношенія. Князь Бисмаркъ даже и послѣ покушенія 2-го іюня вовсе не поклялся непримиримой враждой къ національ-либеральной партіи и совѣтъ и не помышлялъ выжить ее изъ числа народныхъ представителей, но желалъ только сдѣлать ее уступчивѣе, чего можно было достигнуть, только ослабивъ ея ряды и усиливъ ряды обѣихъ консервативныхъ партій. Этого достигли путемъ избирательной борьбы, и сколько бы ни искажали фактовъ въ интересахъ партій и ихъ предвзятыхъ идей, а несомнѣнно то, что князь Бисмаркъ вполне достигъ своихъ цѣлей. Если удастся провести законъ—а правительство готово сдѣлать очень значительныя уступки—то это будетъ лишь благодаря тому, что національ-либеральная партія, вмѣстѣ съ двумя другими консервативными партіями, образуетъ большинство — и въ этомъ случаѣ получится весьма внушительное большинство. Такое большинство всегда составляло цѣль князя Бисмарка, и партія, стоящая всего ближе къ нему, — имперская, въ которую теперь вступилъ и его сынъ, очень искусно склонялась то влѣво—къ національ-либераламъ, то вправо — къ нѣмецкимъ консерваторамъ, чтобы произвести это сближеніе. Когда иностранная пресса напираетъ на то, что, благодаря непоследовательному образу дѣйствій національ-либеральной партіи, компрометируется дѣло свободы — скорѣе, впрочемъ, въ теоріи, нежели на практикѣ — то при этомъ она упускаетъ изъ виду, что этотъ вредъ, если только онъ дѣйствительно произойдетъ, съ избыткомъ искупается великимъ преобразо-

ваніемъ, которому подвергнется крайняя консервативная партія. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ эта партія была вполне враждебна конституціи, а теперь въ ея рядахъ можно уже по пальцамъ перечестъ противниковъ конституціи. Въ значительной массѣ она стала настоящей парламентской и конституціонной партіей, и это обезпечиваетъ свободное развитіе государства. Вопросы же: дѣйствительно ли теперешнее правительство реакціонно,—я не стану здѣсь касаться. Замѣчу только одно, что въ послѣдней своей большой рѣчи Бисмаркъ снова высказался самымъ категорическимъ образомъ за удержаніе права всеобщей подачи голоса, которое въ свое время даже прогрессивной партіей было принято весьма неохотно, и которое и по сіе время не пользуется симпатіями не только консерваторовъ, но и умѣренныхъ либераловъ.

Это заступничество за всеобщую подачу голоса смягчаетъ даже борьбу съ социаль-демократами, потому что, какіе бы удары ни разразились теперь надъ социальной демократіей, она не можетъ позабыть, что, благодаря прозорливости князя Бисмарка, она все-таки удержитъ свое высшее политическое право.

К.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

12/24 сентября, 1878.

XLI.

СОВРЕМЕННАЯ ВМЬ.

На этотъ разъ я разкажу вамъ истинное происшествіе, позволяя себѣ только измѣнить имена и нѣкоторыя обстоятельства, чтобы не задѣть справедливую щекотливость моихъ героевъ. Эта исторія на мой взглядъ ярко характеризуетъ нашу эпоху, наше постоянно возрастающее уваженіе къ силѣ и ловкости. Я надѣюсь, что она заинтересуетъ васъ болѣе, нежели любая хроника, которую я могъ бы прислать вамъ изъ центра Парижа, гдѣ царствуетъ въ настоящую минуту самая нестерпимая суета.

I.

Комната, которую занималъ Александръ Нантасъ, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, по пріѣздѣ изъ Марселя, была расположена въ самомъ верхнемъ этажѣ дома улицы Лилль, рядомъ съ отелемъ барона Довиллье, члена государственнаго совѣта. Этотъ домъ принадлежалъ барону; онъ выстроилъ его на старинной общинной землѣ. Александръ, высунувшись изъ окна, могъ видѣть уголокъ сада, окружавшаго отель, гдѣ росли великолѣпныя деревья. Вдали, за зелеными верхушками деревъ, открывался видъ на Парижъ, мелькали воды Сены, Тюльери, Лувръ, вереница набережныхъ, цѣлое море крышъ вплоть до самыхъ дальнихъ боскетовъ Père-Lachaise.

То была тѣсная комнатка, съ покатымъ, какъ бываетъ въ мансардахъ, потолкомъ, съ окномъ, пробитымъ въ черепицахъ. Александръ поставилъ тамъ кровать, столъ и стулъ. Онъ остановился тутъ по пріѣздѣ въ Парижъ, гоняясь за денежизной и порѣшивъ не разставаться съ комнатою до тѣхъ поръ, пока не найдетъ себѣ какого-нибудь мѣста. Ободранные обои, заплѣтый потолокъ, нищенскій видъ этого помѣщенія, гдѣ не было печи, его не пугали. Укладываваясь спать напротивъ Лувра и Тюльери, онъ сравнивалъ себя съ генераломъ, ночующимъ въ какой-нибудь жалкой харчевнѣ на большой дорогѣ, въ виду богатаго и громаднаго города, который ему предстоитъ взять на-завтра приступомъ.

Исторія Александра Нантаса коротка. Родившись въ семьѣ одного марсельскаго каменщика, онъ учился въ лицѣ этого города, благодаря честолюбивой нѣжности своей матери, мечтавшей, что ея сынъ будетъ „господиномъ“. Родители лишали себя послѣдняго, чтобы провести его въ бакалавры. Затѣмъ мать умерла; Нантасу пришлось принять мѣсто съ незначительнымъ жалованьемъ у негоціанта, и въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ онъ влачилъ однообразное существованіе, выводившее его изъ себя. Онъ давно бы уѣхалъ въ Парижъ, если бы сыновнія обязанности не приковывали его къ Марселю: его отецъ, упавъ съ лѣсовъ, не могъ больше двигаться съ мѣста. Александръ долженъ былъ содержать его. Но въ одинъ вечеръ, вернувшись домой, онъ нашелъ каменщика мертвымъ; трубка, еще не успѣвшая потухнуть, лежала возлѣ него. Три дня спустя, онъ сколотилъ нѣсколько деньжонокъ отъ продажи своего имущества и уѣхалъ въ Парижъ съ двумя-стами франками въ карманѣ.

Нантасъ наследовалъ отъ матери упрямое честолюбіе. То былъ человѣкъ смѣлый, рѣшительный и хладнокровно настойчивый. Еще юношей онъ говорилъ про себя, что онъ—сила. Надъ нимъ часто

подсмѣивались, когда у него вырывались нечаянныя признанія и онъ повторялъ фразу: — Я сила! — фраза, казавшаяся потѣшной при видѣ его потертаго скртука, расплывавшагося по швамъ и съ короткими рукавами. Мало-по-малу онъ составилъ себѣ религію изъ силы; только ей одной поклонялся онъ — и былъ убѣжденъ, что сильные рано или поздно бываютъ побѣдоносными. По его мнѣнію, достаточно было желать, чтобы достичь того, чего хочешь. Все остальное не важно. По воскресеньямъ, когда онъ гулялъ по спаленнымъ солнцемъ окрестностямъ Марселя, онъ сознавалъ себя гениемъ. Въ душѣ его жило какое-то инстинктивное стремленіе, толкавшее его впередъ и, вернувшись домой, онъ насыщался какимъ-нибудь картофелемъ вмѣстѣ съ своимъ калѣйкой отцомъ, твердо убѣжденный, что со временемъ сумеетъ пробиться въ обществѣ, гдѣ въ тридцать лѣтъ онъ еще равенъ нулю. То не была низкая зависть, жажда грубыхъ наслаждений: то было весьма определенное сознаніе ума недюжиннаго и энергической воли, сознаніе, что онъ не на своемъ мѣстѣ, и твердое намѣреніе спокойно занять должное мѣсто, по естественной силѣ логики.

Пріѣхавъ въ Парижъ, Нантасъ вообразилъ, что ему стоить только протянуть руку, чтобы найти положеніе, достойное его. Въ тотъ же самый день онъ пустился на поиски. Ему дали рекомендательныя письма, и онъ отнесъ ихъ по адресу. Кромѣ того, постучался въ дверь нѣсколькихъ земляковъ, чтобы попросить ихъ содѣйствія. Но прошелъ мѣсяцъ, а онъ еще ничего не нашелъ: время неудобное, говорили ему; впрочемъ, давали обѣщанія, но не держали ихъ. Между тѣмъ топкій кошелекъ его опорожнялся; у него оставалось всего какихъ-нибудь двадцать франковъ. И на эти двадцать франковъ ему пришлось прожить еще мѣсяцъ, питаясь сухимъ хлѣбомъ, бѣгая по Парижу съ утра до ночи и возвращаясь по вечерамъ укладываться спать въ петешкахъ, изнемогая отъ усталости и все еще съ пустыми руками. Онъ не унывалъ; но глухая досада поднималась въ немъ. Судьба казалась ему нелогичной и несправедливой.

Разъ вечеромъ онъ вернулся голодный. Наканунѣ онъ покончилъ съ послѣднимъ кускомъ хлѣба. У него не было больше ни гроша, ни друга, который бы далъ ему взаймы грошъ. Дождь шелъ весь день, сѣрый, парижскій дождь, пронизывающій холодомъ насквозь. Рѣки грязи текли по улицамъ. Нантасъ, промокшій до костей, ходилъ въ Берси, затѣмъ въ Монмартръ, гдѣ ему указали должности. Но въ Берси мѣсто было уже занято, а въ Монмартрѣ нашли, что у него почеркъ недостаточно красивъ. Такъ рухнули его послѣднія дѣвъ надежды.

Онъ готовъ былъ принять какое угодно мѣсто, убѣжденный, что

пробьетъ себѣ дорогу въ любой должности. Онъ просилъ сначала только куска хлѣба, возможности жить въ Парижѣ, почвы, на которой бы онъ могъ выстроить камень за камнемъ свое зданіе. Отъ Монмартра до улицы Лилль онъ шелъ шагомъ; сердце его изнывало отъ горечи. Дождь пересталъ; озабоченная толпа толкала его на тротуарахъ. Онъ остановился на нѣсколько минутъ передъ лавкой мѣнялы: какихъ-нибудь пяти франковъ было бы ему достаточно, быть можетъ, для того, чтобы со временемъ овладѣть всѣмъ этимъ людомъ, который теперь такъ грубо толкаетъ его; съ пятью франками можно прожить недѣлю, а въ недѣлю можетъ многое случиться. Пока онъ мечталъ такимъ образомъ, проѣзжающая мимо карета забрызгала его грязью съ головы до ногъ, и онъ долженъ былъ вытереть лобъ, покрытый грязью. Тогда онъ пошелъ быстрѣе, стиснувъ зубы и испытывая сильное желаніе налетѣть съ кулаками на эту толпу, загораживающую улицы; ему казалось, что онъ выместить на ней такимъ образомъ нелѣпость судьбы. Въ улицѣ Ришелье омнибусъ чуть было не раздавилъ его. Посреди площади Каруселя онъ поглядѣлъ на Тюльери глазами, отуманенными завистливою слезой. На мосту св. Отцовъ маленькая дѣвочка, которую вела за руку нянька, заставила его посторониться, и это показалось ему верхомъ униженія; даже дѣти мѣшаютъ ему идти своей дорогой: мостовая всѣмъ принадлежитъ, кромѣ его! Когда онъ добрелъ, наконецъ, до своей коморки съ крайниѣмъ усиленіемъ раненаго звѣря, преслѣдуемаго сворой собакъ, онъ тяжело опустился на стулъ и замеръ, уставясь на свои панталоны, пропитанные грязью, и на дырявые башмаки, отъ которыхъ образовалась на полу цѣлая лужа.

На этотъ разъ все кончено. Александръ Нантасъ спрашивалъ себя, какимъ способомъ онъ убьетъ себя. Ему казалось всего достойнѣе упраздниться. Гордость его нисколько не подалась, и онъ считалъ, что самоубійствомъ своимъ накажетъ Парижъ. Быть силой, сознавать въ себѣ недюжинныя способности и не найти челоука, который бы васъ угадалъ, который бы далъ вамъ первый франкъ, въ которомъ вы нуждаетесь—ему казалось это чудовищной глупостью, и все его существо возмущалось отъ презрѣнія. Затѣмъ въ немъ просыпалась какъ-бы необъятная жалость при видѣ своихъ безполезныхъ рувъ. А между тѣмъ никакое дѣло не испугало бы его; кончиомъ мизинца онъ бы приподнялъ міръ; и вотъ онъ загнанъ въ уголъ, связанъ по рукамъ и по ногамъ, доведенъ до безсилія, точно левъ, запертый въ клѣткѣ. Онъ умираетъ въ полномъ цвѣтѣ силъ—и страшный ропотъ овладѣвалъ имъ минутами; его довели до крайности, и онъ зубами прогрызетъ себѣ дорогу. Но затѣмъ онъ успокоился; ему казалось достойнѣе умереть. Ему сказывали,

когда онъ былъ ребенкомъ, исторію одного изобрѣтателя, построившаго удивительную машину и разбиившаго ее молоткомъ при видѣ равнодушія, съ какимъ всѣ къ ней относились. Итакъ! онъ будетъ этимъ человѣкомъ; онъ принесетъ въ самомъ себѣ новую силу, рѣдкую машину по уму и волѣ—и вотъ онъ уничтожитъ эту машину, разбиивъ себѣ голову объ мостовую.

Солнце заходило за высокія деревья отеля Довиллье; осеннее солнце и подъ его горячими лучами пожелтѣвшіе листья отливали золотомъ. Александръ Нантасъ всталъ, точно притянутый прощальными лучами свѣтила. Онъ долженъ умереть, и ему нуженъ свѣтъ. Онъ наклонился изъ окна. Часто подъ деревьями, въ аллеѣ, онъ видалъ молодую бѣлокурую дѣвушку, очень высокаго роста, съ горделивой осанкой, рассказывавшую какъ царица. Онъ говорилъ себѣ, что, вѣроятно, это дочь барона Довиллье, но вообще она нисколько его не интересовала. Онъ не былъ романиченъ и пережилъ уже тѣ годы, когда юноши мечтаютъ въ мансардахъ о свѣтскихъ дѣвицахъ, дарящихъ имъ свою любовь и свои милліоны. Отчаянная житейская борьба поглощала его. И вотъ въ эту послѣднюю минуту своей жизни онъ вдругъ вспомнилъ про эту красивую и гордую бѣлокурую дѣвушку.

Первая мысль его была, что онъ не выбросится въ это окно. Она, быть можетъ, гуляетъ въ саду. Онъ не хочетъ испугать ее, не хочетъ, чтобы она видѣла его агонію. Два или три раза она поднимала глаза вверхъ, но, повидимому, не видѣла его. А какъ зовутъ ее? Но вдругъ онъ сжалъ кулаки—и почувствовалъ ненависть къ этой богатой дѣвушкѣ, къ этому большому саду, къ этому отелю, въ полуоткрытыя окна котораго, передъ глазами его, мелькала строгая роскошь обстановки, и пробормоталъ въ порывѣ ярости:

— О! я готовъ продать себя! продать себя, лишь бы мнѣ дали первые пять франковъ, которые послужатъ основаніемъ моего будущаго богатства!

Мысль о томъ, чтобы продать себя, заняла его съ минуту. Если бы существовало такое *Mont-de-Piété*, гдѣ бы давали деньги взаймы подъ залогъ силы воли и энергіи, онъ немедленно пошелъ бы туда заложить самого себя. Онъ придумывалъ различныя сдѣлки: политическій дѣятель подкупалъ его, чтобы сдѣлать его своимъ орудіемъ; банкиръ приглашалъ его, чтобы пользоваться его умомъ, и онъ говорилъ себѣ, что пойдетъ на все, потому что честь—пустое слово, и достаточно быть сильнымъ, чтобы восторжествовать въ концѣ-концовъ. Затѣмъ, онъ улыбнулся. Ему показалось ребячествомъ мечтать такимъ образомъ. Развѣ представляются случаи продать себя? Есть мошенники, которые стерегутъ случай и умираютъ съ голоду, не ставиваясь

никогда съ людьми, которымъ бы понадобилось купить ихъ. Онъ побоялся быть трусомъ—и сказалъ себѣ, что придумываетъ уловки. И снова сѣлъ, поклявшись, что выбросится изъ окна съ лѣстницы, когда наступитъ ночь.

Но усталость его была такъ велика, что онъ заснулъ на стулѣ. Вдругъ его разбудилъ шумъ голосовъ и яркій свѣтъ. Привратница ввела къ нему даму, одѣтую въ черное.

— Вотъ, сударь,—сказала она,—эта дама желаетъ васъ видѣть.

И, видя, что у него нѣтъ свѣчи въ комнатѣ, оставила ту, съ которой пришла. Она, повидимому, знала особу, которую привела съ собой, и обращалась съ ней очень лѣжливо, хотя и фамильярно.

— Вотъ,—сказала она, уходя,—говорите на здоровье, никто вамъ не помѣшаетъ.

Нантасъ, вскочившій со стула, съ величайшимъ удивленіемъ глядѣлъ на даму. Она приподняла черную вуалетку съ лица. То была особа лѣтъ сорока-пяти, маленькаго роста, очень толстая, съ лицомъ безцвѣтнымъ и незначительнымъ, какъ у куклы. Онъ ее никогда не видывалъ—и въ цѣломъ Парижѣ у него не было ни одной знакомой дамы, которая бы могла придти къ нему, съ наступленіемъ ночи. Онъ предложилъ ей свой единственный стулъ и вопрошалъ ее взглядомъ. Она назвала себя.

— Я mademoiselle Шуентъ... Я пришла переговорить съ вами объ очень важномъ дѣлѣ.

Ему пришлось сѣсть на край кровати. Имя мадемуазель Шуентъ ничего ему не объясняло. Онъ рѣшился подождать, чтобы она высказалась. Но она не торопилась; она оглаживала тѣсную мансарду, и какъ будто придумывала, съ чего начать бесѣду. Наконецъ, она заговорила очень ласковымъ голосомъ, сопровождая улыбкой свои медовыя фразы:

— Я пришла, какъ другъ... Миѣ дали о васъ самыя трогательныя свѣдѣнія. Пожалуйста, не подумайте, что я шпионка за вами. Во всемъ этомъ играетъ роль самое дружеское участіе. Я знаю, какъ жизнь была тяжка для васъ до сихъ поръ, съ какимъ мужествомъ вы боролись, чтобы найти себѣ мѣсто и какая неудача сопровождала всѣ ваши усилія... Еще разъ—простите меня за то, что я вторгаюсь въ вашу жизнь. Вожусь вамъ, что только симпатія...

Нантасъ не перебивалъ ее, охваченный любопытствомъ, говоря себѣ, что, вѣроятно, привратница сообщила всѣ эти свѣдѣнія. Дама продолжала свои объясненія и становилась все любезнѣе и любезнѣе.

— Васъ ждетъ великая будущность. Я взяла смѣлость прослѣдить за вашими попытками и была очень поражена вашей похва-

ной твердостью въ несчастіи. Словомъ, мнѣ кажется, что вы далеко пойдете, если кто-нибудь протянетъ вамъ руку помощи.

Она опять умоляла. Она ждала, чтобы онъ заговорилъ въ свою очередь. Нантасъ подумалъ, что эта дама пришла предложить ему мѣсто. Онъ отвѣчалъ, что приметъ всякое. Но она стала теперь откровеннѣе. Она, не обинуясь, спросила его:

— Согласны ли бы вы были жениться?

— Жениться!—вскричалъ Нантасъ, улыбаясь:—Боже мой! да кто же пойдетъ за меня? Какая-нибудь бѣдная дѣвушка, которую мнѣ нечѣмъ было бы кормить.

— Нѣтъ, молодая дѣвушка, очень красивая, очень богатая, съ большими связями, которая сразу дастъ вамъ въ руки средства достигъ самаго высокаго положенія въ свѣтѣ.

Нантасъ больше не смѣялся. Онъ поблѣднѣлъ, руки его слегка дрожали.

— Какія же условія этой сдѣлки?—спросилъ онъ, инстинктивно понижая голосъ.

— Эта молоденькая дѣвушка беременна, и надо признать ея ребенка, — отвѣчала мадемуазель Шуенъ безъ всякихъ околичностей, отбросивъ свои медовыя фразы.

Онъ молчалъ. Первымъ движеніемъ его было выгнать ее за дверь. Но онъ подумалъ, что онъ въ такомъ положеніи, когда слѣдуетъ все выслушать.

— Вы предлагаете мнѣ низость,—пробормоталъ онъ.

— О, гдѣ же низость! — вскричала мадемуазель Шуенъ, снова обрѣтая свой медовый голосъ,—я не допускаю этого гадкаго слова... Истина заключается въ томъ, что вы спасете цѣлую семью отъ отчаянія. Отецъ ничего не знаетъ, беременность еще не очень замѣтна; и мнѣ пришлось въ голову поскорѣе выдать замужъ бѣдную дѣвушку, представивъ мужа какъ отца ребенка. Я знаю отца; онъ умеръ бы отъ горя. Моя комбинація ослабитъ ударъ, онъ повѣритъ въ искупленіе... Вѣда въ томъ, что настоящій соблазнитель—женать. О, есть мужчины совсѣмъ, совсѣмъ безнравственные...

Она могла бы долго продолжать въ этомъ тонѣ. Нантасъ ее не слушалъ. Къ чему сталъ бы онъ отказываться отъ сдѣлки? Вѣдь онъ только-что мечталъ о томъ, чтобы продать себя? Ну, вотъ, пришли его купить. Правда, что ему не приходила въ голову такая позорная сдѣлка; это превзошло его ожиданія. Но этотъ вызовъ общественнымъ приличіямъ подѣйствовалъ на него, какъ ударъ бича. Онъ покажетъ, что можетъ совершить умъ человѣческій. Къ тому же, онъ выполнитъ честно свои обязательства. Долгъ платежомъ красенъ. Онъ даетъ свое имя, ему дадутъ положеніе въ свѣтѣ. Это такой же

договоръ, какъ и всякій другой. Да у него нѣтъ и выбора; онъ поглядѣлъ на свои панталоны, забрызганныя парижской грязью, и почувствовалъ, что не ѣлъ со вчерашняго дня; вся досада, накопившаяся въ его сердцѣ за два мѣсяца бесполезной бѣготни и униженія, вдругъ проснулась въ немъ. Наконецъ-то онъ наступитъ пятой на этотъ міръ, который отталкивалъ его и подвигалъ на самоубійство.

— Я согласенъ,—прямо заявилъ онъ.

Затѣмъ потребовалъ отъ мадемуазель Шуенъ точныхъ объясненій. Чего требуетъ она за свое посредничество? Она стала отпѣкиваться, говорить, что она ничего для себя не хочетъ! Однако объявила въ концѣ-концовъ, что желаетъ получить двадцать тысячъ франковъ изъ той суммы, которую ему выдадутъ. И такъ какъ онъ не торговался, то стала откровеннѣе.

— Послушайте; это я подумала о васъ.

Молодая дѣвушка не стала отказываться, когда я назвала васъ... О! это дѣло выгодное, вы меня впослѣдствіи поблагодарите. Я могла бы найти титулованнаго жениха, я знаю одного, который бы у меня ручки расцѣловалъ. Но я предпочла выбрать человѣка внѣ круга молодой дѣвушки. Это покажется болѣе романическимъ... Къ тому же, вы мнѣ правитесь, право, вы мнѣ правитесь. Вы хороши собой. У васъ крѣпкая голова. О! вы далеко пойдете. Не позабудьте меня, я вамъ вполне предана.

До сихъ поръ фамилія дѣвушки не упоминалась. На вопросъ Нантаса, старая дѣва встала и сказала, снова рекомендуясь:

— Я, мадемуазель Шуенъ... Я живу у барона Довиллье со времени смерти баронессы, въ качествѣ гувернантки. Я воспитывала m-lle Флавію, дочь барона... Мадемуазель Флавія та самая молодая дѣвушка, про которую я говорила.

И ушла, деликатно положивъ на столъ конвертъ, въ которомъ заключался билетъ въ пятьсотъ франковъ. То былъ вадатокъ, выданный ею Нантасу на первыя издержки.

Оставшись одинъ, Нантасъ подошелъ къ окну. Ночь была очень темна; можно было различить деревья только по сгустившейся тѣни; нѣсколько оконъ сверкали на темномъ фасадѣ отеля. Итакъ, это та самая высокая бѣлокурая дѣвушка, которая прохаживалась точно царица и не удостоивала замѣчать его у окна. Не все ли равно—она или другая? Женщина въ этой сдѣлкѣ не играетъ роли. И вотъ Нантасъ взглянулъ на Парижъ, рокотавшій въ потемкахъ, на набережныя, на улицы лѣваго берега, освѣщаемыя колеблющимися пламенемъ газа—и у него вырвался крикъ, обращенный къ Парижу:

— Теперь ты мой!

II.

Баронъ Довилье находился въ маленькомъ салонѣ, служившемъ ему кабинетомъ—высокой комнатѣ, строгаго стиля, обтянутой кожей, съ старинной мебелью. Съ третьяго дня онъ былъ точно громомъ пораженъ исторіей про безчестіе дочери, которую м-лле Шуентъ ему рассказала. Сколько она ни смягчала обстоятельствъ дѣла, какъ ни подготавливала къ нимъ издалика, старикъ едва вынесъ ударъ—и только мысль, что соблазнитель предлагаетъ искупить вину еще поддерживала его. Въ это утро онъ ожидалъ посѣщенія этого человѣка, котораго совсѣмъ не зналъ и который съ такою наглостью отнималъ у него дочь. Онъ позвонилъ лакею.

— Жозефъ, ко мнѣ долженъ придти одинъ молодой человѣкъ, и вы его примете... Кромѣ его, отказывайте всѣмъ.

И, опершись головой на руку, онъ впалъ въ горькое раздумье; сидя у камина въ одиночествѣ. Онъ, кажется, сынъ каменщика и безъ всякаго положенія въ свѣтѣ! Правда, мадемуазель Шуентъ говорить, что онъ человѣкъ способный; но какой позоръ для семьи, дотогѣ ничѣмъ незапятнанной! Флавія повинилась во всемъ, выгродивъ м-лле Шуентъ. Послѣ этого тягостнаго объясненія, она сидѣла въ своей комнатѣ, и баронъ не хотѣлъ больше ее видѣть. Онъ желалъ, прежде чѣмъ простить ее, уладить это ужасное дѣло. Всѣ его распоряженія были сдѣланы. Но волосы его окончательно посѣдѣли, и голова его начала старчески трястись.

— Г-нъ Нантасъ!—доложилъ Жозефъ.

Свиданіе между отцомъ и мнимымъ соблазнителемъ было трагическое. Баронъ не всталъ съ мѣста. Онъ только повернулъ голову и пристально поглядѣлъ на Нантаса, подходившаго къ нему. Этотъ послѣдній былъ настолько уменъ, что не увлекся желаніемъ одѣться въ новое платье съ головы до ногъ. Онъ купилъ черный сюртукъ и панталоны, довольно еще чистыя, но сильно поношенные, и это придавало ему видъ бѣднаго, но порядочнаго человѣка, а не искателя приключеній. Онъ невольно опустилъ глаза подъ взглядомъ старика, и, остановившись посреди комнаты, ждалъ, стоя, но однако безъ униженнаго вида.

— Такъ это вы, сударь...—пролепеталъ старикъ.

Но не могъ продолжать, волненіе душило его, онъ боялся наговорить рѣзкостей.

Помолчавъ съ минуту, онъ сказалъ:

— Милостивый государь, вы дурно поступили.

И такъ какъ Нантасъ собирався какъ будто бы оправдываться, продолжалъ съ силой:

— Да, дурно поступили... Я не хочу ничего знать, прошу васъ не объяснять мнѣ, какъ это могло случиться. Обстоятельства дѣла ничего не значать. Если бы даже моя дочь сама бросилась вамъ на шею, то и тогда вы были бы точно также неправы... Одни только воры врываются насильно въ дома.

Нантасъ снова опустилъ голову. Смущеніе входило въ его роль.

— У дочери моей богатое приданое, рѣзко продолжалъ баронъ Довиллье, соблазнить ее было выгодно, воспользоваться ея слабостью, а затѣмъ разыграть великодушнаго человѣка, готоваго искупить свою вину... Это приданое легко добыто; это западня, въ которую вы навѣрное должны были поймать и дочь, и отца...

— Позвольте, милостивый государь...— перебилъ молодой человѣкъ, оскорбленный.

Но баронъ гнѣвно остановилъ его рукой.

— Что такое? что я долженъ вамъ позволить?.. Не вамъ со мной разговаривать. Я вамъ говорю только то, что долженъ высказать и что вы должны выслушать, такъ какъ пришли ко мнѣ, какъ виноватый... Вы меня оскорбили. Видите вы этотъ домъ; наша фамилія жила въ немъ въ продолженіи трехъ столѣтій незапятнанная; развѣ вы не видите, что здѣсь царить строгость нравовъ, вѣковая честность, традиція чувства собственного достоинства и самоуваженіе? И все это, милостивый государь, вы перевернули вверхъ дномъ, вы насъ обезчестили. Я чуть не умеръ отъ удара, который вы намъ нанесли — и вотъ теперь мои руки трясутся, точно я сразу постарѣлъ на десять лѣтъ... Молчите и слушайте меня.

Нантасъ очень поблѣднѣлъ. Право же, онъ принялъ на себя очень трудную роль. Онъ не ожидалъ, что обманъ, на который онъ пошелъ, навлечетъ на него такіе выговоры. Старикъ имѣлъ право такъ говорить съ нимъ. Но все же онъ не могъ удержаться и не протестовать. Онъ заговорилъ объ ослѣпленіи страсти.

— Я потерялъ голову,—пробормоталъ онъ, стараясь придумать романъ.—Я не могъ видѣть m-lle Флавію...

При имени дочери, баронъ всталъ съ угрозою, какъ-бы выросшая отъ гнѣва.

— Молчите!—закричалъ онъ громовымъ голосомъ.—Я вамъ уже говорилъ, что ничего не хочу знать. Я не хочу слушать про ваши мерзости... Дочь ли моя бросилась вамъ на шею, или вы сами увлекли ее—это до меня не касается. Я у нея ничего не спрашивалъ и у васъ не спрашиваю. Оставьте свои признанія при себѣ, это—грязь,

до которой я не желаю касаться... Для меня ваша вина не смягчится.

Онъ усѣлся, дрожащій, въ истощеніи. Нантасъ поклонился, глубоко смущенный, несмотря на то, что отлично владѣлъ собой. Послѣ нѣкотораго молчанія старикъ продолжалъ успокоившимся голосомъ, холоднымъ тономъ человѣка, говорящаго о дѣлѣ.

— Прошу извинить мою вспыльчивость, милостивый государь. Я обѣщалъ себѣ быть хладнокровнымъ. Не вы въ моей власти, а я въ вашей, такъ какъ я отъ васъ завишу. Вы пришли сюда, чтобы предложить мнѣ сдѣлку, ставшую необходимой. Договоримся, милостивый государь.

И тутъ онъ заговорилъ какъ стряпчій, улаживающій полюбовно какую-нибудь грязную тяжбу, къ которой приступаетъ лишь съ отвращеніемъ. Вся его особа выражала это отвращеніе. Видно было, что онъ спѣшилъ покончить съ этимъ. Онъ говорилъ:

— М-ле Флавія Довиллье наслѣдовала по смерти матери сумму въ двѣсти тысячъ франковъ, которая должна была быть ей выдана въ день свадьбы, на этой суммѣ—въ двѣсти тысячъ франковъ—наросли проценты. Вотъ, впрочемъ, мой опекунскій отчетъ, который я желаю сообщить вамъ.

Онъ взялъ бумаги на своемъ бюро и старательно читалъ цифры. Нантасъ тщетно пытался остановить его. Онъ совсѣмъ растрогался при видѣ этого честнаго и прямого старика. Идеи его о сильномъ человѣкѣ поколебались, онъ находился подъ обаяніемъ нравственной силы, которую всегда отрицалъ. Баронъ казался ему очень великъ теперь, когда онъ былъ спокоенъ.

— Словомъ,—заклучилъ тотъ,—я признаю въ контрактѣ, который составилъ сегодня утромъ мой нотаріусъ, за вами состояніе въ двѣсти тысячъ франковъ. Я знаю, что у васъ ничего нѣтъ. Вы получите двѣсти тысячъ франковъ отъ моего банкира на другой день свадьбы.

— Но,—замѣтилъ Нантасъ,—я не прошу у васъ денегъ, я прошу только руку вашей дочери.

Баронъ холодно перебилъ его.

— Вы не вправе отказываться отъ денегъ, дочь моя не можетъ выйти замужъ за человѣка, который бѣднѣе ея... Я вамъ отдаю приданое, предназначенное ей,—вотъ и все. Я знаю, что вы рассчитывали, быть можетъ, на болѣе значительную сумму, но меня считаютъ богаче, чѣмъ я есть въ дѣйствительности.

И такъ какъ молодой человѣкъ молчалъ, раздавленный этимъ послѣднимъ ироническимъ замѣчаніемъ, баронъ положилъ конецъ свиданію, призвавъ Жозефа и отдавъ ему слѣдующій приказъ.

— Жозефъ,—скажите мадемуазель Флавiа, —что я прошу ее придти немедленно въ мой кабинетъ.

Онъ всталъ и, не говоря больше ни слова, сталъ медленно ходить по комнатѣ. Нантасъ стоялъ и молчалъ. Онъ обманывалъ старика и чувствовалъ себя ничтожнымъ и безсильнымъ передъ нимъ.

Наконецъ, вошла Флавiа.

— Дочь моя, — сказалъ баронъ, — вотъ этотъ человѣкъ. Свадьба произойдетъ въ законный срокъ.

И ушелъ, оставивъ ихъ однихъ, какъ будто бы для него бракъ уже былъ заключенъ. Нантасъ и Флавiа поглядѣли другъ на друга. Они еще не видѣлись. Она показалась ему красавицей, съ блѣднымъ и надменнымъ лицомъ, и большими, сѣрыми глазами, глядѣвшими прямо и смѣло. Быть можетъ, она проплакала тѣ три дня, какъ сидѣла въ своей комнатѣ, но этого не было замѣтно. Она первая заговорила.

— Итакъ, это дѣло рѣшенное.

— Да, — отвѣчалъ Нантасъ просто.

Она невольно презрительно сжавила губы, оглядывая его съ головы до ногъ, какъ-бы ища въ немъ выраженiя низости его души.

— Ну, такъ тѣмъ лучше, — отвѣтила она, — я боялась, что никого не найду, кто бы согласился на такую сдѣлку.

Нантасъ услышалъ въ ея голосѣ то презрѣнiе, съ какимъ она его третировала. Но онъ поднялъ гордо голову. Если онъ дрожалъ передъ отцомъ, сознавая, что обманываетъ его, то намѣревался быть твердымъ и непоколебимымъ съ дочерью, въ которой видѣлъ сообщника. Ее-то ужъ онъ нисколько не боялся. Съ ней онъ чувствовалъ себя прежнимъ сильнымъ человѣкомъ.

— Извините, сударыня, — началъ онъ спокойно, но очень вѣжливо: — мнѣ кажется, что вы не такъ понимаете положенiе, въ какое насъ ставить то, что вы весьма справедливо называете сдѣлкой. Я желаю, чтобы мы уже съ сегодняшняго дня стояли на равной ногѣ...

— Вотъ какъ! — перебила Флавiа съ презрительной улыбкой.

— Да, на совершенно равной ногѣ... Вамъ нужно имя, чтобы прикрыть проступокъ, который я не позволяю себѣ осуждать — и я вамъ даю мое имя. Съ своей стороны, мнѣ нуженъ капиталъ, нужно извѣстное общественное положенiе, чтобы совершить задуманное мною, результатъ чего вы увидите впоследствии, и вы мнѣ доставляете капиталъ, и то положенiе, въ какомъ я нуждаюсь. Отнынѣ мы два компаньона, имущество которыхъ равно, и которыми остается только благодарить другъ друга за услугу, которую они взаимно оказываютъ.

Она не смѣялась больше. Складка оскорбленной гордости появи-

лась у ней на лбу. Но она ничего не отвѣтила. Послѣ минутнаго молчанія, она спросила:

— Вы знаете мои условія?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Нантасъ, не измѣняя своему спокойствію. Сובлаговолите высказать ихъ—и я заранѣе говорю, что согласенъ.

Тогда она высказалась ясно, безъ колебанія и краски стыда:

— Вы будете моимъ мужемъ только по имени. Мы будемъ жить вполне самостоятельной и независимой жизнью. Вы откажетесь отъ всякихъ правъ на меня, а я не буду имѣть никакихъ обязанностей относительно васъ.

На каждую фразу Нантасъ утвердительно кивалъ головой. Это было какъ разъ то, чего онъ самъ желалъ. Онъ прибавилъ:

— Если бы я считалъ нужнымъ быть любезнымъ, то сказалъ бы вамъ, что эти жестокія условія приводятъ меня въ отчаяніе. Но мы сошлись здѣсь не для того, чтобы говорить другъ другу приторные комплименты. Я очень радъ, что вы такъ отлично понимаете наши взаимныя отношенія. Мы вступаемъ въ жизнь по тропинкѣ, на которой не рвутъ цвѣтовъ... Я прошу отъ васъ только одного, чтобы вы пользовались свободой, предоставляемой мною вамъ, такъ, чтобы мое вмѣшательство не стало необходимо.

— Милостивый государь!—рѣзко перебила Флавія, гордость которой возмущалась.

Но онъ почтительно поклонился, умоляя ее не сердиться. Ихъ положеніе щекотливо, и они должны поэтому допустить нѣкоторые намеки, безъ которыхъ соглашеніе становится невозможнымъ. Онъ болѣе не настаивалъ. M-lle Шуенъ при вторичномъ свиданіи передала ему исторію паденія Флавіи. Соблазнителемъ ея былъ нѣкій де-Фондеттъ, мужъ ея пансіонской подружки. Она провела мѣсяць у нихъ въ деревнѣ, и въ одинъ прекрасный вечеръ очутилась въ объятіяхъ де-Фондетта, сама не понимая, какъ это случилось. M-lle Шуенъ толковала про насиліе. Нантасъ, однако, выказалъ больше скептицизма. Но тутъ имъ вдругъ овладѣло дружелюбное чувство. Какъ всѣ люди, сознающіе свою силу, онъ умѣлъ быть добродушнымъ.

— Послушайте,—вскричалъ онъ,—мы не знаемъ другъ друга, но было бы право недѣло, если бы мы ни съ того, ни съ сего возненавидѣли другъ друга. Мнѣ кажется, что мы можемъ понять другъ друга... Я вижу, что вы меня презираете, но это потому, что вы меня не понимаете, вы не знаете цѣли, къ которой я стремлюсь.

И онъ сталъ говорить съ жаромъ, разсказалъ свою исторію, передалъ всю свою жизнь, снѣдаемую честолюбіемъ въ Марселѣ, объяснилъ бѣшенство, въ какое привели его два мѣсяца безплодныхъ поисковъ въ Парижѣ. Онъ умиралъ съ голоду, когда мадемуазель

Шуенъ пришла его соблазнять. Затѣмъ онъ высказалъ самое безусловное презрѣніе къ тому, что онъ называлъ предрасудкомъ, къ условнымъ формамъ, въ которыхъ путаются дюжинные люди. Что за дѣло до мнѣнія толпы, когда попираешь ее ногами. Надо стать выше толпы,—вотъ и все. Всемогущество все извиняетъ. И въ широкихъ чертахъ онъ набросалъ ей свой путь къ величію, какого онъ достигнетъ. Онъ больше не боится никакого препятствія; сила все преодолеваетъ. Онъ будетъ силенъ, онъ будетъ счастливъ.

— Не считайте меня мелкимъ сребролюбцемъ,—объяснялъ онъ.— Я продаю себя не за ваши деньги. Я беру ваши деньги только какъ средство добиться вершины земного величія... О! если бы вы знали, какія силы бушуютъ во мнѣ, если бы вы знали, какія жгучія ночи проводилъ я, преслѣдуя все ту же грезу славы, разрушаемую съ наступленіемъ дня дѣйствительностью, вы, быть можетъ, съ гордостью оперлись бы на мою руку, говоря себѣ, что доставляете мнѣ средства пробить себѣ дорогу!

Она слушала его не шевелясь; ни одна черта ея лица не измѣнилась. А онъ вопрошалъ себя о томъ, надъ чѣмъ уже три дня тщетно ломалъ голову: не замѣтила ли она его у окна, что такъ быстро согласилась на проектъ m-lle Шуенъ, когда та назвала его? Она казалась ему непонятной и непроницаемой. Ему пришла вдругъ странная мысль въ голову, что, быть можетъ, она полюбила бы его романтической любовью, если бы онъ съ негодованіемъ отвергъ предложеніе, сдѣланное ему гувернанткой.

Онъ умолкъ, а Флавія оставалась такой же застывшей. Затѣмъ какъ будто бы она не слыхала его исповѣди,—сухо проговорила:

— Итакъ, вы будете моимъ мужемъ только по имени, мы будемъ жить независимой жизнью и пользоваться безусловной свободой.

Нантасъ немедленно принялъ церемонный тонъ и сухой голосъ человѣка, толкующаго о дѣлахъ.

— Это рѣшено и подписано.

И ушелъ, недовольный собою. Какъ могъ онъ уступить дурацкому желанію убѣдить эту женщину? Она очень хороша собою; лучше, если бы между ними не было ничего общаго, потому что она могла бы стѣснить его въ жизни.

III.

Прошло десять лѣтъ. Однажды утромъ Александръ Нантасъ находился въ кабинетѣ, гдѣ баронъ Довиллье нѣкогда такъ рѣзко обошелся съ нимъ, во время ихъ перваго свиданья. Теперь этотъ кабинетъ былъ его собственный; баронъ помирился съ дочерью и съ

затѣмъ, и уступилъ имъ отель, оставивъ себѣ только отдѣльный флигель, расположенный на другомъ концѣ сада и выходившій на улицу Бонъ. Въ десять лѣтъ Нантасъ завоевалъ себѣ очень видное положеніе въ финансовомъ и промышленномъ мірѣ. Участвуя во всѣхъ крупныхъ желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ, во всѣхъ земельныхъ спекуляціяхъ, отмѣтившихъ первые годы имперіи, онъ быстро составилъ громадное состояніе. Но его честолюбію этого было мало: онъ хотѣлъ играть политическую роль, и за два года передъ тѣмъ избранъ былъ депутатомъ въ одномъ департаментѣ, гдѣ у него было обширное помѣстье. Немедленно по вступленіи въ законодательный корпусъ, онъ сталъ въ положеніе будущаго министра финансовъ. Благодаря своимъ спеціальнымъ знаніямъ, своему краснорѣчію и ловкому поведенію, онъ съ каждымъ днемъ начиналъ играть все болѣе и болѣе видную роль. Онъ заявлялъ о безусловной преданности имперіи, аридерживаясь при этомъ личныхъ теорій въ дѣлѣ финансовъ, теорій, надѣлавшихъ много шума и очень занимавшихъ императора, какъ ему было извѣстно.

Въ это утро Нантасъ былъ заваленъ дѣломъ. Въ обширныхъ конторахъ, устроенныхъ имъ въ нижнемъ этажѣ отеля, царствовала необыкновенная дѣятельность. Цѣлый міръ служащихъ, за рѣшетками, сновали взадъ и впередъ, стуча дверьми, которыя безпрестанно отпирались и запирались. Звонъ золота не прекращался, жѣстки раскрывались и закрывались, заливая столы золотымъ дождемъ. Въ передней толпился народъ,—просители, дѣльцы, политическіе дѣятели, весь Парижъ, коѣмъ преклоненный передъ властью. Часто важныя лица терпѣливо ждали въ ней по цѣлому часу. А Нантасъ, сидя за письменнымъ столомъ, разбиралъ провинціальную и заграничную корреспонденцію, охватывая своими руками вселенную, осуществляя свою старинную мечту о силѣ и власти, и сознавая себя интеллигентнымъ двигателемъ колоссальной машины, приводившей въ движеніе королевства и имперіи.

Нантасъ позвонилъ и призвалъ швейцара, дежурившаго у входной двери. Онъ казался озабоченнымъ.

— Жерменъ,—спросилъ онъ,—не знаете ли, не вернулась ли барыня?

И такъ какъ швейцаръ сказалъ, что не знаетъ, онъ приказалъ позвать горничную барыни. Но Жерменъ не уходилъ.

— Извините, сударь,—пробормоталъ онъ,—господинъ президентъ законодательнаго корпуса непремѣнно желаетъ васъ видѣть.

У Нантаса вырвалось движеніе досады. Онъ сказалъ:

— Просите и сдѣлайте то, что я вамъ приказывалъ.

Наканунѣ, по одному капитальному вопросу о бюджетѣ, Нантасъ

сказалъ рѣчь, которая произвела такое впечатлѣніе, что спорную статью внесли въ комиссію для измѣненія въ смыслѣ, указанномъ имъ. Послѣ засѣданія разнесся слухъ, что министръ финансовъ готовится выйти въ отставку и въ различныхъ группахъ уже указывали на Нантаса, какъ на его преемника. Онъ же пожималъ плечами: ничто еще не рѣшено; онъ только бесѣдовалъ съ императоромъ о нѣкоторыхъ спеціальныхъ пунктахъ. Совсѣмъ тѣмъ визитъ президента законодательнаго корпуса могъ имѣть весьма важное значеніе. Одну минуту Нантасъ какъ будто страхнулъ заботу, омрачавшую его, всталъ и пошелъ позвать руку входившему президенту.

— Ахъ! герцогъ,—сказалъ онъ,—прошу васъ извинить меня. Я не зналъ, что вы пріѣхали... Повѣрьте, я очень тронутъ честью, какую вы мнѣ оказываете.

Съ минуту они переливали изъ пустого въ порожнее дружескимъ тономъ. Затѣмъ президентъ, не высказываясь прямо, далъ понять Нантасу, что присланъ императоромъ сондировать его. Приметъ ли онъ портфель финансовъ и съ какой программой? Тогда Нантасъ, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, высказалъ свои условія. Но въ душѣ своей, подъ маской равнодушія, онъ ликовалъ. Еще одна ступень—и онъ на вершинѣ. Еще одинъ шагъ—и онъ станетъ выше всѣхъ. Въ то время, какъ президентъ законодательнаго корпуса уходилъ, говоря, что пойдетъ прямо къ императору, чтобы сообщить ему программу, маленькая дверца, ведущая во внутреннія комнаты, отворилась и показала горничная барыни. Нантасъ, вдругъ помертвѣвшій, не докончилъ фразы. Онъ подбѣжалъ къ ней, говоря:

— Извините, герцогъ.

И шопотомъ принялся разспрашивать ее: барыня рано вышла изъ дому? она не сказала, куда отправляется? Когда она вернется? Горничная отвѣчала неопредѣленными фразами, какъ умная дѣвушка, не желающая себя компрометтировать. Нантасъ, усмотрѣвъ всю наивность этого вопроса, съумѣлъ, наконецъ, подавить свою тревогу и сказалъ просто:

— Какъ только барыня вернется, скажите ей, что я желаю съ ней переговорить.

Герцогъ, немного удивленный, подошелъ къ окну и глядѣлъ во дворъ. Нантасъ опомнился и снова извинился. Но хладнокровіе измѣнилось ему; онъ бормоталъ что-то такое и удивилъ герцога неловкими замѣчаніями.

— Бѣда, я испортилъ все дѣло,—признался онъ вслухъ самому себѣ, когда ушелъ президентъ. Портфель ускользнетъ изъ моихъ рукъ.

И чувство тревоги уступило въ немъ чувству досады. Нѣсколько

лицъ введено было Жерменомъ. Пришелъ инженеръ съ отчетомъ, и возвѣстилъ о значительныхъ барышахъ, полученныхъ отъ разработки одного рудника, недавно предпринятой. Дипломатъ завелъ съ нимъ рѣчь о займѣ, который одна сосѣдняя держава желала открыть въ Парижѣ. Его собственные агенты перебивали одинъ за другимъ, принося отчеты о двадцати различныхъ дѣлахъ, изъ которыхъ одно было важнѣе другого. Наконецъ онъ принялъ нѣсколько собратовъ по палатѣ, приходившихъ уже къ нему на поклонъ. Всѣ распространялись въ преувеличенныхъ похвалахъ его вчерашней рѣчи, и предсказывали, что онъ будетъ играть значительную роль въ государствѣ. Онъ же, разваливъ въ креслѣ передъ письменнымъ столомъ, выслушивалъ эту лесть безъ улыбки. Звонъ золота продолжалъ раздаваться въ сосѣднихъ комнатахъ; ему стоило только взять въ руки перо, чтобы отписать депеши, прибытіе которыхъ могло обрадовать или смутить европейскіе рынки; онъ могъ остановить или ускорить войну, поддерживать или противодѣйствуя займу, о которомъ съ нимъ только что говорили. И даже онъ держалъ бюджетъ Франціи въ своей рукѣ; черезъ нѣсколько минутъ онъ долженъ былъ узнать, будетъ ли онъ за или противъ имперіи. Наступало его торжество; личность его, разросшаяся чрезмѣрно, становилась центромъ, вокругъ котораго вращалось общество. А между тѣмъ онъ не наслаждался своимъ торжествомъ такъ, какъ онъ этого ожидалъ. Онъ чувствовалъ себя утомленнымъ, умъ его было занять иными соображеніями; при каждомъ шумѣ онъ поворачивалъ голову. Лицо его то краснѣло, то блѣднѣло, точно чья-то холодная рука дотрогивалась до его затылка.

Прошло два часа, а Флавія еще не появлялась. Нантасъ позвалъ Жермена и поручилъ ему пригласить г. Довиллье, если найдетъ его дома. Оставшись одинъ, онъ принялся ходить по своему кабинету, не желѣвъ никого больше принимать. Мало-по-малу волненіе его усилилось. Безъ сомнѣнія, жена его отправилась на любовное свиданіе. Вотъ уже полгода какъ де-Фондеттъ овдовѣлъ. Флавія, должно быть, возобновила съ нимъ отношенія, тѣмъ болѣе, что они каждый вечеръ встрѣчались у маркизы д'Обернонъ. Разумѣется, Нантасъ не сознался бы въ ревности; въ продолженіи десяти лѣтъ онъ строго соблюдалъ заключенный договоръ; но только онъ не желалъ, говорилъ онъ, быть смѣшнымъ. Онъ ни за что не позволитъ m-me Нантасъ компрометтировать его положеніе, сдѣлавъ его общимъ посмѣшищемъ. До тѣхъ поръ, пока она, повидимому, вела себя хорошо, онъ довольствовался тѣмъ, что съ ревнивымъ вниманіемъ слѣдилъ за нею; теперь, когда она затѣвала интригу, онъ воспользуется своими правами. И вся сила измѣнила ему, чувство мужа, желающаго, чтобы его уважали, наполняло его такой тревогой, подобной которой онъ не

испытывать даже тогда, когда пускался въ самыя рискованныя аферы въ началѣ своей карьеры.

Вошла Флавія въ своею визитномъ платьѣ. Она только сняла шляпу и перчатки. Нантасъ, у котораго голосъ дрожалъ, сказалъ ей, что онъ бы самъ пришелъ къ ней на верхъ, если бы она дала ему знать о своемъ возвращеніи. Но она, не садясь, съ торопливымъ видомъ кліентки, сдѣлала движеніе какъ-бы приглашая его поторопиться.

— Послушайте, — сказалъ онъ, — намъ необходимо объясниться... Куда вы ѣхали сегодня утромъ?

Дрожащій голосъ мужа, грубость вопроса чрезвычайно какъ изумили ее.

— Да туда, куда мнѣ было угодно.

— Вотъ это-то именно мнѣ не нравится, — отвѣчалъ онъ, блѣднѣя. — Вы должны помнить, что я вамъ сказалъ, что я не потерплю, чтобы вы пользовались предоставленной мною вамъ свободой съ тѣмъ, чтобы безчестить мое имя.

Флавія улыбнулась съ безконечнымъ презрѣніемъ.

— Обезчестить ваше имя? да это ваше дѣло, и къ тому же уже поконченное.

Тогда Нантасъ въ безумномъ раздраженіи подбѣжалъ къ ней, какъ-бы собираясь прибить ее, и, заикаясь, проговорилъ:

— Несчастная, вы были на свиданіи съ Фондеттомъ... У васъ есть любовникъ, я это знаю, и вы позорите человѣка, который спасъ вашу фамилію отъ безчестія.

— Вы ошибаетесь, — сказала она, не смущаясь его угрожающимъ жестомъ, — у меня нѣтъ любовника, я не видѣлась съ де-Фондеттомъ... Но если бы даже у меня и былъ любовникъ, то вы не въ правѣ укорять меня за то. Какое вамъ дѣло? Вы, значить, забыли про наши условія?

Онъ съ минуту глядѣлъ на нее безумными глазами, затѣмъ съ рыданіемъ въ голосъ далъ волю долго сдерживаемой страсти и упалъ къ ея ногамъ, съ крикомъ:

— О, Флавія, я васъ люблю! я васъ люблю!

Она, выпрямившись во весь ростъ, отодвинулась отъ него, потому что онъ дотронулся до ея платья. Но несчастный слѣдовалъ за ней на колѣняхъ, рыдая и протянувъ къ ней руки.

— Я васъ люблю, Флавія, — я васъ люблю безумно... Я самъ не знаю, какъ эта любовь закралась ко мнѣ въ сердце, много лѣтъ уже тому назадъ. И мало-по-малу она охватила меня всего. О! я боролся, я находилъ это недостойнымъ себя, я помнилъ нашъ первый разговоръ... Но теперь я слишкомъ страдаю, — я долженъ высказать вамъ...

Долго говорилъ онъ такимъ образомъ. То было крушеніе всѣхъ его вѣрованій. Этотъ человѣкъ, вѣровавшій только въ силу, утверждавшій, что воля единственный рычагъ, способный перевернуть міръ, оказывался уничтоженнымъ, слабымъ какъ ребенокъ, — обезоруженнымъ передъ женщиной. Женщина оказывалась сильнѣе его. И осуществившуюся мечту о богатствѣ, и завоеванное высокое положеніе въ обществѣ — онъ все бы отдалъ за то, чтобы эта женщина, наклонясь къ нему, подняла его съ колѣнъ, поцѣловавъ въ лобъ. Она омрачала его торжество. Онъ не слышалъ больше золота, звенѣвшаго въ его конторахъ, онъ не думалъ больше о вереницѣ царедворцевъ, являвшихся къ нему на поклонъ, — онъ забылъ про то, что, быть можетъ, въ эту минуту императоръ призываетъ его къ себѣ. Всѣ эти вещи больше не существовали. У него было все, а ему была нужна только одна Флавія. Если Флавія не хочетъ быть его, — онъ нищій.

— Послушайте, — продолжалъ онъ, — то, что я сдѣлалъ, — я это сдѣлалъ для васъ... Вначалѣ, правда, я о васъ не думалъ, — я трудился для удовлетворенія своего самолюбія. Затѣмъ вы стали единственной цѣлью всѣхъ моихъ мыслей, всѣхъ моихъ усилій. Я говорилъ себѣ, что долженъ подняться какъ можно выше, чтобы быть достойнымъ васъ. Я надѣялся смягчить васъ въ тотъ день, какъ повергну къ вашимъ ногамъ мое всемогущество. Видите, чего я уже достигъ. Развѣ я не заслужилъ вашего прощенія? Не презирайте меня, умоляю васъ, — не презирайте меня.

Она все еще ничего не говорила. Наконецъ, спокойно сказала:

— Встаньте, — могутъ войти.

Онъ не слушался, — продолжалъ умолять ее. Быть можетъ, онъ бы сталъ еще ждать, если бы не ревновалъ къ де-Фондеттъ. Эта пытка жгла его. Онъ униженно умолялъ ее.

— Я вижу, что вы все еще презираете меня. Ахъ! подождите еще, — не дарите никому вашей любви. Обѣщаю вамъ совершить такія великія дѣла, что они тронутъ васъ. Простите, если я былъ грубъ... У меня голова идетъ кругомъ... О! дозвоьте мнѣ надѣяться, что вы полюбите меня со временемъ.

— Никогда! — произнесла она съ энергіей.

И между тѣмъ, какъ онъ лежалъ на полу раздавленный — хотѣла выдти. Но онъ, потерявъ голову, разъяренный этой женщиной, осмѣливавшейся ему сопротивляться, всталъ и схватилъ ее за руки. Какъ? неужели женщина будетъ противиться ему, когда весь свѣтъ у его ногъ! Онъ все можетъ: колебать государства, руководить Франціей, какъ ему угодно, — и не можетъ добиться любви Флавіи! Онъ, сильный, могущественный, — онъ, чьи малѣйшія желанія были при-

казаніями, у него только и есть что одно желаніе — и это желаніе никогда не будет удовлетворено, потому что созданіе, слабое какъ ребенокъ, этого не хочетъ! Онъ продолжалъ тискать ей руки и повторять глухимъ голосомъ:

— Я хочу... я хочу...

— А я не хочу, — говорила Флавія, поблѣвъ какъ полотно и упершись на своемъ.

Борьба продолжалась, когда дверь отворилась и появился баронъ Довиллье. При видѣ его, Нантасъ выпустилъ руку Флавіи, и вскричалъ, увлеченный яростью:

— Вотъ дочь ваша, вернувшаяся отъ любовника... Скажите же ей, что женщина должна уважать имя своего мужа—даже когда его не любить и если забота о своей собственной репутаціи ее не удерживаетъ.

Баронъ, сильно постарѣвшій, остановился на порогѣ передъ этой сценой насилія. Она была для него горестнымъ сюрпризомъ. Онъ думалъ, что дочь и зять ладятъ другъ съ другомъ, — онъ одобрялъ церемонныя отношенія, существовавшія между супругами. Онъ думалъ, что это дѣлается ради приличій. Зять и онъ принадлежали къ двумъ различнымъ и рѣзко отличавшимся другъ отъ друга поколѣніямъ. Но если его непріятно задѣвала не особенно щепетильная дѣятельность Нантаса, если онъ осуждалъ нѣкоторыя предпріятія, казавшіяся ему рискованными, — онъ долженъ былъ признать силу его воли и его мощный умъ. И вотъ вдругъ онъ натывается на драму, которой не подозревалъ. Когда Нантасъ обвинилъ Флавію въ томъ, что у ней есть любовникъ, баронъ, обращавшійся съ замужней дочерью съ той же строгостью, какъ когда ей было десять лѣтъ, подошелъ къ ней величественными, старческими шагами.

— Для того ли вы призвали меня, чтобы разсудить между вами? — спросилъ онъ у зятя.

— Да, — отвѣчалъ Нантасъ, — она не признаетъ моей власти... Клянусь вамъ, что она вернулась отъ любовника и грубитъ мнѣ.

Флавія съ пренебреженіемъ отвернула голову, какъ-бы желая показать, что она не хочетъ даже отвѣчать на эти обвиненія. Она стала оправлять свои манжеты, смятыя грубыми движеніями мужа. Лицо ея нисколько даже не покраснѣло. Между тѣмъ отецъ обратился къ ней.

— Дочь моя, почему ты не оправдываешься? Развѣ мужъ твой сказалъ правду? Неужели ты еще и это горе хочешь излить на мою старую голову? Оскорбленіе коснется также и меня, потому что вина одного изъ членовъ семьи мараетъ всѣхъ остальныхъ.

Тогда у ней вырвался жестъ нетерпѣнія. Нечего сказать, удачное

время выбралъ отецъ, чтобы упрекать ее! Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ она терѣла его допросъ, желая избавить его отъ постыднаго объясненія. Но такъ какъ старикъ, видя ее безмолвной и не сдающейся, вспылилъ въ свою очередь, она сказала ему, наконецъ, указывая на Нантаса:

— Охъ! папá, оставьте этого человѣка разыгрывать свою роль... Вы его не знаете. Не заставляйте меня высказываться изъ уваженія къ вамъ.

— Онъ твой мужъ,—возразилъ старикъ.—Онъ отецъ твоего ребенка.

Флавія выпрямилась съ негодованіемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ не мой мужъ, онъ не отецъ моего ребенка... Наконецъ, я вамъ все выскажу. Этотъ человѣкъ даже не соблазнитель, потому что для него служило бы извиненіемъ то, что онъ любилъ меня. Этотъ человѣкъ просто-на-просто проданъ, чтобы покрыть вину другого.

Баронъ повернулся къ Нантасу; тотъ, помертвѣвъ, упалъ въ кресло.

— Слышите ли, папá,—настаивала Флавія еще энергичнѣе,—онъ проданъ, проданъ за деньги... Я его никогда не любила,—онъ никогда пальцемъ до меня не дотронулся... Я желала спасти васъ отъ великаго огорченія и купила его... Поглядите на него — и вы увидите, что я говорю правду.

Нантасъ закрылъ лицо руками.

— А теперь, — продолжала молодая женщина, — онъ требуетъ, чтобы я его любила... Онъ сейчасъ становился на колѣни и плакалъ. Новая комедія, безъ сомнѣнія. Быть можетъ, я ему нужна для какой-нибудь новой сдѣлки... Простите меня, папá, за то, что я васъ обманула; но, ей-Богу, развѣ я могу принадлежать этому человѣку? А теперь вы все знаете и уведите меня. Онъ сейчасъ чуть не прибилъ меня,—я не останусь съ нимъ больше ни минуты.

Баронъ выпрямилъ свою согбенную фигуру. Благодаря чрезвычайному усилю, голова его и руки перестали трястись. И не говоря ни слова, онъ подаль руку дочери. Оба вышли изъ комнаты, и Нантасъ не сдѣлалъ попытки ихъ удержать. На порогѣ баронъ проронилъ только слово: „прощайте, милостивый государь“.

Дверь затворилась. Нантасъ остался одинъ, уничтоженный, безумно глядя въ пустоту, воцарившуюся вокругъ него.

Когда вошелъ Жерменъ и подаль ему письмо, онъ машинально раскрылъ его и пробѣжалъ глазами. То было собственноручное письмо императора, въ которомъ его величество призывалъ его въ министерство финансовъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Онъ плохо разобралъ въ чемъ дѣло и выронилъ письмо изъ рукъ, угрю-

мый и ошоченѣвшій. Осуществленіе всѣхъ его честолюбивыхъ грезъ его не трогало. Звонъ золота вокругъ него, въ сосѣднихъ съ его кабинетомъ вонторахъ, усилился; слышалась еще болѣе торопливая бѣготня; наступилъ часъ, когда домъ Нантаса весь ходилъ ходуномъ, задѣвая въ своемъ движеніи пол-міра. А онъ среди этого колоссальнаго труда, дѣла его рукъ, въ апогеѣ могущества, устремивъ тупо глаза на письмо императора, проговорилъ дѣтскую жалобу, служившую полнымъ отрицаніемъ его теоріи о силѣ и волѣ людской:

— Я несчастливъ... я несчастливъ.

Онъ плакалъ, опустивъ голову на бюро, и горячія слезы его стирали письмо, назначавшее его министромъ.

IV.

Прошли мѣсяцы. Нантасъ былъ министромъ финансовъ и какъ будто старался забыться въ нечеловѣческомъ трудѣ. На другой день послѣ рѣзкой сцены, происшедшей въ кабинетѣ, онъ имѣлъ секретный разговоръ съ барономъ Довиллье. По совѣту отца, Флавія согласилась вернуться въ домъ мужа. Надо было во что бы то ни стало заглушить скандалъ. Но супруги не говорили больше ни слова другъ съ другомъ, внѣ той комедіи, какую имъ приходилось разыгрывать при людяхъ. Нантасъ рѣшилъ, что не выѣдетъ изъ своего отеля. По вечерамъ онъ привозилъ съ собой секретаря и у себя разбиралъ министерскія дѣла.

Въ эту эпоху своей жизни онъ совершилъ самыя великія дѣла. Въ немъ какъ будто горѣло какое-то пламя, внушавшее ему самыя возвышенныя и плодотворныя мысли. Вокругъ него стоялъ ропотъ симпатіи и восторга. Но онъ казался нечувствительнымъ къ похваламъ. Можно было подумать, что онъ трудится безъ надежды на награду, съ мыслью совершить великія дѣла единственно затѣмъ, чтобы сдѣлать невозможное: каждый разъ, какъ ему удавалось новое великое предпріятіе, онъ глядѣлъ въ лицо Флавіи. Тронулась ли она наконецъ? Простить ли она ему его былую низость за его умъ и удачу? Но по прежнему онъ не могъ уловить признака чувства на нѣмомъ лицѣ этой женщины и говорилъ себѣ:

— Что-жъ! Я еще, значить, не довольно великъ для нея, надо работать и работать!

И снова принимался за работу, съ упрямой настойчивостью. Онъ хотѣлъ завоевать счастье, какъ завоевалъ богатство. Вѣра въ силу воскресла въ немъ, онъ не допускалъ другого рычага въ мірѣ. Твердая воля создаетъ человѣка. Когда имъ овладѣвали минуты со-

миѣнія и унынія, онъ заперся у себя, чтобы никто не могъ видѣть его слабости.

О борьбѣ, которую онъ велъ съ самимъ собой, можно было догадаться только по впалымъ глазамъ, обведеннымъ черными кругами и горѣвшимъ внутреннимъ огнемъ.

Ревность пожирала его. Не имѣть права любить Флавію было пыткой; но бѣшенство овладѣвало имъ, когда онъ помышлялъ, что она можетъ отдаться другому. Онъ хорошо понималъ, что съ такимъ гордымъ характеромъ онъ испортитъ все дѣло, если станетъ открыто надзирать за ней. Чтобы заявить о своей свободѣ, она способна компрометтировать себя съ де-Фондеттомъ. Поэтому онъ дѣлалъ видъ, что не занимается ею, терзаясь въ душѣ всякій разъ, какъ ея не бывало дома. Если бы онъ не боялся быть смѣшнымъ, онъ бы провожалъ ее по улицамъ. Къ тому же, подавляющій трудъ не позволялъ ему такого шпіонства. И вотъ когда ему пришло въ голову приставить къ Флавіи особу, подкупленную имъ самимъ.

Мадемуазель Шуентъ все еще проживала въ ихъ домѣ. Баронъ привыкъ къ ней. Съ другой стороны, ей слишкомъ многое было извѣстно, чтобы можно было легко съ ней развязаться. Одну минуту старая дѣва питала было намѣреніе удалиться на покой съ двадцатью тысячами франковъ, отсчитанныхъ ей Нантасомъ на другой день своей свадьбы. Но, безъ сомнѣнія, она сказала себѣ, что съ двадцатью тысячами франковъ далеко не уѣдешь, и что въ домѣ Нантаса слишкомъ удобно ловить рыбу въ мутной водѣ. Итакъ, она стала ждать новой оказіи. Она рассчитала, что ей нужно еще двадцать тысячъ франковъ, чтобы купить въ Роенвилѣ, ея родинѣ, домъ нотаріуса, составлявшій предметъ ея восхищенія въ молодости, и жить въ ней настоящей барыней.

Естественно, что Нантасу пришло въ голову приставить ее для надзора за Флавіей. Онъ не считалъ нужнымъ церемониться съ этой старой дѣвой, притворно-добродѣтельными мины которой не могли обмануть его. Между тѣмъ, она очень сдержанно обращалась съ нимъ, разыгрывая роль неподкупной женщины, точно будто они никогда не были знакомы. Въ то утро, какъ онъ призвалъ ее въ свой кабинетъ, гдѣ предложилъ ей безъ обиняковъ сообщить ему обо всемъ, что дѣлаетъ жена, она притворно возмущилась и спросила его: за кого онъ ее принимаетъ?

— Послушайте, — сказалъ Нантасъ нетерпѣливо. — Я очень спѣшу, имѣ некогда. Пожалуйста безъ предисловій.

Но она не хотѣла ни о чемъ слышать, если онъ не обставитъ все приличіями. Принципы сами по себѣ казались ей безразличны: все зависѣло отъ манеры, съ какой ихъ заявляютъ.

— Если такъ,—продолжалъ Нантасъ,—то вы сдѣлаете доброе дѣло. Я боюсь, что жена скрываетъ отъ меня какое-то горе. Я вижу, что она грустна съ нѣкоторыхъ поръ, и подумалъ, что вы можете разузнать для меня въ чемъ дѣло.

— Разсчитывайте на меня,—объявила ему послѣ этого мадемуазель Шуенъ съ материнской нѣжностью.—Я вполне предана вашей женѣ и на все готова для ея и вашего счастья... Съ завтрашняго дня я стану надзирать за ней.

Нантасъ обѣщалъ ее наградить за услуги. Она сначала разсердилась. Затѣмъ искусно заставила его назначить сумму: онъ обѣщалъ ей десять тысячъ франковъ, если она доставитъ ему формальное доказательство хорошаго или дурного поведенія его жены. Мало-по-малу они кончили тѣмъ, что стали называть вещи ихъ именами. Нужно было только подзадорить мадемуазель Шуенъ.

Съ этихъ поръ Нантасъ сталъ не такъ мучиться. Онъ ждалъ кризиса, онъ чувствовалъ, что этотъ кризисъ наступаетъ—и готовился употребить послѣднее усиліе. Снова прошелъ годъ и у него на плечахъ была колоссальная работа,—приготовленіе бюджета. Съ согласія императора онъ ввелъ въ финансовую систему важныя перемѣны. Онъ зналъ, что на него будутъ сильныя нападки въ законодательномъ корпусѣ, и ему хотѣлось приготовить побольше документовъ. Зачастую онъ проводилъ за работой всю ночь на пролетъ. Это оглушало его и дѣлало терпѣливымъ. Когда онъ видался съ m-lle Шуенъ, онъ коротко разспрашивалъ ее. Узнала ли она что-нибудь? Много ли жена сдѣлала визитовъ и не оставалась ли по долгу въ нѣкоторыхъ домахъ? M-lle Шуенъ вела подробный дневникъ. Но до сихъ поръ она сообщала лишь о незначительныхъ фактахъ. Нантасъ успокоивался, тогда какъ старая дѣва подмигивала глазами, повторяя, что вскорѣ добудетъ новенькое. Она это чувствуетъ,—говорила она.

Дѣло въ томъ, что m-lle Шуенъ пораскинула умомъ. Десять тысячъ франковъ не удовлетворяли ее; ей нужно было двадцать тысячъ, чтобы приобрести немедленно себѣ помѣстье. Ей было пятьдесятъ лѣтъ, ей давно пора пожить въ свое удовольствіе. Какимъ образомъ извлечь изъ этого дѣла еще десять тысячъ франковъ? Вотъ въ чемъ была задача. Она подумывала—было сначала продаться женѣ, послѣ того, какъ продалась мужу; она скажетъ ей, что онъ подозрѣваетъ ее и предложитъ сбить его съ толку. Но она знала Флавію, она знала, что при первомъ ея словѣ эта гордая и безусловно прямодушная молодая женщина съ презрѣніемъ прогонитъ ее. Она давно знала, что Флавія безупречна; прежде нежели мужъ поручилъ ей это, она шпионила за ней по собственной охотѣ, раз-

суждая, что пороки господъ обезпечиваютъ благосостояніе слугъ, но натоленулась на непоколебимую женскую добродѣтель, тѣмъ болѣе непоколебимую, что опиралась на гордости. У Флавіи осталось отъ ея перваго проступка, проступка наивной дѣвочки, глубокая вражда ко всему мужскому роду; она поклялась, что полюбитъ только выдающагося изъ рада вонъ человѣка, вопли ея достойнаго. М-ле Шуень обвиняла ее въ томъ, что она каменная, и даже въ тайнѣ презирала ее за холодность темперамента, въ которомъ видѣла женское безсиліе. Что толку быть красавицей, если не наслаждаться своей красотой? Ей казалось мизернымъ добыть десять тысячъ франковъ отъ Нантаса, похлывшись ему, что у его жены нѣтъ любовника. Лучше она выдумаетъ, что онъ есть. И, размышляя на эту тему, она, наконецъ, придумала хитрую комбинацію, чтобы найти недостающія ей десять тысячъ франковъ.

М-ле Шуень была знакома въ былое время съ де-Фондеттомъ, когда Флавія ѣздила въ гости къ молодой четѣ. Однажды вечеромъ она встрѣтилась съ нимъ, выказала самыя почтительныя чувства, оплакивала бѣдную м-ше де-Фондеттъ, такую милую особу. Затѣмъ, такъ какъ молодой вдовецъ разспрашивалъ ее съ интересомъ про ея госпожу, м-ше де-Нантасъ, она тотчасъ же поняла, что онъ безумно влюбленъ въ нее и что его жжетъ воспоминаніе о той минутѣ, когда онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ. Послѣ этого она стала слѣдить за нимъ, убѣдилась, что де-Фондеттъ преслѣдовалъ Флавію своей жгучей страстью и что она упорно бѣгаетъ его. Это объясняло подозрѣнія Нантаса; очевидно, подозрѣнія его были неосновательны и могли явиться лишь на основаніи свиданія, котораго де-Фондеттъ хитростью или насиліемъ стѣмѣлъ добиться отъ Флавіи. Но у м-ле Шуень составилъ цѣльный планъ дѣйствія: если она не могла продать своихъ услугъ своей госпожѣ, то продать ихъ ея обожателю. Угодить разомъ мужу и любовнику—вотъ геніальная комбинація.

Все какъ нарочно устроивалось самымъ удачнымъ образомъ. Де-Фондеттъ, отвергнутый, безнадежный, дошелъ до состоянія *idée fixe*; любовь совсѣмъ вскружила ему голову; онъ отдастъ бы все свое состояніе за то, чтобы хоть разъ прижать къ своей груди женщину, одному ему принадлежавшую. Она же упорно отвергала его, потому что воспоминаніе объ его насиліи наполняло ее отвращеніемъ къ нему. То самое воспоминаніе, которое огнемъ жгло этого человѣка, предохраняло ее отъ всякой слабости. Де-Фондеттъ понялъ, что только неожиданное нападеніе можетъ привести его къ желанной цѣли. Поэтому онъ первый обратился къ м-ле Шуень. Онъ увидѣлся съ ней, разыгралъ чувствительнаго человѣка, и поклялся, что убьетъ себя, если она не поможетъ ему разжалобить м-ше Нантасъ. Это пошло

какъ разъ въ тонъ, любовный ея сердцу. Она немедленно растала, расплакалась отъ умиленія, и поклалась помогать такой вѣрной любви. И черезъ недѣлю, послѣ долгаго лжанія и чувствительныхъ сценъ, дѣло уладилось. Де-Фондеттъ обѣщалъ дать десять тысячъ франковъ, а m-lle Шуенъ взялась укрыть его вечеромъ въ комнатѣ Флавин.

Утромъ этого дня старая дѣва отправилась къ Нантасу и объявила ему, что пришла сообщить важную новость.

— Говорите скорѣе, — пробормоталъ Нантасъ, блѣдный.

Но сначала она ничего прямо не высказывала. У барыни навѣрное есть интрига. Она даже назначаетъ свиданія.

— Къ дѣлу, къ дѣлу, — повторялъ министръ, сдерживаясь, такъ какъ ему показалось, что она нарочно мучить его.

Наконецъ, она назвала де-Фондетта.

— Сегодня вечеромъ, — торопливо проговорила она, — онъ придетъ въ комнату барыни.

— Хорошо, благодарю васъ, — пролепеталъ Нантасъ.

Онъ жестомъ выпроводилъ ее; онъ боялся обнаружить передъ ней свою слабость! Это послѣднее выпроваживаніе очень удивило ее. Она ждала продолжительнаго вопроса и даже приготовилась какъ отвѣчать, чтобы не сбѣться; впрочемъ, ей такой простой способъ объясненія былъ пріятнѣе; она поклонилась и ушла, скорчивъ жалостную мину, причинную случаю.

Нантасъ всталъ. Оставшись одинъ, онъ проговорилъ вслухъ:

— Сегодня вечеромъ, въ ея комнатѣ, этотъ человѣкъ...

И сжалъ руками черепъ, какъ-бы боясь, что онъ треснетъ. Это свиданіе, назначенное въ домѣ мужа, казалось ему чудовищно-наглымъ. Онъ не могъ позволить оскорблять себя такимъ образомъ. Его атлетическіе кулаки сжимались, бѣшенный гнѣвъ заставлялъ его грезить объ убійствѣ. Между тѣмъ ему предстояло еще кончить одну работу. Три раза садился онъ за письменный столъ и три раза вставалъ изъ-за него; его такъ и подмывало немедленно разыскать жену и назвать ее самымъ поворнымъ именемъ. Наконецъ онъ совладалъ съ собой и принялся за работу, боясь, что задушить ихъ сегодня вечеромъ. То была величайшая побѣда, какую онъ когда-либо одерживалъ надъ самимъ собою.

Послѣ полудня Нантасу предстояло ѣхать къ императору. Онъ долженъ былъ сообщить ему окончательный проектъ бюджета. Въ послѣднюю минуту императоръ сдѣлалъ ему нѣсколько возраженій, которыя Нантасъ оспаривалъ съ величайшимъ хладнокровіемъ. Но долженъ былъ обѣщать, что измѣнить часть своего труда. Проектъ долженъ былъ быть представленъ завтра.

— Государь, я прошу за нимъ ночь, — сказалъ онъ.

И, возвращаясь домой, думалъ:—я убью ихъ въ полночь и затѣмъ уснѣю къ утру окончить работу.

Вечеромъ за обѣдомъ, баронъ Довилль какъ разъ заговорилъ объ этомъ проектѣ бюджета, надѣлавшемъ большого шума. Онъ не одобрялъ всѣхъ идей своего зятя въ дѣлѣ финансовъ, но находилъ ихъ весьма широкими, весьма замѣчательными. Въ то время, какъ онъ отвѣчалъ барону, Нантасъ неоднократно замѣчалъ, что глаза жены устремлены на него. Теперь зачастую случалось ему ловить ее взглядъ. Лицо ея попрежнему оставалось безчувственнымъ; но только она прислушивалась къ тому, что онъ говорилъ, и какъ будто старалась прочесть самыя его мысли. Нантасъ подумалъ, что она боится, что ея тайну выдали, и изучаетъ его лицо, стараясь прочесть на немъ: можетъ ли де-Фондеттъ безопасно придти къ ней. Пестону онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы показать, что ничѣмъ не озабоченъ. Онъ много говорилъ, излагалъ блестящія и краснорѣчивыя вещи, и кончилъ тѣмъ, что убѣдилъ своего тестя, который, пасуя передъ его великимъ умомъ, постоянно выказывалъ ему холодность, и тѣмъ какъ будто хотѣлъ выразить, что не можетъ его уважать. Флавія приняла мало-по-малу въ нервное состояніе и не спускала глазъ съ Нантаса; проблескъ какого-то чувства на минуту мелькнулъ на ея лицѣ.

До полуночи Нантасъ работалъ въ своемъ кабинетѣ. Мало-по-малу работа увлекла его; онъ все позабылъ, слѣдя за развитіемъ своей идеи. Когда часы пробили полночь, онъ инстинктивно поднялъ голову. Глубокое безмолвіе царствовало въ отелѣ. Вдругъ онъ вспомнилъ; нѣмѣна таялась въ этомъ мракѣ и въ этомъ безмолвіи. Но ему трудно было сойти съ мѣста, ему жаль было расстаться съ перомъ, онъ неохотно положилъ его и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ-бы погнавшись прежней волѣ, теперь уже оставившей его. Затѣмъ краска бросилась ему въ лицо; въ глазахъ его зажглось пламя. И онъ пошелъ въ комнату жены.

Въ этотъ вечеръ Флавія рано отослала отъ себя горничную и m-lle Шуень. Она хотѣла быть одна. До полуночи она просидѣла въ маленькомъ будуарѣ, расположенномъ вблизи ея спальни. Растянувшись въ креслѣ, въ усталой позѣ, она держала въ рукѣ книгу; но книга безпрестанно падала къ ней на колѣни, и она задумывалась, устремивъ глаза въ пространство. Лицо ея смягчилось; блѣдная улыбка пробѣгала по немъ. Вдругъ постучались въ дверь. Она вскочила, вздрогнувъ.

— Кто тамъ?

— Отоприте,—отвѣчалъ Нантасъ.

Она такъ удивилась, что машинально отперла. Никогда еще мужъ

не приходилъ въ ней. Онъ вошелъ въ себя; пока онъ шелъ въ ней, гнѣвъ снова овладѣлъ имъ. М-ле Шуанъ, сторожившая его на лѣстницѣ, шепнула ему на ухо, что де-Фондеттъ уже два часа какъ ждетъ въ комнатѣ его жены, за пологомъ кровати. Поэтому онъ не церемонился.

— Сударинья,—сказалъ онъ,—въ вашей комнатѣ спрятанъ мужчина.

Флавія не тотчасъ отвѣтила, до такой степени мысли ея были далеко. Наконецъ, она поняла.

— Вы съ ума сошли,—прошептала она.

Но, не трата словъ на споръ съ нею, онъ хотѣлъ войти въ комнату. Она отступила назадъ и загородила дверь, крича:

— Вы сюда не войдете... Я здѣсь у себя и запрещаю вамъ входить.

Съ минуту она простояла неподвижно, не говоря ни слова и глядя другъ другу прямо въ глаза. Нантасъ, вытянувъ шею и протянувъ руки впередъ, готовился отстранить ее и пройти. Но она раскрыла руки и уперлась ими въ обѣ половинки двери съ вызовомъ.

— Отойдите,—проговорилъ онъ подавленнымъ голосомъ.—Я сильнѣе васъ и войду насильно.

— Нѣтъ, вы не войдете, я не хочу,—холодно отвѣчала она.

А онъ повторялъ:

— У васъ въ комнатѣ мужчина! у васъ въ комнатѣ мужчина!

Но она пожимала плечами, не удостоивая больше опровергать его. Потомъ, такъ какъ онъ сдѣлалъ шагъ впередъ:

— Ну, хорошо! положимъ, что у меня въ комнатѣ мужчина, но вамъ какое дѣло? Развѣ я не свободна?

Онъ отступилъ передъ этимъ словомъ, ударившимъ его точно пощечина. Въ самомъ дѣлѣ—она свободна. Внезапно холодъ охватилъ его плечи; онъ понималъ, что вся выгода на ея сторонѣ и что онъ поступаетъ нелогично и болѣзненно, какъ ребенокъ. Онъ не исполняетъ договора; нелѣпая страсть дѣлаетъ его гнуснымъ въ ея глазахъ. Зачѣмъ не остался онъ работать въ своемъ кабинетѣ? Кровь отхлынула отъ его лица, выраженіе невыразимой муки пробѣжало по немъ. Флавія глядѣла на него. Когда она увидѣла, какъ онъ помертвѣлъ и измѣнился въ лицѣ, она опустила руки, и кроткое выраженіе мелькнуло въ ея глазахъ.

— Поглядите,—сказала она просто.

И сама вошла въ комнату, держа лампу въ рукѣ, между тѣмъ какъ Нантасъ оставался на порогѣ. Жестомъ далъ онъ ей понять, что это бесполезно, что онъ не хочетъ глядѣть. Но теперь она настаивала. И, подойдя къ кровати, подняла пологъ; де-Фондеттъ появился, спря-

танный за нимъ. Она до того была поражена, что отступила и у ней вырвался крикъ испуга.

— Ваша правда, — закричала она въ смущеніи, — ваша правда, человѣкъ этотъ ядѣсь... Я этого не знала. О! клянусь Богомъ!

Но усиленіемъ воли она успокоилась и даже какъ будто пожалѣла объ этомъ первомъ движеніи, побудившемъ оправдываться.

— Вы были правы, и я прошу васъ извинить меня, — сказала она Нантасу, стараясь принять прежній холодный тонъ.

Тѣмъ временемъ де-Фондеттъ признавалъ себя въ смѣшномъ положеніи. Онъ чувствовалъ, что кажется глупымъ, и много далъ бы за то, чтобы мужъ разсердился. Но Нантасъ не сморгнулъ даже. Онъ только былъ блѣденъ, какъ мертвецъ. Одни глаза горѣли въ его неподвижномъ, какъ маска, лицѣ. Перенеся глаза съ де-Фондетта на Флавію, онъ поклонился этой послѣдней и сказалъ:

— Сударыня, извините меня, вы свободны.

И, повернувшись спиною, ушелъ, размѣреннымъ шагомъ, точно двигающаяся машина. Въ немъ что-то порвалось; но механизмъ мускуловъ и костей все еще дѣйствовалъ. Когда онъ снова очутился въ своемъ кабинетѣ, онъ подошелъ къ ящику, гдѣ лежалъ револьверъ. Онъ осмотрѣлъ его, затѣмъ вслухъ произнесъ, какъ-бы принимая формальное обязательство передъ самимъ собой:

— Довольно; завтра я убью себя.

Онъ поправилъ потухавшую лампу, сѣлъ за письменный столъ и спокойно принялся за работу. Безъ колебанія продолжалъ онъ начатую фразу, среди глубокаго безмолвія. Одинъ за другимъ, методически накоплялись листы возлѣ него. Два часа спустя, когда Флавія, прогнавшая де-Фондетта, подошла босикомъ послушать у двери кабинета, она услышала только скрипъ пера по бумагѣ. Тогда она наклонилась и поглядѣла въ замочную скважину. Нантасъ писалъ съ прежнимъ спокойствіемъ; прояснившееся лицо его выражало миръ и довольство, навѣваемые трудомъ, а свѣтъ лампы, падая на дуло револьвера, лежавшаго возлѣ него, играло на немъ.

V.

Домъ, прилегавшій къ саду отеля, сталъ собственностью Нантаса, который купилъ его у тестя. Изъ каприза онъ не позволялъ отдавать въ наймы тѣсную мансарду, гдѣ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ онъ боролся съ нищетой, но пріѣздѣ въ Парижъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ разбогатѣлъ, онъ иногда испытывалъ желаніе уходить туда и заператься тамъ на нѣсколько часовъ. Тамъ онъ страдалъ, туда

онъ приходилъ торжествовать свою побѣду. Когда на пути его встрѣчалось какое-нибудь препятствіе, онъ любилъ размышлять тамъ и принималъ тамъ самыя важныя рѣшенія въ жизни. Тамъ онъ становился прежнимъ человѣкомъ и явственно видѣлъ свою звѣзду, горѣвшую въ небѣ. Поэтому, когда неизбежность самоубійства предстала передъ нимъ, онъ рѣшилъ умереть въ этой мансардѣ.

Путру онъ окончилъ свою работу только къ восьми часамъ. Опасаясь, чтобы усталость не усыпила его, онъ старательно вымылся. Затѣмъ принялъ нѣсколькихъ чиновниковъ и отдалъ имъ приказаніе. Пришелъ его секретарь; онъ долго бесѣдовалъ съ нимъ о своей ночной работѣ; секретарь долженъ былъ немедленно отвезти проектъ бюджета въ Тюльери и дать нужныя объясненія, если императоръ сдѣлаетъ новыя возраженія.

Послѣ этого Нантасъ рѣшилъ, что онъ сдѣлалъ все что нужно. Онъ оставляетъ все въ порядкѣ, онъ умереть не какъ банкротъ, въ припадкѣ безумія. Въ этотъ часъ онъ, наконецъ, принадлежитъ себѣ, онъ можетъ располагать собой, безъ того, чтобы его обвинили въ эгоизмѣ и въ трусости.

Девять часовъ пробило. Пора. Но въ то время, какъ вставалъ изъ-за письменнаго стола, унося револьверъ въ карманъ, ему пришлось испить послѣднюю чашу горечи. M-lle Шуенъ пришла получить обѣщанныя десять тысячъ франковъ. Онъ заплатилъ ей, вынужденный сносить ея фамильярныя замѣчанія. Она выказывала къ нему материнскія чувства, она относилась къ нему отчасти какъ къ ученику, успѣшно окончившему курсъ наукъ; вѣдь она научила его искусству продавать себя, и онъ не долженъ съ презрѣніемъ отсчитывать ей десять тысячъ франковъ, когда ему самому нѣкогда заплатили двѣсти тысячъ франковъ; вся разница въ цифрѣ. Поэтому она заговорила съ нимъ о женѣ, съ подмигиваніемъ старой сводни, не стѣсняющейся съ своимъ сообщникомъ. Никогда Нантасъ такъ не страдалъ. Если бы онъ колебался убить себя, то фамильярность его сообщницы съ нимъ подвинула бы его на самоубійство. Онъ отпустилъ ее и торопливо побѣжалъ на верхъ, въ своей поспѣшности забывъ запереть дверь мансарды.

Въ ней ничто не измѣнилось. Обои такъ же отстали отъ стѣнъ, кровать, столъ, стулъ стояли на прежнихъ мѣстахъ, все говорило о безысходной бѣдности. Нантасъ подышалъ съ минуту воздухомъ, напомнившимъ ему быстро борьбу. Затѣмъ подошелъ къ окну и увидѣлъ тотъ же видъ на Парижъ, деревья отеля, Сену, набережныя, Тюльери, цѣлый уголъ праваго берега, гдѣ волна домовъ катилась, перепутывалась до отдаленныхъ, туманныхъ куртинъ Père-Lachaise.

Итакъ, среди нищенской обстановки своей молодости онъ погрузился въ глубокую задумчивость.

Револьверъ лежалъ возлѣ него, на столѣ, подъ рукой. Теперь онъ больше не спѣшилъ, онъ зналъ, что никто не придетъ помѣшать ему и что онъ исподволь убьетъ себя. Слишкомъ большая поспѣшность показала бы ему трусостью. Онъ думалъ, что вотъ онъ пришелъ къ той же точкѣ, на которой стоялъ въ былое время; вотъ онъ тамъ же, гдѣ былъ и тогда—и съ той же мыслью о самоубійствѣ. Разъ вечеромъ на этомъ самомъ мѣстѣ онъ уже хотѣлъ разбить себѣ голову; тогда онъ былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы купить себѣ пистолетъ; онъ могъ воспользоваться только уличной мостовой, но та же смерть ждала его. Итакъ, въ жизни только одно не обманывается—это смерть; одна смерть всегда послушна и всегда вѣрна. Одна она не измѣняется; сколько онъ ни трудился, все рушилось кругомъ него, одна смерть не измѣнила. И онъ пожалѣлъ, что прожилъ эти десять лѣтъ. Опытъ, приобретенный имъ, въ то время какъ онъ приобреталъ деньги и власть, казался ему ничтожнымъ. Къ чему истратилъ онъ столько воли, къ чему весь этотъ расходъ силы, если воля и сила не составляютъ въ жизни всего? Достаточно было зародиться въ немъ страсти, чтобы уничтожить его; онъ глупо полюбилъ Флавію, орудіе своего честолюбія,—и сооруженный имъ монументъ треснулъ и рухнулъ, какъ карточный домикъ, поваленный дыханіемъ ребенка. Какая жалкая вещь, какъ это похоже на наказание, постигающее вороватаго шеольника, подъ которымъ сломалась вѣтка и который гибнетъ жертвой своего проступка. Жизнь—плюсовая шутка; людей недюжинныхъ постигаетъ такой же пошлый вонецъ, какъ и дураковъ.

Нантасъ взялъ револьверъ со стола и началъ медленно заряжать его. Последнее сожалѣніе остановило его въ эту рѣшительную минуту. Сколько великихъ дѣлъ совершилъ бы онъ еще, если бы Флавія сдѣлала понять его! Въ тотъ день, какъ она сказала бы ему: „люблю тебя“, въ этотъ день онъ нашелъ бы рычагъ, чтобы перевернуть міръ. И его послѣдней мыслью было великое презрѣніе къ силѣ, такъ какъ сила должна была ему все дать, а не могла доставить любви Флавіи.

Онъ поднялъ пистолетъ. Утро было великолѣпное. Въ настежъ открытое окно входило солнце, внося въ мансарду какъ-бы тепло молодости и горячую жизнь. Вдали Парижъ шумно принимался за свой тяжелый трудъ города-исполина. Нантасъ приставилъ дуло пистолета къ виску.

Но дверь отворилась и вошла Флавія. Рѣзкимъ движеніемъ она отвратила выстрѣлъ; пуля ударилась въ стѣну. Оба поглядѣли другъ

на друга. Она такъ запыкалась, такъ задохлась, что не могла промолвить ни слова. Наконецъ, говоря Нантасу впервые въ жизни *ты*, она бросилась ему въ объятія и стала умолять его жить. Она—вѣрная жена, она клянется ему въ этомъ. Но онъ поднялъ револьверъ и хотѣлъ снова выстрѣлить въ себя. Тогда, уступая непобѣдимой любви, которую Нантасъ давно сумѣлъ внушить ей, она нашла то слово, котораго онъ ждалъ, единственное слово, которое могло убѣдить его жить:

— Я люблю тебя, — закричала она, повиснувъ у него на шеѣ, рыдая, вырвавъ это признаніе у своей гордости и сдаваясь, наконецъ:—я люблю тебя за то, что ты сила!

Эмиль Зола.

ИЗВѢСТІЯ

Отъ Коммиссии Императорскаго Русскаго Географическаго Общества
по изслѣдованію формъ и порядковъ крестьянскаго землевладѣнія.

І. ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА.

Характеръ землевладѣнія въ каждой странѣ представляетъ одно изъ коренныхъ условій экономическаго ея быта. Въ этомъ отношеніи одинаковое значеніе имѣютъ какъ количественное соотношеніе земель, находящихся во владѣніи частныхъ лицъ и массы населенія, такъ и тѣ формы, въ которыхъ выражаются народныя правовыя понятія объ отношеніи массы земледѣльческаго населенія къ землевладѣнію. Въ томъ и въ другомъ значеніи Россія представляетъ основныя различія съ государствами западной Европы, развивавшимися подъ условіями римскаго права и средневѣковаго феодализма. Существенныя особенности русскаго землевладѣнія суть: 1) преобладаніе землевладѣнія государственнаго и крестьянскаго общественнаго надъ частнымъ землевладѣніемъ, и 2) преобладаніе въ крестьянскомъ землевладѣніи формы общинной или мірской. Точное опредѣленіе перваго факта и вообще количественнаго распредѣленія земель по владѣніямъ зависитъ отъ общихъ статистическихъ изслѣдованій, которыя въ настоящее время и производятся въ центральномъ статистическомъ комитетѣ, такъ что въ ближайшемъ будущемъ всѣ данныя, относящіяся къ количественному распредѣленію землевладѣнія, будутъ основаны на вполнѣ точномъ и разработанномъ фактическомъ матеріалѣ. Что же касается качественнаго изслѣдованія землевладѣнія, его духа и особенностей, то въ этомъ отношеніи никакихъ точныхъ и общихъ, въ строгой системѣ, изслѣдованій до сихъ поръ не было предпринято. Мы знаемъ, что у насъ существуетъ и преобладаетъ общинное или мірское крестьянское землевладѣніе, но какъ и когда оно началось, чрезъ какія фазы развитія переходило и переходитъ, въ какихъ формахъ существуетъ въ разныхъ мѣстностяхъ въ данное время, подъ вліяніемъ какихъ условій оно укоренилось и существуетъ, какое, съ своей стороны, оно оказываетъ вліяніе на разнообразныя условія экономической жизни, какое отношеніе оно имѣетъ къ успѣхамъ земледѣлія, въ сравненіи съ другими формами землевладѣнія,— всѣ эти и многія другія болѣе частныя стороны вопроса остаются неизвѣстными. Всѣ сужденія по этому предмету, естественно возникающія въ научной и публицистической литературѣ вслѣдствіе тѣсной связи крестьянскаго землевладѣнія со всѣми условіями быта

сельскаго населенія, основываются, по недостатку точныхъ матеріаловъ, или на обобщеніи крайне малаго числа фактовъ, болѣею частью наблюдаемыхъ случайно, фактовъ единичныхъ, частныхъ, не соображенныхъ со всей совокупностью явленій этого порядка, или на понятіяхъ и теоріяхъ, заимствованныхъ изъ экономическихъ ученій западной Европы, прилагаемыхъ безъ критической провѣрки къ явленіямъ нашего быта, принципиально отъ нихъ отличнымъ. Отсюда, на мѣсто трезваго логическаго сужденія и безпристрастной оцѣнки дѣйствительныхъ фактовъ, является въ вопросѣ первостепенной важности господство недоразумѣній и предвзятыхъ взглядовъ.

Вслѣдствіе такихъ причинъ оказывается необходимымъ приступить къ систематическому собиранію фактическаго матеріала о мірскомъ землевладѣніи и всестороннему изслѣдованію этого предмета. Такое изслѣдованіе должно имѣть двойное значеніе: *во-первыхъ*, въ смыслѣ самопознанія, какъ безусловно необходимаго элемента для правильнаго развитія и самой экономической жизни народа, и законодательства въ духѣ коренныхъ началъ и фактическихъ условій русской жизни; *во-вторыхъ*, въ интересахъ общей экономической науки. По первому пункту едва ли представляется нужнымъ входить въ какія-либо дальнѣйшія соображенія и приводить доказательства въ пользу такого изслѣдованія: они очевидны. Что касается второго соображенія, то нельзя не припомнить, что всѣ политико-экономическіе законы и положенія относительно землевладѣнія и рада другихъ, изъ него вытекающихъ фактовъ, основаны на тѣхъ порядкахъ землевладѣнія, которые развились въ государствахъ западной Европы, и на крайне отрывочныхъ наблюденіяхъ, собранныхъ западными же учеными въ другихъ странахъ міра, болѣею частью случайныхъ, и притомъ нерѣдко у народовъ, стоящихъ на крайне различныхъ степеняхъ культуры и живущихъ при совершенно особыхъ отъ европейскихъ условіяхъ жизни. Такимъ образомъ теоретическое изученіе общаго вопроса о землевладѣніи, оставляя въ сторонѣ факты, существующіе въ культурномъ народѣ европейской семьи, какъ русскій, лишено прочной опоры. Такой пробѣлъ сознается въ западной наукѣ, и представители ея обратили въ послѣднее время серьезное вниманіе на изученіе общиннаго землевладѣнія. Матеріалами для этого не могутъ служить ни факты, существующіе на западѣ (развѣ только съ отрицательной стороны), ни тѣ отрывки свѣдѣній, которыми до сихъ поръ пользовались или изъ временъ стародавнихъ, покрытыхъ довольно густымъ туманомъ, или изъ странъ, населенныхъ дикарями, куда даже проникать довольно трудно, не только вести точныя изслѣдованія. Главный матеріалъ въ этомъ отношеніи должны дать факты о русскомъ землевладѣніи. Только у насъ, гдѣ общинное право получило широкое развитіе на огромной территоріи, можно найти поразительное разнообразіе явленій изъ дѣйствительной жизни, можно прослѣдить самыя разнообразныя оттѣнки общины и живую исторію постепеннаго ея развитія, начиная отъ возникновенія общинныхъ порядковъ пользованія лѣсами и степями у звѣролововъ и кочевниковъ и съ первообраза общины на окраинахъ съ неосѣдлыми еще племенами, затѣмъ постепенное и разнообразное развитіе ея въ цен-

тральных частяхъ государства, видоизмѣненія общинныхъ порядковъ при условіяхъ необходимости введенія болѣе улучшенной культуры земли, и, наконецъ, происходящую и теперь еще борьбу ея на западѣ при встрѣчѣ съ индивидуальнымъ началомъ. Такимъ образомъ и въ интересахъ обще-европейской науки изслѣдованіе нашего общиннаго землевладѣнія является дѣломъ первостепенной важности.

Вслѣдствіе приведенныхъ соображеній отдѣленія этнографіи и статистики Императорскаго Русскаго Географическаго Общества признали полезнымъ сдѣлать опытъ изслѣдованія общиннаго землевладѣнія и поручили особой комиссіи составить программу такого изслѣдованія.

Въ составленной комиссіею программѣ принятъ слѣдующій методъ собиранія данныхъ. Центромъ изслѣдованія взята поземельная община, — за нѣкоторыми исключеніями, принятыми въ соображеніе программой, — совпадающая въ большинствѣ случаевъ съ отдѣльнымъ селеніемъ. Рядъ описаній общинныхъ формъ и порядковъ, описаній внутренней жизни общины во всѣхъ ея проявленіяхъ и дасть цѣлую систему фактовъ, относящихся къ этому предмету. Итакъ, общее изслѣдованіе должно опираться на всестороннее изслѣдованіе отдѣльных единицъ поземельныхъ общинъ. Но такъ какъ для выясненія значенія общиннаго землевладѣнія, съ одной стороны, необходимо знаніе всѣхъ фактическихъ данныхъ той среды, въ которой община живетъ и дѣйствуетъ, а съ другой стороны, не менѣе важно было бы прослѣдить общинное начало или въ видѣ остатковъ прежней общины, или въ видѣ возникающихъ, въ силу экономической и нравственной пользы, новыхъ порядковъ съ общиннымъ характеромъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ общинное землевладѣніе не существуетъ въ чистой или въполнѣ разившейся формѣ, то представляется необходимымъ: во-первыхъ, въ программѣ изслѣдованія общинныхъ порядковъ присоединить программу такихъ свѣдѣній, которыя обрисовывали бы мѣстную среду и внѣшнія условія каждой описываемой общины, и, во-вторыхъ, распространить собираніе свѣдѣній по составленной программѣ и на тѣ мѣстности Россіи, гдѣ по имѣющимся свѣдѣніямъ общиннаго землевладѣнія въ его чистой формѣ и не существуетъ.

Такимъ образомъ, программа раздѣляется на 2 части: 1) описаніе порядковъ землевладѣнія и пользованія землею въ поземельной общинѣ или въ селеніи съ участковымъ владѣніемъ землею, и 2) общія хозяйственно-статистическія или справочныя свѣдѣнія по той мѣстности, въ которой находится община или селеніе.

Первая часть заключаетъ въ себѣ рядъ вопросовъ, касающихся специально порядковъ общиннаго землевладѣнія, въ соображеніи, насколько то позволили общія имѣющіяся свѣдѣнія, различныхъ степеней его развитія или проявленія: такъ, въ началѣ, по опредѣленіи территориальныхъ границъ общины по отношенію къ поселенію общинниковъ (т.е. совпадаетъ ли поземельная община съ земельнымъ надѣломъ всего селенія, или съ частью его, или же обнимаетъ нѣсколько селеній), слѣдуютъ вопросы, относящіеся къ уясненію различныхъ формъ общины — волости, какъ она существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на сѣверѣ европейской Россіи и въ Сибири, а

также въ земляхъ казачьихъ ¹⁾; затѣмъ общины съ вольнымъ или захватнымъ пользованіемъ землею отдѣльными ея членами ²⁾; формы смѣшаннаго пользованія захватнаго съ передѣльнымъ, составляющаго переходъ къ общинѣ, передѣляющей земли, каменная съ выдѣла нѣкоторой части земли въ общее пользованіе и кончая остатками захватнаго пользованія лѣсами, дерюгами и т. п. ³⁾. Далѣе идутъ вопросы, относящіеся къ уясненію принципиально коренныхъ передѣловъ въ отличіе отъ частныхъ разверстоу, переверстоу земли и т. п., еще далѣе идутъ вопросы относительно примѣненія общинныхъ порядковъ къ спеціальнымъ культурамъ, къ хозяйствамъ съ нѣскольکو улучшеннымъ сѣвооборотомъ ⁴⁾, къ общимъ работамъ какъ по веденію полевого хозяйства, такъ и по улучшенію угодій; къ пользова- нію лугами, лѣсами, усадьбами ⁵⁾ и проч. Вопросы, касающіеся устрой- ства общихъ хозяйственныхъ дѣлъ, порядка мірскаго самоуправленія, условій выхода изъ общины, пріема въ нее новыхъ членовъ и пол- наго прекращенія общиннаго землевладѣнія, переходомъ къ участко- вому, или возникновенія его вновь вслѣдствіе обратнаго перехода, заключаетъ эту часть программы. Въ концѣ ея помѣщены вопросы о повинностяхъ крестьянъ ⁶⁾.

¹⁾ Въ олонеккой губерніи поземельная община состоитъ часто изъ 20 до 50 не- большихъ селеній (*Л—шъ*, „Сельская община въ Олонеккой губерніи“, „Отеч. Зап.“, 1874 г., февраль). Такія же общины изъ многихъ деревень существуютъ и въ дру- гихъ сѣверныхъ губерніяхъ (*Потанинъ*, „Древн. и Нов. Россія“, 1876, 10; *Остро- умовъ*, „Молва“, 1876, № 30); такую же общину представляетъ и вся земля ураль- скаго войска (*Посниковъ*, „Общинное землевладѣніе“, вып. II, стр. 63—64). То же встрѣчается и въ ярославской губерніи (сообщено *Е. И. Якушкинымъ*).

²⁾ Вольный способъ пользованія общинною землею существуетъ въ Сибири (газета „Сибирь“, 1877 г., 20), тоже въ губ. сѣверныхъ европ. Россіи (*Потанинъ*, *Л—шъ*, *Остроумовъ*); тоже въ степяхъ уральскаго войска (*Посниковъ*, вып. II, стр. 64).

³⁾ Въ тобольской губерніи выдѣляются въ общее пользованіе земли, лежація близъ селенія (поскотины), для пастбы скота (сообщ. *Е. И. Якушкинымъ*); тоже въ кубан- ской области (*Серафимовичъ*, „Памятная книжка куб. обл. на 1875 годъ“) и въ тер- ской области („Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ“, 1878, т. IV). Другая форма смѣшан- наго снособа, когда захватный способъ остается только на дальнихъ земляхъ, между тѣмъ, какъ ближнія передѣляются (*Остроумовъ*, *Л—шъ*, *Романовъ*, „Вратіе очерки уѣздовъ вятской губерніи“). Къ этой же категоріи относится пользованіе лѣсами, дерюгами (*Остроумовъ*, *Л—шъ*).

⁴⁾ *Посниковъ*, „Общ. землевл.“, вып. II, стр. 64 и слѣд.

⁵⁾ „О раздѣлѣ усадебъ“, см. Орловъ, „Сборникъ статист. свѣдѣній по московскому уѣзду“.

⁶⁾ При составленіи программы, комиссія воспользовалась нѣкоторыми указаніями изъ программы, составленной одновременио комиссіею Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества (занимающейся обсужденіемъ того же вопроса) и обяза- тельно предоставленной ей для соображенія комиссіи Географическаго Общества, съ цѣлью, въ интересахъ изслѣдованія, занимающаго оба Общества, достигнуть воз- можнаго единства обихъ программъ и однородности матеріала, имѣющаго быть до- стоинствомъ всякаго изслѣдователя, принадлежащаго или не принадлежащаго къ составу того или другаго Общества.

Для того же, чтобы факты, собранные по этой программѣ, не имѣли характера абстрактнаго, а стояли бы въ связи со всѣми внѣшними мѣстными условіями каждой описываемой общины, комиссіи представлялось необходимымъ, какъ выше сказано, присоединить къ означенной программѣ вторую часть, программу справочныхъ свѣдѣній по каждой описываемой поземельной общинѣ или селенію (если землевладѣніе участковое). Эта часть заключаетъ рядъ вопросовъ: 1) по описываемой общинѣ, 2) по околотку (волости, приходу и пр.), къ которому она принадлежитъ, и 3) по нѣкоторымъ отдѣльнымъ дворамъ этого селенія или общины. Эти вопросы касаются: 1) *по селенію или общинѣ*: населенія, качества почвы и распредѣленія угодій, формы поземельнаго устройства, величины надѣла, условій земледѣльческой промышленности, т.-е. системы хозяйства, урожаявъ, постороннихъ отъ земледѣлія заработковъ, промысловъ мѣстныхъ и отхожихъ, размѣра платежей и повинностей и степени достаточности жителей. 2) *По околотку* (волости и пр.) отвѣты на поставленные вопросы должны уяснить условія жизни поземельной общины внѣ тѣсныхъ предѣловъ одного селенія, общія для многихъ отдѣльныхъ общинъ той или другой мѣстности, главнымъ образомъ по отношенію къ характеру землевладѣнія въ разныхъ видахъ, къ земледѣльческому или промышленному развитію мѣстности и проч.; наконецъ, 3) *описанія подворныхъ* должны дать разъясненіе факта, какимъ образомъ общинные порядки, въ связи съ тѣми или иными экономическими условіями, отражаются на бытѣ отдѣльныхъ дворовъ, взятыхъ какъ типы различныхъ степеней состоятельности, т.-е. дворовъ богатаго, средняго и бѣднаго. Описанія дворовъ удобнѣе всего составить въ формѣ таблицы, и желательно имѣть описанія не менѣе одного двора каждаго изъ разныхъ типовъ.

Таково содержаніе программы изслѣдованія общиннаго землевладѣнія. Дополненіемъ ея, въ смыслъ всесторонняго изслѣдованія вопроса, можетъ представиться нѣкоторая организація системы собиранія желаемыхъ описаній или, по крайней мѣрѣ, такія общія указанія, которыя могутъ быть полезны для мѣстныхъ изслѣдователей при выборѣ ими той или другой мѣстности для описанія общинъ.

Если предоставить дѣло одному случайному предложенію мѣстныхъ изслѣдователей или вообще лицъ, интересующихся изученіемъ народнаго быта, и ихъ готовности доставить свои труды Геогр. Обществу, можетъ случиться, что изъ однѣхъ мѣстностей будетъ доставлено много однородныхъ описаній, по другимъ же окажутся пробѣлы; поэтому Коммиссія полагала полезнымъ поставить рядъ *типовъ* мѣстностей, къ которымъ могутъ относиться тѣ или иные условія сельскаго быта, и связь которыхъ съ порядками землевладѣнія интересно прослѣдить. Такіе типы прежде всего представляются съ *географическо-хозяйственной, этнографической или культурно-исторической* сторонъ. Въ этихъ отношеніяхъ желательно имѣть изслѣдованія изъ слѣдующихъ областей или полосъ Россіи:

1) *Крайней сѣверной*, т.-е. губерній архангельской и вологодской; 2) *озерной*, т.-е. губерній новгородской, с.-петербургской, олонекской и псковской; 3) *литовской*, т.-е. виленской, ковенской и грод-

ненской; 4) *смоленско-бѣлорусскаго полѣсья*, т.-е. губерній смоленской, витебской, могилевской и минской; 5) *юго-западнаго задніпровья*, т.-е. кievской, подольской и волынской губерній; 6) *Малороссіи* по лѣвую сторону Днѣпра (полтавской, черниговской и харьковской губ.); 7) *новороссійской степной области*; 9) *московской промышленной или веране-волжской*, — губерній: московской, владимірской, нижегородской, ярославской, тверской и костромской; 10) *внутренней, по преимуществу черноземной не степной области*, т.-е. рязанской, тамбовской, тульской, орловской, курской, воронежской и пензенской; 11) *волжской низовой*, т.-е. губ.: казанской, симбирской, саратовской и самарской; 12) *донско-каспійской области*, т.-е. областей: донской, уральской, кубанской и терской, губерній ставропольской и астраханской; 13) *приуральской области*, т.-е. губерній пермской, вятской, уфимской и оренбургской; 14) *западной Сибири*; 15) *восточной Сибири*; 16) *Кавказа*; 17) *киргизской степи*. Въ каждой же изъ этихъ областей желательно еще имѣть изслѣдованія общинъ, представляющихъ различные типы по отношенію къ *поземельному устройству крестьянъ* и прежнимъ условіямъ ихъ быта, какъ-то: крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ: временно-обязанныхъ, собственникова вышедшихъ на полный, низшій или даровой надѣлы, бывшихъ оброчныхъ и барщинныхъ; удѣльныхъ и государственныхъ; крестьянъ, надѣленныхъ четвертными землями, однодворцевъ, иностранныхъ колонистовъ и проч.

Безъ сомнѣнія, типы разныхъ приведенныхъ категорій въ дѣйствительности составляютъ рядъ комбинацій, перечислить которыя было бы затруднительно, но на первый разъ было бы невозможно добиваться абсолютной полноты изслѣдованія. И если отъ имени Геогр. Общества будетъ сдѣлано обращеніе къ нѣкоторымъ извѣстнымъ лицамъ въ различныхъ мѣстностяхъ съ просьбой составить описанія нѣсколькихъ общинъ или селеній, а съ другой стороны какъ ими, такъ и чрезъ посредство ихъ другими мѣстными наблюдателями будутъ приняты въ соображеніе выраженные цѣли изслѣдованія, то можно надѣяться, что уже такіа описанія, хотя и немногочисленныя, дадутъ на первое время весьма цѣнный матеріалъ; по изученіи этого матеріала окажется, какіе пробѣлы придется пополнить какъ въ программѣ, такъ и въ мѣстностяхъ изслѣдованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ напечатаніе разработанныхъ первоначальныхъ описаній возбудитъ интересъ къ дѣлу и вызоветъ новыхъ изслѣдователей, готовыхъ потрудиться на пользу отечествовѣдѣнія.

Дополнительныя указанія для изслѣдователей: 1) Желательно изъ одного околотка (волости, прихода и проч.) описаніе нѣсколькихъ поземельныхъ общинъ, представляющихъ различіе въ томъ или иномъ отношеніи; 2) Если при описаніи одной общины изслѣдователь узнаетъ, что тѣ или иные условія, предусмотрѣнныя въ программѣ или не предусмотрѣнныя, но представляющія интересъ для изучаемаго дѣла, встрѣчаются по отънву крестьянъ въ другихъ, сосѣднихъ или вообще имъ извѣстныхъ, общинахъ, то желательно, чтобы въ особомъ примѣчаніи были по крайней мѣрѣ указаны подобныя факты, если изслѣдователь не найдетъ возможнымъ сдѣлать

подробнаго описанія указываемыхъ общинъ; 3) Если изслѣдователь при описаніи порядковъ землевладѣнія и общихъ условій (справочныя свѣдѣнія) раскроетъ связь между тѣми и другими, и вообще если для него выяснится причинность тѣхъ или другихъ явленій, желательно, чтобы въ этомъ случаѣ онъ не оставилъ сдѣлать надлежащія указанія, примѣчанія и высказать свои соображенія; 4) Желательно получить списокъ мѣстныхъ словъ и выраженій, касающихся передѣловъ угодій, разныхъ земельныхъ долей, земельныхъ мѣръ, хозяйственныхъ порядковъ, хозяйственныхъ работъ, раскладокъ и т. п., съ объясненіями этихъ словъ, названій и выраженій; 5) Желательны замѣчанія на программу, ея пробѣлы, редакцію и проч.; 6) Настоящая программа представляетъ совокупность очень значительнаго числа вопросовъ, и если изслѣдователь встрѣтитъ затрудненіе отвѣчать на всѣ вопросы, то выполненію хотя нѣкоторой части программы будетъ принято съ признательностію. Съ равной благодарностію будутъ приняты свѣдѣнія и по тѣмъ дополнительнымъ вопросамъ, которые изслѣдователь признаетъ необходимыми.

II. ОПЫТЪ ПРОГРАММЫ

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНЫ.

1. Существуетъ-ли въ описываемыхъ селеніяхъ общинное владѣніе землею?

2. Если существуетъ, то совпадаютъ-ли границы земельного надѣла крестьянъ съ границами сельскаго общества, или послѣднее состоитъ изъ нѣсколькихъ селеній, имѣющихъ совершенно отдѣльные надѣлы, т.-е. изъ нѣсколькихъ поземельныхъ общинъ, или же наконецъ селеніе, имѣющее одинъ общій земельный надѣлъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ?

3. Не состоитъ-ли описываемая поземельная община изъ многихъ селеній, поселковъ, станицъ, хуторовъ, и пр., которые (какъ въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи, нѣкоторыхъ казацкихъ земляхъ и въ части Сибири), хотя и имѣютъ отдѣльные другъ отъ друга поля и луга, но, входя въ составъ общины, владѣютъ всею землею сообща съ другими селеніями, на общинномъ правѣ?

а) Не совпадаетъ-ли граница такой поземельной общины съ границею волости (юрта, войска и пр.)?

б) Не имѣетъ-ли такая община права передѣла земель между всѣми селеніями и поселками, или право это распространяется только на часть земель, и на какую именно?

в) Не извѣстно ли, когда возникла такая община и вслѣдствіе

какихъ причинъ. Нѣтъ ли въ ней главнаго селенія и выселковъ изъ него?

г) Не существовало ли, до освобожденія крестьянъ, такого способа пользованія землею между многими селеніями, и если онъ уничтожился, то почему именно?

д) Если бытъ населенія основанъ исключительно на скотоводствѣ, то какой существуетъ способъ раздѣла пастбищъ, сѣнокосовъ, лѣса и другихъ угодій между родами, юртами, аулами, семьями, кибытками и пр.?

4. Подвергаются ли въ общинѣ какія-либо угодья (усадыбы, пахатныя поля, луга, выгоны, лѣса и пр.) періодическимъ передѣламъ, и если подвергаются, то какія именно; какія, наоборотъ, находятся въ постоянномъ общинномъ пользованіи (не передѣляются) и какія наконецъ остаются въ пользованіи отдѣльныхъ членовъ общины (и кого именно: хозяевъ, взрослыхъ работниковъ и пр.)?

5. Не существуетъ ли въ общинѣ (какъ, напр., на сѣверѣ, въ нѣкоторыхъ казацкихъ земляхъ, Сибири) вольный или захватный способъ пользованія землею, т.-е. не представляется ли каждому изъ членовъ общины пользоваться незанятою еще никѣмъ землею, на всемъ пространствѣ земельныхъ ея владѣній, гдѣ и въ какомъ количествѣ онъ хочетъ?

а) Не ограничивается ли эта свобода пользованія какими-нибудь обычными правилами и приговорами сходовъ, и какими именно?

б) Въ продолженіи какого срока имѣютъ право пользоваться своими участками лица, занявшія свободныя земли?

в) Не выдѣляется ли при этомъ часть земли для общаго пользованія всѣхъ членовъ общины, а также не поступаетъ ли кака-нибудь часть въ передѣлъ между ними и какая именно?

6. Если въ общинѣ часть земли уже передѣляется періодически, то не существуетъ ли еще на другой ея части вольнаго или захватнаго пользованія (права поднимать дальнія залежи, косить дальніе сѣнокосы въ степяхъ, раздѣлывать лѣса и лѣсные покосы, прокладывать путики для звѣриной и птичьей ловли, ставить борти, устраивать пасѣки и пр.)? Какія именно земли передѣляются, и какія существуютъ въ общинѣ правила пользованія какъ общей, такъ передѣляемой и непередѣляемой землями?

7. Бываютъ ли общіе, коренные передѣлы полей, т.-е. такіе, которые сопровождаются ломкой междъ, и если бываютъ, то какими причинами они вызываются; когда происходилъ послѣдній передѣлъ, и имѣется ли мірской приговоръ, въ силу котораго передѣлы должны возобновляться чрезъ опредѣленные сроки?

а) На какое именно число долей (душъ, работниковъ или тяголъ, дворовъ и т. п.) были подѣлены земли при послѣднемъ ихъ раздѣлѣ или передѣлѣ?

б) Что было принято за основаніе при общемъ передѣлѣ по-

лей: число-ли ревизскихъ душъ, число-ли работниковъ или тяголъ, или же число дворовъ и т. п.

в) Это основаніе для раздѣла полей существовало-ли и прежде (а также и до 1861 года, если послѣдній передѣлъ былъ позднѣе), и если основаніе было иное, то какое именно, и по какимъ неудобствамъ прежнее основаніе было измѣнено?

г) На какое число общихъ участковъ (гоновъ, клиновъ, столбовъ, жеребьевъ, гривъ, холмовъ, кражей, круговъ, чередъ, чиселъ, мѣстъ и т. п.) было разбито каждое поле, и затѣмъ насколько полосъ (гоновъ, дѣлянокъ, творилъ, косяковъ и т. п.) былъ раздѣленъ каждый участокъ? Раздѣляются-ли кони между собою мѣстами и какой ширины; если нѣтъ, то какъ подѣзжаютъ крестьяне къ своимъ полосамъ? Какъ велика длина и ширина полосъ?

д) Посколько именно полосъ въ каждомъ полѣ и кону отводится на каждую душу, или работника, или дворъ; какъ отводятся домохозяевамъ эти полосы: смежно-ли по нѣсколькимъ полосъ, или въ разныхъ мѣстахъ?

е) Не оставляется-ли при передѣлахъ нѣсколько надѣловъ въ запасъ для подрастающихъ членовъ общины, и какъ распоряжается ими миръ до ихъ передачи новымъ членамъ?

ж) Не исключаются-ли изъ передѣла какія либо полосы, напр. унавоженные, и на какой срокъ? Если навозныя пашни также поступаютъ въ передѣлъ, то не передѣляются-ли онѣ только между тѣми крестьянами, которые унавоживаютъ свои пашни?

з) Какъ передѣляется земля при залежномъ хозяйствѣ?

и) Не обнаружались-ли какія нибудь неудобства въ основаніи, принятомъ при послѣднемъ передѣлѣ, и какія, и не введены-ли поэтому крестьянами какія-либо частныя поправки при позднѣйшихъ разверсткахъ полей?

к) Не записываются-ли гдѣ либо опредѣленія схода о распределеніи земли по послѣднему передѣлу?

8. Независимо отъ общихъ, коренныхъ передѣловъ полей (съ ломкою межъ и перебивкою всѣхъ полосъ) не существуютъ-ли еще частныя (періодическія, напр. ежегодныя, или неперіодическія) разверстки или переверстки этихъ полосъ между всѣми членами общины, или хотя между отдѣльными дворами и крестьянами, но по опредѣленію міра? Какъ часто онѣ бывають и чѣмъ вызываються?

а) Не бываетъ-ли ежегодной общей переверстки (жеребьевки) полосъ между всѣми крестьянами? Если бываетъ, то почему она принята и какъ производится?

б) Не бываетъ-ли только (періодической или ежегодной) перекладки земельныхъ паевъ или долей (душъ, тяголъ и т. п.) съ нѣкоторыхъ дворовъ на другіе, но по рѣшенію всего міра; чѣмъ вызываються эти перекладки и какъ часто бывають?

в) Не бываетъ-ли совмѣстно и перекладки и жеребьевки, и какъ часто?

г) Нѣтъ-ли какого-либо иного способа разверстки полосъ?

д) Какое именно основаніе принято теперь при этихъ періодическихъ разверсткахъ полей; принимается-ли въ соображеніе: число ревизскихъ душъ по уставной грамотѣ или владѣнной записи и т. п., число наличныхъ душъ муж. пола, наличныхъ жителей обоого пола, работниковъ мужескаго пола, наличныя рабочія силы обоого пола, зажиточность отдѣльныхъ дворовъ, общія платежныя средства этихъ дворовъ, или наконецъ совокупность нѣкоторыхъ изъ этихъ условій и какихъ именно?

е) Правила, принятыя при коренномъ передѣлѣ относительно навозныхъ пашенъ, соблюдаются-ли также и при періодическихъ разверсткахъ полей; если нѣтъ, то какія правила для этого существуютъ; не переверстываются-ли только однѣ дальнія, ненавозныя пашни?

ж) Какія измѣненія въ разверсткѣ земель происходятъ отъ семейныхъ раздѣловъ; насколько вызывается ими необходимость этой разверстки; нарушаютъ-ли семейные раздѣлы интересы всей общины и въ чемъ именно?

з) Что дѣлаетъ общество съ участками выморочными, съ упразднившимися временно по малолѣтству членовъ семьи и съ участками безнадежно недоимочныхъ? Что дѣлаетъ оно съ брошенными участками, если это бываетъ, и съ такими, отъ которыхъ крестьяне отказываются?

и) Существуютъ-ли частныя обмѣны или передача полосъ между крестьянами, причины ихъ и условія?

9. Если въ селеніи развиты какія-либо спеціальныя культуры: огородничество, разведеніе подсолнечника, конопли въ поляхъ и пр., или введенъ необычный въ околотеѣ, нѣсколько улучшенный сѣвооборотъ, то какіе порядки въ раздѣлѣ земли и пользованіи ею существуютъ въ селеніи?

Имѣеть-ли отдѣльный хозяинъ право и возможность отступать отъ принятой въ общинѣ системы хозяйства, т.-е., напр., при трехпольной системѣ сѣять озимый хлѣбъ въ яровомъ полѣ, и наоборотъ—яровой въ озимомъ, или подпаривать паровое поле, т.-е. сѣять на немъ ленъ или другія растенія; имѣеть-ли онъ возможность ввести посѣвы травы и наконецъ принять и вовсе иной сѣвооборотъ? Какъ пользуются при этомъ крестьяне паровымъ полемъ для выгона скота, а также и особыми выгонами, если они есть? Обязаны-ли домохозяинъ приступать къ полевымъ работамъ въ срокъ, назначенный сходомъ, или такихъ сроковъ вовсе не существуетъ, и каждый начинаетъ работу когда хочетъ? Обязаны-ли хозяинъ унавоживать полосу, доставшуюся ему по раздѣлу? Имѣеть-ли онъ право продавать съ своего двора навозъ, и кому: только ли одно-общиникамъ, или же и постороннимъ лицамъ? Имѣеть-ли право домохозяинъ, владѣющій общинною пахатною землею, продать весь свой скотъ?

10. Не обрабатываются-ли, или не убираются-ли сообща *всею общиною* какія-либо земли, какія именно, и какимъ порядкомъ въ

такомъ случаѣ производятся работы и дѣлится урожай хлѣба или сборъ сѣна и другихъ произведеній?

а) Если такое общее хозяйство ведется, то давно-ли, и какъ оно возникло? Какіе порядки установлены въ немъ? Нѣтъ-ли мирскихъ построекъ, машинъ, орудій, мирского скота? Кто распоряжается работами? Какъ распределяются работы и сборъ произведеній между крестьянами? Какъ удобряются поля?

б) Если въ селеніи есть поемныя пашни, то не обрабатываются-ли онѣ сообща всѣми крестьянами, съ дѣлежомъ продукта, и какія правила соблюдаются при этомъ?

в) Не соединилось-ли для общаго хозяйства на своихъ участкахъ нѣсколько дворовъ, по какимъ причинамъ и на какихъ основаніяхъ?

г) Не пользуется-ли нѣсколько сосѣднихъ общинъ какими-либо угодьями сообща?

11. Не производили-ли крестьяне, со времени освобожденія, нѣкоторыхъ работъ цѣлою общиною (или товариществами) на своей землѣ, въ видахъ коренныхъ улучшеній угодій, напр. осушки болотистыхъ мѣстъ, устройства канавъ, устройства большихъ запрудъ, орошенія, расчистки зарослей, раскорчевки лѣсныхъ мѣстъ и т. п.? Какой размѣръ участія принимаетъ въ этомъ случаѣ каждый дворъ (или душа, тягло, наличный работникъ и пр.) и какъ разверстываются затѣмъ прибыли и выгоды отъ предпріятія? Не зависятъ-ли и въ этомъ случаѣ система разверстки работъ и прибылей отъ общей системы разверстки земель и повинностей въ общинѣ?

12. Какой способъ принять для раздѣла общественныхъ луговъ:

а) Разбиты-ли они на постоянные участки, или же передѣляются, и какъ часто; какое принято основаніе для дѣлежа: по числу-ли ревизскихъ душъ, тяголъ, дворовъ?

б) Не косятъ-ли крестьяне своихъ луговъ сообща, съ раздѣломъ затѣмъ между собою сѣна по душамъ, дворамъ, рабочимъ, участвовавшимъ на сѣновосѣ и пр.?

в) Не существуетъ-ли наконецъ (въ степяхъ) захватнаго способа пользованія лугами, т.-е. кто сколько скосятъ или обкоситъ кругомъ въ одинъ день и т. п., или пользованія на извѣстный срокъ раздѣланными лугами или покосами на запущенныхъ пашняхъ (пожни и облоги)?

г) Какіе порядки существуютъ какъ при дѣлежѣ луговъ, такъ и при распределеніи луговыхъ полосъ между крестьянами (жеребьевка, сѣна полосъ погодно и т. п.), имѣетъ-ли вліяніе на эти порядки качество разныхъ частей луга или что-либо другое, и что именно? (Ширина полосъ).

13. Если у селенія есть лѣсъ или кустарникъ, то какой способъ пользованія имъ существуетъ между крестьянами: участковый подушный, дѣлежомъ-ли срубленнаго сообща лѣса на постройки, топливо и лучину и т. п.? Какіе существуютъ порядки пользованія

общими лѣсами (на сѣверѣ Россіи) въ отношеніи охоты за дичью и ловли звѣрей?

14. Какія правила существуютъ относительно пользованія выгонами; гдѣ пасется скотъ, кто имѣетъ право выпускать свой скотъ въ стадо, пользуются-ли этимъ правомъ безземельные крестьяне и посторонние жители и на какихъ условіяхъ?

15. Если селенію принадлежатъ рыбныя ловли, угольныя копи, каменоломни, мѣсторожденія глины, удобной для выдѣлки кирпича, мѣста для мочки льна и пеньки и пр., то какой порядокъ установленъ для пользованія ими?

16. Какіе виды усадебной земли находятся въ подворномъ наслѣдственномъ владѣніи, и какіе передѣляются?

а) Не было-ли примѣра передѣла дворовыхъ мѣстъ, когда и какимъ порядкомъ онъ производился? Какъ и изъ какихъ земель отводятся новыя дворовыя мѣста; какъ они разбиваются послѣ пожаровъ?

б) Передѣляются ли остальные виды усадебныхъ угодій (огороды, конопляники, капустники, гуменныя земли и т. п.), какіе именно и какъ часто?

17. Какъ устраниваются общія хозяйственныя дѣла всего міра?

а) Какія правила существуютъ относительно найма пастуха и содержанія быка, какъ караулятъ крестьяне лошадей, охраняютъ мірской лѣсъ, огораживаютъ и охраняютъ поля и другія угодья, содержатъ общественныя зданія, исправляютъ дороги, мосты и пр.?

б) Какія помочи другъ другу существуютъ между крестьянами въ общинѣ: при постройкѣ дворовъ, при недостаткѣ у двора силъ для обработки земель и пр.? Если существуетъ удобреніе полей, то вывозятъ ли крестьяне удобреніе общими силами, поочередно изъ cadaго двора, и какіе существуютъ при этомъ порядки; или же каждый дворъ вывозитъ удобреніе собственными силами?

в) Не сдаются ли въ аренду части мірскихъ земель или другое общественное имущество, и какіе при этомъ существуютъ правила и порядки, и какъ дѣлятся доходы съ этихъ статей?

г) Въ случаѣ упадка хозяйства отдѣльныхъ членовъ общины, не принимаетъ ли міръ какихъ-нибудь мѣръ для его поднятія: въ видѣ ли помощи слабосильнымъ, или понужденія нерадивыхъ домохозяевъ?

д) Принимаетъ ли міръ участіе въ дѣлѣ назначенія хозяина двора, въ семейныхъ раздѣлахъ, въ дѣлахъ по наслѣдству своихъ членовъ, и въ чемъ это участіе выражается. Чѣмъ обуславливается, по мірскимъ правиламъ, право cadaго отдѣльнаго крестьянина на полученіе земельного пая, когда это право прекращается; какія ограниченія въ правѣ распоряженія надѣльной землею зависятъ отъ міра?

18. Какіе порядки существуютъ въ общинѣ для тѣхъ мірскихъ

сходовъ, на которыхъ рѣшаются дѣла общиннаго земельного хозяйства; кто имѣетъ право требовать созыва схода, кому объ этомъ заявляютъ, кто созываетъ сходъ, кто на немъ присутствуетъ: хозяева-ли, или всѣ взрослые работники и пр.; допускаются-ли замѣняющіе хозяевъ мужчины и женщины, постановляются-ли рѣшенія схода единогласно или большинствомъ голосовъ; какого рода лица (мѣстные и посторонніе) имѣютъ особое вліяніе на сходы, чѣмъ оно обуславливается; не признаются ли нѣкоторые изъ этихъ лицъ миродами и кулаками, и въ какой мѣрѣ послѣдніе имѣютъ вліяніе на сходы? Когда именно собираются сходы для передѣла и разверстки полей и сѣнокосовъ?

Въ сельскихъ обществахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ селеній, имѣющихъ отдѣльные надѣлы, кто руководитъ общинными сходами по хозяйственнымъ вопросамъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ сельского старосты? Кто руководитъ ими въ большомъ селеніи, имѣющемъ одинъ общій надѣлъ, если въ немъ нѣсколько сельскихъ обществъ?

19. Не бывало-ли между государственными крестьянами случаевъ выкупа своихъ земельныхъ участковъ и продажи ихъ, въ цѣломъ составѣ или частями, постороннимъ лицамъ, не принадлежащимъ къ составу общины? Не было-ли случаевъ выкупа отдѣльныхъ участковъ бывшими помѣщичьими крестьянами (165 ст. Положенія о выкупѣ)? Не было-ли случаевъ продажи такихъ участковъ постороннимъ? Выдѣлялись-ли такіе участки къ однимъ мѣстамъ, а если не выдѣлялись, то не исключались-ли изъ передѣловъ? Не было-ли случаевъ отчужденія части общинной земли въ постороннія руки? Какое вліяніе имѣютъ всѣ такіе случаи на интересы общины и на характеръ общинныхъ порядковъ?

20. Не состоялось-ли мірскаго приговора о раздѣлѣ всей надѣльной или только полевой земли на подворные участки, и если состоялся, то когда именно?

а) Если такой приговоръ состоялся, то приведенъ ли онъ въ дѣйствіе, и владѣютъ ли крестьяне землями подворно?

б) Чтѣ именно было причиною составленія приговора о раздѣлѣ земли на подворные участки; по общему ли желанію крестьянъ онъ составленъ, или по другимъ причинамъ, и какимъ, и если приговоръ не приведенъ въ дѣйствіе, то по какой причинѣ?

в) Осталось ли при переходѣ къ участковому пользованію прежняя дробность, и чрезполосность землевладѣнія, или же крестьяне стремятся къ сгруппированію участковъ каждаго домохозяйина въ болѣе крупныя доли? Не расселились ли крестьяне изъ одной деревни въ нѣсколько болѣе мелкихъ, или на отдѣльныхъ хуторахъ? Замѣчается-ли въ такихъ селеніяхъ, послѣ перехода къ участковому владѣнію, какое-нибудь измѣненіе, улучшеніе, или наоборотъ, упадокъ въ хозяйствѣ и благосостояніи крестьянъ, и въ чемъ именно это заключается? Какое вліяніе оказалъ этотъ переходъ въ частности на положеніе крестьянъ болѣе зажиточныхъ,

средняго состоянія и бѣднѣйшихъ? Насколько довольны этимъ переходомъ крестьяне каждаго разряда?

г) Какое вліяніе имѣлъ переходъ къ участковому владѣнію на платежъ повинностей и недоимокъ?

д) Не явилось-ли, вслѣдствіе участковаго владѣнія, опустѣлыхъ дворовъ, и что дѣлается съ ихъ участками; не были-ли отчуждаемы нѣкоторые участки въ постороннія руки?

е) Какое вліяніе оказало переходъ къ участковому владѣнію на семейные раздѣлы, стали-ли они рѣже прежняго, и выдѣляются лишь тѣ члены семьи, которые въ состояніи пріобрѣсти себѣ новый надѣлъ, или же наоборотъ, мѣръ, не заинтересованный, съ уничтоженіемъ круговой поруки, въ платежной способности двора, дозволяетъ семьямъ дѣлиться безпрепятственно, съ размелъченіемъ двороваго участка?

ж) Нѣтъ-ли случаевъ перехода отъ участковаго владѣнія землею къ общинному. Что вызвало это, и какой именно порядокъ въ пользованіи угодьями установленъ общиной?

21. Есть-ли у селенія, кромѣ его надѣла, общественная земля, пріобрѣтенная цѣлою общиной послѣ освобожденія; раздѣлена ли она подворно, или находится въ общинномъ пользованіи, и въ такомъ случаѣ передѣляется ли она одинаково и одновременно съ надѣломъ, или существуютъ иные порядки въ пользованіи ею? Какъ великъ размѣръ купленной земли?

а) Если отдѣльные крестьяне, входящіе въ составъ общины, пріобрѣли въ собственность участки, то продолжаютъ-ли они жить на общинной землѣ и пользоваться ею, наравнѣ съ прочими крестьянами, или же переселились на свои земли? Въ первомъ случаѣ какія именно выгоды привязываютъ ихъ къ общинной землѣ?

б) Не пріобрѣтены-ли земли на сторонѣ товариществами (или артелями) нѣсколькихъ домохозяевъ, сколькихъ и кого именно, какъ великъ размѣръ этихъ земель, на какихъ условіяхъ между собою купили крестьяне эти земли, перешли-ли они жить на нихъ и какъ пользуются землею: на общинномъ-ли правѣ, или раздѣлили ихъ на участки? Если хозяева или нѣкоторые изъ нихъ остались жить на общинной землѣ, то какія выгоды ихъ къ ней привязываютъ?

в) Какъ работаютъ крестьяне на арендуемыхъ или снимаемыхъ земляхъ: сообща, или каждый отдѣльно, и если работаютъ сообща, то какъ дѣлятъ между тобою сборъ съ нихъ хлѣба, сѣна и пр.?

г) Если селеніе снимаетъ сообща постороннія земли за известную плату или отработку, то какой существуетъ способъ раздѣла арендуемой земли между домохозяевами, а также какъ распредѣляется арендная плата за землю или отработка между отдѣльными крестьянами?

22. Если общиннаго пользованія землею нѣтъ, то какъ разбиты участки: подворно-ли въ особыхъ обрубкахъ, или чрезполосно (шнуро-

вое-ли дѣленіе, или иное), сколько дворъ имѣеть полосъ; раздѣлены-ли луга и лѣсъ, есть-ли общій выгонъ и пр.?

Если пользованіе землею участковое, то не помнятъ-ли старожилы, что въ селеніи существовало общинное пользованіе землей? Въ такомъ случаѣ когда оно уничтожилось и по какимъ причинамъ?

23. Если обществомъ приняты въ свою среду новые члены, то получили-ли они земельные надѣлы и на какихъ условіяхъ они были приняты?

24. Если были случаи выхода крестьянъ изъ состава общества послѣ 1861 года, то по какимъ это произошло причинамъ? Переселились-ли они, куда именно и чѣмъ живутъ? Кому переданы ихъ земельные надѣлы?

Если есть цѣлые крестьянскіе дворы въ отсутствіи: извѣстномъ и неизвѣстномъ, или брошенные надѣлы и усадьбы, то по какимъ причинамъ; кто ими пользуется и на какихъ условіяхъ?

25. Если между крестьянами есть безземельные изъ принадлежащихъ въ кореннымъ жителямъ селенія, то по какой причинѣ они сдѣлались безземельными, и какимъ промысломъ живутъ въ настоящее время; какими изъ мірскихъ угодій они пользуются и на какихъ условіяхъ?

а) Если есть дворы безлошадные, то какимъ способомъ обрабатываютъ они свои надѣлы и пользуются угодьями?

б) Какое вліяніе на общинные порядки и на обезземеленіе крестьянъ оказываетъ общая воинская повинность? Сохраняютъ-ли жены новобранцевъ и ихъ дѣти право на надѣлы и въ какихъ размѣрахъ, выходятъ-ли они изъ общины, или остаются въ немъ безземельными? Возвращаются-ли солдаты въ составъ общины и получаютъ-ли надѣлы.

26. Какъ разверстываются повинности между крестьянами: по душевно, потягольно, подворно по зажиточности крестьянъ, по размѣрамъ промысловыхъ ихъ заработковъ, или иначе?

а) Имѣеть-ли принятое въ общинѣ основаніе для разверстки повинностей тѣсное соотношеніе съ основаніемъ разверстки земли между крестьянами? Если нѣтъ, то какія причины обуславливаютъ это различіе?

б) Не обуславливается-ли существующая система разверстки надѣльной земли (по душамъ, дворамъ, тагламъ, рабочимъ, парамъ, братьямъ, вѣнцамъ и т. п.) единственно размѣрами и тягостью повинностей, лежащихъ на крестьянахъ, или же, напротивъ, выгодностью надѣловъ?

в) Не повели-ли измѣненія въ размѣрѣ и разверсткѣ платимыхъ крестьянами повинностей къ измѣненію въ системѣ разверстки земли, особенно при введеніи уставныхъ грамотъ, при переходѣ на оброкъ или при совершеніи выкупного акта?

г) Какая система ответственности въ повинностяхъ, лежащихъ

на всей общинѣ, существуетъ между отдѣльными крестьянскими дворами? Какъ поступаетъ общество въ случаѣ невозможности взыскать недоимку съ двора?

д) Какъ уплачиваетъ міръ повинности, падающія на убылыя души и опустѣвшіе дворы? Не освобождаются-ли на время отъ уплаты повинностей или части ихъ тѣ крестьяне, хозяйство которыхъ пришло во временной упадокъ (вслѣдствіе пожара, падежа скота, убыли работниковъ и другихъ причинъ)? Нѣтъ-ли бесплатныхъ участковъ для стариковъ, вдовъ, сиротъ и пр.? Какъ распределяетъ міръ въ подобныхъ случаяхъ повинности: поровну-ли между всѣми крестьянами, или же накладываютъ ихъ на нѣкоторыхъ болѣе состоятельныхъ крестьянъ? Что называется накладными или накладочными душами?

е) Не пользуются-ли какими-либо льготами въ отбываніи повинностей старшины, старосты и другія должностныя лица, и какъ распределяются міромъ причитающіеся съ нихъ платежи?

ж) Какъ распределяетъ міръ повинности, причитающіяся съ воинскихъ чиновъ во время ихъ службы?

з) Какія послѣдствія относительно владѣнія общинною землею влечетъ за собою неплатежъ крестьянами домохозяевами повинностей? Часто-ли были лишенія земли за недоимки? Во всякое-ли время можетъ быть отобрана міромъ земля у домохозяина? Какія обычныя правила существуютъ при передачѣ міромъ земли отъ одного крестьянина другому относительно платежа повинностей и пользованія землею? На какихъ условіяхъ недоимщики получаютъ обратно свои земли? Не было-ли случаевъ лишенія міромъ общинника правъ на землю навсегда, и какіе именно эти случаи?

27. Какіе существуютъ виды натуральныхъ повинностей, какъ онѣ велики, какимъ способомъ разверстываются между крестьянами? Стоимость снаряженія новобранца, способъ ея разверстки. Приблизительная стоимость на душу повинностей: воинской, подворной, дорожной, постойной и др. и способы ихъ разверстки.

28. Существуетъ-ли круговая порука въ какихъ-либо случаяхъ, кромѣ платежа налоговъ? (Въ этомъ отношеніи интересны общества, имѣющія менѣе 40 душъ, освобожденные теперь отъ круговой поруки въ платежѣ податей).

СПРАВОЧНЫЯ СВѢДѢНІЯ.

І. По описываемой общинѣ.

Водость.

Названіе селенія и сельскаго общества.

При какой водѣ.

Если селеніе образуетъ выселокъ, то когда онъ возникъ.

Вопросы.

1. Число дворовъ въ селеніи.
2. Число ревизскихъ душъ м. п. по уставной грамотѣ.
3. Число наличныхъ душъ муж. и жен. пола по семейному списку.
4. Число лицъ мужескаго пола въ рабочемъ возрастѣ отъ 17 до 55 лѣтъ.
5. Величина и число семей: большихъ, среднихъ и малыхъ.
6. Какой народности и вѣры жители (великороссы, малороссы, бѣлороссы, корела, мордва, татары и проч.; православные, едино-вѣрцы, раскольники, магометане и проч.).
7. Крестьяне-собственники или временнообязанные, арендаторы, половники и пр.
8. Были-ли до 1861 г. государственными, удѣльными, владѣльческими или какой либо иной категоріи?
9. Если крестьяне были владѣльческими, то были-ли они до 1861 г. на барщинѣ или оброкѣ?
10. Когда перешли съ барщины на оброкъ (размѣръ оброка), или когда приступили къ выкупу: добровольному, или обязательному, или приняли даровой надѣлъ? Если приняли на себя и дополнительный взносъ, то на какихъ условіяхъ? Уплатили-ли его или какую часть его?
11. При составленіи уставной грамоты былъ ли надѣлъ уменьшенъ или остался прежній? Былъ ли обмѣнъ угодій? Было-ли перенесеніе усадебъ?
12. Какая почва?
13. Существуетъ-ли удобреніе полей, и если существуетъ, то удобряются-ли всѣ поля: и ближнія и дальнія. Если поля не удобряются, то почему;—не существуетъ ли толова полей скотомъ?
14. Какой въ селеніи сѣвооборотъ, и какіе главные хлѣба и растенія сѣются. Не было ли сдѣлано цѣлой общиной или отдѣльными домохозяевами какихъ-либо улучшеній въ системѣ полеводства, введенія новыхъ растений въ сѣвооборотъ, какой-либо специальной культуры и т. п. Когда именно, по какимъ соображеніямъ и по чьему почину сдѣланы такіа улучшенія. Не введено ли въ общій сѣвооборотъ травосѣянія. Не введено-ли цѣлой общиной сравнительно съ сосѣдами какихъ-либо улучшенныхъ орудій и машинъ (плуги, вѣялки, молотилки, соломорѣзки и пр.)?
15. При залежномъ хозяйствѣ какая часть всей удобной земли состоитъ обыкновенно подъ посѣвомъ, какая ежегодно поднимается и сколько лѣтъ сряду обрабатывается?
16. Если существуетъ лядинное или подсѣчное хозяйство, то сколько приблизительно ежегодно расчищается лядинъ (кулигъ и пр.), въ какомъ разстояніи отъ селенія, какіе хлѣба сѣются на лядинахъ въ первый годъ и въ послѣдующіе. Сколько лѣтъ производится выпашка лядины. На своей ли землѣ лядины, или у кого снимаются; въ послѣднемъ случаѣ на сколько лѣтъ и за какую цѣну или отработку?

17. Гдѣ пасется крестьянскій скотъ: по пару, по скошеннымъ лугамъ, по жнивью или имѣются особенные выгоны и пастбища?

18. Если особенныхъ выгоновъ нѣтъ, то гдѣ крестьянскій скотъ пасется въ междупарье, т.-е. въ тотъ промежутокъ времени, когда паръ уже поднятъ, а луга и поля еще не убраны?

19. Если имѣются особенныя мѣста для пастбы скота, то какъ они называются, и чѣмъ отличаются между собою выпуски, телятники, выгоны и пастбища, величиною ли, близостью къ усадьбѣ, назначеніемъ или чѣмъ инымъ?

20. Достаточно-ли собираемаго хлѣба для продовольствія селенія. Если есть излишекъ, то какой примѣрно: въ средній, урожайный и неурожайный годы. Какіе нѣз хлѣбовъ продаются постоянно и въ какомъ приблизительно количествѣ?

21. Если хлѣба не достаётъ, то насколько приблизительно (для лучшаго, средняго и худшаго дворовъ и при различныхъ урожаяхъ: лучшимъ, среднимъ и худшемъ).

22. Не существуетъ ли особой, прибыльной отрасли полевого хозяйства: огородничества, разведенія пеньки, льна, подсолнечника, горчицы, табаку, свекловицы и пр., и какое пространство занимаютъ онѣ въ поляхъ. Существуютъ ли другія прибыльныя отрасли хозяйства: садоводство, пчеловодство и пр.?

23. Существуютъ ли на землѣ общины торговля, промышленныя и сельскохозяйственныя заведенія, и какой они приносятъ доходъ. Кому они принадлежать: всей ли общинѣ или отдѣльнымъ домохозяевамъ?

24. Есть ли оброчныя или другія доходныя статьи и что онѣ даютъ общинѣ?

25. Достаточно-ли собираемаго хлѣба и доходовъ отъ другихъ отраслей хозяйства, промышленныхъ заведеній и доходныхъ статей на покрытіе нуждъ населенія въ продовольствіи и на уплату налоговъ?

26. Если недостаточно, то чѣмъ пріобрѣтаютъ крестьяне недостающее: существуютъ-ли мѣстные промыслы и какіе именно, или промыслы отхожіе и какіе, въ какія мѣста и надолго-ли крестьяне отлучаются, и что даютъ промыслы какъ мѣстные, такъ и отхожіе?

27. Какіе заработки и доходныя статьи были у крестьянъ до 1861 г. Не исчезли ли съ 1861 года нѣкоторые, и не возникли ли другіе вновь?

28. Арендуютъ ли крестьяне на долгіе сроки, или нанимаютъ погодно сосѣднія земли, и многіе ли; сколько земель снимаютъ они? По какой цѣнѣ снимаются эти земли, и какъ велика прибыль отъ арендованія?

29. Увеличивается или уменьшается количество арендуемыхъ и нанимаемыхъ крестьянами земель, и растутъ ли арендныя и наемныя цѣны? Цѣны существующихъ арендъ на земли въ цифровыхъ данныхъ.

30. Сколько лицъ того и другого пола уходило въ послѣдніе годы (по крайней-мѣрѣ за 3 года) на заработки на сторону по пас-

портамъ и билетамъ, съ раздѣленіемъ ихъ на уходящихъ по билетамъ и паспортамъ:

мѣсячнымъ
3-хъ-мѣсячнымъ
6-ти
годовымъ,

и съ указаніемъ мѣстностей, куда уходили и вида промысла.

31. Уменьшилось или увеличилось въ селеніи число рогатаго скота, лошадей и овецъ, сравнительно съ временемъ до 1861 года (если этого опредѣлить нельзя, то за послѣдніе 3 года); если уменьшилось, то насколько именно и по какимъ причинамъ. Были ли падежи и въ какихъ размѣрахъ? Число наличнаго скота.

32. Есть ли въ селеніи дворы безлошадные, сколько ихъ, и какія причины вызвали такое положеніе дворовъ. Дворы, не имѣющіе лошадей, имѣютъ ли земельные надѣлы. Если они земли не держатъ, то чѣмъ живутъ?

33. Не было ли случаевъ выхода крестьянъ изъ состава общества; если были, то когда, сколько, почему и на какихъ условіяхъ вышли? То же относительно принятія новыхъ членовъ.

34. Есть ли въ селеніи хлѣбъ въ запасномъ магазинѣ и сколько на душу. Есть ли мірскіе капиталы и въ какомъ количествѣ?

35. Размѣръ повинностей и другихъ обязательныхъ сборовъ, падающихъ по окладу 1878 года на все селеніе и на ревизскую душу: государственныхъ, земскихъ (губернскихъ и уѣздныхъ), мірскихъ (волостныхъ и сельскихъ), выкупныхъ или оброчныхъ и пр.?

36. Нѣтъ ли на общинѣ недоимки. Если есть, то сколько и по какимъ именно налогамъ. Когда недоимка образовалась и по какимъ причинамъ?

37. Не было ли съ 1861 года продажъ имущества за недоимки (полицейской или мірской), и если были, то какое имущество было продано?

38. Улучшился или ухудшился бытъ крестьянъ съ 1861 года, и въ чемъ именно замѣтно это измѣненіе?

39. Сколько въ селеніи (изъ общаго числа) дворовъ, выдающихся достаточностью или бѣдностью? Желательно подробное описаніе по крайней мѣрѣ одного двора разныхъ типовъ, какъ-то: богатаго, зажиточнаго, средняго, бѣднаго и совершенно немущаго по ниже слѣдующей программѣ.

II. По дворамъ описываемой общины.

Имя, отчество и прозваніе домохозяина?

ВОПРОСЫ.

1. Сколько во дворѣ ревизскихъ и наличныхъ душъ того и другого пола, съ раздѣленіемъ ихъ по возрастамъ:

до 12 лѣтъ	
отъ 12 до 17 лѣтъ	
„ 17 „ 55 „	
свыше 55 „	

и съ оговоркой о числѣ работниковъ и о числѣ увѣчныхъ и неспособныхъ къ работѣ.

2. Когда возникъ дворъ, если онъ образовался вслѣдствіе семейнаго раздѣла послѣ 1861 года?

3. Сколько во владѣніи двора душевыхъ или тягловыхъ надѣловъ: цѣлыхъ и дробныхъ?

4. Не измѣнилось ли число надѣловъ двора въ послѣдніе годы (не менѣе 3-хъ лѣтъ) и по какой причинѣ?

5. Какъ великъ размѣръ разныхъ повинностей, а также итогъ всѣхъ повинностей, вмѣстѣ съ выкупными платежами, оброкомъ, дополнительными платежами и т. п., которыми обложенъ дворъ по послѣдней мірской раскладкѣ (на какое число душъ или тягловъ и проч.).

6. Если общій итогъ повинностей измѣнился въ послѣдніе годы, то насколько и по какимъ причинамъ?

7. Достаетъ ли двору собираемаго имъ хлѣба съ своего надѣла, и если не достаетъ, то на сколько времени (въ лучшей, средній и худшій года). Если продается, то какой хлѣбъ и сколько приблизительно?

8. Сколько при дворѣ наличныхъ головъ рогатаго скота, лошадей и овецъ. Уменьшилось или увеличилось число скота въ послѣднее время, и если уменьшилось, то по какой причинѣ?

9. Не имѣетъ ли дворъ собственной земли, и если имѣетъ, то сколько именно, когда и отъ кого приобрѣлъ?

10. Какое хозяйство существуетъ на купленномъ участкѣ?

11. Не снимаетъ ли дворъ мірскихъ участковъ, у кого и за какую плату, — или не сдаетъ ли самъ своихъ участковъ другимъ?

12. Не арендуетъ ли дворъ земли по соседству съ селеніемъ, у кого, сколько именно и какія угодья, что платить, какое ведетъ на арендуемой землѣ хозяйство (посѣвъ, сборъ сѣна, пользованіе выгономъ, огородничество, посѣвы льна, подсолнечника и пр.), и какъ велика, приблизительно, выгода отъ этой аренды?

13. Не уходятъ ли члены семьи въ заработки, или не нанимаются ли въ батраки. Кто именно уходитъ, куда, для какого промысла, насколько времени и какой ихъ заработокъ?

14. Не занимаются ли члены семьи мѣстными промыслами, и какими, или торговлей; временны-ли бываютъ (зимнія или лѣтнія), или постоянны эти занятія, и какой они даютъ доходъ?

15. Нѣтъ ли у домохозяина батраковъ и если есть, то сколько ихъ (мужчинъ и женщинъ отдѣльно)?

16. Нѣтъ ли у домохозяина какого-либо сельско-хозяйственнаго, промышленнаго или торговаго заведенія (пчельника, рушалки, мельницы, маслобойни, ремесленнаго заведенія, лавки, кабака и т. п.) и сколько они даютъ дохода?

17. Есть ли на дворѣ недоимка и сколько именно?
 18. Были ли продажи имущества за недоимки, когда и что продано?
 19. Относится ли описываемый дворъ къ богатымъ, зажиточнымъ, среднимъ, бѣднымъ или совершенно неимущимъ?
 Въ случаѣ возможности желательно имѣть подробный расчетъ прихода и расхода (бюджетъ) крестьянскаго двора по крайней мѣрѣ *средняго*.

III. По волости, или опредѣленной ей части, или приходу, или же иному избранному изслѣдователемъ околотку, къ которому принадлежитъ описываемая община.

Названіе волости, прихода и т. п.
 Названіе губерніи и уѣзда.
 Какой ближайшій городъ.

Вопросы.

1. Какъ велико общее число жителей описываемой мѣстности, и каковъ составъ ея населенія?
2. Занимаются ли жители исключительно или преимущественно земледѣліемъ или какими-либо промыслами? Если есть другія значительныя отрасли промышленности, то какая часть жителей ими занимается?
3. Не было ли съ 1861 года выселеній изъ этой мѣстности, сколько выселилось и куда? Если были новыя поселенія въ околоткѣ, то откуда перешли жители и сколько?
4. Какъ велико пространство, занимаемое описываемой мѣстностью?
5. Какую часть въ ней составляютъ лѣса. Кому они принадлежатъ и въ какихъ размѣрахъ. Общая характеристика лѣсовъ. (Хвойные-ли они, или лиственные; строевые-ли, дровяные, или заросли, и сколько приблизительно тѣхъ и другихъ; насколько они истреблены). Большое ли приблизительно пространство занимаютъ озера, болота, торфяники, солончаки, неудобныя земли и пр.?
6. Распределение земель въ мѣстности по владѣніямъ: сколько принадлежить казнѣ, удѣлу, частнымъ владѣльцамъ, крестьянамъ разныхъ наименованій, и сколько лѣсовъ въ каждомъ изъ видовъ владѣнія?
7. Число сельскихъ обществъ и поземельныхъ общинъ въ описываемой мѣстности?
8. Какъ велики селенія: число дворовъ въ наибольшемъ, среднемъ и наименьшемъ?
9. Много ли образовалось съ 1861 года новыхъ поселковъ и изъ чѣихъ земляхъ: надѣльныхъ крестьянскихъ, частновладѣльческихъ, казенныхъ, купленныхъ вновь крестьянами и пр. Какъ велики эти земли?

10. Не уничтожились ли съ 1861 года нѣкоторыя крестьянскія селенія или поселки и вслѣдствіе какихъ причинъ?

11. Сколько въ описываемой мѣстности помѣщичьихъ усадебъ? Не закрылись ли нѣкоторыя изъ нихъ, или не закрывались ли временно?

12. Системы хозяйства, существующія въ околотѣ: у крестьянъ, у частныхъ владѣльцевъ, у съемщиковъ, и пр. Какіе главные изъ высѣваемыхъ хлѣбовъ, какой преобладаетъ сѣвооборотъ, спеціальныя культуры, насколько распространено удобреніе полей, размѣры скотоводства, существуетъ ли травосѣяніе и культура кормящихъ, у кого и въ какихъ размѣрахъ?

13. Какъ велики дѣйствительныя земельныя надѣлы крестьянъ: высшіе, средніе и наименьшіе? Сколько есть тѣхъ и другихъ? Камоу размѣръ надѣла, приблизительно, можетъ обезпечить потребности въ продовольствіи?

14. Сколько крестьянскій дворъ (большой, средній и малый), при существующей въ мѣстности системѣ хозяйства, можетъ своими силами эксплуатировать земли (съ обозначеніемъ размѣра рабочихъ силъ каждаго изъ этихъ дворовъ и размѣровъ разныхъ угодій)?

15. Достаточно ли у крестьянъ земли на ихъ потребности и уплату налоговъ. Довольствуются ли они общинной землей, или снимаютъ еще сверхъ того земли у сосѣднихъ владѣльцевъ, на какихъ условіяхъ (исполн., на отработокъ, за деньги), что на нихъ сѣютъ и что платятъ за аренду. Отдѣльныя ли крестьяне преимущественно снимаютъ земли, или цѣлыя общины?

16. Если земледѣліе не доставляетъ средствъ для существованія крестьянъ и для уплаты налоговъ, то чѣмъ приобрѣтаютъ они недостающее?

17. Какіе развиты промыслы: мѣстные или отхожіе, и какіе главные виды промысловъ. Какое значеніе имѣютъ промыслы для мѣстности и какую роль играютъ они въ общемъ бюджетѣ крестьянъ. Развиваются или падаютъ промыслы съ 1861 года?

18. Сколько крестьянъ уходитъ на заработки изъ описываемой мѣстности, на какіе сроки, въ какія губерніи и уѣзды преимущественно, на какіе именно промыслы, и какъ велики ихъ заработки?

19. Существуютъ ли въ околотѣ фабрики и заводы, и что даютъ они мѣстному населенію. Сколько на нихъ рабочихъ?

20. Размѣры крестьянскихъ повинностей. Количество недоимокъ. Причина ихъ накопленія. Мѣры взысканія.

21. Степень достаточности крестьянскаго населенія. Соотношеніе средствъ, получаемыхъ ими отъ земледѣлія и промысловъ, съ размѣрами потребностей и налоговъ?

22. Существуютъ ли мірскіе капиталы, банки, ссудо-сберегательныя кассы и пр. Размѣры ихъ капиталовъ и оборотовъ. Польза, ими приносимая. Какая категорія лицъ пользуется ими преимущественно: богатые, бѣдные и пр., торговцы ли и промышленники, съемщики ли земли, или равно всѣ крестьяне?

23. У кого изъ частныхъ лицъ кредитуются крестьяне; что платятъ въ видѣ процентовъ; въ какихъ формахъ проявляется ростов-

щество, нѣтъ ли уплаты отработкомъ и продуктомъ; во что вообще обходится крестьянамъ, приблизительно, такой кредитъ въ предѣлахъ описываемаго околотка. Кто занимается раздачею денегъ въ ссуду?

24. Число жителей, приписанныхъ къ волости. Занятія ихъ и степень обезпеченности. Приблизительное число нижнихъ чиновъ. Возвращаются ли послѣдніе къ земледѣлію, берутъ ли надѣлы; если нѣтъ, то чѣмъ живутъ?

25. Ведутся ли самостоятельно частныя хозяйства, или земли сдаются въ аренду: долгосрочную или погодно, кому, за какую цѣну. Если хозяйства ведутся самостоятельно, то какой преобладаетъ въ нихъ сѣвооборотъ. Сколько рабочихъ въ этихъ хозяйствахъ, мѣстные они или пришлые. Сколько получаютъ рабочіе. Если сѣмщики раздаютъ земли крестьянамъ по желчанію, то какъ великъ приблизительно ихъ барышъ?

26. Какой способъ пользованія казенными землями и лѣсами существуетъ въ околоткѣ?

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТАГО ТОМА

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

СЕНТЯБРЬ—ОКТАБРЬ, 1878.

Книга десятая. — Сентябрь.

	стр.
Завѣтные экономисты. Тюненъ и Курно. — Къ характеристикѣ новѣйшей политической экономіи. — I-IV. — Л. СЛОНИМСКАГО.	5
Послѣднія десять лѣтъ жизни П.-Ж. Прудона. — XVIII. — Окончаніе. Д—ЕВА.	28
Два мѣсяца въ Габровѣ. — Изъ воспоминаній о войнѣ 1877—78 гг. — I. — П. Я. ПЯСЕЦКАГО	83
Деревенскіе дальцы. — Разсказъ. — I-X. — А. И. КРАСНОПОЛЬСКАГО.	125
Подходящій налогъ съ финансовой точки зрѣнія. — IV-XII. — Л. В. ЧЕРНЯЕВА	178
Исполнить Тѣнь какъ историкъ Франціи. — X-XII. — В. И. ГЕРЬЕ	234
Давидъ-Фридрихъ Штраусъ. — Біографическій очеркъ. — I-III. — Е. К. АР-СЕНЬЕВА	278
Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ. — I-III. — А. Н. ПЫПИНА	312
Хроника. — Литературный конгрессъ въ Парижѣ. — Письма въ редакцію. — VIII-XIV. — Л. А. ПОЛОИСКАГО	854
Внутреннее Овозраженіе. — Убіиство ген. Мевенцова. — Отчетъ министерства народнаго просвѣщенія за 1876 годъ. — Отзыви попечителей. — Новый заемъ. — Кредитное обращеніе. — Разрядный налогъ и уравнительность. — Преобразование податей. — Удержаніе золотой пошлины.	892
Иностранная политика. — Положеніе дѣлъ въ Германіи	414
Политическое значеніе Константинополя. — В. К.	423
Парижскія письма. — XL. — Новѣйшіе романисты Франціи. — ЭМ. ЗОЛА	433
Замѣтка. — Датская воляница ов. Владимира въ Москвѣ	461
Библиографическій Ликтокъ. — Исслѣдованіе по римской исторіи, преимущественно въ области третьей декады Ливія. Владимира Пирогова. — Библиографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова. Составилъ В. Ке-невичъ. — Историческая хрестоматія по русской исторіи. Составлена Я. Г. Гуревичемъ и Б. А. Павловичемъ.	

Книга десятая.—Октябрь.

	стр.
О задачахъ искусства.—К. Д. КАВЕЛИНА	465
Отрывки изъ „Фауста“ Ленау. — I. Первый танецъ. — II. Фаустъ у гроба матери. — III. Смерть Фауста.—Н. А. ХОЛОДКОВСКАГО.	506
Два мѣсяца въ Гавровѣ.—Изъ воспоминаній о войнѣ 1877—78 гг.—П.—Окончаніе.—П. Я. ПЯСЕЦКАГО	516
Давидъ-Фридрихъ Штраусъ.—Биографическій очеркъ.—IV-VI.—Окончаніе.—К. К. АРСЕНЬЕВА.	570
Поссоксионные крестьяне въ XVIII вѣкѣ.—Очеркъ изъ исторіи обязательнаго фабричнаго труда.—I-II.—В. И. СЕМЕВСКАЮ.	610
Молодые повзги.—Повѣсть.—Часть первая.—I-IX.—А. А. ПОТЪХИНА.	658
Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ.—IV-V.—А. Н. НЫЦИНА.	726
Хроника.—Критическія замѣтки объ историческомъ и художественномъ значеніи „Слова о полку Игоревѣ“.—I-II.—Е. ВАРСОВА.	767
Внутреннее Овозрѣніе.—Старый вопросъ объ общественной самодѣтельности.—Харьковское земское собраніе и инспекція народныхъ школъ.—Школы въ хотинскомъ уѣздѣ.—Инспекція по описанію инспектора.—Измѣненіе сроковъ взноса крестьянами окладныхъ сборовъ.—Злоупотребленіи заемщиковъ у земельныхъ банковъ.—Пріемъ войскъ въ Варшавѣ.	818
Иностранная политика.—Австрійцы въ Боснии и Герцеговинѣ.	835
Корреспонденція изъ Берлина.—Политическія и неполитическія воспоминанія изъ канцелярской пошлени.—К.	843
Парижскія письма.—XLI.—Современная жизнь.—ЭМ. ЗОЛА.	864
Извѣстія.—Отъ Комиссіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по изслѣдованію формъ и порядковъ крестьянскаго землевладѣнія: Опытъ программы по изслѣдованію поземельной общины.	896
Библиографическій Листокъ.—Выпѣніе желѣзныхъ дорогъ на экономическое состояніе Россіи, въ пяти томахъ, съ атласомъ, И. С. Вліоза. — Ученіе о дѣйствіяхъ по отношенію къ искусству и техникѣ, соч. фонъ-Бенцольда, переводъ С. Ламанскаго.—Курсъ промышленной экономіи и коммерческой географіи, въ связи съ торгово-промышленной статистикой Россіи и главнѣйшихъ государствъ міра, А. П. Субботина. — Турція, ея могущество и распаденіе, А. Чемерзина. — Русская Библіотека. Томъ пятый: Александръ Сергѣевичъ Грибоедовъ. Второе изданіе.	

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Васил. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНИЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ, Книжный магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1879-мъ году.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы, въ 1879-мъ году издается въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, — каждый около 1,000 страницъ большого формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ГОДЪ—12 книгъ:

Въ Россіи: За границу:

1) Съ пересылкою, чрезъ Главную Экспедицію	17 р. — к.	29 р.
2) Съ доставкою, по городской почтѣ, въ Спб.	16 > — >	— >
3) Безъ доставки, въ Главной Конторѣ журнала	15 > 50 >	— >

ЧЕТВЕРТЬ—3 книги, съ доставкою и пересылкою . 5 > — > 7 >

Примечаніе.—Подписка по четвертямъ открывается съ января, апреля, июля и октября.

МѢСЯЦЪ—1 книга, съ доставкою и пересылкою . . 2 > 50 > 3 >

Подписывающіеся въ Москвѣ, въ Отдѣленіи Главной Конторы журнала, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ такъ же всѣ прежде вышедшіе номера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обыкновенною уступкою

На оборотѣ:

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписку ~~опредѣленному~~ ~~по почте~~ въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* правильная выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожителства; при перемѣнѣ адреса годового экземпляра изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не можетъ, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые прилежать къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

Въ Главной Конторѣ журнала и въ ея Московскомъ Отдѣленіи можно получать полные экземпляры «Вѣстника Европы» за 1878 годъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

ТИПОГРАФИИ М. УТАЮЛЕВИЧА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В. О., 2-я лин.,

д. № 7.

НОВАЯ КНИГА: —

КУРСЪ

ПРОМЫШЛЕННОЙ ЭКОНОМИИ И КОММЕРЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ СТАТИСТИКОЙ РОССИИ И ГЛАВНѢЙШИХЪ
ГОСУДАРСТВЪ МІРА.

Одобрено Ученнымъ Комитетомъ Минист. народн. просвѣд. для реальнѣхъ училищъ.

А. П. Субботинъ.

С.-Петербургъ. 1878. Стр. 328. Цѣна 2 рубля.

КАТАКОМЫ.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ВРЕМЕНЪ ХРИСТИАНСТВА.

Евгеніи Туръ.

С.-Петербургъ. 1878. Стр. 287. Цѣна 1 рубль.

Восьмой томъ „РУССКОЙ БИБЛИОТЕКИ“:

МИХАИЛЪ ЕВГРАФОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ.

Избранныя сатиры, съ биографическимъ очеркомъ и портретомъ.
Спб. 1878. Стр. 488 и VIII.—Цѣна 75 коп.; въ англ. пер. 1 рубль.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

РУССКОЙ НАРОДНО-УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Составленъ по порученію Комитета Грамотности, состоящаго при Императорскомъ
Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, спеціальноръ Коммиссіею.

Спб. 1878. Стр. 744. Цѣна 2 руб., съ пер. 2 руб. 50 коп.

СЕМЬ СКАЗОКЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Барбара Сефреновичъ, съ иллюстрац. работъ Елис. Бентъ.

Спб. 1878. Стр. 112. Ц. 1 руб.; въ папкѣ 1 руб. 25 коп.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ СТАТИСТИКА

РОССИИ И ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ.

Соч. Ю. Э. Янсона. Т. I: Территория и население. Спб. 1878. Стр. 372. Цѣна 2 руб.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

ПОЛИТИКА—ДИПЛОМАТИЯ.

Сочиненіе Сергѣя Соловьева, въ двухъ частяхъ. Спб. 1877. Стр. 560. Цѣна 2 р. съ пер.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА ЭМИЛЯ ЗОЛА.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ (1875—1877).

ТОМЪ I: Бальзакъ.—Флоберъ.—Гонкуръ.—Дождь.—А. де-Мюссе.—Тэнъ.—Ремюза.—Шатобрианъ.—Тьеръ.—Ж. Зандъ.—В. Гюго.—А. Дюма-сынъ.
Спб. 1878. Стр. 351. Цѣна 1 рубль.

ВЪЛИНСКІЙ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПЕРЕПИСКА.

Сочиненіе А. Н. Пышина. Въ двухъ томахъ. Спб. 1876. Цѣна 4 рубля, въ переплетѣ 4 руб. 50 коп.

Въ этомъ отдѣльномъ изданіи біографія Вѣлинскаго значительно дополнена новыми матеріалами, явившимися въ печати за последнее время, и новымъ рядомъ писемъ Вѣлинскаго, доселѣ неизданныхъ.

ВОСПОМИНАНІЯ И КРИТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Н. В. Анискова.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ: I. Наманувѣ пятидесятихъ годовъ.—II. Н. В. Гюгель въ Римѣ.—III. Февраль и мартъ въ Парижѣ 1848 г.—IV. Е. П. Ковалевскій.—Спб. 1877. Стр. 848. Ц. 1 р. 50 коп.

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

У СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА.

А. С. Курбскаго. Спб. 1876. Стр. 442. Ц. 2 р.

ПОЖАРНАЯ КНИГА.

Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ полнотипажными рисунками. Составилъ А. Н.—въ. Спб. 1876. По уменьшенной цѣнѣ 1 руб. 25 коп., вмѣсто 3-хъ рублей.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

За пересылку по почтѣ иногородные прилагаютъ 10%, съ цѣны книги, въ круглыхъ цифрахъ.

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 40.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

№ 40.

КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА

ТИПОГРАФИИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Исторія философіи Фр. Ибервегъ. Перевелъ и составилъ дополненія съ примѣчаніями, Н. Ѳ. Фоковъ, т. I, ч. I. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Конечныя причины или цѣлесообразный порядокъ вещей въ природѣ и его причина. Соч. Поля Жанъ. Перевелъ съ франц. Д. В. Поспѣховъ. Кіевъ. 1878 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Миръ реальный и миръ идеальный. Соч. И. Я. Быкова. Предметъ этого сочиненія: изслѣдованіе ощущенія и изисканіе основнаго начала природы. Въ текстѣ 163 чертежа. Сиб. 1878 г. Ц. 5 р. съ пересылкою.

Опытъ критическаго изслѣдованія основаначалъ позитивной философіи. В. Лесевича. Сиб. 1877. Ц. 2 р.

Основанія психологій. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человѣка“ Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Сиб. 1876. Ц. 7 р. съ пересылкою.

Письма о научной философіи, В. Лесевича. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Психологическіе этюды. И. Сѣченова. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Разысканіа истинны (Иммануэль Кантъ (1724—1804), Иоганнъ Готтлибъ Фихте (1762—1814), Фридрихъ-Генрихъ Якоби (1743—1819)). Составилъ Ипполитъ Панаевъ. Съ предисловіемъ и послѣсловіемъ составителя. Сиб. 1878 г. Ц. за 2 т. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Физиологическое объясненіе нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты. Психо-физиологическій этюдъ Л. Е. Оболенскаго. Сиб. 1878 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Философія дѣйствительности. Изложеніе философской системы Дюринга съ приложеніемъ критическаго обзора А. А. Козлова. Кіевъ. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Философская пропедевтика или основанія логики и психологій. Т. Румиеля. Переводъ П. М. Пейдлера. Изданіе второе, исправленное. 1878 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Анна Каренина. Романъ Графа Л. Н. Толстого, въ восьми частяхъ. М. 1878 г. Ц. 6 р., съ перес. 7 р.

Барчуні. Картины прошлаго. Евгенія Маркова. Сиб. 1875. Ц. 1 р. 75 к.

Безпечальное житье. Романъ. Сочин. А. Михайлова. Сиб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Виргиліева Энеида. И. П. Котляревскаго. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова. 1849—1868 гг. Отдѣлъ первый. Сиб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Вѣчный труженникъ. Сочин. Самуэля Смайльса. Переводъ С. Майковой. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Два похода за Балканами. Съ театра войны (1877—78). Кн. Л. В. Шаховскаго. М. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

До свѣтлн Думи и поэми. П. Кулиша. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Евгеній Онегинъ нашего времени. Романъ въ стихахъ. Д. Д. Минаева. 3-е изд., съ прибавленіемъ новой главы и эпилога. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Иностранные поэты въ переводѣ Д. Л. Михаловскаго. Въ пользу литературнаго

*) Книги, поступившія въ Складъ въ августѣ мѣсяцѣ, указаны ■■■; на книгахъ вышедшихъ въ текущемъ году, обозначены годъ изданія.

фонда. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 2 ф.

Катакомбы. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства. Евгения Туръ. Новое изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Князь Серебряный. Повѣсть времени Іоанна грознаго. Сочин. Гр. А. К. Толстого Изд. 3-е. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. Въ переплетъ съ золотымъ тисненіемъ. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Малорусскія народныя преданія и разсказы. Сводъ Михаила Драгоманова. Кіевъ. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Натанъ Мудрый. Драматическое стихотвореніе Готтольда Лессинга, переводъ съ нѣмецкаго В. Крылова, съ историческими очерками и примѣчаніями къ тексту перевода. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.; въ роскошномъ переплетѣ съ портретомъ Лессинга. 3 р., съ пер. 3 р. 80 к.

Николай Алексѣвичъ Некрасовъ. Біографія, критическій обзоръ поэзій. Собраніе стихотвореній, посвященныхъ памяти поэта. Сводъ статей о Н. А. Некрасовѣ съ 1840 года. Сост. А. Голубевъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ поэта, исполненный съ negativa фотографа С. Л. Левицкаго фотографіею Лемерсье въ Парижѣ. Чистый сборъ отъ этого изданія назначается на лучшее устройство народной школы, пользовавшейся при жизни Н. А. Некрасова особымъ его почетомъ. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Нѣмецкіе поэты. Въ біографіяхъ и образцахъ. Подъ редакціей Н. В. Гербеля Спб. 1877 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ пер. 3 р. 70 к., съ перес. 4 р. 25 к.

Около денегъ. Романъ изъ сельской фабричной жизни. Алексѣя Потѣхина. Спб. 1877. Ц. 1 р. 25 к.

Политическіе романы: а) Будущее поколѣніе женщинъ; б) Грядущая раса. Одинъ томъ. Сост. Маквайръ. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Памятникъ восточной войны 1877 — 1878 гг., заключающій въ себѣ, въ алфавитномъ порядкѣ, біографическіе очерки всѣхъ отличившихся, убитыхъ, раненыхъ и контуженныхъ. Сост. А. Старчевскій. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Потомки на Дунаѣ. 1790-й годъ. Историческая повѣсть Г. П. Данилевскаго. Спб. 1878. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

По поводу пересмотра устава университетовъ. Я. Степанова. Казань. 1878 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Парижскія письма. Изъ литературы и жизни. 1875-77 гг. Т. I. Эмиль Зола. Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Пѣсни и сатиры и комедія Либераля

въ 5 дѣйствіяхъ. Соч. Д. Д. Минаева. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. **Плѣнный левъ.** Историческій романъ Миссъ Юнгъ. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Русскіе герои войны. Собраніе замѣчательныхъ эпизодовъ, анекдотовъ, описаній и сценъ за Дунаемъ и на Кавказѣ, изъ боевой жизни Русско-Турецкой войны 1877-1878. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Русская Библіотена, томъ VIII: М. Е. Салтыковъ. Избранная сатира, съ біографіею и портретомъ автора. Спб. 1878. Стр. 488. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Рѣчи и статьи. Джона Тиндалъ. Ц. 85 к., съ пер. 1 р.

Славянскій сборникъ, томъ II, съ приложеніемъ этнографической карты русскаго населенія въ Галичинѣ, сѣв.-вост. Угріи и „Буковинѣ“. Изданіе сиб. славянскаго благотвор. общества. Спб. 1878 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Славянскій сборникъ. Изданіе славянскаго благотворительнаго комитета, т. I. Ц. 8 р., съ пер. Т. III. Ц. 3 р. съ пер.

Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Т. I. Отдѣлъ историческій. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Т. II. Отдѣлъ историко-топографическій, археологическій и этнографическій. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Собраніе сочиненій Гете въ переводахъ русскіхъ писателей, изданныхъ подъ редакцію Н. В. Гербеля. Пять томовъ. Спб. 1878. Ц. 8 р., съ перес. 9 р.

Современные романы. Разсказы Уйда. Бретъ-Гарта, Эмиль Зола, Мариттъ, Уильямъ-Колинзъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Сочиненія графа Л. Н. Толстого. Одинадцать т. М. 1878 г. Ц. 16 р. 50 к., съ перес. 18 р.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго. 4 тома. Спб. 1877 г. Цѣна 6 р. съ пересылкою.

Таинственная невеста изъ гнѣзда червонныхъ валоетовъ. Романтическая повѣсть въ трехъ частяхъ, одного изъ постороннихъ. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Таинственный островъ. Жюль-Верна, съ 150 гравюрами Барбона. Перев. Марко-Вовчка 3 т. Ц. 6 р., съ перес. 6 р. 50 к.

Полное собраніе стихотвореній Гр. А. К. Толстого, въ одномъ томѣ. 1865—1875 г. Изданіе второе. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к., на веленовой бумагѣ, съ портретомъ и въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ, ц. 3 р. 25 к., съ перес. 3 р. 50 к.—Портретъ особа: 50 к.

Походенія Магома, финиійскаго путешественника, съ 25 картинами и 5 политическими въ текстѣ. Соч. Леона Казна. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Сочиненія Исаевофонта. Перевелъ Г. А. Янчевецкій. Выпускъ III. Киропедія. Съ примѣчаніями и двумя указателями. Кіевъ. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Фонарикъ для освѣщенія общественныхъ и частныхъ дѣлъ и делуговъ. Горжальчинскаго. Ц. 85 к., съ пер. 50 к.

Францъ фонъ - Зикингтъ. Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ф. Лассала. Перев. А. и С. Крыль. Стр. 259. Ц. 1 р. 50 к., въс. 2 ф.

Чингизъ-Ханъ и его полчища, или голубое знамя. Историческая повѣсть временъ нашествія Монголовъ. Съ 10 картинами и 5 политическими въ текстѣ. Соч. Леона Казна. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

ИСТОРИЯ — БЮГРАФІЯ — ЭТНОГРАФІЯ.

Восточная война 1853 — 1856 годовъ. Сочиненіе ген.-лейт. М. И. Богдановича. Изданіе второе, исправленное и дополненное. 4 тома. Спб. 1877 г. Ц. 8 р., съ пер. 9 р.

Десятилѣтіе русскаго земства. 1864—1875. Д. Л. Мордовцева. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Европа въ Россіи. Очерки экономическаго и общественнаго быта русскихъ евреевъ. И. Г. Оршанскаго. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Жизнь Европейскихъ народовъ. Сост. Е. Н. Водовозова. Съ рисун. В. М. Васнецова и Панова. Томъ I. Жители юга. Ц. 8 р. 75 к., съ пер. 4 р. 50 к. Томъ II. Жители сѣвера. Ц. 8 р. 75 к., съ пер. 4 р. 50 к.

Императоръ Александръ Первый. Политика-Дипломатія. Соч. Сергѣя Соловьева. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. съ перес.

Исторія религій и тайныхъ религиозныхъ обществъ. 6-тъ т. Ц. 7 р., съ перес. 8 рублей.

Исторія Коммунизма. Соч. Альфреда Сюдра. Ц. 2 р. 50 к. съ перес.

Исторія Соединенныхъ Штатовъ, 3 тома. Соч. Лабуза. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Исторія Сербіи, по сербскимъ источникамъ. Соч. проф. Ранке. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. Л. Рохау, 2 т. Ц. 8 р. 50 к., въс. 8 ф.

Люди Бомин. Русская секта такъ называемыхъ духовныхъ христіанъ. И. Добро-

творскаго. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Мадьяры и національная борьба въ Венгріи, съ приложеніемъ этнографической карты Венгріи. Сост. Г. А. Де-Воланъ. Спб. 1877 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Начало цивилизаціи. Соч. Лебока. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Очеркъ жизни Фридриха Фребеля, читанный въ собраніи англійскаго фребелевскаго общества М-съ Е. Шефферъ. М. 1878. Ц. 25 к., съ пер. 40 к.

Очерки и рассказы изъ стариннаго быта Польши. Карновича. Ц. 2 р. 50 к. съ пересылкою.

Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-петровской Руси. Исслѣдованіе Н. Загоскина. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Патрикъ Гордонъ и его дневникъ. Сочиненіе А. Брикнера. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Римъ до и во время Юлія Цезаря. Народъ, — войско, — общество и главные дѣятели. Военно-историческій очеркъ. — Составилъ Л. Л. Штирмеръ. Спб. 1876. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Турція, ея могущество и распаденіе. Историческіе и военные очерки. Съ картою турецкихъ завоеваній XIV, XV и XVI столѣтій и планомъ Константинополя А. Чемерзина. Т. I. Спб. 1878 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Очерки Цейлона и Индіи. Изъ путевыхъ замѣтокъ русскаго. Сост. И. П. Минаевъ. Спб. 1878 г. Ц. за 2 части 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Очеркъ путешествія по европейской Турціи, съ картою окрестностей Охридскаго и Преспанскаго озеръ. Виктора Григоровича. Изданіе 2-ое. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Природа и жизнь Америки. Дрэпера. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р., въс. 2 ф.

Способы образованія рѣчныхъ долинъ европейской Россіи. В. Докучаева. Спб. 1878. Ц. 2 р. съ перес.

Черноморцы. Сочиненіе Короленко. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ — СТАТИСТИКА.

Капитализмъ и социализмъ. Соч. Шеффера. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Начальный учебникъ политической эконо-

мін. Составилъ Э. Вреденъ. Спб. 1876. Ц. 2 р., перес. 1 ф.

Мелкій земельный кредитъ въ Россіи. Князя А. И. Васильчикова и А. В. Яковлева. Ц. 65 к., съ перес. 80 к.

Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Милль. 2 т. Ц. 5 р., въс. 3 ф.

Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Т. I. Территорія и населеніе. Ю. Э. Янсонъ. Спб. 1878 г. Ц. 2 р. съ пересылкою.

ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Азбука-понятія. Для обученія и самообученія грамотѣ съ 200 картинками въ текстѣ. Спб. 1878 г. Ц. 1 к., съ пер. 3 к.

Н. Бунаковъ. Школьное дѣло. Для народныхъ учителей и учительницъ. Лекціи, чтенія на учительскихъ сѣздахъ въ Москвѣ, Костромѣ, Херсонѣ и Псковѣ въ 1872, 1873 и 1874 гг. (безъ таблицъ, для постепеннаго класснаго чтенія). 2 р. 50 к., на перес. за 2 ф.

Бунаковъ, Н. Концентрическій учебникъ русской грамматики для русскихъ дѣтей. Курсъ 1-й. Ц. 60 к., пер. за 1 ф. Курсъ 2-й. Ц. 65 к., перес. за 1 ф. Курсъ 3-й. Ц. 75 к., пер. за 1 ф. Курсъ 4-й. Ц. 60 к., пер. за 1 ф.

Бэмъ. Письма о воспитаніи, пер. Кожвинковой и Ржевской. Ц. 30 к., съ перес. за 1 ф.

Воспитаніе умственное, нравственное и физическое, соч. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго. Изданіе второе. Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Душевная жизнь животныхъ. А. Грубе. Чтеніе для всѣхъ возрастовъ. Ц. въ переплетѣ 50 к., въ бумажѣ 40 к., съ пер. 75 к. и 55 к.

Дѣла наши съ турками. Историческо-военный очеркъ. П. Я. Бугайскаго. Спб. 1878 г. Ц. 80 к., съ пер. 40 к.

В. Евтушевскій. Арифметическій ящикъ въ 1,000 кубиковъ. Составъ его и объясненіе употребленія. Ц. 30 к., перес. за 1 ф.

В. Евтушевскій. Арифмет. счеты. Объясненіе ихъ употребленія. Ц. 30 к., перес. за 1 ф.

Жизнь дѣтей. Собраніе рассказовъ и повѣстей изъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ дѣтскихъ книгъ. Выпускъ первый. Спб. 1877 г. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Задачникъ письменныхъ упражненій въ родномъ языкѣ, классное пособие для элементарныхъ школъ. Составилъ I. Паульсонъ. Ц. 12 к., съ перес. 20 к.

Задачи для переводовъ на латинскій языкъ. Избранныя статьи изъ сборниковъ Эпифане, Гаала и др. Сост. Ю. Базъ. Спб. 1878 г. Ц. 85 к., съ пер. 1 р.

П. Звѣревъ. Начальная арифметика для сельскихъ школъ, съ 20 табл. Ц. 1 р. 25 к. Таблицы отдѣльно 40 к., перес. за 1 ф.

Исторія воспитанія и обученія для учителей и воспитателей. Д-ра Фр. Диттега. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Историческая хрестоматія. Учебное пособие для учащихся и преподавателей. Курсъ Новой Исторіи. Составилъ А. Овсянниковъ. 2 т. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 40 к.

Историческая хрестоматія по новой и вѣтшей исторіи. Состав. Я. Г. Гуревичемъ. Т. I. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Исторія Греціи и Рима. Соч. Я. Г. Гуревича. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Названія и пластины. Историческо-военный очеркъ. П. Я. Бугайскаго. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Неттигеръ. Методика женскихъ руководствъ для начальныхъ школъ. Ц. 40 к., пер. за 1 ф.

Краткій географическій атласъ всѣхъ частей свѣта для народныхъ училищъ и первыхъ классовъ гимназій составленъ Н. Штраухомъ. (Карты проектированы и рисованы В. Исмаиловымъ). Спб. 1878 г. Ц. 60 к., съ пер. 1 р.

Краткій курсъ естественныхъ наукъ. Составилъ А. Я. Гердъ. Въ 3-хъ частяхъ, съ 173 рисунками въ текстѣ. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Краткій Русско-Латинскій словарь. Пособіе для учениковъ гимназій при исполненіи писемъ, задачъ по латинскому языку. Сост. Ю. Базъ. Спб. 1878 г. Ц. 85 к., съ перес. 1 руб.

Краткій очеркъ математической географіи. Составилъ К. Аригемъ. Второе изданіе, значительно измѣненное и дополненное. Ц. 50 к., съ перес. 70 к.

Лѣтнія занятія въ полѣ съ верою и карандашомъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Методика начальнаго обученія естественному языку. Для учит. инст., семинарій, педагогич. клас. при женскихъ гимназіяхъ и для начальныхъ учителей и учительницъ. Конст. Ельницкаго. Спб. 1878 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Наглядно-звуковыя прописи къ „Первой Учебной Книжкѣ“ Паульсона. Пособіе для постепенныхъ упражненій въ письмѣ, состоящее изъ 430 нѣмыхъ картинокъ. Спб. 1878 г. Ц. 8 к.

Наглядно-звуковыя прописи къ „Родному Слову“, Ушинскаго. Пособіе для постепенныхъ упражненій въ письмѣ, со-

стоящее изъ 400 глянцхъ картинокъ. Сиб. 1878 г. Ц. 8 к.

Начала космографіи, со многими полет. въ текстѣ. Сост. для употреб. въ средн. учебн. заведеніяхъ К. Краевичъ. Изд. 2-е. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Начати Ботаники. І. Д. Гукера. Переводъ съ англійскаго, съ измѣненіями и дополненіями А. Ѳ Баталіна. Съ 67 рис. въ текстѣ. Ц. 50 к., на пересыку за 1 ф.

Новѣйшій географическій атласъ всѣхъ частей свѣта для употребленія въ школы и дома на 28 раскрашенныхъ листахъ, составляетъ по атласу доктора Антора и употребительнѣйшимъ руководствамъ: Смирнова, Лебедева etc. Н. Штраухомъ. (Карты проектированы и рисованы В. Исслейбомъ). Сиб. 1878 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Обиходная мишка для мальчиковъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Оборона Севастополя. Разсказъ очевидца. П. Я. Бугайскаго. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Объ употребленіи задачника письменныхъ упражненій въ родномъ языкѣ. Сост. І. Паульсонъ. Ц. 10 к., съ перес. 15 к.

Обученіе грамотѣ и родному языку по первой учебной книгѣ. Дидактическое руководство для элементарныхъ учителей и учительницъ. Составилъ І. Паульсонъ. Ч. І. Ц. 1 р. Ч. II. Ц. 80 к., за перес. 25 к.

Основанія физики со многими политинажами въ текстѣ. Сост. К. Краевичъ. 5-е изданіе. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р.

О способахъ обученія предметамъ учебнаго курса начальныхъ народныхъ училищъ. Н. Блинова. Съ приложеніемъ примѣрнаго каталога кабинета наглядныхъ пособій съ 20-ю рисунками въ текстѣ. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Паденіе Плевны. Чтеніе для войскъ и народа, читанное въ аудиторіи Соланого городка. Сост. А. П. Никольскій. Съ портретами главныхъ героевъ Плевны. Сиб. 1878 г. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.

Полное собраніе сказокъ Андерсена. Переводъ П. Вейнберга, съ 120 картинками и биографическимъ очеркомъ Андерсена. Изд. 3-е.—2 т. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Пароць. Всеобщая исторія педагогики. Перев. Гергардта. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Пособіе для практическихъ занятій по русскому языку и словесности въ среднихъ классахъ гимназій и дополнение стихотвореній (съ разборами и объясненіями) назначенныхъ мин. нар. просв. для изученія въ низшихъ 4-хъ клас. гимназій. Составилъ П. Надеждинъ. М. 1878 г. Ц. 1 р. 40 к., съ пер. 1 р. 60 к.

Рейнзонъ Крузе. А. Анненской. Новая переработка темъ де-Фоз. Съ 10-ю карт. и

85-ю политинажами. Изд. В. Лесевича. Ц. 2 руб.; пересл. 2 руб. 50 коп., въс. 2 ф. Родная азбука для обученія и самообученія грамотѣ по наглядно-звуковому способу. 2-е пересмотрѣнное, исправленное и дополненное изданіе съ 200 рисунками и наставленіемъ, какъ учить по этой азбукѣ. Сиб. 1878 г. Ц. 4 к.

Русско-славянско-рукописная азбука для одновременнаго обученія чтенію и письму. Сост. П. Пашковский, съ рисунками въ текстѣ. Ц. 20 к.

Русскія народныя сказки, пословицы и загадки. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Сост. П. В. (Петръ Вейнбергъ). Ц. 20 к. „Рѣзвыи и ловкии“ въ Семѣи и Школѣ. Сборникъ подвижныхъ игръ и занятій на открытомъ воздухѣ; съ многими рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Семь сказокъ для дѣтей, Варвары Софроновичъ. Съ силуэтами, раб. Елисаветы Бѣмъ. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. въ папкѣ 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Сборникъ стереометрическихъ задачъ для употребленія въ высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ С. Сикорскій, преподаватель математики. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ, по порученію Комитета Грамотности, спеціальною комиссіею. Большой томъ въ 745 стран. Сиб. 1878 г. Цѣна 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Словообразование и синтаксисъ греческаго языка. Составилъ словообразование и перевелъ, дополнивъ, синтаксисъ Коха, Н. Ѳ. Фокковъ. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Собраніе алгебраическихъ задачъ. Сост. для употреб. въ средн. учебн. зав. К. Краевичъ. 3-е изд. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Употребленіе знаковъ препинанія въ русскомъ письмѣ съ приложеніемъ русской рѣчи и систематическаго диктанта. Сост. П. И. Богдановъ. Кіевъ, 1878 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Учебникъ физической географіи. Пр. А. Гейки, съ 78 рисунками въ текстѣ и 10 картами въ приложеніи. Пер. съ англійскаго А. Я. Гердъ. Сиб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Учебникъ физики, со многими политинажами въ текстѣ. Сост. К. Краевичъ. 5-е изданіе. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Человѣческое тѣло, его строеніе, жизнь и холл. Руководство для учащихся, съ 8-ю табличками и 39 политинажами. Сост. Д-ра К. Бокъ. 5 изданіе. Сиб. 1878 г. Ц. 35, съ перес. 60 к.

Этимологія и синтаксисъ церковно-славянскаго и русскаго языка въ связи съ

элементарной логикой и съ приложеніемъ филологическаго указателя. Сост. Н. Невзоровъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Чтеніе и письмо по картинкамъ. Азбука для обученія и самообученія грамотѣ по наглядно-звуковому способу. Съ 800 рисунками въ текстѣ. Ц. 15 к., съ пер. 30 к.

Ключъ къ „Чтенію и письму по картинкамъ“. Ц. 15 к., съ пер. 30 к.

Янъ Амосъ Коменскій. Великая дидактика, содержащая всеобщее искусство всѣхъ учить всему. Ц. 1 р. 75 к. Роскошное изданіе. Ц. 3 р., перес. за 2 фунта.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Краткій очеркъ греческихъ древностей, составленный К. Θ. Страшкевичемъ. Изданіе 2-е, дополненное описаніемъ Афинъ, съ планомъ древняго города. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Слово о плыку Игоревѣ. Поэтичный памятникъ русской письменности XIII вѣку. Текстъ с переключомъ и с поясненіями издавъ Омельян Огоновскій. У Львові, 1876 г. Ц. 2 р. съ пересылкою.

Чешская грамматика. Составилъ Иванъ Шрамекъ. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ—ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Курсъ теоретической ариметтики. Жозефа Вертрана. Члена Парижской Академіи Наукъ. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Начала геометрической теоріи механизмовъ безъ помощи высшей математики. Соч. Ш. Жиро, съ 167 чертежами въ текстѣ. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Механика для техническихъ и ремесленныхъ училищъ, а также для самообученія. Сочин. Ф. Губера, съ 410 чертежами въ текстѣ. Сиб. 1878 г. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 50 к.

Органическая химія. П. Алексѣева, проф. уни. св. Влад. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Полный курсъ физики съ краткимъ обзоромъ метеорологическихъ явленій А. Ганно, профессора физико-математическихъ наукъ. Перевели съ 15 французскаго изданія Ф. Павленковъ и В. Черкасовъ. Къ курсу приложено 1105 политизаций, хромофотографированный рисунки пяти спектровъ, множество дополненій автора и одного изъ переводчиковъ, 170 практическихъ задачъ съ указаніемъ ихъ рѣшеній и краткій очеркъ популярной химіи. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 руб.

Физическая химія. Н. Н. Любавина. Сиб. 1878 г. Ц. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.

Химическія дѣйствія свѣта и фотографія

въ ихъ приложеніи къ искусству, науцѣ и промышленности. Д-ръ Германъ Фогель. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Я. Гутковского. Ц. 3 р.; въс. 2 ф.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ—СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО—ТЕХНОЛОГІЯ—МЕДИЦИНА.

Дѣтнадцать яблокъ моего сада. В. В. Кащенко. Роскошное изданіе съ иллюстрированными рисунками этихъ яблокъ. Сиб. 1876 г. Ц. 5 р., въ переплетѣ 6 р. съ перес.

Для Ботаническихъ экскурсій. Карманный опредѣлитель сосудистыхъ растений, какъ дикорастущихъ, такъ и разводимыхъ. Соч. Э. Посталя. Ц. 1 р. 60 к., съ перес. 2 р.

Гербаризация. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.
Дниа природы въ нѣдрахъ земли. Сост. Ханъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Естественный подборъ. Сочиненіе А. Р. Уоллеса. Переводъ подъ ред. Н. П. Вагнера. Съ примѣчаніями и дополнительною статьей, съ портретомъ Уоллеса, его біографіей, статьи и извлеченіями изъ сочиненій проф. Вейсмана. Съ четырьмя хромофотографированными таблицами и политизациями. Сиб. 1878 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Исторія пусочна хлѣба. Описаніе жизни челоѣка и животныхъ въ письмахъ. Соч. Массе. Изданіе второе съ рисунками. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Книга природы, съ 1000 рисунками. 4 тома. Сочин. Шедлеръ. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Курсъ химіи внутреннихъ болѣзней проф. С. П. Боткина. Выпускъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Выпускъ III. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Лекціи объ элентричестѣ, Джона Тиндалля съ 60 рисунками въ текстѣ. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Новѣйшіе способы лѣченія ранъ. Д-ра Штейнера. Переводъ съ нѣмецкаго. Подъ ред. д-ра М. Шершевскаго. Сиб. 1878. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Начальный практическій курсъ физиологіи. М. Фостера. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Настиномы и ихъ значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ О. Гримма. Ц. 1 р. съ перес.

Настиномыи растенія. Соч. Чарльса Дарвина. 3 выпуска. Ц. 2 р. 60 к., съ пер. 3 р.

Основные начала горнаго искусства въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Съ 48-ю политизациями въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго и издаііе горныхъ инженеровъ В. Домгера и Г. Лебедева. Съ приложеніемъ нѣмецко-

русского технического словаря, относящагося до горнаго искусства. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Общедоступная гигиена. Д-ра Эрисмана. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 рубля.

Очерки изъ естественныхъ наукъ. Лекція и статьи Джона Тиндала, съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. Гельмгольца. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Практическія работы по ботаникѣ и зоологіи. Гексли и Мартини. Элементарный практическій курсъ биологіи. Перевелъ съ англійскаго А. Я. Гердъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Роль воображенія въ развитіи естественныхъ наукъ Д. Тиндала. Перевелъ Ф. Павленковъ. Ц. 20 к., съ пер. 40 к.

Руководство къ патолого-анатомической діагностикѣ и вскрытію труповъ. Д-ра І. Орта. Х. 1877 г. Ц. 8 р. 50 коп., съ пер.

Руководство къ анатоміи человѣческаго тѣла съ указаніемъ на физиологическія основанія и практическія примѣненія ея. Соч. Іосифа Гиртля. Переводъ съ 13-го послѣдняго изданія. Спб. 1878. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Руководство къ женскимъ болѣзнямъ, составленное подъ редакціей Д-ра т. Билъ-рота. Болѣзни женскаго мочепускательнаго канала и пупыря. Проф. Д-ра Ф. Винкеля съ 59-ю политипажамъ въ текстѣ. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Руководство къ собранію, храненію и наблюденіямъ надъ насѣкомыми и другими низшими животными и Скелетированіе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Свѣтъ. Шесть лекцій, читанныхъ въ Америкѣ зимою 1872—1873 г. Джономъ Тиндалемъ, съ портретомъ и 60 рисунками въ текстѣ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Соотношеніе жизненныхъ и физическихъ силъ. Публичная лекція А. Баркера. Перевелъ Ф. Павленковъ. Ц. 10 к., съ пер. 30 коп.

Тетради для ежемѣсячной сельско-хозяйственной отчетности. Сост. А. Н. Вульфъ. Спб. 1878 г. Ц. на веленовой бумагѣ 6 р., съ пер. 7 р., на простой бумагѣ 5 р., съ пер. 6 р.

Учебникъ практической медицины, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на патологическую анатомію и гистологію. Д-ра К. Ф. Кунце. 2-ое изданіе. 2 т. Ц. 8 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Учебникъ физиологіи. Эрнста Брюкке, 2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Учебникъ дѣтскихъ болѣзней. Д-ра Карла Гергардта. Ц. 4 р. съ пересылкою.

Физиологія растительныхъ процессовъ. И. М. Сѣченова. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Алфавитный указатель вопросовъ, разрѣшенныхъ уголовнымъ кассационнымъ и общимъ собраніемъ кассационныхъ департаментовъ прав. сената 1866—1876 г. Составилъ Г. И. Трахтенбергъ. Спб. 1878. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Исслѣдованія по русскому праву семейному и наследственному. И. Г. Оршанскаго. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. Исторія права Московскаго государства. Т. І. Введеніе.—Визшняя исторія права.—О верховной власти въ московскомъ государствѣ и о земскихъ соборахъ.—Н. П. Загоскина. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Крестническое дѣло въ царствованіе импер. Александра II. Четире большіе тома (въ пяти книгахъ), 5,882 стр. А. И. Скребицкаго. Удостоено Академіей Наукъ преміи графа Уварова. Ц. 20 р., съ перес. 22 р. (за 14 фунт.) на всѣ разстоянія.

Курсъ русскаго уголовного права, Н. С. Таганцева. Часть общаѣ. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Вып. 1-й. Спб. 1874. Ц. 1 р. 75 к., въс. 2 ф.

Курсъ общаго гражданскаго права Россіи. Сочиненіе Кроніда Малышева, доцента с.-петербургскаго университета. Т. І. Спб. 1878. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р.

Общинное владѣніе. К. Кавелина. Спб. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Описательная социологія или группы социологическихъ фактовъ, классифицированныхъ и распределенныхъ Гербертомъ Спенсеромъ. Англія. Таблицы составилъ Эжемъсъ Колье. К. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 5 р.

Опытъ теоріи страховаго договора. И. Степанова. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Опытъ комментарія къ уставу гражданскаго судопроизводства. К. Анненкова. Т. І. 1) Подсудность. 2) Общій порядокъ производства дѣлъ. Спб. 1878 г. Ц. 3 р., съ перес.

Основанія социологіи. Герб. Спенсера. Т. II. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. Въ прибавленіи помѣщены замѣтки Э. Б. Тайлора по вопросу объ анемизмѣ и отвѣты на нихъ Г. Спенсера. Т. І и II вмѣстѣ. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Очерки по энциклопедіи права. П. Деларова. Т. І. Очеркъ I: О правѣ въ ряду другихъ сферъ умственной жизни человѣка. Спб. 1878 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 80 к.

Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, отъ Уложения Царя Алексѣя Михайловича до настоящаго времени отъ 1649—1878 г. Сост. В. О. Леванда. Ц. 4 р. съ пересылкою.

Россия и Востокъ. Собрание географическихъ и политическихъ статей. М. Венюкова. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Руководство къ особенной части Русскаго Уголовнаго права, т. III. Преступленія: 1, противъ брака и правъ семейственныхъ; 2, противъ законовъ о состояніяхъ; 3, общепаснаго преступленія (поджогъ и т. п.). Магистръ правъ Н. А. Неклюдова. Спб. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Русское законодательство о евреяхъ. Очерки и изслѣдованія И. Г. Оршанскаго. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Систематическій сборникъ рѣшеній Гражданскаго кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената за 1875 годъ. Томъ I. Матеріальное право. Составилъ А. Гожевъ, старшій помощ. об.-секр. гражд. к. д. пр. Сената. Спб. 1877 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Систематическій сборникъ рѣшеній Гражданскаго кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената за 1875 годъ. Томъ II. Судопроизводство. Составилъ А. Гожевъ, старшій помощ. об.-секр. гражд. к. д. пр. Сената. Спб. 1878 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Систематическій сборникъ рѣшеній гражданскаго Кассационнаго Департамента. Пр. Сената за 1876 годъ. Составилъ А. Книримъ и Евг. Ковалевскій. Т. I. Матеріальное право. Спб. 1878 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к. Т. II. Судопроизводство. Спб. 1878 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Уложение о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 г. съ дополненіями по 1-е января 1876 г. Составлено профес. Спб. Ун. Н. С. Таганцевымъ. Изданіе второе, переработанное и дополненное. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

Уставныя грамоты XIV-го—XV вв., опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія. Н. Загоскина. 2 вып. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Божья. 150 одноголосныхъ и двухголосныхъ пѣсенъ для дѣтей младшаго и средняго возрастовъ. Составилъ Г. В. Дольдъ и А. С. Фаминцынъ. Ц. за 2 ч. 1 р. 40 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Гюффманъ. Современная магія. Практическій руководитель къ изученію фокуснаго искусства. Съ 818 рис. въ текстѣ. Пер. съ англ. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Месмеризмъ, одулинизмъ, столоторченіе и спиритизмъ. Съ исторической и научной точекъ зрѣнія. Лекціи, читанныя, въ декабрѣ 1876 года, въ Лондонскомъ Институтѣ Вильямомъ Карпентеромъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1878 года. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Теорія звука въ приложеніи къ музыкѣ. Лекціи профес. Блацеринъ. Переводъ съ итальянскаго В. А. Чечотта, подъ редакціею Н. А. Гезехуса, съ многочисленными политипажными въ текстѣ. Спб. 1878. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

А. Шааленфельдъ. Практическое руководство къ обученію руководящихъ; 1 ступень — ВЯЗАНЬЕ чулочное. Ц. 25 к., съ перес. 35 к.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Новый путеводитель по С.-Петербургу. Справочно-настоляная книга для всѣхъ. Сост. фонъ-Григбергомъ. Съ планомъ. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Общепольное пособие или вселогательныя таблицы для всякихъ исчисленій, учетовъ, смѣтъ и расчетовъ. Сост. И. И. Струковъ. Ц. 3 р. 50 к., съ перес.

Пожарная Книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководствъ къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ политипажными рисунками. Составилъ А. Н.—ъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Путеводитель по Киеву, съ указаніемъ его достопримѣчательностей, съ планомъ. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Книжный складъ и магазинъ типографіи М. Стасюлевича принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на всѣ періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всѣ книги, опубликованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ *).

№ 11 ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ № 11. КНИЖНАГО СКЛАДА и МАГАЗИНА ТИПОГРАФІИ М. СТАСЮЛЕВИЧА

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 2-я л., 7.

ФИЛОСОФІЯ—ПСИХОЛОГІЯ—АНТРОПОЛОГІЯ.

Исторія философіи Фр. Иберверга. Перевелъ и составилъ дополненія съ примѣчаніями, Н. О. Соколовъ, т. I, ч. I. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Критика философской системы Мента и дополненіе этой системы мыслями Гегеля и нѣкоторыхъ новѣйшихъ философовъ. Соч. И. Полеткин. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Міръ реальный и міръ идеальный. Соч. И. Я. Бикова. Предметъ этого сочиненія: изслѣдованіе ощущенія и извѣстаніе основнаго начала природы. Въ текстѣ 163 чертежа. Спб. 1878 г. Ц. 5 р. съ пересылкою.

Опытъ критическаго изслѣдованія основнаго началъ позитивной философіи. В. Лесевича. Спб. 1877. Ц. 2 р.

Основанія психологіи. Герберта Спенсера, съ приложеніемъ статьи „Сравнительная психологія человека“ Г. Спенсера. Переводъ со 2-го англійскаго изданія. 4 т. Спб. 1878. Ц. 7 р. съ пересылкою.

Письма о научной философіи, В. Лесевича. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Психологическіе этюды. И. Сѣченова. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Разыскатели истины (Иммануилъ Кантъ (1724—1804), Иоганнъ Готтлибъ Фихте (1762—1814), Фридрихъ-Генрихъ Якоби (1749—1819)). Составилъ Ипполитъ Панаевъ. Съ предисловіемъ и послѣсловіемъ составителя. Спб. 1878 г. Ц. за 2 т. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Современное направленіе философіи и нѣкоторые ея принципы. Соч. И. Полеткин. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Физиологическое объясненіе нѣкоторыхъ

элементовъ чувства красоты. Психо-физиологическій этюдъ Л. Е. Оболенскаго. Спб. 1878 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Философія дѣйствительности. Изложеніе философской системы Дюринга съ приложеніемъ критическаго обзора А. А. Козлова. Киевъ. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Философская пропедевтика или основанія логики и психологіи. Т. Румпеля. Переводъ П. М. Пейдлера. Изданіе второе, исправленное. 1878 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

СЛОВЕСНОСТЬ—КУЛЬТУРА.

Анна Каренина. Романъ Графа Л. Н. Толстого, въ восьми частяхъ. М. 1878 г. Ц. 6 р., съ перес. 7 р.

Барчуки. Картины прошлаго. Евгений Маркова. Спб. 1875. Ц. 1 р. 75 к.

Безпечальное житье. Романъ. Сочин. А. Михайлова. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Виргилиуса Энеида. И. П. Котляревскаго. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Воспоминанія и критическіе очерки. Собраніе статей и замѣтокъ П. В. Анненкова. 1849—1868 гг. Отдѣлъ первый. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

До свѣтъ Души и поэма П. Кулишъ. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Иностранные поэты въ переводѣ Д. Д. Михайловскаго. Въ пользу литературнаго фонда. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 2 ф.

Катакомбы. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства. Евгений Туръ. Новое изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Сочин. Гр. А. К. Толстого

*) Книжки, поступившія въ Складъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, указаны **№ 11**; на книгахъ вышедшихъ въ текущемъ году, обозначенъ годъ изданія.

Изд. 8-е. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. Въ переплетъ съ золотымъ тисненіемъ. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Малорусскія народныя преданія и разсказы. Сводъ Миканта Драгоманова. Киевъ. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. **На мортъ Жюль Верна.** Переводъ Марка-Вовчка; съ 45 иллюстраціями и портретомъ автора. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р., въ переплетъ 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Натанъ Мудрый. Драматическое стихотвореніе Готтгольда Лессинга, переведъ съ нѣмецкаго В. Крылова, съ историческими очеркомъ и примѣчаніями къ тексту перевода. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.; въ роскошномъ переплетѣ съ портретомъ Лессинга. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Николай Алексѣевичъ Некрасовъ. Биографія, критическій обзоръ поэзіи. Собраніе стихотвореній, посвященныхъ памяти поэта. Сводъ статей о Н. А. Некрасовѣ съ 1840 года. Сост. А. Голубевъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ поэта, исполненный съ негатива фотографа С. Л. Левицкаго фотографіею Лемерсье въ Парижѣ. *Чистый сборъ отъ этого изданія назначается на лучшее устройство народной школы, пользовавшейся при жизни Н. А. Некрасова особымъ его почетомъ.* Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Итмечіе поэты. Въ биографіяхъ и образахъ. Подъ редакціей Н. В. Гербеля Спб. 1877 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ пер. 3 р. 70 к., съ перес. 4 р. 25 к.

Около денегъ. Романъ изъ сельской фабричной жизни. Алексѣя Потѣхина. Спб. 1877. Ц. 1 р. 25 к.

Потемкинъ на Дунаѣ. 1790-й годъ. Историческая повѣсть Г. П. Данилевскаго. Спб. 1878. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

По поводу пересмотра устава университетовъ. Я. Степанова. Казань. 1878 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Парижскія письма. Изъ литературы и жизни. 1875-77 гг. Т. I. Эмиль Зола. Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Про украинскихъ поэтовъ, татаръ та турокъ. Зложивъ М. Драгомановъ. Ц. 10 к. **Путешествія и разсказы.** А. А. Тиманскаго. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Пѣсни и сатиры и комедія Либераль въ 5 дѣйствіяхъ. Соч. Д. Д. Минаева. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 80 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Русскія Библіотека, томъ VIII. М. Е. Салтыковъ. Избранныя сатиры, съ биографіею и портретомъ автора. Спб. 1878. Стр. 498. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Русская библіотека. Т. V. А. С. Грибоедовъ. Комедія „Горе отъ ума“.—Лубоч-

ный театр.—Свои семьи.—Грушницкая ночь.—Хищники на Чегемѣ.—Переписка.—Портреты.—Віографія.—Изъ критики Бѣлинскаго.—Второе изданіе. Спб. 1878 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.; въ англ. переплетѣ 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Рѣчи и статьи. Джона Тиндалъ. Ц. 85 к., съ пер. 1 р.

Славянскій сборникъ, томъ II, съ приложеніемъ этнографической карты русскаго населенія въ Галичій, съв.-вост. Угрію и „Буковинѣ“. Изданіе спб. славянскаго благотвор. общества. Спб. 1878 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Славянскій сборникъ. Изданіе славянскаго благотворительнаго комитета, т. I. Ц. 3 р., съ пер. Т. III. Ц. 3 р. съ пер.

Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Т. I. Отдѣлъ историческій. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Т. II. Отдѣлы историко-топографическій, археологическій и этнографическій. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Собраніе сочиненій Гете въ переводахъ русскіхъ писателей, изданныхъ подъ редакціей Н. В. Гербеля. Пять томовъ. Спб. 1878. Ц. 8 р., съ перес. 9 р.

Современные романисты. Разсказы Уйда, Вреть-Гарта, Эмиль Зола, Мариттъ, Уильямъ Коллинзъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Сочиненія графа Л. Н. Толстого. Одинадцать т. М. 1878 г. Ц. 16 р. 50 к., съ перес. 18 р.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго. 4 тома. Спб. 1877 г. Цѣна 6 р. съ пересилою.

Талантливый островъ. Жюль Верна, съ 160 гравюрами Барбона. Перев. Марко-Вовчка 8 т. Ц. 6 р., съ перес. 6 р. 50 к.

Полное собраніе стихотвореній Гр. А. К. Толстого, въ одномъ томѣ. 1865—1875 г. Изданіе второе. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; на веленовой бумагѣ, съ портретомъ и въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ, ц. 3 р. 25 к., съ перес. 3 р. 50 к.—Портретъ особю: 50 к.

Французъ фонъ-Зинингомъ Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ф. Лассаля. Перев. А. и С. Крыль. Стр. 269. Ц. 1 р. 50 к., въс. 2 ф.

ИСТОРИЯ—ВІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

Восточная война 1853—1856 годовъ. Сочиненіе ген.-лейт. М. И. Богдановича. Изданіе второе, исправленное и дополненное. 4 тома. Спб. 1877 г. Ц. 8 р., съ пер. 9 р.

Десятилітіе русскаго земства. 1864—

1875. Д. Л. Мордовцева. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Евреи въ Россіи. Очерки этнографическаго и общественнаго быта русскихъ евреевъ. И. Г. Оршанскаго. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Миниѣ Европейскихъ народовъ. Сост. Е. Н. Воловцова. Съ рисун. В. М. Васнецова и Панова. Томъ I. Жители юга. Ц. 3 р. 75 к., съ пер. 4 р. 50 к. Томъ II. Жители сѣвера. Ц. 3 р. 75 к., съ пер. 4 р. 50 к.

Императоръ Александръ Первый. Политическая Дипломатія. Соч. Сергія Соловьева. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. съ перес.

Исторія Коммунизма. Соч. Альфреда Сюдра. Ц. 2 р. 50 к. съ перес.

Исторія Соединенныхъ Штатовъ, 3 тома. Соч. Лабула. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Исторія Сербин, по сербскимъ летопискамъ. Соч. проф. Ранке. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 80 к.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. Л. Рошю, 2 т. Ц. 3 р. 50 к., въс. 3 ф.

Люди Бамби. Русская секта такъ называемыхъ духовныхъ христіанъ. И. Дебровскаго. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Мадьяры и національная борьба въ Венгріи, съ приложеніемъ этнографической карты Венгріи. Сост. Г. А. Де-Возакъ. Спб. 1877 г. Ц. 80 к., съ пер. 75 к.

Начало цивилизаціи. Соч. Дебана. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Очерки жизни Фредрика Фребеля, члѣна въ собраніи англійскаго фребелинскаго общества М.-съ Е. Шефферъ. М. 1878. Ц. 25 к., съ пер. 40 к.

Очерки и рассказы изъ стариннаго быта Паммы. Карновича. Ц. 2 р. 50 к. съ переском.

Очерки организаціи и громадской жизни славянскаго сословія въ до-петровской Русіи. Исследование Н. Загоскина. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Патрикъ Герденъ и его дневникъ. Сочиненіе А. Врженера. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Римъ до и во время Юлія Цезаря. Народъ, — войско, — общество и главные дѣятели. Военно-историческіе очерки. — Составилъ Л. Л. Штернбергъ. Спб. 1876. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Турція, ее могущество и распаденіе. Историческіе и военные очерки. Съ картами турецкихъ завоеваній XIV, XV и XVI столѣтій изданъ Константиновъ А. Чернор-

зинъ. Т. I. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Очерки Цейлона и Миди. Изъ путевыхъ замѣтокъ русскаго. Сост. И. П. Миннаевъ. Спб. 1878 г. Ц. за 2 части 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Очерки путешествія по европейской Турціи, съ картою окрестностей Охридскаго и Преспанскаго озеръ. Виктора Григоровича. Изданіе 2-ое. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Природа и жизнь Америки. Дрэпера. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Русскій рабочий у сѣверо-американскаго плантатора. А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р., въс. 2 ф.

Способы образованія рѣчныхъ долинъ европейской Россіи. В. Докучаева. Спб. 1878. Ц. 2 р. съ перес.

Черноморцы. Сочиненіе Короленко. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ—СТАТИСТИКА.

Важнѣе житѣльных дорогъ на экономическое состояніе Россіи. 5-тъ т. и томъ графическихъ изображеній. Ц. 50 рублей, съ пересылкою 60 руб. Т. I. Постройка и эксплуатация желѣзныхъ дорогъ. Ц. 6 р., съ перес. 7 р. 50 к. Т. II. Промышленность, потребленіе и торговля земледѣльческими продуктами. Ц. 6 р., съ перес. 7 р. 50 к. Т. III. Скотоводство. Ц. 5 р., съ пер. 6 р. Т. IV. Внешняя торговля. Ц. 10 р., съ пер. 12 р. Т. V. Финансовыя результаты. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

Карта длинныя стѣхъ грузей, складывавшаяся въ томъ графическихъ изображеній, отдѣльно 3 р., съ пер. 5 р.

Математика и социализмъ. Соч. Шаффе. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Курсъ промышленной экономіи и Коммерческой географіи въ связи съ торговлею, промышленной статистикой Россіи и главнѣйшихъ государствъ міра. Сочин. А. Ц. Субботина. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Начальный учебникъ политической экономіи. Составилъ Э. Вреденъ. Спб. 1876. Ц. 2 р., перес. 1 ф.

Малый земельный кредитъ въ Россіи. Князь А. И. Василъчкова и А. В. Яковлева. Ц. 65 к., съ перес. 80 к.

Основанія политической экономіи съ изъясненіемъ на нихъ примѣненій въ общественной философіи. Джона Стюарта Милля. 2 т. Ц. 5 р., въс. 3 ф.

Сравнительная статистика России и западно-европейских государств. Т. I. Территория и население. Ю. Э. Янсонъ. Спб. 1878 г. Ц. 2 р. съ пересылкою.

ПЕДАГОГИЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКИЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Азбука-картинка. Для обученія и самообученія грамотѣ съ 200 картинками въ текстѣ. Спб. 1878 г. Ц. 1 к., съ пер. 3 к.

Бунаковъ, Н. Школьное дѣло. Для народныхъ учителей и учительницъ. Лекціи, читанныя на учительскихъ съездахъ въ Москвѣ, Костромѣ, Херсонѣ и Псковѣ въ 1872, 1873 и 1874 гг. (безъ таблицъ, для постепеннаго класснаго чтенія). 2 р. 50 к., на перес. за 2 ф.

Бунаковъ, Н. Концентрический учебникъ русской грамматики для русскихъ дѣтей. Курсъ 1-й. Ц. 60 к., пер. за 1 ф. Курсъ 2-й. Ц. 65 к., перес. за 1 ф. Курсъ 3-й. Ц. 75 к., пер. за 1 ф. Курсъ 4-й. Ц. 60 к., пер. за 1 ф.

Бэмъ. Письма о воспитаніи, пер. Кожанниковой и Ржевской. Ц. 30 к., съ перес. за 1 ф.

Воспитаніе умственное, нравственное и физическое, соч. Гербарта Спенсера. Переводъ съ англійскаго. Изданіе второе. Спб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. **Вѣдъ Герон Савастіопаля.** Составилъ А. В. Арсеньевъ. Изданіе 2-е, дополненное. Спб. 1878 г. Ц. 30 к., въ налѣзъ 40 к., за пересылку 10 к.

Душевная жизнь животныхъ. А. Грубе. Чтеніе для всѣхъ возрастовъ. Ц. въ переплетѣ 50 к., въ бумажѣ 40 к., съ пер. 75 к. и 55 к.

Для книгъ съ картинками. Историческо-воинскій очеркъ. П. Я. Бугайскаго. Спб. 1878 г. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Евтушевскій, В. Арифметическій счетъ въ 1,000 кубиковъ. Составъ его и объясненіе употребленія. Ц. 60 к., перес. за 1 ф.

Евтушевскій, В. Аримет. отчеты. Объясненіе ихъ употребленія. Ц. 30 к., перес. за 1 ф.

Жизнь дѣтей. Собраніе разсказовъ и повѣстей изъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ дѣтскихъ книгъ. Выпущена первая. Спб. 1877 г. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Задачіи письменныхъ упражненій въ родѣхъ аяки, широкое пособие для элементарныхъ школъ. Составилъ I. Паульсонъ. Ц. 12 к., съ перес. 20 к.

Задачи для переводовъ съ латинской языкъ. Избранная статья изъ сборниковъ Зинфле, Галле и др. Сост. Ю. Вазъ. Спб. 1878 г. Ц. 85 к., съ пер. 1 р.

Затревъ, П. Начальная арифметика для

сельскихъ школъ, съ 20 табл. Ц. 1 р. 25 к. Таблицы отдѣльно 40 к., перес. за 1 ф.

Исторія воспитанія и обученія для учителей и воспитателей. Д-ра Фр. Диттеса. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Исторія России съ картинками и вопросами для повторенія народныхъ училищъ. М. Острогорскаго. Ц. 20 к., съ перес. 25 к.

Историческая хрестоматія. Учебное пособие для учащихся и преподавателей. Курсъ Новой Исторіи. Составилъ А. Овсянниковъ. 2 т. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 40 к.

Историческая хрестоматія по новой и вѣтшей исторіи. Состав. Я. Г. Гуревичъ. Т. I. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Исторія Греціи и Рима. Соч. Я. Г. Гуревича. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Итали и пастуны. Историческо-воинскій очеркъ. П. Я. Бугайскаго. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Меттигеръ. Методика меншихъ рукодѣлій для начальныхъ школъ. Ц. 40 к., пер. за 1 ф.

Краткій географическій атласъ всѣхъ частей свѣта для народныхъ училищъ и первыхъ классовъ гимназій составилъ Н. Штраухомъ. (Карты проецированы и рисованы В. Исслейбомъ). Спб. 1878 г. Ц. 60 к., съ пер. 1 р.

Краткій курсъ естествознанія. Составилъ А. Я. Гердъ. Въ 3-хъ частяхъ, съ 173 рисунками въ текстѣ. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 1 р. 80 к.

Краткій Русско-Латинскій словарь. Пособіе для учениковъ гимназій при исполненіи письменныхъ задачъ по латинскому языку. Сост. Ю. Вазъ. Спб. 1878 г. Ц. 85 к., съ перес. 1 руб.

Краткій очеркъ математической географіи. Составилъ К. Арштейнъ. Второе изданіе, значительно измѣненное и дополненное. Ц. 50 к., съ перес. 70 к.

Краткая хрестоматія вѣтшей и русской исторіи. М. Острогорскаго. Для III и IV классовъ гимназій и прогимназій и для низшихъ учебныхъ заведеній. 4-ое изд. съ значит. измѣненіями и дополненіями. Спб. 1878 г. Ц. 25 к., съ пер. 30 к.

Лѣтнія занятія въ школѣ съ перерывъ и каникулами. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Наглядно-слуховыя приемы въ „первой Учебной Книжкѣ“ Паульсона. Пособіе для постепенныхъ упражненій въ письмѣ, состоящее изъ 480 мелкихъ картинокъ. Спб. 1878 г. Ц. 8 к.

Наглядно-слуховыя приемы въ „Ручномъ Словѣ“, Ушинскаго. Пособіе для постепенныхъ упражненій въ письмѣ, со-

стоящее изъ 400 именныхъ картинокъ. Сиб. 1878 г. Ц. 8 к.

Начала космографии, со многими полит. въ текстъ. Сост. для употреб. въ средн. учебн. заведеніяхъ К. Краевичъ. Изд. 2-е. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Начатки Ботаники. І. Д. Гукера. Переводъ съ англійскаго, съ замѣненіями и дополненіями А. О. Ваталина. Съ 67 рис. въ текстъ. Ц. 50 к., на пересылку за 1 ф.

Настѣнный географическій атласъ всѣхъ частей свѣта для употребленія въ школы и дома на 28 раскрашенныхъ листахъ, составленъ по плану доктора Антора и употребительнѣйшимъ руководствамъ: Омникова, Лебедева etc. Н. Штраухомъ. (Карты проектированы и рисованы В. Исслейбомъ). Сиб. 1878 г. Ц. 1 р. 20 к., съ пер. 1 р. 70 к.

Обиходная книжка для мальчиковъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 80 к.

Оборона Севастополя. Разсказъ олеандра. П. Я. Бугайскаго. Ц. 40 к., съ перес. 50 к.

Объ употребленіи задаточнаго письменнаго выраженія въ родномъ языкѣ. Сост. І. Паульсонъ. Ц. 10 к., съ перес. 15 к.

Обученіе грамотѣ и родному языку по первой учебной книгѣ. Дидактическое руководство для элементарныхъ учителей и учительницъ. Составилъ І. Паульсонъ. Ч. І. Ц. 1 р. 4. Ч. II. Ц. 80 к., за перес. 25 к. **Изд.** Общая всенная повинность. М. Острогорскаго. Народное чтеніе. Ц. 10 к., съ пер. 15 к.

Основанія физики со многими политическими въ текстъ. Сост. К. Краевичъ. 5-ое изданіе. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р.

О способахъ обученія предметамъ учебнаго курса начальныхъ народныхъ училищъ. Н. Блинова. Съ приложеніемъ примѣрнаго плана кабинета наглядныхъ пособій съ 20-ю рисунками въ текстъ. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Паденіе Плевны. Чтеніе для войскъ и народа, читанное въ аудиторіи Очаковаго городка. Сост. А. П. Никольскій. Съ портретами главныхъ героевъ Плевны. Омб. 1878 г. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.

Педогог. Вѣзобщая исторія педагогики. Перев. Гергардъ. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Пособіе для практическихъ занятій по русскому языку и словесности въ среднихъ классахъ гимназій и дополненіе стихотвореній (съ разборами и объясненіями) названныхъ мн. нар. прозъ. для изученія въ низшихъ 4-хъ клас. гимназій. Составилъ П. Надеждинъ. М. 1878 г. Ц. 1 р. 40 к., съ пер. 1 р. 60 к.

Ресурсы Мруса. А. А. Шенской. Новая переработка тамъ де-Фоа. Съ 10-ю карт. и 25-ю иллюстраціями. Изд. В. Лесницка.

Ц. 2 руб.; перекл. 2 руб. 50 коп., въс. 2 ф.

Редкая азбука для обученія и самообученія грамотѣ по наглядно-звуковому способу. 2-е пересмотрѣнное, исправленное и дополненное изданіе съ 200 рисунками и наставленіемъ, какъ учить по этой азбукѣ. Сиб. 1878 г. Ц. 4 к.

Русско-славянско-русская азбука для одновременнаго обученія чтенію и писму. Сост. П. Пажковский, съ рисунками въ текстъ. Ц. 20 к.

Русскія народныя сказки, пословицы и загадки. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Сост. П. В. (Петръ Вейнбергъ). Ц. 20 к.

„Рѣзныи и левый“ въ Семѣ и Школы. Сборникъ подожженныхъ игръ и занятій на открытомъ воздухѣ; съ многими рисунками въ текстъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Семь сказокъ для дѣтей, Варвары Софроновны. Съ иллюстраціями, раб. Егисветы Вѣмъ. Сиб. 1878 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. въ налѣ 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Сборникъ стереометрическихъ задачъ для употребленія въ высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ С. Сикорскій, преподаватель математики. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. Составленъ, по порученію Комитета Грамотности, спеціальною комиссіею. Большой томъ въ 745 стран. Сиб. 1878 г. Цѣна 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Словообразование и синтаксисъ греческаго языка. Составилъ словообразование и переводъ, дополнивъ, синтаксисъ Коха, Н. О. Фоковъ. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Собраніе алгебраическихъ задачъ. Сост. для употреб. въ средн. учебн. зав. К. Краевичъ. 3-е изд. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Употребленіе знаменъ препинанія въ русскомъ письмѣ съ приложеніемъ русской рѣчи и систематическаго диктанта. Сост. П. И. Богдановъ. Кіевъ, 1878 г. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Учебникъ физической географіи. Пр. А. Гейзъ, съ 78 рисунками въ текстъ и 10 картинъ въ приложеніи. Пер. съ англійскаго А. Я. Гердъ. Сиб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Учебникъ физики, со многими политическими въ текстъ. Сост. К. Краевичъ. 5-ое изданіе. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Изд. Учебникъ химіи. Составилъ С. Ковалевскій, Преподаватель химіи и физики въ Сиб. 1-мъ реальномъ училищѣ. 2-е изд., исправленное и дополненное. Омб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Изд. Хронологія всеобщей и русской исторіи. Пособіе и справочная книга при изученіи

исторія въ среднихъ учебникахъ заведеніяхъ. М. Острогорскаго. Спб. 1878 г. Древняя исторія. Ц. 25 к., съ пер. 80 к. Средняя исторія. Ц. 25 к., съ перес. 80 к. Новая исторія. Ц. 20 к., съ перес. 25 к.

Человѣческое тѣло, его строеніе, жизнь и холм. Руководство для учащихся, съ 9-ю таблицами и 39 политипажамн. Сост. Д-ра К. Бокъ. 5 изданіе. Спб. 1878 г. Ц. 85, съ перес. 60 к.

Этимологія и синтаксисъ церковно-славянскаго и русскаго языка въ связи съ элементарной логикой и съ приложеніемъ филологическаго указателя. Сост. Н. Новикова. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Чтеніе и письмо по картинкамъ. Албука для обученія и самообученія грамотѣ по наглядно-акустическому способу. Съ 800 рисунками въ текстѣ. Ц. 15 к., съ пер. 80 к.

Матчъ къ "Чтенію и письму по картинкамъ". Ц. 15 к., съ пер. 80 к.

Жизнь Амосъ Коменскій. Великая дидактика, содержащая всеобщее искусство воспитать учить всему. Ц. 1 р. 75 к. Роскошное изданіе. Ц. 3 р., перес. за 2 рубля.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Краткій очеркъ греческихъ древностей, составленный К. Ф. Страшкевичемъ. Изданіе 2-е, дополненное описаніемъ Афинъ, съ планомъ древняго города. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Слово о плъну Игоревѣ. Поэтичный памятникъ русскої письменности XII вѣку. Текст съ перекладомъ и съ поясненіями видовъ Олега Огоновскій. У Львові, 1876 г. Ц. 2 р. съ пересылкою.

Чешская грамматика. Составилъ Иванъ Шрамакъ. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

МАТЕМАТИКА—АСТРОНОМІЯ—ФИЗИКА—ХИМІЯ.

Курсъ теоретической ариметики. Жюзефа Вертрана. Члена Парижской Академіи Наукъ. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Начала гипотетической теоріи логикизма безъ помощи мыслей математикъ. Соч. Ш. Жиро, съ 167 чертежами въ текстѣ. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Механика для техническихъ и ремесленныхъ учащихся, а также для самообученія. Сочин. Ф. Губера, съ 410 чертежами въ текстѣ. Спб. 1878 г. Ц. 2 р. съ перес. 2 р. 50 к.

Органическая химія. П. Александрова, проф. ун-ва. съ Влад. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Полный курсъ физики съ красивыми объясненіями метеорологическихъ явленій А. Ганна, профессора физико-математическаго ун-та. Переведъ съ 15 французскаго изда-

нія Ф. Павленкова и В. Черкассы. Къ курсу приложено 1105 политипажей, хромофотографированный рисунки и спектры, множество доведеній автора и одного изъ переводчиковъ, 170 практическихъ задачъ съ указаніемъ ихъ рѣшеній и краткій очеркъ полярной химіи. Ц. 8 р. 50 к., съ пер. 4 руб.

Физическая химія. Н. Н. Любавина. Спб. 1878 г. Ц. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р.

Химическія дѣйствія свѣта и фотографія въ ихъ приложеніи къ искусству, наукѣ и промышленности. Д-ръ Германъ Фогель. Переводъ съ немецкаго, подъ редакціей Я. Гутенслага. Ц. 8 р.; въ 2 ф.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ—СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО—ТЕХНОЛОГІЯ—МЕДИЦИНА.

Дѣтнадцать яблочъ моего сада. В. В. Каденко. Роскошное изданіе съ иллюстрированными рисунками этикъ яблочъ. Спб. 1875 г. Ц. 5 р., въ перелетѣ 6 р. съ перес.

Для болѣе обширнаго изслѣдованія. Карман-ный определитель орудійствъ растений, какъ диморфизма, такъ и развѣтвленія. Соч. Ф. Костенка. Ц. 1 р. 40 к., съ перес. 2 р.

Гербаризація. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Дѣла природы въ ядрахъ земли. Сост. Ханъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Естественный подборъ. Сочиненіе А. Р. Уоллеса. Переводъ подъ ред. Н. П. Вагнера. Съ примѣчаніями и дополнительными свѣдѣніями, съ портретомъ Уоллеса, его біографіей, статьями и извлеченіями изъ сочиненія проф. Вейсмана. Съ четырнадцатью хромофотографированными таблицами и политипажамн. Спб. 1878 г. Ц. 8 р., съ пер. 3 р. 80 к.

Жизнь животныхъ, общія животныя и растенія. Курсъ общей физиологіи Клода Бернара. Лекціи, читанныя въ музеѣ естественной исторіи въ Парижѣ. См. 45-ю рѣчь на лекціи въ текстѣ и одной таблицей. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Исторія чужой кѣды. Описаніе жизни чужой и животныхъ въ письмахъ. Соч. Маса. Иланъ второе съ рисунками. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Книга природы, съ 1000 рисунками. 4 тома. Сочин. Маддеръ. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Курсъ химическаго индукціоннаго безгласія проф. С. Н. Боткина. Вилушъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Вилушъ III. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Лекціи объ электричествѣ, Джона Тиндалла съ 60 рисунками и таблицами. Спб. 1868 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Нѣсколько способовъ леченія ранъ. Д-ра

Штейнера. Переводъ съ нѣмецкаго. Подъ ред. д-ра М. Шершевскаго. Спб. 1878. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Начальный практическій курсъ физиологии. М. Фостера. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Искусство и ихъ значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ О. Гримма. Ц. 1 р. съ перес.

Искусстводивныя растенія. Соч. Чарльса Дарвина. 8 выпуски. Ц. 2 р. 60 к., съ пер. 3 р.

Основные начала горнаго искусства въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Съ 48-ю политическими въ текстѣ. Переводъ съ нѣмецкаго и изданіе горныхъ инженеровъ В. Домгера и Г. Лебедева. Съ приложеніемъ кънѣко-русскаго техническаго словаря, относящагося до горнаго искусства. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Общедоступная гигиена. Д-ра Эрнсмана. Спб. 1878 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 рубля.

Очерки изъ естественныхъ наукъ. Лекція и статьи Джона Тиндаля, съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. Гельмгольца. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Практическія работы по ботаникѣ и зоологій. Гексли и Мартини. Элементарный практическій курсъ биологии. Перевалъ съ англійскаго А. Я. Герда. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Роль воображенія въ развитіи естественныхъ наукъ Д. Тиндаля. Перевалъ Ф. Павленкова. Ц. 20 к., съ пер. 40 к.

Руководство къ анатоміи-анатомической диагностикѣ и вскрытію трупа. Д-ра І. Орта. X. 1877 г. Ц. 3 р. 50 коп., съ пер.

Руководство къ анатоміи человѣческаго тѣла съ указаніемъ на физиологическія основанія и практическія примѣненія ея. Соч. Іосифа Гиртля. Переводъ съ 18-го послѣдняго изданія. Спб. 1878. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Руководство къ менѣеимъ болѣзнямъ, составленное подъ редакціей Д-ра т. Вильрота. Болѣзни желчнаго мочеиспускательнаго канала и пузыря. Проф. Д-ра Ф. Винкеля съ 60-ю полихромными въ текстѣ. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Руководство къ собиранію, храненію и наблюденіямъ надъ насекомыми и другими низшими животными и Семетиваніе. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Сѣтъ. Шесть лекцій, читанныхъ въ Америкѣ зимою 1872—1873 г. Джономъ Тиндалемъ, съ переводомъ и 60 рисунками въ текстѣ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Соотношеніе жизненныхъ и физическихъ

силъ. Публичная лекція А. Баркера. Перевалъ Ф. Павленкова. Ц. 10 к., съ пер. 30 коп.

Тетради для описательной сельско-хозяйственной отчетности. Сост. А. Н. Вухъфъ. Спб. 1878 г. Ц. на желтоватой бумагѣ 6 р., съ пер. 7 р., на простой бумагѣ 5 р., съ пер. 6 р.

Учебникъ практической медицины, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на патологическую анатомію и гистологію. Д-ра К. Ф. Кунце. 2-ое изданіе. 2 т. Ц. 8 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Учебникъ физиологии. Эрнста Брюкке, 2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Учебникъ дѣтскихъ болѣзней. Д-ра Карла Гергардта. Ц. 4 р. съ пересылкою.

Физиология растительныхъ процессовъ. И. М. Сѣченова. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Алфавитный указатель вопросовъ, разрѣшенныхъ уголовными кассационными и общими собраніемъ кассационныхъ департаментовъ права сената 1866—1876 г. Составилъ Г. И. Трахтенбергъ. Спб. 1878. Ц. 5 р., съ перес. 5 р. 50 к.

Исслѣдованія по русскому праву семейному и наследственному. И. Г. Орманскаго. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Исторія права Московскаго государства. Т. I. Введеніе.—Вѣстная исторія права.—О верховной власти въ московскомъ государствѣ и о земскихъ соборахъ.—Н. П. Загоскина. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Крестыиное дѣло въ царствованіе импер. Александра II. Четыре большіе тома (въ пяти книгахъ), 5,882 стр. А. И. Скребицкаго. Удостоено Академіей Наукъ преміи графа Уварова. Ц. 20 р., съ перес. 22 р. (за 14 фунт.) на всѣ разстоянія.

Курсъ русскаго уголовного права. Н. С. Таганцева. Часть обща. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Выпускъ II. Спб. 1878 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Курсъ общаго гражданскаго права Россіи. Сочиненіе Кроніда Малишева, Доктора с.-петербургскаго университета. Т. I. Спб. 1878. Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р.

Настоящая справочная книга для судебныхъ дѣателей. М. Острогорскаго. Спб. 1878 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Общіяе владѣніе. К. Кавелина. Спб. 1878 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Описательная социология или группы социологических фактов, классифицированные и распределенные Гербертом Спенсером. Англия. Таблицы составил Эдмунд Кольте. К. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 5 р.

Опыт теории страхового договора. И. Степанова. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 80 к.

Опыт комментария къ уставу гражданского судопроизводства. К. Анненкова. Т. I. 1) Подсудность. 2) Общій порядокъ производства дѣлъ. Спб. 1878 г. Ц. 3 р. съ перес.

Основанія социологии. Герб. Спенсера. Т. II. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к. Въ прибавленіи помѣщены замѣтки Э. Б. Тайлора по вопросу объ анемизмѣ и отвѣты на нихъ Г. Спенсера. Т. I и II вмѣстѣ. Ц. 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Очерки по этикопедіи права. П. Дехарова. Т. I. Очеркъ I: О правѣ въ ряду другихъ сферъ умственной жизни человѣка. Спб. 1878 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 80 к.

Полный хронологическій сборникъ законовъ и положеній, касающихся евреевъ, отъ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича до настоящаго времени отъ 1649—1878 г. Сост. В. О. Левада. Ц. 4 р. съ пересылкою.

Россия и Востокъ. Собрание географическихъ и политическихъ статей. М. Венцова. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Руководство къ особенной части Русскаго Уголовнаго права, т. III. Преступленія: 1, противъ брака и правъ семейственныхъ; 2, противъ законовъ о состояніяхъ; 3, общеполасныя преступленія (поджогъ и т. в.). Магистръ правъ Н. А. Неклюдова. Спб. 1878 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Русское законодательство о евреяхъ. Очерки и изслѣдованія И. Г. Орманскаго. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 20 к.

Сборникъ законовъ объ ехотѣ. Спб. 1878 г. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

Систематическій сборникъ рѣшеній Гражданскаго кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената за 1878 годъ. Томъ I. Матеріальное право. Составилъ А. Гожевъ, старшій помощ. об.-секр. гражд. к. д. пр. Сената. Спб. 1877 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Систематическій сборникъ рѣшеній Гражданскаго кассационнаго Департамента Правительствующаго Сената за 1875 годъ. Томъ II. Судопроизводство. Составилъ А. Гожевъ, старшій помощ. об.-секр. гражд. к. д. пр. Сената. Спб. 1878 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Систематическій сборникъ рѣшеній гражданскаго Кассационнаго Департамента. Пр. Сената за 1876 годъ. Составилъ А. Книрикъ и Евг. Ковалевскій. Т. I. Мате-

ріальное право. Спб. 1878 г. Ц. 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к. Т. II. Судопроизводство. Спб. 1878 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 г. съ дополненіями по 1-е января 1876 г. Составлено профес. Сиб. Ун. Н. С. Таганцевымъ. Изданіе второе, переработанное и дополненное. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

Уставныя грамоты XIV-го—XV вв., опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія. Н. Загоскина. 2 выд. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Безмѣ. 150 одногласныхъ и двугласныхъ нѣсенъ для дѣтей младшаго и средняго возрастовъ. Составилъ Г. В. Дольдъ и А. С. Фаминцынъ. Ц. за 2 ч. 1 р. 40 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Геофизикъ. Современная магія. Практическій руководитель къ изученію фокуснаго искусства. Съ 318 рис. въ текстѣ. Пер. съ англ. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Месмеризмъ, эдипизмъ, столботорченіе и спиритизмъ. Съ исторической и научной точекъ зрѣнія. Лекція, читанная, въ декабрь 1876 года, въ Лондонскомъ Институтѣ Вильямомъ Карпентеромъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1878 года. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Теорія звука въ приложеніи къ музыкѣ. Лекція профес. Блацернъ. Переводъ съ итальянскаго В. А. Четотта, подъ редакціею Н. А. Гезехуса, съ многочисленными политипажными въ текстѣ. Спб. 1878. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

А. Шалленфельдъ. Практическое руководство къ обученію руководящимъ; 1 ступень — ВЪЗРАСТЪ чудотное. Ц. 25 к., съ перес. 35 к.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Новый путеводитель по С.-Петербургу. Справочно-настойная книга для всѣхъ. Сост. фонъ-Гринбергъ. Съ планомъ. Ц. 60 к., съ пер. 80 к.

Общеполасное пособіе или вспомога- тельныя таблицы для всякихъ исчисленій, учетовъ, смѣтъ и расчетовъ. Сост. И. И. Струковъ. Ц. 3 р. 50 к. съ перес.

Пожарная книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство въ тушеніи всякаго рода пожаровъ. Съ политипажными рисунками. Составилъ А. Н—ъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Путеводитель по Миссу, съ указаніемъ его достопримѣчательностей, съ планомъ. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Коммисіонеровъ Императорскаго Русск. Музык. Общества, Московскаго Отдѣленія

I. ЮРГЕНСОНА, П. ЮРГЕНСОНА,

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 9
(на углу Невского проспекта)

Москва, Неглинная, № 10
(на углу Бузнецкаго моста)

поступило въ продажу

НОВОЕ ДШЕВОВОЕ ИЗДАНІЕ КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ:

Для фортепiano: Верди, Реквиемъ (1 р. 50 к.); Анда. Полная опера (8 р.). Шопенъ, всѣ 14 вальсовъ (1 р.); то же въ 8 д. л. (50 к.); всѣ 19 ноктюрнъ (1 р.); то же въ 8 д. л. (50 к.). Мендельсонъ, всѣ его пѣсни безъ словъ. Красивое изданіе въ большомъ форматѣ (2 р.); то же въ 8 д. л. (50 к.). Mendelssohn, Rondo capriccioso (45 к.); Trois fantaisies ou caprices (45 к.); Capriccio brillant, op. 22 (75 к.); Concertos op. 25 (1 р. 15 к.); op. 40 (1 р. 50 к.); Sechs Kinderstücke (60 к.). Messer, Feuillet d'album, 2 тетр. (по 90 к.). Monlot, Le crépuscule. Réverie (80 к.). Oesten, Le carnaval de Venise (95 к.); La clochette des Alpes. Tyrolienne (30 к.). Pacher, Grace et coquetterie (80 к.); Le ruisseau. Etude de salon (35 к.); Marche brillante (30 к.); Romance de Dom Sebastian (80 к.); La Náyade. Morceau de salon (45 к.); Tendresse. Morceau mélodieux (80 к.); Perles roulantes. Etude élégante (45 к.). Paladilha, Célèbre Mandolinata (80 к.); La même facilitée par Rummel (15 к.); La même transcrite par Ketterer (35 к.); par Spindler (85 к.); par Kuhe (35 к.); par Jungmann (30 к.). Пашенко, За Нѣманъ иду. Украинская пѣсня (40 к.). Ravina, Nocturne favori (80 к.); Dernier Souvenir (20 к.). Reinecke, 3 Sonatines op. 47 № 1, 2, 3 (по 85 к.); Nocturne op. 69 (80 к.). Richards, Marie. Nocturne (80 к.); En absence. Nocturne (80 к.); Louise. Nocturne (20 к.); Der Vöhelein Abendlied (20 к.). Schubert, Moment musical (15 к.). Schulhoff, Caprice sur des airs bohémiens (85 к.); Nocturne op. 11 (20 к.). Berceuse (20 к.); Galop di bravura (45 к.); Carnaval de Venise (50 к.); Grandes valse: op. 6 (50 к.); op. 20 (35 к.); La confidence (15 к.); Chanson à boire (15 к.); Chant du berger (20 к.); Cantabile (30 к.); Sérénade espagnole (45 к.); 3-e valse (60 к.); 4-e valse (30 к.); Sérénade (20 к.); Menuet de Mozart (20 к.). Schumann, Carnaval. Scènes mignonnes (1 р.); Grande Sonate op. 11 (1 р.); 8 Fantasie-Stücke op. 12 (1 р.); Kinder-scenen. Leichte Stücke (45 к.); Kreisleriana. 8 Fantasien (1 р.); Arabeske, op. 18 (30 к.); Blumenstück, op. 19 (20 к.); 8 Novelletten, op. 21 (1 р. 70 к.); Vier Nachtstücke (50 к.); Concerto, op. 54 (1 р. 35 к.); Album für die Jugend, op. 68 (1 р. 50 к.); Wald-scenen, op. 82 (65 к.); Bunte Blätter. 14 Stücke, op. 99 (1 р. 25 к.); Albumblätter, op. 124 (1 р.); Warum (15 к.); Grillen (20 к.); Abends (20 к.); Träumerei (15 к.); Aveu (15 к.); Vogel als Prophet (80 к.); Schlummerlied (Berceuse) (20 к.). Smith, Chanson russe (30 к.); Sérénade de Don Pasquale (30 к.). Spindler, Alpenröslein (20 к.); Vergissmeinnicht (20 к.); Papillon (20 к.); Gazouillement d'oiseaux (30 к.); Fleurs et papillons (30 к.); Jeu des clochettes (35 к.); Spinnerlied (35 к.); Parfum de violette (20 к.); Mélodie des Fleurs (20 к.); Je pense à toi (20 к.); Célèbre trio de Belisario transcrit (85 к.); Gondellied (20 к.). Tedesco, Grande valse, op. 26 (60 к.); Scènes russes (60 к.); Rémiscences de Russie (60 к.).

На пересылку прилагается особо и вникается съ общаго вѣса посылки. Требования Гг. многогородныхъ исполняются съ первоотходящею почтою. Каталогъ дешевымъ изданіямъ высылается безплатно. Въ этихъ же магазинахъ можно получить всѣ музыкальныя произведенія, какъ бы они ни были изданы и объявлены.

ОВЪЯВЛЕНІЕ

ОВЪ ИЗДАНИИ НОВОЙ ГАЗЕТЫ «РУССКАЯ ПРАВДА».

Съ 1-го Октября настоящаго года будетъ издаваться, въ С.-Петербургѣ, подъ редакціей нижеподписавшагося, безъ предварительной цензуры, большая ежедневная политико-литературная газета

„РУССКАЯ ПРАВДА“.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

<p>I. Правительственныя распоряженія.
II. Передовыя статьи политическаго, общественнаго и литературнаго содержания.
III. Телеграммы.
IV. Хроника.
V. Внутреннія извѣстія, въ извлеченіяхъ изъ газетъ, собственныхъ корреспондентскихъ и сообщеніяхъ.
VI. Иностранная политика.
VII. Ежедневный обзоръ русскихъ газетъ и журналовъ.
VIII. Литературныя, ученія и общественныя новости изъ-за границы.
IX. Оригинальныя и переводныя романы, повѣсти, драматическія со-</p> | <p>чищенія и стихотворенія. Путешествія и открытія. Научныя статьи.
X. Журналистика.
XI. Искусства.
XII. Библиографія.
XIII. Фельетоны общественнаго, политическаго и литературнаго содержания.
XIV. Анекдоты и курьезы.
XV. Виржа, финансы и курсы.
XVI. Судебныя дѣла.
XVII. Обзоръніе модъ.
XVIII. Справочныя свѣдѣнія: театры, зрѣлищныя дороги, засѣданія обществъ, дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ.
XIX. Овъявленія.</p> |
|---|--|

АДМИНИСТРАЦІЯ: Редакція — Спб., Колобовъная, 6. — Главная Контора — Спб., Невскій проспектъ, 44, при „Книжномъ магазинѣ для Иностранцевъ“.

Подписка принимается нынѣ лишь до конца 1878 года, въ конторахъ „РУССКОЙ ПРАВДЫ“: Главной — (Невскій, 44), Отдѣленіи конторы — (В. О., 2-я линия, 7, при Книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича); въ Москвѣ — въ конторѣ газеты, при „Центральномъ книжномъ магазинѣ“ (Никольская улица, д. Славянскаго Базара), равно у всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ книгопродавцевъ. — Отдѣльныя и абонементныя объявленія, для напечатанія въ газетѣ, принимаются по дешевой цѣнѣ, обозначенной въ особой конторской таксѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Безъ достав. Съ достав.		
На 1 мѣсяцъ (Октябрь)	1 р. 50 к.	1 р. 80 к.
„ 2 „ (Октябрь и Ноябрь)	8 „ — „	8 „ 50. „
„ 3 „ (Октябрь, Ноябрь, Декабрь)	4 „ 50 „	5 „ — „

Съ перес. За границу.

На 1 мѣсяцъ (Октябрь)	2 р. — к.	3 р. — к.
„ 2 „ (Октябрь, Ноябрь)	4 „ — „	6 „ — „
„ 3 „ (Октябрь, Ноябрь, Декабрь)	6 „ — „	8 „ — „

Иногородныхъ подписчиковъ просить обращаться исключительно по адресу:

С.-Петербургъ, въ контору газеты „РУССКАЯ ПРАВДА“.

Подписчики прекратившихся газетъ „Собесѣдникъ“ и „Сѣверный Вѣстникъ“ получать безплатно нашу газету, по слѣдующему разсчету: недополучившіе одного мѣсяца—получать ее въ теченіи Октября мѣсяца; двухъ—въ теченіи Октября и Ноября; трехъ и болѣе—въ теченіи Октября, Ноября и Декабря. Подписчики на обѣ газеты разомъ—все равно получаютъ одинъ экземпляръ. Къ 1-му Января 1879 года доставка газетъ всѣмъ подобнымъ подписчикамъ прекратится, если они не будутъ состоять въ числѣ платныхъ подписчиковъ „Русской Правды“ на будущій годъ. Желательно, дабы тѣ изъ подписчиковъ названныхъ газетъ, которые, послѣ прекращенія послѣднихъ, перемѣнили мѣстожительство—немедля прислали новый адресъ въ контору „Русской Правды“, съ обозначеніемъ № квартиры или бандероля, а равно предупредили почтовымъ мѣста прежняго ихъ мѣстожительства о предстоящей имъ высылкѣ „Русской Правды“, съ просьбой направить ее по новому ихъ адресу. Въ особенности это необходимо сжечь сдѣлать лицамъ, состоявшимъ въ Дунайской и Азіатской арміяхъ, нинѣ упраздненныхъ. Но лучше прислать конторѣ новый адресъ. Никакихъ иныхъ удовлетвореній и справокъ газета „Русская Правда“ не даетъ, будучи совершенно новымъ изданіемъ, никакихъ иныхъ обязательствъ на себя не принявшимъ.

Быстро нинѣ движется передъ глазами публики калейдоскопъ ежедневныхъ событій. Задача серьезной газеты должна состоять не только въ сообщеніи фактовъ и новостей, но и въ томъ, чтобы помочь читателю разобраться въ этомъ хаосѣ ежедневно приносимыхъ слуховъ и извѣстій, пропустить ихъ сквозь крияму грозной критической оцѣнки по отношенію къ ихъ достоверности, возможности, полезности или вредности для общества. Знать правду въ такомъ дѣлѣ—значитъ имѣть въ рукахъ валютъ предвидѣнія послѣдствій; а въ этомъ-то и вся задача политической мудрости, въ этомъ-то и разумная цѣль чтенія газетъ. Мы, русскіе, въ особенности мало знаемъ дѣйствительность; мы нерѣдко готовы жить обманчивостью самообмана, и здѣсь-то лежитъ объясненіе того обстоятельства, что событія послѣднихъ лѣтъ такъ часто заставляли насъ врасплохъ.

Редакція потщится оправдать названіе своей газеты; она постарается, въ предѣлахъ возможности, сдѣлать газету въ самомъ дѣлѣ отраженіемъ правдивости русской. Да поможетъ намъ въ этомъ само общество, на добрыя симпатіи, истинности и силы котораго мы рассчитываемъ, принимаясь за дѣло. „РУССКАЯ ПРАВДА“ будетъ отзывчива на всѣ новости дня; но, не гонимая за одною новизною и эффектностью,—она выше всего будетъ ставить правдивость сообщеній, не пытаясь улаживать истину на прокустово ложе личныхъ симпатій, вкусовъ и мнѣній. Только вѣрное, восторженное знаніе дѣйствительности можетъ быть полезно русскому обществу и всѣмъ намъ, русскимъ, въ отдаленности. Газета постарается всегда широко поддерживать принципы терпимости ко всякимъ независимымъ мнѣніямъ, лишь бы они исходили изъ честныхъ побужденій; и какою бы мѣрою намъ ихъ отрицали другіе, мы будемъ всегда имѣть одинъ аршинъ и для себя и для противниковъ; разумно-правдивое замѣчаніе послѣднихъ всегда въ состояніи будетъ заставить насъ взять публично назадъ ошибкой обреченное слово, мнѣніе. Въ этомъ отношеніи мы, вѣроятно, не будемъ знать мелочнаго самолюбія. Такъ мы понимаемъ правду.

По своему содержанію „РУССКАЯ ПРАВДА“ будетъ газетою фактическою, разнообразною, возможно полною и живою. Литературныя силы есть—и это увидитъ публика на дѣлѣ, хотя мы пока никого не называемъ.

Редакторъ-издатель **Дмитрій Гирсъ.**

BULLETIN LITTÉRAIRE

de la librairie de CHARLES RICKER

St.-Petersbourg, Perspective de Newsky, № 14.

Nouveautés de Septembre, 1878.

BAUDRILLART, Histoire du luxe privé et publique. 1-er vol. 3 r. 75 k.

BERNER, Die Orientfrage, beantwortet durch die Verträge von 1856 und 1878. 1 r. 70 k.

BIBEL für Freunde der Wahrheit. Die Summe der Weisheit aller Zeiten. 1 r. 80 k.

BOETTIGER, Sabina oder Morgenstunden im Putzzimmer einer reichen Römerin. 2 r. 15 k.

BRUNIER, Caroline Bauer (Graefin Broel Plater). Ein Lebensbild. 1 r. 80 k.

BÜCHNER, Die Frau. Hinterlassene Aussätze und Berichte zur Frauenfrage. 3 r. 60 k.

BYK, Die Physiologie des Schoenen. 3 r. 60 k.

COOK, The house beautiful. Essays on beds and tables stools and candlesticks. 24 r.

DAHN, Kämpfende Herzen. Mit Portrait. 4 r. 20 k.

HELLENBACH, Der Individualismus im Lichte der Biologie und Philosophie der Gegenwart. 2 r. 40 k.

HORWIEZ, Moralische Briefe. 1 r. 20 k.

JAGOR, Ostindisches Handwerk und Gewerbe mit Rücksicht den europaischen Arbeitsmarkt. 75 k.

KLINCKOWSTROEM, Le comte de Fersen et la cour de France. 2 vols. 10 r.

LAZARUS, Ideale Fragen in Reden und Vorträgen. 3 r. 60 k.

LENORMANT, Die Magie und Wahrsagekunst d. Chaldäer. 8 r. 40 k.

MEYER WALDECK, Russische Erzählungen. 2 r. 40 k.

NEUMANN-SPALLART, Uebersichten über Produktion, Verkehr und Handel in der Weltwirtschaft. 3 r. 60 k.

PARKMANN, Die Jesuiten in Nordamerika. 1 r. 80 k.

PECHT, Die Kunst und Kunstindustrie auf der Weltausstellung in Paris. 2 r. 70 k.

PETRARCA'S Leben und Werke von G. Koerting. 8 r. 40 k.

PFLEIDERER, Die Religion, ihr Wesen und ihre Geschichte. 2 Bde. 7 r. 20 k.

RECLAM, Der Leib des Menschen, dessen Bau und Leben. Erste Hälfte. 4 r. 20 k.

RUBINSTEIN, Psychologisch-aesthetische Essays. 3 r. 60 k.

SACHS, Aus den Llanos. Schilderungen einer naturwiss. Reise nach Venezuela. 5 r. 40 k.

SCHLEIDEN, Die Romantik des Martyriums bei den Juden im Mittelalter. 60 k.

SCHMITZ-DUMONT, Die mathematischen Elemente der Erkenntnistheorie. 7 r. 20 k.

SCHRADER, Keilinschriften und Geschichtsforschung. 8 r. 40 k.

SCHWEIGER-LERCHENFELD, Bosnien, das Land und seine Bewohner. Ill. und 1 Karte. 2 r. 40 k.

SECHI, Die Sterne. 4 r. 80 c.

SONNTAG, Die Todtenbestattung. 1 r. 80 k.

STRODTMANN, G. E. Lessing. Ein Lebensbild. 3 r. 60 k.

TASCHENBERG, Was da kriecht und fliegt. Bilder aus dem Insectenleben. 6 r.

ислѣдованіе по римской исторіи, преимущественно въ области третьей декады Ливія. Владиміра Пирогова. Спб. 1878. Стр. 284. Ц. 1 р.

Гретье десятикнижіе Тита Ливія обнимаетъ всю весьма важную эпоху римской исторіи, эпоху второй пунической войны, и потому важно въ источникахъ, которыми пользовался Т. Ливій для изображенія этого времени, оно обращалъ на себя вниманіе многихъ изслѣдователей, продолжавшихъ извѣстный капитальный трудъ Лахмана. Г. Пироговъ далъ намъ теперь не только обстоятельный сводъ результатовъ, добытыхъ нѣмецкими учеными путемъ тщательнаго и построчнаго сравненія текста Ливія съ изложеніями другихъ историковъ, римскихъ и греческихъ, но и посвятилъ послѣднюю главу общей картинѣ внутренняго быта римской республики во время ея огчаинной борьбы съ преагеномъ. Авторъ самъ признаетъ, что „содержаніе предлагаемаго нами ученой публикѣ изслѣдованія можетъ показаться съ перваго взгляда имѣющимъ характеръ случайности“; предвидѣть также „упрѣкъ въ недостатокъ стройной логической связи“ между содержаніемъ главъ, и надѣется, „что читатель не поскуется на насъ, если (въ этомъ §) мы принуждены часто—иногда дословно—повторить уже сказанное“. На всѣхъ этихъ недостаткахъ болѣе строгіе, чѣмъ сущности, мы и не настаиваемъ, съ своей стороны дозволیمъ высказать автору другой упрѣкъ: намъ кажется необходимымъ въ такомъ специальномъ изслѣдованіи характера писаній Т. Ливія обратить вниманіе на то, что сдѣлано по этому предмету и въ другихъ европейскихъ литературахъ, а не въ одной нѣмецкой, и во всякомъ случаѣ не пропустить такого труда о Титѣ Ливіѣ, каково изслѣдованіе Тэна. Но, независимо отъ того, мы должны отдать и справедливость нашему автору: въ римской исторіографіи Тацитъ и Ливій являются двумя главными свѣточами; для Тацита мы имѣемъ уже специальное изслѣдованіе, въ нашей ученой литературѣ, М. П. Драгоманова: „Вопросъ объ историческомъ значеніи римской имперіи и Тацитъ“; В. Н. Пироговъ весьма удачно выбралъ Ливія, и теперь эти два труда, вмѣстѣ взятые, даютъ значительный научный матеріалъ для дальнѣйшей ученой работы нашихъ изслѣдователей классическаго міра.

Библиографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова. Составилъ В. Кеневичъ. Второе изданіе, съ приложеніемъ матеріаловъ для біографіи П. А. Крылова, имѣе же собранныхъ. Спб. 1878. XXII и 392 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Первое изданіе этой книги вышло девять лѣтъ тому назадъ, ко дню столѣтней годовщины рожденія Крылова. То изданіе давно разошлось, и, повторяя теперь свою книгу, г. Кеневичъ дополнилъ ее матеріалами для біографіи Крылова и новыми библиографическими подробностями. Трудъ г. Кеневича довольно извѣстенъ, и въ свое время автору отдала справедливость за его внимательную работу надъ баснями Крылова. Читатель, который захочетъ познакомиться съ ними съ исторической точки зрѣнія, найдетъ въ книгѣ

г. Кеневича много любопытныхъ подробностей, объясняющихъ и источники однихъ басенъ съ сюжетами заимствованными, и поводы, по которымъ написаны другія, и авторскіе приемы Крылова. Г. Кеневичъ обстоятельно собралъ указанія о томъ, какое отношеніе имѣли нѣкоторыя басни къ случаямъ и лицамъ тогдашней современности (хотя нѣкоторыя указанія остались у него незамѣченными). Въ заключеніе онъ прибавилъ и подробный указатель статей о Крыловѣ и его сочиненіяхъ. — Можно пожалѣть объ одномъ, что этотъ добросовѣстный комментарий является отдѣльно отъ самихъ басенъ, а не рядомъ съ ними, что для обыкновеннаго читателя было бы гораздо удобнѣе. Но эта не вина г. Кеневича.

Историческая хрестоматія по русской исторіи. Пособіе для преподавателей и учениковъ старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Составлена Я. Г. Гуревичемъ и В. А. Павловичемъ. Часть вторая. Спб. 1878. 626 стр. Ц. 2 р.

Г. Гуревичъ, еще не такъ давно выступившій на поприще учебной литературы, успѣлъ уже приобрести извѣстность хорошаго знатока своего дѣла. Его „Исторія Греціи и Рима“ есть лучший русскій учебникъ по этому предмету. Покойный В. А. Павловичъ имѣлъ свои достоинства какъ педагогическій писатель. Трудъ обоихъ, „Историческая хрестоматія по русской исторіи“ доведена во второмъ томѣ до конца стараго, т.-е. до петровскаго періода; главный матеріалъ доставили для него Карамзинъ, Костомаровъ, Соловьевъ, нѣкоторые спеціальныя изслѣдованія, нѣсколько отрывковъ изъ старыхъ памятниконъ и историческихъ сочиненій, какъ Домострой, Котошихинъ, Уложеніе и т. п., изъ сочиненій иностранныхъ писателей. Польза подобныхъ хрестоматій не подлежитъ сомнѣнію: онѣ составляютъ для старшихъ воспитанниковъ и даже для учителей маленькую историческую бібліотеку, даютъ готовое историческое чтеніе, которымъ прекрасно дополняется учебный курсъ „по программѣ“. Трудъ составителя—въ выборѣ изъ довольно обширнаго матеріала, какой уже въ состояніи доставить наша историческая литература. Вообще говоря, составители „хрестоматіи“ исполнили свою задачу весьма удовлетворительно; но можно замѣтить, что въ ней напрасно дано слишкомъ мало мѣста современнымъ памятникамъ, которые — при разсказѣ новыхъ историковъ — доставляли бы чрезвычайно наглядную иллюстрацію. Можно было бы гораздо больше взять изъ старой исторической литературы, а также и изъ другихъ памятниковъ. Такъ, напр., въ „Хрестоматіи“ нѣтъ ни одного отрывка изъ житій; нѣтъ ни представлена также поэтическая сторона старой Россіи; два-три отрывка изъ обличительныхъ и запретительныхъ грамотъ могли бы дать картину народныхъ обычаевъ, суевѣрій и т. п.; нѣтъ ни представлена исторія раскола, для которой, напр., „Житіе протопопа Авакума“, могло дать чрезвычайно характерныя черты. Въ исторіи „мѣстный колоритъ“ столько же важенъ, какъ въ романѣ, а онъ дается именно такими современными памятниками.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

Подписка на 1879-й годъ:

ГОДЪ—12 книгъ:

въ Россіи: за границею:

1) Съ пересылкою, чрезъ Газетную Экспедицію	17 р. — к.	19 р.
2) Съ доставкою, по городской почтѣ, въ Спб.	16 > — >	— >
3) Безъ доставки, въ Главной Конторѣ журнала	15 > 50 >	— >

ЧЕТВЕРТЬ—3 книги, съ доставкою и пересылкою. . . 5 > — > 7 >

Примѣчаніе. — Подписка по четвертямъ открывается:
съ января, апрѣля, іюля и октября.

МѢСЯЦЪ—1 книга, съ доставкою и пересылкою. . . 2 > 50 > 3 >

Подписывающіеся въ Москвѣ, въ Отдѣленіи Главной Конторы журнала, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе нумера журнала.

❖ Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою ❖

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожителства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложить къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Спб., Галерная, 20.

Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Вліяніє желѣзныхъ дорогъ на экономическое состояние Россіи. Пять томовъ, in 4°, съ атласомъ графическихъ изображеній. Н. С. Блюха. Спб. 1878. Ц. 50 руб.

Съ этимъ обширнымъ, и, можно сказать, монументальнымъ трудомъ читатели нашего журнала нѣсколько знакомы по тѣмъ небольшимъ извлеченіямъ, которыя были напечатаны у насъ въ концѣ прошедшаго года. Въ особомъ и полномъ изданіи текстъ является теперь во всѣмъ оружій громадной массы статистическихъ таблицъ и многочисленныхъ графическихъ картъ, которыя способны дать съ перваго взгляда ясное понятіе о ходѣ нашей торговли по всѣмъ главнымъ ея пунктамъ. Первый томъ посвященъ необытной исторіи постройки нашихъ желѣзныхъ дорогъ, во всѣхъ подробностяхъ этого дѣла, и ихъ эксплуатаціи. Второй томъ занимается производствомъ, потребленіемъ и торговлею земледѣльческими продуктами; третій — животноводствомъ; четвертый — вѣншею торговлею, изложенною систематически по ея главѣйшимъ предметамъ; наконецъ, пятый томъ представляетъ финансовыя результаты постройки нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Такое изданіе потребовало на себя, кромѣ продолжительнаго, кропотливаго и весьма внимательнаго труда, сопряженнаго съ величайшими препятствіями для частнаго человѣка, также и громадныя издержки; нельзя не быть признательнымъ г-ну Блюху за то, что онъ не отступилъ ни отъ какой жертвы, и тѣмъ сослужилъ весьма важную службу и науцѣ заинтересовавшаго его вопроса, и самой практикѣ желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи. Если такое изданіе было сдѣлано не аственнымъ человѣкомъ, а цѣлымъ вѣдомствомъ, — тогда оно едва-ли бы было полнѣе по существу и изыщѣе по вѣщности. Если вѣрить извѣстіямъ, сообщаемымъ въ газетахъ, настоящей аботѣ г-на Блюха предназначена на Парижской всемірной выставкѣ одна изъ высшихъ наградъ, — что было бы вполне заслуженно.

Членіе о цвѣтахъ по отношенію къ искусству и технику. Соч. В. фонъ-Бецгольда, проф. при Политехническомъ институтѣ въ Мюнхенѣ, переводъ С. Ламанскаго. XVI и 201 стр. съ 65 рисунками въ текстѣ и 9 табл. Изд. Тов. Общ. Пользы. 1878. Цѣна 4 р. 50 к.

Цѣль названнаго сочиненія — познакомить, въ общедоступной формѣ, художника и техника, въ физическихъ и фізіологическихъ изслѣдованіяхъ о цвѣтахъ, и приложеніями ихъ при соиданіи новыхъ произведеній и пониманіи существующихъ. Послѣ изложенія, въ первыхъ вухъ главахъ, физическихъ основъ ученія о цвѣтахъ, авторъ рассматриваетъ въ 3-й впечатлѣнія, производимыя на органъ зрѣнія, когда ни дѣйствуютъ отдѣльно, или группами, т. е. при смѣшеніи ихъ. 4-я глава занимается контрастомъ — содѣйствиемъ цвѣтовъ. Поясняющіе ги отдѣлы примѣры заимствованы изъ круга дей и дѣятельности художника. Въ 5-й, послѣдней главѣ авторъ обращаетъ преимущественное вниманіе на художественную и художественно-историческую сторону ученія о цвѣтахъ — на орнаменты и живопись у разныхъ народовъ. Хотя переводъ сдѣланъ съ нѣмецкаго (1874 г.) изданія, но онъ дополненъ примѣчаніями автора для англійскаго изданія, вышедшаго въ исходѣ 1876 г., въ Бостонѣ.

Курсъ промышленной экономіи и коммерческой географіи, въ связи съ торгово-промышленной статистикой Россіи и главѣйшихъ государствъ міра. А. П. Суевотинъ. Спб. 1878. Стр. 328. Ц. 2 р.

Въ первомъ отдѣлѣ своего учебника, предназначеннаго для реальныхъ училищъ, авторъ излагаетъ общія начала экономической науки вообще, — и торговли въ особенности; затѣмъ, разсматриваетъ главѣйшіе способы торговыхъ сообщеній, и подробно останавливается на предметахъ торговли, классифицированныхъ имъ по тремъ царствамъ природы. Послѣдній отдѣлъ посвященъ видамъ промышленности и торговли и двумъ главнымъ орудіямъ торговаго оборота — деньгамъ и кредиту. Трудъ г. Суевотина восполняетъ чувствительный пробѣлъ въ нашей педагогической литературѣ и представляетъ вмѣстѣ такой обширный выборъ фактовъ и матеріаловъ, что можетъ служить не только пособіемъ для класснаго употребленія, но и вообще хорошею справочною книгою для каждаго образованнаго человѣка, интересующагося торговыми вопросами.

Турція, ея могущество и распаденіе. Историческіе и военные очерки. (Съ картою турецкихъ завоеваній XIV, XV и XVI столѣтій и планомъ Константинополя). А. Чемерзинъ. Томъ I. Спб. 1878. VII и 349 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

Книга г. Чемерзина вызвана послѣдними событіями. Авторъ не надѣется удовлетворить „взыскательнаго“ читателя, и назначаетъ книгу „не для ученыхъ и не для специалистовъ“, а предлагаетъ ее „благосклонному вниманію нашего русскаго общества“. Слѣдовательно, къ ней и нечего предъявлять особенныхъ требованій. Какъ книга популярная, она можетъ съ пользою послужить читателю невзыскательному, который хотѣлъ бы познакомиться съ турецкой исторіей. Источники, которыми авторъ пользовался, не богаты, — впрочемъ, въ числѣ ихъ названы и нѣсколько сочиненій авторитетныхъ. Но слѣдовало бы позабиться больше и о невзыскательности читателя. Напримѣръ (стр. 336): „Предписанія корана о войнѣ противъ невѣрныхъ изложены въ нижеслѣдующихъ главахъ (сурахъ) и параграфахъ (versets)“ и пр. Читатель долженъ подумать, что „versets“ есть арабское названіе параграфа.

Русская Библиотека. Томъ пятый: Александръ Сергѣевичъ Грибоедовъ. Второе изданіе. Спб. 1878. Стр. 260. Ц. 75 коп., въ пер. 1 р.

Второе изданіе Грибоедова въ „Русской Библиотецѣ“ отличается отъ перваго небольшими вариантами въ текстѣ комедіи „Горе отъ ума“. Въ отношеніи Грибоедова „Русская Библиотека“ сдѣлала исключеніе изъ принятаго ею правила — давать выборъ изъ полного собранія сочиненій автора, и пятый томъ можетъ быть потому названъ самымъ полнымъ собраніемъ всѣхъ сочиненій Грибоедова, такъ какъ въ него вошло многое, разбѣянное по журналамъ, вѣстѣмъ съ различными документами, опубликованными въ позднѣйшее время.

